

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

РОРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

АРТ. МПРЪВЪ
БОР. ГОЛАНДИН
ГОЛОВИНЫ

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ИМ. АДОЛФОВЪ
МЯШИКОВЪ
ШЕРЕМЕТЬЕВЪ
ПРОКОЛОВЪ

ПОСОЛНИКОВЪ
ШАХИРОВЪ
МАКАРОВЪ

ИМПЕРАТОРЬ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ

ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ЮАННОВНА

КАМЕННИКОВЪ
ЛОМОНОСОВЪ
ЯК. ШАХОВЪ

ИМПЕРАТОРЬ
ПЕТРЪ ТРЕТИЙ

В. ВОЛКОВЪ
СУМАРКОВЪ
КОКОРИНОВЪ
БОРТНЯНСКІЙ
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ОЛ. КУТУЗОВЪ

НОВИКОВЪ
ДАШКОВА
ОРЛОВЫ
ПОТЕМИНЪ
РУМЯНЦОВЪ
СВЯТОБОРЪ
БЕЗОРОВА
ЕЗБОРОВА

ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕРЪ
ИЩЕРАТОВЪ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ

СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОЪДОВЪ
ПУШКИНЪ

М. МИЛНИКЪ
КАКОВСКІЙ
БЪЛАНКЪ
ПАСКЕВИЧЪ
ВОРОБЬЕВЪ
ДЕВЯТКИНЪ
ГОЛОВЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1911.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РИС. К. БРОЖЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1911.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLII-й.

ІЮЛЬ.

1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Тяжелые дни Мунденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). II—чъ.	3— 30	VIII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806—1812 г.г.). Сообщ. Е. Каменскій.	123—147
II. Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ. II. П. С.	31— 32	IX. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтинну. Сообщ. А. Чебышевъ.	148—192
III. Монголо - Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г. II. Козлова.	33— 59		
IV. Обиженный край. А. Ф. Риттиха.	61— 87	X. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
V. Одинъ изъ людей Юсифа Съмашно. (Къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи). Адр. Круковскогого.	88—108	а) Стихотвореніе Висковатова. Сообщилъ В. Рудневъ.	60
		б) Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ. (Изъ записокъ Стараго Помѣщика). В. А. Шомпулева.	
VI. Царево сердце. (Разсказъ—быль). С. П. Слестникова.	109—116	XI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 января 1911 г. (на оберткѣ).	
VII. Памяти К. Д. Кондзеровскаго. Д. Валанина.	119—122		

Приложенія: а) Портретъ Александра Николаевича Попова (біографія „Русск. Стар.“ январь 1910 г. кн. I); б) Планъ отступленія отъ Мундена 25 февраля 1905 г.; в) Бурый грифъ, Хара-хото, Знаменитый субурганъ, Глиняныя статуи съ золочеными лицами, Золотая медаль Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1911.

XXII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1911 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 12 по 26 января 1911 г.

Александровъ, А. Политическая и церковная жизнь славянства въ XIX вѣкѣ. (Вступительная лекція въ курсъ Исторіи славянскихъ церквей, читанная въ Казанской духовной академіи 16 сентября 1910 года). Казань. 1911. Изд. Казанск. Дух. Акад. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (15×23). 33 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Варенскъ, Эд. Центръ и Государственные границы Россіи въ XX столѣтніи (Философско-историческій очеркъ). Спб. 1911. Изд. автора. Тип. В. С. Бородина (Гороховая, 12). 8° (19×25). 19 стр. Въсь 7 л. 500 экз.

Бирюковъ, С. И. Историческій очеркъ о селѣ Коробовѣ, населенномъ бѣлопашцами, потомками Ивана Сусанина. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Ниж. Губ. Правленія. 8° (14×21). 16 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Вересаевъ, В. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. М. 1911. Тип. И. Кушнерова и К°. (Пименовская, с. д.) 8° (17×24). 214+1 стр. Скл. кн. скл. тов. О. Н. Подовой (Брюсовскій п., 21). Ц. 1 р. 25 к. Въсь 26 л. 5.000 экз.

Гродзскій, Б. Милій Алексѣевичъ Балакиревъ. Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. Значеніе его въ области развитія русской музыки. Спб. 1911. Изд. Ю. Г. Циммерманъ. Тип. Русская Скоропечатня (Екатеринин. кан., 94). 8° (15×22). 78 стр. Съ 4 рис. Ц. 75 к. Въсь 9 л. 3.000 экз.

Дрихсонъ, А. Историческій обзоръ дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. 1869—1909. XL. М. 1911. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). 261+II стр. Съ рис. Въсь 1 ф. 13 л. 1.000 экз.

Дучинскій, Н. П. Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб. 1911. Изд. Всерос. Национальнаго Клуба (Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×21). 104 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Въсь 9 л. 12.200 экз.

Евстафьевъ, П. В. Древняя русская литература (Допетровскій періодъ). 1-й выпускъ. Устная народная словесность. Спб. 1911. Изд. 14-е, испр. и доп. и тип. М. М. Гутзада (Шпалерная, 26). 8° (18×26). 79 стр. Ц. 50 к. Въсь 9 л. 1.545 экз.

Жизнеописаніе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Θ. Булгакова. № 1-й. Библиотека Л. Н. Толстого. Подъ ред. П. И. Бирюкова. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 48 стр. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Жизнеописаніе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Θ. Булгакова. Библиотека Л. Н. Толстого подъ ред. П. И. Бирюкова. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). (14×21). 48 стр. Ц. 10 к. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ. (Съ портретами). Декабрь. М. 1911. Изд. Аѳонск. русск. Пантелеим. мон. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, соб. д.). 8° (15×23) 1074+II стр. Съ портр. Ц. 3 р. 30 к. Въсь 3 ф. 2 л. 3.000 экз.

Зав—въ, И. С. О Кожеозерскомъ монастырѣ. (Извлеченіе изъ „Архангельскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1910, № 17) Архангельскъ. 1910. Тип. В. Черепанова 8° (15×24) 2 стр. Въсь 1 л. 5.000 экз.

Зубаревъ, И. И. Прошлое и настоящее русскихъ архивовъ. (Краткій историческій очеркъ). (Отд. отд. изъ Сборника статей по архивовѣдѣнію. Т. I, ч. I). Спб. 1911. Изд. кн. склада „Наука и Жизнь“ (Дудергофъ, церковный домъ). Тип. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8° (18×26), 47 стр. Ц. 40 к. Въсь 7 л. 1.000 экз.

Ивановъ, Ив., проф. Гоголь. I. Гоголь въ юности. II. Гоголь и его призваніе. III. Гоголь чловѣкъ и писатель. Нѣжинъ. 1911. Изд. 2-е. Тип. Насл. В. К. Мелеинскаго. 8° (16×21). 124 стр. Ц. 50 к. Въсь 11 л. 300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Прибавленіе къ вып. 37 (Хроника и библиографія вып. 18). Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40) 8° (20×29). 253 стр. Въсь 1 ф. 28 л. 900 экз.

Ильинъ, Александръ. Исторія города Ростова на Дону. Ростовъ н/Д. 1910. Тип. С. Я. Авакова (Нахичевань н/Д). 8° (17×24). 146 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 22 л. 600 экз.

Кандаратскій, М. Ф., проф. Наброски изъ временъ сѣдой старины гор. Казани. 1910. Тип. Окр. Штаба. 8° (15×24). 51 стр. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли Д. Г. Смолина-Степанова. № 51. Новая пріобрѣтенія. (Смѣсь). Саратовъ. 1910. Тип. Аметистъ. 8° (15×21). 26 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли П. Шибанова. № 158. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 32 стр. Въсь 2 л. 1.825 экз.

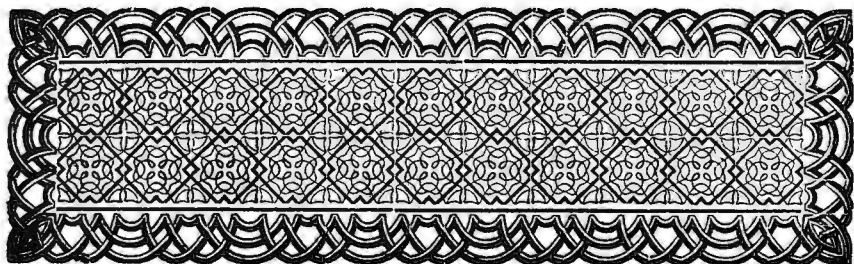
Каталогъ Архитектурно-Художественной Выставки, устроенной подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны, обществомъ Архитекторовъ-Художниковъ въ залахъ Императорской Академіи Художествъ одновременно съ IV Съѣздомъ Русскихъ Зодчихъ Спб. 1911. Тип. „Сиріусъ“ (Соляной, 7). 16° (12×19). 21+6 стр. Ц. 30 к. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Каталогъ Строительно-Художественной Выставки, устроенной подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны Обществомъ Архитекторовъ-Художниковъ, одновременно съ IV Съѣздомъ Русскихъ Зодчихъ. Соляной городокъ. Спб. 1911. Тип. „Сиріусъ“ (Спб. Соляной пер., 7). 16° (12×19). 20 стр. Ц. 30 к. Въсь 21 л. 1.200 экз.

Кичеевъ, А. А. Слово о полку Игоревѣ. Литературный переводъ. Тверь. 1911. Тип. Н. М. Родионова. 16° (12×16). 34 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Александр Николаевич
Поповъ

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

(Воспоминанія запаснаго).

(Окончаніе).

Настала ночь,—непріятная и полная томительнаго ожиданія могущаго повториться внезапнаго штурма. Впередь были высланы секреты, и самымъ непріятнымъ для нихъ мѣстомъ были заваленныя трупами могилки. Люди говорили, что жутко было находиться среди этихъ грудъ мертвецовъ. Нѣкоторые не могли выдержать и галюцинировали, увѣряя, что видѣли, какъ шевелились мертвецы. Впереди то и дѣло раздавались отчаянные и полные ужаса вопли брошенныхъ на полѣ японскихъ раненыхъ: Аб-а-а-ай,—аб-а-а-ай, кричали эти несчастные гдѣ-то далеко въ темнотѣ, зова вѣроятно санитаровъ къ себѣ на помощь, но никто къ нимъ не шелъ, и они вѣроятно умерли, не получивъ ни отъ кого помощи, ни утѣшенія въ свой ужасный смертный часъ! Быть можетъ песь-людоедъ подходилъ къ такому несчастному и терпѣливо ждалъ,—когда можно будетъ приступить къ своему ужасному ужину. Сколько невыразимыхъ ужасовъ несетъ за собой этотъ бичъ, который называется войной.

Удивительно то, почему японцы, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ насъ и, конечно, слыша эти раздирающіе вопли о помощи, все же не постарались подать таковой своимъ же братьямъ. Какъ помирить это съ тою заботливостью о солдатѣ, которая говорить сама за себя въ японской арміи, гдѣ солдату представлено

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1910 г.

все то, что только можно дать ему въ трудной обстановкѣ походной жизни. И на-ряду съ этимъ — такое индифферентное отношеніе къ тѣмъ, которые пожертвовали уже собой для родины. Думаю, что въ данномъ случаѣ было исключеніе изъ общаго правила въ силу какого-то страннаго недоразумѣнія. Ночь прошла безъ тревогъ, хотя люди стояли все время съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣкоторые не могли побороть дремоты и, положивъ голову на брустверь, похрапывали; но все же большинство бодрствовало, относясь къ этому вполне сознательно.

Изъ секретовъ доносили, что японцы спѣшно все время передвигались на сѣверъ, идя туда огромными силами. Видно было, какъ они освѣщали себѣ путь фонариками, и слышно было, какъ громы-хали въ темнотѣ ихъ орудія и обозы. Очевидно они продолжали выполнять задуманный ими грандіозный обходъ нашего праваго фланга, а тѣ бѣшенныя атаки, которыя они вели на Янсытунъ и другіе смежныя съ нимъ пункты, были произведены только для того, чтобы приковать насъ къ мѣсту и не дать возможности противо-дѣйствовать ихъ обходу. Удивительная настойчивость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли,—настойчивость, которая не допускаетъ веденія учета затраченныхъ на достиженіе цѣли жертвъ; но на войнѣ такъ и надлежитъ поступать, и тѣ доблестныя полки, которые почти поголовно полегли подъ Янсытунемъ, Фогантунемъ и другими пунктами, конечно заранѣе были облечены на вѣрную гибель, ради общей пользы. Идя съ беззавѣтной храбростью въ атаку, они, быть можетъ, и знали про ту святую миссію, которая была на нихъ возложена, и они шли на вѣрную смерть и умирали съ полнымъ сознаниемъ необходимости умереть,—умирали, быть можетъ, съ радостью за свою безумно любимую ими родину.

Утромъ въ Нингуантунѣ замѣтно было нѣкоторое оживленіе. Ясно было видно, какъ японцы усиленно работали, стараясь поспѣшно возвести окопы между фанзами деревни. Надо думать, что передъ нашимъ фронтомъ у нихъ осталось ничтожное количество войскъ, такъ какъ все, что можно было двинуть въ обходъ, они двинули, и вотъ теперь эти оставшіяся части должны были на случай нашего перехода въ наступленіе сдержать насъ во что бы то ни стало, иначе если бы намъ удалось прорвать ихъ, — вся армія, которая пошла въ походъ, очутилась бы зажатою въ тискахъ, а это было почти безвыходное положеніе. Очевидно японцы шли что называется „ва банкъ“ и шли настойчиво и рѣшительно и вотъ для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь увеличить шансы своей ставки, они теперь и работали надъ возведеніемъ окоповъ.

Въ то же время около Нингуантуня стояло огромное облако

пыли, поднятое вѣроятно колонной войскъ, продолжавшей уходить на сѣверъ. Это, вѣроятно, были уже послѣднія изъ тѣхъ частей, которыя были посланы въ обходъ. Но и здѣсь непріятель не могъ не хитрить: отлично понимая, что громадное облако пыли не можетъ остаться нами незамѣченнымъ и все же желая во что бы то ни стало скрыть свои намѣренія, они прибѣгли къ слѣдующему: одиночные люди, отдѣлившись отъ общей колонны и взойдя нарочно на бугорки съ тѣмъ, чтобы ихъ было ясно видно, двигались въ южномъ направленіи т. е. очевидно въ сторону, противоположную общему движенію. Потомъ эти люди скрывались за бугорками и догоняли свои роты. Цѣль достигалась, и иллюзія получалась полная, но и мы были не дѣти и, воздавъ должное своему противнику за его изобрѣтательность, все же ему не повѣрили. Артиллерія наша почему-то молчала, хотя она отлично могла бы обстрѣлять это огромное и густое облако пыли, которое скрывало въ своей средѣ не одну тысячу спѣшно стремящихся на сѣверъ солдатъ; могла бы она и по Нингуантуню пострѣлять, дабы помѣшать сапернымъ работамъ непріятеля, но и этого она не сдѣлала, вѣроятно потому, что нужно было экономить снаряды.

У насъ упорно ходили слухи о переходѣ въ наступленіе; въ нашей дивизіи были даже распредѣлены для этого полки, и каждому назначена задача. Ожидали только подхода колоннъ генерала Гернгросса, но онѣ почему-то не появлялись, и всѣ говорили, что произошла какая-то заминка. А между тѣмъ войскъ у насъ собралось множество, и вотъ уже теперь не могу съ точностью припомнить, но кажется, утромъ 23 февраля изъ редута отлично было видно, какъ со стороны Мукдена къ мѣсту расположенія нашихъ резервовъ—къ деревнѣ Таану спѣшно двигались колонны нашихъ войскъ. Онѣ шли въ облакахъ пыли и въ разжиженномъ строю, такъ какъ непріятель сильно обстрѣливалъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ, но они, не обращая на это вниманія, все шли и шли безконечной массой. Солдаты, глядя на эту подмогу радовались, говоря, что теперь такая сила сюда поднаперла, что японцы ни въ жисть не устоятъ, и что мы безпремѣнно его задавимъ, коли пойдемъ впередъ. Но ничего этого не осуществилось и впередъ мы не пошли; японецъ же стоялъ себѣ да стоялъ, конечно не бездѣйствуя, а стараясь пополнить все то, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли.

Удивительная нерѣшительность была проявлена нами въ данномъ случаѣ. Конечно, не хочу и не могу пускаться въ критику, потому что слишкомъ мало освѣдомленъ съ общимъ положеніемъ дѣла, но съ точки зрѣнія грамотнаго и оцѣнивающаго обстановку солдата, дѣйствія наши являются совершенно непонятными.

Трудно понять вотъ что: фактъ, что японцы предприняли обходъ нашего праваго фланга, сталъ намъ извѣстенъ еще съ первыхъ дней Мукденскаго боя; то что они неустанно къ этому стремились во весь періодъ этого безпримѣрнаго въ исторіи боя—тоже было вѣсѣмъ извѣстно, и наконецъ здѣсь въ Янсытунѣ мы видѣли, что они все тянутъ и тянутъ свои войска на сѣверъ, а слѣдовательно неминуемо ослабляютъ и ослабляютъ свой фронтъ. Выводъ отсюда ясенъ: надо бить туда, гдѣ слабо, чтобы скорѣе пробить брешь; разъ же это удалось бы—какая огромная польза получилась бы для общаго дѣла, и какой бы смертельный ударъ былъ бы нанесенъ японской арміи, значительная часть которой очутилась бы въ критическомъ положеніи и при условіи удачи нашего удара, вѣ всякаго сомнѣнія,—либо вся погибла бы, либо положила бы оружіе, и кампанія такимъ образомъ была бы окончена нами побѣдоносно. Но на все это нужно было рѣшиться, но мы въ теченіе всей войны только то и дѣлали, что не рѣшались и теперь продолжали проявлять это отрицательное качество въ полной мѣрѣ.

Непонятнымъ является и тотъ фактъ,—почему не шла впередъ вся первая армія. Нельзя было не знать, что силы непріятеля передъ фронтомъ этой арміи значительно ослаблены, потому что и отсюда японцы оттянули часть войскъ въ свою грандіозную обходную колонну, но первая армія, кажется, тоже была прикована къ мѣсту и никакой активной дѣятельности не проявляла.

Конечно, еще разъ повторяю, что совсѣмъ не намѣренъ критиковать всѣ эти событія, но не удивляться имъ нельзя, хотя навѣрно были какія-нибудь причины, вызывавшія всю эту невыгодную для насъ серію дѣйствій и поступковъ, приведшихъ насъ въ концѣ концовъ почти къ катастрофѣ.

Цѣлый день 24 февраля мы провели въ полномъ бездѣйствіи, изрѣдка только перестрѣливаясь съ непріателемъ и получая отъ него неожиданные гостинцы въ видѣ шестидюймовыхъ бомбъ и прочихъ снарядовъ. Отъ нечего дѣлать многіе ходили по полю, усѣянному трупами, и разглядывали мертвецовъ.

Все это были почти юноши, — безусые и безбородые; мѣстами трупы были навалены другъ на друга въ видѣ груды: какъ шли, такъ и валились съ тѣмъ, чтобы уже никогда не подняться; нѣкоторые лежали на спинахъ, съ положенными на груди кучками сухарей; это были тяжело раненные, которыхъ нельзя было уже взять—до того они были искалѣчены; сухари же, которые лежали на груди у этихъ несчастныхъ, были положены рукою нашего сердобольнаго солдата, который умѣетъ жалѣть своего бывшего врага, разъ только онъ пересталъ быть таковымъ. Солдаты, расха-

живая между поверженными японцами, видѣли такихъ раненыхъ, которые чуть только были живы, и вотъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ, клали имъ на грудь свои сухари: если, молъ, „очухается“, да ѣсть захочетъ, такъ было бы что поѣсть. Но эти люди такъ и не очухались и лежали теперь закоченѣвъ въ вѣчномъ покоѣ и, конечно, не помышляя уже о томъ насущномъ хлѣбѣ, который былъ имъ данъ любящею рукою передъ переходомъ въ вѣчность.

Вечеромъ 24 было тихо. О колоннѣ генерала Гернгросса, на которую всѣ уповали, ничего не было слышно; да теперь какъ-то мало и говорили про эту колонну, потому что сознавали, что произошла какая-то заминка въ выполненіи плана, и всѣ какъ-то инстинктивно сознавали, что у насъ творится что-то такое странное и что въ недалекомъ будущемъ намъ прійдется пережить грандіозную катастрофу.

Сердце человѣческое никогда не ошибается, и если на него находится какая-то безысходная тоска, причины которой никакъ не можетъ разгадать умъ, то всегда нужно вѣрить сердцу, такъ какъ оно способно предугадывать событія.

Такъ было и теперь. Помню, что почти всѣ мы испытывали приступы какой-то безысходной и ужасной тоски, чувствовали, что надъ нашей арміей виситъ что-то недоброе — зловѣщее, чего такъ хотѣлось избѣжать и чего нельзя было избѣжать, будучи составною частицей этой арміи; а она должна была теперь за свои грѣхи и чужіе принести собою искупительную жертву. Тяжело, очень тяжело было подъ гнетомъ этихъ мрачныхъ предчувствій и не дай Богъ кому-либо пережить все то, что мы пережили какъ въ эту роковую ночь, такъ равно и въ теченіе всего слѣдующаго дня.

Часа въ два ночи съ 24 на 25 февраля принесли записку отъ начальника дивизіи. Этотъ маленькій лоскутокъ бумаги содержалъ въ себѣ роковое извѣстіе о томъ, что мы должны какъ можно тише и осторожнѣе отступать къ Мукдену. Насъ оповѣщали о томъ, что полкъ нашъ будетъ смѣненъ въ редутѣ баталіономъ другого полка и тогда, по сдачѣ редута, мы должны будемъ отходить на Мукденъ, гдѣ и получимъ дальнѣйшія указанія.

Это извѣстіе повергло всѣхъ въ еще большее уныніе. Опять это невыносимое отступленіе и, конечно, подъ напоромъ непріятеля, опять неминуемый безпорядокъ, неизбѣжный страхъ и всѣ эти несносные часы, которые приходится выносить всякой отступающей части. Да будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который рѣшено было вести эту войну на отступательныхъ маршахъ.

Только часовъ около 4 ночи прибылъ къ намъ баталіонъ дру-

того полка, и роты одна за другой вводились въ редутъ и приспособлялись на новыхъ мѣстахъ.

Процедура смѣны войскъ происходила слишкомъ медленно: ночь была темная, а пришедшая на смѣну часть совершенно не была ознакомлена съ нашимъ редутомъ, не зная гдѣ и какой глубины вырыты рвы, гдѣ устроены ступеньки, траверзы и т. п.

Неуклюжіе, закутанные въ башлыки, съ туго натянутыми на полушубки шинелями и съ огромными, набитыми разнымъ ненужнымъ хламомъ мѣшками, солдаты пришедшаго баталіона производили впечатлѣніе какихъ-то неуклюжихъ и косопалыхъ мужиковъ; они ощупью спускались въ ровъ редута, сошлись, кричѣли, спотыкались, падали и все шли и шли безконечной вереницей, и казалось, что скоро въ редутъ не будетъ уже и мѣста: такъ они его заполнили своими громоздкими фигурами.

Смѣна производилась по-ротно, и когда прибывающая рота вся вытягивалась въ редутъ, то она становилась въ линію на днѣ рва на протяженіи ротнаго участка; наши люди въ это время стояли на ступенькахъ; потомъ по командѣ наши поварачивались направо или налево и начали гуськомъ выходить изъ редута, а пришедшіе постепенно занимали ихъ мѣста. Потомъ такимъ же образомъ продвѣлялось съ другой ротой и т. д.—пока не смѣнились всѣ. Послѣ этого смѣнились секреты.

Роты, по выходѣ изъ редута, отправлялись въ деревню на сборный пунктъ, гдѣ и ждали, пока соберется сюда весь полкъ.

Японцы къ счастью насъ не тревожили, и смѣна произошла вполне благополучно, хотя было жутко въ то время, когда въ редутъ случилось слишкомъ большое скопленіе людей и когда отъ тѣсноты невозможно было проникнуть въ ту или иную часть. Если бы въ это время вдругъ разгорѣлась бы ружейная перестрѣлка, или еще хуже — началась бы артиллерійская канонада, то результаты могли бы быть очень плачевные. Хуже нѣтъ, когда опасность застаётъ людей собранныхъ въ беспорядочную густую толпу, которая всегда очень быстро поддается вліянію ужаса и дѣлается обыкновенно жертвою паники. Помню за все время смѣны раздался только одиночный японскій выстрѣлъ, и пуля пролетѣла надъ редутомъ. Всѣ замерли, думая что вотъ-вотъ начнется огонь, а за нимъ быть можетъ и штурмъ, но прошла минута томительнаго ожиданія, и по-прежнему все было тихо кругомъ.

Вѣроятно въ началѣ пятаго часа полкъ нашъ тронулся изъ Янсытуня и потянулся по Мукденской дорогѣ, идя по утреннему холодку къ городу.

Востокъ уже свѣтился, и мы быстро шагали по гладкой укатан-

ной дорогѣ, стараясь какъ можно скорѣе выйти изъ сферы артиллерійскаго огня. Каждому было очень хорошо извѣстно, что непріятель могъ бросать свои бомбы и шимозы версты на четыре на пять за Янсытунь, и намъ нужно было во что бы-то ни стало до наступленія свѣта пройти эти пять верстѣ, дабы не подвергнуться напрасному разстрѣливанію. Къ счастью намъ это удалось сдѣлать и, отмахавъ верстѣ восемь, мы къ разсвѣту подошли къ какой-то деревушкѣ, гдѣ нагнали нѣкоторые полки нашей же дивизіи, прибывшей сюда раньше насъ.

Здѣсь мы узнали, что впереди насъ ждетъ полная неопредѣленность. Одни говорили, что отходимъ только до Мукдена, гдѣ будто бы рѣшено принять жестокой бой; другіе увѣряли, что войска уже почти всѣ прошли черезъ городъ и уже отходятъ къ Тѣлину, и что мы только одни остались въ тылу, дабы сдержатъ напоръ противника. Говорили, что Мукденъ весь горитъ, и всѣ бывшіе тамъ склады и лазареты уже подожжены нами. И дѣйствительно мы видѣли, что этотъ огромный городъ весь закутанъ непроницаемыми облаками дыма. Говорили также, что дорога отъ Мукдена на Тѣлинь сплошь запружена какими-то обозами и парками, и что нѣтъ возможности двинуться дальше ни на шагъ; а японцы вотъ-вотъ перехватятъ всю эту массу обозовъ и перерѣжутъ намъ путь. Не хотѣлось этому вѣрить, но зловѣщія облака дыма, повисшія мрачно надъ городомъ, да грохотъ усиленной канонады со стороны сѣверо-запада — то есть какъ разъ на пути нашего отступленія говорили, что носящіеся слухи имѣютъ основаніе.

Сердце щемило отъ боли, и на глазахъ выступали горькія слезы. Что дѣлаютъ.—Боже Ты мой, говорили грустно солдаты. Ишь сколько добра зря пожгутъ. Ну и война, сколько японца наколотили, а все отходи отъ него проклятаго.

Люди были озлоблены, понявъ что ихъ дѣло не оцѣнено начальствомъ, что ихъ храбрость и самоотверженіе прошли какъ-то мимо глазъ, и вотъ теперь снова приходится испытывать и переживать мучительные и томительные часы отступленій — невыносимыхъ и тягостныхъ.

Мы подошли, наконецъ, къ городу и тутъ остановились у полотна желѣзной дороги. Правѣ насъ медленно тянулася какаѣ-то артиллерія, за нею шла пѣхота, потомъ опять артиллерія, и все это ползло медленно, безпрестанно останавливаясь и постепенно исчезая въ дыму огромнаго пожараща, которое пировало теперь въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Очевидно, насъ остановили затѣмъ, чтобы пропустить эту безконечную и медленно ползущую кншку, которая невѣдомо откуда

тянулась и куда втягивалась. Спасибо храброму и незабвенному генералу Церницкому. За послѣднее время мы были въ составѣ его отряда, и теперь онъ былъ тутъ же съ нами. Пропуская мимо себя полки, онъ благодарилъ насъ за нашу стойкость, говорилъ, что любовался ею и самъ кричалъ въ нашу честь громкое ура. Мы отвѣчали молодцу генералу тѣмъ же крикомъ, и это поддержало насъ и заставило сердце биться надеждою на что-то лучшее и свѣтлое.

Наконецъ идущая правѣе насъ колонна прошла и намъ было приказано двигаться. Нашъ полкъ былъ оставленъ въ самомъ хвостѣ колонны, и долго еще мы стояли на мѣстѣ, дожидаясь своей очереди, а на сѣверо-западѣ все сильнѣе и сильнѣе разгорался бой. Гдѣ-то вправо безпрестанно рвались снаряды. Сначала думали, что это начали уже падать непріятельскія шимозы, но потомъ убѣдились въ томъ, что это горятъ наши склады и въ пламени взлетаютъ на воздухъ ящики со снарядами. Съ этой же стороны слышался непрерывный трескъ рвущихся въ огнѣ патроновъ.

Японцы съ тыла насъ пока не тревожили.

Наконецъ мы тронулись. Помню передъ началомъ движенія кто-то мнѣ передалъ два письма. Одно оказалось съ далекой родины. Я наскоро пробѣжалъ это дорогое письмо, и еще печальнѣе стало на душѣ. Тамъ они знаютъ уже про наше невыносимо тяжелое положеніе, чувствуютъ, что у насъ тутъ творится что-то невозможное, безобразное и безпримѣрное. Они тамъ — въ далекой глуши заброшенной въ лѣсахъ деревеньки, мучаются за насъ и со слезами молятъ Бога, чтобы Онъ помогъ бы намъ выполнить до конца свой долгъ и отстоять честь своей земли въ этой трудной борьбѣ. Дорогие и милые люди, да развѣ мы не выносимъ возложеннаго на насъ бремени, развѣ не стойко мы дрались все время съ нашимъ доблестнымъ противникомъ, но чѣмъ же мы виноваты, что вотъ и теперь дѣлаемъ все то же, что дѣлали раньше: отходимъ, отступаемъ поспѣшно, какъ бы бѣжимъ и не будучи въ состояніи захватить съ собою тѣ несмѣтные запасы, которыхъ тутъ сложено на милліоны и десятки милліоновъ рублей, мы ихъ жжемъ самымъ безжалостнымъ образомъ, и этотъ смрадный дымъ застилаетъ теперь собою весь горизонтъ и тянется къ небу огромными тяжелыми и мрачными тучами. Молитесь за насъ всѣ, у кого въ груди еще осталась жалость къ намъ; да поможетъ намъ Господь принести собою искупительную жертву за свои и чужіе грѣхи. Помню, я разорвалъ письмо на мелкіе кусочки, и они разлетѣлись по вѣтру.

Другое было отъ товарища изъ Никольска Уссурійскаго. Пишетъ, что живутъ совершенно на мирномъ положеніи, скучаютъ и бездѣлничаютъ. Невольно на минуту переносишься и туда мыслью

и съ трудомъ представляешь себѣ картину мирнаго положенія. Здѣсь такъ привыкаешь ко всѣмъ этимъ трупамъ, пушкамъ, крови и снарядамъ, что какъ-то даже перестаешь вѣрить въ то, что есть гдѣ-то такія мѣста, гдѣ люди живутъ безъ всего этого. И это письмо также разорвано въ клочки и брошено по вѣтру.

„Шагомъ маршъ“, слышится команда, и мы начинаемъ движеніе, идя въ хвостѣ безконечной колонны. Вотъ желѣзно-дорожная насыпь; она высока и что дѣлается по ту ея сторону—намъ пока не видно. Мы подходимъ къ насыпи, поднимаемся на нее, и картина огромнаго пожарища предстаетъ передъ нами. Въ дали какой-то туманъ, который закуталъ собою весь городъ. Онъ прятался отъ насъ тогда, когда мы, окрыленные надеждою на успѣхъ, подъѣзжали къ нему на поѣздѣ; вотъ и теперь мы послѣ кровавыхъ боевъ, послѣ всего пережитаго тяжелаго и грустнаго снова подходимъ усталые и нервно разбитые къ этому древнему таинственному сфинксу, и онъ снова, какъ бы, не желая, чтобы мы его видѣли, закуталъ себя непроницаемой пеленой. Тогда было такое же тихое и свѣтлое утро и надъ городомъ висѣла неподвижная дымная пелена, и теперь та же пелена, но она не неподвижна; она вся въ движеніи, поднимаясь къ синему небу огромными столбами и клубами, и эти клубы ползутъ въ морозномъ утреннемъ воздухѣ и медленно расходятся въ вышинѣ въ огромное и тяжелое облако, а съ низу поднимаются все новые и новые столбы и кажется, что вся земля загорѣлась и что нѣтъ прохода черезъ это могучее пожарище:—но войска все идутъ и идутъ и, напирая другъ на друга, исчезаютъ среди могучихъ столбовъ пламени и дыма.

Мы проходимъ черезъ желѣзнодорожную насыпь и, пройдя съ полверсты отъ послѣдней, вступаемъ въ сферу пожарища. Вотъ тѣ самые бараки-землянки, въ которыхъ мы ночевали, придя въ Мукденъ послѣ того, какъ разгрузились съ поѣзда; они не горятъ, а тлѣютъ, испуская густые клубы дыма. Вотъ госпитали, частью уже брошенные, частью еще занятые, гдѣ тогда—въ ночь нашего прихода—было такъ чисто и уютно. Теперь тутъ полный хаосъ: нѣкоторыя постройки уже горятъ такимъ сильнымъ пламенемъ, что становится жарко,—тѣ же, которыя еще не объаты пламенемъ, терпѣливо ждутъ своей печальной участи. Вотъ при насъ загорается какой-то небольшой баракъ, и густое темно-фіолетовое облако дыма сгущаетъ собою и безъ того мрачныя краски. Это, вѣроятно, загорѣлись медикаменты.

Больные, которые могутъ ходить, выскакиваютъ изъ бараковъ и въ ужасѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Къ нашему полку присоединяется какая-то высокая и худая фигура, съ блѣднымъ

лицомъ и съ лихорадочно-горящими безумными глазами. Фигура одѣта въ халатъ, а на головѣ у нея—не то повязка, не то колпакъ. Это оказался сумасшедшій солдатъ. Онъ становится въ ряды нашего полка и маршируетъ вмѣстѣ съ нашими солдатами, какъ-то дико припрыгивая и временами издавая какіе-то вопли. Нѣсколько сестеръ милосердія безпомощно стоятъ, не зная, что имъ дѣлать. Ихъ бросаютъ въ Мукденъ, потому что не успѣли вывезти изъ него всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Онѣ тоскливо ждуть своей участи и просятъ у насъ хоть немного хлѣба, потому что больнымъ нечего ѣсть.

Вотъ около огромнаго длиннаго шатра стоитъ мрачная и по-нурая фигура пожилого монаха. „Вотъ, говоритъ онъ: не знаю, что я съ ними буду дѣлать“—и онъ отдергиваетъ полотно, закрывающее входъ въ шатеръ, и мы убѣждаемся, что онъ чуть ли не биткомъ набить мертвецами. Дѣйствительно, положеніе этого монаха незавидное, но рѣшилъ выполнить свой истинно-христіанскій долгъ и не бросать этихъ, отшедшихъ въ вѣчность, воиновъ, надѣясь все же всѣхъ ихъ предать землѣ и вознести въ послѣднюю минуту свою молитву о душахъ этихъ мучениковъ.

Мы все идемъ и идемъ, и все никакъ не можемъ выбраться изъ этого пламени, дыма и смрада.

Вотъ огромные интендантскіе бунты. Чего тутъ только нѣтъ: лежать цѣлыя кучи мороженыхъ тушъ мяса, огромныя горы ящиковъ съ консервами, жмыхи, сложенные въ гигантскіе скирды, громадныя запасы сухарей, мѣшки, вѣроятно, съ крупой и съ овсомъ;—все заготовлено въ изобилии и все это брошено и будетъ или расхищено жителями, взято японцами, или же, попросту—сожжено. Уже и теперь видно, какъ къ этимъ складамъ цѣлой вереницей спѣшатъ китайцы, и какъ они бѣгутъ оттуда, унося на своихъ бамбуковыхъ коромыслахъ тяжелые мѣшки. Они торопятся, боясь, что вотъ-вотъ придутъ сюда японцы, и тогда имъ конечно нельзя будетъ поживиться чужимъ добромъ, потому что японцы—народъ строгій и любящій порядокъ.

Мы доходимъ до какой-то огромной старинной пагоды и на площади застаемъ цѣлый полкъ. Люди сидятъ на землѣ и заняты переобуваніемъ. По дорогѣ имъ гдѣ-то удалось раздобыться новою обувью, и теперь они бросаютъ тутъ же свои старые и рваные валенки, а вмѣсто нихъ надѣваютъ новую обувь. Черезъ нѣсколько минутъ полкъ уходитъ, и вся площадь оказывается усыпанной рваною солдатскою обувью.

Хорошо хоть то, что своимъ досталась эта обувь.

Далѣе цѣлыя вереницы солдатъ лежатъ въ разныхъ позахъ

около дороги. Вы думаете, что они повалились отъ переутомленія,— нѣтъ, если вы къ нимъ подойдете, то убѣдитесь, что всѣ они мертвецки пьяны; напились они, благодаря, во-первыхъ, собственной распущенности, а также и потому, что кто-то не догадался во-время припрятать запасы спирта отъ проходящихъ войскъ. Говорили потомъ, что разныя тыловыя части и вообще всякая нестроевщина набросились на бочки со спиртомъ и, разбивъ ихъ, напились до безчувственнаго состоянія и повалились на землю для того, чтобы проснуться въ плѣну у японцевъ, или же совсѣмъ не проснуться подъ непріятельскимъ штыкомъ.

Говорили, что такихъ пьяницъ попалось въ плѣнъ нѣсколько тысячъ, и что японцы многихъ изъ нихъ прикончили, а къ тѣмъ, которые остались живы, относились съ великимъ презрѣніемъ. Да и было за что.

Наши солдаты, проходя мимо всего этого, съ негодованіемъ плевали, говоря:— „Бога у людей нѣтъ, чтобъ въ такое время пьянымъ напиваться“.

Много тяжелыхъ и грустныхъ картинъ пришлось увидѣть намъ на этомъ по-истинѣ скорбномъ пути, но все же самое-то главное и самое тяжелое ожидало насъ впереди.

Наконецъ, послѣ долгихъ остановокъ и задержекъ, послѣ невѣроятной путаницы и толкотни при прохожденіи узкихъ мѣстъ, намъ удалось выбраться изъ сферы пожарищъ.

Видна необыкновенно красивая, въ чисто китайскомъ стилѣ, арка, граничащая собою предѣлы города. Она великолѣпна—эта художественно составленная изъ отдѣльныхъ кусковъ дерева арка; вся она окрашена въ самые разнообразныя цвѣта, а ея гигантская крыша, съ загнутыми краями такъ изящно и легко покоится на тонкихъ столбахъ. Сколько чисто восточнаго вкуса проявилъ строитель этой арки въ своемъ произведеніи! Но намъ нѣтъ времени любоваться ею, и мы проходимъ мимо, бросивъ мимолетный взглядъ и оцѣнивъ всю красоту и изящество этой постройки.

Потомъ мы подходимъ къ какому-то каменному мосту, переброшенному черезъ неширокую канаву, и здѣсь останавливаемся, потому что впереди образовалась пробка изъ какихъ-то обозовъ, двуколокъ и ящиковъ, которые столпились около моста и никакъ не могутъ распутаться. Стоимъ здѣсь съ полчаса и затѣмъ трогаемся далѣе.

Впереди часто гроыхаютъ орудійныя выстрѣлы, позади же насъ все пока спокойно.

Намъ кажется, что позади насъ уже нѣтъ нашихъ войскъ, потому что все, что было, то прошло длинной вереницей мимо насъ

еще тогда, когда мы стояли близъ желѣзнодорожнаго полотна. И эта полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается позади, волнуетъ людей. Они думаютъ, что вотъ-вотъ по пятамъ за ними идутъ японцы, идутъ спѣшно съ желаніемъ настигнуть хвостъ нашей колонны и начать насъ разстрѣливать чуть-ли не въ упоръ, пользуясь множественностью закрытій, а также и тѣмъ, что все время намъ приходится двигаться въ густой колоннѣ и нѣтъ возможности развернуться въ боевой порядокъ.

При такихъ условіяхъ, рота отважныхъ смѣльчаковъ можетъ надѣлать чудесъ: вообразите, что въ силу закупорки пути, приходится ждать, стоя на мѣстѣ, пока не освободится проходъ—и въ это время вдругъ сзади загрохотала бы перестрѣлка; пули роемъ несутся въ густую массу людей, очень легко отыскивая свои жертвы. Люди начинаютъ валиться одинъ за другимъ, но непріятель невидимъ: онъ стрѣляетъ бездымнымъ порохомъ и предварительно постарался себя хорошо укрыть. Начинается смятеніе; люди сознаютъ, что укрыться отъ огня некуда и что приходится гибнуть даромъ.

Ожиданіе подобной катастрофы и составляетъ собою весь ужасъ и весь трагизмъ во время отступленія. Вы сознаете, что все это вполне возможно и допустимо и что если, не дай Богъ, оно совершится, то возможна катастрофа, и это-то больше всего и нервнуетъ васъ, заставляя все время учащенно биться ваше сердце и нервно прислушиваться къ тому, что слышно позади. Не дай Богъ кому-либо переживать что-нибудь подобное въ жизни.

Мы переходимъ, наконецъ, черезъ каменный мостъ, поворачиваемъ затѣмъ влѣво и идемъ около какихъ-то богатыхъ и большихъ фанзъ и такъ доходимъ до окраины города. Здѣсь дорога пролегаетъ у подножія высокой городской стѣны, которая вся усыяна глазбющими на насъ китайцами; здѣсь десятки тысячъ: всѣ они смотрятъ на насъ, нагло смѣются надъ нашей неудачей, но большинство держитъ себя корректно. Мы же проходимъ передъ этой многотысячной толпой, чувствуя невольное униженіе передъ нею.

Мы продолжаемъ нашъ путь среди безчисленныхъ могильныхъ холмовъ, тѣхъ самыхъ, которые мы видѣли съ поѣзда, подѣзжая къ Мукдену.

Вдали снова видно полотно желѣзной дороги, и теперь мы идемъ прямо на него, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать по грунтовому пути, проложенному по обѣимъ сторонамъ полотна.

А впереди все бухаютъ и бухаютъ пушки. Тамъ идетъ жестокой бой и кажется страннымъ—какъ онъ могъ разгорѣться на пути нашего отступленія. Неужели непріятель уже перерѣзалъ намъ

дорогу?... Мы знаемъ, что на востокъ отъ насъ наша первая армія, — не можетъ же она отойти раньше насъ и допустить японцевъ стать на нашемъ пути. Это невозможно, — тутъ что-нибудь другое, но червь сомнѣнія уже закрадывается въ душу.

Доходимъ до полотна и здѣсь почему-то приказано остановиться: — вѣроятно опять кого-нибудь пропускаемъ впередъ. Люди грузно валятся на землю и нѣкоторые быстро засыпаютъ, пригрѣтые полдневнымъ февральскимъ солнцемъ, У меня начинаютъ слипаться глаза и подъ звуки канонады начинаешь сладко дремать. Выстрѣлы слышны все глуше и глуше и вскорѣ ихъ перестаетъ совсѣмъ слышать и постепенно переносишься въ міръ грезъ и фантазій.

„Встать—шагомъ маршъ!“—раздается гдѣ-то команда.

Нервно вскакиваешь, хватаешь въ руки винтовку и начинаешь шагать по пыльной дорогѣ... И вдругъ съ правой стороны—съ востока слышится въ воздухѣ знакомый и непріятный шелестъ, потомъ что-то мощно ударяетъ въ землю, видно облако бурога дыма, — слышится громкій трескъ и визгъ.

Началось — мелькаетъ въ головѣ мысль. Апатіи и усталости какъ не бывало и весь обращаешься въ слухъ и вниманіе.

А непріятель не медлил: онъ энергично началъ забрасывать насъ снарядами. Въ воздухѣ—непрерывный визгъ осколковъ шимозъ, разрывы шрапнелей, вой пуль—и все это летитъ въ густую массу людей, которые не ожидали столь внезапнаго и ужаснаго сюрприза. Убитые и раненые валятся безпрестанно.

Полкъ нашъ спѣшно перестраивается въ линію ротъ и беретъ направленіе на впереди лежащую деревню.

Мы проходимъ мимо какого-то другого полка, который залегъ вдоль желѣзно-дорожной насыпи. Офицеры этого полка собрались видимо на совѣщаніе, но скоро имъ придется его прекратить потому, что и съ сѣверо-запада начинаютъ изрядно пострѣливать. Насъ, очевидно, взяли подъ перекрестный огонь и рѣшили разстрѣливать до тѣхъ поръ, пока мы всѣ здѣсь не поляжемъ такъ глупо и безцѣльно.

Взявъ направленіе на деревню, мы стремимся къ пей, идя по открытому полю и все время теряя людей. Наконецъ доходимъ до этой деревни, названіе которой оказывается „Вазье“. Это названіе будетъ увѣковѣчено въ исторіи.

Придя въ деревню, мы собираемся въ глубокомъ оврагѣ для того, чтобы хоть немного устроиться и привести въ извѣстность понесенныя нами потери, но къ командиру полка подъѣзжаетъ адъютантъ генерала Церпицкаго и именемъ генерала приказываетъ

немедля занять южную и западную окраины деревни. Мы идемъ по указанному направленію, занимаемъ стѣнки. Пули сочно чмокаютъ стѣны фанзъ. По всему видно, что противникъ недалеко. Къ командиру полка подскакиваетъ тотъ же адъютантъ и требуетъ его къ генералу для полученія отъ послѣдняго личныхъ приказаній. Мы идемъ за командиромъ и долго ищемъ генерала, но его нигдѣ нѣтъ. Здѣсь находимъ какую-то сестру, которая беспомощно и одиноко стоитъ около брошенной санитарной повозки. Взоръ этой бѣдной усталой женщины выражаетъ глубокую и тяжелую тоску и муку. Она въ совершенно беспомощномъ положеніи—одна—около своей повозки, въ которую впряжена измученная лошадь, и эта послѣдняя тоже стоитъ, понурия голову. Все теперь пропало и нѣтъ спасенія—выражаетъ собою эта печальная группа.

Пули всюду сверлятъ воздухъ и безпрерывно слышны ихъ „сочные поцѣлуи“ съ глиняными стѣнами фанзъ и заборовъ.

— Не видали ли генерала Церпицакаго, спрашиваетъ нашъ полковникъ у бѣдной женщины.

— Онъ раненъ, ему сдѣлали перевязку и увезли отсюда, а куда—не знаю—отвѣчаетъ она.

Мы идемъ къ кумирнѣ, которая видна тутъ же на горкѣ. Полковникъ, изнеможенный до крайности, съ больной перевязанной рукой валится на груды камней и проситъ воды. Одинъ изъ насъ бѣжитъ къ колодцу и приноситъ воду.

Адъютанту приказано вести полкъ сюда же къ кумирнѣ, т.-к. очевидно, за выbytіемъ генерала Церпицакаго, вопросъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій долженъ рѣшаться по собственной инициативѣ и предположено, въ виду полной неопредѣленности дѣйствій, въ виду полного незнанія обстановки, двигаться на сѣверъ, гдѣ снова подойти къ полотну желѣзной дороги и тамъ постараться нагнать прочіе полки нашей дивизіи, которые, надо думать, ушли уже значительно впередъ, т.-к. во-первыхъ, они шли все время впереди насъ, а во-вторыхъ, не были задержаны въ Вазые, какъ былъ задержанъ нашъ полкъ.

Проходить полчаса, и полкъ, идя въ колоннѣ по отдѣленіямъ, подошелъ къ кумирнѣ и отсюда, взявъ направленіе на сѣверъ, пошелъ параллельно желѣзной дорогѣ, держась отъ послѣдней въ разстояніи около версты.

Едва только полкъ успѣлъ вытянуться изъ деревни, какъ со стороны желѣзной дороги въ насъ полетѣли непріятельскія пули. Слышно было, какъ забарабанилъ пулеметь, и видны были ясно черныя фигурки японцевъ, которые, перебѣжавъ полотно жел. дороги, поддерживаемые частымъ огнемъ съ насыпи, стремились впе-

редь, чтобы подойти къ намъ на болѣе близкое разстояніе и нанести намъ возможно большій вредъ своимъ огнемъ.

Пришлось принять быстрыя мѣры противъ этой неожиданности.

Сейчасъ же три головныя роты были вызваны вправо и разсыпаны въ цѣпь. Знамя было передано изъ головной роты въ тыловыя и было приказано всѣмъ остальнымъ ротамъ не задерживаться, а укрываясь оврагомъ, продвигаться на сѣверъ, вызваннымъ же ротамъ—огнемъ прикрыть это отступленіе.

Къ сожалѣнію, это, отданное въ суматохѣ, приказаніе не было исполнено въ полности.

Три разсыпанныхъ роты (2 въ цѣпи и одна въ резервѣ) залегли за складкой мѣстности и уже готовы были открыть огонь, какъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: мы всѣ замѣтили большую колонну нашихъ войскъ, которая почему-то стояла шагахъ въ 500 отъ насъ и немного лѣвѣе. Помню, что на меня эта колонна произвела такое впечатлѣніе, что какъ будто-бы она только что была остановлена съ цѣлью устроиться во время отступленія и съ цѣлью продолженія таковаго въ большемъ порядкѣ. Очевидно японцы, открывъ со стороны жел. дороги огонь по нашему полку, не пропустили и этой огромной колонны, которая представляла собою еще болѣе заманчивую для нихъ цѣль, чѣмъ длинная,двигающаяся колонна нашего полка.

Первые моменты послѣ того, какъ мы были встрѣчены неожиданнымъ огнемъ, колонна стояла совершенно неподвижно, потомъ отъ нея начали отдѣляться одиночные люди, которые побѣжали въ нашу сторону, къ нимъ присоединились другіе,—побѣжали десятки, за ними сотни и, наконецъ, вся масса людей, заразившись очевидно паникой, покатила въ нашу сторону, закрывъ собою непріятеля, по которому мы только что хотѣли открыть огонь.

Командиръ одной изъ ротъ, разсыпанныхъ въ цѣпь, молодой и храбрый подпоручикъ С. сказалъ, обращаясь къ командиру полка: „г. полковникъ, разрѣшите мнѣ открыть огонь по этимъ бѣглецамъ“. Наши солдаты, видя эту огромную, стремящуюся на нихъ въ полномъ безпорядкѣ толпу обезумѣвшихъ людей, начали волноваться. Ротный командиръ другой разсыпанной роты былъ раненъ и, сиди на землѣ, болѣзненно стоналъ. Изъ офицеровъ остались только двое: подпоручикъ С. и прапорщикъ К., который черезъ минуту послѣ этого перешелъ въ вѣчность, съ обнаженной шашкой въ рукѣ и съ крикомъ „ура“. Пуля ударила бѣднягѣ въ животъ, какъ разъ тогда, когда всѣ мы пошли въ атаку.

И такъ, подпоручикъ С. просилъ разрѣшенія объ открытіи огня по стремящимся къ намъ людямъ, но очевидно было, что огнемъ

здѣсь нельзя было помочь горю:—огонь уложилъ бы только сотни несчастныхъ людей и ни какой-бы пользы не принесъ. Этимъ людямъ нужно было собственнымъ примѣромъ показать, что ихъ страхъ преувеличенъ, нужно было ихъ подбодрить и воодушевить,—нужно было, словомъ, пожертвовать собою для общаго дѣла—и это было рѣшено. „Не стрѣляйте: и безъ того сегодня много смертей. Сейчасъ пойдемъ впередъ съ громкимъ „ура“ и этимъ, быть можетъ, намъ удастся ободрить смутившихся“, громко сказалъ полковникъ и, закричавъ, что было силы „ура-а-а-а“, бросился впередъ, всѣ наши люди дружно бросились за нимъ, обгоняя другъ друга и падая ранеными и убитыми.

Мы всѣ кричали что было мочи и бѣжали, увлекаемые нашими офицерами, но вотъ одинъ изъ нихъ—прапорщикъ К. упалъ, схватившись за животъ. Потомъ, подбѣжавшій къ нему на помощь солдатъ, рассказывалъ, что К. не долго жилъ; онъ былъ смертельно раненъ и умеръ тутъ же. Послѣднія его слова заключали просьбу—передать товарищамъ и семьѣ, что онъ умеръ, честно исполнивъ свой солдатскій долгъ.

Наше стремленіе впередъ все же не ободрило бѣжавшей противъ насъ толпы, и она по-прежнему съ неудержимымъ порывомъ стремилась къ Вазе, ища, очевидно, за стѣнами укрытія отъ огня. Вскорѣ толпа встрѣтилась съ нами. Мы видѣли, какъ мимо насъ мелькали потныя лица солдатъ, тяжело дышащихъ и напрягающихъ послѣднія усилія, чтобы какъ можно скорѣе добѣжать до деревни. Остановить эту массу было невозможно, и она, грохоча ногами, прокатилась сквозь нашу цѣпь, теряя на каждомъ шагѣ своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Когда этотъ нестройный ураганъ пронесся мимо насъ, то и наши ряды значительно поубавились, но все же движеніе наше, до извѣстной степени, принесло пользу, т.-к. японская пѣхота отхлынула за жел. дорогу, и пулеметъ тоже пересталъ дѣйствовать,—вѣроятно изъ боязни быть захваченнымъ.

Видя, что непріятель отхлынулъ, наши люди залегли, совершенно утомленные послѣ продолжительнаго бѣга и открыли рѣдкій огонь, хотя противника и не было видно, но онъ былъ гдѣ-то недалеко, потому что огонь съ его стороны не ослабѣвалъ.

Между тѣмъ въ Вазе и въ оврагѣ, который тянется на сѣверъ отъ этой деревни, царилъ полный хаосъ. Прибѣжавшая сюда огромная толпа обезумѣвшихъ людей наполнила собою всю деревню и оврагъ. Люди метались, не зная, что имъ предпринять и что дѣлать дальше. Находились нѣкоторые, не потерявшіе еще головы и старающіеся помочь общей бѣдѣ. Они кричали, собирая вокругъ

себя людей въ кучки, и намѣревались вести ихъ противъ невидимаго противника, который пронизывалъ своимъ губительнымъ огнемъ деревню со всѣхъ сторонъ. Эти собравшіяся кучки орала во все горло „ура“, подбадривая себя этимъ воинственнымъ крикомъ, но какъ только онѣ выходили изъ-за закрытій и попадали подъ огонь, такъ—паника снова охватывала этихъ людей, и они становились неспособными къ активнымъ дѣйствіямъ. Люди снова прятались за закрытія и царящій всюду хаосъ не уменьшался. А неприятель громилъ и громилъ Вазые, намѣреваясь, кажется, окончательно перебить всѣхъ людей, на долю которыхъ, благодаря причинамъ, которыя впоследствии освѣтитъ истиннымъ свѣтомъ исторія, выпало это невыносимо тягостное положеніе.

Находились такіе офицеры, и ихъ было не мало, которые старались ободрить людей и привести ихъ къ порядку, но и изъ ихъ усилій равнымъ счетомъ ничего не выходило.

Погасть святой огонь въ сердцахъ людей, которые забыли завѣты, лежащіе въ основѣ нашей прежней военной доблести—завѣты, которыми мы были сильны во всѣхъ прежнія войны—завѣты, которые учили каждаго воина никогда не отступать передъ врагомъ. Въ эту же войну намъ только и говорили о томъ, что надо отступать возможно поспѣшнѣе и таинственнѣе.

Вопли отчаянія слышались на каждомъ шагу. Многіе солдаты съ негодованіемъ бросали свои винтовки и брели неизвѣстно куда, вѣроятно, даже не сознавая, что они дѣлаютъ. Приходилось видѣть такихъ офицеровъ, которые, испробовавъ всѣ способы—поднять упавшій духъ людей и видя полное свое безсиліе—помочь горю, махнувъ рукою, шли въ какую-либо фанзу,—опять таки неизвѣстно зачѣмъ,—какъ бы намѣреваясь предаться отдыху. Это были, очевидно, временно помѣшавшіеся люди, потому что разсчитывать на отдыхъ при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ только безумецъ.

Помню одного молодца полковника Генеральнаго Штаба, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы собрать людей и устроить ихъ. Это ему, кажется, начало удаваться. Вдругъ появился какой-то никому неизвѣстный генералъ, окончательно потрясенный и убитый горемъ. Старикъ чуть не плакалъ, и вся его фигура изображала полную безпомощность. „Ребята, кричала молодецъ полковникъ: ура генералу,—онъ насъ поведетъ въ бой“. Но почти никто изъ людей не отвѣтилъ восторженнымъ крикомъ генералу: всѣ, вѣроятно, убѣдились въ томъ, что и на этого человѣка нѣтъ никакой надежды.

На каждомъ шагу валялись раненые; они, видя свое безпомощ-

ное положеніе, молили здоровыхъ людей, чтобы они помогли бы имъ выбраться изъ этого проклятаго мѣста, но никто на эти мольбы не обращалъ вниманія, потому что всѣхъ охватила тоска и отчаяніе.

Когда мы вернулись отъ ж. дороги снова въ Вазые и зашли въ оврагъ, тянущійся на сѣверъ, то застали здѣсь всю эту грустную и тяжелую картину. По восточному склону оврага, помню, расположилась наша пятая рота, и молодець ротный командиръ, который недавно отбилъ со своей ротой стремительныя атаки на редуть въ Янсытунѣ, теперь былъ мраченъ и грустенъ. Онъ сознавалъ свою полную беспомощность—помочь общему горю, но, свято исполняя свой долгъ, все же держалъ своихъ людей въ сборѣ, дабы быть готовымъ встрѣтить съ ними всякую неожиданность. Люди этой роты были мрачны: они отлично сознавали свое почти безвыходное положеніе, спастись изъ котораго можно было только чудомъ.

Что больше всего насъ непріятно поразило—это то, что никто изъ нихъ не зналъ—куда пошли остальные роты полка и главное—гдѣ находится наше знамя. Въ общей суматохѣ рота эта, очевидно, отдѣлилась отъ полка, а потому ни ротный командиръ, ни солдаты ничего не могли намъ сказать опредѣленнаго. Можно было предположить, что знамя вмѣстѣ съ прочими ротами полка уже находится далеко отъ насъ, но оставалось еще два другихъ предположенія, а именно: знаменщикъ—ст. унт.-офиц. Кисловъ—человѣкъ надежный во всѣхъ отношеніяхъ, могъ быть убитъ еще тогда, когда мы пошли въ атаку, съ ассистентомъ могла приключиться подобная же исторія и, слѣдовательно, теперь знамя могло лежать гдѣ-нибудь между оврагомъ и ж. дорогой, а его вѣрные защитники и охранители сняты тутъ же рядомъ съ нимъ вѣчнымъ и непробуднымъ сномъ. Второе, что можно было предположить—это то, что знамя наше находится гдѣ-либо въ деревнѣ, среди нестройной толпы, и знаменщикъ не знаетъ куда ему идти и что дѣлать. И вотъ, для выясненія этихъ вопросовъ былъ посланъ подп. С., который временно командовалъ 1 ротой и только что водилъ таковую въ атаку на насыпь.

Въ теченіе часа С. носился на своемъ конѣ вокругъ Вазые, объѣхавъ деревню со всѣхъ сторонъ, проѣхалъ онъ также по всѣмъ улицамъ деревни и нигдѣ знамени не нашель. Какъ онъ остался живъ—положительно не понимаю. Когда онъ возвратился, то лошадь его оказалась раненой,—самъ же онъ былъ невредимъ. Какъ не вѣрить послѣ этого въ предопредѣленіе:—иной выйдетъ цѣлымъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ спасеніе кажется невозможнымъ, а иного убиваетъ на повалъ послѣдняя, нущенная на удачу пуля.

Можно было, слѣдовательно, быть увѣреннымъ въ томъ, что знамя наше присоединилось къ прочимъ ротамъ полка и вмѣстѣ съ ними двигается постепенно на сѣверъ. День уже сильно клонился къ вечеру, и намъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ постараться выбраться изъ этой проклятой деревни и идти на сѣверъ.

Мы пошли по дну оврага, но вскорѣ онъ кончился и пришлось идти по ровному и открытому полю. Съ двухъ сторонъ насъ обстрѣливалъ непріятель и намъ пришлось пролѣзть черезъ горлышко бутылки, стѣнки которой представляли собою непріятеля. Хорошо еще то, что онъ не догадался заткнуть эту бутылку пробкой, а оставилъ для насъ узенькій проходъ, къ которому мы и подошли уже тогда, когда на землю спустилась темная ночь. Такъ какъ все время мы шли очень тонкимъ строемъ, то люди сильно растянулись, и вотъ когда уже окончательно стемнѣло, то мы снова подошли къ ж. дорогѣ, и теперь у насъ было двѣ руководящихъ нити, держась за которыя, мы не могли сбиться съ направленія: первая нить была на землѣ и представляла собою полотно ж. дороги, вторая же свѣтила намъ съ неба въ видѣ полярной звѣзды.

Пройдя на нѣкоторое разстояніе по переходѣ полотна ж. дороги и не тревожимые уже огнемъ противника, мы остановились въ совершенной темнотѣ для того, чтобы дать возможность подтянуться отставшимъ. Каждую секунду мы рисковали быть внезапно атакованными находящимся по близости непріятелемъ. Почему они насъ не атаковали—трудно понять; вѣроятно, и они были утомлены до невозможности.

Продолжая дальнѣйшій путь, мы нагнали наконецъ какіе-то обозы, парки и артиллерію. Все было перемѣшано: повозки, лошади, орудія, ящики—все это медленно ползло подъ покровомъ ночи широкой полосой. Хаосъ въ этой живой массѣ царилъ невѣроятный. Разобраться и навести здѣсь какой-нибудь порядокъ было невозможно. Между рядами повозокъ шли разстроенныя вереницы пѣхотинцевъ. Какіхъ частей были эти люди—неизвѣстно—вѣроятно разныхъ, и все ползло усталое, голодное и озлобленное на неудачу. Духъ разложенія проникъ въ этотъ потокъ живыхъ существъ и стоило только въ темнотѣ щелкнуть какому-нибудь одиночному выстрѣлу, какъ начиналась сейчасъ же беспорядочная пальба въ воздухъ. Не знаю, были ли при этомъ жертвы отъ своего же огня, но трудно допустить, чтобы ихъ не было. Обозные и артиллеристы начинали неистово нахлестывать своихъ коней и неслись опрестью впередъ, сами не зная куда, давя людей, ломая повозки и падая въ какую-нибудь промоину или въ оврагъ. Что бы было съ этой нестройной массой, если бы какой-нибудь непріятельскій конный

полкъ налетѣлъ и началъ бы тутъ хозяйничать. Общая гибель была бы неизбежна, но Богъ помиловалъ и японской кавалеріи не было по близости, а пѣхота ихъ, вѣроятно, тоже не могла уже волеить своихъ ногъ отъ усталости.

Такъ цѣлую ночь и весь слѣдующій день мы провели въ походѣ среди подобнаго хаоса и все не могли настичь нашего знамени, но надежда на то, что оно гдѣ-нибудь около Тѣлина, не покидала насъ.

Наконецъ, часовъ въ 11 почти 26 февраля мы подошли къ ж.-дорожному мосту, переброшенному черезъ р. Тафан-хэ, протекающую верстахъ въ 12 южнѣ Тѣлина.

Ноги перестали уже намъ повиноваться, и мы въ изнеможеніи повалились около казармы пограничной стражи на крутомъ берегу рѣки.

Самая казарма была переполнена людьми, желающими найти себѣ здѣсь хоть какой-нибудь пріютъ и хотя немного обогрѣться. Такъ какъ здѣсь были какіе-то доктора и сестры, то командиръ нашъ пошелъ въ казарму перевязаться и, выйдя потомъ снова къ намъ, сказалъ, что будемъ ночевать здѣсь, и мы моментально въ заснули свинцовымъ сномъ, не обращая уже больше вниманія на непрерывно тянущуюся мимо насъ вереницу людей, лошадей и повозокъ, спѣшившихъ какъ можно скорѣе переправиться черезъ ж.-дорожный мостъ на ту сторону рѣки.

Рано утромъ на другой день мы также перешли черезъ мостъ и тронулись дальше въ надеждѣ наконецъ настичь прочія части нашего полка со знаменемъ. Не успѣли мы отойти и двухъ верстъ отъ моста, какъ къ командиру прибѣжалъ солдатъ и съ радостнымъ лицомъ доложилъ, что и полкъ находится недалеко отсюда, а при немъ и знамя. Сейчасъ же мы остановились, и впередъ были посланы люди, съ приказаніемъ разыскать полкъ и привести его сюда. Не прошло и часа, какъ полкъ подошелъ, и мы увидѣли, наконецъ, свое знамя. У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Оказалось, что знаменщикъ едва избавился отъ бѣды: пуля пробила ему сапогъ въ подъемѣ, слегка поцарапавъ ногу. Ассистентъ же унт.-оф. Эртъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда наши роты пошли въ атаку. Знаменщикъ остался одинъ и, благодаря подп. О., вышелъ изъ бѣды и сохранилъ полку его святыню.

Помню, несмотря на всю удрученность нашего настроенія, мы воспрянули духомъ и мысленно поблагодарили Бога за то, что Онъ сохранилъ и помиловалъ полкъ вмѣстѣ со знаменемъ.

Начали считать оставшихся людей и оказалось, что всего осталось 614 человекъ,—остальные легли подъ Мукденомъ, за время двухъ-недѣльнаго боя.

Тутъ же получилоcь извѣстiе, что прочiе полки нашей дивизiи во главѣ съ начальникомъ ея находятся въ двухъ верстахъ къ югу отъ Тафан-хэ и стоятъ тамъ на позицiи, дабы задерживать напоръ противника и тѣмъ дать возможность всѣмъ обозамъ совершить переправу черезъ ж.-дорожный мостъ, то очевидно и намъ надлежало присоединиться къ дивизiи.

На югѣ уже грохотали орудiя, изъ чего и можно было заключить, что японцы напирають.

Верстахъ въ двухъ къ югу отъ Тафан-хэ, мы дѣйствительно застали нашу дивизiю, съ начальникомъ ея на позицiи, при чемъ начальникъ дивизiи, сидя на насыпи ж. дороги, спокойно диктовалъ какiя-то приказанiя начальнику штаба. Артиллерiя изрѣдка стрѣляла, пѣхота стояла въ полной готовности къ бою, но непрiятель, видимо, не насѣдалъ, потому что ружейнаго огня не было.

Намъ было приказано остановиться у полотна дороги за центромъ боевого порядка и, если понадобится, то поддержать одинъ изъ фланговъ.

До двухъ часовъ ночи простояли мы на этой позицiи, а потомъ было приказано отходить за рѣку и занять позицiю на сѣверномъ ея берегу.

Съ утра 28 февраля и по ночь со 2 на 3 марта мы простояли на правомъ флангѣ этой позицiи—около башни кирпичнаго завода. Неприятель неоднократно пытался подходить къ намъ, но наша артиллерiя всегда прогоняла его передовыя части. Временами японцы открывали изрядную канонаду по нашему расположенiю, но ничего энергичнаго въ ихъ дѣйствiяхъ не проглядывало:—бросятъ десятка три-четыре горныхъ снарядовъ и затѣмъ замолчатъ;—появятся впереди какiе-то пѣхотинцы, осторожно пробирающiеся въ нашу сторону, но и они скроются, лишь только передъ ними лопнетъ наша шрапнель.

Вечеромъ 2 марта непрiятель началъ проявлять довольно энергичную дѣятельность. Къ югу отъ нашего расположенiя верстахъ въ 3—4 тянулся довольно высокiй горный кряжъ, и вотъ отлично было видно, какъ на немъ появились какiе-то всадники, и вслѣдъ за ними почти карьеромъ влетѣла батарея, сдѣлавъ ловкiй и лихой заѣздъ на гребнѣ горы. Какой-то офицеръ, очевидно батарейный командиръ, долго стоялъ и разсматривалъ въ бинокль разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность. Наши люди были заняты въ это время устройствомъ окоповъ, и такъ какъ работы эти могли быть замѣчены со столь прекрасной во всѣхъ отношенiяхъ артиллерiйской позицiи, то было приказано работы сейчасъ же прекратить и людямъ спрятаться въ окопы.

Уже подь вечерь 2 марта началась довольно сильная артиллерійская канонада. Японцы открыли огонь по частямъ войскъ, стоящимъ правѣ насъ. Наша артиллерія начала отвѣчать имъ, но почему-то снаряды наши рвались все у подножья той возвышенности, на которой расположилась ихъ батарея. Вѣроятно подь горой двигалась ихъ пѣхота, но намъ не было ея видно, потому что мѣшали сады безчисленныхъ деревень, которыя почти сплошь усыпали эту мѣстность. Непрiятельскіе снаряды рвались удачно, и намъ было видно, что на нашемъ правомъ флангѣ происходитъ какое-то усиленное движеніе: нѣкоторыя части отходили назадъ, а нѣкоторыя шли впередъ.

Полная неопредѣленность во всемъ этомъ заставляла насъ зорко присматриваться къ мѣсту боя и, конечно, очищеніе нашими войсками праваго фланга ставило насъ въ крайне опасное положеніе.

День клонился къ вечеру, и передъ наступленіемъ темноты бой затихъ. Мы всѣ были увѣрены, что къ утру японцы поставятъ на всѣхъ командующихъ высотахъ артиллерію и начнутъ разстрѣливать насъ съ фронта, такъ равно и съ фланговъ. Всѣ мы приготовились къ новому кровавому бою, находясь, по обыкновенію, въ полномъ невѣдѣніи относительно численности нашихъ войскъ, ихъ расположенія и той задачи, которая на нихъ была возложена. Мы не знали—гдѣ находится наша многострадальная вторая армія: задержится ли она на тѣлинскихъ позиціяхъ, или она уже отошла за Тѣлинь, а мы оставлены здѣсь для прикрытія ея отхода. Мы знали одно, что правѣ насъ стоялъ батальонъ Семипалатинцевъ, но теперь и ихъ не было, и куда они ушли, никто изъ насъ не зналъ.

Удивительная темнота всегда окружала насъ со всѣхъ сторонъ въ теченіе всей этой кампаніи. За весь періодъ боевой дѣятельности не припомню ни одной отданной своевременно диспозиціи. Не знаю—получались ли онѣ въ полковомъ штабѣ, но до насъ—н. чиновъ—онѣ не доходили, и мы вѣчно блуждали въ потемкахъ. Кто въ этомъ виноватъ—судить не намъ, но думаю, что и штабъ нашей дивизіи очень рѣдко былъ освѣдомленъ своевременно по части обстановки, и такая же тьма окружала его.

Вотъ и теперь: — непріятель очевидно надвинулся на насъ, мы ясно видѣли его приготовленіе къ бою — къ серьезному и рѣшительному, но обстановка для насъ продолжала быть совершенно невѣдомой. И это послѣ всего пережитаго, когда первы у людей измотались.

Винять войска въ тѣхъ неудачахъ, которыя постигли Россію во время этой войны;—говорять и пишутъ, что подготовка войскъ была слаба, что развитіе нашего солдата значительно ниже, нежели

японскаго; — указываютъ при этомъ даже на такіе факты, что каждый японскій солдатъ носить въ своемъ ранцѣ зубочистку, имѣя полное понятіе о примѣненіи таковой къ дѣлу, тогда какъ нашъ сѣрый солдатъ имѣеть понятіе только о зуботычинѣ... Куда же намъ противъ нихъ... Мы сѣры, они—бѣлы, мы оборванцы, они—щеголи, мы неотесанные увальни они—ловкачи и гимнасты... Все это, быть можетъ, и имѣеть нѣкоторую подѣ собою почву, но ставить приговоръ, опираясь только на эти данныя, слишкомъ жестоко и несправедливо. Мы проиграли эту войну не потому, что были хорошо знакомы съ зуботычиною и не имѣли никакого понятія о зубочисткѣ, а потому, что всюду и вездѣ намъ приказывали отступать,—безъ всякой надобности—отступать. Удивительно,—какъ до сихъ поръ ни литература, ни общественная молва какъ бы старается не замѣчать этой главнѣйшей причины нашихъ неудачъ.

Чтобы тамъ ни писали корреспонденты въ газетахъ и журналахъ, сидя на мягкихъ диванахъ роскошнаго вагона, все же я, какъ участникъ и очевидецъ всѣхъ страданій, выпавшихъ на долю нашей арміи, всѣхъ ея слезъ, разочарованій и огорченій—все же я скажу, что эта многострадальная, сѣрая и неуклюжая армія лучше той, которая одерживала надъ ней блестящія побѣды и одерживала ихъ не въ силу своихъ особенныхъ доблестей и достоинствъ, а потому что надъ нами тяготѣлъ Великій и Святой мечъ Божіей правды, который долженъ былъ нанести намъ глубокую кровавую рану, который долженъ былъ разсѣчь какой-то гнойный и отвратительный нарывъ, гдѣ-то назрѣвшій и готовый заразить своимъ гноемъ весь организмъ Россіи.

И этотъ нарывъ былъ разсѣченъ—и съ самаго начала войны все шло къ тому, чтобы врагъ могъ торжествовать свою побѣду. Самый планъ войны въ основѣ своей вѣщалъ намъ про наше поражение—онъ говорилъ за то, что духъ арміи будетъ въ концѣ концовъ убитъ, и сила ея должна сломиться и что могучая и стойкая армія въ концѣ концовъ станетъ больною и почти неспособною къ активной дѣятельности, а послѣ Мукдена она и стала таковою.

Я не говорю уже про то, что посылка на театръ войны частей, сколоченныхъ изъ разныхъ сборныхъ командъ, не имѣющихъ никакой внутренней спайки, только ухудшила въ общемъ составъ нашихъ прекрасныхъ сибирскихъ полковъ (пусть этотъ грѣхъ лежитъ на совѣсти тѣхъ, кто этимъ дѣломъ вѣдалъ), но и самый ходъ войны — эти постоянныя и песносныя отступленія, несомнѣнно всегда деморализующія духъ арміи, должны были въ концѣ концовъ привести къ катастрофѣ. Тюренченъ—эта альфа кампаніи,—

сраженіе, которое давало намъ первое знакомство съ нашимъ противникомъ, ведется не для того, чтобы отстоять во что бы то ни стало позицію за собою, а только для того, чтобы пострѣлять и уйти.

И въ данномъ случаѣ, совершенно не считаются съ тѣмъ, что вѣдь это первое наше столкновение съ непріятелемъ, и что лучше совсѣмъ не прибѣгать къ нему, чѣмъ закончить его такимъ позорнымъ для перваго почина актомъ. Ляоянь—эта колоссальная битва двухъ народовъ,—битва, во время которой воодушевленіе русскихъ солдатъ доходитъ до того, что они ревутъ въ окнахъ громоподобное „ура“, видя, что побѣда за ними—и вотъ, какая-то часть, составленная почти сплошь изъ сорокалѣтнихъ бородачей—запасныхъ, оставившихъ на далекой родинѣ свои бѣдныя семьи, поколеблена, и эта часть рѣшаетъ участь, боя—и всѣмъ приказываютъ отступать. Вѣдь солдаты не вѣрили этому и не хотѣли отходить, они сознавали, что ихъ сила взяла, что еще маленькое усиліе,—еще полчаса стойкости, и непріятель побѣжитъ отъ насъ, какъ бѣжитъ, отъ скалы разбившаяся объ нее волна. Но имъ приказали отходить, и они ушли униженные и оплеванные и унесли въ сердцахъ своихъ сомнѣніе въ томъ, что имъ когда-нибудь разрѣшатъ побить непріятеля. А дальше Шахэ и Сандепу—все это какіе-то кошмары — запутанные и непонятные. Снова непріятель напрягаетъ свои послѣднія усилія—снова побѣда такъ близка, но намъ говорятъ: отступайте какъ можно скорѣе, незамѣтнѣе отступайте, иначе всѣхъ васъ перерѣжутъ, какъ барановъ. И мы отходимъ, еще болѣе опечаленные и поколебленные духомъ. Наконецъ этотъ двухнедѣльный Мукденскій бой безпримѣрный въ исторіи. Здѣсь насъ начинаютъ пугать какимъ-то Седаномъ, который, какъ кошмаръ, давить „мозгъ“ нашей арміи. Но при этомъ не хотятъ понять почему-то,—что въ этомъ самомъ „Мукденскомъ Седанѣ“ и заключалась бы неминуемая гибель нашего противника. Забываютъ про то, что въ Мукденѣ огромные запасы, про то, что съ сѣвера уже надвигается 40.000-я масса свѣжихъ штыковъ,—про то, что, будучи окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и имѣя въ Мукденѣ огромные резервы, мы могли бы легко въ любомъ мѣстѣ прорвать сравнительно слабое и уже сильно надломленное предыдущими боями непріятельское кольцо, — могли расчленить его и разбить по частямъ, поддержанные 40.000-й массой свѣжихъ штыковъ съ сѣвера.

И это, выгодное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе почему-то становится непонятнымъ для насъ и его замѣняютъ другимъ, невозможнымъ къ выполнению, и рѣшаются сжечь все въ Мукденѣ, бросить

тамъ лазареты, 20.000 пьяницъ и приказать арміи, паркамъ и обозамъ сѣшно отходить, держа направленіе на полярную звѣзду (по-просту удирать), и еще рассчитываютъ, что эта армія „авось“, какъ-нибудь выпутается изъ трудныхъ обстоятельствъ. И она уходитъ подъ разстрѣломъ, лезетъ черезъ „горло бутылки“ нестройная, полубезумная, исполненная грусти и отчаянія и неспособная уже къ бою, а за нею летятъ комки грязи, брошенные ей въ слѣдъ рукою общественнаго мнѣнія, воспитаннаго хлесткимъ перомъ газетнаго репортера.

И этой арміи—этимъ мученикамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ тяжесть чужихъ грѣховъ, кричатъ, что она не на высотѣ своего положенія, что она дика и некультурна,—что она, только она несчастная виновата въ томъ позорѣ, который по справедливому гнѣву Божию суждено было пережить Россіи; кричатъ: долой эту поганую армію—не нужно намъ этихъ дармоѣдовъ—дайте намъ милицію вмѣсто этихъ сѣрыхъ солдатъ, а вмѣсто невѣжественныхъ офицеровъ мы поставимъ въ ряды этой милиціи людей съ университетскимъ образованіемъ, людей, которые отлично понимаютъ—что такое значить слово свобода во всѣхъ его значеніяхъ—и тогда,—о тогда свѣтъ узнаетъ про нашу силу и мощь. И это кричатъ люди, которые не были очевидцами всего того, что здѣсь было, которые не жили одною жизнью съ нашимъ сѣрымъ и некультурнымъ солдатомъ, которые не видѣли, какъ онъ несчастный по ночамъ на 25° морозѣ мерзъ въ своемъ окопѣ, сжимая въ рукахъ заиндѣвѣвшую винтовку, не видѣли, какъ стойко онъ дрался, отбивая всѣ атаки противника, какъ онъ умиралъ: такъ скромно, безропотно, покорный судьбѣ и вѣруя свято своей некультурной душой, что Богъ его проститъ и не оставитъ за гробомъ, потому что онъ честно сдѣлалъ свое солдатское дѣло; не видѣли эти люди—эти крикуны—какъ нашъ солдатъ гуманенъ по отношенію поверженнаго врага, какъ онъ дѣлился съ этимъ врагомъ своимъ послѣднимъ сухаремъ, послѣднимъ кускомъ сахара, какъ онъ несъ на рукахъ раненаго врага, прижимая его къ сердцу, какъ мать прижимаетъ больного ребенка. Если бы хоть кто-нибудь изъ г.г. корреспондентовъ пожаловалъ бы въ наши окопы подъ Чжаньтанемъ, или побывалъ бы въ заваленномъ трунами редутѣ № 8 подъ Янсытунемъ, то навѣрно у его оказался бы безконечно большой запасъ наблюдений, которыми можно было бы подѣлиться съ публикой, но почему-то никто изъ корреспондентовъ не былъ ни разу у насъ—на боевыхъ позиціяхъ праваго фланга, да еще въ то время, когда солнце меркло отъ дыма и пыли разрывающихся снарядовъ. Конечно удобнѣе было любоваться на все это въ прекрасный бинокль и потомъ описывать

свои впечатлѣнія о томъ, какъ красиво заходило солнце,—какъ граціозно проектировались на глубокомъ небѣ дымки рвущихся шрапнелей, или же вскользь упоминать о томъ, что вамъ удалось побывать даже и въ окопахъ, гдѣ и зайти въ землянку къ знакомому офицеру и какъ этотъ офицеръ обрадовался вашему посѣщенію и накормилъ васъ яичницей и напоилъ коньякомъ. (Очевидно, эти умилительныя картинки могли происходить только во время затишья, потому что какаѣ же, въ самомъ дѣлѣ, мыслима яичница въ пылу боя). И вотъ дальше этой „яичницы“ и ей подобныхъ „богохуленій“—вы не шли въ своихъ замѣткахъ съ „театра военныхъ дѣйствій“ и сумѣли воспитать нашу въ достаточной степени довѣрчивую публику только на этой „яичницѣ“, а она (публика) на всю войну смотреть теперь безъ надлежащаго проникновенія въ неизмѣримыя глубины этого величайшаго событія, продиктованнаго на страницахъ исторіи Божественнымъ Промысломъ.

И все же, какія бы хуленія и пасквили ни возводились бы на нашу сѣрую и нещеголеватую армію, я скажу, что она въ нравственномъ отношеніи и культурнѣе и гуманнѣе, нежели армія нашего противника.

Словъ нѣтъ: не всякій изъ нашихъ солдатъ могъ начертить обстоятельное кроки, или написать толковое донесеніе, но за то нашъ солдатъ не занимался писаніемъ подметныхъ обольстительныхъ писемъ, какъ это дѣлали японскіе солдаты; за то нашъ солдатъ проявлялъ несравненно больше гуманности по отношенію поверженнаго врага, нежели японецъ, а степень гуманности несомнѣнно есть указатель степени нравственной культуры.

Послушайте рассказы плѣнныхъ, и вы увидите, что тѣ люди, о культурѣ которыхъ судятъ по „зубочисткамъ“, совсѣмъ не культурны, что это—азіаты злые и коварные, вѣчно плѣняющіе васъ своею заискивающею улыбкою и способные также ласково и привѣтливо улыбаться въ то время, когда они будутъ драть съ васъ кожу.

Умственное развитіе японскихъ офицеровъ, по отзывамъ людей, близко соприкасавшихся съ ними, находится только лишь на посредственномъ уровнѣ и въ вопросахъ обще-научныхъ они слѣпы и скучны. А сколько у насъ среди офицеровъ вы встрѣтите живыхъ, интересныхъ и скромныхъ собесѣдниковъ, надо знать нашего офицера и не писать про него изъ номера харбинской гостиницы, въ которой можно было встрѣтить немало отрицательнаго элемента изъ рядовъ арміи.

Мы проиграли войну не потому, что нашъ солдатъ и офицеръ сѣръ, грязень, пьянь и развратень (какая это ложь!), а потому,

что надъ нашими желѣзными легіонами не виталь суворовскій и скобелевскій геній; не зажигаль этотъ безсмертный геній простого солдатскаго сердца священнымъ огнемъ воинскаго порыва и отваги и наоборотъ:—въ то время, когда сердце само рвалось изъ груди—само просилось на подвигъ, то другой „геній“ приказываль ему умѣрить стремленіе, потому что его порыву не будетъ дано орлинаго полета и что изъ мощнаго орла ему приказано превратиться въ вѣчно пятащагося назадъ, пресмыкающагося и трусливаго рака.

И это дѣлалось во имя какихъ-то стратегическихъ принциповъ истолкованныхъ неправильно,—дѣлалось во имя боязни какихъ-то „Седановъ“ и тому подобныхъ катастрофъ и дѣлалось безъ особыхъ размышленій надъ вопросомъ о духѣ арміи, который всѣми силами, всѣмъ напряженіемъ генія нужно поддерживать и развивать, а не убивать.

Вотъ причина нашихъ неудачъ.

Плачь же, бѣдная страна, и кайся, кайся передъ Богомъ, потому что Онъ повелѣлъ отлетѣть отъ твоихъ сыновъ, посланныхъ тобою на поля Маньчжуріи, безсмертному генію войны, всегда витавшему надъ твоими легіонами, когда они становились грудью на защиту чести твоей.

Въ два часа ночи со 2-го на 3-е марта мы, получивъ приказаніе, начали отходить къ Тѣлину для того, чтобы бросить этотъ городъ,—бросить укрѣпленія, близъ него возведенныя, и отдать все это безъ боя противнику, вмѣстѣ съ нѣкоторыми запасами, которые не успѣли вывезти. Отходили мы унылые и подавленные, съ сознаниемъ, что теперь все уже потеряно, и что нѣтъ намъ возврата къ лучшему будущему. На всѣхъ окружающихъ Тѣлинъ горахъ горѣли огромные костры, и мы не знали кто зажегъ ихъ—наши ли войска или японцы. По обыкновенію полный мракъ и полное невѣдѣніе окружало насъ со всѣхъ сторонъ и временами начинало казаться, что про насъ совсѣмъ забыли, бросивъ насъ однихъ на произволъ судьбы въ самомъ хвостѣ уже ушедшей раздавленной и потерянной арміи. Я шель позади командира полка, который усталый и измученный, держа руку на перевязи, старался бодро шагать впереди своего полка. Ночь была темная и дорога чуть была видна. Тяжелая винтовка и безобразный мѣшокъ давилъ на плечи и усталыя ноги совершенно машинально плелись по дорогѣ, спотыкаясь безпрестанно на ея неровностяхъ.

И вдругъ все преобразилось предъ моими глазами: мракъ сразу исчезъ, и я увидѣлъ, что все пространство до самыхъ горъ какъ-то

вдругъ загорѣлось какимъ-то страннымъ свѣтомъ. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что все это освѣтившееся пространство наполнено какими-то живыми существами, которыя витають въ немъ по всемъ направленіямъ, скользя и между рядами идущей тутъ же пѣхоты и между лошадьми и орудіями громыхающей въ сторонѣ отъ насъ артиллеріи. Я услышалъ вдругъ громовой - сатанинскій хохоть, потрясшій собою весь горизонтъ и издаваемый этими безчисленными и злыми фантомами, наполняющими собою все пространство отъ одного края неба до другого. Этотъ адскій хохоть потрясалъ собою, кажется, землю—на столько онъ былъ громокъ и ужасенъ, но люди шли и не слышали его.

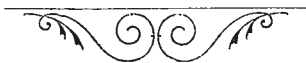
Ужась напалъ на меня, и я, какъ снопъ, повалился на дорогу, ударивъ, кажется, свалившейся винтовкой идущаго рядомъ товарища.

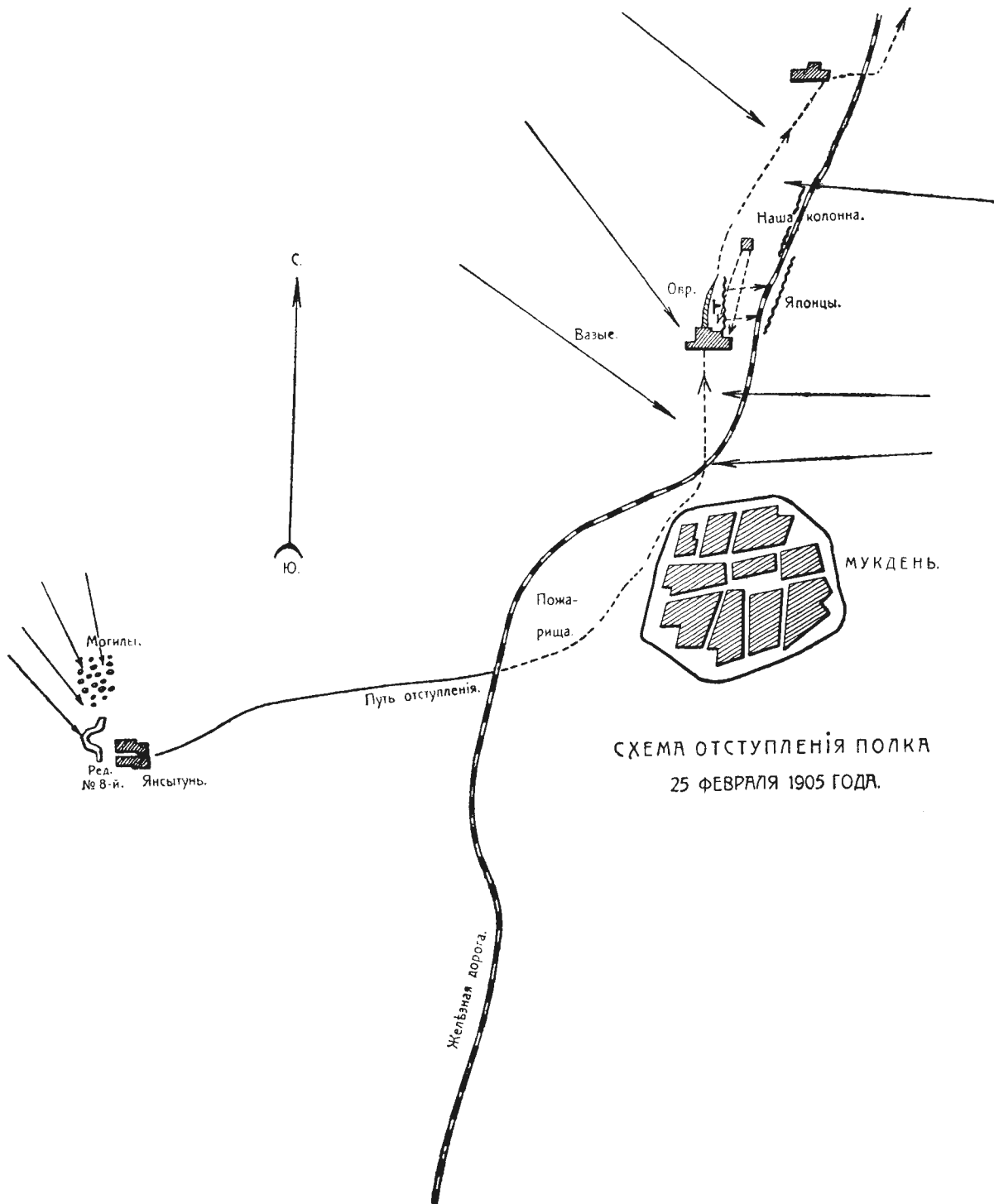
Очнулся я въ госпиталѣ и вскорѣ, оправившись, вернулся снова въ полкъ тогда, когда онъ стоялъ уже къ югу отъ Сипингая и каждый день ждалъ нападенія японцевъ.

Тяжелое было время, какъ это и бываетъ на войнѣ, но въ настоящую войну тяжесть эта была особенно ощутительна, потому что никто не видалъ проблеска въ будущемъ.

Почемъ знать, быть можетъ намъ суждено пережить еще болѣе трудное время, когда все эти бои, эти груды труповъ и лужи крови покажутся игрушками и когда надъ нами будетъ раздаваться еще болѣе грозный сатанинскій хохоть, которымъ засмѣются все невидимыя намъ силы, старающіяся совратить насъ на путь зла и выражающія свою радость по случаю достигнутаго ими успѣха этимъ всепотрясающимъ, отвратительнымъ хохотомъ.

Н—чъ.

Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ.

Водъ живыми впечатлѣніями отъ совершившихся въ Астаповѣ и Ясной Полянѣ весьма скорбныхъ событій каждому невольно приходитъ на мысль Левъ Николаевичъ. Каждому хочется найти въ своей памяти что-либо относящееся къ этому великому поборнику высокихъ идеаловъ любви, добра и правды, челоуѣку, своимъ личнымъ исканіемъ религіозной истины заставившему призадуматься надъ ней весь міръ.

Такъ и мнѣ, читатель, живо нарисовалась въ памяти картина моего перваго личнаго свиданія съ Львомъ Николаевичемъ, живо припомнились рассказы о немъ близкихъ къ нему людей.

Въ іюлѣ 1880 года мнѣ пришлось быть въ селѣ Кочекахъ у родственника, бывшаго въ то время священникомъ этого села и законоучителемъ дѣтей графа Льва Николаевича, Василія Ивановича Карницкаго. Въ это время въ домѣ Льва Николаевича предполагался домашній спектакль. На этотъ спектакль были приглашены съ семействомъ и о. Василій. Съ семействомъ о. Василія поѣхали на спектакль и я. Живо помнится мнѣ, что, когда мы подъѣхали къ дому графа, было около 8 часовъ вечера. Подъ раскидистой липой, предъ входомъ въ домъ, было много гостей и среди нихъ Левъ Николаевичъ. Всѣ играли въ крокетъ. Левъ Николаевичъ, увидѣвъ насъ, подошелъ къ повозкѣ, познакомился съ о. Васиіемъ, его семействомъ, и затѣмъ о. Василій представилъ графу и меня, какъ брата, уже извѣстныхъ ему, моихъ двухъ старшихъ братьевъ. Левъ Николаевичъ, обмѣнявшись со мною нѣсколькими словами, пригласилъ меня въ столовую, гдѣ намъ предложенъ былъ чай. Своею привѣтливостью, простотой въ обращеніи, искренностью и задушев-

ностью своей рѣчи графъ очаровалъ меня. Я очень былъ радъ видѣть его и любоваться его могучимъ видомъ!..

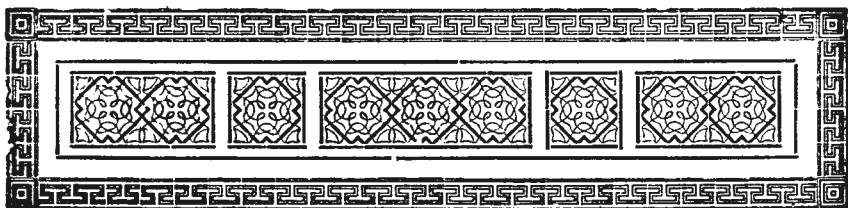
Напившись чаю, я перешелъ въ театральнй залъ, гдѣ я впервые увидѣлъ все его семейство, усердно работавшее по приготовленіямъ къ спектаклю. Спектакль прошелъ очень оживленно. Въ немъ принимали участіе Левъ Львовичъ, Сергѣй Львовичъ, Татьяна Львовна, какой-то молодой и очень красивый князь, кажется, исполнялъ роль Курчагина, и др.

Въ числѣ зрителей было два видныхъ въ то время писателя. Послѣ спектакля, окончившагося около 12 часовъ, мы уѣхали домой.

Утромъ, за чаемъ, мы начали дѣлиться впечатлѣніями отъ спектакля. О. Василій при этомъ очень много говорилъ мнѣ о Левѣ Николаевичѣ. Много рассказывалось мнѣ объ образѣ жизни Льва Николаевича, о его любви бесѣдовать съ крестьянами и помогать имъ. Для оказанія помощи крестьянамъ онъ, обыкновенно, каждую субботу выѣзжалъ верхомъ на осликѣ въ село и раздавалъ нуждающимся по три рубля на семью. Кромѣ того, по рассказамъ о. Василя, Левъ Николаевичъ любилъ посѣщать и его церковь, но эта любовь его продолжалась не долго. Въ описываемый періодъ времени, по свидѣтельству о. Василя, у графа происходилъ внутреннй переломъ. Графъ чего-то искалъ, чего-то ему не доставало. Въ это время графъ путешествуетъ съ своимъ лакеемъ въ одеждахъ простыхъ крестьянъ и лаптяхъ въ Оптину Пустынь къ извѣстному въ то время старцу, Амвросію. Объ этомъ путешествіи самъ графъ рассказывалъ о. Василю въ такомъ видѣ. „Когда пришелъ я, говорилъ графъ, въ эту пустынь и попросилъ себѣ для отдыха отдѣльную комнату, то мнѣ сказали: „ишь захотѣлъ, сиволапый, отдѣльной комнаты, иди, вонъ тамъ въ подвалѣ для васъ мѣсто“; не менѣе грубый отвѣтъ мнѣ былъ, когда я попросилъ самоварчика. Къ о. Амвросію меня не допустили. Такъ было бы и дальше, если бы, случайно, не обнаружили моего инкогнито. А это такъ случилось. Въ Оптиный получилась письмо на мое имя. Начали меня искать среди богомольцевъ и скоро узнали меня по перстню на рукѣ, который я забылъ снять. Когда же я былъ узнанъ, отношенія ко мнѣ измѣнились; самъ Амвросій пригласилъ меня къ себѣ. „Въ заключеніи своего разсказа о посѣщеніи Оптиной Пустыни Левъ Николаевичъ характерно высказалъ, что и „тамъ различаютъ лапти съ сапогами“ и что „о. Амвросій хорошій старикъ, но священное писаніе плохо знаетъ“.

Н. П. С.

Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.г. ¹⁾.

Получивъ предложеніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „дальнѣйшее стремленіе на югъ замѣнить новыми дополнительными работами въ древнемъ городѣ Хара-хото“, мы приступили къ выполнению вновь намѣченной программы. Съ двадцатыхъ чиселъ декабря 1908 г., пошли энергичные сборы, а послѣ встрѣчи новаго, 1909, года 6-го января, я уже отправился въ Амдо, съ расчетомъ—весной возвратиться въ Алашань и до наступленія высокихъ жаровъ прибыть въ Хара-хото.

Несмотря на самый холодный зимній мѣсяць, январь, въ который экспедиція двинулась въ дорогу, вначалѣ мы не ощущали изнурительныхъ холодовъ, въ особенности тамъ, гдѣ маршрутъ экспедиціи пролегалъ въ непосредственной близости глубокой, теплой долины Хуанъ-хэ, но по мѣрѣ проникновенія въ область горъ, зима давала себя чувствовать во всей полнотѣ. Недоставало лишь снѣгового покрова, да и то только въ долинахъ, гдѣ кромѣ того травянистыя, отливавшія желтизной, степи пестрѣли многочисленными стадами скота. Черные шатры туземнаго населенія также оригинально выдѣлялись на скатахъ безснѣжныхъ холмовъ, сбѣгавшихъ на дно ручьевъ или рѣчекъ, ледяная поверхность которыхъ серебристо блестяла на яркомъ здѣшнемъ солнцѣ.

Общая характеристика амдоскаго нагорья можетъ быть прирав-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июнь 1911.

нена къ характеристикѣ наиболѣе мягкихъ частей Тибета, расположенныхъ на востокѣ или югѣ этой обширной страны, гдѣ абсолютная высота мѣстности отъ 16-ти тысячъ футовъ спускается до 12-ти или даже 11-ти тысячъ (футовъ).

Амдо привольно раскинулось къ югу отъ альпійскаго бассейна Куку-нора, расплываясь болѣе или менѣе высокими волнами горъ, грядъ, холмовъ къ востоку и западу отъ Хуань-хэ, ея верхняго нагорнаго теченія. Главныя цѣли горъ ориентированы въ широтномъ направленіи съ неодинаковымъ уклономъ къ сѣверу и югу. Снѣговая линия абсолютно поднята выше 15.000 футовъ. Какъ и въ Тибетѣ,—въ верховьяхъ долинъ залегаютъ характерныя луга твердой тибетской осоки, по которой пасутся стройныя горныя антилопы-ада и во множествѣ держатся большіе тибетскіе жаворонки, въ ясные проблески дня оживляющіе мелодичнымъ пѣніемъ монотонность страны. Горы вообще богаты тибетскими формами растеній, начиная съ низкорослыхъ кустарниковъ до альпійскихъ луговъ включительно; животная жизнь также однообразна съ тибетскою. Здѣсь только путешественникъ не встрѣчаетъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго, вѣтѣсенныхъ обиліемъ кочевниковъ.

Видѣнные нами амдосцы по иаружности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ описанныхъ нами на страницахъ моей книги „Монголія и Камъ“ восточныхъ тибетцевъ. Они имѣютъ тотъ же средній ростъ, рѣже большой, то же плотное коренастое сложеніе, тѣ же большіе черные глаза, тотъ же неприплюснутый, иногда даже орлиный, носъ и тѣ же среднія уши.

Пища, одежда и жилище у кочевыхъ амдосцевъ одинаковы съ таковыми восточныхъ тибетцевъ. Нравы и обычаи также очень близки; разница можетъ быть наблюдаема лишь при детальныхъ изученіяхъ тѣхъ и другихъ обитателей. И у амдосцевъ мужской элементъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ норовитъ составить компанію для праздныхъ разговоровъ. Въ лучшемъ случаѣ амдосцы ѣдутъ на охоту или на грабежъ. Домашнія же работы, какъ-то: уходъ за скотомъ, сборъ топлива, водоношеніе и многое другое, короче—все, ложатся на женщину. Въ то время какъ женщина въ теченіе дня трудится, что называется, не покладая рукъ, мужчина скучаетъ отъ бездѣйствія и идетъ къ ней на помощь только тогда, когда женщина физически не въ состояніи съ чѣмъ-либо справиться. Верхомъ на лошади амдоска такъ же ловка, какъ и амдосецъ; поймать изъ табуна любую лошадь, ухватиться рукой за гриву и, быстро вспрыгнувъ на спину неосѣдланнаго животнаго, лихо нестись въ желаемомъ направленіи—въ привычкѣ каждой молодой амдоски.

Какъ женщины гордятся своими бусами и серебромъ, такъ одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспѣхами, въ особенности ружьемъ и саблей, на украшеніе которыхъ серебромъ и цвѣтными камнями тратится не мало денегъ. Боевымъ видомъ, молодечествомъ, удалю въ Амдо, какъ и вообще въ Центральной Азіи, главнымъ образомъ и оцѣниваются достоинства людей, способныхъ быть начальниками. Рѣзвые кони, съ хорошимъ звонкимъ убранствомъ, уже издали привлекаютъ вниманіе придорожнаго населенія или каравана. Пестрый, — темнокрасный, синій, желтый, — парядъ очень краситъ гордыхъ амдосцевъ, амдоскихъ чиновниковъ, передъ которыми мѣстные простолюдины смиренно и низко склоняютъ головы.

Въ послѣднее время нельзя не отмѣтить особеннаго, рѣзко бросающагося въ глаза стремленія амдосцевъ къ приобрѣтенію европейскаго оружія. Тѣ обитатели Амдо, которыхъ мы встрѣчали или въ дорогѣ, или у себя на бивуакѣ, часто бывали вооружены именно магазинными винтовками, содержащимися въ образцовомъ порядкѣ, съ придѣланными къ нимъ сошками для болѣе мѣткой стрѣльбы въ долинахъ по звѣрямъ, какъ это всегда устраиваютъ центрально-азіатцы у своихъ примитивныхъ фитильныхъ самопаловъ. Амдосцы съ гордостью показывали намъ ихъ магазинки, въ свою очередь прося насъ показать имъ русскую винтовку. Разборку и сборку европейскихъ ружей амдосцы усвоили прекрасно, и всякаго рода манипуляціи съ ними они продѣлываютъ съ замѣчательной ловкостью и умѣньемъ. Сидя дома, отъ скуки, амдосецъ снимаетъ со стѣны ружье, холить, нѣжить и ласкаетъ его, словно мать свое любимое дѣтище. Патроны или заряды туземцы берегутъ съ замѣчательною выдержанностью. Легко представить себѣ, съ какою завистью амдосцы поглядывали на нашъ караванъ, на наши выюки, на наше однообразное вооруженіе. Я положительно убѣжденъ, что ни что другое не соблазнило, не толкнуло амдосцевъ рѣшительно броситься на насъ, какъ только наши винтовки, прелесть и превосходное качество которыхъ они уже успѣли оцѣнить по своимъ ружьямъ европейскихъ образцовъ. Недаромъ же китайцы такъ сильно протестовали противъ моего намѣренія двинуться въ Амдо, — имъ хорошо была извѣстна страсть этихъ обитателей убивать и грабить, — и согласились только въ томъ случаѣ, когда я выдалъ имъ новую подписку, что могуціи встрѣтиться въ Амдо неприятности и бѣды я беру на свою отвѣтственность.

Въ наиболѣе красивыхъ, привѣтливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уютныхъ уголкахъ Амдо устроены кумирни или монастыри, а при этихъ послѣднихъ нерѣдко и управленія начальниковъ и дома ихъ

приближенныхъ. При монастыряхъ же очень часто имѣютъ квартиры и торговцы—китайцы, которые, впрочемъ, при большихъ такихъ центрахъ группируются въ отдѣльныя колоніи.

Главнѣйшіе монастыри въ Амдо—Гумбумъ и Лавранъ, насчитывающіе въ своихъ обширныхъ храмахъ и многочисленныхъ постройкахъ тысячи ламъ, исповѣдующихъ главнымъ образомъ ученіе Цзонъ-хавы или такъ называемаго желтаго толка. Съ первымъ изъ этихъ монастырей я уже познакомилъ читателей, съ другимъ познакомлю ниже.

Послужившій для отдыха и дальнѣйшаго снаряженія экспедиціи оазисъ Гуй-дуй расположенъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ, въ просторной теплой долинѣ. Гуй-дуй представляетъ собою частью городское населеніе—чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, ютящихся внутри или внѣ, но подлѣ городскихъ глинобитныхъ стѣнъ, огораживающихъ весьма небольшой участокъ, прижатый къ Хуанъ-хэ, частью—поселянъ земледѣльцевъ, широко расплывшихся своими фермами по сторонамъ отъ стѣнъ, въ особенности вверхъ и внизъ по теченію Желтой рѣки. Кромѣ земледѣлія Гуй-дуй славится разведеніемъ хорошихъ садовъ. Гуй-дуйскія груши находятъ большой сбытъ на сининскомъ и гумбумскомъ сосѣднихъ рынкахъ.

По отношенію къ прилежащему нагорью, къ многочисленнымъ богатымъ кочевникамъ-скотоводамъ, Гуй-дуй играетъ видную роль, какъ мѣстовой рынокъ. Сюда номады везутъ сырьѣ, пригоняютъ скотъ, получая взамѣнъ хлѣбъ или сухую муку „дзамбай“, кирпичный чай, предметы домашняго обихода и своеобразной роскоши. Ловкіе торговцы-китайцы выгодно торгуютъ мѣстной водкой, къ которой кочевники такъ падки. Въ базарные дни улицы Гуй-дуй'я полны номадами, ихъ пестрыми оригинальными нарядами; картины самаго занимательнаго характера представляются на каждомъ шагѣ. Какъ и въ Донгэрѣ, въ Гуй-дуй'ѣ кочевники чувствуютъ себя будто дома; и здѣсь они горды, надменны, смѣлы и своимъ воинственнымъ видомъ внушаютъ китайцамъ страхъ и уваженіе.

Представителями китайской администраціи въ Гуй-дуй'ѣ являются двое небольшихъ чиновниковъ: гражданскій и военный. Съ тѣмъ и другимъ, съ первой встрѣчи, у насъ установились хорошія отношенія. По временамъ мы навѣщали другъ друга или совершали совмѣстныя прогулки въ окрестности. Въ тихомъ, симпатичномъ Гуй-дуй'ѣ наша жизнь текла мирно, однообразно. Сосѣди поселяне къ намъ скоро привыкли и стали заглядывать въ занимаемую нами кумирню ежедневно; одни—съ цѣлью послушать нашъ граммофонъ, другіе—полѣчиться отъ болѣзни глазъ, желудка или ревматизма.

Запасы нашей аптеки, здѣсь, значительно поубавились. Благодарные пациенты иногда приносили въ даръ фрукты и хлѣбы...

Погода въ теченіе трехмѣсячнаго пребыванія экспедиціи въ Гуй-дуй², въ общемъ, стояла довольно хорошая, въ особенности въ осенніе мѣсяца—октябрь и ноябрь, когда преобладали тихіе солнечные дни. Въ первой половинѣ октября еще не чувствовалось осени, такъ какъ солнце пригрѣвало по-лѣтнему и на многихъ деревьяхъ еще прочно держалась листва, но въ концѣ отмѣченнаго мѣсяца и въ началѣ ноября воздухъ значительно посвѣжѣлъ, деревья обнажились и вершины сосѣднихъ горъ стали покрываться снѣгомъ. Въ декабрѣ преобладала облачность и восточные или сѣверные вѣтры, приносившіе стужу, а также и сухой, тонкій снѣгъ, не надолго прикрывавшій собою долину. Тонкая, лёссовая пыль опускалась на землю, даль открывалась. Въ прозрачной синевѣ неба носились крылатые хищники...

Приспособивъ для жилья кумиренное зданіе, мы въ немъ удобно размѣстились и за постояннымъ дѣломъ не замѣчали, какъ бѣжало время. Мои сотрудники совершали частыя экскурсіи въ горы или въ долину, мнѣ же лично, въ ноябрѣ, удалось сѣздить въ монастырь Чойбзэнъ-хитъ, лежащій къ сѣверу отъ Синина, и пробыть въ немъ достаточное время для ознакомленія и изученія его интересныхъ храмовъ и главнаго чойбзэнскаго перерожденца. Послѣдній, мой старый знакомый, еще со времени экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, принялъ меня радушно и позволилъ, между прочимъ, снять съ себя цѣлую серію фотографій...

Чойбзэнскій гэгэнъ съ гордостью показалъ мнѣ подарокъ Географическаго Общества, содержащійся въ образцовомъ видѣ; а когда мы съ нимъ обходили его уютный домъ-молельню и въ одной изъ лучшихъ комнатъ, рядомъ съ бурханами, я увидѣлъ большую олеографію „Коронація императора Николая II-го“, и по этому поводу глубокомысленно взглянулъ на святителя, то онъ благоговѣнно устремилъ глаза вверхъ, приложивъ правую руку къ груди...

...Распрощавшись съ гуй-дуйцами, прекрасно относившимися къ экспедиціи, мы утромъ означеннаго дня направились въ интересный путь. Небо было прекраснаго темно-синяго цвѣта; солнце пригрѣвало ощутительно; дорога, сухая, пыльная, представляла своего рода удобства и неудобства, и нашъ караванъ, состоявшій изъ двѣнадцати вьючныхъ и столькихъ же верховыхъ лошадей или муловъ, ходко шагаль сначала по знакомому оазису, а затѣмъ по южному ущелью рѣчки Ранэнъ-жацонъ, которая привела насъ на горячіе ключи Чи-чю.

Здѣсь была наша первая ночевка. Между монастыремъ и горячими цѣлебными ключами мы разбили лагерь. Наши бѣлые шатры красиво отливали на золотистомъ фонѣ дэрэсуна (*Zasiagrostis splendens*), достигавшаго роста человѣка. Это привѣтливое мѣстечко уже было мнѣ знакомо по моей декабрьской экскурсіи къ источникамъ, тахітал'ная температура которыхъ опредѣлилась 85,2° С. Теперь здѣсь никого не было, но въ первое мое посѣщеніе я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ и'голоковъ, прїѣзжающихъ сюда для лѣченія съ извилины Желтой рѣки. Тогда же пользовались ваннами и примитивно устроенными приспособленіями къ нимъ и ламы ближайшихъ монастырей. Ущелье, гдѣ выбѣгаютъ источники, обставлено высокими холмами, обнажающими у подножій болѣе или менѣе крушыны валуны, въ среднемъ же поясѣ—красный песчаникъ, пестрѣвшій широкими полосами.

Ночь спустилась на землю очень скоро. Прозрачное небо заискрилось массой яркихъ звѣздъ, изъ которыхъ эффектно выдѣлялся красавецъ Сатурнъ, которымъ мы нерѣдко любовались въ трубу въ Гуй-дуй'ѣ, во время астрономическихъ наблюдений. Сосѣдній монастырь, казалось, уже погрузился въ дремоту, но нашъ лагерь былъ долго оживленъ голосами русскихъ, китайцевъ и тангутовъ. Яркій костеръ привлекалъ компанію побесѣдовать о впереди лежавшей мѣстности.

Съ зарей слѣдующаго дня, 7-го января, караванъ снялся и пошелъ въ прежнемъ, южномъ направленіи съ цѣлью выбраться изъ глубокой вырѣзки общей долины Хуанъ-хэ на прилежащее плато. Такъ какъ верховья рѣчекъ и ручьевъ образовали много ледяныхъ каскадовъ, то мы принуждены были цѣпляться по страшной крутизнѣ глинистыхъ или лессовыхъ обрывовъ, прежде нежели поднялись на нагорье, гдѣ вздохнули свободнѣе, и гдѣ караванъ вновь пошелъ надлежащимъ ходомъ.

Къ востоку отъ нашего пути выростали горы, къ западу открывалась долина Желтой рѣки, порою суживающаяся настолько, что представлялась гигантской темной змѣей. На смѣну осѣдлаго населенія появилось кочевое. Вершины новыхъ грядъ или холмовъ открывали и новые виды, новыя долины, густо заполненныя кочевниками и ихъ стадами. Мы стали держаться юго-западнаго направленія, пристраиваясь на ночлегъ въ сосѣдствѣ тангутскихъ стойбищъ. Во время передвиженія каравана насъ сопровождали цѣлыя кавалькады всадниковъ, подгонявшихъ новыхъ вьючныхъ животныхъ,—яковъ или быковъ,—которыми мы скорѣ замѣнили усталыхъ лошадей и муловъ.

Первая дневка предполагалась въ тангутскомъ княжествѣ Луцца,

котораго мы на пятый день своего пути отъ Гуй-дуй'я благополучно и достигли.

Ставка лущаскаго управителя располагалась въ превосходной пастбищной долинь, поперекъ которой экспедиція шла цѣлый день, держа направленіе на известную группу черныхъ палатокъ, или банаговъ. Подѣзжая къ ставкѣ, я былъ встрѣченъ сначала сыномъ князя, молодымъ, красивымъ амдосцемъ, и княжеской дворней, а затѣмъ и самимъ старикомъ „Лу-хомбо“, какъ его называютъ окрестные обитатели, производившимъ впечатлѣніе крѣпкаго, закаленного въ бояхъ, воина. Князь пригласилъ меня къ себѣ въ обширную палатку, гдѣ уже было готово обычное угощеніе: чай и свѣжее, только что испеченное изъ самой простой муки, печенье. Князь сѣлъ противъ меня, прося не стѣсняться, а ѣсть и пить какъ слѣдуетъ. Кирпичный чай, приправленный солью, молокомъ и масломъ, вначалѣ кажется противнымъ, но я уже достаточно привыкъ къ азіатскому напитку и съ аппетитомъ поглощалъ чашку за чашкой; сынъ Лу-хомбо то и дѣло подливалъ мнѣ чая и подкладывалъ новыя печенья, поджаренныя на бараньемъ салѣ.

Принявъ угощеніе, я пожелалъ выбрать мѣсто для лагеря экспедиціи; старикъ и молодой князь оба направились со мною и помогли разрѣшить этотъ вопросъ. Мы остановились на открытой площадкѣ, залегавшей саженахъ въ ста отъ княжеской ставки. Тѣмъ временемъ подошелъ и караванъ, который лишь только былъ развьюченъ, какъ оба князя попросили у меня отпустить всѣхъ моихъ спутниковъ на чай, послѣ дороги. Все, казалось, идетъ самымъ лучшимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что при экспедиціи слѣдовалъ официальный китайскій переводчикъ изъ сининскаго управленія, снабженный всякаго рода бумагами для оказанія намъ содѣйствія со стороны амдосцевъ.

Угостивъ нашихъ молодецвъ, князья и ихъ свита направились въ нашъ лагерь и положительно его осадили. Князья были приглашены въ офицерскую палатку; оба они оказались большими любителями выпить и безъ всякаго стѣсненія спросили у меня русской водки, поднимая вверхъ, въ знакъ одобренія, оба большихъ пальца.

Мнѣ хотѣлось получше угостить перваго важнаго амдосца и мы поставили передъ княземъ Луцца бутылку коньяку. Къ сожалѣнію, коньякъ былъ выпить очень быстро, легко, и не удостоился похвалы, наоборотъ скорѣе заслужилъ насмѣшку. Жалко было уничтоженной бутылки такого дорогаго напитка, который мы привезли изъ далекаго Петербурга и который берегли какъ драгоценное лекарство. Подумавъ немного, я предложилъ дикарямъ-

гостямъ самаго крѣпкаго спирта, хранящагося въ запасахъ экспедиціи для коллективированія рыбъ, змѣй, ящерицъ и проч. Князья одобрили его, и старикъ немного подвыпилъ. На счастье, въ-время пришла старушка-княгиня, маленькая тщедушная женщина, и увела захмѣлѣвшаго старика, по дорогѣ проронившаго: „завтра будемъ говорить о дѣлахъ, о вашемъ дальнѣйшемъ пути, а сегодня я жду подарковъ“. Подарки дѣйствительно частью уже князь получилъ, частью были направлены вслѣдъ за нимъ.

Два дня шли безплодные переговоры, не приведшіе ни къ какому положительному результату. Для князей всего предлагаемаго нами, — и новыхъ подарковъ, и самой высокой платы за животныхъ и проводниковъ, — было недостаточно; они стояли на своемъ: „подарите вашу русскую винтовку и ящикъ патроновъ, тогда мы выпустимъ васъ изъ своихъ владѣній“. Когда и на эту комбинацію, скрѣпя сердце, я вынужденъ былъ, наконецъ, согласиться, тогда Лу-хомбо сказалъ: „сейчасъ придетъ къ вамъ мой сынъ посмотрѣть еще разъ вашу винтовку, а я уйду домой“. Явился сынъ, гордо и надменно вошедшій въ казачью палатку, гдѣ и принялся за самый внимательный осмотръ нашей магазинки. Въ концѣ концовъ, онъ съ прежнею надменностью заявилъ: „ваше ружье—скверное, оно ничего не стоитъ“... и ушелъ. Нашъ лагерь понемногу опустѣлъ; на пемъ остались лишь тѣ немногіе луццасы, которые не могли отличить чужой отъ своей собственности и которые чуть не на глазахъ нашихъ стацили всѣ аптечные бинты и марлю...

Старый князь собралъ совѣтъ старшинъ-головаговъ; на этомъ совѣтѣ, какъ выяснилось впоследствии, и было рѣшено уничтожить насъ, чтобы воспользоваться всѣмъ нашимъ оружіемъ и проч. Мы же не допускали мысли, что на насъ готовится предательское нападеніе, и тѣмъ болѣе могли не знать, что Лу-хомбо на совѣтѣ одобрилъ предложеніе сына и прочей молодежи напасть на насъ глухою ночью, перебить, переколоть горсточку русскихъ, воспользоваться ихъ самымъ цѣннымъ добромъ, а китайцу переводчику, ночевавшему всегда въ княжеской палаткѣ, затѣмъ заявить, какъ заявили намъ на другой день послѣ неуспѣшной атаки, что нападавшіе были не ихъ однохошунцы, а обитатели сосѣдняго аймака, ихъ отъявленные враги, нагрянувшіе въ Луцца съ цѣлью отомстить луццасамъ за своихъ убитыхъ нѣкогда товарищей, но случайно напавшіе на русскихъ...

Вечеръ 12-го января былъ особенно тихимъ со стороны княжеской ставки. Сумерки погасли скоро, на землю спустилась темная, облачная ночь. Отъ сининскаго переводчика мы узнали, что князь

согласился распорядиться подводами на завтрашній день на условіяхъ самыхъ послѣднихъ, т. е. по баснословно дорогой цѣнѣ за каждое отдѣльное животное и за каждого изъ пятнадцати проводниковъ, тогда какъ въ сущности мы нуждались въ одномъ; но намъ навязывали ихъ непременно пятнадцать человѣкъ, якобы, одинъ—два не въ состояніи будутъ возвратиться домой живыми и неограбленными. О ружьяхъ и патронахъ болѣе не упоминалось.

На эту ночь особенныхъ приготовленій мы никакихъ не дѣлали и улеглись спать, за исключеніемъ часового, раздѣтыми, тогда какъ предыдущую ночь провели въ полной боевой готовности, слыша со стороны ставки подозрительный топотъ и выкрики амдоскихъ воиновъ.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ ночи винтовочный выстрѣлъ поднялъ всѣхъ насъ на ноги; то былъ выстрѣлъ подскакавшаго на бивуакъ разъѣзда по нашему часовому, который громко крикнулъ: „нападеніе, вставайте!“ въ свою очередь открывъ огонь по удиравшимъ двумъ всадникамъ. Въ минуту—двѣ и мы выскочили изъ палатокъ, конечно, кто въ чемъ былъ, съ ружьями въ рукахъ, но уже никого не видѣли; слышенъ былъ только рѣзкій топотъ копытъ быстро скакавшихъ коней. Едва мы успѣли одѣться, полностью вооружиться и стать въ боевую линію, какъ съ той же западной стороны, куда ускакалъ разъѣздъ, слышали новый топотъ коницъ, постепенно усиливающейся, и вмѣстѣ съ тѣмъ завидѣли черное пятно, выроставшее по мѣрѣ приближенія тангутовъ къ нашему лагерю. Темная январьская ночь была единственной свидѣтельницай всего того, что произошло между маленькою горсточкой русскихъ и сотеннымъ отрядомъ дикихъ номадовъ, мчавшихся въ карьеръ, съ пиками на перевѣсѣ, на маленькій лагерь иностранцевъ, открывшихъ огонь шаговъ на 400—500 навстрѣчу атаковавшихъ. Огонь восьми нашихъ винтовокъ описывалъ непрерывную огненную змѣйку, ярко сверкавшую въ темнотѣ ночи. Разбойники не выдержали, не доскакали какой-нибудь полусотни шаговъ,—вфронтно, и того меньше, — круто повернули въ сторону и тотчасъ скрылись въ глубинѣ ложины. Однако, гулкій топотъ копытъ по сухой промерзшей почвѣ долго слышался въ тишинѣ. Все описанное произошло такъ быстро, такъ стремительно, что вначалѣ казалось какъ-то таинственнымъ призракомъ; это былъ какой-то дикій вихрь или ураганъ, промчавшійся Богъ вѣсть откуда и куда... Не стой мы въ полной боевой готовности навстрѣчу этому грозному урагану, ничто не спасло бы насъ отъ стремительности разбойниковъ,—ихъ пикъ и сабель. Дѣйствительно, если бы разбойники не послали разъѣзда снять нашего часового и тѣмъ самымъ не подняли бы насъ на ноги, ихъ планъ навѣрно удался

бы... ихъ атака въ темнотѣ ночи сдѣлала бы свое дѣло. Но Богъ судилъ иначе... И какъ мнѣ не вѣрить въ мою счастливую звѣздочку!..

Едва мы успѣли опомниться отъ всего происшедшаго, какъ со стороны ставки князя услышали выкрики Лу-хомбо и его сына: „Что случилось? Не перерубили ли русскихъ наши сосѣди-враги?.. Какой сильный огонь былъ“... и проч. Такъ, потомъ, передавалъ намъ сининскій переводчикъ, отъ страха потерявшій голову. Чтобы скорѣе удовлетворить любопытство, старикъ-князь прислалъ въ нашъ лагерь своего сына, который былъ крайне удивленъ, что мы всѣ цѣлы и невредимы, стоимъ въ полномъ боевомъ порядкѣ и ждемъ новой атаки... Теперь равнина огласилась дикими криками, пальбой вдали и чѣмъ-то зловѣщимъ, продержавшимъ всѣхъ насъ подъ ружьемъ порядочное время. Мы уже больше не вѣрили этимъ негодьямъ и стали съ этой, чуть не роковой, ночи спать, не раздѣваясь, въ объятіяхъ съ ружьемъ и патронами въ теченіе всей зимней экскурсіи.

Утромъ 13-го января я поздравилъ моихъ молодцовъ-спутниковъ старшими или младшими унтеръ-офицерами или урядниками и выяснилъ имъ положеніе, въ которомъ мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похвалившій всѣхъ насъ за молодецки отбитую атаку. Я въ шутливомъ тонѣ спросилъ князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть съ нами такую злую шутку. На это гордый старикъ отвѣтилъ: „Собственной рукой зарублю, а если окажется раненымъ, то и заколю того, кто осмѣлился бы изъ моихъ людей принимать участіе въ набѣгѣ“. Лу-хомбо расвирился, гнѣвные глаза властнаго старика метали искры, онъ нервно вздрагивалъ и машинально поворачивалъ на головѣ свою мѣховую „атаманскую“ шапку; порою даже сбрасывалъ рукавъ съ праваго плеча, обнажая спину и на ней зарубцеванныя раны,—старый воинъ выдвигалъ виды. Теперь я сталъ вѣрить, что Лу-хомбо никогда ни кому не давалъ даже обычныхъ подарковъ, какъ онъ мнѣ объ этомъ заявилъ въ первый день нашего знакомства, но самъ со всѣхъ бралъ столько, сколько хотѣлъ. Кажется, въ первый разъ князю пришлось сознаться въ своемъ безсиліи...

Чтобы не навлечь на себя еще большихъ подозрѣній и не дать намъ узнать объ убитыхъ и раненыхъ, о чемъ мы узнали только черезъ нѣсколько дней и переходовъ, — Луцаскій князь поторопился сплавить насъ, назначивъ въ начальники проводниковъ сына и угостивъ насъ въ дорогѣ неизмѣннымъ кирпичнымъ чаемъ и жирнымъ печеньемъ.

Отъ доставки экспедиціи въ монастырь Рарчжа-гомба, какъ я того желалъ, лунцасы отказались наотрѣзъ, мотивируя свое нежеланіе высокимъ снѣговымъ хребтомъ на пути, но, вѣроятно же всего, боязнью н'голоковъ—такихъ же разбойниковъ, какъ и они сами, которые давно грозятъ Лу-хомбо набѣгомъ „за прежніе, давніе грѣхи стараго волка“. Князь продиктовалъ нашъ длинный окружный маршрутъ своему сыну, съ наказомъ передать его зятю старика, обязанному затѣмъ доставить экспедицію съ тѣмъ же наказомъ, въ линію круговаго пути, залегавшаго въ районѣ монастырей Рарчжа-гомба—Лавранъ.

Подобный удлинненный и круговой маршрутъ, составленный княземъ Лунца въ цѣляхъ доставить заработокъ роднымъ и знакомымъ старшинамъ, былъ полезенъ и для насъ, такъ какъ давалъ возможность познакомиться съ самымъ интереснымъ, невѣдомымъ, уголкомъ Амдоскаго нагорья. Правда, это изслѣдованіе стоитъ намъ очень дорого въ физическомъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. До прихода въ монастырь Лавранъ мы ложились спать, не раздѣваясь и не разставаясь съ ружьемъ; ночные караулы держали самые строгіе, самые усиленные; при малочисленности участниковъ зимней экскурсіи на часахъ приходилось стоять всѣмъ намъ черезъ ночь въ продолженіе пяти-шести морозныхъ часовъ, а на другой день слѣдовать въ дорогѣ со всякаго рода наблюденіями и сборами коллекцій ¹⁾ на высотѣ, на три-четыре версты превышающей Петербургъ. Нервы наши были напряжены до крайности. Надо было имѣть большое терпѣніе, чтобы перенести все это и платить разбойникамъ во много разъ больше слѣдуемаго. Неудивительно, поэтому, что монастырь Лавранъ мы ждали словно манны небесной.

Лавранъ, большой историческій монастырь, играетъ громадную роль въ жизни не только прилежащихъ, но и отдаленныхъ номадовъ. Сюда періодически стекаются десятки тысячъ буддистовъ помолиться и поклониться лавранскимъ святынямъ, а также и устроить свои дѣла. Лавранъ—младшій братъ Гумбума, но онъ превзошелъ его богатствомъ и великолѣпьемъ.

Своимъ возвышеніемъ Лавранъ обязанъ второму перерожденцу съ именемъ Жигмэдъ-вамбо, энергичному, умному, и его ученику

¹⁾ Суевѣрные туземцы въ нашемъ намѣреніи разузнать что-либо объ ихъ странѣ и осмотрѣть горы и отбить образчикъ горной породы видѣли для себя большое несчастье, — увозъ русскими ихъ „благъ природы“, — поэтому противъ нашихъ открытыхъ наблюденій страшно протестовали. Пришлось вести ихъ втихомолку.

Гунтань-Дамби-Донмэ, который своими сочиненіями по философіи буддизма и преподавательской дѣятельностью поставил лавранскую школу „цаннида“ въ блестящее положеніе.

Изъ многочисленныхъ храмовъ Лаврана наибольшаго вниманія заслуживаютъ: цокчэнъ-дуканъ—главный соборный храмъ, затѣмъ Сэрдунъ-чэмо или храмъ Майтреи, принадлежащій перерожденцамъ Жамьянъ-шадбы, расположенный въ сѣверо-западной окраинѣ монастыря. Этотъ храмъ имѣетъ золотую кровлю въ китайскомъ стилѣ. Внутри храма находится большая статуя бодисатвы Майтреи. Какъ и всѣ лхаканы, Сэрдунъ-чэмо имѣетъ стѣнные картины. На внутренней стѣнѣ, налѣво отъ входной двери, находится громадная рукописная надпись на полотнѣ. Эта надпись, по свидѣтельству Б. Б. Барадійна, излагаетъ на тибетскомъ языкѣ исторію храма и описаніе священныхъ реликвій, находящихся въ храмѣ. Между прочимъ здѣсь перечисляются тѣ священные предметы культа, которые вложены во внутрь самой статуи. Въ числѣ этихъ предметовъ упоминается, какъ самая сокровенная изъ вложенныхъ реликвій — санскритская рукопись на пальмовыхъ листахъ сочиненіе учителя Будданаалиты—о философіи середины ¹⁾).

Лавранъ—слово тибетское, означаетъ гэгэнскій покой, домъ. Какъ монастырь Лавранъ основанъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Основатель его—Жамьянъ-шадба, имѣющій четвертое перерожденіе, успѣлъ только построить небольшой соборный храмъ, основать цаннидскую и гьудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основаніи Лаврана особенное вниманіе было обращено на то, чтобы монастырь этотъ выгодно отличался отъ другихъ своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройствомъ монашескаго общежитія. Дѣйствительно, правственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монаховъ Лаврана и ими знаменитаго его перваго іерарха въ связи съ великолѣпіемъ храмовъ привлекали и продолжаютъ привлекать къ себѣ благочестиво настроенныхъ буддистовъ со всѣхъ концовъ Амдо.

Общій составъ монашескую братію исчисляется почти въ 3.000 человекъ при 18-ти большихъ и 30-ти малыхъ гэгэнахъ, или перерожденцахъ ²⁾).

¹⁾ Тибетцы и вообще постводатели тибетскаго буддизма имѣютъ обыкновеніе складывать внутрь статуи наиболее цѣнные сокровенные предметы культа.

²⁾ Лавранскіе гэгэны, по наблюденіямъ Барадійна, имѣютъ чрезвычайно строгое воспитаніе, направленное на то, чтобы умѣть вышить симпатіи и преклоненіе толпы проповѣдью, умѣть держать себя съ до-

При этомъ монастырѣ имѣется цаннидская школа, своего рода университетъ или духовная академія, въ которой проходитъ философія буддизма, и четыре школы для средняго образованія—гюдская, дуйнкорская, кьюдорская и такъ называемая медицинская—Манбадуканъ¹⁾. Слушателями этихъ просвѣтительныхъ учреждений являются ламы изъ Тибета, Амдо, Монголіи и даже нашего Забайкалья—буряты, а профессорами и учителями—достоинѣйшіе изъ ламъ, мѣстныхъ или тибетскихъ. Лучшими лекторами ламы студенты считаютъ двухъ заслуженныхъ профессоровъ: Хори-Роопсылъ—по богословію и Гунтунъ-Лодонъ—по буддизму вообще, мѣстныхъ уроженцевъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ламы, окончившіе курсъ лавранскаго университета, направляются на нѣсколько лѣтъ въ Лхасу для окончательнаго укрѣпленія въ наукѣ. Мнѣ очень отрадно было встрѣтить въ Лавранѣ въ числѣ мѣстныхъ студентовъ нашихъ бурятовъ, одинъ изъ которыхъ по имени Гуру-Дарма-Цырам-

стонствомъ и т. п. Для этого съ малыхъ лѣтъ до полнаго совершеннѣтій гэгэны подвергаются суровому режиму монашеской и школьной жизни. Они находятся подъ постояннымъ надзоромъ своихъ наставниковъ, которые нерѣдко подвергаютъ своихъ святыхъ учениковъ жестокому наказанію за какое-нибудь попустительство. Благодаря такому воспитанію всѣ лавранскіе гэгэны являются по-своему весьма строгими и дѣльными людьми, тогда какъ большинство монгольскихъ, особенно халхаскихъ хубилгановъ, представляетъ прямую противоположность лавранскимъ гэгэнамъ.

1) Относительно школъ гюдской, дуйнкорской и кьюдорской, то въ нихъ, замѣчаетъ Барадійнъ, изучаютъ разныя системы буддійской символики. Въ буддизмѣ существуетъ отдѣлъ, называемый по-тибетски „ггудъ“ (санс. тантра), который называется тайной частью ученія. Эта система буддизма въ своей древней формѣ, въ интересахъ сохраненія своей тайны, отрицала всякую письменность, признавая только устное сообщеніе ученія учителя ученику. Дальнѣйшей стадіей ея развитія явилась символическіе приемы усвоенія буддійскихъ идей путемъ разнаго рода символическихъ положеній рукъ и пальцевъ рукъ, буквенныхъ формулъ, писанныхъ образовъ, статуи чертежей и т. д. Тайнымъ же ученіе называлось потому, что считалось недоступнымъ для непосвященныхъ. Въ настоящее время эта система потеряла всякій первоначальный смыслъ своей таинственности и превратилась въ Тибетѣ, въ Монголіи и у бурятовъ въ сложную систему разныхъ вышнихъ ритуаловъ, обрядностей. Учащіеся этихъ школъ занимаются исключительно практикой въ этихъ обрядностяхъ и заучиваніемъ обрядовыхъ руководствъ, а также изученіемъ основъ буддійской символики. Окончившіе курсъ въ школѣ символики получаютъ ученое званіе „аграмба“.

Въ медицинскій школѣ изучается индо-тибетская медицина, которая благодаря выработанной въкампъ врачебной практикѣ, основанной на строго-опытномъ изученіи природы органическаго и неорганическаго міра, до сихъ поръ служила однимъ изъ главныхъ орудій буддизма среди полукультурныхъ народностей. Окончившіе эту медицинскую школу получаютъ званіе „манрамба“.

пыловъ, хорошо говорилъ по-русски и далъ мнѣ не мало цѣнныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній. Цырэмпыловъ нынче оканчиваетъ лавранскій университетъ, а на будущій годъ предполагаетъ отправиться въ Лхасу для полученія законченнаго образованія, которое возможно пріобрѣсти только въ столицѣ Тибета. Благодаря своему географическому и этнографическому положенію Лавранъ ни въ одно изъ возстаній дунганъ не подвергался разоренію; это обстоятельство ставитъ его по богатству и сбереженію историческихъ памятниковъ выше прочихъ монастырей, переживавшихъ погромы. Лавранъ гордится самымъ первымъ металлическимъ изображеніемъ Будды, бывшимъ, по преданію, въ рукахъ самого основателя буддійскаго ученія. Въ лавранской сокровищницѣ наукъ, въ библиотечномъ храмѣ Бонинъ-зѣтъ-лхаканъ, хранятся старинныя индійскія и тибетскія сочиненія.

Кругомъ монастыря, за исключеніемъ сѣверной, прислоненной къ горамъ его части, устроены навѣсы съ вертящимися цилиндрами „хурдэ“. Вѣрующіе буддисты по цѣлымъ днямъ совершаютъ религиозный обходъ—„линггоръ“ монастыря и понутно вертятъ цилиндры, съ священными писаніями внутри. „Нужно замѣтить, говоритъ В. В. Барадійнъ, что подобнаго рода хурдэ часто служатъ границей монастырскаго района; кельи монаховъ нельзя выносить за границу этихъ цилиндровъ: это было бы вопреки убѣжденію, что внутри поясовъ этихъ цилиндровъ должны царствовать покой и счастье“.

Монастырь Лавранъ расположенъ въ очель привѣтливой неширокой долины, обставленной высокими горами, на сѣверномъ склонѣ убранными лѣсомъ, состоящимъ подъ строгой охраной монастыря. По дну долины стремительно катится прозрачная рѣчка Сон-чю,—одинъ изъ многочисленныхъ притоковъ Хуанъ-хэ, берущій начало на амдоскомъ нагорьѣ. Ниже монастыря по этой рѣчкѣ имѣются также участки еловаго лѣса, поднимающагося по склонамъ до гребней горъ; въ этихъ лѣсахъ наши препараторы свободно охотились за птицами и успѣли пополнить орнитологическую коллекцію рѣдкими экземплярами, какъ, на примѣръ, гималайскіе клесты, оливковыя кустарницы, мандаринскіе дятлы, франколины или всѣре, ушастые фазаны, фазаны Штрауха и нѣсколько видовъ синицъ и синичекъ. Среди послѣднихъ наиболѣе выдѣлялась, такъ называемая, изящная синичка (*Leptorocile elegans*), красиво блестящая на солнцѣ своимъ чуднымъ опереніемъ; эта милая птичка открыта Н. М. Пржевальскимъ въ его третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Воображаю, какъ хорошо должно быть въ Лавранѣ лѣтомъ, хотя и теперь, въ февралѣ, поднявшись на южную береговую террасу,

приходишь въ восхищеніе. На востокѣ и западѣ змѣится рѣчка, на сѣверѣ и югѣ громоздятся горы, облитыя лучами яркаго, яркаго солнца. Мягкая лазурь небесъ манить глазъ, волнобный рокотъ рѣчки и пѣніе птицъ ласкаетъ ухо. Взгляните съ высоты на монастырь, на его богатыя, оригинальныя постройки, на яркость красокъ, на пестрыхъ ламъ, толпами переходящихъ отъ храма къ храму и вы не нарушите, а дополните картину своеобразной прелести: съ дивнымъ величіемъ природы дивно сочетался человѣкъ въ своей молитвенной обстановкѣ.

„Во время лѣтнихъ школьныхъ перерывовъ, пишетъ Б. Б. Барадійнъ, назначаются особые дни, когда всѣ монахи отъ мала до велика выходятъ въ поле на день или на сутки въ окрестностяхъ Лаврана съ палатками и провизіей. Молодежь устраиваетъ разныя игры, а степенные монахи развлекаются разными прибаутками или рассказами изъ жизни буддійскихъ знаменитостей“.

„Также въ году бываютъ разныя религіозныя празднества, между которыми самымъ интереснымъ является театръ „Милай-цангъ“, основанный въ XIII вѣкѣ въ Лавранѣ въ честь знаменитаго тибетскаго поэта-философа и отшельника, пѣвца буддизма Миларайбы (XI в.). Этотъ театръ имѣетъ полусвѣтскій и полурелигіозный характеръ и играетъ въ Лавранѣ своеобразную роль публицистики. На сцену выходитъ горный отшельникъ Миларайба съ однимъ изъ его учениковъ и старикъ „Гонго-доржэ“, бывший охотникъ, а потомъ ревностный послѣдователь Миларайбы. Этотъ послѣдній, во время представленія, разоблачаетъ передъ многочисленными зрителями изъ духовенства, мірянъ и мірянокъ, всѣ темныя дѣла, творимыя знатными лицами Лаврана, посредствомъ намековъ, сатирическихъ и комическихъ выходокъ и рассказовъ. Передъ выходомъ на сцену этотъ актеръ обязаеъ дать клятву передъ статуей генія хранителя, что онъ будетъ справедливъ въ своихъ сужденіяхъ и не будетъ брать взятокъ“.

Во время нашего пребыванія въ Лавранѣ глава этого монастыря отсутствовалъ. Его замѣняли двое его старшихъ помощниковъ, свѣтскій и духовный. Съ первымъ изъ нихъ мнѣ удалось близко познакомиться и получить разрѣшеніе произвести фотографическіе снимки не только съ общаго вида монастыря, но и съ его главнѣйшихъ храмовъ въ отдѣльности.

Изъ монастыря Лаврана экспедиція выступила въ половинѣ февраля 1909 г. двумя партіями. Главный караванъ я направилъ прямою, ближайшею, дорогою въ Лань-чжоу-фу; самъ же, налегѣтъ, въ сопровожденіи переводчика китайскаго языка Полютова, пошелъ

туда же круговымъ путемъ, черезъ Сининъ, чтобы поблагодарить Сининскаго Цин-пай'я за все его заботы и хлопоты о нашей экспедиции. Какъ разъ въ это время возвратился въ Гумбумъ Далай-Лама и мнѣ посчастливилось вновь свидѣться съ главою буддизма и верховнымъ правителемъ Тибета. Далай-Лама принялъ меня съ любезностью и предупредительностью. Въ Гумбумѣ я прожилъ болѣе недѣли и ежедневно навѣщалъ лаврантъ—покой Далай-Ламы, проводя тамъ съ большимъ интересомъ по нѣскольку часовъ времени. Поѣздка въ Пекинъ, знакомство съ европейцами наложили извѣстный отпечатокъ не только на Далай-Ламу и его министровъ, но даже и на всю его свиту.

Молодой человекъ, по имени Намганъ, состоящій въ роли секретаря при особѣ Далай-Ламы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи до пяти большихъ и малыхъ фотографическихъ аппаратовъ, которыми съ успѣхомъ снималъ на пути его святѣйшества все то, что представлялось наиболѣе красивымъ и замѣчательнымъ.

...Принеся затѣмъ благодарность сининскимъ властямъ, я, въ половинѣ марта, прибылъ въ Лань-чжоу-фу, гдѣ уже двѣ недѣли проживалъ караванъ экспедиціи въ ожиданіи моего возвращенія.

Лань-чжоу-фу — резиденція вице-короля или генераль-губернатора провинціи Гань-су—красиво расположено на правомъ берегу быстрой, многоводной Хуань-хэ. Въ этомъ многолюдномъ торговомъ городѣ жизнь бьетъ ключемъ: улицы полны народомъ, магазины—товарами, привозимыми изъ Пекина и богатой Сы-чуани. Здѣсь не мало европейцевъ: миссіонеровъ, инженеровъ, техниковъ и другихъ дѣльцовъ. Черезъ Хуань-хэ воздвигается европейскій мостъ...

Своеобразную красоту и оригинальность придаютъ Лань-чжоу-фу четыре историческихъ башни, устроенныя на холмахъ, командующихъ надъ городомъ съ юго-запада, въ свое время сдерживавшія движеніе грозныхъ дунганъ изъ Хэ-чжоу.

Гарнизонъ города состоитъ изъ трехъ родовъ оружія и исчисляется въ шесть тысячъ человекъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-европейски. Видѣнные мною солдаты — приличная молодежь, приученная къ дисциплинѣ. Сигналы въ войскахъ приняты европейскіе, и мы ихъ слышали ежедневно въ утренніе и вечерніе часы—часы регулярныхъ занятій офицеровъ съ солдатами.

Вице-король Гань-су довольно энергичный и рѣшительный государственный дѣятель; его ближайшій помощникъ Нь-тай—также. Оба эти сановника приняли меня изысканно вѣжливо и деликатно и оказали экспедиціи полнѣйшее содѣйствіе.

Генераль-губернаторъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, подробно спрашивая объ Куку-норѣ, объ амдо'скомъ нагорьи. Въ простой бесѣдѣ со мною, онъ не разъ вспоминалъ также и Россію, называя по-русски города С.-Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ, Иркутскъ и озеро Байкаль, лежавшіе на его пути изъ Пекина, когда онъ ѣзжалъ къ намъ въ качествѣ китайскаго посланника; генераль-губернаторъ спрашивалъ меня о томъ, между прочимъ, закончена ли постройка круго-байкальскаго желѣзнодорожнаго пути. Болѣе всего вице-король былъ знакомъ, конечно, съ С.-Петербургомъ и его окрестностями, и восхвалялъ красоту зданій и качество дорогъ. На его языкѣ я слышалъ правильное русское произношеніе Петергофъ, Озерки и проч.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ, вице-король показалъ мнѣ образцово-сбереженный семейный портретъ нашего покойнаго Императора Александра III, о которомъ китайскій сановникъ хранитъ высокое и трогательное воспоминаніе.

Въ Лань-чжоу-фу намъ удалось также пополнить свою этнографическую коллекцію старинными образцами китайскаго художественнаго творчества, въ особенности въ отдѣлѣ бронзы; впрочемъ, на многіе, выдающіеся предметы пришлось только полюбоваться, такъ какъ они стоили большихъ денегъ, которыми мы подъ конецъ своего путешествія далеко не располагали, къ тому же систематическое приобрѣтеніе образцовъ буддійскаго культа, входившее въ нашу программу, не легко ложилось на бюджетъ экспедиціи, скорѣе его превышало.

Изъ Лань-чжоу-фу мы уже имѣли возможность панять монголовъ-подводчиковъ и отправиться въ Алашань верблюжьимъ караваномъ. Это пріятное передвиженіе нами исполнено въ двѣ недѣли.

Погода стояла благопріятная. Теплое солнышко ласкало насъ ежедневно. Всѣ невзгоды Амдо были позабыты. Даже нашъ пернатый спутникъ—грифъ-монахъ (*Vultur monachus*) и тотъ, отдохнувъ въ Лавранѣ и Лань-чжоу-фу, теперь легче переносилъ ѣзду и качку на вьючномъ верблюдѣ. Грифа, этого огромнаго крылатаго хищника, я купилъ въ Гуи-дуй'ѣ, у китайца. Грифъ скоро привыкъ къ намъ, освоился, но на китайцевъ и тангутовъ смотрѣлъ какъ на враговъ, съ которыми постоянно ссорился. Еще болѣе враждебно грифъ относился къ чужимъ собакамъ, ожесточенно нападая на нихъ и ударяя острымъ клювомъ и крыльями. Въ дорогъ, мы его целенали какъ младенца и клали въ корзину съ отверстіемъ для головы птицы. Но приходъ на стоянку, грифъ получалъ полную

свободу и порядочную порцію мяса. Такимъ образомъ, невольный нашъ спутникъ совершилъ путешествіе, при караванѣ, въ три тысячи верстъ съ лишкомъ, а затѣмъ на пароходѣ и желѣзной дорогѣ еще семь тысячъ верстъ прежде, нежели прибылъ въ С.-Петербургу, съ вагономъ экспедиціонныхъ коллекцій ¹⁾.

Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили въ пустынь, а седьмого апрѣля уже прибыли въ Дынъ-юань-инъ на складъ и метеорологическую станцію экспедиціи. Здѣсь все оказалось въ полномъ благополучіи и исправности.

Оазисъ Дынъ-юань-инъ, подъ жаркими лучами южнаго солнца, успѣлъ одѣтъ весеннее убранство. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтушихъ плодовыхъ деревьевъ. Лужайки отливали изумрудомъ. Ласточки съ пріятнымъ щебетаніемъ носились изъ стороны въ сторону. Но лучше всего въ Алашанѣ—это Алашанскій хребетъ, который въ прозрачное состояніе неба представляетъ очаровательное зрѣлище, въ особенности во время заката солнца, когда на его крутые склоны картинно ложится фіолетовая или сизая, чарующая глазъ, дымка...

Въ наше теперешнее пребываніе въ Дынъ-юань-инѣ, цинъ-ванъ со всѣмъ своимъ дворомъ отсутствовалъ. Его возвращеніе изъ Пенина ожидалось осенью. Отсутствие ванскаго двора наложило на городъ скучный отпечатокъ—жизнь замерла, торговля почти прекратилась, улицы опустѣли.

Отдохнувъ денекъ-другой въ Дынъ-юань-инѣ, мы энергично принялись за сортировку багажа и упаковку коллекцій, а также и за сложныя приготовленія къ путешествію въ пустынь лѣтомъ, и предстоящимъ занятіемъ на развалинахъ Хара-хото.

Въ концѣ апрѣля къ намъ прибылъ капитанъ Напалковъ, проложившій новый интересный путь по Гань-су, въ дополненіе къ картографіи, картографическимъ работамъ минувшаго года. Теперь участники экспедиціи собрались въ одно мѣсто, экспедиціонный багажъ-коллекціи въ одно цѣлое; но все это не надолго, такъ какъ изъ Дынъ-юань-ина намъ предстояли двѣ дороги: одна въ Хара-хото, другая въ Ургу. По первой, налегкѣ, съ большимъ числомъ людей—самъ-девятъ — отправился я, четвертаго мая (1909 г.); по второй, девятаго мая, самъ-четыре,—мой помощникъ капитанъ Напалковъ, во главѣ большого каравана.

¹⁾ Въ настоящее время грифъ-мовахъ пребываетъ въ пути или можетъ быть уже достигъ Асканин-Нова, гдѣ, въ замѣчательномъ акклиматизаціонномъ саду Э. Э. Фальцъ-Фейна, найдеть для себя наиболѣе подходящее пристанище, нежели въ нашихъ столичныхъ зоологическихъ садахъ.

Бурый грифъ вблизи монгольского стойбища.

Весь путь отъ Дынъ-юань-ина до Хара-хото, въ 570 верстѣ, пройденный мною въ девятнадцать дней, характеризуется крайней пустыней то совершенно гладкой песчано-каменистой, то испещренной волнами каменистыхъ грядъ и холмовъ, преграждающихъ горизонтъ; и лишь кое-гдѣ, по низинамъ, отрадно зеленѣли пустынные формы растительности: саксауль (*Haloxylon ammodendron*), тамарискъ (*Tamarix Pallasii*), хармыкъ (*Netraria schoberi*) и другіе немногіе кустарники, отливавшіе желтыми, бѣлыми или свѣтло-розовыми цвѣтами. Теплый воздухъ былъ наполненъ жужжаніемъ наѣкомыхъ; по поверхности земли шныряли многочисленныя остроголовыя и плоскоголовыя ящерицы, ползали жуки, неприятно извивались змѣи... Изъ пернатого царства преобладали коренные или осѣдлые обитатели: черный грифъ (*Vultur monachus*), два-три вида соколовъ, пустынная сойка (*Podoces Hendersoni*), жаворонки и самыя характерныя птицы пустыни—болдуруки (*Syrhaptus paradoxus*); послѣднія, срываясь съ гнѣздъ, всегда пугали нашихъ караванныхъ животныхъ — верблюдовъ. По части млекопитающихъ, по-прежнему, чаще всего попадались на глаза стройныя газели харасульты (*Gazella subgutturosa*), искушавшія нашихъ охотниковъ. Зоологическія и ботаническія коллекціи пополнялись.

Кочевники со стадами скота попадались подлѣ колодцевъ — нашихъ пристанищъ на ночлеги. Въ походѣ мы обыкновенно вставали съ проблескомъ утренней зари, ложились въ девять часовъ, послѣ вечернихъ метеорологическихъ наблюдений. Время бѣжало быстро, незамѣтно. Развалины Хара-хото манили насъ неудержимо; о Хара-хото мы говорили ежедневно.

На этотъ разъ, маршрутъ экспедиціи, вскорѣ послѣ колодца Дурбунъ-мото, т. е. „Четыре дерева“, уклонился къ сѣверу, на монастырь Шарцзанъ-сумэ, гдѣ можно считать, приблизительно, половинное разстояніе до намѣченной цѣли. Этотъ пунктъ удалось опредѣлить астрономически. Обитатели монастыря, въ числѣ ста монаховъ, исповѣдуютъ ученіе Цзонъ-хавы, ревностно заботясь о богатствѣ и славѣ небольшихъ монастырскихъ храмовъ.

Въ одномъ переходѣ отъ Шарцзанъ-сумэ, при колодцѣ Цзагинъ-худукъ, гдѣ проживалъ монгольскій крезъ—лама Иши, мы прожили цѣлый день. Здѣсь намъ предстояло смѣнить верблюдовъ, къ тому же прекрасная погода уступила мѣсто бурной, омрачившей воздухъ тучами тонкой пыли. Съ бурей температура временно понизилась на столько, что мы вновь одѣли мѣховыя куртки; къ счастью не надолго.

Получивъ свѣжихъ верблюдовъ, экспедиціонный караванъ сталъ передвигаться еще болѣе успѣшно. Передъ нами продолжали раз-

вертываться пустынные картины тѣ же, что и прежде, мѣстами же еще грустнѣе; теперь стали попадаться исключительно пастухи, пасшіе верблюдовъ; другого скота мы не видѣли и питаться должны были сухимъ, консервированнымъ самими, бараньимъ мясомъ. Такъ продолжалось до пустыннаго оазиса Гойцзо, гдѣ предполагалось прожить нѣсколько дней или что то же самое слѣдовать по немъ большими переходами.

Въ передній путь въ Гойцзо, въ началѣ апрѣля (1908 года), мы наблюдали много плавающихъ и голенастныхъ птицъ, отдохавшихъ при перелетѣ на сѣверъ. Озерки были покрыты разнообразными породами гусей, утокъ, среди стай которыхъ попадались турпаны и лебеди, а вдоль береговъ не мало куликовъ, сѣрыхъ цапель, малыхъ сѣрыхъ журавлей (*Grus virgo*) и немногихъ другихъ. Днемъ и ночью окрестность была оживлена голосами или шумомъ крыльевъ пернатыхъ странниковъ. Теперь же въ пору болѣе позднюю — въ пору гнѣздованія, мы наблюдали тѣхъ же птицъ, но въ меньшемъ количествѣ, зато среди воробьиныхъ или кричащихъ встрѣчались не отмѣченныя раньше — варакушки, овсянки и камышевки, оглашавшія воздухъ весенними голосами.

Изъ звѣрей я здѣсь добылъ интересную дикую кошку, убитую въ камышѣ наканунѣ разрѣшенія отъ бремени; прекрасные, тигровой окраски, котята также попали въ нашу спиртовую коллекцію.

Монгольское населеніе ютилось обособленными группами юртъ въ небольшомъ количествѣ, на всемъ протяженіи котловины. Въ восточной половинѣ ея, при ключевомъ родникѣ, нѣкій гэгэнь — просвѣтитель народа, устроилъ большое молитвенное обо, куда, лѣтомъ, монголы собираются для отправленія богослуженія и устройства праздничной пирушки.

За котловиной Гойцзо мы опять вступили въ пустыню. Дневной жаръ сталъ усиливаться, въ особенности въ открытой песчаной или солончаково-глинистой равнинѣ, нерѣдко омрачаемой сѣрою пыльною дымкой, сквозь которую дневное свѣтило выглядить въ видѣ блѣднаго диска. Въ пустынѣ пришлось съ повой силой поналечь на большіе безводные переходы...

Наконецъ, двадцать второго мая, въ полдень, экспедиція прибыла въ мертвый городъ Хара-хото, и расположилась бивуакомъ не въ центрѣ его историческихъ стѣнъ, какъ прежде, а нѣсколько ближе къ сѣверо-западному углу, подлѣ развалинъ большой фанзы. Въ наше годичное отсутствіе изъ древняго города, въ него никто не заглядывалъ: его развалины были въ томъ же положеніи, въ ка-

Хара-хото. Западный уголъ крѣпости „Хара-хото“ (спѣва видна брешь).

комъ мы ихъ и оставили ¹⁾). Нетронутыми оказались и тѣ предметы, извлеченные нами изъ подъ обломковъ или муссора, которые мы оставили какъ не нужные.

Мертвый городъ опять на время ожилъ: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетѣла пыль.

Расчитывая просидѣть на работахъ—раскопкахъ около мѣсяца, я возобновилъ пріятельскія отношенія съ торгоуть-бэйлэ, живущимъ на Эзцинъ-голѣ, въ двадцати съ лишкомъ верстахъ отъ Хара-хото, заручился его содѣйствіемъ по найму рабочихъ землекоповъ, а также подрядилъ за извѣстную плату торгоутовъ, ежедневно, доставлять намъ съ Эзцинъ-гола воду и барановъ. Повышенная физическая дѣятельность, увеличеніе количества ртовъ въ два-три раза требовали того и другого весьма много. Какъ прежде, такъ и теперь, Хара-хото установилъ связь съ долиною Эзцинъ-гола. Ежедневно, въ полдень, къ намъ приходилъ караванъ изъ ословъ, доставлявшій воду и продовольствіе, и привозившій намъ новости. Порою, провѣдывалъ насъ кто-либо изъ чиновниковъ—торгоуть-бэйлэскаго управленія, чтобы, въ свою очередь, знать, какъ поживаютъ на развалинахъ русскіе.

Не только мои спутники, но даже и туземные рабочіе вскорѣ прониклись интересомъ къ раскопкамъ. Мы только и говорили о Хара-хото: вечеромъ—о томъ, что найдено въ теченіе истекшаго дня, утромъ—что можно и что предстоитъ найти. По-прежнему, мы просыпались съ зарей и въ сравнительной прохладѣ вели свои работы; днемъ отдыхали, а то и пуще томились отъ изнурительнаго жара, такъ какъ въ тѣни воздухъ нагрѣвался до 37° съ лишкомъ, а земная поверхность накалялась солнцемъ свыше 60° С. Пыль и песокъ, поднимаемые горячимъ воздухомъ, положительно изнуряли. Сѣрая, безжизненная окрестность усиливала непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Я всегда радовался при появленіи на нашъ бивуакъ двухъ черноухихъ коршуновъ (*Milvus melanotis*), подбравшихъ отбросы кухни; эти птицы со всѣми нами скоро освоились и смѣло усаживались въ нашемъ близкомъ сосѣдствѣ, чуть не выпрашивая подачекъ. Къ этому пріучили ихъ мои спутники, бросавшіе птицамъ въ воздухъ куски мяса, которое коршуны искусно схватывали. Не любила птицъ и постоянно ссорилась съ ними наша экспедиционная собака „Лянга“, неизмѣнная спутница почти всего нашего путешествія. Эти живыя существа—птицы и собака только и ожив-

¹⁾ Необходимо упомянуть, что на стѣнахъ Хара-хото до сихъ поръ продолжаютъ лежать запасы гальки, которой, между прочимъ, въ свое время, отбивались осажденные въ Хара-хото.

ляли, только и развлекали наше монотонное житье въ Хара-хото, въ особенности въ теченіе первой недѣли, когда результаты раскопокъ были только посредственные при большой затратѣ физическаго труда.

Самыя раскопки производились по заранѣ составленному плану: монгольская партія рабочихъ, подъ присмотромъ моего спутника бурята, систематически изслѣдовала развалины фанзы, на протяженіи немногихъ улицъ Хара-хото; русская же партія, помимо раскопокъ внутри города, производила изысканія и внѣ хара-хотоскихъ стѣнъ, въ близкомъ и далекомъ разстояніи.

Какъ прежде, такъ и теперь попадались предметы домашняго обихода, предметы скромной роскоши, а также письма, бумаги, металлическіе и бумажные денежныя знаки и проч. ¹⁾ Однообразныя, скромныя находки стали, наконецъ, наскучивать намъ; энергія ослабѣвала. Между прочимъ рекогносцировки для нахождения и сосредоточиванія новыхъ раскопокъ производились, результатомъ чего и былъ поставленъ на очередь субурганъ, расположенный внѣ крѣпости и отстоящій отъ западной стѣны въ $\frac{1}{4}$ версты, на берегу сухого русла... Вотъ этотъ-то субурганъ, названный нами „знаменитымъ“, и поглотилъ, затѣмъ, все наше вниманіе и время. Онъ подарилъ экспедиціи большое собраніе, цѣлую библіотеку ²⁾ книгъ, свитковъ, рукописей, множество образцовъ буддійской иконописи, исполненной въ краскахъ на толстомъ холстѣ, на тонкихъ шелковыхъ матеріяхъ и на бумагѣ; среди массы книгъ и образцовъ живописи, нагроможденной въ хаотическомъ безпорядкѣ, тамъ и сямъ, попадались очень интересныя металлическія и деревянныя, высокой и низкой культуры, статуэтки, клишэ, модели субургановъ и многое другое. Цѣнность находокъ еще болѣе увеличивается благодаря удивительной, несравненной сохранности ихъ въ крайне сухомъ пустынномъ климатѣ. Дѣйствительно, большинство книгъ и рукописей, а также и иконопись поражаютъ своею свѣжестью послѣ того, какъ они пролежали въ землѣ не мало вѣковъ. Хорошо сохранились не только листы книгъ, но и бумажныя или шелковыя преимущественно синяго цвѣта, обложки. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ богатствомъ въ субурганѣ былъ похороненъ, вѣроятно, гэгэнъ, косякъ котораго покоился, въ сидячемъ положеніи, у сѣверной стѣны надгробія.

Самый субурганъ, поднимался надъ поверхностью земли до че-

¹⁾ Во время раскопокъ хара-хотоскихъ развалинъ мы нашли, между прочимъ, очень интересную, ночную ящерицу, степного удава и летучую мышъ.

²⁾ Состоящую, приблизительно, изъ двухъ тысячъ экземпляровъ.

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ началѣ раскопокъ“.

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ концѣ раскопокъ“, глиняныя статуи съ золочеными лицами.

тырехъ—пяти саженой и состоятъ изъ пьедестала, середины и коническаго, полуразрушеннаго временемъ или любопытствомъ челоуѣка, верха. Въ основаніи центра пьедестала вертикально былъ укрѣпленъ деревянный шестъ безъ какого бы ни было украшенія на вершинѣ... На пьедесталѣ субургана, вокругъ шеста, лицомъ къ центру, стояло до двухъ десятковъ большихъ, въ ростъ челоуѣка, глиняныхъ статуй, передъ которыми лежали огромныя книги, словно передъ ламами, отправлявшими богослуженіе. Эти книги состоятъ изъ толстой, китайскаго типа, сѣровато-бѣлой бумаги съ письмомъ Си-ся, преобладающимъ вообще среди письменъ Хара-хото ¹⁾.

Собравъ весь матеріалъ субургана, который несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ не только на историческое прошлое тангутской столицы и ея обитателей, но и на многое другое, мы начали собираться въ дорогу. Нашъ караванъ выросъ до большихъ размѣровъ и внушалъ опасеніе за цѣлость доставки его на родину.

Абсолютная высота Хара-хото, выведенная изъ мѣсячнаго систематическаго наблюденія, выражается 2.700 фѣтовъ. Географическія же координаты слѣдующія: широта $41^{\circ} 45' 40''$, долгота отъ Гринвича $6\text{ h } 04\text{ m } 20\text{ s. } 99 = 101^{\circ} 5' 14''$. 85.

Въ половинѣ іюня прибыли наши верблюды, все это время находившіеся на отдаленныхъ пастбищахъ, въ окрестностяхъ монастыря Шарцзанъ-сумэ. На слѣдующій, затѣмъ, день мы оставили насиженное мѣсто. Верблюжій караванъ повезъ экспедицію на Эцинь-голь. Не знаю почему, но въ послѣднія минуты—минуты окончательнаго разставанія съ Хара-хото, мнѣ стало отъ души жаль этотъ заброшенный мертвый городокъ, давній мнѣ лично не мало пріятныхъ минутъ и часовъ. Окинувъ прощальнымъ взглядомъ крѣпость, я вышелъ въ западныя ворота и простился съ „знаменитымъ“ субурганомъ, отъ котораго, впрочемъ, осталось лишь одно основаніе...

Привѣтливая, въ особенности послѣ пустыни, долина нижняго теченія Эцинь-гола, тѣмъ не менѣе, не удержала насъ долго, такъ какъ къ томительной жарѣ здѣсь еще прибавились кровосѣицы—комары и овода, изнуравшіе насъ и нашихъ животныхъ хуже прежняго. Проживъ три—четыре дня, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

¹⁾ Найдены письмена на языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, турецкомъ или арабскомъ и... на невѣдомомъ.

Въ день выступленія въ дорогу, лишь только зардѣла дѣтняя заря на востокъ, ко мнѣ прибылъ съ прощальнымъ визитомъ торгоуть-бэйлэ, въ сопровожденіи наследника, красиваго, симпатичнаго, лѣтъ тринадцати мальчика, и всего своего штаба чиновниковъ, молодецки возсѣдавшихъ на отличныхъ рослыхъ коняхъ джунгарской породы. Я искренно былъ радъ, что имѣлъ возможность лично принести благодарность этому монгольскому князю, оказавшему намъ вторично еще большее содѣйствіе и предупредительность при изслѣдованіи Хара-хото, нежели въ первое посѣщеніе экспедиціи, когда, казалось, бэйлэ чего-то трусиль.

Около часа времени просидѣлъ у меня управитель торгоутовъ въ живыхъ разказахъ о Хара-хото, о Россіи, о нашемъ прочномъ знакомствѣ. Изъ посланныхъ ему на этотъ разъ остатковъ подарковъ, бэйлэ былъ въ восторгѣ отъ стереоскопа съ видами Москвы, Петербурга и Петергофа, а также парадовъ войскъ въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи. Князь и его свита восхищались русской гвардейской кавалеріей.

Отъ низовья Эцзинъ-гола до Гурбунъ-сайханъ, несмотря на усталость и томительный зной... благо стремленіе къ родному сѣверу... экспедиція направилась ускореннымъ маршемъ, тѣмъ болѣе, что путь нашъ на большемъ протяженіи былъ уже изученъ нами весною прошлаго года. Придя въ Гурбунъ-сайханъ, нѣкоторые изъ насъ почувствовали крайнее переутомленіе, а неизмѣнный мой спутникъ, старикъ Ивановъ, еще дорогою сюда, чуть-чуть не перестарился... во всякомъ случаѣ напугалъ меня сильно.

Въ самый разгаръ лѣта, въ лучшую пору развитія растительной и животной жизни, экспедиція достигла этой восточной окраины Монгольскаго Алтая, удобно расположившись главнымъ бивуакомъ у южнаго подножья Дунду-сайханъ ¹⁾ и широко развѣвъ легкія экскурсіи въ области всего этого средняго массива. Въ цѣляхъ ознакомленія съ естественно-историческимъ богатствомъ страны, сборовъ образцовъ этихъ богатствъ, равно и для возстановленія сѣлъ, потраченныхъ при исполненіи изнурительныхъ, но крайне любопытныхъ работъ въ знойной безводной пустынѣ, въ лучшей части горъ, въ сравнительной прохладѣ, на изумрудной лужайкѣ, по которой капризно извивался серебристый ручеекъ, мы прожили двѣ недѣли.

Монгольское населеніе, во главѣ съ молодымъ княземъ Балдынъ-

¹⁾ „Гурбунъ-сайханъ“, т. е. „Три отличныхъ“ (массива): Барунъ-сайханъ (Западный), Дунду-сайханъ (Средній) и Цзунъ-сайханъ (Восточный).

пзасакомъ, относилось къ намъ любезно и предупредительно. Одни изъ насъ жили въ глубинѣ горъ, другіе на ихъ окраинѣ, успѣшно коллектируя ботаническіе и зоологическіе сборы. Отсюда мнѣ удалось написать и отправить на родину небольшой отчетъ и частныя письма съ гонцомъ русскаго консульства, прискакавшаго ко мнѣ изъ Урги, куда уже благополучно прибылъ транспортъ экспедиціи. Такимъ образомъ, благодаря заботливости извѣстнаго знатока Монголіи Я. П. Шишмарева, временно пребывавшаго въ Ургѣ, экспедиція установила связь съ соотечественниками.

Три хребта—западный, средний и восточный,—составляющіе массивъ Гурбунъ-сайханъ, возвышаются на общемъ обширномъ пьедесталѣ. Хотя изъ впадинъ, прилегающихъ къ массиву, сѣверная значительно ниже южной, но пьедесталь особенно величественнымъ кажется съ южной стороны. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ неодинаковой крутизны его склоновъ, а также отъ наружнаго вида скалистыхъ частей массива.

Въ глазахъ кочевниковъ Гурбунъ-сайханъ заслуживаетъ высшей оцѣнки привольемъ богатыхъ пастбищъ и прохладой лѣтомъ. По словамъ монголовъ, здѣсь въ іюлѣ, нерѣдко, гребень хребта серебрится снѣгомъ, тогда какъ въ среднемъ и нижнемъ поясахъ горъ падаютъ благодатные дожди. Древесныя породы въ этихъ горахъ почти отсутствуютъ, кустарниковъ, сравнительно, также не много, но зато луговъ альпійскихъ травъ въ достаткѣ.

Рядомъ со стадами домашняго скота здѣсь можно встрѣтить горныхъ козловъ (*Capra sibirica*), рѣже каменныхъ барановъ (*Ovis*); за тѣми и другими охотятся монголы съ фитильными самопалами. Горные скаты изрыты норками сурковъ и многочисленныхъ пищухъ (*Lagomys*), которыхъ подкарауливаютъ лисицы и хорьки. Зайцы весьма обыкновенны, какъ обыкновенны и суслики и волки; послѣдніе часто наносятъ вредъ стадамъ барановъ.

Изъ птицъ въ описываемыхъ горахъ преобладали хищники какъ количествомъ, такъ и разнообразіемъ видовъ. Въ скалистыхъ частяхъ Дунду-сайхана намъ удалось добыть, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ алтайской горной индѣйки (*Tetraogallus altaicus*), имѣющей въ Гурбунъ-сайханъ восточную границу географическаго распространенія.

Переваливъ массивъ Гурбунъ-сайханъ между его средней и восточной частями, экспедиція направилась къ сѣверу изученнымъ мною путемъ въ минувшее, 1899—1901 г., путешествіе по цен-

тральной Азии ¹⁾ и прибыла въ Ургу въ концѣ іюля, а девятого августа, совмѣстнымъ караваномъ экспедиціи, мы вступили въ Кяхту, на границу отечественныхъ владѣній.

Итакъ, мое монголо-сычуаньское путешествіе окончилось...

П. Козловъ.

Въ заключеніе, редакція находитъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ. Передъ читателями нашего журнала прошла жизнь и дѣятельность русскаго путешественника. Рѣдко для кого такъ счастливо слагаются обстоятельства, какъ они сложились для Петра Кузьмича Козлова. Не меньшій, если не большій, счастливецъ Николай Михайловичъ Пржевальскій не разъ говаривалъ своему достойному ученику: „Кизо, ты счастливый, твоя весна впереди!..“ Удивительно, въ какой сильной мѣрѣ Пржевальскій привилъ Козлову любовь къ природѣ Азии, любовь къ путешествію. Впрочемъ „путешественникомъ надо родиться“, сказалъ тотъ же Пржевальскій, и его ученикъ, послѣдователь, можно сказать, самый родной сынъ, именно родился путешественникомъ и счастливо, опять счастливо, унаслѣдовалъ отъ отца беззаветную любовь къ изслѣдованію Азии... Едва П. К. Козловъ успѣлъ отдохнуть и разобраться съ богатѣйшимъ матеріаломъ его Монголо-Сычуаньской экспедиціи, какъ онъ уже вновь протягиваетъ руку къ своему „странническому посоху“, его мечты и грезы опять понеслись въ любимую имъ Центральную Азію... Онъ уже представляетъ себя въ монгольской пустынѣ, гдѣ „въ вечерніе часы картинно играютъ отблески заката“, гдѣ маленькій лагерь его экспедиціи незамѣтно пріютился въ ущельищѣ; то онъ себя видитъ астрономомъ—наблюдателемъ ярко блестящихъ, въ прозрачномъ воздухѣ пустыни, небесныхъ свѣтилъ; то ему рисуется его любимый красавецъ Тэтунгъ, тэтунгскія высокія скалы, дѣвственные лѣса, вспоминаются незабвенныя минуты въ тѣсномъ общеніи съ Пржевальскимъ; убѣгаетъ, затѣмъ, мысль еще дальше въ его завѣтный Камъ, на Меконгъ, къ голубой, звонкой красавищѣ Бар-чю, гдѣ картины дикихъ скалъ сливаются въ дивную гармонию, гдѣ сама рѣка стремительно несетъ и клокочетъ пѣнистыми брызгами, гдѣ ревомъ и шумомъ стремнины заглушается самый громкій людской голосъ, гдѣ манятъ къ себѣ голубые, розовые, сиреневые ковры цвѣтовъ, гдѣ по деревьямъ прыгаютъ „мандрилы“ и гдѣ, чуть-чуть подале, въ тиши, льются мелодичныя звуки зеленыхъ всѣре...

¹⁾ П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ“, томъ I, часть II стр. 706 и слѣдующія.

Золотая медаль Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества.
(На золотомъ ободкѣ, скрѣпляющемъ стекла, выгравировано: Colonel P. K. Kozloff. 1911).

Говоря о мечтах и грезах П. К. Козлова, сами собою приходят на умъ мечты и грезы Н. М. Пржевальскаго: „Грустное, тоскливое чувство, говоритъ онъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найдти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то впчѣмъ не стѣсняемая, чутъ не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣлою впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастья“.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуюемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь“...

Двадцать пятаго мая, настоящаго года, происходило послѣднее сезонное засѣданіе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на которомъ предсѣдатель, патріархъ-географъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій вручилъ П. К. Козлову золотую медаль Англійскаго королевскаго географическаго общества ¹⁾. Короткая, но очень трогательная, покрытая аплодисментами, рѣчь предсѣдателя Совѣта произвела на путешественника глубокое впечатлѣніе...

Ред.

¹⁾ Красивая по идеѣ и исполненію королевская медаль эта представлена здѣсь вниманію читателей.

Стихотвореніе Висковатова.

Стихотвореніе поэта Висковатова, написанное имъ 12 іюня 1830 года
ко дню именинъ своего хорошаго знакомаго:

Петру Степановичу
Капустину.

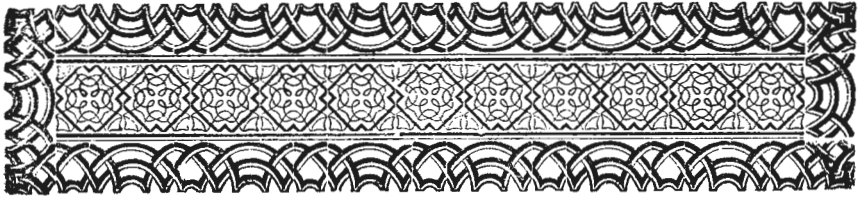
Въ *имянины* поздравляю.—
И отъ всей души желаю:
Здравія, и много лѣтъ!
Чтобы послѣ всѣхъ суетъ,
Ты въ своихъ поступкахъ вольный,
И спокойный, и довольный,
Былъ бы щастливъ и богатъ,
Видѣлъ радости отъ чадъ,
Отъ супруги же блаженство.—
Пусть земное совершенство
Дастъ тебѣ Небесъ—Творецъ.
Вотъ желаетъ что *пѣвецъ*,
Врагъ заморскихъ модъ, развратовъ
Сердцемъ—русской.

Висковатовъ.

Правописаніе сохранено по подлиннику.

Сообщилъ В. Рудневъ.

Обиженный край.

(СЪ КАРТОЙ).

риста лѣтъ, мать русскихъ городовъ, Кіевъ, управлялъ Россією, которая въ то отдаленное время, тянулась съ сѣвера на югъ, ограничиваясь теченіями верхней Волги, Ладожскаго бассейна, З. Двиною, Днѣпромъ, южнымъ и западнымъ Бугами. Главныя силы этого русскаго достоянія находились въ населеніи теперешнихъ 8 Западно-Русскихъ губерній, включая въ это число Виленскую губернію. На востокъ дальше Ростова, Суздаля, Смоленска, до восточныхъ границъ Сѣверскаго Княжества, не шли, сухопутно, русскіе люди; за этими границами было глухо и еще очень темно.

На западъ были русскіе удѣлы во владѣніи потомства Владиміра Св., въ Червонной Руси, Галичѣ, въ Карнатахъ и Уграхъ, вплоть до р. Тиссы, теперешній венгерскій Комитатъ Мармарошъ. Изъ Кіева, съ береговъ Днѣпра, Русь возсіяла христіанствомъ-православіемъ; здѣсь было начало русскимъ законамъ: Русской Правдѣ; тутъ возникло просвѣщеніе со школою въ монастыряхъ и та государственность съ собираніемъ Русскихъ земель до Тмутаракани и Итиля, которая скоро родила богатѣйшій языкъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и дало намъ свою собственную Русскую культуру, съ необъятными теперь границами отъ Балтики до Тихаго океана и отъ Студенаго моря до Чернаго и далѣе на востокъ до Гималайскаго хребта... Вотъ эта основа теперешняго Русскаго государства, со смертію Владиміра Мономаха въ 1125 г., уже и раньше, обуреваемая войнами съ сосѣдями и борьбою за наслѣдство, сдѣлалась съ XII столѣтія театромъ большихъ потрясеній. Въ этихъ раздорахъ за

великокняжескій престоль между Юріемъ Владиміровичемъ (долгая рука) и Изяславомъ Мстиславовичемъ принималъ живое участіе сынъ Юрія, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, храбрый воинъ, полководецъ, въ родѣ Святослава, не разъ водившій на штурмъ свою рать. Три раза онъ изгонялъ изъ Кіева, Изяслава, но Юрій, его отецъ, считаясь Великимъ Княземъ, не имѣлъ силы, по своей бездарности, утвердиться окончательно. Андрей не разъ уговаривалъ отца бросить Кіевъ и уйти въ свои Ростово-Суздальскія земли, но упрямство Юрія брало верхъ, и междоусобія продолжались. Наконецъ Андрею Юрьевичу вся эта вражда, за первенство, больно надоѣла, да и Кіева не любилъ изъ-за этого же, и онъ удалился въ свою вотчину въ 1155 г. въ Ростово-Суздальскую землю, гдѣ долго жилъ, строилъ церкви, былъ уважаемъ народомъ за строгость, справедливость и добродѣтель, и какъ воинъ, хорошо обеспеченный матеріально, и какъ богатый князь. За это время, въ 1147 году, Юрій Долгорукій, его отецъ, основалъ Москву, будущую замѣстительницу Кіева. Въ 1157 году Юрій II скончался и снова начались соисканія и вражда за великокняжескій престоль. Между тѣмъ Андрей, имѣвшій много сторонниковъ, какъ одинъ изъ старшихъ князей и очень сильный по своимъ владѣніямъ въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ, какъ человекъ властный и самолюбивый, не позволявшій наступать себѣ на ногу, началъ распорядиться въ Кіевѣ, Новгородѣ и повсюду на Руси, какъ самодержецъ, раздавая удѣлы, выгоняя князей. Если его не слушались, то онъ прямо объявлялъ, что идетъ на нихъ войною. Такъ случилось съ Кіевомъ и Новгородомъ въ 1169 г.; собравъ громадное войско, онъ двинулся съ 11 князьями-союзниками на Кіевъ, и послѣ трехдневнаго боя, Кіевъ былъ взятъ на щитъ и отданъ на разграбленіе; не пощадили даже Печерскаго монастыря, и Андрей окончательно сдѣлался великимъ княземъ всея Руси. Это-то первое самодержавіе, этотъ разгромъ до основанія Кіева, это необыкновенное возвышеніе великокняжескаго престола во Владимірѣ, вообще на востокъ Руси, со всѣми, потомъ продолжавшимися, раздорами въ нисходящемъ поколѣніи Владиміра Мономаха, были причиною паденія связи первородной Россіи, Западнаго края, со всѣмъ организмомъ Русскаго государства, расколывшагося какъ бы на двѣ половины: на западную съ ея многочисленными удѣльными князьями и на восточную, юную еще, новую Россію, съ ея великими князьями. Хотя Кіевъ потомъ и оправился, снова отстроился, но тогда же, въ скорости, появились новые враги. Со смертью Андрея въ 1174 г. угры, половцы и въ особенности литва, начали напирать, со всѣхъ сторонъ, среди продолжавшейся вражды между

удѣльными князьями западной Россіи. Выдающихся князей и людей не было видно, край будто замеръ, омертвѣлъ и не замѣтилъ, какъ съ юга, въ 1224 г. подошелъ, съ Кавказа, новый, грозный врагъ, монголы, которые въ скорости разлились во всей Россіи, обративъ ее почти что въ мертвое тѣло, вплоть до 1481 г.; почти что 250 лѣтъ, можно сказать, она лежала, изнемогая отъ всѣхъ ужасовъ непримѣрнаго нашествія. И въ этомъ нашествіи, Кіевъ снова, въ 1240 году, пострадалъ до основанія, до полнаго разрушенія. Татары не пощадили даже княжескихъ усыпальницъ!

Преданіе, можетъ быть ложно, передаетъ, будто папа съ его католичествомъ, не будучи въ состояніи подчинить себѣ востокъ— православіе, успѣлъ во время крестовыхъ походовъ направить своихъ патеровъ въ Китай и Монголію и убѣдить ихъ предводителя Чингисъ-хана идти на Россію и сломить ее до основанія. Матеріально, Россія была подавлена надолго, но нравственно, духовно, она продолжала жить, волокла свою исторію, хотя съ большимъ принижениемъ.

Еще до прихода татаръ, изъ-за брачныхъ узъ русскихъ князей съ половцами, уграми, мазовшанами и литовцами, не мало пограничныхъ удѣловъ отошло къ владѣніямъ князей этихъ народовъ. Вся Угорщина, Закарпатская Русь, отошла отъ внуковъ Мономаха, обратившись въ достояніе венгровъ, и кой-какъ еще удержалось Галицкое княжество при князьяхъ Даніилѣ и Романѣ, но и оно, съ прекращеніемъ династіи, было захвачено польскимъ королемъ Казиміромъ въ 1340 г. Онъ учредилъ Львовское католическое епископство и этимъ положилъ начало католичества въ Галицкомъ княжествѣ. Литва, совсѣмъ не пострадавшая отъ татаръ и уже окрѣпшая, при Кіевскихъ великихъ князьяхъ, воспользовалась погромомъ Россіи и начала исподволь присваивать себѣ земли, по сосѣдству, подчинять себѣ удѣльныхъ князей, кой-какъ еще выживавшихъ по З. Двинѣ, Нѣману, Припяти, въ теперешнихъ Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерніяхъ. Такъ, будто незамѣтно сформировалось къ XIV ст. новое Литовско-русское государство, въ которомъ преобладающее русское населеніе, хотя и играло главную роль, связанное православіемъ съ Кіевомъ, гдѣ продолжаетъ жить православный русскій митрополитъ, но русскій голосъ Западной Руси былъ все-таки второстепеннымъ; онъ уже болѣе не приказывалъ, а только слушался, что прикажутъ изъ Литвы!

Послѣ Куликовской битвы въ 1380 г. Литовско-русское государство могло спокойно развиваться за спиною Московской Руси, въ чемъ преуспѣвало, нападая даже на сосѣднюю Псковскую землю и

оспаривая право первенства въ крупномъ владѣніи древняго достоянія русскаго народа въ Западномъ краѣ, старшемъ, сравнительно съ новою Московскою державою. Тутъ началось политическое соревнованіе князей Литвы съ такими же Москвы. Опаснѣйшимъ врагомъ послѣдней былъ Литовско-русскій великій князь Витовтъ, тесть Василя Дмитріевича Московскаго. Три раза сходились рати и отступали, заключивъ миръ въ 1408 г., при чемъ рѣка Угра, на востокъ Литвы, была предѣломъ ея восточныхъ владѣній.

Чтобы разсказъ нашъ былъ яснѣе, мы должны вернуться нѣсколько вспять и упомянуть о литовскомъ князѣ Гедеминѣ, язычникѣ, женатомъ два раза на христіанкахъ: Ольгѣ и Евѣ, обѣ православныя. Этотъ князь, владѣвшій Литвою по 1341 г., именовалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ и на послѣднее имѣлъ всѣ права. Онъ упорно воевалъ съ нѣмцами и погибъ при осадѣ одной изъ нѣмецкихъ крѣпостей. Короткое раздробленіе Литвы на удѣлы, закончилось въ 1345 г., когда на престолъ вступилъ его сынъ Ольгердъ. Онъ велъ ожесточенную войну съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, которыхъ земли опустошилъ въ конецъ. Какъ при немъ, такъ и при его отцѣ, русскіе люди, бояре, играли не маловажную роль, побѣждая татаръ и освобождая Западную Русь отъ набѣговъ и произвола. Также при немъ уже земли Кіевская, Черниговская, Сѣверская, Подолія и весь востокъ до истоковъ Оки и Угры, Сейма и по З. Бугъ, вошли въ предѣлы Ольгердовыхъ владѣній; ему уже принадлежало все пространство отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ и второй разъ на Іуліаніи, дочери тверскаго князя Александра Михайловича; но самъ онъ оставался язычникомъ и тѣло его было сожжено, по языческому обычаю въ 1377 г.

Престолъ достался въ этомъ году Ягайлѣ, Якову, рожденному отъ Іуліаніи и воспитанному въ правлахъ греческаго православія. Другіе сыновья получили во владѣніе различные удѣлы. Этотъ Ягайло, какъ натура довольно низкая, но властолюбивая и честолюбивая, очень скоро вступилъ въ распрю со своими братьями, которыхъ счастливо изгналъ изъ удѣловъ; но онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ племянникѣ Витовтѣ. Этотъ не церемонился въ средствахъ и уступилъ ордену всѣ завоеванныя и присвоенныя себѣ земли въ Литвѣ и Жмуди, признавъ себя его вассаломъ, принялъ католичество и обосновался накрѣпко и совокупно съ орденомъ, въ Ковно. Ягайло испугался такого хода, примирился съ Витовтомъ, отдалъ ему его удѣлъ въ Жмуди, за что Витовтъ порвалъ союзъ съ орденомъ, выгналъ его изъ Ковны и сѣлъ себѣ въ своемъ удѣлѣ, почти независимымъ княземъ. Однако орденъ не желалъ такъ легко

утратить только что потерянное. Съ другой стороны Ягайло и Витовтъ, помирившись, не могли спокойно смотрѣть на рыцарей, вторгавшихся въ Жмудь и производивших тамъ опустошенія. Эти обстоятельства привели постепенно дѣло до столкновенія въ 1410 г. подъ Грюнвальдомъ, этотъ первый рѣшительный бой между сосѣдями, нѣмцами, и славянами съ литовцами. Нѣмцы были сокрушены навсегда; Жмудь отнята безвозвратно, но затѣмъ самое выигранное сраженіе не было использовано въ преслѣдованіи противника, и рыцари, хотя обезсиленные, продолжали жить, положивъ въ послѣдствіи начало той Пруссіи, которая, разрослась при помощи Россіи въ объединенную Германію. И это на самой границѣ нашего Западно-Русскаго края! Честь Грюнвальдской побѣды приписывается всецѣло Смоленскимъ полкамъ, которые очутились въ рядахъ войскъ Витовта. Онъ въ 1395 г. обманомъ захватилъ Смоленскъ, актъ, который вплоть до XVII столѣтія былъ причиною жестокихъ боищъ между Польшею и Москвою. Точно захватъ Смоленской земли былъ нуженъ только для того, чтобы выиграть сраженіе подъ Грюнвальдомъ.

Обращаясь затѣмъ къ личности Ягайло, необходимо разъяснить, въ чемъ же именно состояла сила этого слабого и безвольнаго правителя? На него, со вступленія на Литовскій престолъ въ 1370 г., имѣла не малое вліяніе Римская Курія и съ нею—богатые польскіе магнаты. Они, желая избавиться съ одной стороны отъ всякаго вліянія нѣмцевъ на польскія дѣла, съ другой, добиваясь усиленія своего политико-стратегическаго положенія, повели свои дѣла для этого такъ, чтобы слить Польшу съ Литвою, выдавъ замужъ свою польскую королеву Ядвигу за Ягайло. Это имъ удалось, при чемъ послѣдній, польщенный такимъ брачнымъ союзомъ, обязался принять со всеѣмъ литовскимъ народомъ католицизмъ и соединить на вѣчныя времена все свои владѣнія съ Польскою короною, проживая однако жъ въ Краковѣ, гдѣ и совершился бракъ въ 1386 г. Эта династическая унія имѣла громадное значеніе на весь Западно-Русскій край, который какъ бы вошелъ въ составъ Польши, хотя въ дѣйствительности управлялся своими удѣльными князьями. Это была двойственность: съ простодушіемъ съ одной стороны и хитростью, съ подвохами, съ другой.

Приѣхавъ въ Вильно, король и королева начали уничтожать язычество и крестить народъ по полкамъ, кропя ихъ поголовно святою водою, давая каждому какое-либо имя и одѣвая каждого бѣлымъ кафтаномъ, свиткою. Это было начало обращенія Литвы въ Польшу. Права некатоликовъ подвергались ограниченію, и религіозная свобода была нарушена, что породило очень скоро рознь въ

народѣ. Поляки начали вмѣшиваться въ частныя дѣла и въ жизнь, тогда какъ король все жилъ въ Краковѣ. Совокупность этихъ обстоятельствъ объяснять лучше всего, почему Витовтъ дѣйствовалъ противъ короля и Польши. Тѣмъ не менѣе, въ 1413 г. сеймъ въ Городнѣ, торжественнымъ актомъ, скрѣпилъ соединеніе Польши и Литвы въ одно государство и уравнилъ права литовцевъ-католиковъ съ правами польской шляхты. Вотъ это-то уравниеніе правъ послужило потомъ большою приманкою для русскихъ князей и бояръ и, какъ увидимъ, отдѣлило ихъ окончательно отъ народа, оставшагося только при своемъ духовенствѣ.

Витовтъ, оставаясь удѣльнымъ княземъ Литовскимъ, заботился не мало объ огражденіи собственно Западно-Русскаго края, какъ отъ Польши, такъ и отъ Москвы и выдѣлилъ въ 1415 году этотъ край, въ церковномъ отношеніи, отъ Москвы. Для этого онъ собралъ западно-русскихъ епископовъ и настоялъ, чтобы соборомъ они избрали себѣ особаго митрополита въ лицѣ Цимблака. Такимъ образомъ православіе раскололось на западное и восточное. За тѣмъ вплоть до начала XVI ст. или постоянные подступы со стороны поляковъ противъ Литвы, при стремленіи овладѣть Подоліею. Но это не удалось. Тѣмъ не менѣе, литовскіе великіе князья мало-помалу теряли свою власть на столько, на сколько она увеличивалась у польскихъ королей и когда великій князь литовскій Александръ въ 1501 году сдѣлался по избранію польскимъ королемъ, то уже все дѣла по Польшѣ и Литовско-Русскому краю рѣшались исключительно польскимъ королемъ и разумѣется въ пользу Польши и католицизма. Потомъ съ помощью іезуитовъ, призванныхъ въ Литву и учредившихъ инквизицію, католицизмъ почувствовалъ себя дома и скоро обратился въ воинствующій, съ наступленіемъ противъ Россіи.

Династическое объединеніе Литвы съ Польшею отразилось на русской гражданственности Западно-Русскаго края и на управленіи; города получили Магдебургское право, а евреи право жительства въ этихъ городахъ. Обращеніе русскихъ церквей въ католическія было нерѣдко; такъ Ягайло, передавая въ 1412 г. перемышльскому католическому епископу церковь Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ, разорилъ могилы русскихъ князей, выбросивъ ихъ кости изъ храма.

Польша и ея короли, увѣренные, что они въ русскихъ областяхъ ничего не смогутъ сдѣлать, несмотря на династическую унію, пока они не сломятъ вѣры русскаго народа съ его священствомъ, пока этотъ народъ будетъ стоять особнякомъ отъ католической Польши и Литвы, рѣшили объединить, соединить католичество съ православіемъ и такимъ образомъ объединить съ Польшею не только

собственно Литву, но и всѣхъ русскихъ, бывшихъ княжествъ и областей. Этотъ вопросъ одинаково и давно занималъ папу, все католическое духовенство и всѣхъ поляковъ. Наконецъ онъ разрѣшился въ Люблинѣ въ 1569 г. на общемъ съѣздѣ польскихъ и литовскихъ представителей. Новое государство было основано подъ именемъ Рѣчи-Посполитой—республика, на равныхъ правахъ, съ общимъ генеральнымъ сеймомъ въ Варшавѣ и общимъ сенатомъ. Остальные порядки остались при прежнемъ положеніи. Литва сохранила свой статутъ, сводъ мѣстныхъ законовъ, писанный по-русски, имѣла свое войско, печать, особыхъ правительственныхъ лицъ, но все это все-таки находилось въ волѣ и рукѣ польскаго короля и поляковъ, распорядителей новыхъ порядковъ Рѣчи - Посполитой. Этимъ актомъ, во всякомъ случаѣ, русскія княжества и земли были прикрѣплены чрезъ Литву къ Польшѣ и какъ слабыя части, потерявшія своихъ князей, они сопротивляться не могли; духовенство съ народомъ русскимъ стояло, будто въ сторонѣ, среди враговъ: по своему разуму, вѣрѣ и понятіямъ и со своими обычаями. По акту Люблинской уніи Волынь, Кіевщина, Брацлавское воеводство, Подляхія вошли въ составъ земель польскаго государства и его порядковъ. Православіе пока—еще только терпѣлось, но не признавалось и презиралось. Гоненія уже начались, и унія съ уніатствомъ начала дѣйствовать и проявлять себя, гдѣ только не встрѣчала прямого отпора.

Почти одновременно съ совершившеюся Люблинскою уніею, въ Литвѣ и Западно-Русскомъ краѣ отчасти, среди боярства, начало распространяться довольно быстро ученіе реформатовъ. Для противодѣйствія этому новому ученію, были призваны къ содѣйствію іезуиты, которые въ 1569 г. повели свое дѣло весьма успѣшно, не жалѣя себя. Въ Вильнѣ они учредили сначала свою школу, которую потомъ обратили въ академію, и одновременно устранивали свои школы и коллегіи въ другихъ городахъ всей Западной Руси. Одновременно они задумали обратить всю Россію въ католичество, и для этого старались всѣми силами и хитростями окатоличить сначала Западно-Русскій край, какъ форпостъ, на который напустились всѣми силами. Избраніе православнаго епископа мірянами было замѣнено патронатомъ, съ раздачею духовныхъ должностей и земель, по усмотрѣнію короны. Русское боярство, уже довольно насмотрѣвшееся на католическія привилегіи, потянулось къ этимъ патронатамъ и землямъ и невозбранно переходило въ католичество, пользуясь мірскими правами и угнетая народъ и съ нимъ его православіе, въ угоду своего чрева и перенятой у Польши непомерной роскоши. Католичество такимъ образомъ одолѣло не только рефор-

мацію, но истинно-русскихъ бояръ и помѣщиковъ, вообще высшій русскій классъ края. Тѣмъ не менѣе борьба продолжалась, и однимъ изъ поборниковъ православія, княземъ Константиномъ Острожскимъ, сдѣлано было не мало въ пользу русскаго народа. Онъ, какъ русскій (малорусскій) магнатъ, кievскій воевода, родился въ 1526 г. и, получивъ соотвѣтственно времени образованіе, по своему положенію и богатству, могъ многое сдѣлать для своего народа и его вѣры. Богатствъ его состояло изъ 300 городовъ и нѣсколькихъ тысячъ сель, съ громадными земельными владѣніями. Онъ въ Островѣ учредилъ православное училище; потомъ двѣ типографіи, напечаталъ библію и покровительствовалъ всякому русско-православному просвѣщенію. Онъ же принималъ участіе въ Брестскомъ соборѣ, 1596 г., какъ защитникъ русскаго народа. Этотъ соборъ былъ созванъ по поводу манифеста короля Сигизмунда III, въ которомъ коротко и просто заявлялось о соединеніи церквей, подъ своею королевскою отвѣтственностью. Короля поддерживали католическіе и уніатскіе епископы, но православные, составивъ свой соборъ, объявили всѣхъ уніатскихъ владыкъ лишенными сана, на томъ основаніи, что рѣшеніе о возсоединеніи церквей не зависитъ отъ воли короля и нѣсколькихъ епископовъ, но отъ вселенскаго собора. Такимъ образомъ Брестскій соборъ 1596 г. закончился довольно печально и началась кровавая рознь между Западно-Русскою православною церковью и уніатско-католическою, кончившаяся паденіемъ Польши въ XVIII ст.

Но возвращаясь къ князю Константину Острожскому, этому покровителю православія и русскаго просвѣщенія, отмѣтимъ, что его борьба съ католицизмомъ и за дѣлность и сохраненіе правъ литовско-русскаго народа, привела его къ дружбѣ съ княземъ Курбскимъ, къ участію въ войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ, къ его плѣненію, житію въ Россіи, и когда, наконецъ, онъ вернулся, то католичество съ іезуитами до того овладѣли на Руси всѣмъ западнымъ русскимъ боярствомъ, что даже его два старшихъ сына приняли католицизмъ, третій былъ отравленъ слугою. Самъ онъ скончался въ 1608 году 82 лѣтъ, въ полномъ разочарованіи.

Послѣ такихъ потерь, какъ все русское боярство, защитниками православія осталось духовенство и осиротѣлый народъ. Между прихожанами этого народа былъ обычай праздновать церковный праздникъ братскимъ пиромъ, въ складчину. Участники назывались братчиками, составляя братство, братчину. Города Западно-Русскаго края, имѣя и пользуясь Магдебургскимъ правомъ со своимъ бургомистромъ и съ разными вольностями, не зависѣвшими отъ мѣстныхъ старостъ и судей, образовывали свои цехи по ремесламъ и одновременно охраняли свою вѣру, братствомъ и его обыденнымъ

правомъ по своимъ церквямъ: устраивали школы и богадѣльни, погребали умершихъ, занимались благотворительностью и имѣли для всѣхъ этихъ дѣлъ свой братскій домъ, гдѣ и собирались. До XVI ст. ихъ уставы оставались безъ измѣненій. Въ концѣ этого столѣтія Львовское братство подало примѣръ преобразованія, изъявъ пиры и цехи и замѣнивъ ихъ учрежденіемъ всесловнымъ. Обязанности остались тѣ же, но было прибавлено, что всѣ братства могутъ составить одинъ союзъ. Этотъ уставъ былъ утвержденъ Вселенскимъ патриархомъ Іоакимомъ, который Львовскому братству подчинилъ всѣ остальные братства, съ правомъ отлученія, не исключая даже епископовъ. Для послѣднихъ это былъ ударъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые носили титулъ патроновъ, князей-епископовъ, которые не могли выносить вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла, и вотъ началась борьба, которая кончилась, какъ уже было указано выше, воссоединеніемъ церквей манифестомъ Сигизмунда въ 1596 году и признаніемъ папы главою всѣхъ церквей.

Тутъ болѣе всего воспротивились такому дѣлу князь Константинъ Острожскій и виленское бѣлое духовенство открыто заявило, что весь народъ русскій униатскихъ епископовъ признавать не будетъ, а останется при своихъ православныхъ епископахъ. Раздраженіе русскихъ усиливалось и на сеймѣ въ Варшавѣ; волынскій депутатъ Лаврентій Древинскій обратился къ королю, высказавъ ему: „уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падалъ вывозятъ... народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ приобщенія... мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ, потому только, что не униаты“. Преслѣдованіе продолжалось и закончилось тѣмъ, что народъ, выведенный изъ терпѣнія, убилъ Полоцкаго епископа Іосафата Кунцевича, а трупъ его бросилъ въ Западную Двину, но католики прославили его святымъ.

Такъ какъ польскіе заправила дѣйствовали не только по своему произволу и всякому беззаконію, но и не мало писали и проповѣдывали на своемъ и русскомъ языкахъ, то въ разрѣзъ съ такимъ же направленіемъ началъ дѣйствовать, необыкновенно способный и умный іерархъ Кіевскій, знаменитый Петръ Могила. Онъ нашелъ необходимымъ выбивать съ позиціи католиковъ тѣмъ же іезуитскимъ оружіемъ, печатью и вообще употребленіемъ одинаковыхъ съ ка-

толиками пріемовъ. Въ Кіевѣ была устроена братствомъ Богоявленская школа, которая благодаря Петру Могилѣ процвѣтала. Могила отправлялъ кромѣ того молодыхъ людей, на свой счетъ, во Львовъ, Римъ и въ другіе города въ академіи и готовилъ ихъ на всѣ посты противодѣйствія іезуитамъ. Кіевская академія, которою очень занимался Петръ Могила, готовила учениковъ къ проповѣди и къ диспутамъ, и ея ученики были лучшими духовными писателями второй половины XVI в. и до конца XVII в.

Петръ Могила происходилъ изъ богатаго рода молдавскихъ господарей, которымъ въ 1612 г. пришлось бѣжать въ Польшу, гдѣ у нихъ были знатные родственники. Въ Львовскомъ братскомъ училищѣ П. Могила получилъ основательное образованіе въ строго православномъ духѣ и тутъ же изучилъ іезуитовъ и унію, къ которымъ относился враждебно; впоследствии онъ воспользовался ихъ пріемами для противодѣйствія католикамъ. Закончивъ свое образованіе, онъ много путешествовалъ и слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, владѣлъ древними языками въ совершенствѣ. Въ 1627 году онъ былъ избранъ Кіево-Печерскимъ архимандритомъ и тогда выступилъ открыто противъ враговъ православія. Въ 1631 г. онъ устроилъ для этого особое училище для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ 1632 г., онъ, какъ представитель Кіевлянъ въ Варшавѣ, при избраніи въ короли Владислава, выхлопоталъ равноправіе православнымъ, наравнѣ съ уніатами. Тогда же его избрали митрополитомъ Кіева, что состоялось во Львовѣ въ 1633 г. Возвратившись въ Кіевъ, онъ приступилъ къ утвержденію православія отстройкою и устройствомъ православныхъ церквей и отобраніемъ уніатскихъ, въ томъ числѣ Софійскаго собора. Также онъ же открылъ и очистилъ отъ развалинъ Десятинную церковь.

Особое вниманіе Петръ Могила обращалъ на вполне устроенную имъ для академіи школу Могилянскую, изъ которой потомъ вышло не мало православныхъ поборниковъ и вѣры русскаго народа. Онъ скончался въ 1647 г., оставивъ по себѣ, какъ поборникъ православія, лучшія воспоминанія въ народѣ и исторіи.

Съ постепеннымъ присвоеніемъ Польшею русскихъ земель и введеніемъ въ нихъ польскаго законодательства, со всякими привилегіями для католиковъ, признающихъ только польское право распоряжаться и владѣть землею, все русское погибло изъ столѣтія въ столѣтіе, и уже обѣдѣвшія княжескія семьи, бояредворянскіе роды, члены княжеской дружины, успѣли войти въ составъ шляхты. Всѣ крестьяне къ концу XVI вѣка уже находились въ положеніи рабовъ и хлоповъ, зависѣли всецѣло отъ воли своего

пана и ополяченіе русскаго шляхетства пошло впередъ быстрыми шагами. Некатоликамъ не предоставлялось никакихъ коронныхъ должностей. Для этого пошли въ дѣло такія мѣры, какъ лишеніе чести и покровительства законовъ, а съ другой стороны награды въ разныхъ видахъ, до владѣнія доходными имѣніями и покорнымъ хлопомъ. Ко второй половинѣ XVII вѣка, русская шляхта забыла свой языкъ и вѣру. Эта причина оттолкнула отъ нихъ народъ, а одновременно разразилось среди пановъ что-то въ родѣ болѣзни, небывалая дотолѣ роскошь. Сеймы, т. е. польскіе сѣзды, на которыхъ рѣшались всякія государственныя дѣла, и гдѣ каждый себя воображалъ королемъ, имѣлъ право, своимъ несогласіемъ срывать сеймы, были настоящими праздниками-маскарадами, гдѣ каждый хотѣлъ перещеголять другого. За одно столѣтіе съ 1545—1646 г., было такимъ образомъ сорвано 8 сеймовъ однимъ несогласнымъ голосомъ. На сеймъ пріѣзжали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, туркомъ, венгерцемъ, итальянцемъ, шотландцемъ, русскимъ бояриномъ, казакомъ, индѣйцемъ и все это, со свитою, также разряженною, вѣзжало верхомъ въ Варшаву, среди многочисленной публики, рукоплескавшей выдающимся всадникамъ съ ихъ свитою. Убранство однихъ коней, ихъ сбруя, сѣдловка, съ драгоценными камнями, стоило цѣлое староство—волость. Нужно же было взять откуда-нибудь деньги, за такую роскошь и она набиралась отъ крестьянъ: 5 дней работы на пана и 2 на себя; за улей, вола, помолъ, они также платили отдѣльно. Но и этого было мало и окатоличенная русская шляхта равно, какъ пришлые поляки, нашли справедливымъ войти въ тѣсныя сношенія съ евреями и армянами, которымъ сдавали православныя церкви въ аренду. И началъ этотъ беззащитный народъ платить за входъ въ свою церковь при крещеніи, за вѣнецъ, погребеніе, за исповѣдь и за всякое богослуженіе, своего рода церковную пошлину. Церкви сдавались паномъ въ аренду еврею, который за это уплачивалъ пану дорого, но за тѣмъ былъ какъ бы собственникомъ церкви. И полуголодный безъ того народъ терялъ такимъ образомъ послѣднее, свою душу, вѣру, обращаясь дѣйствительно въ скотъ, быдло, и онъ ненавидѣлъ своихъ пановъ, чувствовалъ глубоко это иноземное порабощеніе и началъ толпами уходить, бѣжать въ привольныя южныя и западныя степи, гдѣ въ то время хозяевами были Запорожцы и малороссійскіе казаки. Эти казаки, возникая на востокѣ Польши, какъ бы для охраны ея земель отъ турокъ и Крымскаго хана, при Сигизмундѣ I въ 1516 г. получали свои привилегіи на вольное владѣніе землями. Сигизмундъ II поставилъ ихъ подъ началомъ гетмана, а Стефанъ Баторій далъ имъ оконча-

тельное устройство, раздѣливъ ихъ на полки, которые сами избирали себѣ гетмана, утверждаемаго королемъ, и ввелъ еще другіе, нужные для управленія, порядки. Гетманъ производилъ въ чины, имѣлъ власть суда и расправы и пользовался знаками гетманскаго достоинства: имѣлъ знамя, бунчукъ, булаву, печать съ особымъ гербомъ. Эти казаки, комплектуясь изъ года въ годъ недовольными изъ народа, жили въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской и еще восточнѣе, въ Свободской Украинѣ, въ нынѣшней Харьковской и Черниговской губерніяхъ. Они жили въ городахъ и на своихъ земляхъ имѣли свои сотни, но главное ихъ управленіе находилось на островѣ Хортицѣ, на Днѣпрѣ и было основано княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ. Этотъ центръ, крѣпость на водѣ, назвалась Запорожскою сѣчью. Казаки впоследствии были часто хонько причиною ссоры съ Турціею за самовольные и дерзкіе набѣги на турецкія земли. Польша усмотрѣла въ этомъ большую для себя опасность и потому, еще при концѣ жизни Стефана Баторія, весь составъ казаковъ былъ ограниченъ до 6 тысячъ человѣкъ, а всѣ остальные были причислены къ сословію посполитовъ, крестьянъ. Это очень имъ не понравилось, въ особенности бывшимъ хлопамъ, и начались кровавыя возстанія въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Это возстаніе слилось, совпало съ гоненіемъ за православную вѣру во всемъ казачествѣ. Недовольные собирались, формировали куты, выбирали себѣ гетмана и производили страшныя нашествія, опустошенія и убійства, среди пановъ, поляковъ, католиковъ и евреевъ. Интересы казаковъ частью слились съ понятіемъ о русской свободѣ и ея народности. Хотя Польское государство оставалось подъ конецъ побѣдителемъ и расправлялось съ гетманами и казаками болѣе, чѣмъ сурово, но возстанія возобновлялись. Напрасно въ 1597 г. гетмана Наливайко сожгли въ мѣдномъ раскаленномъ быкѣ, да и другіе гетманы: Павлюкъ, Острианица, Гуня и другіе испытали не лучшей конецъ, казачество не унималось и народило Богдана Хмельницкаго, который и покончилъ это дѣло блестящимъ образомъ.

Получивъ очень основательное воспитаніе въ Ярославлѣ Галицкомъ у іезуитовъ, Богданъ Хмельницкій, въ бояхъ съ турками, отличался познаніями военнаго дѣла и когда обидѣли его поляки, избивъ плетью его десятилѣтняго сына, который отъ этого скончался, Хмельницкій ушелъ въ Запорожье, поклявшись отомстить полякамъ, кровно, за себя и народъ. Попутно онъ побывалъ въ Крыму у хана Исламъ-Гирея и заключилъ съ нимъ союзъ, для совмѣстнаго нападенія на Польшу. Гетманъ Николай Потоцкій, освѣдомленный о какомъ-то движеніи казаковъ, двинулся съ вой-

скомъ въ Украину, но встрѣченный Хмельницкимъ у Желтыхъ водъ, а потомъ у Корсуни, въ 1648 г. потерпѣлъ полнѣйшее поражение съ плѣненіемъ польскихъ гетмановъ. Объявленіе этихъ побѣдъ универсаломъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ подняло всю Русскую Украину. Образовались, помимо казачьихъ полковъ, гайдамацкіе загоны, которые стали сурово расправляться съ поляками, шляхтою, католиками, ксендзами и евреями. Рѣзня приняла ужащающіе размѣры; оборонялся еще кой-какъ Вишневецкій, приговаривая: „мучьте казаковъ, русскихъ, такъ, чтобы они чувствовали, что умирають“. Польскій сенатъ образовалъ ополченіе изъ шляхты, но подъ Пилавцами, это войско бѣжало, оставивъ казакамъ 120 т. повозокъ и весь свой лагерь. Хмельницкій пошелъ отсюда въ Галицію, взялъ со Львова выкупъ и вторгнулся въ Польшу, подступивъ къ Замостью. Въ это время вступилъ на престолъ Владиславъ IV, который извѣстилъ Хмельницкаго о своемъ восшествіи на престолъ и потребовалъ вступить въ переговоры. Остановивъ свое наступленіе, Хмельницкій отправился въ Кіевъ, помолиться за одержанныя побѣды, гдѣ его встрѣтили со всѣми народными почестями, а затѣмъ начались переговоры въ Переяславѣ. Казачьи условія состояли въ томъ, чтобы уніи не было на Руси; чтобы Кіевскій митрополитъ занялъ мѣсто въ Варшавскомъ сеймѣ; чтобы гетманъ зависѣлъ только отъ короля, и чтобы евреи были немедленно изгнаны изъ всей Украины. Условія эти не были приняты сеймомъ, и снова началась война, при чемъ самъ король сталъ во главѣ польскаго войска, но подъ Зборовомъ онъ потерпѣлъ полное поражение и вышелъ изъ плѣна только тѣмъ, что подкупилъ хана Гирея принять его сторону. Начавшіеся послѣ сего переговоры не удовлетворили обѣ стороны; но новая война уже не шла въ пользу казаковъ, время было упущено, да и Крымцы были на сторонѣ Польши. Неудачныя для Хмельницкаго сраженія подъ Берестечнымъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью дали поводъ королю установить число казаковъ по всей Украинѣ, только въ 20 т., что возмутило все казачье сословіе и народъ двинулся толпами въ Свободскую Украину, нынѣ Харьковскую губернію.

Еще въ 1620 г., гетманъ Сагайдачный просилъ Царя Михаила Теодоровича принять Украину, казачество, въ свое подданство, но Россія, только что оправлявшаяся тогда, этого сдѣлать, безъ войны съ Польшею, не могла, и потому отвергла предложеніе посольства.

Теперь Хмельницкій въ 1653 г. снова обратился къ Москвѣ, уже при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пояснивъ, что турецкій султанъ готовъ принять казачество въ свое подданство и что не ми-

новать Украинѣ быть въ бусурманскихъ рукахъ. А такъ какъ Польша не хотѣла признать царскаго титула, и переговоры объ этомъ велись давно неуспѣшно, то посольство Хмельницкаго было принято милостиво Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ 1654 г. отправленъ былъ въ Переяславль посолъ Бутурлинъ. На радѣ, собранной въ Переяславѣ, Хмельницкій объявилъ народу и казакамъ, что Малороссіи нуженъ сильный покровитель, и что такого они могутъ имѣть только въ восточномъ, православномъ Царѣ, одной съ ними вѣры. Народъ, рада въ одинъ голосъ, закричалъ: „волимъ подѣ Царя восточнаго“ и тутъ же присягнулъ на вѣрнопопданство, принявъ все условія и получивъ разрѣшеніе имѣть по счету 60 т. вооруженныхъ казаковъ.

А въ Москвѣ тѣмъ временемъ Царь созвалъ земскій соборъ, обсудить это дѣло. Было единогласно принято: подданство казаковъ и объявленіе войны Польшѣ за Царскій титулъ и въ защиту православной Украины.

Царь самъ повелъ свое войско, разославъ по Литвѣ призывныя грамоты. Смоленскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ были скоро заняты, и польскіе воеводы клали знамена предъ Царемъ; далѣе были заняты Вильно, Ковно, и Царь дошелъ счастливо до Гродно, гдѣ торжественно принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго. Но вслѣдъ за этимъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ и во всемъ государствѣ свирѣпствуетъ зараза, черная оспа. Царь поспѣшилъ въ Москву и начались переговоры съ Польшею въ Вильнѣ. Хмельницкій въ это время удачно дрался въ Украинѣ и уже успѣлъ перенести войну въ самую Польшу, гдѣ наступалъ съ большимъ успѣхомъ.

Вмѣшательство Швеціи въ русско-польскую распрю, неожиданная волненія въ самой Малороссіи, а главное моръ отъ заразы, внутри Россіи и потому нѣкоторое и тутъ волненіе, вынудили Царя Алексѣя Михайловича искать мира, который и былъ заключенъ въ Андрусовѣ въ 1667 г. Хмельницкій волновался, просилъ продолженія войны, мечталъ объ освобожденіи отъ ляховъ не только Малороссіи, но и всей Украины, но онъ не былъ услышанъ и вскорѣ скончался. Россія по Андрусовскому миру получила Кіевъ и сегобочную, т. е. лѣвую сторону Днѣпра, но отказалась отъ Литвы. Насталъ новый періодъ: укрѣпленіе Руси и паденіе Польши, послѣ этого въ сущности, перваго раздѣла, отнятіе у нея съ боя русскихъ великокняжескихъ земель отъ Смоленска до Кіева и до устьевъ Днѣпра, т. е. части Могилевской земли, Сѣверскаго Княжества, Малороссіи и матери русскихъ городовъ—Кіева.

До 1704 г. жизнь русскаго народа въ Западно-Русскомъ краѣ,

по правой сторонѣ Днѣпра, оставалась такою же неутѣшною, хлопскою, животною, какою была со времени вачала XVI ст.: смерть, по произволу пана! Союзъ Петра В. съ Августомъ II польскимъ вновь познакомилъ, сблизилъ Москву, русскихъ людей, съ литовцами и бѣлоруссами. Петръ, желая поддержать короля Августа, двинулъ свои войска къ З. Двинѣ; овладѣвъ Курляндію, Петръ занялъ Вильну и остановился въ Гроднѣ съ арміею въ 35 т. человекъ. Уѣзжая оттуда въ Москву, Петръ вручилъ Августу почетное командованіе русскими войсками.

Въ 1706 г. Августъ, съ прибытіемъ къ Гроднѣ Карла XII, отретировался съ 4-мя своими полками въ Саксонію. Карлъ XII по недостатку съѣстныхъ припасовъ, всталъ на широкія квартиры, верстахъ въ 70 отъ Гродно. Тогда Петръ приказалъ своей арміи отступить къ Кіеву. Какъ союзникъ Августа, Петръ распоряжался въ этомъ походѣ, какъ бы въ своей странѣ, чему очень способствовалъ языкъ, вѣра, понятные жителямъ и русскому войску. Уніатство все-таки сохранило по преимуществу православный обликъ и потому не препятствовало дружелюбію населенія къ единопольскому съ нимъ русскому войску. Карлъ не отважился преслѣдовать русское войско, изъ-за обширныхъ болотныхъ пространствъ и оставался въ Гродно до 1708 г., откуда двинулся въ Могилевъ, гдѣ поджидалъ подкрѣпленія изъ Лифляндіи подъ предводительствомъ Левенгаупта. Отъ сильныхъ и безпрестанныхъ передвиженій, армія Карла XII была очень изнурена и ослаблена и, будучи частично разбита княземъ Голицынымъ у села Добраго, при ея передвиженіи на Мстиславль, вынудила Карла XII двинуться къ югу, въ Украйну, въ надеждѣ найти союзника въ гетманѣ Мазепѣ, измѣнившемъ Петру. Карлъ XII надѣялся найти кромѣ того тамъ все необходимое для продолженія войны: продовольствіе въ благодатной Малороссіи. Онъ дошелъ до Полтавы. Но за это время Петръ, узнавъ о движеніи Левенгаупта къ переправѣ на р. Сожѣ, остановился у д. Лѣсной, близъ Пропойска, и тутъ разбилъ его на голову, при чемъ ему досталась вся артиллерія и все запасы. Шведы потеряли до 10 т. человекъ убитыми.

Украйна и Малороссія между тѣмъ не очень-то вѣрили и надѣялись на Мазепу и весь-то его отрядъ казаковъ не превышалъ 6 т. человекъ. Поляки и турки также не откликнулись на призывъ Карла XII. Вмѣсто Мазепы, когда стало извѣстно о его измѣнѣ, былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. Карлъ XII осадилъ Полтаву, которая не сдавалась. Къ ней на выручку поспѣшилъ Петръ В. и тутъ 27 іюня 1709 года свершилось кровавое скрещеніе оружія, при чемъ Карлъ XII былъ совершенно разбитъ, и вся его армія со

всѣми трофеями досталась Петру В. Остатки арміи сдались при Переволочнѣ. Карлъ XII съ Мазепою спаслись какимъ-то чудомъ, переправившись чрезъ Днѣпръ въ турецкія владѣнія.

О жизни Западно-Русскаго народа подъ властью Польши, за весь этотъ періодъ приходится мало что сказать, прибавить къ тому, что уже было высказано раньше: улучшеній не было; зависимость отъ пана, католика и еврея продолжалась, и крестьяне жили почти что впроголодь, по всей Бѣлоруссіи. Въ Литвѣ было нѣсколько легче, такъ какъ всѣ литовцы были со временъ Ягайло католики. На югѣ, гдѣ, какъ въ Подоліи, землѣ, текущей млекою и медомъ, было гораздо легче: постоянный обильный урожай возмѣщалъ тощій крестьянскій, на себя, трудъ. А Кіевъ съ его настойчивостью къ школьному образованію, а затѣмъ поддержка со стороны братствъ въ приходахъ, какъ и воспоминаніе о казачинѣ и нѣкоторое со стороны запорожцевъ воздѣйствіе, умѣряли силу и власть пановъ и ксендзовъ, но и это было въ очень минимальной степени. Холопство, рабство съ притѣсненіями чувствовались вездѣ больно. Россія въ это время хотя и не была слаба, но у нея вплоть до воцаренія Елизаветы Петровны дѣло шло больше о внутреннихъ дѣлахъ и порядкахъ, о войнѣ то съ Турціею, то со Швеціею и вообще не дошло еще время до защиты своихъ. Но, то вѣрно, что Сѣверная война, Петръ Великій имѣли большое вліяніе на все Бѣлорусское населеніе. Одно уже то, что не знали, кого признавать за короля: Августа II, союзника Петра или Лещинскаго, ставленника Карла XII. А шляхта за это время совсѣмъ распустилась и народу безправному жилось тяжелѣе, чѣмъ прежде, и имъ повелѣвали чужіе государи, но которымъ этотъ народъ по страшной бѣдности ничего не давалъ или очень мало; все подвозилось съ обѣихъ сторонъ. Сама Польша начала видимо разлагаться, такъ какъ Карлъ XII, преслѣдуя Августа II до Саксоніи, бралъ съ населенія что могъ, огнемъ и мечомъ. Со смертью Августа II, въ 1733 г., въ польскія дѣла вмѣшалась Франція, и Августу III былъ предпочтенъ въ Варшавѣ Ст. Лещинскій, котораго дочь Марія была замужемъ за Людовикомъ XV. Но съ приближеніемъ къ Варшавѣ русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Ласси, въ защиту Августа III, и изъ - за обѣщаній, данныхъ Россіи, отдать ей Курляндію и Лифляндію, Лещинскій благоразумно и смѣшно удалился въ Данцигъ и Августъ III окончательно утвердился на тронѣ.

Народъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Литовско-русскій край зналъ твердо, что всѣ эти поляки, католики, шляхта, его отъявленные враги и угнетатели. А шляхта, раздѣлен-

ная на партіи и чувствовавшая себя прекрасно въ своихъ имѣніяхъ съ неограниченною властью, мало подумывала о государствѣ! Сеймы то и дѣло разѣзжались, разгонялись, династія смѣнялась, повсюду была полная дезорганизация, а польское войско не существовало, такъ какъ шляхта, обязанная его собирать и кормить, находила это убыточнымъ дѣломъ, труднымъ: въ солдаты вѣдь шли только изъ подъ палки, а не съ убѣжденіемъ, защищать свое отечество. Распадъ былъ полный... Такъ продолжала жить Польша до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II въ 1762 г.

Для восстановленія порядка въ Польшѣ и Варшавѣ, для поддержки на тронѣ Августа III, русскій посолъ Репнинъ призвалъ въ самую Варшаву русскія войска, которыя охраняли въ столицѣ Польши порядокъ и стояли на стражѣ около короля. Такъ тянулось дѣло до смерти Августа III въ 1763 г., когда снова возникъ споръ, кому царствовать? Саксонскую династію поддерживали Австрія съ Франціею, а Екатерина II и Фридрихъ II, стояли за династію Пястовъ и указывали на Станислава Понятовскаго, за котораго стояла сильная польская партія во главѣ съ Чарторыйскимъ. Сеймъ 1764 г., подъ страхомъ присутствія въ Варшавѣ русскихъ войскъ, послѣ бурныхъ преній, избралъ въ короли Ст. Понятовскаго. Какъ только это случилось, русскій посолъ, князь Репнинъ, немедленно поднялъ старый вопросъ, со времени еще Хмельницкаго, о диссидентахъ, т. е. некаатоликахъ, положеніе которыхъ за все XVIII ст., было болѣе чѣмъ печальное: православныя церкви съ ихъ прихожанами обращались не спросясь въ униатскія, православное духовенство преслѣдовалось, русскіе люди не могли занимать коронныхъ должностей и не допускались на сеймы; ихъ подчиняли католическому церковному суду и они терпѣли всякаго рода униженія и оскорбленія. Такими же несправедливыми мѣрами ополяченія, поляки-католики относились къ лютеранамъ, и Фридрихъ II присоединился къ требованіямъ Екатерины II о дарованіи диссидентамъ равноправія съ католиками. На сеймѣ польскій отказъ едва не дошелъ до кровавой расправы, и князь Репнинъ получилъ указаніе вызвать диссидентовъ къ открытой борьбѣ, для чего составить конфедерацію, которую поддержитъ Россія. Чрезъ годъ составились въ Слуцкѣ и Торнѣ двѣ конференціи: русско-православная и польско-лютеранская. За католиковъ заступался папа и шелъ противъ диссидентовъ, епископъ Солтыкъ работалъ день и ночь надъ воззваніями къ католикамъ. Князь Репнинъ арестовалъ Солтыка съ его сообщниками и отослалъ ихъ въ Россію. Эти мѣры заставили сеймъ подписать въ 1768 г. трактатъ, по которому давалась свобода вѣроисповѣданія диссидентамъ, уравнивались политически-гражданскія ихъ права съ

католиками и разрѣшались смѣшанные браки. Диссидентскія конфедераціи были затѣмъ распущены, а русскія войска ушли изъ Варшавы къ границѣ. Какъ только это свершилось, шляхтичи Красинскій и Пухальскій очень скоро составили, съ своей стороны, польско-католическую конфедерацію въ Барѣ на Подолѣ, съ цѣлію дѣйствовать какъ противъ постановленія сейма и трактата, такъ и открыто, противъ диссидентовъ и, свергнувъ Понятовскаго, снова возвести на престолѣ Саксонскую династію. Тогда польскій сенатъ обратился къ Екатеринѣ, какъ къ поручительницѣ въ сохраненіи трактата и установленнаго порядка, съ просьбою усмирить не прощенныхъ шляхетскихъ конфедератовъ. Кн. Репнинъ снова вернулъ съ границы русскія войска, въ числѣ 20 т. подѣ начальствомъ Кречетникова, противъ которыхъ Барская конфедерація не имѣла силъ бороться и очень скоро Барѣ, Краковѣ, Люблинѣ, Бердичевѣ, были очищены, а шайка конфедератовъ спаслась, кто какъ могъ, въ Венгрію и Силезію. Тогда польскіе конфедераты обратились за помощью къ Франціи, которая послала имъ, въ качествѣ организатора, капитана Дюмурье. Но оказалось, по словамъ послѣдняго, что войско конфедератовъ, до 17 т. всякаго сброда, ничего не стоило, было только конное, при томъ оно больше грабило, чѣмъ умѣло дѣйствовать, а шляхта, съ ея предводителями, до того мало знала военное дѣло и такъ увлеклась роскошью, да разгульною жизнью, что о серьезномъ сопротивленіи русскимъ войскамъ не могло быть рѣчи, и Дюмурье, разочарованный, поспѣшилъ возвратиться восвояси, оставивъ въ наслѣдство свои записки о раззореніи Польши.

Но затѣянная Барская конфедерація откликнулась во всей Украинѣ, произведя религиозное волненіе въ народѣ. Взались за оружіе запорожцы и всѣ казаки. Въ числѣ ихъ очутился казакъ Желѣзнякъ и его помощникъ Гонта и началась по всей Украинѣ, въ особенности съ Подола, рѣзня католиковъ, униатовъ, ксендзовъ и жидовъ, которая въ Умани выразилась страшною катастрофою: Гонта вырѣзалъ всѣхъ жителей и наполнилъ колодцы трупами дѣтей этихъ жителей. Въ Балтѣ были умерщвлены всѣ евреи; но когда казакъ Шило со своими ушелъ изъ Балты, то съ пограничнаго и сосѣдняго турецкаго мѣстечка Галты, турки и евреи напали на православное населеніе Балты и зажгли его. Шило вернулся и разорилъ Галту дотла. Такимъ образомъ въ это дѣло невольно замѣшалась Турція и хотя Кречетниковъ положилъ конецъ этому гайдамацкому своеволію, но Турція, подстрекаемая Франціею, нашла поводъ къ войнѣ. Крымскій ханъ, по приказанію изъ Константинополя, вторгся въ русскія владѣнія и опустошилъ Новую Сербію, а русскій посолъ Обрезковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ. Началась,

значить, война съ Турціею изъ-за Барской конфедераціи. Хотя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ подъ начальствомъ Румянцева, а потомъ Чесменскій бой, еще въ 1770 г. доставили большую славу русскому войску и его Государынѣ, но Турція не уступала и, лишившись наконецъ Крыма въ 1771 г., все-таки продолжала войну, не соглашаясь на условія побѣдителя. А Екатерина желала мира, но не могла его добиться. Между тѣмъ національная партія въ Польшѣ, усмотрѣвъ гибель всего королевства, домогалась наслѣдственнаго короля и уничтоженія правъ сейма на *liberum veto*, по которому всякій шляхтичъ могъ сорвать сеймъ своимъ: не дозволимъ. Но для этого нужно было согласіе Россіи, на основаніи трактата 1768 г. о диссидентахъ. Это было невыгодно Россіи. За то Польша съ сеймомъ и королемъ по всѣмъ пунктамъ отказались отъ всякихъ переговоровъ и услугъ со стороны Россіи, и обратились за помощью къ державамъ. Откликнулась Австрія, которая стала на сторону турокъ. Пруссія отклонила всякую помощь. Франція была далеко и сама уже клонилась, если не къ упадку, то къ внутреннему безпорядку и неурядицѣ.

Екатерина II, нуждаясь, наконецъ, въ мирѣ, обратилась къ Фридриху II и предложила ему союзъ противъ Австріи, но Фридрихъ повернулъ дѣло по своему разумѣнію, устранивъ Турцію и указывая на удовлетвореніе Россіи за счетъ разлагавшейся до основанія Польши. Эта комбинація улыбнулась Екатеринѣ II, и она изъявила свое согласіе, чему не противорѣчила и Австрія.

Такимъ-то образомъ состоялся первый раздѣлъ Польши въ 1773 г. Россія получила Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Мстиславль, Гомель съ населеніемъ въ 1.600.000. Австрія взяла Галицію съ населеніемъ въ 2.500.000 жителей, Пруссія—Померанію и часть Бѣлой Польши. Такимъ образомъ подъяремная Галиція попала изъ польмя да въ огонь, изъ польскихъ лапъ въ австрійскія, въ которыхъ пребываетъ и понынѣ.

Послѣ этого поляки задумались о своей судьбѣ и угрожающихъ опасностяхъ. Составилась польская преобразовательная партія, которая въ виду того, что король Понятовскій бездѣтенъ, установила законъ о наслѣдственномъ престолонаслѣдіи въ лицѣ саксонскаго дома съ властью исполнительною и съ отмѣною *liberum veto* и съ установленіемъ сейма только съ большинствомъ голосовъ. Конфедераціи, какъ противузаконныя, воспрещались. Это постановленіе подъ названіемъ конституціи 3 мая 1791 г. существовало не долго, такъ какъ противники ея, русская партія, образовавъ конфедерацію въ Тарговицѣ, обратились къ Екатеринѣ, прося ее возстановить порядокъ, согласно договора 1768 г. На по-

мощь Тарговицкой конфедерации пришла 100 т. русская армия, под начальством Каховскаго и Кречетникова. Тогда поляки обратились къ Фридриху II и просили защиты, но ихъ ходатайство было отклонено на томъ основаніи, что они приняли новую конституцію, безъ его вѣдома. Польское войско, находившееся въ Литвѣ, отступало безъ боя. Племянникъ короля, Иосифъ Понятовскій, и генераль Фаддей Косцюшко были разбиты, послѣдній на р. З. Бугѣ подъ Дубенкой. Король Станиславъ-Августъ IV, по требованію Екатерины II, долженъ былъ признать Тарговицкую конфедерацию законною; она-то собралась въ Гродно на сеймъ, куда также, по настоянію русскаго уполномоченнаго Сиверса, пріѣхалъ король для открытія чрезвычайнаго сейма. Сиверсъ потребовалъ уступки Россіи: Вольнскую, Минскую и Подольскую губерніи, включительно и тылъ — всю Кіевскую губернію, съ 3 м. населенія. Послѣ небольшого колебанія уступка этихъ земель Россіи была принята, а то, что требовала Пруссія, отвергнуто и сочтено за насиліе. Тутъ же король далъ обѣщаніе безъ согласія Россіи ни съ кѣмъ не воевать и договоровъ не заключать и ограничиться арміею въ 15 тыс. человекъ. Одновременно была занята Варшава русскими войсками подъ начальствомъ Игельстрома въ 1793 г.

Но на этомъ польскіе патриоты не могли помириться и войдя въ сношеніе съ Франціею, съ ея комитетомъ общественной безопасности, обѣщавшимъ имъ помощь, начали подготовленіе къ возстанію подъ предводительствомъ, съ властью диктатора, Фаддея Косцюшко. Началось съ Кракова, откуда русскія войска должны были послѣднее выступить. Тогда возсталъ Варшава, ночью, спящіе русскія войска были атакованы и потеряли до 2 т. человекъ убитыми. Игельстромъ едва спасся. Но при Холмѣ уже генераль Зайончикъ былъ разбитъ, а Вильна тѣмъ временемъ была занята русскими войсками, по приказанію Румянцева-Задунайскаго. Одновременно спѣшили къ Варшавѣ Суворовъ съ Украинскою арміею, при чемъ на пути онъ разбилъ поляковъ дважды. Одновременно Ферзенъ подъ Маціевницами, въ 12 миляхъ отъ Варшавы, разбилъ, ранилъ и загналъ Косцюшко съ его кавалеріей въ болото, гдѣ взялъ всѣхъ въ плѣнъ. Косцюшко тогда, бросивъ саблю, воскликнулъ: *Finis Poloniae!* Варшава послѣ этого сдалась Суворову безъ боя, но послѣ взятія приступомъ предместья Праги. Послѣ этого произошелъ 3-й раздѣлъ Польши, при чемъ Россіи досталось вся Литва и Курляндія. Король Понятовскій отказался отъ престола и поселился въ Гроднѣ. Съ тѣхъ поръ весь Западно-Русскій край сдѣлался русскимъ краемъ. Его Екатерина II не завоевала, а, какъ она выражалась, возвратила Россіи, какъ край съ чисто русско-литовскимъ населеніемъ, ото-

рваннымъ отъ Россіи за время раздоровъ за удѣлы и татарскимъ погромомъ.

Одновременно пришлось Екатеринѣ II подумать о своевольствѣ казаковъ на Украинѣ, о гайдаматчинѣ, о Запорожцахъ, которые не переставали грабить, своевольствовать въ Турціи, на Украинѣ и въ степяхъ, заселяемыхъ русскимъ народомъ. Граница наша изъ-за нихъ была въ постоянномъ волненіи. Для достиженія покоя князь Потемкинъ счелъ нужнымъ уничтожить прежде всего гнѣздо своевольства—Запорожскую сѣчь. Это началось съ 1775 г. и закончилось въ 1783 году. Запорожцы должны были уйти съ ихъ насиженныхъ мѣстъ, въ Хортицѣ, а съ ними и не мало казаковъ въ другихъ губерніяхъ. Часть ихъ спаслась или удалилась къ султану; это были все теперешніе Некрасовцы, которые нынѣ возвращаются въ Россію. Другіе поселились въ Новой Россіи на общихъ правахъ; изъ наибольшей части составилось новое казачество, поселенное около Азовскаго и Чернаго морей и на острову Фанагорія, подъ названіемъ Черноморскихъ казаковъ, нынѣшняя Кубанская область, сослужившая Россіи, на Кавказѣ, хорошую службу. Возстанія и грабежъ въ Малороссіи и Украинѣ со своевольствомъ улеглись этою мѣрою, и поляковъ послѣ этого уже мало тревожили, они зажили опять своею жизнью, подъ покровительствомъ русской короны. Отмѣтимъ тутъ, что несмотря на разгромъ и выселеніе Запорожцевъ, казаковъ, предковъ современниковъ Хмельницкаго и Полтавскаго погрома, многія казачьи семейства остались жить, изъ-за своего имущества, на своихъ мѣстахъ. Всѣхъ ихъ зачислили въ крестьянское сословіе, хотя бы и вольное. Эти-то казаки-крестьяне Украины, Малороссіи и даже Свободской Украины Харьковской губ. живутъ на своихъ мѣстахъ понинѣ, въ мѣстечкахъ и околицахъ. Отличаясь отъ крестьянства большею зажиточностью, они носятъ свою своеобразную казачью одежду, брѣются, крѣпко православные, съ русскимъ духомъ, предприимчивы и, занимаясь земледѣіемъ да торговлею, сильно напоминаютъ собою время гайдаматчины. Это, видно, не крестьянинъ, — это казакъ, и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій съ Австрією, съ католиками, они легко могутъ въ совокупности выставить, если понадобится, 100 т. иррегулярную конницу, грозную по своему національному духу.

Въ настоящее время, хозяевами острова Хортицы, этого бывшаго запорожскаго гнѣзда,—нѣмцы-колонисты, которые тамъ устроились, окруженные Днѣпромъ, какъ бы въ средневѣковомъ нѣмецкомъ рыцарскомъ княжествѣ! Тамъ не извѣстенъ русскій языкъ, тамъ все нѣмецкое, а русскія власти тамъ отсутствуютъ. Также Хортица съ тѣхъ поръ, съ 40-хъ годовъ XIX столѣтія, вѣроятно не видѣла у

себя губернатора, да и исправникъ или становой туда заѣзжаютъ очень рѣдко. Да это и не нужно, вѣдь тамъ все тихо, по-нѣмецки, тамъ не слышно русскаго говора, тамъ только свое самоуправленіе, свое пиво и брага, своя религія и все, что угодно, но только не русское.

А за тѣмъ оказалось, что несмотря на насильственно введенную унію, въ Бѣлоруссіи на столько еще крѣпко сохранялся народный духъ, вѣра, что безъ всякаго насилія, тотчасъ послѣ второго раздѣла Польши, 1.500.000 душъ присоединились къ православію. Это послужило лучшимъ доказательствомъ, до чего этотъ угнетенный народъ, благодаря только своему духовенству, крѣпокъ, какъ русскій, православный человекъ. Вѣдь онъ пережилъ гнетъ и насиліе многихъ столѣтій и остался вѣренъ тому, что было положено въ основу, какъ гранитная скала съ 988 г., Владиміромъ Святымъ. Это начало русской національной черты шло за все XIX ст. зигзагами то впередъ, укрѣпляясь, то слабѣя, до полного упадка. Что это было такъ, но не иначе, виновато на столько же теченіе русской исторіи, рокъ, какъ и русская власть, не создававшая, гдѣ ея сила, покоящаяся, какъ и нынѣ, на массѣ. Нужны были новыя испытанія, очень большія, чтобы эта черта, національная, дошла до своихъ устоевъ, и то еще вопросъ, устоитъ ли новое теченіе, не упустятъ ли его въ противоположную, пагубную для государства сторону?

Къ несчастію, добрый поворотъ вещей длился не долго. При Императорѣ Павлѣ I, слияніе Западно-Русскаго края съ Имперіею было отодвинуто, введеніемъ Литовскаго статута, польскаго трибунала, т. е. высшее судебное мѣсто, и насажены городскіе суды. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. было отмѣнено и громаднѣйшій край началъ управляться единовластно изъ Вильны, и въ сущности опять каждый шляхтичъ, польскій помѣщикъ имѣлъ полную волю, до смерти включительно, надъ русскимъ народомъ, православнымъ, а тѣмъ болѣе надъ уніатами, съ которыми совсѣмъ не церемонились, это вѣдь были свои и имъ, съ ихъ духовенствомъ, некуда было жаловаться, развѣ папѣ, который разумѣется дѣлалъ съ своей стороны все возможное, для улучшенія своей свѣтской власти и распространенія своего вліянія надъ Россіею съ ея народомъ. И онъ чрезъ поляковъ достигалъ своей цѣли, какъ нельзя лучше, тѣсно связавъ религію, католичество, съ политикою покоренія всѣхъ православныхъ, вѣрнѣе, говорящихъ по-русски.

Павелъ I, вступившій на престолъ въ 1796 г. и дѣлавшій все будто наперекоръ своей матери Императрицѣ, своимъ правленіемъ въ корнѣ вредилъ себѣ и всей Россіи. Все измѣнилось въ короткій

срокъ его правленія, вызвавъ неудовольствія въ странѣ, и это закончилось трагически, въ 1801 г. Вступилъ на престолъ 26 лѣтній Александръ, ученикъ Лагарпа, желавшій хорошихъ преобразованій.

Не имѣя возможности разомъ разобраться со столькими вопросами, которые горою стояли предъ нимъ, при вступленіи на престолъ, онъ обратился къ своимъ ближайшимъ друзьямъ молодыхъ лѣтъ, князю Адаму Чарторыйскому, Кочубею и Строганову. Послѣдніе двое послужили Россіи, какъ могли, и оказались не безполезными, за то А. Чарторыйскій былъ злымъ духомъ Императора и ненавистной ему Россіи. Этотъ родъ князей владѣлъ на Волыни около Дубно большими землями. Кн. Адаму Чарторыйскому дали обширное образованіе за границею, откуда вернувшись, онъ принялъ участіе, съ своимъ братомъ, въ конфедераціяхъ противъ Россіи въ 1792 г., предъ вторымъ раздѣломъ Польши, что закончилось для Чарторыйскихъ ихъ выѣздомъ за границу. Ихъ владѣнія были конфискованы. Императрица Екатерина II обѣщалась возвратить Чарторыйскимъ ихъ имѣнія, если они пріѣдутъ въ Петербургъ, какъ заложники. Въ 1795 г. оба брата явились въ Петербургъ, и тутъ завязалась тѣснѣйшая дружба между княземъ Ад. Чарторыйскимъ и великимъ княземъ Александромъ. Его отцу Павлу это не понравилось, и онъ Чарторыйскаго въ 1796 г. выслалъ за границу посланникомъ, въ Сардинію. Но чрезъ 5 лѣтъ Императоръ Александръ его вызвалъ обратно и сдѣлалъ его своимъ ближайшимъ совѣтникомъ, въ негласномъ комитетѣ по преобразованіямъ. Чарторыйскій, какъ тонкій полякъ, политикъ, какъ нельзя лучше воспользовался довѣріемъ Государя, но все на пользу своей Польши, своего католицизма и своего собственнаго благополучія, при огромной власти, какая ему была вручена. Очень скоро онъ былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и помощникомъ Государственной Канцеляріи Воронцова. Когда Воронцовъ заболѣлъ, онъ занялъ его мѣсто, и объявленіе войны Наполеону, въ союзѣ съ Австріею и Англіею въ 1805 г., было его рукъ дѣло. Послѣ этого 10 лѣтъ сряду длились эти войны, чуть не погубивъ Россію въ 1812 г.; поэтому понятно, что положеніе населенія вновь пріобрѣтеннаго Западно-Русскаго края не могло быть улучшено. Напротивъ того, въ 1812 г. году весь Сѣверо-Западный край былъ страшно разоренъ нашествіемъ 600 т. наполеоновской арміи, и поляки, увѣрявшіе Императора Александра въ Вильнѣ, сегодня, въ своихъ вѣрнопоподанническихъ чувствахъ, на другой день, по вступленіи въ Вильно Наполеона, были его преданнѣйшими слугами, вѣдь съ Наполеономъ вторгнулся въ Россію польскій корпусъ подъ командою Посятовскаго. Какое торжество для поляковъ... Между

тѣмъ у Чарторыйскаго уже давно зародилась мысль воспользоваться расположеніемъ Александра I, для образованія Польско-Литовскаго государства, въ униі съ Россіей. Однако этому помѣшали обстоятельства и русскіе люди, и А. Чарторыйскій выѣхалъ изъ Петербурга въ 1810 г. навсегда, поселившись въ Вильнѣ. Тамъ онъ основалъ Виленскій университетъ, тамъ историкъ Лелевель читалъ страстно исторію Польши и готовилъ молодежь къ послѣдующимъ бунтамъ. Изъ Вильны то и дѣло сыпались всякія распоряженія князя, на пользу Польши, поляковъ и католиковъ и во вредъ всему русскому, которое онъ не выносилъ. Польскія школы выросли, какъ грибы, а униатско-русскія и православныя, какія еще успѣли сохраниться, терпѣли открытыя напасти и прекращали свою дѣятельность. Православное духовенство и русскій языкъ были въ загонѣ. Вообще все направленіе А. Чарторыйскаго было открыто антирусское, даже революціонное; о немъ довели до свѣдѣнія Государя, который послалъ въ Вильну Новосильцева на слѣдствіе. Оно раскрыло всю махинацію князя, и онъ, надѣлавъ много зла Россіи, долженъ былъ въ 1823 г. сложить съ себя званіе попечителя и удалиться къ себѣ въ Пулавы, а потомъ въ 1830 г. въ Парижъ, куда онъ эмигрировалъ, принявъ открытое участіе въ возстаніи Польши, какъ президентъ сената и польскаго національнаго правительства.

Разочарованный, къ концу своей жизни, Александръ I потерялъ вѣру въ людей, давно сознавъ свою ошибку по отношенію къ Чарторыйскому, но исправить содѣянное зло пришлось его преемнику Николаю I, вступившему на престолъ въ 1825 г. Бунтъ у себя въ столицѣ, по поводу престолонаслѣдія, откликнувшійся до Кіевской губ., а затѣмъ войны съ Персіей и Турціей не дали Императору времени заняться тотчасъ же дѣлами Польши и Западнаго края. Тѣмъ временемъ, благодаря историку Лелевелю, въ Варшавѣ исподволь подготовлялся бунтъ, въ присутствіи брата Государя, Великаго Князя Константина Павловича. Въ 1830 г. бунтъ разразился окончательно, и русскія войска должны были скорехонько выступить за границу Польши, а возстаніе дошло до Литвы, уже хорошо подготовленной долгимъ тамъ пребываніемъ князя А. Чарторыйскаго. Отдѣльный польскій корпусъ Гельгуда дошелъ до Вильны, но здѣсь былъ разбитъ и прогнанъ за прусскія границы. Въ Подоліи генералъ Дверницкій, думавшій поднять крестьянъ, былъ отброшенъ со своимъ войскомъ, Редигеромъ, въ Галицію. Побѣды гвардейскаго корпуса у Остроленки и взятіе Варшавы Паскевичемъ положили конецъ бунту. Глава партіи умѣренныхъ, А. Чарторыйскій, бѣжалъ за границу, переодѣвшись конюхомъ. Польша

получила устройство сходное со всеми русскими губерніями: Виленскій университетъ былъ закрытъ, и началась чистка Западно-Русскаго края отъ того яда, который былъ напущенъ Чарторыйскимъ на все, безъ различія, населеніе. Русское управленіе съ довѣренными людьми очень скоро извлекли оттуда все то, что вредно вліяло на русскій элементъ, и не мало ксендзовъ, поляковъ и бунтовщиковъ изъ шляхты должны были бѣжать за границу или жить долго, какъ поселенные, въ городахъ Россіи и Сибири. Русскій народъ и православіе, а отчасти и уніаты вздохнули свободнѣе, увидавъ, что у нихъ есть защита въ лицѣ самого Государя. Было обращено вниманіе на непосильную барщину, на произволь помѣщиковъ, на сервитуты, на совращеніе въ католичество и на отстройку костеловъ. Власть помѣщиковъ, ихъ вліяніе на крестьянство было приуменьшено до возможности, хотя рабство, крѣпостничество, не уничтожено. Между прочимъ не дозволено было продавать крестьянъ въ одиночку, безъ семьи и разрѣшено было имъ имѣть свою покупную землю и другія льготы, такъ примѣрно ограничено такое право помѣщиковъ, какъ по издѣльной крестьянской работѣ и т. д.

Вмѣсто Виленскаго университета, скомпрометтированнаго при Чарторыйскомъ и закрытаго, основанъ былъ университетъ Кіевскій, Св. Владиміра. По части экономическаго подъема, что очень важно было для послѣдующихъ поколѣній, въ смыслѣ заработковъ, было введено въ Юго-Западномъ краѣ сахаровареніе, — что отозвалось благотворно на здоровьи населенія вообще и на его матеріальномъ благосостояніи. Тогда же появились въ краѣ русскіе помѣщики, маіораты, но пока еще въ ограниченномъ числѣ. Но такъ какъ въ то время православіе было однимъ изъ виднѣйшихъ признаковъ русскаго челоуѣка и всего народа, то Императоръ Николай I не могъ не обратить вниманія на уніатовъ, которые то и дѣло, со времени Екатерины, возвращались къ православію. Уничтоженію, навязанной русскому, уніи въ 1596 г. въ Брестѣ препятствовало завѣдываніе ею римско-католическою коллегіею. Николай I, изгнавъ уніатовъ изъ вѣдѣнія этой враждебной коллегіи, учредилъ греко-уніатскую коллегію и подчинилъ ее оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. По инициативѣ графа Протасова и старѣйшаго изъ уніатскихъ іереевъ Іосифа Симашко, уніатское духовенство съѣхалось въ 1839 г. въ Полоцкѣ и тамъ соборно постановило просить Государя разрѣшить уніатамъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви. Государь на прошеніи написалъ: „Благодарю Бога и принимаю“. Главный двигатель этого народнаго дѣла, Іосифъ Симашко, былъ возведенъ въ митрополиты литовскіе, и

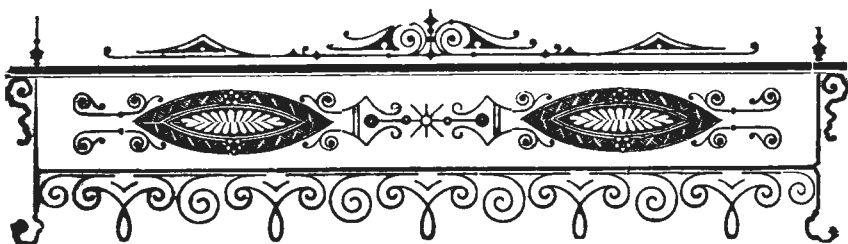
какъ таковой, онъ завершилъ воссоединеніе съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и успѣхомъ, въ короткое время. Въ Россіи остались только униаты, русскіе люди, въ Холмской епархіи, но и они воссоединились въ 1874 г. Теперь ихъ можно еще встрѣтить въ довольно большомъ числѣ, за чертою русскихъ владѣній, въ Галиціи, гдѣ ихъ участь, какъ русскихъ людей, не лучше, чѣмъ когда-то было во всемъ Западно-Русскомъ, захваченномъ Польшею, краѣ.

Несчастливая Крымская кампанія, которая въ 1855 г. стоила жизни Императору Николаю I, указала его наслѣднику Императору Александру II, что Россія со старымъ порядкомъ жизни и управленія должна разстаться и искать своего спасенія въ нововведеніяхъ, для поднятія государства на прежнюю высоту, съ которой оно было низвергнуто постыднымъ Парижскимъ миромъ! Императоръ Александръ II, всесторонне образованный и хорошо знавшій свое великое достояніе, былъ вполне готовый царственный дѣятель, для проведенія его многообразныхъ реформъ. Онъ началъ съ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, отъ уничтоженія всякаго рабства, которое въ Западно-Русскомъ краѣ имѣло особое значеніе: освобожденіе отъ ига, врага, если не татарскаго, то не худшаго, чѣмъ отъ польско-католическаго. 19 февраля 1861 г. вопросъ этотъ былъ благополучно разрѣшенъ общимъ положеніемъ о крестьянахъ, которымъ въ обезпеченіе ихъ быта было постановлено надѣлать ихъ усадьбою и полевыми угодами. Мировые посредники изъ русскихъ, со съѣздами и присутствіями, устроили это дѣло какъ нельзя лучше и по минованіи надобности въ нихъ, передали освобожденныхъ крестьянъ на судъ русскимъ мировымъ судьямъ. Въ настоящее время, чрезъ 50 лѣтъ, когда все это закончено, ссуда уплачена и крестьяне дѣйствительно свободны тѣломъ и духомъ, удивляешься, какъ такое великое дѣло могло совершиться такъ тихо и спокойно, среди вѣчно-бунтующей шляхты! А она между тѣмъ самымъ серьезнымъ образомъ готовилась къ новому возстанію, по милости неумѣлаго управленія Польшею, послѣ намѣстника князя Паскевича и бессмысленно добродушнаго отношенія властей, которые вѣрили въ поляковъ и ради того, что скажетъ Европа, даже заискивали, пресмыкались предъ этимъ народомъ. Освобожденіе Италіи и вмѣшательство Наполеона III въ наши польскія дѣла совсѣмъ вскружили голову панамъ и перенесли бунтъ во всѣ польскія помѣстья Западно-Русскаго края, который также закипѣлъ. Банды повстанцевъ подъ общимъ предводительствомъ Лангевича разсыпались по всей Польшѣ и всему Западно-Русскому краю. Въ этомъ году возстанія приняли участіе не только все дворянство, шляхта, но ксендзы, женщины и даже дѣти! Въ январѣ 1863 г., одна

изъ главныхъ бандъ, подъ предводительствомъ Лангевича, имѣла намѣреніе вторгнуться около Дрогичина Гродненской губерніи и перенести свое оружіе чрезъ границу, въ Россію, но находившіяся тутъ русскія войска уничтожили эту банду, и Лангевичъ скорохонько удалился въ Австрію, гдѣ онъ попалъ въ тюрьму. За то русскіе офицеры, католики, каковы были гр. Гауке, Сѣраковскій, Жвирждовскій и другіе, осрамили себя на вѣки и заплатились плѣномъ и жизнью, за исключеніемъ гр. Гауке, который ускользнулъ за границу. Вѣшаніе православныхъ священниковъ и разныя другія подобнаго рода преступленія заставили правительство назначить въ Вильно, Кіевъ и Варшаву: М. Н. Муравьева, Н. Н. Анненкова и графа Берга съ особыми неограниченными полномочіями, для скорѣйшаго усмиренія этого новаго бунта. Графу Муравьеву пришлось между прочимъ разстрѣлять графа Платера за то, что тотъ, съ своею бандою, напалъ на военный транспортъ, около г. Рѣчицы Витебской губ. Такъ какъ конвой этого транспорта былъ не великъ, то его легко обезоружили и перекололи, но на выручку ему пришли близъ жившіе старообрядцы, которые въ свою очередь не дали спуску бандѣ, плѣнивъ ее и представивъ въ распоряженіе гр. Муравьева. Весь этотъ бунтъ не обошелся безъ многихъ жертвъ со стороны поляковъ; ихъ вѣшали, разстрѣливали, высылали въ Россію и въ Сибирь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Одинъ изъ людей Юсифа Сѣмашко.

(Къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи).

Отошедшая отъ насъ жизнь представляетъ не мало поучительнаго не только въ явленіяхъ болѣе вѣской исторической цѣнности, но и въ скромныхъ дѣяніяхъ идейныхъ тружениковъ, сохранившихъ любовь къ родному уголку, заботу о его благѣ.

Эти скромные дѣятели забытыхъ жизнью уголковъ, привыкшіе къ бодрой работѣ, терпѣливые, настойчивые, старались поддержать извѣстный уровень духовныхъ интересовъ, пробуждали по мѣрѣ силъ лучшія стремленія въ окружающей косной средѣ.

Въ незамѣтныхъ, глухихъ уголкахъ часто можно наблюдать явленія, которыя ближе знакомятъ насъ съ народностью въ ея первоначальной, не тронутой сторонними вліяніями основѣ, не заслоненной крупными фактами и жизнью болѣе сложнаго характера.

Поучительно видѣть, какъ отражаются завѣты извѣстной эпохи въ умахъ пытливыхъ, въ искреннихъ сердцахъ людей, работающихъ въ тиши, безъ надежды на признаніе своихъ заслугъ современниками, не говоря уже о потомствѣ.

Очеркъ личности и дѣятельности одного изъ послѣднихъ поборниковъ школы Юсифа Сѣмашко представляетъ настоящая статья. Въ этой скромной дѣятельности слышатся отголоски прошлаго Бѣлорусіи, выступаютъ силуэты нашей религіозной жизни въ глухомъ уголкѣ, куда забросила судьба русскаго человѣка. На этомъ сѣромъ фонѣ, гдѣ жизнь не отличается ни сложностью, ни широтой, мы

можемъ наблюдать явленія, однородныя съ тѣми, которыя, при иныхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ, получили определенное развитіе, дали осязательные результаты.

Познакомимся сначала съ ареной, на которой нашла себѣ мѣсто дѣятельность скромнаго поборника церковно - общественнаго идеализма. Основой этого направленія были тѣ начала, которыя выработала народная жизнь бѣлорусса въ ея религіозной окраскѣ, а также сознательная работа лучшихъ представителей духовенства, съ особенной яркостью выразившаяся въ плодотворной дѣятельности митрополита Юсифа Сѣмашко.

Среди ивородческаго племени, населяющаго Ковенскую губернію, тонуть, какъ отдѣльные оазы, разбросанныя тамъ и сямъ скудныя русскія поселенія. Эти скромныя авангарды русскаго крестьянства двигаются въ сѣверо-западный уголь Литвы, старую Жмудь, и въ исторически бытовомъ отношеніи представляютъ явленіе въ извѣстной степени поучительное. Они создались отчасти на исторической почвѣ, отчасти являются позднѣйшими административными насажденіями. — Старое стихійное стремленіе русскаго человѣка искать воли, бѣжать отъ тяготы, устремляетъ его не только на отдаленный востокъ и благодатный югъ, оно заставило его переходить въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ черезъ литовскій рубежъ.

Не только Вѣтка, явившаяся центромъ старообрядчества, но и восточныя части Литвы привлекали русское старообрядческое населеніе. И теперь главная масса старообрядцевъ населяетъ уѣзды Новоалександровскій и Вилькомирскій, самые восточные, прилегающіе къ Витебской и Виленской губ. Слѣды русскаго населенія въ Ковенской губ. сохранились въ историческихъ памятникахъ. Въ городѣ Бреславлѣ, нынѣ мѣстечко Новоалександровскаго уѣзда, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка были православныя церкви и два монастыря, мужской и женскій. Въ глубинѣ Литвы были православныя монастыри въ м. Кейданахъ (Ковенскаго уѣзда) и Сурдегахъ (Вилкомирскаго уѣзда); послѣдній изъ этихъ монастырей существуетъ и въ настоящее время. Эти монастыри служили религіозными центрами для русскаго населенія, осѣвшаго по Нѣману и его сѣвернымъ притокамъ.

Событія 1863—64 г. г. заставили обратить вниманіе на положеніе русскаго населенія этой забытой окраины. Вспомнили, что и этотъ глухой уголокъ обширной имперіи не былъ чуждъ русскаго элемента утвердившагося здѣсь совершенно самостоятельно, но лишеннаго поддержки правительства и культурной связи съ коренными русскими областями. Съ этого времени начинаются попытки усилить его количественно и возвысить его духовный уровень. Въ

этомъ порубежномъ съ Пруссіей краѣ начинается приливъ русскихъ поселенцевъ, вызванныхъ, однако, не изъ внутреннихъ губерній, населеніе которыхъ, сильное духомъ общиннаго начала, могло бы дать насельниковъ, способныхъ сохранить и на далекой окраинѣ въ чистотѣ родной языкъ, народный типъ, внести въ жизнь глухого, не знающаго ни развитія кустарныхъ производствъ, ни отхожихъ промысловъ края присущее великороссу разнообразіе промысловъ. Поселенцы были вызваны изъ сосѣдней Курляндской губерніи, въ которой они въ значительной степени утратили и чистоту языка и ясность религіознаго и племеннаго самосознанія. Трудно было свѣ-жему человѣку узнать русскаго въ этомъ щедушномъ, низкоросломъ, говорившемъ на своеобразномъ нарѣчьи субъектѣ, этомъ „русскомъ тудейшей парафіи“ (здѣшняго прихода), какъ зачастую рекомендовалъ себя мѣстный поселенецъ. Сразу бросалась въ глаза рѣзкая разница между нимъ и рѣчистымъ, смѣлымъ, живымъ, щеголеватымъ старообрядцемъ, не утратившимъ ни сметки, ни бойкой рѣчи, ни симпатичнаго открытаго облика великоросса, сумѣвшаго поставить себя въ глазахъ угрюмаго и робкаго туземца.

Приглядываясь ближе къ жизни этого своеобразнаго русскаго населенія, невольно приходилось проникаться участіемъ къ нему. Глухое односелье, одинокая заброшенная избушка гдѣ-нибудь на краю мѣстечка или деревни, уголь у хозяина-литовца — вотъ тѣ сельбища русскаго человѣка, о которыхъ такъ краснорѣчиво писалось въ официальныхъ отчетахъ.

Съ грустнымъ чувствомъ приходилось приглядываться къ этимъ людямъ, являвшимся въ церковь цѣлыми семьями въ праздники Рождества и Пасхи. Не радость праздника, а какое-то подавленное, скорбное умиленіе видѣлось на этихъ робкихъ невзрачныхъ лицахъ. Тихо и сосредоточенно оглядывали они рѣдко видимыя ими благообразныя иконы, церковную обстановку, прислушивались къ хоровому пѣнію, медленно и учащенно крестились. Не въ одну угнетенную душу лилось умиленное пѣніе, проникали слова вѣковыхъ народныхъ молитвъ. При взглядѣ на этихъ людей, молодое воображеніе невольно переносилось въ ихъ мрачные углы, убогія жилища, рисовалась жизнь покинутаго простаго человѣка, лишенаго утѣхи въ родной молитвѣ, родной пѣснѣ, близкой сердцу родной рѣчи.

То, что связывается въ нашемъ представленіи съ этнографическимъ и художественнымъ (напр. у Некрасова) типомъ бѣлорусса, находитъ свое полное выраженіе въ мѣстномъ русскомъ поселенцѣ. Поучительно наблюдать его тамъ, гдѣ онъ собирается міромъ, на базарѣ, церковномъ праздникѣ и т. п. Вездѣ бросается въ глаза его

замкнутость, бѣдность жизненныхъ впечатлѣній, то безучастіе къ окружающему, которое не даетъ возможности развиться заложеннымъ въ душу силамъ.

Однимъ изъ главныхъ тормозовъ прочной русской колонизаціи въ Литвѣ и на Жмуди являлась крайняя разбросанность русскаго населенія.

Трудно себѣ представить размѣры этой дробности, этотъ этнографическій атомизмъ. Живо вспоминается, какое тягостное впечатлѣніе производило на пишущаго эти строки, тогда гимназиста и студента поповича, чтеніе росписей православнаго населенія по приходамъ. Цѣлые листы пестрѣли цифрами $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, 1—3 для обозначенія числа дворовъ и душъ русскаго населенія. Приходы въ 300—400 человекъ были разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ и десяткахъ деревень и односельій. Къ этому нужно присоединить крайнюю малочисленность церквей. На три сѣверные уѣзда Ковенской губерніи приходилось не болѣе десятка церквей, не считая городскихъ.

Можно себѣ представить, насколько могъ быть высокъ религіозный и національный уровень развитія „русскихъ“ поселенцевъ. Въ храмѣ они могли бывать самое большее 5—6 разъ въ годъ. Даже народные учителя не могли достать положенныхъ имъ почтовыхъ лошадей, чтобы съѣздить въ церковь, не рискуя возстановить противъ себя волостныя власти, которыя подчасъ были и почто-содержателями ¹⁾.

Самыя церкви даже въ болѣе людныхъ поселеніяхъ строились весьма медленно и возникали поздно. Такъ въ уѣздномъ городѣ Тельшахъ (наиболѣе глухой уѣздъ) и въ мѣстечкѣ Благовѣщенскѣ (прежде Хвалыне-Шавельскаго уѣзда) церкви были построены въ 1867 году. Около того же времени окончена постройкой церковь въ г. Шавляхъ, бывшая до того времени домовою. Были факты и болѣе печальные.

Село Никольское (прежде Гегобросты) Поневѣжскаго уѣзда въ теченіе 25 лѣтъ не имѣло церкви, хоть въ окрестностяхъ жила не одна семья поселенцевъ. Оффиціальная переписка о постройкѣ церкви въ этомъ селѣ возникала и прекращалась нѣсколько разъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Лучшіе люди изъ мѣстнаго духовенства, зная

¹⁾ Для иллюстраціи изложеннаго характеренъ фактъ, заимствованный изъ оффиціальной переписи. Въ 1871 г. одно семейство поселенцевъ, у котораго былъ покойникъ, исколесило двѣсти верстъ въ поискахъ священника. При разбросанности приходскаго населенія послѣдняго не всегда можно было застать на мѣстѣ. Поѣздки за 25—30 верстъ въ церковной практикѣ священника были дѣломъ обычнымъ.

свою администрацію, старались ковать желѣзо, пока горячо, но усилія ихъ обыкновенно разбивались объ отсутствіе казенныхъ, средствъ. Къ началу 80-хъ годовъ перестали отпускать казенныя суммы на построеніе помѣщеній для причта, исходя изъ довольно страннаго для нерусской окраины принципа, что подобнаго рода постройки должны быть возводимы на средства прихода, т. е. двухъ трехъ сотенъ бѣдныхъ поселенцевъ.

Спорадическое русское населеніе нуждалось во вліяніи церкви, школы, просвѣщенной администраціи. О степени вліянія церкви можно судить на основаніи вышеизложеннаго, что же касается школы, то послѣдняя получила болѣе или менѣе правильную организацію позже, съ половины семидесятыхъ годовъ, послѣ открытія мѣстной учительской семинаріи въ г. Поневѣжѣ. Оттуда стали выходить вполнѣ подготовленные народные учителя изъ дѣтей мѣстныхъ поселенцевъ или же пріѣзжихъ бѣлоруссовъ. До того времени народными учителями были вызванные изъ внутреннихъ губерній воспитанники духовныхъ семинарій, изъ которыхъ большинство съ теченіемъ времени уходило въ гражданскую службу. О личномъ вліяніи духовенства будетъ сказано ниже, теперь же остановимся нѣсколько на характерѣ мѣстной администраціи.

Послѣдней были свойственны всѣ тѣ качества, которыя создали ей незавидную славу въ памяти мѣстнаго населенія. Нужно сознаться, что большинство чиновничества стояло невысоко не только въ служебномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ хроникѣ мѣстныхъ клубовъ сохранилось много фактовъ, что чиновники проигрывали въ одинъ вечеръ цѣлыя сотни рублей. Въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи въ теченіе четырехъ—пяти лѣтъ были уволены за лихоимство председатель сѣзда мировыхъ судей, воинскій начальникъ и два мировыхъ посредника. По этимъ фактамъ можно судить, каковы были низшіе агенты мѣстной администраціи. Приемы управленія губерніей напоминали традиціи „Тысячи душъ“ Писемскаго. Калиновичей, впрочемъ, Жмудь не знала, какъ не знала администраторовъ, болѣе высокаго типа. Попытки духовенства сдѣлать что-либо для своихъ приходовъ встрѣчали со стороны мѣстной администраціи въ лучшихъ случаяхъ слабое содѣйствіе. Постройка церквей усиленно началась послѣ 1863—64 гг.

Позднѣйшіе факты построенія церквей единичны, и самыя церкви большею частью деревянныя, скупо обставленныя. Намъ извѣстны случаи построенія четырехъ—пяти церквей въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи въ теченіе тридцати лѣтъ. Церкви, столь близкія душѣ русскаго человѣка, въ сѣверо-западной окраинѣ имѣли особое значеніе, если имѣть въ виду религіозность мѣстнаго

населенія, огромность и богатство старинныхъ городскихъ (напр. Шавельскаго) и нѣкоторыхъ мѣстечковыхъ (напр. въ м. Ракишкахъ), костеловъ, являясь необходимымъ противовѣсомъ чуждому религіозному вліянію.

Недологъ былъ медовый мѣсяцъ переселенческаго дѣла. Русскія села въ 500—600 чел. сохранились въ числѣ четырехъ, пяти для всей губерніи; и теперь они играютъ роль русскихъ оазовъ среди остальныхъ жалкихъ единицъ поселенчества. Нельзя отрицать вліянія на сохраненіе этого населенія въ духовномъ отношеніи—вліянія школы; изъ среды поселенцевъ вышло немало способныхъ народныхъ учителей. Къ чести старыхъ священниковъ и протоиереевъ, вышедшихъ изъ школы Юсифа Сѣмашко, нужно отнести, что благодаря ихъ бдительной заботливости о духовныхъ нуждахъ прихожанъ, частымъ объѣздамъ приходовъ, старая традиція единенія духовенства и паствы, наблюдаемая и теперь въ патріархальныхъ глухихъ уголкахъ Бѣлоруссіи, поддерживалась и въ отдаленной окраинѣ. Все это, въ связи съ извѣстной этнографической устойчивостью, сохранило заброшенное полурусское племя и не дало ему раствориться въ чуждой стихіи.

Отношеніе администраціи къ русскимъ поселенцамъ было довольно индифферентное. Пишущему эти строки, прожившему около сорока лѣтъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи, не извѣстны факты, указывающіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ и другой администраціи въ этомъ направленіи. На приходскихъ храмовыхъ праздникахъ съ интересомъ приходилось прислушиваться къ простымъ душевнымъ бесѣдамъ старыхъ священниковъ о нуждахъ и беззащитномъ положеніи ихъ прихожанъ, и ни одна живая, глубоко поучительная страница настоящей бытовой исторіи не вливалась передъ слушателемъ. На мѣстное православное духовенство администрація смотрѣла свысока, видя въ хлопотунахъ понахъ живой укоръ своему бездѣлью. Средняя обеспеченность духовенства, жившаго на небольшое жалованье и кое-какіе доходы отъ угодій, заставляла его жить очень скромно, такъ что и съ этой стороны попъ былъ не братъ чиновнику. Своихъ сыновей большинство священниковъ воспитывало въ гимназіяхъ. Молодые поповичи, выросшіе въ патріархальной трудовой средѣ, вносили хорошую, свѣжую струю народничества въ свои семьи. Въ ихъ рукахъ бывалъ и Костомаровъ, и Гильфердингъ, и Шейнъ, и книжка „Отечественныхъ записокъ“ и многія другія теплыя и живыя книги. Въ семьяхъ священниковъ можно было встрѣтить сочиненія Некрасова, Максимова, Рѣшетникова, даже Шелгунова и Добролюбова. Все это вносила туда молодежь. Старые, добродушные батьки, полуслушливо

схватывавшіеся на домашнихъ диспутахъ съ своими юными сыновьями, подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей и хорошихъ книгъ, проникались и сами идеей народничества, конечно въ той степени, которая была доступна ихъ кругозору. Это должно было поднимать присущій имъ духъ заботливости о бѣдной паствѣ, придавать послѣдней идейную окраску. И они дѣлали что могли. Похлопотать за поселенца, тѣснимаго сельскими властями, устроить дѣтей осиротѣлой семьи, сдѣлать скромную складчину на доброе дѣло, помочь народному учителю устроить дѣтей въ гимназію или городское училище священники не считали обременительнымъ и охотно брались за такія дѣла. За столомъ батюшекъ былъ гостемъ народный учитель, часто единственный собесѣдникъ въ селѣ. Отъ сельскихъ учителей, бывавшихъ на храмовыхъ праздникахъ, преимущественно въ лѣтнее время, можно было узнать много поучительнаго, касающагося мѣстной жизни, положенія сельскаго населенія и проч.

Мѣстное литовское и жмудское населеніе, изъ среды котораго вышло много ксендзовъ, обнаруживало стремленіе къ образованію, и процентъ воспитанниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ довольно значителенъ. Многіе изъ ксендзовъ воспитывали своихъ братьевъ и племянниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поручали народнымъ учителямъ ихъ подготовку; то же дѣлали и мѣстные зажиточные крестьяне. Такимъ путемъ народная школа завоевывала себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что по своей натурѣ литовецъ человекъ мирный и уживчивый. Такое же доброжелательное отношеніе туземцевъ было и къ мѣстному православному духовенству. Въ теченіе сорока лѣтъ намъ не приходилось слышать ни объ одной непріязненной выходкѣ по отношенію православнаго священника со стороны туземнаго населенія.

Типъ мѣстнаго народнаго учителя обрисовывается симпатичными чертами. Въ своихъ одинокихъ школахъ эти труженики дѣлали настоящее русское дѣло. Имъ помогала извѣстная интеллигентность и тактъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Зажиточному крестьянину литовцу учитель бывалъ полезенъ, нерѣдко даже въ гражданскихъ дѣлахъ, столь частыхъ въ литовской окраинѣ.—Особенно цѣнило населеніе учителей, занимавшихся въ лѣтнее время садоводствомъ и пчеловодствомъ, и охотно перенимало у нихъ болѣе усовершенствованные приемы этого новаго дѣла. Связь старыхъ, долгослужившихъ учителей съ деревней была довольно прочная.

Отъ общихъ очертаній и силуэтовъ перейдемъ къ характеристикѣ личности, въ которой довольно ярко отразились стремленія

придать этой несовершенной, зарождающейся русской народной жизни извѣстную опредѣленность.

Протоіерей Софроній Лукичъ Зосимовичъ (род. 1835 г.) получилъ воспитаніе въ Литовской духовной семинаріи, былъ по окончаніи ея учителемъ духовнаго училища въ Жировицахъ, а потомъ и смотрителемъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ назначенъ младшимъ священникомъ Ковенскаго собора. Здѣсь онъ сошелся съ протоіереемъ собора Захаріей Сухановымъ, личностью умной и дѣятельной. Сухановъ много работалъ по организаціи переселенческаго дѣла въ Ковенской губерніи. Какъ старожиль, онъ хорошо зналъ мѣстныя условія и могъ быть полезенъ при разработкѣ новыхъ для администраціи вопросовъ, выдвинутыхъ возстаніемъ 1863 года. По его инициативѣ образовано значительное русское поселеніе въ окрестностяхъ г. Ковны. Отзывчивый, способный ориентироваться въ сложномъ дѣлѣ, владѣвшій перомъ Зосимовичъ явился незамѣнимымъ помощникомъ Суханова и скоро обратилъ на себя вниманіе высшей администраціи. Присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, онъ понялъ ея условія, а способность писать легко и живо давала ему возможность раскрыть ихъ въ извѣстной полнотѣ. Онъ свободно могъ ориентироваться и въ нуждахъ мѣстной жизни и въ психологіи русскихъ поселенцевъ. Результатомъ его наблюденій и изученій явилась цѣлая программа развитія въ губерніи народныхъ школъ, улучшенія быта русскихъ поселенцевъ, а также роли администраціи и духовенства въ созданіи новыхъ жизненныхъ нормъ. Этотъ обширный матеріалъ былъ использованъ мѣстной администраціей. Съ однимъ изъ ея представителей, чиновникомъ особыхъ порученій при ковенскомъ губернаторѣ Салтыковымъ, Зосимовичъ близко сошелся. Работы его обратили на себя вниманіе виленскаго генераль-губернатора Муравьева. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти Зосимовича, сохранились наиболѣе существенныя части этой программы. Различныя стороны мѣстной жизни выступаютъ совершенно опредѣленно; высказывается многое, что нашло осуществленіе въ мѣстной жизни гораздо позже; есть много такого, что еще ждетъ своего проведенія въ жизнь.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ освѣтить детально всѣ стороны этой программы. Ограничимся, потому, наиболѣе существеннымъ.

Однимъ изъ условій благосостоянія русскаго сельскаго населенія губерніи Зосимовичъ считалъ устройство крупныхъ поселковъ въ 300—500 душъ съ народнымъ училищемъ, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, а также болѣе равномерное распределеніе православныхъ приходовъ. Такъ какъ русскіе поселенцы были

бѣдны и безпомощны въ веденіи даже примитивнаго хозяйства, то Зосимовичъ высказывался за устройство для нихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, выдачу пособій и безпроцентныхъ ссудъ. Зосимовичу же принадлежитъ мысль о привлеченіи къ участию въ этихъ кассахъ и старообрядцевъ, болѣе многочисленныхъ въ восточныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи. Въ этомъ онъ видѣлъ основу для сближенія обѣихъ отраслей русскаго населенія. Исходя изъ мысли, что „въ будущемъ, русское населеніе должно быть жизненною, производительною силою“, онъ видѣлъ въ старообрядцахъ, болѣе стойкихъ и сплоченныхъ, надежное зерно той колонизаціи, которая должна была тѣснѣе связать Ковенскую губернію съ сосѣдними бѣлорусскими. Широкая колонизація должна была сдѣлать внушительнымъ русскій элементъ и для Курляндіи и для Сувалкской губерніи, населенной литовцами. Въ большомъ докладѣ о положеніи православнаго населенія въ Ковенской губерніи Зосимовичъ, нарисовавъ живую картину безнарядья внутренняго и виѣшняго въ жизни этого населенія, указываетъ, что положеніе не оправдываетъ назначенія и цѣли поселеній, что оно „не совмѣстно ни съ разумными намѣреніями правительства, ни съ достоинствомъ господствующей народности, столь жалко и слабо представленной на чуждой окраинѣ“.

Среди мѣстной администраціи проектъ отводитъ болѣе видное мѣсто мировымъ посредникамъ, какъ институту, близко стоящему къ мѣстной жизни. Авторъ проекта сѣтуетъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ посредники уже не пользуются прежнимъ авторитетомъ среди крестьянскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда они вводили уставныя грамоты, но все же они „могутъ кое-что сдѣлать, такъ какъ устройство земельныхъ отношеній еще не вездѣ закончено“. Онъ считаетъ нужнымъ расширить компетенцію мировыхъ посредниковъ путемъ привлеченія ихъ къ заботамъ о матеріальномъ обезпеченіи народныхъ училищъ, совмѣстнымъ съ православнымъ духовенствомъ, улучшеніемъ быта русскіхъ поселенцевъ, изученіемъ бытовыхъ и экономическихъ отношеній. Особенно цѣнны его наблюденія, касающіяся западной части губерніи, ея наиболѣе глухихъ уѣздовъ, Россіенскаго и Тельшевскаго, въ которыхъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ могла быть очень полезна. Зосимовичъ горько сѣтуетъ на крайне слабое распространеніе въ нихъ русскаго языка, ничтожное число народныхъ училищъ, отсутствіе русской книги. Служа священникомъ въ Тельшахъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ детально изучилъ эти условія. Зосимовичъ высоко ставилъ и роль духовенства, вышедшаго изъ школы Юсифа Сѣмашко, съ его гуманностью, терпи-

мостью къ иновѣрцамъ, дѣятельною, трезвою жизнью. Духовенство могло бы поднять престижъ русскаго дѣла въ краѣ, при условіи его организаціи, какъ общественной силы. Онъ признавалъ желательнымъ вліяніе духовенства на туземцевъ, народныхъ учителей, особенно начинающихъ. Въ своихъ выводахъ Зосимовичъ опирался на факты мѣстной жизни, весьма любопытные. Изъ другихъ проектовъ, оставшихся въ бумагахъ Зосимовича, обращаютъ вниманіе два. Первый изъ нихъ трактуетъ о приходскихъ и народныхъ училищахъ, другой касается распредѣленія школъ и приходоу въ губерніи. Первый докладъ заключаетъ наиболѣе интересные выводы въ связи съ значительнымъ бытовымъ матеріаломъ. Мирному вліянію народной школы Зосимовичъ отводитъ первенствующее мѣсто, вида въ немъ мощное орудіе для внесенія въ среду мѣстнаго населенія здравыхъ началъ. Онъ указываетъ на то, что слишкомъ поздно взялись за организацію народной школы, выражаетъ опасеніе за прочную организацію школьнаго дѣла. Послѣдующая сорокалѣтняя исторія насажденія въ Литвѣ русской школы во многомъ подтверждаетъ вѣрность этого взгляда.

Въ проектѣ о народныхъ школахъ поражаютъ многія свѣтлыя мысли, каковы: необходимость изученія народными учителями мѣстнаго нарѣчія, сближеніе ихъ съ населеніемъ, сильная культурная помощь распространеніемъ книгъ, свѣдѣній по садоводству, огородничеству, пчеловодству и нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній, любители и знатоки которыхъ встрѣчаются среди народныхъ учителей. Въ программу народной школы должно входить и природовѣдѣніе. „Обученіе грамотѣ по учебникамъ, слишкомъ методическое, утомляетъ дитя и не такъ рельефно показываетъ неграмотнымъ родителямъ его развитіе. Преподаваніе естественныхъ наукъ придадо бы особый интересъ занятіямъ въ народной школѣ. Крестьянинъ—дитя природы. Раскрытіе тайны ея строя и жизни, уясненіе причины явленій природы принесло бы въ жизнь необразованнаго люда много новыхъ понятій, подняло бы значеніе школы“.

Проектъ основывается на детальномъ изученіи народныхъ училищъ. Онъ рисуетъ ихъ печальное состояніе при отсутствіи идеальныхъ умѣлыхъ руководителей и крайне неблагоприятныхъ условій существованія. Обрисовывается также положеніе народныхъ учителей, сносное въ матеріальномъ отношеніи, но неудовлетворительное въ образовательномъ. Учителя лишены правильнаго руководства вслѣдствіе сосредоточенія школьной инспекціи въ Ковнѣ, рѣдкихъ посѣщеній инспекторами школъ; средствъ для самообразованія учителей нѣтъ. Жалкія учебныя пособія, плохая организація книжныхъ складовъ, отсутствіе учительскихъ библиотекъ—все это

изнанка печальной дѣйствительности. Понимая сложность реорганизациі народной школы, для которой нужны и средства и преданные дѣлу люди, и нелегкая борьба съ окружающими условіями, Зосимовичъ выдвигалъ въ своихъ проектахъ по народному образованію два фактора: образованіе учителей (въ числѣ пионеровъ школьнаго дѣла въ Ковенской губерніи встрѣчались и отставные солдаты) и устройство женскихъ школъ. Имъ высказана мысль объ учрежденіи учительской семинаріи, которая и была открыта въ 1872 г. въ гор. Поневѣжѣ. Семинарія могла бы привлечь къ образованію дѣтей мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ и старообрядцевъ.

Женское народное образованіе для глухой окраины должно было играть особую просвѣтительную роль. Поднять женщину духовно, внести при ея посредствѣ въ семьи темнаго люда свѣтлую мысль, живое начинаніе, доступную для народа книгу—такова задача женскаго воспитанія. Въ своей позднѣйшей брошюрѣ о мѣстномъ Сурдечскомъ монастырѣ Зосимовичъ высказывалъ мысль объ устройствѣ въ Ковенской губ. женскаго монастыря, который могъ бы служить разсадникомъ учительницъ, въ частности рукодѣлій, ремесель. Хозяйственный духъ нашихъ монастырей поднялъ бы среди мужскаго населенія домашнее хозяйство и развилъ бы нѣкоторые отрасли кустарнаго прозводства. Эта мысль нашла себѣ осуществленіе лишь 25—30 лѣтъ спустя съ открытіемъ Антолепскаго монастыря (Новоалександровскаго уѣзда).

Тепло относится проектъ къ положенію народнаго учителя, что видно изъ слѣдующихъ словъ: „почти всѣ народные учителя поступаютъ на службу прямо съ семинарской скамьи. Они прибыли въ край незнакомый, несродный для нихъ по складу жизни, чуждый по своимъ интересамъ. Въ своихъ глухихъ деревняхъ они не встрѣчаютъ ни русской души, ни русской книги, ни даже православной церкви и священника. Книгъ, которыя помогли бы наставникамъ продолжать образованіе, хоть сколько-нибудь разнообразили ихъ жизнь, у нихъ нѣтъ. Библіотеки при училищахъ рѣдкое явленіе. Учительскіе съѣзды для сближенія наставниковъ пока не учреждены. Если при такихъ условіяхъ учитель не всегда стоитъ на высотѣ своего положенія и черезъ это лишается довѣрія и уваженія, то причины этого надо искать въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится большинство учителей“.

Въ проектѣ проводится мысль, осуществленіе которой могло сдѣлать школу независимой отъ сельскихъ обществъ—полученіе учителями жалованья непосредственно изъ государственнаго казна-

чейства, куда должны быть вносимы положенныя на этотъ предметъ суммы. Онъ предлагаетъ надѣлать народныхъ училища землею, что увеличило бы содержаніе учителя и дало бы ему занятіе въ каникулярное время. Указывается необходимость учрежденія училищныхъ совѣтовъ съ участіемъ въ нихъ инспекціи, мировыхъ посредниковъ и духовенства. Для улучшения школьнаго дѣла проектъ рекомендуетъ устройство библиотекъ для учителей, а также и сѣздовъ въ каникулярное время для обсужденія различныхъ педагогическихъ вопросовъ.

Приведенный выше сводъ важнѣйшихъ положеній и мыслей, разсѣянныхъ въ проектахъ Зосимовича, живо рисуетъ міросозерцаніе этого недюжиннаго ума. Отдѣльныя стороны жизни объединяются въ нихъ плодотворными началами служенія народности.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни Зосимовичу пришлось провести при иныхъ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Назначенный законоучителемъ Поневѣжской учительской семинаріи, учрежденной въ 1872 году, онъ принужденъ былъ отдавать большую часть своего времени преподаванію въ ней и мѣстномъ реальномъ училищѣ (съ 1882 года). Не было возможности проводить свои мысли въ болѣе вліятельныхъ сферахъ, приходилось ограничиваться скромной работой на мѣстѣ, горѣть и свѣтить для своего уголка. Но зато эта работа ушла въ глубь, отразилась на складѣ личности и міросозерцанія, придавъ имъ черты симпатичныя и глубокія. Въ немъ выработались свойства священника въ его церковно-общественномъ значеніи, которыя снискали Зосимовичу уваженіе лучшихъ людей мѣстнаго общества, какъ личности, пытливо искавшей иныхъ условій жизни для своего уголка. Ярко проявлялись эти симпатичныя черты и въ проповѣдяхъ Зосимовича, и въ его преподаваніи, и въ общеніи съ мѣстной интеллигенціей разныхъ типовъ. Изъ его проповѣдей наиболѣе типичная произнесена въ день коронаванія Императора Александра III; она заключаетъ наброски своего рода общественной программы, характерной для опредѣленія міросозерцанія самого проповѣдника.

Приводимъ изъ нея наиболѣе характерныя мѣста.

„Да поіетъ же Его (Божій) Духъ святыи и озаритъ яснымъ свѣтомъ царственныхъ доблестей душу Его избранника. Да испошлетъ Онъ ей съ неба благодатный миръ и крѣпость духа и тѣла въ минуты невзгодъ; воодушевитъ царственную душу и дастъ ей силу исполицскую въ минуты раздумья, чтобы тяжкое бремя подвига царствованія усаждало и воодушевляло душу, и она сохранила внимательность и чуткость къ движеніямъ собственнаго сердца

и къ голосу сердца народнаго, и на этомъ вѣрномъ Богу сердцѣ царевомъ покоились надежды, радости и благо народа и во дни радости и во дни печали народной.

„Да почиетъ этотъ благодатный Духъ на всѣхъ насъ; да будетъ онъ свѣтомъ и теплою нашихъ общественныхъ роста и жизни. Да внесетъ онъ миръ въ сердца и умы колеблющіеся и маловѣрные, оживитъ сердца и умы удрученные, умилишь души мрачныя и черствыя; да воодушевитъ и укрѣпитъ онъ нашу вѣру въ себя, въ наши силы, въ наше будущее. Да подниметъ этотъ творческій духъ нашу общественную дѣятельность, ободритъ однихъ, подвигнетъ слабѣющія силы другихъ, возбудитъ къ дѣятельной жизни сонныхъ и безпечныхъ.

„Да озаритъ и согрѣетъ онъ, Духъ блага и истины, нашу гражданскую совѣсть, громко заговоритъ въ нашемъ сердцѣ о человѣчности и правдѣ, о судѣ и любви, о человѣческихъ правахъ ближняго, безкорыстія, честности и самоотверженія. Да уничтожитъ онъ въ нашемъ сердцѣ неоправданныя мечты и научитъ насъ дружной работѣ на благо общее, насколько есть у каждаго изъ насъ силъ, вдохновенія и умѣнія, насколько хватаетъ жизни; да научитъ онъ насъ уважать другъ друга, чужіе труды, мысль и честныя стремленія къ служенію на пользу общественную. Да скажетъ онъ намъ, гдѣ суть нашей народной жизни и нашего развитія, и еще тѣснѣе соединитъ насъ во имя общности нашихъ интересовъ и во имя родной земли въ одно неразрывное цѣлое“...

Исканіе народныхъ началъ придаетъ симпатичный оттѣнокъ взглядамъ Зосимовича. И въ другихъ проповѣдяхъ слышится та же хорошая общественная нотка, призывъ къ самоанализу личному и общественному. Послѣдній рѣдко выливается въ форму укора нашей косности и дряблости, чаще въ немъ чувствуется бодрое настроеніе, за честную общественную работу, за свѣтлую мысль, за безкорыстное служеніе родинѣ и ближнему ратуютъ его проповѣди.

Мы не имѣемъ возможности въ небольшой статьѣ дать полный обзоръ всего высказаннаго Зосимовичемъ въ оффиціальной перепискѣ по дѣламъ учебнымъ, не можемъ входить въ подробности многихъ интересныхъ эпизодовъ педагогической и церковно-общественной жизни, въ которыхъ онъ на высотѣ своихъ излюбленныхъ воззрѣній обрисовывается, какъ личность святая и далеко недюжинная. Упомянемъ лишь о его разъясненіяхъ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ и объ организаціи воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ. Обѣ эти работы проникнуты тою же широтою взглядовъ, тѣмъ же почитаніемъ общественныхъ потреб-

ностей, которыя мы видѣли выше. Подъ конецъ ему пришлось выполнить большую работу, по порученію попечителя Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго. Сущность ея заключалась въ изображеніи отношеній болѣе сознательныхъ слоевъ мѣстнаго крестьянства ко всему русскому, въ зависимости отъ степени знакомства ихъ со складомъ русской жизни въ Петербургѣ, Москвѣ и др. мѣстахъ Россіи, куда попадаетъ литовскій крестьянинъ въ качествѣ солдата или для заработка. Трудъ этотъ предполагалось перевести на литовскій языкъ, но дѣло это не осуществилось. Большая статья Зосимовича (въ беллетристической формѣ) заключала много бытового матеріала, цѣннаго какъ результатъ наблюденій очевидца.

Полиѣ могутъ быть освѣщены тѣ стороны личности и воззрѣній Зосимовича, которыя даютъ намъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ просвѣтительными церковно-общественными стремленіями. Этотъ идеализмъ, въ которомъ встрѣчаются отраженія взглядовъ времени Сѣмашки, отрѣшенные отъ нѣкоторой старинной церковности, опирающіяся на болѣе широкія тенденціи во вкусѣ Хомякова, интересны элементами реформы, которые не чужды лучшей части нашего духовенства. Сближеніе народа и интеллигенціи, церкви и общества на общей почвѣ продуктивной и просвѣтительной работы наиболѣе симпатичная сторона этой программы.

Извѣстный уровень идеализма поднималъ этого человѣка надъ жизнью, заставлялъ его цѣнить хорошее настроеніе, предпочтительно передъ отраженіемъ ихъ въ административной формѣ, къ чему подчасъ склонны и мыслящіе люди. Онъ избѣгалъ говорить о мѣстныхъ епархіальныхъ дѣлахъ, въ которыхъ чувство общественнаго дѣятеля не позволяло ему видѣть чего-либо выходящаго за предѣлы зауряднаго дѣлопроизводства, далекаго отъ жизни. Служеніе интересамъ роднаго края онъ понималъ широко, какъ проведеніе въ жизнь началъ, выработанныхъ въ нѣдрахъ народности. Вводить эти начала въ жизнь значило придавать послѣдней устойчивость, не имѣющую ничего общаго со скороспѣлыми эфемерными мѣропріятіями, создаваемыми въ кабинетахъ и канцеляріяхъ. Зосимовичемъ еще въ концѣ шестидесятыхъ гг. были намѣчены планы церковныхъ собесѣдованій, которыя должны были обнимать не только доступный пониманію простолюдина кругъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ, но и способствовать въ извѣстной степени общественному воспитанію заброшенныхъ за дальній рубежъ русскихъ людей. По мысли Зосимовича этого рода собесѣдованія, веденныя систематически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, могли пробудить въ

мѣстномъ русскомъ населеніи племенное сознаніе и, расширяя его тѣсный умственный кругозоръ, способствовать развитію въ немъ предприимчивости, которой такъ бѣднень бѣлорусь. Сохранились и программы этихъ собесѣдованій въ видѣ конспектовъ и полуобработанныхъ набросковъ.

Если вспомнить, что такіе проекты создавались за полвѣка, то становится тяжело при мысли о долгихъ годахъ безвременья, полного равнодушія къ идейнымъ интересамъ этихъ заброшенныхъ на чужбину выходцевъ, принужденныхъ въ одиночку вести тяжелую жизненную борьбу.

Жмудскій епископъ на покой, какъ шуточно называли Зосимовича нѣкоторые изъ его друзей, считавшіе его пригоднымъ для большаго дѣла, чѣмъ законоучительство въ захолустной семинаріи, не тяготился жизнью въ уѣздномъ городѣ. Въ свою семинарію онъ внесъ много живого, привилъ здоровыя начала. Онъ старался поддерживать ихъ, не прерывая связи съ народными учителями, своими питомцами. Это сближеніе было полезно и для него, такъ какъ онъ узнавалъ много интереснаго, касающагося самыхъ глухихъ уголковъ мѣстной жизни.

Его умъ, жадно впитывавшій все близкое къ жизни, преломлялъ усвоенное подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который симпатично освѣщаль отдѣльные, повидимому, мелкіе моменты и явленія. На этихъ крупницахъ жизни, какъ выражался Зосимовичъ, лежалъ отпечатокъ большаго цѣлаго, осмыслить которое онъ пытливо стремился.

Все, что касалось труда, жизни, надежды и значенія народнаго учителя пріобрѣтало въ его глазахъ первостепенную важность. Помнится, какъ отзывчиво относился онъ къ тѣмъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые изнемогали подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, тяжелыхъ житейскихъ отношеній. Эти обитатели глухихъ селъ и деревушекъ были особенно близки его сердцу. При свиданіяхъ съ ними онъ не зналъ какъ ихъ обласкать, какъ поддержать духовно. Свѣтлое впечатлѣніе выносили они послѣ задушевной бесѣды со своимъ доброжелательнымъ и умнымъ законоучителемъ. Не одному изъ нихъ придали бодрости эти бесѣды, не у одного изъ нихъ сохранилось свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто любилъ ихъ, думалъ о нихъ, болѣлъ за нихъ душою.

Народныхъ учителей онъ защищалъ, гдѣ это нужно было для пользы дѣла. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ официальной перепискѣ была высказана мысль, что учительская семинарія „ошляхетниваетъ“ учителя, дѣлаетъ его бариномъ въ деревнѣ.

Зосимовичу пришлось писать по этому поводу. Въ его краснорѣчивой бумагѣ выпукло выступали тѣ стороны жизни народнаго учителя, съ которыми мѣстная администрація, учебная и неучебная, не считалась, но которыя имѣли несомнѣнно культурное значеніе, возвышая народнаго учителя въ глазахъ мѣстнаго зажиточнаго сельскаго населенія. Мирная, скромная работа народнаго учителя цѣнилась Зосимовичемъ по прочной пользѣ, приносимой ею. Чрезвычайно тепло отзывался онъ о тѣхъ скромныхъ труженикахъ, которые сохранили въ глухихъ углахъ и извѣстный уровень интеллигентности и хорошія традиции, вынесенныя изъ учительской семинаріи.

Свое преподаваніе Зосимовичъ направлялъ къ конкретнымъ цѣлямъ. Онъ прекрасно понималъ, что тотъ кругъ свѣдѣній, который учащіеся приобрѣтаютъ подъ руководствомъ законоучителя, цѣненъ не самъ по себѣ, какъ теоретическій придатокъ къ другимъ отраслямъ знанія, а своею внутреннею силою, истинами вѣры и нравственности. Раскрыть сущность этихъ истинъ, сдѣлать ихъ близкими душѣ ребенка и юноши—вотъ въ чемъ заключалась обязанность законоучителя. Онъ осуществлялъ ее умѣло и съ пользою. Живой, образный языкъ, способность уловить характерныя особенности излагаемаго, указывать на примѣненіе ихъ къ жизни въ соотвѣтствіи съ высшими запросами духа дѣлали его уроки не только привлекательными, но и поучительными. Помнятся программы отдѣльныхъ классовъ, составленныя изящно и содержательно. Въ нихъ выступали тѣ стороны морали и религіи, которыя наиболее близко соприкасаются съ жизнью. Въ высшихъ классахъ Зосимовичъ выдвигалъ тѣ стороны церковно-исторической жизни, которыя способны были пробуждать въ молодежи и живую мысль и трезвое народное настроеніе. Особенно хороши были его уроки по исторіи русской, въ частности западно-русской церкви. Старина возставала въ его изложеніи, какъ живое отраженіе народности; она была обвѣяна глубокимъ чувствомъ любви. Нѣсколько опoэтизированныхъ страницы прошлаго входили, какъ живая иллюстрація, въ общее міровоззрѣніе учащагося, углубляя и просвѣтляя его. Особенно полезны были эти разъясненія будущимъ народнымъ учителямъ, раскрывая имъ прошедшее родной нивы, на которой они были призваны работать, какъ сознательные сѣятели разумаго и добраго. Законоучитель стремился привить имъ любовь къ бѣдной родной деревнѣ, скромному храму роднаго села, обстановкѣ и личности простаго человѣка.

Болѣе выпукло эта черта выразилась въ небольшой изящной юбилейной рѣчи въ память Кирилла и Меѳодія (1885 г.), а также

въ большомъ прочувствованномъ словѣ на открытіе Поневѣжскаго реального училища, дышавшаго горячею любовью къ учащейся молодежи, семьѣ и идеальному назначенію школы. Обѣ эти рѣчи были напечатаны въ мѣстномъ органѣ при учебномъ округѣ.

Зосимовичъ смѣялся надъ формализмомъ школы, ея погоней за внѣшнимъ успѣхомъ, ея мелочной регламентаціей, шедшей рука объ руку съ идейною бѣдностью. Онъ былъ врагомъ того, что мѣтко называлъ педагогической суетолокой и дребеденью. По его мысли школа должна была получить совершенно иную организацію, стать ближе къ учащейся молодежи и ея духовнымъ интересамъ, а это возможно лишь путемъ подъема авторитета учителя, предоставленія послѣднему болѣе широкихъ средствъ для дальнѣйшаго развитія.

Не только примиреніе съ тѣнями прошлаго, но и горячая любовь къ жизни отцовъ проходила яркой чертою въ церковныхъ поученіяхъ Зосимовича, въ коихъ выступала старина, обвѣянная теплымъ чувствомъ, но ошибся бы тотъ, кто видѣлъ въ этихъ задушевныхъ словахъ слѣпой диѳирамбъ прошлому. Въ поученіяхъ Зосимовича пробивалась и другая струя, такъ сказать, общечеловѣческая, исканіе живыхъ образовъ, въ которыхъ могли бы воплощаться отзвуки добра, правды, гуманности. Хороши были по тону и колориту его надгробныя слова по случаю смерти мѣстныхъ старыхъ заслуженныхъ протоіереевъ и священниковъ или же полезныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ нихъ ярко выступали условія жизни родного уголка, его духовныя нужды. Мысль о новомъ человѣкѣ, честномъ, отзывчивомъ, близкомъ къ просвѣтленнымъ завѣтамъ добра и правды, мелькала въ этихъ поученіяхъ. Эта излюбленная мысль Зосимовича окрыляла его слово и въ извѣстной степени мирила съ невеселымъ настоящимъ. По крайней мѣрѣ, только этой надеждой на лучшее, къ которой склонны люди, умудренные опытомъ жизни, можно объяснить отсутствіе въ его рѣчахъ мрачныхъ нотъ, осужденія.

Зосимовичъ печаталъ свои поученія въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ его рѣчей и брошюры о Сурдечскомъ монастырѣ (безъ имени автора) онъ помѣстилъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за 1885 г.) воспоминанія объ епископѣ Игнатіи, одномъ изъ духовныхъ дѣятелей Сѣверо-Западнаго края. Этимъ и ограничивается все печатное наслѣдство даровитаго протоіерея. Владѣя перомъ, умѣя проникать въ смыслъ запросовъ жизни, онъ, казалось, былъ созданъ для работы на болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ официальная и полуофициальная пере-

писка. Умному и наблюдательному человѣку было что сказать о близкомъ, родномъ дѣлѣ, тронуть эту непечатую ниву. Но жизнь слишкомъ занимала его и, легко работая въ кабинетѣ, онъ не чувствовалъ возможности оторваться отъ живыхъ впечатлѣній, которыя имѣли для него прелесть чего-то цѣльнаго. Много вліяло и отсутствіе духа инициативы, отсутствіе духовныхъ толчковъ, такъ часто наблюдаемое въ провинціи. Петербургъ, въ которомъ у него жилъ братъ—литераторъ, Зосимовичъ посѣщаль очень рѣдко на короткое время и не имѣлъ сношеній съ пишущимъ міромъ. Впрочемъ, уйти въ міръ отвлеченныхъ идей не позволяла ему слишкомъ живая натура, сохранившая надъ нимъ свои права и въ преклонные годы. Бодрый духомъ, впечатлительный и отзывчивый, онъ не могъ сосредоточиться на одной умственной работѣ. Нужны были исключительные стимулы, чтобы выбить его изъ обычной колеи спокойнаго наблюдателя, скромнаго мыслителя въ своемъ тихомъ уголкѣ. „Не книги дѣлаютъ жизнь, повторялъ онъ не разъ, книги, такъ сказать, кристаллизуютъ жизнь, отливая въ готовыя формы всю совокупность ея живыхъ явленій. Онѣ важнѣе для потомства и исторіи, чѣмъ для современниковъ. Въ книгѣ далеко не всѣ разсѣянные лучи этой жизни собираются въ яркіе фокусы; не всегда есть и возможность — умалчиваю о художественныхъ талантахъ — осязать формы этой жизни, постигать то, что творится живыми людьми“.

Ставя серьезные задачи періодической прессѣ, онъ сѣтовалъ, что у насъ отдѣльныя части одного цѣлага такъ мало знаютъ другъ друга, что кровные интересы и нужды народности, столь разнообразные на противоположныхъ окраинахъ государства, не становятся достояніемъ широкихъ круговъ образованныхъ людей. Этимъ онъ объяснялъ слабое развитіе общественнаго самосознанія, обидный индифферентизмъ къ своему, въ частности къ обездоленнымъ, нуждающимся въ свѣтѣ и духовной помощи людямъ. Эту любимую свою тему онъ развивалъ задушевно; истиннымъ наслажденіемъ было слушать его въ долгіе зимніе вечера, въ уютномъ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ митрополита Юсифа Сѣмашко. Мысль невольно переносилась отъ настоящаго къ инымъ свѣтлымъ перспективамъ, когда для бѣднаго поселенца и скромнаго народнаго учителя настанутъ лучшіе дни.

Зосимовичъ сохранилъ отзывчивость на общественные вопросы до конца своихъ дней, не забывая обязанности священника-гражданина откликаться своимъ словомъ на все, что волнуетъ человѣка и общество. Прикованный къ одру болѣзни, онъ по поводу какой-нибудь исторической годовщины исписывалъ цѣлые листы, передавая

ихъ сослуживцамъ. Немало было въ этихъ горячихъ и изящныхъ строкахъ чистыхъ и честныхъ думъ, свѣтлыхъ надеждъ; въ нихъ слышался призывъ къ работѣ мысли и души.

Любовь къ темнымъ, глухимъ приходамъ, въ которыхъ, по его выраженію, въ тишинѣ работала народная дума, теплилось хорошее, свѣтлое чувство, создавались простые, симпатичные типы, не умерла въ немъ въ поздніе годы. Много интересныхъ разсказовъ, впечатлѣній и наблюденій передавалъ онъ въ вечерніе досуги. Съ особенной любовью характеризовалъ онъ стойкихъ, честныхъ стариковъ священниковъ, а также и новое поколѣніе духовенства, стремившееся къ плодотворной дѣятельности на пользу приходовъ. Онъ любилъ переноситься въ скромную обстановку сельскаго священника, среди которой зрѣли добрыя начинанія для этихъ мелкихъ ячеекъ народности, медленнымъ трудомъ поднимаемыхъ къ духовной жизни, заброшенныхъ, захолустныхъ приходовъ. „Когда тамъ загнутся чистыя свѣчи народности, когда наша Бѣлоруссія покроется очагами вѣры и просвѣщенія, тогда можно будетъ думать объ обновленіи общественно-религіозной жизни въ нашемъ забытомъ исторіей краѣ“, говорилъ онъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ молодыми священниками онъ выяснялъ имъ трудности ихъ общественнаго служенія. Священнику, поставленному между приходомъ, администраціей, собственнымъ начальствомъ, а кое-гдѣ и старообрядцами, нужно было проявлять много такта, осторожности и благоразумія, чтобы не уронить ни себя, ни того дѣла, которому онъ былъ призванъ служить. Большое значеніе придавалъ онъ проповѣди, лучшей школѣ для священника. Онъ видѣлъ въ ней живую книгу для народа. Она заставляла интенсивнѣе работать мысль, пробуждала то лучшее, что обыкновенно глубоко спитъ въ душѣ. „Въ умѣлыхъ и честныхъ устахъ, говорилъ онъ, живое слово всегда можетъ оправдать себя, если въ него влита капля сердечности и сознанія нравственнаго долга“.

Зосимовичъ былъ привязанъ къ тому уголку, куда забросила его судьба. Онъ жилъ его интересами, слѣдилъ за ростомъ его духовныхъ и общественныхъ стремленій, наблюдаемымъ въ молодомъ поколѣніи интеллигенціи, съ которой онъ охотно сближался. Чутко угадывалъ онъ тѣ молодыя натуры, которыя оказывались воспримчивыми къ высшимъ стремленіямъ. Былъ ли это судебный дѣятель, или педагогъ средней школы, или скромный народный учитель, Зосимовичъ со всякимъ бесѣдовалъ подолгу. Умный и наблюдательный, онъ извлекалъ изъ этихъ бесѣдъ необходимое для себя, молодѣлъ душою. Помнятся его бесѣды о необходимости юридической помощи бѣдному люду, защиты земельныхъ и имуществен-

ныхъ интересовъ крестьянъ, попадающихъ въ цѣпкія руки мѣстныхъ дѣльцовъ, его мысли о расширеніи курса народной и средней школы и проч.

Живой нервъ современности сказывался въ этомъ человѣкѣ. Онъ давалъ возможность сводить къ одному принципу разнообразныя явленія окружающей среды. Последнее опредѣленно выражалось въ его проповѣдяхъ, привлекательною стороною которыхъ являлась идейная проникновенность, сліяніе благого порыва и трезваго факта дѣйствительности. Эта интеллектуальная амальгама пріобрѣтала особую свѣжесть, благодаря теплоту, душевному тону, а также нѣкоторому налету грусти и размышленія.

И на эту живую натуру находила подчасъ тоска. Тогда Зосимовичъ брался за своихъ любимыхъ поэтовъ и въ нихъ черпалъ запасы образовъ, идей и чувствъ, утверждавшихъ его еще сильнѣе въ любви и служеніи своему темному уголку. Въ послѣдніе годы онъ носился съ мыслью о періодическомъ изданіи, въ которомъ находили бы освѣщеніе интересы народной школы. Въ немъ онъ видѣлъ средство поднять самосознаніе народнаго учителя. Это была послѣдняя вспышка тѣхъ благородныхъ стремленій, которыми ознаменовались ранніе годы его дѣятельности.

Не праздно проходила его полная свѣтлыхъ думъ и хорошихъ настроеній жизнь. Если бы этому человѣку пришлось работать въ большемъ центрѣ, чѣмъ захолустный городокъ, онъ могъ бы проявить больше дѣятельности. Но живая сила не всегда можетъ найти себѣ у насъ живое примѣненіе, а почтенный дѣятель былъ слишкомъ гордъ, чтобы напоминать о себѣ.

Многолѣтній недугъ подтачивалъ силы Зосимовича. Въ концѣ 1895 года обнаружались тревожные признаки, а съ начала слѣдующаго года онъ слегъ. Тяжелы были и для него и для окружающихъ послѣдніе пять мѣсяцевъ медленной агоніи, постепенно разрушавшей крѣпкій нѣкогда организмъ. Въ эти тяжелые дни борьбы съ недугомъ больной не забывалъ того, чѣмъ онъ интересовался въ прежніе лучшіе годы. Конечно, бесѣды его не отличались прежнимъ спокойствіемъ, прежнею идейною ясностью, но трогательно было наблюдать эти симпатичные проблески мысли въ борьбѣ съ непрігляднымъ окружающимъ. Больной не скрывалъ отъ себя рокового исхода. Онъ не говорилъ о своихъ опасеніяхъ близкимъ. Только съ немногими испытанными друзьями онъ былъ вполне откровененъ. Впрочемъ, неизбѣжный конецъ не страшилъ его. Религіозность и житейское благоразуміе примиряли его съ кончиною. „Прожита жизнь; не безъ пользы прошла она въ трудахъ и хорошихъ честныхъ мысляхъ. Я уже старъ; пора и въ иной лучшей

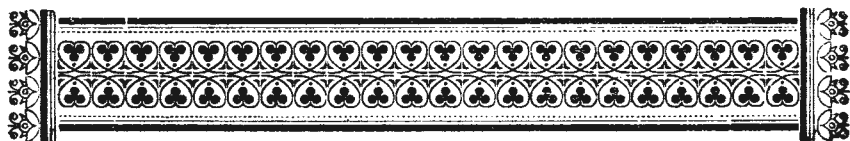
міръ“, говорилъ онъ. Онъ умеръ раннимъ утромъ 17 іюня 1896 года послѣ тяжелой агоніи, начавшейся еще наканунѣ.

Скромны были похороны этого человѣка, отдавшаго свою жизнь разумному служенію жизни, продумавшаго не одну свѣтлую думу для блага скромнаго родного уголка.

Въ немъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ могоканъ старой жизни, которая не можетъ быть забыта, такъ какъ она коренилась на лучшихъ завѣтахъ народности. Но въ немъ эта жизнь просвѣтлялась и осложнялась новыми, высшими запросами, не теоретическими, а прямо вытекавшими изъ пониманія интересовъ народности.

Адр. Круковскій.

Царево сердце.

(Разсказъ-быль) ¹⁾.

I.

Въ одномъ изъ невзрачныхъ уѣздныхъ городишекъ, разбросанныхъ рѣдкими точками по раздольнымъ степямъ Самарскимъ, жилъ старичекъ, неспій на своихъ плечахъ семьдесятъ съ залишкомъ лѣтъ; звали его Никономъ Павловичемъ, а у обывателей онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „сѣденькаго миротворца“, каковое прозвище было дано ему за его мягкій характеръ и отзывчивую душу.

Богъ вѣсть, съ какихъ поръ онъ проживалъ тутъ въ должности станціоннаго смотрителя, доля котораго въ старину была суровая: ѣдетъ „большой“ чиновникъ—изволь быть на-вытяжку, а не то распушить до оскорбленія; остановится пьяный купчина и начинать ломаться, ругаться и норовить такъ ни съ того ни съ сего въ ухо заѣхать,—поди, ищи съ него... Словомъ, смотрительская персона представляла собой нѣчто обреченное на поруганіе. Но Никонъ Павловичъ, благодаря мягкости и обходительности, какъ-то умѣлъ ладить съ „будоражными“ проѣзжими, и они уносили въ своемъ сердцѣ добрыя о немъ воспоминанія.

Жилъ Никонъ Павловичъ бобылемъ; жену свою схоронилъ онъ

¹⁾ Этотъ разсказъ я слышалъ отъ одного почтеннаго гражданина города Бугульмы, Самарской губ., который лично зналъ героя разсказа—„сѣденькаго миротворца“, подѣлившася съ нимъ безхитростнымъ сказаніемъ о своей скорбной жизни и тяжеломъ страствѣн въ Царское Село.

Авторъ.

ужь, почитай, лѣтъ съ двадцать и послѣ этой утраты сосредоточилъ всѣ свои заботы на пятилѣтней дочкѣ Лизѣ, отдавая ей воспитанію всѣ досуги, умѣнье и средства. Стукнуло Лизѣ 18 лѣтъ, и Никонъ Павловичъ выдалъ ее за маленькаго чиновника изъ мѣстнаго казначейства.

Почувствовавъ одиночество, Никонъ Павловичъ затосковалъ до болѣзненности, особенно на первыхъ порахъ, когда въ его крохотной квартиркѣ все такъ живо напоминало о недавнемъ пребываніи Лизы—этого ангела-утѣшителя въ его трудовой жизни. Придетъ Лиза, начнетъ утѣшать своего старичка, а онъ молча гладитъ ее по головкѣ, да изрѣдка укрдкой сбрасываетъ непослушную слезу.

II.

Прошли долгіе годы. Никонъ Павловичъ примирился со своимъ одиночествомъ, но зато не могъ смотрѣть безъ сердечныхъ мукъ на жизнь Лизы, жизнь полную тревогъ изъ-за копѣйки для завтрашняго дня.

Мужъ Лизы все сидѣлъ на пятнадцати-рублевомъ жалованьи, надежды на движеніе впередъ не видѣлось, а между тѣмъ трое малютокъ лежали непосильнымъ бременемъ на его скудныхъ достаткахъ. Жизнь шла впроголодь... Выбиваясь изъ силъ, онъ старался заслужить вниманіе начальства, но, зная, „планида такая несчастная надъ нимъ висѣла“, какъ выражался о немъ Никонъ Павловичъ, и какъ лѣтъ 12 тому назадъ онъ сѣлъ на писарскій стулъ, да такъ и застылъ на немъ, словно его тутъ приморозили. Любилъ онъ семью до полного самоотверженія и для нея отказывалъ себѣ рѣшительно во всемъ: платьѣ носилъ съ цѣлою сѣтью заплатокъ и ровно никакого вниманія не обращалъ на то, что пальцы предательски выглядывали изъ дыривыхъ сапогъ. И лѣтомъ, и зимой онъ ходилъ въ одной и той же стародавней хламидинѣ, и хотя ему приходилось отъ стужи выбивать зубами барабанную дробь, однако, молодой организмъ до поры до времени выходилъ побѣдителемъ изъ этой суровой борьбы съ неумолимой стихіей. Но, наконецъ, силы его изсякли, и онъ въ борьбѣ не устоялъ: позднею осенью простудившись, онъ на вѣки угасъ, оставивъ своей Лизѣ въ наслѣдіе лишь вѣру въ Бога и Царя, что они не дадутъ погибнуть сиротамъ труженика, долгіе годы боровагося съ злосчастьемъ на службѣ царской.

III.

Тихая квартирка Никона Павловича оживилась... Дѣтскіе голоса трещали весело и безъ умолку, а между тѣмъ ихъ дѣда и мать

угнетали скорбныя думы. Но какъ бы то ни было, все-таки жизнь сиротъ у дѣда сложилась сносно... Къ дѣдовскому заработку изрѣдка прибавлялись вещественные отклики добрыхъ людей, къ слову сказать, страшно терзавшіе самолюбіе старика. Скрѣпя сердце, онъ мирился съ такимъ безотраднымъ положеніемъ, но передъ нимъ, какъ грозный призракъ, стоялъ неотступно одинъ и тотъ же вопросъ: что будетъ съ сиротами, когда погаснетъ его послѣдній день? Разрѣшая этотъ мучительный вопросъ, Никонъ Павловичъ задумалъ обратиться съ просьбой о назначеніи сиротамъ пенсіи за службу отца, хотя и зналъ, что, за невыслугой надлежащаго срока, нѣтъ къ тому законныхъ основаній.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ пенсіи отказали, а выдали единовременно какія-то крохи, которыя ушли на подновленіе одежды, настойчиво о томъ напоминавшей своею истрепанностью.

Никонъ Павловичъ все же не упалъ духомъ, а по совѣту мѣстнаго благочиннаго написалъ прошеніе на Высочайшее имя только-что воцарившагося Государя Императора Александра II.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ канцеляріи изъ Петербурга получилъ отвѣтъ, что, на основаніи такихъ-то статей, просьба не можетъ быть уважена.

— Пиши Государынѣ, женское сердце къ горю отзывчиво...— опять натолкнулъ на невую мысль благочинный старика.

Опять полетѣла „слезница“ и опять тотъ же канцелярскій отвѣтъ.

Всѣ эти неудачи какъ-будто даже озлобили Никона Павловича.

— Нѣтъ, это тово... Это—штука чиновниковъ... Они самовольничаютъ... Батюшкѣ Царю мою бумагу не доложили... Вотъ возьму, да и самъ къ нему пойду, упаду въ ноги... Онъ выслушаетъ, онъ—отецъ нашъ!...

Повидимому, старикъ такъ съ горя сбрехнулъ, а оказалось, что эта мысль гвоздемъ засѣла ему въ голову, и онъ твердо рѣшилъ ее осуществить, несмотря на отговоры знакомыхъ, заподозрившихъ, что не „свихнулся ли“ бѣдняга, ежели задумалъ такую небывальщину...

Больше объ этомъ Никонъ Павловичъ ужъ ни съ кѣмъ не говорилъ, а взявъ отпускъ, обставилъ кое-какъ семью на время своего отсутствія и отправился въ далекій и трудный путь.

IV.

О подробностяхъ странствія Никона Павловича до Царскаго Села сказаніе умалчиваетъ. Извѣстно лишь, что мѣстами его под-

возили попутные ямщики, по Волгѣ плылъ на расшивѣ и по силѣ возможности тянулъ съ бурлаками лямку, по чугункѣ не сумѣлъ добыть дарового билета и отъ Москвы отмахалъ путь по шпаламъ.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила въ это время Государева семья, Никонъ Павловичъ пріютился у старушки—вдовы придворнаго истопника, оказавшейся столь сердобольной, что, прослушавъ грустную повѣсть своего постояльца, она всячески старалась помочь въ его домогательствахъ.

— Ты, батюшка, принарядься завтра утрышкомъ, да и иди въ царскій садъ. Тамъ свободно, не зряшнихъ-то пушаютъ. Государь кажнее утро тамъ гуляетъ. Какъ увидишь его, батюшку, сейчасъ упади на колѣни, а бумагу-то на головѣ держи... Такъ поучала истопничиха, словно дворцовые порядки были ей извѣстны до точности.

На утро Никонъ Павловичъ одѣлся въ смотрительскій сюртучишко и, напутствуемый добрыми пожеланіями истопничихи, отправился по ея указанію.

Что почувствовалъ Никонъ Павловичъ, не поддается описанію, когда на изгибѣ одной аллеи онъ почти лицомъ къ лицу встрѣтился съ Государемъ. Разомъ силы его покинули, ноги подкосились, и онъ, обнаживъ голову, упалъ на колѣни.

— Что тебѣ, старичекъ, надо?—мягко спросилъ Государь.

Никонъ Павловичъ силился отвѣтить, но языкъ не повиновался,—вылетали какіе-то несвязные членораздѣльные звуки, да руки безтолково ходили по карманамъ въ поискахъ предательски пропавшаго прошенія, которое между тѣмъ лежало въ валявшейся на землѣ фуражкѣ.

— Бумагу ищешь? Да это не она ли? И Государь, наклонившись, самъ взялъ прошеніе, въ которомъ все дѣло было изложено до мельчайшихъ подробностей.

Никонъ Павловичъ, несмотря на предложеніе Государя встать, стоялъ на колѣняхъ все время, пока онъ читалъ прошеніе.

— Что же я могу сдѣлать?—проговорилъ Государь. Законъ не велитъ, а мнѣ тѣмъ болѣе нельзя нарушать его... Но, впрочемъ, я подумаю... Иди съ Богомъ и подожди нѣсколько дней. Ну, встань же, да расскажи, какъ ты сюда добрался?

Никонъ Павловичъ всталъ и, видя такое теплое отношеніе Государя, ободрился и рассказалъ о своемъ многотрудномъ странствіи. Не разъ вздохъ вырывался изъ груди Государя.

— Ну, такъ иди же съ Богомъ...

Никонъ Павловичъ схватилъ руку Государя, поцѣловалъ и съ чисто-юношескою поспѣшностью зашагалъ изъ сада.

Нечего и говорить о томъ, съ какимъ сіяющимъ лицомъ во- рвался онъ въ свою квартирку и, не говоря ни слова, началъ цѣ- ловать и руки, и морщинистыя щеки, и голову растерявшейся истопничихи.

— Что ты, батюшка?.. Что съ тобой?.. Инда измялъ всю!—ле- петала, улыбаясь, истопничиха, догадавшаяся о благополучномъ исходѣ дѣла своего постояльца.

Восторженно рассказалъ Никонъ Павловичъ о своей встрѣчѣ съ Государемъ. Истопничиха только „ахала“ да всплескивала руками, дивясь необычайной простотѣ обращенія Государя и отзывчивости Царева сердца.

У.

Прошло три дня, въ теченіе которыхъ у Никона Павловича съ истопничихой не было никакого другого разговора, какъ только на неувыдаемую тему о встрѣчѣ съ Государемъ. Они обсуждали каж- дое его слово, строили разныя предположенія и въ концѣ концовъ рѣшили, что все въ совокупности является знаменіемъ удачи. Дѣй- ствительно, ихъ соображеніе скоро оправдалось.

На четвертый день, утромъ, къ истопничихиной хибаркѣ подѣ- ѣхала придворная карета, а черезъ минуту вошелъ „гербовый“ ла- кей и доложилъ, что Никона Павловича требуютъ во дворецъ.

Истопничиха и Никонъ Павловичъ стояли словно застывшіе и довольно неумно „пучили очи“ на пришельца.

— Пожалуйте сейчасъ же, карета васъ ждетъ—проговорилъ вѣжливо лакей

Истопничиха первая вышла изъ оцѣпенѣнія и, толкнувъ совсѣмъ безцеремонно въ бокъ своего постояльца, проговорила: что же ты, батюшка, столбомъ-то стоишь? Одѣвайся скорѣе, видишь—ждуть...

Никонъ Павловичъ засуетился и при помощи старушки скоро оказался въ „полномъ парадѣ“ и вышелъ на улицу.

Лакей отворилъ дверцы кареты, Никонъ Павловичъ неуклюже нырнулъ въ нее, и карета тронулась.

У дворцоваго подъѣзда Никона Павловича встрѣтилъ какой-то чиновникъ и со словами „пожалуйте за мною“ повелъ его во дво- рецъ. Миновавъ цѣлую амфиладу комнатъ, поражающихъ роскошью и какою-то величественною тишиною, чиновникъ указалъ Никону Павловичу затворенную дверь и, веля войти въ нее, быстро заша- галъ назадъ.

VI.

Съ замираніемъ сердца, дрожащею рукой Никонъ Павловичъ началъ вертѣть затѣйливую дверную ручку, но дверь не повинова-

лась; онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ неудачныхъ поворотовъ, когда ручку повернули изнутри. Дверь отворилась, и Никонъ Павловичъ очутился передъ Государемъ.

— А-а!.. Это ты, старина!.. Иди-ка сюда — весело проговорилъ Государь.

Опять ноги измѣнили Никону Павловичу: онъ палъ на колѣни.

— Вставай, вставай!.. ты вѣдь теперь у меня въ гостяхъ.. садись... И Государь, взявъ за плечи старика, усадилъ его въ кресло.

Никонъ Павловичъ и секунды, кажется, не усидѣлъ и мгновенно всталъ.

— Э—э!.. да ты, видно, не хочешь сидѣть у меня... Ну, такъ пойдёмъ къ Государыни,—она хочетъ тебя видѣть. И, взявъ со стола конвертъ, Государь подалъ его Никону Павловичу со словами: возьми, это на дорогу тебѣ пригодится...

Никонъ Павловичъ принялъ конвертъ, поцѣловалъ государеву руку и, по его мановенію, послѣдовалъ за великимъ хозяиномъ.

УІІ.

Они вошли въ комнату, въ которой за чайнымъ столомъ сидѣла вся государева семья.

Государь не успѣлъ выговорить и слова, какъ Никонъ Павловичъ ринулся къ Государыни, упалъ передъ нею на колѣни и громко проговорилъ: Царица-матушка, позволь мнѣ, старичишкѣ, поцѣловать твою руку... И, не дождавшись отвѣта, взялъ ея руку, поцѣловалъ, оросивъ ее слезами благоговѣнія.

— Ужь позволь, царица-матушка, и у дѣточекъ твоихъ ручки расцѣловать?

— Ну, ступай, цѣлуй—улыбаясь, проговорилъ Государь.

Пока Никонъ Павловичъ обходилъ вокругъ стола и, что-то бормоча себѣ подъ носъ, раздавалъ свои поцѣлуи безъ исключенія всѣмъ сидящимъ, Государь рассказывалъ своей супругѣ что-то на непонятномъ Никону Павловичу языкѣ. Видно было, что она близко принимала къ сердцу государевы рѣчи,—не даромъ вздохи вырывались изъ ея груди.

— Теперь слушай, старина — серьезно заговорилъ Государь, близко подойдя къ Никону Павловичу. О твоей дочкѣ и внучкахъ мы съ Государыней позаботимся. Поѣзжай домой, успокойся самъ и утѣшь ихъ. Да смотри, ужъ по шпаламъ не маршируй... Вотъ и Государыня кое-что тебѣ на дорогу приготовила.

Государыня вручила Никону Павловичу такой же конвертъ.

— Теперь прощай!.. Поѣзжай домой и поцѣлуй отъ насъ своихъ внучатъ.

Никонъ Павловичъ отвѣсилъ низкій поклонъ, перекрестился и, сопутствуя Государю, вышелъ опять въ тѣ же комнаты, гдѣ Государь еще разъ сказалъ ему „прощай“, а ожидавшій тотъ же чиновникъ вывелъ его на крыльцо. Подкатила карета и доставила его до истопничихиной хибарки.

VIII.

Еще въ дверь не успѣлъ войти Никонъ Павловичъ, какъ сердобольная старушка просто засыпала его вопросами: „что?.. какъ?.. видѣлъ ли Государя?.. а Государыню? и т. д.“.

Никонъ Павловичъ отъ пережитыхъ волненій словно развалился по всѣмъ швамъ, утомленно опустился на стулъ и медленно, тихо началъ:

— Да, матушка, пораженъ!.. Не ожидалъ... Такая милость, такое вниманіе къ такому, можно сказать, червяку... Воистину, онъ—отецъ земли русской, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ... Вотъ видишь, чье это? Самъ Государь и сама матушка-царица своими руками дали мнѣ!..

Онъ смолкъ и дрожащими руками вскрылъ конверты: въ нихъ лежало по сту рублей.

Пробылъ въ Царскомъ Селѣ Никонъ Павловичъ еще около двухъ дней и, задушевно простившись съ дорогой старушкой, отправился въ свое родное гнѣздо.

IX.

Нечего и говорить о томъ, съ какою радостію встрѣтили сироты своего кормильца и заступника, съ какимъ восторгомъ они разсматривали дѣдовскія покупки, которыя онъ называлъ „царскими подарками“.

Нечего и о томъ говорить, что „сѣденскій миротворецъ“ былъ предметомъ вниманія всего городишка: его зазывали въ гости, оставляли на всѣхъ перекресткахъ, и всюду онъ вынужденъ былъ рассказывать о своемъ необыкновенномъ странствованіи. Словомъ, Никонъ Павловичъ сталъ „героемъ“, передъ несокрушимой волей духа котораго преклонялся каждый обыватель.

X.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ со времени возвращенія Никона Павловича восвосяи, а объ исходѣ дѣла его все еще не было

ни слуху, ни духу. Онъ кое-гдѣ наводилъ справки, но тщетно: никто ничего не зналъ...

Но вотъ, ожиданіямъ его настала конецъ... Однажды, поздно вечеромъ, въ квартиру его кто-то постучалъ.

Никонъ Павловичъ отперъ дверь, и въ комнату вошелъ предводитель дворянства. Молча онъ вынулъ изъ кармана бумагу и громко прочиталъ о дарованной семьѣ „сѣденькаго миротворца“ царской милости: вдовѣ съ трехлѣтней дочерью назначалась пенсія, девятилѣтняго сынишку повелѣно помѣстить на казенный счетъ въ кадетскій корпусъ, а старшую годовую дочь—на такомъ же основаніи въ одинъ изъ институтовъ.

Благоговѣнная молитва и слезы радости завершили эту благодатную вѣсть.

Для сиротъ наступили свѣтлые дни!

С. И. Слестниковъ.

Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ.

(Изъ записокъ Старога Помѣщика) ¹⁾.

Я уже говорилъ ранѣе въ своихъ запискахъ, что мой отецъ умеръ въ 30-мъ году, когда мнѣ не было еще и года, но не упомянулъ, что, умирая и благословляя меня, онъ сказалъ: будь военный и пролей кровь за Царя и Отечество. И этотъ завѣтъ его сталъ моею мечтою съ самаго ранняго дѣтства, почему когда въ 1837 г. моею матерью было получено изъ Петербурга увѣдомленіе, что я зачисленъ въ Александровскій малолѣтній въ Царскомъ Селѣ корпусъ, куда и требовалось меня доставить, я былъ въ восторгѣ и какъ теперь помню наше туда путешествіе. Старый помѣщичій возокъ былъ наполненъ перинами, подушками и пр., а важи наверху различнымъ платьемъ и другими вещами. Я съ матушкой и няней Марьей Михайловной Винокуровой помѣщались въ возкѣ, а на козлахъ съ ямщикомъ сидѣлъ нашъ старый лакей и, такимъ образомъ, отправляясь черезъ Пензу, Нижній и Москву, до Петербурга пришлось ѣхать по ухабамъ изъ Саратова цѣлый мѣсяць.

Въ Царскомъ Селѣ Александровскій малолѣтній корпусъ былъ такимъ чуднымъ заведеніемъ, которое въ настоящее время врядъ ли гдѣ-либо можно встрѣтить. Директоромъ корпуса въ то время былъ генераль-лейтенантъ Хатовъ, завѣдующій хозяйственной частью полковникъ Дихеусъ, а начальницей вдова генерала Кронъ. Тамъ было нѣсколько ротъ и взводъ малолѣтнихъ; каждой ротой и взводомъ завѣдывали особыя почетныя дамы, имѣя въ помощь нянекъ; кромѣ этого въ каждой ротѣ было по одному заслуженному, старому гвардейскому унтеръ-офицеру, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за выправкой и маршировкой кадетъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1909 г.

Всѣ мы были одѣты въ военную форму, не исключая и взвода малолѣтнихъ, гдѣ въ мое время были и такіе, на которыхъ нельзя было надѣть еще и штанишекъ, такъ какъ одинъ даже былъ на рукахъ у кормилицы.

Обращеніе съ нами въ этомъ корпусѣ, какъ равно и содержаніе насъ было удивительно по своей гуманности и царской щедрости.

Кромѣ класснаго ученія сообразно возрасту, насъ въ реакраціонномъ залѣ учили маршировкѣ и гимнастикѣ. И вотъ однажды въ это время къ намъ пріѣхалъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Михаилъ Павловичъ, человекъ пожилой, высокаго роста и сильнаго сложенія.

Мы выстроились по ротамъ, и онъ, обходя, спрашивалъ иногда фамиліи, особенно интересуясь тѣми, отцы которыхъ были убиты въ сраженіяхъ; подойдя же къ взводу малолѣтнихъ, онъ ласкалъ ихъ и даже нѣкоторыхъ бралъ на руки. Шутя и играя съ кадетами, онъ растянулся на полу и приказывалъ имъ поднять себя; малыши, конечно, не могли этого исполнить, несмотря на его настойчивость, но одинъ карапузъ нашелся и запустилъ ему въ мягкія части булавку, такъ что Великій Князь живо вскочилъ и, расплѣловавъ лилипута, далъ ему даже коробку конфектъ.

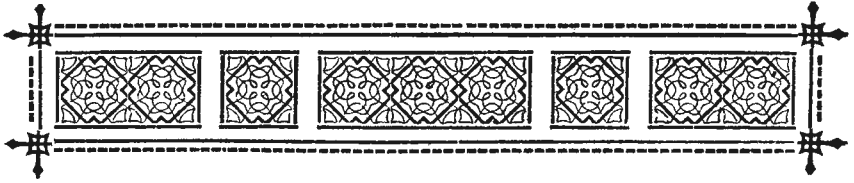
За время моего пребыванія въ Александровскомъ корпусѣ было два замѣчательныхъ случая помѣщенія туда дѣтей: первый случай—сына Шамяля; мальчуганъ этотъ интересовалъ насъ и своимъ происхожденіемъ и шрамомъ на рукѣ отъ полученной, по его словамъ, пулевой раны. Это былъ въ высшей степени живой и быстроглазый мальчикъ, но мало похожій на азіата. Второй случай—сына лѣсничаго, фамилію котораго я не припомню. Его родители жили одиноко въ глуши казеннаго лѣса и были ограблены и убиты разбойниками, которые дѣтей ихъ, этого мальчика и еще грудного ребенка, не тронули.

Пока эти сироты не были найдены, мальчикъ питался жалкими остатками пищи, а грудного ребенка подкладывалъ подъ собаку съ ея щенятами. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ помѣстить ихъ въ казенныя заведенія.

Затѣмъ въ началѣ 40-хъ годовъ я былъ переведенъ въ Павловскій корпусъ, о которомъ буду писать особо.

В. А. Шомпулевъ.

Памяти К. Д. Кондзеровскаго.

В послѣднее время все чаще раздаются голоса о необходимости, въ виду сильнаго возрастанія вооруженныхъ силъ, сложности современнаго военнаго дѣла и громаднаго его прогресса во всѣхъ отношеніяхъ, обратить особое вниманіе на наилучшую подготовку офицеровъ какъ въ смыслѣ расширенія ихъ научныхъ познаній, такъ и выработки болѣе твердыхъ и самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять инициативу и рѣшаться брать на себя отвѣтственность въ нужную минуту. Вопросъ этотъ капитальной важности и удачное его разрѣшеніе будетъ способствовать поднятію арміи на должную высоту и сдѣлаетъ ее снова грознымъ орудіемъ, безъ могучей помощи котораго не можетъ быть достигнуто полное возрожденіе нашей родины.

Важность соотвѣтственнаго воспитанія и образованія молодыхъ людей, посвятившихъ себя военной службѣ, понятна сама собою и надъ этими серьезными вопросами, съ переменнымъ успѣхомъ, работали и работаютъ многіе.

Въ настоящей замѣткѣ намъ хотѣлось бы напомнить объ одномъ изъ лучшихъ работниковъ на этой нивѣ, который, къ сожалѣнію, въ свое время не былъ оцѣненъ по достоинству и по независящимъ отъ него обстоятельствамъ не могъ принести крайне важному и трудному дѣлу подготовки офицеровъ той пользы, которую можно было ожидать отъ человѣка большаго ума и почина, съ сильнымъ самостоятельнымъ характеромъ и глубоко преданнаго своему дѣлу.

Мы говоримъ о покойномъ Константиѣ Даниловичѣ Кондзеровс-

скомъ, бывшемъ въ 1874—1875 годахъ, въ чинѣ полковника, и. д. начальника 2 военнаго Константиновскаго училища.

Для характеристики этого рѣдкаго начальника и педагога мы позволимъ себѣ привести приказъ, отданный имъ по училищу 12 октября 1875 года, за № 287, по случаю отчисленія его отъ должности.

Первый пунктъ этого приказа дословно гласитъ слѣдующее: „Высочайшимъ приказомъ 6 октября я отчисленъ отъ исправленія должности начальника 2 военнаго Константиновскаго училища съ переводомъ въ генеральный штабъ и съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Объявляя объ этомъ по училищу, я считаю долгомъ еще разъ благодарить всѣхъ бывшихъ моихъ сотрудниковъ и помощниковъ по службѣ въ училищѣ по строевой, учебной, хозяйственной и канцелярской частямъ.

Благодарю юнкеровъ за ихъ примѣрное поведеніе и за отлично усердную службу: съ истиннымъ удовольствіемъ я долженъ сказать, что, въ теченіе годового слишкомъ начальствованія моего, я всегда былъ свидѣтелемъ неослабнаго рвенія въ молодыхъ людяхъ.

Поставивъ задачу училища готовить для арміи передовыхъ офицеровъ, способныхъ занять впослѣдствіи постъ отдѣльнаго начальника, я старался, прежде всего, поднять почетное званіе юнкера военнаго училища на ту высоту, на которой оно должно стоять; я старался поднять нравственный уровень юнкеровъ.

Стремленіемъ моимъ было уничтожить то обаяніе, какое почему-то, вообще, приписывается системѣ строгихъ наказаній: я желалъ воспитывать юнкеровъ, будущихъ офицеровъ, въ духѣ правды и справедливости, безпредѣльной преданности Престолу и любви къ своему ремеслу; но подъ воспитаніемъ я не разумѣлъ только правильное примѣненіе таблицы дисциплинарныхъ взысканій къ проступкамъ молодыхъ людей: нравственная сторона человѣка, по мнѣнію моему, должна стоять на первомъ планѣ.

Я старался провести юнкерамъ, будущимъ начальникамъ, тотъ взглядъ, что начальникъ обязанъ заботиться о своихъ подчиненныхъ по закону, и что здѣсь не можетъ быть мѣста прихоти; что произволъ начальника, а не дѣйствія строгозаконныя, подрываютъ дисциплину и болѣе всего вредятъ ей, что военные самодуры такъ же опасны для арміи, какъ и статскіе на своихъ мѣстахъ и въ обществѣ. Я желалъ, чтобы молодые люди прониклись мыслью, что въ основѣ всякаго благовоспитаннаго человѣка, тѣмъ болѣе начальника, должно лежать уваженіе человѣческаго достоинства, какъ бы низко ни стоялъ человѣкъ; что тотъ, кто не уважаетъ этого въ другихъ, самъ не заслуживаетъ уваженія; что авторитетъ начальника, под-

держиваемый единственно одной палкой, весьма не проченъ, да и не почетенъ. Что точное выполненіе каждымъ своихъ обязанностей, примѣръ начальника для подчиненныхъ и строгое выполненіе требованій военной дисциплины составляютъ основу службы, и что къ этому обязываетъ cadaго не страхъ наказанія, а долгъ и совесть.

Что тотъ начальникъ, который вздумалъ бы дѣлать поблажки своимъ подчиненнымъ, ради пріобрѣтенія популярности, можетъ ожидать не уваженія, а скорѣе презрѣнія отъ нихъ. Но я того мнѣнія, что если начальникъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ пользоваться закономъ или существующими постановленіями, имъ предоставленными, и слѣдить только, чтобы подчиненные ими не злоупотребляли, то онъ исполняетъ свой долгъ.

Напротивъ, вожденіе молодыхъ людей на помочахъ, излишняя надъ ними опека и навязываніе непрошенныхъ благодѣяній скорѣе вредить дѣлу, чѣмъ приносить пользу.

Точно также въ учебномъ дѣлѣ стремленіемъ моимъ было возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ труду и поселить въ нихъ убѣжденіе о необходимости пріобрѣтенія научныхъ познаній, которыя только и могутъ дать превосходство имъ по службѣ и поставить выше другихъ. Словомъ сказать, я стремился къ тому, чтобы въ юнкерѣ выработался характеръ, извѣстнаго рода законъ, опредѣленные убѣжденія; чтобы онъ, являсь съ ними на службу въ войско, въ состояніи былъ бы принести дѣйствительную пользу и быть замѣтнымъ, а не ступшеваться въ массѣ,—иначе была бы не понятна и цѣль учрежденія военныхъ училищъ.

Въ къ чему я стремился и чего желалъ достигнуть; результаты не могли быть еще видны, но не было и малѣйшей причины сомнѣваться въ успѣхѣ. въ особенности при дружномъ содѣйствіи всѣхъ тѣхъ, кому ввѣрена судьба молодыхъ людей, будущихъ офицеровъ. Если проводимые мною взгляды и высказываемыя убѣжденія казались многимъ странными и, чего добраго, не своевременными, то никто не можетъ сказать, что они не честны и не желательны.

Тому, кто привыкъ дѣйствовать всегда открыто и идти прямымъ путемъ, всякія другія дѣйствія и пути могутъ казаться только позорными. Я могу въ заключеніе повторить то, что не разъ было высказано мною, а именно, что я не знаю другой службы, кромѣ какъ по долгу совѣсти и присяги; этого по службѣ я добивался и отъ всѣхъ моихъ подчиненныхъ“.

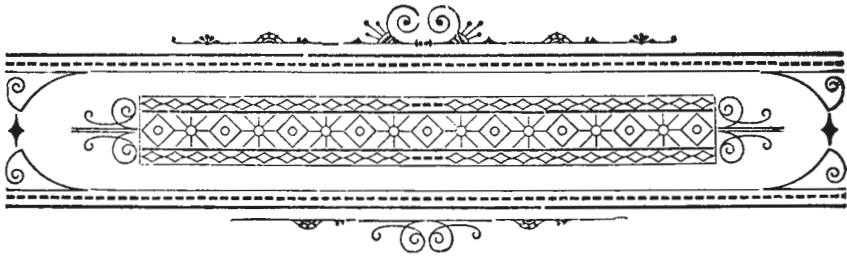
Вотъ что думалъ, проводилъ въ жизнь и смѣло высказывалъ,

35 лѣтъ тому назадъ, полковникъ Кондзеровскій о постановкѣ воспитанія и образованія офицеровъ.

Полагаемъ, что приведенный приказъ, и безъ дальнѣйшихъ поясненій, вполне рельефно очерчиваетъ незаурядную личность бывшаго начальника Константиновцевъ и убѣдить многихъ, что въ лицѣ К. Д. Кондзеровскаго, окончившаго свои дни, если не ошибаемся, въ скромной роли командира пѣхотной бригады, мы потеряли крупную величину. Этотъ въ высшей степени скромный, но даровитый и сильный духомъ полковникъ безспорно могъ бы принести значительно большую пользу родинѣ, сильно нуждающейся въ крупныхъ дѣятеляхъ, и не только въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ подготовка офицеровъ, составляющихъ, по справедливости, душу и мозгъ арміи, но и на самыхъ высшихъ командныхъ или административныхъ должностяхъ.

Д. Баланинъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

28 августа 1811 г., когда Энгельгартъ взялъ Ломскій островъ, великій визирь совершилъ переходъ близъ Слободзеи; объ этомъ узнали, три дня спустя, въ Виддинѣ, куда было прислано приказаніе визиря о наступленіи въ Малую-Валахію. Ахметъ, недовольный бездѣйствіемъ Измаиль-Бея и той пассивностью, въ которой его держалъ Зассъ, приказалъ немедленно ему явиться въ Краіово.

Мула-Паша, испуганный счастливымъ переходомъ великаго визиря и опасаясь его успѣховъ, результаты которыхъ могли бы угрожать его жизни, началъ колебаться, вывертываться и наконецъ соглашаться со своими компатріотами. Онъ передалъ Измаиль-Бею большой укрѣпленный островъ и, кромѣ того, назначилъ ему 4.000 чел. изъ своихъ войскъ, но, вѣрный своимъ меркантильнымъ принципамъ, онъ продалъ ему это одолженіе за 4.000 дукатовъ, которые и получили очень аккуратно.

Зассъ былъ далекъ отъ мысли о возможности такой сдѣлки. Занявъ Ломскій островъ, обезпечивъ свое положеніе редутами и полагая, что теперь нечего опасаться Измаиль-Бея, пробывшаго болѣе мѣсяца въ бездѣйствіи, онъ отослалъ генералу Кутузову 5 эскадроновъ Дерптскихъ драгунъ и три батальона Выборгскаго

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1910 года.

полка. Эти войска были отправлены по просьбѣ командира Выборгскаго полка, хотя они и не были ему нужны, и Зассъ согласился на это. Это была единственная ошибка Засса, въ этотъ энергичный періодъ сраженій, гдѣ его поведеніе служило образцомъ отваги, твердости и дѣятельности. Онъ отправилъ графа д'Оурка въ Сербію съ его отрядомъ и поручилъ ему устроить диверсію, которая была хорошо предусмотрѣна и могла бы быть очень полезной, если онъ самъ остался бы достаточно сильнымъ передъ Виддинномъ.

23-го августа, графъ Оуркъ подошелъ къ Флорентинѣ, турецкой крѣпости, построенной на правомъ берегу Дуная, совершенно оставленной турками. Въ то же время братъ его, полковникъ, командиръ полка встрѣтилъ, подлѣ деревни Гирсова 1.000 турецкихъ фуражировъ и разсѣялъ ихъ.

7-го сентября Измаиль-Бей, желая нанести рѣшительный ударъ Малой Валахіи, собралъ 1.500 человекъ, занялъ большой островъ и подошелъ къ Калафату, въ 9-хъ верстахъ отъ праваго фланга Засса. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ исполненія задуманнаго плана, состоявшаго въ томъ, что если Зассъ отступитъ на Ольту, то турки двинутся на Краіову, а если Зассъ будетъ отходить на Краіово, то Измаиль направится на Ольту у праваго фланга нашей Слободзейской позиціи. Этотъ планъ былъ хорошо задуманъ, что дѣлаетъ честь Измаилу, но успѣхъ не былъ на его сторонѣ.

Отрядъ Засса составляли четыре слабыхъ пѣхотныхъ полка, которые онъ поставилъ на свой правый флангъ, какъ только замѣтилъ движеніе непріятеля и узналъ, что ихъ прежніе ретраншаменты были совершенно пусты. Эти четыре полка дрались съ геройской отвагой, особенно Мингрельскій полкъ. Два снаряда попали въ каре этого полка, которымъ командовалъ тогда подполковникъ Колотинскій, но, несмотря на то, что эти снаряды причинили громадную потерю въ людяхъ, несмотря на энергичныя атаки турокъ, устремившихся на этотъ славный полкъ, онъ не только не растерялся, но не оставилъ ни своего мѣста, ни своего строя. Ночь положила конецъ сраженію, и обѣ воюющія стороны расположились бивакомъ другъ противъ друга.

Между тѣмъ, генералъ Зассъ находился въ самомъ тяжеломъ и даже критическомъ положеніи, ибо непріятель былъ въ 6 разъ сильнѣе его и при томъ имѣлъ преимущество въ силѣ своей позиціи. Много надо было имѣть твердости и рѣшимости, чтобы удержаться противъ непріятеля, и генералъ Зассъ выказалъ и то и другое, хотя въ карманѣ у него лежалъ приказъ Кутузова объ отступленіи, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Кутузовъ послалъ ему этотъ непонятный приказъ въ первый

моментъ тревоги, по полученіи извѣстія о переходѣ турокъ въ Слободзею. Никто изъ насъ ничего не зналъ; онъ не сообщалъ намъ о немъ, а Зассъ скрылъ его отъ своего корпуса ¹⁾. Мы объ немъ узнали только три мѣсяца спустя.

Рѣшеніе Засса дѣлаеть ему большую честь, онъ не только избѣжалъ многихъ опасностей, но, отступивъ, онъ потерялъ бы страну и армію. Имѣя въ своихъ рукахъ оправдательный документъ для отступленія, онъ не поколебался и рѣшилъ сражаться; немногіе генералы были бы способны на подобную рѣшимость, и эта рѣшимость спасла Малую Валахію, а, быть можетъ, даже насъ самихъ въ Слободзеѣ.

Между тѣмъ, онъ принужденъ былъ перемѣнить позицію, отойди назадъ; но онъ не оставлялъ своихъ редутовъ и примкнулъ къ нимъ свой лѣвый флангъ. Затѣмъ онъ приказалъ вернуться форсированнымъ маршемъ графу д'Орурку и, къ счастью, Измаиль-Бей не помѣшалъ исполнить это движеніе.

Когда графъ д'Оруркъ соединился съ Зассомъ, войскамъ была отдана слѣдующая диспозиція:

На правомъ флангѣ, въ двухъ верстахъ позади Калафата:

Генераль-маіоръ графъ д'Оруркъ.

3 батальона Охотскаго полка.

5 эскадроновъ Волынскихъ уланъ.

4 эскадрона Переяславскихъ драгунъ.

Въ центрѣ генераль-маіоръ графъ Воронцовъ.

Казакі Мелентьева.

3 батальона Шлиссельбургскаго полка.

2 батальона Мингрельскаго полка.

¹⁾ Единственный приказъ, который Кутузовъ долженъ былъ дать Зассу въ томъ положеніи, въ какомъ они оба тогда находились, это: скорѣе погибнуть со всѣмъ его корпусомъ, чѣмъ покинуть берега Дуная. Хотя Зассъ не нуждался даже въ такомъ приказѣ; но кто ближе знаетъ Кутузова, не удивится тому, что онъ написалъ совершенно обратное. Въ этомъ приказѣ говорилось, однако, что онъ предоставляетъ Зассу дѣйствовать такъ или иначе. Всѣ приказы Кутузова, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, были написаны съ такимъ адскимъ лукавствомъ; онъ всегда придумывалъ средства, чтобы избѣгнуть ответственности и сбить ее другому. Онъ перенялъ этотъ великій талантъ отъ фельдмаршала Румянцева.

Прим. Ланжерона.

Удивительно пристрастный и несправедливый, во всѣхъ отношеніяхъ, отзывъ иностранца Ланжерона къ нашимъ знаменитымъ полководцамъ Кутузову и Румянцеву.

Ред.

На лѣвомъ флангѣ генер. Зассъ и оба генер. Рѣппинскіе.

3 батальона 43-го егерскаго полка.

Казачи Кутейникова.

Тираспольскіе драгуны.

Чугуевскіе уланы.

Всего Зассъ имѣлъ въ то время 5—6.000 челов., чего было достаточно въ его положеніи. Но войска его ежедневно уменьшались, благодаря обычнымъ болѣзнямъ въ іюль и въ августѣ на берегахъ Дуная. Генераль Збіевскій, полковникъ Зассъ и многіе хорошіе офицеры заболѣли и должны были быть увезены въ Краіову.

8-го сентября Зассъ ожидалъ, что турки будутъ продолжать вчерашнюю атаку или же вышлютъ конные отряды внутрь страны, но вѣроятно они были очень утомлены или напуганы вчерашнимъ упорнымъ сопротивленіемъ, такъ какъ не сдѣлали ни того, ни другого, они ограничились тѣмъ, что укрѣпились въ Калафатѣ и на небольшихъ возвышенностяхъ, которыя его окружали.

Тогда Зассъ снова окружилъ ихъ въ занятыхъ ими позиціяхъ тремя маленькими укрѣпленными лагерями и линіей волчьихъ ямъ, которыя были выкопаны чрезвычайно быстро и, такимъ образомъ, турки 15-го числа увидали себя охваченными съ трехъ сторонъ и подвергались опасности попасть въ плѣнъ. Особенно опасность эта возрасла послѣ того, какъ они сдѣлали ошибку, покинувъ 10-го числа прежнюю крѣпость, немного ниже Виддина, которую тотчасъ же и занялъ Зассъ, удлиннивъ тѣмъ линію обхвата еще на 4 версты.

Съ каждымъ днемъ турокъ сжимали все больше и больше новыми редутами и мѣшали имъ даже фуражировать. 17-го сентября Измаиль-Бей, желая еще разъ попробовать исполнить приказаніе великаго визири, снова произвелъ общую атаку съ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но, потерявъ 300 или 400 лучшихъ стрѣлковъ, былъ отбитъ.

30-го сентября Измаиль-Бей, зная, что къ генералу Зассу должны подойти еще подкрѣпленія, задумалъ попытаться вновь произвести нападеніе и произвелъ очень энергичную атаку, направленную преимущественно на правый флангъ русскихъ, гдѣ былъ полковникъ д'Оруркъ. Турки атаковали одинъ изъ нашихъ редутовъ съ особой храбростью, но д'Оруркъ выдвинулъ каре Охотскаго полка, который вышелъ на путь отступленія противника, и турки принуждены были пробиваться съ большими потерями. 20 пушекъ, поставленныхъ въ разныхъ редутахъ, производили безостановочную пальбу и наносили туркамъ много потерь.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли подполковника Мелентьева, очень храбраго офицера, но грабителя больше, чѣмъ то позволяется быть казаку. Въ его экипажѣ нашли огромнѣйшую сумму денегъ.

Измаиль-Бей, видя, что его предпріятія терпятъ неудачи, отправилъ свою конницу на другую сторону Дуная, а укрѣпленія свои рѣшили охранять одною пѣхотою.

1-го октября генераль Зассъ получилъ еще подкрѣпленія: 3 батальона Вятскаго полка и 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ подъ командою генераловъ: Сандерса и Лисаневича. 4-го числа онъ узналъ о счастливомъ переходѣ генерала Маркова передъ Слободзеей и, чтобы сыграть маленькую комедію для окончанія этой утомительной кампаніи, онъ велѣлъ 8 октября графу д'Орурку и Воронцову перейти Дунай съ 5-ю батальонами, 17-ю эскадронами и казачьимъ полкомъ. Они соединились съ 1.000 сербовъ подъ командою Витко-Петровича, и этотъ отрядъ, несмотря на то, что принужденъ былъ сдѣлать большой обходъ по дорогѣ на Неготинъ, чтобы взять съ тыла лагерь турецкой кавалеріи подъ Виддиномъ, несмотря на то, что онъ заблудился однажды, вдругъ появился 9-го октября въ 4-хъ верстахъ отъ Виддина, гдѣ ихъ атаковала турецкая кавалерія. Войска Мулы-Паши съ нѣсколькими пушками соединились съ кавалеріей Измаила-Бея, но графъ Воронцовъ, командовавшій отрядомъ, не прекращая боя, все время двигался къ высотамъ, гдѣ находились 4 разрушенные деревни, и оставившись въ 5-ти верстахъ отъ Виддина, на правомъ берегу Дуная, быстро устроилъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ, гдѣ стоялъ Зассъ.

Не владѣя Виддинской крѣпостью, не имѣя при себѣ орудій, при помощи которыхъ можно бы дать серьезный отпоръ турецкой конницѣ и безъ которыхъ нельзя было атаковать ее, несмотря на все это, набѣгъ графа Воронцова имѣлъ такой же успѣхъ и результаты, какъ и экспедиція Маркова.

Сербы, а особенно ихъ начальникъ, прекрасно дрались въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ боя, Зассъ приказалъ графу Воронцову расположиться позади Виддина, на большой дорогѣ въ Бесковицы и въ Софію, чтобы задержать турецкіе обозы съ провіантомъ. Мула-Паша догадался объ этомъ и просилъ начать переговоры, вслѣдствіе которыхъ турки обязались оставить Калафать и лѣвый берегъ Дуная, русскіе же должны очистить окрестности Виддина, на что Зассъ и согласился. Кара-Османъ-Оглы съ своей конницей, которую онъ едва могъ содержать, сейчасъ же отошелъ; но вскорѣ было получено извѣстіе о перемиріи, заключенномъ въ Слободзеѣ, и взаимный приказъ оста-

ваться на своихъ позиціяхъ. Турки остались въ Калафатѣ, а графъ Воронцовъ уже успѣлъ соединиться съ Зассомъ.

Немного времени спустя, Кутузовъ, неизвѣстно почему, сталъ утверждать, что перемиріе не касается праваго нашего фланга, и приказалъ Зассу вновь переправить черезъ Дунай отрядъ войскъ изъ его корпуса. Вслѣдъ за симъ, генералъ Степанъ Рѣпинскій, который долженъ былъ жениться на племянницѣ Засса, и заслуживающей возможности отличиться, былъ посланъ взять Ломъ-Паланку. Предпріятіе это ему не удалось; онъ сжегъ только предмѣстье, но не могъ атаковать крѣпости, неся большія потери отъ огня турокъ, засѣвшихъ по окрестнымъ деревнямъ. Рѣпинскій плохо зналъ мѣстность, и попытка его атаковать одинъ изъ верховъ крѣпости, стоила 43 егерскому полку огромныхъ потерь. Дѣло это произошло 4-го ноября.

Графъ Воронцовъ, узнавъ, что въ 25-ти верстахъ вверхъ по теченію рѣки Ломъ, находится укрѣпленная деревня подъ названіемъ Василевское, служившая складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ и товаровъ, прибывающихъ со всѣхъ сторонъ въ Виддинъ и въ лагерь Измаиль-Бей, двинулся туда и взялъ ее 12 ноября. Дѣло началось 11 ноября, съ турецкими войсками, подошедшими встрѣчать обозъ. Въ Василевскомъ находились магазины, которые были разграблены.

Между тѣмъ Измаиль-Бей, опасаясь потерять путь отступленія, не могъ больше оставаться въ Калафатѣ и въ ночь на 13-го ноября покинулъ его, двинувшись сначала на большой островъ, а потомъ и совсѣмъ перебрался на правый берегъ.

Въ это время Зассъ получилъ приказъ Кутузова о возобновленіи перемирія, а графъ Воронцовъ все еще оставался около Ломъ-Паланки до 2-го декабря. Время года уже было позднее, погода убійственная, и снабженіе провіантомъ являлось очень затруднительнымъ. Все это заставило Засса приказать графу Воронцову перейти обратно Дунай и поставить всѣ войска на зимнія квартиры.

Эта кампанія доставила безконечную славу генералу Зассу и войскамъ, бывшимъ подъ его начальствомъ. Часто сражаясь и всегда съ большой отвагой, войска находились въ поразительномъ порядкѣ. Зассъ выказалъ большую энергію, много мужества и, самое главное, замѣчательную твердость характера.

Онъ получилъ Владимірскую ленту. Согласно всѣмъ законамъ онъ могъ рассчитывать на Георгія 2-ой степени, также, какъ и я ¹⁾,

¹⁾ Я также получилъ Владиміра 1-ой степени.

но намъ ихъ не дали, съ тѣхъ поръ какъ Кутузовъ былъ пожалованъ Георгіемъ не первой степени. Я даже думаю, что, наградивъ 2-ю степенью такъ быстро и такъ легкомысленно Маркова, навѣрное раскаивались. Конечно, Зассъ не былъ доволенъ, да и иначе и не могло быть ¹⁾).

Военныя дѣйствія въ Сербіи.

Измаилъ-Бей, находясь со всеми войсками, какими только могъ располагать, въ Малой Валахіи, не могъ дѣйствовать противъ сербовъ и босняковъ и принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ. Впрочемъ, турки иногда имѣли съ нами перестрѣлки или производили нѣсколько разбойничьихъ наѣздовъ. Болѣе серьезнымъ было только одно дѣло, происшедшее между Ниссой и Баніей, гдѣ собралось 4 или 5.000 турокъ и стали угрожать крѣпостямъ Баніи и Кургуновицѣ. Тогда Георгій Черный послалъ туда 6.000 челов., которые соединились съ полковникомъ Полторацкимъ, командовавшимъ батальономъ Нейшлотскаго полка, бывшимъ тогда гарнизономъ въ Баніи, вмѣстѣ съ 50 казаками и нѣсколькими уланами.

Георгій Черный двинулся на турокъ, застигъ ихъ въ 15-ти верстахъ отъ Ниссы и атаковалъ. Позиція непріятеля была очень хорошая, но они не имѣли артиллеріи, тогда какъ сербы имѣли 6 пушекъ. Турки были опрокинуты и преслѣдуемы въ продолженіи 5-ти верствъ, при чемъ они потеряли не мало людей.

Заключеніе мира.

Вернемся теперь къ тому, что происходило въ Бухарестѣ.

Былъ уже декабрь мѣсяцъ, но переговоры о мирѣ не подвигались, чѣмъ въ Петербургѣ были недовольны. Тамъ поговаривали уже о вызовѣ Кутузова. Жена Кутузова увѣдомила его о появившемся въ обществѣ шумѣ и совѣтовала ему найти возможность заключить миръ до пріѣзда его замѣстителя, но кого именно, она не знала.

Въ Петербургѣ же уже шептали другъ-другу на ухо, что избраннымъ будетъ адмиралъ Чичаговъ, хотя это совершилось 4 мѣсяца спустя.

¹⁾ (1827 г.) Зассъ былъ безъ сравненія лучшей генераль во всей Молдавской арміи и послѣ достиженія военныхъ почестей, его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, исключая его чудовищной безнравственности, которая возмущала императора. Онъ прекрасно служилъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 г.г., но никогда его не хотѣли повышать или давать самостоятельное командованіе. Покинувъ армію, онъ въ нуждѣ уѣхалъ умирать въ Польшу, послѣ того какъ промоталъ сумасбродными и безпутными дебошами около милліона рублей, въ кампаніи Малой Валахіи.

Кутузовъ, смущенный своимъ положеніемъ и боровшимся въ немъ недостаткомъ энергіи и самолюбіемъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ скрыть своего безпокойства. Наконецъ онъ довѣрилъ свои заботы мнѣ и открылъ задуманный имъ планъ, который ему и удался.

Онъ питалъ ко мнѣ безусловное довѣріе, и я тогда былъ единственнымъ въ арміи, который пользовался имъ. Онъ былъ привязанъ ко мнѣ, и я, несмотря на то, что его недостатки и проступки часто доводили меня до бѣшенства, не могъ не поддаться его обаянію и любви. Я служилъ ему ревностно и преданно.

Однажды онъ прислалъ за мной въ 7 часовъ утра. Меня ужасно это удивило, такъ какъ онъ не имѣлъ привычки вставать такъ рано; раньше 10—11 час. онъ никогда не принималъ. Я тотчасъ же явился къ нему, и онъ меня принялъ очень дружески и заперъ дверь своего кабинета на ключъ. Эти приготовленія предсказывали, что обсуждаться будетъ какая-нибудь серьезная вещь. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ смѣненъ (чего мы еще не знали тогда), и что онъ погубить свою честь и репутацію, если не заключить мира. Онъ прибавилъ, что не ожидаетъ, чтобы окончаніе заключенія мира было бы такъ близко, какъ онъ того бы желалъ, посредствомъ конгресса, медленность котораго его сокрушаетъ, что онъ рѣшилъ вести переговоры прямо съ великимъ визиремъ и что онъ избралъ меня для того, чтобы сдѣлать нѣсколько предложеній ему, которыя, какъ полагалъ Кутузовъ, онъ приметъ. Я ему возразилъ, что я никогда не былъ повѣреннымъ дипломатическаго корпуса, и что у меня мало привычки къ лукавству и сдержанности, необходимыхъ для такого порученія; во-вторыхъ, я не былъ избранъ для сего Императоромъ. Кромѣ того, я подчеркнул свою иностранную фамилію, что безпокоило русскихъ, и вся тяжелая отвѣтственность можетъ пасть на меня, если бы порученные мнѣ столь секретные переговоры, что опять таки могло многимъ не понравиться, не удались бы.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что отвѣтственность онъ беретъ на себя, а моя 22-хъ лѣтняя отличная служба и моя хорошо извѣстная преданность къ новому отечеству, которое меня уже усыновило, не давали возможности смотрѣть на меня какъ на иностранца.

Снабдивъ меня словесными, очень пространными, инструкціями, онъ просилъ меня ѣхать тотчасъ же.

Осторожность (которая никогда не была моимъ главнымъ качествомъ) надумила меня просить у Кутузова разрѣшенія взять съ собой русскаго генерала. И я предложилъ ему Эссена, который находился тогда въ Журжевѣ, гдѣ командовалъ корпусомъ перодовыхъ войскъ.

Онъ одобрялъ эту предосторожность и сказалъ, что мой выборъ ему очень пріятенъ. Эссенъ былъ все́мъ извѣстенъ своею честностью и скромностью.

Я уѣхалъ въ тотъ же день съ г. Матъе-Шизани, однимъ изъ переводчиковъ при нашей миссіи въ Константинополь. Приѣхавши въ Журжево, я сообщилъ Эссену, подъ секретомъ, смыслъ моего порученія, причиной котораго я выставилъ осмотръ передовыхъ войскъ. Затѣмъ я просилъ великаго визиря назначить мнѣ время, когда бы онъ могъ меня принять; онъ просилъ меня быть у него на слѣдующій день утромъ, и я въ 10 час. поѣхалъ въ Русукъ.

Такъ какъ нравы и обычаи турокъ неизвѣстны все́мъ тѣмъ, которые будутъ читать эти записки, то я опишу церемоніи, съ которыми я былъ принятъ, и обѣдъ, которымъ меня угощаль великій визирь.

Одинъ изъ его главныхъ свѣтскихъ офицеровъ встрѣтилъ меня у выхода изъ лодки, со свитою въ 50 кавалеристовъ и сотней янычаръ, которые стояли шпалерами до дома великаго визиря, находившагося недалеко отъ берега. Мнѣ подали лошадь, убранную богатой попоной, такую же подали и Эссену. 20 человекъ, неся большіе шести съ серебряными набалдашниками, провозжали меня пѣшкомъ. Приѣхавъ къ Ахмету, я увидалъ, что дворъ и комнаты его были наполнены его офицерами и янычарами; самого его не было въ той комнатѣ, гдѣ онъ долженъ былъ меня принять. Великій визирь, какъ и всѣ турецкіе сановники, не могутъ вставать съ дивана передъ „невѣрной собакой“ (какъ они насъ называютъ) и, желая вѣжливо принять, они обыкновенно выходятъ въ другую комнату. Передъ тѣмъ, какъ принимаемый, которому они не хотятъ нанести обиды, входитъ въ пріемную въ одну дверь, великій визирь, не нарушая своего обычая и не оскорбляя своихъ предразсудковъ, быстро входитъ въ другую дверь и садится на диванъ, на почетное мѣсто, въ углу комнаты.

Визирь сѣлъ на подушку, сложивъ крестообразно подъ себя ноги, а около него держали на подушкѣ, въ золотой коробкѣ, закрытой золоченой тканью, государственную печать, которую мы имѣли глупость отдать ему. Позади его, на стѣнѣ висѣли оружіе, гербъ и знамя. Онъ пригласилъ меня сѣсть по правую руку, а Эссена посадилъ по лѣвую. Намъ принесли варенья, кофе и трубки. Это также честь, оказываемая тѣмъ лицамъ, которымъ хотятъ выказать уваженіе. Мой переводчикъ Шизани все время стоялъ.

Въ обѣденный часъ принесли маленькій круглый столъ, какого-то серебрянаго металла, и поставили передъ визиремъ. Двое изъ

его людей положили ему шитыя шелкомъ и золотомъ салфетки на колѣни и на шею. Слуги, передъ тѣмъ какъ подавать ему что-нибудь, становились на колѣни (великому визирю также какъ и английскому королю услуживаютъ только на колѣняхъ). Намъ тоже принесли по двѣ салфетки, но безъ колѣнопреклоненія. Въ комнатѣ находилось до 50 человѣкъ, между ними былъ Боснякъ - Ага, съ которымъ великій визирь обращался, какъ мнѣ казалось, довольно безцеремонно. Сидѣли же только мы трое.

Намъ подавали болѣе 60-ти блюдовъ, инныя были превосходны: супы слѣдовали за вареньемъ, жаркое за пирожнымъ, безъ разбора и выбора. У насъ не было ни пожей, ни вилокъ, только къ супамъ и соусамъ подавались маленькія, чернаго дерева, ложки, украшенныя брилліантами и кораллами; для остальныхъ блюдовъ мы пользовались пальцами и едва мы брали щепотку, какъ блюдо исчезало и замѣнялось другимъ. (Это была сцена изъ обѣда Санхо-Панчо на островѣ Биратарія).

Для питья намъ давали шербетъ, родъ лимонада, очень вкуснаго, но они портили его, прибавляя туда розовой воды, особенно противной съ мясомъ. Великій визирь не только самъ не могъ пить вина, но даже не смѣлъ подавать его у себя и намъ. Ахметъ объяснилъ мнѣ это, прося извинить за то, что онъ намъ не подаль вина.

Передъ и послѣ обѣда, мы должны были омыть руки въ большой серебряной посудинѣ, куда былъ положенъ кусочекъ мыла, и великій визирь, омывъ свои руки и бороду, причесалъ ее; затѣмъ, насъ надушили деревомъ алоэ и ошміамомъ и снова принялись за трубки и разговоры.

Во время обѣда для насъ былъ данъ концертъ; впрочемъ было бы лучше, если бы его не было.

Я никогда не слыхалъ подобной дисгармоніи; 10 громадныхъ тромбоновъ, 20 маленькыхъ, настроенные на различные тона, и 8 кларнетовъ, составляли этотъ оркестръ. Между тѣмъ надо было находить прелестной эту ужасную музыку, которая въ продолженіе часа драла намъ уши. Великій визирь сожалѣлъ о потерѣ регента-убитаго или взятаго Марковымъ. Да, это прискорбно, должно быть, онъ былъ талантливый человѣкъ!

Покинувъ визиря, я съ такимъ же церемоніаломъ былъ провожаемъ до моей лодки. По азіатскому обычаю, требующему дѣлать подарки, визирь подарилъ мнѣ прекраснаго арабскаго коня и шаль для моей жены, извиняясь, что стоимость шали не особенно велика, такъ какъ у него при себѣ ихъ осталось немного, а что всѣ лучшія въ лагерѣ.

По возвращеніи моемъ въ Бухарестъ, я ему послалъ хорошую запряжку на шесть русскихъ лошадей.

Разговоръ, который я имѣлъ съ этимъ оригинальнымъ человекомъ, очень интересенъ. Въ немногихъ словахъ я объяснилъ ему смыслъ моей миссіи, я ему сказалъ, что глубокое уваженіе и довѣріе, которыя къ нему питалъ главнокомандующій, заставили послѣдняго просить его опредѣлить съ нимъ однимъ условія мира, основаніемъ которыхъ я предложилъ р. Сереть, какъ границу.

Онъ подумалъ минуту и затѣмъ произнесъ свою знаменитую рѣчь.

„Я тронуть довѣріемъ и уваженіемъ Кутузова; мои чувства къ нему есть и будутъ такія же, какія были и раньше; я его зналъ, еще когда онъ посломъ пріѣзжалъ въ Константинополь, и съ тѣхъ поръ я чувствую къ нему самое искреннее расположеніе. Я люблю русскихъ, мнѣ пришлось быть у нихъ плѣнникомъ; я тогда былъ еще маленькимъ офицеромъ, и они ко мнѣ относились съ поразительной заботливостью, интересомъ и даже уваженіемъ. Если бы не проклятый этикетъ моего настоящаго положенія, который меня страшно стѣсняетъ, я бы просилъ Кутузова пріѣхать въ Журжево, гдѣ я бы его встрѣтилъ. Тотъ же самый этикетъ мѣшаетъ Кутузову пріѣхать сюда. Мы могли бы встрѣтиться посреди Дуная, въ лодкахъ, но это было бы комично, а во-вторыхъ, то, что мы говорили, не было бы секретно. Во всякомъ случаѣ, вы пріѣхали ко мнѣ, вы пользуетесь довѣріемъ Кутузова и заслуживаете моего. Я слышалъ о вашей репутаціи и буду съ вами говорить откровенно. Вотъ мои взгляды. Стыдитесь, вы, которые обладаете $\frac{1}{4}$ земного шара, воюете изъ-за нѣсколькихъ вершковъ земли, которая вамъ даже ненужна (онъ былъ правъ) и при какихъ обстоятельствахъ? Когда вы должны ожидать нападенія Наполеона, который увлекъ за собой половину Европы противъ васъ! Я бы могъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы отказать заключить миръ, что даетъ мнѣ право притянуть къ себѣ армію, которая вамъ очень нужна и можетъ васъ спасти (онъ былъ правъ). Я могъ бы способствовать вашей гибели, продолжая жестокую и затруднительную для васъ войну, но я смотрю дальше, спасая васъ, мы спасаемъ самихъ себя, послѣ вашей гибели (если бы это совершилось) сдѣлаемъ жертвами Наполеона мы¹⁾, и я хочу предотвратить это двойное несчастье.

Безъ Испаніи, которая меня удивляетъ, и которою я восхищаюсь,

¹⁾ Дѣйствительно, послѣ того, какъ Наполеонъ насъ покорилъ бы, онъ хотѣлъ идти на турокъ, а затѣмъ черезъ Азію, въ Индію. Но какъ могъ это знать Ахметъ? Маркизь де-Маскарель говоритъ по этому поводу про знатныхъ людей: „они знаютъ все, не зная ни чего“.

вы бы уже цѣлый годъ воевали съ Франціей. Въ Европѣ только три государства остались самостоятельными: Англія, Россія и мы. Соединимся мы двое противъ нашего общаго врага, всякая капля крови, пролитая нами въ этомъ фатальномъ сраженіи, будетъ для Наполеона каплей яда. Какъ вы не понимаете этого? Я вамъ отдаю Прутъ и ничего больше. Прутъ или война? Наши жертвы огромны; одинъ Измаилъ вамъ много заплатилъ (онъ былъ все время правъ), а вы имѣете еще 4 крѣпости и одну чудную провинцію“.

„Вотъ условія мира, въ остальныхъ частностяхъ мы легко сойдемся и обсудимъ ихъ“.

Я ничего не могъ отвѣтить на эту энергичную, умную, полную смысла рѣчь. Я подумалъ только: меня страшитъ умъ этого человека. Генералъ Эссенъ, Пизани и я не могли въ себя придти отъ удивленія, услыхавъ этого бывшего матроса, пирата, безъ образованія, не умѣющаго ни читать, ни писать, рѣшающаго важнѣйшіе политическіе вопросы Европы такъ сознательно и логично.

Я думалъ сначала, что Пизани составлялъ фразы; но онъ переводилъ слово въ слово, и я заставилъ его повторять каждую фразу.

Рѣчь этого визиря, достойная знаменитѣйшихъ дипломатовъ Европы, произвела глубокое впечатлѣніе на Кутузова, когда, на слѣдующій день, я пріѣхалъ отдать ему отчетъ о моей поѣздкѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что, не питая онъ ко мнѣ такого довѣрія, онъ не повѣрилъ бы этому чуду. „Садитесь къ этому столу, продолжалъ онъ, и напишите слово въ слово вашъ разговоръ съ великимъ визиремъ“. Я исполнилъ его приказаніе, затѣмъ онъ взялъ перо и собственноручно написалъ Императору Александру письмо, при которомъ отправилъ мою записку.

Я почти увѣренъ, что это письмо Кутузова имѣло громадное вліяніе на миръ, который онъ имѣлъ счастье заключить до пріѣзда Чичагова, но это вліяніе нѣкоторое время не обнаруживалось.

Кутузовъ просилъ меня снова поѣхать въ Рущукъ, предупредить визиря, что онъ увѣдомилъ о его предложеніяхъ Императора и надѣется въ скоромъ времени получить благопріятный отвѣтъ.

Я вторично отправился въ Рущукъ, въ сопровожденіи генерала Турчанинова. При второмъ свиданіи съ великимъ визиремъ, я былъ принятъ съ такимъ же церемоналомъ, какъ и въ первый разъ. Меня угостили такою же музыкой, я также обѣдалъ съ великимъ визиремъ, но разговоръ не былъ вѣденъ только о политикѣ, мы говорили о военномъ дѣлѣ, и его признанія (быть можетъ черезъ чуръ искренныя) изъ устъ великаго визиря меня бы сильно удивили, если бы я не зналъ, что онъ партизанъ-фанатикъ новой системы регулярнаго войска.

Онъ мнѣ жаловался на составъ и недисциплину своихъ войскъ. „Какая чудная организація въ вашей арміи! Какая рѣдкая іерархія подчиненности (субординація)! Кутузовъ передаетъ вамъ приказанія, вы ихъ передаете Эссену, Эссенъ слѣдующему, и все идетъ, какъ слѣдуетъ, а я? Я, великій визирь, долженъ быть во главѣ всѣхъ нападеній, если я только хочу, чтобы мои люди дрались бы.

„Вы меня ранили на аванъ-постахъ, я васъ видалъ, мы оба были не на своихъ мѣстахъ, но если бы не я, никто не пошелъ бы. Вы имѣете каждый день правильный отчетъ о состояніи вашей арміи, а я никогда не знаю, что я имѣю въ своей ¹⁾. Я принужденъ созывать банды разбойниковъ. Одинъ начальникъ, имѣя 500 человекъ, бралъ провізіи на 2.000 человекъ. Одинъ байрактаръ долженъ имѣть подъ начальствомъ у себя не менѣе 100 человекъ, а онъ порою не имѣетъ и 20-ти.

„Послѣ пораженія, половина моей арміи дезертируетъ, можемъ ли мы долго воевать съ вами?

„Если бы мы имѣли регулярную пѣхоту, тогда бы наша громадная кавалерія могла бы быть страшной; она уничтожила бы всѣ непріятельскія войска, которыя наводились бы на нее нашими пѣхотинцами. Я бы желалъ въ предстоящемъ сраженіи между вами и Наполеономъ командовать у васъ кавалерійской линіей. Съ ея помощью и съ вашей пѣхотой и артиллеріей вскорѣ не осталось бы въ живыхъ ни одного француза“.

Замѣтивъ, что я смѣюсь при послѣднемъ его выраженіи, онъ прибавилъ: „вы полагаете, что я шучу? нѣтъ, серьезно; я бы считалъ за величайшее счастье драться въ вашихъ рядахъ; я люблю войну и провелъ въ ней почти всю свою жизнь и смотрите“, сказалъ онъ, снимая свой тюрбанъ, „смотрите мою голову (она была разсѣчена ударами сабель). Я получилъ 50 подобныхъ ударовъ, сражаясь за моего повелителя противъ разбойниковъ“. Ахметъ былъ человекъ лѣтъ 50-ти приблизительно, средняго роста, смуглый съ оставшимися знаками вѣтряной осы и краснухи, волосатый до концовъ пальцевъ; съ ужасной фізіономіей и видомъ профессиональнаго разбойника, но глаза у него были живые и умные.

Я никогда не могъ понять, что заставило турокъ принять нашу

¹⁾ Турецкая армія можетъ быть сравнима съ эмигрирующей націей; несмѣтное число безполезныхъ личностей слѣдовало за нею; когда говорили, что турокъ 10.000, навѣрное $\frac{2}{3}$ изъ нихъ—слуги, кушцы, иностранцы, греки, жиды, армяне и т. д. Каждый турокъ, офицеръ или чиновникъ, имѣетъ при себѣ толпу паразитовъ, проживающихъ въ арміи безъ всякой пользы.

миръ столь необходимый для насъ ¹⁾). Я убѣжденъ, что ни одинъ членъ турецкаго конгресса не былъ ни подкупленъ, ни ожидалъ какихъ-нибудь благъ.

Самый значительный изъ нихъ, Галибъ, былъ бѣденъ и остался бѣднымъ. Князь Мурузи тоже не нуждался въ нашей протекціи, чтобы получить мѣсто господаря. Въ ожиданіи 6-ти мѣсячнаго мира, человекъ, даже не погруженный въ военное или дипломатическое дѣло, могъ ясно увидѣть, что мы сами собой принуждены были бы отступить за Днѣстръ. Какая же была причина заключать этотъ миръ, удобный для насъ? То, что мнѣ высказалъ великій визирь, могло имѣть вліяніе только на глубокомысленныя и предусмотрѣнныя предположенія этого удивительнаго человека, да на умнаго и очень образованнаго Галибъ-Еффеңди, но безъ сомнѣнія не могло вліять на другихъ министровъ и на султана. Меня увѣрили, что бѣдствіе арміи такъ испугало великаго повелителя, что онъ еще болѣе сталъ страшиться янычаръ и приказалъ визирю заключить миръ, котораго желали послѣдніе и народъ.

Откинувъ все эти причины и наши послѣдніе неожиданныя успѣхи, мы были счастливы стоять на Днѣстрѣ и вернуться къ прежнему положенію. Казалось, великій визирь думалъ, что сохраненіе его собственной головы зависѣло отъ этого мира, котораго онъ хотѣлъ и долженъ былъ заключить. Въ общемъ, надо было надѣяться на Русскаго Бога (Roussky-Bog), такъ какъ извѣстно, что все имъ удается на войнѣ и въ дипломатіи.

Ахметъ сильно беспокоился за свою судьбу, такъ какъ имѣлъ основаніе опасаться, какъ приметъ султанъ вѣсть о гибели своей арміи. Онъ старался не выказывать своихъ тревогъ; усугублялъ свою строгость, продолжалъ рубить головы и не былъ увѣренъ, сбережетъ ли еще свою на 24 часа ²⁾). Великій визирь, кончающій

¹⁾ (1827). Позднѣе мы увидимъ настоящую причину 1-ой части кампаніи 1812 г.

²⁾ (1827). Онъ ее сохранилъ, но былъ оставленъ и сосланъ, благодаря интригамъ посла Наполеона г-на Андреоса, который имѣлъ несчастье прѣхать въ Константинополь послѣ подписанія договора и, чтобы отомстить, открылъ глаза султану о невыгодности этого мира. Ахметъ умеръ два года спустя, въ своей семлѣ. Галибъ-Еффеңди былъ отосланъ въ маленькую деревню въ М. Азіи, куда онъ былъ сосланъ послѣ того, какъ былъ великимъ визиремъ. Князь Дмитрій Мурузи былъ казненъ въ Шумлѣ, по приказанію великаго визиря, замѣнившаго Ахмета. Но турецкая политика мало занялась этимъ злодѣйствомъ, также и интригами принца Карауса, называвшаго себя валахскимъ княземъ, который видѣлъ въ лицѣ Мурузи себя конкурента и боялся, что тотъ займетъ его мѣсто. Это одинъ изъ обыкновенныхъ случаевъ у фанаріотовъ. Россія будетъ вѣчно обязана г-ну Андре-

свою карьеру обыкновенно въ ссылкѣ или фатальной веревкой, ожидающей каждую минуту быть наброшенной на его шею, въ обыкновенное время чрезвычайно могущественъ; онъ можетъ отрубать головы, онъ единственный шефъ арміи, политики и внутреннихъ дѣлъ. Эти привилегіи превосходны, но перспектива, которую великій визирь всегда помнитъ, должна сильно отравлять наслажденія его деспотизма, если только деспотизмъ можетъ имѣть наслажденія.

Приложеніе.

Документальныя записки.

- 1) Рапортъ графа Ланжерона военному министру о невозможности предпринять наступательныя дѣйствія въ Болгаріи въ 1811 году.
- 2) Письмо Барклай-де-Толли графу Ланжерону отъ 7-го апрѣля 1811 года.
- 3) Планъ оборонительной кампаніи на Дунаѣ.

Документальныя записки.

А.

Выписка изъ моихъ рапортовъ военному министру Барклай-де-Толли.

Записка, доказывающая невозможность предположенной экспедиціи въ Болгарію, въ началѣ года.

1811.

Когда графъ Каменскій предложилъ Его Императорскому Величеству зимнюю экспедицію съ 50-ью баталіонами, армія, которой онъ командовалъ, состояла изъ девяти дивизій, которыми онъ могъ располагать: 25 баталіоновъ были уже на правомъ берегу Дуная, готовые къ походу, а 25 другихъ должны были ихъ поддерживать. Въ это время непріятельская страна была еще цѣла и вполне могла снабдить продовольствіемъ такое громадное число войскъ, безъ ущерба для магазиновъ.

Взятіе Ловчи, разбитіе лучшихъ войскъ Вемъ-Паши, овладѣніе позиціей турокъ, на которую они больше всего рассчитывали, и

осп. Нѣтъ сомнѣній, что если бы онъ пріѣхалъ во-время (что онъ легко могъ сдѣлать), то помѣшалъ бы миру и намъ пришлось бы плохо. Андреоси путешествовалъ, какъ посланникъ, тогда какъ надо было ѣхать, какъ курьеру, онъ вездѣ останавливался и пріѣхалъ, когда миръ былъ уже заключенъ.

внезапная остановка всѣхъ операцій, которыя они имѣли въ виду, чтобы отнять у насъ Плевну, породили въ нихъ ужасъ и не было сомнѣнія, что если бы корпусъ принца Евгенія Вюртембергскаго собрался въ Плевнѣ 12-го февраля по плану главнокомандующаго, онъ могъ бы овладѣть безъ особенной трудности Врацей и Тырновомъ и можно было бы даже попробовать перейти Балканы, не имѣя намеренія удержаться тамъ долго, въ виду трудности продовольствія зимой въ странѣ, которая представляетъ къ тому меньше средствъ, чѣмъ равнины, расположенныя между этими горами и Дунаемъ.

Вызовъ пяти дивизій изъ Молдавской арміи, находившейся тамъ, уменьшилъ ее въ 4 раза, а болѣзнь главнокомандующаго сдѣлала невозможнымъ продолжать эту экспедицію, которая могла быть поддерживаема только значительными средствами, и нравственное вліяніе было уже нарушено съ того момента, какъ турки узнали объ уменьшеніи нашихъ силъ. Прошедшее время дало возможность врагамъ оправиться отъ перваго страха и укрѣпиться, какъ только они могли во всѣхъ пунктахъ, которые намъ надо было атаковать, чтобы попасть на Балканы. Во Врацѣ они имѣли 7.000 чел. съ 10-ю или 15-ю пушками, подъ командою босняка Розъ-Вели и Усуфы-Аги, лучшихъ изъ партизановъ. Позиція въ Врацѣ была для нихъ чрезвычайно важна, такъ какъ она находилась въ тылу нашего движенія къ Софіи; кромѣ того Ессини-Бей командовалъ въ Этрополѣ 5.000-мъ войскомъ изъ Азіи и каракалпаковъ, и эту позицію, въ сущности довольно маловажную, цѣльзю было взять, не имѣя корпуса на Искерѣ, чтобы сдѣлать шагъ къ Врацкому и Тырновскому гарнизонамъ. Этотъ послѣдній могъ развернуться въ 7.000 человекъ (включая помощь, только что полученную ими) съ 17-ю пушками. Взятіе этого мѣстечка не могло быть особенно полезнымъ для экспедиціи на Софію и не произвело бы сильнаго впечатлѣнія на турокъ. Только въ томъ случаѣ, если бы признали необходимымъ занять для наступательныхъ дѣйствій всѣ выходы Балканъ, которыми можно было бы овладѣть съ Тырнова, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ было бы очень трудно; тѣмъ болѣе, въ случаѣ отступленія это движеніе было бы бесполезно и даже опасно, такъ какъ Враца была уже занята.

Раньше всего надо обратить вниманіе на Врацу, если только будетъ признано необходимымъ совершить экспедицію по ту сторону Дуная.

Интересно рассмотреть, достигнетъ ли эта экспедиція желаемыхъ результатовъ, а именно: 1) скрыть обратное возвращеніе 57-ми дивизій, 2) рѣшительнымъ ударомъ заставить турокъ заключить миръ; и 3) отнять всѣ средства у турокъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ

на Дунаѣ. Ваше превосходительство прекрасно знаете сами, что касается перваго пункта. Турки были уже увѣдомлены объ уменьшеніи Молдавской арміи. Относительно же втораго пункта, они отлично понимали, что послѣ этого уменьшенія намъ невозможно будетъ удержаться на Дунаѣ. Предположивъ даже, что мы бы взяли все, что находится по эту сторону Балканъ, они бы перешли на другую ихъ сторону и никогда не согласились бы на миръ, будучи хорошо увѣренными въ невозможности съ нашей стороны долго вредить имъ. Слѣдовательно, единственно видимыя преимущества, которыя мы могли извлечь изъ подобной экспедиціи (предположивъ, что она удалась),—это разрушить всѣ деревни, находящіяся между Балканами и Дунаемъ, и увести всѣхъ жителей въ Молдавію. Но такимъ образомъ, мы не отнимали возможности у турокъ атаковать насъ со стороны Никополя и усиливали тяжелое впечатлѣніе на жителей своими опустошеніями ихъ страны. Тѣмъ не менѣе, мы имѣли только ту выгоду, что въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ могли продовольствоваться на счетъ этой страны 16.000 человекъ, безъ всякаго расхода съ нашей стороны. Такимъ образомъ, мы лишали себя единственной позиціи, на которой въ будущемъ намъ возможно было прямо основаться на другой сторонѣ Дуная, дабы, имѣя возможность сдѣлать какую бы то ни было экспедицію, безъ того, чтобы не тащить за собой громаднѣйшій обозъ и провіантъ, существенно важно не разорять тѣ земли, по которымъ мы проходимъ и откуда мы были принуждены доставать продовольствіе. И такъ, намѣренія Императора не могли быть приводимы въ исполненіе экспедиціей такого рода. Предположивъ даже, что я имѣлъ бы возможный успѣхъ, но этотъ успѣхъ съ тѣми средствами, которыми я могъ располагать, какъ въ продовольственномъ отношеніи, такъ и съ дѣйствительными силами, не могъ быть настолько серьезень, чтобы безъ колебанія предпринять указанную экспедицію. Защищая всѣ позиціи, которыя необходимо надо было стеречь, я могъ располагать только 8.000 чел. пѣхоты и кавалеріи. Съ такими силами брать укрѣпленія, защищаемыя должнымъ числомъ турокъ и вооруженными разбойниками, которыхъ нельзя упрекнуть въ трусости, вещь невозможная. Несмотря на самыя лучшія распоряженія, можно было бы потерпѣть неудачу, чего необходимо опасаться, въ виду сильнаго нравственнаго вліянія какъ на нашихъ солдатъ, такъ и на непріятеля. Турки, опечаленные потерями подъ Ловчей, боялись еще насъ и продолжали думать, что ихъ ретраншаменты не дѣлаютъ ихъ непобѣдимыми. Одна неудача возвратила бы имъ прежнюю вѣру, а большой успѣхъ навелъ бы на нихъ новый ужасъ (безъ чего ихъ нельзя было принудить къ миру).

Мнѣ кажется, что, принявъ оборонительное положеніе, не предпринимая другихъ операцій, мы сохранимъ славу, прибрѣтенную въ прошедшей блестящей кампаніи, и увѣримъ себя въ новыхъ успѣхахъ!

В.

Барклай-де-Толли графу Ланжерону 7-го апрѣля 1811 года.
Письмо главнокомандующаго.

Графъ!

Всякій разъ, какъ я имѣю удовольствіе получить ваши реляціи, я считаю своимъ долгомъ представить ихъ очамъ Его Императорскаго Величества Государя, который благоволяетъ обозначать ихъ помѣтками, выражающими его искреннее удовольствіе. Я не замедлилъ также представить ему послѣднее письмо Вашего Сіятельства и спѣшу увѣрить Васъ, графъ, что расположеніе Его Величества къ вамъ настолько благопріятно, на сколько Вы бы того желали. Императоръ былъ радъ случаю для, такъ сказать, болѣе близкаго знакомства съ генераломъ, извѣстнымъ своими талантами и умомъ. Прочитавъ съ интересомъ Ваши различные рапорты, Его Величество съ удовольствіемъ сохраняетъ ихъ какъ доказательство Вашего усердія къ службѣ и Вашихъ способностей, благодаря чему Вы приобрѣли его расположеніе. Я далеку отъ мысли даже выразить Вамъ малѣйшее неудовольствіе Его Величества. Императоръ никогда не захочетъ требовать отъ своихъ генераловъ невозможнаго или несогласнаго съ долгомъ службы, и Вы можете быть увѣрены, графъ, что Его Величество Васъ уважаетъ и пребываетъ къ вамъ особенно благосклоненъ. Съ невыразимымъ удовольствіемъ передаю Вамъ это и, пользуясь случаемъ, прошу принять и т. д.

С.-Петербургъ, 7-го апрѣля 1811 года. Барклай-де-Толли.

С.

Планъ оборонительной кампаніи на Дунай.

(Посланный военному министру).

На случай, когда обстоятельства принудятъ Молдавскую армію, уменьшенную на 4 дивизіи, принять оборонительный образъ дѣйствій, имѣю честь представить Вашему Сіятельству планъ кампаніи этого года.

Силы арміи составляли 70 баталіоновъ, 80 эскадроновъ, 14 казачьихъ полковъ (изъ которыхъ два назначены для магазиновъ и для главной квартиры), 7 батарей 12 фунт. пушекъ, 7 конной

артиллеріи, 5 ротъ осадной артиллеріи, 4 понтонныхъ роты, 4 батальона пандуровъ (венгерскіе пѣшіе солдаты) и 500 хорватовъ.

Всѣ эти войска, соединенныя вмѣстѣ, равнялись 50 или 60.000 чел.; ужасный климатъ этой страны, особенно на лѣвомъ берегу Дуная, къ несчастью заставляеть насъ предвидѣть еще большее сокращеніе арміи; въ августѣ мѣсяцѣ, когда климатъ становится самымъ вреднымъ и когда начнутся оборонительныя операціи со стороны турокъ, я думаю, что наша армія тогда можетъ выставить не болѣе 45.000 вооруженныхъ людей.

Операціонная линія, тянувшаяся отъ Килии до центра Сербіи, имѣла болѣе 1.000 верстъ, но я предполагаю, что 45.000 человекъ будетъ достаточно для защиты страны, которой Дунай и наша флотилія такъ сильно способствуютъ.

Турки не настолько образованы, чтобы они сами могли составить разумный планъ кампаніи, но возможно, что они могутъ воспользоваться совѣтами европейскихъ офицеровъ, которые руководятъ ихъ операціями. Совершивъ уже 7 кампаній въ этой странѣ, я изучилъ ее во всѣхъ ея подробностяхъ и предполагаю, что переходъ Дуная со стороны турокъ могъ быть испробованъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но все это не могло имѣть серьезныхъ послѣдствій.

Они думаютъ попробовать переправиться въ Бессарабію, но эта разоренная страна отъ Варны до Тульчи-Исакии никакъ не можетъ быть годной для ихъ предпріятій. Отъ Браилова до Силистріи переходъ Дуная невозможенъ. Въ Силистріи же онъ возможенъ, такъ какъ тамъ есть мостъ, по которому и совершаются всегда переходы. Въ Туртукаѣ онъ также невозможенъ. Отъ Туртукая до Рущука и Систова онъ невозможенъ, вслѣдствіе занятія—Рущука. Между Ольтой и Жіа онъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Въ общемъ (исключая Виддинъ), благодаря нашей флотиліи, я думаю мы съумѣемъ защитить этотъ переходъ Дуная, но въ Виддинѣ переходъ очень возможенъ, такъ какъ ему помогаетъ крѣпость а также, находящаяся тамъ турецкая флотилія.

Въ Виддинѣ начальствуетъ Мулла-Паша, преемникъ Пасванъ-Оглы; онъ болѣе торговый человекъ, чѣмъ воинъ. Онъ совершенно независимъ и, кажется, не хочетъ допустить прибытіе къ нему турецкихъ войскъ. Я считаю необходимымъ (и я уже сдѣлалъ по этому поводу всѣ необходимыя распоряженія) привязать его къ себѣ какими-нибудь торговыми выгодами; я думаю, что это мнѣ удастся, и тогда это будетъ счастливымъ для насъ событіемъ.

У него есть флотилія, которую я бы не желалъ, чтобы онъ передавалъ туркамъ, но можетъ быть онъ будетъ вынужденъ это

сдѣлать. Въ такомъ случаѣ, первымъ долгомъ моимъ будетъ атаковать и разрушить эту флотилію, какъ только она выйдетъ. Графъ Каменскій предлагалъ Вашему Сіятельству срыть Никополь и Силистрію, какъ это было сдѣлано съ Систовомъ.

Никополь, построенный на 5 горахъ, и не способенъ ни къ какой защитѣ. Силистрія находится отъ него въ 6 миляхъ и требуетъ по крайней мѣрѣ 6.000 человекъ, т. е. 12 нашихъ батальоновъ.

Я вполне соглашаюсь съ графомъ Каменскимъ и считаю необходимымъ срыть эти двѣ крѣпости, но покуда ничто еще насъ не торопитъ.

Что же касается Рущука, то его необъятность дѣлаетъ защиту очень трудной, такъ какъ онъ требуетъ по меньшей мѣрѣ 7 или 8.000 человекъ противъ серьезной атаки.

Я осмѣлюсь предложить Вашему Сіятельству мои взгляды по этому поводу. Если причины, заставляющія насъ—собрать войска на нашихъ западныхъ границахъ, перестанутъ существовать и если будетъ можно начать наступательную войну, Рущукъ, какъ база, положительно невозможенъ; это центръ, откуда могутъ начаться всѣ операціи. Большія дороги ведутъ изъ этого города въ Шумлу, Тырново и Шлевну, и самъ городъ географическимъ положеніемъ страны назначенъ быть какъ депо. Силистрія, по правдѣ сказать, находится ближе къ нашимъ транспортамъ, прибывающимъ изъ Молдавіи и Польши, но разница только въ 60 верстахъ: отъ Бузео до Силистріи 120 верстъ, а отъ Бузео до Рущука 180 вер. Но, если война возгорится съ другой стороны и мы потеряемъ всякую надежду продолжать эту наступательную войну, я бы также предложилъ срыть и Рущукъ.

Составъ почвы мѣшаетъ хорошо укрѣпить мостъ, и малѣйшій вѣтеръ, своимъ дуновеніемъ, сноситъ его и разрушаетъ. Необходимо проложить и поддерживать фашинную дорогу изъ Журжи въ Рущукъ, гдѣ мѣстность часто бываетъ затоплена, особенно много воды бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ, когда снѣгъ въ горахъ Венгріи начинаетъ таять и стекаетъ по склону ихъ быстрыми потоками.

Построивъ мостъ въ 7 верстахъ ниже Рущука, гдѣ онъ былъ и въ прошломъ году, и соорудивъ недоступное предмостье, окруженное волчьими ямами, мы имѣли бы тѣ же выгоды, что и при обладаніи Рущукомъ. Мостъ былъ бы лучше защищенъ, а предмостное укрѣпленіе, для своей охраны, требовало только 3 или 4 батальона.

Украинскій и Бѣлостокскій полки, замѣнившіе въ 8-ой и 10-ой дивизіи Московскій и Кіевскій полки, имѣютъ еще вторые

батальоны въ Одессѣ. Я прошу Ваше Сіятельство повелѣть имъ присоединиться къ своимъ полкамъ, тогда въ нашей арміи будетъ 72 батальона. Я прилагаю здѣсь распредѣленіе арміи. Ваше Сіятельство увидите, что собираю всѣхъ, кого только могу, что бы не раздѣлять войска и перенести достаточно силъ на угрожаемый пунктъ.

Въ случаѣ же перехода турокъ черезъ Дунай, не надо имъ давать возможности долго оставаться на лѣвомъ берегу, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе очень быстро укрѣпляться и въ 4—5 дней построить у себя сильныя ретраншаменты. Если же турецкій отрядъ захотѣлъ бы направиться въ Силистрію и Никополь, то можно тогда перейти Дунай у предмостнаго укрѣпленія и напасть на непріятели тамъ, гдѣ его застанутъ. Часто нѣкоторыя наступательныя движенія служатъ лучшимъ средствомъ для защиты.

Наконецъ, если морскіе берега хорошо защищены и не вызываютъ никакого безпокойствія о себѣ отъ Кюстенджи до Аккермана, тогда я предложилъ бы перейти къ Траянову валу, который всего въ 60 верстахъ изъ Черноводъ въ Кюстенджи.

Укрѣпивъ эти два пункта и имѣя войска въ Карассу, странѣ совершенно безлѣсной, но покрытой озерами и рѣками и гдѣ 10.000 русскихъ могутъ разбить 50.000 турокъ, мы укорачиваемъ такимъ образомъ операціонную линію на 500 верстъ и угрожая турецкому правому флангу, мы можемъ остановить ихъ операцію и помѣшать имъ вывести свои войска изъ Шумлы и Варны.

Вотъ что я имѣю честь предложить Вашему Сіятельству, прося Васъ прислать мнѣ Ваши приказанія какъ можно скорѣе. Мнѣ было бы очень нужно получить ихъ около 4-го апрѣля. Теперь же, до 1-го іюня намъ нечего бояться никакихъ предпріятій со стороны турокъ.

Распредѣленіе войскъ.

I. Сербскій отрядъ.

- 9 баталіоновъ, включая тѣхъ, которые были въ Бѣлградѣ.
- 10 эскадроновъ.
- 2—казацкихъ полка.
- 6—12-ти фунтовыхъ пушекъ.
- 12 пушекъ конной артиллеріи.
- 300 кроатовъ.

II. Правый корпусъ въ Малой Валахіи.

- 4 баталіона.
- 4 пандурскихъ полка.

- 15 эскадроновъ.
 - 2 казачьихъ полка.
 - 18—12-ти фунтовыхъ пушекъ.
 - 12 пушекъ конной артиллеріи.
- III. Главныя силы близъ Бухареста.
- 19 баталіоновъ (и 21, если вторые баталіоны Украинскаго и Бѣлостокскаго полковъ соединятся — съ нами).
- IV. Тырновскій гарнизонъ.
- 2 баталіона.
 - 1 казачій полкъ.
- V. Журжевскій гарнизонъ.
- 1 баталіонъ.
- VI. Лѣвый корпусъ въ Слободзеѣ на Ялашиницѣ.
- 6 баталіоновъ.
 - 15 эскадроновъ.
 - 1 казачій полкъ.
 - 12—12-ти фун. пушекъ.
 - 12 пушекъ конной артиллеріи.
- VII. Браиловскій гарнизонъ.
- 3 баталіона.
 - 1 казачій полкъ.
 - 1 рота піонеровъ.
- VIII. Отрядъ въ Табакѣ и Бессарабіи.
- 3 баталіона.
 - 5 эскадроновъ.
 - 1 казачій полкъ.
 - 12—12-ти фун. пушекъ.
 - 12 пушекъ конной артиллеріи.
- IX. Измаильскій гарнизонъ.
- 4 баталіона, изъ которыхъ одинъ въ ретраншаметахъ, вновь выстроенныхъ на островѣ Чаталѣ.
- X. Килійскій гарнизонъ.
- 2 баталіона.
- XI. Рущукскій гарнизонъ.
- 9 баталіоновъ.
 - 1 казачій полкъ.
 - 1 рота піонеровъ.
- XII. Для службы на флотѣ.
- 3 баталіона.

XIII. Флотилія въ устьяхъ Ольты.

- Въ Рущукѣ.
- „ Браиловѣ.
- „ Измаилѣ.
- „ Сушинскомъ рукавѣ.

XIV. Осадная артиллерія въ Гальбенѣ между Фальчи и Бендерами и артиллеристы въ крѣпостяхъ для понтонной службы.

XV. Большіе продовольственные магазины.

- Въ Слатинѣ на Ольтѣ.
- „ Бухарестѣ.
- „ Бузео.
- „ Фальчи.

XVI. Малые магазины.

- Въ Сербіи.
- „ Краіовѣ.
- „ Бузео между Бухарестомъ и Ольтой.
- „ Капачени на Аржицѣ.
- „ Слободзеѣ.
- „ Табакѣ.
- „ Крѣпостяхъ.

XVII. Положеніе артиллеріи въ кампаніи.

- Въ Бухарестѣ.
- „ Текучѣ.

Примѣчанія.

1-е. Я полагаю необходимымъ имѣть войска у сербовъ. Эта нація, у которой я былъ въ 1809 году, и которую я считаю весьма храброй, но способной къ быстрому упадку духа, требовала поддержки. Одинъ русскій отрядъ усилилъ бы сербовъ, устранилъ бы турокъ и помогъ бы нашему правому флангу, такъ какъ, если бы турки взяли бы за перестройку Кургузовицы, Баніи, Брегова, Неготины, Дуду и Бирзы-Поланки, они бы легко могли перейти Дунай или въ Бирзѣ-Поланкѣ или черезъ островъ Ольмаръ, тѣмъ болѣе, что наша флотилія не могла тутъ появиться.

Этому сербскому отряду суждено не только защищать страну, но даже вести наступательную войну съ турками противъ Ниссы, что могло произвести огромную перемѣну въ ихъ счастье и въ нашемъ.

Дѣйствительно, если можно было кого опасаться, такъ это австрійцевъ, отрядъ—сильно рисковалъ, но я надѣюсь, что мы могли быть увѣрены въ немъ.

2-е. Правый корпусъ, размѣщенный въ Краіовѣ, предполагалъ двигаться черезъ Черой на Калафатъ, противъ Виддина, или налѣво, между двумя рѣками: Ольтой и Жіо. Достаточно было 50-ти казаковъ и 200-ти пандуровъ, чтобы наблюдать за Орговскимъ гарнизономъ въ Чернецѣ.

3-е. Главный корпусъ, расположенный близъ Бухареста и въ его окрестностяхъ, которыя я считалъ менѣе вредными, могъ бы быстро перейти въ Малую Валахію или въ Рущукъ, противъ Силистріи по Аирѣ и по Аржишъ; всё сообщенія были бы быстры и надежны.

4-е. Турно прекрасная маленькая крѣпость; ея положеніе мѣшало бы предпріятіямъ турокъ близъ Никополя и помогало бы нашей флотиліи, которая была бы въ устьѣ Ольты

5-е. Одного баталіона было бы достаточно въ Журжевѣ, которому мало угрожало.

6-е. Слободзейскій корпусъ слѣдуетъ за Силистріей, находясь въ 120 вер. отъ Журжево и 70 вер. отъ Браилова.

7-е. Трехъ баталіоновъ было довольно въ Браиловѣ, который, я считаю, больше подвергался опасности, а Слободзейскій корпусъ и отрядъ въ с. Табакъ можетъ быстро придти туда на помощь. Я принимаю на себя налзоръ и руководство работъ въ этой крѣпости.

8-е. Табакскій отрядъ можетъ быстро подать помощь Измаилу и Браилону или на берегу моря, если бы турки стали угрожать десантомъ.

Его расположеніе было хорошее, здоровый воздухъ, чистая вода; я тамъ пробылъ въ лагерѣ два года подрядъ.

9-е и 10-е. Измаилъ и Килія находятся въ лучшемъ оборонительномъ положеніи.

11-е. Для Бухареста не хватило бы 9-ти баталіоновъ, въ случаѣ серьезной атаки; но если бы подобная опасность угрожала ему, они могли бы тотчасъ же получить помощь изъ главныхъ силъ.

12-е. Для службы въ флотиліи необходимо имѣть три баталіона и даже больше.

13-е. Такъ какъ легче спускаться внизъ по рѣкѣ, чѣмъ подниматься вверхъ, я помѣстилъ бы одинъ болѣе сильный отрядъ флотиліи въ устьяхъ р. Ольты, другой, очень маленькій—передъ Рущукомъ и близъ Туртукая, еще такой же маленькій—передъ Браиловомъ и въ Измаилѣ и, наконецъ, самый сильный—въ устьяхъ.

Это весьма важный пунктъ, съ которымъ я хорошо знакомъ, и черезъ который непріятельская флотилія и даже флотъ могли бы войти въ Дунай.

14-е. Осадная артиллерія мнѣ совершенно ненужна; тамъ, гдѣ я ее помѣщу, находятся прекрасныя пастбища для лошадей, и она будетъ ближе къ Польшѣ.

Я передѣлаю всѣ мосты Прута въ Фальчѣ, въ Валодонисѣ, въ Килии, между Рени и Галацомъ и Браиловомъ.

Казачи, отправленные въ разные корпуса, будутъ разставлены вдоль Дуная и передъ Русукомъ, чтобы слѣдить за всѣми движеніями непріятели.

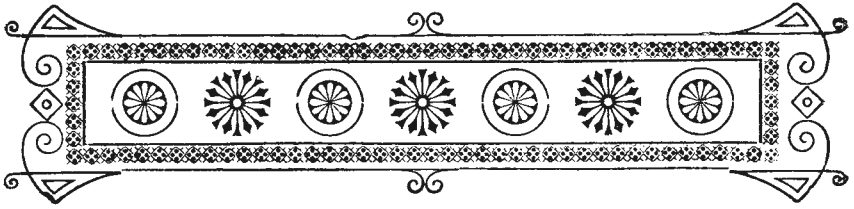
Полевая артиллерія очень значительна и даже черезъ-чуръ многочисленна, такъ что можно будетъ извлечь двѣ батареи 12 фунт. и двѣ—конной артиллеріи.

Понтоны размѣщены будутъ на различныхъ пунктахъ близъ рѣкъ: Ольты, Жіо, Аржицы, Солошицы и т. д.

Сообщилъ Е. Каменскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы для исторіи русской литературы
20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾,

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

36.

29-го мая 1828 г. Шаево.

Хотя на прошедшей почтѣ отправилъ я къ Вамъ, почтенный Николай Ивановичъ, письмо со стихами, и новаго въ Кологривѣ въ теченіи недѣли ничего не послѣдовало, однако самый долгъ повелѣваетъ извѣстить Васъ о полученіи письма отъ 26-го апрѣля съ корабля Парижа; гдѣ-то Вы сегодня, то-есть мѣсяць спустя? пишу и думаю: теперь бы знать хотѣлось, а извѣстіе придетъ, когда уже его опять тамъ не будетъ. Дай Богъ только, что бы Вы турокъ били. Къ слову о войнѣ съ сими чалмоносцами, помните ли Вы, любезнѣйшій, какъ, бесѣдуя съ Вами въ домѣ Паульсона и разложивъ карту, я проповѣдовалъ о нападеніи на нихъ высадкою войскъ изъ Крыма на южный берегъ Чернаго моря? видно я имѣлъ честь сойтись въ мысляхъ съ кѣмъ-нибудь изъ высокихъ особъ, распоряжающихъ военными дѣйствіями, да и турки, кажется, знаютъ вполне важность нападенія съ этой стороны, о которой нынѣ какъ бы въ первые догадались; только пужна сила; а сильны ли Вы тамъ, не знаю. Другой вопросъ: сказывалъ ли я Вамъ когда, что случайно довелось мнѣ однажды, лѣтъ десять тому назадъ, прочитать письмо матери ²⁾ Грибоѣдова къ сыну? Онъ тогда, чиномъ Титуляр-

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1911 г.

²⁾ Настасья Федоровна Грибоѣдова ум. въ 1834 г.

ный Совѣтникъ, вошелъ снова въ службу и собирался въ Персію съ Мазоровичемъ ¹⁾): мать, радуясь его опредѣленію, совѣтовала ему отнюдь не подражать своему пріятелю, *миѣ*, потому де, что эдакъ, прямою и честностью, не выслужишься, а лучше дѣлай, какъ твой родственникъ *такой-то*, который подлець, какъ ты знаешь, и все впередъ идетъ; а какъ же иначе? вѣдь самъ Богъ, кому мы докучаемъ молитвами, любить, чтобъ передъ нимъ мы безпрестанно *кувыркъ да кувыркъ*.—Такъ вѣщала нѣжная мать, и видно Богъ услышалъ ея молитвы и умилелся ея кувырканьемъ, ибо сынъ лезетъ въ гору ужасно; Вы меня увѣдомили о производствѣ его въ Статскіе Совѣтники ²⁾; но съ тѣхъ поръ онъ уже произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе и на правахъ тайнаго фдетъ посланникомъ въ Таврисъ, съ небольшимъ жалованьемъ 7.200 червонцевъ въ годъ: Dieu prodigue ses biens à ceux qui font voeu d'être siens ³⁾. Замѣтите d'abondance ⁴⁾, что всѣ, тако на путь спасенія грядущіе, начинаютъ съ того, что разрываютъ всѣ связи со мною дабы не имѣть впередъ неприятныхъ встрѣчъ. Скажите пожалуйста, нынѣшній Грейгъ ⁵⁾ сынъ что ли Екатерининскаго? Долго ли Вы были въ Крыму? успѣли ли тамъ что осмотрѣть? напримѣръ Георгіевскій (коли не ошибаюсь) монастырь, построенный, если вѣрить преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ древле былъ храмъ Діаны, человѣческою кровью окропляемый, и гдѣ происходитъ дѣйствіе Еврипидовой Ифигени въ Тавридѣ? Вы должны теперь принимать сильнѣйшее прежняго участіе во всѣхъ сихъ греческихъ воспоминаніяхъ, когда вы подвизаетесь за святое Греческое дѣло противъ новѣйшихъ скиѳовъ, людорѣзовъ, коли не людодовъ; и не клеплю ли я на древнихъ? они тоже *только* рѣзали въ честь своей богини, какъ нынѣшніе въ честь своего пророка. Lavigne въ одной изъ новыхъ своихъ Messeniennes, подъ названіемъ: le Vaisseau, кажется, слишкомъ надѣется на силу сего англійскаго корабля, убѣждая его низложить съ грековъ иго Султана: но болѣе одного на это дѣло

¹⁾ 6-го іюля 1818 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персію былъ назначенъ Симонъ (Семенъ) Ивановичъ Мазаровичъ, а секретаремъ при немъ А. С. Грибоѣдовъ, замѣстившій его въ 1828 г., въ званіи полномочнаго министра, (см. о С. И. Мазаровичѣ Архивъ Раевскихъ, релакція и примѣч. В. Л. Модзалевскаго т. I, 1908 стр. 290—291).

²⁾ Грибоѣдовъ произведенъ въ статскіе совѣтники 15-го марта 1828 г.

³⁾ „Богъ расточаетъ блага тѣмъ, которые дали обѣтъ быть ему вѣрными“.

⁴⁾ „Вдобавокъ“.

⁵⁾ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ, адмиралъ, главный командиръ Черноморскаго флота, членъ Госуд. Совѣта, р. 1766, ум. 1845 г., сынъ Самуила Карловича Грейга (1735—1793), героя Чесменскаго боя (1770).

потребуется, и я желаю, чтобъ Ваши одиннадцать, хоть отчасти, исполнили желаніе поэта. Колумбъ его не хорошъ, какъ нѣмцы говорятъ ganz subjectiv, то-есть не вѣщь самое главное, а мнѣніе автора; тутъ въ сновидѣнны вся исторія Америки отъ Кортеса ¹⁾ и Вальверда ²⁾ до Вашингтона и Боливара ³⁾, и (что не совсѣмъ безпристрастно) ни слова нѣтъ о почтенномъ братѣ Лас-Казасѣ ⁴⁾; хуже всего, что самъ Колумбъ не имѣетъ лица и не дѣйствуетъ, и что читатель не перенесенъ ни въ то время, ни въ то мѣсто, а слышитъ въ прекрасныхъ стихахъ декламацію либерала нашихъ дней. Извините, любезнѣйшій, мою болтовню: пишу, что въ умъ бредеть. Дай Богъ только, чтобъ письмо къ Вамъ дошло и застало Васъ, какъ на Руси говорится, въ святой часъ. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

37.

17 іюля 1828 г. Шаево.

Извините, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что отвѣчаю на полу-листъ; судя по себѣ, я полагаю, что и Вамъ письмо пріятнѣе кажется чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше; но теперь я въ хлопотахъ; завтра отправляюсь за двѣсти верстъ изъ Кологривской усадьбы въ Чухломскую. Какія пустыки! подумаете Вы, есть о чемъ хлопотать!—Въ самомъ дѣлѣ, больше поэзіи плыть отъ покоренной Анапы ⁵⁾ къ устьямъ Дуная, мимо Ахилловыхъ береговъ; но при всемъ томъ часто сухая деревенская проза болѣе требуетъ вниманія, попеченія и заботъ, нежели все громкое и блестящее. Чѣмъ долѣе живу въ отдаленной нашей сторонѣ, тѣмъ сильнѣе удостаиваюсь, что здѣсь-то имянно трудъ и есть, котораго уже плоды красуются на вѣтвяхъ и забываютъ о бѣдныхъ корняхъ, роющихъ землю въ темнотѣ. Сельская тишина, миръ полей, пустыя безмысленныя слова столичныхъ богатыхъ жителей, неимѣющихъ никакого понятія о томъ, какъ трудно хлѣбъ сѣять, платить подати, ставить рекрутъ и какъ-нибудь жить; едва большое количество бѣдныхъ и работою изнуренныхъ крестьянъ можетъ содержать одного человѣка сомме il faut. Но оставимъ это и потолкуемъ о другомъ. Съ отъѣзда Вашего я ничего не знаю о литературѣ, никто ко мнѣ не пишетъ

¹⁾ Fernando Cortez, покоритель Мексики, р. 1485 г., ум. въ 1547 г.

²⁾ Vincent de Valverde, ум. въ 1543, спутникъ Пизарро въ Перу.

³⁾ Bolivar у Ponte, прозванный Вашингтономъ Южной Америки; р. 1783 г., ум. въ 1830 г.

⁴⁾ Varthélemy de Las-Casas, епископъ въ Мексикѣ, извѣстный своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ туземцамъ; р. въ 1474 г., ум. въ 1566 г.

⁵⁾ Анапа сдалась 12-го іюня 1828 г.

объ ней, а можетъ быть и писать нечего. Гречевы плутни также мало удивительны, какъ жары въ Юлѣ, но конечно мудро и неловко бороться съ нимъ издали; на его сторонѣ вся выгода мѣстоположенія, онъ засѣлъ въ крѣпости; впрочемъ теперь крѣпости пошли на сдачу, и я увѣренъ, что время и путные люди также выживутъ романтиковъ съ Парнаса, какъ мусульманъ изъ Европы. Вы укоряете меня въ лишннихъ похвалахъ Пушкину; я нарочно перечиталъ и не вижу тутъ ничего чрезмѣрнаго, ни даже похожего на то; я почти опасуюсь, что онъ останется недоволенъ въ душѣ и также будетъ неправъ. На дняхъ, перечитывая Расина, вздумалось мнѣ испытать своихъ силъ надъ всѣмъ извѣстнымъ разказомъ *Терамена* ¹⁾, и злой духъ помогъ мнѣ его откатать довольно скоро; хорошо ли, другой вопросъ, далеко не разрѣшенный; посылаю его къ Вамъ, каковъ онъ ни есть. Во всякомъ случаѣ это дѣло не дурное: родъ задачи, урока, *une étude d'après Raphael*. Я дивлюсь, какъ въ музеяхъ, университетахъ и т. п. не задаютъ молодымъ людямъ съ нѣкоторою способностью къ стихотворству задачъ въ этомъ родѣ; трудясь надъ превосходнымъ образцомъ, вникая въ него прилежно, задорясь не вездѣ по крайней мѣрѣ уступить ему, они бы и поэзію и фактуру стиховъ хорошихъ узнали сами собою въ сто разъ болѣе и лучше, чѣмъ изъ всѣхъ педантическихъ теорій и по пошлымъ предрасудкамъ выбранныхъ примѣровъ. Если издатель Аѳиней Павловъ, то я ничего путнаго не жду; его переводъ Маріи Стюартъ и нѣкоторыхъ сценъ Расиновой Андромахи въдоволь меня съ нимъ ознакомили; а слѣшныя похвалы его дарованіямъ нѣкоторыхъ Московскихъ старо-классиковъ тоже, что похвалы Николеву ²⁾, Шатрову ³⁾ *et compagnie*. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы: *c'est un grand point*; у меня зубы болятъ; несносно. Пишите все въ Кологривъ, ибо я изъ Чухломы черезъ мѣсяць, а много два, возвращусь

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

¹⁾ Изъ „Федры“ Расина. См. соч. Катенина т. II стр. 69—71.

²⁾ Николай Петровичъ Николевъ р. 1758 г., ум. 1815 г., писатель, пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью, авторъ трагедій „Сорена и Замиръ“ (представл. въ 1-ый разъ на Московскомъ театрѣ 12 февр. 1785 г.). См. мой очеркъ, напеч. въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1890, вып. III и IV—V и въ „Русской Поэзіи“ С. А. Венгерова, вып. V (1895).

³⁾ Николай Михайловичъ Шатровъ, поэтъ, р. 1767, ум. 1841 г.; его стихотворенія (3 ч.) изд. въ Сиб. въ 1831 г.

38.

7-го сентября 1828 г. Шаево.

Писать къ Вамъ чаще, говорите Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: очень согласенъ, очень радъ; но о чемъ писать *отъ себя* изъ Кологрива? будь я въ Петербургѣ, дѣло другое: сталъ бы Васъ увѣдомлять о томъ о семъ; но здѣсь мнѣ остается только отъ другихъ ожидать увѣдомленій. Благодарю Васъ за присланныя Вами; Ахилловъ островъ въ особенности любопытенъ, видно по разсказу Вашему, что Фетида не ошиблась въ выборѣ, и что это точно *край неприступный*, о которомъ *въести молва не доноситъ*, хотя изрѣдка случается къ нему приставать мимо плывущимъ и претерпѣвшимъ кораблекрушеніе; вѣрность и точность моего стихотворенія въ этомъ мѣстномъ статистическомъ отношеніи прибавляетъ ему достоинство въ моихъ глазахъ. Вы хвалите стихи второй пѣсни Ада, ничто не можетъ быть мнѣ пріятнѣе, почтенный Николай Ивановичъ; да, Ваше одобреніе всякой разъ утѣшаетъ меня, я въ немъ какъ будто вижу заранѣе судъ не потомства, ибо и послѣ насъ и всегда будутъ дураки en majorité, но лучшихъ, умнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ судей поэзіи и искусства, какіе будутъ со временемъ, и чей голосъ станетъ слышнѣе, когда страсти современныя умрутъ. Лучшая глава Онѣгина, по моему, шестая; я ее недавно прочелъ; въ ней поединокъ Онѣгина съ Ленскимъ; Вы видите, что и самое содержаніе давало много средствъ стихотворцу. Не знаю, что подумать о немъ, тоестъ Пушкинѣ. Еще въ Апрѣлѣ послалъ я къ нему Старую быль и приписку въ стихахъ и письмо въ прозѣ весьма дружеское, le tout черезъ Погодина; не получая отвѣта, писалъ я къ Каратыгину справиться, доставилъ ли Погодинъ мой пакетъ Пушкину; къ сожалѣнію, Каратыгинъ его ни разу не засталъ дома, и съ этой стороны, дѣло по сію пору не разъяснено; между тѣмъ справился я у Погодина, черезъ знакомаго въ Москвѣ, и оказалось, что письмо мое послано куда слѣдовало еще тогда: стало Пушкинъ получилъ и молчитъ: худо; но вотъ, что хуже: К. Н. Голицынъ, мой закадычный другъ, восхищающійся Старой былью и въ особенности пѣснью Грека, полагаетъ, что моя посылка къ Пушкину есть une grande malice; если мой пріятель, другъ, полагаетъ это, можетъ тоже казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знаетъ кошка, чье сало съѣла, но хуже всего то, что я эдакъ могу себѣ нажать новаго врага, сильнаго и непримиримаго, и изъ чего? изъ моего же благого желанья сдѣлать ему удовольствіе и честь: выходить, что я попалъ катилломъ въ рыло. Такъ и быть подожду еще, узнаю на-

вѣрно, черезъ Петербургъ, въ чемъ бѣда, а тамъ думаю объясниться; я не хочу безъ грѣха прослыть грѣшникомъ. Строева статья ¹⁾ точно любопытная, тѣмъ паче, что стихи 1729-го года не совсѣмъ дурны, и нѣкоторые изъ нихъ гораздо лучше фактурою и языкомъ многихъ печатаемыхъ нынче; тонъ Строева тотъ самый, глупый, или, точнѣе сказать, дурачкѣй, какой у насъ вообще въ журнальныхъ статьяхъ и спорахъ о словесности употребляется; въ сравненіи съ Бестужевымъ или Розингомъ это еще хорошій тонъ. Съ позволенія Вашего, я Кафтырева письмо оставляю у себя, въ немъ вѣдь ничего, кромѣ тогоже, что и у Татаринова ²⁾, стало онъ дубликатъ для Васъ лишній, а для меня пригодный. На Павлова плоха надѣжда: метроманъ, безъ дарованія, рѣдко бываетъ, я уже не говорю, умный, но даже честный человѣкъ; иногда явно, а чаще того скрытно ненавидитъ онъ всякаго поэта, чье превосходство надъ собой чувствуетъ, всякую критику основательную, предвидя, что послѣдствія ея для него рано или поздно окажутся вредны. Это чувство живетъ въ нихъ не только къ живымъ, даже къ мертвымъ; они стоятъ упорно за принятія однажды мнѣнія и боятся, если видятъ, что его другой кто хочетъ поколебать; допустивъ это, думаютъ они, и мы подвергнемъ себя утратѣ той части похвалъ или славы, какую уже, благодаря Бога и добрыхъ людей, успѣли нажить, или что еще, принуждены будемъ уступить ее другимъ, которыхъ мы, пока живы, никогда впередъ себя не пустимъ. Крайне бы желалъ я, имъ вопреки, чтобъ Вы вознамѣрились твердо и нашли время заняться порядочно всѣмъ этимъ дѣломъ и обнародовали на счетъ русскаго языка и словесности или поэзіи (ибо, кромѣ ее, что у насъ есть?) мнѣніе толковое, безпристрастное и, такъ сказать, *ученое*, ибо по сіе время болѣе всего губить насъ невѣжество, къ стыду нашего времени господствующее и съ неимовѣрною смѣлостью произносящее вкривь и вкось свои нелѣпыя приговоры. Вы, сударь, не невѣжа; однако ошиблись, и врядъ ли Вамъ долго жить, когда Вы смогли *всклепать*

¹⁾ „Письмо“ Павла Мих. Строева (1796—1876) къ „Издателю Сына Отечества“ (С. О. 1828 г. 118 № 7 стр. 265) касается спора, возникшаго между Полевымъ и М. И. (Бахтиннымъ) о томъ, кто у насъ первый ввелъ тоническое стихосложеніе. Первый приписывалъ это нововведеніе—Ломоносову, второй—Тредьяковскому. Строевъ утверждалъ, что „тоническіе, шестистопные стихи съ цезурою и почти все мужскіе“ были уже извѣстны въ 1729 г. и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ семь стихотвореній, извлеченныхъ имъ изъ „Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ примѣчаній къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ того года.

²⁾ Петръ Петровичъ Татариновъ, пріятель Н. И. Бахтина, умеръ въ чинѣ дѣйств. статск. сов. 14 авг. 1858 г.

на Бюффона; статья объ угрѣ очень глупа, правда; но ее писалъ Lacépède ¹⁾, также какъ и всю исторію рыбъ, уже по смерти G. le Comte de Montbard ²⁾. Достойный сей его преемникъ и треску прославилъ весьма отлично и въ исторіи лягушекъ премило уговариваетъ дамъ разводить ихъ въ садкахъ для своего удовольствія. Господи помилуй! и все это хвалили! и еще хвалятъ! Когда же придетъ день Господень? Вы совѣтуете мнѣ написать Колумба: не знаю, что отвѣтить; теперь нѣтъ охоты, а что впредь Богъ вѣсть. И другія вѣщи иногда вертятся въ воображеніи, но все недовольно постоянно; некогда заняться ничѣмъ эстетическимъ, слишкомъ много заботъ хозяйственныхъ; голова полна ариметическихъ расчетовъ, а теперь въ *одной* усадьбѣ кормлю ежедневно болѣе ста человѣкъ; со стороны можно подумать, что я богатый человѣкъ, а я просто бѣднякъ, въ долгу, трудящійся, какъ собака, чтобъ выпутаться и хоть вторую половину жизни провести спокойно. Увидѣть Васъ мнѣ сильно хочется, но врядъ ли Вы, по возвращеніи своемъ изъ Турціи, меня найдете въ Петербургѣ, я все не вижу возможности вскорѣ туда возвратиться и (признаться ли) сильной охоты нѣтъ; всего бы лучше Вамъ навѣстить меня здѣсь. Пустота здѣшняго края не можетъ уже изгнать человѣка, бывшаго въ городахъ совершенно пустыхъ: какъ страшны эти Ваши собаки и кошки! такъ и подираетъ морозомъ по кожѣ, какъ вздумаю объ нихъ. Не забудьте, милый, хоть изъ *Одессы*, привести съ собою сѣмянъ хорошихъ, огородныхъ, тоестъ *капусты разной, тыквъ и душистыхъ травъ*; хочется на нашемъ сѣверѣ, гдѣ ровно ничего не знали, и гдѣ я уже кое-что развелъ, развестъ еще по лучше. Не думайте, однако, чтобы я въ деревнѣ сдѣлался Дюклетіаномъ или Кандидомъ садовникомъ: нѣтъ, я не имѣю ни особой склонности къ мѣлкимъ сельскимъ работамъ, ни достаточнаго досуга, чтобы подробно въ нихъ вникнуть; я увѣренъ, что нѣтъ жизни, болѣе исполненной трудовъ, какъ жизнь русскаго деревенскаго помѣщика средняго состоянія и Вы повѣрите мнѣ, когда своими глазами вблизи на нее посмотрите. У насъ теперь уже осень, сильные утренники, листья на половину пожелтѣли и свалились, а на черномъ морѣ и тогда, какъ письмо дойдетъ къ Вамъ, тоестъ черезъ мѣсяцъ, будетъ еще тепло и можетъ быть жарко: благословенный край, только не въ политическомъ отношеніи. Гдѣ Вы зиму (коли тамъ есть зима) про-

¹⁾ Соч. Бюффона „Histoire naturelle générale et particulière“ перепзд. и дополнено Lacépède въ 1817—1819 г.г.

²⁾ Бюффонъ родился въ Montbard.

ведете? Кончайте съ Турками поскорѣе; на первый разъ освободите Грековъ, и то хорошо. Къ стати, мой планъ войны отчасти исполняется, Паскевичъ ¹⁾ воюеть около тѣхъ мѣстъ, гдѣ я хотѣлъ, а что кораблей мало, је n'у puis rien. Прощайте, милый. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

39.

16-го октября 1828 г. Шаево.

Поздравляю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Давно, не получая отъ Васъ писемъ, грущу и не знаю, гдѣ Вы; съ сожалѣніемъ видѣлъ въ газетахъ, что К. Меншиковъ раненъ ²⁾, искренно желаю ему скорого и, сколько можно, полного выздоровленія: NB что я приписываю долгое певзятіе Варны имянно его ранѣ. Но мнѣ ли отселѣ говорить о войнѣ, которой вѣсти доходятъ сюда Богъ вѣсть какъ и когда. Я имѣю къ Вамъ рѣчь другую: посылаю при семъ новое, послѣднее мое стихотвореніе; начало было еще въ Петербургѣ, коли Вы помните, но оно далеко не важнѣйшая часть моей Елегіи ³⁾. Судите ее, почтенный, и строго судите: скажите всю правду, ибо ничто не вреднѣе поэту собственнаго ослѣпленія; я же теперь такъ ослѣпленъ, такъ очарованъ своимъ произведеніемъ, что и сказать стыдно; одно только скажу: въ моихъ глазахъ оно лучше всего, что я когда-либо сдѣлалъ, и если бы одну вѣщь я принужденъ былъ выбрать для сохраненія въ потомство, не колеблясь бы эту всѣмъ предпочелъ. Все это (какъ выше сказано) не для того говорится, чтобы Ваше сужденіе предубѣдить въ пользу ея; напротивъ, чтобы Вы съ большимъ вниманіемъ замѣтили въ ней все, что не такъ: разумѣется въ частяхъ, ибо если она въ цѣломъ не годна, горе вѣчное Мстиславу! Ахъ! какъ бы мнѣ хотѣлось самому ее Вамъ прочесть и такъ и сякъ потолковать; но покуда это невозможное дѣло. Не знаю, что подумать о Пушкинѣ; онъ мою Старую Быль и приписку ему получилъ въ свое время, тоестъ въ маѣ, просилъ усердно Каратыгину (Ал. Мих.) извинить его передо мной: лѣтомъ онъ ничего

¹⁾ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ р. въ 1777 г., ум. въ 1856 г. Главнокомандующій русской арміею въ Азіи (1828—1829 г.), въ 1831 г. получилъ титулъ Князя Варшавскаго.

²⁾ Кн. А. С. Меншиковъ былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги подъ Варною 9-го августа 1828 г.

³⁾ Стихотвореніе Катенина „Елегія“, напечатанное въ его „Сочиненіяхъ“, т. I стр. 101—109, появилось въ свѣтъ въ первый разъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г.

не могъ писать, стихи не даются, а прозой можно ли на это отвѣчать? Но завтра, завтра все будетъ. Между тѣмъ, по сіе время отвѣта ни привѣта нѣтъ, и я начинаю подозрѣвать Сашиньку въ нѣкотораго рода плутиѣ: что дѣлать? подождемъ до конца. О какихъ мизерахъ я пишу! самому стыдно; но и то сказать: не все ли на свѣтѣ *grande* — либо *petite misère*? на примѣръ, что мизернѣе или мизирнѣе того, что я принужденъ вѣкъ свой губить въ пошлыхъ хлопотахъ? строю новую винокурню, работы, что при осадѣ крѣпости, издержки по состоянію моему необъятныя, и все конца не вижу; а весь конецъ, что будутъ курить вино по семи ведеръ съ четверти ржи, и что я могу получить нѣсколько тысячъ рублей барыша!—Осень довольно теплая продолжается; въ прошломъ году объ эту пору здѣсь уже слишкомъ двѣ недѣли ѣздили на саняхъ, а нынче еще снѣгу нѣтъ, и нигдѣ вода не замерзала. Пока тамъ, гдѣ Вы находитесь, рѣжутся люди, мы здѣсь припасаемъ рекрутъ и признаться не безъ труда: въ теченіи года сходитъ шестнадцать человѣкъ съ тысячи душъ: много; да и въ отдачѣ не безъ хлопотъ; высшее правительство полагаетъ, что все легко, потому что мѣра не высока; но въ ней ли одной сила? къ каждому прыщу (безъ шутокъ) придираются и какъ не придираться? Если примутъ рекрута, котораго послѣ въ Депо обракуютъ, каждый членъ присутствія повиненъ заплатить 500 руб. Кому же охота подвергаться? Я Васъ уже просилъ о сѣмянахъ, особенно о тыквахъ и италіанской капустѣ *brosoli*: не лзя ли мнѣ изъ Одессы по почтѣ прислать? Я вѣдь такъ говорю въ предположеніи, что князь Вашъ тамъ лѣчитъ свою рану, а Вы при немъ находитесь; но какъ ошибочны предположенія за двѣ тысячи верстъ! Прощайте, милый Николай Ивановичъ, любите меня по прежнему *et ultra*. Вы видите, какъ я объ Васъ думаю и какъ забочусь (знаю, что мои стихи Вамъ по большей части нравятся) сообщать тотчасъ все, что Богъ дастъ. Будьте здоровы, пишите чаще, если можно; но когда и гдѣ мы увидимся? Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

40.

4-го ноября 1828 г. Шаево.

Отвѣчаю вмѣстѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, на Ваши два письма отъ 28-го сентября и 5-го Окт. Я былъ въ гостяхъ у нашего предводителя, за 75 верстъ отъ своего дома, когда получено первое, и затѣмъ, по неволѣ, одну почту пропустилъ. Я уже преждѣ догадался, что Вы должны быть въ Одессѣ, а коли съ княземъ отправитесь оттолѣ въ Москву, не забудьте моихъ просьбъ на

счетъ сѣмянъ и хорошаго турецкаго табаку, котораго для меня чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Благодарю Васъ за извѣстіе о братѣ Александрѣ: дай Богъ ему возвратиться живу и здорову изъ войны, довольно кровопролитной, какъ кажется; дѣла его точно разстроены. Но онъ самъ виновенъ, и отецъ его сдѣлалъ все, что могъ. Впрочемъ это еще не совершенно бѣда, ибо, хотя бы и все его имѣніе пошло на заплату долговъ, у него въ виду остается мое: жениться прошла моя пора, а изъ родни онъ всѣхъ милѣе, и мнѣ бы даже хотѣлось имѣть его при себѣ; но это все дѣло будущее, а лучше поговоримъ о настоящемъ. Очень радъ успѣхамъ Вашей литературной войны; я началъ съ того, что выписываю Атены или Аѳины; Сынъ Отечества тоже постараюсь достать, а коли не удастся, придется и за него деньги платить. Любопытнѣйшее во всякомъ случаѣ остается еще впереди, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Греки и Полевые не задремлютъ, и сраженіе загорится. Какъ Вы полагаете? не удобное ли теперь время для напечатанія моихъ стихотвореній? только вотъ что: обстоятельства отнюдь не позволяютъ мнѣ самому ѣхать отсель ни въ Петербургъ, ни въ Москву: во первыхъ карманный, а во вторыхъ смѣшно нарочно за этимъ скакать. Угодно ли Вамъ будетъ — взять на себя трудъ издателя? подумайте объ этомъ, почтеннѣйшій, рассмотрите дѣло со всѣхъ сторонъ и дайте мнѣ знать Ваше мнѣніе. Изъ Петербурга давно не получалъ писемъ, и потому вовсе не знаю, что тамъ дѣлается. Саша Пушкинъ упорно отмалчивается. Варна сдалась ¹⁾ точно кстати, и дай Богъ, чтобъ Порта согласилась на независимость Грековъ, и на томъ кончилась война. Европейскія державы помогаютъ мало, а Россія одна врядъ ли имѣетъ довольно силы, чтобы забираться въ даль. Денегъ ни у кого нѣтъ; внутреннее правительство, забывъ обо всемъ остальномъ и важнѣйшемъ, хлопочетъ единственно о сборѣ податей и недоимокъ и хлопочетъ напрасно; ибо *où il n'y a rien le roi perd son droit* ²⁾. Я имѣю около 300 душъ крестьянъ и винокурню и въ деревнѣ едва едва могу кое-какъ жить: судите по этому о прочихъ. Будьте здоровы и продолжайте писать. Весь Вашъ
Павелъ Катенинъ.

41.

4-го декабря 1828 г. Шаево.

Видно, Вы не получили еще моей Елегии, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ибо не пишете о ней ни слова въ письмѣ изъ Николаева отъ 8-го Ноября, я однако жъ давно ее къ Вамъ отпра-

¹⁾ Варна сдалась 29 сентября 1828 г.

²⁾ „Гдѣ нѣтъ ничего, и король теряетъ свои права“.

вилъ; впрочемъ, если и теперь та къ Вамъ не дошла, спросите ее у Каратыгина. Атеней я выписываю, но еще не получилъ; а Сына Отечества любопытные для меня № попросилъ бы Васъ изъ Питера мнѣ, хоть на время, для прочтенія доставить. Князь Н. С. Голицынъ пишетъ ко мнѣ объ отвѣтѣ Вашемъ Полевому, что въ Атеней, и вотъ Вамъ точная выписка изъ его письма *sans y changer un seul iote* ¹⁾: „Приношу тебѣ жалобу на Бахтина; вотъ, что онъ написалъ о твоёмъ стихотвореніи: *on lui reproche avec raison de ne pas soigner sa versification* ²⁾. Кто этотъ онъ? Марлинскій, Розингъ, Туманскій ³⁾, житель Тентелевой деревни ⁴⁾? отъ другихъ я этого не слыхалъ. Шлетневъ ⁵⁾ только въ планахъ находить недостатки, В. Кюхельбекеръ поставилъ твои стихи (какъ стихи) на равнѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. Досадно на Бахтина. Впрочемъ отвѣтъ его Полевому преумный и предѣльный“. Ясно, что я на этотъ счетъ своего мнѣнія имѣть не могу, и мнѣ остается желать, чтобъ Вы, прочитавъ мою Елегію, разположены остались согласиться съ Голицынымъ: признаюсь, однако, что, полагая сравненіе съ другими подобными вѣщами основаніемъ оцѣнки чего бы то ни было, я, по совѣсти, не знаю: кто же изъ современныхъ мнѣ русскихъ стихотворцевъ болѣе занимается чистотою и отдѣлкою своихъ стиховъ. Самые лучшіе изъ нихъ, въ разныхъ школахъ и родахъ, довольно небрежны на этотъ счетъ, и передъ безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ судьей я не знаю, съ которымъ бы изъ нихъ, именно въ этомъ отношеніи, состязанье могло мнѣ быть опаснымъ.—Ради Бога, не почитайте сказаннаго мною голосомъ оскорбленнаго самолюбія; ибо, во первыхъ мое самолюбіе не такъ глупо, чтобы оскорбляться замѣчаніями критики и требовать похвалъ полныхъ; а во вторыхъ, оно обязано Вамъ благодарностью, какъ смѣлѣйшему и сильнѣйшему моему заступнику; но я съ Вами разсуждаю по пріятельски, не прикидывалъ, дѣлаю свои замѣчанія и паки желаю знать: кто изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, по мнѣнію Вашему, а *plus soigné sa versification*?—Табакъ Вашъ хорошъ и пріѣхалъ въ самую пору: примите мою благодарность. Пожалуйте обо мнѣ, любезнѣйшій; я теперь въ хлопотахъ, ровно по уши; на-

¹⁾ „Не пэмѣняя въ немъ ни одной іоты“.

²⁾ „Его справедливо упрекаютъ въ небрежности его версификаціи“. Эти слова взяты изъ статьи Бахтина въ „Атласѣ“ Бальби.

³⁾ Вас. Ив. Туманскій, поэтъ, р. 1802 г., ум. 1860 г.

⁴⁾ Н. И. Гнѣдичъ.

⁵⁾ Шлетневъ, Петръ Александровичъ, критикъ, академикъ, профессоръ Сиб. унив., р. 1792 г., ум. 1865 г.

дѣюсь, правда, что большая ихъ часть къ новому году минетъ, но куда крайне не весело. Гдѣ Меншиковъ теперь находится? какъ бы хотѣлось увидѣть Васъ и о многомъ потолковать! Какъ это мудрено! Какъ жаль! Прощайте. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

42.

11-го января 1829 г. Шаево.

Какъ Вы могли подумать, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы Голицынъ хотѣлъ насъ поссорить? во-первыхъ, тутъ не за что ссориться, а во-вторыхъ онъ не такой человѣкъ. Болѣе нѣсколько виноватъ я, сообщивъ Вамъ замѣчаніе его, что Вы сочли за родъ укора; но еще разъ повторяю: мнѣ ли Васъ укорять, когда я Васъ благодарить обязанъ? и опять: мнѣ ли съ Вами не быть вполне откровеннымъ? Правда Ваша, что онъ Голицынъ (какъ пишетъ Олинъ) по сіе время отдавалъ мнѣ справедливость (какъ стихотворцу) только на словахъ, тогда какъ Вы вознесли голосъ во всеобщее услышаніе, но позвольте сказать, что не всякой человѣкъ равно на все способенъ: можно написать нѣсколько хорошихъ стиховъ и не быть въ состояніи выдержать полемическій журнальный споръ; впрочемъ и это съ моей стороны одна догадка, а главное дѣло въ томъ, что онъ живетъ въ деревнѣ и лѣнивъ. Атенея жду не дождусь, а первые два письма въ Сынъ Отечества я прочелъ съ жадностью и никакихъ другихъ замѣчаній сообщить не могу, кромѣ: *pulchre, bene, recte, optime* ¹⁾ и все тому подобное. Доказательства выписками изъ документовъ неоспоримы; невѣжество, педанство и дурной полурусскій слогъ Полеваго обличены и осмѣяны; а (что всего было мудренѣе) подлые доносы Телеграфа о неуваженіи къ Петру 1-му и, яко бы несправедливымъ, обвиненіи нашихъ прежнихъ монарховъ въ ненависти къ исторіи не только искусно опровергнуты, но еще справедливость преждѣ сказаннаго смѣло и сильно новыми примѣрами поддержана: *sic* надобно всегда творить, помня Фигаро: *qu'il s'avise de parler latin, j'y suis grec: je l'extermine* ²⁾. Теперь моя очередь ожидать отъ Васъ подробныхъ замѣчаній на счетъ посланныхъ въ Туречину стихотвореній; ихъ три: 2-я пѣснь Данте, разказъ изъ Федры и Елегія. Коли рѣчь уже объ нихъ зашла, давайте говорить объ изданіи. Само собою разумѣется и бѣла дня яснѣе, что издержки и выручки, тоестъ

¹⁾ „Прекрасно, хорошо, правильно, превосходно“.

²⁾ „Свадьба Фигаро“. А. III сч. 15. („Пусть заговоритъ хоть по-латыни— я ему такъ отрѣжу по-гречески“).

деньги туда и сюда, дѣло мое; но не въ томъ важность. Все изданіе (въ двухъ нетолстыхъ частяхъ) едва ли станетъ въ полторы тысячи, а назначивъ цѣну экземпляра въ 10 либо 12 рублей (что у насъ весьма не дорого), можно съ нѣкоторой основательностью надѣяться свести концы съ концами, а на первый случай *c'est tout ce qu'il faut*. Главное въ томъ состоитъ, чтобы этому изданію напередъ дать извѣстность; по сіе время мои литературные враги сильнѣйшимъ противъ меня оружіемъ употребляли молчанку: это уже вѣрнымъ служить наставленіемъ моимъ пріятелямъ дѣйствовать совершенно противнымъ образомъ; того ради я полагаю, что весьма полезно и даже необходимо объявить, какъ водится, по журналамъ и открыть подписку, съ такимъ извѣстіемъ für das Publikum, что оныя стихотворенія будутъ напечатаны тогда-то *непремѣнно* и въ такомъ *только* числѣ экземпляровъ сколько окажется г.г. подписчиковъ. Вообще, я не имѣю въ виду барышей, а любопытенъ знать, много ли *in dem Publikum* порядочныхъ людей. Нужно ли мнѣ сказывать Вамъ, что для меня пріятно бы было, еслибы постарались увеличить число подписчиковъ, еслибъ объ этомъ похлопотали; почему бы напримѣръ Вамъ не потолковать объ этомъ съ Каратыгинымъ? я бы на его мѣстѣ пріятнымъ долгомъ себѣ поставилъ этому способствовать. Надобно непремѣнно, чтобы, хоть *pro forma*, *знаменитые* любители поэзіи etc. удостоили вписать свое имя въ списокъ. Что же касается до предувѣдомленія отъ издателя, оно, я думаю, тоже необходимо, но краткое и дѣльное, безо всякихъ смѣшныхъ похвалъ, а въ рѣшительномъ и степенномъ тонѣ. Кромѣ голубой книги, пропущенной цензоромъ, должны войти въ первую часть (оригинальную) Старая была и Елегія; во вторую (переводную) двѣ пѣсни Ада, разказъ Терамена и (коли можно) разказъ Цинны; его я самъ осудилъ *тогда*, векорѣ послѣ бѣдственнаго 14-го дек., но *теперь* никакія приличія не предписываютъ таить переводъ отрывка изъ такой всѣмъ извѣстной пьесы и сверхъ того переводъ, уже напечатанный слишкомъ 10 лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Извините, почтеннѣйшій, всю подробность сихъ подробностей; я имѣю самолюбіе какъ всѣ люди, и кажется довольно на своемъ вѣку несправедливостей вытерпѣлъ, чтобъ имѣть право желать нѣкотораго вознагражденія; я, если не единственно, то, по крайней мѣрѣ, болѣе всѣхъ надѣюсь на Васъ: *mettez vous le coeur au ventre* ²⁾, и все будетъ

¹⁾ Отрывокъ изъ Корнелевой трагедіи „Цинна“ (Д. I. явл. 3) былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1818 г., ч. 44. № 12, стр. 229—231. Въ „Сочиненіяхъ“ Катенина (1832) его нѣтъ.

²⁾ „Соберитесь духомъ“.

хорошо. Вы сами видите, что Полевой et comr. уже замолкли; ихъ надо заставить сознаться, или, хоть *теплыми*, разогрѣть и перетянуть на свою сторону: Бурбоны снова воцарились во Франціи отъ того только, что никогда въ изгнаніи не отказались отъ своихъ правъ. Кончаю право потому, что вся бумага изписана, а бесѣдовать бы еще хотѣлось; увы! гдѣ нашъ диванъ? Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. — С. О. Кн. 6-ая стр. 169 въ скобкахъ: *Замѣтьте, М. П. вѣсьма извѣстно* ¹⁾. Это безподобно!

43.

(Февраль 1829 ²⁾. Кострома).

Недивитесь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что я Вамъ давно не отвѣчаю: одна причина, да хороша. Перваго числа нынѣшняго мѣсяца отправился я, уже нездоровый, по дворянскимъ дѣламъ изъ Кологрива въ Кострому, дорогой простудился до глубины костей и теперь въ Костромѣ лежу, терпя несносную боль во всѣхъ частяхъ тѣла, безъ рукъ и безъ ногъ. Власть Ваша надъ моей Елегіей; творите, какъ хотите; кажется, однако, что я послѣ того сдѣлалъ въ ней нѣсколько перемѣнъ. Важнѣйшія двѣ за нужное полагаю Вамъ здѣсь сообщить, что бы и напечатано было, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ небѣ безоблачномъ рѣдкія искрились звѣзды
а въ другомъ мѣстѣ:

Душу мертвящей видомъ кровей и пожаровъ ³⁾,
ибо это необходимо.

Ваши четыре письма противъ Полевого я наконецъ всѣ прочиталъ и могу только сказать: что дальше, то лучше. Отъигрывать молчаніемъ—одно средство, оставшееся Полевому и ему подобнымъ, они, кажется, къ нему уже и прибѣгли, но Вамъ надо говорить.

Письмо мое вручить Вамъ здѣшній Совѣтникъ Николай Николаевичъ Коллюпановъ, брата его, Петра, Вы, кажется, знавали въ Петербургѣ. Прощайте, почтенный, будьте здоровы и пожелайте мнѣ здоровья.

Павелъ Катенинъ.

¹⁾ Второе письмо М. П. къ Булгарину. „Сынъ Отечества“ 1828 г. ч. 118 № 6 стр. 169.

²⁾ На этомъ письмѣ, не датированномъ, имѣется надпись Бахтина: „получено 28-го февраля 1829 г.“.

³⁾ Соч. Катенина I, 105, 107.

44.

(Мартъ 1829 г. Кострома)¹⁾.

Я все очень боленъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и конца болѣзни не предвижу, вчера было мнѣ легче, можетъ быть, съ радости, что Голицынъ нарочно пріѣхалъ меня навѣстить, ночью сдѣлалось опять хуже, и я въ такихъ безпрестанныхъ перемѣнахъ, мучусь и почти отчаиваюсь; вчера же получилъ я нечаянно экземпляръ Сѣверныхъ цвѣтовъ и преучитивое письмо отъ Сомова, онъ благодаритъ за старую былъ и проситъ впредь стиховъ, мнѣ кажется послѣ этого лучше гораздо Елегію отдать ему для напечатанія, нежели Гречу, и вообще стихотворенія въ Альманахахъ привлекаютъ болѣе вниманія, чѣмъ въ журналахъ, правда, что эдакъ она выйдетъ не прежде новаго года, хотя ихъ сборъ начинается еще съ Марта, но къ чему же намъ спѣшить, право, Николай Ивановичъ, мой совѣтъ предпочесть Сомова, ибо онъ самъ проситъ. Пишите пожалуйста, жду нетерпѣливо Вашихъ писемъ, а на этотъ счетъ безъ Вашего отвѣта, я самъ Оресту отвѣчать немогу. Гдѣ Князь Меншиковъ? При чемъ Вы теперь въ Петербургѣ? Прочайте.

Павель Катенинъ.

P.S. Изъ письма Сомова видно, что не цензура не пропустила моей приписки Сашѣ Пушкину, но что онъ самъ не за благоразсудилъ ее напечатать: не лѣзя ли ее рукописно разпустить по рукамъ для поясненія его отвѣта?

45.

31 марта 1829 г. Кологривъ.

Пишу своеручно, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты: 1-е. Здоровье мое все очень хило, ноги болятъ, руки слабы, желудокъ едва сношень, силы исчезли, тѣло исхудало; не смотря, однако, ни на что, отказался я отъ веснованія въ Костромѣ; вѣра моя въ благотворное могущество врачебнаго искусства далеко не равняется съ увѣреніемъ, что мнѣ въ своемъ домѣ гораздо спокойнѣе и пріятнѣе жить, чѣмъ на чужой квартирѣ: снхъ ради причинъ, пустился я, какъ говорится, на волю Божию, и сперва, при сильномъ тепломъ вѣтрѣ съ дождемъ, а потомъ при еще сильнѣйшемъ холодномъ вѣтрѣ съ морозомъ, пережидая на почлегахъ дни и часы нестерпи-

¹⁾ Это письмо тоже безъ даты. Надпись Бахтина: „Получ. 9-го марта 1829 г. Отв. 11-го марта 1829 г.“.

мыхъ для больного व्यюгъ, доплелся кое-какъ до города Кологрива, а дни черезъ два буду и совѣмъ дома. *Resumé* всего вышеизложеннаго: остался живъ и то покуда хорошо. 2-е. Гречь *est un coquin*, и Вы весьма похвально поступили, сказавъ ему сіе въ глаза; Гречь *est un poltron* и, коли цензоръ пропустилъ Елегію *in statu quo*, нѣтъ нужды никому за нее трепетать; я ни за что не соглашусь ее портить, замѣченныхъ Вами стиховъ нѣтъ возможности, по плану и ходу цѣлаго, ни выкинуть, ни перемѣнить безъ искаженія или уродованія, *et je n'en ferai rien*. При семъ приложено письмо къ Оресту, которое прошу ему доставить, ибо я не знаю даже его квартиры; я отвѣчаю на его просьбу, что готовъ служить, и что Вы вручите ему новую мою Елегію, буде онъ согласенъ на уговоръ: печатать ее только, если найдетъ хорошей, а не то оставить въ покоѣ, ибо штука Булгарина съ драматическимъ альманахомъ, гдѣ онъ, выпросивъ Андромаху, объявилъ, что ни одной Андромачи никому не надо, отлучили меня отъ довѣренности къ ихъ братья; а быть заваннымъ въ гости, откуда уѣхать не лзя, и переносить отъ хозяина неприятности, не весело. Вы на словахъ можете, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, еще яснѣе ему все разтолковать и тогда отдайте ему съ Богомъ Елегію. 3-е. Предложеніе вручить Пушкину листъ для подписчиковъ на изданіе моихъ стихотвореній весьма хорошо; а еще лучше таковыхъ листовъ съ печатнымъ объявленіемъ (не говоря ничего что: кромѣ драматическихкихъ и т. п., а просто) пустить въ ходъ нѣсколько; книгопродавцамъ (по лучше) дать по одному и въ Москву отправить и ко мнѣ сюда, хоть два, пришлите; но деньги брать съ подписавшихся необходимо; сар что дѣлать съ именами?? подписчиковъ, коли они во время за полученіемъ не явятся; объявить же, что, кромѣ числа требуемыхъ по подписямъ экземпляровъ, не напечатается *ни одного*, мнѣ весьма хочется: я желаю знать *mon monde*, а слово свое непремѣнно сдержу; коли успѣхъ будетъ, можно послѣ и второе изданіе затѣять, а покуда не хочу, чтобъ мои сочиненія валялись въ книжныхъ лавкахъ и чтобъ ихъ *les curieux* сравнивали кто съ романтиками, кто съ Булгаринимъ, кто съ Хвостовымъ.—Конецъ пунктамъ и дѣламъ. Вы спрашиваете серьезно: *не напишите ли Вы чего новаго для Солова?*—Почтеннѣйшій! развѣ я эдакъ пишу когда-нибудь? развѣ эдакъ можно что-нибудь путное написать? надобно прежде всего, что бы пришла въ голову щастливая мысль, чтобы явилось поэтическое содержанье, чтобъ было о чемъ писать, или говорить, или пѣть (какъ угодно, такъ и назовите дѣло стихотворенія), а тамъ уже послѣдуетъ исполненіе, и за то сначала ругаться не лзя. Теперь же у меня препринятаго ничего нѣтъ, вер-

тится иногда и то, и другое, но не оставляет слѣда; хотѣлъ я было написать нѣкоего *Колдуна*, но романтики наши, и съ Байрономъ, и съ Мицкевичемъ, мнѣ до того опротивѣли, что мысль—сдѣлаться самому, хоть нѣсколько по необходимости, на нихъ похожимъ, для меня нестерпима. Смерть Грибоѣдова¹⁾ можетъ маловѣрнаго поколебать: нѣтъ ли, моль, провидѣнія? только... О Донъ Карлосъ²⁾ я читалъ въ Сѣверной пчелѣ, отрывки же изъ него въ Сѣв. цв., его хвалятъ точь въ точь, какъ (помните ли) Венцеслава; а пьеса еще несравненно хуже, что видно изъ самаго изложенія хода ея въ той же *пчелѣ*; Ромео и Юлія, игранная, похвалъ не удостоилась, за то превозносятъ другой работы печатный отрывокъ въ цвѣтахъ³⁾ (NB. чей онъ?), въ коемъ ни смыслу, ниже мѣры стиховъ порядочной нѣтъ; они нынче пустились на волю Божию: въ Жуковского нѣмецкой *Иліадѣ*⁴⁾ я нашелъ экзаметръ, а въ балладѣ Подолинскаго⁵⁾, помѣщенной въ Невскомъ Альманахѣ⁶⁾, стиховъ до шести такъ и сякъ не одной мѣры съ прочими. Какъ любопытны три мѣлкія стихотворенія Кюхельбекера (въ цвѣтахъ), написанныя имъ, кажется, въ крѣпости⁷⁾! Какая у этого несчастнаго молодого человѣка чистая однако жъ душа! мнѣ коли сгрустнулось, какъ я ихъ прочелъ. О Женитьбѣ Фигаро⁸⁾ увѣдомьте: кто и какъ игралъ;

1) Грибоѣдовъ былъ убитъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 г.

2) „Донъ-Карлосъ, Инфантъ Испанскій“, трагедія въ 5 д. въ стихахъ, соч. Шиллера, перев. П. Г. Ободовскаго, представл. въ пользу актера В. А. Каратыгина 4-го февраля 1829 г. Отрывокъ изъ этой траг. былъ напечат. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 156—163. Хвалебная рецензія въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1829 г. № 18.

3) „Ромео и Юлія“ представл. на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ А. М. Каратыгиной, 11-го февр. 1829 г. Отрывокъ изъ другого перевода этой трагедіи напечат. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г. (стр. 194—207), безъ имени переводчика (принадлежитъ Плетневу), см. письмо В. А. Каратыгина къ Катенину отъ 25 мая 1829 г.—Русскій Архивъ 1871 г. т. I (стр. 0241—0243).

4) Отрывки изъ „Иліады“ напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г. „Переводчикъ“, по словамъ самого Жуковского, „не знавшій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкій переводъ Иліады—Фоссовъ и Штольберговъ“.

5) Андрей Ивановичъ Подолинскій, поэтъ, р. 1806 г., ум. 1886 г.

6) Вѣроятно, „Предвѣщаніе“ (Невскій Альманахъ на 1829 г. стр. 110).

7) Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г. напечатаны 3 стихотв.: „Ночь“, „Луна“ и „Смерть“, подписанныя буквою К.

8) „Свадьба Фигаро“, ком. Бомарше, въ перев. Д. Н. Баркова была представл. 18-го февр. 1829 г. „Свадьба Фигаро, въ новомъ и прекрасномъ переводѣ Баркова“, пишетъ А. П. Вольфъ въ своей „Хроникѣ Петербургскихъ театровъ“, сдѣлалась модною пьесой сезона (1828—1829 г.), конечно благодаря великолѣпному исполненію: Сосничкія—Фигаро, Сосницкая—Су-

и вѣдь все имѣю слабость принимать участіе въ ходѣ русскаго театра, хотя и онъ, какъ видно, вслѣдъ за прочими отраслями нашей словесности весьма клонится къ упадку; романтизмъ, тоестъ наглое съ невѣжествомъ безуміе и тамъ ходитъ le front levé¹⁾. Господи помилуй! да скоро ли они перебѣсятся? — Прощайте, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, рука крайне устала отъ писанья, что и примѣтно; только совѣстно какъ-то прекратить разговоръ, пока продолжать можно.

Весь Вашъ
Павелъ Катенинъ.

P. S. Пришлите свой адресъ.

46.

7-го апрѣля 1829 г.

Каратыгинъ пишетъ ко мнѣ кое-что объ изданіи, и я въ отвѣтѣ убѣждаю его объ этомъ серьезно подумать, еще жъ, на просьбу его о стихахъ monkъ къ Пушкину, отвѣчаю, чтобъ онъ взялъ ихъ у Васъ и, коли хочеть, списалъ, en consequence я бы очень желалъ, чтобы Вы съ нимъ свидѣлись и, буде можно, о моемъ дѣлѣ стоворились. Еще пишетъ онъ, что Чебышовъ имѣлъ стычку съ Гречемъ, по случаю Елегиі, что Гречъ кричитъ, яко бы я хотѣлъ ея подбить его, изъ чего ясно, что онъ, мошенникъ, своимъ крикомъ теперь на меня доноситъ и, какъ гусь канитольскій, будить стражу. Лучшее, по моему, средство зажать ему ротъ: имянно безо всякихъ перемѣнъ, ибо я ни въ чемъ не грѣшенъ, издать ее въ сѣв. цв., буде издатели примутъ ее на предложенномъ условіи: почитать и признавать хорошимъ стихотвореніемъ; буде нѣтъ, найдемъ, гдѣ идѣ напечатать; цензура пропустила, и никто посторонній не имѣетъ права принимать des vessies pour des lanternes²⁾. Прилагаю здѣсь переводъ 4-го хора Гюолиі³⁾, Жандръ перевелъ только 3. Не отдавайте его никуда, а показывать воля Ваша; на той страницѣ нѣсколько поправокъ для Өераменова разказа: потрудитесь ихъ въ

саина, Валберхова—графиня, Шелехова—Керубино, Рязанцевъ — Антоніо, Каратыгинъ I игралъ графа, по онъ былъ слишкомъ угрюмъ и трагиченъ, и не довольно ловокъ, однимъ словомъ, Альмавива вышелъ похожимъ на Гамлета* (ч. I, 18) Ср. Сынъ Отечества 1829 г. ч. СХХIV, 348—358, 444—445.

¹⁾ „Съ поднятымъ челомъ“.

²⁾ „Вълое за черное“.

³⁾ Соч. Катенина II, 82—84. Изъ этой же трагедіи Катенинъ перевелъ еще 1-ое явленіе (ibidem, 72) и Сонъ Гюолиі (первоначально „Вѣстникъ Европы“ 1815 г. № 21), ibidem, 79.

своемъ спискѣ вмѣстить, *car il faut le corriger* ¹⁾. Стихи 20-й и 21-й.

Рогами острыми грозить его чело;
Все тѣло чешуей златистой обросло; —
46-й

Зрять: колесница вся врознь сыплется кусками
60-й и 61-й

По камнямъ кровь течеть, вдоль терновыхъ кустовъ
Виситъ кровавая корысть его власовъ.

Будьте здоровы, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и увѣдомьте меня о свиданіи Вашемъ съ Пушкинымъ: коли захочетъ, онъ можетъ быть весьма полезенъ. Да хоть слово о женитьбѣ Фигаро и Д. Карлосѣ. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

47.

22 апрѣля 1829 г. Шаево.

Черезъ недѣлю, вѣроятно, получите Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, двѣ небольшія рукописи: первое явленіе Расиновой Гоэолии и третью пѣснь Дантова Ада ²⁾, мною недавно переведенныя. Чтобъ не переписывать лишній разъ, я ихъ отсюда отправилъ къ Голицыну, который прочтетъ и тотчасъ отправить къ Вамъ; только знайте, что, за незнаемъ, гдѣ Вы живете, мы все принуждены надписывать: на квартиру Татаринова. Повторять всегдашнюю мою просьбу о сказаніи мнѣ подробно Вашего мнѣнія обо всемъ, что я къ Вамъ новаго посылаю, кажется лишнее: *cela va sans dire* ³⁾. Но постарайтесь узнать (коли можно) о комъ думалъ Данте въ стихахъ:

*Poscia ch'io v'ebbi alcun riconosciuto,
Guardai, e vidi l'ombra di colui,
Che fece der viltate il gran rifiuto.
Incontanente intesi, e certo fui,
Che quest'era la setta de'cattivi,
A Dio spiacenti ed a'nemici sui* ⁴⁾.

¹⁾ „Ибо его нужно исправить“.

²⁾ Три пѣсни изъ „Ада“ Данте.—Соч. Катенина II, 93—108. Перев. „Уголино“ изъ 33-ей пѣсни былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. № 9 (Соч. Катенина, II, 108—III),

³⁾ „Это само собой разумѣется“.

⁴⁾ „Послѣ того, какъ я узналъ тамъ нѣкоторыхъ, я увидѣлъ тѣнь того, который изъ низости сдѣлалъ великій отказъ. Тотчасъ же я повялъ нудо-

Мнѣ показалось, что слова *il gran rifiuto* должны означать нѣчто всѣмъ извѣстное, религиозное и даже евангельское, и потому я перевелъ это на Пилата Понтийскаго; Вы увидите, что все что *до* и *по*, весьма удобно можно къ оному Пилату отнести; но я могу и ошибиться, а въ переводѣ Данте ошибаться не должно ¹⁾. Перевести же глухо есть другое затрудненіе, и Греци etc. могутъ выдумать намеки несравненно для меня опаснѣе. Если Вы издадите мои стихотворенія, почтеннѣйшій, чего я крайне желаю, моя просьба написать къ нимъ не одно предисловіе, а два, тоестъ къ собственнымъ произведеніямъ моимъ одно, а къ переводамъ другое. Тогда Вамъ ловче будетъ въ послѣднемъ сказать, что нужно о тѣхъ важнѣйшихъ моихъ переводахъ, которые въ составъ издаваемой книги не войдутъ, тоестъ о четырехъ трагедіяхъ моихъ: *Аріадна*, *Есѣирь*, *Сидъ* и *Баязетъ* ²⁾. Каждое предисловіе въ особенности будетъ не такъ длинно, и множество разныхъ предметовъ не станутъ другъ друга въ зашей толкать. Третью пѣснь *Ада* я рѣшилъ для того сдѣлать, что въ первыхъ двухъ еще приготовленія, а здѣсь ужъ онъ вышелъ, и потому всѣ три составляютъ родъ цѣлаго; *Аріадну* я вскорѣ, исправленную, пошлю къ Каратыгинымъ, и Вы ее можете изъ любопытства просмотрѣть; также покажите имъ сцену изъ *Гоэолиа*. Прощайте, почтеннѣйшій, да не забываютъ меня ради Бога. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

P. S. Сдѣлайте одолженіе, купите у Смирдина четыре пѣсни *Иліады*, переведенныя Гнѣдичемъ александринцами ³⁾, отдайте оныя вкупѣ въ переплетъ и пришлите по почтѣ, сколько можно въ скорости, а что будетъ стоять, я какъ разъ заплачу.

стовѣрился, что это была секта жалкихъ (людей), которая одинаково не нравится Богу и его врагамъ“.

¹⁾ Впослѣдствіи Катенинъ перевелъ это мѣсто такъ:

„И вѣкихъ я въ лице узналъ потомъ:
Здѣсь юноша, отъ вѣчной жизни рая
Отпешдый вспять чтобъ жить съ земнымъ добромъ.
Туть я постигъ, что смѣсь то не благая
Тѣхъ, коихъ Богъ не терпитъ изъкони,
На злыхъ духовъ дружина проклятая (соч. II, 105).“

²⁾ Катенинъ перевелъ „*Баязета*“ въ 1826 г. Въ 1827 г. появился въ печати переводъ Олина той же трагедіи. См. „Сынъ Отечества“ 1827 г. ч. 113 № 10 стр. 164—182.

³⁾ Гнѣдичъ перевелъ александрійскимъ стихомъ 7, 8, 9, 10 и часть 11-ой пѣсни *Иліады* (1809—1812).

48.

28 апрѣля 1829 г. Шаево.

Въ ожиданіи почты, которая, за разпутицей, еще не пришла, хотя бы еще третьяго дни ей прійти надлежало, хочется мнѣ поголковать съ Вами, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, объ отвѣтѣ Вашемъ Полевому, напечатанномъ въ Атеней; я его разъ десять перечиталъ и увѣрился, что онъ отмѣнно хорошъ; не диво, коли Полевой замолкъ, ибо ему точно нечего сказать; Вы вездѣ неоспоримо доказали правду, сказаннаго прежде въ книгѣ Бальби; имъ же глушомъ выставленные Пнинъ ¹⁾, Подшиваловъ ²⁾ и *другіе* явно свидѣлствуютъ противъ его мнѣнія, а иронія Ваша на счетъ Карамзина Софіи ³⁾ приводитъ меня въ восторгъ. Жаль только, что французскія выписки, которыхъ много, въ низу страницы не переведены на русскій языкъ, чтобы безъ исключенія всякой понималъ; онѣ же напечатаны въ Атеней со множествомъ несносныхъ ошибокъ. Голицынъ доносилъ на Васъ неправильно, ибо сія выписка: *on lui a reproché avec justice de negligier sa versification*, служитъ даже къ показанію безпристрастія сотрудника Бальби и заключаетъ въ себѣ мнѣніе онаго, а не новаго русскаго защитника его статьи; сей Г. М. И. рѣшился отдать мнѣ справедливость съ большою простотою, и я, въ особенности, благодаренъ ему за *замашку древнихъ* ⁴⁾,

¹⁾ Иванъ Петровичъ Пнинъ (побочный сынъ князя Петра Ивановича Репнина) р. 1773, ум. 1805 г. принадл. къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени; въ своихъ стихотвореніяхъ, появлявшихся въ повременныхъ изданіяхъ, въ издаваемомъ имъ, вмѣстѣ съ А. О. Бестужевымъ (отцомъ декабристовъ), „Петербургскомъ журналѣ“, а также и въ своемъ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно Россіи“ (1804), Пнинъ проводилъ либеральныя гуманныя идеи. По литературнымъ убѣжденіямъ, онъ примыкалъ къ кружку Карамзина.

²⁾ Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ р. 1765, ум. 1813 г., ревностный поствдователь Карамзина, сотрудничалъ въ „Московскомъ Журналѣ“ (1791—92), редактировалъ въ 1792—93 г.г. „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“, въ 1794 г. издавалъ „Пріятое и полезное препровожденіе времени“.

³⁾ „Атеней“ ч. III № 12 стр. 404. „Софія“, драматическій этюдъ Карамзина, напечатанный въ „Московскомъ Журналѣ“ 1791 г.

⁴⁾ Въ 4-мъ письмѣ къ Булгарину (Атеней 1828 ч. V № 17 стр. 62—76) М. И. (Бахтинъ) воспользовался случаемъ возразить автору „Обозрѣнія русской словесности за 1827 г.“ (въ 1-ой книжкѣ „Московского Вѣстника“ 1828), нападавшему на „Андромаху“ Катенина и усмотрѣвшему въ ней „замашку древнихъ“. „Долго ли намъ себя обманывать“, замѣчаетъ М. И. воображая, что подражанія классикамъ есть слабое подражаніе, а подражаніе романтикамъ—полетъ творческаго генія? Что же сказать о *замашкѣ*

но онъ же М. И. строгій судья, видитъ и показываетъ недостатки моей Андромахи, *особливо въ слогъ*: онъ совершенно правъ, говоря *положительно*; стихи Андромахи точно не доведены до той чистоты, которая восхищаетъ въ Расинѣ; я самъ въ переводахъ, *où je n'avais que les vers à faire* ¹⁾ и гдѣ безпрестанное сличеніе съ подлинникомъ подстрекаетъ и поддерживаетъ, достигнулъ на ступень выше; но самъ я себѣ не совмѣстникъ, а Расинъ не нашъ братъ; и по сему почтенный М. И. не совершенно правъ, говоря *сравнительно*; ибо, если въ слогѣ Андромахи онъ видитъ недостатки, то долженъ видѣть ихъ и въ другихъ оригинальныхъ и переводныхъ нашихъ трагедіяхъ и также показывать, дабы не подумали и не заключили изъ его словъ, что эта трагедія написана хуже своихъ сестеръ. Изъ сихъ родныхъ и двоюродныхъ, славятся въ особенности *les demoiselles Ozerow* ²⁾, а меньшая изъ нихъ сверхъ того родомъ изъ Трои ³⁾; въ переводахъ препрославлена Лобанова Ифигенія ⁴⁾, того же лѣсу ягода; *or* ⁵⁾, со всевозможнымъ тщаніемъ пересмотрѣвъ стихосложеніе Андромахи, Поликсены и Ифигеніи, оказалось, что Андромаха *est la moins mal écrite des trois* ⁶⁾. Мы чувствуемъ, что можемъ ошибаться и потому крайне желаемъ знать мнѣніе Г-на М. И. Еще забылъ Вамъ спасибо сказать за прибавленіе къ § 0 Шаховскомъ, что теперь жалѣть надо о томъ времени, какъ онъ поддерживалъ театръ. Я трепещу отъ гнѣва, когда воображаю, что тамъ теперь дѣлается: прошла пора Коцебятины ⁷⁾,

древнихъ? Забывая непристойность выраженія, я скажу только, что *замашка* эта дѣйствительно видна во всей трагедіи Катенина, особенно въ характерѣ Андромахи и въ пятомъ дѣйствіи. *Замашка* эта, если не ошибаюсь, состоитъ въ простотѣ изображенія, въ естественности выраженій, въ силѣ чувствъ, въ полнотѣ цѣлаго, въ согласіи частей; *замашка* эта есть главнѣйшее достоинство всѣхъ произведеній Катенина, наиболѣе жъ *Софокла, Метислава Метиславича, Міра поэта* и послѣдняго его стихотворенія *Ахиллъ и Омиръ*. Смѣло можно сказать, что еще ни одинъ Русскій стихотворецъ не передалъ намъ такъ хорошо *замашки* творца Одиссеи и Иліады, какъ Катенинъ въ пѣснѣ Омпра“.

1) „Гдѣ мнѣ оставалось только заняться стихами“.

2) Трагедіи Озерова.

3) Поликсена (1809).

4) „Ифигенія въ Авлидѣ“, траг. Расина, пер. М. Лобанова. Спб. 1815 г.

5) „И такъ“.

6) „Изъ трехъ менѣе худо написана“.

7) Слово „Коцебятна“ вошло въ употребленіе съ легкой руки кн. Дм. Петр. Горчакова (1756—1824).

„Одинъ лишь Сынъ Любви здѣсь трогаетъ сердца!

„Гуситы“, „Попугай“ предпочтены „Соренѣ“

„И Коцебятна одна теперь на сценѣ“.

(Изъ посланія къ кн. С. И. Долгорукову).

такъ взялись за Шиллерщину; но 25 лѣтъ тому назадъ репертуаръ нашъ былъ точно бѣденъ, и, по неволѣ, всему новому радовались, а теперь чему дивятся въ уродливыхъ произведеніяхъ недозрѣлаго Шиллера? я даже бранюсь съ Каратыгиными: какъ же Вамъ не стыдно выводить это все на показъ и участвовать въ оскверненіи русской сцены? съ какого права наши критики повадились выдавать Донъ-Карлоса, Орлеанскую Дѣву, Манфреда и т. п. за какіе-то chefs d'oeuvre. Какъ! всякая пьеса, лишь бы она была на романтичeskій покрѣй, уже и неподобна! и что за сужденіе о твореніяхъ искусства по наружной формѣ? десять лѣтъ тому назадъ привязались бы къ малѣйшему отступленію отъ французскихъ правилъ, а нынче соблюденіе ихъ ставится въ порокъ! оставя уже долгій споръ о томъ: которыя формы лучше, развѣ во всѣхъ равно не можетъ быть вѣщей прекрасныхъ, посредственныхъ и плохихъ? не пора ли унять все это безуміе? знаете ли чѣмъ торжество спокойное романтиковъ всего вреднѣе? тѣмъ, что ихъ эпоха также вся вымретъ и сдѣлается въ исторіи нашей словесности новая дыра. Еще спасибо Вамъ за Вяземскаго, коему Вы паки изволили дать раза *sur les doigts* 1); но (признаться ли?) мнѣ жаль стало О. Глинки 2): надо Вамъ сказать, что онъ весьма хвалилъ моего Ахилла и Омира, стало мой долгъ ему быть благодарнымъ. Сверхъ того онъ не совсѣмъ романтикъ, стало политика велитъ щадить его: не смѣшно ли Вамъ, что я толкую о политикѣ? Г-нъ антикварій! просвѣтите мое невѣжество: въ которомъ году Тредьяковскій издалъ Телемахиду? мое изданіе in. 4 1766-го года 3); только первое ли оно? въ предъизъясненіи своемъ онъ тутъ строгій славенофилъ, горой стоитъ за экзаметръ и, кромѣ небольшихъ ошибокъ въ просодіи сего размѣра, весьма извинительныхъ въ человѣкѣ, пролагающемъ новый путь, онъ хорошо понялъ его употребленіе и достоинство; онъ пишетъ греческія имена, какъ должно, *et qui plus est* 4), у него въ сей осмѣянной поэмѣ не мало хорошихъ и даже прекрасныхъ стиховъ. Послѣ ее что ли ударился онъ въ нѣжности? или, послѣ нѣжностей, обдумавшись, рѣшился снова быть рѣчеточцемъ? Какъ досадно, что у насъ почти нигдѣ ничего не написало о жизни и трудахъ нашихъ литераторовъ? куда, напримѣръ, Гречевы статьи скудны не только въ критическомъ, но и въ біографическомъ отношеніи! Есть

1) „По пальцамъ“.

2) Федоръ Николаевичъ Глинка р. въ 1788 г., ум. въ 1880 г.

3) Телемахиды вышла въ свѣтъ въ 1766 г.

4) „И что еще важнѣе“.

человѣкъ, который бы могъ сдѣлаться русскимъ Ginguené, но не знаю, рѣшается ли онъ трудиться, а покуда кланяюсь ему
Павель Катенинъ.

49.

27 мая 1829 г. Шаево.

Что съ Вами сдѣлалось, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? отъ чего Вы такъ давно не пишете ко мнѣ? съ каждой почтой жду вѣсти, и ни одна ничего не привозитъ. Я между тѣмъ томлюсь въ ожиданіи и не знаю, чѣмъ кончилась исторія Елегіи. Отъ Сомова получилъ я сперва изданный имъ Подсѣзникъ ¹⁾, а потомъ и письмо, на которое при семь отвѣчаю; онъ увѣряетъ меня въ совершенной перемѣнѣ мыслей на счетъ моего стихотворнаго дарованія, отрекается отъ Булгарина, яко отъ Сатаны, хвалитъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ; но, къ горю моему, онъ еще не видѣлъ ни Васъ, ни моей Елегіи. Я, со своей стороны, его за все сіе благодарю, прибавляя надѣжду, что онъ не станетъ скрывать свѣта истинны подъ спудомъ; а случай де готовъ, ибо въ нынѣшнемъ году напечатаются мои стихотворенія. Въ самомъ дѣлѣ, почтенный Николай Ивановичъ, переговорите ко съ нимъ на этотъ счетъ; онъ, какъ журналистъ и альманахистъ, знаетъ всѣ тонкости подобныхъ дѣлъ и, коли захочетъ, можетъ много изданію пользы принести. Что жъ касается до намѣренія моего нынче напечатать мои стихи, оно непереложно такъ даже, что я до тѣхъ поръ, пока это дѣло не кончится, пера въ руки не возьму и ни одной строчки стиховой не напишу. Въ самомъ дѣлѣ во всякомъ трудѣ должны быть необходимо промежутки отдохновенія; надо иногда остановиться, оглянуться, обдуматься, вслушаться въ рѣчи постороннихъ, сообразить все на досугѣ и тогда уже снова приниматься за работу, либо отстать отъ нея навсегда. Чувствую, что нахожусь теперь точно въ такомъ положеніи и полагаю изданіе теперь неперемѣнно нужнымъ. Увѣдомьте жъ Христа ради, какъ Вы располагаете къ нему приступить, когда прислать къ Вамъ издаваемое, и какъ откроется подписка; я бы думалъ на листахъ о десяти нумерахъ каждый, ихъ бы можно разобрать по рукамъ, раздать, разослать, и дѣло бы разомъ пошло. Но что я говорю! Вы молчите да и только. Прочелъ я В. Скотта жизнь Наполеона: какая дурная книга ²⁾! прочелъ

¹⁾ „Подсѣзникъ“ альманахъ, издав. Е. Аладынымъ и Дельвигомъ въ Сиб. въ 1829—30 г.

²⁾ The Life of Napoleon Bonaparte, Emperor of the French with preliminary View of the French Revolution G vols. Edinburgh 1827. Тогда же вышелъ въ Парижѣ и французскій переводъ. Русскій перев. появился въ 1831 и

Вронченки переводъ Гамлета Шекспирова: врядь ли онъ кого при- манить; прочель Подолинскаго романтическую поэму *Борскій* ¹⁾: глу- пость пошлая; прочель и Пушкина *Полтаву*: вѣщъ не безъ достоин- ства, но лучшія мѣста не свои; тутъ и Данте, и Гёте, и Байронъ, и Петровъ, и Вашъ покорный слуга *mis à contribution* ²⁾. Говорять, Булгаринъ ее не хвалить: что бы это значило? Цензура нынче, какъ видно, предобрая. Въ Подсѣбжникѣ помѣщены сцены изъ Кюхель- бекера драматической поэмы: *Ижорскій* ³⁾; въ одной является Бука, въ видѣ обезьяны на престолѣ, въ порфирѣ и съ пучкомъ розогъ; и послѣ этого бездѣльникъ Гречъ смѣетъ пугаться за Александра Маке- донскаго ⁴⁾, но еще разъ повторяю отъ сокрушеннаго сердца: Вы мол- чите, Вы томите меня своимъ молчаніемъ, Вы забыли обо мнѣ, je me meurs или, какъ Толченовъ ⁵⁾ на разгѣвъ: я у-ми-ра-ю. Батюшка! чуть не забылъ: поскорѣе купите и пришлите (*broché*) 12-й томъ исторіи Карамзина ⁶⁾: деньги вмгъ пришлю, какъ получу, а теперь боюсь, что письмо залежится, ибо Вы все адреса своего не прислали. Прощайте. Весъ Вашъ

Павель Катенинъ.

50.

7 іюля 1829. Шаево.

Какъ жаль, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что Вы больны! это меня совсѣмъ печалитъ, и я теперь ничего такъ сильно не же- лаю, какъ Вашего выздоровленія; за врачами и лѣкарствами въ Пе- тербургѣ дѣло не станеть, только врядь ли они имѣютъ способность

1832. 14 т. (Жизнь Наполеона Бонапартѣ, Императора Французовъ, соч. Сира Вальтера Скотта перев. съ англійскаго. С. Я. Шаплетъ).

¹⁾ „Борскій“, вторая поэма А. И. Подолинскаго, вышла въ 1829 г. (Первая поэма — „Дивъ и Перг“ — 1827 г.). „Дельвингъ писалъ въ началѣ 1829 г. Варатынскому: „Борскому“ подѣ статью вышель „Выжигнигъ“. Пош- лая и скучная книга, которая лѣтъ черезъ пять присоединится къ разряду твореній Ельнига“.

²⁾ „Использованы“.

³⁾ Три сцены изъ драматической поэмы „Ижорскій“ („Подсѣбжникъ“ на 1829 г. стр. 90—115).

⁴⁾ Гречъ, повидимому, усмотрѣлъ въ этомъ стихотвореніи намеки на Александра I и на высылку самого Катенина изъ Петербурга. Присутствіе автобиографическаго элемента въ „Элегіи“ подтвердиль отчасти и самъ Ка- тенинъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 4 янв. 1835 г. (Бумаги Пушкина, вып. I. М. 1881).

⁵⁾ Павель Ивановичъ Толченовъ, трагическій актеръ, р. 1768, ум. въ 40-хъ годахъ.

⁶⁾ Въ 1829 г. вышель XII томъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Ка- рамзина, изд. подѣ редакцію Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича.

изцѣлять. Пока это первое дѣло хорошо не кончится, я не на намѣренъ Васъ никакимъ другимъ затруднить, стало и стихотворенія мой пришлю уже послѣ, когда Вы меня извѣстите, что лихорадка прошла: не оставьте только меня увѣдомлѣніями о себѣ; я прошу хоть по нѣскольку строчекъ, коли длинное письмо не подъ силу. Тогда, вмѣстѣ со стихами, пришлю и не малое количество прозы, составляющее первую livraison предпринятаго мной еще до отъѣзда изъ Петербурга сочиненія объ эстетикѣ вообще и поэзіи мнѣ извѣстныхъ народовъ; я далъ ему довольно простое названіе: *Размысленія и Разборы*. На бѣло готово пять отдѣленій: 1-е объ изящныхъ искусствахъ, 2-е о поэзіи вообще, 3-е о поэзіи еврейской, 4-е о поэзіи греческой, 5-е о поэзіи латинской; вся древность, какъ Вы видите, пройдена, и я столько старался быть краткимъ, что все сіе помѣщается на 48 страницахъ, въ обыкновенный листъ; а счумѣлъ ли я, въ немногихъ словахъ, сказать, что надобно, объ этомъ Вы посудите, какъ прочтете. На черно есть и 6-е отдѣленіе: о поэзіи новой съ начала, 7-е о поэзіи италіанской я занимаюсь теперь, 8-е будетъ объ испанской и португальской, и всѣ три составятъ; вторую livraison; третья будетъ о французахъ, четвертая объ англичанахъ и нѣмцахъ; о Русскихъ мнѣ, какъ стихотворцу de profession, говорить неловко и неприлично. Симъ сочиненіемъ намѣренъ я тщательно заняться, покуда даю отдыхъ упражненіямъ стиховнымъ. Отъ Сомова получилъ еще письмо на сей почтѣ съ благодарностями за Елегію, цензурой пропущенною и съ изъявленіями, что онъ ждетъ *случая* напечатанія моихъ твореній: право, воспользуйтесь-ко, почтеннѣйшій, его теперешнимъ расположеніемъ ко мнѣ. Не въ его ли Альманахѣ (а онъ все проситъ) помѣститъ *Размысленія и Разборы*? ¹⁾ Многое въ нихъ, вѣроятно, не по мысли ему придется, но это все равно; и его надо даже обязать подпискою, чтобъ онъ не дѣлалъ на страницахъ анотаций, тоестъ не перебивалъ рѣчи; а послѣ особенно можетъ онъ, хоть втрое длиннѣе, писать опроверженіе, я даже радъ буду. Я нынче къ нему прямо пошлю отвѣтъ и обо всемъ вышеписанномъ намекну, не давая, однако, вѣрнаго слова, ибо сперва жду Вашего совѣта; но, кажется, въ журналъ статья длинна, а изъ альманаховъ сѣв. цв. всѣхъ болѣе въ модѣ и расходѣ. Главное будьте здоровы, я самъ недавно хворалъ и знаю, каково это. Прощайте, милый Николай Ивановичъ, и дайте вѣсть. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

¹⁾ Статьи Катенина были напечатаны въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.

27-го іюля 1829. Шаево.

Давно не получая извѣстія отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и, зная изъ послѣдняго письма, что Вы больны были, не могу удержаться, чтобъ не писать и не спросить, здоровы ли Вы теперь? Справедлива пословица, что пуганная ворона куста боится; цѣлое утро Вы и Ваша лихорадка вертитесь у меня въ головѣ, а причина тому письмо, полученное мною на этой почтѣ отъ Алексѣя Петровича Скуратова, съ горестнымъ, тяжкимъ извѣстіемъ о смерти его старшаго брата и моего искренняго друга, Павла Петровича, кому я посвятилъ свою Андромаху. Нѣтъ силъ и нѣтъ словъ выразить Вамъ, каково мнѣ отъ такой нечаянной вѣсти, голова моя не на мѣстѣ, и сердцу такъ тошно, что словно какъ бы самому смерть пришла. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій, увѣдомьте хотя о себѣ поскорѣе и для меня поотрадиѣе, а то я и отъ жестокой правды и отъ мучительнаго воображенія совсѣмъ измучусь. Самъ я продолжаю поправляться, такъ даже что съ недѣлю тому принялся снова за любимое мое тѣлодвиженіе, за верховую ѣзду; черезъ день сажусь въ ванну и хоть совершенно изцѣлиться не надѣюсь, но, что называется, плетусь; только къ чему и жить, коли тѣ, кого любишь, умираютъ? я человѣкъ холостой, бездѣтный и принужденный по обстоятельствамъ жить въ безлюдной пустынѣ; тѣмъ куда и жизнь красна, что думаешь: есть еще кое-гдѣ нѣсколько человѣкъ, которые меня также любятъ, какъ я ихъ, что то они теперь дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ? а какъ окажется вдругъ недочетъ въ одномъ, хуже и больнѣе нежели бы руки или глаза не стало. Еще разъ: напишите мнѣ о своемъ здоровьи, и буде оно (какъ я надѣюсь) поправляется, не оставляйте меня по долгу въ невѣденіи и сомнѣніи: оно иногда бываетъ безъ прибавки мучительно. Прощайте, любезный Николай Ивановичъ, будьте здоровы. Пишите. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

Р. S. Лѣто стоитъ ужасное; каждый день гроза, молнія, громъ, дождь и градъ; кое-гдѣ хлѣбъ, поспѣвающій, выбило, а въ Чухломской округѣ одна деревня моя вся отъ молніи сгорѣла. Ахъ! какъ грустно! ахъ! какая дрянь вся жизнь человѣческая! ахъ! какъ мы глупы, что привязаны къ ней! ахъ! какъ жаль, что никакимъ оханьемъ и ничѣмъ ничему пособить нельзя!

52.

12-го августа 1829 г. Шаево.

На силу, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дождался я отъ Васъ письма утѣшнаго на счетъ лихорадки, которая меня уже давно пугала, а того болѣе, когда смутила меня горестная вѣсть, въ прошедшемъ письмѣ къ Вамъ сообщенная. Она теперь также меня печалитъ и, можетъ быть, что дальше, то больше; но одна рѣчь не половица и, чтобъ о другомъ завести разговоръ, обращаюсь къ замѣчаніямъ Вашимъ на переводъ второй и третьей пѣсни Ада:

Я ни Эней, ни Павелъ, и въ себѣ

Не зрю одинъ достоинства чрезъ мѣру ¹⁾.

Легко мнѣ ошибаться, но я тутъ не вижу *меньшей* скромности, чѣмъ въ подлинникѣ, развѣ болѣшую: я не думаю про себя одинъ, что я чудо, заключаетъ въ себѣ уже ту мысль, что прочіе и по давню этого не думаютъ, а я не такъ глупъ, чтобы *одинъ* мечталъ о себѣ невѣсть что. Переимѣнить зрю на *что* легко; но лучше ли будетъ? оба глагола равно къ разговорному языку не принадлежатъ, и имъ однимъ переводить Данте не лзя и не должно; надо его искусно только смѣшивать съ книжнымъ и высокимъ, избѣгая скачковъ; не зрю мнѣ кажется здѣсь живѣе, нежели *не что*, или *не мню*. Можно сдѣлать еще такъ: Я ни Эней, ни Павелъ, и въ себѣ *не вижу самъ* достоинства чрезъ мѣру; но пропадетъ *одинъ*, право весьма скромный и дѣльный. Я не упорствую, а разсуждаю, ищу, прошу совѣта, объясненія, убѣжденія и тогда съ удовольствіемъ поправлю. Если *не вижу самъ* покажется Вамъ, по сличенію, лучше, нежели *не зрю одинъ*, пожалуй: *не вижу самъ* ²⁾, je le veux bien ³⁾.

Такъ послѣ думъ въ ущельи мрачномъ томъ и пр. ⁴⁾.

Въ глухой степи преткнутъ въ пути своемъ *и пр.* ⁵⁾. Ваше топографическое изслѣдованіе важно, и я постараюсь Васъ удовлетворить. Въ началѣ заблуждался Данте in una selva oscura, selvaggia ed aspra e forte, въ переводѣ: въ лѣсу *густомъ, дикомъ*, гдѣ дорога cosa dura, по-русски: трудна и опасна. Выбрался онъ оттолѣ къ холму un colle, гдѣ si terminava quella valle, гдѣ сей *юдоли конецъ*; онъ началъ взходить, ed ecco quasi al cominciare

1) Пѣсня 2-ая „Ада“, ст. 32—33.

2) 33-ій ст. 2-ой пѣсни; въ соч. Катенина II, 99 читается такъ:

Не зрю и самъ достоинства чрезъ мѣру.

3) „Такъ, я хочу“.

4) Ст. 40-ой 2-ой пѣсни.

5) II-я пѣсня, стихъ 62-ой.

dell'erta, и вотъ почти въ началѣ подъ горою встрѣтились ему звѣри; испуганный волкомъ и, отступая съ испуга безъ оглядки, онъ уже rovinava, падалъ in basso loco, въ тѣсную стремнину dove'l sol tace, гдѣ солнца лучъ не свѣтитъ. Но появился Виргилій и, увидѣвъ его nel gran deserto, въ степи пустой отъ вѣкъ, Данте ободрился. NB. Тутъ уже не лѣсъ, лѣсъ остался позади, а пустое мѣсто, степь, при подъемѣ отъ юдоли, la valle, а на холмъ, il colle. Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, до прихода Виргиліева, усмотрѣла его небесная жена и называетъ его *diserta spiaggia*, въ переводѣ; *глухая степь*; Виргилій и беретъ вывести его d'esto luogo selvaggio, изъ сей пустыни дикой. Пошли они уже не на холмъ, а другимъ путемъ, per altro viaggio, ко двѣрямъ ада; сей путь ведетъ чрезъ una costa oscura, чрезъ мрачное ущелье. NB. Это совсѣмъ уже другое мѣсто; Ахеронъ течетъ въ третьемъ мѣстѣ, не только за двѣрями ада, но даже за всѣмъ пространномъ полемъ, гдѣ казнены бездушные ужаленные осами; а стихъ:

Non vedi tu la morte, che'l combatte.

Su la fiumana, onde'l mar non ha vanto? ¹⁾

не означаетъ ни Ахерона (ибо Данте далеко до него не дошелъ и покуда не туда идетъ), ни какой рѣки физической, но аллегорическую рѣку жизни, обуреваемой страстями, гдѣ тонуть столько, что передъ нею самое море non ha vanto, должно *уступить* въ похвальбѣ. Потрудитесь, почтеннѣйшій, повѣрить съ подлинникомъ мои изъясненія, и я надѣюсь, что Вы, отдавъ справедливость моему труду и точности, скажете съ одобреніемъ: Sic.

Amor mi mosse, che mi fa parlare

Quando sarò dinanzi al Signor mio и пр. ²⁾.

Какъ тутъ перевести? amor двусмысленно, il signor mio явно I. X. Который смыслъ приличнѣе для небесной Беатрики? Сохраняя двусмысліе, можно написать такъ:

Меня влечетъ желанье къ тѣмъ мѣстамъ,

Отколь сошла узнай, я Беатрика,

Любовь моимъ внушила рѣчь устамъ;

И Божія сподобясь въ небѣ лика (правильно ли?)

Предъ нимъ тобой я похваюсь, о другъ!

¹⁾ II, ст. 107—108 (Развѣ ты не видишь смерти, которая сражается съ нимъ на берегахъ рѣки, передъ которою безсильно море).

²⁾ II-я пѣсня, ст. 72—73.

Ch'hanno potenza di fare altrui male.

Не мудрено бы перевести какъ Вы желаете:

Въщей и дѣлъ для ближняго опасныхъ ¹⁾;

но altrui не имѣеть здѣсь того смысла, а значить просто: faire du mal, faire *quelque* mal ²⁾, кому бы то ни было; Данте особенно часто употребляетъ это слово altrui въ этомъ неопредѣлительномъ значеніи, почему и французскій переводчикъ поставилъ безо всякихъ на ближняго намековъ:

Si de ce qui peut nuire on se doit écarter ³⁾

Входящіе! надѣжды нѣтъ для злаго ⁴⁾.

Лучше этого сдѣлать не умѣю. Двусмыслія на счетъ *добрыхъ* не можетъ быть, тѣ отправляются *инымъ путемъ, иными волнами*, какъ говорить послѣ Харонъ; сей надписи некому и читать, кромѣ *входящихъ злыхъ*, для нихъ только и написана сія страшная угроза, въ видѣ сентенціи; самъ же Данте, по волѣ небесной, исключеніе изъ общаго правила и даже по-русски, оно къ нему не относится, что еще сходнѣе съ понятіемъ о премудрости вѣчной, которая ни въ словѣ не ошибется.

Здѣсь всякихъ благъ отъ вѣчнаго разлуки и пр.

Грамматическая задача, о которой надо подумать. Я осмѣлился поставить *разлуку*, вмѣсто *потери, утраты, лишенія*; если *разлука* не сочетается съ родительнымъ падежомъ отнюдь, если это не смѣлость поэтическая, а просто неправильность и ошибка, надо переимѣнить. На скорую руку положимъ такъ:

Здѣсь съ благомъ ихъ отъ вѣчнаго разлуки ⁵⁾,

что, кажется, по всему лучше. Я всѣ нерѣшенные стихи оставлю до разрѣшенія Вашего en blanc, а теперь покуда прощайте; рука устала отъ писанія, завтра опять возьмусь за перо, ибо, и кромѣ Inferno ⁶⁾, о многомъ еще хочется съ Вами побесѣдовать. И такъ, до завтра, любезный Николай Ивановичъ.

Толкованія Г-на Brait--Delamothe ⁷⁾ на темныя мѣста второй и

¹⁾ II пѣсня, ст. 89 (Въ соч. Катенина, II, стр. 105):

Вещей и дѣлъ вредомъ своимъ опасныхъ.

²⁾ „Дѣлать зло“.

³⁾ „Если нужно избѣгать того, что можетъ причинить зло“.

⁴⁾ III пѣсня, ст. 9-ый (Соч. II, стр. 104).

⁵⁾ Пѣсня III-я ст. 17 (Соч. II, стр. 104).

⁶⁾ „Ада“.

⁷⁾ „L'Inferno“ en vers français, traduction nouvelle d'après un nouveau commentaire de Biagiolo, avec le texte en regard et enrichi d'un Discours sur Dante, de notes littéraires et historiques et d'un plan general de l'Enfer par Brait de La Mothe. Paris 1823.

третьей пѣсни слишкомъ недостаточны. Какъ можетъ быть первая изъ трехъ *donne benedette* ¹⁾ главная, призвавшая Лучію и, съ видомъ какъ бы начальства, поручившая спасти гибнущаго: *она abbisogna il tuo fedele di te ed io a te lo raccomando* ²⁾, быть *le symbole de l'âme*? если бы она была только всеобщая Психея, она бы съ моленіемъ прибѣгнула къ Лучіи (къ свѣтлости Божеской) а не порученіе ей бы давала: виновать, только я въ ней вижу пресвятую Богородицу, скорую помощницу, которую авторъ изъ почтенія, либо, за лишнее считая, не назвалъ по имени; впрочемъ здѣсь переводъ вѣренъ съ подлинникомъ, а догадываться вольному воля. *О небѣ ch'ha minor li cerchi sui* ³⁾, навралъ французъ жестоко: переводить и толкуеть: *c'est par toi (Beatrice) que l'homme s'eleve au dessus des animaux qui sont compris sous le cercle de la lune* ⁴⁾? Съ чего онъ взялъ: *les animaux*? и почему *sous le cercle*? Вотъ мнѣніе мое: *il cielo*, тоестъ свѣтило небесное, меньшій кругъ имущее, есть луна; въ ней помѣщаются Данте (*Paradiso*) души святые, наслаждающіяся меньшимъ блаженствомъ, нежели въ вышихъ *cieli*, такъ что человекъ даже, на землѣ живущій и любимый Беатрикою, *donna di virtu* ⁵⁾, углубившійся въ Божественную науку, ея представляемую, равняется или превозходитъ даже въ веселіи *contento*, самыхъ святыхъ луннаго рая. Я думаю въ стихахъ сказать такъ:

Жена велика,

Кѣмъ родъ людей, грѣха и смерти слугъ,

Тѣхъ горнихъ странъ блаженства (*veselya*) достигаетъ.

Которымъ данъ всѣхъ меньшій въ небѣ кругъ! ⁶⁾ и пр.

О томъ, *che fece per viltade il gran rifiuto*, не знаю, что по-

¹⁾ „*Donne benedette*“ Катенинъ перевелъ „избранныя въ женахъ“. (Соч. II, стр. 102).

²⁾ II-ая пѣсня, ст. 97—99

Катенинъ перевелъ:

И Лучію призвавъ къ себѣ благоую,

Ей молвила: Поклонникъ гибнетъ твой,

И я тебѣ спасти его дарую.

(Соч. II, стр. 101).

³⁾ II-ая пѣсня, ст. 78.

⁴⁾ „Тобою (Беатриче) человекъ возвышается надъ животными, живущими подъ луною.

⁵⁾ Добродѣтельной женой.

⁶⁾ Последнія двѣ строфы измѣнены Катенинымъ (соч. II, стр. 101) такъ:

Веселія странъ звѣздныхъ достигаетъ,

Свершающихъ по небу меньшій кругъ!

думать навѣрно, но полагаю покуда, что всего лучше оставить Пилата, всѣмъ извѣстнаго, чѣмъ намекать Богъ вѣсть на кого, по которому коли Данте могъ вдругъ узнать свойства всѣхъ прочихъ, то вѣрно изъ насъ никто не узнаеть. Посылаю при семъ переводъ первой пѣсни, пропущенный цензоромъ; тѣ двѣ вмѣстѣ съ прочими, непомѣщенными въ моей голубой книгѣ, перепишу въ тетрадь и вскорѣ пришлю. Къ стихотвореніямъ моимъ во второй части переводовъ приложется еще двѣ кантаты Руссо, работы К. Н. Голицына; а на счетъ ихъ напишу къ Вамъ (какъ издателю) особую записку, и Вы ее тутъ же, при двухъ словахъ отъ себя, помѣстите. Теперь покуда посылаю первую тетрадь *Размышлений и Разборовъ* для напечатанія (какъ я думаю) въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ: я уже писалъ къ Сомову, вопрошая: будетъ ли у него мѣста? если же нѣтъ, то я думаю, черезъ Каратыгина, доставить оныя къ Аладьину, который равномѣрно просить чего дадутъ въ Невскій Альманахъ. Благодарю Васъ за Кюна и, какъ прочитаю, скажу свое мнѣніе; Inferno же съ переводомъ Вамъ возвращаю: буде имѣю право взять, по смерти Чепегова, одну изъ его книгъ, передаю его Вамъ: у меня есть Divina Comedia въ подлинникѣ, а толкованія не нужно покуда, ибо я дальше теперь перелгать не намѣренъ. Жду замѣчаній на Говелію и Федру и, какъ выше сказано, голубую книгу и все, прибавленіемъ къ ней служащее, доставлю въ скорѣйшемъ времени. Но похлопочите, чтобы разказъ Цинны, напечатанный давно въ Сынѣ Отечества, пропустили и теперь въ полномъ изданіи: въ голубой книгѣ его цензоръ выхирилъ, и я тогда (въ 1827-мъ году) самъ за него не стоялъ, соображаясь съ временными обстоятельствами, но въ 1829-мъ старое поминать не для чего, и отрывокъ изъ трагедіи, всюду играемой, даже любимой многими государями, есть стихотворная étude и больше ничего. Карамзина текстъ я успѣлъ на скоро прочесть, мнѣ кажется, оно ни лучше, ни хуже прежняго; Блудова предисловіе нѣсколько жеманно. О Скопинѣ еще понимаю, почему историкъ нагостнаго времени силится, со всѣми натяжками, идеализировать лице, хоть нѣсколько лучшее другихъ; но за что онъ щадитъ военнаго бродягу, полу-предателя и весьма грабителя Делагарди, про то развѣ знаютъ старшіе, а не я. Полевой, нападающій на всѣхъ безъ разбора и оглядки, долженъ быть въ натурѣ презабавный человекъ; за Карамзина надо предполагать, что ему достанется, но, что бы ему ни говорили, il ira son train ¹⁾. Я же думаю вотъ что: Карамзина исторія, коли строго ее судить, безъ сомнѣнія, не годится и надо требовать другой, но покуда дру-

¹⁾ „Онъ не перемѣнится“.

тому не позволили писать, ни печатать, покуда другой не взялся даже съ терпѣніемъ за розыскъ и трудъ, необходимый для такого сочиненія, пока nous en sommes là, спасибо Карамзину даже за то, что онъ написалъ; и со временемъ (когда будетъ многое лучше и гораздо лучше его) признаются, что безъ него не такъ бы легко было и обогнавшимъ послѣ идти, что онъ все нѣсколько протеръ дорогу. Критиковать его должно съ большой учтвостью, съ признательностью, а не иначе; смѣшно играть роль d'un dégoûté ¹⁾, когда всѣ знаютъ, что ты лучше этого и не ѣдалъ; мы Русскіе, въ этомъ положеніи послѣ Щербатова ²⁾, Болтина ³⁾ и Елагина ⁴⁾, Карамзинъ долженъ казаться почти вкусенъ; но, къ несчастью, это почти отличительная черта нашихъ читателей, критиковъ etc., что они всѣ des ingrats. На прозу мою, къ Вамъ посылаемую, жду замѣчаній болѣе, чѣмъ на стихи, но предупреждаю, что въ этомъ случаѣ не такъ уступчивъ и готовъ въ защиту своихъ мнѣній спорить до завтраго; впрочемъ, Вы замѣтите противъ черноваго начала, читаннаго еще въ Петербургѣ, не мало дополненій; я старался округлить вѣщъ хорошенько, сказать въ немногихъ словахъ много, и продолжаю свой трудъ въ томъ же духѣ и правилахъ; но (повѣрьте) это работа не легкая. Что же до стиховъ, то я рѣшительно остановился ихъ писать, доколѣ собраніе не напечатается, и я не вгляжусь и не вслушаюсь. Но объ этомъ поговоримъ въ другоредъ, а теперь два слова о здоровьи, тоестъ о довольно глухой и скучной матеріи, которая мнѣ всегда казалась нелѣпымъ lieu commun, но начинается и мнѣ казаться чѣмъ-то важнымъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ былъ близокъ къ смерти, и друзья—родственники печально умирають. Я поправляюсь и почти ежедневно усиливаюсь: постарайтесь и Вы о томъ же: нечего дѣлать, надо жить, хотя жизнь (какъ исторія Карамзина) bien peu de chose; но, за недостаткомъ, и Ома дворянинъ; общають лучшее, но promettre et tenir font deux ⁵⁾. Я раздумалъ посылать къ Вамъ теперь 1-ю пѣснь Ада, ибо сдѣлалъ въ ней тоже нѣсколько поправокъ, все вмѣстѣ сообщится, а теперь получите только 20 рублей, изъ коихъ 13 за 12-й томъ Исторіи, а

¹⁾ „Пресмыщеннаго“.

²⁾ Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, извѣстный историкъ, р. въ 1733 г., ум. въ 1790 г.

³⁾ Иванъ Николаевичъ Болтинъ, авторъ „Примѣчаній“ на исторію Леклерка (1788 г.) р. въ 1735 г., ум. въ 1792 г.

⁴⁾ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, р. въ 1725 г., ум. въ 1793 г., авторъ „Опыта повѣствованія о Россіи“, доведеннаго до 1389 г.; былъ директоромъ Императорскихъ театровъ съ 1766 до 1779 г.

⁵⁾ „Но обѣщать и исполнить обѣщанное не одно и то же“.

тѣ пойдутъ за Гнѣдича, или другое, чего я отъ Васъ попрошу да тетрадь прозы, да сіе предлинное письмо. Гдѣ К. Меншиковъ и что съ нимъ будетъ? гдѣ Саша Пушкинъ и что онъ дѣлаетъ? гдѣ Преображенскіе, и когда ихъ обратно ждуть? сколько вопросовъ! однако прощайте, будьте здоровы, и пишите. Рукописи пришлются какъ разъ, припасайте изданіе, подписку etc. etc. etc. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

53.

9-го сентября 1829 г. Шаево.

Теперь (въ тѣсномъ смыслѣ слова) я не могу, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дать Вамъ 1500 рублей въ займы, потому что ихъ у меня нѣтъ; теперь мое худшее въ году время, когда старыя деньги вышли, а новыя еще не пришли; но вскорѣ, черезъ мѣсяць, можетъ быть, а черезъ два почти навѣрно, у меня будутъ деньги, развѣ я ошибусь совершенно въ расчетахъ, и тогда я къ Вамъ тотчасъ пришло. Буде въ пору, очень радъ; буде нѣтъ, весь трудъ Вашъ будетъ отдавать въ Опекунскій Совѣтъ въ уплату по моему закладу, и во всякомъ случаѣ попрошу Васъ туда уплачивать и въ будущемъ году, коли займете. Мнѣ крайне жаль, что безо всѣхъ разказней не шлю къ Вамъ мигомъ того, что надобно, но на нѣтъ суда нѣтъ: какъ возможность появится, такъ и исполненіе не замедлитъ. Но что такое вводитъ Васъ въ убытки? почему Вы пишете глухо и не хотите пріятелю откровенно разказать своего горя или заботы, или что тамъ ни есть. Знаете ли что? я бы хотѣлъ очень, чтобъ Вы сюда побывали; кромѣ удовольствія съ Вами потолковать обо многомъ, я бы еще предложилъ вопросъ: намѣрены ли вы жениться? Коли да, j'ai peur être votre fait¹⁾: у меня есть двоюродная сестра, двадцати двухъ лѣтъ, собой не дурна, bien faite, души прекрасной, ума по женски, даже образованнаго, съ хорошимъ приданымъ и тремястами душъ крестьянъ. Я бы взялся охотно Васъ къ ней посватать, желая добра обоимъ: qu'en pensez vous? На той почтѣ отправлю къ Вамъ стихотворенія, ибо къ нынѣшней еще не все готово, какъ слѣдуетъ. О посланной ужѣ прозѣ ожидаю извѣстій, также и о Гоголѣ и пр. Но можетъ быть Вамъ не до того. Я на дняхъ сдѣлалъ, что называютъ добрымъ дѣломъ: отпустилъ на волю двухъ мужчинъ и трехъ женщинъ: дай Богъ, въ святой часъ; а поспѣшить заставила меня болѣзнь нынѣшняго года и Ску-

¹⁾ „Я, можетъ быть, имѣю то, что Вамъ нужно“.

ратова нечаянная смерть: эдакъ могу и я повалиться, не исполнивъ обѣщаннаго. Сосѣдъ мой, Жуковъ, также служившій въ полѣ въ 1812-мъ и слѣдующихъ годахъ, вдругъ захворалъ точно тѣмъ же, чѣмъ я въ февралѣ, руки и ноги отянулись, старые биваки о себѣ напоминаютъ; много мы съ нимъ выслужили. Будьте здоровы, почтеннѣйшій; желаю имѣть возможность поскорѣе доказать, что я Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

54.

8-го октября 1829 г. Шаево.

Такъ давно нѣтъ отъ Васъ писемъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что я не знаю, что и подумать; посылаю, однакожъ, при семь стихотворенія, какъ пропущенныя уже въ голубой книгѣ, такъ и послѣ написанныя, въ особой тетрадкѣ, въ концѣ которой и оглавленіе обѣихъ частей по порядку; небольшое число стиховъ К. Голицына должно помѣстить въ концѣ второй части, тоестъ переводной. На счетъ объявленія объ нихъ предоставляю, какъ Вамъ угодно: Вамъ ли сказать слово въ предисловіи, или мнѣ сообщить къ Вамъ родъ записочки. О *размышленіяхъ* и *разборахъ* жду отзыва и, не получая, остановился даже продолжать, ибо неизвѣстность о томъ, какъ оно добрымъ людямъ кажется, отбиваетъ охоту писать. Разказъ Цинны, вымаранный въ Голубой книгѣ, я переписалъ снова для напечатанія, вмѣстѣ съ прочими; *тогда*, тотчасъ послѣ несчастнаго дѣла о 14-мъ Декабрѣ, я полагалъ за лучшее не выдавать отрывка, гдѣ могутъ находить намеки, но *теперь* дѣло прошлое, и вѣрный переводъ изъ всеѣмъ извѣстной трагедіи старика и ультра-роялиста Корнелия не долженъ казаться опаснымъ и невѣстнымъ ни почему; это поэтическая *étude*, какъ и Фераменовъ разказъ и сонъ Гофолія etc, и больше ничего. Еще посылаю томъ Карамзина Исторіи въ переплетѣ для образца, чтобы также точно переплестъ и двѣнадцатый у того же переплетчика Лауферта, живущаго у Краснаго моста въ Гороховой; на тотъ же ладъ закажите ему переплестъ и *Букетъ* ¹⁾, не слишкомъ обрѣзывая бумаги въ книжкѣ, безъ того маленькой, и пожалуй стихи Хвостова для куріозу; а теперь они посылаются для удобства укладки: хотя разъ пригодились. По окончаніи работы

¹⁾ „Букетъ“, Карманная книжка для любителей и любительницъ театра на 1829 г., изд. Е. Аладынымъ. (Тамъ м. п. напечатаны: ком. въ 1 д. Мариво: — *les Sincères*, передѣл. Катенинымъ, подъ названіемъ „Говорить правду, потерять дружбу“ и „Полночь или кто прежде поцѣлуется“.

вышеописанныя книги и (какъ уже прошено) четыре пѣсни Иліады Гнѣдича александринами (также переплети вмѣстѣ) пришлите. О деньгахъ нужныхъ Вамъ очень помню и стараюсь, и какъ только будетъ возможность, пришлю; но теперь годы безденежные, и такая бѣдность во всѣхъ карманахъ, что подумать страшно. что же и быть можетъ, когда уже хлѣбъ въ малоурожайныхъ краяхъ, каковъ нашъ, продается по шести гривенъ четверикъ? когда рабочіе нанимаются на винокурню по двадцати рублей бумажками, сверхъ харчей, слишкомъ на полгода? вопросъ: чѣмъ же они въ состояніи заплатить подати и оброки свои? какъ проговариваютъ: скоро ли возвратятся гвардейскіе полки въ Петербургъ? я предавно не имѣю никакого свѣдѣнія объ нихъ и о братѣ Александрѣ. Пишите, почтенный Николай Ивановичъ, не зарывайте меня за живо въ могилу; будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

55.

4-го ноября 1829 г. Шаево.

Нѣтъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, въ этомъ я съ Вами никакъ не могу согласиться, чтобы печатать изъ Размышлений и Разборовъ только 4-е и 5-е отдѣленія, о Грекахъ и Латинахъ; первыя два необходимы, безъ нихъ все теряетъ свою основу, и когда Вы изволите ихъ называть *первой мыслию необработаннаго для печати*, позвольте мнѣ съ сердцовъ отвѣтить, что Вамъ такъ показалось, за недосугомъ повѣрить свою первую мысль; напротивъ, два первыя отдѣленія: объ изящ. иск. и о поэт. вообще, обдуманы и обработаны отмѣнно тщательно; я старался въ нихъ каждому слову дать вѣсь и въ короткихъ словахъ выразить все, что должно служить основою дѣльныхъ размышлений и разборовъ по сей части. Статья о Библии менѣе важна, но зато она очень сжата и въ концѣ ея нѣсколько полезныхъ словъ о русскомъ языкѣ да и зачѣмъ вырѣзать лоскутъ? въ альманахѣ, полагаете Вы, мѣсто для отрывковъ изъ поэмъ и трагедій, такъ, правда Ваша, но разсужденія всегда выигрываютъ отъ цѣли ихъ; сверхъ того, еслибъ не лѣзя было печатать всего—хоть за недостаткомъ мѣста, скорѣе можно выкинуть изъ середины цѣлую поэзію латинскую, англійскую, или нѣмецкую; но ни подь какимъ видомъ не должно и не лѣзя утаивать главнѣйшаго—начала, базиса всѣхъ сужденій. Вы боитесь, что на этотъ базисъ нападутъ; что же дѣлать мнѣ! пусть нападаютъ. я не затѣмъ писалъ, чтобы спали, меня читал; если кое кто прочтется, тѣмъ лучше; здѣсь не стихи мои, за которыя вступаться

мнѣ не ловко, здѣсь правила, мысли, заключенія о другихъ, споръ равенъ, и я властенъ защищать здравый смыслъ противъ безумія— до конца, такъ и сдѣлаю. Вся бѣда, что я живу въ Кологривѣ, журналовъ не выписываю по 1001-ой причинѣ, и меня могутъ атаковать, а я и знать не буду; тогда помогите Вы, тоестъ, по крайней мѣрѣ, сообщите мнѣ все, что напечатается мнѣ въ отвѣтъ или укоръ, а тамъ увидимъ. И такъ настоятельно, рѣшительно прошу Васъ напечатать все и даже, коли мѣста мало, выкинуть скорѣе конецъ (отдѣленія о Латин.), но чтобы начало было всеѣмъ видимо и вѣдомо. Сомову я очень благодаренъ за его готовность мнѣ услужить, а на счетъ ореографіи скажу Вамъ: буде хлопоты все въ словахъ, составленныхъ съ предлогами *воз* и *из*, которые я такъ и пишу, между тѣмъ какъ большая часть, по выговору, ставитъ *вос* и *ис*, то это мѣлочь, о которой говорить нечего. На римахъ, гдѣ приходится прилагательное, съ окончаніемъ въ мужескомъ родѣ на *енный*, я его пишу *енной*, коли рима къ нему творительный или родительный падежи женскаго существительнаго, либо прилагательнаго, пишу для того, чтобы глаза не оскорблять нестротой, ибо выговариваютъ по большей части на *енной*, и оно такъ не неправильно, что инныя прилагательныя муж. рода вездѣ ставятся съ *о*, вмѣсто *ы* и *і*: Это прошу сохранить. Не знаю также, къ ореографіи ли причисляете Вы, что я пишу и говорю: *Киклопъ*, *Кентавръ*, *Киркя*, вмѣсто Циклона, Центавра и Цирцеи: за это я также стою; но *воз* и *из* отдаю Вамъ на съденіе. Je reviens à mes moutons: въ первыхъ двухъ статьяхъ, говорите Вы, *много новыхъ и рѣзкихъ мыслей*—tant mieux, онѣ *требуютъ подробнѣйшаго изложенія и большихъ доказательствъ*; онѣ ничего не требуютъ, и *для меня ясны и вѣрны*, какъ Евклидовы начала Геометріи; но когда отъ меня *потребуютъ подробнѣйшаго изложенія etc.*, я тогда его, съ охотою моею и сверхъ воли требующихъ, дамъ. Сдѣлайте милость, почтенивѣйшій, не робѣйте за меня; коли Вамъ, что не такъ кажется, скажите, и мы потолкуемъ, но пустой и даже вредной осторожности я себя не предаю ни въ какомъ случаѣ; я же теперь стиховъ не пишу куда, стало чувствительнаго мѣста, куда направлять стрѣлы враги мои не обрящутъ, и мы поведемъ (s'il le faut) перестрѣлку на равномъ оружіи: увидимъ только, чей глазъ вѣрнѣе и чей порохъ дальше бьетъ. Поблагодарите Сомова отъ меня за принимаемый имъ трудъ по изданію: съ учтивостей, оказанныхъ мнѣ имъ въ нынѣшнемъ году, я чувствую себя tout porté pour lui и желалъ бы чтобы оно осталось, продолжилось и умножилось. Радъ я выздоровленію Менщикова, я его всегда уважалъ, дай Богъ не ошибиться. О сватовствѣ ничего болѣе не скажу, c'est fini: о деньгахъ тоже

ничего, ибо *ce n'est pas fini*, но Вы слишком по долгу ко мнѣ не пишете. Знаете ли, Николай Ивановичъ, что оно бываетъ мучительно для нашей братьи степныхъ или лѣсныхъ? мы живемъ и дышимъ только залетнымъ воздухомъ и безъ него чахнемъ; я, по-славъ къ Вамъ разм. и разб., принялся за продолженіе съ жаромъ и, не слыша ничего, такъ вдругъ окостенѣлъ, что, подходя къ Тассу, сталь и мѣсяца съ два пера въ руки не бралъ. Будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

P. S. Надписывайте: въ Чухлому, я туда ѣду.

NB. Я приду въ отчаянье, если начало не напечатается, на него вся моя надѣжда, безъ него все къ чорту не годится: ради Бога, дайте волю и не вяжите рукъ.

NB. Не моя вина, коли это письмо доставится поздно, я не могъ отвѣчать, пока не слышалъ ни слова отъ Васъ и отвѣчаю въ тотъ же часъ; хотъ бы уже печатался альманахъ, попросите издателей перепечатать для помѣщенія двухъ первыхъ отдѣленій непременно: самое сомнѣніе мучить меня. *Tout ou rien*.

Перечитавъ со вниманьемъ нѣсколько разъ тетрадь, гдѣ размышленія и разборы и Ваше письмо, и мое, рѣшился я прибавить къ нему родъ объясненія, чтобы Вы, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ, не подумали, что я отъ лишней щекотливости или упрямства горячусь и убѣдился, что для меня, по крайней мѣрѣ, есть основательная причина хотѣть непременно и, паче всего, напечатанія первыхъ двухъ отдѣленій. Въ послѣднемъ о Латинахъ, послѣ нападенія нѣкотораго на романтизмъ пишу я:

„Сіе разсужденье завело насъ далеко отъ Сенски, но оно тѣмъ полезно, что на основательныхъ только всеобщихъ понятіяхъ утверждаются и частныя сужденія“. Вы изъ этого разомъ поймете, почему я теперь полагаю изданье размышл. и разборовъ безъ начала даже вреднымъ для себя. На это начало желаю я именно, чтобы обратилось вниманье читателей, я держался въ немъ рѣзкаго тона съ намѣреньемъ, я нарочно избѣгалъ въ немъ того, что по Вашему въ немъ не достаетъ, тоестъ подробнѣйшихъ объясненій и доказательствъ; всѣ доказательства, всѣ объясненія у меня готовы, но пусть же потребуютъ ихъ, пусть прежде сами поломають голову надъ моими новыми мыслями. Тогда, отвѣчая на возраженія, мнѣ остается выборъ тона; на дѣльное отчасти я могу отвѣчать серьезно, на вздорное и недѣльное шутливо и колко, *et j'aurai les rieurs pour*

мои¹⁾; теперь, начиная, я могу доказывать и объяснять только сухо вещи и такъ сухо: общія начала; но пусть вызовется кто опспорить, что дважды два четыре, либо будетъ ему это объяснить и доказать. Уже ли Вы не замѣтили, что въ продолженіи разборовъ, въ оцѣнкѣ народовъ и стихотворцевъ, я вездѣ слѣдую въ точности положеннымъ въ началѣ основаніямъ? безъ новаго и вмѣстѣ дѣльнаго взгляда на эстетику всю, на неизмѣнныя ея свойства и признаки, безъ твердаго, простаго и для всѣхъ понятнаго правила, по которому отличать хорошее отъ дурнаго, зачѣмъ писать? Какая мнѣ честь, либо польза, коли нѣмѣ скажутъ: кажется, онъ порядочно судить о греческихъ трагикахъ? помѣшаетъ ли это другимъ твердить свое: онъ ихъ только и знаетъ, но не постигаетъ вовсе. что истинно хорошо, и сколько Бейронъ лучше всего; онъ толкуетъ, можетъ быть, отчасти справедливо, но не доказываетъ ничего противъ насъ? Будьте увѣрены, Николай Ивановичъ, что и въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ слишкомъ довольно того, что придется не по вкусу *читателей неблагосклонныхъ*, разсердятся они равно въ томъ и другомъ случаѣ; но пусть же сердятся, получивъ ударъ вдвое, всотеро сильнѣе. Совѣтовать мнѣ сильнѣе скрыть, значить тоже что останавливать мою руку, занесенную въ сраженіи на непріятели, изъ напраснаго опасенія, что за сильный ударъ онъ самъ сильнѣе отмститъ: тогда останавливайте руку его, а не мою теперь; авось я такъ хвачу, что онъ не скоро опомнится. Ударъ же долженъ быть нанесенъ разомъ; послѣ частныхъ сужденій, общія выйдутъ послѣ ужина горчица. Вамъ, какъ видно, начало мое не совсѣмъ показалось: жалѣю, но надѣюсь, что оно Вамъ, при удвоенномъ вниманіи, вдвое полюбится; что имянно вамъ не по мысли Вы покуда не сказали, стало мнѣ не на что и отвѣчать; Вы уже признаете, что и *то, можетъ быть, справедливо*: увѣряю васъ въ этомъ и готовъ подкрѣпить свои задачи яснѣйшими и подробнѣйшими доказательствами, но не до времени; куда мнѣ бѣжать починавъ домъ, коли онъ еще никѣмъ не тронуть, только что выстроены и (повѣрьте) на прочномъ основаніи? Стихотворенье, чѣмъ-нибудь слишкомъ могущее раздражить моихъ многочисленныхъ недоброжелателей, я бы, по совѣту пріятели, рѣшился такъ и быть изъ осторожности спрятать, ибо тамъ я, обезоруженный, преданъ aux bêtes, защищаться самъ не могу и, развѣ кто другой великодушно меня отъ нихъ спасетъ, пропалъ съ головою; но въ сужденіяхъ дѣло другое: я самъ критикъ. въ правѣ стоять за свое мнѣніе pugnīs et calcibus, unguibus et

¹⁾ „И я буду имѣть большую часть публики на моей сторонѣ“.

rostro¹⁾ и у меня самого, какъ у Еремѣевны, *зацѣпы востры*. Въ послѣдній разъ умоляю Васъ: не подстригайте мнѣ когтей, не притупляйте меча передъ боемъ; коли Вы любите меня, при случаѣ помощь подайте и, коли хоть справедливы, позвольте сражаться всею силою, а не частью. Еще прибавлю: для большей части читателей, для публики, нѣтъ ничего лучше рѣзкаго и рѣшительнаго тона; всѣ объясненія, всѣ доказательства почитаетъ она во первыхъ за признакъ слабости и слушать ихъ не хочетъ; для тѣхъ же, кто ихъ потребуетъ, есть у меня готовыя, и въ спорѣ естественно представится множество новыхъ, непредвидѣнныхъ, самими противниками внутреннихъ. Summa summarum требую, чтобы было напечатано все, паче всего начало. Утѣшите меня скорымъ отвѣтомъ, я долѣ не усну.

56.

19-го ноября 1829 г. Шаево.

Сегодня два слова только, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и при нихъ 80 страницъ продолженія *Размышлений и Разборовъ*. Этыхъ теперь не печатать, даже прошу не показывать (развѣ съ увѣренностью изъ того пользы); но сдѣлайте дружбу, прочтите со вниманьемъ и все, что замѣтите, мнѣ сообщите. Гораздо лучше заблаговременно другъ друга понять и, что нужно, по совѣту умнаго пріятели, исправить, нежели, неприготовясь, входить въ споръ, когда пора дѣйствовать. Обо всемъ жду отъ Васъ извѣстій и надѣюсь, что Вы, даже среди занятій службы, постараетесь съискать четверть часа для меня. На дняхъ ѣду въ Чухлому и пробуду тамъ до рождества, а тамъ въ Костромѣ: разочтите для надписей.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

57.

18-го декабря 1829 г. Колотилово.

Бѣда въ томъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что мы живемъ далеко другъ отъ друга, а Вы ко мнѣ пишете рѣдко и не совсѣмъ вѣрно разчитываете время: письмо отъ 6-го Декабря я получилъ сей часъ и, по счастью, могу отвѣчать немедленно, такъ что оно отправится завтра 19-го къ Вамъ. При всемъ томъ оно опоздаетъ для помѣщенія статьи моеѣ въ 1-й № Газеты ²⁾ Сомова и

¹⁾ „Кулакамъ, копытами, когтями и кляками“.

²⁾ „Литературная газета“ изд. бар. А. А. Дельвигомъ, выходила въ 1830 и 1831 г.г. (по июль). Послѣ смерти Дельвига (19 января 1831) она издавалась О. М. Сомовымъ. „Размышленія и разборы“ Катенина находятся въ №№ 4, 5, 9, 10, 11, 19, 20, 21, 32, 33, 40, 41, 42, 43, 44, 50, 51, 67—72. (1830 г.).

Дельвига. Я не знаю формы этой газеты: по многу ли можетъ въ ней помѣщаться разомъ? а въ Сѣверные цвѣты не попала статья единственно (не прогнѣвайтесь) отъ медленности. NB не моей и отъ переписки поздней. Вы спрашиваете: *за что сердиться?* А вотъ за то, что, вопреки всей моей акуратности, все идетъ не такъ, и я послѣ всѣхъ стараній и ожиданій остаюсь avec un pied de nez ¹⁾. Не довольно ли этого, чтобы отвращеніе вѣчное родилось ко всякому писанію? все, что я терпѣлъ отъ Бестужевыхъ et comr. стоитъ только презрѣнія; но быть такъ заброшеннымъ отъ тѣхъ, кого любишь и считаешь, до души больно. Я очень уважаю Ваше холодно-кровіе и отчасти ему завидую; но если бѣ Вы всю жизнь свою съ мое натерпѣлись, сомнѣваюсь, чтобы оно уцѣлѣло. Разсудите сами: статья моя давнымъ давно въ Петербургъ отправлена; по Вашимъ и Сомова письмамъ, я былъ въ твердой несомнѣнной надѣждѣ увидѣть ее въ Сѣверныхъ цвѣтахъ, даже сказалъ объ этомъ кое-кому, кто спрашивалъ, и теперь чисто въ дуракахъ; пріятно ли это? и чѣмъ я заслужилъ? Если Вамъ казалось, что ее (статью) надо нѣсколько пополнить или передѣлать, Вамъ бы сообщить мнѣ свое мнѣніе тотчасъ, такъ чтобы во всякомъ случаѣ, соглашусь я, либо нѣтъ, она могла выйти, гдѣ и какъ я предполагалъ. Я предчувствовалъ, отвѣчая 4-го Ноября, что дѣло испорчено, и болѣе отъ того и сердился; я, конечно, виноватъ, ибо сердцемъ не поможемъ тутъ; но передъ судьей совершенно праведнымъ — я правъ. Какъ бы то ни было, что было, то прошло, и дальнѣйшія на этотъ счетъ разсужденія могутъ развѣ оквасить пріязнь, для меня драгоценную: оставимъ ихъ и постараемся хоть поправить, чего разомъ успѣшно не сотворили. Въ альманахахъ Сомова или въ журналѣ его печатать для меня все равно, лишь бы напечатано было все и хоть такими отрывками, которые бы имѣли видъ и дѣйствіе цѣлаго: вотъ что, я, живучи за тысячу верстъ, обязанъ, по необходимости, оставить на Ваше попеченіе и въ чемъ я болѣе всего Вашей помощи прошу: только, Бога ради, такъ, либо сякъ рѣшайтесь; а то я по цѣлымъ мѣсяцамъ ни на что отвѣта не получаю, томлюсь въ невѣденіи, ночей не сплю, и потомъ, какъ дождусь письма, выйдетъ, что ничего нѣтъ и все à refaire. Коли мои *размышленія и разборы* помѣстятся въ новую газету, мнѣ нужно ее имѣть; слѣдовало бы Сомову мнѣ ее и даромъ присылать за такую важную статью, но s'il lézine ²⁾ подпишитесь за меня съ доставленіемъ въ Кологривъ. Еще разъ: простите мои укору, почтенный Николай Ивановичъ, войдите на

¹⁾ „Съ носомъ“.

²⁾ „Если онъ будетъ скаречничать“.

мигъ (дольше будетъ слишкомъ больно) въ мою кожу; я хворь, всё дѣла мои идутъ не путемъ, вся жизнь никуда не годится: пощадите меня, хоть изъ человѣколюбія; всякая неизвѣстность меня тревожитъ, долгое молчаніе знакомыхъ сокрушаетъ, занозы самолюбія колютъ до крови: чѣмъ я провинился? или какая враждебная судьба все ставитъ вопреки? Вы человѣкъ разсудительный и разсуждать охотникъ; Вы однако ничѣмъ не опровергаете доводовъ моего апологическаго письма отъ 4-го Ноября: стало я въ немъ дѣльное сказалъ; но я хотѣлъ говорить въ слухъ, а покуда мои уста заграждены, и статья моя подъ спудомъ. Мнѣ хотѣлось, очень хотѣлось ее издать скорѣе, Сомовъ изъявлялъ готовность и теперь отговаривается опозданіемъ ея въ альманахъ; кто же подаль ему поводъ, положимъ хоть къ отговоркѣ? и кто безъ вины отъ всего терпитъ? размыслите, разберите и рѣшите. Но я непремѣтнымъ образомъ впадаю опять въ то, отъ чего хотѣлъ остерегаться, въ бесполезные и даже вредные укоры; виновать и перестану; только повторю просьбу: рѣшайтесь и гдѣ-нибудь издавайте статью; да пишите о томъ, что дѣлается, а то время залотое проходитъ безъ пользы и цѣли. Черезъ недѣлю отправляюсь въ Кострому, пробуду тамъ по случаю выборовъ весь Генварь и тамъ буду со страхомъ и надѣждою ожидать съ каждой почтой извѣстій изъ Петербурга, паче всего отъ Васъ. Вы теперь пишите, что впредь будете все присылаемое отъ меня передавать тотчасъ *безо всякихъ размышленій*: ахъ! Николай Ивановичъ, того ли я хотѣлъ и хочу? Вы слишкомъ знаете, сколько я Ваши замѣчанія уважаю; но ихъ надобно во время дѣлать, такъ чтобы всё несогласія могли въ порядокъ прійти ранѣе срока; Вы начали толковать, когда онъ прошелъ, какъ самымъ опытомъ доказано. Передъ отъѣздомъ изъ Кологрива послалъ я къ Вамъ, въ видѣ трубки, большую тетрадь продолженія о томъ же: замѣтьте въ ней все, что Вамъ не такъ покажется, сообщайте мнѣ; чѣмъ длиннѣе и подробнѣе, тѣмъ мнѣ пріятнѣе и полезнѣе; но творите это не косня: совѣтъ дружескій во время заслуживаетъ благодарность и пользу приносить; но тогда ли совѣтовать, когда дѣло давно должно быть кончено, и когда всё разсужденія выходятъ одна остановка, по побочнымъ обстоятельствамъ непріятная и для человѣка чувствительнаго нѣсколько оскорбительная? Умоляю Васъ о скорѣйшемъ окончаньи и объ изданьи статьи; журналъ Сомова въ моихъ глазахъ тоже, что и альманахъ его; вся сила въ томъ, чтобы статья появлялась не слишкомъ лоскутно и шла (такъ сказать) ходомъ пристойнымъ и красивымъ. Предисловіи Вашихъ жду, какъ жида Мессію, и почти также долго. Простите эту шутку, у Васъ вѣрно не безъ дѣла въ Питерѣ, но для насъ,

залѣшанъ, такъ тяжело по долгу терпѣть забвеніе, что мы отъ лишняго желанія съ Вами бесѣдовать слишкомъ даже сѣтуемъ, когда Вы за недосугомъ на насъ не обращаете вниманія. Прощайте, почтеннѣйшій, извините лишнюю (можетъ быть) горячность моего письма; она все не сравнится съ горячностью моихъ чувствъ къ Вамъ, съ душевнымъ уваженіемъ и полной справедливостью отдаваемой мною Вашимъ достоинствамъ. Отвѣта буду ждать.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

58.

23-го декабря 1829 г. Колотцлово.

Я пишу къ Вамъ столько же часто и длинно, сколько Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ко мнѣ рѣдко и коротко; за такой обычай легко, быть можетъ, что мы оба другъ другомъ не довольны; что дѣлать? тутъ нужно взаимное снисхожденіе. Боюсь, что послѣднее письмо мое отъ 18-го Декабря Вамъ не понравилось, и, какъ лучший судія, гдѣ дѣло отчасти до него коснется, всегда видитъ съ нѣсколькими пристрастной точки, не мудрено, что Вы, прочитавъ, сказали про себя: „какой странный человѣкъ! какой несчастный нравъ! все принимаетъ къ сердцу, горячится, кричитъ, какъ на пожаръ и все изъ ничего, изъ пустяка, изъ бездѣлицы“. Чтобы Вы не осудили меня такъ на скоро, постараюсь показать Вамъ вѣшь въ настоящемъ видѣ. Однажды на всегда жребій мой брошенъ, по грѣхамъ моимъ— я литераторъ; службу я оставилъ, кажется, навсегда ¹⁾, богатства у меня едва достаетъ, чтобы съ горемъ, скукой и нуждой жить, семейства я не имѣю, стало живѣйшія мои желанія и чувства обращены на одинъ предметъ, на приобрѣтеніе нѣкотораго уваженія и похвалы, какъ писатель, при жизни и по смерти. Всѣ неприятности, испытанныя мною по сей части не отвалили, а развѣ болѣе поощрили всей силой бороться и, рано или поздно ли, побѣдить или лечь на полѣ сраженія. Я, такъ сказать, веду войну, или хочу вести, а на войнѣ случая удобнаго упускать отнюдь не должно. Теперь *Размышленія и Разборы* появились бы въ свѣтъ, сколько я разумѣю, въ удобнѣйшее время; предпринялъ я ихъ написать отчасти съ Вашего совѣта: не Вы ли въ Петербургѣ убѣждали меня положить на бумагу, что я называлъ: *mes hérésies*? Посылая къ Вамъ еще въ Іюнь, я надѣялся, что Вы примете въ нихъ живое участіе; замѣчаній ждалъ нетерпѣливо и, къ огорченію моему, получилъ въ

¹⁾ Катенинъ снова поступилъ на службу въ 1834 г.

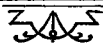
Ноябрь нѣчто, чего право замѣчаніемъ назвать нельзя. Если Вы видѣли въ чемъ недостатокъ, укажите: гдѣ онъ и чѣмъ я могу Васъ удовлетворить; но неопредѣленное слово: *тутъ чего-то нѣтъ* мнѣ никакъ въ пользу послужить не можетъ; вижу, что Вы недовольны и жалѣю, но чѣмъ пособить, хоть убей, не знаю. Сверхъ того, хоть бы я сознался по Вашему, что два только отдѣленія: о Грекахъ и Латинахъ годны къ напечатанію, все бы вышло тоже, все бы мое согласіе пришло поздно, все бы проза Сѣверныхъ Цвѣтовъ была уже тиснута, все бы я остался, какъ ракъ на мѣли: къ чему же вела переписка? я послалъ все заблаговременно, имянно для того, чтобъ успѣли въ цензуру отдать и помѣстить въ альманахахъ къ Новому году. Вотъ чѣмъ, позвольте сказать, почтеннѣйшій, слѣдовало Вамъ, моему пріятелю, заняться, вотъ въ чемъ вся сущность дѣла. Объ остальномъ можно толковать до утра безъ помѣхи; во время толки послужили бы, вѣроятно, къ отдѣлкѣ еще до изданія перваго, поздніе толки могутъ послужить впредь, но статья должна была выйти въ свое время. Она такъ не пройдетъ, ее стануть обсуживать и разбирать, легко можетъ сказаться и дѣльное, мы имъ воспользуемся, поправимъ, прибавимъ, убавимъ и, вѣроятно, издадимъ en temps et lieu особою книгой; но покуда, оно и такъ живетъ. Вѣкъ свой занимаясь поэзіею, я не могу ее не знать, я приобрѣлъ трудомъ право имѣть свое сужденіе и говорить его вслухъ; если бъ недругъ помѣшалъ мнѣ, я бы на него зло осердился, но когда другъ мнѣ зажимаетъ ротъ, я могу только глубоко огорчаться. Я увѣренъ, что Вы огорчили меня, безъ намѣренія, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ, но огорчили крайне, и я слишкомъ Васъ уважаю, чтобы сомнѣваться въ желаніи Вашемъ это поскорѣе исправить: напечатайте, прошу Васъ, и холодность свою согрѣйте нѣкоторой дружбою, постарайтесь даже другихъ разшевелить, а то отчаянье беретъ, когда видишь, что и лучшій пріятель ни малѣйшаго участія не беретъ. Ваше письмо (отъ конца Октября), хотя не совсѣмъ радостно мнѣ было, но и тутъ оживило духъ мой на столько, что я скорѣ могъ написать все, что во второй тетради отъ Тасса до конца; кому же охота говорить, коли не слушаютъ? Начало статьи Вамъ показалось недовольно полнымъ и доказаннымъ; hé bien, пополните и докажите, когда стануть нападать на него: вотъ прямо дружеское дѣло; а между тѣмъ, дайте ходъ тому что есть, разтолкуйте, что есть незнающимъ, поставьте на видъ неблагоразположеннымъ хорошее и прикройте завѣсою пріязни, что Вамъ кажется худо. Со мной будьте откровенны, говорите все, критикуйте меня безъ милости, разтрепайте въ пухъ, я за все это скажу спасибо; но Вы сдѣлали совсѣмъ не то, Вы четыре мѣсяца

молчали, напоследокъ сказали нѣчто мимоходомъ, положили мою тетрадь въ ящикъ, опоздали отдать ее къ напечатанію, гдѣ было предположено, все еще продолжаете колебаться, и такимъ порядкомъ она можетъ пролежать до втораго пришествія Христова. Вы передъ тѣмъ прислали мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на переводъ Данте; я ими воспользовался, многія мѣста (въ чемъ убѣдитесь, прочитавъ) переправилъ, въ другихъ принесъ оправданіе и за все кланяюсь и благодарю. Напередъ благодарю за обѣщанныя предисловія и жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ; укоровъ и апологій никогда бы къ Вамъ писать не желалъ, Богъ свидѣтель, и грущу, что неволя заставляетъ. Если бы Вы знали, сколько печали мнѣ было и есть отъ хода сего несчастнаго дѣла, Вы бы сожалѣли о безпечности, съ которою Вы его вели; я теперь всего боюсь: и цензуры, и охлажденія со стороны Сомова, котораго надобно было, какъ желѣзо, ковать пока горячо, и пустыхъ, конечно, но обидныхъ толковъ многихъ людей, увѣренныхъ, что все, въ долгій ящикъ прошедшее, чѣмъ-нибудь не хорошо. Ахъ! Николай Ивановичъ, будьте Вы на моемъ мѣстѣ, а я на Вашемъ, не такъ бы я поступилъ. Положимъ даже, что я въ отдаленіи и отъ лишней чувствительности во всемъ ошибаюсь и вру, но и тутъ не долгъ ли дружбы щадить извѣстную и, право, весьма простибельную раздражительность человѣка, много горя испытывающаго? Вы скажете: „я, щадя ее, не рѣшался ни на что, не узнавъ, чего онъ хочетъ“; такъ, но медленностью и молчаньемъ Вы сдѣлали имянно противное моему хотѣнію и статья (повторяю) лежитъ, и я принужденъ жаловаться, когда бы мнѣ желалось только кланяться и благодарить: сколько уплыло времени, сколько рѣчей лишнихъ, досадныхъ! и ничего бы этого не было: вотъ, что меня и сокрушаетъ; я бы охотнѣе вытерпѣлъ сто палокъ, и меня же стануть обвинять и кто? человѣкъ, котораго я много люблю, того болѣе уважаю и чью пріязнь дороже золота цѣню. Къ Сомову, не дожидаясь его согласія, я бы самъ написалъ, но коли сначала все шло черезъ Ваши руки, оно должно также идти и до конца. Въ послѣдней прошу: печатайте, да Бога ради пишите, отвѣчайте, увѣдомляйте меня и еще ради Бога не сердитесь; мое сердце въ счетъ нейдетъ и не мѣшаетъ мнѣ въ тоже время очень любить.

Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Красницікій, А. П. Русскій чудо-вождь графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій князь Италійскій, его жизнь и подвиги. Спб. 1910. Изд. А. Ф. Девриена 2-е. Тип. А. Бенке (Нов. пер., 2). 8° (18×26). 373 стр. Съ 40 рис. Ц. 3 р. Въсь 2 ф. 14 л. 4.100 экз.

Красновскій, Архилъ. Н. П. Пироговъ. (Къ столѣтію со дня рожденія). (Отд. отъ изв. № 11 "Нач. Обуч." 1910 г.). Казань. 1910. Тип. Университета. 8° (17×24). 6 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Методика исторіи. Кіевъ. 1911. Изд. автора (Маринско-Благовѣщенская, 103). Тип. П. И. Чоколова (Фундуклеевская 22). 8° (17×25). 144 стр. Ц. 1 р. 10 к. Въсь 26 л. 600 экз.

Магазинеръ, Я. М. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (Ст. 87 Осн. Зак.). Приложения: I. Практика чрезвычайно указнаго права въ Россіи. II. Нормы иностраннаго права, аналогичныя ст. 87-й. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., 28). 8° (17×24). 173 стр. Складъ: Владимірскій пр., 19 юрид. кн. складъ "Право". Ц. 1 р. Въсь 19 л. 500 экз.

Майковъ, П. М. Финляндія.—Исторія и Культура.—Ея прошедшее и настоящее. Спб. 1911. Изд. 2-е, доп. Тип. Стасюлевича и "Разсвѣтъ". 8° (16×24). X+552 стр. 1 карта. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 2 ф. 4 л. 800 экз.

Погорѣловъ, Валерій. Чудовская псалтырь XI вѣка, отрывокъ толкованія Феодорита Киррскаго на псалтырь въ древне-болгарскомъ переводѣ. Памятники старославянскаго языка. Т. III, вып. I. Спб. 1910. Изд. отд. русск. яз. и словес. П. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×26). V+276 стр.+2 таб. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 8 л. 615 экз.

Романовскій, В. Е. Руководство по русской исторіи. (Для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія). Въ двухъ частяхъ. Часть II. М. 1911. Изд. К. И. Тихомирова. Тип. Рус. т-ва (Мыльниково, св. д.). 8° (15×22) 470 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за обѣ части). Въсь 1 ф. 16 л. 3.000 экз.

Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Для солдатъ и народа. Кн. 1. Спб. 1911. Тип. Тиханова (Садовая, 27). 8° (14×21). 110 стр. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Сергѣевъ, Г. И. п Чешпхинъ В. Е. (Ч. Вѣтринскій). Нижегородскій Ежегодникъ. 1911. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Г. Искольдскаго (Осынная, д. Будилова). 8° (17×25). 26 нен.+1+160+16 нен. стр.+1 карта и 1 планъ. Ц. 40 к. Въсь 23 л. 2.000 экз.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ IV т.—вып. 4-й. Клясться—когда. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ 8° (21×29). VI+961—1280 стол. (въ 2 ст.). Ц. 75 к. Въсь 30 л. 6.062 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Н. И. Пироговъ. (Къ столѣтію со дня рожденія). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. (Мерингов., 6). 8° (16×25). 49 стр. Въсь 5 л. 300 экз.

Тезяковъ, Н. И. Николай Ивановичъ Пироговъ какъ врачъ и общественный дѣятель. (Рѣчь въ Саратовскомъ физико-медицинскомъ обществѣ въ день 100-лѣтія со дня рожденія Н. И. Пирогова). Саратовъ. 1910. Изд. автора. Тип. Земская. 8° (17×24). 28 стр. Въсь 3 л. 1.300 экз.

Титовъ, Ѡ. И., прот. Кіевская Академія въ эпоху реформъ (1796—1819 гг.). Вып. I. Кіевъ. 1910. Тип. П. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (18×25). 47 стр. Ц. 30 к. Въсь 5 л. 100 экз.

Титовъ, Ѡ. И., прот. Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія. Вып. I. Русское книгописаніе XI—XVIII вв. Кіевъ. 1911. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (25×32). I+47 стр.+26 лист. рис. Ц. 4 р. Въсь 1 ф. 9 л. 50 экз.

Уваровъ, Ѡ. А., гр. 45 лѣтъ дѣятельности Можайскаго Уѣзднаго Земства Московской губерніи. Систематическій Сводъ постановленій Можайскаго Земскаго Собранія за 1865—1909 года. Томъ I. М. 1910. Изд. Гр. Ѡ. А. Уварова. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 5). 4° (23×30). VIII+710 стр. Въсь 4 ф. 13 л. 2.000 экз.

Уваровъ, Ѡ. А., гр. 45 лѣтъ дѣятельности Можайскаго Уѣзднаго Земства Московской губерніи. Систематическій Сводъ постановленій Можайскаго Земскаго Собранія за 1865—1909 года. Т. II. М. 1910. Изд. гр. Ѡ. А. Уварова. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 6). 4° (23×30) IV+669 стр. Въсь 4 ф. 1 л. 2.000 экз.

Фидлеръ, Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскыхъ писателей. М. 1911. Изд. и тип. П. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 268 стр. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 3.000 экз.

Хурбергъ, Вольдемаръ. Покореніе Финляндіи. Пер. со шведскаго. Спб. 1911. Тип. Рус.-Франц. (Офцерская, 6). 8° (14×20). 30 стр. Въсь 3 л. 1.500 экз.

Черноплятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. VI. (XII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ помѣстій въ Тульской губ. 1903 — 1910 гг. М. 1911. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 26). 8° (18×27) 2 нен.+141+XII стр.+1 табл. Въсь 15 л. 450 экз.

Вертенсонъ, А. В. Страница къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ. Спб. 1911. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17×25). 12 стр. Ц. 40 к. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Державинѣ. Статьи о Лермонтовѣ. Историко-Литературная бібліотека подъ ред. Иванова-Разумника. Спб. 1911 Изд. Кн. Складъ М. М. Стасюлевича. Тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 16° (12×17). XV+123+XXVIII+265 стр. Ц. 20 к. и 30 к. Въсь 25 л. по 5.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Пушкинѣ. Историко-Литературная Библіотека. Иванова-Разумника, ч. I и II. Спб. 1911. Изд. и тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л. 28). 16° (12×17). LIV+330+469 стр. Ц. 35 к. и 40 к. Въсь 1 ф. 13 л. по 5.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелле и К°), Невскій просп., д. № 20. «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отказы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шпльдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLII-й.

АВГУСТЪ.

1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Къ портрету Сергѣя Ѳедоровича Платонова.
—лъ. 193—195	цій (1806 — 1812 г.г.).
Сообщ. Е. Каменскій. . . 249—273
II. Изъ Подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 196—219	VII. Мюноти-санъ. Д. Перскаго. 274—302
III. Дѣятельность графа С. С. Ланского въ проведеніи крестьянской реформы. (Къ юбилею крестьянской реформы). С. Фарфоровскаго. . . 220—223	VIII. Обиженный край. А. Ф. Риттиха. 303—325
IV. Н. И. Пироговъ. (Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души). С. Старосивильскаго . . 224—236	IX. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. П. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ. 326—384
V. Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ. М. Бѣлозерскаго. 237—246	X. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
VI. Записки графа Ланжерона. Война съ Тур-	а) Гусь свинѣ не товарищъ. Сообщ. А—въ. . . 247—248
	XI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 19 января по 2 февраля 1911 г. (на оберткѣ).

Приложенія: Портретъ Сергѣя Ѳедоровича Платонова. Карта Западно-Русскаго края.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1911 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 19 января по 2 февраля 1911 г.

Б ѣ л и н с к і й, В. Г. Статьи о Кольцовѣ съ приложеніемъ библиографическаго указателя литературы о Кольцовѣ и списки темъ по его сочиненіямъ. Литературная Библиотека № 4. Вильна 1911. Изд. Сѣвероамериканнаго Книгоизд. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14×22). 66+1 нен. стр. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 2.000 экз.

В а р н е к е, Б. В. По поводу древне-греческой вазы изъ собранія Императорскаго Эрмитажа. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×27). 10 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

В а с и л ь е в ь, Ѳ. Т. Рѣдкая мѣдная монета 10 копѣекъ Императора Александра Перваго 1809 года (Отд. от. изъ XXVI т. „Извѣстій об-ва археологій, исторій и этнографій“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (17×24). 2 стр. Въсь 1 л. 50 экз.

В е й н б е р г ь, Б. П. Изъ воспоминаній о Дмитріи Ивановичѣ Менделѣевѣ, какъ лекторѣ. Томскъ. 1910. Тип. Губ. Управл. 8° (15×23). 42 стр. Ц. 30 к. Въсь 5 л. 2.000 экз.

Г л а д к і й, П. К. Николай Васильевичъ Гоголь. (Его душевно-творческій путь). Киевъ. 1911. Тип. Р. К. Лубковского (Б. Владимірская, 46). 8° (16×23). 20 стр. Въсь 5 л. 160 экз.

Г у д з ь, И. К. Матеріалы для исторіи Тверскаго Губернскаго Земства 1866—1908 г.г. Томъ VIII. Народное образованіе. Охраненіе народной нравственности. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1910. Изд. и тип. Тверск. губернскаго земства. 8° (18×26). XXI+1.105 стр.

Съ портр. Въсь 3 ф. 1 л. 750 экз.

Д ю н ь к и н ь, Н. И. и Новиковъ, А. П. С. Т. Аксаковъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Подъ ред. В. А. Димітрія Рябова. (Учащимся пособіе для сочиненій). Спб., 1911. Изд. книжн. магаз. Ив. Загряжскаго (Спб. Вас. О., Большой пр., 13). Тип. В. Безобразова и К° (Вас. О., Большой просп., 61). 8° (16×22). 69 стр. Ц. 30 коп. Въсь 7 л. 2.000 экз.

Е ф и м о в а, Е. Царь-Освободитель Александръ II, его жизнь и славная дѣятельность. М. 1911. Изд. 3-е и тип. П. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (17×24). 78 стр. Съ 48 рис. Ц. 25 к. Въсь 9 л. 10.000 экз.

Жизнь и царствованіе Императора Александра II. Общественная бібліотека № 16. Спб. 1911. Изд. Всерос. Національнаго Клуба (Спб., Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, пер., 13). 8° (15×21). 72 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 10.200 экз.

З а к о л ь с к і й, Н. Н. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Его взгляды на современныя ему экономическія задачи русской жизни. Вязники. 1910. Тип. С. К. Матренинскаго. 8° (15×23). 65 стр. Складъ: Кн. маг. Сизязюковыхъ. Вязники. Ц. 75 к. Въсь 9 л. 200 экз.

З а т в о р н и ц к і й, Н. М. Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Спб. 1911. Тип. М. О. Вольфа (В. О., 16 линия, 5—7), 8° (16×23). 20 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 40.000 экз.

К е с ь ю н и н ь, Ал. Уходъ Толстого. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×20). 97 стр. Съ 18 рис. Ц. 75 к. Въсь 12 л. 3.000 экз.

М — н ь, В., прот. Школьные и семейныя воспоминанія. (Очеркъ духовной школы и быта духовенства въ половинѣ прошлаго столѣтія). Спб. 1910. Тип. Глазунова (Казанская ул., № 8). 8° (16×23). 1 нен.+143 стр. Въсь 17 л. 400 экз.

М а к а р о в ь, В. Е. Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никола до нашихъ дней. М. 1911. Тип. И. М. Машстова. 8° (18×26). 75 стр. Ц. 40 к. Въсь 9 л. 2.000 экз.

Н о в о с е л ь с к і й, А л е к с а н д р ь. Памяти Вѣры Коммиссаржевской. (Сборникъ). М. 1910. Тип. „Трудъ“ (Газетный, 6). 8° (15×21). 306 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 26 л. 925 экз.

Отчетная выставка за 1910 г. собранныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III Этнографическихъ коллекцій. Спб. 1911. Тип. „Энергія“, (Загородный пр. 17). 8° (15×21). 8 стр. Въсь 1 л. 600 экз.

П а в л о в ь, В. И. А. К. Толстой. Разборъ произведеній, характеристика дѣствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе. 1) Общая характеристика литературной дѣятельности А. К. Толстого. 2) Характеристика эпохи по трилогіи Ал. Толстого. Подробное изложеніе. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ-Іоанновичъ. III. Царь Борисъ. Одесса. 1910. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Гимназическ., 3). 16° (14×19). 46 стр. Ц. 25 к. Въсь 4 л. 3.000 экз.

П е т р о в с к і й, С., прот. Н. И. Шпроговъ въ Севастополь. (Къ столѣтію со дня рожденія). Одесса 1911. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×27). 32 стр. Въсь 5 л. 100 экз.

Пятидесятилѣтіе Освобожденія Крестьянъ. 1861—1911, 19 Февраля. Спб. 1911. Изд. Е. В. Богдановича. Тип. Р. Голке и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (15×23). 48 стр. Съ 7 рис. Въсь 5 л. 50.000 экз.

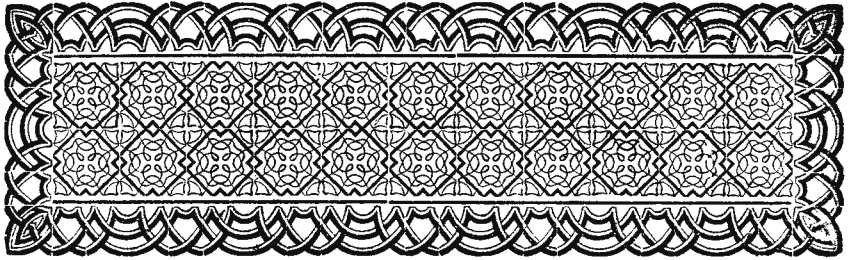
Р о ж д е с т в и н ь, А. Императоръ Александръ II. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ и 30-лѣтію мученической кончины Царя-Освободителя. 19-го февраля 1861—1911 и 1-го марта 1881—1911 года. Казань. 1911. Тип. университета. 8° (18×25). 63+III стр. Съ рис.+2 портр. Складъ: кн. маг. бр. Башмаковыхъ и Маркелова и Шаронова. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 1.200 экз.

Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды. Братскій трудъ членовъ IV Всероссийскаго Миссіонерскаго Съѣзда (съ портретами сектантовъ и картинами сектантскихъ радній). Редактировалъ М. А. Кальневъ. Одесса. 1911. Изд. М. А. Кальнева. Тип. Е. И. Фесенко (Ришельевск. ул., соб. д.). 8° (19×27). IV+336 стр. Ц. 2 р. Въсь ф. 10 л. 3.000 экз.

Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, издаваемый подъ редакціей П. П. Зубарева. Г. I. ч. 2. Спб. 1911. Изд. „Наука и Жизнь“ (Ст. Дудергофъ, церковн. домъ). Тип. Смирнова (Екатерининск. кан., 45) 8° (15×27). 136 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. Въсь 20 л. 950 экз.

Сергѣй Федоровичъ
Платоновъ

Къ портрету Сергѣя Ѳедоровича Платонова.

Нашъ извѣстный историкъ, Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ, родился въ 1860 году въ городѣ Черниговѣ. Въ 1878 году поступилъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Въ 1882 году, получивъ степень кандидата, былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи. Осенью 1883 года началъ чтеніе лекцій по русской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ проф. Бестужева-Рюмина въ С.-Петербургѣ и состоялъ профессоромъ этихъ курсовъ до настоящаго времени. Въ 1884 г. поступилъ на должность преподавателя исторіи и русскаго языка въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купческаго общества и оставался въ этой должности до конца 1889 года. Въ 1886 году былъ приглашенъ для чтенія лекцій по русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ въ университетскихъ классахъ Императорскаго Александровскаго лицея и состоялъ преподавателемъ лицея до сентября 1891 г. Съ февраля 1888 г., въ званіи приватъ-доцента, началъ чтеніе лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, а 11 сентября того же года защитилъ диссертацию на степень магистра русской исторіи: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“.—Въ 1890—1895 г.г. былъ помощникомъ редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“; 20 октября 1890 г. по Высочайшему соизволенію былъ назначенъ исправ-

ляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ русской исторіи и 19 декабря того же года былъ опредѣленъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ состоялъ до осени 1903 года. Въ 1899 г. защитилъ въ университетѣ св. Владиміра диссертацию на степень доктора русской исторіи („Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“) и былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Съ 1895 по 1902 г. состоялъ преподавателемъ Августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Михаила Александровича и Великой Княжны Ольги Александровны. Съ 1903 года состоитъ въ должности директора женскаго педагогическаго института вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

С. О. Платонову принадлежатъ слѣдующіе труды:

1) „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“ (журн. мин. нар. проsv. 1883 г., мартъ, стр. 1—20 и отдѣльно).

2) Критическій разборъ труда А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ“, т. I—III (ж. м. н. п. 1883 г., октябрь, стр. 355—371).

3) „Новая повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка“ (ж. м. н. п. 1886 г., январь, стр. 50—67).

4) „Царь Алексѣй Михайловичъ. Опытъ характеристики“. (Историч. Вѣстникъ 1886 г., май, стр. 265—275).

5) „Легенда о чудѣ св. Димитрія царевича Углицкаго“. (Библиографъ 1888, № 1).

6) Книга о чудесахъ преподобнаго Сергія. Твореніе Симона Азарыина. Текстъ съ предисловіемъ и примѣчаніями, изданный въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“, № LXX. Спб. 1888 г. 8°. стр. XIV—131.

7) „Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“ (ж. м. н. п. 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь, и 1888 г. февраль, мартъ и апрѣль—и отдѣльно, съ дополненіями. Спб. 1888. 8°. Стр. VI—372).

8) „Московскія волненія 1648 г. (ж. м. н. п. 1888 г., июнь, стр. 279—289).

9) Критическій разборъ труда Н. Д. Чечулина: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ (ж. м. н. п. 1890 г., май, стр. 140—154).

10) „О началѣ Москвы“ (Библиографъ 1890 г. № 5—6).

11) „Памятники древней русской письменности, относящіяся къ смутному времени“. Тексты 19 сказаній, повѣстей и житій, съ предисловіемъ, въ XIII томѣ „Русской исторической бібліотеки, издаваемой археографической комиссіею“. Спб. 1891. 8°. Стр. XXXIV—982.

12) Критическій разборъ труда Д. И. Иловайскаго „Исто-

рія Россіи“. Томъ третій (ж. м. н. п. 1891 г., мартъ, стр. 180—190).

13) Какъ возникли Чети? Къ вопросу о происхожденіи московскихъ приказовъ четвертей“ (ж. м. н. п. 1892 г., май, стр. 158—171).

14) Критическій разборъ труда С. М. Середонина. „Сочиненіе Дж. Флетчера „Of the Russe Common Wealth“, какъ историческій источникъ въ „Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова“. Спб. 1892 г.

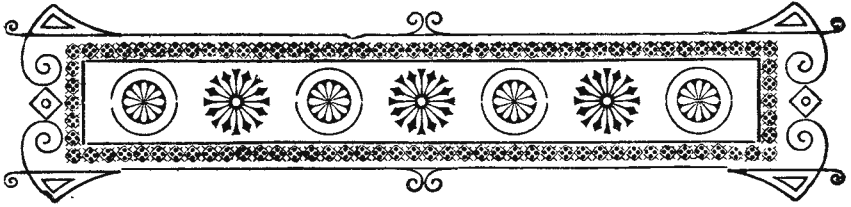
15) „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года“. (Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1893 г., книга 1-я).

16) Предисловіе (совмѣстно съ проф. Н. В. Покровскимъ) къ изданію Императорскаго общества любителей древней письменности: „Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка“. Спб. 1893.

Сверхъ того помѣщались рецензіи о книгахъ въ Журн. мин. нар. проsv., Историческомъ Вѣстникѣ (1886 года), Библиографѣ и Юридической лѣтописи.

—ЛЪ

Изъ Подольской старины.

II¹⁾.

Поступленіе въ Приворотское духовное училище. — Первые впечатлѣнія. — Учителя. — Ихъ отношеніе къ дѣлу и ученикамъ. — Наказанія. — Аудиторы. — Внешній и внутренній бытъ учениковъ училища. — Развлеченія. — Рекреація. — Экзамены. — Путешествія на каникулы домой. — Переводъ училища изъ с. Приворотья въ Варь. — Мое окончаніе училища и поступленіе въ Подольскую духовную семинарію.

Минуло мнѣ 10 лѣтъ. Родственники начали поговаривать объ опредѣленіи меня въ духовное училище или, какъ тогда его называли, въ бурсу. Осенью 1837 г. дядя, покончивъ со всѣми полевыми работами, запретъ четверку лошадей и повезъ меня въ гор. Каменецъ. Въ то время былъ такой порядокъ, что опредѣленіе въ духовное училище зависѣло отъ ректора семинаріи. Явился со мною дядя къ ректору, архимандриту Наанану; но въ виду запозданія тотъ отказалъ дядѣ въ его усиленной просьбѣ о принятіи меня въ бурсу. Пришлось отправиться домой. Такой же результатъ былъ и въ слѣдующемъ году. И только въ 1839 г. счастье улыбнулось, и я былъ принятъ въ Приворотское духовное училище²⁾. На этотъ разъ меня

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1911 г.

²⁾ Когда въ гор. Каменецъ-Пол. была учреждена епископская кафедра (1795), то архіерейскій домъ помучилъ отъ казны въ свое владѣніе село Приворотье. Первый епископъ Іоанникій часто наѣзжалъ сюда, потому что

повела пѣшкомъ въ городъ сама мать. Пришли мы къ ректору семинаріи, которымъ въ то время былъ уже архимандритъ Софонія. Не привѣтливо онъ встрѣтилъ насъ. На слезную просьбу матери онъ рѣзко замѣтилъ:

— Что такъ поздно, старуха, привела сына?

Было это уже послѣ Покрова. Мать оправдывалась. И только послѣ усиленной мольбы, поклоновъ и цѣлованія рукъ ректоръ взялъ клочекъ бумажки, написалъ на немъ что-то и передалъ матери для врученія секретарю семинарскаго правленія. Пошли въ канцелярію. Секретаря здѣсь не оказалось, а къ намъ вышелъ семинаристъ въ простомъ нанковомъ сюртучкѣ съ заплатами на рукавахъ. Очевидно, онъ исправлялъ обязанности писмоводителя правленія. Это былъ Доманскій, впоследствии епископъ иркутскій. Онъ взялъ представленную матерью ректорскую записку, пробѣжалъ ее и затѣмъ на подобномъ же листочкѣ бумаги написалъ нѣчто вродѣ отношенія. Въ этомъ отношеніи говорилось, что если въ училищѣ есть мѣста, то принять Ковальскаго до усмотрѣнія. Велика была радость моей бѣдной матери!.. По тому же образу пѣшаго хожденія направились мы въ с. Приворотье, отстоящее отъ Каменца въ 30 верстахъ. Явились къ смотрителю училища Глицинскому. Тотъ съ перваго же слова тоже замѣтилъ матери, что учебныя занятія давно уже начались, и что я опоздалъ. Мать со слезами на глазахъ умоляла его:

— Примите, ваше высокоблагородіе, сынъ вже великовозрастный, вишь добре знае читаты и писаты. Прѣшу васъ, ваше высокоблагородіе, примите его, да бѣйте его, шельмеца, чтобы изъ него что вышло.

— Ну, матушка, замѣтилъ тотъ, за это не безпокойся. Такимъ образомъ я былъ принятъ въ первый классъ училища, а какъ сирота считался казеннокоштнымъ, денегъ за содержаніе не платилъ и долженъ былъ жить въ корпусѣ, а не на квартирѣ. Въ мое время училище состояло такъ же, какъ и нынѣ, изъ четырехъ классовъ, но въ каждомъ классѣ непременно нужно было пробыть два года, такъ что весь курсъ духовнаго училища былъ восьмилѣтній.

Училищный персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора и четырехъ учителей; въ I и II классѣ—по одному, въ III классѣ—

мѣстность эта ему очень нравилась. Здѣсь онъ соорудилъ храмъ во имя Св Николая Чудотворца, а потомъ задумалъ устроить училище преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣднаго духовенства. Мысль свою преосвященный скоро осуществилъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи много строительнаго матеріала и даровыя рабочія руки, онъ выстроилъ зданія, и во второмъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія такимъ образомъ было открыто Приворотское духовное училище, существующее и донныѣ.

два учителя, въ IV же классѣ преподавали смотритель и инспекторъ. Учителемъ перваго класса при моемъ поступленіи былъ нѣкто Кулаковскій, окончившій курсъ духовной семинаріи, изъ комиссаровъ¹⁾. Благодаря этой должности, налагавшей на него экономическія дѣла, онъ не ходилъ на уроки и только по милости былъ переводимъ изъ класса въ классъ. Неудивительно потому, что, уже будучи учителемъ, онъ плохо читалъ по-славянски, преподавалъ неумѣло и сообщить знаній своимъ ученикамъ не могъ.

По тогдашнему обычаю я, какъ новичекъ, сталъ у порога класса. Подошедшій учитель Кулаковскій, увидя меня, лаконически замѣтилъ: „сидись“. Сначала я былъ посаженъ послѣднимъ на правой партѣ. Нужно замѣтить, что высаживали тогда большею частью по успѣхамъ, оказываемымъ по предметамъ извѣстнаго класса, такъ что въ одинъ день можно было перемѣнить нѣсколько мѣстъ. Съ большимъ вниманіемъ я началъ осматривать обширную классную комнату и прислушиваться ко всему, что здѣсь говорилось. Въ классѣ находилось человѣкъ 160. По возрасту да и по познаніямъ своимъ учащіеся въ немъ представляли разнокалиберную толпу. Здѣсь можно было видѣть и дѣтей лѣтъ 7, но рядомъ съ ними сидѣли дѣтныи лѣтъ въ 20 и болѣе, брившіе бороду и усы. Такое разнообразіе въ возрастѣ учениковъ объяснялось тѣмъ, что въ описываемое время часто посылали въ училище дьячковъ, научившихся или самоучкою или у старыхъ грамотеевъ только читать, посылали съ тою цѣлію, чтобы сколько-нибудь приготовить ихъ въ причетники, т. е. научить священной исторіи, катихизису и обиходу. Такихъ великовозрастныхъ учениковъ въ мое время было на классъ человѣкъ 10.

Учащіеся сидѣли за длинными партами по 8—10 человѣкъ на каждой, а иные даже стояли на ногахъ за немѣніемъ свободныхъ мѣстъ. Парты были расположены въ два ряда. Средина между ними была не занята; у стѣны противъ дверей поднималось возвышеніе для учителя, впереди же партъ оставалось незаставленное мебелью пространство, гдѣ обыкновенно производили экзекуцію.

Въ первомъ классѣ изучали краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта и краткій катихизисъ, читали славянскую псалтырь; а по-русски—псалтырь въ русскомъ переводѣ, по счисленію прохо-

¹⁾ Должность комиссара въ семинаріи обыкновенно исправляли воспитанники, такъ или иначе обнаружившіе свои способности въ области экономии. Въ свободное время они прислуживали ректору въ качествѣ лакея, напр., стояли на запяткахъ его кареты, когда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ, подавали одежду и т. п.

дили ариѳметическія дѣйствія, обучались и церковному обиходу. Помню, на другой день послѣ моего поступленія былъ „Облходъ“. Меня еще дома научили нотамъ по пальцамъ (пальцы служили нотною скалою). Приходить учитель и приказываетъ мнѣ пропѣть нотную азбуку по порядку. Я говорю, что азбуки не знаю, но могу пропѣть по обиходу дальше: „Благослови, душе моя, Господа“... „Пошелъ“, крикнулъ рѣзко учитель. Это означало, что я долженъ идти на обычное мѣсто для наказаній. Дали мнѣ тогда три горячихъ. На другой день выучилъ я азбуку на всѣ лады. Спрашиваетъ... Знаю. Послѣ того Кулаковскій провѣрилъ мои знанія по чтенію и исторіи. Хотя я поступилъ уже спустя продолжительное время послѣ начала занятій, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ короткое время догнать своихъ товарищей, благодаря своей хорошей памяти. Нужно замѣтить, что памятью я отличался во все время ученія. Для меня, бывало, достаточно было прочесть что-нибудь одинъ разъ, чтобы я точно повторилъ прочитанное, въ то время когда другіе употребляли на это цѣлые часы, какъ напр. Даниилъ Стрѣльбицкій, впоследствии архіепископъ волинскій. Онъ былъ очень неспособный ученикъ. Жалко бывало смотрѣть на него, когда онъ мучился за зубреніемъ урока. Ходить, бѣдняга, по комнатамъ или заткнетъ уши руками, закроетъ глаза и твердить: что есть географія, что есть географія? Географія есть наука, географія есть наука и такъ разъ 10—15, потомъ снова нѣсколько словъ и т. д. Бойкіе отвѣты мои такъ понравились Кулаковскому, что онъ посадилъ меня первымъ въ своемъ классѣ.

Учитель Кулаковскій былъ у насъ всего треть года, а потомъ перешелъ во 2-й классъ. Преподавалъ онъ, какъ я замѣтилъ, плохо. По-славянски читали по слогамъ на распѣвъ. Одинъ изъ учениковъ отбивалъ тактъ, а остальные во весь голосъ читали подъ тактъ по слогамъ въ одинъ тонъ заданное мѣсто. При этомъ крикъ и шумъ стоялъ страшный. По другимъ предметамъ требовался отвѣтъ наизусть по книжкѣ. Если кто ошибался, пропускалъ нѣсколько словъ, это уже считалось незнаніемъ урока, и виновный подвергался наказанію, болѣе или менѣе строгому, смотря по расположенію и настроенію учителя: ставили на колѣни, наказывали линейкой „въ лалу“, розгою.

Вмѣсто Кулаковскаго учителемъ къ намъ былъ назначенъ нѣкто Ѳеодосій Левицкій. Онъ велъ уроки иначе. На урокахъ священной исторіи, онъ, напримѣръ, прочитывалъ главу изъ Библии, объяснялъ ее, а ученики должны были повторять сказанное. Поэтому-то я Пятикнижіе Моисеево зналъ очень хорошо. Иногда онъ обращался къ ученикамъ съ такимъ вопросомъ: „что значитъ — отъ Васана

обрящу во глубинахъ морскихъ?“ и мы должны были на основаніи Библии объяснить данное выраженіе Псалтыря. На урокахъ славянскаго языка дѣлать было нечего; поэтому онъ давалъ заучивать псалмы наизусть. Проговоривъ заданное и сяди. Такимъ образомъ большинство изъ насъ знали наизусть 11 каѳизмъ. Но плохо приходилось незнавшимъ урока. Надъ ними Левицкій прямо таки издѣвался. Напр., онъ ставилъ малоуспѣвающаго ученика на колѣни, а другому ученику приказывалъ рвать тому волосы или самъ беретъ стоящаго за уши и начинаетъ качать его голову. Бѣднягѣ иной разъ дѣлается дурно, появляется рвота, а нашъ учитель и глазомъ не моргнетъ, ни одинъ мускуль его лица не дрогнетъ. Иногда онъ заставлялъ провинившагося ученика стоять на одной ногѣ съ протянутой вверхъ рукою, при чемъ одинъ палецъ долженъ сгибаться и разгибаться. Онъ наблюдаетъ. Кто перемѣнитъ ноги или покачнется, опуститъ руку—порка. А нужно замѣтить, что въ училищѣ били и сѣкли безсовѣстно, иногда засѣкали до потери сознанія. Глубокое впечатлѣніе произвела на меня происшедшая вскорѣ послѣ моего поступленія въ училище сѣкція нѣкоего Сили (Сильвестра) Терлецкаго. Дѣло было такъ. Ученики перваго класса сидѣли въ „занятныхъ“ комнатахъ. Рядомъ съ Силей помѣщался ученикъ Корневскій. Послѣдній шутки ради щелкнулъ Сили въ носъ. А нужно замѣтить, что Силя страдалъ хроническимъ насморкомъ. Получивъ непріятность отъ товарища, а, можетъ быть, и отъ боли, Силя не выдержалъ, сорвался съ мѣста и бросился за Корневскимъ. Началась бѣготня вокругъ стола. Тогда Корневскій моментально выбѣжалъ изъ комнаты во дворъ, разъяренный Силя за нимъ. На заднемъ дворѣ была загородка для свиней, вокругъ которой они и начали бѣгать. Вдругъ Силя сообразилъ и моментально повернулъ въ обратную сторону. Корневскій, не ожидая такого маневра, конечно, столкнулся съ противникомъ, который и ударилъ его съ силою ногой въ нижнюю часть живота. Корневскій падаетъ безъ чувствъ. Бывшіе тутъ ученики подняли крикъ: „Силя убилъ Корневскаго“. Скоро явился училищный фельдшеръ и распорядился унести побитаго въ больницу. Дали знать о случившемся смотрителю. По его распоряженію взяли Силю, какъ убійцу связали, привели въ одну изъ комнатъ и тамъ подвязали его на веревкѣ къ потолочной балкѣ. Такіе были порядки.

Въ такомъ положеніи онъ находился ночь съ воскресенья до 12 часовъ дня понедѣльника, когда назначено было общее собраніе начальствующихъ, учителей и учениковъ. На этомъ собраніи Терлецкому былъ прочитанъ приговоръ и объявлено наказаніе въ 200 розогъ.

Били ужасно въ двѣ пары сажеными лозами. Разложили бѣднаго Силю поперекъ корридора, два изъ учениковъ сѣли на его ноги и голову, а опытные „спекуляторы“¹⁾ изъ воспитанниковъ дѣлали свое страшное дѣло. Во время экзекуціи ученики разогнаны были по классамъ. Наказываемый подъ розгами не кричалъ, а положительно рычалъ. И теперь нельзя вспомнить безъ содроганія объ этой безобразной сценѣ. Послѣ наказанія Силю отправили въ больницу, гдѣ онъ и пробылъ до полного заживленія ранъ. Между тѣмъ оказалось, что Кореневскій не такъ пострадалъ, какъ думали сначала, а притворился, Силя же такимъ образомъ получилъ, если не вполнѣ несправедливое, то во всякомъ случаѣ не заслуженное наказаніе.—Припоминается еще такой случай съ упомянутымъ учителемъ Ѡ. Левицкимъ. Какъ-то разъ послѣ уроковъ учителя Билинскій и Левицкій вмѣстѣ обѣдали. По обыкновенію имъ прислуживали ученики, особо для того назначенные и исполнявшіе вмѣсто служителей, которымъ нужно было платить деньги, всѣ черныя работы для учителей. Вѣроятно, учителя за обѣдомъ выпили. Какъ бы то ни было, но въ концѣ обѣда Билинскій и говорить Левицкому: „на позднихъ классахъ у меня будетъ Уставъ и славянское чтеніе. Я пришлю къ тебѣ своихъ учениковъ, которые не отвѣтятъ урока, какъ хочешь, такъ съ ними и расправляйся“. На стали поздніе классы. Сидимъ... Вдругъ открывается дверь, входитъ одинъ ученикъ, за нимъ другой, третій... десятый... Вошло человѣкъ 20—30, словомъ, наполнили весь промежутокъ между партами.

— „Вы чего пришли?“ вопрошаетъ нашъ суровый педагогъ.

— „Для срама“, скромно и виновато отвѣчаютъ тѣ.

— „Пришли для срама?.. Соблазнять мальчишекъ моихъ?..“ закричалъ Левицкій. Соболевскій (спекуляторъ) есть?

— „Есть“, гудитъ голосъ изъ-за задней парты. Выходитъ Соболевскій, неся цѣлый снопъ розокъ.

— „Цихоцкій и Деревенскій есть?“ вскрикиваетъ снова учитель.

— „Есть“, и другъ за другомъ выходятъ „возьмителя“, на которыхъ лежала обязанность держать наказуемыхъ за голову и ноги.

¹⁾ Спекуляторы, на обязанности которыхъ было сѣчь провинившихся учениковъ, избирались изъ великовозрастныхъ воспитанниковъ. Учебнымъ дѣломъ они не занимались, но розгою владѣли артистически. Одинъ изъ нихъ, Крамарскій, 6 лѣтъ сидѣлъ во второмъ классѣ, изъ котораго былъ потомъ уволенъ.

Началась порка. Одинъ изъ предназначенныхъ къ наказанію какъ-то вырвался и убѣжалъ изъ класса. Левицкій приказалъ запереть классъ на ключъ. Порка продолжалась. По сосѣдству былъ IV классъ, гдѣ ученики занимались письменнымъ упражненіемъ въ отсутствіе наставника. Услыша неистовые крики истязуемыхъ, они подбѣжали къ дверямъ нашего класса, стучали ногами и кричали безъ боязни, что тамъ такое дѣлается?

Но напрасно; педагогъ не давалъ знака окончить наказаніе.

Наконецъ, дали знать о совершающемся смотрителю. Но и тотъ, считая это дѣломъ естественнымъ, замѣтилъ лишь посланному „ступай“ и углубился въ чтеніе книги. И только послѣ того, какъ вступился въ дѣло учитель Кулаковскій, родственникъ выбѣжавшаго и такимъ образомъ избѣгшаго наказанія, ученика, смотритель пришелъ въ классъ Левицкаго и своею властію прекратилъ сѣкунцію. Многихъ тогда такъ выпороли, что ихъ отослали въ больницу. О происшедшемъ было донесено въ правленіе семинаріи. Надвигалась гроза. Помню, дѣло было предъ зимними экзаменами. Сидимъ въ комнатѣ и зубримъ уроки. Сальная свѣча еле мерцаетъ. За стѣнами вѣтеръ воетъ, свиститъ, бьетъ въ стекла снѣгъ. Вдругъ послышался гдѣ-то вблизи звонъ колокольчика. Кто-то изъ болѣе шустрыхъ учениковъ выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился, объявивъ во всеуслышаніе: „кто-сь то прихавъ со дзвинкомъ“.

Скоро выяснилось, что прихавшій былъ ректоръ Подольской семинаріи Софонія, явившійся для дознанія по доносу о дѣйствіяхъ Левицкаго. Выбѣжалъ изъ квартиры перетрусившій смотритель, и и не думавшій о такомъ гостѣ...

— „Фонарь!.. Гдѣ больница?“ были первыя слова ректора.

Моментально появился зажженный фонарь, и смотритель пошелъ впереди, показывая дорогу своему начальству.

Пришли въ больницу. Ректоръ лично освидѣтельствовалъ всѣхъ бывшихъ здѣсь учениковъ, подробно разспросилъ ихъ о случившемся, при чемъ по мѣрѣ того, какъ предъ его глазами, какъ бы въ дѣйствительности, развертывалась безобразная картина истязанія во всей своей неприглядности, онъ, много видѣвшій на своемъ вѣку подобныхъ сценъ, не могъ удержаться и пускалъ по адресу учителей не особенно лестные эпитеты: безобразники, скоты, изверги и т. п.

На другой день ректоръ назначилъ экзаменъ въ IV классѣ, гдѣ былъ учителемъ Билинскій, утромъ, а вечеромъ въ классѣ Левицкаго.

Ректоръ является на экзаменъ и въ присутствіи учениковъ на-

чинаетъ допрашивать Билинскаго по поводу происшедшаго. Тотъ оправдывалъ себя, говоря: „я посылая своихъ учениковъ для пощрамлиня, чтобы онъ (Левицкій) поставилъ ихъ на колѣни, а не для наказанія розгами“. Послѣ допроса начался экзамень. Для того, чтобы заглядить свою вину, Билинскій постарался показать себя предъ начальствомъ опытнымъ учителемъ и, говорятъ, въ продолженіе часа на всѣ лады разъяснялъ первый стихъ I главы Евангелія отъ Іоанна... Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος и д... Во всякомъ случаѣ Билинскій не получилъ даже и выговора отъ ректора.

Вечеромъ ректоръ приходитъ въ классъ Левицкаго и вызываетъ меня, Ганзулевича и Герляховскаго, чтобы всѣ вмѣстѣ мы пропѣли „Благослови душе моя Господа“. Я никакъ не могъ попасть имъ въ тонъ. „Ты не способенъ, говоритъ ректоръ, иди на мѣсто“. Остальные спѣли. Послѣ этого ректоръ обращается къ Левицкому: „ты безобразникъ, негодяй и т. д. осмѣлился бить учениковъ“... Песте!.. Левицкій послушно всталъ на колѣни. Жалка его была тогда фигура во фракѣ съ металлическими пуговицами въ покаянной позѣ и предъ учениками, на лицѣ которыхъ выражалось чувство удовольствія и злорадства при видѣ униженія своего учителя-палача. Левицкій простоялъ въ такой позѣ съ часъ времени. Говорили потомъ, что онъ былъ, кромѣ того, оштрафованъ за свой проступокъ въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья.—Подѣйствовало ли все это на Ѳ. Левицкаго? Не успѣлъ еще уѣхать ректоръ, онъ прибилъ нѣсколькихъ учениковъ, не удовлетворившихъ требовательнаго учителя своимъ отвѣтомъ.

Били иногда безъ всякой опредѣленной вины. Не спасали отъ этого ни успѣхи въ предметахъ, ни благоправное поведеніе.

Первымъ и особенно благоправнымъ ученикамъ обыкновенно поручалось слѣдить за классной тишиной до прихода учителя. Замѣченные въ неблагоповеденіи записывались на бумажку, отчего и самые ученики, дѣлавшіе записи, назывались „записчиками“.

Бывало такъ: смотритель Глищинскій, человѣкъ вспыльчивый, слышавъ шумъ, вбѣгаетъ въ классъ и кричитъ: „записчикъ, выходи“. Тотъ выходитъ и получаетъ 3—5 розокъ. Не мало ихъ такимъ образомъ доставалось и мнѣ, какъ записчику. Былъ и такой случай.

Шли лѣтніе экзамены. Производили ихъ въ III классѣ, присутствовали смотритель и учитель Зелинскій. Вдругъ смотритель вызываетъ старшаго этого класса К—рго, передаетъ ему написанную на клочкѣ тему для письменной работы и приказываетъ идти въ IV классъ и назначить ученикамъ его упражненіе. К—ій уходитъ. Учениковъ же IV класса не оказалось въ комнатѣ. Онъ побѣждалъ

во дворъ, въ садъ, чтобы собрать ихъ и исполнить порученіе смотрителя. Поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Найденные же имъ нѣсколько человѣкъ сообщили, что ученики посланы женою учит. Зелинскаго въ лѣсъ за грибами къ обѣду. Кр—ій, ничтоже сумняся, является и объявляетъ смотрителю во всеуслышаніе то, что узналъ и почему не выполнилъ даннаго ему порученія. Зелинскій сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Смотритель же, или видя въ поступкѣ старшаго дерзость по отношенію къ учителю, или же изъ желанія вывести послѣдняго изъ неловкаго положенія, крикнулъ: „къ дверямъ!“ И бѣдный Кр—ій, не виновный ни въ чемъ, долженъ былъ идти къ дверямъ и получилъ нѣсколько горячихъ.

Конечно, въ первое время послѣ поступленія въ училище, тяжело было на все это и смотрѣть и испытывать, но потомъ мы такъ привыкали ко всему, что даже и не содрогались ни при дикихъ выкрикиваніяхъ учителей и начальниковъ, требовавшихъ „лозу“, ни при неистовыхъ вопляхъ несчастныхъ учениковъ.

Когда я перешелъ во 2-й классъ, въ то время учителемъ здѣсь былъ Басарскій. Ученики его не любили. Былъ онъ человѣкъ нелюбимый. Правда, онъ мало билъ, но за то ругался артистически. Любимымъ его выраженіемъ было: „эй ты, собачья голова!“ Вскорѣ же онъ вышелъ изъ училища, а на его мѣсто поступилъ Елисей Максіановичъ. Это уже былъ новый типъ учителя, совершенно непохожій на описанныхъ. Онъ никого не билъ и не сѣкъ, относился къ ученикамъ ласково и участливо. Не удивительно поэтому, что онъ пользовался симпатіями учениковъ. Это обстоятельство способствовало даже вообще успѣху учебнаго дѣла. Максіановичъ толково преподавалъ свои предметы. Учились всѣ хорошо. Плохіе отвѣты учениковъ огорчали этого учителя, а потому, чтобы не доставить ему непріятности, не досыпали ночей, лишь бы выучить заданное.

— „Не знаешь урока?“ говаривалъ онъ неисправному ученику, „я плачу“—и онъ закрывалъ руками лицо, показывая видъ, что онъ какъ будто горько, горько плачетъ о нерадѣніи ученика. „Почему ты не знаешь урока?“ спрашиваетъ онъ потомъ укоризненно.

Въ противоположность другимъ учителямъ, относящимся къ намъ съ презрѣніемъ и во всякомъ случаѣ свысока, Максіановичъ вступалъ съ нами въ бесѣды, допускалъ шутки. Помнится такой фактъ. Экзамены лѣтніе у насъ обыкновенно кончались въ началѣ іюля, но распускали на каникулы не ранѣе 15 числа этого мѣсяца, когда изъ семинаріи приходило на то разрѣшеніе. Въ этотъ день происходило торжественное собраніе, на которомъ присутствовали всѣ учителя и ученики. Здѣсь читались списки учениковъ: кто оставался на по-

вторительный курсъ, кто переводился въ слѣдующій классъ, кому была награда назначена. Потомъ смотритель говорилъ рѣчь, въ которой хвалилъ прилежныхъ и усилъвающихъ учениковъ и порицалъ нерадивыхъ, оставшихся и увольняемыхъ изъ училища. Послѣ этого ученики расходились по классамъ, куда заходили учителя, чтобы попрощаться. Пришелъ въ нашъ классъ Максiановичъ и шутя спрашивалъ насъ: „ну, кого я не билъ“? подходилъ къ тому или другому и говорилъ: „ну, давай лапу... ну, будешь учиться“. Подошелъ и ко мнѣ и размахнулъ рукою, какъ бы намѣреваясь сильно ударить меня по ладоши. Какъ только онъ отпустилъ ее, я отдернулъ свою и рука учителя ударилась о доску парты. „Ну, вотъ ты, дуракъ“, замѣтилъ онъ спокойно. Другой бы учитель на его мѣстѣ избилъ бы меня.

Максiановичъ помогалъ нѣкоторымъ ученикамъ даже матеріально при всей скудости своихъ средствъ. И мнѣ разъ передъ отъѣздомъ на масляницу далъ на подводу 1 рубль, а такъ какъ у меня не оказалось еще и теплой верхней одежды, предложилъ мнѣ въ дорогу старый подрясникъ на ватѣ, служившій ему халатомъ. По возвращеніи своемъ въ училище съ каникулъ я отдавалъ ему его, но онъ подарилъ мнѣ его навсегда, говоря: „ну, пускай будетъ у тебя“. Къ сожалѣнію, этотъ учитель не долго прослужилъ въ училищѣ.

Въ III классѣ я снова встрѣтился съ прежнимъ своимъ учителемъ Ѳ. Левицкимъ, преподававшимъ латинскій языкъ и соединенные съ нимъ предметы; другимъ учителемъ былъ Петринскій. Этотъ былъ хорошій преподаватель. Скоро онъ, впрочемъ, ушелъ, а на его мѣсто поступилъ упомянутый уже Автономъ Зелинскій, человекъ недалекій, окончившій семинарію благодаря только напускному благочестію, а по достиженіи своей цѣли снявшій маску. Вышелъ потомъ и Левицкій, вмѣсто котораго учительствовалъ Діомидъ Строцкій, человекъ, не отличавшійся ни большими знаніями, ни учительскою опытностію. Потомъ и онъ ушелъ.

Вообще за 2 года, которые я провелъ въ III классѣ, очень часто перемѣнялись учителя.

Въ IV классѣ преподавалъ смотритель латинскій языкъ и инспекторъ греческій и соединенные съ нимъ предметы. Инспекторы мы почти не слушали, потому что онъ постоянно болѣлъ, послѣ же его смерти долго не назначали другого. Предметы инспектора преподавали другіе учителя. Что касается смотрителя Нектарія, то это былъ человекъ умный, преподавалъ очень хорошо, уроки всегда разъяснялъ, но за то и строго взыскивалъ.

Таковы были наши учителя. Не многому они могли научить

насъ, тѣмъ болѣе что, не имѣя возможности, а иногда и охоты выспрашивать учениковъ, они полагались на аудиторовъ-слушателей, избранныхъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ для контроля за учениками. Эти аудиторы до прихода учителя въ классъ обязаны были провѣрять, знаютъ ли, или нѣтъ ввѣренные его наблюденію ученики урокъ. Обыкновенно у каждаго аудитора были по 4 ученика. Знаніе или незнаніе урока по каждому отдѣльному предмету аудиторы отмѣчали въ особыхъ классныхъ журналахъ, называемыхъ нотатами или ратами, буквами зн. или незн. (въ I и 2 кл.) и sc.-nesc. (въ III и IV кл.). Учитель по приходѣ въ классъ бралъ нотаты, рассматривалъ ихъ, а потомъ справлялся съ тѣми, которые отмѣчены были незнающими.

Аудиторство при той постановкѣ, какая тогда существовала, не имѣло особенно серьезнаго значенія, т. е. не могло вліять на повышение успѣховъ учениковъ. Рѣдкій аудиторъ былъ честенъ и добросовѣстенъ. Аудиторы, особенно изъ казеннокоштныхъ, были склонны къ подкупамъ и за кусокъ хлѣба, данный незнающимъ урока ученикомъ, могли поставить и ставили отмѣтку въ нотатѣ: scit. Надѣясь на такую покладливость аудиторовъ, многіе пропускали уроки постоянно, не учили ихъ. Но за то жестоко и били учителя тѣхъ аудиторовъ, которые попадались въ своихъ продѣлкахъ, т. е. когда ученикъ, отмѣченный знающимъ, не могъ отвѣтить урока!..

Во внѣклассное время жили мы въ очень неприглядной обстановкѣ. Для житія отводились особыя комнаты въ другомъ корпусѣ. Комнаты эти назывались „номерами“ и отмѣчались цифрами: 1-й N, 2-й N и т. д. Въ каждомъ такомъ номерѣ жило отъ 15—30 чловѣкъ изъ различныхъ классовъ. Во главѣ ихъ стоялъ „старшій“ изъ учениковъ IV класса, который былъ какъ бы непосредственнымъ начальствомъ своихъ сожителей и творилъ надъ ними судъ и расправу по своему усмотрѣнію. — Вообще было принято къ ученикамъ старшаго класса относиться съ уваженіемъ и оказывать имъ безпрекословное повиновеніе. Прислуги въ училищѣ было недостаточно, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы. Вся же остальная работа лежала на ученикахъ младшихъ классовъ. Они и убирали комнаты и чистили обувь и одежду старшихъ и были у нихъ на побѣгушкахъ во всякое время. Бывало на занятіяхъ слышится крикъ: „эй, коза (такъ старшіе называли младшихъ), принеси воды“. Берешь глечикъ, набираешь воды изъ бочки, стоявшей посреди двора, и несешь старшему. Иногда приходилось на часъ сбѣгать разъ 10. Впрочемъ встрѣчались изъ старшихъ и хорошіе, нетребовательные ученики, какъ напр. Даніиль Стрѣль-

бидкій. Послѣдній иногда предупреждалъ малыша и, слышавъ крикъ какого-либо изъ своихъ товарищей, тихонько бралъ кувшинчикъ и приносилъ воду требующему ея. Въ награду за это ему были лишь насмѣлки да ругань. „Вотъ, Данило, дурной!“ Такъ его всегда и звали.

Особенно тяжело было безотвѣтнымъ и скромнымъ ученикамъ. За неповиновеніе приказаніямъ старшаго маленькіе обыкновенно бывали жестоко биты. На всѣ эти непорядки наши начальство смотрѣло сквозь пальцы и не удерживало старшихъ учениковъ отъ незаконныхъ дѣйствій. Лишь бы поддерживалась необходимая дисциплина.

Въ номерахъ ученики и занимались и спали. Обстановка комнаты была очень неприглядна. По срединѣ ея стоялъ громадный топорной работы столъ и скамьи, на которыхъ тѣсно размѣщались ученики. По стѣнамъ были расположены деревянные кровати. Ихъ было недостаточно, а потому нерѣдко на одной спало два ученика.

Въ гигиеническомъ отношеніи номера были прямо невозможны. Полъ, какъ я замѣтилъ, мылся очень рѣдко, вентиляціи не было. Неудивительно, что при такихъ благоприятныхъ условіяхъ заводилась масса всякой нечисти, паразитовъ. На койкахъ тюфяки были набиты какою-то шерстью, которая клочьями торчала изъ прорванной матеріи. Простыни были почти всегда грязны, потому что мылись и мѣнялись очень рѣдко. Сверху тюфяки прикрывались грубыми не подшитыми одѣялами изъ шерсти желтаго цвѣта. Въ щеляхъ коекъ гнѣздилась масса клоповъ, а въ тюфякахъ оказывались и болѣе неприглядные паразиты. Бѣлье учениками мѣнялось рѣдко, въ баню ходили разъ въ мѣсяцъ. Сброшенное бѣлье сваливалось въ кучу и лежало гдѣ-нибудь въ углу до тѣхъ поръ, пока пращѣ не заблагоразсудится его забрать для стирки, да оно даже и не стиралось, а только прополаскивалось въ грязной конанкѣ. Вслѣдствіе такого мытья даже не зараженное бѣлье заимствовало паразитовъ къ удивленію владѣльцевъ. Вся эта грязь, нечистота являлась причиною того, что между учениками сильно были развиты сыни разнообразнаго вида и особенно чесотка. Послѣдняя никогда не переводилась. Впрочемъ, эту болѣзнь и не считали чѣмъ-нибудь особеннымъ и почти не лѣчили. Иногда сгоняютъ человѣкъ 30 въ одну комнату, — велѣтъ раздѣться и намажутъ „шевскимъ дегтемъ“. — Въ занятыхъ комнатахъ было мало свѣта, по вечерамъ занимались при сальныхъ свѣчахъ. На столѣ полагалось ихъ по 2, но горѣла большею частію одна, потому что другою пользовались старшіе ученики; сгоняютъ такимъ образомъ и везутъ на святки домой фунта

по 3. Отъ недостатка свѣта и грязи многіе страдали глазными болѣзнями. Былъ случай, что одинъ ученикъ (Корницкій) совершенно ослѣпъ и потомъ, вышедши изъ училища, всю жизнь побирався Христовымъ именемъ. Докторъ при училищѣ, конечно, не полагался, а фельдшеръ не обладалъ медицинскими знаніями и опытностію и ничего не дѣлалъ. Больница, и она была, въ гигиеническомъ отношеніи почти не отличалась отъ жилыхъ помѣщеній. Та же грязь съ кишасими повсюду паразитами, тотъ же испорченный воздухъ и недостатокъ свѣта. О сидѣлкахъ и понятія не имѣли. За больными учениками обыкновенно ухаживали товарищи по назначенію старшихъ. Идти на ночь къ больнымъ—называлось идти на „сторѣжу“. И эта обязанность была самою непріятною и тяжелою. Приходилось неопытному ухаживать за больными, подавать имъ пить, переворачивать съ одного боку на другой, брать изъ подъ него загрязненное бѣлье и т. п. Лежалъ, напр., больной цингой, нѣкто Галаевичъ. Болѣзнь была такъ запущена, что выгнилъ весь бокъ и видны были кишки. Смрадъ отъ него шелъ невообразимый. Трудно было и подступить. Въ такомъ положеніи онъ потомъ и былъ взятъ родственниками. А то, бывало, не могли подступить и изъ-за паразитовъ. Ученикъ II кл. Полянскій очень долго чѣмъ-то болѣлъ и былъ признанъ безнадежнымъ. Его даже потомъ вынесли подъ лѣстницу, гдѣ онъ долго лежалъ безъ всякаго присмотра, заброшенный всѣми, тутъ онъ и умеръ. Носился слухъ, что онъ былъ заѣденъ вшами.

Помнится, выходишь съ ужина довольный — скоро отдыхъ отъ тяжелаго дня, вдругъ слышишь окрикъ своего старшаго: „Ковальскій, на сторѣжу!“ Кровь бросится въ лицо... Но идешь безпрекословно въ больницу, забиваешься въ уголокъ куда-нибудь, сидишь и дрожишь. Больные вскакиваютъ со сна, бредятъ, стонуть... Лампадка еле мерцаетъ... Страшно... Идешь, не дожدهшься, когда забрезжитъ утренній свѣтъ. Уже не страшенъ и приближающійся день.

Жизнь казеннокоштныхъ учениковъ училища была очень однообразна. Утро. Инструкція, вывѣшенная на дверяхъ, между прочимъ гласитъ: лѣтомъ вставать съ постели въ 6 часовъ, а зимою и ранѣе. Дѣйствительно, еще до 6 ч. жизнь номера начинается постепенно пробуждаться. Въ ожиданіи общей молитвы одинъ повторяетъ урокъ, другой поправляетъ койку, третій подметаетъ полъ, этотъ чиститъ платье старшему, а тамъ двое завязали изъ-за чего-то драку. Но вотъ звонокъ на молитву. Для этого ходили въ столовую, но иногда молились и въ комнатахъ въ присутствіи своихъ старшихъ. Вычитывались всѣ утреннія молитвы. Послѣ молитвы до начала занятій ученики сдавали уроки своимъ аудиторамъ. Зав-

трака не полагалось. И только, когда я былъ въ III кл., стали давать по кусочку хлѣба, да и то недолго. Учебныя занятія начинались съ 8 часовъ и продолжались до 12. Было два урока по 2 ч. Это такъ называемые утренніе классы. Послѣ 12 часовъ давался звонокъ, возвѣщавшій объ обѣдѣ. Ввиду того, что столовая не могла вмѣстить всѣхъ учениковъ, было 2 смѣны. Во время обѣда учениками IV кл. по очереди читалось Евангеліе.—На содержаніе казеннокоштнаго ученика съ обувью и одеждой полагалось рублей 25, а то и менѣе, своекоштные же доставляли въ каждую треть продукты: корецъ (4 мѣры) ржаной муки, $\frac{1}{2}$ корца — пшеничной, $\frac{1}{2}$ корца — гречневыхъ крупъ и гелетка (мѣра) — ячныхъ, къ этому приплачивали 50 коп. на сало и конопляное масло. Кормили поэтому очень скудно, даже хлѣба не давали въ достаточномъ количествѣ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ двухъ блюдъ, борща да каши, помазанной въ скоромные дни саломъ, а въ постные — коноплянымъ масломъ. Довольны мы были, когда борщъ варился съ буракомъ (свеклой), а то и того не было: иногда угощали и червивой капустой или испорченнымъ картофелемъ или кашей изъ тухлыхъ крупъ, но на это мы не были въ претензіи. Въ нашемъ быту безъ этихъ маленькихъ неприятностей какъ будто уже и нельзя было обойтись. Къ этому приготовляли насъ уже въ семьѣ. „Вотъ погоди, постой, попадешь въ бурю, скоро посадятъ тебя на сырую капусту, да на хлѣбъ съ водой“, бывало скажетъ дядя или мать, замѣтившіе, что я не охотно ѣмъ то или другое кушанье. А потому у меня еще дома съ бурсой соединялось представленіе какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ моряютъ нашего брата голодомъ, жестоко сѣкутъ, запираютъ въ темную комнату и т. д., чтобы сдѣлать изъ насъ доблестныхъ гражданъ и примѣрныхъ слугителей Провославной церкви.

Изъ-за стола обѣденнаго мы выходили полуголодными. Когда я былъ въ III кл., столъ немного улучшили, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Въ тотъ годъ въ училищѣ появился тифъ, много учениковъ переболѣло, не мало и умерло. По этому случаю изъ Каменца былъ присланъ докторъ Караваевъ. Онъ обходилъ всѣ помѣщенія и классныя занятныя, былъ и въ столовой и, конечно, вездѣ встрѣтилъ грязь, неисправность; много кричалъ. Онъ предписалъ давать ученикамъ мясо. Было это предъ рождественскими каникулами. Отправляя учениковъ по домамъ, начальство приказало имъ привезти съ собой ножи и вилки. Я послѣ каникулъ тоже привезъ вилку и изломанный ножъ. Начали давать вареное мясо. При этомъ бывало такъ, что пришедшіе въ столовую раньше расхватывали мясо, и многіе оставались, поэтому, безъ мяса. По воскреснымъ

и праздничнымъ днямъ давали мяса нѣсколько болѣе. Тѣмъ не менѣе бурсаки постоянно голодали и изыскивали разнообразныя средства, чтобы найти возможность наполнить свои пустые желудки, не брезгуя даже воровствомъ. Такимъ образомъ и я съ первыхъ же шаговъ жизни въ Приворотѣ былъ наученъ опытно, какъ нужно сохранять попадавшееся иногда мнѣ съѣстное.

Мать моя, отправляясь въ путь, захватила съ собою два коровайа чернаго хлѣба и съ пудъ сахарей. По прибытіи своемъ въ село мы остановились на квартирѣ. Ученики какъ-то пронюхали, что у меня есть съѣстное, и обратились ко мнѣ вѣжливо: „любезнѣйшій, дай намъ по кусочку хлѣба“. Я, незнакомый еще съ ученическою жизнью, безпрекословно далъ. Съѣвши данное, они вторично обратились со своей просьбой, я и тогда удовлетворилъ ихъ. Къ вечеру послѣ хожденій къ зрителю, различныхъ тревоженій по поводу отѣзда матери я почувствовалъ голодь. Иду къ сундуку, открываю его и съ ужасомъ вижу, что онъ пустъ: и хлѣбъ и сухари безслѣдно исчезли. А то бывало прослышать ученики, что такой-то изъ ихъ товарищей получилъ изъ дому посылку съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ, начинаютъ выслѣживать и искать случая поживиться имъ, устроить себѣ угощеніе, которое называлось на нашемъ языкѣ „караваномъ“.

Былъ у насъ ученикъ Петринскій, сынъ чиновника, постоянно получавшій изъ дому продовольствіе и державшій его въ своемъ сундучкѣ подъ ключемъ. Разъ, помню, была на завтра географія. Нужную карту на занятную взяли ученики квартирныя и возвратили ее очень поздно. Пришлось заниматься послѣ ужина. Для того, чтобы не обратить на себя вниманіе начальства, мы стянули съ коекъ одѣяла, завѣсили имъ со всѣхъ сторонъ столъ и забрались со свѣчю въ этотъ импровизированный шалашъ, „показывать по картѣ“. Петринскій спалъ. Кто-то изъ занимавшихся подаль мыслъ: „слушайте, у Петринскаго въ сундукѣ есть и сухари, и сало, и масло, я самъ бачивъ. Ну-ка возьмемъ!“ Сказано-сдѣлано. Подошли къ его сундуку, вскрыли какимъ-то образомъ, взяли все находившееся здѣсь и снова замкнули замокъ. Присутствующіе расположились угощаться. Одинъ шутникъ захотѣлъ посмѣяться надъ пострадавшимъ и разбудилъ его, говоря: „Антонъ, караванъ пришелъ, вставай, будешь ѣсты“. Тотъ радъ даровинкѣ, вскакиваетъ съ койки и благодаритъ товарищей, не забывшихъ его: „добрѣ шо збудылы“. Закусили прилично. На другое утро Петринскій къ сундуку—вздумалъ позавтракать. Можно представить его разочарованіе и досаду, когда онъ не нашелъ въ немъ ничего... Понялъ, бѣдняга, въ чемъ дѣло, да было поздно. Ругался... А жаловаться не смѣлъ: выбили бы.

Лица, имѣвшія на рукахъ деньги, могли обходиться безъ этого или подобнаго неблаговиднаго способа добыванія себѣ пропитанія.

Къ ихъ услугамъ за воротами бѹрсы были и жидки и жинки, продававшіе всякую снѣдь въ видѣ хлѣба, коржей, варениковъ, блинцевъ и т. п. Но немного было среди насъ такихъ богачей. Мать моя, напр., давала копѣекъ 10 на всю треть—не долго на эти деньги можно было пороскошествовать.

Въ лѣтнее время ученики расширяли свою дѣятельность по добыванію себѣ пищи. Сады были полны фруктами, огороды—снѣдобными овощами. И вотъ на нихъ совершались набѣги, какъ общіе въ нѣсколько человекъ, такъ и одиночные. Крестьяне, наученные прошлыми годами, зорко стерегли свое добро. Но бурсаки умѣли перехитрить ихъ. Бывало, что голодный охотникъ и попадетъ въ руки хозяина. Послѣдній, не осмѣливаясь наказать его собственноручно, обыкновенно тащилъ пойманнаго къ училищному начальству. Ученикъ въ этомъ случаѣ какъ-нибудь ухитрялся (бросалъ, напр., песокъ, табакъ въ глаза крестьянину) и убѣгалъ или же силою былъ освобождаемъ своими товарищами, хорошо понимавшими, въ чемъ дѣло. Если же никакія ухищренія не удавались, виновный приводился къ смотрителю, который, кромѣ словеснаго внушенія, конечно, подвергалъ его жестокому наказанію розгами, послѣ чего еще ставилъ на колѣни у столба съ солнечными часами.

Бывали и курьезы на почвѣ голодовки. Дѣло было подъ осень. Нѣсколько учениковъ ходили по церковному погосту и между прочимъ заспорили о томъ, кто больше всѣхъ можетъ снѣсть сливъ. Нѣкто Максимъ Савинскій, мальчикъ постоянно угрюмый, заявилъ: „я могу за 10 грошей снѣсть“. А на грошь давали тогда 100 сливъ. Выходило, нужно было снѣсть 1.000 штукъ. Товарищи отнеслись къ такому заявленію недовѣрчиво и начали подзадаривать: „Але не звишь“. „Зымъ“. „Смотри, будѣмъ биты“.

Кое-какъ сложились на 10 грошей, пошли въ ближайшій садъ, купили у жида 1.000 сливъ. Ъсть нашъ Савинскій, ѣсть; обмануть никакъ нельзя—наблюдаетъ нѣсколько десятковъ глазъ. Чувствуетъ, что желудокъ полный, тяжело дышать, смотреть—сливъ еще хорошая половина. Что же онъ дѣлаетъ? Не отказывается отъ затѣи, а ложится на землю и лежа, но все-таки продолжаетъ ѣсть... и снѣдь. Думали, что онъ „лопнетъ“, но ничего.—Конечно, худо было ему, но къ какимъ-либо серьезнымъ послѣдствіямъ эта затѣя не повела.

Ежедневно голодая, многіе ученики сбѣгали изъ училища. Разъ и со мною случилась такая исторія. Я былъ уже въ III классѣ.

Въ одно изъ воскресеній, когда послѣ обѣдни ученики бывали предоставлены самимъ себѣ, не заняты и когда вслѣдствіе этого голодь давалъ себя чувствовать сильнѣе, я не могъ выдержать и побѣжалъ по дорогѣ по направленію въ Каменецъ. Къ счастью меня встрѣтилъ одинъ ученикъ изъ квартиры, родственникъ.

— „Куда ты идешь?“ спрашиваетъ онъ.

— „Вѣй Богу“, говорю, утечу до дому. Я исты хѣчу, не могу вытрематы“.

— „Да тебя поймають и сильно будутъ бить“...

Онъ повернулъ меня обратно, привелъ къ себѣ на квартиру, далъ кусокъ хлѣба и тѣмъ спасъ меня отъ наказанія.

Возвращаюсь къ распредѣленію нашего учебнаго дня.—Послѣ обѣда до двухъ часовъ былъ перерывъ въ занятіяхъ. Въ это время ученики обыкновенно предавались играмъ, и только нѣкоторые неспособные приготавливали уроки къ позднимъ классамъ. Игры наши не отличались разнообразіемъ и не были оригинальны. Играли въ мячъ—(„квасокъ, мѣты“); изъ комнатныхъ игръ помню: „сороку“ и „въ перышки“. Обладавшіе способностью рисовать малевали картинки. Было въ ходу рисованіе „подъ формы“. Бралась вощеная бумага, накладывалась на выбранный рисунокъ, который переснимался и раскрашивался. Даже самое начальство иногда поручало такимъ искусникамъ разрисовывать похвальные листы, которые давались особенно успѣвающимъ ученикамъ въ награду. Мнѣ однажды самому дали такой похвальный листъ, который былъ тушью разрисованъ—изображены были столбики, а по нимъ вьющіеся цвѣты.—Читали мало. Библіотеки, изъ которой ученики могли бы получать для чтенія книги, кромѣ учебниковъ, не было. Правда, попадались книжки, но ихъ было очень мало, да и принадлежали онѣ къ лубочнымъ изданіямъ, напр. Ерусланъ Лазаревичъ, Бова Королевичъ, Ринальдо Ринальдони и т. п. Такія книжки привозились самими учениками изъ домовъ родителей.

Въ 2 часа былъ звонокъ на поздніе классы, продолжавшіеся до четырехъ часовъ; послѣ того ученики расходились по своимъ номерамъ и начинались вечернія занятія—подготовка уроковъ къ слѣдующему дню. Тутъ являлась на сцену пресловутая зубрежка. Заданное учили безъ пониманія наизусть изъ слова въ слово. Часто за этою трудной работой ученикъ и засыпалъ надъ книгою, особенно изъ малышей, еще не привычныхъ къ ней. Во время занятыхъ иногда проходилъ по комнатамъ инспекторъ. При видѣ его гулъ сейчасъ же смолкалъ. И горе тому, кого онъ замѣчалъ спящимъ. Спѣшно подходилъ къ нему и громко кричалъ: „Ты спишь? Ишелъ“... Бѣдняга зналъ, куда идти, и получалъ 3—5 горячихъ.

Этимъ, кажется, и ограничивалось воспитательное воздѣйствіе нашего инспектора. Иногда онъ спрашивалъ того или другого изъ насъ, знаетъ ли онъ урокъ, давалъ вопросы. Если ученикъ оказывался неподготовившимъ урокъ, подвергался той же участи безъ разсужденія, могъ ли онъ успѣть его выучить или нѣтъ. Въ это же время инспекторъ наблюдалъ и за убранствомъ комнаты и порядкомъ ея. Если замѣчалъ, что кровати не были убраны, наказывалъ владѣльцевъ ихъ. Разъ усмотрѣлъ, что на моей кровати не было одѣяла. „Чья кровать?“ властно спросилъ онъ. „Моя“. „Почему нѣтъ одѣяла?“ „Не имѣю“. „Пшелъ“... Потомъ мнѣ, какъ казенно-коштному, было дано рваное одѣяло. Рады мы были, когда скрывался за дверями нашъ благостный воспитатель... Занятныя оканчивались въ 9 часовъ, когда слышался звонокъ на ужинъ, который происходилъ также въ двѣ смѣны, какъ и обѣдъ. Ужинъ былъ очень скудный. Давали супъ, засыпанный крупами (кулешъ) и одобренный масломъ или саломъ, изрѣдка жидкую ячменную кашу съ кусочкомъ хлѣба. Послѣ ужина происходила вечерняя молитва. Вычитывались всѣ положенныя молитвы, пѣлись хоромъ тропари, напр. преп. Сергію, которому посвященъ былъ училищный храмъ, св. Николаю Чудотворцу, праздничные тропари и стихиры. На молитвѣ присутствовали смотритель и инспекторъ. Въ 10 часовъ по инструкціи свѣча должна быть потушена; всѣ ученики должны ложиться спать. Жизнь повидимому потухала. На самомъ же дѣлѣ очень часто она съ этого-то времени принимала оживленный характеръ, особенно среди старшихъ воспитанниковъ. Послѣдніе раздобывали водки, которая была очень дешева, и начиналась попойка подъ покровомъ ночи. Шли разговоры задушевные, разсказывались исторіи; нѣкоторые садились за карты. Такимъ образомъ бурсаки отдыхали и вмѣстѣ оживали отъ гнетущей ихъ обстановки, изъ манекеновъ обращались въ живыхъ людей. Нѣкоторые изъ великовозрастныхъ чрезъ окно убѣгали въ село и тамъ кутили съ знакомыми крестьянами или же клирошанами. Бывали и у приходскаго священника. На такой почвѣ было даже совершено преступленіе. Одинъ изъ великовозрастныхъ учениковъ IV кл. Баранецкій частенько хаживалъ къ священнику. Не обходилось, конечно, и безъ выпивки. Разъ въ пьяномъ видѣ священникъ похвалился, что у него есть 19 рублей серебромъ. У Баранецкаго явилось желаніе завладѣть ими. Въ свой преступный планъ онъ посвящалъ еще двухъ человѣкъ и привлекъ ихъ къ соучастію съ собою. Наканунѣ зеленыхъ праздниковъ (Троицына дня) пробрались они въ домъ священника, который, кстати сказать, былъ одинокій, вошли въ комнату, гдѣ онъ спалъ, и задушили его полотенцемъ. Совершивши

преступленіе, всё три сначала скрывались на колокольнѣ, а потомъ убѣжали на сѣнокосъ, называемый Рудкою. Въ Троицынъ день крестьяне, долгое время напрасно ожидая батюшки, прошли въ его квартиру и нашли его уже мертвымъ, при чемъ у него въ плоткѣ оказалось битое стекло. Баранецкій со своими товарищами потомъ были уличены въ преступленіи, пойманы, судимы, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.—Но на-ряду съ темными личностями, подобными описаннымъ, между бурсаками были люди совершенно иного настроенія. Изъ нихъ особенно выдѣлялся упомянутый уже Даниль Стрѣльбицкій. Онъ отличался набожностью. Часто ночью можно было видѣть его колѣнопреклоненно молящимся. Впрочемъ, онъ скрывалъ отъ другихъ такіа дѣйствія и лишь слышалъ шорохъ шаговъ или замѣчалъ какъ-нибудь, что за нимъ наблюдаютъ, тотчасъ же забирался подъ одѣяло и притворялся спящимъ. Всегда забитый, несчастный, носящійся съ книжкою, онъ во время молитвы преображался. И я, будучи маленькимъ еще, видя освѣщенное мерцающимъ свѣтомъ лампадки его лицо, хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ также горячо молиться.

По субботамъ и въ дни предъ праздниками распредѣленіе времени было нѣсколько иное; занятія продолжались лишь до 3-хъ часовъ. Вечеромъ отправлялось всенощное бдѣніе. Особого духовника священника въ училищѣ не было; его обязанности исполнялъ приходскій священникъ, а потому хотя и былъ училищный храмъ, но въ немъ совершалось богослуженіе только въ зимнее время, лѣтомъ же ходили въ приходскую церковь. Прихожане богослуженіе посѣщали неохотно, а потому богомольцевъ, кромѣ учениковъ, почти никогда не было. Пѣлъ всегда училищный хоръ подъ управленіемъ особаго регента—ученика изъ бывшихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. На службахъ нѣкоторыя пѣснопѣнія, какъ напр. „Свѣте тихій, Единородный Сыне, Иже херувимы, „концерты“ исполнялись по партесному. Службы были очень продолжительны, потому что все положенное по уставу вычитывалось. Въ церковномъ чтеніи участвовали исключительно ученики. Особенно любили читать и слушать Апостоль. Были такіе, которые щеголяли своимъ басистымъ чтеніемъ и всегда старались удерживать за собою пальму первенства. Удачно прочитанный апостоль—событіе дня, дававшее пищу для бурсацкихъ разговоровъ. Въ наше время прекрасными чтецами считались Главацкій и Гвоздецкій. Они всегда конкурировали и однажды даже изъ-за апостола затѣяли на клиросѣ драку. Эти два порядочные дѣтины, свирѣпо сверкая глазами, били другъ друга и въ грудь, и въ животъ, и въ зубы, и все это молча, а только тяжело дыша; бились до тѣхъ поръ, пока Главацкій не оказался

побѣдителемъ. Кстати замѣчу, что онъ, вышедши вскорѣ изъ училища, набралъ шайку бродягъ и занимался разбойничьими нападеніями на помѣщиковъ, предварительно ограбивъ своего отца-священника.

Такъ проводили свою жизнь ученики Приворотскаго духовнаго училища. Нѣсколько оживлялась она только съ наступленіемъ теплыхъ и сухихъ дней весеннихъ. Тогда представлялась возможность послѣ занятій уйти въ поле, въ лѣсъ и отрѣшиться хоть на нѣсколько часовъ отъ той неприглядной обстановки, какая окружала насъ и которая давила въ насъ все хорошее. Пообѣдавши, обыкновенно большинство учениковъ и спѣшило на просторъ, чему не препятствовало и начальство. Къ позднимъ классамъ снова всѣ собирались съ тѣмъ, чтобы въ 4 часа и до ужина отправиться, куда глаза глядятъ за нѣсколько верстъ отъ Приворотья. Это имѣло важное значеніе для учениковъ, потому что укрѣпляло насъ физически, спасало отъ болѣзней и слабосилія, неизбѣжныхъ при такомъ плохомъ питаніи и такихъ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ какихъ мы жили.

Къ нашимъ весеннимъ удовольствіямъ можно отнести рекреации, падавшія обыкновенно на 1, 15, а иногда и 30 мая. Если въ указанные числа день выдавался хорошій, ученики старшаго класса предъ первымъ урокомъ объявляли въ остальныхъ классахъ, что нужно идти къ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацию. На этотъ призывъ выходили ученики всѣхъ классовъ къ квартирѣ своего начальника, размѣщались на крыльцѣ, въ передней и предъ окнами и хоромъ начинали просить его: *emenentissime pater, rogamus recreationem*“. Смотритель сразу обыкновенно не показывался, а потому пѣвчіе затягивали пѣсню:

Привѣтствуемъ съ прекраснымъ маемъ,
Тебя, начальникъ, нашъ отецъ,
Привѣтствуетъ и всѣ зываемъ:
Внемли желаніямъ сердець!
Въ сей день толико вождедѣнный,
Когда въ весельи зрится міръ,
И птички мелкія стадами
Спѣшать, спѣшать на общій пиръ,
Въ сей день толико вождедѣнный,
Когда цвѣтетъ земля, какъ рай,
Позволь начальникъ нашъ любезный,
Почтить забавой свѣтлый май!..

Часто эта пѣсня повторялась нѣсколько разъ, прежде чѣмъ вызывала зрителя. Наконецъ онъ выходилъ, но предварительно напускалъ строгій видъ, ломался, отказывалъ и только послѣ усиленныхъ просьбъ склонялся и разрѣшалъ намъ рекреацію. Восторгу малышей не было конца. — Даже провинившихся въ чемъ-либо учениковъ наше строгое начальство не имѣло силы лишать веселнаго праздника и, наказавши немного, позволяло присоединиться къ остальнымъ. Помню, я разъ пріѣхалъ съ пасхальныхъ каникулъ какъ разъ на рекреацію, а такъ какъ я не привезъ съ собою никакой официальной бумаги, оправдывающей мое опозданіе, то и былъ вмѣстѣ съ тремя другими учениками посаженъ въ пустомъ корридорѣ. Отъ скуки намъ вздумалось поразвлечься, нашелся мячъ, и мы начали играть въ мѣты. Играли съ увлеченіемъ. Какъ разъ въ это время проходитъ зритель, приготовившійся ѣхать на рекреацію; услышалъ шумъ и идетъ къ намъ.

— „Вы что тутъ дѣлаете?“ крикнулъ онъ. Невѣдомо откуда взялись розги, дали намъ по три; „ступайте“, заключилъ послѣ этого зритель, и мы довольные такую развязкою, конечно, поспѣшили воспользоваться дарованною свободою и удовольствіемъ.

По полученіи разрѣшенія на рекреацію тотчасъ же посылались особо выбранные „строители“ въ лѣсъ, чтобы облюбовать мѣсто и выстроить тамъ палатки для помѣщенія начальствующихъ, учителей и постороннихъ гостей. Палатки эти дѣлались изъ древесныхъ вѣтвей; для этого же иногда вырывались съ корнемъ небольшія березки. Прежде по лѣсамъ было не такъ строго. Обыкновенно строились два шалаша. Въ день рекреаций обѣдъ подавался раньше. Наскоро поѣвши, ученики съ пѣснями выходили со двора училища въ назначенное мѣсто въ лѣсу.

За учениками слѣдомъ ѣхали повозки, одна была подъ провизіей, а на другихъ сидѣли жены учителей съ дѣтьми. По дорогѣ ученики пѣли пѣсни патріотическаго характера, какъ напр. „Грянулъ внезапно громъ надъ Москвой“. Къ этому шествію иногда присоединялись подводы, на которыхъ ѣхали соседніе съ Приворотьемъ батюшки съ матушками и дочками. По прибытіи на мѣсто наши гости размѣщались по палаткамъ и угощались, а мы разбѣгались по лѣсу или затѣввали игры, въ которыхъ принимали участіе и учителя

Къ рекреаціямъ любители изъ учениковъ иногда разучивали малороссійскія пьесы и давали ихъ на открытомъ воздухѣ. Участвующие переряживались соотвѣтственно полу изображаемыхъ лицъ и гримировались; мастеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто Варицкій. Представленіе выходило очень недурнымъ. Помнится, играли „На-

талку Полтавку“; въ этой пьесѣ особенно выдѣлялся своею игрою Марко Лисѣпкій, отличавшійся и видимою, красивою наружностію, и прекраснымъ голосомъ. Присутствовавшіе учителя и гости много ему аплодировали. Кромѣ представленія, предъ палатками пѣли пѣсни и русскія и малороссійскія. Затѣмъ, всѣмъ ученикамъ давали закусить по куску хлѣба, а иногда и булки, который запивали пивомъ. Пиво это было особое, такъ называемое, дубельтовое. Привозился пѣлый боченокъ. Въ извѣстное время предлагали подходить, и распорядитель наливалъ пиво въ стаканы, которыми ученики предварительно запасались. Наше празднество продолжалось до поздней ночи, часовъ до 11—12, когда давался знакъ къ отправкѣ въ училищный корпусъ. Возвращались тоже съ пѣснями. Въ столовой уже ждалъ насъ скромный ужинъ.

На сколько былъ пріятенъ день рекреациі, настолько же непріятенъ слѣдующій. Уроки не выучены, голова послѣ недостаточнаго сна не свѣжа. Бурсаки пускаются на хитрости. Находится балагуръ, передѣвается жидомъ, замазываетъ фізіономію сажей, беретъ курицу въ руки и въ такомъ видѣ идетъ къ зрителю. Здѣсь онъ представляетъ какую-нибудь смѣшную сценку и въ заключеніе проситъ освободить учениковъ отъ уроковъ. Иногда зритель дарилъ „уроки“.

Съ 1-го іюля начинались лѣтніе экзамены. Особого времени на подготовку не назначали. Спрашивали, особенно лучшихъ учениковъ не по всѣмъ предметамъ, а по какому-либо одному. Исключеніе составляли плохіе по успѣхамъ ученики. Они подвергались полному испытанію. Кто не отвѣчалъ, сѣкли. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ товарищей въ одинъ день былъ битъ 7 разъ, потому что не удовлетворилъ экзаменаторовъ своими отвѣтами по всѣмъ семи предметамъ. Предъ рождественскими каникулами также производились экзамены.

Для того, чтобы не оставаться въ бурсѣ, почти всѣ ученики, даже и не имѣвшіе близкихъ родственниковъ, уходили и на рождественскія и на пасхальныя каникулы и на масляницу, не говоря уже о лѣтнихъ. Зимомъ и раннею весною эти путешествія были сопряжены съ большими трудностями и опасностью для здоровья. Одежды теплой не было, а какая и обрѣталась, то была плохая, особенно у казеннокоштныхъ. По недостаточности средствъ и обуви и сюртуки были изъ недоброкачественнаго матеріала и скоро изнашивались. Дадутъ саногі, смотришь чрезъ мѣсяць ужъ и пальцы видно. Большую часть года ходили босыми. Въ годъ моего поступленія мнѣ былъ шить желтый сюртукъ изъ старыхъ, порванныхъ одѣялъ. Я, сирота, и тому былъ радъ! Но все это плохо защищало

отъ холода, особенно во время поѣздокъ. Ъдешь, бывало, въ такомъ сюртучкѣ на Рождество. Морозъ, вѣтеръ... зубъ на зубъ не попадетъ. Соскочишь съ воза или съ саней, думаешь, на бѣгу согрѣешься, пальцы на ногахъ начнетъ ципать. Ждешь, не дождешься, когда зачерѣется корчма. Остановишься, отогрѣешься; но не надолго. Не удивительно, что такія путешествія оканчивались не всегда благополучно. Иной прѣдетъ домой съ обмороженными ногами, другой—руками, а меня однажды внесли въ домъ дяди въ безсознательномъ состояніи: дорогою заболѣлъ горячкою.—Другое дѣло было лѣтомъ.

Путешествія тогда совершались цѣлыми кучками бурсаковъ и пѣшкомъ. При этомъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни провизіи, ни денегъ, пробивались или Христовымъ именемъ у крестьянъ, или просили у священника, къ которому наряжалась для этого особая депутація. Нерѣдко она надѣлялась и хлѣбомъ и молокомъ, а чаще возвращалась ни съ чѣмъ. Въ крайнихъ случаяхъ бурсаки прибѣгали и къ похищенію разной снѣди.

Жизнь въ каникулярное время у рождественниковъ для насъ сиротъ была не сладка. Никому, очевидно, не хотѣлось имѣть въ домѣ лишній ротъ. Постоянно приходилось слышать упреки, замѣчать сердитые взгляды. „На что вы сироту взяли?“ такъ разъ встрѣтилъ дядя своихъ сыновей, пригласившихъ меня на Пасху. Легко ли было проводить двѣ недѣли въ такомъ домѣ? Заплачешь иногда, вспомнишь покойнаго отца... Для того, чтобы заглушить въ себѣ горькое, неприятное чувство, весь погружаешься въ работу. Особенно въ лѣтнее время я работалъ и на полѣ, и на огородѣ, и въ клунѣ наравнѣ съ заправскимъ наймитомъ.

Въ Приворотскомъ духовномъ училищѣ я учился 7½ лѣтъ. Въ самомъ началѣ 1847 года по ходатайству смотрителя Нектарія два старшихъ класса изъ Приворотья были переведены въ гор. Баръ. Мотивомъ для такого перевода были, кажется, личныя соображенія Нектарія, любимца митрополита Арсенія, а впоследствии занимавшаго должность ректора Петербургской духовной академіи ¹⁾. Въ Бару былъ монастырь, и смотритель, сдѣлавшись настоятелемъ его, получалъ значительно большее содержаніе.

Для училища былъ отведенъ монастыремъ полуразрушенный, домъ, половина котораго была нѣсколько отремонтирована. Впрочемъ, и послѣ отстройки стѣны зданія были очень плохи, и когда за городомъ шло артиллерійское ученіе, то отъ стрѣльбы стѣны эти положительно тряслись.

¹⁾ Умеръ архіерейскою въ харьковскимъ.

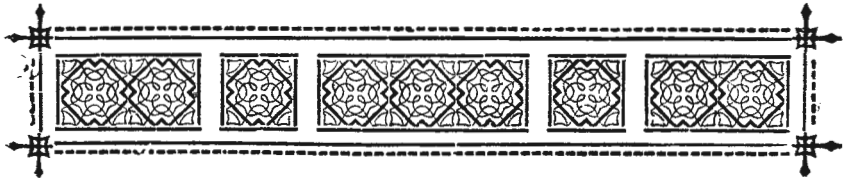
Зданіе было двухэтажное, на верху помѣщался IV классъ, а внизу—третій. Прежде и самый монастырь и зданія принадлежали францисканцамъ; здѣсь у нихъ существовала четырехклассная школа. Когда мы явились туда, то застали на дверяхъ комнатъ надписи польски: пирша... друга... тшеча... чварта класса повятова.

Жизнь въ Бару мало чѣмъ отличалась отъ Приворотской. Кормили только еще хуже, чѣмъ тамъ, потому что тѣ средства, какія отпускались прежде на одно училище, были подѣлены на два. Къ богослуженіямъ ходили въ монастырскую церковь. Учащихся въ барскомъ училищѣ было не много. Окончило насъ всего 32 человека, которые потомъ поступили въ Подольскую духовную семинарію.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣятельность графа С. С. Ланского въ проведеніи крестьянской реформы.

(Къ юбилею крестьянской реформы)¹⁾.

С. С. Ланской родился въ 1787 г., получилъ хорошее образованіе дома, какъ это было тогда въ обычаѣ, и зналъ иностранные языки.

При Александрѣ I мы видимъ его вторымъ мастеромъ „провинціальной ложи“²⁾, откуда скоро онъ вышелъ.

А. Н. Муравьевъ ввелъ его въ „Союзъ Благоденствія“, гдѣ онъ оставался тоже не долго.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ онъ недолго оставался тамъ, такъ что 14 декабря 1825 года для С. С. Ланского прошло безъ послѣдствій, а Николай I назначаетъ его губернаторомъ сначала въ Владиміръ, а потомъ переводитъ въ Кострому, наконецъ, въ 1850 году Ланской дѣлается членомъ Госуд. Совѣта, при чемъ Николай Павловичъ говорилъ, что онъ либерала Ланского „обратилъ на путь истинный“.

При Александрѣ II Ланской назначается въ 1855 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы „исцѣлить Россію отъ ея болѣзней“. Это была очень трудная задача, ни воспитаніе его, ни предшествующая дѣятельность не могли служить достаточной подготовкой для нея.

С. С. Ланской приглашаетъ въ министерство П. И. Мельникова и А. И. Левшина.

¹⁾ Эта статья не могла быть помѣщена въ февральской книгѣ. *Ред.*

²⁾ См. зап. Вигеля и разск. А. Н. Степанова („Рус. Стар.“—1870 г. I т.).

Въ воспоминаніяхъ перваго приводится характерный разговоръ его съ Ланскимъ, который требуетъ, чтобы въ составленномъ для Государя въ отчетѣ не было оффиціальной лжи и ничего канцелярскаго. „Если мы не замѣтимъ Вашей фальши, сказалъ онъ, тотъ Царь (онъ поднялъ руку къверху) узнаетъ ее. Помните, что Вы не отчетъ просто призваны писать, а такъ сказать священнодѣйствовать“ (Восп. Мельн. „Рус. Арх.“, 1879, II). Въ сношеніяхъ съ подчиненными, Ланской цитируетъ поговорку: *du choc des opinions jail lit le vérité*, требуя болѣе живого отношенія къ своимъ мнѣніямъ.

Тотчасъ по вступленіи на постъ Ланской издаетъ циркуляръ гдѣ заявляетъ, что Государь повелѣлъ ему: „ненарушимо охранять права, вѣнченосными предками его дарованныя дворянству“. Циркуляръ этотъ печатался два года въ большомъ количествѣ.

Впрочемъ Ланскому пришлось подготовляться къ крестьянской реформѣ, послѣ знаменитой рѣчи Государя дворянству о необходимости реформы сверху.

Въ министерствѣ, пользуясь съѣздомъ дворянъ на коронацію, зондируютъ почву по крестьянскому вопросу.

Подъ руководствомъ Левшина затѣмъ приступаютъ къ секретнѣйшему обзору матеріаловъ по крестьянскому вопросу, и съ 1-го янв. 1857 г. учреждается для этой цѣли секретный крестьянскій комитетъ.

Ланской раздѣляетъ взгляды свои съ помощниками. Сильное вліяніе на него имѣлъ кружокъ Вел. Кн. Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны. Ланской умѣлъ выбирать себѣ помощниковъ; вмѣсто Левшина, онъ приглашаетъ въ 1857 г. Н. А. Милютину, про котораго самъ Государь говорилъ: „онъ давно имѣетъ репутацію краснаго, за нимъ надо наблюдать“ (Дневникъ Никитенко, II т. 118 с.). При назначеніи же Милютину, Государь сказалъ Ланскому: „*ты мнѣ за него ручаешься*“.

20-го ноября 1857 года былъ подписанъ Государемъ рескриптъ на имя виленскаго губернатора о созывѣ дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ на указанныхъ въ немъ и въ особомъ циркулярѣ мин. внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ.

Ланской 21-го ноября, въ праздничный день, распоряжается о напечатаніи этого циркуляра и разсылкѣ его по губерніямъ.

Лѣтомъ 1858 г. Ланской подаетъ Александру II записку, которая едва не вызвала его отставки. Здѣсь онъ заявляетъ о полномъ спокойствіи крестьянства, въ противоположность опасеніямъ Государя, который дѣлаетъ собственноручныя помѣтки о несогласіи съ министромъ внутр. дѣлъ.

Крестьянство въ ожиданіи реформы вело себя очень спокойно, что и удалось установить Ланскому. Въ 1858 г. не было ни одного случая убійства помѣщиковъ, тогда какъ раньше въ годъ было до 13—15-ти убійствъ.

Ланскому пришлось выступить на борьбу съ лѣвымъ крыломъ дворянства, стремившагося къ конституціи, и съ правой его частью, отстаивавшею рѣшительное отставничество.

Въ Петербургѣ сѣзжались депутаты перваго созыва. Ланской выставляетъ губернскіе дворянскіе комитеты въ немного преувеличенно-реакціонномъ видѣ, отстаивая ту мысль, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ взглядами дворянства на мѣстахъ.

Подъ его вліяніемъ Александръ II приказываетъ на первомъ же засѣданіи комиссіи подчеркнуть ту мысль, что дворяне должны дать только „мѣстные данныя“ по крестьянскому вопросу, каждый членъ губерніи особо и при томъ письменно.

Слово „депутатъ“ согласно мысли Ланского замѣняется сообразно съ этимъ въ „члена, избраннаго губерн. комитетомъ“. Наконецъ приглашаются представители не только большинства въ комитетахъ, но и меньшинства. Затѣмъ разгорается борьба Ланского съ дворянствомъ, прибѣгнувшимъ къ подачѣ адресовъ Государю. Этими адресами Ланской пользовался, чтобы доказать Александру конституціонныя замыслы дворянства.

Въ засѣданіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (5 ноября 1859) Ланской заявляетъ, что „стремленія, крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи“, заключаются въ поползновеніяхъ дворянства урѣзать крестьянскій надѣлъ и взять изъ него возможно больше. На этомъ же собраніи рѣшено было „поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ адреса, сдѣлавъ черезъ губернское начальство надлежащее имъ внушеніе“.

Вслѣдъ за отъѣздомъ депутатовъ изъ Петербурга Ланской, боясь, что дворяне используютъ предстоящія губернскія собранія для отчета о своихъ дѣйствіяхъ, выхлопоталъ Высочайшее запрещеніе „входить на собраніяхъ въ сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся“.

Отвѣтомъ на это со стороны дворянства явились адреса, среди которыхъ особенно либеральнымъ былъ адресъ владимірскихъ дворянъ.

Въ 1860 г. по смерти Ростовцева, Ланской выступаетъ съ своей кандидатурой въ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. Императоръ Александръ, хотя и увѣрилъ его въ своемъ расположеніи, но назначилъ на этотъ постъ В. Н. Панина. Это было началомъ измѣненія

положенія Ланского. Начинается въ редакціонныхъ комиссіяхъ глухая борьба съ Панинымъ, закончившаяся закрытіемъ комиссіи, членамъ которыхъ Панинъ не подавалъ даже руки. Ланскому удалось исходатайствовать аудіенцію у Государя, но на ней онъ былъ игнорированъ. Государь выразилъ свою благодарность Панину, жаловавшемуся на дѣйствія Ланского.

Министерство Ланской оставляетъ въ апрѣлѣ 1861 г. вмѣстѣ съ Милутинымъ, уступая противоположнымъ теченіямъ. При этомъ онъ получаетъ титулъ графа.

Источники:

Матеріалы редакціонныхъ комиссій 1-ое изд. 1859—60 г. XVII т. 2 изд. 1860 III.

Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царств. Имп. Алекс. II, IV т. Боннь.

Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царств. Алекс. II, III т. 1889—92 СПБ.

Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпости. состоян. помѣщ. крестьянъ въ Россіи, II т. Берлинъ.

„Русская Старина“ 1879. XXVI А. Чумаковъ „Графъ Ланской“; 1882, т. XXXVIII Записки Я. А. Соловьева; 1889, I—IV Изъ зап. М. А. Милутиной; 1897—98 На зарѣ крест. свободы; 1891, IX Валуевъ, Дневникъ

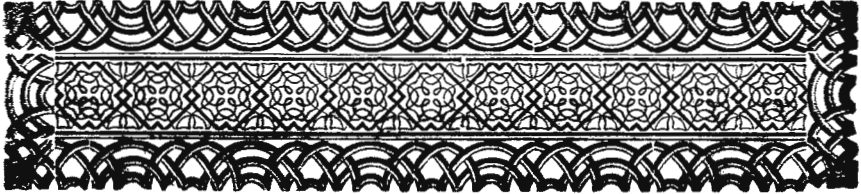
Leroу Beau lieu Un homme d'état russe. Paris 1884.

Русскій Архивъ 1879 Графъ Ланской—Мельникова. 1885, VIII Зап. Левшина.

Другіе источники цитированы въ текстѣ.

С. Фарфоровскій.

Н. И. Пироговъ.

Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души.

„Ищи быть и будь человѣкомъ“ (изъ рѣчи Пирогова 1 сентября 1857 г.).

Въ чувствомъ полнѣйшаго и высокаго нравственнаго удовлетворенія останавливаемъ свое вниманіе на свѣтломъ образѣ Николая Ивановича Пирогова, со дня рожденія коего 13 ноября 1910 года исполнилось столѣтіе. Пироговъ!.. Сколько прекраснаго возбуждается въ душѣ при воспоминаніи объ этой умной и высоко гуманной личности, самоотверженно, энергично и честно служившей словомъ и дѣломъ въ теченіе полвѣка своему отечеству и человѣчеству! Какъ окрыляется человѣкъ во всѣхъ своихъ лучшихъ чувствахъ, при ознакомленіи и изученіи семидесятилѣтней жизни этого великаго цѣлителя тѣла и воспитателя души, до глубокой старости сохранившаго ясность ума и удивительную теплоту сердца, любовь къ жизни, къ молодому поколѣнію, вѣру въ силу науки и лучшее будущее своего отечества! Н. И. былъ во-истину благороднымъ, разумнымъ, искренно любящимъ сыномъ своего славнаго отечества. Его имя принадлежитъ къ числу тѣхъ незабвенныхъ и достойныхъ высокаго уваженія именъ нашихъ соотечественниковъ, которыми мы гордимся, и которыя служатъ украшеніемъ не одного только русскаго народа, но и всего человѣчества. Н. И. Пирогова высоко цѣнили такіе просвѣщенные, разумные и высоко нравственные отечественные дѣятели и

непоколебимые современники, каковыми, напримѣръ, былъ известный педагогъ К. Д. Ушинскій — этотъ, по мѣткому выраженію одного изъ его біографовъ, идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было компромиссами. Вотъ что Ушинскій говорилъ о Пироговѣ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: „Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодые поколѣнія. Пусть наша молодость смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“. 24 мая 1881 года, въ Москвѣ, въ актовомъ залѣ университета, происходило торжественное чествованіе пятидесятилѣтней службы Н. И., засвидѣтельствовавшее во-очію о томъ рѣдкомъ уваженіи къ заслугамъ Пирогова, каковымъ онъ пользовался не только среди своихъ соотечественниковъ, но и за границею. Юбилейныя привѣтствія получены были со всѣхъ сторонъ. Кромѣ телеграммы Государя на имя юбиляра, всѣ русскіе университеты, не исключая и Гельсингфорскаго, всѣ научныя учрежденія Россіи и высшіе правительственные органы, всѣ больницы, клиники и иныя лѣчебныя заведенія, всѣ медицинскія и врачебныя общества, равно какъ и другія ученые общества—всѣ эти институціи прислали или своихъ представителей, или же привѣтственные телеграммы. Заграничные университеты и ученые общества также поздравили русскаго ученаго, а именно: университеты Мюнхенскій, Страсбургскій, Падуанскій и Эдинбургскій, медицинскіе факультеты Парижа и Праги и Германское хирургическое общество. Представители прессы поднесли особый адресъ, въ которомъ привѣтствовали, въ лицѣ Пирогова, „не только знаменитаго ученаго, но и честнаго публициста и общественнаго дѣятеля“. Среди этой массы привѣтствій было даже привѣтствіе отъ русскихъ евреевъ и закавказскаго муфтія. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу дипломъ почетнаго гражданства,—и это признаніе почетнымъ гражданиномъ своей родины Н. И. счелъ высшею честью, какая только можетъ быть оказана человѣку.

Достойному воздано должное! „Пироговъ, — говорилъ въ своемъ юбилейномъ привѣтствіи одинъ изъ профессоровъ — не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ блестяще развилъ его, и если Россія не извлекла изъ его полувѣковой дѣятельности всей пользы, которую онъ могъ принести ей своимъ значеніемъ и способностями, то, сколько извѣстно, едва-ли самъ Пироговъ виноватъ въ этомъ“... Но и при тѣхъ условіяхъ дѣятельности, въ которыя Пироговъ, силою независимыхъ отъ него обстоятельствъ, былъ поставленъ,

принесенная его знаніями и способностями польза наукъ, обществу и отечеству дѣйствительно велика. Онъ былъ прежде всего чело-вѣкъ живого труда и честнаго дѣла. Эти качества его дѣятельности ярко обрисовываются во всей его жизни. Главнѣйшіе факты ученой, административной и общественной его дѣятельности сводятся при краткомъ ихъ перечнѣ, насколько позволяетъ размѣръ настоящей статьи, къ слѣдующимъ даннымъ:

Въ 1833 году, послѣ предварительнаго окончанія медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ и какъ весьма основательно подготовленный, затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ по анатоміи и хирургіи, Н. И. командированъ былъ отъ правительства за границу и здѣсь работалъ въ Берлинѣ у знаменитыхъ германскихъ хирурговъ этого города.

По возвращеніи въ Россію, въ 1836 году онъ избранъ былъ профессоромъ хирургіи Дерптскаго университета и вскорѣ сдѣлался здѣсь однимъ изъ любимыхъ профессоровъ. Живя въ Дерптѣ, Н. И. предпринималъ ежегодно хирургическія экскурсіи въ разные города Прибалтійскаго края, привлекавшія всегда громадное число больныхъ, тѣмъ болѣе, что, по инициативѣ мѣстныхъ врачей, пасторы въ деревняхъ объявляли всенародно о прибытіи дерптскаго хирурга. Въ началѣ 1841 года Пироговъ былъ переведенъ профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, съ порученіемъ ему же завѣдыванія всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Во время его пребыванія въ названной академіи, хирургическая клиника, благодаря необычному дару преподаванія и несравненной техники Пирогова въ производствѣ операций, сдѣлалась высшею школою русскаго хирургическаго образованія. Точно также высоко поставлено было имъ преподаваніе и анатоміи, чему много способствовало устройство, по его инициативѣ, особаго анатомическаго института. Во время своего 14-ти лѣтняго профессорства въ С.-Петербургѣ Н. И. произвелъ около 12.000 вскрытій съ подробными протоколами о каждомъ изъ нихъ. Въ 1847 году онъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ для ознакомленія съ устройствомъ госпиталей и для распространенія среди военныхъ врачей новѣйшихъ усовершенствованій въ практикѣ хирургическихъ операций, каковую задачу и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, принеся въ то же время весьма цѣнную помощь массѣ больныхъ воиновъ, нуждавшихся въ хирургическихъ операціяхъ. Въ 1848 году Пироговъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, отдался изученію холеры, результатомъ коего было изданіе имъ сочиненія,

„Патологическая анатомія азіатской холеры“. Въ 1854 году, онъ, по желанію Государыни Императрицы и великой княгини Елены Павловны, отправился въ Крымъ для завѣдыванія занятіями Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а также для сформированія особой корпораціи врачей-хирурговъ. Во время этой командировки Н. И. воочию увидѣлъ все нравственное разложеніе русскаго общества—тѣ наши общественные недуги, которые, послуживъ главною причиною неблагопріятнаго исхода крымской войны, осязательно, такъ сказать, засвидѣтельствовали необходимость нравственнаго и умственнаго самоочищенія русскаго общества посредствомъ улучшенія воспитанія подростующихъ поколѣній и измѣненія социальныхъ условій жизни. И вотъ, возвратясь въ 1856 г. въ С.-Петербургъ, онъ рѣшается со всей безошадной правдивостью высказаться по одному изъ кардинальных „вопросовъ жизни“—о воспитаніи. Въ этомъ году въ № 9 „Морского Сборника“ была напечатана его знаменитая статья: „Вопросы жизни“, горькая для общественнаго сознанія, но либеральная по затронутымъ въ ней вопросамъ и побудившая и правительство и общество обратить особенное вниманіе на воспитательное дѣло...

Взгляды, высказанные въ этой статьѣ, понравились тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову. По предложенію послѣдняго, Н. И., желавшій оставить службу въ медико-хирургической академіи по разстроенному здоровью, принялъ назначеніе на должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, каковое и состоялось 3 сентября 1856 года. На этомъ посту въ Одессѣ Пироговъ оставался не долго. Однимъ изъ болѣе памятныхъ дѣлъ его въ названномъ округѣ былъ проектъ преобразованія Одесскаго лицея въ Новороссійскій университетъ, осуществившійся, впрочемъ, только впоследствии—въ 1865 году, и организація литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, главнѣйшею цѣлью каковыхъ бесѣдъ было приученіе гимназистовъ старшихъ классовъ исподволь къ самостоятельному научному труду, безъ котораго, по мнѣнію Пирогова, ученіе въ университетѣ бесплодно. 18 іюля 1858 года Н. И. былъ переведенъ на такую же должность въ Кіевскій учебный округъ, а 13 марта 1861 года онъ оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія и поселился въ своемъ имѣніи Вишня, Подольской губерніи.

Въ 1862 году, по желанію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина, Пироговъ командированъ былъ за границу для руководства учеными занятіями молодыхъ людей, посланныхъ туда изъ русскихъ университетовъ для подготовленія къ занятію профессорскихъ кафедръ. Изъ этой командировки Н. И. вернулся въ

Росію въ 1866 г. и время до 1870 г. провель опять въ своей деревнѣ. Во время франко - прусской войны 1870 г. и русско - турецкой 1877—1878 г., по приглашенію главнаго управленія Общества Краснаго Креста, онъ, помимо общихъ совѣтовъ по военно-санитарной части, посѣтилъ самые театры этихъ войнъ и здѣсь своими научно-практическими указаніями и непосредственною медицинскою помощью оказалъ страждущему человѣку неоцннимыя услуги. Таковы главнѣйшіе факты ученой и служебно-общественной дѣятельности Пирогова!

Въ періодъ этой полувѣковой многосторонней дѣятельности мы видимъ его, какъ ученаго, какъ профессора и клинициста-хирурга, какъ военно-полевого хирурга и администратора и, наконецъ, какъ педагога, занимавшаго высокій постъ попечителя двухъ учебныхъ округовъ и позднѣе руководившаго занятіями молодыхъ ученыхъ за границею. „Вездѣ и всегда, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, онъ неизмѣнно проявлялъ любовь къ дѣлу и знаніе дѣла; въ каждое дѣло онъ влагалъ всю свою громадную энергію, всю свою великую душу. Неудивительно поэтому, что онъ всюду вносилъ что-либо новое, оригинальное и оставлялъ неизгладимый слѣдъ своей широкой дѣятельности. Это новое касалось не какихъ-либо мелочей, а захватывало самую существенную сторону дѣла, потому что Пироговъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ, всесторонне обсуждалъ каждый вопросъ съ тонкимъ анализомъ ученаго, стараясь уяснить его въ полномъ объемѣ“. Пироговъ „былъ анатомъ, хирургъ,—говоритъ другой его біографъ,—учился надъ трупами, но въ то же время онъ былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнью, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеаль создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнью и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ

поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитать себя, но перевоспитаніе такъ трудно, что лучше начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. „Я испыталъ — говорить Пироговъ, — эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ“.

Этотъ-то страхъ за дѣтей и побудилъ Пирогова написать и затѣмъ напечатать вышеупомянутую знаменитую педагогическую статью „Вопросы жизни“, которую цензура пропустила только потому, что она напечатана была именно въ „Морскомъ Сборникѣ“ и съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича. Въ ней авторъ, много поработавшій надъ собою и вздумавшій раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни, высказалъ сжато, даже отрывочно, но смѣло, все, что онъ передумалъ и почувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала Россію несчастная для насъ Крымская война. Статья эта произвела необычайный эффектъ: она охватила какимъ-то лихорадочнымъ восторгомъ рѣшительно все русское общество. О ней шумно заговорили всюду: въ клубахъ, въ семьяхъ, въ высшемъ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ о воспитаніи сдѣлался злобою дня: въ цѣлой Россіи началось необычайное педагогическое и вообще умственное движеніе послѣ долгаго періода сна и апатіи: возникло нѣсколько серьезныхъ педагогическихъ журналовъ, начали учреждаться разныя школы: воскресныя и иныя бесплатныя школы, завелись педагогическія собранія, основался въ С.-Петербургѣ комитетъ грамотности; правительство обратило на школьную реформу серьезное и дѣятельное вниманіе.

Что же высказывалось въ этихъ „Вопросахъ жизни“ такого, что такъ расшевелило общество, заставивъ его безпристрастно оглянуться на себя самого?

„Общественный хирургъ“, по счастливому выраженію одного нашего педагога, нашелъ, что и теперь все осталось „яко же бо бысть во дни Ноевы“. Въ древности, по крайней мѣрѣ, люди были послѣдовательны и жили такъ, а не иначе, по извѣстнымъ убѣжденіямъ, котерыя могли быть ложны, ошибочны, но все-таки это были

убѣжденія, основанныя на ученіяхъ различныхъ философскихъ школъ. Въ XIX-же вѣкѣ, вступивъ въ жизнь, задавшись „столбовыми вопросами“, мы оказались вполне несостоятельными предъ ними, потому что мы не воспитаны. Правда, масса живетъ по инерціи, слѣдую толчку, данному обществомъ въ направленіи, принятомъ обществомъ; но есть еще жизнь индивидуальная, жизнь „въ себѣ“, стоящая въ разладѣ съ направлениемъ общества. Такимъ образомъ фактически существуетъ два жизненныхъ пути: приспособляться къ обществу или бороться съ нимъ. Дилемма эта практически разрѣшается различно.

Дѣло въ томъ, что все общество, по убѣжденію Пирогова, представляетъ одну огромную инертную толпу и нѣсколько меньшихъ, придерживающихся самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на жизнь. Такихъ взглядовъ авторъ насчитываетъ восемь.

Одни совѣтуютъ не думать много, потому что, думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ. Взглядъ, какъ видите, простой и привлекательный. Болѣе высокій взглядъ—это совѣтъ много читать и учиться, вообще поумнѣть, а умъ уже подскажетъ, куда идти. Далѣе слѣдуетъ взглядъ религиозный или старообрядческий, по выраженію Пирогова, рекомендующій строгое соблюденіе постовъ и молитвы и чтеніе благочестивыхъ книгъ, не вникая въ ихъ смыслъ. По взгляду иныхъ людей-практиковъ можно жить и безъ убѣжденій, лишь бы имѣть полный карманъ. Такой же практический умъ проглядываетъ и во взглядѣ, что слѣдуетъ уживаться съ людьми и соблюдать установленную вѣшнюю приличность, думать можно, что хочешь—*Gedanken sind zollfrei* (каждый воленъ думать, что хочетъ). Существуетъ и пессимистическій—печальный, по выраженію Пирогова, взглядъ, отрицающій смыслъ жизни—не зная, откуда взялся, человекъ умретъ, не зная, зачѣмъ жить. Противоположный этому оптимистическій—веселый взглядъ совѣтуетъ пользоваться настоящимъ, не задумываясь надъ будущимъ. Къ числу практическихъ взглядовъ на жизнь относится также взглядъ „благоразумный“, рекомендующій выбрать себѣ наиболѣе выгодную и подходящую роль въ практической жизни, не задаваясь при этомъ никакими теоретическими стремленіями.

Къ тому или другому изъ этихъ взглядовъ, обыкновенно, и приыкаютъ вступающіе въ жизнь и на этомъ успокоиваются, утрачивая съ лѣтами „всякую склонность перемѣнить или перевоспитать себя“. Но если бы такъ всегда и оканчивалось, то общество оставалось бы, какъ уже сказано, вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Всѣ бы спокойно забыли то, чему учило воспитаніе: „воспитаніе сдѣлалось бы продажнымъ

билетомъ для входа въ театръ“. Однако люди, родившіеся съ „притязаніями на умъ и чувство“, не могутъ оставить „безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое“. Они слишкомъ совѣстливы, разборчивы въ путяхъ, и потому стремятся проложить новые пути. Многіе не выдерживаютъ этой внутренней борьбы. При всемъ этомъ и руководящіе обществомъ взгляды на жизнь, не отличаясь законностью, допускаютъ всевозможныя дальнѣйшія комбинаціи. Все это не служить, конечно, къ единенію общества, поселяя раздоръ между послѣдователями разныхъ взглядовъ, что опасно и въ политическомъ отношеніи. Изъ этого положенія можно выйти тремя путями: 1) Согласить воспитаніе съ торговымъ направленіемъ общества, 2) перемѣнить направленіе общества, 3) приготовить воспитаніемъ къ жизненной борьбѣ, къ этому неравному бою. Первому пути, какъ невѣрному, авторъ не сочувствуетъ. Второй составляетъ вопросъ будущаго. Остается третій путь, т. е. посредствомъ воспитанія приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, вкоренить въ насъ высшія человѣческія убѣжденія или, иначе говоря, сдѣлать насъ людьми. Этотъ путь—одна дѣйствительный путь. Между тѣмъ, воспитаніе наше ведется односторонне: оно только дѣлаетъ насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, но не людьми. И дѣйствуютъ люди, какъ поцало, увлекаемые теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, потому что не воспитаны внутренней человѣкъ, не воспитаны въ немъ убѣжденія. „Главная святыня въ человѣкѣ—убѣжденія, говоритъ Пироговъ: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, любить искренно правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровеннымъ, какъ съ наставниками, такъ и со сверстниками“.

Протестуя противъ воспитанія нашихъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ школахъ со спеціальнымъ характеромъ, Пироговъ спрашиваетъ: „отвѣчайте мнѣ, положи руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступать на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался виѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно изготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ смѣны?.. Дайте выработаться и развиваться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ по повелѣнію, а невольный и преждевременный бракъ сыновей

съ ихъ будущимъ поприщемъ доущень и привилегированъ... Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!“—восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность воспитанія, существовавшаго у насъ въ ту пору, когда ему приходилось жить и дѣйствовать. Онъ не хочетъ признать рациональнымъ существованіе раннихъ специальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. „Нѣтъ ни одной потребности—замѣчаетъ онъ—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ... Истинные специалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній специалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ“.

Послѣднія слова изъ устъ Пирогова, какъ одного изъ талантливейшихъ специалистовъ своего времени, весьма многозначительны! Но изъ этихъ словъ, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія, что воспитательнымъ задачамъ общеобразовательной школы Пироговъ поставлялъ идеаломъ приготовленіе человѣка вообще, т. е. оторваннаго отъ почвы; нѣтъ, по его убѣжденію, задачей воспитанія должно быть подготовленіе изъ воспитанника *человѣка-гражданина*, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. „Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности¹⁾“.

Итакъ воспитаніе должно сдѣлать насъ людьми. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Н. И., его цѣль. Указывая на необходимость воспитанія *человѣка-гражданина*, Пироговъ первый у насъ такъ прямо и сочувственно заговорилъ въ той же статьѣ „Вопросы жизни“ о необходимости воспитать женщину, какъ радость человѣческой жизни, соупитницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей самимъ Богомъ. По справедливому мнѣнію Н. И., только одна эмансипація, въ смыслѣ истиннаго, человѣческаго, одинаковаго съ мужчиной, образованія, выведетъ женщину изъ положенія жалкой куклы и рабы, и сдѣластъ изъ нея того зодчаго общества, которымъ она должна быть

¹⁾ Изъ рѣчи Н. И. на актѣ Рншельвскаго лицея 1 сентября 1857 г.

по праву. „Краеугольный камень,—пишет Пироговъ въ своей статьѣ,—кладется руками женщины. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины; пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи“.

Таково, въ общемъ, главнѣйшее содержаніе безсмертной въ исторіи нашего просвѣщенія статьи Пирогова „Вопросы жизни“, послужившей своевременно, такъ сказать, толчкомъ не только къ педагогическому, но и вообще къ умственному нашему пробужденію послѣ долгаго періода всеобщаго сна и апатіи.

Самъ сохранивъ до глубокой старости „высокое мудрое дѣтство души, т. е. дѣтскую искренность и цѣлостность души, Н. И. убѣжденно, и въ своихъ сочиненіяхъ, и на практикѣ, настаивалъ на признаніи той истины, что основой воспитанія должно быть воспитаніе искренности души въ воспитываемыхъ. Съ особенною глубиною мысли и образною яркостью эта основная истина воспитанія выражена имъ въ статьѣ „Быть и казаться 1)“.

Весьма поучительны для нашего времени, когда перестраивается укладъ нашей общественной и государственной жизни, и нижеслѣдующіе взгляды Пирогова на подчиненныхъ ему, какъ попечителю учебнаго округа, лицъ, на измѣненіе уставовъ, курсовъ и программъ, на учащуюся молодежь, на значеніе въ школьномъ дѣлѣ гласности и общественнаго мнѣнія.

„Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ... Слѣдя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ“...

„Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою. На этомъ уваженіи, которое я заявилъ открыто и

¹⁾ Эта статья перепечатана въ полномъ ея текстѣ въ нашей брошюрѣ: „Николай Ивановичъ Пироговъ. Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души. Его жизнь, государственно-общественная дѣятельность и педагогическіе взгляды. Варшава 1907 г.“.

гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края. Я твердо зналъ, что необдуманнныя порывы молодости и поступки, противорѣчащія законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти. Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями“.

„Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много рассчитывать на дѣйствіе такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которые одни сами по себѣ хотя и быстро измѣняются, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ *образовательную, творческую силу человеческой личности*. Безъ нея всѣ хитросплетенныя уставы—мертвая буква“...

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... *но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать*.“

„Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать“...

„Какъ можетъ быть критика, хотя бы и официальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе... Почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно и того требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ, будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ или высшею инстанціею, конечно, не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно“.

Обращаясь засимъ къ общей оцѣнкѣ педагогической дѣятельности Пирогова, мы видимъ, что какъ писатель, выяснивъ коренныя недостатки нашего школьнаго воспитанія, онъ первый прямо и ясно высказался за настоятельную необходимость радикальнымъ образомъ измѣнить образованіе и воспитаніе мужчины и женщины, съ тѣмъ, чтобы въ основу воспитанія новаго поколѣнія были положены болѣе рacionales педагогическіе принципы, коими обезпечивалась бы и болѣе правильная подготовка его для будущей семейной и общественной жизни.

Разсматривая вопросы о воспитаніи, Пирововъ нашелъ, что наше общество не развилось на истинныхъ нравственныхъ началахъ, что въ дѣлѣ воспитанія оно ставитъ человѣка въ двухъсмысленное положеніе; оно требуетъ отъ воспитателя борьбы со зломъ, а въ ней онъ остается одинокимъ. Наше общество готовило специалистовъ для извѣстной службы, забывая о высшихъ идеалахъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго круга и не давало ей ничего болѣе. Поэтому у насъ не воспитывались люди съ высокими идеалами, съ сильными характерами. „Сдѣлайте насъ людьми прежде всего,—говоритъ Пирововъ—и вотъ тогда мы исцѣлимся отъ общественныхъ недуговъ“. Для нравственнаго общественнаго подъема нужно школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать *людей-гражданъ* своей родины, а они, въ свою очередь, создадутъ и гражданское общество, на смѣну развѣдаемаго застарѣлыми болѣзнями свѣтскаго нашего общества. Силы этихъ новыхъ людей должны быть достаточно развиты для того, чтобы они въ состояніи были вынести борьбу за свои идеалы.—Н. И. безусловно отрицаетъ первенство жизни передъ школою и рабскую зависимость школы отъ жизни; напротивъ, по его убѣжденію, все будущее находится въ рукахъ школы, и ей принадлежитъ первенство въ слѣдующемъ: школа въ-время должна начать общее образованіе и тоже въ-время перейти къ образованію спеціальному. Она должна выбрать такіе способы ученія, которые направятъ бы образовательную силу каждой отрасли знанія на способность духа, служившую ей началомъ, не забывая, что и въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа. Въ рукахъ толковаго педагога и хорошаго человѣка и древніе и новыя языки и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Главное же условіе педагогическаго воздѣйствія—твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква.

Изъ школы мы должны выходить на жизненное поприще съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что мы на самомъ дѣлѣ должны быть, а не казаться только, хорошими людьми. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи школа и жизнь должны составлять одно неразрывное цѣлое.

Однимъ изъ рациональныхъ принциповъ воспитанія Н. И. справедливо считалъ нераздѣльность въ школѣ научнаго образованія отъ нравственнаго, настоятельно проповѣдывая о томъ, что обученіе на всѣхъ его ступеняхъ должно быть воспитывающимъ, т. е., что образованіе и наука должны служить источникомъ не только умственнаго, но и нравственнаго развитія подрастающихъ поколѣній. Далѣе, своими вышеупомянутыми статьями „Вопросы жизни“, „Быть и ка-

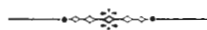
заться“ и другими педагогическими статьями, Н. И. вызвалъ живой интересъ къ вопросамъ воспитанія и образованія какъ въ учебномъ мѣрѣ, такъ и въ обществѣ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего, съ теченіемъ времени, было общее улучшеніе въ постановкѣ у насъ учебно-воспитательнаго дѣла.

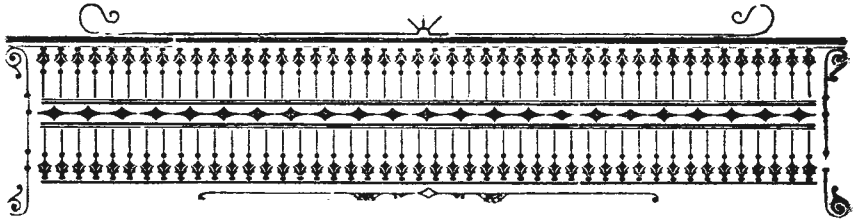
Какъ попечитель двухъ учебныхъ округовъ, несмотря на всю кратковременность своего управленія, Пироговъ, — какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — показалъ собственнымъ примѣромъ, какъ много добра можно сдѣлать на этомъ посту, даже среди самыхъ неблагоприятныхъ условій, которыя теперь значительно измѣнились къ лучшему, хотя бы въ смыслѣ большаго умственного уровня и педагогическаго персонала и самого общества. Онъ усилилъ и возвысилъ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ; печатаніемъ циркуляровъ и отчетовъ положилъ основаніе ихъ гласности, призвавъ къ тому же и другіе округа; энергически способствовалъ сознанію вреда розги, и въ какой-нибудь годъ вывелъ почти вовсе изъ округа ея употребленіе; развитіе большей гуманности и нравственнаго довѣрія въ обращеніи начальствующихъ и подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ, въ педагогическомъ мѣрѣ, въ значительной степени,—также его дѣло; цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ вопросовъ, начиная отъ школы низшей до университета включительно, была поднята и пущена въ ходъ опять-таки имъ же. Можно сказать, оглядываясь назадъ, что почти вся наша педагогическая дѣятельность, во второй половинѣ минувшаго столѣтія, во всѣхъ лучшихъ ея сторонахъ, своимъ началомъ и направленіемъ обязана тому же Николаю Ивановичу Пирогову и К. Д. Ушинскому, имена которыхъ никогда не забудутся русскою педагогіею, какъ не забудетъ никогда имя перваго и медицина.

Въ заключеніе приведемъ слова, сказанныя одной газетой по поводу юбилея Пирогова въ 1881 году:

„Обществу, среди котораго такъ перепутались понятія о правдѣ, что ее приходится искать, полезно имѣть предъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды. Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея розысканію. Правда съ вѣками, и десятилѣтіями даже, мѣняетъ свой обликъ; но есть одна такая сфера, въ которой правда 1860 годовъ остается такою же и въ 1880-хъ: эта сфера — воспитаніе. Будемъ же стараться, по завѣту юбиляра, дѣлать изъ дѣтей нашихъ прежде всего людей, въ чаюніи, что, если они сдѣлаются хорошими людьми, людьми съ убѣжденіями, то все остальное приложится имъ“.

С. Старосивильскій.

Исчезнушія могилы русских генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ.

еликіе историческіе подвиги, совершаемые героями, остаются жить въ памяти народной по устнымъ рассказамъ современниковъ-очевидцевъ. Но проходятъ годы, историческіе факты и событія мало-по-малу какъ бы тускнѣютъ, теряются въ туманной дали времени, а всеразрушающее время какъ бы довершая все это, стираетъ слѣды людей и ихъ дѣятельность.

Заговоривъ о всеразрушающемъ времени, я хочу сказать, что каждому сколько-нибудь интересующемуся исторіей Кавказа, хорошо извѣстно, сколько здѣсь забытыхъ, затерянныхъ великихъ могилъ, которыя необходимо возстановить, дабы сохранить народу его историческія преданія по памятникамъ старины.

Начнемъ хотя бы съ исчезнувшихъ могилъ трехъ русскихъ героевъ генераловъ: Лазарева, Симановича и Кутузова, которые вмѣстѣ со своими сподвижниками генералами: кн. Циціановымъ, бывшимъ главнокомандующимъ кавказскою арміей и Ахвердовымъ были погребены подъ сводами тысячелѣтняго Сіонскаго храма въ г. Тифлисѣ.

Исчезновеніе трехъ надгробныхъ памятниковъ людей, достойныхъ занимать лучшія страницы въ нашей исторіи, людей, явившихся первыми піонерами русскаго дѣла, создавшихъ славу кавказской арміи, является фактомъ непонятнымъ. Исчезни эти памятники гдѣ-нибудь въ поляхъ далекой Манчжуріи, или въ дикихъ ущельяхъ

Кавказскихъ горъ,—это было бы еще не такъ странно, но когда исчезаютъ дорогія надгробныя плиты, а съ ними и могилы, въ центрѣ Кавказа, подъ сводами Сіонской святыни,—это ужь непротитительное отношеніе къ памяти такихъ героевъ, какими являются генералы Лазаревъ, Симановичъ и Кутузовъ.

Имя генерала Ивана Петровича Лазарева, происходившаго изъ дворянъ Воронежской губерніи, тѣсно связано съ именемъ царицы Маріи, вдовствующей супруги грузинскаго царя Георгія XIII.

По вступленіи царя Георгія на грузинскій престолъ, ко всѣмъ тѣмъ неурядицамъ, которыя царилъ въ Грузіи, противъ него вела еще интриги и строила козни его мачеха-царица Дарія, съ цѣлью заставить Георгія отречься отъ престола, чтобы затѣмъ, захвативъ царствованіе съ сыновьями своими, искать покровительства въ Персіи.

Будучи поставленъ въ трудныя обстоятельства и желая разъ навсегда успокоить родину и установить въ ней порядокъ и спокойствіе, царь Георгій обратился къ Императору Павлу I и просилъ его принять Грузію въ вѣчное русское подданство и прислать войска для защиты ея отъ враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Императоръ Павелъ, внявъ просьбѣ Георгія, повелѣлъ командующему кавказской линіей отправить въ Тифлисъ 17-й егерскій, нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій полкъ, подъ командой генераль-маіора Лазарева, который былъ, какъ его охарактеризовали современники, суровымъ воиномъ, высоко и честно державшимъ русское знамя въ чужой тогда землѣ и однимъ своимъ могущественнымъ видомъ внушавшимъ невольное уваженіе къ русскому имени.

Военная исторія говоритъ намъ, что имя генерала Лазарева, какъ героя, передавалось изъ устъ въ уста по всей Грузіи, а послѣ знаменитаго сраженія на р. Іоръ въ 1800 году оно останется навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны, такъ какъ оно было послѣднимъ сраженіемъ, даннымъ въ защиту Тифлиса, когда генераль Лазаревъ разбилъ полчища Омаръ-хана Аварскаго, вторгнувшагося въ Грузію. Послѣ этого сраженія ни лезгины, ни турки, ни персіяне уже не осмѣлились приблизиться къ городу.

Генераль Лазаревъ умеръ 19-го апрѣля 1803 г., и палъ онъ не на бранномъ полѣ, а былъ измѣннически убитъ грузинскою царицей Маріей, которая со своими дѣтьми намѣревалась бѣжать въ Хевсурію.

Вновь назначенный тогда правитель Грузіи кн. Циціановъ, узнавъ о предполагаемомъ бѣгствѣ царицы Маріи, приказалъ Лаза-

реву оцѣпить домъ царицы и, если понадобится, арестовать ее и отправить въ Моздокъ.

Ген. Лазаревъ, въ роковой для него день, утромъ, сопровождаемый нѣсколькими офицерами своего полка и другими лицами, прибылъ во дворецъ, гдѣ царица приняла его; но едва Лазаревъ приблизился, чтобъ объявить ей приказъ кн. Циціанова, какъ въ рукахъ Маріи сверкнулъ кинжалъ, и Лазаревъ, пораженный въ бокъ, мертвый палъ на порогѣ комнаты. Присутствовавшіе офицеры бросились къ своему любимому начальнику, чтобъ оказать ему помощь, а полицеймейстеръ Сургуновъ бросился къ царицѣ Маріи съ цѣлью обезоружить ее, при чемъ, при отобраніи кинжала, онъ былъ раненъ царицею въ плечо. Царица Марія съ дѣтьми были арестованы и отправлены въ Воронежъ, въ Бѣлгородскій женскій монастырь.

Рана оказалась смертельной. Лазаревъ умеръ, и погребеніе его послѣдовало 22-го апрѣля 1803 г. въ Сіонскомъ соборѣ.

„Самый церемональ,—пишетъ Циціановъ,—учрежденъ былъ съ должною почестью и съ возможнымъ великолѣпіемъ, дабы доказать въ сей повой для нашихъ обычаевъ землѣ, сколь уважаются въ Россіи геройскія жертвы долга, чести и усердія“.

Къ великому сожалѣнію, теперь только немногимъ извѣстно, что Лазаревъ погребенъ въ Тифлисѣ въ Сіонскомъ соборѣ. Объ этомъ нѣтъ никакихъ виѣшнихъ знаковъ: камня, съ надписью, лежавшаго когда-то на его могилѣ, болѣе не существуетъ, и нынѣ посѣтитель этой древней святыни не найдетъ мѣста вѣчнаго успокоенія того, кто въ первые смутные годы вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть, всѣ невзгоды тогдашнихъ событій въ Грузіи, кто заложилъ, какъ повѣствуетъ о томъ исторія, первый камень въ фундаментъ русской славы своею побѣдою на Іорѣ, и чье имя говоритъ сердцу русскаго солдата о стародавнихъ временахъ, когда каждая пядь земли въ Грузіи обогрелась кровью русскаго воина.

Ужъ если въ небольшомъ селеніи Какабети, въ память столѣтія пораженія полчищъ Омаръ-хана Аварскаго, дотошъ не знавшаго пораженія, воздвигнуть памятникъ, который является хотя и нѣмымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтелемъ геройскаго подвига генерала Лазарева, то казалось бы, то мѣсто, гдѣ покоится прахъ этого героя, должно быть священо.

Въ ряду свѣтлыхъ именъ, оставленныхъ намъ блестящей циціановской эпохой, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ также имени генерала Федора Филипповича Симановича, происходившаго родомъ изъ южныхъ славянъ и посвятившаго Кавказу 15 лѣтъ своей

трудоу и талантливой службы. Имя этого генерала тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ русскими на Кавказѣ.

Боевая его слава началась въ 1802 году, когда Кавказскій гренадерскій полкъ, гдѣ онъ служилъ подполковникомъ, прибылъ въ Грузію, и Симановичъ со своимъ баталіономъ занялъ пограничныя крѣпости Сурамъ и Гори. Послѣ этого онъ привелъ въ покорность Осетию, участвовалъ въ штурмѣ Ганжи, за что удостоенъ былъ Героевскаго креста и званія шефа Кавказскаго гренадерскаго полка, затѣмъ разбилъ полчища бѣглаго царевича Александра, мечтавшаго въ Алавердскомъ монастырѣ возложить на себя корону грузинскихъ царей.

Послѣднимъ же боевымъ и побѣдоноснымъ походомъ генерала Симановича былъ хевсурскій походъ, который, по словамъ современниковъ, далеко превышалъ по трудностямъ своимъ швейцарскій походъ съ Суворовымъ на Альпы. За этотъ походъ Симановичъ былъ награжденъ рѣдкимъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ генералъ-лейтенанта.

Послѣ совершенія этого похода онъ, возвратившись въ Тифлисъ, энергично принялся за устройство внутреннихъ дѣлъ въ Грузіи.

Управленіе дѣлами Грузіи требовало большихъ затратъ силъ, а тутъ генералу Симановичу не давала покоя рана въ голову, полученная имъ подъ Эриванью. Не взирая на это, онъ все же прилагалъ неимовѣрные труды и усилія, дабы скорѣе привести въ надлежащій видъ то хаотическое состояніе, которое тогда, по случаю смуты, царило въ Грузіи. Однако, этому герою Кавказа не суждено было осуществить всѣхъ своихъ предположеній: 2-го ноября 1815 г. онъ скоростижно скончался отъ удара за грудями бумагъ.

Генералъ Симановичъ также погребенъ въ Сіонскомъ соборѣ, и надгробная плита со скромною надписью также исчезла на его могилѣ, какъ исчезла она у генерала Лазарева.

Третья исчезнувшая могила въ Сіонскомъ соборѣ принадлежитъ имени генерала Александра Петровича Кутузова, котораго Ермоловъ, зная его отличныя способности по наполеоновской войнѣ, вызвалъ на службу на Кавказъ и назначилъ его военнымъ губернаторомъ Грузіи, объединивъ въ его рукахъ и военную, и гражданскую власть.

На-ряду съ другими дѣлами генералъ Кутузовъ первый положилъ начало перестройкѣ Тифлиса на европейскій ладъ, и ему принадлежитъ идея и планъ постройки дворца, занимаемаго нынѣ намѣстникомъ кавказскимъ. Умеръ генералъ Кутузовъ въ Тифлисѣ отъ старыхъ ранъ наполеоновскихъ войнъ; умеръ онъ внезапно, въ

то время, когда Ермоловъ находился на пути своего возвращенія изъ посольства въ Персію.

Въ смерти генерала Кутузова небезынтересно отмѣтить одну особенность, а именно: сердце его было вынуто и похоронено отдѣльно отъ тѣла въ монастырѣ св. Давида.

Интересно знать, сохранился ли въ монастырѣ какой-нибудь слѣдъ о похороненномъ тамъ сердцѣ Кутузова, или же и его постигла та же участь, какая постигла могилу его.

Тѣло Кутузова первоначально сохранялось во Мцхетѣ, но когда вѣсть о смерти его дошла до Ермолова, онъ приказалъ вернуть тѣло покойнаго въ Тифлисъ и похоронить въ Сіонскомъ соборѣ.

23-го ноября 1817 г. съ большою торжественностью состоялось погребеніе Кутузова въ Сіонскомъ соборѣ.

На мѣстѣ погребенія была также надгробная плита, но и она исчезла, какъ двѣ предыдущія надгробныя плиты, Лазарева и Симановича.

Когда и какимъ образомъ исчезли надгробныя плиты трехъ русскихъ генераловъ, героевъ Кавказа, до настоящаго времени осталось въ точности невыясненнымъ. Съ исчезновеніемъ плитъ потеряны и слѣдъ, въ какомъ именно мѣстѣ Сіонскаго собора находятся славныя могилы героевъ.

Охраненіе могилъ и памятниковъ есть не только нравственная, но и священная обязанность, а потому, если сейчасъ нельзя съ точностью установить могилы трехъ погребенныхъ въ Сіонскомъ храмѣ русскихъ генераловъ, которые своими геройскими подвигами прославили кавказскую боевую армію и которые, далеко отъ родины, нашли послѣднее земное мѣсто успокоенія подъ сводами храма, то необходимо поставить въ соборѣ хотя бы мраморную доску съ надписью, которая свидѣтельствовала бы о томъ, что въ этой древней святынѣ покоятся истые сыны отечества, положившіе жизнь свою въ защиту своихъ братьевъ-единовѣрцевъ.

Пусть хотя этимъ будетъ воздана дань уваженія, дань почести, далекому героическому прошлому въ Грузіи, съ которымъ тѣсно связаны имена русскихъ генераловъ—Лазарева, Симановича и Кутузова.

Пусть эта мраморная доска съ вызолоченными буквами напомнитъ каждому посѣтителю храма Господня о величій и заслугахъ тѣхъ бойцовъ, давно уже сошедшихъ въ могилу, честно исполнившихъ долгъ свой предъ отчизной, имена которыхъ разносятся въ былинахъ, разказахъ и пѣсняхъ боевой кавказской арміи.

Попутно съ исчезновеніемъ въ Сіонскомъ соборѣ трехъ дорогихъ могилъ русскихъ воиновъ, можно сказать, что та же участь ждетъ и могилу погребеннаго въ этомъ же храмѣ въ 1905 г. одного дѣятельнаго и высокаго представителя церкви, преосвященнаго Веніамина, епископа горійскаго. Почившій іерархъ, въ мірѣ Владиміръ Боркуновъ, уроженецъ Нижегородской губерніи, получилъ высшее богословское образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи и здѣсь же по просьбѣ своей былъ постриженъ въ монашество. Отличаясь рѣдкими способностями, о. Веніаминъ обратилъ на себя вниманіе высшей духовной власти, и въ 1896 г. судьба покинула его, полного силъ и здоровья, на Кавказъ, въ Кутаисъ съ назначеніемъ его сначала инспекторомъ, а потомъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, ректоромъ Кутаисской духовной семинаріи. Въ 1902 г. архимандритъ Веніаминъ, какъ хорошій администраторъ, быстро изучившій всѣ условія мѣстной жизни, былъ назначенъ епископомъ горійскимъ, первымъ викаріемъ грузинской епархіи, членомъ грузино-имеретинской конторы и предсѣдателемъ окружнаго училищнаго совѣта грузинскаго экзархата. Почившій, русскій служитель церкви при всѣхъ своихъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностяхъ всегда проявлялъ трезвый умъ, чуткую наблюдательность, правдивость слова, правоту въ дѣйствіяхъ и глубокую осѣмленность въ каждомъ вопросѣ и горячую преданность долгу и интересамъ службы.

Отдавшись всецѣло служенію церкви на далекой окраинѣ, архим. Веніаминъ совершенно не обращалъ на себя вниманіе, а между тѣмъ злой недугъ вселился въ его организмъ и подточилъ его въ то время, когда онъ по лѣтамъ своимъ могъ еще трудиться и работать.

Останки покойнаго Веніамина погребены въ томъ же Сіонскомъ соборѣ, и надъ его скромной могилой нѣтъ до настоящаго времени надгробной плиты съ надписью, почему и теперь уже, несмотря на то, что со времени смерти русскаго іерарха прошло всего шесть лѣтъ, не каждый даже служащій въ этой древней святынѣ можетъ указать мѣсто послѣдняго земнаго успокоенія преосвященнаго Веніамина.

Но что же ожидать дальше?

Пройдутъ года, пройдутъ десятки лѣтъ, и о могилѣ преосвященнаго Веніамина также не останется слѣда и также исчезнетъ она, какъ исчезли славныя могилы трехъ русскихъ генераловъ подъ сводами православнаго храма.

А вѣдь всѣ эти люди отдали не только многое въ жизни, но и самую жизнь на служеніе окраинѣ и, казалось бы, на насъ лежитъ теперь

долгъ и священная обязанность, чтобы память о ихъ добрыхъ и доблестныхъ дѣлахъ сохранить навсегда въ народѣ. Для этого не потребуется даже и большихъ затратъ, надгробная плита съ высѣченною на ней надписью обойдется 80—100 руб., какая сумма всегда найдется, а потому терять время и еще откладывать съ постановкою въ Сіонскомъ соборѣ мраморной доски русскимъ героямъ и надгробной плиты преосвященному Веніамину не слѣдуетъ.

Наряду съ грустнымъ фактомъ исчезновенія трехъ могилъ русскихъ генераловъ, считаю небезынтереснымъ подѣлиться съ читателями о найденной мною въ м. Б. Караклисѣ, Эриванской губерніи, куда я былъ командированъ въ маѣ мѣсяцѣ 1910 г. по распоряженію намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, могилы генерала Несвѣтаева, которая считалась до настоящаго времени затерянной.

Имя генерала Петра Даниловича Несвѣтаева принадлежитъ къ популярнѣйшимъ именамъ на Кавказѣ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ покоятся славныя традиціи кавказскихъ войскъ. Генералъ Несвѣтаевъ былъ командиромъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, который въ 1804 г. былъ передвинутъ въ Грузію и прибылъ въ Тифлисъ безъ своего командира, такъ какъ Несвѣтаевъ былъ задержанъ по службѣ на линіи. Въ это время среди горцевъ поднялся всеобщій мятежъ, всѣ сообщенія съ Грузіей были прерваны, и русскія войска, незнакомыя съ природными условіями Кавказа, терпѣли одну за другой неудачи. Началось со взятія мятежниками укрѣпленія Ларса, паденіе котораго передало въ ихъ руки важное Дарьяльское ущеліе, а затѣмъ они овладѣли деревней Степанъ-Цминда, лежащей у подножья величественнаго Казбека, и взяли въ плѣнъ русскую команду вмѣстѣ съ ген. Дренякинымъ. Почти одновременно съ этимъ былъ вырѣзанъ ими Кайшаурскій постъ, и истребленъ почти весь донской казачій полкъ Рышкова. Эти успѣхи до того подняли духъ мятежниковъ, что они спустились въ самую Грузію и обложили Анапуръ.

Прибывъ во Владикавказъ и узнавъ о всѣхъ этихъ неудачахъ, ген. Несвѣтаевъ тотчасъ же по своему личному почину взялъ на себя всю отвѣтственность и наскоро собралъ всего шесть ротъ Казанскаго полка и прежде чѣмъ непріятель успѣлъ опомниться, овладѣлъ уже Балтой, Ларсомъ, Дарьяльскимъ ущельемъ и захватилъ въ свои руки Гударскій перевалъ. Отсюда онъ двинулся къ Анапuru, гоня передъ собою толны обезумѣвшихъ отъ страха мятежниковъ. Около Анапура его встрѣтили главныя силы непріятеля,

предводимыя бѣглымъ грузинскимъ царевичемъ Парнаозомъ, но были разбиты на голову, и самъ Парнаозъ захваченъ въ плѣнъ. Мятежь, державшійся цѣлые мѣсяцы, былъ усмирень въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Страхъ и ужасъ, при одномъ имени Несвѣтаева,—писалъ Государю кн. Циціановъ,—до того поселились въ обывателяхъ горъ, что мятежь погасъ, мосты повсюду построены, дороги исправлены, сообщеніе возстановлено. Закончили свое донесеніе Государю кн. Циціановъ о Несвѣтаевѣ слѣдующими словами: „Теперь всѣ кавказскія племена называютъ его не иначе, какъ „горскій генераль“.

Прибывъ въ Тифлисъ, онъ тотчасъ же отправился къ своему Саратовскому полку, который расположенъ былъ въ м. Караклисѣ, гдѣ въ это время русскія войска сражались съ персами. Первою его мыслью было немедленно отторгнуть бамбакскую и шурагельскую области отъ эриванскаго ханства, что ему вполнѣ и удалось. Въ этомъ дѣлѣ генераль Несвѣтаевъ дѣйствительно проявилъ большое геройство и со своимъ маленькимъ отрядомъ, разбивъ многочисленный отрядъ персидскихъ войскъ, дѣлалъ чудеса. Съ этого момента имя Несвѣтаева стало извѣстно среди кавказской арміи.

Одерживая одну побѣду за другой, какъ надъ персидскими, а затѣмъ и надъ турецкими войсками, генераль Несвѣтаевъ въ 1808 г. заболѣлъ желтой лихорадкой и 17 іюня умеръ въ Караклисѣ, гдѣ и похороненъ на армянскомъ кладбищѣ.

Прошло сто три года со времени смерти генерала Несвѣтаева, и тутъ то же всеокрушающее время затерло слѣды могилы „горскаго генерала“, этого героя кавказскихъ войнъ, и славная могила бойца исчезла.

Въ м. Караклисѣ и сейчасъ существуетъ старое армянское кладбище, обнесенное небольшою каменною стѣною, мѣстами уже обвалившеюся. По срединѣ его стоитъ также старая церковь, а на особомъ участкѣ, отведенномъ для погребенія православныхъ, имѣется могильный памятникъ, состоящій изъ двухъ обтесанныхъ плитъ изъ чернаго камня, положенныхъ одна на другую, вышиною до полутора аршинъ, при чемъ на верхней плитѣ высѣчена русская надпись, къ сожалѣнію, сильно вывѣтрившаяся, такъ что разобрать ее очень трудно.

Съ одной стороны выдѣляющійся на православномъ участкѣ кладбища указанный памятникъ, къ которому и понынѣ, каждый разъ при посѣщеніи кладбища, подходитъ проживающій въ Караклисѣ старецъ 110 лѣтъ Габріель Ованесовъ, благоговѣнно преклоняетъ колѣна и цѣлуетъ холодную плиту въ знакъ благодарности

русскому вонну, избавившему армянскій народъ отъ ига персидскаго и турецкаго, а съ другой,—что, по словамъ того же старца и другихъ стариковъ, на старомъ армянскомъ кладбищѣ дѣйствительно похороненъ очень давно русскій генераль, но въ какомъ году и какъ фамилія этого генерала,—никто не помнитъ, заставили одного изъ ревнителей старой кавказской славы придти къ заключенію, что могила, надъ которою лежатъ двѣ каменные плиты, и есть могила генерала Несвѣтаева.

Предположеніе это, однако, не подтвердилось, т. к. по ближайшемъ изслѣдованіи мною надписи на каменной плитѣ и возстановленіи ея, что лишь съ трудомъ удалось, оказалось, что принимаемая за могилу Несвѣтаева оказалась могилой артиллеріи подполковника Дмитрія Александрова, сына Перятова, скончавшагося въ 1808 г. октября 15 дня на 49 году отъ рожденія, произведенная же мною раскопка этой могилы только подтвердила это, по сохранившимся штабъ-офицерскимъ эполетамъ.

Несмотря на то, что со времени погребенія Перятова прошло 103 года, въ могилѣ, имѣющей песчаный грунтъ, хорошо сохранились: кости покойнаго, при чемъ кости черепа раздѣлились по швамъ; кисти отъ эполетъ, части которыхъ, имѣвшія соприкосновеніе съ землею, имѣли грязновато-тусклый видъ, а внутреннія части сохранили свой золотой блескъ, что заставляетъ предположить, что покойный былъ похороненъ въ новыхъ эполетахъ. Сохранились также желтаго цвѣта гладкія пуговицы отъ однобортнаго мундира, а подъ пуговицами сохранились кусочки мундира коричневаго цвѣта. Крестъ изъ галуна на крышкѣ гроба, выкрашенные въ масляную краску ножки гроба и металлическія ручки также же сохранились, гробъ же совершенно истлѣлъ. Но лучше всего сохранились сапоги, у которыхъ отстали только подметки, вслѣдствіе того, что дратва сгнила, деревянные шпильки въ каблукахъ сохранили свой бѣлый цвѣтъ и крѣпость, и еще очень хорошо сохранилась шелковая матерія, которою былъ обитъ гробъ.

Убѣдившись, что найденная могила не есть могила генерала Несвѣтаева, а между тѣмъ по историческимъ документамъ установлено, что Несвѣтаевъ умеръ именно въ Караклисѣ, гдѣ и погребенъ, мнѣ оставалось во что бы то ни стало розыскать могилу русскаго героя, что мнѣ и удалось.

Недалеко отъ разрытой могилы Перятова всего шагахъ въ десяти, на небольшомъ холмикѣ, лежитъ каменная плита изъ простого сѣраго камня. Надпись на плитѣ отъ времени вся поросла мхомъ, который какъ бы сгладилъ все, что было высѣчено на камнѣ.

Послѣ довольно усиленнаго труда надпись на памятникѣ сейчасъ мною восстановлена, и вмѣстѣ съ этимъ установлена и настоящая могила кавказскаго героя ген. Несвѣтаева, которая до настоящаго времени считалась затерянной. Короткая надпись на каменной плитѣ хорошо характеризуетъ того, кто лежитъ подъ ней. Восстановленная надпись гласитъ слѣдующее:

„Эпитафія. Покоится здѣсь воинъ російскій, достойно храбрый генераль, котораго народъ горскій и турокъ съ персами дрожалъ. Вступилъ въ службу 1773 года, марта 6 дня, жилъ на свѣтѣ 52 года, умеръ 1808 г. іюня 17 дня. Несвѣтаевъ“.

Такимъ образомъ, считавшаяся до сихъ поръ затерянной могила Несвѣтаева найдена, и прахъ его по распоряженію намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ граф. Воронцова-Дашкова, какъ объ этомъ гласитъ резолюція, положенная его сіятельствомъ на моемъ сообщеніи о найденной могилѣ Несвѣтаева, будетъ перевезенъ въ Тифлисъ и похороненъ въ Сіонскомъ соборѣ подъ сводами котораго покоятся уже его боевые соратники: князь Циціановъ, Лазаревъ, убитый грузинской царицей Маріей, Ахвердовъ и Симановичъ. Съ перенесеніемъ праха генерала Несвѣтаева въ Тифлисъ старые боевые соратники вновь встрѣтятся, но встрѣтятся уже не на ратномъ полѣ, а подъ сѣнью храма, гдѣ вмѣсто звуковъ меча и булата слышится молитва.

Имя подполковника Перятова, хотя и не фигурируетъ въ исторіи кавказскихъ войнъ, легендарно среди армянскаго населенія бывшихъ ширагельской и бамбакской областей, которое, приходя на кладбище поклониться праху его, вспоминаетъ о немъ, какъ о своемъ избавителѣ.

Было бы очень желательно сохранить память объ этой могилѣ и на будущее время, а поэтому необходимо обнести ее сейчасъ же оградой, а восстановленную надпись перенести на мраморную доску, которую вставить на верхнюю плиту надгробнаго памятника.

М. Бѣлозерскій.

Гусь свиньѣ не товарищъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія славился своимъ богатствомъ и самодурствомъ графъ N. Имѣнье его въ N-ской губерніи напоминало средневѣковый замокъ. Громадный домъ, или вѣрнѣе, дворецъ выстроенъ былъ по плану знаменитаго архитектора Растрелли. Дивныя арки, мраморныя колонны, художественныя капители и великолѣпныя статуи возбуждали зависть всѣхъ сосѣдей. Фруктовый садъ и сосновый паркъ разбиты были въ англійскомъ стилѣ, вокругъ дворца и парка высилась массивная каменная стѣна съ башнями и бойницами...

Теперь все это лежитъ въ развалинахъ. Мѣстные хулиганы разворовали всю мебель въ стилѣ Людовика XV, выломали печные приборы, дверныя ручки и даже выставили рамы. Повсюду мерзость запустѣнія, по дворцовымъ заламъ и ходить опасно: хозяйственные мужички выломали полы и тихими стопами перетаскивали ихъ въ свои избы, на ихъ счастье въ запущенномъ дворцѣ нѣтъ никакого сторожа, а наследники покойнаго графа живутъ за границей и лѣтъ 20 не заглядывали въ заброшенное имѣнье... Не то было 70 лѣтъ назадъ: графъ въ своемъ дворцѣ разыгрывалъ роль самодержавнаго монарха и не терпѣлъ никакихъ возраженій со стороны своихъ подданныхъ. У него въ имѣньи попомъ служилъ отецъ Семень, изъ крѣпостныхъ грамотеевъ. Однажды на Рождествѣ онъ пришелъ къ графу прославить Христа. Важный дворецкій торжественно провелъ оробѣвшаго священника въ парадную залу, тамъ отецъ Семень дрожащимъ голосомъ пропѣлъ „Христосъ рождается“. Хозяинъ по случаю праздника былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поэтому онъ радушно сказалъ священнику: „Сядишь, батя, къ столу, да разговѣйся, кстати и я выпью съ тобой рюмочку“. Отъ такого милостиваго приѣма отецъ Семень оконча-

тельно растерялся и, низко кланяясь графу, въ смущеніи пролепеталъ: „Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, за вашу ласку, да только не пристало мнѣ попу, вахлаку, сидѣть равней за однимъ столомъ со своимъ господиномъ: гусь свиньѣ не товарищъ“.

— „Ахъ ты, кутья прокислая, какъ ты осмѣлился обозвать меня, російскаго графа, свиньей!“

— „Помилуйте, ваше сіятельство, я спроста сказалъ пословицу и себя самого примѣнилъ къ свиньѣ“.

— „Нѣтъ, пословица не мимо молвится: ежели ты свинья, то я, по твоему, выхожу опять же не графъ, а гусь лапчатый, одно другого стоять. Я не спущу такого оскорбленія, хоть ты и попъ, а не зазнавайся надъ російскимъ графомъ“...

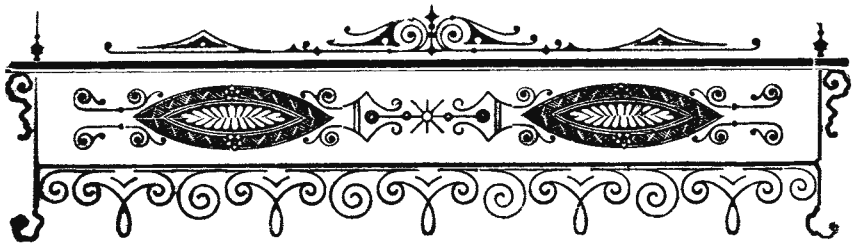
— „Смѣните гнѣвъ на милость, ваше сіятельство, языкъ мой врагъ мой... Самъ вижу: проштрафился, да что подѣлаешь, конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается“...

— „Ну, нѣтъ, жеребецъ долгогривый, ты отъ меня не отлягаешься, и на тебя узда найдется... Эй, Ванька, Васька, всыпьте попу сотню розогъ, чтобъ помнилъ субординацію“...

Напрасно отецъ Семень умолялъ о пощадѣ. Графскіе лакеи разложили несчастнаго іерея въ передней и отпустили сотню горячихъ. Послѣ экзекуціи графъ пожаловалъ своему духовному отцу золотой имперіалъ и милостиво пошутилъ: „Ты, батька, слишкомъ рѣчьистъ, но... на свою бѣду ты позабылъ старинное присловье: ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами“...

А—ВЪ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1812-го года.

(1-я часть) ²⁾.

(Окончаніе).

урки заразили чумой тѣ деревни, въ которыхъ они были расположены, и вскорѣ эта болѣзнь распространилась между жителями, въ видѣ эпидемической лихорадки, жертвой которой умерло много народа. Мы считали себя очень счастливыми (какъ я уже замѣтилъ), что сами избѣжали чумы.

Въ Петербургѣ были очень недовольны, и совершенно резонно, узнавъ о непонятномъ перемиріи, сдѣланномъ Кутузовымъ. Всѣ хотѣли, чтобы онъ заставилъ турокъ сдаться военно-плѣнными. И дѣйствительно, они должны были сдѣлаться ими. Не утвердили также названіе Мусафиръ, данное бѣглымъ изъ Слободзеи. Кутузову приказали отправить ихъ въ Молдавію, онъ нарушилъ свое обѣщаніе, продержавъ этихъ несчастныхъ цѣлый мѣсяцъ въ Руссоде-Веге. Плѣнниковъ этихъ отправили къ Васслони, гдѣ они въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ были изнуряемы страшной работой

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1911г.

²⁾ 2-я часть описанія войны 1812 г. подъ заголовкомъ „Березина“ напечатана въ изборникѣ „Развѣдчикъ“, 1899 г., кн. XII. *Редаж. перевод.*

и лишеніями, при дурной погодѣ и сильныхъ холодахъ, которыхъ турки не могли переносить.

Ко веѣмъ этимъ ихъ несчастіямъ надо прибавить еще, что никто не заботился ни объ ихъ одеждѣ, ни объ ихъ пищѣ. Имъ давали порціи русскаго солдата, т. е. три фунта ржаного хлѣба и ни кусочка мяса. Въ Руссо-де-Веге изъ нихъ умерло 1.500 человекъ, столько же погибло въ дорогѣ.

Хотя поведеніе Кутузова и было достойно порицанія, такъ какъ онъ совершенно не воспользовался небывалыми успѣхами, которыми онъ обязанъ своему счастью, но мы, свидѣтели происходившаго, не строго осуждали его, такъ какъ слава новаго блестящаго успѣха могла покрыть его ошибки.

Въ сущности, его офицеры и его армія спасли обѣ Валахіи и плѣнили непріятельскую армію съ 70 пушками. Слава эта относится и къ шефу и, издавѣка, можно было бы воздать ему честь, но вскорѣ мы увидѣли, что Кутузовъ былъ осужденъ дворомъ такъ же, какъ и тѣми изъ его арміи, которые не были его креатурами. Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія 1-ой степени, которую онъ могъ просить по Статуту. Никто никогда не зналъ содержанія секретныхъ приказаній, которыя онъ получалъ; если они были непріятныя, онъ ихъ пряталъ такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, но безъ сомнѣнія они были очень суровы, такъ какъ Императоръ никогда не выносилъ его.

Съ тѣхъ поръ, какъ Кутузовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, не подписалъ мира на полѣ сраженія, къ сожалѣнію, стало сомнительнымъ, что мы можемъ добиться его тогда, когда мы захотимъ и достаточно выгоднымъ для насъ. Я его предупреждалъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что я увижу противное; конечно онъ ошибся, и вскорѣ принужденъ былъ обратиться ко мнѣ, чтобы ускорить этотъ миръ, столь желанный нами.

Кутузовъ, по традиціи и по собственному опыту, долженъ былъ знать, что рѣдко отъ турокъ можно было добиться быстрыхъ и выгодныхъ результатовъ. Я уже сказалъ и повторяю еще разъ, что только рѣшительными мѣрами и страхомъ, можно было заставить турокъ быстро окончить войну.

Послѣ того, какъ Кутузовъ далъ имъ время опомниться и далъ возможность французамъ волновать ихъ въ Константинополѣ, онъ долженъ былъ ожидать, что переговоры не такъ скоро кончатся, что между тѣмъ было необходимо для Россіи.

Кутузовъ сдѣлалъ другую ошибку, перенесъ конгрессъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ долженъ былъ предвидѣть интриги бояръ, а также и г. Ду, который дѣйствительно имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ турецкими уполномоченными и, несмотря на то, что Галибъ-Ефенди не выносилъ французовъ и не довѣрялъ ихъ политикѣ, она могла имѣть на него вліяніе при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они тогда находились.

Кутузовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ конгрессъ въ Журжевѣ, но онъ соскучился бы тамъ, такъ какъ находился бы вдали отъ удовольствій, которыя его ожидали въ Бухарестѣ, (мы увидимъ позднѣе, что это были за удовольствія). Таковъ есть и былъ всегда этотъ человѣкъ, котораго природа одарила такимъ умомъ и такою безхарактерностью, и все, чего можно было ожидать, благодаря его качествамъ, было парализовано его недостатками.

Эгоизмъ его былъ возмутителенъ, онъ всѣхъ подчинялъ своимъ удобствамъ и грязнымъ, низкимъ наслажденіямъ. Возвратясь въ Бухарестъ, онъ вскорѣ увидѣлъ, что мирные переговоры не могли быть такъ легко окончены, такъ какъ турецкіе министры перемѣнили тонъ. Послѣ того какъ они, казалось, условились имѣть границую Сереть, они вдругъ не согласились уступить всей Бессарабін, требуя Измаиль и Килію и утверждая, что имъ необходимо испросить новыхъ инструкцій.

Кутузовъ былъ принужденъ объявить двору обо всѣхъ трудностяхъ, которыя онъ переносилъ. Дворъ остался очень недоволенъ; народъ ворчалъ, Императоръ приказалъ снова произвести наступленіе и начать враждебныя дѣйствія.

Кутузовъ былъ удивленъ такимъ несвоевременнымъ приказаніемъ Императора и предвидѣлъ, что оно могло привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Кутузовъ могъ бы дать почувствовать опасность этого предпріятія, но у него не хватило храбрости. Было условлено съ визиремъ, что если начнутъ войну снова, то объ этомъ предупредить его за 20-ть дней. Кутузовъ не исполнилъ этого договора. Казалось, онъ искалъ всевозможныхъ средствъ, чтобы лишить непріятеля уваженія и раздражить его, тогда какъ ладить съ нимъ было гораздо болѣе въ его интересахъ.

Какъ только Кутузовъ мнѣ сказалъ о полученномъ имъ приказаніи снова начать наступленіе, я его спросилъ, долженъ ли онъ былъ ждать 20 дней? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не станеть ждать и 24-хъ часовъ. Тогда я ему предложилъ тотчасъ же двинуться и взять Рущукъ. Это была очень трудная экспедиція, но единственно полезная, при условіяхъ, въ которыхъ мы находились. Владѣніе

этимъ городомъ, котораго Марковъ не взялъ, а Кутузовъ не хотѣлъ брать, было для насъ чрезвычайно важно.

Если бы промедленіе съ Франціей или другія обстоятельства позволяли намъ сдѣлать новую наступательную кампанію, слѣдовало бы имѣть предмостное укрѣпленіе на Дунаѣ. Лучшее мѣсто для этого моста было въ 5-ти верстахъ ниже Рущука, гдѣ уже былъ построенъ таковой въ 1810 г.; отсюда можно было двинуться въ Болгарію, но невозможно было и думать устраивать предмостное укрѣпленіе, опираясь на городъ. Надо было ожидать, что турки весною размѣстятъ тамъ какой-нибудь гарнизонъ, и тогда взять его штурмомъ было бы также невозможно, какъ и двухъ-мѣсячною осадю; тѣмъ болѣе не имѣя осадной артиллеріи, которую отослали въ Россію.

Конечно, намъ не было основаній удерживать Рушукъ за собой, такъ какъ для его защиты требовалось по крайней мѣрѣ 12.000 человекъ, которыхъ у насъ не было, но слѣдовало еще зимою разрушить городъ до основанія, чтобы не осталось и слѣдовъ строеній и фортификаціонныхъ сооруженій, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ построить предмостное укрѣпленіе, обнесенное палисадомъ и окруженное волчьими ямами.

Если бы рѣшили безусловную оборону, то этимъ самымъ предмѣстнымъ укрѣпленіемъ можно было угрожать туркамъ остановить всѣ ихъ предпріятія, а можетъ быть и заставить ихъ самихъ принять оборонительное положеніе. Это самое я объяснялъ въ запискѣ, которую я послалъ военному министру. Посему, ничто не могло быть болѣе основательнымъ, удобнымъ и менѣе опаснымъ, какъ если бы мы избрали это мѣсто.

Зима, казалось, будетъ суровая, и она дѣйствительно была таковою. Съ 4-го января холода, очень сильныя для Валахіи, предвѣщали намъ, что Дунай скоро замерзнетъ, такъ какъ уже шелъ ледъ.

Рушукъ былъ совершенно открытъ со стороны рѣки, тамъ не было ни рововъ, ни ретраншаментовъ. На всей этой мѣстности было не болѣе 18-ти орудій; правда, всѣ пушки были поставлены побатарейно вдоль рѣки, но эти батареи не были закрыты съ горжи и размѣщены такъ, что если занять городъ, то нечего бояться ихъ огня.

3-го января великій визирь выѣхалъ изъ Рущука въ Шумлу со всей своей свитой и малочисленной кавалеріей, которую онъ держалъ около себя, такъ какъ сильный недостатокъ въ фуражѣ не позволялъ ихъ оставить въ Рушукѣ. Тамъ оставалось только 1.000 человекъ войска. Жителей также было тамъ немного. Никто не ожидалъ атаки, и удивленіе всѣхъ достигло бы высшихъ размѣровъ,

такъ какъ Кутузовъ уже рѣшилъ не сдержатъ своего слова и совершить подлость, только бы извлечь изъ этого какъ можно больше пользы.

Я ему предложилъ въ недѣлю собрать 7.000 чел. пѣхоты и 1.000 казаковъ и, перейдя Дунай, взять Рущукъ. Я не боялся, что турки узнаютъ мои планы, такъ какъ ледъ шелъ такъ сильно, что перейти рѣку было невысказано.

Мое предположеніе Кутузову объ этой экспедиціи было сдѣлано 4-го января, 12-го Дунай былъ бы перейденъ, а 13-го я былъ-бы въ городѣ, если бы, конечно, имѣлъ дѣло съ рѣшительнымъ начальникомъ, напр., съ Суворовымъ, этотъ бы самъ туда пошелъ.

Но Кутузовъ, по обыкновенію, сталъ употреблять уловки. Онъ мнѣ сказалъ, что это не легкое предпріятіе, что я могу потерять много людей и проч. Изъ этого я хорошо понялъ, что экспедиціи не бывать, но никакъ не могъ ожидать того, что онъ сдѣлалъ.

Между тѣмъ, онъ отправился въ Журжево подъ предлогомъ осмотрѣть, что тамъ дѣлается, хотя это было совершенно лишнее, такъ какъ позиція мнѣ была такъ же хорошо знакома, какъ и всѣ тѣ, которыми я хотѣлъ воспользоваться. Я ему написалъ еще разъ изъ Журжева о томъ, чтобы онъ двинулъ свои войска, но онъ мнѣ не отвѣтилъ. Въ тайну, предложеннаго мною проекта, посвящены были только Кутузовъ, генералъ Сабанѣевъ и я. Я не раскрывалъ рта объ этомъ никому, Сабанѣевъ былъ такъ же скромненькій, какъ и я; но такъ какъ ничто не было у Кутузова тайной, то я вскорѣ узналъ, что весь городъ Бухарестъ говоритъ объ этой экспедиціи.

Боснякъ былъ предувѣдомленъ, и съ 16 января мнѣ не трудно было замѣтить, что у турокъ приняты предосторожности.

Я видѣлъ, какъ чистились батареи, пополнялись людьми, и узналъ, что Боснякъ привелъ вооруженныхъ жителей сосѣднихъ деревень, изъ которыхъ онъ формировалъ патрули и даже самъ проводилъ ночи вооруженнымъ ¹⁾.

¹⁾ Одинъ грекъ, мошенникъ, посланный французскимъ консуломъ г. Ду въ Константинополь, просилъ тѣмъ временемъ въ Систово противъ моей воли, но имѣя разрѣшеніе отъ Кутузова, крайне неосторожное, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Грекъ пошелъ изъ Систова въ Рущукъ, куда прибылъ 15-го, а 16-го я замѣтилъ работы Босняка. Я убѣжденъ, что этотъ шпіонъ былъ посланъ нарочно, чтобы его предупредить. Я предлагалъ нѣсколько разъ, но бесполезно, задерживать курьеровъ Наполеона; ничего не было легче сдѣлать это. Я бы перелезъ 20 казаковъ арнаутами, и они бы поймали ихъ съ другой стороны Дуная въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рущука.

Теперь уже нельзя было надѣяться на возможность внезапно взять Рушукъ, но все же можно было овладѣть имъ силою, увеличивъ для сего число войскъ. предназначенныхъ мною раньше.

Я могъ собрать 11.000 чел., конечно были бы и нѣкоторыя потери, но положеніе этого города было для насъ такъ важно, что можно было купить его хоть дорогой цѣной. Я написалъ обо всемъ Кутузову; полное молчаніе!

Наконецъ, 2-го февраля, онъ мнѣ прислалъ приказъ крайне хитрый и запутанный, на что я ему отвѣтилъ довольно сухимъ рапортомъ. Я совершенно отказывался отъ предполагаемой экспедиціи и отъ всей корреспонденціи съ нимъ по этому поводу.

Я былъ бы весьма радъ, если бы онъ на этомъ покончилъ, но онъ, по своей безхарактерности, желалъ сдѣлать видъ послушнаго приказаніямъ Двора, не избѣгая опасности, и имѣть случай написать реляцію, не рискуя сраженіемъ. Онъ приказалъ генералу Тучкову двинуться изъ Измаила въ Бабадагъ, графу Ливену выдти изъ Галаца, генералу Гартингу идти въ Силистрію, а если возможно, то и до Шумлы и, наконецъ, генералу Булатову занять Систово. Тучковъ, придя въ Бабадагъ, ничего тамъ не нашелъ, Ливень тоже не встрѣтилъ никого по дорогѣ и вернулся въ Галацъ, но Тучковъ съ однимъ баталіономъ, полкомъ казаковъ, болгарами и нѣсколькими некрасовцами, бѣжавшими отъ Пегливана, достигъ Манголи, на Черномъ морѣ, отправилъ свои партіи въ Базарджикъ, напалъ тамъ на провіантскій транспортъ, посланный въ Шумлу и захватилъ турецкаго начальника или Агу съ 700 или 800 чел. солдатъ или вооруженныхъ жителей.

Если даже его экспедиція не была особенно полезна, то по крайней мѣрѣ онъ выказалъ много дѣятельности и энергіи. Зайдя такъ далеко, экспедиція эта внушила нѣкоторый страхъ туркамъ.

Возвращаясь, Тучковъ нашелъ ледъ на Дунаѣ растаявшимъ, и онъ переѣхалъ черезъ него въ лодкахъ со всѣми своими плѣнниками и громадной добычей.

Гартингъ окончилъ разрушеніе Силистріи и уничтожилъ ее до основанія съ помощью жителей Калараша. Затѣмъ онъ двинулся по дорогѣ на Разградъ, но побоялся идти дальше, такъ какъ Дунай дѣлался непроходимымъ.

Наступленіе Булатова на Систово наложило тяжелое пятно какъ на Кутузова, отдавашаго это приказаніе, такъ и на дежурнаго штабъ-офицера полковника Кайсарова, посовѣтовавшаго произвести это наступленіе, такъ и на Булатова, исполнившаго его.

Систово расположено противъ Зимницы, гдѣ была учреждена таможня, и всѣ купцы изъ Бухареста, полагаясь на слово Кутузова

и основываясь на перемиріи, а главное на учрежденіе этой зимницкой таможи, всё товары свои сложили въ Систовѣ. Еще за три дня до экспедиціи Булатова, разные товары: кофе, хлопокъ, шали, кисея и т. д. подвозились туда со всѣхъ сторонъ, и таковыхъ набралось тамъ болѣе чѣмъ на 3 милліона.

Командовалъ войсками въ Систовѣ молодой ага, бывшій начальникомъ въ Мачинѣ. Этотъ ага въ январѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ Сисова и направился на Ловчу и Плевну, такъ что въ Систовѣ осталось не болѣе 20-ти вооруженныхъ, бывшихъ подъ вѣдѣніемъ стараго турка Ахмета, котораго я знаю еще съ Аккермана, гдѣ онъ долго жилъ у меня какъ заложникъ, а затѣмъ какъ толмачъ, такъ какъ прекрасно говорилъ по-русски. Онъ былъ взятъ въ Слободзеѣ, но Кутузовъ возвратилъ его визирю, къ которому онъ былъ очень привязанъ.

Остальные жители Сисова состояли изъ купцовъ, которые пріѣхали, вѣря общаніямъ таможенныхъ чиновниковъ, и помѣстились въ полусгорѣвшихъ домахъ, ими отремонтированныхъ.

12-го апрѣля, на разсвѣтѣ, генералъ Булатовъ вошелъ въ Сисово съ 2-мя баталіонами Вятскаго полка, однимъ Старооскольскаго, однимъ 29-го егерскаго и съ казаками Мельникова и Кутейникова. Онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; жители воображали, что онъ только проходитъ Сисово, чтобы идти дальше, но они были жестоко обмануты! Булатовъ, Кушниковъ, братъ сенатора и командующій Вятскимъ полкомъ, Кайсаровъ, который участвовалъ въ экспедиціи, надѣясь получить чинъ генерала, волонтеры и казаки бросились на этихъ несчастныхъ жителей, ограбили ихъ, захватили всё ихъ товары, ихъ всѣхъ отправили въ Зимницу со всѣми ихъ дѣтьми и женами, съ которыми обращались очень скверно, и оставили ихъ на берегу Дуная, вслѣдствіе чего, большинство отморозило себѣ руки и ноги. Въ три часа все, что было въ Систовѣ, исчезло.

Булатовъ, корыстолюбивый и алчный, не забылъ себя въ этомъ ужасномъ грабежѣ, а сопровождавшіе его выказали себя достойными его. Кутейниковъ, Мельниковъ и Кушниковъ составили себѣ значительное состояніе. Солдаты также много награбили, но на другой же день пропили все.

Послѣ этой блестящей экспедиціи, во время которой Булатовъ имѣлъ низость дать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, дабы можно было сказать, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе и принужденъ былъ сражаться, онъ вернулся въ Турно, взявъ одинъ баталіонъ Олонецкаго полка и, перейдя снова Дунай, появился 5-го утромъ у деревни Гуліанце, въ 5-ти верстахъ отъ Дуная и въ 10-ти отъ Ни-

кополя. Въ этой деревнѣ находился редуть, занятый 200 турокъ, подъ командою Али-Паши. Отрядъ этотъ былъ въ зависимости отъ Виддинскаго Мулы-Паши. Булатовъ, не принявъ никакой предосторожности, а довѣряясь рассказамъ одного тамошняго жителя, что ровъ этого редута не глубокъ, не задумался штурмовать его. Онъ атаковалъ редуть съ трехъ сторонъ, но, проходя черезъ сады, войска разбрелись, атаковали не дружно и не могли перейти ровъ. Четверть часа спустя, Булатовъ принужденъ былъ вывести своихъ людей, послѣ того какъ совершенно бесполезно было убито 6 офицеровъ и 130 солдатъ. Тогда какъ 200 турокъ, бывшіе въ редутѣ, оставили его и ушли. У нихъ было 12—15 раненыхъ, въ томъ числѣ Али-Паша, который умеръ отъ ранъ въ Виддинѣ.

Тогда Булатовъ разрушилъ редуть, уничтожилъ подземные погреба, которые тамъ были, сжегъ деревню и увелъ ея жителей, а также и жителей двухъ другихъ деревень, находящихся по дорогѣ, которые имѣли при себѣ охранные листы, выданные имъ графомъ С.-При и генераломъ Турчаниновымъ.

Булатовъ возвратился въ Зимницу весьма опечаленный тѣмъ, что оттепель помѣшала ему продолжать его столь славные подвиги!

Я не краснѣю, описывая его разбойничества въ Систовѣ и неудачу Гулианце, также какъ и генералъ Кутузовъ не краснѣлъ, представляя это дѣло Двору, какъ грандіозный триумфъ, прося награды офицерамъ, которые въ немъ участвовали. Но правда вскорѣ обнаружилась. Нѣсколько несчастныхъ купцовъ изъ Бухареста, разоренные послѣ грабежа ихъ товаровъ, хотѣли черезъ печать довести до свѣдѣнія публики справедливыя свои требованія, но газеты задержали ихъ жалобы. Приближенные Кутузова краснѣли за него и за Кайсарова, а самъ Кутузовъ, испугавшись результатовъ, могущихъ послѣдовать изъ-за этихъ жалобъ, имѣлъ хитрость исключить изъ донесеній просьбу купцовъ и, казалось, былъ сконфуженъ тѣмъ, что принималъ участіе въ такомъ дѣлѣ, которое было оцѣнено по достоинству.

Положеніе великаго визиря въ Шумлѣ, въ продолженіе всей зимы, было чрезвычайно опасно и, если бы онъ имѣлъ передъ собою предприимчиваго генерала, безусловно онъ потерялъ бы Русукъ, а можетъ быть даже и Шумлу, которую потерять зимой было бы легче, нежели лѣтомъ. Въ Шумлѣ было не болѣе 3.000 вооруженныхъ людей.

Отрядъ русскихъ въ 1.200 чел., легко собранный въ Журжевѣ въ 6 дней, могъ сначала взойти въ Русукъ и отсюда продолжать свой походъ на Шумлу, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія, такъ какъ таковыми нельзя было считать два или три

редута въ Кадыкію въ 15-ти верстахъ отъ Рущука, гдѣ находился Джуръ Гассанъ съ 200 или 300 турокъ.

Эта экспедиція въ Шумлу не потребовала бы болѣе 10 дней. Нѣсколькихъ простыхъ саней, запряженныхъ полковыми лошадьми, было бы достаточно, чтобы свезти необходимый провіантъ и фуражъ.

Великій визирь увѣрялъ, что никогда онъ не проводилъ зимы болѣе ужасной. Онъ ежеминутно ожидалъ нашего наступленія, которое, безъ сомнѣнія, предпринялъ бы самъ, если бы былъ командующимъ нашими войсками.

Но еще болѣе изумительно было, что Кутузовъ въ свою очередь, имѣлъ тѣ же опасенія. Принятія имъ предосторожности и выказанныя безпокойства были такъ комичны и смѣшны, что могли удивить тѣхъ, кто его не знаетъ.

Во время пребыванія своего въ Бухарестѣ, Кутузовъ, не стѣсняясь болѣе ничѣмъ, предавался самому постыдному безпутству.

Онъ до такой степени забылъ стыдъ и приличіе, что публично увезъ отъ мужа ту маленькую валашку 14 лѣтъ, о которой я уже говорилъ. Ее звали М-ше Гуліани¹⁾.

Она сдѣлалась его фавориткой; каждый вечеръ она приходила къ нему, и онъ относился къ ней въ присутствіи всѣхъ съ такой фамиллярностью, которая переходила всѣ границы пристойности и вооружала противъ себя всѣхъ честныхъ людей, которые были принуждены ходить къ нему.

Когда же онъ бывалъ приглашенъ на обѣдъ куда-нибудь, онъ считалъ себя въ правѣ приводить съ собою М-ше Гуліани, а послѣ обѣда онъ запирался съ ней въ отдѣльной комнатѣ.

Валахскій вице-президентъ Г. Кумено имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ этой счастливой парочкой, другихъ дамъ и генераловъ, но всѣ гости, кромѣ Кутузова, вскорѣ принуждены были оставить его домъ.

На балахъ, въ клубахъ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ можно было видѣть эту маленькую безстыдницу около Кутузова.

¹⁾ Это похищеніе было произведено днемъ; совершилъ его г. Коронелли, о которомъ я уже говорилъ, и котораго мы называли болсарекимъ королемъ, онъ былъ дѣйствительно назначенъ для этого. М-ше Гуліани вышла отъ мужа, и Коронелли ее сопровождалъ съ каретой Кутузова, онъ посадилъ въ нее молодую женщину, уложилъ ея вещи и отправилъ въ приготовленный для нея домъ. Самъ же онъ слѣдовалъ за каретой пѣшкомъ.

Часто она усаживалась на руки къ своему 70-ти лѣтнему любовнику, играла его аксельбантами и позволяла себѣ цѣловать его, помирая со смѣху¹⁾.

Интимное общество состояло изъ людей, соответствовавшихъ нравамъ и обычаямъ его дома. Вотъ кто были его повѣренныя, его избранныя, его лучшіе друзья:

1) Мать М-ше Гуліани (М-ше Варканеско), которая тайно учила дочь тому, что она должна была знать, чтобы возбуждать истощенныя чувства генерала, а затѣмъ приходила пользоваться результатами своихъ уроковъ.

2) Угодникъ Кутузова по имени Коронелли, самый глупый и низкій изъ всѣхъ этихъ недостойныхъ, составлявшихъ это стадо.

3) Другой — грекъ Баротци, который въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ какъ шпионъ и таковымъ былъ посланъ военнымъ министромъ въ Константинополь, подъ предлогомъ обмѣна плѣнниковъ.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, пронырливый и дѣятельный, который иногда прекрасно судилъ о людяхъ и вещахъ. Кутузовъ его приласкалъ, и онъ оставилъ свои занятія, чтобы остаться при нашей главной квартирѣ.

4) Итальянецъ — Богліоко, медіумъ и антрепренеръ клуба; раньше онъ былъ извѣстенъ какъ банкиръ изъ Архипелага, потомъ банкротъ, позднѣе воръ, приговоренный къ повѣшенію.

5) Жена этого Богліоко, вышедшая изъ самаго низкаго класса Бухареста и бывшая на содержаніи у одного изъ адъютантовъ Кутузова—Кайсарова.

6) Грекъ—Юрри, о которомъ я уже писалъ.

7) Полякъ—Ходкевичъ, явный плутъ, который самъ хвастался этимъ. Съ молодыхъ лѣтъ, играя самымъ мошенническимъ образомъ, онъ приобрѣлъ скромное состояніе. Затѣмъ онъ примкнулъ къ французскимъ республиканцамъ, принималъ участіе во всѣхъ мерзостяхъ, которыми оскверняли себя якобинцы, и совершалъ ужасныя преступленія въ Италіи. Онъ хвастался тѣмъ, что самолично пыталъ и казнилъ дворянъ и священниковъ въ Неаполѣ. Онъ былъ управляющимъ имѣніемъ Кутузова; жена его, по счету седьмая, была очень красива, и черезъ нее онъ приобрѣлъ протекцію стараго генерала. Въ Бухарестъ онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ дать

¹⁾ (1827) М-ше Гуліани, разведенная съ своимъ мужемъ, вѣнчалась съ грекомъ, секретаремъ при русской миссіи въ Константинополь, по имени Левенди (Levendi).

отчетъ Кутузову и помѣстить на службу своего сына, въ сущности же для того, чтобы обыграть и обобратъ валаховъ и русскихъ. Только спустя два мѣсяца, Кайсарову и мнѣ удалось отдѣлаться отъ него и то только благодаря тому, что онъ имѣлъ неосторожность играть съ русскими офицерами, и Кутузовъ, опасавшійся, чтобы Императоръ, всегда питавшій отвращеніе къ игрѣ, не былъ бы недоволенъ имъ, что онъ такъ приблизилъ къ себѣ этого мошенника.

Ходкевичъ уѣхалъ съ 12.000 дукатовъ, которые онъ высосалъ у валаховъ.

8) Наконецъ, къ сожалѣнію, я долженъ помѣстить въ числѣ этихъ недостойныхъ приближенныхъ Кутузова и генерала Сергѣя Рѣпинскаго, человѣка умнаго, любезнаго, хорошаго тона, совсѣмъ негодившагося для такого общества, но онъ стремился сдѣлаться вице-президентомъ Дивана-Валахін, вмѣсто Койтено, который былъ назначенъ въ Польшу, въ армію князя Багратиона.

Въ этой-то тинѣ завязъ 68-лѣтній старикъ, украшенный всѣми русскими орденами, и среди такого грязнаго общества проводилъ онъ свои досуги.

И этотъ пьянствующій, безпутный старикъ внушалъ полное отвращеніе. Къ такому неприятному чувству, которое Кутузовъ заслуживалъ, благодаря своему поведенію, примѣшивались и опасенія, возникавшія вслѣдствіе подобнаго союза и вліянія, достойнаго осужденія, которое имѣли на него всѣ эти субъекты. Онъ не могъ ничего отказать своимъ паразитамъ; они располагали всѣми мѣстами, всѣми милостями.

М-те Гуліани за 3.000 дукатовъ возвела на мѣсто каймакана (намѣстника визиря или генераль-губернатора Малой - Валахін) одного графа Дудетцло, извѣстнаго въ Валахін за весьма дурного человѣка и даже опаснаго по своимъ взглядамъ и сношеніямъ, и который во времена князя Ипсиланти долженъ былъ бы быть казнѣнъ за перехваченную корреспонденцію съ Пасванъ-Оглы, достойную полного осужденія.

М-те Гуліани также дала должность шефа полиціи въ Бухарестѣ своему двоюродному брату, одному Филинеско, шпиону, извѣстному туркамъ.

Такимъ образомъ раздавались и другія мѣста. Кабинетъ и канцелярія Кутузова были центромъ всѣхъ интригъ.

Преступный и грѣшный старикъ былъ осажденъ всѣми этими индивидуумами, которые старались овладѣть его довѣріемъ, и стоило

имъ достигъ желаемаго, какъ они его обманывали самымъ безбожнымъ образомъ.

Одинъ князь Горчаковъ, довольно симпатичный поэтъ, но человекъ немнѣющій никакого понятія о послѣдовательной работѣ, весьма продажный и интересантъ, прибылъ недавно изъ Петербурга, чтобы управлять гражданской канцеляріей. Ничего не дѣлалъ и, не имѣя никакой опытности въ дѣлахъ, онъ только запутывалъ все и пользовался всѣми.

Кутузовъ, замѣтивъ его, рассказалъ мнѣ о немъ; я ему посоветовалъ прогнать его, но онъ отвѣчалъ: „пожалуй, мнѣ пришлютъ еще худшаго“ (быть можетъ, онъ былъ правъ).

Каждый изъ его приближенныхъ шелъ къ одной цѣли. Это была надежда на хорошее мѣсто или на основательное содержаніе.

Кайсаровъ, сначала адъютантъ,—а затѣмъ дежурный полковникъ, стремился сдѣлаться вторымъ Закревскимъ. Онъ былъ очень умный, энергичный и способный человекъ, но имѣлъ непомѣрную амбіцію. Въ общемъ онъ не заслуживалъ того, чтобы быть смѣшаннымъ со всѣми этими господами. Къ сожалѣнію, благодаря своему положенію, онъ слишкомъ близко соприкасался съ ними, но его нельзя было назвать ни гадкимъ, ни низкимъ, ни неделикатнымъ.

Баротци хотѣлъ играть главную дипломатическую роль и погубить г.г. Фонтонъ, которыхъ онъ публично осуждалъ за то, что они продались туркамъ и получили бы значительную сумму денегъ, если бы имъ удалось сократить границы.

Корнеги хотѣлъ быть генеральнымъ консуломъ въ Бухарестѣ на мѣсто Кирикова.

Юрри хотѣлъ быть агентомъ мирнаго конгресса, благодаря содѣйствію Чананъ-Оглы и Вели-Паши.

Онъ всего касался и всюду вмѣшивался, но все, что ни дѣлалъ, было весьма разумно.

Сергѣй Рѣпинскій (какъ я уже говорилъ) хотѣлъ сдѣлаться вице-президентомъ Валахіи и сдѣлался имъ.

Противъ всей этой громадной шайки боролся только одинъ генералъ Сабанѣевъ съ энергіей и прозорливостью, но безъ успѣха. Черезчуръ откровенный, гордый, опрометчивый и грубый въ своихъ сужденіяхъ, онъ только раздражалъ Кутузова, вмѣсто того, чтобы напоминать ему объ его лѣтахъ и положеніи.

Это былъ не такой человекъ, который могъ бы образумить и направить своего шефа. Кутузовъ, въ свою очередь, ненавидѣлъ его, но боялся и щадилъ, какъ товарища военнаго министра.

Съ Сабанѣвымъ были солидарны все честные люди, и все стремились дѣлать добро, Фонтоны, Галинскій, Булгаковъ, директоръ дипломатической канцеляріи и я—потерявшій весь свой кредитъ и покровительство послѣ дѣла подъ Рущукомъ.

Въ этомъ гадкомъ кабакѣ не хватало генерала Маркова, но онъ не замедлилъ явиться. Имѣя на Кутузова, который его отлично зналъ, громадное вліяніе, и такъ какъ его дивизія принадлежала къ арміи князя Багратіона, который его ненавидѣлъ и презиралъ, Марковъ разсчиталъ, что онъ гораздо лучше устроить свои дѣла съ Кутузовымъ. Несмотря на общественное мнѣніе, онъ добился того, что былъ посланъ въ Малую Валахію, на мѣсто Засса, который, можетъ быть по неудовольствіямъ, или благодаря тому, что, наживъ себя состояніе, не хотѣлъ себя компрометтировать, стремился оставить армію и подъ предлогомъ болѣзни, скорѣе притворной, чѣмъ дѣйствительной, отпросился уѣхать на нѣкоторое время въ Одессу.

Въ случаѣ войны, оставалось только одно вѣрное средство потерять Малую Валахію, это не задержать Засса и отправить туда Маркова, что Кутузовъ и не замедлилъ сдѣлать.

Марковъ, желая этого мѣста, обѣщалъ себѣ во всемъ слѣдовать примѣру Засса, касательно финансовыхъ вопросовъ, но ему пришлось только подбирать колосья, такъ какъ жатва была уже собрана. Онъ скопилъ только 2.000 дукатовъ, но этого было мало, онъ былъ опечаленъ и даже жаловался.

Зимой правленіе въ Валахіи еще разъ измѣнилось; кромѣ народа, жалобы несчастныхъ валаховъ и, наконецъ, угроза, что если оставить администрацію такую, какою она была, то страна будетъ совершенно разорена, и армія, не имѣя продовольствія, принуждена была насильно произвести эту перемѣну, которой и я сильно способствовалъ. Вестіарь-Самуркашъ, во время своего управленія, занимался такими грабежами и совершалъ такіа преступленія, что оставить его на мѣстѣ не было возможнымъ. Такое наказаніе совершенно удовлетворяло строгой справедливости русскихъ. Французы и англичане подвергли бы такого Самуркаша очень строгому наказанію, котораго онъ и заслуживалъ вполнѣ.

Онъ продавалъ мѣста чиновниковъ грекамъ, которые воображали, что имъ все разрѣшено.

Несчастные валахскіе крестьяне были такъ жестоко преслѣдуемы, что большинство спасалось въ Трансильванію.

Неоднократно видѣли, какъ исправники клали женщинъ на угли и бичевали дѣтей для того, чтобы отобрать тѣ небольшія деньги,

которыя у нихъ оставались, въ то время, какъ отцы и мужья ихъ были въ отсутствіи.

Одинъ свѣтскій господинъ, Фроловъ-Багрѣвъ, человекъ небогатый, но очень честный, былъ назначенъ для изслѣдованія поведенія назначенныхъ туда чиновниковъ. Онъ выказалъ много энергіи, честности и прямоты, ярко освѣтивъ всѣ сдѣланныя ими преступленія.

За всѣ эти злодѣянія, наказаніе было—потеря мѣста, но многіе остались: Кутузовъ выказалъ въ этомъ случаѣ равнодушіе, достойное осужденія.

Мы всегда полагали, что явная протекція, которую оказывалъ сенаторъ Милашевичъ Самуркашу, происходила оттого, что тотъ заблуждался относительно его, и что упрямство, бывшее главной причиной его характера, замкнутого и ограниченнаго, мѣшало ему отказаться отъ своихъ предубѣжденій.

Но вскорѣ мы имѣли случай убѣдиться, что протекція его имѣла другіе мотивы, тѣмъ болѣе, когда мы увидали, что онъ снова назначаетъ къ себѣ того самого Крупинскаго, который сдѣлалъ такую большую ошибку при Кушниковѣ, и оказываетъ ему свое довѣріе.

Милашевичъ пріѣхалъ въ Бухарестъ для того, чтобы защитить дорогаго Самуркаша, но не имѣлъ успѣха. Это былъ единственный случай, гдѣ Кутузовъ выказалъ немного твердости.

Новая администрація нашла страну совершенно разоренной 500.000 піастрами долга, заплатить который она была не въ состояніи, а также не могла удовлетворить нуждамъ войскъ, въ случаѣ войны.

Генералъ Койтено, уѣзжая въ армію князя Багратіона, передалъ свое мѣсто вице-президента Валахій—генералу Сергѣю Рѣлнинскому.

Тѣмъ временемъ получила новая организація русской арміи. Власть главнокомандующаго значительно расширена; онъ имѣлъ право награждать орденами: Владиміра 4-й степени, Св. Анны 3-й и 4-й степени и даже Св. Георгія 4-й степени и золотой саблей. Онъ могъ производить до чина капитана и наказывать смертной казнью даже полковника (по суду), но и отвѣтственность его равнялась его власти, и самъ онъ подчинялся тѣмъ же наказаніямъ, которыя онъ могъ налагать на другихъ. Въ качествѣ помощника ему назначенъ начальникъ полевого штаба, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи дежурнаго генерала и начальника главной квартиры. Въ случаѣ же болѣзни или смерти главнокомандующаго начальникъ по-

левого штаба вступалъ въ командованіе до прибытія новаго главнокомандующаго. Ему были подчинены другіе генералы, даже старше его.

Эта единственная статья въ новомъ законѣ, которая порицалась всѣми, такъ какъ могла повлечь за собой много злоупотребленій и причинить массу непріятностей старшимъ генераламъ.

Остальная часть новой организаціи походила на организацію французской арміи и была моделью порядка и предосторожности. Находимъ, не безъ основанія, что назначенныхъ начальниками главныхъ квартиръ было слишкомъ много. Но чѣмъ ихъ больше, тѣмъ было лучше для арміи.

Ужасныя злоупотребленія въ госпиталяхъ, наконецъ, обратили на себя вниманіе военнаго министра, который прислалъ изъ Петербурга ревизоровъ, понизившихъ всѣ цѣны на 45⁰/₀.

Генералъ Сабанѣевъ, дѣйствуя въ этомъ же направленіи, понизилъ ихъ до 40⁰/₀; но чтобы достичь такого результата, онъ долженъ былъ бороться со всей канцеляріей Кутузова и съ комиссаріатомъ.

Служащіе въ этихъ двухъ департаментахъ относились несочувственно къ честности дежурнаго генерала и находили его манеру обращенія съ ними непріятной. Присылка ревизоровъ изъ Петербурга была сильнымъ оскорбленіемъ для Кутузова.

Турецкіе плѣнники, число которыхъ уменьшилось почти на половину, отправлены были наконецъ въ Россію, какъ я это и предвидѣлъ.

Чапая-Оглы получилъ разрѣшеніе остаться въ Бухарестѣ, гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и снисхожденіемъ, что вполне заслужилъ, благодаря своей храбрости, твердости и благородству.

Этотъ молодой человѣкъ выказалъ большую твердость характера. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми нами, полюбилъ наши нравы и обычаи, наше войско, и, казалось, хотѣлъ сказать, что если бы онъ могъ такъ обучить и дисциплинировать 12.000 чел. турокъ, какъ обучено нами войско, онъ себя объявилъ бы независимымъ и презиралъ бы всю имперію Оттомановъ.

Во время зимы, война съ Наполеономъ, которой давно уже нужно было ожидать, казалось, была готова разгорѣться, и это потребовало съ нашей стороны громадныхъ приготовленій.

Всѣ наши войска собирались на зимнія квартиры въ Польшѣ, и весь Петербургскій гарнизонъ и даже гвардія направились къ западнымъ границамъ.

Единственная наша, молдавская, хотя и не очень сильная, армія не трогалась еще съ мѣста.

Французскія войска и войска Рейнскаго союза также подвигались къ Польшѣ.

Тогда миръ съ турками сдѣлался еще менѣе вѣроятнымъ, и положеніе наше въ Валахіи стало очень критическимъ.

Въ переговорахъ, турецкіе министры выказали себя гораздо политичнѣе нашихъ; Галибъ-Ефенди и князь Мурузи были куда болѣе дипломаты, чѣмъ Италинскій и Сабанѣвъ.

Они до такой степени взяли надъ нами верхъ, что мы имѣли видъ побѣжденныхъ и просящихъ у нихъ мира, а не побѣдителей, диктующихъ имъ его.

Мы были весьма удивлены, узнавъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, о приѣздѣ въ Бухарестъ секретаря шведскаго посольства въ Петербургѣ, г. Химмель, и услышавъ, что Швеція соединилась съ нами и съ Англіей, несмотря на наше поведеніе и провинности относительно нея и потери половины ея территорій въ 1808 г., и что г. Химмель ѣхалъ въ Константинополь, чтобы согласно съ англійскимъ министромъ заставить турокъ заключить съ нами миръ.

Генераль Кутузовъ назначилъ сопровождать его въ Константинополь полковника нашего главнаго штаба, князя Рошешуарта. Это былъ человекъ умный и очень образованный ¹⁾.

Нашъ генераль поручилъ ему дѣлать по возможности больше замѣтокъ политическихъ и военныхъ во время его путешествія.

Онъ отлично исполнилъ приказанія Кутузова и привезъ намъ свои записки, весьма любопытныя и пространныя, которыя я присоединилъ къ этому тому въ юридическихъ статьяхъ, я помѣщу тамъ и другія относительно Трансильваніи ²⁾.

Если бы, какъ я уже замѣтилъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему во всѣхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ ошибкахъ, по минутно увеличивавшихся и въ такое время, когда каждая изъ нихъ могла повлечь за собой гибель Имперіи, миръ никогда бы не былъ заключенъ.

Но турецкіе министры, несмотря на ихъ старанія, несмотря на

¹⁾ 1827. Князь Рошешуартъ былъ убитъ въ сраженіи при Бриеннѣ въ 1814 г., имѣя не болѣе 27 лѣтъ.

²⁾ 1827. Главный штабъ войскъ имѣетъ еще другія записки о переходѣ черезъ Балканы вдоль Чернаго моря, капитана главнаго штаба Берга, теперь дѣйствительный статскій совѣтникъ и attaché при миссіи въ Константинополь.

данный имъ—столь неполитичный приказъ снова начать непріязненныя дѣйствія, исполненный еще болѣе неполитично Кутузовымъ, турки, говорю я, не только не закрыли конгресса, но даже не увеличивали своихъ требованій. Съ каждымъ днемъ они все болѣе держались своихъ условій; но мало-по-малу они уступали границу Прута. Было опасно терять время, какъ для войны, такъ и для политики. Наполеонъ потерялъ очень много самаго дорогого времени, отправивъ слишкомъ поздно Андреосси въ Константинополь, и этотъ посредникъ потерялъ еще болѣе дорогое время, путешествуя какъ черепаха.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ гроза, которая должна была разразиться надъ Россіей, гремѣла уже. Не было сомнѣній въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ намъ Наполеона, а желанный миръ все еще не былъ заключенъ.

Мы узнали, что Кутузовъ былъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ. Выборъ этотъ насъ озадачилъ; тогда мало кто изъ насъ зналъ его; когда же мы познакомились съ нимъ, изумленіе наше было очень велико.

Кутузовъ былъ въ отчаяніи предоставить Чичагову заключать миръ, что могъ бы совершить онъ самъ гораздо раньше. Онъ понималъ свои ошибки, раскаивался въ нихъ и находился въ ужаснѣйшей ажитации. Но счастье и тутъ помогло ему. Императоръ вспомнилъ (хотя довольно поздно) о моемъ разговорѣ съ великимъ визиремъ и согласился на Прутѣ, собственноручно извѣстивъ объ этомъ секретнымъ образомъ Кутузова.

Тогда Кутузовъ не далъ ни минуты покоя посредникамъ и, къ нашему большому удивленію и радости, миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля, тремя днями раньше пріѣзда Чичагова, который могъ бы имѣть честь сдѣлать то же, если бы пріѣхалъ скорѣе. Повторяю, что этотъ миръ былъ и будетъ для меня загадкой ¹⁾.

¹⁾ (1827). Для разъясненія этой загадки, я имѣлъ 10 лѣтъ, послѣ того, какъ я писалъ этотъ журналъ, и признаюсь, я бы никогда не могъ отгадать ее, если бы мнѣ не помогли. Греческіе князья Фанаръ, эмигрировавши въ 1826 году въ Одессу, сообщили мнѣ, что миръ этотъ былъ плодомъ ихъ работы. Они боялись, что если бы война принудила бы насъ употребить противъ турокъ большую часть нашихъ войскъ, столь необходимыхъ для насъ тогда, это дало бы Наполеону больше шансовъ уничтожить наше могущество, а за тѣмъ и другое болѣе и болѣе возрастающее, такъ какъ они отлично знали, что онъ намѣревался, разбивъ Россію, разбить и Турцію.

Въ такомъ случаѣ княжества Валахія и Молдавія, составлявшія постоянную цѣль всѣхъ желаній Фанарскихъ грековъ, ради ихъ наживы, пере-

Нѣсколько дней спустя, послѣ прїѣзда Чичагова, Кутузовъ покинулъ насъ и возвратился въ Россію. Новый нашъ главнокомандующій заставилъ насъ пожалѣть о немъ.

Адмиралъ вскорѣ послѣ своего прїѣзда заслужилъ ненависть своей арміи и сдѣлался посмѣшищемъ ея. Чичагову было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ не глупъ, если умомъ можно назвать болтливость и говорливость, къ которымъ прибавимъ очень поверхностное образованіе.

Онъ былъ весьма легкомысленъ, голова его ежеминутно изобрѣтала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и непримѣнимые, надо было приводить въ исполненіе сію же минуту. Онъ не переносилъ ни доводовъ, ни задержекъ въ исполненіи своихъ капризовъ. Этимъ онъ походилъ на Императора Павла.

Онъ не имѣлъ ни одной правильной идеи. Крутость его характера и чрезмѣрное самолюбіе не позволяли ему ни слушать, ни принимать совѣтовъ. Онъ преслѣдовалъ съ необыкновеннымъ упрямствомъ

стали бы содержать ихъ семейства и довели бы ихъ до полнаго ничтожества, неизвѣстности и нищеты.

Итакъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ они сильно терпѣли лишенія. По заключеніи мира, они видѣли два или три года вѣрнаго спокойствія и утѣхи и, всѣ соединенные однимъ интересомъ, они рѣшили стремиться къ одной цѣли и помогать другъ-другу, чтобъ раздѣлить доходъ, который они считывали получить изъ грабежей и лихоимства тѣхъ, на которыхъ палъ выборъ Порты.

Тукавство и настойчивость этихъ Фанаріотовъ восторжествовали надъ предубѣжденіемъ и злобой турокъ и заставили ихъ дѣйствовать противъ ихъ же прямыхъ интересовъ. Галибъ-Вфенди, самый умный человекъ изъ представителей Порты, былъ проведенъ Дмитріемъ Мурузи, который былъ посредникомъ Фанарскихъ грековъ. Наконецъ, султанъ былъ подкупленъ, ему показали груды золота, которое ему впоследствии и дали. Можно себѣ представить, какое громадное желаніе выказали греки скупить эти княжества, когда узнали, что князь Караджи, самый алчный и безстыдный изъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ, будучи назначеннымъ княземъ Валахскимъ, послѣ мира, въ теченіе 10 лѣтъ вымогалъ изъ этой несчастной провинціи 93 милліона піастровъ (по тогдашнему 50 милліоновъ рублей). Онъ истратилъ 5 или 6, а 78 увезъ съ собою во время своего бѣгства, а также захватилъ всѣ брилліанты и драгоцѣнности; 70 же милліоновъ перешли султану, его министрамъ и Фанаріотамъ. И эти громадныя подати получались съ той Валахіи, гдѣ генералъ Милорадовичъ не могъ найти возможнымъ, чтобы страна содержала 8.000 русскихъ.

Анекдотъ этотъ, истину котораго я могу подтвердить, можетъ дать понятіе о томъ вліяніи, какое имѣли Фанарскіе греки на турокъ и о ихъ лукавствѣ и пиригахъ.

то, что задумалъ въ сумасбродствѣ своего экстравагантнаго во-
ображенія.

Онъ и людей судилъ не лучше чѣмъ факты и всегда относился къ первымъ съ предубѣжденіемъ. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ онъ былъ морскимъ министромъ въ Россіи, и при немъ нашъ флотъ пришелъ въ упадокъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сухопутной службѣ, и его невѣжество въ нашихъ организаціяхъ и маневрахъ дѣлало его смѣшнымъ ¹⁾.

Характеръ Чичагова вполне гармонировалъ его уму. Онъ былъ суровъ и самостоятеленъ, неблагодаренъ и грубъ; обладалъ всѣми душевными пороками и былъ ужасно сумасброденъ.

То вдругъ онъ дѣлался до фанатизма обожателемъ англичанъ, то до смѣшнаго привязывался къ французамъ. Единственно его постояннымъ чувствомъ были ненависть и презрѣніе къ родной націи.

Этого презрѣнія онъ никогда не пересталъ выказывать, даже тогда, когда жестокія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, открыли характеръ ея жителей и солдатъ и общали имъ уваженіе и восхищеніе всей вселенной.

При всемъ этомъ онъ имѣлъ одно драгоценное качество— онъ былъ честенъ и неинтересантъ, онъ придерживался этой добродѣтели въ излишествѣ для себя и для другихъ и заставлялъ многихъ думать, что онъ самъ носилъ въ себѣ пороки вѣка и націи.

Трудно понять, что заставило Императора довѣрить армію этому адмиралу, особенно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Еще будь онъ надѣленъ природой всѣми талантами и гениемъ, необходимыми для командованія сухопутными войсками; но адмиралъ никогда не могъ пріобрѣсти предварительныхъ знаній и особенно необходимой опытности для этой службы.

Полагали, что наша армія, назначенная прежде дѣйствовать въ

¹⁾ Онъ вздумалъ однажды вызвать одинъ полкъ на равнину Карастрета и командовать имъ. Не было возможности понять ни его командованій, ни его маневровъ. Онъ смѣшалъ весь полкъ, не смогъ его распутать и ушелъ. Самы солдаты не были въ состояніи удержать смѣха, котораго онъ не могъ не слышать. Онъ не зналъ, что палки и янки отъ палатокъ занимаютъ одну сторону въ повозкахъ обоза, предназначенныхъ возить ихъ, и что повозки остаются пустыми, когда войско находится въ лагерь. Я ему показалъ полкъ, который былъ въ превосходномъ видѣ, обратилъ его вниманіе на обозныя повозки, совершенно новыя и въ отличномъ порядкѣ и предложилъ ему поблагодарить полковника. „За что я его долженъ благодарить, отвѣтилъ онъ мнѣ, у него все въ безпорядкѣ и восемь повозокъ еще не окончены“.

Далмаціи вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ, и выбрали адмирала, чтобы командовать обѣими арміями. Но Чичаговъ былъ такимъ же дурнымъ морякомъ, какимъ и сухопутнымъ генераломъ и если проектированная экспедиція имѣла бы подобнаго начальника, мы не могли бы ничего другого услышать, какъ только самыя печальныя извѣстія ¹⁾).

Послѣ своего пріѣзда, адмиралъ Чичаговъ намъ открылъ планъ кампаніи, который онъ хотѣлъ привести въ исполненіе, и отъ котораго онъ былъ повидимому въ восторгѣ. Ни одному человѣку въ голову не могъ придти подобный сумасбродный проектъ злополучнаго плана кампаніи и вообще такой гибельной идеи. Я не могъ узнать, кто былъ авторъ этого плана. Говорили, что эта честь принадлежитъ англичанамъ.

Но для меня непостижимо, какъ могъ подобный проектъ быть принятымъ такимъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Императоръ Александръ, а тѣмъ болѣе такимъ знаменитымъ военнымъ, какъ Барклай-де-Толли, бывший тогда военнымъ министромъ.

Намъ было приказано перейти Сербію, Боснію и идти къ устьямъ Котаро, которую надо было взять; затѣмъ намъ велѣно было соединиться съ англійскимъ флотомъ и напасть на французскія завоеванія въ Италіи, чтобы отвлечь вниманіе Наполеона и заставить его прислать туда часть его войскъ. Ничего не было приготовлено для этой экспедиціи; надо было идти на удачу, просить провіанта у сербовъ, которые не могли снабдить 50.000 человѣкъ, или брать его у босняковъ, которые не давали намъ его и могли насъ задержать въ своихъ ущельяхъ и горахъ, гдѣ бы мы себя чувствовали заключенными.

Я не стану распространяться объ этомъ проектѣ столь безразсудномъ и странномъ; подробности можно найти въ прилагаемыхъ (юридическихъ запискахъ) мемуарахъ, которые я написалъ, какъ только узналъ объ предполагаемой экспедиціи.

¹⁾ (1827) Полагали и не безъ основанія, что Императоръ очень привязался къ Чичагову, когда онъ вернулся изъ Парижа, и что графъ Аракчеевъ, не терпѣвшій соперника въ благосклонности своего повелителя, убоился, увидѣвъ такового въ лицѣ адмирала и, благодаря всему этому, Чичагову поручено было командовать арміей, чтобы удалить его изъ Петербурга. Какое разсчитъ!

Послѣ войны съ Франціей, Чичаговъ, обезпеченный пенсіономъ въ 60.000 рублей, вернулся жить въ Парижъ и съ самымъ гадкимъ либерализмомъ клеветалъ и рассказывалъ о разныхъ несправедливостяхъ про своего родену и про своего повелителя.

Вотъ какимъ образомъ они попали къ Императору. Мы всё были въ отчаяніи, но никто изъ насъ не могъ открыть глаза Государю, ни у кого не хватило настолькоъ присутствія духа, а Чичаговъ открывалъ всё письма.

Я отправилъ свои мемуары въ Одессу, къ герцогу Ришелье, черезъ свою жену, которая уѣхала туда на время войны противъ Наполеона. Ришелье отослалъ ихъ Императору, который ему отвѣтилъ: „Я прочелъ мемуары Ланжерона, онъ хорошій патріотъ“ и послалъ Чичагову приказъ идти въ Польшу. Но прежде чѣмъ получить этотъ приказъ, нашъ морякъ занималъ насъ своими сумасбродными выходками. Ознакомившись съ трудностями питанія арміи во время похода въ Босніи, онъ изобрѣлъ какія-то лепешки изъ бульона, для чего зарѣзали всёхъ быковъ, бывшихъ въ походныхъ гуртахъ, и всё кашевары были потребованы для изготовленія этого бульона. Я полагаю, что адмиралъ Чичаговъ можетъ похвастаться тѣмъ, что онъ былъ единственный генералъ, которому подобная мысль могла придти въ голову.

Приказъ о походѣ въ Польшу спасъ насъ отъ необходимости бесполезно погибать въ Босніи, а бульонъ адмирала пришлось бросить, хотя на изготовленіе его пошло 2 или 3 тысячи быковъ, лишеніе которыхъ для насъ было сильно замѣтно въ нашемъ походѣ. Чичаговъ выдумалъ еще (фантазіямъ его не было предѣловъ) дать кавалеріи кирасы изъ соломы. Онъ приказалъ сдѣлать модели: изрубленное сѣно клали въ большомъ количествѣ между двумя кусками полотна и зашивали ихъ, затѣмъ весь этотъ пакетъ привязывался на грудь кавалеристу, который тогда дѣлался похожимъ на полишинеля. Это сумашествіе не могло долго продолжаться, такъ какъ лошади съѣли латы его выдумки. Миръ съ турками былъ заключенъ и утвержденъ. Валахія была отдана туркамъ, что же дѣлаетъ Чичаговъ? Онъ вздумалъ сформировать ополченіе, чтобы идти въ Италію, и захотѣлъ набирать рекрутовъ изъ чужого государства. Ополченіе это уничтожилось такъ же, какъ и бульонъ и латы. Вестіару-Варлааму эти странныя реформы стоили очень дорого.

За нѣсколько дней до похода въ Польшу, Чичаговъ призвалъ Варлаама и всёхъ помощниковъ и объявилъ великимъ визиремъ одного молодого боярина, который еще не пріобрѣлъ права носить бороду, служившую знакомъ отличія для лицъ 1-го класса. Этого вельможу звали Нейчулеско. Въ общемъ это былъ чудный выборъ.

Наконецъ въ іюль мѣсяцѣ, мы двинулись въ Польшу, и на этомъ я кончаю исторію этой войны. Я участвовалъ съ нашей арміей въ 3-хъ новыхъ ужасныхъ кампаніяхъ, которыя мы вели

противъ Наполеона. Такъ окончилась 7-ми лѣтняя война, эта война, предпринятая такъ легко, безъ всякаго благовиднаго повода, и, если я смѣю сказать противъ добросовѣстности, противъ здоровой политики и даже противъ интересовъ Россіи, война, которая ничего не создала и только послужила поводомъ къ раздачѣ множества крестовъ и чиновъ, въ большинствѣ случаевъ очень скверно распределяемыхъ.

Эта война была такъ же гладко ведена, какъ и неудачно задумана, въ ней 6 генераль-аншефовъ ¹⁾ соперничали въ своихъ ошибкахъ и интригахъ, война эта, гдѣ 80.000 или 100.000 русскихъ не могли побѣдить 40.000 турокъ, окончилась все же весьма счастливо, тѣмъ болѣе въ то время, даже неожиданно ²⁾.

Она намъ стоила 3-хъ главнокомандующихъ, 23 генерала ³⁾, и множество лучшихъ офицеровъ, а также 150.000 славныхъ солдатъ, изъ которыхъ 30.000 легли отъ огня непріятеля, а остальные погибли въ госпиталяхъ.

Въ моей работѣ, я въ деталяхъ упоминалъ о злоупотребленіяхъ, производившихся въ нашей арміи, и о потеряхъ доходовъ, которые должно было имѣть государство. Я хочу только прибавить къ этому нѣсколько краткихъ разсужденій.

Денежные расходы были такъ же огромны, какъ и потери въ людяхъ; я уже не беру въ счетъ того, какъ быстро упали деньги въ бумагахъ, что можно было приписать специально турецкой войнѣ. Перерывъ и даже полное прекращеніе нашей торговли въ Черномъ морѣ.

Я скажу только то, что касается арміи и администраціи этихъ 3-хъ завоеванныхъ провинцій.

Одно содержаніе арміи стоило Россіи около 30 мил. рублей въ

¹⁾ Изъ 7 генераль-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе.

²⁾ Въ кампаніяхъ 1806, 1807, 1811 и 1812 г. г. мы имѣли не болѣе 40.000 въ строю; въ 1808, 1809 и 1810 г. г. мы ихъ имѣли болѣе 120.000.

³⁾ Вотъ перечень генераловъ, которыхъ потеряла армія: Генераль-маіоры: Ставицкій, Попандупуло, Сиверсъ, Новицкій, Гинкель—убиты. Главнокомандующіе: Князь Прозоровскій, Михельсонъ, графъ Н. Каменскій.—Генераль-лейтенанты: Князь Суворовъ, князь Гика.—Генераль-маіоры: Герардъ, Мичуринъ, Фреденъ, Уланіусъ, Ловейко, Вайновичъ, Потаповъ, Ребиндъеръ, Жилинскій, графъ Цукато, Бергеръ, Шлеттеръ, Перскій, Давыдовъ, Исаевъ, князь Василій Долгоруковъ,—умерли или погибли по случайности. Изъ нихъ Попандупуло, гр. Сиверсъ, Новицкій, Жераръ, Уланіусъ, гр. Цукато, Исаевъ и Шлеттеръ—были громадными потерями для арміи 22-ая дивизія, которой я командовалъ, потеряла одна 254 офицера и 10.160 солдатъ.

годъ; страшныя злоупотребленія и постыдныя воровства въ госпиталяхъ, въ комисариатѣ также и изъ запасовъ, поглощали большую часть суммъ изъ государственной кассы.

Тогда какъ, если бы наши служащіе иначе относились бы къ администраціи и больше бы думали о благѣ вѣрнныхъ имъ провинцій, нежели бы пользовались всѣмъ сами, то страна могла бы не только покрыть всѣ издержки арміи, но даже бы пополнять нашу казну, какъ я уже замѣтилъ.

Французы и особенно австрійцы, чудные администраторы, не преминули воспользоваться этимъ въ войну 1788 г. Если бы эти двѣ провинціи были бы управляемы людьми изъ той или другой націи и не были предаваемы невѣжеству, алчности, безнравственности ихъ бояръ, онѣ легко могли бы давать 3 мил. дукатовъ въ годъ.

Таможни въ Малой Валахіи, Бессарабіи, Галацѣ и въ Силистріи, которыя въ продолженіе 5 лѣтъ совсѣмъ не эксплуатировались, или вѣрнѣе были забыты, могли бы приносить ежегодно до 500.000 дукатовъ.

Одни бы соляные заводы въ Бессарабіи могли бы приносить губерніи 20 или 30 мил., если бы были хорошо управляемы. Сначала они были разграблены арміей, потомъ Диванъ Молдавіи установилъ самыя низкія цѣны, а затѣмъ Тучковъ удалилъ или напугалъ всѣхъ появившихся промышленниковъ и пользовался почти всѣмъ самъ.

Генералъ Милорадовичъ, которому было поручено управлять обѣими Валахіями, велъ финансовыя дѣла Императора, какъ свои собственныя. Онъ позволялъ своимъ фаворитамъ и окружающимъ его валахамъ и грекамъ дѣлать все, что имъ угодно, и весь доходъ съ таможенъ переходилъ въ руки разнымъ разбойникамъ Филипеско, Факази и др.

Въ 1809 г. Безакъ и Корнелли скупили всю рожь въ Болгаріи и собрали всѣ доходы Галацкихъ таможенъ, а то, что не было взято ими, было промотано другими. Корнелли воспользовался также доходами Силистріи въ 1811 г.; генералъ Засъ, которому, впрочемъ, обязаны открытіемъ золотого источника и таможенъ Малой Валахіи, со своими друзьями Штрадманомъ, Косовскимъ и т. д. захватилъ болѣе 10.000 дукатовъ дохода съ этихъ таможенъ. Въ 1812 г. генералъ Кутузовъ вмѣсто того, чтобы учредить таможню въ Зимницѣ въ пользу Императора, представилъ денежную выгоду семьѣ своей маленькой султанши.

Во время перемирія 1807, 1808 и 1809 г.г. совершенно забыли воспользоваться огромнымъ доходомъ за провозъ товаровъ, который продолжался въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Я не подсчитываю особенно тщательно всей смѣты потерь, которыя вынесла Россія въ эту войну, какъ отъ неудачнаго выбора ея представителей, такъ и отъ ошибочныхъ ихъ дѣйствій, а также и отъ алчности ихъ агентовъ грековъ, валаховъ и др. Такихъ теперь можно насчитать 20 милліоновъ дукатовъ или 22 милліона рублей. Половины этой суммы было бы достаточно для содержанія арміи, 10 милліоновъ могли пойти въ Государственную кассу, а между тѣмъ я полагаю, что на наши 7 кампаній пошло болѣе 200 милліоновъ рублей.

Сообщилъ Е. Каменскій.

Заканчивая печатаніемъ записки Ланжерона, преисполненныя мѣстами высокаго историческаго интереса, редакція считаетъ долгомъ отмѣтить, что на тѣхъ страницахъ, гдѣ Ланжеронъ пишетъ о главнокомандующихъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, онъ очень часто не соблюдаетъ историческаго безпристрастія и стущаетъ отрицательные отзывы о личности и дѣйствіяхъ того или другого главнокомандующаго.

Подробное изложеніе фактовъ заняло бы очень много мѣста, да и не входитъ въ задачу редакціи, и эта замѣтка появилась лишь потому, что записки касаются личности Кутузова и исторической оцѣнки его дѣйствій; теперь, по прошествіи столѣтія, событія эти могутъ получить вполне безпристрастную оцѣнку.

Редакція печатаетъ безъ всякихъ сокращеній всѣ навѣты Ланжерона на Кутузова.

По словамъ Ланжерона, Кутузовъ всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ только одному счастью. „Въ сущности, пишетъ онъ, его офицеры и его армія спасли обѣ Валахіи и плѣнили непріятельскую армію съ 70 пушками“.

Заключеніе мира въ апрѣлѣ 1812 года изображается въ запискахъ такимъ образомъ: „Счастье и тутъ помогло ему“...

„Къ нашему большому удивленію и радости миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля“.— „Этотъ миръ будетъ для меня загадкой“. „Если бы, пишетъ Ланжеронъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему при всѣхъ обстоятельствахъ“... „Миръ никогда бы не былъ заключенъ“.

По словамъ Ланжерона, ошибки Кутузова состояли въ томъ, что онъ „въ ноябрѣ мѣсяцѣ не подписалъ мира на полѣ сраженія“. Это было въ 1811 году, а 4 января 1812 года Ланжеронъ предложилъ Кутузову—„перейдя Дунай, взять Русчукъ“. На это Кутузовъ

не согласился и, какъ было сказано выше, въ апрѣлѣ 1812 г. заключилъ миръ.

Далѣе Ланжеронъ пишетъ: „Кутузовъ былъ осужденъ Дворомъ“— „Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія I степени, которую онъ могъ просить по статуту“.

Относительно расположенія Императора Александра I къ Кутузову Ланжеронъ пишетъ: „Императоръ никогда не выносилъ его“.

При чтеніи сказаній Ланжерона невольно возникаетъ вопросъ, что же сдѣлалъ для Россіи этотъ, по словамъ Ланжерона, „пьянствующій и безпутный старикъ“?

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько эти грѣхи Кутузова вредили Россіи, мы совершенно безпристрастно можемъ сказать, что Кутузовъ въ апрѣлѣ 1812 года передъ вторженіемъ Наполеона сохранилъ въ полной цѣлости для Россіи всю Дунайскую армію (не потерявъ ни одного солдата на предлагаемый Ланжерономъ штурмъ Рушукъ) и заключилъ съ Турціей почетный для Россіи Бухарестскій миръ въ самое нужное и необходимое для отечества время.

Чтобы совершить эти великія дѣла несомнѣнно Кутузову мало было одного только счастья, и необходимы были очень многія другія качества, о которыхъ Ланжеронъ совсѣмъ не упоминаетъ.

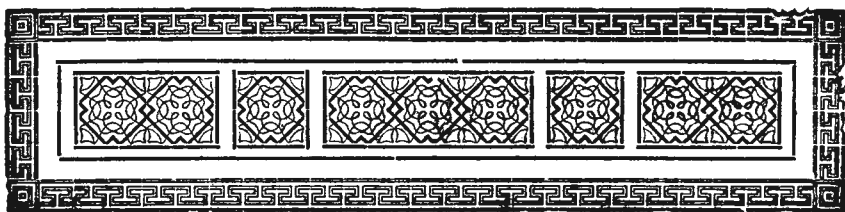
Отъ описываемыхъ Ланжерономъ событій прошло почти сто лѣтъ, и въ настоящее время врядъ-ли найдется человѣкъ, кто возьметъ камень и броситъ въ памятникъ Кутузову за то, что онъ сильно любилъ М-ше Гүліани.

Въ самыхъ запискахъ Ланжерона не можемъ ли мы найти причины нерасположенія Ланжерона къ русскимъ главнокомандующимъ и въ особенности къ Кутузову.

Въ одномъ изъ примѣчаній въ окончаніи записокъ Ланжеронъ пишетъ: „Изъ семи генералъ-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе“.

И при всемъ этомъ, прибавимъ мы, Ланжеронъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ—не диктовало ли оскорбленное самолюбіе такіе оскорбительные и несправедливые отзывы о Кутузовѣ, закончившимъ почетнымъ и столь необходимымъ для Россіи миромъ много-лѣтнюю русско-турецкую войну.

Ред.

„Міокоти-Санъ“.

Редакція помѣщаетъ эту статью, какъ рисующую характерныя черты стоянки нашихъ судовъ въ Японіи. *Ред.*

Г Л А В А I.

Въ Японію, на Хакодатскій рейдъ, красиво накренившись на правый бортъ, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами входила русская канонерская лодка „Милая“. На вахту только что вступилъ старшій офицеръ Битюговъ—27 лѣтній блондинъ, подсмѣнившій по правиламъ (предъ входомъ на рейдъ и постановкою на якорь вахтою правитъ старшій офицеръ), мичмана Бирюлькина. Кромѣ этихъ двухъ офицеровъ былъ командиръ Леонидъ Константиновичъ Герасъ, энергичный мужчина, „старый“ лейтенантъ, ожидавшій на-дняхъ производства въ штабъ-офицерскій чинъ, былъ еще штурманскій подпоручикъ Поэтовъ, механикъ Ивановъ 116-й и докторъ Бумбергъ. Команды было семьдесятъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ 2 боцмановъ, унтеръ-офицеровъ и „чиновниковъ“: фельдшера, шкипера—завѣдывавшаго запаснымъ вооруженіемъ и баталера, завѣдывавшаго подъ руководствомъ „ревизора“ мичмана Бирюлькина, хозяйственною частію. По командѣ старшаго офицера паруса были быстро убраны, и отданный якорь потащилъ за собою чугунную цѣпь, которая, подыргивая и стуча звеньями по палубѣ, бурчала, словно сердилась, что ее обезпокоили изъ ея логова. Когда канонерка остановилась, и носъ ея всталъ противъ вѣтра, то подняли кормовой флагъ, а на бушпритѣ поставили флагъ-гюйсъ.

Командиръ въ полной парадной формѣ съ рапортомъ, заложеннымъ за бортъ мундира, отправился на спущенномъ уже вельботѣ на русскій „станціонеръ“ лодку „Журъ“, стоявшую между станціонерами—судами другихъ націй. Леониду Константиновичу тяжело

было ѣхать съ рапортомъ къ командиру лодки „Журъ“, такъ какъ командиръ этотъ былъ двумя годами младше Гераса по выпуску изъ корпуса, но почему-то произведенъ уже въ капитанъ-лейтенанты, но Леонидъ Константиновичъ ничѣмъ не выдалъ своего неудовольствія и почтительно отрапортовалъ о прибытіи лодки „Милой“ на смѣну лодки „Журъ“, а также и о состояніи здоровья ввѣренныхъ ему г.г. офицеровъ и команды, и только отказался отъ предложеннаго ему завтрака и отправился дѣлать визиты командирамъ иностранныхъ военныхъ судовъ. Должно быть, у нихъ онъ отъ завтраковъ и угощенія не отказывался, такъ какъ вернулся на свою „Милую“ только къ 8-ми, къ спуску флага и прошелъ прямо къ себѣ въ каюту. Черезъ нѣсколько минутъ изъ капитанской каюты вышелъ „чистякъ“ вѣстовой съ серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ, неся для чистки снятый мундиръ и прочія принадлежности; проходя мимо вахтеннаго унтеръ-офицера, лукаво подмигнулъ ему. Унтеръ улыбнулся, силкнулъ и какъ-то особенно аппетитно обтеръ ротъ своею корявою ладонью.

Мичманъ же Бирюлькинъ послѣ отъѣзда командира испросилъ разрѣшеніе у старшаго офицера отправиться на берегъ для закупки въ каютъ-компанію свѣжей провизіи, переодѣлся во все новое и въ сопровожденіи буфетчика, на „четверти“ отправился на берегъ.

Какъ только онъ выскочилъ изъ шлюпки на пристань, его обступили „поставщики“ мяса, булокъ, зелени и т. п. припасовъ необходимыхъ для обѣдовъ офицерской каютъ-компаніи. Подошелъ и „переводчикъ“, онъ же и „чичероне“ и предложилъ свои услуги молодому мичману. Бирюлькинъ скоро закупилъ необходимую провизію на слѣдующій день, а поставщикамъ предложилъ пріѣхать на „лодку“ и тамъ установить на все цѣны съ согласія командира. Отпустивъ буфетчика съ провизіей на „Милую“, Бирюлькинъ почувствовалъ себя свободнымъ, но на всякій случай, приказалъ буфетчику отвѣтить г-ну командиру, если его спросятъ о томъ, гдѣ ревизоръ, то чтобы онъ сказалъ, что разсматриваетъ разные припасы и уговаривается съ поставщиками. Велѣдъ за чичероне японцемъ Саки-санъ, Бирюлькинъ шелъ по гористымъ узенькимъ уллицамъ, при чемъ Саки-санъ оглядывался на него и смотрѣлъ, какъ дрессированная лягавая собака, улавливающая каждый жестъ своего хозяина и ведущая его увѣренно прямо къ выводу.

— Сичасъ буде Русско отель Шоено-сано, говорилъ Саки-санъ, поднимаясь на двѣ ступеньки каменной лѣстницы, тянувшейя поперекъ всей уллицы.

И дѣйствительно, перепрыгнувъ черезъ эти двѣ ступеньки и пройдя нѣсколько шаговъ, Бирюлькинъ увидѣлъ одноэтажный ка-

менный домъ европейской постройки. Было два хода съ улицы. Надъ однимъ была вывѣска, на которой по-русски было написано: ресторанъ, и вывѣска эта освѣщалась бумажнымъ фонаремъ въ три цвѣта: бѣлаго, синяго и краснаго; а надъ другимъ входомъ висѣлъ громадныхъ размѣровъ бѣлый фонарь, на которомъ было написано тушью что-то по-японски.

Войдя въ первый подъѣздъ, Бирюлькинь вошелъ въ обширную комнату, освѣщенную стѣнными керосиновыми лампами. Обстановка была какъ въ ресторанѣ „средней руки“. Вдоль поперечной стѣны тянулась буфетная стойка, уставленная всевозможными закусками, а за нею оставался свободный проходъ, высидя красивый большой лакированный шкафъ японской работы безъ дверецъ. По полкамъ разставлены были бутылки съ винами, а на выступающихъ этажеркахъ стояли великолѣпныя японскія вазы съ живыми благоухающими цвѣтами. За буфетомъ стоялъ благообразный высокаго роста среднихъ лѣтъ мужчина, одѣтый въ черный сюртукъ, бѣлый никейный жилетъ и въ сѣрыя брюки съ лампасами. На ногахъ были лакированныя ботинки. Въ петлицу сюртука была воткнута свѣжая чайная роза, а по жилету змѣилась шейная золотая цѣль, на которой былъ укрѣпленъ массивный хронометръ. Это и былъ хозяинъ ресторана Вадимъ Вадимовичъ Шолинъ, бывшій крѣпостной человекъ одного лейтенанта, прибывшій въ Японію вмѣстѣ съ баринномъ въ февралѣ 1861 года, только что окончивши курсъ подмастерья у цехового кронштадтскаго портного, и взятый баринномъ въ заграничное плаваніе на должность камердинера.

Какъ только на судно, стоявшее въ Хакодате, пришла почта и принесла вмѣстѣ съ казенными пакетами, частными письмами и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, по окончаніи торжественнаго богослуженія былъ прочитанъ манифестъ, и когда команда была распущена, то Вадимъ подошелъ къ барину и сталъ просить отпустить его сейчасъ же на волю, такъ какъ онъ „хотя и получилъ образованіе у цехового Тѣглева, но въ дворовые не записанъ, а числится ревизскою душою, т. е. крестьяниномъ“. Баринъ не только что не разсердился на Вадьку, но подарилъ Вадиму сто рублей, все свое старое статское платье и даже позволилъ взять поношенное бѣлье и никейный жилетъ, но все же, когда въ день свѣзда Вадима на „берегъ“, уже совсѣмъ, когда онъ подавалъ барину трубку съ бисернымъ чубукомъ и неловко подаль для закуриванія фитиль, то получилъ отъ барина легкій тычокъ, на который, по привычкѣ, нисколько не обидѣлся.

Такъ вотъ этотъ-то Вадимъ Вадимовичъ свѣхалъ на берегъ и, пріютившись у японскаго портного, вскорѣ познакомился съ молодою

кухаркою, бывшей крѣпостною дѣвушкою русскаго консула Анфисой, и вскорѣ весьма разогорчилъ жену консула тѣмъ, что уговорилъ Анфису выйти за него замужъ. Подаренные бариномъ сто рублей, да скопленное Анфисой жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ службы съ 19-го фѣвраля, да кое-какія мелкія сбереженія составили капиталъ въ сто пятьдесятъ долларовъ, которые и послужили начальнымъ фондомъ для открытія гостиницы. Анфиса прекрасно готовила кушанья и угождала вкусу всѣхъ иностранцевъ, прибывающихъ въ портъ Хакодате, при посѣщеніи ими консула, а на свободѣ она еще болѣе развернулась, взяла къ себѣ изъ-за хлѣба двухъ японскихъ дѣвушекъ, а Вадимъ Вадимовичъ—двухъ японцевъ мальчиковъ, и супруги стали приучать азіатовъ къ ресторанному дѣлу. Господа Шопинъ, какъ нечисто выговаривали японцы фамилію или прозвище хозяевъ, стали пользоваться уваженіемъ и мѣстнаго населенія, и въ скоромъ времени бывшіе крѣпостные Вадька и Анфиска зажили жизнью помѣщиковъ, а чрезъ десять лѣтъ, ко времени прибытія лодки „Милой“, имѣли уже собственный домъ, въ которомъ помѣщались Европейскій ресторанъ и Японскій „чайный домъ“. Чичероне Саки-санъ одновременно съ Бирюлькинымъ вошелъ въ гостиницу, но только въ другой подъѣздъ.

Какъ только Бирюлькинь сѣлъ за мраморный столикъ, изъ-за стойки неторопливыми шагами подошелъ къ нему хозяинъ и, поклонившись по-крестьянски, сказалъ: „съ благополучнымъ прибытіемъ, ваше благородіе... Не прикажете ли подать чего-нибудь покушать? Вотъ и карточка кушаній и винъ. Будьте спокойны, все будетъ въ аккуратѣ“.

Бирюлькинь просмотрѣлъ карточки и изумился количеству перечисленныхъ названій блюдъ на русскомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, итальянскомъ и датскомъ языкахъ, при чемъ цѣны были выставлены баснословно дешевыя. Заказавъ любимыя блюда и бутылку старой „Марсалы“, онъ вскорѣ уже съ аппетитомъ уничтожалъ подаваемыя кушанья, запивая ихъ стаканами душистой марсалы.

Когда ужинъ былъ конченъ, то хозяинъ снова подошелъ къ нему и предложилъ послушать игру и пѣніе японскихъ гейшъ. Былъ девятый часъ вечера, и Бирюлькинь, сообразивъ, что до полночной его вахты оставалось еще три свободныхъ часа, изъявилъ свое согласіе и въ сопровожденіи японца-лакея, прислуживавшаго ему за столомъ, не выходя на улицу, внутреннимъ ходомъ прошелъ въ японское отдѣленіе ресторана. Тамъ горѣлъ одинъ фонарь, тускло освѣщая обширную залу, по стѣнамъ которой были расположены мягкія оттоманки, обтянутыя шелковыми матеріями цвѣта „кремь“.

Служитель захопалъ въ ладоши, и нѣсколько вѣжавшихъ мальчиковъ быстро зажгли разноцвѣтные фонари, придавшіе комнатѣ иллюминированный видъ. Когда служитель и мальчики удалились, передъ Бирюлькинымъ одна за другой прошли десять дѣвушекъ, одѣтыхъ въ свободныя закрытыя керомоны изъ прозрачной шелковой матеріи, съ инструментами въ рукахъ, въ родѣ мандолинъ, и стали ихъ настраивать.

Въ это время къ Бирюлькину подошла одна изъ гейшъ, сбѣла на оттоманку рядомъ съ нимъ и, подстраивая свой инструментъ, спросила:

— Слюша, голубчикъ, Бутыгинъ-санъ пришла на твой лодка?

— Нѣтъ, Бутыгинъ не пришелъ, онъ еще въ прошедшемъ году уѣхалъ въ Россію—и при этомъ посмотрѣлъ на сидящую рядомъ съ нимъ гейшу.

Лицо дѣвушки стало печально, но всматривавшійся въ нее Бирюлькинь, несмотря на румяна и бѣлила, толстымъ слоемъ нанесенныя на ея щеки, губы и уши, уродующія ея лицо, увидѣлъ замѣчательную красавицу.

Гейша встала и хотѣла уйти въ хоръ, разсѣвшійся по-японски на полу.

— Послушай!—остановилъ ее Бирюлькинь.

— Какъ тебя зовутъ?

— Миокоти-санъ,—полуоборачиваясь, отвѣтила дѣвушка.

— Такъ вотъ что, Миокоти,—говоритъ Бирюлькинь, вставая съ оттоманки и идя въ слѣдъ за Миокотой.—Если ты теперь не замужемъ, то выходи за меня—мы простои́мъ цѣлый годъ. Миокоти остановилась, повернулась къ нему лицомъ и съ грустью сказала: „Что жъ! Русски очень добро... Я очень любилъ Бутыги-санъ и все жидаль его, хотѣлъ казать маленько мальчишко его сынь... А онъ голубчикъ уѣхалъ... Богъ съ нимъ... Нашъ гейша люби русски... прикажи писать контра“, и съ послѣдними словами вышла изъ комнаты. По знаку гейши, сидѣвшей впереди другимъ, сидѣвшихъ въ линію, весь хоръ ударилъ по инструментамъ, и дребезжавшія струны уныло запѣли. Въ комнату вошелъ лысый старикъ-японецъ, припадая, кланаясь и издавая ртомъ привѣтственное шипѣніе, онъ подвелъ за руку Миокоти-санъ къ сидѣвшему на оттоманкѣ Бирюлькину, посадилъ ее рядомъ съ нимъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана написанную по-японски бумагу, походную чернильницу и европейское перо, подаль все это Бирюлькину для подписанія. Это былъ контрактъ, въ которомъ было сказано: что японская гражданка Миокоти-санъ вступаетъ съ сего часа въ супружество съ русскимъ офицеромъ Бирюлькинымъ срокомъ на одинъ мѣсяць за пятнадцать дол-

ларовъ въ мѣсяцъ, но что контрактъ можетъ быть возобновленъ за ту же цѣну и на будущее неопредѣленное время... Миокоти-сань можетъ быть и совершенно свободна, если одновременно будетъ внесена плата въ двѣсти долларовъ. Полное содержаніе, какъ-то: помѣщеніе, столъ и одежду, соответствующую японской гражданкѣ низшаго класса, онъ, Бирюлькинъ, во все время контракта, обязанъ доставлять Миакоти-санъ безъ всякаго задержанія впередъ за мѣсяцъ.

Какъ только своеобразный контрактъ этотъ былъ подписанъ и деньги 200 долларовъ внесены, то хозяинъ подаль знакъ гейшѣ, которая, быстро вскочивъ на ноги, стала граціозно раскачиваться туловищемъ, подыгрывая себѣ въ тактъ на своихъ струнныхъ инструментахъ. Не слушая ихъ игру, Бирюлькинъ заплатилъ хозяину за вызовъ всѣхъ гейшъ, и вмѣстѣ съ Миокотой-санъ, одѣтой уже въ обыкновенный костюмъ и смывшей съ себя бѣлила и румяна, отправился на улицу.

Откуда-то явился чичероне Саки-санъ и заявилъ, что по соудству отдается особнякъ за три доллара въ мѣсяцъ съ прислугой, умѣющей готовить японскія кушанья.

— Ну, иди впередъ... показывай намъ особнячекъ,—сказалъ весело Бирюлькинъ, ведя подъ руку, по-европейски, скромно опирающуюся Миокоти. Наемъ совершился въ нѣсколько минутъ, и новобрачные вступили въ обыкновенный японскій домикъ, гдѣ уже былъ зажженъ фонарь, а по срединѣ пола стояла жаровня, и надъ ней висѣлъ чугунный котелокъ, подвѣшенный на цѣпь, укрѣпленную въ потолокъ. Котелокъ могъ опускаться и подниматься на цѣпи, ходящей по двумъ шкивамъ, какъ у насъ опускаются и поднимаются столовыя лампы.

Заплативъ чичероне за услуги и отдавши хозяину дома плату за мѣсяцъ впередъ, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что безъ четверти одиннадцать, слѣдовательно, до полночной вахты оставалось часъ съ четвертью. Разсчитавъ, что еще полчаса онъ можетъ посвятить на разговоры съ женой, онъ рѣшилъ остаться. Миокоти-санъ привычною рукою засыпала въ кипящій котелокъ чаю, который достала изъ миниатюрнаго лакированнаго шкафика, оттуда же взяла двѣ чашки и черпачкомъ налила обѣ чашки чаю. Затѣмъ, стоя на колѣняхъ, поклонившись Бирюлькину, подала ему налитую чашку, а затѣмъ стала пить и изъ своей. Напившись чаю и поговоривъ съ женой, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка стояла на половинѣ двѣнадцатаго. Быстро вскочивъ и одѣвъ китель, Бирюлькинъ наскоро поцѣловалъ Миокоти, которая поспѣшила открыть выходную дверь, и выглянувшая на небѣ луна обрисовала красивую японку, обнимающую за шею русскаго офицера.

Бирюлькинъ со скоростью заводскаго рысака помчался на пристань и черезъ пять минутъ сидѣлъ уже въ шампункѣ, которая подъ напоромъ кормоваго весла, управляемаго крѣпко-сложеннымъ японцемъ, неслась по рейду съ быстротою призовой гички, и когда на „Милой“ начали бить склянки, то съ послѣднимъ восьмымъ ударомъ колокола, Бирюлькинъ уже входилъ на палубу, взобрался на мостикъ и смѣнилъ съ вахты скучающаго Поэтова. На вахту онъ не опоздалъ. На вахтѣ Бирюлькинъ простоялъ до 4 ч. утра, а съ 4 часовъ вступилъ Битюговъ.

Г Л А В А П.

Во время продолжительныхъ стоянокъ „станціонеровъ“ мелкихъ судовъ въ родѣ канонерской модки „Милая“, было неофициально установлено, чтобы г.г. офицеры дежурили по-суточно и такъ, чтобы всегда оставался на суднѣ еще офицеръ, наканунѣ стоявшій сутки на вахтѣ, а потому на „Милой“ на другой день прихода съ утра долженъ былъ вступить на дежурство мичманъ Бирюлькинъ, на берегъ могъ „сѣхъать“ только одинъ Битюговъ, но добродушный Герасъ разрѣшилъ и прапорщику Поэтову „сѣхъать на берегъ“, оставивъ на случай стараго боцмана, да и самъ ожидалъ отвѣтнаго визита командира русскаго станціонера и нѣкоторыхъ изъ командировъ иностранныхъ судовъ; а потому волей неволей долженъ былъ оставаться „дома“.

Докторъ вообще не шелъ въ счетъ, такъ какъ трудныхъ больныхъ отвозили въ береговые лазареты, а съ ушибами и легкими болѣзнями могъ справиться и фельдшеръ, который былъ всецѣло въ вѣдѣніи судоваго доктора. Вотъ почему и сложилась пословица: что на кораблѣ хорошо жить: попу, коту и доктору.

Но тѣмъ не менѣе Федоръ Федоровичъ баронъ Бумбергъ рѣдко сѣзжалъ на берегъ и если сѣзжалъ, то призываемый къ какому-нибудь больному, такъ какъ Федоръ Федоровичъ полгода тому женился и ушелъ въ плаваніе только для того, чтобы накопить деньжонокъ. Онъ не брезговалъ лѣченіемъ и купцовъ и даже простонародья, если ему могли заплатить, и иногда онъ возвращался съ берега съ поросянкомъ или нѣсколькими парами куръ или утокъ, и все это продавалъ Бирюлькину, завѣдывающему офицерскимъ столомъ.

Вымытый, раздушенный, въ бѣломъ кителѣ и жилетѣ вышелъ на палубу старшій офицеръ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ, и за нимъ плелся прапорщикъ Поэтовъ, шепча что-то губами. Фамилія „Поэтовъ“ весьма подходила къ штурманскому прапорщику, такъ какъ онъ, и при свистѣ вѣтра, и при шумѣ волнъ, стоя на вахтѣ,

или будучи свободнымъ, постоянно сочинялъ стихи и все больше къ „ней“.

Красотой своей, японка.

Ты блестяшь, какъ въ полночь звѣзда

Вѣдь ты прекрасна словно джонка ¹⁾.

И я

Вотъ и теперь, садясь въ шлюпку для отъѣзда на берегъ, онъ сочинялъ мысленно стихи къ „ней“, то-есть къ той красавицѣ японкѣ, которая согласится быть его женой.

Три строчки были уже сложены:

О! ты прекрасная японка!

Ты блестяшь, какъ въ полночь звѣзда,

Вѣдь ты красива, словно джонка.

„И я.....“ но къ слову звѣзда Поэтовъ никакъ не могъ подобрать соотвѣтствующей рифмы. Выходило какъ-то неблагозвучно то: „гнѣзда“, то „мзда“, то „ѣзда“, вообще полнѣйшая ерунда, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что искомая рима непременно найдется, какъ только онъ сочетается бракомъ по японскимъ законамъ.

Въ это же самое время Микоти-санъ, оставившая наканунѣ вечеромъ своего годовалаго сына на попеченіе прислужницы старой японки, поспѣшила въ помещеніе гейшъ и стала собирать принадлежашія ей вещи. Нанятый ею носильщикъ уже вынесъ ея узлы и укладывалъ въ телѣжку, а она закутывала своего Володю-сана въ новенькій керомонъ яркаго цвѣта, чтобы отнести его послѣ перевозки вещей къ своей вдовѣ-матери, живущей съ другой дочерью на другомъ концѣ о-ва.

Опясывая изящнымъ кушачкомъ талію ненагляднаго сынишки, она вдругъ вздрогнула, ноги ея подкосились, и она сѣла на тюфякъ, разостланный на полу, гдѣ сидѣлъ ея мальчикъ.

Изъ корридора, соединяющаго Европейскій ресторанъ съ Японскимъ отдѣленіемъ, слышался все ближе и ближе пріятный теноръ, который съ манерой опернаго пѣвца напѣвалъ: О! Микоти! О! Микоти! Приди!! Приди!!!

Это пѣлъ Битюговъ, знавшій всѣ выходы и входы ресторана господъ Шопиныхъ.

— О Будда! что же теперь будетъ? Вѣдь тотъ вчера обманулъ меня, сказавъ, что Володя уѣхалъ въ Россію,—думала Микоти, поднимая мальчика на руки и вынося его въ общую залу, въ которую уже входилъ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ.

¹⁾ Джонка—японское грузовое судно.

Посадивъ ребенка на оттоманку, Міокоти бросилась на шею возлюбленному Володѣ, цѣловала его лицо, руки, полы кителя и затѣмъ подвела къ ребенку и, указывая на него, сказала: „это тоже Володя-санъ, это твой“... и затѣмъ, склонивъ голову къ колѣнамъ, горько заплакала.

— О чемъ это? Міокоти? Перестань, милочка. Вѣдь я сдержала слово, опять пріѣхалъ... страхъ какъ старался попасть на станціонера... ну, не плачь, голубушка, милая ты моя женушка!..

Но Міокоти-санъ, продолжая плакать, рассказала, какъ вчера ее обманулъ русскій офицеръ и что ей теперь стыдно и на людей-то будетъ смотрѣть... „Никто вѣдь не слыша какъ я спросилъ, пріѣхалъ ли ты?“

Битюговъ нахмурился, но чрезъ мгновеніе лицо его просвѣтлѣло, и онъ на одну руку посадилъ ребенка, который успокоившись сталъ играть золотымъ погономъ отца, а другою обнялъ за талію молодую женщину. Такъ просидѣли нѣсколько минутъ въ полномъ молчаніи.

Но жизнерадостный Владиміръ Николаевичъ вспомнилъ, что на Европейской половинѣ ресторана томится прапорщикъ Поэтовъ, которому онъ обѣщалъ показать достопримѣчательности Хакодате, и спросилъ Міокоти, можно ли идти къ ея матери и привести съ собою товарища.

— Это не вчерашне глупи?—спросила Міокоти, широко раскрывая свои красивые глаза.

— Нѣтъ, не вчерашній, вчерашняго ты, навѣрно могу сказать, что никогда не увидишь, а это новый, недавно произведенный въ офицеры.

— Что жъ, пойдемъ къ мамѣ, если онъ не мѣшае,—отвѣтила Міокоти.

— Если онъ хорошъ человѣкъ, будетъ жениться на мой сестра... Помнишь мой сестра? О! онъ теперь выросла, хотѣлъ на дняхъ поступать на гейши...

— Вотъ и отлично,—сказалъ Битюговъ и послалъ служителя за Поэтовымъ.

Вскорѣ явился и Поэтовъ, тащимый за фалду кителя посланнымъ мальчикомъ японцемъ. Тогда всѣ трое съ ребенкомъ на рукахъ у Міокоти-санъ отправились въ родной домъ Міокоти, а носильщикъ вслѣдъ за ними везъ ея имущество въ 2-хъ колесной телѣжкѣ.

Публика, однообразно одѣтая въ чистые керомоны съ нѣкоторымъ разнообразіемъ въ цвѣтахъ матерій, изъ которыхъ были сдѣланы женскіе костюмы, однообразныя прически у женщинъ, выбритыя головы мужчинъ и мальчиковъ, по срединѣ черепа которыхъ

шла накладка—коса, густо намазанная какою-то помадою, въ видѣ валика, перпендикулярно отрѣзаннаго у начала лба, голыя ноги, одѣтыя въ сандаліи, совершенно голыя тѣла съ обернутыми бедрами синей бумажной матеріей, веселыя лица, размахиванье руками при ходьбѣ, въ одной изъ которыхъ непременно находился соломенный зонтикъ, придавали улицѣ оживленный видъ.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, не застроенныхъ лавками съ рисомъ, бакалеей, сушеной рыбой и морской капустой, матеріями и т. п. товарами, стояли на каменныхъ невысокихъ фундаментахъ чугунные очаги, на которыхъ поджаривались безъ масла разныя овощи, быстро переворачиваемыя на раскаленныхъ плитахъ. Вокругъ группировалось бѣднѣйшее населеніе и на одну желѣзную монету кашъ ¹⁾ покупали по ломотку картофеля, моркови, рѣпы и т. п. поджаренныхъ овощей. Изрѣдка въ этой части улицы проходилъ голый торговецъ, обвязанный вокругъ пояса синей матеріей и громко предлагавшій свой товаръ: „сабай-са-абай“. Это былъ торговецъ мелкаго вермишеля, вывареннаго въ молокѣ и въ жидкомъ видѣ помѣщавшагося въ боченкѣ, который продавецъ носилъ у себя за спиною.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, площадяхъ, на деревянныхъ столбахъ были устроены платформы, а на платформахъ стояли деревянные чаны съ проточною водою. Публика, одѣтая въ керомоны или только опоясанная вокругъ бедръ синей матеріей, входила по лѣстницамъ на платформы, спокойно раздвигалась и безъ различія пола и возраста освѣжала свое тѣло. Одѣвшись, не спѣша продолжали свой путь.

Міокоти-санъ тоже пожелала выкупаться и, взявъ съ собою Володоу-сана, вошла по лѣстницѣ и вмѣстѣ съ сыномъ окунулась въ чанъ. Туда же полѣзъ и голый носильщикъ, везшій въ телѣжкѣ ея вещи. Купанье стояло одно кашъ съ каждаго лица, шедшее въ пользу города.

Наконецъ компанія наша добралась до обрывистаго берега, на которомъ было рѣдко разбросано нѣсколько японскихъ домиковъ—особнячковъ, и изъ одного изъ нихъ, навстрѣчу компаніи, быстро бѣжала дѣвушка лѣтъ 15-ти, весьма похожая на Міокоти-санъ. Поцѣловавшись съ сестрой и племянникомъ, она хотѣла поцѣловать руку у Владиміра Николаевича, но тотъ обнялъ ее по-братски и поцѣловалъ. Красная отъ полученной чести, происшедшей на глазахъ японской публики, Сали-санъ степенно поклонилась Поэтову и носильщику. Прошло мгновеніе, и пятки дѣвушки замелькали въ

¹⁾ Серебряная ицубу = 40 темпъ, мѣдная 1 темпа = 100 кашъ.

воздухъ. Она съ быстротою лани летѣла къ дому, на порогѣ котораго стояла пожилая женщина, улыбаясь во весь ротъ и тѣмъ показывая свои зубы, выкрашенные въ черный цвѣтъ.

Съ приближеніемъ офицеровъ и дочери она все ниже и ниже присѣдала и все громче и громче шипѣла въ знакъ почтенія и удовольствія. Владиміръ Николаевичъ и ее поцѣловаль, а Поэтовъ отдалъ честь по-военному. По приглашенію хозяйки вошли въ домъ. Миловидная Сали-санъ успѣла уже сдѣлать нѣкоторыя приготовления къ приему. Первымъ ея дѣломъ было передвинуть по шарнирамъ легкія рамы-перегородки, оклеенныя непрозрачною бумагой, и такимъ образомъ раздѣлить домъ на четыре неравныя части: приемную комнату для Міокоти-санъ, комнаты для себя и матери и кладовую.

Въ приемной комнатѣ успѣла желѣзными когтями разгрести разноцвѣтныя раковины и камешки, окружавшіе на полу очагъ, налила воды въ чугуничекъ, положила въ жаровню углей и поставивъ вокругъ очага нѣсколько низенькихъ лакированныхъ столиковъ, вынула миниатюрныя чашки для чая.

Владиміръ Николаевичъ предоставилъ Поэтову, Сали-санъ и ея матери чаевать, а самъ съ Міокоти-санъ и сыномъ вошелъ въ предназначенную для нихъ комнату, въ которой стояла его складная кровать, письменный столъ, кресло и умывальничекъ. Оконъ не было, какъ и въ другихъ комнатахъ, и дневной свѣтъ въ изобиліи изливался сквозь бумагу и рѣдкія соломенные сторы, укрѣпленныя снаружи дома. Соломенные сторы были и внутри, но болѣе легкія и въ настоящее время подняты къ верху.

Поэтовъ, снявъ фуражку и положивъ ее около себя на полъ, никакъ не могъ справиться съ ногами, такъ какъ съ дѣтскаго возраста отвыкъ уже сидѣть на полу, а потому принималъ комическія позы и конфузился. Конфузилась и Сали-санъ, сидѣвшая *vis-à-vis* съ прапорщикомъ, опутивъ глаза, опущенныя длинными рѣсницами, и иногда лукаво взглядывала на штурмана, не могшаго справиться съ ногами такъ же хорошо, какъ онъ управлялся съ рулемъ. Скрестивъ ноги по-турецки, онъ крѣпко прижималъ ихъ своимъ туловищемъ, но скользкіе сапоги при малѣйшемъ движеніи выскакивали и шурша по песку и раковинамъ обсыпали Сали-санъ пылью. Дѣвушка не выдержала и стала громко смѣяться. Вошелъ Владиміръ Николаевичъ съ Міокоти-санъ и Володенькою, который хотя не крѣпко держался на ножкахъ, но все же умѣлъ уже ходить. Битюговъ, увидѣвъ комичное положеніе Поэтова, сказалъ: „эй ты, братецъ какой—не могъ поддержать честь націи. Смотри на меня.. Видишь, я безъ сапогъ, такъ и ты снимай сапоги и садись уже смѣло“.

Поэтовъ, видя, что Битюговъ дѣйствительно былъ безъ сапогъ, конфузливо снялъ свои ботинки и дѣйствительно усѣлся довольно удобно.

Въ это время Микоти-санъ, ея мать и Сали-санъ вели ожесточенный разговоръ на японскомъ языкѣ. Пострекотавъ минуты двѣ, онѣ должно быть пришли къ совершенному соглашенію, и Микоти-санъ, обращаясь къ Владиміру Николаевичу, сказала: „ты говори ему“.

Владиміръ Николаевичъ, взглянувъ въ слѣдъ уходившей Сали-санъ, сказалъ Поэтову.—Ну что, Васенька; хочешь жениться? у насъ товаръ, а ты теперь самъ купецъ. Если правится тебѣ Сали-санъ, то сейчасъ же и свадьбу отпразднуемъ. Да отвѣчай же! чего сконфузиться, какъ красная дѣвица! продолжалъ онъ. Поэтовъ усмѣхнулся и утвердительно кивнулъ головою.

Былъ позванъ уличный писецъ, который за ицубу, т. е. за сорокъ копѣекъ, написалъ брачный контрактъ, передалъ его матери и, поклонившись присутствующимъ, присѣдая, вышелъ на улицу, весьма довольный такимъ большимъ заработкомъ. Владиміръ Николаевичъ съ семьею и мать дѣвушки вышли изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько мгновеній послышался шумъ передвигаемыхъ перегородокъ—это комнату матери и кладовую дѣлили на три комнаты, оставляя для кладовой и комнаты матери очень узкія пространства. Въ пріемную вошла Сали-санъ и поклонилась въ ноги Василія Васильевича, сидящаго въ носкахъ, при чемъ изъ одного предательскаго носка выглядывалъ бѣлый мизинецъ ноги съ чисто обточеннымъ ногтемъ. Василій Васильевичъ набрался храбрости, поднялъ станъ лежавшей неподвижно дѣвушки и крѣпко ее поцѣловалъ прямо въ губы. Сали-санъ отвѣтила робкимъ поцѣлуемъ. Вошли мать и Владиміръ Николаевичъ съ живыми цвѣтами въ рукахъ и обсыпали ими новобрачныхъ.

Позвали посыльнаго, Битюговъ быстро написалъ по-русски записку, въ которой были перечислены блюда и вина, и приказалъ ее отнести въ ресторанъ господъ Шопиныхъ.

Затѣмъ занялись маленькимъ Володей, а Микоти-санъ и Сали-санъ пошли въ комнату новобрачныхъ, гдѣ Микоти-санъ посвятила сестру въ нѣкоторыя тайнства замужней женщины.

Пообѣдали и разошлись отдохнуть по своимъ комнатамъ.

Вечеромъ были въ театрѣ, затѣмъ вернувшись мирно заснули въ своихъ комнатахъ, гдѣ къ Битюгову подошелъ чичероне Сакисанъ и объяснилъ, что вчера произошло недоразумѣніе: и такъ фамилін перемѣшались, объяснилъ онъ, что онъ уже ѣздилъ на

„Мялую“ и говорилъ съ господиномъ мичманомъ. Битюговъ далъ ему 5 долларовъ, чтобы тотъ замялъ это дѣло между японцами.

На другой день въ шесть часовъ утра за общимъ чаемъ всего семейства, Сали-санъ, сидя рядомъ съ мужемъ, все время не поднимая глазъ, смотрѣла на узоры раковинъ и камешковъ, окружавшихъ очагъ, а веселый и довольный Василій Васильевичъ такъ и сыпалъ рѣчами. Способность эта у него проявилась послѣ вчерашняго обильнаго обѣда.

Послѣ чая пошли всѣ провожать Василю Васильевича на пристань, гдѣ долго еще оставалась Сали-санъ, провожая глазами шампунку, на которой уѣхалъ ея мужъ. „Такъ и полетѣла бы за нимъ“, думала новобрачная, и только когда шляпка затерялась между стоящихъ на якоряхъ судовъ и пароходовъ, она вздохнула и медленно пошла домой.

Между тѣмъ еще вчера, когда Битюговъ посылалъ за обѣдомъ, къ борту „Милой“, съ лѣвой стороны, подошла шампунка, изъ нея выскочилъ на палубу чичероне Саки-санъ и, подойдя къ Бирюлькину, читавшему романъ „Монте-Кристо“, сказалъ: „И зашѣмъ вы сказали, что господинъ Битюговъ уѣхалъ Россію, такъ у насъ обманывать нельзя... Дѣвушка очень плачетъ... сначала, а потомъ бросилъ особнячокъ и ушелъ съ господинъ Битюговъ къ ея мама, а сичасъ посыльный говорилъ мнѣ, что господинъ Битюговъ послалъ его за свадебный очень дорогой обѣдъ. Я видѣлъ эта посыльный, какъ онъ понесъ обѣдъ, а я самъ на шампунку, чтобы говорить вамъ“.

— Вотъ такъ штука—капитана Кука!—воскликнулъ Бирюлькинь. Я хорошенько не спросилъ дѣвушку, о комъ она именно спрашиваетъ про Битюгова или про Битюгина. Битюгинъ-то вѣдь и правда уѣхалъ въ Россію.

Бирюлькинь далъ долларъ Саки-сану за предостереженіе, а самъ спустился внизъ, гдѣ докторъ, послѣ сытнаго обѣда, отдохнувши, сидѣлъ на диванѣ въ каютѣ-компаніи и дочитывалъ письмо изъ массы писемъ отъ своей „милой женки“, пришедшія съ почтовымъ пароходомъ. Подождавъ, пока докторъ аккуратно занумеровалъ послѣднее письмо и, тщательно сложивъ его, положилъ въ особаго вида ящичекъ японской отдѣлки, Бирюлькинь, ничего не утаивая, рассказалъ Ѳедору Ѳедоровичу о происшедшемъ.

— Вы хотите, чтобы я былъ вашимъ секундантомъ,—спросилъ привставая старый буршъ Дерптскаго университета, нахмуривая брови:—что жъ, я не прочь! Кстати я захватилъ съ собою двѣ золингеновскія рапиры, настоящія шпаги, а перевязокъ у насъ довольно. Не хотите ли прорепетировать съ наконечниками?

Бирюлькинъ отказался и сталъ думать, какъ бы ему поддипломатичнѣ потушить эту непріятную исторію. „Вѣдь Владиміръ Николаевичъ очень хорошій товарищъ, но вѣдь онъ же и старшій офицеръ!“ думалъ Бирюлькинъ, но, ничего не придумавъ, за ужинкомъ, за которымъ Бумбергъ опять предложилъ ему „прорепетировать“, онъ промолчалъ и, не раздѣваясь, „на случай“, легъ спать.

Къ 8 часамъ утра пріѣхалъ Василій Васильевичъ, смѣняя Бирюлькина съ вахты, добродушно съ нимъ поздоровался и, принявъ дежурство и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, пошелъ въ каюту, гдѣ не раздѣваясь заснулъ, какъ убитый, послѣ проведенной безсонной ночи на новомъ мѣстѣ.

Командиръ Герасъ рѣдко бывалъ на суднѣ. Послѣ поднятія флага онъ уѣзжалъ на собственной шлюпкѣ, построенной по составленному имъ чертежу, и дѣйствительно шлюпка эта представляла собою точно живое существо. Онъ одинъ ставилъ паруса, правилъ ею по желанію и, завидя стадо утокъ или гусей, подплывалъ къ нимъ на разстояніе выстрѣла, бросалъ шкоты и руль, успѣвалъ выстрѣлить изъ обоихъ стволовъ, собравъ снова шкоты и подхвативъ подъ правую или лѣвую руку румпель, правилъ шлюпкой по желаемому направленію. Изрѣдка пріѣзжалъ къ завтраку или къ обѣду, но большую часть сутокъ проводилъ у мистриссъ Стоу, миловидной вдовы англійскаго мясника, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившагося въ Хакодате, но не выдержавшаго климата и оставившаго одинокою вдовою свою миловидную мистриссъ Бетти Стоу, переселившись на европейское кладбище. У мистеръ Стоу было много дѣтей и все разныхъ національностей. И первымъ былъ мальчикъ православнаго вѣроисповѣданія по имени Леонидъ, имѣвшій нынѣ уже десять лѣтъ и живущій у мѣстнаго причетника православной церкви и учащійся въ европейской школѣ.

Послѣ Василя Васильевича на вахту долженъ былъ вступить Владиміръ Николаевичъ, и такъ какъ онъ опоздалъ къ подъему флага, т. е. вѣриѣ сказать взялъ тотъ часъ, который онъ провелъ вахту за Бирюлькина при постановкѣ судна на якорь, то на вахту вступилъ мичманъ Бирюлькинъ.

Бирюлькинъ старался „навести чистоту“; палуба была вымыта еще до поднятія флага, а теперь дочищали всѣ мѣдныя и желѣзныя вещи, складывали снасти въ красивыя бухты и вообще придавали судну щеголеватый видъ.

— Господинъ старшій офицеръ ѣдутъ!—сказалъ сигнальщикъ, сбѣжавшій съ мостика съ подзорной трубой подъ мышкой.

— Фалрейныхъ на верхъ!—скомандовалъ вахтенный Бирюлькинъ, и молодцеватые фалрейные сбѣжали по трапу, остановились у стоекъ,

а двое стоявшихъ на нижней площадкѣ почти у самой воды, приготовились подать подбѣзжающему офицеру, каждый по концу веревки, идущихъ по стойкамъ всего трапа и обшитыхъ краснымъ сукномъ.

Вельботъ, посланный за Битюговымъ, лихо подошелъ къ трапу, такъ что между бортомъ шлюпки и краемъ трапа было трудно просунуть даже ладонь руки, Владиміръ Николаевичъ серьезно и неторопливо сталъ подниматься по трапу.

На палубѣ, около выхода съ трапа, стоялъ вахтенный мичманъ Бирюлькинъ и какимъ-то неровнымъ голосомъ рапортовалъ старшему офицеру о состояніи судна—„только вотъ не успѣли докончить чистку мѣди“, сказалъ Бирюлькинъ.

Владиміръ Николаевичъ серьезно обратился къ Бирюлкину и сказалъ: „запомните, господинъ мичманъ, что всегда и вездѣ надо обращать особенное вниманіе „на окончанія“, и при этихъ словахъ глаза его приняли веселое выраженіе, и онъ по-товарищески пожалъ руку смущеннаго Бирюлкина.

Инцидентъ былъ исчерпанъ.

Старый станціонеръ ушелъ въ Николаевскъ на Амуръ, и съ него оставили сверхкомплектнаго мичмана, котораго, мѣсяцъ тому назадъ, доставилъ пароходъ Филипеуса съ Шантарскихъ острововъ, гдѣ этотъ мичманъ потерпѣлъ крушеніе на грузовой шхунѣ, шедшей въ Камчатку, и случайно былъ снятъ съ пустынного острова съ командой и доставленъ съ нею въ Хакодате.

На „Милой“ образовалось четыре вахты, и молодые люди могли проводить на берегу подрядъ по двое сутокъ. Но на суднѣ шли ежедневныя ученья, какъ-то: постановка и уборка парусовъ, артиллерійское ученье, абордажное, пожарное, ежедневное мытье палубы, чистка желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, иногда стирка коекъ, провѣтриваніе такелажа и провизіи. Изрѣдка и съ большой осторожностью, въ присутствіи офицера, очищалась крытъ-камера, гдѣ хранился порохъ. Однимъ словомъ, судовая якорная жизнь шла обыкновеннымъ порядкомъ. По субботнимъ, предриаздничнымъ днямъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ команду свозили на берегъ въ православную церковь, въ которой служилъ священникъ отецъ Николай.

Господа офицеры перезнакомились у русскаго консула съ офицерами съ станціонеровъ судовъ другихъ націй, но какъ-то ни съ кѣмъ не сошлись и проводили время въ своихъ семьяхъ.

Командиръ Герасъ доставлялъ безвозмездно въ каютъ-компанію гусей и утокъ, добытыхъ на охотѣ, а баронъ Бумбергъ чрезъ мѣсяцъ стоянки предложилъ во время обѣда купить у него мало-

рослую японскую лошадку, полученную имъ за излѣченіе богатаго „сумрая“, т. е. дворянина-помѣщика. Въ то время и въ Японіи, какъ видно, господа сумраи матеріально сходили на нѣтъ и, не обладая капиталомъ, расплачивались, чѣмъ было возможно. Лошадку купилъ капитанъ Герасъ за двадцать долларовъ, желая подарить ее Леониду Стоу. Между прочимъ командиръ заявилъ, что русскій консулъ просилъ сегодня всѣхъ, кромѣ вахтенныхъ, пожаловать къ нему на вечеръ.

Консулъ Ларовскій, безцвѣтный мужчина съ безобразной, но любезной и доброй женой, по протекціи которой онъ получилъ и настоящее мѣсто, любилъ хорошо покушать, а главное поиграть въ картишки. У него каждый вечеръ играли. Собиралось разнообразное общество: бѣлочникъ французъ Менаръ, англичанинъ Браунъ, торгующій мясомъ, служащіе въ торговой нѣмецкой фирмѣ, офицеры разныхъ націй, но русскіе посѣщали его рѣдко, такъ какъ онъ вель себя по отношенію къ нимъ по-начальнически. Поэтому приглашеніе на вечеръ къ русскому консулу было принято не съ особеннымъ удовольствіемъ, а Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ прямо-таки отказались; изъявили согласіе ѣхать докторъ и Бирюлькинъ, а вновь назначенный мичманъ долженъ былъ стоять на вахтѣ. Бирюлькинъ-то согласился, сообразивъ, что лучше провести вечеръ въ обществѣ, чѣмъ проскучать на „Милой“ въ ожиданіи болѣзни или чего иного, могущаго случиться съ вахтеннымъ, вновь назначеннымъ мичманомъ Лепечевымъ. Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ послѣ обѣда уѣхали „домой“, а Бумбергъ и Бирюлькинъ завалились спать.

Къ 9 час. вечера расфранченные офицеры съ командиромъ Герасомъ, которому судовой сапожникъ пристроилъ къ низкамъ брюкъ широкія кожанныя штрипки, уже подѣвзжали на вельботъ къ пристани, гдѣ вѣстовой командира держалъ подъ уздцы низкорослую лошадку, купленную у доктора и временно водворенную у мистрисъ Стоу. Сѣвъ верхомъ, Герасъ должно быть произвелъ что-либо нарушавшее кавалерійскую дрессировку, такъ какъ лошаденка поддала задомъ и чуть было не выбила Гераса изъ сѣдла. „Э, докторъ! да вы мнѣ продали какую-то бѣшеную лошадь. Если она будетъ продолжать себя вести такъ же, то прошу принять ее обратно.“

— Какая же она бѣшенная? Я отъ дачи сумрая благополучно доѣхалъ до Шошиныхъ—шла все время превосходно, а просто вы ѣздить не умѣете.

— Вотъ что, господа!—сказалъ Герасъ. Вы, Бирюлькинъ, держите ее подъ лѣвую удила, а вы, Бумбергъ, за правую, и мы поѣдемъ. Дорога-то въ гору. Вы напирайте, она насъ всѣхъ троихъ и при-

везетъ благополучно, а ты, Извольскій, обратился онъ къ вѣстовому человѣку, какъ пріѣдемъ, то держи ее на дворѣ у господина консула. Понялъ?

— Такъ точно, понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ вѣстовой вытягиваясь и дѣлая честь.

Компанія тронулась, и дѣйствительно какъ доктору, такъ и Бирюлькину было легко взбираться на гору, по которой шла дорога къ консульскому дому; Герасъ, мужчина высокаго роста, держась за холку обѣими руками, длинными своими ногами чуть не касался кремней, которыми была вымощена эта гора, а вѣстовой Извольскій дипломатически воспользовался размахивающимся хвостомъ лошаденки, и когда уставалъ идти въ гору, то схватывался за конецъ хвоста и облегчалъ себѣ путь. Такимъ образомъ вся компанія благополучно прибыла къ подъѣзду консульскаго дома, но лошаденка тяжело дышала и была вся въ поту.

— Ты, однако, ее выводи да не давай ни ѣсть, ни пить часа два, — сказалъ Герасъ съ авторитетомъ кавалерійскаго наѣзника, съ трудомъ слѣзая съ лошади, при чемъ одна штрипка у него оторвалась вмѣстѣ съ сукномъ брюкъ, и вѣстовой, матросскимъ ножомъ, срѣзалъ какъ оборвавшуюся штрипку, такъ для симметріи и другую. Затѣмъ увелъ лошадь на дворъ и привязалъ ее къ столбу, высоко задралъ ей голову къ верху, а самъ отправился на кухню любопытствовать, какой ужинъ готовятъ для гостей.

Квартира была ярко освѣщена и обставлена европейской мебелью.

За нѣкоторыми столами уже играли, и только опоздавшій англичанинъ-мясникъ одиноко бродилъ по комнатамъ. Дамъ, кромѣ жены американскаго посланника, никого не было, и она сидѣла съ женою русскаго консула и такъ какъ не говорила ни на одномъ языкѣ кромѣ англійскаго, а жена русскаго консула только этого языка и не знала, то бесѣда между ними была весьма молчаливая. Русскій консулъ подошелъ къ Герасу и послѣ вопросовъ о здоровьи и т. п. банальныхъ фразъ предложилъ Герасу играть въ экарте съ ненашедшимъ себѣ партіи англичаниномъ.

Усѣлись за столъ, и рядомъ съ командиромъ сѣлъ Бирюлькинъ. Докторъ присосѣдился къ закусочному столу, обильно уставленному разными деликатесами. Шла игра, и Герасу не везло.

Онъ уже проигралъ около ста долларовъ, когда въ комнату вошелъ улыбающійся толстякъ, французъ Менаръ, потирая руки и ища глазами хозяина. Поздоровавшись съ нимъ, онъ что-то ему сказалъ; консулъ осмотрѣлся кругомъ и, видя незанятыхъ Бумберга и Бирюлькина, подвелъ Менара сперва къ Бумбергу. Бумбергъ всталъ и, не давъ консулу произнести фразу „представленія“, плохимъ

французскимъ языкомъ спросилъ: „Что же именно у васъ болитъ?“ Менаръ посмотрѣлъ на Бумберга въ упоръ, затѣмъ расхохотался и сказалъ, что у него ничего не болитъ, а онъ хочетъ играть въ карты.

— Съ вашей комплекціей играть въ карты весьма вредно, вамъ надо большой моціонъ.

— Моціонъ?—повторилъ Менаръ, да знаете ли, Monsieur, что я сегодня обѣгалъ нѣсколько лье, отыскивая моего мусташи, и представьте сейчасъ только его нашель. Онъ былъ дома на дворѣ въ кладовой, куда забрался утромъ съ эконошкой. И натворилъ же онъ тамъ мнѣ большой убытокъ. Я и сюда-то опоздалъ изъ-за него. Такъ какъ же, не желаете ли партію?

— Я въ карты никогда не играю,—отвѣтилъ Федоръ Федоровичъ.

Тогда консуль, смотрѣвшій на всю эту сцену нѣсколько усмѣхаясь, взялъ Менара подъ руку и подвелъ его къ Бирюлькину, познакомили ихъ, но и Бирюлькинъ отказался отъ игры подъ предлогомъ, что онъ кромѣ банка ни въ какія игры не играетъ, а на самомъ дѣлѣ потому, что захватилъ съ собою долларовъ пятнадцать, съ которыми садиться играть было нельзя.

Тогда Менаръ предложилъ Бирюлькину держать за кого-либо изъ играющихъ.

Бирюлькинъ избралъ сторону своего командира. Игра продолжалась, ставки увеличивались, и Герасъ не только что возвратилъ проигрышъ, но выигралъ четыреста долларовъ, а Бирюлькинъ, имѣя въ карманѣ всего четырнадцать, пятнадцать долларовъ, къ концу игры имѣлъ болѣе двухсотъ, такъ какъ Менаръ также все увеличивалъ и увеличивалъ пари.

Къ удовольствію жены американскаго консула, хозяйка стала приглашать къ ужину, и американка хотѣла было уже отказаться и ѣхать домой, но подошедшій ей мужъ, проигравшійся, какъ говорится: „въ пухъ и въ прахъ“, остановилъ взглядомъ ее снова и сказалъ хозяйкѣ по-французски: „вы навѣрное позволите намъ и послѣ ужина докончить игру?“ Хозяйка любезно улыбнулась, но въ сердцѣ ея заскребли кошки.

Во время ужина разговоръ продолжался объ игрѣ, и подпившій Бирюлькинъ говорилъ, что лучше банка игры никакой другой нѣтъ, и затѣмъ французскимъ, а потомъ и англійскимъ языкомъ объявилъ обществу, что онъ проситъ послѣ ужина удѣлить ему четверть часа и на опытъ убѣдиться въ прелести этой игры, и что банкъ будетъ держать онъ.

Консуль распорядился сдвинуть въ рядъ нѣсколько столовъ, по-

ставить свѣчи и положить на мѣсто банкмета нѣсколько нераспечатанныхъ колодъ картъ. Послѣ ужина играющіе заняли свои мѣста, держа въ рукахъ игранныя карты, а Бирюлькинъ, засучивъ рукава кителя, съ трескомъ распечаталъ новую колоду картъ. „Игра сдѣлана!“ воскликнулъ онъ, когда увидѣлъ, что на всѣ карты были поставлены разноцѣнныя монеты и бумажки. Бирюлькинъ прометалъ колоду и къ выложеннымъ имъ на столъ двухстамъ слишкомъ долларамъ прибавилось еще болѣе сотни.

Четверть часа давно прошли, но публика и не думала отходить отъ стола. Бирюлькинъ каждый разъ металъ новою колодою.

Уже стало свѣтать, когда публика стала расходиться по домамъ, да только потому, что ни у кого изъ присутствующихъ, да и у хозяина наличныхъ денегъ болѣе не оказалось, а Менаръ, сначала игры попросившій кредита, т. е. играть на запись, проигралъ болѣе пятисотъ долларовъ. Герасъ проигралъ всю наличность и японскую лошадку въ той суммѣ, въ которой онъ самъ купилъ ее у доктора, и кромѣ того задолжалъ на слово сто долларовъ. Однимъ словомъ, Бирюлькинъ выигралъ болѣе четырехъ тысячъ долларовъ. Назадъ возвращались уже въ другомъ порядкѣ. Бирюлькинъ сидѣлъ на „своей“ лошади, а подъ уздцы ее вели докторъ и Герасъ.

Поровнявшись съ гостиницей г-дъ Шопиныхъ, Бирюлькинъ приказалъ Извольскому сдать лошадь кому-нибудь изъ лакеевъ, и затѣмъ всѣ отправились на пристань, усѣлись въ нанятую шлюпку и благополучно вернулись на „Милую“.

На другой день Бирюлькинъ долженъ былъ вступить на вахту, такъ какъ его просилъ объ этомъ Николай Васильевичъ. Онъ позвалъ своего вѣстового Епифанова, смирнаго парня изъ Новгородской губерніи, и зная по рассказамъ простоватаго матроса о бѣдственномъ состояніи его семьи, подарилъ ему пятьдесятъ долларовъ для отправки въ деревню, а затѣмъ позвалъ подшкипера и спросилъ, что стоитъ, по его мнѣнію, аршинъ такой матеріи, изъ которой французскіе матросы носятъ фланелевыя голландки, а также, что стоятъ черныя шелковые галстуха съ длинными концами и серебряныя кольца къ нимъ.

Баталеръ, старый унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ, серьезно объяснилъ, что каждая голландка обойдется около четырехъ долларовъ, галстухъ въ полдоллара и кольцо серебряное около доллара.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ вѣстовымъ Извольскимъ, который, подойдя къ Бирюлькину, доложилъ, что командиръ требуетъ его къ себѣ въ каюту.

Бирюлькинъ вошелъ въ капитанскую каюту, по діагонали кото-

рой расхаживалъ Герасъ, куря трубку съ длиннымъ чубукомъ. Бирюлькинь остановился въ ожидательной позѣ. „Садитесь, Николай Николаевичъ, я позвалъ васъ для частнаго разговора... Вотъ, батюшка, получите-ка вашъ выигрышъ“, и когда Бирюлькинь спряталъ деньги, то Герасъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ: „Надо будетъ заказать новый вельботъ... Вѣдь нашъ уже девятую кампанію дѣлаетъ“. При первыхъ же словахъ Бирюлькинь вскочилъ и опять всталъ въ почтительную позу и, не дождавшись продолженія рѣчи командира, обратился къ Герасу съ просьбой позволить подарить всей командѣ по голландкѣ, сшитой хотя и по нашему образцу, но изъ матеріи, которую употребляютъ французы для такихъ же голландокъ; а также для гробцовъ купить на его же счетъ галстухи и серебряныя кольца.

— Голландки сдѣлать разрѣшаю, а галстухи и кольца не по формѣ, а потому и нельзя,—сказалъ Герасъ, подходя и садясь за письменный столъ, гдѣ сталъ разбирать бумаги.

Бирюлькинь вышелъ, позвалъ старшаго боцмана и далъ ему около двухсотъ долларовъ для раздачи командѣ по расчету занимаемыхъ должностей, т. е. матросамъ 2 статьи по одному доллару, 1 статьи—по 2 доллара, унтеръ-офицерамъ по 4 доллара, а ему и другому боцману по 5 долларовъ, также и „чиновникамъ“, т. е. фельдшеру, баталеру и подшкиперу, и при этомъ приказалъ съѣзжающимъ на берегъ прислать къ нему Саки-сана.

Черезъ два часа пріѣхалъ Саки-санъ и, униженно присѣдая и шипя, съ особеннымъ почтеніемъ ожидалъ распоряженій Бирюлькина.

—„Сейчасъ же отправляйся на берегъ и пришли съ твоей карточкой портного, который умѣетъ шить европейское платье, а затѣмъ ищи по всему Хакодаде красивую дѣвушку, которая согласилась бы быть моею женою. Если найдешь вродѣ Микоти-санъ, то хорошо тебя поблагодарю. Если же и не найдешь такой, то все же ищи въ такомъ же родѣ, понялъ? Затѣмъ найми домъ недалеко отъ тѣхъ домовъ, гдѣ живетъ Битюговъ и Поэтовъ, и купи все необходимое хозяйство, найми прислугу, а чтобы дѣвушка не стѣснялась, купила себѣ самыя хорошія одежды, но не лучше, чѣмъ у Микоти-санъ или Сали-санъ. Завтра я рано съѣду на берегъ и чтобы все было готово. Да! Чтобы рано, рано утромъ домъ, гдѣ живутъ Битюговъ и Поэтовъ, былъ убранъ весь живыми цвѣтами, также какъ и мой. А лошадку отвести къ русскому псаломщику и скажи, что я прислалъ ее въ подарокъ Леониду Стоу“. Отдавъ приказанія Саки-сану, присѣдавшему ниже и ниже съ каждымъ словомъ Бирюлькина, самъ Николай

Николаевичъ повернулся и хотѣлъ было уйти, но Саки-санъ попросилъ немного денегъ на цвѣты и прочее. Бирюлькинъ далъ сто долларовъ.

Вскорѣ пріѣхалъ портной съ образчиками сукна и матерій. Бирюлькинъ заказалъ себѣ полное обмундированіе, такъ какъ уже успѣлъ обноситься за 3 года послѣ выпуска изъ корпуса. Получивъ задатокъ, портной шипя и кланяясь, уѣхалъ.

Въ это время за Бумбергомъ пріѣхали съ берега, прося его къ больному. Тогда Бирюлькинъ отсчиталъ двѣ тысячи долларовъ, передалъ ихъ Бумбергу и просилъ его сдѣлать переводъ чрезъ банкъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, на имя своей матери, вдовѣ мичмана, живущей въ родовомъ маленькомъ помѣстьѣ близъ губернскаго города.

Растормошивъ такъ скоро часть своего капитала, Бирюлькинъ нѣсколько успокоился и принялся дочитывать Монте-Кристо. Конечно, онъ надѣлилъ въ тотъ же день буфетчика и всѣхъ вѣстовыхъ сообразно чину и положенію, и всѣ были довольны, одинъ только Герасъ былъ недоволенъ, такъ какъ на-дняхъ предстояла уплата псаломщику за содержаніе его сына, мальчика Стоу, да и самой мистриссъ Стоу тоже надо было дать нѣкоторую сумму, и онъ вчера и лошадку-то покупалъ для сына и въ то время, какъ Бирюлькинъ разговаривалъ съ Саки-санъ, Герасъ ходилъ по своей каютѣ, курилъ трубку за трубкой и думалъ: откуда бы достать денегъ. Занять у Бирюлькина? Конечно, онъ дастъ, но неловко—подрывается субординація, Бумбергъ откажетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Битюговъ и Поэтовъ обзавелись семьями, а Лепечевъ переведенъ къ намъ съ долгомъ...

„Изъ казенныхъ?!“—мелькнула у него мысль, но тутъ же и потухла. „Нѣтъ, нѣтъ, столько нѣтъ служилъ честно... нѣтъ, развѣ шлюпку продать!—вотъ мысль-то!“ позову Бирюлькина и предложу ему купить шлюпку и охотничьи принадлежности за двѣсти долларовъ. Вѣдь это же за полцѣны, навѣрное, ухватится. „Эй! вѣстовой!“—крикнулъ Герасъ. Но вѣстовой не являлся. „Эй! Извольскій! гдѣ же ты пропадаешь?“—обратился онъ къ прибѣжавшему вѣстовому.

— Такъ что по своей надобности отлучился, ваше бродь.

— Попроси ко мнѣ вахтеннаго.

— А они, ваше бродь, какъ я побѣгъ сюда, остановили меня да и говорятъ, доложи, молъ, господину командиру, что я прошу позволенія къ нему придти.

— Такъ слушай, проси его придти.

И все-то вралъ Извольскій. Съ утра онъ видѣлъ дурное расположеніе духа своего начальника, затѣмъ вчера ночью лошадь приказано

было оставить въ гостиницѣ и приказывалъ, какъ хозяинъ, г. Бирюлькинъ, и Извольскій хорошо зналъ, что и лошадь-то была куплена для „командирскаго сына“, зналъ онъ и отношенія къ мистриссъ Стоу, видѣлъ, какъ командиръ пересчитывалъ деньги передъ уплатой Бирюлькину, потому порѣшилъ выручить своего любимаго командира.

Съ этою цѣлю онъ отправился къ Бирюлькину. Не успѣлъ Бирюлькинъ раскрыть истрепанную книгу романа Монте-Кристо, какъ передъ нимъ явился Извольскій и сказалъ: „осмѣлюсь доложить, ваше бродь, только чтобы было все въ тайности“, и когда Бирюлькинъ утвердительно кивнулъ головой, Извольскій продолжалъ: „такъ что командиръ вчера проиграмшись, а енъ долженъ на-дняхъ платить псаломщику, да еще есть кое-какіе неотложные расходы, то не можете ли вы, ваше бродь, какъ бы значить отъ себя дать ему?“

— Да какъ же я ему дамъ? Вѣдь онъ не возьметъ?

— А вы, ваше бродь, пошлите меня къ нему сказать, что просите его повидать, а когда придетъ, то принесите пятьсотъ долларовъ, слезно и попросите его спрятать до возвращенія нашего въ Николаевскъ съ тѣмъ, молъ, чтобы вамъ онъ этихъ денегъ ранѣе не выдавалъ. Вамъ-то будетъ лучше, да и его-то выручите.

При послѣднихъ словахъ послышался второй властный призывной голосъ изъ капитанской каюты. Бирюлькинъ съ смущеннымъ видомъ вошелъ въ капитанскую каюту и, обратившись къ Герасу, сказалъ: „Леонидъ Константиновичъ, я имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу. Вы знаете, что я вчера много выигралъ, но какъ выигралъ, такъ могу и проиграть. Половину я уже послалъ матери, а хотѣлось бы по прибытіи въ Николаевскъ уѣхать на свой счетъ въ Россію. Вѣдь ранѣе 5 лѣтъ пребыванія въ Сибирской флотиліи прогонныхъ не выдаютъ, такъ вотъ я и надумалъ просить васъ взять у меня на сохраненіе пятьсотъ долларовъ, но съ тѣмъ, чтобы ранѣе прихода въ Николаевскъ вы этихъ денегъ мнѣ ни подъ какимъ бы видомъ и несмотря ни на какія мои просьбы не отдавали. Будьте добры, возьмите на сохраненіе. Я вѣдь живо растрянжирую, ну, тогда опять тьяни лямку еще два года, а въ два-то года у Кунста наберешь товару въ долгъ на всѣ прогонныя, и опять тьяни лямку пять лѣтъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе“.

Герасъ вполнѣ созналъ справедливость доводовъ молодого мичмана, тѣмъ болѣе, что и самъ застрялъ въ Сибирской флотиліи по тѣмъ же причинамъ на третье пятилѣтіе и много потерялъ по службѣ, да кромѣ того, еще имѣя въ виду, что эти пятьсотъ долларовъ онъ въ теченіе года можетъ незамѣтно скопить изъ жалованья, рѣшительно сказалъ: „хорошо—давайте“.

Бирюлькинъ вынулъ приготовленную пачку денегъ и, отдавъ ее, вышелъизъ каюты чтобъ опять приняться за Монте-Кристо, а Герасъ тотчасъ же приказалъ готовить вельботъ для поѣздки на берегъ. Веселый вышелъ Леонидъ Константиновичъ изъ каюты и, подойдя къ Бирюлькину, тихо сказалъ: „И я имѣю къ вамъ просьбу: будьте любезны, уступите мнѣ назадъ лошадку, что вы вчера отъ меня выиграли“...

— Никакъ не могу... я уже успѣлъ подарить ее маленькому Стоу, который живетъ у псаломщика.

Леонидъ Константиновичъ пожалъ руку Бирюлькину и уѣхалъ на берегъ, а Бирюлькинъ въ третій разъ отыскивалъ то мѣсто въ романѣ, гдѣ онъ остановился читать, но тутъ опять пришлось оставить книгу въ одиночествѣ, такъ какъ явился Саки-санъ и заявилъ, что все готово, и что завтра къ 5 ч. утра дома будутъ убраны цвѣтами.

— А какую я вамъ „мусьме“ нашель. Только пятнадцатый годъ, а выглядить, какъ Міокоти-санъ, и дома нанимать не пришлось — отецъ у нея лодочникъ, день и ночь на шампункѣ, она и живетъ одна съ матерью, какъ разъ рядомъ съ домомъ, гдѣ живетъ Битюговъ-санъ и Поэтовъ-санъ. Я какъ сталъ говорить, что вотъ русскій офицеръ хочетъ жениться, а Мая-санъ и говоритъ: „я была на-дняхъ въ чайномъ домѣ у гейши у господъ Шопиныхъ, я вѣдь тоже вмѣстѣ съ Сали-санъ хотѣла поступить въ гейши; какъ вызвали гейшъ, я увидѣла русскаго офицера, а къ нему подошла Міокоти-санъ и что-то съ нимъ говорила, а затѣмъ онъ женился на ней, а на другой мы съ мамой и удивляемся, что это съ Міокотой-санъ, — выходитъ изъ дома не тотъ офицеръ, который женился вчера, а другой, который жилъ съ нею раньше. Такъ, говорить, если это тотъ, который въ гостиницѣ разговаривалъ съ Міокотой-санъ, то я согласна за него выйти замужъ—онъ такой хорошенькій“. Ну, а лошадку отвели?—спросилъ Бирюлькинъ.

— Отвели, да мальчикъ успѣлъ уже и покататься на ней, говорить—поѣду командира встрѣчать.—Ну, спасибо, Саки-санъ, завтра разсчитаемся.

Въ четыре часа утра, предупредивъ Лепечева, что онъ уѣзжаетъ на берегъ за покупкой провизіи и временно, до приѣзда Василя Васильевича, оставляетъ вмѣсто себя подвахтеннымъ старшаго боцмана Романыча, отдавши приказаніе буфетчику и захвативши ручной чемоданчикъ, Бирюлькинъ на четверкъ быстро добрался до пристани, гдѣ его уже ждалъ аккуратный Саки-санъ.

Пришли къ домику, который занималъ Битюговъ и Поэтовъ, и

Николай Николаевичъ увидѣлъ, что домъ оканчиваютъ убирать цвѣтами, а сосѣдній домъ уже убранъ, и около него ходятъ какія-то двѣ женщины и съ восхищеніемъ ударяютъ себя руками по бедрамъ, часто стрекоча по-японски.

Саки-санъ обратился къ Бирюлькину и сказалъ: „я пойду къ мусьмѣ и скажу, что русски офицеръ просить позволенія пить чай—ну, а тамъ и отецъ лодочникъ—онъ понимай немного по-русски... дѣло наше и пойдетъ“... и съ этими словами Саки-санъ ушелъ.

Вскорѣ изъ домика вышелъ пожилой японецъ и, обратившись къ Бирюлькину, ломанымъ русскимъ языкомъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ напиться чая.

Бирюлькину вся эта дипломатія весьма понравилась.

Усѣвшись вокругъ очага, жена лодочника стала разливать чай, а молодая Мая-санъ куда-то скрылась. Разговоръ началъ Саки-санъ и объявилъ, что лодочнику, конечно, уже извѣстно, что на рейдъ пришелъ новый русскій станціонеръ, и что вотъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ, тутъ сидящій, желалъ бы жениться на цѣлый годъ, и что такъ какъ у уважаемаго хозяина есть дочь, красивая, какъ луна, то уважаемый хозяинъ можетъ быть и согласится выдать замужъ свою дочь за этого офицера.

Лодочникъ приказалъ женѣ отыскать Маю-санъ и привести ее въ комнату. Вскорѣ вернулась мать, держа за руку Маю-санъ, которая тихо шла, опустивъ глаза.

Дѣвушка дѣйствительно была очень красива, и скромная ея поза нисколько не гармонировала съ тѣмъ плутовскимъ огонькомъ, который сверкалъ у нея въ прелестныхъ глазахъ, когда она ихъ скидывала на Бирюлькина, во время длинной рѣчи, которую говорилъ ей отецъ. По окончаніи рѣчи отецъ обратился къ Бирюлькину и спросилъ: Коче братъ Маю-санъ жена?

Бирюлкинъ сказалъ, что очень хочетъ. Тогда отецъ и мать подвели Маю-санъ къ Николаю Николаевичу и посадили ихъ рядомъ.

Въ это время Сали-санъ вмѣстѣ съ Василиемъ Васильевичемъ выходили изъ своего дома, чтобы идти на пристань, и удивились, что онъ весь кѣмъ-то покрытъ живыми цвѣтами. Замѣтили, что и сосѣдній домъ тоже весь утопаетъ въ цвѣтахъ, они вернулись въ домъ и сообщили черезъ перегородку Битюговымъ, тѣ—тоже вышли на улицу и были встрѣчены Саки-санъ, который, низко кланяясь, сказалъ имъ, что хозяинъ дома Кихе-санъ и зять его, господинъ Бирюлкинъ, просить всѣхъ ихъ пожаловать на брачный чай по случаю бракосочетанія Маю-санъ съ господиномъ Бирюлкинымъ.

Мюкоти и Сали быстро вернулись, одѣтые въ парадные киро-

моны, Василий Васильевичъ былъ уже готовъ ѣхать на вахту, только Битюговъ успѣшилъ одѣть на себя китель, и вся компанія вошла въ домъ лодочника Кихе-сана.

Выпивъ наскоро чашку чая, Василий Васильевичъ, торопящійся на вахту, поздравилъ новобрачныхъ, а самъ въ сопровожденіи Салисанъ пошелъ на пристань. У Кихе-сана былъ весь день пиръ. Побывали всѣ знакомые мужчины съ женами и дѣтьми, всѣ поздравляли, и Бирюлькинъ съ тактомъ не нарушилъ обычая и даже пилъ противную японскую водку, „саки“, но со второй чашки его начало мутить, и Мая-санъ увела его въ свою комнату, уложила на тюфякъ и принесла какого-то освѣжительнаго напитка, отъ котораго мужъ ея пришелъ нѣсколько въ себя. Принимая отъ Бирюлькина чашку, она его крѣпко обняла и поцѣловала.

Кутежъ шель до шести часовъ вечера, но Саки-санъ, видя, что и хозяинъ и гости сильно перепились, нанялъ носильщиковъ, которые и гостей и хозяина водворили по мѣстожительству. Хозяина отнесли на его шампунку, гдѣ онъ постоянно и пребывалъ. Въ этотъ день онъ пропустилъ всѣ свои перевозочныя очереди.

Вечеромъ Битюговъ съ женой и Саки-санъ и новобрачные были въ театрѣ, а затѣмъ, поужинавши въ русскомъ ресторанѣ Шопена, отправились по домамъ. Домъ Кихе-сана за время отсутствія молодыхъ былъ провѣтренъ и приведенъ внутри въ щеголеватый видъ.

И потекла однообразная жизнь нашихъ молодыхъ моряковъ съ ихъ семьями, при чемъ у нихъ поочередно бывалъ „холостякъ“ Лепечевъ, не могшій жениться за неимѣніемъ денегъ, такъ какъ большую часть жалованья, по его же просьбѣ, высчитали по счетамъ Кунста и Альбертса, фирмы, торговавшей въ Николаевскѣ на Амурѣ. Салисанъ оказалась очень доброй и хорошей женой, но страшно ревнивой, и какъ-то разъ замѣтивъ, что Василий Васильевичъ заглядѣлся на какую-то англійскую миссъ, такъ крѣпко его ушипнула, что Поэтовъ вскрикнулъ, и представьте себѣ, что затѣмъ ему пришла въ голову разыскиваемая имъ некогда риема къ слову „звѣзда“, а именно „узда“, на которой потомъ всю жизнь водила его любящая супруга.

Такъ какъ Битюгову было 28 лѣтъ, Бирюлкину 27, а Поэтову чрезъ 2 мѣсяца наступалъ то же 28 годъ, то всѣ они подали рапорты своему командиру, прося разрѣшенія вступить въ законный бракъ. Герасъ усмѣхнулся и сказалъ, что и онъ вступаетъ, подаетъ рапортъ о вступленіи въ бракъ съ мистриссъ Стоу. Молодые жены стали посѣщать русскую церковь и слушать бесѣды священника отца Николая, и когда къ концу стоянки пришло изъ инспекторскаго департамента разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ,

то всѣ четыре пары скромно были обвѣнчаны, а когда лодка „Милая“ снялась съ якоря, то съ почтово-пассажирскимъ пароходомъ поѣхали и ихъ жены христіанки, съ 10 лѣтнимъ Леонидомъ и 2 годовымъ Володей—въ Николаевскъ.

На пути въ Николаевскъ имѣли легкій штормъ, при чемъ на рейдѣ пришли уже не въ щеголеватомъ видѣ. Бушпритъ былъ сломанъ, нѣкоторые паруса разорваны, вельботъ смыло волною, но всѣ эти дефекты были забыты, когда „Милая“, войдя на рейдъ, увидѣла и пассажирскій пароходъ, на которомъ должны были пріѣхать четыре тоже милыя жены. Дѣйствительно, пароходъ пришелъ ранѣе „Милой“ на нѣсколько часовъ, и съ лодки были посланы двѣ помѣстительныя шлюпки, которыя и привезли ихъ благородія къ ихъ благороднымъ мужьямъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бумбергъ, накопивши въ теченіе года вмѣстѣ съ откладываемымъ жалованьемъ около двухъ тысячъ долларовъ и держа ихъ въ звонкой монетѣ въ несгораемомъ сундучкѣ, отправился на берегъ, при чемъ два гребца съ трудомъ вынесли денежный сундучекъ на шлюпку. Когда шлюпка съ докторомъ отвалила отъ борта, то Бумбергъ обратился къ двумъ гребцамъ, выносившимъ денежный сундукъ, и сказалъ: „какъ только сойдемъ на берегъ, вы берите сундучекъ и идите до моей квартиры сзади меня и въ комнаты также войдите сзади меня, и когда я скажу своей женѣ: „Амалія, вотъ“ и покажу на сундукъ, то вы поставьте этотъ сундукъ къ ногамъ моей супруги; а затѣмъ ступайте на кухню—тамъ вамъ дадутъ по доброй чаркѣ водки и форшмакъ... Ну! поняли?“

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе поняли,—отвѣтили оба гребца и, немного помолчавъ, одинъ изъ гребцовъ сказалъ:

— А осмѣлюсь спросить, ваше высокоблагородіе; что прикажете съ башмакомъ-то дѣлать?

— Не башмакъ, а форшмакъ — это такое нѣмецкое кушанье—тутъ и мясо, и селедка, и картофель, все такое вкусное—собираются остатки двухъ-трехъ дней, все это поджаривается на сковородкѣ, такъ вотъ это кушанье вамъ подадутъ на закуску.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе,—разомъ гаркнули оба гребца.

Четверка подошла къ пристани. Сундукъ вынесенъ, и докторъ, заложивъ руки въ карманы пальто, въ сопровожденіи двухъ гребцовъ, несшихъ денежный сундукъ, скоро дошелъ до своего дома. Было около 9-ти часовъ туманнаго утра. Войдя съ задняго хода въ кухню, Бумбергъ увидѣлъ армейскаго солдата, который усердно дочистивалъ сапогъ, стараясь около каблука, къ которому была прикрѣплена шпора.

— Ты кто такой?—обратился докторъ къ солдатику. Тотъ вытянулъ руки по швамъ, держа въ одной рукѣ недочищенный сапогъ, а въ другой сапожную щетку.

— Денщикъ его благородія, поручика Балалайкина, господина адъютанта, солдатъ мѣстнаго батальона, ваше высокоблагородіе,—молодцовато отвѣтилъ солдатикъ.

— Да чья же эта квартира?—продолжалъ допрашивать докторъ.

— Ея высокоблагородія госпожи докторши Бумберши. Въ это же время въ кухонныя двери изъ примыкавшаго корридора показалась пожилая опрятная женщина, держа на одной рукѣ спеленатаго ребенка, другой рукой ведя еле переступающаго мальчика. Увидѣвъ доктора, она воскликнула: „О мейнъ Готь!“ и быстро скрылась за дверь. Федоръ Федоровичъ пошелъ за нею и сталъ говорить по-нѣмецки. Женщина эта была привезена молодыми Бумбергами два года изъ Петербурга.

Денщикъ смекнулъ, что дѣло не ладно, побѣжалъ на базаръ, куда ушла фрау Бумбергъ съ поваромъ-солдатомъ, взятымъ Балалайкинымъ изъ батальона. Только-что онъ успѣлъ убѣжать, какъ въ кухнѣ раздался электрическій звонокъ.

А Федоръ Федоровичъ продолжалъ говорить по-нѣмецки, идя къ своему кабинету. Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ широкую спину молодого человѣка въ ночной сорочкѣ, который, сидя за его, Федора Федоровича, письменнымъ столомъ, что-то усердно писалъ. Бумбергъ окаменѣлъ. Въ этотъ моментъ, молодой человѣкъ, не оборачиваясь, взялъ со стола два исписанныхъ листа бумаги и, протянувъ руку съ бумагами назадъ, все еще не оборачиваясь, сказалъ: „Отнеси сейчасъ же въ канцелярію и скажи Ферапонтову, что я ему три шкуры спущу, если онъ такъ же навретъ, какъ въ прошедшій разъ“.

Но вмѣсто обычнаго: „слушаю, ваше благородіе“ онъ ничего не слышалъ. Онъ обернулся. Прислонившись къ оконному косяку, стоялъ блѣдный Бумбергъ.

Молодой человѣкъ быстро одѣлъ сюртукъ, въ корридорѣ схватилъ пальто и фуражку и, какъ былъ, въ туфляхъ выскочилъ на улицу.

Бумбергъ еле-еле доплелся до кухни, выпилъ воды и, держась за одного гребца, вышелъ съ нимъ на улицу и пошелъ обратно къ пристани. Четверка дождалась ушедшихъ гребцовъ. Посадили доктора на корму, и денежный сундукъ поставили около его ногъ, а затѣмъ безъ его команды отвалили и стали грести по направленію къ „Милой“. Изъ шлюпки Федора Федоровича вынули фалрейные, а фельдшеръ притащилъ нашатырный спиртъ, ээирно валеріановыя капли и кали бромати. Черезъ часъ только могъ перетрусившій

фельдшеръ нѣсколько привести нервы Федора Федоровича въ спокойное состояніе.

Вскорѣ съ берега пріѣхалъ настоящій докторъ, пріѣхавшій въ Николаевскъ въ отсутствіе Бумберга на „Милой“ въ Японіи. Отрекомендовавшись другъ другу, Бумбергъ спросилъ:

— А вы женаты?

— Нѣтъ, не женатъ,—отвѣтилъ молодой докторъ.

— Такъ вотъ, коллега, я пропишу рецептъ: никогда не женитесь, если предполагаете уходить въ плаваніе... А что касается моей болѣзни, то благодарю васъ за любезность, но я думаю, что нѣсколько приемовъ кали бромати, да, для спокойнаго сна, ложку хлораль гидрата, драхму на шесть унцій, и завтра же я буду здоровъ, какъ былъ.

Но это были только слова возбужденнаго человѣка.

На завтра онъ уже бредилъ. Его свезли въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ чрезъ мѣсяць.

Скопленные деньги положили на имя старшаго сына въ банкъ впредъ до совершеннолѣтія малолѣтняго Феди.

Новожены, списанные съ „Милой“, и замѣненные офицеры съѣхали отдохнуть на берегъ и рѣшили жить коммунной. Былъ нанятъ большой деревянный домъ, и такъ какъ каждому полагалось по денщику, а Леониду Константиновичу два денщика, какъ произведенному въ штабъ-офицеры, то всегда и вездѣ было чисто.

Все устроилось превосходно. Для маленькаго Володи была привезена японская нянька, а съ Леонидомъ занимались Василій Васильевичъ и Владиміръ Николаевичъ и самъ Герасъ. Но Николай Николаевичъ Бирюлькинъ скоро уѣхалъ съ женой въ Россію, такъ какъ получилъ письмо объ опасно заболѣвшей матери.

Раздѣлились на семейныя вахты, при чемъ вахтенное семейство было обязано въ день своей вахты оставаться безвыходно дома и принимать гостей. Остальные же по желанію могли присутствовать и разговаривать съ гостями или же сидѣть въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ. Каждой семьѣ полагалось по двѣ комнаты. Затѣмъ была общая для приемовъ гостей и общая, лучшая комната для дѣтской, въ которой скоро уже ходили Мюкоти-санъ и Салисанъ, держа каждая по спеленутой дѣвочкѣ. Дѣвочки были одѣты и впоследствии совершенно одинаково, имѣли одинаковыя игрушки и лепетали какъ по-русски, такъ и по-японски.

Леонидъ, прекрасно подготовленный и владѣвшій свободно англійскимъ, русскимъ и японскимъ языками, 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ былъ опредѣленъ въ морское училище и окончилъ тамъ курсъ. По желанію отца, вышедшаго въ отставку и поступившаго командиромъ на одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, Леонидъ

перевелся въ сибирскую флотилію и вскорѣ также былъ зачисленъ въ Добровольный флотъ подъ команду Василя Васильевича, который также командовалъ пароходомъ Добровольнаго флота и, разсматривая иногда на небѣ млечный путь, вспоминалъ риему къ слову „звѣзда“, тогда какъ Сали-сань, плававшая съ мужемъ и многочисленнымъ семействомъ, водила своею хорошенькою ручкою за руку своего медвѣде-образнаго супруга.

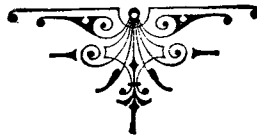
Владиміръ Николаевичъ обзавелся также многочисленнымъ семействомъ, но не попалъ въ Добровольный флотъ, получивъ береговое мѣсто.

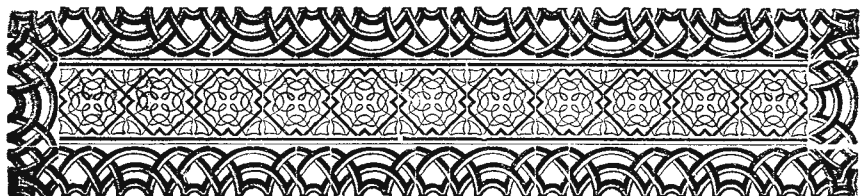
Когда молодого офицера Леонида Стоу провожали въ плаваніе, то всё ему близкіе отправились на пристань, и старшая дочь Битюгова, дѣвочка лѣтъ тринадцати, улучила минуту и, подойдя къ Леониду, шепнула: „будете за границей, не увлекайтесь хорошенькими“...

— Честное слово не буду,—сказалъ Леонидъ по-кадетски и пожалъ ей ручку.

Со многими лицами мы можемъ и встрѣтимся въ недалекомъ будущемъ.

Д. Перскій.

Обиженный край ¹⁾.

(Окончаніе).

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ дѣятелей XIX ст. Высоко образованный, съ твердымъ характеромъ и знатокъ людей, онъ началъ военную службу, основавъ въ 1817 году школу колонновожатыхъ, нынѣ военная академія. Не сочувствуя декабристамъ, онъ оставилъ службу и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Затѣмъ, снова поступивъ на службу, онъ былъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ и губернаторомъ въ Могилевѣ и въ 1831 г. добился того, что отмѣнили въ Бѣлоруссіи литовскій статутъ и ввели по судопроизводству и управленію русскій языкъ. Во время мятежа 1831 г., онъ успѣшно дѣйствовалъ противъ бандъ въ Витебской, Минской и Виленской губерніяхъ, производилъ слѣдствія о политическихъ преступникахъ и вводилъ русское гражданское управленіе въ Бѣлоруссіи. Онъ же ратовалъ о введеніи русскаго языка во всѣ учебныя заведенія въ Западно-Русскомъ краѣ и о закрытіи Виленскаго университета, а также объ устраненіи католическаго духовенства въ образованіи и воспитаніи юношества. Всѣ его представленія и домогательства получали по возможности свое осуществленіе. Далѣе онъ былъ назначенъ въ Гродно губернаторомъ и, наконецъ, въ Минскъ военнымъ губернаторомъ. Это его пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и городахъ Бѣлоруссіи доставило ему громадную практическую опытность въ распознаваніи всѣхъ махинацій возстанія и обширнаго знакомства съ духомъ и

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюль 1911 г.

направленіемъ поляковъ и католичества и имѣло большое вліяніе на многія рѣшенія Императора Николая I. Въ 1857 г. онъ былъ уже министромъ Государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ не мало позаботился объ увеличеніи доходовъ государства и о введеніи оброчной платы за землю. Въ 9 губерніяхъ таковой кадастръ удалось ввести. 1 мая 1863 г., когда наши власти совсѣмъ растерялись отъ повстанія, которое прозѣвали, и уже готовы были отдать Ц. Польское Пруссіи, ухватились за Муравьева, какъ за спасителя погибающаго русскаго дѣла. Онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ съ диктаторскою властью семи С.-Западныхъ губерній, включая Августовскую. Польскимъ кинжальщикамъ и жандармамъ вѣшателямъ онъ отвѣтилъ сожженіемъ польскихъ деревень и околлицъ и ссылкой въ Сибирь цѣлыми семействами, до 5.000 душъ. Имѣнія секвестровались; такихъ было до 1.250 и продавались обязательно русскимъ. Конtribusiа съ имѣній и 10⁰/₀ сборъ достигъ 2.600.000 р. въ годъ. Католическое духовенство въ смыслѣ взысканій и наказаній подверглось общей участи возставшей шляхты и дворянства, которая заплатила за всѣ расходы по повстанію и обязана была держать вооруженную сельскую стражу, по всѣмъ губерніямъ, что обошлось ему до 800 тыс. руб. Было еще и много другихъ мѣръ для унятія расхолодовавшаго повстанія, что привело въ совокупности, въ ноябрѣ 1863 г., къ тому, что оно притихло и улеглось, оно было въ корнѣ подавлено, не только въ губерніяхъ подъ управленіемъ М. Н. Муравьева, но по его же примѣру въ Юго-Западномъ краѣ и въ Ц. Польскомъ. Для русскаго государства, для сохраненія его цѣлости и чтобы не было повадно въ будущемъ, это была громадная заслуга графа М. Н. Муравьева. Въ 1864 г. онъ удалился отъ дѣлъ и умеръ 70 лѣтъ въ 1866 г. Еще до приѣзда графа М. Н. Муравьева въ Вильно, уже было рѣшено о прекращеніи въ 5 сѣверо-западныхъ губерніяхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, съ обращеніемъ ихъ въ разрядъ собственниковъ, съ повѣркою уставныхъ грамотъ особыми довѣренными лицами.

Завистники успѣшныхъ распоряженій М. Н. Муравьева, вмѣстѣ съ иностранною прессою, инспирированную поляками за границу, представили графа, какъ изверга рода человѣческаго, но война кормитъ войну и тутъ—не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ какъ лучше, для побѣды. Если бы Россія такъ рѣшительно дѣйствовала, какъ графъ М. Н. Муравьевъ, много бѣдъ насъ миновало бы, и мы въ настоящую минуту не были бы въ томъ печальномъ положеніи, что не знаемъ, какъ быть съ Финляндіею, которая не только совершенно отвернулася отъ Россіи и всего русскаго, но ищетъ, какъ бывало Польша, защиты въ иностранномъ вмѣшательствѣ, и это въ 30 верстахъ отъ столицы!

На помощь возставшимъ полякамъ въ 1863 г. явились Франція, Англія и Австрія, но князь Горчаковъ, искусными потами парировалъ ихъ нападеніе, заявивъ всенародно, что повстаніе дѣло русское, домашнее, которое до нихъ не касается, и державы замолчали.

Послѣдующія преобразованія во всей Россіи, какъ введеніе гласнаго суда со всѣми его учрежденіями и нововведеніями, всеобщая воинская повинность, отмена откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ управленіемъ, новый режимъ по народному образованію, основаніе церковно-приходскихъ школъ, все это въ совокупности съ наплывомъ русскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ въ Западно-Русскій край измѣнили нѣсколько его фізіономію и заставили польскихъ помѣщиковъ и шляхту нѣсколько присмирѣть, но, увы, не на долго!

Поляки, понятно, послѣ тѣхъ вольностей, которыми они нѣкогда пользовались, при своихъ короляхъ и еще при Императорѣ Александрѣ I, не могли помириться съ тѣмъ, что случилось; они все еще подумывали о своемъ королевствѣ отъ моря до моря. Объ этомъ можно судить, если вспомнить покушеніе на жизнь Императора Александра II, въ Парижѣ, за время выставки, въ 1867 г., когда полякъ Березовскій стрѣлялъ въ Государя.

Къ изложенной только что эпохѣ не можемъ не прибавить нѣкоторыхъ второстепенныхъ заботъ объ этомъ краѣ: покойная Императрица Марія Александровна, освѣдомленная о печальномъ и бѣдномъ положеніи церквей въ приходахъ Западно-Русскаго края, съ помощью министра Валуева, графини Блудовой, ревнителей этого дѣла М. О. Койловича (бѣлорусса) и московскаго купечества, во главѣ съ Четвериковымъ, принялась за отстройку и обновленіе бывшихъ униатскихъ и православныхъ церквей. Ихъ, гдѣ нужно, возводили вновь, все подъ надзоромъ особо для сего командированныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Строили хозяйственнымъ образомъ, и крестьяне, эту благодать, принимали болѣе чѣмъ восторженно. Они при составленіи протоколовъ, просили включить, возвести на ихъ счетъ, въ благодарность за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и за поддержку ихъ русской вѣры, по ихъ выраженію: школы, часовни, памятники, иконы, лампы и т. п. Церковная утварь жертвовалась въ обиліи московскимъ купечествомъ. Одновременно высылались изъ Петербурга книги на приходскія бібліотеки и школы. А защитники русскихъ дѣлъ 1862—4 годовъ читали лекціи, печатали статьи и издавали отзывы и карты Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ, народностямъ и такіа же

географическія. Полковникъ Барановичъ, А. Ф. Гильфердингъ, Катковъ, Аксаковъ, А. Н. Ильинъ, полковникъ Д. Кропотовъ, Москвинъ и много другихъ русскихъ людей значительно содѣйствовали поднятію духа русскаго общества въ періодъ 1860—1870 г. Церковное строительство шло бодро впередъ за это время и обняло губерніи Витебскую, Виленскую, Минскую, Кіевскую, Волынскую и всю Холмщину и заглохло незамѣтно съ кончиною Императрицы Маріи Александровны.

Императоръ Александръ III оказался на тронѣ вполне русскимъ, національнымъ Государемъ, который крѣпко держалъ бразды правленія своего государства. Онъ въ 1883 г. призналъ необходимымъ ввести судебные уставы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а затѣмъ усмотрѣвъ, что крестьяне, съ ихъ мировыми судьями и слабымъ покровительствомъ администраціи, какъ бы предоставлены самимъ себѣ, учредилъ въ 1889 г. для всѣхъ губерній Россіи институтъ земскихъ начальниковъ, объединивъ судебную и административную власть въ одномъ лицѣ.—Въ образовательномъ смыслѣ не мало было сдѣлано собственно по среднему образованію и по церковно-приходскимъ школамъ. Но послѣднія, обучая только полуграмотѣ, на очень немногое подвинули народъ въ своемъ развитіи, и народъ все-таки оставался, какъ рабочая сила въ рукахъ пановъ и евреевъ, которые умѣючи пользовались его отсталостью и неразвитостью. Только духовенство нѣсколько оправилось, ободрилось, но и оно смиренхонько жило и живетъ себѣ до настоящаго времени и уже радо тому, что его, среди жатвы, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, не гонять со своего поля, какъ бывало!

Въ началѣ настоящаго царствованія, вплоть до 1904 г., въ Западнорусскомъ краѣ было въ сущности только одно выдающееся дѣло, нововведеніе, это земство съ назначеніями выборныхъ людей отъ правительства. Такое учрежденіе, въ хозяйственномъ смыслѣ, не могло явственно улучшить положеніе преобладающаго русскаго населенія; но за то все шло довольно мирно и спокойно, двигаясь впередъ черепашичьимъ шагомъ. За то жизнь и направленіе всей шляхты, втихомолку, послѣ 40 лѣтняго отдыха съ 1863 г., снова пошли особымъ путемъ, достойнымъ быть отмѣченнымъ. Такъ какъ послѣ повстанія 1863 г. все дворянство и шляхта съ католическимъ духовенствомъ были стѣснены въ своихъ выступленіяхъ, принимались на службу съ большимъ разборомъ и разоренные и нуждалсь въ средствахъ, то всѣ они пришли къ заключенію въ избраніи новаго направленія, присвоить себѣ такую культурную дѣятельность, по которой русское государ-

ство отстало, но начинало уже сильно нуждаться, именно въ техникѣ, и въ приобщеніи къ жизни всякихъ прикладныхъ, наукъ. Рѣшивъ эту отрасль усвоить себѣ, отбросивъ на время всякое открытое выступленіе, притихнувъ съ виду, все польское дворянство и шляхта направила подроставшее поколѣніе на путь изученія желѣзно-дорожнаго, шоссейнаго и портоваго дѣла, по лѣсоводству и горному отдѣламъ, по техникѣ вообще, по медицинѣ, по юстиціи, сельскому хозяйству и управительству у частныхъ людей. А такъ какъ русскій человѣкъ оказался къ этому времени такимъ же безопаснымъ къ своему хозяйству и къ своимъ дѣламъ, въ своемъ земствѣ, какъ нѣкогда, когда все доставалось даромъ, въ крѣпостное время, то очень скоро на русскихъ хозяйствахъ очутились у дѣлъ поляки, управляющіе имѣніями, а третій элементъ, служащіе въ земствѣ, переполнили чашу своими услугами ветеринары, землемѣры, межевщики, а въ городахъ, въ польскія руки, попали аптеки, нотаріусы, зубные врачи и т. п. Одинъ полякъ тянулъ другого, выпирали русскихъ; начали образовывать цѣлыя гнѣзда поляковъ и католиковъ во всѣхъ городахъ и углахъ Россіи; казалось, что жъ желать лучшаго, знающіе люди прибываютъ, одновременно съ потребностью страны. Но не тутъ-то было. Эти поляки считали повсюду не рублями, а фунтами стерлинговъ, строили и грабили, кого могли, сами богатѣли, разоряя Россію и русское дворянство, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяли чрезъ земства полное неуваженіе къ законности, къ власти, съ обходомъ закона, гдѣ только можно. Строительство за это время желѣзныхъ дорогъ съ ихъ управленіемъ требовало знающихъ людей, и они будто явились въ лицахъ поляковъ и переполнили ихъ составъ, но въ уронъ ихъ доходности, съ дефицитомъ дорогъ. На Уралѣ начался распадъ производительности до полного упадка почти всѣхъ заводовъ; наше богатое лѣсоводство на сѣверѣ и гдѣ еще сохранилось въ центрѣ и на югѣ расхищалось и давало ничтожный доходъ, а поляки жили себѣ въ лѣсахъ и ближнихъ городахъ, какъ помѣщики и только охотились, копили деньгу и устраивали свои, никому неизвѣстныя втихомолку сходки. Юристы съ присяжными повѣренными также дѣлали свое дѣло, оправдывали кругомъ виновныхъ и вершали дѣла въ противность правды и казеннаго интереса, но зато наживали хорошія деньги. Въ земствѣ эта вакханалія взяточничества, грабежа и возбужденія въ народѣ неудовольствія, возбудили наконецъ вниманіе правительства, но уже было поздно, дѣло сдѣлано, польская политика удалось, въ плѣну очутился русскій умъ и простодушіе!.. Держалось еще кой-какъ военное вѣдомство съ его процентнымъ содержаніемъ поляковъ, 6 на 100, но и въ немъ уже можно было услы-

шать кой-какія нотки такого отношенія къ службѣ, которое прежде не было извѣстно.

Въ періодъ войны 1904—1905 г.г. поляки съ евреями открыто заявили о себѣ въ Варшавѣ и во многихъ городахъ Западно-Русскаго края, въ особенности въ Вильнѣ и Кіевѣ, кто они такіе и что преслѣдуютъ.

Въ заключеніе имѣемъ то, что съ учрежденіемъ въ Россіи двухъ палатъ: Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, въ первой поляки защищали свое дѣло до того умѣло, что большинство Г. Думы, съ трудомъ, удерживало свою русскую позицію, свое русское дѣло, и теперь вопросъ о Холмщинѣ, послѣ 2-хъ лѣтъ разсмотрѣнія въ комиссіи, отложенъ въ долгій ящикъ. А въ Государственномъ Совѣтѣ, представители отъ 8-ми губерній, оказались поляки. Здравый смыслъ не можетъ вѣрить въ такую аномалію, а она такова. Чтобы это исправить, было предложено ввести въ 6 губерніяхъ Западно-Русскаго края земство на одинаковыхъ началахъ, какъ оно дѣйствуетъ во внутреннихъ губерніяхъ. Этотъ проектъ благополучно прошелъ, съ нѣкоторыми впрочемъ существенными измѣненіями чрезъ Государственную Думу. Законъ былъ отвергнутъ изъ-за уменьшенія ценза и введенія курій, т. е. выборовъ по національностямъ въ Г. Совѣтѣ! Тогда палаты были распущены на 3 дня, и за это время земство, по проекту Государственной Думы, введено въ край, въ 6 губерніяхъ, по 87 статьѣ.

Русскій космополитизмъ, марксизмъ, незнаніе Россіи и ея народа, вѣчная рознь и упрямство, взяли верхъ надъ государственностью и національною идеею. Общество не хочетъ и не можетъ понять, что Россія можетъ жить только съ такимъ духомъ народа, какъ было при Царяхъ Іоаннѣ III и Алексѣй Михайловичѣ. Западно-Русскій край, этотъ громаднѣйшій плацдармъ, гдѣ разыгрывались разорительныя войны, какъ-то: вторженіе поляковъ до Москвы, походъ Алексѣя Михайловича до Гродно, Сѣверная война, походы Ласси, Миниха, князя Салтыкова, Суворова, 12-й годъ, возстаніе 1831 и 1863 годовъ, этотъ край требуетъ теперь особой заботы, попеченія о себѣ, иначе онъ легко можетъ сдѣлаться достояніемъ нѣмцевъ, даже австрійцевъ и, чего добраго, поляковъ. Не напрасно же они мечтаютъ о своемъ государствѣ, отъ моря до моря!

Какъ удержать эту нашу родную національность въ Западно-Русскомъ край, мы укажемъ ниже, а что ее возможно и слѣдуетъ удержать, видно изъ слѣдующаго.

По переписи 1897 г. значитъ, что въ Западно-Русскомъ край числятся по губерніямъ жителей обоого пола:

Ковенская	1.545.000
Витебская	1.489.000
Могилевская	1.687.000
Кіевская	3.559.000
Подольская	3.018.000
Волынская	2.989.000
Гродненская	1.603.000
Минская	2.148.000
Виленская	1.591.000

Итого . . . 20.211.000

Въ настоящее время всѣхъ жителей уже будетъ около 25 м. душъ обоого пола. Это вѣдь цѣлое государство, старая Русь, котораго народъ имѣетъ свою исторію, да при томъ такую, которая считается основательницею Русскаго Государства. Эту старину надо хранить, защищать и на ней основывать и впредь сохранность всецѣльнаго богатаго достоянія всего русскаго народа, этого держателя государства. Если есть здравый смыслъ, то это слѣдуетъ себѣ зарубить въ памяти, принявъ во вниманіе слѣдующую таблицу.

Русскаго населенія по языку въ краѣ, по переписи 1897 г.

Губерніи:	Русскихъ: число об. п.	%
Ковенская	112.352	7,02
Витебская	987.020	66,22
Могилевская	1.451.496	86,06
Кіевская	3.034.961	85,28
Подольская	2.542.637	84,12
Волынская	2.204.262	73,73
Гродненская	1.141.714	71,20
Минская	1.727.109	80,42
Виленская	971.439	61,05
<hr/>		
Итого русскихъ . .	14.155.992	68,34

Въ настоящее время ихъ насчитывается около 17,5 тыс. душъ обоого пола.

Тутъ только Ковенская губернія мѣшаетъ, какъ чисто Литовская, общей гармоніи русскаго быта; за то Могилевская, Кіевская, Подольская, Волынская и Минская вполнѣ русскія губерніи. Даже Виленская оказалась, противъ ожиданія, гораздо болѣе русскою губерніею, чѣмъ Литовскою, и мы можемъ удостовѣрить изъ личныхъ наблюденій, что тамъ такой же выраженный русскій типъ и говоръ, какъ въ Смоленскѣ. Можно ли послѣ этого возражать, что этотъ край не достоинъ нашего попечительства и полнѣйшаго вниманія.

Весьма замѣчательно, что къ этому же разряду русскихъ людей относятся безсомнѣнно старообрядцы, о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Всѣ эти люди начали свое бѣгство изъ Царской Россіи, во времена Грознаго, отчасти съ Курбскимъ, при Никонѣ, Петрѣ Великомъ отъ рекрутчины и стрижки бородъ и немного при Николаѣ. I. Ихъ насчитывается слѣдующее число обоого пола по переписи 1897 г.

Губерніи:	Число душъ обоого пола.	%
Ковенская	32.840	2,13
Витебская	83.022	5,57
Могилевская	23.349	1,39
Кіевская	15.843	0,44
Подольская	18.849	0,62
Волынская	8.282	0,28
Гродненская.	504	—
Минская	15.860	0,74
Виленская	25.573	1,62

	223.722	1,42

И эти измучившіеся люди, за долготерпѣніе, теперь получаютъ казенные участки земли, на началахъ хуторнаго устройства и будутъ служить крѣпкою оградой русскаго духа.

Не менѣе интересны данныя о религіи, типичный отбѣнокъ національности, которою сильно отличается русскій человѣкъ отъ поляка. Православныхъ обоого пола по губерніямъ слѣдующее число:

Губерніи:	Число душъ обоого пола.	%
Ковенская	44.658	3,01
Витебская	825.601	55,44
Могилевская	1.402.161	83,13
Кіевская	2.983.735	89,40
Подольская	2.358.497	78,15
Волынская	2.106.521	70,46
Гродненская	919.346	57,34
Минская	1.558.264	72,56
Виленская	415.295	26,09
<hr/>		
Итого православныхъ . .	12.624.078	59,50

Въ настоящее время ихъ будетъ около 16 м. душъ обоого пола. Чтобы поддержать православіе, за которое такъ долго и настойчиво боролся народъ, необходимо признать его не равнымъ другимъ религіямъ, а первенствующимъ, съ особыми правами на жизнь, службу и съ уравниемъ благосостоянія духовенства съ причтомъ, съ воюющимъ католицизмомъ. Священникъ можетъ имѣть свою землю, но это не его дѣло обрабатывать ее въ поту лица. Они должны получать опредѣленное жалованье и пользоваться особымъ почетомъ, имѣть вѣскій голосъ при выборахъ въ Г. Думу и Г. Совѣтъ и въ земствѣ. Приниженность православнаго духовенства Западно-Русскаго края, сравнительно съ ксендзами и пасторами, которые всѣ живутъ, какъ помѣщики, и нѣкоторые очень богато, всегда будетъ служить укоромъ русской государственности. Пора замѣнить мужицкую вѣру, хлопскую, вѣрою государства, которую не смѣютъ называть схизматическою. Неужели эти миллионы православныхъ вблизи Германіи, Австріи, недостойны глубокаго уваженія и улучшенія своей горькой участи? Но имъ нужны защитники и таковые, за отсутствіемъ русскаго дворянства и интеллигенціи въ краѣ, необходимо отыскивать въ духовенствѣ, которое съ честью сохранило народъ въ его почти цѣльномъ видѣ, и это громадная заслуга, за которую слѣдуетъ отблагодарить, на пользу же всего государства.

Теперь обратимся къ полякамъ, которые потеряли свое королевство, не перестаютъ играть выдающуюся роль въ краѣ, продол-

жають командовать народомъ, а русскія власти, о, увы! это допускають...

По переписи 1897 г., поляковъ обоего пола было въ краѣ въ слѣдующемъ числѣ:

Губерніи:	Число д. об. пола	%
Ковенская	139.618	8,95
Витебская	50.377	3,38
Могилевская	17.526	1,04
Кіевская	68.691	1,93
Подольская	69.156	2,29
Волинская	184.161	6,16
Гродненская	161.162	10,47
Минская	64.617	3,01
Виленская	130.054	8,17
<hr/>		
Итого въ краѣ . .	885.362	5,04

До сихъ поръ эта народность, съ его дворянствомъ, шляхтою и дворовою челядью, находилась будто подъ особымъ покровительствомъ русской власти. Наше русское дворянство и чиновничья интеллигенція считали за честь быть знакомыми и за панибрата съ этими аварами-обрами, забывая: бунты и всякаго рода подкопы подъ государство, въ которомъ они себя считаютъ съ какою-то высшею культурою. Просимъ указать, какая это такая завидная культура? Изъ нихъ богатые, съ десятками тысячъ десятинъ земли, живутъ большею частью за границею, въ Австріи, имѣя два подданства, двѣ отчизны и не принося Россіи ни малѣйшей пользы ни службою, ни наукою, ни хозяйствомъ. Добытое съ русской земли идетъ на ихъ удовольствіе, а Россіи они не знаютъ; они пользуются всѣмъ, но давать Россіи хоть ноготокъ своего богатства не даютъ, неся только тѣ налоги, какіе установлены для всѣхъ, по коронѣ и земству. Также русскіе чиновные люди въ губерніяхъ, къ ихъ услугамъ, въ особенности исправники и становые! Народъ это для нихъ преждее быдло, Панургово стадо, о которомъ, добромъ, никто изъ нихъ и не думаетъ. Развѣ взглянуть съ презрѣніемъ на того изъ работниковъ, который ради куска хлѣба согласился говорить по-польски и принялъ католичество! Такому ренегату дадутъ ломоть и брысь, убирайся. въ твою разваливающуюся хибарку... Дворян

такого пана, шляхта и прислуга, кишить многочисленностью разных должностей, опираясь на пана, князя, графа, съ фанаберію, крайне дурного и неопрятнаго тона. Всѣ нравы и обычаи остались, какъ были при Рѣчи Посполитой, и если можно побунтовать, уйти до лясу, надругаться надъ русскимъ человѣкомъ, то это дѣлается съ охотою. А между тѣмъ, пора бы признать, что для всѣхъ этихъ господъ, теперь имѣется только одно отечество—Россія и, какъ то высказалъ графъ Корвинъ-Милевскій, слѣдуетъ протянуть намъ руку и начать жить съ нами, какъ честные граждане одного недѣлимаго государства.

А между тѣмъ всѣхъ-то дворянъ (потомственныхъ и личныхъ), безъ различія національностей, считается всего въ краѣ по переписи 1897 г.—481.666 или 2,82% всего населенія въ 20 м. душъ обоего пола, при чемъ Ковенская, Минская и Виленская губерніи имѣютъ ихъ больше всего. Какъ огромную противоположность укажемъ на крестьянство, по преимуществу русской рѣчи, православные и по крови, однородные съ нами.

Губерніи:	Число душъ обоего пола крестьянъ.	‰
Ковенская	1.099.069	71,20
Витебская.	1.164.444	78,20
Могилевская	1.351.533	80,13
Кіевская	2.768.542	77,78
Подольская	2.440.679	80,86
Волынская	2.241.062	74,10
Гродненская	1.162.379	72,49
Минская	1.541.121	71,76
Виленская	1.197.381	75, 3
<hr/>		
Итого крестьянъ	14.966.210	75,75

Такое преобладаніе крестьянства, этого холопа, по польскому выраженію, говоритъ само за себя, требуя особаго покровительства, по принципу русской идеи и русской государственности, которая всегда освобождала, сравнивала льготы своихъ подданныхъ и неоднократно указывала законами, дѣйствіями, на фактахъ, что она голодныхъ кормить, отъ насилія защищаетъ и всегда заботилась о благосостояніи младшихъ, сихъ малыхъ, гибнувшихъ подъ властью

Рѣчи Посполитой! Теперь настало время позаботиться о нихъ еще больше.

Далѣе обратимся къ самому жгучему вопросу, къ вѣрѣ, и посмотримъ, что представляютъ изъ себя р.-католики и на сколько они могутъ претендовать, что они у себя дома, со своею непогрѣшимостью папы и со всеми ихъ индульгенціями...

Перепись 1897 г. вотъ что намъ даетъ:

Губерніи.	Число душъ католиковъ обоего пола.	%
Ковенская	1.180.303	76,42
Витебская	175.678	11,80
Могилевская	50.159	2,98
Кіевская	106.733	2,99
Подольская	262.738	8,70
Волынская	298.110	9,97
Гродненская	386.519	24,41
Минская	217.959	10,15
Виленская	935.849	58,82
Итого р.-католиковъ .	3.613.748	22,88

Изъ этой таблицы видно ясно, что Западно-Русскій край далеко не подлежитъ покровительству Его Святѣйшества, а есть только нѣкоторая разновидность по вѣрѣ народа и всецѣло долженъ находиться въ подчиненіи и управленіи русской короны, и никто не имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла р.-католиковъ, которые живутъ въ предѣлахъ Русскаго государства среди русскаго православнаго народа и зависятъ отъ воли русскаго Монарха и дѣйствующихъ законовъ. Если же къ этому, на основаніи переписи, присовокупить всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые, сохранивъ свой языкъ и признавая себя за русскихъ, за 1000 лѣтъ, были вѣроятно насильно совращены изъ православія, сначала въ уніатство, а потомъ въ католичество, то получается слѣдующая поразительная картина по переписи 1897 года.

Губерніи.	Число об. п. совращен. като- ликовъ, русскихъ.	%
Ковенская	33.647	2,16
Витебская	87.085	15,16
Могилевская	28.318	1,67

Губерніи.	Число об. п. совращен. като- ликовъ, русскихъ.	%
Кіевская	35.608	1,05
Подольская	192.626	6,39
Волынская	108.328	3,62
Гродненская	225.878	14,90
Минская	152.320	7,09
Виленская	526.361	3,30
<hr/>		
Итого совращенныхъ .	1.390.171	8,80

Такимъ образомъ оказывается, что собственно прирожденныхъ р.-католиковъ, но не русскихъ совращенныхъ, только 14,08 всего населенія: главнымъ образомъ поляки, литовцы.

По поводу вотъ этихъ русскихъ людей, совращенныхъ изъ православія и уніи въ католицизмъ, признающихъ своимъ роднымъ языкъ русскій, необходимо высказаться досконально. На этихъ людей, 8,8% всего населенія, Русское государство имѣетъ свое государственное притязаніе, причислять ихъ къ своей кровной семьѣ, какъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей Западно-Русскаго края. Эти люди—ея собственность, и она обязана сохранить ихъ въ цѣлости, эту свою народность, хотя бы католическую. Вѣдь вѣротерпимость у насъ полная, а если это такъ, то всѣ они такіе же люди, какъ мы всѣ, русскіе люди, которые признаютъ себя православными, а они не устрашились объявить всенародно, что они католики. Это своего рода характеръ, достоинство націи, которое нельзя не уважать. Мы должны имъ покровительствовать, не хуже, чѣмъ маріавитамъ въ Ковенской, Гродненской, Кіевской и Волынской губерніяхъ. Ихъ слѣдуетъ изъять изъ-подъ власти непогрѣшимаго папы и ксендзовъ; имъ необходимо дать русское католическое богослуженіе и русскихъ католическихъ священниковъ, распорядить костель и обратить его въ русско-католическую церковь.

Для этого пора и необходимо основать въ Кіевѣ и Вильнѣ русско-католическія семинаріи, съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, до богословія включительно, на русскомъ языкѣ и для воспитанія юношества въ чисто русскомъ духѣ. Понятно, что такія семинаріи должны находиться подъ началомъ министерства народнаго просвѣщенія и департамента духовныхъ дѣлъ, для контроля и единства дѣйствій. Оттуда пусть выходятъ русско-католическіе священники, проповѣдующіе слово Божіе и совершающіе свою службу на рус-

скомъ языкѣ. Тогда вздохнуть свободно эти 1.400 т. русскихъ душъ, совращенныхъ то соблазномъ, а то насильственно, отъ вѣры своихъ отцовъ, но къ счастію не утратившихъ свой народный языкъ. Но мы идемъ дальше и полагаемъ возможнымъ допустить бракъ у этихъ русско-католическихъ священниковъ, такъ какъ то, что творятъ ксендзы и патеры при ихъ холостой жизни, недопустимо. Войти вторымъ мужемъ въ семью своихъ прихожанъ, ради того, что имъ не дозволяется быть жеватымъ, болѣе чѣмъ позорно для этихъ семей и женъ католичекъ. Или еще хуже, откармливаться въ семинаріи на счетъ какой-то кухарки, съ обязательствомъ ее взять себѣ въ экономки, когда достигнетъ сана ксендза. что совершается сплошь и рядомъ, недостойно іерея.

Напротивъ того, указанная мѣра, принятая Россією, для расплеченія костела, для убогаторенія своего народа, могутъ добродѣтельно откликнуться на западѣ, среди католическихъ славянъ: чеховъ, хорватовъ, словенцевъ, галичанъ и всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ славянскаго богослуженія на своихъ нарѣчіяхъ и никакъ не добьются того, что такъ легко и возможно, и что было обѣщано папами и отмѣнено незаконно.

То, что было высказано о русскихъ католикахъ, всецѣло относится до литовцевъ: литовцы, жмудь и латыши, которыхъ считается по переписи 1897 г.:

Губерніи.	Об. пола число душъ.	%	
Ковенская	1.064.962	68,81	Жмудь.
Витебская	266.297	17,13	Латыши.
Виленская	279.720	17,58	} Литовцы.
Могилевская	10.638	0,53	
Минская	2.397	0,11	
Гродненская	3.366	0,21	
	<hr/> 2.527.380	17,39	

И они добиваются, требуютъ своего языка при католическомъ богослуженіи, но изъ-за польско-католическихъ епископовъ никакъ не могутъ добиться того, что имъ по праву принадлежить: своего родного языка въ молитвѣ къ Богу, создателю этого народа. Можетъ быть это дѣло пойдетъ лучше въ новѣйшее время? Но свершится такой поворотъ въ ихъ пользу только тогда, когда русское правительство и власти встанутъ на сторону литовцевъ безповоротно: отдѣлять Литву отъ поляковъ.

Что касается нѣмцевъ, то они, какъ вообще протестанты, многихъ оттѣнковъ, непріятны тѣмъ, что не сливаются съ русскимъ народомъ, имѣютъ будто свои чисто нѣмецкія учрежденія, школы въ особенности и, получая субсидію изъ Германіи, изъ разныхъ ферейновъ, владѣютъ большими землями, богаты и богатѣютъ, но признаютъ за свое отечество не Россію, а Германію.

Такихъ протестантовъ разнообразнѣйшихъ духовныхъ понятій насчитывается въ краѣ 226.700 д. об. пола. Изъ нихъ собственно нѣмцевъ, имѣющихъ право быть отмѣченными, это тѣ, которые живутъ на своихъ земляхъ:

въ Волинской губ.	171.331 д. об. п.
„ Ковенской „	21.762 „ „ „
„ Витебской „	7.361 „ „ „

Всѣ они расположились по кратчайшему пути, по шоссе, отъ Австрійской границы къ Кіеву и отъ Кенигсберга къ Ригѣ и Петербургу, т. е. по пути движенія вражьихъ армій въ нашу страну. Въ этихъ колоніяхъ все идетъ по-нѣмецки, и все приноровлено на пользу вторгнувшаго войска, для снабженія его шпионами и по продовольственной части, а можетъ быть и военной. Образовались эти колоніи въ началѣ XIX ст., при заселеніи русскихъ земель колонистами, безъ разбора, и съ увѣренностью, что нѣмцы исключительно честный и работающій элементъ человѣчества. Да онъ такой и есть, но для себя и своего незабываемаго фатерланда, откуда получаютъ своихъ пасторовъ, учителей, разные субсидіи, наставленія и требованіе считать своимъ отечествомъ не Россію, а Германію. Также нѣмецкій языкъ тамъ въ полномъ ходу, а русскій, какъ и православіе, и русскій мужикъ, въ полномъ пренебреженіи. Теперь, насколько извѣстно приняты кой-какія мѣры укрощенія нѣмецкаго аппетита къ русскимъ землямъ, къ покупкѣ такихъ земель иностранными подданными, но зато для обрусенія ихъ пока еще ничего не сдѣлано: нѣмецкая ограда стоитъ крѣпко на стражѣ своихъ интересовъ и въ смыслѣ культуры, ничего не даетъ окружающему колонистовъ русскому населенію. Школьное дѣло, кирки, больницы, все это и т. п. въ отличномъ видѣ, но все на нѣмецкій ладъ, а богатство хозяевъ, ихъ общественные капиталы и изобиліе земель съ общимъ довольствомъ достигаютъ милліона рублей, творя фальцфейновъ съ сотнями тысячами овецъ, которыхъ считаютъ по числу собакъ и пастуховъ! Вообще объ этомъ дѣлѣ у насъ совсѣмъ не думали: laissez faire, laissez passer! Но наступаетъ время, когда и эта національная ошибка себя покажетъ; если недостаточно того, что они, нѣмцы, виновны въ томъ, что теперь среди русскаго населе-

нія не мало менонитовъ и иной лютеранской секты. Приписать это можно только русской безпечности, громадности нашей Имперіи и большому невѣжеству русскаго народа и нашихъ милыхъ чиновниковъ, изъ которыхъ $\frac{9}{10}$ служатъ для 20 числа, мало заботясь о благѣ Россіи! Какъ это напоминаетъ намъ время XVI ст., хотя мы уже живемъ въ XX. И думается намъ, нельзя ли было бы этихъ нѣмцевъ переселить съ мѣстъ нашихъ стратегическихъ путей въ Сибирь, хотя бы съ вознагражденіемъ землями и всякими льготами, только бы подальше отъ соблазна, туда, гдѣ и тепло и не голодно, но гдѣ это твердо стоящее на своемъ я Deutschland über alles потонуло бы въ изобиліи земель и будущихъ русскихъ переселенцевъ. Тамъ бы они, эти нѣмецкіе колонисты, наконецъ, изъ-за сбыта своихъ произведеній, обрусѣли бы, потонули бы въ обширности пространства и вдали отъ своихъ милыхъ однородныхъ друзей, враговъ нашего Отечества, по соѣдству.

Остается намъ затѣмъ рассмотретьъ еще одну народность, играющую роль въ Западно-Русскомъ краѣ, это евреевъ, которыхъ оказывается по губерніямъ и по переписи 1897 г. слѣдующее число:

Губерніи.	Число душъ об. п. евреевъ.	%
Ковенская	212.028	13,77
Витебская	174.240	11,70
Могилевская	203.507	12,07
Кіевская	430.489	12,10
Подольская	369.306	12,24
Волынская	394.774	13,21
Гродненская	278.542	16,48
Минская	343.466	15,19
Виленская	202.374	12,72
<hr/>		
Итого	2.608.726	13,28

Такое довольно равномерное распредѣленіе евреевъ по всѣмъ губерніямъ края указываетъ, какъ евреи размежевали этотъ край между собою и какой на этотъ счетъ ведется у нихъ порядокъ, не въ обиду себѣ, а русскому крестьянству на столько же въ обиду, на сколько въ услугу польскому люду. Евреи съ выгодою для себя служатъ помѣщикамъ и его польской дворнѣ съ

успѣхомъ, мало интересуясь русскимъ крестьянствомъ, со стороны заработковъ. Они же арендуютъ землю и сдаютъ ее по повышенной цѣнѣ. Они, занимаясь нѣкоторыми ремеслами, посредственной подѣлки, продаютъ свои произведенія и произведенія земли, всегда съ прибылью, безубыточно и, какъ особенно ретивый посредникъ, во всякой торговлѣ, кормится на счетъ народа. Онъ ему ссужаетъ за проценты, до 2% въ недѣлю, нужную сумму денегъ; насильственно покупаетъ, сбивая съ толку, простонародье, желающее продавать свои произведенія на базарѣ и доставляетъ ему контрабандою и навязывая въ долгъ все, что нужно крестьянину, не въ лучшемъ видѣ и далеко не дешево. По субботамъ останавливается всякая торговля у евреевъ, а по воскресеньямъ соблазнъ отводить отъ церкви и продается безакцизное вино, дурного качества, изъ еврейскихъ тайниковъ, которыхъ вездѣ достаточно. Народная нравственность страдаетъ отъ евреевъ; не мало и воинская повинность, которую евреи исполняютъ плохо, и недостающее число заполняется христианами. Не мало при этомъ изъ евреевъ нарочно себя калѣчатъ, другіе эмигрируютъ, подкупаютъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ, по преимуществу торговыхъ, прибѣгаютъ къ такимъ плутнямъ, которыя совершенно незнакомы народу.

Если взглянуть на евреевъ, со стороны той пользы, какую чело-вѣкъ приноситъ ближнему, работая на себя, на общество и на государство, то для Западно-Русскаго края становится сомнительнымъ, чтобы евреи приносили хотя бы малѣйшую пользу поработенному матеріально русскому народу. Торговля еврейская съ вѣчнымъ обманомъ, насиліемъ, всегда можетъ быть легко замѣнена чисто русскою торговлею, какъ и всякое подрядное, арендное дѣло; плохое еврейское мастерство вполне доступно хорошему русскому мастерству.

Какъ бы тамъ ни было, но Западно-Русскій край, за время русскаго владычества, все-таки на очень многое выправился, сдѣлался сытѣе, и теперь едва-ли тамъ найдешь хлѣбъ съ корою, который мы видѣли и пробовали еще 1862 г. Со времени Императора Николая I и въ особенности съ освобожденія крестьянъ въ 1861 г., крестьянство Западно-Русскаго края дышетъ гораздо легче, а теперь и подавно. Экономическое положеніе также улучшилось значительно. Сначала канализація, потомъ шоссе и разныя дороги и наконецъ желѣзнодорожный путь, развили общеніе, передвиженіе народа и повысили значительно торговлю, а въ новѣйшее время подвинулась впередъ и грамотность, при общемъ повышенномъ благосостояніи. Теперь идетъ дѣло по землеустройству, съ хуторнымъ и отрубнымъ, фермерскимъ хозяйствомъ, съ неотъемлемою собственностью земли и со введеніемъ настоящаго самоуправленія—земства. Нельзя также

не упомянуть, что насажденіе картофелемъ съ его производствомъ въ 40-хъ годахъ и свеклосахарнаго дѣла, разросшагося до удивительныхъ предѣловъ и, наконецъ, съ осушеніемъ Пинскихъ болотъ, все это, въ совокупности, дало не мало продуктовъ работы и сытости, но даже содѣйствовало улучшенію здоровья простолюдина, который среди большихъ болотъ Минской и Волынской губерній, пересталъ страдать такими болѣзнями, какъ колтунъ на волосахъ, что нерѣдко было видѣть не только въ народѣ, но и среди духовенства! Пинчукъ, этотъ обитатель Пинскихъ болотъ, съ личностью не похожую на человѣка, съ ногами въ видѣ колеса и со своимъ непонятнымъ говоромъ, исчезаетъ окончательно. Канализація рѣкъ Припяти и Ясельцы, осушеніе болотъ и проведеніе чрезъ Геродотово озеро, знаменитыхъ Пинскихъ болотъ, желѣзныхъ полѣскихъ дорогъ, отъ Кобрина на Рѣчицу и отъ Барановичи на Ровно, совсѣмъ измѣнили мѣстность и тамъ, гдѣ когда-то жили древяне съ ихъ княземъ Мала, гдѣ стоялъ городъ Искоростень, съ соломенными крышами, подожженными стаею воробьевъ, выпущенныхъ изъ русскаго стана, тамъ нерѣдкость увидѣть теперь желѣзныя и черепичныя крыши, а бугры, бывшіе капища Перуна, замѣнились обновленными церквями Св. Іліи, Парасквы Пятницы, памятники отдаленнаго времени принятія Св. Владиміромъ — христіанства. Край начинаетъ становиться на свои собственные ноги, и онъ того исполнѣ достоинъ, онъ много терпѣлъ и ему многое прощается...

Теперешняя, XX вѣка борьба съ польщиною, воюющимъ католицизмомъ и съ евреями заключается въ разрѣшеніи слѣдующихъ задачъ. Прежде всего слѣдуетъ поставить весь русскій народъ за такимъ прикрытіемъ, подъ такимъ бетоннымъ сводомъ, куда всѣ хитросплетенія мѣстныхъ враговъ, этого наслѣдія Рѣчи Посполитой, не могли бы проникнуть. Русскій народъ долженъ быть взятъ крѣпкою русскою властью подъ свою особую защиту, съ проведеніемъ широко національной идеи, какъ единственной, съ которою возможно еще долго прожить. Мѣстные дѣятели, близкіе къ народу, какъ мировые судьи, земскіе начальники, исправники, становые и все имъ подобное, должно быть непременно изъ числа русскихъ, честныхъ, неподкупныхъ дѣятелей. Но такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою службу и дѣло и вдаваться имъ въ специальное покровительство по всѣмъ мелочамъ жизни почти что невозможно, а многое совершается тайно, сокрыто со стороны враговъ русскаго народа, то быть можетъ было бы цѣлесообразно учредить въ каждомъ уѣздѣ такого рода попечительство изъ интеллигентныхъ и безкорыстныхъ крестьянъ, которыя могли бы раскрывать всѣ хитрости для совращенія изъ православія, по всякому обману и насилію, ка-

кое ежедневно встрѣчается и творится среди рабочихъ и на работахъ. Такіе попечители русскаго народа, до 90 числомъ, могутъ принести народу и власти большую пользу своимъ примирительнымъ образомъ дѣйствій, гдѣ это возможно, и привлеченіемъ власти къ дѣламъ, явно преступнымъ и порочнымъ. То, что можно устроить мирно, безъ шума, на переговорахъ и убѣжденіемъ, то можетъ совершаться на мѣстѣ. Въ противномъ случаѣ передается земскому начальнику, мировому судѣ или исправнику для рѣшенія тѣмъ или другимъ способомъ. Допускать, чтобы управляющій какою-либо отраслю экономіи могъ самопроизвольно оставлять рабочаго съ семьею безъ куска хлѣба, выгнать съ работъ, недопустимо; и за что собственно? А зато, что не знаетъ или не хочетъ говорить по-польски; не желаетъ ходить въ костель, разговаривать съ ксендзомъ.

Вообще наемъ рабочихъ въ экономію долженъ быть упорядоченъ за исключеніемъ совсѣмъ изъ обычая наниматься по одиночкѣ. Въ городахъ и мѣстечкахъ могутъ дѣйствовать наемныя для рабочихъ конторы, гдѣ собирается артель подъ началомъ старшаго артельщика, непременно изъ русскихъ. Съ нимъ разговариваетъ экономія или заводъ, чрезъ него выдаетъ заработную плату, съ него требуетъ, а не съ единичныхъ рабочихъ, до которыхъ не касаются штрафы, взысканія и всякія пререканія. Тогда будетъ порядокъ, законный отвѣтъ, и рабочій людъ не будетъ обиженъ.

Защиту, помощь народу, съ устраненіемъ всякаго обмана и насилія, могло бы одинаково оказать основаніе Бѣлорусскаго вспомогательнаго общества съ резиденціею въ Петербургѣ и съ отдѣлами въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Программа помощи могла бы касаться до всѣхъ жизненныхъ потребностей и житейскихъ бѣдъ. Вѣдь странно сказать, что въ Минской губ. случалось наткнуться на такой приходъ, котораго обыватели, 7 лѣтъ сряду, не знали урожая, изъ-за градобитія ихъ полей на проклятой горѣ. Не случись нечаяннаго приѣзда уполномоченнаго по постройкѣ церквей, такое разореніе продолжалось бы и впредь, но представленіе о такомъ положеніи жителей было уважено и отвели новое поле, а градобитное забросили.

Также полагаемъ, что объѣздъ волостей, приходовъ по губерніямъ, съ разпросомъ о нуждахъ жителей, особо командированными, образованными молодыми людьми, которые не устрашились бы проникнуть во всѣ захолустья, принесъ бы большую пользу, какъ населенію, такъ и правительству. Последнее бы узнало, что важно сдѣлать, въ какую сторону идти, и на что именно слѣдуетъ обра-

тить наибольшее вниманіе. Въ сельской жизни, столь не мудрой и несложной, мелочи играютъ въ жизни человѣка большую роль, и потому устраненіе вредныхъ, не скрытыхъ явленій, преступныхъ, вполнѣ доступно государству, да и стоитъ-то оно не Богъ вѣсть сколько, а пользы будетъ много: народъ крѣпко станетъ вѣрить правительству, что оно о немъ безпокоится, желаетъ ему добра.

Сѣверо-Западный край темнѣе, запуганнѣе, гораздо смиреннѣе, чѣмъ Юго-Западный край, и потому тамъ необходимо обратить наибольшее вниманіе на школу, но не такую, гдѣ учать читать, писать и счетоводству съ 4 правилами ариѳметики; такая грамотность, или вѣрнѣе полуграмотность, производитъ дурныхъ писарей, говорунговъ на сходкахъ, полупьяныхъ ходатаевъ и, наконецъ, слишкомъ часто глупыхъ крикуновъ. Школа должна имѣть вполнѣ полезное направленіе, которое состоитъ въ томъ, чтобы развить простолюдина со стороны національной, въ любви къ отечеству и престолу, а это достигается нѣкоторымъ понятіемъ по исторіи Россіи, ея географіи, которыя въ интересныхъ разсказахъ и съ разумными руководствами, легко понимаются и слушаются дѣтьми, да и взрослыми съ восторгомъ. Школа эта обязана учить сельскому хозяйству практически и теоретически. Она должна имѣть свой ремесленный отдѣлъ въ родѣ обученія портняжному, сапожному, столярному, токарному, кузнечному, слесарному и другимъ мастерствамъ. Одному изъ этихъ мастерствъ слѣдуетъ учить, чтобы доставить мозолистымъ рукамъ заработать кой-что зимою, какъ подспорье сельскому хозяйству. Если одно изъ такихъ мастерствъ насадить въ волостной школѣ, то этимъ не мало будетъ вырвано, чрезъ короткій срокъ, изъ рукъ евреевъ, и народъ не будетъ нуждаться исключительно, въ ихъ плохой работѣ. Онъ скоро станетъ конкурировать съ ними, а это нужно; нужно, чтобы русскій народъ былъ самостоятеленъ и независимъ во всемъ томъ, что ему нужно, въ обыденной жизни. На такія школы съ ремесломъ примѣрно на 270 волостей въ краѣ и съ отпускомъ такой школѣ по 1.000 р., придется расходовать въ годъ 270.000 руб. Полагаемъ, что % обученія съ этого капитала будетъ значительно больше, чѣмъ % съ этого капитала, что теперь получается, такъ какъ каждый мастеръ своего дѣла, занимаясь имъ спеціально, зарабатываетъ въ годъ отъ 360—720 р., а то и больше. И земство въ этомъ случаѣ можетъ оказать населенію громадную пользу, а теперешнее землеустройство съ хуторами и отрубамъ поставить человѣка въ полную независимость отъ экономіи и евреевъ, сдѣлавъ изъ бѣлоруса самостоятельнаго

хозяина, знающаго, что у него имѣется неотъемлемая, собственная земля, свой голосъ и цензъ.

Помимо изложеннаго, для независимаго существованія бѣлорусса, необходимъ мелкій кредитъ, хотя бы съ расчетомъ по выдачѣ не болѣе 50 р. на руки, подъ ручательствомъ на три года. Имѣя этотъ кредитъ, крестьянинъ освободится отъ ростовщичества и вмѣсто 104% въ годъ, по 2% въ недѣлю, будетъ, не разоряясь, платить казнѣ отъ 3—4%. Такое благодѣяніе быстро подниметъ приниженное крестьянство. Если предположить, что каждой волости выдать для мелкаго кредита по 3.000 р., то всего потребуется изъ фонда сберегательныхъ кассъ 800 т. руб. Это такъ мало, что отказать въ такой помощи было бы очень грѣшно. Вѣдь купить павшій скотъ, лошадь, завести свинью, исправить избу, выдать замужъ дочь и т. п. житейскія потребности, это все ежедневныя, повсюду въ крестьянствѣ появляющіяся нужды, но на нихъ нѣтъ отклика, и по неволѣ они прибѣгаютъ къ еврею.

Судосберегательныя кассы, съ застраховкою отъ эпизоотій, убійства человѣка, отъ градобитія, недорода, это все такіе жгучіе вопросы, на которые вѣроятно отвѣтитъ земство, если предсѣдатели управъ будутъ русскіе люди.

Юго-Западно-Русскій край находится въ лучшемъ положеніи по климату и почвѣ. Вѣдь не понапрасно говорятъ, что Подолье течетъ млекою и медою. Тамъ уже начали появляться артели рабочихъ и потребительныя общества съ товаромъ для простолюдина, хорошаго качества, а не еврейской фальсификаціи и обмана. Да и на поляковъ тамъ обращаютъ кой-какое вниманіе и вотъ — польское коло встревожилось и внесло въ Государственную Думу запросъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, правда ли что въ краѣ, а также въ Царствѣ Польскомъ, въ Минской и Ковенской губерніяхъ установлено губернаторами взысканіе за содѣйствіе недозволенному обученію? Значить, оно признаетъ недозволенное и дерзаетъ еще спрашивать, правда ли это!

Къ особенностямъ Юго-Западнаго края слѣдуетъ отнести появленіе тамъ съ 60-хъ годовъ XIX ст. украинофильства, сильно теперь подогрѣваемаго австрійскими агентами. Это дѣло, съ обществомъ Шевченки во главѣ, какою-то оперою Наталки-Полтавки и ограниченнымъ числомъ фантазеровъ, полагающихъ, что Малороссія, малороссы, составляетъ что-то особенное, со своимъ неразработаннымъ нарѣчіемъ и своими чумаками, можетъ самостоятельно существовать. не нуждаясь въ общемъ отечествѣ—Россіи! Никогда они самостоятельно существовать не могутъ, и это доказано удѣльными

князьями времяъ Андрея Боголюбскаго и потомъ татарщиною, а далѣе Литвою и Польшею, которые всѣ ее громили, покоряли и уродовали вплоть до присоединенія Малороссіи въ 1654 г., а затѣмъ и Украйны при Екатеринѣ II. Даже эти 60 т. реэстровыхъ казаковъ съ Хмельницкимъ во главѣ, чуть-чуть что не признали своимъ повелителемъ турецкаго султана, а вѣдь они боролись съ поляками не на жизнь, а на смерть, и не мало били Польшу, но и тогда рѣшили наконецъ на радѣ, въ Переяславѣ, что лучшаго покоя, какъ подъ покровомъ восточнаго, православнаго Царя, они не найдутъ и, разумѣется, нашли. Случился еще измѣнникъ Мазепа со своими 6 т. казаковъ, но неслыханная еще побѣда подъ Полтавою отняла у всѣхъ надежду возвратиться къ какимъ бы то ни было старымъ отжившимъ порядкамъ. И вотъ изъ числа миллионныхъ людей, нашлись какіе-то 100,—хотя бы даже 1.000 человекъ, не особенно культурныхъ, которые, опираясь на Австрію и поляковъ, затѣваютъ теперь совратить Украйну, Малороссію и далѣе до Кубани, и все это отнять отъ Россіи и эту благодатную страну, добытую русскою кровью отъ Польши и Турціи, образовавъ здѣсь какое-то славянское государство, съ апостолическимъ Величествомъ во главѣ и съ передачею за это Германіи 15 м. австрійскихъ нѣмцевъ западной Австріи.

Напротивъ того, не пора ли бы войти въ соглашеніе съ Германіею и окончательно присоединить къ себѣ русскую Галицію по Санъ: знай, ляше, что Санъ наше, и занявъ Карпаты съ ихъ Бойками и Лемками, притянуть къ себѣ угро-руссавъ, весь комитетъ Мормарашъ, до береговъ Тиссы. Мы увѣрены, что, случись война у насъ, а она будто и надвигается, то даже всѣ наши лѣвые встанутъ подъ ружье и будутъ защищать свое отечество. Аннексія Босніи и Герцоговины, это еще послѣдній вздохъ несчастной Японской войны, которая проиграна благодаря также долготерпѣнію и преобладанію ничтожныхъ личностей! Теперь все это прошло, и наше дѣло, какъ національное, далеко не проиграно. Съ каждою минутою, что мы живемъ, мы чувствуемъ нашу возвращающуюся къ намъ силу и вовсе не удивляемся конфликту съ нашими палатами...

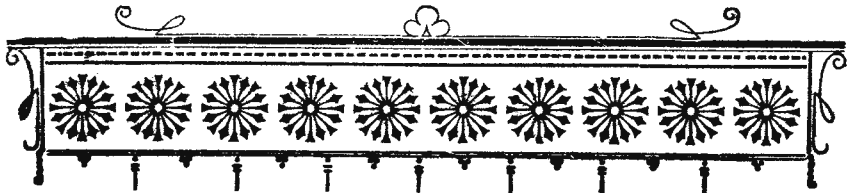
Какъ у нѣмцевъ, Германія превыше всего, такъ у насъ нашъ русскій Государь превыше всего. Это удостовѣряетъ исторія, народное избраніе и пышно расцвѣтшая Россія, съ ея богатствами и 160 м. народомъ, изъ которыхъ $\frac{3}{5}$ русскаго народа. И вотъ къ Царю обратилась русская депутація Юго-Западнаго края, прося о земствѣ. Она была принята благожелательно и какъ закрытіе па-

латъ, такъ и статьи 87, вопреки протеста, произведены законно и по волѣ и царскому желанію. Что были чрезвычайныя обстоятельства, это такъ ясно, какъ день.

Мы имѣемъ полное право воскликнуть: руки прочь, и да будетъ Русскій народъ съ его Государемъ рѣшителемъ нашихъ судебъ.

А. Ф. Риттихъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

59.

27 января 1830 г.—Шаево.

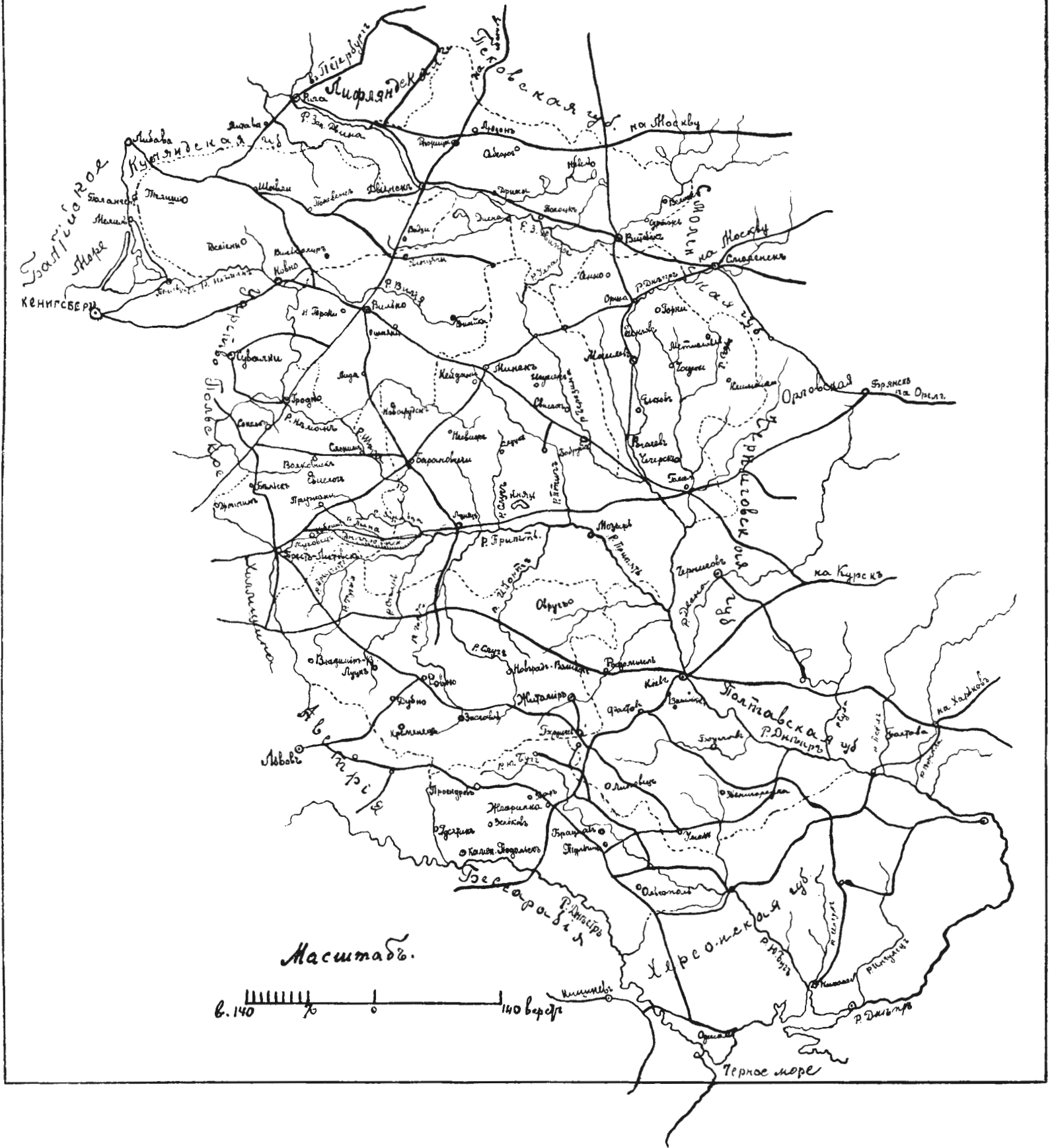
Увѣрять ли мнѣ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что письмо Ваше отъ 4-го Генваря, полученное въ Костромѣ передъ отъѣздомъ, меня столько же обрадовало и утѣшило, сколько прежде отъ 6-го Декабря смутило и опечалило? По отправленіи моихъ двухъ отвѣтовъ страхъ на меня напалъ; хотя убѣжденный въ правотѣ моей, я опасался, что, давъ лишнюю волю чувству и перу, могъ самъ, въ свою очередь, еще болѣе провиниться, своей горячностью столько же обижая Вашу дружбу, сколько моя Вашей холодностью огорчалась: слава Богу, все прошло; Вы точно меня любите, и я вѣрно въ этомъ Вамъ не уступлю; постараемся только охранить нашу пріязнь, на взаимномъ (кажется) уваженіи основанную, отъ всѣхъ подобныхъ недоразумѣній. Письма я отъ Сомова еще не получалъ, ни Сѣверныхъ Цвѣтовъ, а только два первые № Литературной Газеты. Истиннаго ея достоинства по самому началу опредѣлить невозможно, но, безъ сомнѣнія, ожидать отъ нея тутъ не почему. *Магнетизеръ* ²⁾ не хуже и не лучше многихъ нынѣ появляющихся повѣстей съ замашками Вальтеръ Скотта; Вяземскаго отрывокъ изъ біографіи

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1911 г.

²⁾ „Магнетизеръ“, отрывокъ изъ новаго романа Антонія Погорѣльскаго. (Литер. Газета. 1830 г. т. I, № 1 и 2).

Западно Русскій край

1911.

Фонь-Визина¹⁾, по обыкновенію его, съ большими претензіями вранье и болтовня; изъ Пушкина стиховъ есть хорошіе, но все бездѣлка²⁾; остальное отчасти любопытно на первый разъ, отчасти (напримѣръ анекдоты о Французкомъ театрѣ)³⁾ гиль да и только. Обращаюсь къ размышленіямъ и разборамъ: объ Аретинѣ⁴⁾ не упомянулъ я во первыхъ, потому что не читалъ его самъ, во вторыхъ, потому что *il ne vaut pas l'honneur d'être nommé*⁵⁾. Въ доказательство, какъ инныя репутаціи неосновательны, довольно было мнѣ гораздо знаменитѣйшихъ Петрарки и Маринія, тѣмъ еще пригоднѣйшихъ, что одинъ нынѣ пользуется не по праву нажитымъ добромъ, а другого давно по суду пустили въ міръ: стало *les deux cas s'y trouvent*⁶⁾. Я намѣренъ, однако, въ отдѣленіи италіанскомъ выкинуть, при напечатаніи, выходку на Руслана и Людмилу; съ чего мнѣ нападать на Пушкина и еще на юношеское его произведеніе? Пусть параграфъ кончается такъ: „безъ большой картины привлекающей вниманіе, безъ лицъ читателю отъ колыбели знакомыхъ, тутъ спасенія нѣтъ“⁷⁾. Слѣдующій начнется, какъ теперь, словами, „Боярдъ⁸⁾ тщательно сохранилъ и пр.“. Потрудитесь, почтеннѣйшій, это изправить; для умныхъ, мнѣ кажется, и того довольно, а дураковъ безъ нужды не надобно дразнить: они опасны числомъ; Гнѣдичева Иліада вышла въ свѣтъ⁹⁾: купите ее для меня, отдайте переплестъ, также какъ прочія книги мои, къ Вамъ для образца от-

¹⁾ Введеніе къ жизнеописанію Фонь-Визина (кн. П. А. Вяземскаго). Литер. Газета № 2 и 3.

²⁾ Въ 1 и 2 №№ Литер. Газеты напечатаны слѣд. стихотв. Пушкина: Отрывокъ изъ VIII гл. Евг. Онѣгина (№ 1) и Стансы (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ—№ 2).

³⁾ Лит. Газета № 2.

⁴⁾ Pietro Aretino. Италіанскій сатирикъ и драматическій поэтъ, род. въ 1492 г., ум. въ 1557 г.

⁵⁾ „Онъ не достоинъ быть упомянутымъ“.

⁶⁾ „Оба случая тутъ на лицо“.

⁷⁾ Желаніе Катенина не исполнилось: „выходка“ противъ „Руслана“ напечатана въ № 42 Литер. Газеты 1830 г. Послѣ приведенныхъ выше въ письмѣ Катенина словъ (въ кавычкахъ), мы читаемъ: „и (будь сказано мимоходомъ) сей-то недостатокъ и холодитъ *Руслана и Людмилу* вопреки обольщенію стиховъ: читателю хочется того времени, того быта, тѣхъ повѣрій и лицъ; вокругъ ласковаго князя Владиміра собираетъ онъ мысленно Илью Муромца, Алешу Поповича, Чурилу, Добрыню, мужиковъ залѣшанъ, видитъ ихъ сражающихся съ Соловьемъ-разбойникомъ, съ Ягой-Вабой, съ Кашеемъ безсмертнымъ и Змѣемъ Горынычемъ, а встрѣтя вмѣсто ихъ незнакомцевъ не знаетъ, гдѣ онъ и ничему не вѣрить“.

⁸⁾ Matteo-Maria conte Boiardo, италіанскій поэтъ, авторъ „Orlando innamorato“, р. въ 1430 г., ум. въ 1494 г.

⁹⁾ Переводъ Иліады появился въ 1829 г.

правленные, и вмѣстѣ пришлите; я очень желаю съ ней познакомиться. Еще любопытенъ я увидѣть, какъ Дельвигъ вывелъ въ русской Идилліи отставнаго солдата¹⁾; NB. что я самъ замышлялъ стихотвореніе, въ коемъ главнымъ лицомъ явился бы отставной солдатъ, только не Идиллія изъ того выходила²⁾. Коли въ мысли Дельвига не встрѣтится съ моей ни малѣйшаго сходства, онъ мнѣ не помѣха; если же хоть что-нибудь въ обѣ головы разомъ влѣзло, кто первый всталъ, тотъ капралъ, а другому неволя идти въ отставку. Предисловіи Вашихъ жду не дождусь, а кажется пора бы. Пора даже en avoir le soug net³⁾ и приступить къ напечатанію моихъ стиховъ: пожалуйста, не пропускайте времени, чтобы послѣ опять не тужить о невозвратномъ: что готово, то хлѣба не просить, хотя бы обстоятельства требовали и отсрочки, а чего нѣтъ, гдѣ возьмешь, коли оно на тотъ часъ понадобится? Знаю, что у Васъ много бумагъ по службѣ, но не лзя ли службу съ дружбой какъ нибудь сдружить? Вы были и есте мой литературный адвокатъ; Вы первый отважились замолвить на мой счетъ доброе слово и, замѣтите, какъ оно въ пользу послужило; съ той поры, если не пользуюсь еще фаворомъ, по крайней мѣрѣ не терплю нелѣпныхъ обидъ: я стою въ томъ, что и одинъ голосъ дѣльный имѣеть вѣсь. Теперь выгоднѣйшее время для появленія моего въ свѣтъ: журналистъ Сомовъ нѣсколько съ руки, размышленія и разборы должны приготовить вниманье, и подтвержденье Вами сказаннаго преждѣ и почти не опровергнутого никѣмъ приложить печать къ атестату: поспѣшите исполненіемъ, почтеннѣйшій, и одолжите меня совсѣмъ. Поясненіе вышеписаннаго: отзывы Ваши о моемъ дарованіи возбудили споры въ Парижѣ отъ Гагарина, въ Москвѣ отъ Полевого, споры, явно пристрастіемъ и враждою внушенные; но Вы ихъ вездѣ переспорили, они съѣли грибъ, и большее число постороннихъ несомнѣнно склонилось съ точки недоумѣнія на похвалу Вашу, а не на ихъ пустую брань: лучше этого не лзя было и ожидать. Жалѣю душевно объ упадкѣ Петербургскаго театра, но предвидѣлъ его, отъѣзжая: чего ждаты, коли ни одного человѣка нѣтъ способнаго дать дѣлу надлежащій ходъ; я предлагалъ тогда Долгорукову изданіе листка драматическаго; онъ бы могъ беспрестанно научать читающихъ и направлять на путь истинны ихъ вкусъ; а теперь невѣжи большіе, они всѣмъ разпоряжаютъ, а дирекція и актеры

¹⁾ „Отставной солдатъ“, русская идиллія барона А. А. Дельвига (Съверные цвѣты на 1830 г.).

²⁾ Катенину принадлежитъ былъ „Инвалидъ Горевъ“, напеч. въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1836 г., т. 17, стр. 3—16.

³⁾ „Съ этимъ окончить“.

стараятся только какъ бы на ихъ вкусъ угодить; за сими слѣдуютъ естественно игроки, палачи, разбойники и всѣ театральные уроды, и съ каждымъ днемъ уродливѣе, и нѣтъ избавляющаго отъ нихъ. Доходы денежные au bout du compte выйдутъ тѣже, дурное приглядится также, какъ и хорошее; но вкусъ и желудокъ покуда такъ испортиются, что ничему складному и дѣльному понравиться не будетъ средства. Я за это въ каждомъ письмѣ ссорюсь съ Каратыгинымъ; онъ согласенъ, только говоритъ: се n'est pas ma faute. Очень радъ, батюшка Николай Ивановичъ, что успѣлъ снабдить Васъ деньгами Голицына. Зовутъ его Николай Сергѣевичъ, а пишите къ нему: въ Ростовъ. Что жъ до времени уплаты, то я покуда ничего Вамъ сказать не могу; коли справитесь, ясно, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, коли нѣтъ, подождемъ. Я постараюсь ему здѣсь заплатить и, если смогу, то Вамъ легче будетъ даже частями вносить въ Опекунскій совѣтъ, куда я долженъ, либо употребить на напечатанье моихъ стихотвореній, въ случаѣ недостатка сборовъ съ подписчиковъ. Обо всемъ опишу подробнѣе, когда самъ узнаю по болѣе, а теперь остается мнѣ только Голицына поблагодарить, что, безъ сомнѣнія, и Вы сдѣлаете; онъ человекъ истинно прекрасный. Сулился было онъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ изъ Москвы пріѣхать ко мнѣ въ Кострому, гдѣ я около мѣсяца прожилъ (сверхъ мѣсяца въ Чухломѣ), но я не дождался, такъ хотѣлось домой. Здоровье мое слабо, и квартира костромская, хоть весьма заблаговременно нанятая, была такъ дурна, благодаря безпечности моихъ коммисіонеровъ, что умно я сдѣлалъ. Писать во все это время, разумѣется, не могъ и скоро ли примусь за работу, не знаю; до того усталъ отъ зимнихъ поѣздокъ, что оправиться не легко будетъ. Прежде пристуна къ французамъ, намѣренъ я большое отдѣленіе посвятить театру, а это не шутки; предметъ такъ обширенъ и, даромъ что много о немъ писали, такъ новъ, что не вдругъ округлить его въ головѣ, время и терпѣніе все могутъ обдѣлать. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы, пишите ради Бога и не переставайте меня любить; лишь бы это навсегда оставалось, все прочее пустяки, все перемѣлется и будетъ мука. Надѣюсь на Васъ вполне и ожидаю извѣстій и присылокъ.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

P.S. Къ Сомову буду писать, какъ отъ него получу.

NB. Я въ *Кологривѣ*. Прибавьте въ *разм.* и *разб.* имя—Маугисъ къ числу тѣхъ, которые, по моему мнѣнію, имѣютъ болѣе жизни у Боярда, чѣмъ у Аріоста ¹⁾.

¹⁾ См. Литер. Газеты 1830 г., № 42.

60.

8-го февраля 1830 г. Шаево.

Благословясь, принялся я опять на досугѣ размышлять и разбирать, пишу о театрѣ, но медленно, ибо тутъ надо съ аза учить букварю. Начало до Грековъ я читаль въ литературной газетѣ ¹⁾ и ужаснулся отъ одной бѣдственной опечатки; та рѣчь, которая всему краеугольный камень, искажена злой перестановкой двоеточія. вмѣсто: „одинъ предметъ высокій: это человекъ“, напечатано: „одинъ предметъ: высокій это человекъ“. Я писалъ объ этомъ къ Сомову и просилъ объявленіемъ пояснительнымъ отъ нихъ избавить меня отъ разныхъ глупостей; вмѣстѣ съ симъ просилъ я его помочь Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, въ изданіи моихъ стиховъ, за что Вы, конечно, меня одобрите. Предисловіи Вашихъ очень жду, и, ей ей, пора; также книгъ, отселѣ посланныхъ и Гнѣдичевыхъ Илиадъ, сирѣчь всей экзастромъ и четырехъ пѣсней александринами. Буде сихъ нѣтъ у книгопродавцевъ, попросите у самаго переводчика отъ моего имени; онъ вѣрно не откажетъ, и не для чего. Извѣстите пожалуйста, отъ чего печатаніе *разм. и разб.* приостановилось? Не цензура ли кое-чего въ слѣдующихъ статьяхъ не пропускаетъ? тогда нужно будетъ похлопотать, а то бѣда: сочиненіе такого рода должно непременно выйти все, ибо части связаны межъ собой неразрывно, а съ пропусками выйдетъ, коли не бессмыслица, по крайней мѣрѣ не вполне логическая рѣчь; многое, не бывъ ничѣмъ приготовленно, не такъ покажется, и враги мои посмѣются надо мною: *grands dieux!* *Разговоръ у княгини Халдиной* твореніе умнаго человека, но драматической натуры въ немъ нѣтъ ²⁾; *Магнетизеръ* и *Мелекъ Эль-Моды* ³⁾ романтизмъ; Вяземскій вретъ до того, что самъ признался болтуномъ, и все ни къ селу, ни къ городу ⁴⁾; *письмо изъ Варны* совѣтъ пустое ⁵⁾; стихи Шаховскаго дурны ⁶⁾, а Щастнаго ⁷⁾ изъ рукъ вонъ. И какъ Вамъ покажется

¹⁾ „Объ изящныхъ искусствахъ и о поэзии вообще“ (Литер. Газета 1830 г., № 4; № 5—о поэзии Еврейской).

²⁾ Фопъ-Визина (Литер. Газета № 3).

³⁾ Соч. Абея Гюго (Литер. Газета № 4 и 5).

⁴⁾ Введеніе къ жизнеописанію Фопъ-Визина (Лит. Газ. № 3). Кн. Вяземскій, между прочимъ, замѣчаетъ: „я не боюсь протяженія и плодovitости, можетъ быть отъ того, что не умѣю быть краткимъ“.

⁵⁾ „Письмо русскаго путешественника изъ Варны“. В. Г. Теплякова (Литер. Газ. № 6).

⁶⁾ Отрывокъ изъ драматической хроники „Смольяне въ 1611 г.“. Кн. А. А. Шаховскаго (Лит. Газ. № 4).

⁷⁾ Отрывокъ изъ драматической поэмы „Ангелика“ Юсифа Корженевскаго, пер. съ польскаго В. Щастный (Лит. Газ. № 6).

рѣзкій его въ замѣчаніи приговоръ рѣмѣ: „дѣлающей разговоръ неестественнымъ, и слѣдственно уничтожающей очарованье“. Съ чего онъ это взялъ? размѣръ также не естественъ (въ глупомъ значеніи слова), какъ и рѣма; писатель хорошій владѣеть тѣмъ и другимъ такъ, что не уничтожается, а творится ими очарованье; у Корженевскихъ ¹⁾ и Щастныхъ или несчастныхъ напротивъ въ легкихъ (въ рабочемъ смыслѣ) бѣлыхъ стихахъ на волосъ нѣтъ природы: о лисицы безхвостыя! Какими мыслями плѣняется *лит. газ.* въ письмахъ изъ Рима Мицкевича ²⁾, въ томъ, что они для образчика выписали, нѣтъ ни единой мысли, а Бестужевскій вздоръ. Спросите у Сомова при свиданіи: послали ли ко мнѣ Сѣв. Цвѣты? я еще не получалъ. Сдѣлайте одолженье, отдайте проценировать и вторую тетрадь *разм.* и *разб.* Я все побаиваюсь, хотя съ удовольствіемъ замѣчаю, что Красовскаго уже не стало ³⁾. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы; при наступленіи великаго поста, простите, по христіански, въ чемъ передъ Вами провинился, яко же и азъ оставляю и проч. да пшшите по чаще: Ваши письма мнѣ первая отрада. Весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

НВ. Мицкевичъ видѣлъ въ Римѣ *гладіатора*, который остался въ Парижѣ ⁴⁾: скажите-ко объ этомъ Сомову.

Эпиграмма.

Нашъ барельефами ⁵⁾ прославленный писатель,
Нашъ остроумнѣйшій и критикъ и поэтъ,
Печально кается и говоритъ: „читатель“!
Ты удивишься: всѣхъ во мнѣ достоинствъ нѣтъ,

¹⁾ Józef Korzeniowski, р. въ 1797 г., ум. 1863 г., драматическій писатель, преподавалъ польскую словесность въ Кременецкомъ лицѣе (съ 1823 г.), съ 1833 по 1837 г. занималъ кафедру польской словесности въ Киевскомъ унив., затѣмъ былъ нѣкоторое время директоромъ гимназіи въ Харьковѣ и въ Варшавѣ.

²⁾ „Извлеченія изъ писемъ Адама Мицкевича, писанныхъ изъ Рима въ исходѣ ноября и половины декабря 1829 г.“. (Литер. Газета № 6).

³⁾ А. И. Красовскій (1776—1857) занималъ должность цензора съ 26-го ноября 1821 г., а съ 11-го марта 1833 г. до кончины былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры.

⁴⁾ Вотъ что писалъ Мицкевичъ въ своемъ письмѣ: „По Музеуму я еще только прошелся скорымъ шагомъ; у меня разбѣгались глаза и я едва успѣвалъ останавливать ихъ на Аполлона, Лаокоона и Гладіатора“. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ „Умирающемъ гладіаторѣ“, воспѣтомъ Байрономъ въ его „Child-Harold“ и кот. въ настоящее время находится въ Римѣ. Одно время эта статуя находилась въ Парижскомъ музеѣ, куда она была взята по волѣ Наполеона. Послѣ его паденія, статуя была возвращена Риму.

⁵⁾ Катенинъ намекаетъ на статью кн. П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова“, напечатанную въ I-й части сочиненій послѣд-

И какъ-то краткимъ быть не достааетъ умѣнья:
 Другой бы написалъ двѣ строчки, я тетрадь;
 Ужь дѣлать нечего, дай Богъ тебѣ терпѣнья;
 За то...—Помилуйте, къ чему тутъ извиненья?
 Чернильный вздоръ давно умѣютъ сокращать —
 Вотъ что, такъ вы меня хотите? — Не читать.

Разомъ вылилась, и немедленно хочу, чтобъ она была напечатана: отдайте редактору *лит. газ.* и, если станеть отговариваться, скажите, что на это нѣтъ права; я подписываю свое имя; личности (до чести касающейся) нѣтъ, на меня могутъ въ тѣхъ же предѣлахъ напечатать сто, словомъ: je le veux, а коли моего прошенія въ судѣ не примутъ, пойду на апелляцію съ прописаніемъ. Прощайте. *Sur le champ* ¹⁾.

Павель Катенинъ.

61.

18-го февраля 1830 г. Шаево.

Отъ чего Вы такъ рѣдко пишете ко мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? Когда же пришлете ко мнѣ свои предисловія? Вотъ уже

няго изд. 1816 г. Говоря о достоинствахъ трагедій Озерова, кн. Вяземскій, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ *Поликсентѣ* взята обильная дань съ Илиады, и въ этомъ смыслѣ можно, по выраженію Эсхила, назвать ее *барельефомъ* пиршествъ Гомера“ (стр. 37). Катенинъ отмѣтилъ ошибку кн. Вяземскаго въ одной изъ своихъ статей, вызванной полемикою, возникшею въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., по случаю возобновленія французскаго театра въ Петербургѣ. („Замѣчанія на замѣчанія Г. Р. З.“, т. е. Р. М. Зотова. С. О. 1820 г., ч. LIX, № 5, стр. 227—228 подп. N. N). См. также „Письмо къ издателю“ (Катенина) въ С. О. 1822 г., ч. 76, № 13, стр. 249—261 и ст. Булгарина въ „Литературныхъ Листкахъ“ 1824 г., ч. II, № VIII, стр. 318—319. По признанію самого кн. Вяземскаго, въ письмѣ къ Пушкину (отъ 19 и 20 февраля 1820 г.), онъ былъ „введенъ въ соблазнъ“ аббатомъ Брюма, въ „Discours“ котораго „Sur l'origine de la tragédie“ („Théâtre des Grecs“ t. I, 1730 г., р. XXXVIII) онъ нашель слѣдующее мѣсто: „c'est une justice que lui rendoit Eschyle lui-même, qui avait coutume de dire que ses pièces n'étoient que des reliefs des festins étalés dans l'Iliade et l'Odissée“. „Увлеченный поэтическимъ смысломъ уподобленія (а на повѣрку выходитъ: вымысла моего), писалъ кн. Вяземскій“, я позабылъ справиться съ другимъ источникомъ, или по крайней мѣрѣ съ французскимъ словаремъ, который, сказавши мнѣ, что *relief* на языкѣ старинномъ значить: *restes de viande*, меня избавилъ отъ преступленія противъ Эсхила, а желудокъ Г-на NN“ (т. е. Катенина) „отъ *барельефовъ*, которые, легко сознаюсь съ нимъ, не такъ скоро переварить, какъ мясные объѣдки“. (Соч. Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Переписка подъ редакцію и съ примѣч. В. И. Саитова, т. I, 1906 г., стр. 12, 13, 14, 15, 17). Въ полномъ собр. соч. кн. Вяземскаго ошибка исправлена. При составленіи одного примѣчанія, я воспользовался матеріалами, любезно предоставленными мнѣ В. И. Саитовымъ.

¹⁾ „Немедленно“.

великій постъ, стало еще зима миновалась, а моего изданія нѣтъ какъ нѣтъ. Отъ чего также прекратилось въ литературной газетѣ печатаніе моихъ *размысленій и разборовъ*? если-бъ вмѣсто ихъ выходило что-нибудь любопытнѣйшее, я бы, ни слова не говоря, ожидалъ спокойно своей очереди; но оставя уже первое отдѣленіе газеты, la belle prose, критическое отдѣленіе ничуть не забавно: un quidam, читая *Макбета*, нашелъ было въ немъ три глупости, передумалъ и догадался, что онъ самъ глупъ, а Шекспиръ уменъ, и сообщаетъ объ этомъ вселенной ¹⁾! и это печатаютъ! для кого и для чего? Опять, какое сношеніе между литературою и Нидерландскими колоніями нищихъ и негодяевъ ²⁾. Повидайтесь-ко, почтеннѣйшій, съ Сомовымъ и поговорите на счетъ моей статьи; я хочу, чтобъ она шла. Теперь пишу о *театрѣ*, и едва ли это отдѣленіе будетъ не всѣхъ любопытнѣе, важнѣе и успѣшнѣе. Еще повторяю просьбу о посланной къ Вамъ на прошедшей почтѣ *эпиграммѣ*: чтобъ была напечатана и presto, presto ³⁾; буде Сомовъ по какимъ личностямъ, вопреки всякой справедливости, откажется, отдайте Гречу, Булгарину, чорту, но чтобъ она явилась въ печати какъ разъ. Еще слово о *Макбетѣ*: Г-нъ апонуме и не знаетъ, для чего тамъ ни къ селу, ни къ городу толкуютъ о Св. Едуардѣ и о томъ, какъ онъ чудеснымъ прикосновеніемъ лѣчилъ отъ золотухи. Оно, вотъ видите, съ его времени осталось Богомъ дарованнымъ преимуществомъ его законныхъ наслѣдниковъ ихъ Британскихъ величествъ, и король Яковъ I-й былъ увѣренъ самъ и другихъ желалъ увѣрить, что онъ славный *золотушный* магнетизеръ; въ угожденіе ему Шекспиръ и разпространился на этотъ счетъ въ трагедіи, вѣроятно, при королѣ игранный, ибо и содержаніе Шотландское выбрано для сего Стюарта, и объ немъ въ пьесѣ пророчествуютъ, когда вѣдьмы показываютъ Макбету потомковъ его непріятеля Банко, отъ коего якобы Стюарты произошли. *Съверныхъ Цвѣшовъ* по сію пору нѣтъ, а хотѣлось бы просмотрѣть свою Елегію; но прозаическая статья еще важнѣе, и вѣрно я не для того ее писалъ, чтобы она пряталась, или выходила такъ медленно, что одно успѣютъ забыть преждѣ, чѣмъ другое покажется. Оживитесь, милый Николай Ивановичъ, согрѣйтесь, дѣйствуйте, творите, а паче всего не молчите такъ подолгу и не оставляйте меня въ безвѣстности совершенной о всемъ, что на свѣтѣ происходитъ. Живи я въ столицѣ, а Вы въ глуши, я бы Вамъ все сообщалъ; но вотъ погодите:

¹⁾ „Мысли о Макбетѣ“ (Литер. Газ. № 7). Не Плетнева ли? (Ср. соч. Плетнева, III, 353).

²⁾ „Колонія бѣдныхъ въ Нидерландахъ“ (Литер. Газ. № 7).

³⁾ Скоро, скоро.

слухъ носится, что за письма будутъ платить получающіе ихъ, я Васъ какъ введу въ убытокъ, Вы на зло мнѣ и пуститесь меня раззорять наоборотъ. Не увидите ли Польшера? поклонитесь отъ меня и скажите, что я отъ него давно жду разныхъ извѣстій на счетъ денегъ, имъ получаемыхъ съ мужиковъ и вносимыхъ въ Опекунскій Совѣтъ и книгъ, о которыхъ я его просилъ. Будьте здоровы, батюшка, я довольно примѣтно начинаю поправляться; только климатъ здѣшній куда суровъ. Прощайте. Весь Вашъ.

Павель Катенинъ.

62.

23-го февраля 1830 г. Шаево.

Главная цѣль сегодняшняго писанія, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, есть просьба о добромъ дѣлѣ. Нѣкто Францъ Ивановичъ Штиръ (Вы его видали у меня), человѣкъ лѣтъ уже за тридцать, когда молодъ былъ и начиналъ служить по инженерной (кажется) части, имѣлъ какое-то неудовольствіе съ начальникомъ и отставленъ былъ съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять. Долго доставалъ онъ себѣ пропитанье уроками по губерніямъ (такъ и я съ нимъ познакомился), теперь желаетъ опять въ службу и просилъ меня замолвить Вамъ слово, чтобы Вы его по части К. Менщикова опредѣлили. Онъ малой довольно хорошій, знаетъ порядочно русскій и нѣмецкій языки, отчасти французскій, имѣетъ свѣдѣнія математическія и пр. и пр. Я бы точно былъ Вамъ весьма благодаренъ за оказанное ему важное напередъ пособіе. Если нужно узнать короче и подробнѣе начало его исторіи, онъ Вамъ самъ разкажетъ, когда, получивъ мой отвѣтъ, явится. Писали ли Вы къ Голицыну? Онъ дважды меня спрашивалъ о полученіи Вами денегъ, я отвѣчалъ, что да, и что Вы непременно къ нему напишете, но не знаете его Московскаго адреса, который и мнѣ сообщенъ уже послѣ даннаго совѣта: надписывать въ Ростовъ, откуда могутъ къ нему переслать. На счетъ остановки въ печатаніи *размышлскій и разборовъ*, повторяю прежніе вопросы: что это значить? не обманулись ли Вы, почтеннѣйшій, въ предположеніи, что теперь оно *не скоро, да здорово?* впрочемъ дѣло шло черезъ Ваши руки, и Вы болѣе даже меня имѣете причинъ хлопотать объ успѣшномъ его окончаніи; болѣе не скажу. Въ 8-мъ № лит. газ. несравненно лучше всего Пушкина *itinéraire* ¹⁾; оно не великое дѣло, но все видно, что человѣкъ не безъ ума. Стишки хуже Хвостова ²⁾, а критика ниже по-

¹⁾ „Военная Грузинская дорога“ (извлечено изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина).

²⁾ „Душенька“, стих. Д. Д. (Давыдова).

средственнаго. Что за похвала юношеской статьѣ Кирѣвскаго ¹⁾? вообще направленіе вкуса издателей лит. газеты почти непонятно, того гляди и имъ самимъ. Отъ чего Вы, Николай Ивановичъ, не только не присылаете такъ давно обѣщанныхъ предисловіи, но даже ничего не пишете? эти молчанія меня всегда беспокоятъ и прерываются по большей части не совсѣмъ удовлетворительно: „не досугъ было, писать нечего, что до Васъ касается, Вы вѣрно сами давно знаете и т. п.“ Нѣтъ, батюшка, я ничего не знаю и ничего знать не могу, пока меня не увѣдомятъ, а это, кажется, по естеству вѣщей дѣло друзей. Въ Петербургѣ же у меня, кромѣ Васъ, нѣтъ человѣка, кого бы я вполне могъ за такого считать: стало я жду всего отъ Васъ, а hélas! ничего не получаю. Умнѣйшій Николай Ивановичъ! разтолкуйте мнѣ, ради Бога, отъ чего Жуковский, Батюшковъ, Козловъ, Веневитиновъ ²⁾ etc. всѣ имѣютъ *des amis chauds*, а я нѣтъ? развѣ что я родился 11-го числа, а оно изкони почитается кабалистиками за самое несчастное? напишите хоть объ этомъ, коли другого чего не найдете. Я дни четыре опять весьма нездоровъ и, вѣроятно, отъ неудовольствій нравственныхъ, которыя всегда на меня сильно дѣйствуютъ, *et j'en ai de toutes les espèces* ³⁾. Еще разъ кланяюсь Вамъ о Штирѣ и прошу за него, и остаюсь въ ожиданіи многихъ давно обѣщанныхъ вѣщей, все тотъ же весь Вашъ

Павель Катенинъ.

63.

3-го апрѣля 1830 г. Шаево.

Долго Вы молчали, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и весьма коротенькое письмо прислали наконецъ, вмѣстѣ съ запискою отъ Сомова. Онъ писалъ уже ко мнѣ, что Васъ не легко застать дома, столько заботъ надавалъ Вамъ Меншиковъ. Сей князь мнѣ преопасный соперникъ. Буду ждать съ терпѣніемъ, а между тѣмъ еще разъ прошу Васъ переговорить съ Сомовымъ, который весьма охотно и услужливо берется Вамъ помогать въ изданіи моихъ стиховъ и, согласно съ мыслию моею, утверждаетъ, что пора теперь печатать, дабы къ осени дѣло поспѣло. Отдайте же ему продолженіе размышленій и разборовъ о поэзіи новой и пр. Онъ къ Вамъ и Вы ко мнѣ пишете нѣчто о какой-то пожарной трубѣ: *c'est de l'hébreu*

¹⁾ Рѣчь идетъ объ „Обозрѣніи русской словесности 1829 г.“ Ивана Васильевича Кирѣвскаго (1806 — 1856) въ „Денищѣ“ 1830 г.

²⁾ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ, род. въ 1805 г., ум. въ 1827 г.

³⁾ „А у меня они всякаго рода“.

роуг мой; я здѣсь ни о чемъ не свѣдомъ. Эпиграмму же мою, кажется, нѣтъ нужды заливать водою; она отнюдь не выходитъ за предѣлы шутки, вездѣ и всегда позволенной; и почему же на Вяземскаго нельзя слова молвить? Что онъ за святой? похлопочите. Статья Пушкина, о которой Вы говорите, не хороша, а лучше бы ему не печатать ее; вѣроятно, его изъ терпѣнія вывелъ Каченовскій ¹⁾, котораго (виновать) я тоже терпѣть не могу. Зато статья, вѣроятно, Пушкина же, въ литер. газ., гдѣ описывается Ассамблея при Петрѣ 1-мъ, прелюбезная ²⁾. Потрудитесь, почтеннѣйшій, заказать для меня у портного Петерса, имѣющаго мою мѣрку, пару платья синюю, а жилетъ какой-нибудь пестренькій, какіе носятъ; заплатите изъ денегъ, что Вы мнѣ должны; да увѣдомьте, вскорѣ ли Вы надѣетесь съ ними порядкомъ собраться, я по этому и самъ распоряджусь. Меня потревожили изъ Опекунскаго Совѣта, и по одному займу я отселъ на дняхъ отправилъ проценты по іюнь 1829 года, стало три мѣсяца меня тревожить не лзя; по другому займу, коего срокъ въ октябрѣ, не знаю ничего. Полагаю, что хоть нѣсколько за 1829-й же годъ должно быть уплачено изъ оброчныхъ денегъ, собираемыхъ съ моихъ крестьянъ; но Польнеръ, кому онѣ теперь отдаются, давнымъ давно не пишетъ; я пишу къ нему сегодня и Васъ прошу, коли досужно, къ нему завернуть на минуту, спросить и попросить, чтобы онъ меня толкомъ извѣстилъ. Живетъ онъ на Владимирской, въ домѣ Коммерческаго училища. Какое срамное невѣжество въ нашихъ писателяхъ? представьте, что напечатано въ *Историч. Статист. и Географ. Журналѣ*, въ февралѣ 1830-го: „Пронесся слухъ, что островъ Кандія... присоединится къ Греціи. Также есть надежда на присоединеніе къ ней и острова Крита“ ³⁾. Десяти лѣтъ ребята всѣ знаютъ, что Критъ и Кандія одно и то же, а журналъ, этимъ наукамъ посвященный, не знаетъ! Скажите Сомову. Это надобно обличить, оно изъ рукъ вонъ. Стран. 166. Дошло до меня стороной, что Полевой на меня нападаетъ, едва ли не за Елегію ⁴⁾; можетъ быть и другіе журналисты, извѣщая о Сѣверныхъ Цвѣтахъ, пустились на то же: сдѣлайте одолженъе, пересмотрите и все до меня касающееся выпишите и пришлите; мнѣ необходимо нужно знать. Дивлюсь несправедливости

¹⁾ Катенинъ имѣеть, вѣроятно, въ виду „Отрывокъ изъ Литературной Лѣтописи“ (1829 г.), напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г.

²⁾ Литер. Газ. № 13.

³⁾ Историческій, Статистическій и Географическій журналъ или Современная исторія свѣта на 1830 г. ч. I, кн. 2-ая, стр. 166.

⁴⁾ „Московский Телеграфъ“ 1830 г., № 1, стр. 63. (По поводу Сѣверныхъ Цвѣтовъ 1830 г.).

Аладына: въ тѣ годы, какъ я ему ничего не давалъ, онъ присылалъ альманахъ свой раннимъ рано, а нынче, какъ я его ссудилъ ¹⁾, и не шлетъ; хотъ бы Каратыгинъ его пожурилъ; да видите ли Вы съ симъ? что играютъ они? на меня чуть ли не сердятся за правду. Прощайте, почтеннѣйшій. Весъ Вашъ

Павелъ Катенинъ.

64.

5-го іюля 1830 г. Шаево.

Есть на почтѣ посылка ко мнѣ и, вѣроятно, съ платьемъ, только я не успѣлъ еще ее взять; главная же сила въ письмѣ, наконецъ полученномъ отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, послѣ ожиданья, столько продолжительнаго и для человѣка, съ моими чувствами и въ моемъ положенїи, столько мучительнаго, что я Вамъ этого и пересказать не могу. Вы, пожавъ плечьми, скажете: отъ чего? и выйдетъ по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣть. Житель столицы, въ дѣятельномъ кругу обращающійся, то дѣломъ, то бездѣлемъ занятый и развлеченный, не постигаетъ безпокойствъ, недоумѣній, страховъ всѣхъ родовъ, какіе терпитъ отшельникъ отъ міра, неполучающій по долгу вѣсти отъ тѣхъ, къ кому онъ душевно привязанъ и надѣется и ожидаетъ того же. Правда, двѣ недѣли тому, увѣдомилъ меня Сомовъ, что Вы собираетесь съ К. Меншиковымъ въ морское путешествіе, но сколько мѣсяцевъ отъ Васъ самихъ не имѣлъ я ни строки, наконецъ, въ отчаянїи, и самъ писать пересталъ. Теперь снова принимаюсь, какъ изъ гроба воскресшій. Сперва дѣла: За вычетомъ 234-хъ р. 40 коп. остается 1215 р. 60 к., изъ оныхъ отдайте Каратыгину 40, будетъ 1175. Вы не пишете о книгахъ, посланныхъ мною къ Вамъ для переплета: что съ ними творится? еще просилъ я Васъ купить Илиаду Гнѣдича, всю экзаметромъ и четыре пѣсни александринами, и жду. Объ изданїи узналъ я во первыхъ изъ объявленія въ лит. газ., гдѣ вкралась ошибка; сказано о переводѣ *всѣхъ* романсовъ о Сидѣ, но я всѣхъ не перевелъ, а только первую часть, числомъ 22, въ четырехъ же частяхъ до 70 ²⁾. Статью изъ *Revue encyclopédique* объ Андромахѣ и пр.

¹⁾ Отрывокъ изъ комедїи Катенина „Вражда и любовь“, напеч. въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1830 г.

²⁾ Объявленіе о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ Стихотвореній Катенина напечатано въ № 30 Литер. Газеты. Романсы о Сидѣ (22) были переведены Катенинымъ еще въ 1822 г.

мнѣ видѣть крайне любопытно ¹⁾; Сѣверная Пчела ²⁾ хвалила (кажется) не отрывокъ изъ *Недовѣрчиваго*, какъ Вы пишете, а изъ начатой и потомъ оставленной (ибо что я могу писать здѣсь?) комедіи: *Вражда и Любовь*, отрывокъ, помѣщенный въ Невскомъ Альманахѣ, котораго издатель Аладынь изъ благодарности мнѣ по сію пору еще не прислалъ; отзывъ же Сѣв. Пч. выписалъ и доставилъ мнѣ Каратыгинъ. Гр. Хвостовъ прислалъ мнѣ пять томовъ своихъ сочиненій ³⁾ послѣдняго изданья и два письма, изъ коихъ первое на большомъ листѣ кругомъ, съ кое-какими разсужденіями объ одѣ, по случаю трехъ строчекъ моихъ *разм. и разб.*, о коихъ онъ вообще относится въ великимъ уваженіемъ и похвалою; также хвалитъ и Сомова отъ себя, и Дельвига, и Пушкина. Постарайтесь, почтеннѣйшій, и сами собой, и черезъ нихъ объ успѣшномъ ходѣ подписки на изданье. Какія средства лучше, я здѣсь знать не могу, но ищите и обряцете. Эпиграмма не стоитъ хлопотъ, это служить только новымъ доказательствомъ несвободы нашего литературнаго міра, господства въ немъ личностей и шаекъ; Богъ съ ними. Изъ *разм. и разб.* статья о *Театрѣ* у меня готова, я посылаю ее на прочтеніе къ Каратыгину, ибо объ немъ и о тещѣ его въ двухъ мѣстахъ упомянуто, и напишу, чтобы послѣ отдалъ онъ ее Вамъ, а Вы уже Сомову. Но сперва желалъ бы выслушать замѣчанія, нѣтъ ли чего прибавить, или убавить, или переставить, или усилить, или смягчить; самому никакъ всего замѣтить невозможно, а со стороны видно все. Та и бѣда моя, что живу я слишкомъ далеко ото всѣхъ, съ кѣмъ бы могъ совѣтоваться, разсуждать и проч., о поѣздкѣ же въ Петербургъ думать не смѣю, покуда хозяйственные обстоятельства въ такомъ жалкомъ положеніи отъ общаго внутри государства безденежья; послѣднія, такъ сказать, деньги, съ неимовѣрною поспѣшностью стараются всячески вытянуть, и съ каждою почтой обязанъ казначей, не оставляя въ уѣздномъ городѣ ни бумажки синей, все отправлять въ губернскіи, и такъ далѣе: ясно, что вскорѣ отсылать нечего будетъ. Доходовъ нѣтъ вовсе, процентовъ платить

¹⁾ Revue Encyclopédique 1829 г., т. 43, р. 411 и сл. — Рецензія Edm. Héreau. Французскій критикъ удивляется молчанію русскихъ журналовъ о трагедіи Катенина и находить, что она не лишена достоинствъ.

²⁾ Сѣверная Пчела 1830 г. № 24. Припомнимъ отзывъ Кюхельбекера объ этой комедіи. „Прочелъ я еще Катенина сцены изъ комедіи: „Вражда и любовь“, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ (14-го сентября 1834 г.); тутъ подраженіе Шекспиру: г. Much ado (Много шума изъ ничего); но подражаніе гениальное, а стихи превосходны“ (Русская Старина 1881 г., январь).

³⁾ Полное собраніе стихотвореній гр. Хвостова. 5 т. (1828—1830); VI т. (1830) и VII (1834).

въ Опекунской совѣтъ не изъ чего: жалость да и только. Но оставимъ этотъ тошный разговоръ. Я хотѣлъ Васъ спросить: что Вы хорошаго и любопытнаго замѣтили по берегамъ Бальтики? дайте послушать и намъ грѣшнымъ. А предисловія? пора, пора, но авось теперь, послѣ возвращенія изъ за морей, Вы позаиметесь этимъ дѣломъ опять со свѣжей охотой. Моя стихотворная жила изсыкла, умъ обремененъ не тѣмъ, сердце огорчено, душа не спокойна, я, такъ сказать, все опротивѣло. Опять надо сказать: оставимъ это. Не видите ли Вы когда моего брата двоюроднаго Александра Андреевича? что онъ дѣлаетъ? гдѣ Чебышовъ? видѣли ли Вы представленіе 3-го дѣйствія *Горя отъ Ума*? ¹⁾ знаете ли, что Семенова б., нынче кн. Гагарина, играла въ Москвѣ въ благородномъ собраньи *Ненависть къ людямъ и Разсаянье* ²⁾ съ Кокоскинымъ и очень плохо, какъ пишутъ? Что Вы думаете о междоусобіи романтиковъ, о войнѣ Полевого противъ Карамзинистовъ? долго ли будутъ еще Карамзинисты? Читали ли Вы въ *лит. газ.* вранье Виктора Гюго ³⁾, въ похвалу новѣйшей поэзіи, коей главами признаетъ онъ Шатобріана и Байрона? прежняя де умерла: ахъ! онъ шутъ нарядный. Какъ будто изящное подвержено смерти! какъ будто Гомеръ можетъ умереть! правда онъ имянуетъ Вольтера и Дората ⁴⁾, но объ нихъ что и говорить? и велика ли слава ихъ мертвыхъ побѣдить романтикамъ живымъ, чтобы, въ свою очередь, лѣтъ черезъ тридцать, за ними вслѣдъ скончаться? Было объявленіе отъ Сленнина, что онъ намѣренъ напечатать всѣ басни Крылова ⁵⁾ и продавать по 5 рублей экземпляръ; поелику сіе дешево, то и прошу Васъ оныя басни въ оную цѣну также для меня купить, переплестъ и доставить. Правду сказать, повія басни Крылова куда стары по всему; ослы судьи, лисица секретарь, и щука, по приговору ихъ брошенная въ воду, отзываются въ моихъ ушахъ языкомъ А. П. Сумарокова. Пора Крылову сдѣлать, что Жиль-Бласъ совѣтовалъ

¹⁾ Впервые отрывокъ изъ „Горя отъ ума“ (одна сцена I д.) былъ поставленъ въ Спб. на Большомъ театрѣ въ понедѣльникъ, 2-го декабря 1829 г., въ пользу Вальберховой б. III д. комедіи было исполнено въ первый разъ на Большомъ театрѣ въ среду, 5-го февраля 1830 г. въ бенефисъ Каратыгиной б. (Чацкій - Каратыгинъ б., Софья — Семенова, Нат. Дмитр. Горичева—Каратыгина б., Фамусовъ—Рязанцевъ). См. „Ежегодникъ Имп. Театровъ“, сезонъ 1893—1894. Приложенія кн. 3, стр. 44—47.

²⁾ „Menschenhass und Reue“. (Berlin 1789 — 1790). Пьеса Коцебу.

³⁾ „Литер. Газ. № 34: „О Байронѣ и его отношеніяхъ къ новѣйшей литературѣ“. (Соч. Виктора Гюго) съ фр. В. Романовичъ.

⁴⁾ Claude-Joseph Dorat, р. въ 1734 г., ум. въ 1780 г.

⁵⁾ Изданіе басенъ Крылова (Смирдина) вышло въ 1830 г. (Цѣна 4 руб.). Объявл. о немъ въ „Литер. Газетѣ“ № 56.

Гренадскому архіепископу ¹⁾); а скажи-ко ему, разсердится, отмстить притчею, но онѣ что-то не страшны стали. Видѣли Вы *Агамемнона*? ²⁾ Каковъ переводъ? Какъ съиграли? я ничего не вѣдаю. Прежде, чѣмъ кончу, еще возвращусь на часокъ à mes moutons, то есть къ моимъ стихотвореніямъ, препоручаю Вамъ сихъ сиротокъ со всей родительской нѣжностью; постарайтесь ихъ пустить въ свѣтъ хорошенько и показать въ люди; а покуда, не оставьте меня увѣдомленьемъ о всѣхъ припасахъ къ ихъ дебюту. Нѣтъ ли еще въ словесности чего новаго? кажется, мало, сколько издали мнѣ позволено судить. Фонъ-Визина сочиненія я взялъ въ Москвѣ и два тома у меня; въ первомъ комедіи, во второмъ письма изъ чужихъ краевъ. Въ нихъ есть умъ и острота мѣстами, но гораздо больше пустяковъ и сужденій самыхъ поверхностныхъ, по одному примѣру заключенія о цѣломъ народѣ, скучныя подробности о блохахъ и клопахъ на постоянныхъ дворахъ и смѣшное пристрастіе къ Россіи, гдѣ будто уже въ 1784-мъ году все лучше, чѣмъ во Франціи, Германіи, Италіи etc., а въ ней и теперь еще во многихъ городахъ, и не малыхъ, проѣзжій ночлега не найдетъ: видно онъ не ѣзжалъ по ней, а зналъ Москву да Петербургъ...

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, да вспоминайте по чаще о старомъ пріятелѣ своемъ, а то эдакъ онъ бѣдный по долгу и не знаетъ: помните ли Вы полно или уже забыли. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

65.

20-го іюля 1830 г. Шаево.

Продолжая ожидать отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, обѣщанныхъ Вами предисловіи, выписокъ и пр., также книгъ, въ переплетъ посланныхъ, либо вновь заказанныхъ, прошу извинить, коли еще кое-какими порученіями Васъ обременю. Я писалъ о сорока руб. Каратыгину, но вспомнилъ послѣ, что ему едва ли отданы еще 50, имъ молодому Макарову за меня выданные, коли они понынѣ въ долгу, потрудитесь сей долгъ уничтожить. Еще: зайдите къ оптику Мильзу и купите, съ укладкою и доставленіемъ сюда,

¹⁾ Совѣтъ—не писать. („Histoire de Gil Blas de Santillane“, соч. Лесажа (1715—1735). Livre VII, ch. 3, 4.

²⁾ „Смерть Агамемнона“, траг. Лемерсье, перев. съ франц. В. А. Каратыгина. Пьеса была поставлена одновременно съ III д. „Горя отъ ума“ въ бенефисъ Каратыгиной б. (5-го февраля 1830 г.) и, по свидѣтельству Вольфа (Хроника, I, 21) успѣха не имѣла. Неодобрительно отозвался о самой пьесѣ и рецензентъ „Сѣверной пчелы“ (1830 г. № 19).

(ибо онъ за это всегда самъ беретъ) термометръ для большого гидрометра, употребляемаго на винокурняхъ, цѣна (помнится) 15 рублей, сія вѣщь мнѣ необходима нужна и въ скорости, низко о ней кланяюсь. Еще: Голицынъ желаетъ имѣть Литературную Газету; благоволите за него взять оную на весь 1830-й годъ, съ доставленіемъ къ нему, сирѣчь: Князю Никол. Серг. Гол. въ Ростовъ, и заплатите что слѣдуетъ въ тотъ же счетъ. Платье получено и весьма хорошо: покорнѣйше благодарю. Критику Трилуннаго ¹⁾, въ Москов. Вѣст. напечатанную, я также получилъ отъ Голицына, *c'est une piéce curieuse* ²⁾, слова путнаго нѣтъ: „Музыка миллионеръ, музыка бѣлый лучъ изящнаго, музыка ангель“, etc. ³⁾. Я хотѣлъ отвѣчать для того, что имѣлъ бы случай пополнить сказанное мною вкратцѣ ⁴⁾, а вопросъ любопытный; но послѣ за благо разсудилъ поберечь все для общаго отвѣта, когда понадобится, ибо, вѣроятно, на этомъ не останутся, по выходѣ всѣхъ *разм. и разб.* Читали ли Вы драму Виктора Гюго: *Hernani*? судя по благосклонному изложенію ея въ Лит. Газ., это такая гиль, какой еще во Франціи не бывало ⁵⁾: любопытно бы прочесть ее и спросить: каково у Расина и Мольера? вотъ бы рты разинули. И что за стихи! образчикъ: *Je t'ai crié: par où faut il que je commence?* ⁶⁾ такъ и напоминаетъ фактуру Прадона ⁷⁾: *Depuis que je vous vois je n'aime plus la chasse* ⁸⁾. Поставьте стихъ Гюго съ Расиновымъ

¹⁾ Трилунный, псевдонимъ Дмитрія Юрьевича Струйскаго, р. 1806 г., ум. 1851 г. (въ 1830 г. вышли въ свѣтъ его стихотворенія въ 2-хъ частяхъ).

²⁾ „Это любопытная статья“.

³⁾ „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ 4 № Литер. Газ.“. (Московский Вѣстникъ 1830 г., № 5, стр. 88—92). См. также Сынъ Отечества и Сѣверный архивъ 1830 г., № 10, стр. 252—256.

⁴⁾ Вотъ что, между прочимъ, писалъ Катенинъ въ своихъ „Размышленіяхъ и Разборахъ“ о музыкѣ (Литер. Газета № 4): „Справедливо ли, наравнѣ съ сими искусствами (ваяніе, живопись и поэзія) называть изящными архитектуру и музыку? Что есть изящнаго въ какомъ-нибудь строеніи?.. Что можетъ быть высокаго въ музыкѣ отдѣльно отъ словъ? Рядъ стройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое: пріятно грѣться у огня, качаться на качеляхъ, кружиться въ пляскѣ, скакать на лошади, слушать соловья въ лѣсу или Фильди въ концертѣ; но благороднѣйшимъ чувствамъ челоуѣка до всего этого дѣла нѣтъ“.

⁵⁾ Литер. Газета, II, № 37 и 38.

⁶⁾ *Hernani*, A. IV, sc. 5.

⁷⁾ *Nicolas Pradon*, бездарный писатель, противникъ Расина, р. въ 1632 г., ум. въ 1698 г.

⁸⁾ У Прадона нѣсколько иначе:

Depuis que je Vous vois j'abandonne la chasse.

(*Phèdre et Hippolyte*, tragédie en 5 actes. A. I, sc. 2. *Oeuvres de Pradon* 2 vols. 1679).

изъ Федры, гдѣ нѣчто такое же: *Ciel! que vais-je lui dire et par où commencer?* ¹⁾ одно топорная работа, а другое на чистоту; но, по чести, нынче никто не разумѣетъ просто, что хорошій стихъ и что дурной, живемъ послѣдніе годы. Извѣстите меня пожалуйста, какъ у Васъ подписка устроится? просто ли въ книжныхъ лавкахъ, или на особыхъ листахъ, которые можно всюду разносить и разсылать? я какъ невѣжа спрашиваю, но и Вы чай не больше моего въ этой штукѣ знаете: спросите-ка у знающихъ, вѣдь есть же; только скажутъ ли всю правду? Сдѣлайте милость, займитесь этимъ дѣломъ; все суета, конечно, но мы и живемъ на свѣтѣ одной суетою. Дойдя до четвертой странички, съ удивленіемъ остановился было, не зная, что писать, то есть о чемъ бесѣдовать со старымъ и любезнымъ знакомцемъ; я ли виноватъ, или Вы, мой почтенный? Не отъ того ли полно не нахожу я словъ путныхъ къ разговору, что Вы мнѣ мало отвѣчаете? правда, Вы въ службѣ и въ столицѣ; но за то я обремененъ хлопотами скучнѣйшими и ежечасно возобновляющимися, я же хворь сверхъ того: кажется, одно другого стоитъ. Голицынъ обѣщается пріѣхать ко мнѣ погостить къ 10-му августа: жду; а послѣ въ изходѣ сентября поѣду его провожать, не знаю самъ доколѣ. Прощайте покуда, почтеннѣйшій, будьте здоровы, пишете, *car je reviens toujours à mes moutons.*

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Р. S. Гдѣ Шаховской, Чебышовъ, братъ мой Александръ? я на томъ свѣтѣ.

66.

27 сентября 1830 г. Шаево.

Молчанье Ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, отъ 20-го іюня по сію пору такъ совершенно непонятно, что я, долго имъ огорчавшись и нѣсколько разъ подсадовавъ, наконецъ отсталъ отъ того и другого и началъ беспокоиться. Естественной, обыкновенной, понятной причины на это нѣтъ, стало надо искать другой, за тысячу верстъ неизвѣстной и непостижимой. За самое короткое и надѣжное средство почелъ я еще разъ написать прямо къ Вамъ и спросить: вскую оставилъ мя еси? другихъ вопросовъ нужно бы мнѣ множество предложить Вамъ же, ибо я желаю знать о многомъ и не извѣщенъ ни о чемъ, но преждѣ перваго отвѣта, важнаго и капитальнаго, разложить рѣчь о бездѣлкахъ и пустякахъ ни почему не годится: и смѣхъ, и грѣхъ. Не знаю даже: любопытствуете ли

¹⁾ Phèdre. A. I, sc. 3:

Ciel! que lui vais-je dire? et par où commencer?

Вы знать нѣчто обо мнѣ, и написавъ, что я въ здоровьи все ни то ни сіѡ, душою, къ горю моему, все живъ еще болѣе, чѣмъ тѣломъ и т. п. Все это, сказанное не во время и не у мѣста, не выйдетъ ли пустымъ болтаньемъ во вкусъ Вяземскаго? Къ слову о князьяхъ, Голицынъ пріѣзжалъ ко мнѣ и прожилъ три недѣли, я рѣшительно воскресъ отъ его отраднаго мнѣ посѣщенья, силы моиновились, и я опять, что называется, на ноги сталь; но что я говорю? Кромѣ меня и, можетъ быть, его, есть ли кому до этого хоть малая нужда? Оно горько, но оно такъ, кажется мнѣ такъ, а если и ошибаюсь, то едва ли самъ виноватъ въ ошибкѣ, изъ которой бы радъ выйти, да не выводитъ никто. Прощайте покуда, Николай Ивановичъ, желаю Вамъ добраго здоровья, и вотъ уже подлинно желанье безкорыстное, ибо въ отношеньи ко мнѣ, можетъ быть, лучше бы было узнать, что Вы не пишете давно отъ недуга, чѣмъ то, что Вы (съ Вашимъ умомъ и солидностью и пр.) пріязнь нашу забыли, или она надоѣла Вамъ. Остаюсь въ недоумѣньи, считающій

Павелъ Катенинъ.

Р. С. Каратыгинъ тоже не пишетъ, отдалъ ли онъ Вамъ присланную къ нему тетрадь размышлений и разборовъ: о *театрѣ*?

67.

26 октября 1830 г. Шаево.

Слава Богу! Наконецъ я получилъ письмо отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и хоть оно (съ позволенья Вашего) отнюдь не опровергаетъ моихъ душевныхъ жалобъ, однако большая разница, коли пріятель только простылъ къ отсутствующему, или когда онъ его знать не хочетъ. Можно возразить: кой чортъ велѣлъ ему за тридевять земель зарыться въ медвѣжьей глуши? Увы! злѣйшій изъ чертей: нужда, бѣдность, недостатокъ, необходимость, выбирайте названье. Когда къ этому присоединилась хворость, мудрено полагать этого человѣка на розахъ; но онъ одаренъ отъ природы душой крѣпкой и, quoiqu'on dit¹⁾, терпѣливой, онъ бы пренебрегъ всѣмъ, если бъ душа его не болѣла, если бъ за любовь жаркую ему платили такую же, если бъ ему не приходилось по полугоду выжидать отвѣтовъ и наконецъ услышать слово: недосугъ. Очень знаю, что рѣдко кто властенъ собою располагать, а почти всѣми помыкаетъ своенравная судьба: и такъ Николай Ивановичъ Бахтинъ канцелярскій чиновникъ, но почему онъ приба-

¹⁾ „Чтобъ ни говорила“.

вляеть къ этому отъ себя: да и только? Мнѣ кажется, никакая должность не можетъ всего человѣка заполнить, тѣмъ паче когда человѣкъ гораздо больше своей должности; и чѣмъ же Г-да холодно-кровные и разсудительные люди, Вы станете тягаться съ нашей братьей, страстными и горячими, когда Вы не имѣете той твердости, постоянства, строгаго исполненія всѣхъ условій дружбы, которыя одни могутъ идти въ сравненіе съ ея почти безпредѣльной полнотою и неугасающимъ огнемъ? но оставимъ это: письма не бесѣды Златоуста. Голицынъ давно ждетъ лит. газ. на 1830 годъ, ему хочется имѣть мои размышленія и разборы. За выписку изъ Héreau¹⁾ много благодаренъ, она мнѣ пріятна, но любопытно было бы прочесть все. Что значать слова Ваши, что Гнѣдичъ о *разм. и разб.* не можетъ говорить *равнодушно*? отъ него я могу ожидать двойкаго слову разтолкованія; если однако (какъ я надѣюсь) онъ въ мою пользу судить, поблагодарите его отъ моего имени, при свиданьи, и прибавьте, что я дорожу его похвалой. По сей почтѣ отправилъ я къ Сомову для помѣщенія въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ большое стихотвореніе: Геній и поэтъ; поспѣшите къ нему, если хотите видѣть, ибо (почемъ знать!) легко быть можетъ, что ужъ послѣ и не увидите. Я становлюсь смѣль въ своей глуши, и коли прочтете, увидите почему. Боюсь, чтобы и предисловія Ваши, по крайней мѣрѣ присылка ихъ, ко мнѣ не опоздали. Книгъ жду, а еще болѣе термометра, ибо покуда онъ не присланъ; но едва ли не почта виновата, ибо она теперь посылокъ вовсе не принимаетъ: потрудитесь справиться. Холера мнѣ надоѣла до смерти, всѣ толкуютъ объ ней, никто не лѣчитъ, и выдумали всю Россію по угламъ запереть! оставимъ это. Увѣдомьте, мнѣ очень нужно знать, на какой ногѣ наше правительство съ новымъ французскимъ, есть ли оттолѣ посланникъ, остался ли нашъ въ Парижѣ, словомъ все, что есть оффиціального, а коли можно *quelque chose de plus*. Все ли тамъ утихло теперь? все ли здорово? Вы все можете знать, живучи въ столицѣ и, право, не имѣете состраданья къ несчастнымъ отшельникамъ, оставляя ихъ точь-въ-точь, какъ покойниковъ, въ могиллахъ. Я осмѣлюсь повторить просьбу и о журнальныхъ отзывахъ на мой счетъ: читать ненужно, а пересмотрѣть, нѣтъ ли чего, получаса довольно на весь годъ. Прощайте покуда, почтенивѣйшій

¹⁾ Edme-Joachim Héreau, р. въ 1791 г., ум. въ 1836 г. Съ 1809 г. по 1819 г. проживалъ въ Россіи и занимался преподаваніемъ французскаго языка, сотрудникъ *Revue Encyclopédique*, въ кот. помѣщалъ много статей и по русской литературѣ.

и, буде можно, вспоминайте почаще, а коли нельзя, Ваша воля; только я еще надолго намѣренъ оставаться все тѣмъ же.

Павель Катенинъ.

68.

26 декабря 1830 г. Шаево.

Благодарю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за присылку термометра и прозы отъ издателя; то и другое получено на сей почтѣ, то есть 25-го декабря. Спѣшу отвѣчать, любя изправность въ перепискѣ. Я замѣчанія свои написалъ карандашемъ: все, что въ скобкахъ (), по мому, должно быть выкинуто, что рядомъ написано на полѣ, предлагается въ замѣну, а что написано съ знакомъ NB, есть мое замѣчанье, или рѣчь къ Вамъ. Здѣсь еще кое-что поясню: похваляя вполнѣ Вашу мысль, чтобъ вѣщь была коротка и безъ постороннихъ имянъ, я старался и свои выкинуть, гдѣ можно, ибо оно рябило въ глазахъ. Важнѣйшія двѣ перемѣны на страницахъ 7-й и 13-й: потрудитесь со вниманіемъ перечитать написанное Вами; можетъ быть, Вы замѣтите, что выраженія: *болше или менше есть и у Кат.* и *трудно сказать что-либо общее, кромѣ развѣ того*, не въ языкѣ издателя, который, хоть не имѣеть нужды разсыпаться въ похвалахъ, однако, обязанъ говорить твердо, а не запинаясь отъ какого-то замѣшательства, какъ будто ему совѣстно за автора. Въ цитатахъ я прибавилъ *Наташу, Убийцу, Лжшаго, Елсгю*, тамъ гдѣ рѣчь о созданіяхъ: они все точно таковы, и опять повторяю, издатель обязанъ упомянуть обо всемъ, что не совсѣмъ мѣлко, иначе онъ даетъ палку врагамъ на друга; *Миръ поэта* я переносу далѣе, ибо онъ, также какъ *Софокль*¹⁾ и *Ахиллъ и Омиръ*, менѣ свой и краски въ немъ давно вѣдомыя, библейскія, греческія, рыцарскія, стало ему мѣсто тутъ, а не тамъ. Не говорите о размѣрахъ *новыхъ*: ихъ на свѣтѣ нѣтъ. Бестужева должно шадить по обстоятельствамъ и цитаты не въ изданьи Вашемъ; анекдотъ о французѣ смѣшонъ; M-le Duc, или Comte или Marquis отпустилъ эту штуку, толкуя съ Voileau и зная Mirmidons²⁾

¹⁾ Это стихотвореніе напечатано первоначально въ Вѣстникѣ Европы 1818 г., № 14 и Сынѣ Отечества 1818 г., № 33.

²⁾ Критики Катенина (упрекавшіе его въ употребленіи „обветшалыхъ словъ и выраженій“), по словамъ Бахтина (въ предисловіи къ соч. Катенина), были знакомы съ библейскими выраженіями столько, сколько тотъ знатный французъ съ греческимъ, который не могъ простить Омиру употребленія въ важной поэмѣ низкихъ словъ, напримѣръ: „les Mirmidons“ (названіе древняго народа въ Фессаліи).

только въ изпорченномъ употребленіи, въ смыслѣ милюзги. О пѣвцѣ изъ Гёте ¹⁾ я предложилъ и требую прибавленья объ *Ольгѣ*: сдѣлайте милость, не робѣйте за меня, я не затѣмъ трудился, чтобъ стыдиться; имени моего соперника нѣтъ, а намековъ у Васъ много и гораздо сильнѣе; этотъ же ничуть не въ обиду. *Сонетъ* ²⁾ не стоитъ словъ, *Октавы* ³⁾ я переносу къ *Etudes* и прошу это мѣсто пояснить, сказавъ, что я Вамъ партикулярно сказалъ, а то могутъ подумать, что я публикѣ говорю о себѣ. О *Пирѣ* ⁴⁾ сказано въ рукописи, и оно точно такъ; еще нѣкоторыя мѣлочныя поправки позволилъ я себѣ единственно для сокращенья и округленья періодовъ: извините, почтеннѣйшій, и творите по своей волѣ, мой только совѣтъ. Жду отъ Васъ замѣчаній на статью о театрѣ; отдали ли Вы ее Сомову? онъ еще не отвѣчалъ мнѣ на письмо, при коемъ отправлено къ нему новое мое стихотвореніе: узнайте отъ чего, и что съ нимъ будетъ. Упадокъ нашего театра жалости достоинъ; но иначе быть не можетъ, пока нѣтъ при немъ живого человѣка. Сообщите, коли можно, новости петербургскія: что за стеклотитіе тамъ происходило? меня огорчаетъ, что тутъ въ бѣду попался родной племянникъ К. Николая Голицына; чѣмъ это все кончилось или кончится? сдѣлайте милость, не будьте такъ скупы на писаніе. Видѣли ли моего брата Александра, по возвращеніи его изъ отпуски, или онъ тотчасъ отправился въ походъ? право все для меня не въ пору дѣлается. Прощайте, любезнѣйшій, будьте здоровы, пишите.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

69.

4-го мая 1831 года. Шаево.

Извините, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, если надоѣдаю Вамъ своимъ письмомъ. Послѣ чрезмѣрно долгаго молчанія Вашего, въ родѣ своемъ не перваго, я бы за трудный и прискорбный долгъ поставилъ себѣ самъ не приставать къ Вамъ съ разговоромъ, котораго Вы вести не хотите, но я чрезвычайно боленъ... Я страдаю

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1815 г., ч. 21, № 16, стр. 138—9. (Соч. Катенина, II, 27).

²⁾ Сонетъ изъ Филикаія („Сынъ Отечества“ 1822 г., № 14; Соч. Кат., II, 116).

³⁾ Октавы изъ „Бѣшенаго Роланда“ (Аріоста) и изъ „Освобожденнаго Иерусалима“ (Тасса) въ „Сынъ Отечества“ 1822 г., № 14. (Соч. Кат., II, 112—115).

⁴⁾ „Пиръ Іоанна Безземельнаго“. Соч. Кат., I, 123—162

жестоко и легко безъ помощи могу умереть; а какъ Вы уже объявили публикѣ объ изданіи моихъ стихотвореній, которое я надѣюсь, что, хоть по смерти моей, Вы начнете, то и попрошу Васъ покорнѣйше о поправкѣ нѣсколькихъ стиховъ въ романсахъ о Сидѣ, гдѣ есть ошибки противъ смысла, имѣнно въ ром. 15-мъ, въ описаньи одѣжды Родрига. Послѣ стиховъ:

Хоть отцемъ онъ былъ поношень,
Да не много; на атласъ etc.

вмѣсто теперешнихъ двухъ, поставьте слѣдующіе:

Ловко падалъ съ плечъ лосинный
Мягкій продѣвной колетъ.

и нѣсколько ниже послѣ: плащъ доходитъ до колѣнъ, такъ:

На плечахъ опушка: бѣлый
Чернохвостый горностаѣ ¹⁾.

Только и всего; оно, конечно, бездѣлица, но, видя ошибку, надо, коли можно, исправляться, и я Васъ усердно прошу немедленно эти перемѣны внести на мѣста. Извините, что и въ письмѣ вычерки, хворому должно многое простить. Надѣюсь, что Вы здоровы и желаю Вамъ впредь того же; а что касается до сердечнаго обстоятельства, о коемъ въ началѣ упомянуто, то я ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслію не зная за собой въ отношеніи къ Вамъ ничего, въ чемъ бы могъ себя упрекнуть, на этотъ счетъ умру спокоенъ; изъясненій никакихъ не требую, а воля Ваша утѣшить меня возвращеніемъ на старое, или. . правду сказать, въ такомъ случаѣ пошли Богъ скорѣе конецъ. Остаюсь исполненный прежнихъ чувствъ, во мнѣ неизмѣнныхъ, весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

70.

24-го мая 1831 г. Шаево.

Сперва письмо отъ 30-го апрѣля, а съ прошедшей почтой и посылку съ книгами получилъ. Ни за что, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ни сердиться, ни упрекать не стану, тѣмъ паче, что Вы сами признаетесь, что не правы; не сочтите ни за малый признакъ досады моего душевнаго сѣтованья только и лучше разсѣйте и то: все въ Вашей волѣ. Вы знаете, что безпечность и охлажденье отъ пріятелей всякому горьки; прибавьте къ общему мой жаркій нравъ, мое одинокое житье, мою мучительную болѣзнь (ибо я третій мѣсяцъ лежу), и разсудите. Объ изданьи я издали, такъ сказать, хлопочу; съ нимъ связано мое самолюбіе, оно нѣжно и щекотливо:

¹⁾ Соч. и перев. Катенина, II, 151.

попекитесь о немъ, не забрасывайте по многимъ мѣсяцамъ сразу дѣла, дружбѣ Вашей ввѣреннаго, не пускайте его кое-какъ на волю Божию. Повторяю: надо бы хлопотать о подписчикахъ, а напротивъ иные писали изъ губерній къ Слѣнину ¹⁾ и получили въ отвѣтъ, что еще ничего нѣтъ. Можетъ ли тутъ выйти что хорошее? *Камеръ юнкеръ Хитровъ* мнѣ далъ честное слово на отъѣздѣ хлопотать въ своемъ кругу о подписяхъ; повидайтесь съ нимъ, напомните, онъ не попятится, а о чужихъ выгодахъ по моему такъ легко со всѣми толковать. Можно бы и другихъ людей найти, но надо захотѣть; захотите, ради Бога. Охъ! на бумагѣ и сказать ничего путемъ не лъзя, да я же такъ боленъ, что на силу могу перомъ по бумагѣ чертить. Воля—великое дѣло. Сомовъ очень давно пересталъ ко мнѣ писать, даже не отвѣчалъ на два письма; съ однимъ послалъ было „Геній и поэтъ“, а черезъ другое я уже требовалъ отвѣта, но... не послѣдовало. Я Васъ, помнится, просилъ купить и александринами переложенныя четыре пѣсни Гнѣдича; поищите-ко ихъ у Смирдина, или гдѣ есть, и доставьте въ переплетѣ общемъ. Лестъ его Жуковскому гадка, о Дельвигѣ же что-то не ясно ²⁾; впрочемъ ихъ экзаметры вообще дурны, стало хвалить въ охоту, сравненье не опасно. Не прибавите ли въ низу подъ—, что А. С. Пушкинъ, кажется, согласенъ съ П. А. Кат. въ фактурѣ пятистопнаго ямба, ибо тоже вездѣ ставитъ цезуру на 2-й стопѣ? а коли объ экзаметрахъ разсуждать, то не сказать ли, что многіе изъ русскихъ нѣсколько тѣмъ не правились слуху, что сей размѣръ легко впадаетъ въ два порока разные, но равно непріятные: тяжесть, либо вялость прозаическая; одна происходитъ отъ неумѣнья стихи разнообразить искуснымъ смѣшеньемъ дактилей и хореевъ въ первыхъ четырехъ стопахъ; другое отъ переноса или перехода со смысломъ изъ стиха въ стихъ, такъ что ни одинъ не конченъ и не круглъ, и отъ невѣрнаго, или, такъ сказать, своевольнаго употребленія короткихъ за долгія и долгихъ за короткія слоги. Тутъ много правды, но не длинно ли выйдетъ? Вы лучше рѣшите. Геній и поэтъ въ мѣсяцъ непрерывнаго вдохновенія излился, но поляки меня зарѣзали: кто

¹⁾ Книгопродавецъ-издатель Иванъ Васильевичъ Сленинъ р. 1789 г., ум. 1836 г. Ост. Арх. I, 627—628 „Сочишевія и переводы“ Катенина печатались въ типографіи вдовы Плюшара.

²⁾ „Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковского, и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ Грекъ, который вмѣсто возраженія, всталъ и началъ ходить... Кого не пльняетъ и лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько Музѣ любезнымъ“. (Изъ предисловія Гнѣдича къ первому изданію Илиады).

тогда думалъ объ нихъ? Какъ они у Васъ? Что говоритъ Сомовъ, и почему онъ мнѣ не отвѣчалъ? вышелъ ли послѣдній 72-й № Лит. газ. прошлаго года, я не получалъ, а въ немъ должно было находиться окончанье моей статьи о театрѣ? Нельзя ли прислать? Прощайте.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

71.

1-го іюня 1831 г. Шаево.

Какъ я ни боленъ, какъ ни слабъ, но, увѣрясь изъ послѣдняго письма Вашего, что вы еще не совсѣмъ меня оставили, рѣшаюсь черезъ силу писать къ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, все о томъ же дѣлѣ, которое у Васъ въ рукахъ, которое важно для меня живого и мертваго, объ изданіи моихъ (съ прибавкою Голицынскихъ) стихотвореній. Написанное мною недѣля тому разсужденье о экзаметрахъ длинно и покажется не у мѣста: не ставьте его; Ваша рѣчь весьма хороша, развѣ, вмѣсто: тяжести и неловкости (что одно и то же), поставитъ: „тяжелаго однообразія и прозаической вялой растяжки“ etc. ибо это два порока разные, и, коли въ первомъ виноваты Тредьяковскій, Воейковъ и Гнѣдичъ самъ (теперь менѣе, ибо онъ многое выправилъ, а прежде очень), то другое еще по мнѣ хуже въ Жуковскомъ и Дельвигѣ. Впрочемъ все сіе на Вашу волю отдается. Получили ли Вы уже давно разныя переправки въ стихахъ изъ переводовъ Данте? во 2-й пѣсни были очень важныя на счетъ *Cielo, ch'ha minor i cerchi sui*; также Пилата я выкинулъ и замѣнилъ другимъ Евангельскимъ лицомъ въ 3-й пѣсни; были еще мѣлочныя перемѣны и, сколько помню, все давно къ Вамъ послано, и въ романахъ о Сидѣ, и прибавленья небольшія къ части переводовъ и подражаній, только Вы ни о чемъ меня не увѣдомили. Теперь перехожу къ главнѣйшему, къ самому изданію. Ему необходимо нужно, мой почтенный, дать заблаговременно извѣстность и ходъ. Объявленье въ Литературной Газетѣ слишкомъ недостаточно; должно быть подобное въ болѣе всѣми получаемыхъ журналахъ, напримѣръ въ *Стверной пчелѣ* и въ которомъ-нибудь изъ Московскихъ. Я слышалъ съ похвалою о *Теле-скопѣ*; постарайтесь, чтобы въ немъ вышло извѣстіе и какъ должно; сблизьтесь, ради меня, съ кругомъ литературнымъ, поинтригуйте такъ сказать; самому за себя совѣстно, но за пріятеля честно, похвально и, коли справедливо судить, даже долгъ. Видѣлъ ли Васъ братъ мой Ал. Андр., возвратясь изъ отпуска передъ походомъ? жаль, что онъ тотчасъ долженъ былъ уйти, а то онъ очень намѣ-

рялся хлопотать о подписках: онѣ необходимы, я бы (за другого НВ.) никому не далъ покоя, пока онѣ руки не приложить. Шести стихотворцамъ надобно будетъ отъ меня доставить по экземпляру: К. Шихматову, К. Шаховскому, Крылову, Гнѣдичу, Жуковскому и Пушкину; также одинъ отправить въ Смоленскъ къ Хмѣльницкому, не для него, а, по его ко мнѣ письменной просьбѣ, для заводимой тамъ Публичной библіотеки. Но это все еще не близко, а покуда извѣщайте меня почаще и приложите хоть половину того усердія, какое бы въ подобномъ случаѣ оказалъ Вамъ Вашъ преданный

Павель Катенинъ.

Р. S. Нарочно распечатываю, чтобы кое-что прибавить къ сказанному: помнится мнѣ, я давно совѣтовалъ для удобства подписки *наготовить печатныхъ листковъ*, съ которыми бы можно было тому другому ходить собирать; я и теперь нахожу это полезнымъ и удобнымъ. Если бъ такихъ листковъ Вы ко мнѣ прислали пять, либо шесть, я бы разослалъ кое-кому изъ знакомыхъ въ разные города, и вездѣ бы несомнѣнно подписей по десятку набралось, а можетъ и болѣе; въ столицѣ же оно и подавно должно быть споро: всякій самъ подпишетъ, обозначить, что деньги отданы, и потомъ гуртомъ все вручится книгопродавцу, у кого подписка открыта. *Не въ Петербургѣ ли Ал. Пушкинъ?* ¹⁾ если да, не забудьте отъ имени моего настоятельно его склонить къ содѣйствію, а *онъ можетъ быть очень полезенъ*. Охъ! Николай Ивановичъ, не мнѣ бы все это придумывать и разказывать; но что же мнѣ дѣлать, если Вы за недосугами можетъ быть не довольно занимаетесь мною? доброе дѣло будетъ, тѣмъ паче, что вѣроятно, въ послѣдній разъ, и, по болѣзни моей судя, скоро я перестану собой пріятелей моихъ тяготить. Будьте здоровы и, Христа ради, нишите.

72.

16-го іюня 1831 г. Шаево.

На одно письмо Ваше вотъ уже третье пишу къ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чувствую отчасти, что оно можетъ показаться Вамъ скучнымъ, чувствую очень, что при тяжкой болѣзни моей оно для меня утомительно; но дѣлать нечего, задоръ взявъ на счетъ изданія: самая опасность, въ которой нахожусь, самая неувѣренность въ выздоровленіи удваиваетъ мое попеченье о томъ, что должно остаться послѣ меня, и хотѣлось бы удѣлить Вамъ часть

¹⁾ Пушкинъ въ срединѣ мая прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ и 25 мая переехалъ въ Царское Село. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., стр. 239, 240, 241.

этого сильнаго, неодолимаго чувства. Подумайте, что послѣ словъ Вашихъ въ предисловіи, послѣ объявленнаго мнѣнія Вашего, что изданіе должно подѣйствовать въ пользу мою, открыть глаза читателямъ, оказать многимъ доселѣ мало оцѣненное достоинство, собственное Ваше самолюбіе находится en jeu; эту игру проиграть стыдно, надо выиграть ее во что бы ни стало и не пренебрегать ничѣмъ, дабы съ честью выйти изъ нея. Тутъ необходимо стараніе ревностное, отзывы вслухъ рѣшительные и часто повторяемые, надобно искать помощниковъ, надобно черезъ кого-нибудь сблизиться съ журналистами, глашатаями литературы, главное: надобно набирать подписчиковъ. Вы знаете довольно, какъ еще наше общество ко всему книжному равнодушно, не отъ того не подписываются, чтобы не хотѣли, нѣтъ, а не знали, не слыхали, не приняли участія, такъ просидѣли; повторяю, хоть бы въ сотый разъ: должно разносить подписку, предпочтительно по людямъ съ именемъ, ни одинъ не откажется, хоть изъ приличія, а составить оно и казистый списокъ, и денежный сборъ. Понимаю, что сей разность иной разъ покажется непріятнымъ, по своему чувству судя, полагаю, что не для себя, а для другого, и тѣмъ паче для пріятели, самая непріятность эта имѣетъ нѣчто утѣшительное, а что послѣ останется собой довольнымъ, исполнивъ долгъ дружбы слишкомъ ясно, и чѣмъ труднѣе было—тѣмъ слаще потомъ покажется. Отъ чего Вы такъ рѣдко пишете? много ли времени уходитъ на письмо? Не слыша ничего отъ Васъ, и я затрудняюсь въ словахъ, боюсь, не имѣя понятія о ходѣ или положеніи дѣла, врать безъ пути. Голицынъ проситъ меня напомнить Вамъ, что Вы весьма давно спрашивали: котораго года „Литературную Газету“ онъ хочетъ имѣть? Онъ отвѣчалъ имянно 1830-го года, чтобы имѣть Размышленья и Разборы мои; но Вы замолкли и не прислали; онъ и теперь проситъ о томъ же, NB коли всѣ номера до послѣдняго вышли, а то 72-го, въ коемъ слѣдовало быть окончанію статьи: о театрѣ, я по сію пору не получалъ и, существуетъ ли оный въ печати, не вѣдаю, если да, скажите Сомову, чтобы онъ мнѣ его прислалъ, какъ нужный для меня, а для Голицына купите весь 1830-й годъ Газеты. При семъ случаѣ попрошу Васъ сосчитать: сколько изъ занятыхъ денегъ Вы уже уплатили, дѣлая на меня покупки и проч. Я, право, хорошенько не знаю, а знать все же надо и мнѣ, и Вамъ. О болѣзни, о страданьяхъ моихъ не стану разказывать, и какъ ихъ разказать? Какія слова могутъ ясное дать понятіе о настоящей степени муки человѣка? довольно, что я почти три мѣсяца лежу, вставая только чтобы перейти на кресла для перевязки ранъ два раза въ сутки; не ѣмъ даже ничего мяснаго, а только хлѣбное и молочное, изху-

даль такъ, что узнать не лзя и слабъ до того, что, едва стану на ноги, меня шатаетъ. Немошна плоть моя, почтенный Николай Ивановичъ, но духъ еще бодръ; онъ, вѣроятно, поддерживаетъ остатки моего полуразрушеннаго состава; еслибъ къ этой врожденной бодрости придать ему спокойства, радости и тому подобнаго, я не сомнѣваюсь, что онъ бы одержалъ побѣду надо всѣми недугами, меня теперь терзающими. Много можете Вы сотворить для него, въ Вашихъ рукахъ то, чѣмъ онъ наиболѣе занятъ, къ чему устремлены всѣ его помыслы и заботы: не пренебрегите, ради Бога, размыслите основательно и, если увидите сами, что необходимо дѣйствовать *такъ*, дѣйствуйте такъ, хотя бы оно нелюбо было и тяжело казалось и непрятно; принесите эту жертву дружбѣ. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

73.

4-го іюля 1831 г. Шаево.

Болѣзнь моя, коли Вы хотите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, знать о ней подробно, была самая опасная, мучительная и гадкая, я говорю: была, потому что хотя она далеко не прошла, но уже какъ будто слабѣетъ и менѣе мучить¹⁾
теперь съ душевнымъ прискорбіемъ и страхомъ перехожу къ петербургской холерѣ; точно, любезнѣйшій, Вы здоровы, а стоите ближе къ смерти внезапной, чѣмъ я, хворый почти четыре мѣсяца, слабый, разбитый, неподвижный въ постели, изнуренный болью, и долго опасавшійся въ несказанныхъ страданяхъ издохнуть: сохрани Васъ Богъ! (*comme on dit*), а Вы слишкомъ умны, чтобъ не сохранять себя сами сколько можно и умереть, такъ сказать, безъ пути. Между тѣмъ я и за Васъ, и за другихъ моихъ знакомыхъ буду въ безпокойствѣ и потому весьма усердно прошу Васъ, любезнѣйшій, писать ко мнѣ чаще и увѣдомлять о себѣ и другихъ, въ комъ я принимаю участіе. Наконецъ отвѣчаю и на вопросъ Вашъ объ отстрочкѣ изданія; сей вопросъ (извините, Николай Ивановичъ), хоть очень основательный, грозитъ бесполезною тратой времени и, чтобы ее отнюдь не было, постараюсь разрѣшить его съ ясностью и подробностью. Что Вы разумѣете подъ словомъ изданіе? буде напечатанье и раздачу экземпляровъ по лавкамъ, то безъ сомнѣнья теперь всѣ постороннія обстоятельства такъ неблагопріятны, что это дѣло совсѣмъ не въ пору, и его отложить необходимо, но важнѣйшее, главнѣйшее для меня живого и мертваго (какъ уже сказано) не то, чтобъ стихи мои тиснули, а чтобы на собранье ихъ

¹⁾ Выпущено подробное описаніе болѣзни Катенина.

подписалось болѣе людей; кто же и что же мѣшаетъ. Вамъ безъ всякихъ ко мнѣ вопросовъ нынѣ же, не тратя дня, съ помощью всѣхъ, кого знаете, набирать подписчиковъ, копить имена и деньги (эти можно прямо отдать въ ту лавку, которая изберется Вами конторой подписокъ), словомъ запастись тѣмъ, что нужно и запастись какъ можно болѣе, какъ можно скорѣе, ибо что взято то свято. Въ исполненіи обѣщаннаго отъ Васъ, сирѣчь въ выходѣ книги, вѣрно не усомнится ни одинъ подписчикъ, а ждутъ изданій часто и болѣе года: тутъ совѣстится вовсе нечего. Если Вы теперь хоть сотню сберете, *c'est autant de pris*, а когда возвратится гвардія и братья мои, когда кончатъ съ поляками, когда пресѣчется холера, тогда набирайте еще и, какъ покажется, что уже не стыдно книгу выпускать, тогда и отправляйтесь въ типографію. До тѣхъ же поръ повторяю и паки повторяю: времени и случая отнюдь тратить и терять не должно, надо дѣйствовать, не пренебрегать ни одной подпиской, весь итогъ составляется изъ единицъ; и такъ: повидайтесь съ Пушкинымъ, съ Хитровымъ, съ Каратыгинымъ, со всѣми, кого сами придумаете, не полѣнитесь сами, разносите подписки и набирайте болѣе, въ чемъ да поможетъ Вамъ Всевышній, только не забывайте пословицъ: *aide toi, Dieu t'aidera*, либо, на Бога надѣйся, самъ не плошай, тоестъ начинайте главнѣйшее для изданья, сборъ, *aussitôt la présente reçue* ¹⁾. Паче всего будьте живы и здоровы и чаще пишите ко мнѣ; увѣрять Васъ въ неизмѣнности моихъ чувствъ, кажется, лишнее. Вы слишкомъ коротко меня знаете и знаете, что я никогда ни отъ кого не отставалъ. Ужели начну съ Васъ, мой почтенный? и на Васъ надѣюсь, только прошу: бросьте въ этомъ случаѣ, столько для меня важномъ, всю лѣнь и безпечность, одолжите меня на вѣкъ. Весь Вашъ,

Павелъ Катенинъ.

74.

12 іюля 1831 года (Шаево).

Дурные слухи носятъ о Вашей петербургской холерѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и потому еще болѣе хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы удовлетворили мою просьбу, въ прошедшемъ письмѣ изъясненную, и извѣщали меня почаще о себѣ и другихъ, въ комъ Вы знаете, что я принимаю участіе. Впрочемъ, я полагаю, что эта болѣзнь у Васъ, какъ и вездѣ, гдѣ она была, дѣйствуетъ почти исключительно на чернѣй рабочій народъ, а что называется общество, ей едва ли подвержено. Охъ! издали часто недоумѣваешь, на чемъ мысль остановить, все бойшья обмануться и, какъ по большей

¹⁾ „Тотчасъ по полученіи этого письма“.

части водится на бѣломъ свѣтѣ, обмануться самымъ непріятнымъ образомъ. Моя болѣзнь стоитъ въ одномъ положеніи, кое-гдѣ похоже на хорошее, а индѣ на худое, и страхъ все борется съ надеждой; іюльскія жары до конца меня ослабляютъ, а ни пищи, ни питья подкрѣпительнаго, то-есть ни бульону, ни вина не смѣю употреблять; изхожу потомъ и шатаюсь, какъ угорѣлый, когда нужда велитъ встать, или одолѣетъ тоска безпрестаннаго лежанья. Книжныхъ порученій моихъ теперь, я чаю, Вамъ вполнѣ нѣтъ возможности сдѣлать, то есть переслать по почтѣ не лѣзя; все же постарайтесь добыть александринами переведенныя четыре пѣсни Иліады Гнѣдичемъ и хоть у себя ихъ покуда поберегите; что же до прошлогодней Литературной Газеты, бросьте ее совсѣмъ: я Голицыну свою пошлю, а справтесъ только объ № 72: вышелъ ли онъ въ печать, или нѣтъ? На счетъ изданія моихъ стиховъ остаюсь все въ тѣхъ же мысляхъ: не отлагать подписки до Генваря, а пользоваться каждымъ днемъ и каждымъ мигомъ, разумѣется, если это дѣло сколько-нибудь возможное, если холера не мѣшаетъ всему; подумайте также о листкахъ бланкетныхъ для подписки: они (я думаю) весьма могутъ быть полезны и для столицы, и для губерній; я увѣренъ, что будь нѣсколько такихъ листковъ въ рукахъ человѣка усерднаго, въ одномъ Нижнемъ Новгородѣ, во время ярмонки, накопилось бы на тысячу рублей (NB наличныхъ) подписчиковъ. Прилагаю при семъ на особой бумажкѣ поправки для Октавъ изъ Тасса; въ трехъ первыхъ онѣ весьма значительны, и (кажется), кромѣ написаннаго, еще бы не худо въ третьей строфѣ, вмѣсто воздуха предѣлы, написать горніе предѣлы, оно и для звукоподражанія лучше и ближе къ *Superne regioni* подлинника: не хочется марать, перемѣните сами вмѣстѣ съ остальнымъ въ общей рукописи; сверхъ того, прилѣжно сравните новое со старымъ и напишите ко мнѣ свое объ нихъ сужденіе. Прощайте, почтенный Николай Ивановичъ, будьте здоровы, нынче это выходитъ не *façon de parler*, а, къ горю, серьезное и съ боязнью смѣшанное желанье, не лѣньтесь писать: теперь почти должно. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

P. S. Не утерпѣлъ: поправилъ.

75.

29 августа 1831 года (Шаево).

Какъ ни коротко и ни сухо письмо Ваше отъ 12-го Августа, все я обрадовался ему, узнавъ, что Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, живы и здоровы, и сверхъ того, мнѣ тужить не о комъ; и такъ, я надѣюсь первый приказать другимъ долго жить. Болѣзнь моя взяла опять дурной оборотъ, (раны увеличались и загнили),

боль доводить даже до крика, вопреки всѣмъ усиліямъ; чѣмъ кончится и скоро ли, самъ не знаю. Что до холеры, мнѣ всегда казалось, что она почти исключительно нападаетъ на людей невоздержныхъ, или на бѣдныхъ, по неволѣ подверженныхъ холоду и голоду, а другимъ, особенно тѣмъ, кого еще не хватаютъ насильно на улицахъ и не морятъ въ больницахъ, не опасна. Знаю еще, что кромѣ ея многое было около Васъ нездорово, и что теперь житье-бытье равно весело въ столицѣ и въ глуши. По всѣмъ симъ причинамъ скажу, какъ Вы: обо всемъ другомъ послѣ; даже не хочу болѣе первый ни о чемъ заговаривать, что касается хлопотъ и заботъ, а вотъ Вамъ рѣчь невинная: Голицынъ прислалъ мнѣ недавно чей-то переводъ все той же Леноры Бюргера ¹⁾ и подъ названіемъ нѣмецкимъ; переводъ дрянъ, и развѣ одно въ немъ достоинство, что размѣръ подлинника сохраненъ въ точности; но онъ заставилъ меня пересмотрѣть мое подражанье и кое-что исправить: сообщаю Вамъ сіи передѣлки для помѣщенія на мѣста. Конецъ 3-го и начало 4-го куплета такъ:

Всѣ на встрѣчу, на дорогу,
Кличуть: „здравствуй! слава Богу!“
Ахъ! на Ольгинъ лишь привѣтъ
Ни отколь отвѣта нѣтъ.

Ищеть, спрашиваетъ; худо:
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, мертвъ, не знаютъ; чудо!
Словно канулъ онъ на дно ²⁾.

Конецъ 17-го куплета такъ:

Встань, ступай, садись за мной;
Гости ждутъ меня съ женой ³⁾.

¹⁾ Переводъ Жуковского („Баллады и повѣсти В. А. Жуковского“. 1831 г. 2 ч.).

²⁾ Соч. Катенина, II, 31. Первоначально (въ С. О. 1816 г. ч. 30 № 27) было такъ:

Жены, дѣти имъ въ дорогу
Кличуть: „здравствуй! слава Богу!“
Ахъ! звать Ольгѣ жить одной
Быть на вѣкъ своей сиротой.

* * *
Тщетно ищеть, вопрошаетъ,
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, нѣтъ, никто не знаетъ
Будто канулъ онъ на дно.

³⁾ Соч. Катенина, II, 35. Прежде:

Встань, ступай садись за мной
Гости ждутъ, готовъ покой.

Конецъ 21-го такъ:

Что-жъ вы, пѣвчіе! Не стойте,
Пѣснь на свадьбу мнѣ пропойте;
Службу, попь!.. и ты яви,
Насъ ко сну благослови ¹⁾.

Покуда больше нѣтъ, потрудитесь выскоблить старое и новымъ замѣнить. Есть ли что новое не по бѣдственной части, или никому уже не до стиховъ и прочаго тому подобнаго? Насъ вода одолѣла, рѣка разлилась пуще вешняго, луга потоплены, овесъ на корню по низкимъ мѣстамъ заметенъ пескомъ, и сѣно стогами волны уносятъ, лошади будутъ безъ корму: дай Богъ, чтобъ люди прокормились!

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

76.

28-го сентября 1831 г. Шаево.

Новыя поправки для Ольги:

Куплетъ 7-й.

Слушай, дочь! въ Украинѣ дальшой,
Можетъ быть, женихъ ужъ твой
Обошелъ налой вѣнчальной
Съ красной дѣвицей иной:
Что измѣнника утрата?
Рано-ль, поздно-ль, будетъ плата,
И отъ Божьяго суда
Не уйдетъ онъ никогда ²⁾.

¹⁾ Соч. Катенина, II, 37:

У моей кровати спальной
Клиръ! пропой мнѣ стихъ вѣнчальной:
Службу, попь! и ты яви,
Насъ ко сну благослови.

Первоначально:

Что жъ вы, пѣвчіе! не стойте,
Пѣснь на свадьбу мнѣ пропойте,
Попь! и ты бѣги сейчасъ,
Обвѣнчай на вѣки насъ.

²⁾ Соч. Катенина, II, 32. Въ С. О. 1816 г. такъ:

Слушай, дочь: въ Украинѣ дальшой
Есть-ли клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ алтарь вѣнчальной,
Ужъ съ другою твой женихъ?

Куплетъ 9-й, стихи 6-й, 7-й и 8-й.

Бойся муки, вспомни вѣру:
Сыщеть, чуждая грѣха,
Неземного жениха ¹⁾.

Куплетъ 10-й, стихи 7-й и 8-й.

Съ милымъ врознь несносенъ свѣтъ,
Здѣсь, ни тамъ мнѣ счастья нѣтъ.
либо: блаженства нѣтъ: что лучше? ²⁾.

Куплетъ 20-й, стихи 1-й и 2-й.

Что за звуки? Что за пѣнье?
Что за врановъ крикъ во мглѣ? ³⁾.

Куплетъ 21-й, стихи 5-й и 6-й.

У моей кровати спальной,
Клирь! Пропой мнѣ стихъ вѣнчальной ⁴⁾.

Куплетъ 24-й, стихи 7-й и 8-й.

Чтобъ подь пляску вашу мнѣ
Веселѣй прилечь къ женѣ ⁵⁾.

Куплетъ 30-й, стихъ 4-й.

И невѣсть куда пропалъ ⁶⁾.

Вотъ сколько новой работы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ,
и сколько перечистки Вамъ въ книгѣ; дѣлать нечего, надо поправ-

Не крунися безнадѣжно:
Наказанье неизбѣжно;
Здѣсь придется кинуть свѣтъ
Тамъ онъ Богу дастъ отвѣтъ.

Тотъ же куплетъ, стихъ 4-ый:

„Къ покаянью приведи“ (примѣч. Катенина). См. соч., II, 33. Въ С. О.
1816 г.: „Отъ грѣха ты отведи“.

¹⁾ Соч., II, 33. Прежде:

Вспомни Бога, вспомни вѣру
Мукъ избавишься своихъ,
Райскій сыщется женихъ.

²⁾ Соч., II, 33: „Здѣсь ни тамъ блаженства нѣтъ“. Первоначально:

Мнѣ безъ милаго нѣтъ блага
На землѣ, ни въ небесахъ.

³⁾ Соч., II, 36. Прежде:

„Что тамъ вдругъ за чудно пѣнье?
Что тамъ вранъ кричитъ во мглѣ?“

⁴⁾ Соч., II, 37.

⁵⁾ Соч., II, 38. Прежде:

Было бъ тамъ кому плясать,
Какъ съ женой я лягу спать.

⁶⁾ Соч., II, 40. Первоначально:

И на вѣки съ глазъ пропалъ.

лять. Я началъ нарочно съ этого, чтобы послѣ на свободѣ погово- рить о томъ, что важнѣе. Отчего такъ давно нѣтъ отъ Васъ отвѣта, ни привѣта? ей-ей! эти долги молчанья меня каждый разъ приводятъ въ несказанное безпокойство. тысяча различныхъ мыслей и вздорныхъ догадокъ роятся одна за другую, и нѣтъ возможно- сти ихъ отогнать. О себѣ скажу Вамъ, что болѣзнь моя, повернув- шая весьма къ худу, теперь болѣе недѣли, какъ опять пошла къ лучшему, но надолго-ли? Самъ не знаю и предугадывать не смѣю. Нѣтъ ли въ Петербургѣ слуховъ о возвращеніи гвардіи? Признатъ- ся, я бы очень желалъ, чтобы ее воротили, а то она мотается въ походахъ да и только. Вообще, будетъ ли миръ? Или за грѣхи наши опять съ кѣмъ-нибудь война загорится? Скоро рекруты пере- ведутся. Извѣстенъ ли Вамъ италіанскій романъ: „I promessi Sposi“? ¹⁾ Коли нѣтъ, постарайтесь его съискать и прочесть; историческая часть, вся почерпнутая изъ официальныхъ извѣстій, чрезвычайно любопытна, особенно для насъ и теперь, по разительному сходству во многомъ. Пишите пожалуйста, почтенный, не забывайте меня такъ безжалостно; я же хворъ, одинокъ, ежедневно разстроены скучными хлопоташками, а вчаствую и хлопотищами; дружескія письма лучшее лѣкарство, но Вы не хотите меня уврачевать. Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

Еще поправка въ началѣ:

Ольгу сонъ встревожилъ слезной,
Смутный рядъ мечтаній злыхъ ²⁾:

77.

15 ноября 1831 г. Шаево.

Сверхъ прилагаемаго стихотворенія, которое прошу съ дозволе- нія цензуры, помѣстить во вторую часть моихъ стиховъ, вслѣдъ за другими переводами съ нѣмецкаго, сообщаю еще *поправку для Ольги*; купл. 12-й:

И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу;
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ;
Кто-то всадникъ слѣзъ къ крыльцу;

¹⁾ Романъ Manzoni (I promessi sposi, storia milanese del secolo XVII, Mi- lano 1827 г. 3 vol), въ кот. описывается чума въ Ломбардіи въ 1630 г.

²⁾ Сочиненія Катенина, II, 30. Въ „Сынъ Отечества“ такъ:

Ольгу сонъ встревожилъ слезный
Встала рано поутру:

Чу! за дверью зашумѣло;
 Чу! кольцо въ ей зазвенѣло;
 И знакомый голосъ вдругъ
 Кличетъ Ольгу: „Встань, мой другъ! ¹⁾

И еще выше: куплетъ 3-й, стихъ 5-й поставить:

Всѣ на встрѣчу, на дорогу и пр. ²⁾

для избѣжанья повторенья: *толпа* и *толпятея*.

Покуда, все тутъ; многое бы еще имѣлъ и хотѣлъ Вамъ сообщить, но по чести не знаю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, не въ тягость ли оно будетъ Вамъ; до полученья отъ Васъ какой-нибудь вѣсти не умѣю разгадать тайны Вашего молчанья по стольку мѣсяцевъ; по всему бы, кажется, слѣдовало ожидать писемъ, но Вы не пишете; безъ сомнѣнья Вы лучше знаете причину, но, ради Бога, откройте же ее и мнѣ. О томъ же, за что Вы однажды рѣшительно взялись, зная что Вы въ словѣ любите твердость, продолжаю беспокоить Васъ и спрашиваю: когда что будетъ? меня самого не разъ спрашивали и я не могу отвѣчать. Между тѣмъ увѣдомляютъ меня, что Жуковский печатаетъ, въ числѣ новыхъ своихъ балладъ, романсовъ, etc., кромѣ *Леноры*, едва ли не той самой, о коей я уже говорилъ Вамъ, и какіе-то романсы о Сидѣ ³⁾, вѣроятно тѣ же, что и у меня. По свойственному сочинителямъ самолюбію, я не слишкомъ боюсь этого соперничества на суду знатоковъ, но справедливо опасаясь же того вреда, что мое переложенье, выпущенное въ свѣтъ позже, потеряетъ въ глазахъ читателей преимущество новости, а кривосуды, при малѣйшемъ сходствѣ, еще меня назовутъ вороной, украсившейся павлинными перьями. Живучи въ дали, въ глуши, нѣтъ легче какъ обманываться, тревожиться по напрасну, бояться тѣни, все такъ; но тутъ-то бы и отрадно имѣть добрыхъ пріятелей, выводящихъ изъ заблужденья, разгоняющихъ мракъ очей и мечты воображенья: будьте *Виргилиемъ* моего *Ада*. Многое было бы, что Вамъ довѣрить и прочесть, но (повторяю) мнѣ невѣдомо, угодно ли Вамъ слушать, а безъ того выйдетъ комедія:

¹⁾ Соч. Катенина, II, 34. Прежде стихи 4—8 этого куплета напечатаны такъ:

Всадникъ слѣзъ съ коня къ крыльцу:
 Что-то въ сѣняхъ зашумѣло,
 Что-то въ двери зазвенѣло:
 И знакомый голосъ вдругъ
 Кличетъ ей: „я здѣсь, мой другъ“.

²⁾ См. исправл. въ письмѣ № 75 (отъ 28 авг. 1831 г.).

³⁾ Отрывокъ изъ перев. Гердеровыхъ романсовъ о Сидѣ, Жуковского. Напеч. въ „Муравейникѣ“ 1831 г. №№ 1 и 2.

les Confidences importunes. Болѣзнь моя проходитъ, страданья уже кончились, но еще многое не совсѣмъ поправилось, надо съ терпѣнiемъ ждать. Перенеся такую муку, видѣвъ такъ долго передъ собой такую опасность и не ослабѣвъ духомъ ни на мигъ, смѣю сказать, что я и терпѣливъ, и твердъ; а коли послѣ этого боли другого рода почти одолѣваютъ мои силы, то право стоитъ и пожалѣть и пособить. Не спрашиваю ни о чемъ новомъ; что захотите сообщить, сами найдете, а боюсь, что политика, или попросту война со всѣмъ приборомъ, губя родъ человѣческiй, заглушаетъ все, чѣмъ онъ красится и цвѣтетъ: будетъ ли горю конецъ? паче всего, будетъ ли конецъ Вашему молчанью? будете ли писать? Остаюсь попрежнему весь Вашъ

Павель Катенинъ.

78.

14-го сентября (1833 г. Царское Село).

Милости просимъ, любезнѣйшiй Николай Ивановичъ, въ Царское Село, въ Банную улицу, въ домъ Бера, гдѣ я со вторника ¹⁾ нахожусь, какъ птица въ клѣткѣ, ибо квартира моя весьма похожа на клѣтку, или, правильнѣе сказать, на нѣсколько клѣтокъ, поставленныхъ на подобiе карточного дома. Полкъ еще въ воскресенье, сирѣчь только что за благо ума выступилъ изъ Красносельскаго лагеря въ Тосну и въ концѣ сего мѣсяца переберется въ здѣшнiя все не готовыя казармы; я до тѣхъ поръ живу здѣсь, ожидая его съ отпускнымъ билетомъ; дѣлать теперь нечего, и послѣ почти тоже будетъ, и едва ли сыщется другая мѣра, менѣе ведущая къ предполагаемой цѣли, нежели сей скопъ полсотни штабъ-офицеровъ при полку имъ чуждомъ. Хотя разные переѣзды много лишнiихъ издержекъ навели, однако я радъ, что явился еще въ лагерь, и тамъ могъ нѣсколько ознакомиться съ разными лицами и пр., чего бы здѣсь уже никакъ сдѣлать было невозможно, ибо, живучи въ двухъ верстахъ отъ казармъ, гдѣ изъ офицеровъ не живетъ почти никто, мнѣ тамъ и побывать не случится, развѣ однажды въ мѣсяцъ, когда очередь придетъ дежурить по казармамъ. Я предвижу на все время здѣшняго житья одиночество скучное и того ради прошу Васъ привезти съ собою ко мнѣ греческiй словарь

¹⁾ По Высочайшему приказу отъ 8-го августа 1833 г., П. А. Катенинъ снова принятъ на службу, съ опредѣленiемъ въ Эриванскiй Карабинерный полкъ (Формулярный списокъ за 1837 г.), но до отъѣзда на Кавказъ былъ прикомандированъ къ Образцовому полку, стоявшему въ Царскомъ Селѣ. Въ примѣчанiи къ письму № 58 ошибочно указанъ 1834 г.

и грамматику, и греческую Одиссею, и третій томъ Одиссеи фр. Г-жи Дасье ¹⁾, безъ коей боюсь во тѣмъ заблудиться и, какъ гр. Трессанъ ²⁾, перевести biscia: biche ³⁾. Вамъ ничто нынче не нравится, почтеннѣйшій! послѣ Stello ⁴⁾ хааете Вы Paul et Virginie ⁵⁾. О первомъ мы говорили, а вотъ слово мое за послѣднее: сочинитель Bernardin de St. Pierre, конечно, не имѣлъ тѣхъ классическихъ познаній, коими вкусъ образуется и очищается; онъ былъ человѣкъ военный, математикъ и родъ бродяги, служилъ по части артиллерійской или инженерной въ Россіи; изящное зналъ онъ изъ Фенелона, Ж. Ж. Руссо и даже Геснера ⁶⁾, стало безъ патоки сельской картины написать не могъ; но основа ея, чистая любовь двухъ невинныхъ ребятъ съ колыбели неразлучныхъ, гибель ихъ отъ законовъ свѣта, свидѣтелю знакомому съ нимъ, кажущаяся естественною, а имъ несбыточною, ихъ разлука за тридевять морей и постоянство (очень понятное, ибо мысль занята однимъ), кораблекрушеніе и дѣвичья скромность Virginie, изнеможеніе и отчаяніе Павла, словомъ сказать, весь рисунокъ повѣсти отменно привлекателенъ и даже простъ; краски же, я согласенъ съ Вами, не вѣрны и обличаютъ дурную школу. На словахъ подробнѣе разберемъ. Я припасъ ради Васъ и шахматы. Не увидите ли съ Каратыгинымъ? спросите въ такомъ случаѣ о возобновленіи Андромахи. Прощайте до свиданія. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

Р. S. Пошлите сказать къ брату П. А. ⁷⁾ у Демута, что я въ Цар. Селѣ въ Банной ул. въ домѣ Бера: я его жду сюда.

¹⁾ Anne Lefèvre m-me Dacier (1654—1720) перев. „Илиаду“ (1699) и „Одиссею“ (1708 г.).

²⁾ Louis—Elisabeth de la Vergne, comte de Tressan, франц. литераторъ, перевелъ „Rolando furioso“ Ариоста (р. 1705 г., ум. 1783 г.).

³⁾ Biscia—ужь, а biche—олень.

⁴⁾ Les Cosultations du docteur noir. Stello, (1832 г.). соч. Alfred de Vigny.

⁵⁾ Paul et Virginie. Paris 1787 г. Соч. Jacques—Henri Bernardin de Saint-Pierre.

⁶⁾ Salomon Gessner, р. въ 1730 г., ум. въ 1787 г.

⁷⁾ Петръ Александровичъ Катенинъ (ст. сов. ум. 1841 г.), по словамъ Павла Александровича (см. письмо № 111, отъ 14/26 февраля 1842 г.) „былъ застрѣленъ въ деревнѣ баронессы Кампенгаузенъ бѣглыми крестьянами, вѣроятно недовольными управленіемъ“.

Н. Макаровъ („Мои семидесятилѣтнія воспоминанія“, ч. I. 1881 г. стр. 28) называетъ его (своего крестнаго отца) человѣкомъ „замѣчательнымъ“ „не умомъ, не талантами, въ которыхъ онъ и до колѣна не доходилъ до своего брата, а своею эксцентричностью“.

16-го сентября 1833 г. (Царское Село).

Сейчасъ получилъ письмо Ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и тотчасъ отвѣчаю, ибо мѣшкать не для чего, а досуга у меня много черезъ край. Во-первыхъ прошу Васъ увидѣться съ Семеновымъ ¹⁾ и за меня его поблагодарить. Одно слово куда не шло, и врядъ ли въ нашемъ порядкѣ вѣщей могъ цензоръ его въ шуточномъ разказѣ оставить. Я принимаю стихъ, имъ предложенный:

Моргудъ Мирза молитвы возсылалъ ²⁾.

Конечно: *возсылалъ* высоко и почти выходитъ изъ тона; но хорошей перемѣны я не придумаю, а изъ посредственныхъ чужая, по всемъ отношеніямъ, лучшая. Послѣ исполненія сей обязанности, сдѣлайте одолженіе, поuidaйтесь съ Крыловымъ, напомните ему обѣщаніе его и отдайте на время рукопись, чтобы онъ могъ тоже отдать ее на прочтеніе Смирдину ³⁾, который, со своей стороны, передастъ ее на страшный судъ Греча (какъ я думаю); сколько мытарствъ! менѣе блуждалъ Одиссей, домогаясь родимой Иѳаки. Когда бы ни пожаловалъ другой пловець, Меншиковъ, все Вамъ необходимо теперь его ждать, и потому я перестаю ждать Васъ, покуда и утѣшусь надѣждою, что Вы въ Питерѣ меня не забываете и даже стараетесь о пользахъ моихъ. Письма Г-жи Севинье надо сперва прочесть всѣ, тогда скопится достаточное количество приятныхъ возпоминаній и можно будетъ ихъ положить на вѣски противъ многихъ осужденій; притомъ ошибка искать того, чего быть не можетъ, и требовать отъ свѣтской женщины стоическихъ правилъ или основательной критики. Еще слово о Bern. de St. Pierre: онъ самъ жилъ въ Ile de France ⁴⁾ и описательныя краски его вѣрны, почти что слишкомъ, но чувства выражены не съ дѣтской простотой тамошнихъ малограмотныхъ поселенцовъ, а съ плаксивой улыбкой новыхъ вуколиковъ. Забылъ намеднѣ сказать о моихъ поѣздкахъ въ столицу; въ приказѣ отдано, чтобы отпускные объявляли, гдѣ

1) Вас. Ник. Семеновъ, сторонній цензоръ Спб. Цензурнаго Комитета (съ 1830 г.), вполн. (въ 1846 г.) былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа.

2) „Княжна Милуша“ сказка Катенина. Спб. — 1834 г. пѣсня II купл. 31.

3) Александръ Филипповичъ Смирдинъ, книгопродавецъ, издатель, ум. 1857 г.

4) Voyage à l'Isle de France соч. Bernardin de St. Pierre. Paris 1773. 2 vol. in 8°.

они остановятся; затѣмъ я Васъ и просилъ, а на два дня вездѣ просторъ, и я всѣмъ доволенъ, лишь бы Вамъ не въ тягость. Прощайте. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

80.

19-го сентября 1833 г. (Царское Село).

Почта такъ снѣшно переноситъ наши письма, что можно безпрерывный разговоръ вести; мнѣ отъ бездѣлья оно весьма въ охоту, но Вамъ должно вскорѣ надоѣсть; до той поры вотъ, что Вамъ скажу: къ Семенову я написалъ и прошу Васъ, по крайней мѣрѣ, когда случай сведетъ, сказать ему *quelque douceur*, цензоръ въ Россіи не бездѣльный человѣкъ, а цензоръ либераль,—то, чѣмъ Г-жа Сталь назвала (NB въ глаза) самодержца Ал. Пав. un *heureux accident* ¹⁾. Г-жу Севинье Вы уже отставили; вся Ваша воля, но не извольте же рѣзко осуждать, пока не прочтете на досугѣ всего. О прїѣздахъ я и самъ догадывался, что нужно заблаговременно Васъ предупреждать, но это еще не такъ близко; полкъ образцовый не пришелъ покуда изъ Тосны, я живу въ какомъ-то отпуску, которому по билету и срокъ уже минулъ, никого не вижу и не слышу, и ничего, что со мною дѣлается, не понимаю, впрочемъ, буде кто-нибудь отыщетъ во всемъ этомъ смысла на денежку, ему и книги въ руки. Книги греческія я сегодня получилъ и завтра же примусь за работу. Критика Ваша на счетъ ударенія въ словѣ *тунить* отчасти справедлива; чаще произносятъ его, упирая голосомъ на послѣдній слогъ; только я не полагаю этого непремѣннымъ закономъ; въ русскомъ языкѣ удареніе во многихъ словахъ переносится *ad libitum*, по разнымъ весьма тонкимъ соображеніямъ, такъ что если бъ стихъ сдѣланъ былъ такъ: *Рвать тетеву и стрѣлы жаль тунить* ²⁾, онъ бы не имѣлъ, имянно отъ этой перемѣны, той ловкой небрежности, которая его краситъ въ моихъ глазахъ; и то правда, что мои глаза могутъ быть тутъ пристрастные судьи. Подумайте, и я подумаю; и если понадобится перемѣна, то она не затруднительна: портить, тратить etc. удобно вставятся, но наскоро мнѣ стихъ мой портить жаль. Я пользуюсь празднымъ житьемъ для пересмотра и

¹⁾ „Счастливая случайность“. См. *mémoires de madame de Staël* (Dix années d'exil). Paris 1821 г.: „Sire, lui-dis-je, Votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie“.—„Quand cela serait, me répondit-il, je ne serais jamais qu'un accident heureux“. Belles paroles, замѣчаетъ г-жа Сталь, les premières, je crois, de ce genre qu'un monarque absolu ait prononcées“.

²⁾ Стихъ изъ „Милуши“.

перечистки всего мною прежде написаннаго; удивился чистотѣ Сплетней: при строгомъ осмотрѣ не болѣе двадцати, и то по большей части мѣлочныхъ, поправокъ потребовалось; въ Андромахѣ и Есеири, недавно перебранныхъ, оказалось болѣе, и это утверждаетъ меня въ мысли, что комическій разговорный языкъ гораздо легче довести до нѣкотораго совершенства, нежели изящный и высокій. Даже въ послѣднемъ изданіи я кое-что перебѣлил: въ Наташѣ, Лѣшемъ, Софоклѣ и Мирѣ поэта; только Мстиславъ Мстиславовичъ, Ахиллъ и Омиръ, Старая быль, Елегія и Идилія оказались на порядкахъ; и то въ первомъ, какъ и въ Убійцѣ, есть можетъ быть двѣ, три задоринки, но мудрено ихъ вынуть; послѣднія же четыре стихотворенія нахожу я безъ грѣха и постараюсь всѣ довести до того же. Однажды, въ красный день, гулялъ я въ здѣшнемъ саду; очень хорошъ; но одному и тутъ скучно. Хочется мнѣ имѣть сочиненія латинскаго стихотворца Клавдіана ¹⁾, котораго Шишковъ называлъ Клодіенъ; видывалъ я когда-то изданье онаго съ французскимъ переводомъ въ двухъ частяхъ. Справьтесь-ко, любезнѣйшій, о немъ у Грефа или Белизара, а коли нѣтъ у нихъ (что не мудрено), нѣтъ ли у Васъ знакомаго, охотника шататься по лавочкамъ, гдѣ старыя книги продаются? тамъ и скорѣе найдешь и дешевле купишь: очень бы меня одолжили. Прощайте же, любезный Николай Ивановичъ.

Павель Катенинъ.

81.

23-го сентября 1833 г. Царское Село.

Не лъзя ли, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, прислать сюда на одинъ день книжку Телеграфа, въ которой моя статья помѣщена ²⁾? Если Полевой отъ себя къ ней не прибавилъ ни слова, надобно ожидать во-первыхъ отъ него пространнаго и обдуманнаго на нее отвѣта: увидимъ, но я все радъ, что мое слово въ люди пошло. Фраза о *Словѣ и долѣ* естественно слилась съ пера, по случаю *сокрушенія* критика; вѣроятно, Вы въ ней видите родъ лишняго хвастовства, какъ бы я говорилъ, что Жуковский (NB онъ здѣсь, и я его на дняхъ какъ-нибудь встрѣчу) перевелъ — хуже моего; но она заключаетъ въ себѣ и другой смыслъ, въ которомъ только надлежитъ признаваться передъ недоброжелателями, то-есть:

¹⁾ Claudius Claudianus, римскій поэтъ, р. ок. 365 г.

²⁾ Отвѣтъ Катенина на статью К. Полеваго (о сочиненіяхъ Катенина, вышедшихъ въ 1832 г. Моск. телегр. 1833 № 8 стр. 562—572) напечатанъ въ Моск. телегр. № 11 стр. 449—459. Возраженія Полеваго на этотъ отвѣтъ въ томъ же журналѣ № 12 стр. 594—611.

слово Грибоѣдова, въ спорѣ съ Гнѣдичемъ ¹⁾ и *дѣло* Жуковскаго, вторымъ переводомъ признавагося, что первый не достаточенъ, равно оправдали меня въ предпріятіи Ольги, не смотря уже на существованіе Людмилы ²⁾. Отклоненіе Смирдина досадно, но не удивительно; онъ руководимъ Гречемъ, но почти невѣжливо выходитъ противъ Крылова, котораго не худо бы на этотъ счетъ поджечь, и, какъ говорятъ французы, lui mettre le coeur au ventre, а мѣста тамъ будетъ хоть какому сердцу. Передъ отъѣздомъ былъ я у Белизара, хотѣлъ взять (заплативъ впередъ деньги) вторую часть бесѣдъ чернаго врача, продолженіе къ Stello, но у него еще не было, и потому я сказалъ молодому сидѣльцу, чтобъ онъ выдалъ ее первому порядочному человѣку, который имянемъ моимъ ее потребуетъ. Если бы Вы потрудились зайти, Вы бы за одинъ разъ провѣдали и о Клавдіанѣ, который нуженъ мнѣ для выполненія мысли не малой, родившейся въ моей головѣ, и могущей произвести стихотвореніе перваго разбора. Но я нынче плохо надѣюсь на книгопродавцевъ; романтизмъ, сирѣчь пошлые романы, выжили изъ лавокъ все дѣльное и путное, и потому прошу Васъ поручить кому-нибудь шатуну-библіофилу, и я еще отъ себя кой-кому закажу: Не отыщется ли пѣвецъ Стиликона ³⁾ на Щукиномъ дворѣ? Прилѣжно занимаюсь Одиссею, и теперь сто семнадцать стиховъ готовыхъ, такъ что почти ручаться можно, что вся пѣснь, гдѣ ихъ четыреста тридцать четыре, будетъ окончена во время моего Царскосельскаго пребыванія; если же не дадутъ кончить, ускоривъ отъѣздъ, тѣмъ лучше: скучно и стыдно быть въ службѣ совѣсмъ бесполезнымъ. Третьяго дня былъ я въ гостяхъ у молодого Принца Ольденбургскаго, по приглашенію его черезъ Игнатьева ⁴⁾; очень

¹⁾ Споръ о Катенинской „Ольгѣ“ въ 1816 г.

²⁾ „Г. Катенинъ“, писалъ К. Полевой въ своей статьѣ (Моск. телегр. № 12 стр. 603) „старается не понимать сокрушенія моего за споръ объ *Ольгѣ*, и объясняетъ его духомъ партій своего времени: просто мнѣ было скорбно видѣть человѣка съ такимъ дарованіемъ Грибоѣдова, до того ослѣпленнаго ученіемъ своей партіи, что онъ не видѣлъ красоты *Людмилы*, которая дѣйствительно выше *Леноры* Бюргеровой. Я увѣрею, что Жуковский перевелъ сію послѣднюю не для того, чтобы сознаться въ ошибкѣ своей, какъ говоритъ г. Катенинъ, а чтобы показать, сколь отлично это произведеніе отъ *Людмилы*. Иначе зачѣмъ сталъ бы онъ помѣщать въ новомъ изданіи своихъ сочиненій и *Людмилу* и *Ленору*?“

³⁾ Стиликонъ, покровитель поэта Клавдіана, который прославилъ его въ своей поэмѣ „De laudibus Stilichonis“.

⁴⁾ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, состоялъ при принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, полковникъ Преображенскаго полка, флигель-адъютантъ, впоследствии предѣдатель Комитета Министровъ.

учтивый, добрый и, кажется, толковый; но не смазливъ и нѣсколько еще не ловокъ: бѣда не большая. Не знаете ли чего о братьяхъ моихъ, особенно о родномъ? Ужь не уѣхалъ ли онъ изъ Петербурга мимо меня? Пошлите спросить и мой поклонъ отдать: отъ Васъ до него близко. Микулину поклонитесь, какъ увидите. Самихъ Васъ я никакими приглашеніями не тороплю; увѣренъ, что когда будетъ можно, Вы безъ нихъ меня навѣстите, а когда не лзя, и съ ними не двинитесь: стало прощайте до свиданія. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

82.

29 сентября 1833 г. (Царское Село).

Вчера разсудилъ я за благо, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, написать къ Крылову для нѣкотораго поощренія къ совершенію обѣщаннаго имъ на счетъ изданія Милуши. Клавдіана прошу Васъ купить и съ собой привезти, а дабы я безъ затрудненія могъ читать его, съ нимъ вмѣстѣ и одинъ томъ Ноэлева словаря, у Васъ находящагося, то есть *Latin-français*, а другой томъ безъ нужды таскать не надобно; я и двѣ первыя книжки Одиссеи французкой по подобной причинѣ Вамъ здѣсь обратно отдамъ. Греческая Одиссея довольно быстро подается; теперь уже сто восемьдесятъ семь стиховъ готовыхъ; а за все спасибо праздности образцоваго полка, при которомъ ровно дѣлать нечего, такъ что, кажется, тутъ сбывается пословица: мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову. Если бы не пружная служба, за которую безъ грѣха можно пользоваться кое-какимъ возмездіемъ, совѣстно было бы даромъ пайки брать. Въ прошедшую субботу былъ я здѣсь въ театрѣ; играли нѣмцы, между ними нѣкая *fr. von Hagen*, какъ говорятъ, генеральская дочь, дѣвушка съ дарованьемъ и хорошенькая собой, которую и Вамъ совѣтую повидать. Она и завтра здѣсь играть будетъ, только не знаю: пришлютъ ли мнѣ билетъ; а хотѣлось бы, ибо она рѣшительно изо всѣхъ нѣмокъ отметный соболю. Дивлюсь, что Каратыгинъ спрашивалъ мой адресъ; я, кажись, послалъ уже къ нему черезъ Лобанова и, не получая отвѣтовъ, начинаю опасаться, что они не получили моихъ грамотъ; дивлюсь и долгому пребыванію брата въ Петербургъ; спросилъ бы его, да писать нѣтъ охоты, и голова совсѣмъ пуста, впрочемъ я здоровъ и довольно веселъ: желаю Вамъ того же сугубо. Прощайте до свиданья, тоестъ до Вашего приѣзда.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Разпечатываю, чтобы сообщить Вамъ мысль, которая вдругъ пришла и засѣла, и чтобы съ Вами посоветоваться: не полезно ли мнѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ для денегъ, такъ и для славы, прочесть 23 октября въ академическомъ собраніи ¹⁾ пѣснь изъ Милуши, и я думаю: вторую, приготовивъ слушателей короткимъ въ прозѣ изложеніемъ первой? Коли Вы съ этимъ согласны, переговорите съ Крыловымъ, и пусть онъ безъ меня ее предложить г-мъ академикамъ, такъ чтобы все уже было приготовлено и мнѣ бы осталось только пріѣхать къ сроку и прочитать; отселѣ я приготовительныхъ мѣръ лично и брать не могу, да и выгоднѣе будетъ, если предложеніе сдѣлаетъ другой, и человекъ съ вѣсомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но при хорошемъ чтеніи ожидаю большаго успѣха, которому никакія журнальныя пакости ни тутъ помѣшать, ни послѣ повредить не могутъ.

(На оборотѣ:

Его Высокородію

Николаю Ивановичу

Бахтину.

1-й Адм. части на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Шетилія въ Санктпетербургѣ).

83.

10 октября 1833 г. (Царское Село).

Жаль, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что служба мѣшаетъ намъ свидѣться, задерживая Васъ дѣлами въ Петербургѣ, а меня бездѣліемъ здѣсь; такъ и быть: станемъ письменно разговоръ продолжать. Милушу надобно издать непременно, слѣдственно я соглашаюсь и на условіе, сообщенное мнѣ черезъ Васъ, то есть чтобы Глазуновъ напечаталъ ее на свой счетъ, въ числѣ, однако, отнюдь не болѣе тысячи двухъ сотъ экземпляровъ, и получилъ издержки свои экземплярами по цѣнѣ мною назначенной съ прибавкою 20 процентовъ. Цѣну назначаю я въ продажу по шести рублей за книжку и, разумѣется, убавлять въ накладъ Глазунову не стану. Сегодня же пишу къ Лобанову на счетъ четырехъ головокъ музъ къ четыремъ пѣснямъ, о коихъ я говорилъ съ гр. Ѳ. П. Толстымъ ²⁾, и которыя дорого стоятъ не могутъ; наборъ десяти съ половиною листовъ по 35 составитъ 367—50 коп.; бумаги петергофской

¹⁾ Катенинъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи 7 января 1833 г.

²⁾ Графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой, тайн. сов., вице-президентъ Академіи художествъ, живописецъ, скульпторъ, медальеръ, р. въ 1783 г., ум. въ 1873 г.

27 стоць по 20 выйдеть 540, такъ что и съ головками, и съ брошюркою, трехъ сотъ экземпляровъ черезъ край достанеть на покрытие издержекъ; останется мнѣ девять сотъ, изъ коихъ половину надо въ Москву послать, о чемъ нынче все напишу туда къ Грудеву; прочіе раздадутся въ Петербургѣ: Смирдину, Сленину, Заикину etc. на комиссію по обыкновенному порядку, то есть изъ шести рублей имъ одинъ, а мнѣ пять: коли вѣщъ пособится въ чтеніи, все хорошо. Удивляюсь отзыву Крылова объ академическомъ чтеніи; стало быть, Богдановича Душеньки не лзя бы было ему прочесть въ свое время ради цѣломудрія, *par respect pour les poeuts*, какъ въ пѣсни Беранжеровой поется!!! такъ и быть, настаивать мнѣ не хочется, а жаль, затѣмъ что право было бы оно и мнѣ, и слушателямъ, можетъ быть, пріятно. Оставляя это, какъ бесполезное, обращаюсь снова къ нужному, то есть къ изданію. Объявите Крылову о моемъ соизволеніи и приступайте съ Богомъ къ окончательному условію съ Глазуновымъ; довѣренность отъ меня себѣ напишите сами и пришлите на гербовой бумагѣ ко мнѣ, я ее въ здѣшнемъ судѣ засвидѣтельствую. На счетъ корректуры намѣрень я тоже къ Лобанову обратиться, и если онъ согласится, то надобно Вамъ съ нимъ какъ-нибудь сойтись. Повторяю: приступайте рѣшительно къ дѣлу, ибо время не ждетъ, а упускать удобное значить себѣ быть злодѣемъ; зима на дворѣ, какъ бы не пролетѣла. Я уже изпыталъ проволоочки и боюсь ихъ паче смерти, а въ отсутствіи моемъ онѣ еще опаснѣе, стало, перекрестясь, велите печатать; о головкахъ и Лобановѣ вообще увѣдомлю Васъ, какъ скоро будетъ отвѣтъ. Къ слову, развѣ Вы не видали отвѣта мнѣ отъ Полеваго, что не упоминаете о немъ? я по случаю прочелъ его здѣсь въ 12-мъ № Телеграфа: прочитайте, и потолкуемъ, а напередъ не хочу своими разсужденіями сбивать Васъ; впрочемъ, увѣренъ, что Вы о немъ скажете почти то же, что я; но Катонъ ко всему приговариваль: и изстребляйте Кароагенъ, а я: и печатайте Милушу. Посвященіе ея К. Павлу Голицыну, гдѣ рѣчь будетъ о покойномъ К. Николаѣ ¹⁾, пришлю вмѣстѣ съ гербовой бумагой,

¹⁾ „Княжна Милуша“ сказка, соч. П. Катенина, Спб. 1834 г., посвящена князю Павлу Борисовичу Голицыну. „Сочиненіе веселое, посвящая тебѣ, любезный другъ“, писалъ Катенинъ, „но съ горестнымъ чувствомъ, которое безъ сомнѣнія дѣлишь и ты, зная, что предпринялъ и готовилъ съ любовью трудъ сей въ подарокъ незабвенному нашему князю *Николаю Сергѣевичу*. Часть 1-я пѣсни написана въ его деревнѣ. Я тогда мучился опасной болѣзью; онъ, по виду, здоровый, за мной ухаживаль; и вдругъ нечаянно, невѣроятно, я полумертвый ожилъ, и не стало его“. Отзывъ объ этомъ соч. Катенина былъ напечатанъ въ „Молвъ“ 1834 г.

за нимъ дѣло не станетъ; къ Крылову, къ Глазунову, къ Плюшару ¹⁾, или въ академическую типографію, или въ другую, но хорошую ²⁾ *et que cela finisse* ³⁾). Одиссея кланяется Вамъ 244-ми стихами. Прощайте, почтеннѣйшій, до свиданія: полагаюсь на дружбу Вашу и прошу ее преодолѣть всякую разсѣянность и поспѣшить къ благому концу.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

84.

16-го октября 1833 г. (Царское Село).

Въ четвергъ по утру приѣду я въ Петербургъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, съ позволенія Вашего къ Вамъ, и пробуду недѣлю, ибо есть кое-какія дѣла. Не послѣднее изъ нихъ: Милуша, и я нетерпѣливо желаю напечатать ее безъ всѣхъ отлагательствъ; отъ Лобанова получилъ отвѣтъ; онъ берется держать послѣднюю корректуру, а гр. Толстой нарисовать головки музъ; это все на порядкѣ; только кончайте со своей стороны съ Крыловымъ и Глазуновымъ. Еще просьба: пошлите сказать брату Петру Александровичу о моемъ приѣздѣ, чтобъ онъ какъ-нибудь не уѣзжалъ въ тотъ день и часъ. Одиссея *va grand train* ⁴⁾; коли не въ дилижансѣ (зачѣмъ русскимъ словомъ не назовутъ?) приѣду, то привезу. Прощайте, до свиданія.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

P. S. Переверните.

(На оборотѣ): Читателю

вмѣсто Предисловія.

Почтеннѣйшій! Хотя бъ всего одинъ
Нашелся ты въ Россіи просвѣщенной
Какихъ ищущу; во первыхъ, дворянинъ
И столбовой, служивой и военной,

¹⁾ Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, извѣстный дѣятель на издательскомъ поприщѣ, р. 1801 г., ум. 1865 г.

²⁾ „Милуша“ была напечатана въ типографіи Х. Гинце.

³⁾ „И что бы это было кончено“.

⁴⁾ „Въ полномъ ходу“.

Душой дитя съ начитаннымъ умомъ,
И Русскій всёмъ, отцомъ и молодцомъ:
Коли прочтя въ досужный часъ Милушу
Полюбишь ты, я критики не струшу.

Хорошо ли?

85.

(Конецъ октября 1833 г. Царское Село) ¹⁾.

Возвратясь въ Царское Село, получилъ я письмо отъ Грудева, которое прилагаю, прося Васъ послѣ прислать его мнѣ обратно, но напередъ покажите его Глазунову. Коли ему не непріятно будетъ, то мнѣ выгоднѣе московскіе 500 экземпляровъ, о коихъ было сказано Ширяеву, отдать прямо ему на комиссію по 20-ти, нежели черезъ третьи руки по 30-ти процентовъ, и въ такомъ случаѣ я попрошу, тотчасъ по напечатаніи книги, сіе число экз. ему доставить на мой счетъ; если же Глазуновъ найдетъ это несогласнымъ съ его выгодами, да будетъ какъ предположено, и я отпишу въ такомъ смыслѣ, прося, однако, чтобъ и мои выгоды забытыми не оставались, и старанье нѣкоторое было приложено о томъ, чтобъ въ Москвѣ и губерніяхъ книга пущена была успѣшно въ ходъ. Конечно, если бы С.-Петербургскій книгопродавецъ, имѣющій ее въ виду, просто купилъ, всего бы лучше для меня, ибо меньше хлопотъ; но они скупы на деньги; что дѣлать? печатать скорѣе.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

86.

30 октября 1833 г. (Царское Село).

Вы вѣрно забыли послать печатный листъ, ибо я, кромѣ письма Вашего, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ничего не получилъ, и стало мнѣ куда надписывать нечего. Что касается до письма Грудева, то я остаюсь при прежнемъ мнѣніи: показать его Глазунову. Онъ легко можетъ согласиться на отправку въ Москву тотчасъ 500 экземпляровъ, ибо ему по разчету принадлежать будетъ не болѣе 200, а это количество, по всёмъ вѣроятіямъ, и въ Петербургѣ вскорѣ разоидется. Здѣсь уже я дотолѣ ни одного въ продажу не пущу, и сомнѣваться не въ чемъ, ибо книги у него же въ лавкѣ останутся, а Москва сама по себѣ пойдетъ. Если же и этого Глазуновъ не захочетъ, все спросъ не бѣда; и надо спросить. Кто его

¹⁾ На письмѣ помѣта рукою Бахтина: „отв. 28-го октября 1833 г.“.

московскій комиссіонеръ? Ширяевъ или другой? или онъ самъ имѣеть тамъ заведеніе? и у себя ли только, или у всѣхъ онъ книгу пустить въ продажу? и напишетъ ли о ней объявленіе? всѣ эти вопросы на словахъ весьма бы нужны и полезны, ибо, какъ говоритъ пословица: товаръ лицомъ продается, и на Бога надѣйся самъ не плошай. Мнѣ же надо Грудеву и черезъ него Ширяеву отвѣтъ дать, а не зная воли Глазунова, я не знаю, что отвѣчать. О печатаніи повторяю просьбу: не медлить; медленность вреднѣе всего, я это не разъ испыталъ и, какъ огня, боюсь. Противурѣчіе октавъ новой съ началомъ сказки ¹⁾ ничего не значить; я начавъ, имѣлъ въ виду красавицъ, кончивъ, обратилъ слова къ молодцамъ: разберутся между собою да и только; одна рѣчь въ самомъ стихотвореніи и должна почестся за нѣчто условное; другая, вмѣсто предисловія, и сущая правда, какъ бы въ прозѣ сказать слѣдовало; примѣровъ подобныхъ противурѣчій я бы могъ отыскать сто: въ поэмѣ обращеніе къ тому или тѣмъ, а передъ нею: *A chi legge* ²⁾ и совсѣмъ другое. Вельманъ ³⁾, къ кому бы не обратился, кромѣ Полевого, всякъ ему скажетъ дурака; а тотъ, кумъ его, толкуеть о сходствѣ, Ивы съ Донъ-Кихотомъ и Лазаря съ Санча-Панса ⁴⁾; надо быть глупѣе самага Ивы, что невозможно, чтобы думать такъ, и потому я

¹⁾ Дѣло идетъ объ октавъ, посланной Катенинымъ Бахтину въ письмѣ № 84, отъ 16-го октября 1833 г. („Читателю, вмѣсто предисловія“) и о первой октавъ самой сказки „Милуша“:

„Любезныя боярышни дѣвицы,
Красавицы прилука молодцовъ,
Угодно ли послушать вамъ цѣвницы
Неслыханной давно среди цѣвцовъ?“ и т. д.

²⁾ „Читателямъ“.

³⁾ Александръ Ѳомичъ Вельманъ, романистъ, археологъ, р. 1800 г., ум. 1870 г. Л. Н. Майковъ характеризуетъ Вельмана, какъ писателя, отличавшагося „живымъ воображеніемъ“ и обладавшимъ „несомнѣннымъ крупнымъ поэтическимъ талантомъ, который при томъ былъ отмѣченъ печатью самобытности“. Онъ, по словамъ Бѣлинскаго, „понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ и, не давая намъ видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ чутъ ее въ какомъ-то призракѣ неуловимомъ, но характеристическомъ, негѣломъ, но понятномъ“. Къ числу недостатковъ произведеній Вельмана слѣдуетъ отнести „распущенность воображенія“, отдаваясь которой, онъ зачастую «изображалъ крайне неестественныя, невѣроятныя происшествія, какъ вполне возможныя въ современной русской дѣйствительности». (Л. Н. Майковъ—Пушкинъ, СПб. 1899 г. стр. 97—100).

⁴⁾ Могучій богатырь Ива Олельковичъ и его вѣрный оруженосецъ Лазарь—дѣйствующія лица въ „Кошеѣ безсмертномъ“ (былина стараго времени), соч. А. Вельмана (3 ч. М. 1833). Разборъ этой „былины“ напеч. въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1833 г. № 12 стр. 612—617.

увѣренъ, что самъ Полевой такъ не думаетъ, и что, по Вашимъ словамъ: *le cas est pendable* ¹⁾. Кушите же Клавдіана и пришлите, тогда будетъ за мной $3 + 7 = 10$. Лактанція ²⁾: о Фениксѣ я прочелъ; его мысль: Завидная судьба не умираетъ. Для нѣкоторыхъ подробностей полезно. Прощайте Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Р. С. Получивъ листъ, подписалъ корандашемъ, и сверхъ того перомъ, чтобъ не сказали: мало. Жена Грудева—дочь князя Бяратинскаго ³⁾. Сей князь былъ женатъ на нѣмецкой принцессѣ Гольштейнъ-Бекъ ⁴⁾, отъ которой имѣлъ одну дочь, вышедшую за мужъ за графа Николая Александровича Толстого ⁵⁾. Княгиня Гольштейнъ-Бекъ Бяратинская съ мужемъ не ужилась и уѣхала во свояси; онъ свелъ сожитіе съ благородною дѣвушкой: Бибиковой, и она роди ему сына и дщери, кои назывались долгое время сложнымъ именемъ: Бибитинскіе. По смерти законной жены, онъ объявилъ, яко бы давно вѣнчанъ съ еей второй женой, и просилъ покойнаго Государя дѣтей узаконить, на что послѣдовалъ Высочайшій отказъ. Но смерть всѣхъ трехъ братьевъ Бибитинскихъ, убитыхъ или такъ умершихъ въ Молдавіи на войнѣ, перемѣнила во благое судьбу ихъ двухъ сестеръ, которыхъ тогда переименовали княжнами Бяратинскими. Одна изъ нихъ вышла за Бантыша-Каменскаго ⁶⁾, другая за Бориса Михайловича Загряжскаго ⁷⁾, а, по смерти его, вдовою за Грудева ⁸⁾, который такимъ побытомъ выхо-

¹⁾ „Дѣло подозрительное“.

²⁾ Lactantius, ум. ок. 332 г.

³⁾ Князь Иванъ Сергѣевичъ Бяратинскій, р. въ 1738 г., ум. въ 1811 г.

⁴⁾ Княгиня Екатерина Петровна Бяратинская, рожд. принцесса Гольштейнъ-Бекская, р. въ 1755 г., ум. въ 1811 г. („Взгляды на мою жизнь“. Зап. И. И. Дмитріева. Изд. М. А. Дмитріева. М. 1866 стр. 280 (прим. М. Н. Лонгинова).

⁵⁾ Княжна Анна Ивановна Бяратинская (ум. въ 1825 г.) вышла замужъ за графа Николая Александровича Толстого (1761—1816 г.). (Ост. Арх. II, 428).

⁶⁾ Елизавета Ивановна Бибитинская (ум. 16-го ноября 1834 г. на 36-мъ году отъ рожденія) была замужемъ за Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ (авторъ словаря достопамятныхъ людей, р. въ 1788 г., ум. въ 1850 г.).

⁷⁾ Борисъ Михайловичъ Загряжскій, кол. сов., камеръ-юнкеръ, р. въ 1785 г., ум. въ 1825 г., былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ, рожд. Бибитинской (Ост. Арх. III, 363), р. въ 1797 г., ум. въ 1866 г. (Московскій Некрополь СПб. 1907 г., стр. 335).

⁸⁾ Геннадій Владиміровичъ Грудевъ, р. въ 1796 г., ум. въ 1895 г. (Моск. Некроп. стр. 335).

дить свой Гольштейнскому дому: la peste! Кланяйтесь брату, коли увидите, да уведоьте о Чебышовѣ.

П. Катенинъ.

87.

5-го ноября 1833 г. (Царское Село).

Зная подлость купеческаго отродія, я мало удивленъ поступкомъ Глазунова, и, едва дѣло пошло въ проволочку, я сталъ ожидать чего-нибудь въ этомъ вкусѣ. О прошедшемъ нѣтъ пользы слова терять, а вотъ что начать слѣдуетъ: намернѣ у Крылова встрѣчался я случайно съ Смирдинымъ, который, извиняясь, что не могъ кушить рукописи, предлагалъ, однако, напечатать ее, на что я не могъ сказать ничего, полагая дѣло уже обдѣланнымъ съ другимъ. Потрудитесь, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, сказать Крылову объ этомъ, что онъ своими ушами слышалъ, и попросите его, чтобъ онъ послалъ за Смирдинымъ, такъ чтобъ и Вамъ тутъ же быть, и тогда условіе подобное заключите съ нимъ, вмѣсто Глазунова; а поелику его лавка болѣе въ модѣ, то въ иныхъ отношеніяхъ оно еще лучше будетъ. Но, ради Бога, поскорѣе; трата времени величайшее зло. Лучшаго я отселѣ совѣтовать не умѣю, и, кажется, эдакъ хорошо будетъ; но необходимо и Крылова, и Смирдина, обоихъ взять Вамъ такъ сказать за бороду и теревить, пока они все сотворятъ, что требуется. Тутъ удобно Вамъ и Грудева письмо показать и обо всѣхъ подробностяхъ продажи, объявленій, комиссіи etc. въ короткихъ, но ясныхъ словахъ спросить и условиться. Но еще разъ твержу: скорѣе. Переписки со мной о мѣлочахъ заводить не нужно, рѣшайте сами, и я прекословить не стану *et que cela finisse*. Чебышовъ, возвращаясь во свояси, гостилъ у меня сутки, отъ того я и не писалъ къ Вамъ въ четвергъ, ибо нынче съ 1-го ноября почта отселѣ не ежедневно въ Петербургъ ходитъ, а дважды въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ. Впрочемъ существеннаго мнѣ и писать было нечего; о знакомствѣ Вашемъ съ Лобановымъ я никогда слишкомъ не хлопоталъ и не думаю убѣждать Васъ, коли оно Вамъ кажется не по мысли, хотя, по моему мнѣнію, знакомства такого рода, если бесполезны, то и не тяготительны, ибо не налагаютъ никакой обязанности, кромѣ взаимнаго поклона, при встрѣчѣ на улицѣ. Впрочемъ, не знакомясь съ нимъ, Вы можете назвать его Смирдину, какъ взявшаго на себя очистку изданія. Зная Ваше ко мнѣ дружеское разположеніе, мнѣ почти совѣстно Васъ понукать, но въ послѣдній разъ прошу: похлопочите и кончите; если же въ Петербургѣ всѣ откажутся, мнѣ придется писать въ Москву, а не хотѣлось бы печатать за семьсотъ верстъ. Прощайте пока, любез-

нѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, и въ первомъ письмѣ постарайтесь прислать извѣстiе удовлетворительное. Весь Вашъ
Павелъ Катенинъ.

P. S. Если сверхъ всякаго чаянiя и пристойности, Крыловъ откажется отъ дальнѣйшихъ старанiй и скажетъ, что онъ сдѣлалъ довольно, не сдѣлавъ ничего, скажите отъ меня Каратыгину, чтобъ онъ сходилъ къ Смирдину и, упираясь на сказанное имъ мнѣ, что купить онъ не могъ по обстоятельствамъ, но напечатать готовъ, взялъ съ него вторично въ томъ вѣрное слово и, зайдя опять съ Вами вмѣстѣ, кончилъ дѣло объ изданiи. Я увѣренъ, что Каратыгинъ не откажетъ мнѣ въ этомъ потрудиться; но въ сотый разъ: такъ, либо сякъ, только безъ отлагательствъ.

П. Кат.

88.

10-го ноября 1833 г. (Царское Село).

Я вовсе не думалъ ссориться и еще менѣе отмалчиваться; удивляюсь, отчего Вы въ среду 8-го ноября не получили уже моего письма, посланнаго отселѣ въ понедѣльникъ 6-го. Повторяю вкратцѣ содержанiе его: Смирдинъ встрѣтился со мной у Крылова, когда я въ послѣднiй разъ прiѣзжалъ въ Петербургъ и, отговариваясь обстоятельствами въ томъ, что не купилъ Милуши, предлагалъ однако ее напечатать; слѣдственно теперь прошу обратиться къ нему и, напомнивъ его слово мнѣ, при Крыловѣ добровольно сказанное, съ нимъ заключить условiе объ изданiи. Если Крыловъ откажется въ содѣйствiи, можно попросить Каратыгина къ Смирдину сходить и съ нимъ сговориться; даже можете Вы сами прямо рѣчь къ нему обратиться. Но такъ ли, сякъ ли, моя просьба: дѣломъ поспѣшить, ибо время дорого, и вотъ уже слишкомъ два мѣсяца уплывшихъ послѣ пропуска цензурою рукописи. При семъ посылаю XXI-ю пѣснь Одиссеи: отдайте ее переписать, какъ прочтете. Что же до дружбы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я дорожу ею не менѣе другого, и Вы напрасно подумали, чтобъ я могъ ее просудить. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

89.

13-го ноября 1833 г. Царское Село.

Въ третiй разъ принимаюсь писать къ Вамъ одно и то же, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, не для того что, по словамъ Вольтера: *il faut répetér*; а вотъ чего ради: первое письмо мое, черезъ почту отправленное въ прошедшiй понедѣльникъ, либо поздно дошло къ Вамъ, либо вовсе пропало, ибо Вы въ своемъ письмѣ не

упомянули о немъ, а напротивъ жаловались, что я не пишу и не звали, чему приписать мое молчаніе; второе письмо мое и съ 21-й пѣснью Одиссеи послано съ чужимъ человѣкомъ и стало еще ненадѣжнѣ почты. И такъ вотъ третье, и третій разъ прошу: оставя Глазунова, обратиться съ печатаніемъ Милуши къ Смирдину, который, у Крылова со мною сойдясь, нынче недавно, самъ вызывался напечатать, коли я того хочу. Еще просилъ и прошу, вспомнивъ сколько уже времени даромъ пропало, поспѣшить этой сдѣлкой со Смирдинымъ, довольно легкой, ибо въ ней нѣтъ затрудненій, поспѣшить и печатаніемъ книги, ибо пора, а медленность и опаздываніе порча всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ. Къ этому прибавляю только, что дивлюсь, какъ Вамъ могла въ голову войти мысль, что я хочу ссориться, *j'en suis bien loin* ¹⁾; но Вы, коли получили хоть одно изъ моихъ писемъ, давно сами разсмѣялись надъ привидѣніемъ, которое какъ-то создалось вдругъ изъ ничего. Писалъ бы еще, да только что всталъ, а уже поздно, и боюсь опоздать посылкою на почту, которая, однако, какъ видно сама не всегда исправна, буде *ma première lettre* отъ 6-го ноября ни рано ни поздно къ Вамъ не дошло. Прощайте до свиданія и *печатайте Милушу*. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

90.

(Конецъ ноября ²⁾ 1833 г. Царское Село).

Очень радъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что дѣло о Милушѣ идетъ на ладъ со Смирдинымъ, и благодарю Васъ и Каратыгина за дружеское стараніе, но (*j'en reviens là*) оканчивайте и печатайте. Въ какой же типографіи будетъ печататься книга? коли Смирдинъ отстраняется отъ сихъ хлопотъ, которыхъ, впрочемъ, онъ и тогда не зналъ, то я напишу еще разъ къ Лобанову, а сначала надобно Вамъ сказать типографчику: 1-е, чтобъ онъ велъ дѣло ходомъ; 2-е чтобъ сносился съ Лобановымъ. Я же повторяю одно: пора! Декабрь на дворѣ, ergo: пора! Еще прошу Васъ отправить одинъ экземпляръ моихъ сочиненій, вмѣстѣ съ приложеннымъ здѣсь письмомъ, по надписи черезъ почту. Письмо положить между книгами, чтобъ не платить вдвойнѣ; а книги я думаю есть у Васъ, коли не на тонкой, то хоть на толстой бумагѣ: все равно. Братъ Ал. Андр. былъ вчера у меня; онъ переведенъ въ первый баталіонъ, стоящій теперъ за городомъ, и попалъ мнѣ въ сосѣдство. Извините, что сегодня письмо еще хуже обыкновеннаго, пишется наскоро, и

¹⁾ „Я очень далекъ отъ этого“.

²⁾ Помѣтка рукою Бахтина: „пис. къ П. А. 2-го декабря 1833 г.“.

голова пуста. Главная мысль въ ней все таже: печатать скорѣ Милушу. Прощайте до свиданія. Весь Вашъ П. Катенинъ.

P. S. Жду подробнаго извѣстія о начатіи дѣла, съ означеніемъ типографіи, гдѣ оно будетъ производиться.

91.

4-го декабря 1833 г. (Царское Село).

Письмо Ваше подтвердило мнѣ слова брата; я почти радъ, что все дѣло въ проволочкѣ, а не въ разрывѣ, отъ чего бы большая проволочка послѣдовала; но усердно прошу Васъ и эту, какъ можно скорѣ, сжить долой, ибо изданію книги хорошо бы уже конченнымъ быть объ эту пору, а оно и не начато. Я прошу d'abondance, когда начнется оно, сговорить съ типографчикомъ, чтобы онъ отнюдь не мямлил, и Лобанову я напишу тогда въ томъ же смыслѣ. О бумагахъ, шрифтѣ, etc. молчу, полагаюсь во всемъ этомъ на Вашъ выборъ, но повторяю (il faut répéter, говоритъ Вольтеръ), что время не ждетъ, и каждый часъ въ подобномъ случаѣ дорогъ. О житьѣ моемъ говорить нечего: словъ не стоитъ. Книгъ нѣтъ, и изящнаго ничего въ голову не лѣзетъ, а занятій по службѣ тоже нѣтъ; изо всего вмѣстѣ выходитъ злая скука. Нашелся въ образцовомъ полку нѣкто Макаровъ, мнѣ съ родни, учившійся въ Московскомъ университетскомъ пенсіонѣ, и сверхъ того играющій въ шахматы; я и тому радъ. Когда же Вы съ Каратыгинымъ приѣдете? если не ранѣ, то постарайтесь хоть въ будущій понедѣльникъ, декабря 11-го: день моего бѣдственнаго на свѣтъ рожденія. Торопите печатаніе Милуши: нужно.

Прощайте до свиданія.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

92.

21-го декабря 1833 г. (Царское Село).

Двукратное предложеніе Смирдина мнѣ и Вамъ, чтобы я чѣмъ-нибудь снабдилъ его будущій журналъ¹⁾, за что онъ и платить не отказывается, заставило меня подумать объ этомъ, и вотъ что мнѣ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, на мысль пришло: не напечатать ли тутъ продолженія Размышленій и Разборовъ, выходившихъ въ Литературной Газетѣ? двѣ статьи: о французкой поэзіи и о французкомъ театрѣ трагическомъ, еще читателямъ неизвѣстныхъ,

¹⁾ „Библиотека для чтенія“.

и чѣмъ ихъ подѣ спудомъ держать, лучше на свѣтъ выпустить и въ одно время угодить книгопродавцу. Коли такъ, то надо только въ концѣ первой статьи прибавить P. S. въ трехъ строкахъ, а именно: „Все сіе было написано уже нѣсколько годовъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ явился во Франціи еще одинъ геніальный стихотворецъ Викторъ Гюго; но о немъ и вообще о романтической революціи Франціи надлежало бы написать особую и, можетъ быть, довольно пространную статью, которою заняться теперь мнѣ нѣтъ ни времени, ни охоты“. Относительно же платы, я за прозу денегъ со Смирдина братъ не хочу, а возьму книгами, что для него сходнѣе; но за стихи, коли буду у него помѣщать ¹⁾, прошу наличныхъ пѣнязей, car стихи великое дѣло, а проза n'est que de la vile prose ²⁾. Еще прошу Васъ, любезнѣйшій, увѣдомить меня на счетъ московскихъ экземпляровъ: что мнѣ написать Грудеву? если Смирдинъ этому не противится, то его же надо попросить о пересылкѣ книгъ къ Ширяеву, разумѣется на мой счетъ, но онъ перешлетъ за меньшую цѣну ибо у нихъ это уже заведено, а я не знаю, какъ и отправить. Новая рѣчь: Вздорная, но веселая мысль проскочила въ головѣ, и я написалъ эпиграмму. Вотъ она!

Охота спорить бѣлый свѣтъ
 Подѣ часъ до глупости доводить.
 Вчера къ пріятелю вхожу я въ кабинетъ;
 Споръ слышу у гостей: всякъ изъ себя выходитъ;
 Шумъ, слово за словомъ, отвѣту вслѣдъ отвѣтъ;
 Хозяинъ умный самъ съ другими колобродитъ.
 Что жъ важный спора ихъ предметъ?
 „Съ какого языка усердный де Шаплетъ ³⁾
 Намъ Вальтеръ-Скотта переводитъ,
 И сѣрый Тассъ, въ которомъ смысла нѣтъ,
 На много-ль желтаго однакожъ превозходитъ?“

Прикажете списать двѣ копи, рукою неизвѣстною, подписавъ буквою: П, и пошлите одну по городской почтѣ къ Гречу, а другую въ Москву къ Полевому, car je veux garder l'incognito. Я двухъ

¹⁾ Въ „Библи. для чтенія“ Катенинъ помѣстилъ въ 1835 г. (т. XII стр. 15—16): стихотв. „Предложеніе“, а въ 1836 г.: „Гнѣздо голубки“ (т. XIV стр. 14—17) и былъ „Инвалидъ Горевъ“ (т. XVII стр. 3—16).

²⁾ „Презрѣнная проза“.

³⁾ Самуилъ Самуиловичъ Де-Шаплетъ, ум. въ 1834 г., подполковникъ, членъ Общ. Любител. Росс. Словесн., сотрудничалъ въ Моск. Телегр., Сѣв. Пчелѣ и т. п., перевелъ „Жизнь Наполеона Бонапарта“ въ 14 ч. (1831 г., 2-ое изд. 1836 г.).

Тассовъ, Кукольника ¹⁾ и Кирѣева ²⁾, обозначилъ по цвѣту обертки; но не лучше ли будетъ сказать о нихъ такъ:

И *Тассъ* неигранный, въ которомъ смысла нѣтъ,

На много-ль игранный однако-жь превозходитъ?

Сіе предоставляю на Вашъ выборъ и вкусъ. Правда, что эдакъ рѣчь двусмысленна и едва ли правильна; la première manière лучше и безопаснѣе, ибо не касается дирекціи И. театровъ. Новая бѣда! я слышалъ, что Загоскинъ издалъ романъ: эпоха Владимира ³⁾ и герой называется *Веславъ*. Прочтите, если можно, и увѣдомьте: нѣтъ ли еще какого сходства. Ждалъ я отъ Васъ писемъ, но почта ничего не привезла; и такъ, прощайте до будущихъ, а поспѣшите печатаніемъ Милуши; ничего такъ не боюсь, какъ проволочки.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

93.

8 января 1834 г. (Царское Село).

Ни на записку, отправленную черезъ человѣка моего, вмѣстѣ съ письмомъ къ Лобанову, ни на другое письмо, гдѣ стихи были помѣщены, не имѣю я понынѣ отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, никакого отвѣта и, что также тяжело моему сердцу, не знаю навѣрно, печатается ли Милуша и сколько уже готово, и когда будетъ дѣло къ концу. Сдѣлайте милость, не оставляйте меня слишкомъ долго въ семь горестномъ недоумѣніи, О себѣ скажу Вамъ вотъ что: срокъ отъѣзда на Кавказъ не далекъ ⁴⁾, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, я по снѣгу укачу туда; я даже сегодня пишу въ деревню, чтобы люди, мною отпущенные, поспѣшили возвратиться ранѣе назначеннаго срока: 15-го февраля. Какъ это сдѣлалось, или дѣлается, разкажу Вамъ при свиданіи, ибо располагаю въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, а можетъ быть и въ первой половинѣ онаго, побывать въ Петербургѣ. Отправили ли Вы еще преждѣ, по просьбѣ

¹⁾ „Драматическая фантазія въ стихахъ“ Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868 г.): „Торквато Тассо“ напеч. въ 1833 г., не была представлена.

²⁾ Торквато Тассо, драма Кирѣева (Александръ Дмитриевичъ, управл. конторой Имп. Театровъ въ 1847 г., перев. „Преступную мать“ Бомарше) представл. въ СПб. 27 сентября 1833 г.

³⁾ „Аскольдова могила“, романъ М. Н. Загоскина. М. 1833 г. (Герой Катенинской „Милуши“ именуется Всеславомъ Голицею).

⁴⁾ Катенинъ выѣхалъ 13 марта 1834 г. (См. письмо Катенина къ Пушкину отъ 10 марта 1834 г. Бумаги А. С. Пушкина. Вып. I. Москва 1881 г.) и прибылъ къ своему полку (Эриванскому Карабинерному) 10-го мая 1834 г.

моей письмецо и экземпляръ къ Иванову въ Пучежъ? и по соображеніямъ и сдѣлкамъ Вашимъ, какъ мнѣ писать къ Грудеву о Шириевѣ etc? но главное: скоро ли Милуша посидѣтъ? Прощайте, почтеннѣйшій, до отвѣта и до свиданія послѣ

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

94.

11 января 1834 г. (Царское Село).

Возвращаю при семь корректурный листъ и съ надписью, а тотъ я оставилъ, почитая уже не нужнымъ, однако сохранию на всякъ случай. Съ Лобановымъ дѣлать нечего, и на счетъ дѣла я, судя потому что видѣлъ, мало сожалѣю о немъ, но бѣда въ томъ, что я здѣсь, а не тамъ, гдѣ печатають, отъ чего можетъ произойти весьма вредная проволочка; я и такъ уже удивленъ и опечаленъ, видя, что понынѣ всего одинъ листъ набранъ и тотъ не тиснутъ: когда-жъ будетъ конецъ? Не уже ли нѣтъ человѣка, который бы, держась правилъ моей орѳографіи, очевидныхъ, въ рукописи мною исправленной, могъ вычищать ошибки наборщиковъ? если нѣтъ, присылайте сюда, я самъ займусь, и за мной задержки не будетъ, лишь бы я успѣлъ до почтового дня, понедѣльника, либо пятницы, получить и хоть глазомъ окинуть. Нельзя ли Элькана ¹⁾ попросить? онъ, я увѣренъ, не откажетъ; но бѣда, что я не знаю его жительства: развѣ справиться въ Департаментъ Путей Сообщенія, гдѣ онъ служить, либо у самого, при встрѣчѣ на улицѣ. Ускореніе моего отъѣзда, давно желаемое мною, обдѣлывается черезъ Адлерберга ²⁾; кажется, этого достаточно, чтобы увѣриться въ томъ, что непріятнаго мнѣ ничего быть не можетъ. Еще сегодня намѣренъ я сходить къ генералу Люце и поторопить его ходатайство, уже мнѣ обѣщанное; коли онъ скажетъ что-нибудь дѣльное, сообщу уже. Затрудненіе въ томъ, что я людей отпустилъ въ деревню до 15-го февраля, и сверхъ того дорога полузимняя и полулѣтняя будетъ не безъ хлопотъ; но что дѣлать? мнѣ, какъ видно, на роду написано проживать вѣкъ свой въ безпокойствѣ. Люце, отъ котораго я сейчасъ пришелъ, сказалъ мнѣ, что онъ послалъ уже бумагу обо мнѣ, и что мнѣ остается готовиться къ отъѣзду: изъ сего усмотрите

¹⁾ Александръ Львовичъ Эльканъ перевелъ на нѣмецкій языкъ стихотв. Катенина „Пѣвецъ Усладъ“ (Der Sanger), напеч. въ I т. соч. Катенина стр. 180—181.

²⁾ Графъ Влад. Фед. Адлербергъ (1791—1884 г.); въ то время начальникъ Военно-походной Е. И. В. Канцеларіи.

Вы, какъ нужно поспѣшить изданіемъ Милуши; Бога ради, поторошите; корректуру, пока другаго нѣтъ, я буду держать, и вѣрно не замной выйдеть остановка или замедлѣніе. Прощайте покуда, любезный Николай Ивановичъ, а вскорѣ скажется на долго: прости.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

95.

15 января 1834 г. (Царское Село).

Вчера весь день я ждалъ и не дождался присылки второго листа печатной Милуши, о которомъ Вы писали, что онъ уже готовъ былъ преждѣ отправки перваго. Знаю, почтенный Николай Ивановичъ, что всѣ видятъ по своему, и сожалѣю объ этомъ; мнѣ хотѣлось бы хоть на мигъ одинъ ссудить Васъ моими глазами, которые въ проволочкѣ и опозданіи видятъ нѣчто отвратное, ужасное, гибельное. День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходятъ въ чудной тратѣ, и ничто съ рукъ нейдетъ; прошу Васъ, пособите. Толстую библиотечку для чтенія ¹⁾ я досталъ и прочелъ. Стиховъ нѣтъ, такъ сказать; Пушкина Гусаръ пустячекъ, и его одного проглотить можно, прочіе на зубахъ вязнуть ²⁾. Я удивился такой скудости запасовъ, но видно, что разочтено насколько легче бумагу марать безъ мѣры и риемы. Проза вся вообще надута, жеманна и неправильна до безграмотности. Статьи Греча ³⁾ однѣ писаны, какъ онъ всегда пишетъ, холодно и бездушно, съ примѣсю зла *in petto* ⁴⁾, но чисто и по русски. Статья Сенковского ⁵⁾ „Скандинавскія Саги“ имѣетъ другое достоинство: существенное, но сколько въ ней вранья, пустословія и опять односторонности. Карамзинъ слѣпо вѣрилъ въ Нестора и Шлепера, а этотъ слѣпо же въ своего Эймунда; только замѣтите, что *persiflage* надъ Карамзинымъ уже не считается за уголовное преступленіе. Критическія статьи двухъ родовъ: свои собственныя и переводныя. Что послѣднія умнѣе и толковѣе вѣщъ естественная, но что онѣ направлены совсѣмъ не туда, куда первыя, а какъ бы противъ нихъ, что за моремъ осуждаютъ, какъ не-

¹⁾ Библиотечка для чтенія 1834 г. т. I.

²⁾ Стихи И. Козлова, В. Жуковского (Норманскій обычай), барона Розена, Г. Р. Державина (впервые напечатанные).

³⁾ Письмо въ Парижъ къ Я. Н. Толстому (Н. Греча) отъ 6-го декабря 1833 г.

⁴⁾ „Съ затаенною злобою“.

⁵⁾ „Скандинавскія Саги“ (въ отношеніи къ русской исторіи) Осипа Ивановича Сенковского (1800—1850 г.) отд. III, стр. 1—77.

лѣпицу, заслуживающую забвенія, то самое, что здѣшнимъ судьямъ мерещится за гениальный sublime, это достойно вниманія всякаго мыслящаго человѣка, и кажется не замѣчено Г-ми издателями. Ненависть ихъ ко мнѣ и Каратыгину является въ ретиценціяхъ и обвинякахъ: такъ слѣдуетъ; но я желаю знать, кто именно Тютюнджю-Оглу ¹⁾, поклонникъ Кукольника, изволившій на 33 стр. излить свое негодованіе на весь комитетъ, у Гедеонова ²⁾ збиравшійся для слушанія и принятія пьесъ. Жду письма отъ Васъ и продолженія Милуши; ради Бога и Христа его, озаботьтесь, чтобъ дѣло шло, затяжка мучить меня. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

96.

19 января 1834 г. (Царское Село).

Несмотря на слезныя мои просьбы, я не получаю ни печатныхъ листовъ Милуши, ни извѣстія объ нихъ, и принужденъ, что далѣе, то болѣе, сокрушаться и опасаться. Сдѣлайте одолженье, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, примите сколько-нибудь къ сердцу мое справедливое огорченіе и опасеніе. Довольно уже тѣхъ неудовольствій, которыхъ я отвратить ничѣмъ не могу; надо ли прилагать къ нимъ еще такія, отъ коихъ съ нѣкоторымъ стараніемъ можно бы было и предостеречься? Всякое запоздалое изданіе губить сочинителя, всякая книга, поступающая въ продажу, когда всѣ закупились, а нѣкоторыя и по деревнямъ разлѣхались, остается въ лавкѣ; недоброжелатели (а у меня ихъ вдоволь), пользуясь этимъ обстоятельствомъ, громче и рѣшительнѣе вредятъ; безопасные (а симъ числа нѣтъ) охотнѣе и безгрѣшнѣе вѣрятъ имъ на слово; книгопродавецъ, выручая мало денегъ, становится напередъ холоднѣе и неговорчивѣе; трудъ, много стоившій и похвалу заслуживающій, презрѣнъ; стихотворецъ пьетъ желчь, вмѣсто меда, etc. etc. etc., а все произошло, можетъ быть, отъ того только, что не кому было въ свою пору сказать слово, или послать въ типографію, или на почту, или что-нибудь въ этомъ мѣлкомъ родѣ.

Повѣрьте, что мнѣ очень больно. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

¹⁾ Тютюнджю—Оглу, псевдонимъ Сенковского. (Разборъ драмы Кукольника „Торквато Тассо“).

²⁾ Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, директоръ Имп. театровъ, драматургъ, р. въ 1816 г., ум. въ 1878 г.

97.

22 января 1834 г. (Царское Село).

Еслибъ я уже нѣсколько разъ не испыталъ, что значить Ваше молчаніе, я бы льстился надѣждой, что потому не пишете Ръ, что все слава Богу хорошо; легко можетъ быть, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, что оно Вамъ такъ и кажется, только не мнѣ, ибо *все хорошо* не разъ объяснялось мнѣ совсѣмъ иной рѣчью: все ни съ мѣста, всего ничего. О вредѣ сей неподвижности я и говорилъ, и писалъ такъ часто и много, что не придумаю какимъ бы еще словомъ или разсужденіемъ убѣдить Васъ и доказать основательность моихъ безпокойствъ. Часто два человѣка, съ разныхъ точекъ смотря, судятъ на двое; но здѣсь дѣло мое, и потому еще разъ прошу Васъ сколько-нибудь уважить мою заботу, мою одурь днемъ и бессонницу ночью. Цѣлыхъ двѣ недѣли оставленъ я даже безъ увѣдомленія объ изданіи, и въ то самое время, какъ послѣ отклоненія Лобанова, я не вижу, какъ дѣлу печатанія производиться. Мнѣ въ этомъ мучительномъ невѣдѣніи оставаться не можно и не должно; такъ ли, сякъ ли, моя обязанность разпорядиться и устроить, тѣмъ паче что я собираюсь уѣхать такъ далеко, что оттолѣ почти возврата нѣтъ, и что эта книга есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдняя, какую я выдамъ. Горько, если и этотъ блинъ выйдетъ комомъ, и поспѣетъ къ столу не преждѣ, какъ всѣ гости, по горло сытые, отъ него откажутся.

Большой тѣломъ и духомъ Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

98.

25 января 1834 г. (Царское Село).

Сегодня былъ я въ должности, а тамъ былъ братъ Ал. Андр. у меня въ гостяхъ, и потому въ половинѣ второго пишу наскоро; корректуру второго листа успѣлъ я выправить и возвращаю съ надписью черезъ почту: цѣна не раззорительна. Благодарю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за старанія Ваши и прошу болѣе и болѣе, пока будетъ все; сѣздите сами въ типографію и скажите, что дѣло нужно и къ спѣху: авось поспѣшатъ. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

99.

1 февраля 1834 г. (Царское Село).

Каждый день жду съ почты продолженія печатной Милуши, и всегда ожиданіе мое тщетно. Между тѣмъ до того дошло, что я на

дняхъ получу отсель отправленіе въ Грузію и, если даже выпрошу недѣлю на двѣ отсрочку для сборовъ въ Петербургъ къ отъѣзду, то все этого времени не достанетъ; я предвидѣлъ эту бѣду и скорбѣлъ, но увы! Предвидѣніе и скорбь не могутъ ничего исправить. Если всего сдѣлать не лзя, надо стараться хоть нѣсколько двинуть впередъ, и, того ради, повторяю въ сотый разъ: похлопочите въ типографіи. Она обыкновенно обязуется по два листа печатныхъ давать въ недѣлю, и съ Милушей оно тѣмъ легче, что набору на страницахъ весьма немного; отъ чего я всегда и во всемъ неудачнѣе, несчастнѣе всѣхъ? Прикажете, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, отнестъ къ брату при семъ приложенное письмо и извините, что пишу и къ Вамъ на лоскуткѣ. Я не совсѣмъ здоровъ, не знаю отъ простуды ли, или отъ безпокойства и огорченія душевнаго. Ъхать на край свѣта, не предвидя возврата, оставляя за собой всѣ дѣла въ разстроенномъ, жалкомъ, опасномъ положеніи, изъ тысячи мыслей, спутанныхъ въ головѣ не находишь ни одной утѣшной, не весьма здорово.

Прощайте покуда, будьте здоровы, да не лзя ли помочь Кн. Милушѣ въ ея *fièvre lente* ¹⁾? Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

100.

4-го февраля 1834 г. (Царское Село).

Вашъ знакомецъ принесъ мнѣ корректурныхъ листовъ пакетъ въ субботу, и потому я ранѣ понедѣльника ихъ не могу послать по почтѣ; радъ, что два вдругъ, и ожидаю слѣдующихъ. Теперь другая рѣчь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: безъ справки съ заемнымъ письмомъ знать я и знаю, что срокъ прошелъ и надобно заплатить; но что мнѣ дѣлать, коли до сей поры бумаги, по которымъ можно будетъ имѣніе перезаложить, еще не доставлены изъ губерніи. Со дня на день ожидаю и, живучи здѣсь, почти ничего не знаю о нихъ; братъ Петръ Александровичъ долженъ имѣть нѣсколько болѣе свѣдѣній на этотъ счетъ, и я бы попросилъ Васъ у него спросить, когда онъ надѣется получить ихъ и приступить къ перезакладкѣ, которой я желаю нетерпѣливо единственно для очистки сихъ долговъ, а не для себя, ибо я совершенно радъ отступиться ото всѣхъ такъ называемыхъ

¹⁾ „Затяжной лихорадкѣ“.

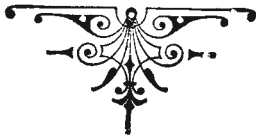
имѣній и хлопотъ ихъ безплодныхъ. Добрая воля къ несчастію недостаточна безъ средствъ, средства будутъ непремѣнно и, кажется, что вскорѣ, судя по всѣмъ вѣроятіямъ, но покуда ихъ нѣтъ, надо подождать; мнѣ очень грустно, но другого сказать я не могу. Въ самомъ дѣлѣ, повидайте брата моего, пока я самъ еще отселѣ не переселился въ Питеръ, чего мнѣ и не слишкомъ хочется до возвращенія слугъ, отпущенныхъ въ деревню, и безъ коихъ въ Грузію пуститься нельзя. Прощайте

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Труды слушательниц Одесских Высших Женских Курсовъ. Т. I. Вып. I. Подъ ред. проф. И. А. Липинченко. Одесса 1910. Тип. Техникъ (Успенская, 56). 8° (17×27). II+157+1 стр. Въсь 20 л. 300 экз.

Содержаніе: Атласъ, Д. I. Джемсъ Гаррисъ, его дипломатическая миссія и письма пзъ Россіи. II. Дневникъ французскаго дипломата Мари-Даніэля де Корберона. Пап па да то Л. Незаданная французская рукопись Наказа Императрицы Екатерины II.

Фальская, Л. С. Къ исторіи 19-го февраля. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII вѣка. М. 1911. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., с. д.). 8° (15×22). 24 стр. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 500 экз.

Хомяковъ, Гдѣ была старая Казань. (Отд. от. пзъ XXVI т. „Извѣстій об-ва археол., ист. и этногр.“ за 1910 г.). Казань. 1910. Тип. университета 8° (17×24). 15 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Чернышевъ, В. Педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Отд. оттискъ изъ ж. „Русская Школа“. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×25). 84 стр. Ц. 40 к. Въсь 8 л. 400 экз.

404 засѣданіе (годовое) Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. 14 ноября 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Ковдратенко, 8). 8° (20×28). 48 стр. Въсь 7 л. 100 экз.

Шадровъ, С. О. Изъ monkъ воспоминаній. Тамбовъ. 1911. Изд. автора. Тип. Бердоносова и Пригорина. 8° (14×20). 52 стр. Въсь 6 л. 3.500 экз.

Шахматовъ, А. Исторія русскаго языка. Лекціи. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7) 8° (19×30). 161—407 стр. Въса 1 ф. 9 л. 200 экз.

Шведская война 1808—1809 гг. Состав. Воен. ист. отдѣломъ Шведскаго генер. штаба. Часть III. Перев. Ниве, подполк. Пильсудскаго и Иванова. Спб. 1910. Изд. Упр. Генер. Штаба Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (17×26). XI+274+67 стр. и въ прилож. 16 картъ. Въсь 1 ф. 16 л. 500 экз.

Шляпкинь, И. А., проф. Литература Юго-Западной Руси XVI—XVII в. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 8° (18×29) 161—445 стр. Въсь 1 ф. 15 л. 500 экз.

Вѣстникъ Археологій и Исторіи, издаваемый Имп. Археологическимъ Институтомъ. Вып. XX. Спб. 1911. Тип. Смирнова (Екатерин. кан., 45). 8° (18×27). XXXIII+96+160 стр. Въсь 1 ф. 22 л. 300 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. об-ва распр. нач. образ. въ Нижегород. губ. Тип. Нижегород. Печ. Дѣло 16° (13×17). 51 стр.+6 портр. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 6.000 экз.

Г-ъ, Л. Великій праздникъ освобожденія. Къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Иллюстрированный сборникъ для школъ и народа. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 16° (13×17). 96 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 20.000 экз.

Галаховъ, Іаковъ, прот. Николай Ивановичъ Пироговъ и его религіозно-философскіе взгляды. Томскъ. 1911. Тип. Дома трудолюбія. 8° (16×24). 18 стр. Въсь 1 л. 1.000 экз.

Галицкій, кап. Памятка Эстлянда. Ко дню празднованія 8-мь лѣтхн. Эстляндскимъ полкомъ 200-лѣтія со дня формироваія полка. Варшава 1910. Тип. Окр. Штаба (Саксонская пл., 7). 16° (11×17). 11 стр. Въсь 1 л. 3.000 экз.

Гвоздевъ, С. Записки фабричнаго инспектора (Изъ наблюденій и практики въ періодъ 1894—1908 гг.). М. 1911. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновск. пер., соб. д.). 8° (15×22). 263 стр. Ц. 1 р. Въсь 23 л. 1.900 экз.

Грюнфельде-Тавненбергъ. 15-го іюля 1410 г. (Грюнвальденскій бой). Юбилейный иллюстрированный сборникъ статей членовъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Кіевъ. 1910. Изд. Кіев. отд. Русск. воен.-истор. об-ва. Тип. Окр. Штаба (Банковая, 11). 8° (17×26). 75 стр.+16 лист. рис., картами и схем. Ц. 1 р. Въсь 19 л. 1.000 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февраля 1911 г.). Для школъ, народа и арміи. Одесса. 1911. Тип. М. С. Гринберга (Ришельевск., 28). 8° (11×22). 50 стр.+2 портр. Ц. 20 к. Въсь 5 л. 3.000 экз.

Дубенскій, Д. Исторія русскаго солдата отъ Петра Великаго до нашихъ дней, въ картинахъ и рисункахъ (Изъ 12 листовъ, въ видѣ стѣн. табл.). Спб. 1911. Изд. газеты „Русское чтеніе“. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор. 11), f° (55×75). 12 листовъ. Съ рис. и текстомъ. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1910 г. Т. XV, кн. 3. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25). 432 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 32 л. 813 экз.

Содержаніе. Айваловъ, Д. В.—Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства. Степановъ, Н. В.—Замѣтки о статьѣ Кирика. Шляковъ, Н. В.—Служба преп. Кириллу. Васильевъ, Л. Л.—Буква ъ. Пиксановъ, Н. К.—Памяти А. Н. Пипина. Варнеке, В. В.—Комедія М. И. Веревкина „Точъ въ точъ“. Заболотскій, П. А.—Къ вопросу о русской струѣ въ литерат. сербскаго возрожденія. Мурзановъ, Н. А.—Къ біографіи В. А. Жуковскаго. Станкевичъ, А. И.—Нѣсколько вариантовъ къ стихотвореніямъ Кольцова.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Общее содержаніе I—XII тома (1896—1907 гг.). Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (17×25). 103 стр. Ц. 85 к. Въсь 13 л. 813 экз.

Каталогъ аукціона собранія русскіхъ монетъ Имп. Екатерины I (1725—1727), принадлежащихъ нумизматической фирмѣ Б. Ф. Копылова. Ч. II. Спб. 1911. Изд. Имп. Общ. Поощренія художествъ. Тип. „Капиталь“ (6. Рождеств., № 22). 8° (19×23). 16 стр. Въсь 2 л. 300 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. **иностранные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о пѣльхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзавы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воззваніе на сооруже-
ніе Храма - Памятника
надъ могилою 22-хъ
тысячъ русскихъ вои-
новъ, павшихъ въ бою
подъ Лейпцигомъ 4—7
октября 1813 г.		XI. Духовная школа по вос-
поминаніямъ ея воспи-
танника и воспитателя
съ 1863 г. Старого педа-
гога П. Н. С.	465—473
II. Изъ Подольской стари-
ны. В. Сл. и О. Ф.—ко.	385—399	XII. Воспоминанія бывшаго
штурманскаго офицера.
Петра Наумова.	474—502
III. Изъ архива кн. Л. А.
Ухтомскаго. Сообщ. А. В.
Жиркевичъ.	401—420	XIII. Игры надетъ неранжи-
рованной роты 2 кадет-
скаго корпуса въ при-
сутствіи Императора
Александра II и Авгу-
стѣйшихъ Его Дѣтей
въ 1861 году. А. Па-
харнаева.	503—510
IV. Страничка изъ исторіи
крѣпостного права на-
канунѣ его отмены. (Къ
50-лѣтію освобожденія
крестьянъ. С. Фарфо-
ровскаго.	421—424	XIV. Письмо О. Михайлова
къ А. О. Лабзину.	511—526
V. Могила одного изъ
участниковъ войны
1812 года. Адр. Кру-
ковского.	425—426	XV. Матеріалы для исто-
ріи русской литературы
20-хъ и 30-хъ годовъ
XIX в. Письма П. А. Ка-
тежина къ П. И. Бахти-
ну. Сообщ. А. Чебышевъ.	527—543
VI. Воспоминанія. А. Кос-
совскаго.	427—436	XVI. Книги, вышедшія по
исторіи и исторіи лите-
ратуры съ 26 февраля
по 6 апрѣля 1911 г.	544—572
VII. На бордажѣ. Д. Пер-
скаго.	437—440	XVII. Изъ записной книжки
„Русской Старины“:
а) Гимназистъ, военно-
пльбный. (Изъ жизни
М. П. Муравьева Виле-
нскаго). К. П. Добро-
вольскаго.	400
VIII. Адмиралъ гр. Н. С.
Мордвиновъ и его „спо-
собъ вспомошествованія“
участникамъ Отече-
ственной войны. (Мате-
ріалы для войны 1812 г.).
Сообщ. В. Пасенко.	441—448	XVIII. Библиографическій ли-
стокъ (на оберткѣ).	
IX. Гимназія 60-хъ годовъ.
(Метаморфоза). Старика.	449—457		
X. Марія Извъкова. Е.
Щенкиной.	458—464		

Приложеніе: Портретъ Ивана Егоровича Забѣлина.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1911.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1911 года.

Библиографическій листокъ.

Гр. П. С. Шереметевъ. Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборскомъ. М. 1910.

Хотя давно проникшее въ литературу пзвѣстіе о томъ, что въ 1789 г. будущій вождь „двѣнадцати языковъ“, тогда молодой корсиканскій офицеръ, едва не сталъ офицеромъ русской службы, до сихъ поръ никакими прямыми документальными свидѣтельствами не подтверждено, но общая совокупность усердно собранныхъ и другъ съ другомъ сопоставленныхъ графомъ П. С. Шереметевымъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о переговорахъ Наполеона съ вербовавшимъ корсиканцевъ въ русскую армію генераломъ Заборскимъ—сообщаетъ этому преданію, если не несомнѣнную достовѣрность, то во всякомъ случаѣ значительную вѣроятность. Наполеонъ требовалъ себѣ въ русской арміи того же чина, который носилъ въ корсиканской, а русскій генералъ соглашался принять его однимъ чиномъ ниже, и договорившіяся стороны ни къ какому соглашенію не пришли... Можно различно гадать о рѣшавшихся во время этихъ переговоровъ міровыхъ судьбахъ, но нельзя не признать, что это былъ знаменательный моментъ, когда незримо колебался вѣсы исторіи въ рукахъ Провидѣнія. Но, какъ всегда было и будетъ въ жизни человѣчества, и здѣсь сказалась великая историческая необходимость, хотя подъ кажушмся покровомъ случайности и каприза.

„Русскій Библиофилъ“. 1911 г. №№ II—IV.

Книголюбъ, книговѣдъ, историкъ, библиографъ, собиратель гравюръ не могутъ обойтись безъ этого замѣчательнаго изданія, судя уже по первымъ выпускамъ, расширяющаго свой планъ и быстро идущаго къ дальнѣйшему улучшенію. „Русскій Библиофилъ“ становится не только поучительнымъ чтеніемъ для любителей гравюръ и книгъ, но и полезнѣйшимъ справочникомъ для всѣхъ занимающихся общегражданской, военной, бытовой и литературной исторіей. Русская библиографія, какъ извѣстно, и количественно, и качественно очень бѣдна, и тѣмъ выше приходится оцѣнить прекрасную попытку Н. В. Соловьева и пожелать ей укрѣпленія и бодрого роста. Журналъ, издаваемый такъ разносторонне, красиво и дешево, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ даже среди нашей малоотзывчивой публики. Лежащія передъ нами три послѣдніе выпуска составлены богато и разнообразно и щедро иллюстрированы. Изъ библиографическихъ работъ особенно интересны и дѣсны описаніе библиотеки Д. М. Остафьева, „Замѣтки о русскихъ иллюстрированныхъ книгахъ“ Н. А. Оболянинова, „Рѣдкія изданія по исторіи освобожденія крестьянъ“ А. Попельницкаго, начало труда Г. Иваска „Частныя библиотеки въ Россіи“, превосходно составленная А. Ермоловымъ и украшенная нѣсколькими портретами библиографія литературы объ А. П. Ермоловѣ. По исторіи искусства слѣдуетъ отмѣтить статьи В. Я. Адарюкова „Русскіе казаки въ Парижѣ“ и Н. В. Соловьева о нѣсколькихъ французскихъ граверахъ XVIII вѣка, интересовавшихся русскими сюжетами. Хроника могла бы быть богаче и систематичнѣе.

Матушка Русь. Хрестоматія. Для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Таралыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Часть I. Стр. IV + 451. Цѣна 1 р. 10 к. — Часть II. Стр. III + 386. Цѣна 1 р.

Составленная г. Таралыгинимъ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго, опытнаго педагога Ѳ. А. Витберга, хрестоматія щедро и разнообразно знакомитъ дѣтей съ прошлымъ родной страны и съ религіозно-нравственными идеалами народа. Содержаніе ея главнымъ образомъ историческое. Жаль, что мало удѣлено вниманія русской природѣ, а въ литературѣ нашей найдется много прекрасныхъ описаній ея; въ слѣдующихъ изданіяхъ этотъ явный пробѣлъ слѣдовало бы восполнить. Выборъ матеріала въ общемъ очень удачный; издана хрестоматія дешево и красиво.

Муסיкійская грамматика Николая Дилецкаго. Посмертный трудъ С. В. Смоленскаго. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1910.

Замѣчательный музыкальный теоретикъ XVII вѣка киевлянинъ Н. П. Дилецкій, говоритъ Смоленскій, „долженъ считаться въ Россіи основателемъ новой музыкальной школы западнаго направленія... Ученики Дилецкаго повернули наше хоровое церковное пѣніе совершенно въ новую сторону еще въ концѣ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ дьякъ Василія Титова, сочинившаго музыку къ стихотворной Псалтири Сямеона Полоцкаго, оставившаго послѣ себя множество концертовъ и службъ Божіихъ, слѣдуетъ признать за отличнаго композитора изъ школы Дилецкаго. Точно такъ же слѣдуетъ признать, что лучшія изъ этихъ новыхъ композицій, попадавъ въ народное обращеніе по дальнимъ монастырямъ, по уѣзднымъ городамъ, оцифровалась тамъ и своеобразно сохранились до сихъ поръ... Слѣдуетъ помянуть Дилецкаго, какъ учителя и пѣвца, пропѣвашаго со своими учениками множество новыхъ церковныхъ пѣсней, доступныхъ народной душѣ... Таково значеніе Дилецкаго и его школы для православнаго церковнаго пѣнія, но и вообще въ исторіи музыки Дилецкій, не простой преемствитель западныхъ композиторовъ, а самостоятельный педагогическій и теоретическій дѣятель и новаторъ,—очень почтенная величина.

Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе врача А. В. Попова. („Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи“, вып. XXI). Оренбургъ, 1910.

Составленное на основаніи бумагъ архива канцеляріи упраздненнаго оренбургскаго генераль-губернаторства, изслѣдованіе А. В. Попова, поммо библиографу „Видеану“ тогд-

Воззваніе на сооруженіе Храма-Памятника надъ могилою 22-хъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.

„Скажите народамъ: Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблется. Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ и народы—по истинѣ Своей“. (Пс. 95, ст. 10 и 13).

Сто лѣтъ тому назадъ народы Европы были объаты ужасомъ и смятеніемъ. Непобѣдимый завоеватель, императоръ французовъ Наполеонъ I, потрясъ своими насиліями едва не весь міръ, залилъ потоками крови цвѣтущія страны Запада, низринулъ престолы владѣтелей, отнялъ у однихъ и отдалъ другимъ короны и, наконецъ, съ неисчислимыми полчищами двадцати покоренныхъ народовъ вторгся въ Россію, чтобы подчинить своей волѣ и нашу Отчизну и ея Великаго Царя.

Много бѣдствій причинили на Руси незванные пришельцы, много городовъ и селеній разорили они, много жизней отняли; но — „Господь царствуетъ! Онъ судить народы по истинѣ Своей!“ Разбилась несмѣтная сила о необъятно-могучую грудь русскаго народа, предводимаго Царемъ православнымъ, разбилась и растаяла на необозримыхъ поляхъ, въ лѣсахъ дремучихъ, рѣкахъ широкихъ, въ неустанныхъ бояхъ. А самъ Наполеонъ бѣжалъ изъ русской земли и снова собралъ великую силу изъ трепетавшихъ еще предъ нимъ народовъ, и никто на Западѣ не смѣлъ стать грудью противъ все еще страшнаго врага.

Тогда вложилъ Господь въ сердце Государя Александра Благословеннаго до конца сокрушить гордыню завоевателя и освободить угнетенные народы. Двинулись наши побѣдоносныя войска по пятамъ врага во главѣ съ Самимъ Царемъ: стали соединяться съ ними ободренные поляки, нѣмцы, австрійцы и шведы, стали совмѣстно разить общаго врага.

И завершилось геройское дѣло въ нѣмецкой землѣ у города Лейпцига „великою битвою народовъ“, какъ назвала ее исторія. Отъ 4 по 7 октября 1813 года бились тутъ союзники съ Наполеономъ. Русскіе одушевляли всѣхъ. Отъ стѣнъ сожженной Москвы пришли они сюда, чтобы свершить Божій судъ надъ тѣмъ, кто дерзнулъ осквернить великія московскія народныя святыни. Не могъ долѣе бороться Наполеонъ. Вскорѣ лишень онъ былъ своего престола и сосланъ на далекій островъ. Народы Европы вздохнули свободно и снова принялись за свой мирный трудъ, надолго прерванный многолѣтней борьбой.

22 тыс. русскихъ героевъ сложили свои головы на поляхъ Лейпцига. Начужой землѣ, вдали отъ Родины, нашли они себѣ вѣчный покой. Давно истлѣли ихъ тѣла, сравнялись съ землей высокія могилы, вывѣтрились кресты на нихъ. Пора было подумать русскимъ людямъ одостойномъ памятникъ братьямъ своимъ, за свободу народовъ, за славу Отчизны отдавшимъ жизни свои!

И вотъ съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Брата Государева, учрежденъ особый Комитетъ для сбора пожертвованій по всей Россіи и сооруженія храма-памятника на костяхъ 22 тыс. русскихъ храбрецовъ, павшихъ въ великой битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г. Немного времени осталось до столѣтія битвы въ октябрѣ 1913 г., когда храмъ долженъ будетъ впервые открыть свои священныя двери. Надо спѣшить! Надо спѣшить тѣмъ болѣе, что германцы давно собрали громадныя средства и уже 12 лѣтъ строятъ тамъ величественный памятникъ своимъ павшимъ братьямъ; другіе народы озабочены тѣмъ же. Неужели же мы одни предадимъ забвенію нашихъ героевъ?

Нѣкогда ихъ, побѣдителей, благословляли освобожденные народы. Нынѣ мы осѣнимъ ихъ останки храмомъ святымъ. Да возносится въ немъ вѣчная молитва о нихъ къ Богу; да напомнитъ онъ народамъ Запада о великой жертвѣ, принесенной Россіей для прекращенія губительной смуты; да скажетъ онъ еще разъ народамъ: „Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблется! Онъ будетъ судить народы по правдѣ!“

Русскіе добрые люди! Храмъ-памятникъ въ средоточіи Европы, на глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, долженъ отвѣчать величію подвиговъ героевъ и славѣ нашей Отчизны. Для сего нужны немалыя средства. Съ благословенія Св. Синода ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ обращается къ вамъ съ просьбой о жертвѣ. Сегодня болѣе чѣмъ когда либо побоимся, чтобы, какъ говоритъ Святое Писаніе, „не явился кто либо предъ Лицемъ Господнимъ съ пустыми руками, но каждый съ даромъ въ рукѣ своей, смотря по благословенію Господа Бога твоего, какое Онъ далъ тебѣ“. (Второзак. 16, ст. 16 и 17).

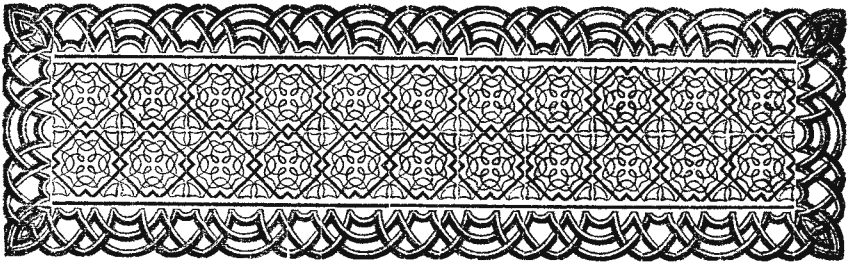
Щедро жертвуйте, православные, на святое русское народное дѣло, и Господь—Щедродатель воздастъ вамъ нескудно милостями своими. Аминь.

Согласно опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 4-го іюля сего года разрѣшенъ сборъ пожертвованій во всѣхъ церквахъ Имперіи 26 октября сего года и 8 января 1912 года.

Пожертвованія направлять въ С.-Петербургъ, Главное Управление Генеральнаго Штаба, Дворцовая площадь Ю; Предсѣдателю Лейпцигскаго Комитета.

Иванъ Егоровичъ
Забѣлинъ

Изъ Подольской старины¹⁾.

Ш.

Поступленіе въ Подольскую дух. семинарію. Жизнь казеннокоштныхъ семинаристовъ. Инспекторскій надзоръ. Ректоръ семинаріи Іоасафъ. Профессора. Постановка учебнаго дѣла. Экзамены внутренніе и публичныя. В. И. Аскоченскій. Отношеніе къ семинаріи подольскихъ владыкъ. Путешествіе въ Почаевъ. Приемъ у преосв. Арсенія.

Но окончаніи курса въ духовномъ училищѣ полагалось держать экзаменъ при семинаріи. Онъ обыкновенно производился между 1 и 15 сентября и въ большинствѣ случаевъ въ присутствіи архіерея. Мы, помню, каждый день собирались въ классы, ожидая испытаній, но напрасно. И только предъ 14 сент. намъ объявили, что будетъ архіерей, и поэтому мы должны всѣ собраться въ семинарію. Несмотря на обѣщаніе, архіепископъ Арсеній все-таки не пріѣхалъ, а въ классъ пришелъ лишь одинъ инспекторъ Діонисій, который и произвелъ экзаменъ. Это собственно была одна проформа. Спросилъ онъ очень немногихъ и то кое-что. Мнѣ, напр., пришлось отвѣтить изъ катихизиса на вопросъ, „что есть вѣра?“ Катихизисъ митр. Филарета я зналъ отлично, а потому отвѣтилъ требуемое безъ запинки. А какъ это (т. е. указанный вопросъ) сказать по-латыни?“ снова спросилъ инспекторъ. „Quid est fides?“ бойко сказалъ я. „Довольно“. Послѣ меня вызваны были еще 3—4 ученика, и тѣмъ экзаменъ кончился.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1911 г.

Я такимъ образомъ былъ принятъ въ Подольскую дух. семинарію (въ 1847 г.).

Семинаристы, имѣвшіе родителей и болѣе состоятельные, обыкновенно жили на частныхъ квартирахъ; намъ же сиротамъ, да дьячковскимъ сыновьямъ—бѣднякамъ приходилось ютиться тамъ, гдѣ отводила помѣщеніе семинарія, т. е. въ подворьѣ Троицкаго монастыря ¹⁾. Здѣсь къ каменной стѣнѣ были пристроены глинобитные шалаши числомъ 7—8. Вѣроятно, это были базилианскія келіи. Въ каждой изъ нихъ помѣщалось отъ 4—8 семинаристовъ. Обстановка была убогая: столъ, скамьи и кровати простой работы. Свѣтъ проникалъ сквозь небольшія окошечки, обращенныя во дворъ и затянутыя желѣзными рѣшетками. Воздуху въ комнатахъ было недостаточно, вентиляціи плохія, да онѣ не достигали своей цѣли, такъ какъ проводили воздухъ, зараженный міазмами изъ находившихся вблизи отхожихъ мѣстъ. Вообще же въ нашихъ комнатахъ было тѣсно, неуютно и сыро, и кромѣ того въ нихъ водилось множество мышей и крысъ, не дававшихъ иногда по ночамъ спать. Приходилось изощрять свою изобрѣтательность и изыскивать средства къ уничтоженію надоедливыхъ сокквартирантовъ. Чаше практиковалась ловля въ голеніще сапога. Бросимъ, бывало, туда намазанную свѣчнымъ саломъ бумажку, кусокъ хлѣба и т. п. и слѣдимъ. Крыса, почувявъ съѣстное, ускользнетъ въ импровизированную ловушку, а ловець подбѣгаль къ „холявѣ“ и завязываль ее. Нѣкто Корничъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался ловлею крысъ. Разъ, когда онъ убиваль свою добычу, подходитъ инспекторъ и спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ „Анаѣтомирую“, невозмутимо пробасиль тотъ. Съ того времени это слово и вошло у насъ въ употребленіе.

Кромѣ помѣщеній въ Троицкомъ монастырѣ существовали еще два „номера“ (комнаты) при самыхъ классахъ въ зданіи семинаріи, находившейся на Губернаторской площади. Эти комнаты были лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нихъ помѣщались „избранные“ воспитанники—родственники ректора, архіерея, нѣкоторые изъ писемоводителей, пѣвчихъ и т. п.

Не сладка была жизнь казеннокоштнаго семинариста. Ъли мало, и пища была непитательная: капустнякъ да каша гречневая или ячменная на обѣдъ, кулеши и каша ячменная на ужинъ; мясо давалось по праздникамъ. Чая и въ поминѣ не было.—Одежда была

¹⁾ Этотъ монастырь обращенъ изъ униатскаго—базилианскаго.

плохая и выдавалась рѣдко. За весь семинарскій курсъ я получилъ одинъ черный суконный сюртукъ, наглухо застегивавшійся.

Время семинаристы проводили однообразно—долбили только по запискамъ уроки, даваемые профессорами. Книгъ не читали, да ихъ и взять негдѣ было. Семинарская библіотека почти исключительно состояла тогда изъ латино-польскихъ учебниковъ, твореній Св. Отцевъ и старыхъ сборниковъ проповѣдей. Приходилось прибѣгать къ грубымъ развлеченіямъ, въ родѣ попоекъ на чердакахъ и боевъ съ гимназистами или мѣщанами—поляками, которые донимали насъ насмѣшками и прозвищами. Наиболѣе употребительной кличкой была „кнышь“. Бывало, идешь по улицѣ въ самомъ благодушномъ настроеніи духа и вдругъ слышишь крикъ: „ядлымъ дзисей такого смачнаго кныша зъ олеей и цибулею“ ¹⁾. Смотришь, то мѣщанинъ или гимназистъ нагло смѣется по твоему адресу. Одинъ не осмѣливаешься, конечно, вступать въ препирательства и сносишь обиду. Если же шли въ компаніи нѣсколько семинаристовъ, то обыкновенно въ такомъ случаѣ завязывали драку. Иногда устраивали (преимущественно пѣвчіе) большіе бои надъ р. Смотримъ.

За поведеніемъ и времяпрепровожденіемъ семинаристовъ наблюдали инспекторъ и субъ-инспектора. Отношеніе ихъ, особенно послѣднихъ, къ семинаристамъ было грубое и чисто формальное. Они придирались за всякую малость и часто несправедливы были къ намъ. Въ субъ-инспекторство проф. Виноградова произошелъ такой случай. Семинаристъ Брацлавичъ въ чемъ-то провинился предъ нимъ. Не довольствуясь объясненіями, Виноградовъ призвалъ служителей, чтобы тѣ наказали виновнаго. Брацлавичъ не давался, вырвался изъ рукъ, бѣгалъ по комнатахъ. Наказали его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ чрезъ нѣсколько дней неожиданно умеръ. Молва упорно обвиняла въ смерти Брацлавича субъ-инспектора. Отецъ умершаго затѣялъ дѣло, которое тянулось долго и ни къ чему не привело. Виноградовъ вскорѣ отказался отъ субъ-инспекторства и остался въ семинаріи профессоромъ исторіи. Но семинаристы не оставляли его въ покоѣ и постоянно досаждали ему надписями кирпичемъ на стѣнѣ: „Корокъ ²⁾“ (такое было прозвище Виноградова) убилъ Брацлавича“. Виноградовъ иногда положительно плакалъ и просилъ учениковъ: Пишите уже „Корокъ“, а не пишите: „убилъ Брацлавича“. Неприятности эти сильно дѣй-

¹⁾ Я сегодня ѣлъ такой вкусный кнышь съ масломъ и лукомъ.

²⁾ Каблукъ.

ствовали на Виноградова, и онъ потомъ сильно опустился и распился. Зачастую онъ пьянымъ являлся въ классъ на уроки, гдѣ и бывалъ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны учениковъ. Такъ однажды семинаристы достали собаку, надѣли на нее фуражку и посадили между собою на парту. Приходить Виноградовъ и замѣчаетъ кого-то въ головномъ уборѣ.

— „Ты чего въ шапкѣ?“ напускается онъ. „Скажи урокъ“.

Конечно, по классу слышится смѣхъ. Виноградовъ горячится. „Скажи урокъ“... Эта комедія кончилась тѣмъ, что кто-то щипнулъ собаку, которая стрѣлою выбѣжала изъ класса.

Другой субъ-инспекторъ Войтковскій тоже позволялъ себѣ по отношенію къ семинаристамъ вызывающія выходки и часто несправедливо придирался къ тѣмъ, кого за что-нибудь не взлюбилъ. Въ числѣ подобныхъ былъ нѣкто Булгаринъ, сынъ военнаго священника. Онъ отличался способностями: хорошо пѣлъ, зналъ музыку, даже преподавалъ ее въ частныхъ домахъ, велъ знакомство съ чиновниками и всегда выглядѣлъ щеголемъ. Разъ идетъ Булгаринъ со свѣчки изъ монастыря расфранченный, въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Въ это время Войтковскій вышелъ изъ своей квартиры на корридоръ въ халатѣ и съ палкою и сбиль у шедшаго Булгарина съ головы шляпу. Тотъ не выдержалъ и накинулся на обидчика, прижалъ къ дверямъ такъ сильно, что ручка ея врѣзалась въ щеку, и побилъ его. На крикъ выбѣжалъ проф. Оливницкій. Призвали полицейскихъ, которые схватили Булгарина и арестовали. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ 2 года. Здѣсь ему жилось хорошо, чему способствовали прежнія связи съ чиновниками. Потомъ его судили, и хоть онъ былъ оправданъ, но карьера была испорчена. Порядочнаго мѣста не могъ найти и бѣдствовалъ. Потомъ онъ сильно распился и отъ пьянства умеръ.

Во главѣ семинаріи стояли ректора. Въ наше время ректоромъ былъ архимандритъ Юасафъ, бывшій до того инспекторомъ Петербургской дух. академіи. Онъ прибылъ, какъ говорили, въ Каменецъ въ 1844 г. очень молодымъ еще человѣкомъ; былъ красивъ и уменъ, имѣлъ собственную, обширную бібліотеку и считался ученымъ, хотя своей учености предъ нами и не обнаружилъ. Черезъ годъ жизни въ Каменцѣ онъ опустился, обрюзгъ. Постоянно жаловался на свои яко-бы болѣзни, золотуху и еще какую-то; очень много ѣлъ и пилъ и отличался причудами. Въ качествѣ келейника онъ держалъ какого-то Ваню, хромого на одну ногу. Этотъ Ваня было повѣреннымъ его во всѣхъ дѣлахъ, но не всегда держалъ языкъ за зубами. Онъ рассказаль, что Юасафъ отличался неразсчет-

ливостію; получить онъ жалованье и кружку, такъ какъ пользовался монастырскими доходами, и бумажныя деньги обычно заложить въ какую-нибудь книгу и забудетъ. Келейникъ же замѣчалъ это. Проходитъ нѣсколько времени. У ректора всѣ деньги выходятъ, не съ чѣмъ и за водкой послать. Призываетъ онъ тогда своего келейника и съ сокрушеніемъ открываетъ: „Ваня, денегъ нѣтъ!“...

— „А вотъ, ваше высокопреподобіе, въ книгѣ есть“... беретъ уже извѣстную ему книгу и показываетъ ассигнаціи.

— „Ну хорошо... пошли“... только и скажетъ архимандритъ. Пилъ онъ много. Водка наливалась въ графинъ, какой обыкновенно употребляется для воды. И Иосафъ не любилъ, когда видѣлъ графинъ неполнымъ. Выпьеть, бывало, цѣлый стаканъ водки, а потомъ отвернется или выйдетъ въ другую комнату; Ваня въ это время незамѣтно долженъ долить графинъ. Зазѣвается Ваня, не долить, о. ректоръ сердится.

Любилъ онъ и вино. Намъ видно было изъ окошка, какъ онъ обѣдаетъ. Ёсть то или другое блюдо и время отъ времени черпаетъ ковшичкомъ, какіе употребляются въ церкви для теплоты изъ большой ядовы, наполненной виномъ, и запиваетъ.

Аппетитъ онъ имѣлъ очень большой и съѣдалъ все, сколько бы ему ни дали, но не жаловался и въ томъ случаѣ, если давали тѣсто съ сыромъ. Несмотря на то, что ректоръ былъ монахъ, онъ ѣлъ мясо, впрочемъ только телятину, индюковъ, курицъ и т. п. Воловьяго мяса не употреблялъ и вотъ по какому случаю.

Разъ онъ ѣхалъ по городу и видѣлъ, какъ еврей везъ туши говядины въ казармы и сидѣлъ прямо на мясѣ. Это возмутило о. Иосафа, онъ долго не могъ успокоиться и все говорилъ: „а онъ сидитъ... а онъ сидитъ“... и съ тѣхъ поръ приказалъ, чтобы ему больше не подавали простого мяса.

Къ семинаристамъ этотъ ректоръ относился хорошо. По обыкновенію къ нему ежедневно ходили на репортъ дежурные. Онъ всегда спрашивалъ ихъ, что даютъ ёсть, и всегда неодобрительно отзывался о нашемъ меню, хотя и не могъ сдѣлать какихъ-либо измѣненій въ лучшую сторону. Въ наше время былъ обычай въ недѣлю говѣнія въ теченіе трехъ дней не давать обѣда—ѣли лишь плохую кислую капусту и огурцы съ хлѣбомъ. Ректоръ узналъ и раскричался: „Это что? Чтобы семинаристы не обѣдали?.. Что они монахи что-ли?“ И приказалъ тогдашнему эконому проф. Пашутѣ давать обѣдъ. Помнится еще, что Иосафъ сократилъ чтеніе молитвъ утреннихъ и вечернихъ сравнительно съ тѣмъ, какъ полагается въ молитвословахъ.

Ректоръ по положенію долженъ былъ преподавать въ богословскомъ классѣ догматику, но Іоасафъ рѣдко бывалъ въ классахъ, а вмѣсто него читалъ догматику его помощникъ. Случилось разъ, когда я былъ въ первомъ богословскомъ классѣ, прїѣзжаетъ Іоасафъ въ своихъ крытыхъ дрожкахъ изъ монастыря въ классы. Привезъ онъ съ собою много книгъ, газетъ, которыя на силу втащилъ. Послѣ обычной молитвы началъ спрашивать учениковъ въ порядкѣ списка. Дошелъ до Бергера. Тотъ вышелъ и началъ отвѣчать о свойствахъ Божіихъ по догматикѣ Антонія. Бергеръ отвѣчалъ хорошо, но на какомъ-то текстѣ сбился и сталъ припоминать. Послѣ непродолжительнаго молчанія Іоасафъ заговорилъ: „Ты Бергеръ?.. Berg—гора... Негг — господинъ... Господинъ горы выходитъ... что, ты нѣмецъ?“

— „Нѣтъ, я православный и родился въ Подоліи“, говоритъ тотъ.

— „Ну, что-жь, ты не знаешь?“...

А Бергеръ имѣлъ неосторожность сказать: „я, ваше высокопреподобіе, знаю; только одинъ текстъ позабылъ“.

Іоасафъ страшно разсердился и закричалъ не своимъ голосомъ:

— „Вонъ, вонъ... выгнать его... снять съ него казенный скруткъ... лишить казеннаго содержанія... исключить его“...

Онъ долго нервно вскакивалъ съ своего мѣста, снова садился... Разбросалъ книжки, потомъ рѣзко сказалъ: „читайте молитву“ и пошелъ изъ класса. Въ корридорѣ къ нему подходит Бергеръ и проситъ прощенія. Іоасафу видимо понравилось это, и онъ уже мягко заговорилъ: „Ну, ну... хорошо... прощу... прощу... Они боятся меня... они испугались“... Такимъ образомъ, говорили, чрезъ весь городъ ѣхалъ и повторялъ: „они меня боятся“.

Вскорѣ послѣ этого случая онъ былъ переведенъ въ Могилевъ, гдѣ черезъ короткое время и умеръ.

Преемникомъ Іоасафа былъ архимандритъ Евѣимій, горькій пьяница. Прїѣхалъ онъ въ Каменецъ мѣсяцевъ чрезъ 8, когда мы занимались повтореніемъ. Въ классѣ на урокахъ былъ раза 2. Вообще дѣломъ не занимался, пьянствовалъ и надѣлалъ у евреевъ массу долговъ. Жизнь его сдѣлалась извѣстною начальству, и онъ вскорѣ послѣ нашего окончанія семинаріи былъ уволенъ къ великому прискорбію кредиторовъ, потерявшихъ всякую надежду на возвратъ долговъ. Говорили, что Евѣимія вынесли мертвецки пьянаго на „буду“ — повозку и вывезли изъ Каменца въ какой-то монастырь.

Изъ нашихъ профессоровъ лучшимъ былъ Лучицкій, преподававшій словесность въ риторическомъ классѣ. Прежніе воспитанники, характеризуя его, говорили, что это хорошій преподаватель но зато и отличный ругатель. То и другое, дѣйствительно, оказалось справедливымъ. Кто былъ ученикомъ Лучицкаго, тотъ прекрасно зналъ словесность. Къ слушателямъ своимъ онъ не всегда былъ справедливъ. Со мной случилась такая исторія. Разъ Лучицкій спрашиваетъ меня привѣтственную рѣчь архіепа. Георгія Конисскаго императрицѣ Екатеринѣ. „Пресвѣтлѣйшая императрица, оставимъ астрономамъ доказывать“... „Дуракъ... дуракъ“... оборвалъ онъ меня. „Какъ фамилія?“ Ты братъ Ксенофонта К? (который не за долго предъ тѣмъ по настоянію Лучицкаго былъ уволенъ)?“ „Нѣтъ, говорю, только однофамилецъ и даже не родственникъ“.

— „Смотрите; отъ родного брата отказывается... Да онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на того... Пшелъ, дуракъ, на Кавказъ“ (такъ называлась послѣдняя парта).

Послѣ этого онъ какъ будто не замѣчалъ меня и въ теченіе полутора года не спрашивалъ, а снова обратилъ вниманіе по такому случаю. Разъ чрезъ Каменецъ по пути въ Австрію проходили уланы и дѣлали разводъ на Губернаторской площади предъ зданіемъ семинаріи. Уланы проходили поэскадронно: одни на черныхъ лошадяхъ, другіе на гнѣдыхъ, третьи на сѣрыхъ, въ красивыхъ мундирахъ съ пиками въ рукахъ. Невиданное зрѣлище отвлекло отъ занятій не только семинаристовъ, но и ихъ профессоровъ, которые столпились внизу и наблюдали. Я тоже прошмыгнулъ туда и изъ-за нихъ смотрѣлъ. Они не обращали, повидимому, на меня вниманія. Время летѣло незамѣтно. Одинъ изъ профессоровъ, взглянулъ на часы, сказалъ: „Господа, 12 часовъ, пора въ классы“. Всѣ тотчасъ же поднялись на верхъ. У насъ было классъ Лучицкаго, и я, будучи увѣренъ, что онъ не спроситъ меня, прошелъ на площадь и провожалъ улановъ до Тринитарскаго костела, а потомъ, сообразивъ, что скоро часъ обѣда, поспѣшилъ въ свое помѣщеніе. Между тѣмъ Лучицкій хорошо замѣтилъ мою продѣлку. Придя въ классъ, онъ по обыкновенію провѣрилъ запись отсутствующихъ въ классѣ по списку, подаваемому дежурнымъ. Я, конечно, тамъ не былъ внесенъ.

— „А Ковальскій“? спрашиваетъ профессоръ.

— „Нѣтъ“—отвѣчаетъ дежурный ученикъ Гарнишевскій, бывшій первымъ ученикомъ въ классѣ.

— „Гдѣ“?

— „Боленъ“, отвѣчалъ дежурный. Тутъ послѣдовалъ взрывъ ругани: „Ахъ ты, первая скотина! Ты смѣешь говорить, что онъ

боленъ, да онъ на моихъ глазахъ пошелъ за солдатами, должно быть туда и готовится“...

И досталось же мнѣ потомъ отъ Гарнишевскаго, котораго я подвель!..

На другой день прихожу въ классъ. Наканунѣ урокъ по словесности выучилъ, какъ слѣдуетъ. Приходитъ Лучицкій и вызываетъ. Назначено было о поэзіи. Отвѣчаю прекрасно. Онъ слушаетъ внимательно. „Сиди“. Это была лучшая его похвала за отвѣтъ. Остался доволенъ мною и съ того времени снялъ съ меня опалу.

Впослѣдствіи онъ оставилъ службу въ семинаріи и перешелъ въ гимназію. Въ это время подольскимъ владыкою былъ Евсевій, съ которымъ Лучицкій былъ знакомъ еще по академіи. По пріѣздѣ своемъ въ Каменецъ, Евсевій сталъ заставлятъ профессоровъ семинаріи писать и произносить проповѣди. Лучицкій первый воспротивился новому распоряженію. „Что? Я буду подходить подъ благословеніе? одѣвать стихарь? Никогда“... Евсевій, узнавъ объ этомъ, разсердился, а Лучицкій, желая избавиться отъ неприятностей, поступилъ преподавателемъ въ гимназію.

Изъ другихъ профессоровъ Подольской семинаріи въ мое время наиболѣе опытнымъ и даровитымъ былъ Оливницкій („картофляный профессор“), читавшій естественную исторію и сельское хозяйство. Онъ свои лекціи демонстрировалъ на коллекціяхъ, которыя съ любовью составлялъ самъ.—Славился своимъ умомъ и ученостію Троепольскій, умершій въ санѣ епископа. Читалъ онъ у насъ философію и библейскую исторію. Рѣчь его лилась плавно и свободно; но любилъ онъ говорить высокопарно и темно, вслѣдствіе чего никто изъ слушателей его не понималъ, и мы мало получили пользы отъ его учености.

Другіе профессора представляли изъ себя посредственность, занимаясь исключительно чтеніемъ уроковъ по составленнымъ заранѣе запискамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже не трудились надъ самостоятельнымъ изложеніемъ своего предмета, а прямо буквально списывали съ книжки и не стѣснялись, когда ученики случайно узнавали, откуда ихъ профессоръ черпаетъ свою премудрость.

Изъ всѣхъ предметовъ семинарскаго курса въ большомъ загонѣ была математика. Ее почти никто не изучалъ и не зналъ. Древніе языки тоже не пользовались особымъ вниманіемъ семинаристовъ. Латинскихъ книгъ, напр., не выдавали на руки, и переводимый текстъ мы сами должны были переписать въ тетрадь.

Контроля за преподаваніемъ профессоровъ почти никакого не было.

Для провѣрки знаній учащихся существовали внутренніе экзамены. Они происходили дважды въ году—передъ Рождествомъ и передъ лѣтними каникулами. На этихъ экзаменахъ почти всегда присутствовали архіереи. Отвѣчать вызывали, впрочемъ, не всѣхъ учениковъ въ классѣ, а по нѣскольку человѣкъ изъ лучшихъ, среднихъ и худшихъ. Грозой для профессоровъ на этихъ экзаменахъ былъ проживавшій въ Каменцѣ извѣстный В. И. Аскоченскій.

Аскоченскій служилъ въ Каменцѣ совѣстнымъ судьей, а затѣмъ, когда эта должность была упразднена, онъ безъ всякихъ занятій проживалъ въ Каменцѣ вдовый, съ дѣтьми—и терпѣлъ во всемъ большую нужду. Аскоченскій близко стоялъ къ Камен. духовному міру и часто бывалъ у Подольскихъ владыкъ, изъ которыхъ преосвященный Евсеvій былъ, кажется, его товарищемъ по академіи и взялъ было его къ себѣ на житье, но впослѣдствіи долженъ былъ разстаться съ Аскоченскимъ изъ-за злого языка послѣдняго. Аскоченскій очень непочтительно и рѣзко отзывался объ Евсеvіи и говорилъ про него между прочимъ, что онъ пѣлъ у него въ академическомъ хорѣ, регентомъ котораго Аскоченскій состоялъ, „дрянной теноркой“. Аскоченскій поддерживалъ знакомство и съ городскими чиновниками, начиная съ губернатора, хотя и въ этомъ обществѣ его не терпѣли и относились къ нему съ высокоуміемъ. Припоминаю и теперь еще кое-что изъ его злобныхъ эпиграммъ, пользовавшихся широкимъ распространеніемъ между всѣми слоями Каменецкаго общества и доходившихъ и въ нашъ замкнутый семинарскій мірокъ.

Нѣкто Альчаниновъ, жандармскій полковникъ, женился на дочери какой-то помѣщицы, и почему-то свадьба была въ губернаторской квартирѣ. Въ числѣ гостей на этой аристократической свадьбѣ былъ и Аскоченскій, у котораго вышелъ какой-то непріятный разговоръ съ прокуроромъ палаты, Готовцевымъ. Послѣдній, несмотря на то, что самъ былъ далеко не знаменитаго рода (дѣдъ его, кажется, даже былъ кабатчикомъ) въ разговорѣ презрительно обозвалъ Аскоченскаго кнышемъ, а тотъ оплатилъ ему эпиграммой изъ которой у меня въ памяти осталось нѣсколько слѣдующихъ стиховъ:

Да, я поповичъ, не полякъ,
 Не шляхты хамское отродье.
 Мой вѣчной памяти отецъ
 Не назывался благородьемъ.
 Былъ благородень по дѣламъ,
 А не по шнагѣ и усамъ.

Да, я поповичъ, не полякъ
 Мой дѣдъ виномъ не торговаль,
 Не разбавляль его водичей
 И черезъ винный капиталъ
 Не вышелъ въ люди важной птицей...
 Мой родъ, мое происхожденье:
 Прапрадѣдъ мой за голосъ свой
 Попаль въ его благословенье...

Дальше никакъ не могу припомнить. Въ ходу была и другая эпиграмма Аскоченскаго, сочиненная имъ на предсѣдателя суда. Фамиліи его я не помню. Знаю только, что онъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ изъ числа тѣхъ выслужившихся чиновниковъ, которые начинали свою службу починкою гусиныхъ перьевъ въ какой-нибудь грязной передней одной изъ канцелярій того добраго, стараго времени. Однакожь этотъ господинъ также смотрѣлъ на Аскоченскаго сверху внизъ, а тотъ отплатилъ ему эпиграммой, которая начиналась такъ:

Что ты пыхтишь, какъ въ мѣшкѣ шило, и далѣе:
 Отецъ твой, радѣя о благѣ своего прихода,
 Сбираль съ него кныши и выкормилъ тебя урода.

Аскоченскій иногда заходилъ и къ намъ, семинаристамъ, за-просто, поговорить. Бесѣды эти были очень интересны для насъ, такъ какъ отличались живостью, простотою и непринужденностью, почему мы всегда съ удовольствіемъ встрѣчали Аскоченскаго. Также рады мы были появленію его и у насъ на экзаменахъ, такъ какъ хорошо знали что непременно начнется и надолго затянется какой-нибудь нескончаемый ученый диспутъ между самими экзаменаторами, и учениковъ будутъ спрашивать очень мало. Но совсѣмъ иначе встрѣчали появленіе Аскоченскаго на экзаменахъ сами профессора. Остроумный, находчивый, начитанный и отличавшійся тонкой діалектикой Аскоченскій часто въ спорахъ припираль ихъ къ стѣнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли даже идти на экзамень.

Я помню, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился, напр., нашъ профессоръ логики и психологіи Сирочинскій, который на доводы Аскоченискаго въ концѣ концовъ ничего не могъ возразить и принужденъ былъ замолчать. А дѣло было при архіереѣ. Аскоченскій диспутировалъ даже съ профессоромъ естественной исторіи Оливницкимъ. Такъ, у меня въ памяти остался споръ ихъ о полипахъ. Суть спора, впрочемъ, я забылъ.

Вообще же,—какъ и вездѣ,—такъ и въ средѣ семинарской корпораціи Аскоченскій не пользовался симпатіями за свой непостоянный, взбалмошный характеръ, за свои рѣзкіе отзывы, обидныя прозвища, за свою склонность къ насмѣшкѣ, островамъ и шуткамъ, иногда довольно рѣзкимъ. Среди семинарскихъ профессоровъ былъ нѣкто Пашута, товарищъ Аскоченскаго по академіи, человѣкъ мягкій, скромный, сдержанный и деликатный. Его больше всѣхъ другихъ донималъ Аскоченскій своими шутками и островами. Пашута страшно обижался, а тотъ не обращалъ никакого вниманія и продолжалъ при всѣхъ вышучивать его. Пашута былъ человѣкъ холостой, занималъ кромѣ профессуры и должность семинарскаго эконома, которая приносила ему 70 руб. въ годъ жалованья, квартиру и полное содержаніе. Какъ человѣкъ болѣе другихъ профессоровъ семинарскихъ обеспеченный и добрый, онъ однажды къ празднику Пасхи прислалъ Аскоченскому куличъ, сала, яиць, кусокъ ветчины и проч. и 3 руб. денегъ.

На второй день Пасхи Аскоченскій пришелъ къ Пашутѣ съ визитомъ. Войдя въ комнату, онъ со слезами на глазахъ сталъ на колѣни, поклонился Пашутѣ и сказалъ: „друже, прости меня! Я виноватъ передъ тобой много, много. А между тѣмъ, въ то время, какъ всѣ отъ меня отвернулись, только ты меня одинъ поддержалъ“. Растроганный поднялъ Пашута Аскоченскаго. Товарищи разговорились по душѣ, чему не мало способствовало и угощеніе съ выпивкой. Впрочемъ, такое настроеніе продолжалось недолго. Къ концу визита своего Аскоченскій снова впалъ въ свой обычный тонъ по отношенію къ Пашутѣ, а тотъ снова началъ обижаться.

Въ качествѣ почетнаго гостя Аскоченскій бывалъ и на публичныхъ экзаменахъ, которые производились обыкновенно 15 іюля. На нихъ присутствовали архіерей, губернаторъ, многія свѣтскія лица, всѣ профессора и учащіеся симнаріи. Испытанію подвергались только „избранные“, лучшіе ученики и то по вопросамъ, заранѣе имъ извѣстнымъ. Публичные экзамены заканчивались пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ.

Главными мѣстными начальниками семинаріи были преосвященные владыки. Но они не одинаково относились къ ней. Архіепископъ Арсеній (Москвинъ) очень радѣлъ о семинаріи, при чемъ слѣдилъ какъ за постановкою учебнаго дѣла, такъ и за виѣшнимъ ея благоустройствомъ. Замѣтивъ, что въ семинаріи обращается преимущественное вниманіе на главные предметы, а второстепенные какъ бы игнорируются, онъ настоялъ на томъ, чтобы и послѣдними занимались, какъ слѣдуетъ. Въ то же время онъ позаботился объ

улучшеніи экономической части и достигъ того, что „семинарія въ первый разъ отъ своего существованія увидѣла щипцы для свѣчей при подсвѣчникѣ“.

Преимникъ его преосвященный Елпидифоръ (Бенедиктовъ) былъ въ Каменцѣ только два съ небольшимъ года. Человѣкъ онъ былъ болѣзненный и, очевидно, тяготился всякими дѣлами. Посѣщалъ семинарію исключительно во время экзаменовъ. Про него и его предшественника семинаристы сложили слѣдующее четверостишіе:

Арсенія за славу
Перевели въ Варшаву,
А Елпидифора за взятки
Сослали въ Вятку.

Носившіеся слухи подтверждали не лестный отзывъ объ Елпидифорѣ. Дѣло въ томъ, что при немъ жилъ родной его братъ Гаврилка (иначе его не звали), находившійся въ послѣднихъ граду-сахъ чахотки. Преосвященный Елпидифоръ старался всѣми мѣрами скрасить послѣдніе дни несчастнаго и потому всегда выполнялъ всѣ его прихоти. Что бы Гаврилка ни попросилъ, Елпидифоръ дѣлалъ. Этимъ, конечно, воспользовались люди, окружавшіе епископа, и злоупотребляли его слабостію. Приѣдетъ какой-нибудь дьячекъ, желающій лучшаго прихода или даже домогающійся священническаго сана, является къ архіерейскому письмоводителю и даетъ ему 100 рублей или приводитъ корову, прося устроить дѣло. Письмоводитель дѣйствуетъ на Гаврилку, а послѣдній иногда со слезами умоляетъ брата, и тотъ не имѣетъ твердости отказать въ такой просьбѣ. Преосвященный Елпидифоръ возилъ съ собою Гаврилку и во время поѣздокъ по епархіи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ по дорогѣ онъ и умеръ. Вскорѣ, говорятъ, по доносу преосвященный Елпидифоръ былъ переведенъ въ Вятку.

Слѣдующій епископъ Евсевій (Ильинскій) тоже часто не посѣщалъ семинарію. Извѣстенъ случай, когда онъ присутствовалъ на урокъ помощника ректора іеромонаха Іаннуарія (Попова), читавшаго го-милетику и литургику. Іаннуарій (впослѣдствіи епископъ балтскій), хотя и былъ магистръ богословія, преподавалъ свои предметы неумѣло и плохо. Объ этомъ донесли преосвященному Евсевію. Послѣдній для провѣрки неожиданно явился на урокъ Іаннуарія. „О чемъ идетъ урокъ?“—обратился онъ къ нему. Тотъ сказалъ. „Къ слѣдующему дню урокъ заданъ?“. „Заданъ“. „Объясненъ?“ „Да“. „Ну, еще повторите объясненіе“. Іаннуарій долженъ былъ исполнить требованіе епископа, вытащилъ изъ кармана небольшой листочекъ бумажки, на которомъ были, вѣроятно, записаны главныя мысли урока, и, въ минуту прочитавъ написанное, остановился.

„Уже все?“ „Все, Ваше Преосвящество“. Евсевій, остался очевидно, недоволенъ такимъ объясненіемъ урока, нервно походилъ по классу и, не сказавъ ни слова, уѣхалъ.

При преосвященномъ Евсевіи я окончилъ курсъ семинаріи въ 1853 году.

По окончаніи курса въ семинаріи я и другіе пять человекъ товарищей моихъговорились сходить въ Почаевъ на богомолье. Взавши билеты изъ консисторіи, куда отосланы были наши аттестаты, мы въ первой половинѣ іюня отправились въ свое путешествіе. Пока мы были въ предѣлахъ Подольской губ., то, переходя изъ села въ село, встрѣчали повсюду почти самое патріархальное гостепрѣимство въ домахъ священниковъ, особенно тамъ, гдѣ были дочери невѣсты. Одной изъ первыхъ остановокъ нашихъ было село Скотыняне Каменецк. у. Мы зашли къ священнику Юсифу Сливычу. Здѣсь была моя нареченная, такъ какъ я засватался, будучи еще въ послѣднемъ классѣ семинаріи. Случилось это такъ. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ семинаріи о. Сливычъ предложилъ мнѣ заниматься съ его сыномъ, учившимся въ духовномъ училищѣ. Я согласился. Занятія наши продолжались успѣшно къ удовольствію родителей ученика, которые и пригласили меня, безпріютнаго, провести у нихъ рождественскія каникулы. Здѣсь я познакомился съ ихъ дочерью, которая очень понравилась мнѣ, какъ по наружности, такъ и по спокойному, ровному характеру и по хозяйственности. Задумавши сдѣлать ей предложеніе, я письмомъ вытребовалъ свою сестру, дьячиху Снѣжинскую, такъ какъ въ то время считалось неприличнымъ молодому человѣку самому объясняться съ дѣвицей или съ ея родителями насчетъ питаемыхъ къ ней чувствъ и своихъ матримоніальныхъ намѣреній. Сестра прѣхала и сдѣлала предложеніе, и я объявленъ былъ женихомъ. Въ домѣ моей невѣсты меня съ товарищами по путешествію приняли очень радушно, угостили хорошо, да и на дорогу дали хлѣба, курицу и сала и вывезли за село.

Мы сдѣлали складчину по 3 рубля съ человѣка, выбрали изъ своей среды экономомъ Доценко и вручили ему всю свою казну. На его обязанности лежало покупать для насъ продукты: хлѣбъ, молоко и яйца. Въ Волынской губ. намъ также оказывали гостепрѣимство, хотя и не такое, какъ на родинѣ.

Причиною тому былъ, между прочимъ, и недородъ хлѣба въ томъ году. И вслѣдствіе этого мы иногда вынуждены были обращаться за оказаніемъ помощи къ мѣстнымъ священникамъ, такъ какъ въ иномъ селѣ ни за какія деньги нельзя было достать хлѣба или другого съѣстнаго. Въ с. Чашовкѣ мы не могли купить ни-

чего и отрядили одного изъ своихъ товарищей Корчинскаго къ батюшкѣ. Ждемъ, ждемъ... нѣтъ его. Проходитъ часъ, два, три... Ъсть страшно хочется. Послали товарищи меня, и я застаю такую картину. Въ полутемномъ и прохладномъ амбарѣ сидятъ священникъ Прокоповичъ и нашъ Корчинскій, передъ ними недопитое „око“ водки („око“—штофъ), сало съ чеснокомъ и хлѣбъ.

Очевидно хорошо имъ было здѣсь сидѣть и угощаться, и они совершенно позабыли про пятерыхъ голодныхъ людей. Усадилъ о. Прокоповичъ и меня и началъ усиленно потчевать. Но я, выпивъ чарку, другую, сталъ просить отпустить насъ скорѣе и дать хлѣба. О. Прокоповичъ далъ намъ булку и сказалъ, что это послѣдняя у него.

Въ слѣдующемъ селѣ Бѣлозеркѣ судьба была къ намъ милостивѣе, и мы не только достали хлѣба, но и сметаны съ земляникой. Здѣсь собралось около насъ много народу, такъ какъ насъ приняли за чеховъ, странствующихъ музыкантовъ, благодаря волосянымъ, толстымъ чебукамъ, представившимися любопытной деревенской публикѣ музыкальными духовыми инструментами. Здѣсь же мы почувствовали страшное утомленіе отъ сдѣланнаго пути. На ногахъ, обутыхъ въ совершенно неприноровленные къ дорогѣ сапоги, оказались сильныя ссадины и мозоли. Поэтому наняли мы за 1 р. 50 к. до м. Вышневецъ длинный возъ („васагъ“), выстлали его хорошо соломой, усѣлись всѣ шестеро и поѣхали далѣе. А въ Вышневецахъ сдѣлали продолжительную остановку почти на сутки тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный. Путешествовавшій съ нами сынъ майора Вефель куда-то пропалъ, но къ полудню возвратился и весело объявилъ намъ, что выигралъ 2 рубля и тутъ же угостилъ насъ хорошимъ обѣдомъ. Вышедши изъ Вышневецъ, мы скорѣе увидѣли лавру. Радости нашей не было конца. Мы всѣ были юноши религиозные. Чувство глубокой вѣры—простой, безхитростной, но горячей—было прочно зажжено въ нашей душѣ. При всѣхъ недостаткахъ нашего воспитанія, оно отличалось тѣмъ, что велось людьми безусловно вѣрующими и любящими церковь православную и все церковное. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при видѣ величественныхъ лаврскихъ церквей и колоколенъ, равныхъ которымъ мы доселѣ еще не видѣли, насъ захватило умиленно-восторженное религиозное настроеніе. Со слезами на глазахъ упали на колѣни и усердно начали молиться. Въ лавру мы поспѣли къ вечернѣ, за которой также молились съ сугубымъ усердіемъ, умиленные неспѣшною, чинною церковною службою и стройнымъ пѣніемъ лаврскаго хора. Вышедши отъ вечерни, мы не знали, куда дѣваться. Выручилъ насъ монахъ-землякъ, который очень обрадовался намъ. По его просьбѣ намъ отвели болѣе чистое помѣщеніе

въ частномъ домѣ „за дорогой“. Благодаря случаю о нашемъ прибытіи въ Почасвь узналъ высокопреосвященный Арсеній, бывший архіепископъ Подольскій, а теперь Варшавскій и Новочеркасскій, управляющій Волынской епархіей. Епархію эту дали въ управленіе высокопреосвященному Арсенію изъ личнаго уваженія къ нему и, такъ сказать, для кормленія, такъ какъ въ Варшавской епархіи епископъ кромѣ жалованья не имѣлъ никакихъ доходовъ. Въ Волынской же епархіи архіерей получаетъ третью часть лаврскихъ доходовъ, что составляетъ очень солидную сумму, особенно для того времени.

Владыка приказалъ намъ явиться къ нему на другой день, и во исполненіе этого приказанія мы въ назначенный часъ были въ архіерейскихъ покояхъ.

Большая пріемная комната архіерейскихъ покоевъ была наполнена просителями разныхъ возрастовъ и сословій, что было вполне понятно, такъ какъ владыка только изрѣдка навѣщалъ въ Волынь. Намъ скоро позвали въ другую комнату, куда къ намъ вышелъ владыка въ камилавкѣ и подрясникѣ. По обычаю того времени, мы поклонились ему въ ноги. Получивши отъ него благословеніе, мы съ удивленіемъ услышали отъ него ласковое: „садитесь“. Намъ не вѣрилось, что это говорятъ строгій владыка Арсеній, гроза и трепеть подвѣдомственнаго духовенства. Мы не смѣли садиться и стояли. „Да садитесь же“—снова повторилъ владыка уже настойчиво и строго. Онъ началъ насъ разспрашивать обо всемъ съ большими подробностями. Съ удовольствіемъ вспоминалъ о службѣ своей въ Подоліи, которую (Подолію) называлъ „блаженною“. „Вы счастливыцы, говорилъ онъ намъ, у васъ тамъ просторъ. Мѣсть много, а кандидатовъ мало. А здѣсь меня все время осаждаютъ семинаристы изъ-за мѣсть, а мѣсть и нѣтъ“. Милостиво распростился съ нами владыка, далъ намъ по просфорѣ и приказалъ хорошо насъ кормить и содержать. На прощанье снова были у него—по его же приказанію. Владыка далъ каждому изъ насъ по литографированному своему портрету, а мы поклонились ему нѣсколько разъ въ ноги. Возвратившись съ богомолья, направился я въ домъ своей невѣсты. Скоро сыграли и свадьбу. Затѣмъ дали мнѣ 45 р. на рукоположеніе и отправили въ Каменецъ.

Въ сентябрѣ меня рукоположили къ церкви с. Иванковецъ Хребтівскихъ Ушицкаго у. во священника.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гимназистъ, военно-плѣнный.

(Изъ жизни М. Н. Муравьева Виленскаго).

По словамъ генерала Саранчова, бывшаго при графѣ Муравьевѣ полицеймейстеромъ, подчасъ Михаилъ Николаевичъ былъ и гуманенъ. Въ одной стычкѣ (1863 г.) былъ взятъ въ плѣнъ 15-тилѣтній юноша, гимназистъ 5-го класса Виленской гимназіи. При опросѣ, почему онъ рѣшился пуститься на такой рискованный путь, онъ чистосердечно сознался, что пошелъ въ банду не по собственному влеченію, а по желанію его матери, которая требовала отъ него этой жертвы. При обыскѣ у него нашли письмо матери, благословляющей его на войну съ врагомъ и совѣтующей сражаться съ нимъ до послѣдней капли крови. Обо всемъ этомъ доложили графу, и въ немъ промелькнуло чувство состраданія. Онъ велѣлъ сдѣлать у матери юноши обыскъ, разспросить ее о сынѣ и о послѣдующемъ ему доложить. Саранчовъ отправился туда. Въ убогой и тѣсной квартирѣ помѣщалось семейство, состоящее изъ матери и трехъ малолѣтокъ. На вопросъ Саранчова, гдѣ ея старшій сынъ? она отозвалась невѣдніемъ.

— Можетъ быть онъ въ шайкѣ повстанцевъ?

— О! нѣтъ! Я его воспитала въ принципахъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ Царю и отечеству.

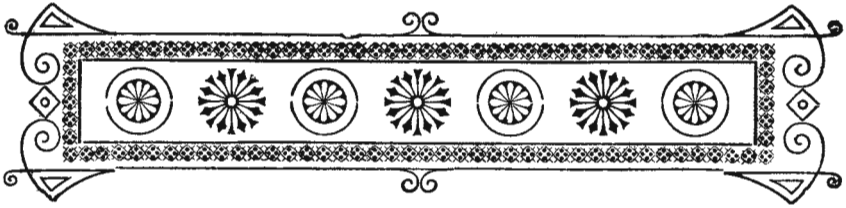
— И такъ, вы, положительно, не можете намъ сказать объ немъ?

— Не могу, полагаю, что онъ могъ утонуть.

Въ такомъ смыслѣ составленъ былъ протоколъ, который и подписала мать. Тогда Саранчовъ вынулъ собственноручное ея письмо и, предъявляя ей, сказалъ: „ваше заявленіе, сударыня, совершенно противорѣчитъ вашему письму“. Она пришла въ отчаяніе и на колѣняхъ умоляла Саранчова не губить ее. Саранчовъ обѣщаль ей исходатайствовать полное прощеніе. Муравьевъ согласился не привлекать ее къ отвѣтственности и велѣлъ спросить юношу, не желаетъ ли онъ окончить гимназію? Юноша, внѣ себя отъ радости, заявилъ, что онъ былъ бы этому весьма радъ, но въ Виленской гимназіи и вообще въ Вильнѣ оставаться не можетъ, а желалъ бы забраться какъ можно подальше отъ Вильны; но, къ сожалѣнію, средства матери его для того недостаточны. Графъ Муравьевъ снесся съ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, чтобы юношу помѣстить на казенный счетъ въ Казанской гимназіи; велѣлъ Саранчову озаботиться закупкой теплой одежды, снабдить необходимыми деньгами (дѣло было зимой) и отправить въ Казань. Сказано — сдѣлано.

К. Н. Добровольскій.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго¹⁾.

10-е октября²⁾.

Вогаютъ, что Нахимовъ ужасно разсердился, услыхавъ, что я хочу выйти въ отставку. Забавны, право, эти люди! Ежели они сдѣлались рабами, такъ хотять и другихъ лишить свободы. Напрасно называть это громкими именами неблагодарности и проч., и проч. За меня въ корпусѣ платили деньги, и я никому ничѣмъ не обязанъ. Въ этомъ заключается моя гордость. На прощанье цѣлую перчатку К. и ложусь спать.

6 или 7 ноября.

„Много измѣнилось съ того времени. Я уже уѣхалъ изъ Севастополя. Теперь сижу дома, въ отпуску. Но все случилось какъ-то неожиданно. Послѣднее время я былъ въ разладѣ самъ съ собою, я былъ влюбленъ страшно и уѣзжалъ отъ К. Во мнѣ осталось на столько разсудка, чтобы понять, что пора было уѣзжать: иначе я надѣлалъ бы глупостей. А потому всѣ хлопоты, всѣ приготовления къ дорогѣ шли какъ-то машинально. До послѣдней минуты я еще не зналъ навѣрное, поѣду ли. И потомъ, въ первые дни дороги, я еще не вѣрилъ, что это—дѣйствительность. Мнѣ казалось, что я гдѣ-нибудь за городомъ, что черезъ полчаса я ворочусь. Въ первое утро я задремалъ на перекладной. Открываю глаза: вдали горы; утренній туманъ, какъ море, разстился у ногъ ихъ;

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

²⁾ 1851 г.

изъ среды этого фантастическаго моря—хутора, съ ихъ тополями. Какъ я обрадовался, воображая, что ѣду назадъ!—Вся моя жизнь, мои воспоминанья, моя первая любовь, прощанье и нашъ послѣдній разговоръ были еще такъ живы въ моей памяти! Я былъ такъ тѣсно связанъ съ Севастополемъ, что до самаго Екатеринослава думалъ, что вернусь назадъ. Непривычка къ дорогѣ, поперебѣнные то холодъ, то жаръ, усталость мѣшали мнѣ думать о ней. Во все это время я почти не спалъ, потому что ѣхалъ день и ночь. Однажды, на станціи, я задремалъ. И вижу, что мы вмѣстѣ, что мы опять счастливы другъ съ другомъ.. Не буду говорить о всѣхъ непріятностяхъ въ дорогѣ. Погода дурная, холодно, скучно. Иногда я увлекался быстрой ѣздою; глаза горѣли, я весь оживалъ—и мы всѣ—съ ямщикомъ, лошадьми, экипажемъ были словно какое-то новое, оживленное существо, которое летѣло—легко, смѣло и свободно. И не видно было конца этому... Я помню, послѣднія сутки дороги я былъ счастливъ: мое желаніе было близко къ исполненію; мы ѣхали скоро. Тяжелыя, свѣжныя облака смѣнили дождь. Они тихо, неправильно толпились надо мною, какъ новыя дѣти Борей, готовые упасть на землю и покрыть ее бѣлымъ саваномъ. Я всматривался въ ихъ движеніе; мнѣ казалось, что я понимаю ихъ жизнь. И мнѣ дѣлалось странно за себя, осыпаннаго мятелю. Но вотъ проглянулъ чистый, лазурный клочекъ южнаго неба—и явленіе его было такъ отрадно, какъ будто добрые ангелы явились тамъ и сдержали черныя тучи, готовые упасть на меня. Дунулъ послѣдній холодный порывъ вчерашняго вѣтра, и страшныя облака, поднявшіеся выше, ушли на горизонтъ. Осеннее солнце проглянуло изъ-за тучъ и освѣтило всѣ предметы какимъ-то матовымъ, мягкимъ свѣтомъ,—представлявшимъ изъ себя нечто среднее между луннымъ и солнечнымъ: зелень хлѣбовъ, голыя березки, желтыя нивы озарились какимъ-то волшебнымъ блескомъ. Чѣмъ ближе я былъ къ дому—тѣмъ волненіе мое становилось больше. Мнѣ сдѣлалось дурно. Почувствовалъ холодъ, открываю глаза: звѣзды блестятъ надо мною (ночи передъ этимъ были дождливы и холодны). Но вотъ и конецъ адской, утомительной дороги. Колокольчикъ остановился у дома. И черезъ минуту я обнялъ своихъ родныхъ“.

14 ноября.

„Что мнѣ описывать, какъ проводилъ это время! Давно я не жилъ настоящимъ и потому время прошло, какъ мигъ. Я даже ни разу не вспомнилъ о К. и только вчера скучалъ и грустилъ цѣлый вечеръ... Любовь моя охладѣла теперь... Говорятъ, послѣ моего отъѣзда она бредила много, впала въ горячку; узналъ отецъ и были

страшныя сцены... Что же я намѣренъ дѣлать?—Въ перспективѣ у меня жизнь съ братомъ, котораго я люблю, который будетъ для меня другомъ. А дальше—свободная кочующая жизнь, въ которой только поэзія“.

19 или 20 ноября.

„Что можетъ быть непріятнѣе—видѣть въ семействѣ женщину, злую, подъ конецъ жизни сумасшедшую ¹⁾, отъ которой терпѣть весь домъ! Но это чувство усиливается, если прибавить, что то была моя мать. Вчера я слышалъ безконечные рассказы объ ея гадостяхъ, злости, и вижу теперь, что, несмотря на все отдаленіе отца отъ насъ, ежели есть въ насъ что-либо хорошее, то это отъ него... Право, моя участь, кажется,—всегда увлекаться мечтами и потомъ видѣть ихъ разрушеніе. Еще одной мечтою меньше. Давно ли я рисовалъ себѣ картины сельской жизни, въ кругу родныхъ, среди тихихъ занятій. Теперь я живу этой жизнью. И что же? Не прошло и двухъ недѣль, какъ она мнѣ уже надоѣла; я начинаю скучать, утромъ, послѣ чая, читаю какую-нибудь книгу—до завтрака; потомъ дѣлаешь что-нибудь до обѣда. Далѣе кое-какъ протянешь до чаю, а тамъ займешься чѣмъ-нибудь до ужина. Потомъ—и спать. Все—неопредѣленно, вяло, безжизненно донельзя. Осень на дворѣ; пасмурно, тихо; въ домѣ тоже нигдѣ не видать движенія. Всякое лицо, прошедшее мимо оконъ, возбуждаетъ всеобщее любопытство; всѣ мелочи извѣстны и не укроются, даже появленіе у крыльца чужой собаки. Мнѣ понятно теперь, отчего всѣ опускаются въ деревнѣ и ѣдятъ, ѣдятъ каждую минуту. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что непременно всѣ такъ же живутъ въ деревнѣ. Развѣ я занимался какими-нибудь сельскими работами, какъ предполагалъ прежде?! Развѣ я входилъ въ жизнь поселянъ, какъ думалъ прежде?! Имѣю ли я какое-нибудь понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, ботаникѣ и прочихъ наукахъ, такъ отрадныхъ въ деревнѣ? А ежели бы я имѣлъ о нихъ понятіе, то развѣ я примѣнялъ бы ихъ къ дѣлу? Конечно, моя мечта потеряла уже много процентовъ отъ дѣйствительности“.

30 ноября.

„Отецъ служить для меня живымъ примѣромъ. Сначала онъ дѣлалъ разныя упущенія, считалъ ихъ вздорными и которыя легко бросить, когда захочется. Но случилось иначе: онъ втянулся въ свои привычки и теперь, можетъ быть, сознавая ошибки и видя невозможность поправить ихъ, боится довѣриться кому-нибудь, а

¹⁾ Пропускаю еще одно, слишкомъ рѣзкое выраженіе князя.

А. Жиревичъ.

также изъ страха, чтобы не выгнали изъ дому ее ¹⁾). Всѣ мы (и я— въ особенности) питаемъ презрѣніе къ ней, ненависть; не могу говорить о ней хладнокровно. Конечно, на нее онъ (отецъ) тоже тратитъ и, слѣдовательно, обманываетъ насъ. Все это—непріятно, тяжело. Но я не жалѣю, что пріѣхалъ: неожиданно соберется все наше семейство и тогда будетъ окончательный взглядъ на все и всѣхъ. Да, я многого жду отъ новаго года. Каждая изъ сестеръ говорила, что столько вынесла здѣсь, что рада бѣжать куда-нибудь и бросить все, чтобы не слышать и не видѣть. И съ ними согласенъ. Мое мнѣніе такое, что ежели домашнія дѣла не измѣнятся, то я тоже никогда не пріѣду домой. Наконецъ я сдѣлалъ предложеніе, что ежели все останется по-прежнему, то послѣ объясненія съ отцомъ, взять каждому брату по сестрѣ и уѣхать: пусть живутъ, какъ знаютъ, и дѣлаютъ, что вздумается, не мараля насъ. Мое предложеніе принято. А очень можетъ быть, что все останется по-старому. Мы не можемъ защищать хорошо своего дѣла потому, что онъ (отецъ) знаетъ одинъ всѣ дѣла. Связь ихъ зашла, можетъ быть, также слишкомъ далеко. Какъ знать, можетъ быть, они уже обвиняны тайно!... Исторія продажи лѣса, вообще управленіе, отчеты по опекаѣ—все очень темно. Какъ мои мнѣнія измѣнились!— Давно ли я питалъ презрѣніе къ деньгамъ? А теперь эти дѣла возмущаютъ, огорчаютъ меня, потому, что кромѣ интереса, я потерялъ уваженіе и любовь къ человѣку, который достоинъ того и другого“.

2 декабря.

„Мнѣ пришла счастливая мысль описать всѣхъ, составляющихъ наше семейство. Начнемъ съ отца. Въ двадцатыхъ годахъ онъ вышелъ въ отставку изъ гусаръ; на 38 году жизни женился, но былъ наказанъ за то, что хотѣлъ богатства. Жена его была женщина злая, подверженная сумасшествію.. мучила свое семейство, крестьянъ. Его характеръ—добрый, благородный, мягкій. А потому, онъ былъ вторымъ лицомъ въ домѣ. Не знаю, долго ли продолжался ихъ медовый мѣсяцъ; но, сколько я помню, у нихъ были безпрестанныя ссоры, сцены, которыя вредно вліяли на насъ. И потому, въ дѣтствѣ, никто изъ насъ не можетъ припомнить пріятныхъ минутъ. Но страхъ, наказанія, всевозможныя лишенія оставили на каждомъ изъ насъ свои слѣды. Домашній деспотизмъ матери былъ такъ силенъ, что до сихъ поръ содрогаетесь при одномъ воспоминаніи. У отца были тоже свои недостатки, наприкладъ, его страсть къ картамъ. Сколько проиграно денегъ, какъ

¹⁾ Особу, которая смѣнила мать автора записокъ.

разстроено черезъ это наше состояніе—вообразить не трудно. Но вотъ умерла мать, и началось счастливое время для нашего семейства. Общая любовь, довѣріе другъ къ другу, веселье и радость не оставляли ихъ круга. Казалось, самъ ангель слетѣлъ, чтобы утѣшить ихъ за прежнія страданія. Но это счастливое время продолжалось недолго. Человѣкъ, привыкнувшій къ рабству, не въ состояніи былъ пользоваться свободой. То была гувернантка моей младшей сестры, женщина хитрая, ласковая, которая сумѣла вовлечь старика въ свои сѣти: трудно повѣрить искренности любви съ ея стороны—ему около 70, а ей—двадцать!—И чѣмъ мягче, нѣжнѣе эти сѣти—тѣмъ онѣ сильнѣе оковали его, особенно послѣ прежняго деспотизма матери.—Начало сдѣлано, и зло идетъ теперь скорыми и твердыми шагами. Положивъ пятно на свое семейство этой связью, онъ поневолѣ долженъ былъ удалиться отъ него. Къ тому же случилась въ хозяйствѣ разныя несчастія, унущенія съ его стороны. Наконецъ, слабость здоровья и характера много способствовали разстройству дѣлъ. А тутъ надо заплатить дань новой страсти—и положеніе стало самое жалкое, непріятное.

Могутъ возразить мнѣ, что я здѣсь противорѣчу самъ себѣ, отвергая свободное соединеніе любящихъ. Нѣтъ, тутъ дѣло другое. Человѣкъ, у котораго есть семейство, долженъ забыть себя, свои потребности, прихоти и жить только для дѣтей. Если онъ устроилъ совершенно ихъ участь, если въ этомъ дѣлѣ совѣсть не говоритъ противъ него,—тогда дѣлай, что хочешь, тогда онъ свободенъ. Иначе онъ—должникъ, вѣчный и неоплатный. Не дай Богъ быть на его мѣстѣ! Поступки его скрыты, нерѣшительны; онъ видитъ, что ему не въ силахъ справиться и, въ то же время, боится довѣриться кому-нибудь изъ насъ—изъ ложнаго стыда, изъ опасенія, чтобы не прогнали ее.

Старшій братъ нашъ, отданный въ инженеры, оттуда попалъ въ юнкера, на Кавказъ, гдѣ натерѣлся, какъ видно, разныхъ невзгодъ, былъ шесть лѣтъ юнкеромъ, участвовалъ въ сраженіяхъ, былъ въ Венгерской кампаніи. Недавно мы сидѣли за чаемъ. Вдругъ вбѣгаетъ какой-то неизвѣстный офицеръ, цѣлуется съ отцомъ и называется нашимъ братомъ. Никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить. Послѣ 12-и лѣтъ онъ перемѣнился. Мы считали его высокимъ, стройнымъ, а онъ оказался маленькимъ и неуклюжимъ. Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе было не въ его пользу. Еще прежде, по письмамъ, мы видѣли въ немъ странности: какое-то отчаяніе въ жизни. Мы имѣли дурное понятіе объ его жизни, а потому, думая его оставить помощникомъ дома, намъ любопытно было посмотрѣть, что это за человѣкъ. Вдобавокъ, онъ уже подалъ въ отставку и волей-

неволей останется дома противъ желанія отца... Завтра мы ѣдемъ въ Калугу, на балъ къ губернатору, и онъ не шутиа ищетъ себѣ въ невѣсты богатую купчиху. Я не могу понять, какъ можно жениться по заказу. Вотъ провозженіе моего времени. Утромъ, еще темно, всѣ спятъ. Свизу за Евангеліемъ. Потомъ политика. А вечеромъ—на балъ... Какія противоположности“...

И подобныхъ, искреннихъ, частью дѣтски—наивныхъ, страницъ не мало въ дневникахъ юнаго моряка. Дневникъ это—интимный другъ его, съ которымъ онъ ведетъ откровенныя, долгиа бесѣды, которому признается даже въ такихъ мелочахъ, какъ встрѣча съ продажной красавицей въ захудалой Калугѣ... вызвавшая въ молодой душѣ разочарованіе, угрызения совѣсти. Отъ этихъ признаній, исповѣдей вѣетъ неиспорченной, чистой, мечтательной, цѣломудренной натурою—вопреки тѣмъ страницамъ, гдѣ князь старается убѣдить себя въ томъ, что онъ падаеть, даже погибъ уже, нравственно... И, по-прежнему, авторъ мемуаровъ имѣеть въ виду будущаго ихъ читателя, уже вѣрнѣй сказать—читательницу...

До меня не дошли журналы кн. Ухтомскаго за 1852 годъ, а за 1853 годъ сохранилась въ его архивѣ лишь одна тетрадь. Изъ нее, однако, видно, что жизнь дѣлала—тоже свое дѣло, понемногу обращая барича-философа въ служаку, какъ-бы подготавливая его къ испытаніямъ, которыя ждали его вскорѣ при Севастопольской оборонѣ. Вдали раздавался уже громъ надвигающейся военной грозы, всыхивали молніи орудійныхъ выстрѣловъ... Начавшаяся Крымская кампанія заставляеть молодого моряка чаще и чаще забывать личныя, минутныя увлеченія, оставлять близкихъ, друзей, любимую книгу—во имя болѣе высшихъ интересовъ—интересовъ Родины, флота, русскаго народа... Но и тутъ, со страницъ дневниковъ почившаго, постоянно выглядываетъ на читателя прежній мечтатель, поэтъ, вздыхающій объ уютномъ уголкѣ, о женской ласкѣ, объ интимной, дружеской бесѣдѣ съ интересной книгою, чуждый кровожадныхъ инстинктовъ войны, мягкой, гуманный и нравственно опрятный... А, между тѣмъ, начавшееся въ Черномъ морѣ крейсертво грубо напоминаеть князю о прозѣ жизни, о звѣрскихъ инстинктахъ, о безпощадныхъ условіяхъ военнаго времени... И онъ старается забыться...

Приведемъ нѣкоторыя отрывки дневниковъ князя за этотъ, 1853, годъ.

„Дѣйствительно, Черное море шумитъ и, къ нашему общему неудовольствію, шумитъ очень сильно. Три ночи сряду—гроза и проливной дождь. Огромный прибой разбивается о берегъ и разсы-

паются фонтанами водяной пыли, отчето на рейдѣ—страшный шумъ. Скучно. Даже окрестные виды, при дурной погодѣ, потеряли свою прелесть и нахмурились“.

„Легкая полоса сѣверо-восточнаго вѣтра едва подвигаетъ насъ впередъ; море—спокойно; небо стало заволакиваться тучами; вершины прибрежныхъ горъ и ущелья покрылись туманомъ. Все тихо на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ ребенка во время утренней молитвы. Ни на землѣ, ни въ воздухѣ не видно живого существа: кажется, природа задремала. Такое состояніе располагаетъ къ мечтательности. Я склонился на бортъ и слѣдилъ за стадами морскихъ рыбъ, которыя, обгоняя нашъ бригъ, казалось, смѣялись надъ его неповоротливостью. А, между тѣмъ, услужливая фантазія переноситъ меня подъ мирный кровъ роднаго дома—и мнѣ тепло, хорошо, безопасно у домашняго очага. Но вотъ картина перемѣняется: небо покрыто черными тучами; молнія блещетъ; вѣтеръ рветъ воду и валъ набѣгаетъ на нашъ фрегатъ, грозя разбить его въ дребезги. Но онъ промчался. Промчались и многіе опасные валы. А нашъ фрегатъ—цѣль и невредимъ. Опять перемѣняется декорация. Небо чисто и ясно; солнце жжетъ своими лучами. Я на берегу. Я могу спрятаться отъ зноя въ кипарисовой рошѣ—и оттуда любоваться на зеркальную поверхность моря... Я вижу себя въ Италіи, въ странѣ, которая всегда составляла предѣлъ моихъ мечтаній. И много, много подобныхъ грезъ пронеслось въ моемъ воображеніи, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда, какъ...“

„Легкій паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснутъ—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ.

Зачѣмъ они? Откуда? Кто ихъ спроситъ?“...

Но я не намѣренъ сообщать вамъ моихъ сновидѣній, такъ какъ они были, по большей части, романтическаго свойства... Романтизмъ—на морѣ, на высотѣ Новороссійска, не можетъ имѣть мѣста“...

„Между тѣмъ, какъ я писалъ эти строки, горизонтъ покрылся сплошной массою сѣрыхъ тучъ, вѣтеръ, сначала ровный, сталъ замѣтно свѣжѣть; не болѣе, какъ въ полчаса развело зыбь; мракъ увеличивался съ каждой минутой. Усиливающіеся порывы вѣтра переходятъ въ штормъ. Зеленяя, пѣнистая волны поднимаются выше борта нашего бѣднаго брига, который, скрипя и покачиваясь съ боку на бокъ, то ныряетъ и, кажется, хочетъ измѣрить глубину морскую, то поднимается гордо на самый хребетъ вала. Мы убавили парусовъ и, скрывшись въ Пиндунду, бросили якорь на 17½ сажень глубины... Пиндунда! Пиндунда! Я люблю этотъ маленькій мысъ, покрытый соснами: онъ такъ напоминаетъ мнѣ мою родную

страну! Теперь, впрочемъ, не до воспоминаній: вѣтеръ шумитъ, дождь льетъ ливнемъ,—море бурлитъ и укачиваетъ насъ, какъ разсерженная, нетерпѣливая мать, качающая своего капризнаго ребенка... На землю спустилась темная, мрачная ночь“...

Наканунъ Троицы. (Крейсерство).

„Какъ ни говорите, а въ войнѣ и ея ожиданіи есть своего рода увлекательность—когда еще молодъ, когда силы еще свѣжи, и особенно при моихъ наклонностяхъ—вдаваться въ опасности и приключенія. И замѣтите, въ какое чудное время мы живемъ, какъ обширна перспектива моряка! Тамъ—возрожденіе Сибири и ея портовъ подъ управленіемъ Муравьева. (Странно, къ нѣкоторымъ людямъ, не зная ихъ, чувствуешь довѣренность. Къ такимъ именамъ принадлежатъ: Муравьевъ, Воронцовъ, Долгорукій, Раевскій, Перовскій и еще немногіе). Дальше, на Аральскомъ морѣ,—описи, судоходство и въ виду—Индія. На Волгѣ и на другихъ рѣкахъ пароходство усиливается съ каждымъ годомъ. Тутъ нашъ фрегатъ въ крейсерствѣ у береговъ Турціи, отъ которой мы, кажется, не мало требуемъ. Между славянскими племенами мы увеличиваемъ свое вліяніе и заранѣе приучаемъ ихъ къ своему владычеству. И какъ явно наше стремленіе къ осуществленію всемірной славянской имперіи!.. Чувствуешь особенную гордость, участвуя въ этихъ великихъ событіяхъ и своими трудами хоть сколько-нибудь содѣйствуя великой цѣли. Но пора бы сказать что-нибудь о нашемъ крейсерствѣ, о нашей жизни на морѣ, о командѣ и въ особенности о командирѣ.

„Теперь мы въ крейсерствѣ и караулимъ появленіе непріятели. Время идетъ очень однообразно. Извѣстій—никакихъ. Объявлена ли война? Конченъ ли разрывъ? Никого не встрѣчаемъ, кромѣ иностранныхъ купцовъ, идущихъ за хлѣбомъ въ Одессу или Таганрогъ. Каждый день—ученье, играетъ наша музыка; вечеромъ юнкера иногда танцуютъ, изъ матросовъ наряжаются въ какіе-нибудь уродливые костюмы. Но мнѣ и всѣмъ уже это надоѣло. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе 50 дней ничего не видѣть, кромѣ воды и неба. Ходишь безъ цѣли: наскучить. И ежели бы не нашъ капитанъ, то жизнь была бы невыносима, хуже тюрьмы. Да, надобно сказать правду, что такого опытнаго и дѣльнаго командира и въ то же время такого прекраснаго человѣка, не скоро найдешь, какъ нашъ Николай Максимовичъ Гувениусъ. Онъ достоинъ уваженія уже потому, что смотритъ на матросовъ, какъ на людей, съ которыми можно сдѣлать много хорошаго безъ палки. Вслѣдствіе этого

наша команда уже переимѣнилась во многомъ; люди сдѣлались веселѣе, развязнѣе противъ прежняго. По отношенію къ офицерамъ, надо сказать, самый взыскательный изъ насъ не нашелъ бы причинъ жаловаться на Николая Максимовича: столько деликатности въ его обращеніи, такое умѣнье держать себя, что, право, я его уважаю и люблю.

Только подъ его командою я испыталъ удовольствіе—стоять вахту (которая для меня до сихъ поръ была наказаніемъ), потому, что въ немъ столько еще жизни, что онъ безпрестанно дѣлаетъ разныя полезныя примѣненія: всегда чему-нибудь научишься. Это очень рѣдко между капитанами. Впрочемъ, на бригѣ имъ кажется, были недовольны. Конечно, нельзя хвалить человѣка, съ которымъ служилъ только три мѣсяца; но ежели онъ и носитъ маску, то все-таки человѣкъ удивительный, потому что до сихъ поръ очень мало измѣнилъ своей роли“.

12 іюня.

„Съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ себѣ значительную переимѣну: чувства, которыя такъ долго мучили, волновали меня, исторія которыхъ наполняютъ 17-ю тетрадь моего журнала, начинаютъ улегаться, или, вѣрнѣе, разсудокъ подавилъ ихъ. Чѣмъ же я успокоилъ ихъ? Занятіями, службою. Мнѣ даже кажется, что чувства мои волновались единственно отъ праздности. Уже давно я думалъ о своемъ переводѣ изъ флота, гдѣ служба мнѣ не нравится (такой, какою она есть) и къ которой я не нахожу въ себѣ способностей. Но куда же? Въ отставку. Деревенская жизнь, праздная и съ моей наклопностью къ лѣни убьетъ меня въ короткое время... Конечно, во флотѣ я не изъ лучшихъ офицеровъ“...

10 іюля.

„Вчера мы смѣнились съ крейсера и легли на Севастополь. Попутный вѣтеръ. Всевозможные паруса. Все ожило; лица улыбаются. Уже не будетъ вокругъ только одна вода. Берегъ. Письма. Разнообразіе. Чудо что такое!!..

Послѣ обѣда я легъ спать; но сонъ, противъ обыкновенія, бѣжалъ отъ глазъ. Меня мучила мысль — описать наше плаваніе. дать понятіе о нашей морской жизни, гдѣ люди совершенно отдѣлены отъ остального міра. И мнѣ стало досадно на себя, зачѣмъ я не велъ ежедневнаго журнала, чтобы послѣдовательно изобразить ученія, занятія офицеровъ вечеромъ, взгляды ихъ на команду, ихъ способности, увеселенія, маскарадъ; музыка; приходъ парохода; встрѣча съ другимъ крейсеромъ; новости; предположенія; красота морскихъ видовъ; мысли, которыя рождаются при этомъ; тихая поэзія,

мечты и проч.; ожиданіе писемъ изъ Россіи; воспоминанія о родинѣ; политическія извѣстія, мнѣнія. Мнѣ стало досадно, что я не обладаю способностями художника, чтобы вѣрно и легко схватить эти черты и передать ихъ на бумагу. Если бы послать статью въ какой-нибудь журналъ, я думаю, что многіе прочли бы ее съ интересомъ, особенно, когда флотъ дѣлается извѣстенъ, а у насъ, въ Россіи, имѣютъ о немъ почти отрицательное понятіе. Къ тому же чѣмъ мое письмо будетъ хуже „письма съ острова Мадеры“, гдѣ описаніе берега слишкомъ безцвѣтно и незанимательно, а самое описаніе морской жизни во многихъ мѣстахъ даже жалко!“...

9 октября.

„Сегодня, въ 8 час. утра, при ровномъ и попутномъ вѣтрѣ, мы снались¹⁾ и до 6 ч. вечера—увы!—не дошли даже до Новороссійска. Около него по берегу горы идутъ волнообразными холмами; на нихъ видны обработанныя поля горцевъ, ихъ сады, окруженные садами, и стада. Мы были противъ ущелья Дюрзгое.

— „Вотъ здѣсь—сказалъ нашъ шкиперъ—живетъ какой-то князь и сюда, года два тому назадъ, зашелъ нашъ донской казакъ, сочтя это мѣсто за Геленджикъ. Лодка его была небольшая, съ грузомъ 400 четв. овса. Къ несчастію, наши кушцы такъ мало знаютъ берегъ, что хозяинъ совершенно спокойно съѣхалъ. Но его заблужденіе продолжалось недолго: горцы схватили его, судно взяли, вытащили на берегъ, овесъ выгрузили; людей взяли въ плѣнъ, а лодку сожгли. „Это намъ Богъ послалъ подарокъ“, говорили они.

— И они не заступились?—спросилъ я.

— „Да гдѣ же!—отвѣтилъ онъ—ихъ было всего четверо чело-вѣкъ, вооруженія никакого. Извѣстно, что они и на Кавказѣ, около непріятельскаго берега, также безпечны, какъ около Дона“.—„Изъ нихъ спасся—продолжалъ онъ—одинъ только жидъ. Когда горцы стали дѣлать желѣзо, то онъ развѣшивалъ имъ поровну на контарѣ. Они за это не только отпустили его на волю, но даже проводили до Анапы; а остальныхъ выкинули послѣ“.

— „Другой, тоже нашъ донецъ, шелъ изъ Сухума въ Керчь. У него было 27 чело-вѣкъ плотниковъ. Вѣтеръ былъ противный и, желая спуститься въ Геленджикъ, онъ попалъ въ фальшивый Геленджикъ. Ну, сильный прибой, открытое мѣсто: его выкинуло на берегъ. А тутъ ужъ горцы не зѣваютъ: всѣхъ забрали. Потомъ уже нѣкоторыхъ выкупили“.

— „Что же они тамъ дѣлали?“

¹⁾ На кушеческомъ суднѣ „Св. Николай“.

— „Да что дѣлали! Дрова рубили, воду носили. Куда-нибудь пошлютъ на работу и дадутъ въ провозчатые мальчишекъ, чтобы кто не убѣжалъ“.

— „И много пропало ихъ—прибавилъ онъ, махнувъ рукою—о, да лѣтъ 20 тому назадъ эти разбойники далеко заходили въ море, на вооруженныхъ галерахъ, человекъ по 60-ти или 70-ти, и нападали на наши суда, такъ что за доставленіе провіанта въ редуты брали по 12 р. съ четверти, а въ Николаевъ—по 15 р. Покойный графъ Ланжеронъ и предложилъ Государю купить 16 купеческихъ судовъ, посадить на нихъ матросовъ, и такимъ образомъ доставляли уже провіантъ изъ Керчи. И то, на первыхъ порахъ, горцы захватили три изъ нихъ: одно около Новороссійска, другое въ Варданѣ, а третье пропало неизвѣстно гдѣ“.

Иди въ море, я сдѣлалъ большую ошибку, что не запасся провизіей, и потомъ раскаявался, что понадѣлся на шкипера, а онъ, какъ оказалось, былъ человекъ неприхотливый. Со мной былъ самоваръ, чашка; сахаръ и чай были у него, но чайника не было, и мы принуждены были пить чай, кладя его прямо въ самоваръ! просто—хочоть! Нашъ обѣдъ въ первые четыре дня состоялъ изъ щей и каши. Какъ то, такъ и другое было самага негастрономическаго приготовленія и даже недоваренное. Со мною было нѣсколько бутылокъ вина, и тѣ, по неосторожности, разбили. Остались всего двѣ бутылки, которыя я берегъ, какъ рѣдкость. Обыкновенно около полдня, на широкой и низенькой скамьѣ, накрывали вмѣсто скатерти кусокъ грязной парусины; мы садилсъ втроемъ за столъ и начинали свою скромную трапезу. По средамъ и пятницамъ щи варились съ постнымъ масломъ, а каша—съ саломъ. Сначала я не могъ привыкнуть къ этой грязной обстановкѣ, но потомъ морскою воздухомъ и аппетитъ выздоравливающаго взяли свое. Завтракъ состоялъ изъ вяленой тарани, жесткой и крѣпкой, какъ подошва.

Во время перехода много рассказывалъ нашъ старикъ (шкиперъ), говорилъ о томъ, какъ населился Новороссійскій край бѣглецами изъ Россіи; особенно много бѣжало въ двѣнадцатомъ году къ Дунаю. Всѣ камыши были полны ими. Отъ одного помѣщика бѣжало шесть тысячъ крѣпостныхъ и въ числѣ ихъ двѣ горничныя, которыя унесли съ собою 7 тысячъ червонцевъ и много дорогихъ вещей. Онѣ явились въ Измаилъ. Помѣщикъ обратился къ военному генералъ-губернатору и, получивъ отъ него открытый листъ, отправилъ 6 человекъ надежныхъ, для арестованія ихъ. Люди его, послѣ долгаго розыска, нашли этихъ дѣвокъ въ Измаилъ и посадили ихъ въ полицію. Тѣ отдавали всѣ деньги, чтобы отпустили ихъ; но посланные отказались и, взявъ ихъ съ собою, отправились. Секре-

тарь же подослалъ людей, которые за городомъ напали на нихъ, переломали имъ руки и ноги, а женщинъ освободили. На другой день несчастныхъ мужиковъ нашли на дорогѣ, привезли въ госпиталь. „Теперь будете знать, какъ брать у меня людей!“ сказалъ секретарь, увидѣвъ ихъ“.

Вечеръ, 13 октября.

„Увы! мы напрасно думали, что довольно будетъ нѣсколькихъ часовъ для окончанія нашего плаванья. Теперь мы еще дальше отъ редута, чѣмъ были. Стремительная боковая качка, противный вѣтеръ и сильное теченіе не дали намъ покоя ни днемъ, ни ночью. Удары въ корму, недостатокъ воды принудили насъ спуститься въ какое-нибудь укрѣпленіе. Отъ Пицунды насъ отнесло еще дальше, и мы, пройдя Гагры, бросили якорь въ Адлерѣ. Съ утра, какъ нарочно, сдѣлался штиль—и мы едва-едва дошли до якорнаго мѣста ко второму часу. Досадно, что стихъ тотъ вѣтеръ, отъ котораго мы уходили.“

Наконецъ, часа въ три, мы съѣхали на берегъ и, разговорясь съ воинскимъ начальникомъ, я узналъ, что военныя дѣйствія уже начались, и что турки, измѣннически, до объявленія войны, напали на нашу постъ ¹⁾ и вырѣзали казаковъ.

— „А у васъ покойно?“

— „Не совсѣмъ. Вчера была перестрѣлка и сегодня цѣлое утро“.— „Вы не туда пристали“ продолжалъ онъ: „и ежели бы это было утромъ, вы бы какъ разъ попали въ среднюю непріятели, и мы не въ состояніи были бы снасти васъ, потому что горцевъ было чело-вѣкъ 150, и всѣ конные“.

Погулявъ въ крѣпости и около огорода, я зашелъ въ лавку имеретина, купилъ фруктовъ и спрашивалъ цѣну оружія. Но за пару обыкновенныхъ пистолетовъ и шапку просили 50 цѣлковыхъ. По правую сторону крѣпости живутъ мирные джигиты. Они, окруживъ меня, съ любопытствомъ осматривали мое двухличное пальто, удивляясь этому изобрѣтенію, его цѣнѣ, разспрашивали о войнѣ съ турками.

— „А вы боитесь войны?“ спросилъ я.

— „Съ убитыми—нѣтъ, а съ турками боимся“.

— „А мы-то на что?“ возразилъ я: „Будьте спокойны!.. Нашъ флотъ защититъ васъ“.

И они, сознавая справедливость моихъ словъ, съ гордостью смотрѣли на одного изъ своихъ защитниковъ.

Пока наши люди наливали воду, я сѣлъ около двухъ сол-

¹⁾ Приморскій постъ св. Николая, въ Грузіи, близъ турецкихъ границъ.

дать, рубившихъ дрова. Лица ихъ были блѣдны и зелены. Я разспрашивалъ ихъ, куда они возить лѣсъ, весело ли имъ здѣсь, бываютъ ли стычки, много ли у нихъ больныхъ?

— „Мы лѣсъ рубимъ у мрнаго князя Гичъ; онъ намъ преданъ душою. И умный какой! Ежели бы не онъ, то негдѣ было бы и дровъ взять. Пришлось бы драться за каждое полѣно. Теперь хуже. Вотъ при 3. ¹⁾ было лучше. Онъ изъ ихнихъ. Умѣлъ ладить. А теперь что ни день, то стычка. Нельзя безъ оружiя выйти за крѣпость. Больныхъ у насъ лихорадкой много, а въ июлѣ и августѣ были смертные случаи. Ужъ тутъ такое мѣсто: чуть оцарапаешь палець, сейчасъ прикинется гнить, ничѣмъ не залѣчишь. Бываетъ и цинга. У насъ весною умерло 50 чел. Да и въ другое время умираетъ довольно“.

Это ужасно! Изъ 250 человекъ каждый годъ здѣсь умираетъ $\frac{1}{4}$ жителей. И никто не кричитъ объ этомъ, между тѣмъ какъ въ Россiи 2, 3 человекъ больныхъ холерою, и всѣ газеты уже говорить объ этомъ.

Во время нашего разговора въ воротахъ крѣпости показалась толпа горцевъ. Впереди шелъ князь Гичъ, человекъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, смуглый. Походка его была медленна, важная, глаза опущены внизъ. Остальные горцы, составляя свиту князя, шли сзади, подражая ему въ манерахъ.

— „Что это они? Вѣрно пришли просить о чемъ-нибудь?“

— „Нѣтъ! Должно быть посовѣтоваться съ комендантомъ. Его (Гича) братъ въ прошломъ году былъ убитъ въ дѣлѣ противъ убыховъ, и онъ остался единственнымъ владѣтелемъ огромнаго племени джигитовъ“.— „Это самая древняя и знатная фамилiя“, прибавилъ здѣшній священникъ.

Черезъ полчаса послѣ этого я уже былъ на суднѣ и въ раздумьи смотрѣлъ на Адлеръ. Крѣпость — красива, каменная, съ четырьмя башнями; окружена тополями. Окрестности прекрасны, богаты растительностью, источниками. И все это можетъ исчезнуть въ одинъ день при нападении горцевъ: камни на камни не останется отъ этихъ красивыхъ зданiй и роскошныхъ тополей. И мнѣ стало грустно...

Однако, досадно, если война уже объявлена, а я не участвую... Дорого бы я далъ, чтобы быть теперь на фрегатѣ Коварца. Можетъ быть я еще поспѣю въ-время. То-то будетъ славно!..“

¹⁾ Слово неразобрано.

22 октября.

„Боже мой! Боже мой! Подумаешь, какимъ разнообразіямъ не подвергается человѣкъ! Чего не случается съ нимъ! А ежели онъ—военный, да еще морякъ, то невольно удивишься.

Напримѣръ, я вчера и третьяго дня гулялъ въ абхазскомъ лѣсу, за Кадоромъ, гдѣ рвалъ виноградъ и грецкіе орѣхи; сегодня въ Сухумѣ пишу рапорты и къ армейскому вѣдомству, нахожу участіе и гостепріимство у людей, мнѣ незнакомыхъ, съ гнуснаго купеческаго судна переѣзжаю на военную шкуну—обѣдать, гдѣ встрѣчаю людей, родныхъ по службѣ и воспитанію. На дняхъ чуть не попался въ плѣнъ къ туркамъ и былъ сегодня зрителемъ горестнаго и бѣдственнаго возвращенія парохода „Колхида“! Гдѣ взять словъ, чтобы выразить мою горестъ при этомъ видѣ!.. Гдѣ найти красокъ, для изображенія несчастной и печальной картины постыднаго дѣла подъ Никольскимъ! Куда отвести глаза отъ посрамленнаго флотскаго мундира! Чѣмъ закрыть уши, чтобы не слышать справедливыхъ укоровъ постороннихъ людей!..

И такъ, слушай и плачь: третьяго дня пароходъ „Колхида“ съ десантомъ въ 250 человѣкъ солдатъ вышелъ изъ Сухума, чтобы осмотрѣть и, ежели можно, взять обратно нашъ пограничный постъ св. Николая. Вечеромъ того же дня, запеленговавъ редуты, они подошли ночью къ непріятелю. На ихъ опросъ, имъ отвѣчали ядрами. Боясь ошибиться, на пароходѣ проиграла три сигнала, на которые съ берега—на первый отвѣчали какъ слѣдуетъ, второй проиграла хуже, въ третьемъ горнисть сбился совѣмъ, что было живымъ доказательствомъ, что здѣсь—непріятель. Желая еще болѣе удостовѣриться, посланъ былъ казачій баркасъ, чтобы переговорить съ ними или услышать переключку часовыхъ. Но онъ былъ прогнанъ картечью. Оставя дальнѣйшія дѣйствія, провели ночь въ морѣ и къ утру опять поворотили къ берегу. Въ разстояніи одной мили видѣли лагерь и красныя фески турецкихъ войскъ, но командиръ пошелъ еще ближе, желая рассмотреть знамена, и въ 30 саженьяхъ, во время поворота.

Пароходъ сталъ на мель. Дали задній ходъ: стоитъ на мѣстѣ. Еще флагъ не былъ поднятъ, и турки нѣсколько минутъ не открывали огня. Мы какъ разъ попали затѣмъ подъ непріятельскій огонь двухъ батарей. Кормовое бомбическое орудіе не могло дѣйствовать, а главное было снято по случаю перевозки войскъ изъ Севастополя. Выждавъ немного, непріятель далъ залпъ изъ 12 орудій, который положилъ много убитыхъ и раненыхъ. На пароходѣ всѣ легли на палубу, чтобы скрыться отъ мѣткаго ружейнаго огня, которымъ осыпали всякаго, кто показывался выше борта. Въ это время мы

только что открыли крѣпость-камеру и зарядили орудіе; наши штуцерные расположились на бакѣ и югѣ, чтобы отвѣчать неприятелю. Въ это время на пароходѣ былъ безпорядокъ ужасный, въ особенности между солдатами и армейскими офицерами, которые, при этомъ случаѣ, отрекомендовали себя дурно. Во все это время лейтенантъ Степановъ распоряжался вездѣ, и молодецъ. Для облегченія парохода пришлось бросить якоря, выбросить уголь, завозить вервь ¹⁾—и все это подъ непрерывнымъ огнемъ. Капитанъ ходилъ по площадкѣ, ища смерти, и, тяжело раненый, былъ унесенъ назадъ. Къ ихъ несчастію они забыли свой вервь въ Сухумѣ. Срубилъ фокъ-мачту—и пароходъ немедленно тронулся въ часу двѣнадцатомъ. Уже на берегу были спущены двѣ лодки съ десантомъ, чтобы завладѣть пароходомъ; но наши удачные выстрѣлы разбили ихъ. Въ это время лейтенантъ Степановъ былъ сильно контуженъ. Ему мы обязаны спасеніемъ парохода и тѣмъ, что нѣсколько поправили дѣла, разбивъ приготовленный десантъ неприятеля, и другими, значительными для него, уронами. Наша потеря простиралась до 50 человекъ убитыми и ранеными. Удивляешься, какъ еще остались живы другіе! Меня радуетъ, что наши матросы дѣйствовали прекрасно, и офицеры тоже. Рѣшено было, въ случаѣ крайности, взорваться. Въ это время, около Николаева должна была крейсировать эскадра Синицина (состоящая изъ двухъ фрегатовъ и двухъ пароходовъ). И—о позоръ!—ея не было. Наши суда были такъ далеко, что даже не слышали выстрѣловъ. Говорятъ, что они были тогда около Пицунды. Нашего адмирала обвиняютъ въ нерѣшительности и трусости. Такъ погибаютъ наши силы, наша честь, такъ начались дѣйствія нашего флота, на который еще далеко не обращено должнаго вниманія! Долго ли мы будемъ осуждать въ этомъ наше правительство? Или мы сами виноваты въ этомъ упадкѣ? Или все то, что не вылилось изъ жизни народа и только привито другими, такъ твердо пускаетъ корни? Пускай другіе рѣшаютъ эти вопросы, а намъ остается повѣсить голову и сожалѣть о томъ, что нами управляютъ такіе люди...

Послѣ этого извѣстія грусть все время страшно давила и мучила меня. Мнѣ было такъ больно и стыдно, какъ будто-бы я самъ это сдѣлалъ. Въ это же время, спрашивалъ я себя, сдѣлалъ ли бы я лучше, будучи на его мѣстѣ? Къ несчастію, не могу дать положительнаго отвѣта — такъ мало моихъ знаній и такъ велика моя нерѣшительность... Можетъ быть, я надѣлалъ бы другихъ глупостей.

¹⁾ Вервь—маленькій якорь.

Теперь остается одно утѣшеніе, какъ древнимъ римлянамъ: это—смерть, потому что жизнь при такой обстановкѣ невыносима.

Р. С. Пароходъ потерпѣлъ значительныя поврежденія: признають приблизительно до 120 или 200 пробойнъ. Три раза тушили пожаръ. Къ счастью, что машина осталась цѣла, что пароходъ былъ деревянный, и что непріятельскія ядра были малаго калибра (12 фунт.), а, главное, что тамъ (на нашемъ пароходѣ) былъ Степановъ, молодецъ, право, молодецъ и безспорно герой этого дня. Я его видѣлъ съ подвязаннымъ лицомъ, израненаго, утомленнаго. Все-таки мнѣ пріятно было посмотреть на него. Это первый видѣнный мною чело-вѣкъ, ослѣненный славою“.

1854 г., 26 января.

„Но судьба какъ будто готовила мнѣ утѣшеніе, за мои прежнія страданія. Возвратясь въ Севастополь (15-го декабря), мнѣ пришлось видѣть еще другого героя этой войны, лицо, конечно, болѣе замѣтное, какъ по прежнимъ заслугамъ, такъ и по положенію въ свѣтѣ, чело-вѣкъ, котораго я всегда уважалъ, чувствуя къ нему особое расположеніе. Это былъ П. С. Нахимовъ. Едва мы вошли въ Севастопольскую бухту, какъ вѣсть объ истребленіи турецкаго флота на Синопскомъ рейдѣ ¹⁾ немедленно дошла до насъ“.

Апрѣля 27.

„Все это время нашъ флотъ стоитъ на рейдѣ. Война съ Англіей и Франціей объявлена ²⁾. Соединенные флоты, послѣ неудачныхъ опытовъ въ Одессѣ, около мѣсяца крейсируютъ передъ Севастополемъ. Я думаю, что они навѣрное не войдутъ; но трудно угадать, на что они рѣшатся. Наша армія въ мартѣ перешла Дунай, но далеко ли подвинулась—не знаю. Говорятъ, что Австрія, Пруссія и Швеція тоже объявили намъ войну. Если это — правда, то намъ будетъ тяжело“.

Нельзя не согласиться, что мы живемъ въ интересное время. Жаль, что мы не можемъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній; было бы любопытно. Въ это время, по большей части, я скучалъ; но были и пріятные дни, напимѣръ, наши встрѣчи съ К. Да больше, кажется, не было. Я удивляюсь своей слабости. Въ это время я проигралъ довольно денегъ, и все еще не могу бросить карты. Все мои предположенія на счетъ будущаго едва-ли когда-нибудь сбудутся, и что со мною будетъ—я самъ не знаю. Мѣсяць тому назадъ, я бросился на брандеръ, ища хотя временной свободы, а потомъ—смерти.

¹⁾ 18 ноября 1853 г.

²⁾ 15 марта 1854 г.

Очень многіе удивлялись моему намѣренію. Одни говорили, что я хочу отличій. Другіе удивлялись, спрашивали,—что за цѣль?!—Конечно, я не сказалъ настоящей причины. Да и не къ чему!.. А время идетъ да идетъ. Неужели для меня не будетъ той жизни, какой я хочу?! Неужели мы такъ слабы, что не въ силахъ добиться того, о чемъ думаемъ всю жизнь“?!

19 мая.

„Я люблю Севастополь вечеромъ, въ лѣтнее время, когда графская пристань, на берегу моря, полна гуляющими. Военные пѣсельники, хорошая музыка развлекаютъ общество. Иногда видишь хорошенькія лица. Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга—ежели незнакомы, то въ лицо. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ, кого хочешь; всевозможныя новости мгновенно узнаются, начиная съ политики, службы до семейныхъ включительно. Потомъ компаніями идутъ въ клубный садъ—ужинать. Столы—на открытомъ воздухѣ; зажженные свѣчи; шумъ приборовъ; общій говоръ; смѣхъ; запахъ цвѣтовъ и свѣжесть зелени. Все это—очень пріятно. И, ежели я, со временемъ, оставлю Севастополь, то буду жалѣть только это и здѣшнюю бібліотеку¹⁾. Это—недавно возрождающееся зданіе, снаружи украшенное прекрасными статуями, сфинксами и садомъ. Внутри—отдѣлка безукоризненна. Книгъ будетъ до 40 тыс. экземпляровъ; литературныхъ рѣдкостей—мало, выборъ выписываемыхъ книгъ несовѣмъ удаченъ (больше всего здѣсь романы). Зато всевозможныя газеты и журналы—на всѣхъ языкахъ—составляютъ истинное удовольствіе. Сколько часовъ я провелъ здѣсь, слѣдя за какой-нибудь прочитанной идеей! Сколько спокойныхъ минутъ, сидя въ удобныхъ креслахъ, задумавшись о многомъ—среди общей тишины газетной комнаты! Да, о бібліотекѣ я тоже буду жалѣть, оставляя Севастополь! Жаль, что она становится мала для всѣхъ вещей, которыя помѣщены въ ней. И со временемъ она превратится въ разнообразный музей, который потребуеетъ новаго зданія. Тутъ все есть: модели кораблей, пароходныхъ машинъ, картины морскихъ битвъ, турецкое оружіе, взятое въ Синопѣ, модели рангоута, коллекція окаменѣлостей, собранія древнихъ медалей, металловъ, минераловъ (крымскаго мрамора 10 сортовъ), отдѣлка лѣсовъ, употребляемыхъ для кораблестроенія. Все очень любопытно и занимательно для многихъ посѣтителей. Бібліотека построена на возвышенной точкѣ города, откуда далеко видно кругомъ: внизу, на горахъ, разбросанъ городъ, прорѣзанный южной бухтой, гдѣ стоятъ разрушенныя суда; лѣвый—рейдъ, на которомъ стоитъ весь

¹⁾ Основана адмираломъ Грейгомъ.

нашъ флотъ, готовый, по первому сигналу, вступить въ дѣло. На этихъ корабляхъ не одно сердце горитъ желаніемъ—помѣряться силами съ англичанами, которые такъ долго были нашими учителями. Еще лѣвѣе—рядъ батарей, столь грозныхъ для непріятелей, и въ то же время составляющихъ укрѣпленія рейда. А тамъ, пройдя Новую Землю, языкомъ вдающуюся въ море, виденъ Херсонскій маякъ—предметъ всеобщаго вниманія судовъ, возвращающихся изъ Сухума или дальнихъ плаваній. Но теперь онъ осиротѣлъ, ночью наши моряки не видятъ его отраднaго огня; онъ какъ будто не ждетъ гостей; даже самые створные маяки надѣли трауры, какъ бы раздѣляя грусть своего товарища.

А намъ развѣ не обидно быть запертыми, когда самые маяки скучаютъ! Развѣ насъ не трoгаетъ за живое видъ тридцати судовъ подъ аглицкимъ, турецкимъ, французскимъ флагомъ, дерзко крейсирующихъ въ виду рейда и нарушающихъ наше плаваніе въ шумную Одессу, гдѣ мы тратимъ столько денегъ на безчисленные предметы роскоши и на итальянскую оперу! Кто-то оживляетъ теперь ея пристани? Вѣрно Захаръ Юрьичъ скучаетъ безъ насъ. Уже не приходятъ изъ Николаева транспорты, везя лѣсъ, смолу, такелажъ парусину; уже не видать въ домахъ маринoванной рыбы, рѣчныхъ раковъ и другихъ домашнихъ продуктовъ, составляющихъ предметъ вѣчныхъ хлопотъ маменокъ и тетенокъ. Николаевъ, родной городъ Севастополя, разлученъ съ нами! Уже не видать по пятницамъ пакеботнаго парохода на рейдѣ, около котораго толпятся ялики съ пассажирами и товарами. Прекрасные букеты цвѣтовъ, привозимыхъ изъ Ялты, уже не украшаютъ нашихъ оконъ. Бывало, какъ приятно было видѣть нашу дивизію на Ялтинскомъ рейдѣ; моряки на коняхъ кавалькадами спѣшать, кто въ Масандру, кто въ Алуанку; на рынкѣ—толпы матросовъ шумятъ около грудъ черешенъ, вишенъ, арбузовъ, дынь; татары кричатъ, предлагая верховыхъ лошадей, крымскій табакъ; вездѣ видны дамы, пріѣхавшія издалека подышать воздухомъ русской Италіи. Потомъ, возвратясь на корабли, сколько разказовъ, анекдотовъ! Чудо, какъ весело!... Теперь уже не то. Мы на время прикованы къ Севастопольскому рейду цѣпями. И какъ тяжело, какъ невыносимо! Кто съметъ эти цѣпи! Когда подымутся паруса и корабли пойдутъ въ свои милые порты, напримѣръ, въ Θεодосію,—этотъ цвѣтникъ хорошенькихъ женщинъ? А кто не знаетъ Θεодосію по картинамъ Айвазовскаго—съ древними его стѣнами! Въ настоящее время и она приняла грозный видъ. На бульварѣ вмѣсто дамъ видны орудія, готовые встрѣтить незваныхъ гостей... А Керчь! А весь Кавказскій берегъ!... Увы, прекратилась на время наша кавказская практика и грузинское довольствіе! Прощай, Су-

хумъ со своими духанами и чихиремъ, прощай, собраніе, гдѣ мы веселились, и наши кавалькады въ Киласуры и въ Марамбу! Прощайте, береговья укрѣпленія, гдѣ пріятно было встрѣчать постоянное радушіе и вниманіе къ нашимъ крейсерамъ!

Но ужели мы оставили безнаказано эти проклятыя соединенныя флоты? Неужели намъ не дадутъ съ ними помѣриться и сказать синопцамъ, что не вы одни умѣете бить непріятеля и хвастаться вашими наградами, что и мы сумѣемъ перещеголять васъ!... Неужели мнѣ придется умереть, не выдавъ англійскаго флота, взятаго съ бою? Нѣтъ, это—ужасно, это невозможно! Мы не хотимъ этому вѣрить“...

20 іюня.

„На-дняхъ я былъ въ монастырѣ ¹⁾. Мы вышли изъ Севастополя часу во второмъ, и было довольно жарко. Всѣ поля цвѣтутъ. Прекрасный ароматъ. Жаль, что я не знаю ботаники! Мы пришли къ вечернѣ. Странно, что я молюсь только здѣсь. Это—дикая природа, прибой волнъ, зелень и всеобщая тишина невольно располагаютъ къ молитвѣ. Мои просьбы, мольбы были тѣ же, что и прежде. Въ это время въ церкви были только два лица: какія-то дамы очень усердно молились. Одна изъ нихъ высокая, стройная, молодая женщина, въ траурѣ, особенно привлекла мое вниманіе. Мнѣ кажется, что я гдѣ-то видѣлъ это смуглое и выразительное лицо. Но мнѣ никто не могъ сказать, кто это такая. Потомъ мы пошли пить чай къ отцу Михаилу. Я всегда любилъ бывать у него. Сколько кротости и набожности въ этомъ человѣкѣ! Мнѣ кажется, что сердце его совершенно чисто. Иногда, когда я оставался ночевать у него, то онъ вечернія молитвы читалъ вслухъ—и въ его голосѣ было столько убѣжденія, столько искренности, что какъ будто-бы каждое слово произносилось отъ сердца!... Я невольно становился на колѣни и также молился.

Вообще въ этотъ вечеръ я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, если бы не испортилъ всего о. Макарій. Этотъ человѣкъ—вѣчно съ жалобами; у него постоянные процессы и непріятности съ нашимъ начальствомъ, и я, поневолѣ, долженъ былъ его слушать.

Въ тотъ же день мы воротились въ городъ“.

17 іюля.

„Давно я не говорилъ откровенно съ своимъ журналомъ. Но что я скажу ему отраднaго? что я схожу съ ума отъ скуки; что я не знаю, за что взяться и на чемъ остановить свое внима-

¹⁾ Вѣроятно, въ Георгіевскомъ монастырѣ.

ніе. Боже! Куда я только не бросался, чего я только не задумывалъ! Занимался я ботаникою, химіей, фѣзикою, филозофіей, итальянскимъ языкомъ, литературою, исторіею, механикой—и все это бросилъ, не кончивъ, не видя цѣли своимъ занятіямъ. Какихъ не было у меня плановъ. То думалъ я бросить службу и жить съ родителями въ деревнѣ, усталый отъ суеты, изъ которой ничего не вынесъ кромѣ утомленія. То я хотѣлъ снова жить, отправиться за границу, чтобы все видѣть, все знать. Ужасно видѣть возможность всѣмъ этимъ пользоваться и быть въ то же время прикованнымъ къ этой проклятой морской жизни, видѣть столько хорошаго и не имѣть силъ привести въ исполненіе сотой доли, не видѣть никакого утѣшенія впереди и нигдѣ, быть постоянно одному и въ разладѣ съ самимъ собой!... Все это—ужасно, невыносимо!... Боже, зачѣмъ мнѣ данъ умъ?—чтобы понимать то, чего бы желалъ никогда не знать. Зачѣмъ далъ мнѣ сердце?—чтобы чувствовать вездѣ и всегда тоску. Зачѣмъ у меня способности?—чтобы убить ихъ. Зачѣмъ я живу и почему не исполняется моя единственная надежда—смерть, объ которой я такъ часто и такъ искренно прошу?! И на мое несчастье нѣтъ ни одного сраженія, ни одного случая, гдѣ бы кончилась моя жизнь!...

Многимъ это покажется малодушіемъ; но они должны согласиться со мною, что жалѣть многого, предпринимать многое и видѣть свое безсиліе, отсутствіе терпѣнія—это наказаніе страшное, и не дай Богъ никому этого испытать. Въ то же время я еще молодой: мнѣ 25 лѣтъ. И нѣтъ жизни!“.

„Не разъ я слышалъ о развалинахъ генуэзской крѣпости Мангунъ въ окрестностяхъ Севастополя. Говорятъ, тамъ есть много любопытнаго, но все нѣтъ свободнаго времени“.

„Вчера я былъ на вахтѣ, на фрегатѣ Коварна: мы вооружались. Вечеромъ работы приходили къ концу. Вся эта морская галиматья и пустота мнѣ надоѣла страшно“.

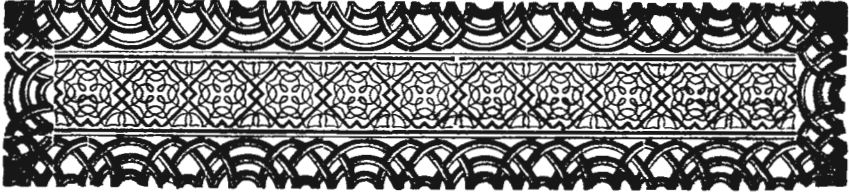
Въ бумагахъ покойнаго сохранилась записочка (отъ 18 ноября 1854 г.), слѣдующаго лаконическаго, но краснорѣчиваго содержанія:

„Въ случаѣ моей смерти прошу эту тетрадь (дневниковъ) и всѣ мои бумаги передать сестрамъ.

Лейтенантъ 44-го флотскаго экипажа князь Ухтомскій“.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка изъ исторіи крѣпостного права накануне его отмѣны.

(Къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ)¹⁾.

Въ 1843 г. 26 января въ Указѣ Правительствующаго Сената было постановлено, что съ изданія Манифеста о производствѣ восьмой ревизіи, 16 іюня 1833 года, дворяне, не имѣвшіе собственнаго имѣнія, не могли приобрѣтать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Поэтому Гражданскимъ палатамъ и Уѣзднымъ судамъ было предписано не совершать „крѣпостей“ безъ означенія въ нихъ того имѣнія, куда приписываются приобрѣтаемые люди. Было запрещено передавать крестьянъ безъ земли по наслѣдству и по дарственнымъ записямъ. Владѣніе не заселенной землей не давало этого права.

Въ виду этого Сенатъ заявляетъ, что всѣ купчія крѣпости, совершенныя послѣ манифеста объ 8-ой ревизіи, не дѣйствительны, если у дворянъ нѣтъ заселеннаго помѣстья. Эти купчія должны быть уничтожены, а „люди, въ купчихъ значущіеся“ обращены къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ. Покупщики, не подвергаясь суду за покупку, могли взыскивать стоимость людей съ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Что же дѣлать, если эти настоящіе владѣльцы не желаютъ возвращать своихъ дворовыхъ, а даютъ имъ вольныя? Казалось, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть затрудненія! Утвердить такія отпускныя, потому что нельзя же вмѣшиваться въ личныя намѣренія владѣльца. Но такое рѣшеніе слишкомъ простое, и вотъ кавказское

¹⁾ По архивнымъ даннымъ. (Дѣла №№ 4753—4757).

областное правленіе, которому попало какъ разъ такое дѣло объ отпускѣ титулярной совѣтницей Суржковой,—дѣвки Аграены Савельевой, отказывается засвидѣтельствовать отпускную „такъ какъ купчая крѣпость на эту дѣвку, по неимѣнію Суржковой населеннаго имѣнія, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 29 января 1843 года и заключенія Кизлярскаго Окружнаго Суда, должна быть уничтожена съ обращеніемъ Савельевой къ прежней владѣлицѣ, приобрѣтшей ее до изданія манифеста 16 іюня 1833 г.“.

Дѣвкѣ Савельевой въ засвидѣтельствованіи отпускной было отказано.

Дѣло переходитъ въ Кавказскій Областной Совѣтъ, по слѣдующимъ мотивамъ, что, давъ дѣвкѣ А. Савельевой свободу, ея владѣлица уничтожаетъ этимъ неправильность своего владѣнія.

Кавказскій Областной Совѣтъ не можетъ рѣшить этого дѣла, потому что, соглашаясь съ законностью желанія отпустить крѣпостную на свободу, онъ находитъ, что буква закона не исполняется этимъ ¹⁾. Онъ возбуждаетъ принципиальный вопросъ: „слѣдуетъ ли свидѣтельствовать отпускныя, выданныя владѣльцами, отъ которыхъ крѣпостные акты на людей, коимъ они желаютъ дать свободу, должны быть отобраны и уничтожены?“

При этомъ указывается, что Сенатъ не предусмотрѣлъ того, что неимѣющіе населенныхъ имѣній дворяне могли освобождать приобрѣтенныхъ людей, вмѣсто возвращенія ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Дѣло переходитъ къ намѣстнику Кавказа.

Въ концѣ концовъ дѣло заканчивается указомъ Его Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, въ общемъ собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ котораго слушалось это дѣло, предложенное графомъ Панинымъ, Министромъ Юстиціи. Рѣшено было, что „невладѣющая населеннымъ имѣніемъ титулярная совѣтница Суржкова, давъ отпускную приобрѣтенной ею по купчей послѣ манифеста о 8 ревизіи дѣвкѣ Савельевой, тѣмъ самымъ выполнила цѣль закона, состоящую въ устраненіи отъ владѣній крѣпостными людьми лицъ, неимѣющихъ населенныхъ имѣній и потому уничтожившаго такія купчіи (указъ 26 января 1848 г.), но вмѣстѣ съ тѣмъ лишила себя возможности отыскивать заплаченные за Савельеву прежней ея владѣлицѣ деньги, а сію послѣднюю домогаться по силѣ означеннаго закона возвращенія къ ней дѣвки Савельевой, какъ получившей уже свободу“. „Не усматривая за симъ, чтобы указъ 26 января 1843 г. могъ служить препятствіемъ къ засвидѣ-

¹⁾ При этомъ цитируется 65 ст. I т. Свод. Осн. Зак. „Законы должны исполняться буквально“.

тельствующію данной Савельевой отпускной, если къ тому не встрѣтятся другихъ законныхъ препятствій, такъ и о поступленіи, на семь же основаніи во всѣхъ одинаковыхъ съ настоящимъ случаяхъ“. „На ономъ мнѣніи, говорится далѣе въ указѣ, написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить“. 4 декабря 1846 года.

На основаніи этого масса крестьянъ получили вольныя, и въ Архивѣ мы видимъ много дѣлъ по утвержденію отпускныхъ. Этотъ указъ имѣлъ громадное значеніе; онъ подготовилъ общее освобожденіе крестьянъ.

Примѣняя указъ Сената, Кизлярскій окружной судъ донесъ, что въ немъ со времени изданія манифеста о 8 ревизіи до срока подачи ревизскихъ сказокъ, который по высочайшему указу отъ 10 сент. 1833 г. былъ отложенъ для кавказской области до 1 сентября 1854 года (по случаю голода и неурожая), повелѣно прекратить до наступленія срока дѣйствіе IX главы правилъ 16 іюня 1833 г., воспрепятствующихъ переходы изъ одного состоянія въ другое, переуступку крѣпостныхъ людей и отпущеніе ихъ на свободу. Окружной судъ поэтому нашелъ другой поводъ къ неутвержденію отпускныхъ и спрашиваетъ, подлежатъ-ли уничтоженію эти акты или оставить ихъ въ силѣ, такъ какъ срокъ ревизіи на Кавказѣ начался съ 1-го сентября 1834-го года.

Областной совѣтъ рѣшилъ изъятія не дѣлать и указъ Сената исполнить. Всѣ ходатайства владѣльцевъ крестьянъ, не имѣющихъ земли, были отклонены.

С. Фарфоровскій.

Труды того же автора:

I. Историческія работы.

1) Белгінъ, какъ историкъ. (Удост. почетнымъ членомъ Импер. Юрьевского Университета въ 1902 г.). 2) Изъ дневника И. Д. Попко. (Русскій архивъ 1909 г. VI). 3) Дневникъ и біографія И. Д. Попко. Русскій архивъ 1909 г.). 4) Дворянство въ Черноморіи и по Кубани. („Лѣтопись историко-родослов. Общества“). 5) Завоеваніе Кавказа въ воспоминаніяхъ современниковъ. (Русскій архивъ). 6) Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи. (Русь до-Петровская. Тифлисъ 1909 г.). 7) Гоголь въ новѣйшей русской критикѣ. (Юбилейная рѣчь).

II. Историко-методическія работы.

1) Къ вопросу о наглядности въ преподаваніи исторіи. (Обзоръ о нагляд. пособ. по рус. исторіи, прилож. къ циркул. Попеч. Кавказ. Учеб. Округа 1908 г.). 2) Наглядное преподаваніе всеобщей исторіи. (Прилож. къ

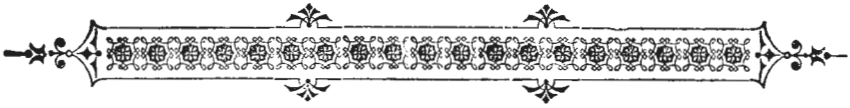
цир. Попеч. Кавказ. Учеб. Округа 1908 г.). 3) Опытъ нагляднаго преподаванія исторіи. („Наглядное обученіе“ 190/8 г. IV). 4) Опытъ пропедевтическаго курса исторіи.

I. Взгляды на исторію. (Прилож. къ цирк. Попеч. Кавказ. Учебнаго Округа). 5) Необходимость знакомства съ русскимъ искусствомъ на урокахъ русской исторіи. (Прилож. къ циркул. Попеч. Кавказ. Учебнаго Округа). 6) Необходимость знакомства съ западно-европейскимъ искусствомъ на урокахъ всеобщей исторіи.

III. Историко-географическія и историко-этнографическія работы.

1) Легенды объ Эльбрусѣ. (Сбор. матер. по опис. мѣстност. и племень Кавказа XXXVIII выпускъ. 2) Пѣсни послѣднихъ кобзарей на Кубани. (Филологическія записки 1909 г.). 3) Измѣненіе этническихъ праздниковъ у осетинъ. (I т. XX ч. извѣстій Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 4) Народное образованіе среди кочующихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа въ связи съ ихъ исторіей и современнымъ бытомъ. (Журн. Мин. Народнаго Просв. 1909 г. IX.). 5) Народное образованіе у ногайцевъ въ связи съ ихъ исторіей и бытомъ. (Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія). 6) Народное образованіе у калмыковъ въ связи съ ихъ исторіей и бытомъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Пѣсни кубанскихъ казаковъ (Филологическія записки). 8) Были на Кубани. (Филологическія записки). 9) Ногайцы Ставропольской губерніи. (Историко-этнографическій очеркъ. Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географическаго Общества). 10) Караногайцы Терской области. (Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 11) Калмыки Ставропольской губерніи. (Извѣстія Кавказ. Отдѣл. Импер. Рус. Географ. Общества). 12) Туркмены Ставропольской губерніи. (Извѣстія Кавказ. Отд. Импер. Рус. Географ. Общества). 13) Народы мусульмане въ полуномадномъ состояніи. (Докладъ на XII съездѣ общ. рус. истествоиск. и врачей). 14) Майкопъ и Майкопскій Отдѣлъ. (Сбор. мат. по опис. мѣстн. и племень Кавказа). 15) Калмыцкій бытъ и исторія. (Сбор. матер. по опис. мѣстн. и племень Кавказа). 16) Упованіе духовныхъ скопцовъ.

Могила одного изъ участниковъ войны 1812 года.

На юго-восточной окраинѣ Вильны, въ глухой отдаленной мѣстности, расположено римско-католическое Бернардинское кладбище. Среди украшенныхъ дорогами и изящными памятниками гробницъ одиноко ютятся старыя, заброшенныя, обветшавшія могилы прежнихъ обывателей Вильны, образующія длинныя стѣны изъ дикаго камня или плитняка, такъ называемые колумбаріи.

Въ колумбаріи вдѣланы металлическія, рѣже мраморныя доски съ надгробными надписями.

Въ самомъ большемъ изъ этихъ колумбаріевъ, находящемся по лѣвую сторону отъ входа, недалеко отъ кладбищенской церкви, обращаетъ вниманіе небольшая квадратная доска изъ матоваго бѣлаго мрамора, свидѣтельствующая о томъ, что подъ ней погребенъ Жозефъ Лефевръ, графъ Данцигскій, бригадный генераль великой арміи, умершій въ Вильнѣ 15 декабря 1812 года въ возрастѣ 27 лѣтъ.

Молодой графъ былъ сыномъ герцога Данцигскаго Франсуа Жозефа Лефевра и его жены, извѣстной Санъ-Женъ. Отецъ недолго пережилъ сына, онъ скончался въ 1820 году.

Въ заброшенномъ уголкѣ обширнаго живописнаго кладбища, среди гробницъ заурядныхъ виленскихъ обывателей, лежитъ этотъ, алкавшій лавровъ Марса юноша, такъ печально нашедшій свою безвременную кончину.

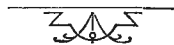
Приводимъ текстъ надписи. Кромѣ необходимыхъ датъ она заключаетъ еще стихотвореніе, въ которомъ нѣсколько сентиментально оплакивается судьба умершаго на чужбинѣ молодого французскаго воителя.

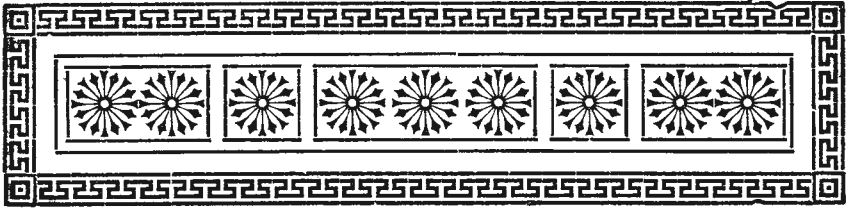
Ici repose le corps de Joseph Lefebvre, comte de Dantzick, general de brigade, officier de la Légion d'honneur, chevalier de l'ordre Royal de Saxe et de Bade etc, décédé à Wilna le 15 déc. 1812. âgé de 27 ans.

Sous les yeux d'un Heros enfant de la victoire
 Cent fois au champ d'honneur il brava le trépas.
 Fils d'un guerrier fameux il aimait les combats,
 Il aimait comme lui son pays et la gloire,
 Mais la Parque fatale au printemps de ses jours
 De ses nobles travaux vint arreter le cours.
 Si loin de siens, si loin de sa patrie
 Finir hélas si tristement sa vie
 Emule de Turenne il enviait son sort;
 Ah! pourquoi n'a-t-il pas trouvé la même mort.

Самая доска находится ближе къ церкви; она немного больше аршина. Колумбарій расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ. Противъ надгробной плиты Лефевра, по другую сторону дорожки, растутъ два высокихъ клена, а за ними находится сложенная изъ дикаго камня пирамида съ полуобвалившейся верхушкой, увѣнчанной широкимъ четырехконечнымъ чернымъ крестомъ съ позолоченными краями.

Адр. Круковский.

Воспоминанія.

Предлагаемыя воспоминанія о первыхъ шагахъ службы моего отца и годахъ пребыванія его въ административной ссылкѣ въ Вологодской губерніи записаны мною со словъ моей матери и, мнѣ кажется, не лишены общественнаго интереса, такъ какъ въ нихъ рисуются нравы того времени и описывается знакомство съ Шелгуновымъ и его семействомъ.

Мой отецъ Альфонсъ Францовичъ Коссовскій, окончивши курсъ юридическихъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1862 г., 21 года отъ роду, получилъ мѣсто судебного слѣдователя въ г. Ростовѣ-на-Дону, мѣсто, котораго многіе добивались, такъ какъ городъ былъ богатый, а въ доброе старое время это играло не послѣднюю роль.

Прибывъ къ мѣсту служенія, отецъ мой энергично принялся за дѣло, не разбирая ни состояній, ни сословій.

На первыхъ порахъ своей служебной дѣятельности онъ наткнулся на рядъ возмутительныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, бывшій въ то время городскимъ головою нѣкто Б. способствовалъ одному лицу сдѣлать подложное завѣщаніе. Этотъ подлогъ былъ обнаруженъ, и дѣлу данъ законный ходъ. Производство дознанія поручено было моему отцу.

И вотъ, когда этотъ городской голова, игравшій значительную роль въ городѣ, помимо занимаемой должности еще и благодаря связямъ и богатству, въ одинъ грустный для него день, получилъ изъ камеры судебного слѣдователя повѣстку съ приглашеніемъ явиться туда для допроса, то страшно этимъ возмутился и въ

письмѣ къ отцу выразилъ удивленіе, что какой-то слѣдователь осмѣливается требовать его къ допросу, тогда какъ къ нему, городскому головѣ, являются по дѣламъ службы даже городничій и исправникъ и стоять передъ нимъ на вытяжку.

Надо тутъ сказать, что въ описываемую эпоху, должность судебного слѣдователя была только что учреждена, и многіе не знали, какими правами пользуется судебный слѣдователь и какую ступень занимаетъ эта должность на лѣстницѣ прочихъ судебныхъ и административныхъ должностей.

Изливъ свое негодованіе въ письмѣ, довольный урокомъ, даннымъ юному слѣдователю, городской голова и не подумалъ явиться въ указанный ему день и часъ въ камеру для допроса, послѣ чего ему была послана вторичная повѣстка съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ неявки и по этой повѣсткѣ, онъ будетъ приведенъ подъ конвоемъ, а такъ какъ онъ и послѣ этого не прибылъ, то и былъ доставленъ въ камеру моего отца подъ конвоемъ.

Здѣсь онъ въ негодованіи обратился къ отцу:

— Какъ, вы, молодой человѣкъ, рѣшили меня, уважаемаго всѣмъ городомъ голову, привести подъ конвоемъ.

— Простите, возразилъ отецъ, я для васъ не молодой человѣкъ, а судебный слѣдователь, а вы подсудимый, съ васъ я долженъ снять показаніе, для чего и принужденъ былъ, въ виду вашего нежеланія явиться добровольно, привести васъ подъ конвоемъ.

Снявши съ злополучнаго городского головы и свидѣтелей допросъ, отецъ перваго отправилъ въ заключеніе, такъ какъ за совершенное преступленіе ему грозило лишеніе правъ и ссылка въ Сибирь.

Этотъ небывалый случай въ лѣтописяхъ города взволновалъ весь Ростовъ. Конечно сейчасъ же не дремавшіе друзья и пріятели Б. забили тревогу. Приняты были всѣ мѣры и способы, чтобы добыть свободу городскому головѣ. Но, не добившись положительныхъ результатовъ, эти господа предложили отцу крупную сумму, только бы онъ выпустилъ Б. на поруки.

Конечно такое предложеніе было съ негодованіемъ отвергнуто, но черезъ нѣсколько дней отецъ все-таки отпустилъ Б. на поруки въ виду его болѣзни. Отношенія между отцомъ и приверженцами Б. на столько обострились, что послѣдніе угрожали даже убить отца, что съ предмѣстникомъ его, который тоже не пришелся ко двору, и было сдѣлано. Отцу пришлось просить о переводѣ. Къ его счастью оказалась свободной вакансія въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., куда его и перевели.

На новомъ мѣстѣ служенія, своей независимостью и неподкупностью отецъ въ скоромъ времени нажилъ тоже не мало враговъ.

Служебная дѣятельность его началась вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права. Помѣщики, пропитанные еще духомъ крѣпостничества, непривыкшіе къ новому своему положенію, при всякихъ столкновеніяхъ съ крестьянами хотѣли быть правыми, въ томъ смыслѣ, чтобы всякій споръ, всякая тяжба, кончались въ ихъ пользу, а не крестьянъ, а такъ какъ у отца постоянно встрѣчались въ производствѣ подобнаго рода дѣла и велись они съ полнымъ безпристрастіемъ, то частенько и выходило такъ, что дѣло рѣшалось не въ пользу помѣщика.

Однажды отца вызвали въ уѣздъ, для производства слѣдствія по поводу обнаруженнаго мертваго тѣла.

Отецъ собрался уже ѣхать, какъ привели подъ конвоемъ въ кандалахъ крестьянина. Отложить поѣздку нельзя было, почему отецъ распорядился, впредь до своего возвращенія, отправить приведеннаго крестьянина въ тюрьму.

Вернувшись изъ уѣзда, онъ сейчасъ же распорядился о приводѣ арестанта и началъ допросъ. Что же оказалось?

Этотъ крестьянинъ былъ крѣпостнымъ кузнецомъ помѣщика, жандармскаго полковника Р., который хотѣлъ его оставить у себя на службѣ и послѣ уничтоженія крѣпостного права, но на невыгодныхъ для кузнеца условіяхъ, почему тотъ и отказался отъ чести служить у своего прежняго господина.

Этотъ дерзкій отказъ недавняго раба возмутилъ Р., который рѣшилъ ему отомстить.

Черезъ нѣсколько времени кто-то пустилъ слухъ, что будто бы этотъ кузнецъ убилъ коробейника, проходившаго черезъ имѣніе Р., но кромѣ этого слуха, никакихъ уликъ противъ кузнеца не было.

Никто не заявлялъ о пропажѣ коробейника, и нигдѣ никакого трупа найдено не было.

Причиной же пущеннаго слуха послужило слѣдующее:

Однажды, во время отсутствія кузнеца изъ дому, пришелъ къ нему сосѣдъ по какому-то дѣлу и, въ ожиданіи хозяина, прилегъ на скамью. Хозяйскія дѣти, мальчики 4 и 5-ти лѣтъ, играя, шумѣли и мѣшали ему заснуть. Когда этотъ сосѣдъ, желая ихъ усмирить, сказалъ, что если они будутъ шалить, такъ онъ ихъ зарѣжетъ, на что бѣдовыя мальчишки отвѣчали:

— А нашъ батько тебя тоже зарижитъ.

— А хйба вашъ батько кого вже заризавъ?—спросилъ сосѣдъ.

— Эге-жъ, заризавъ коробошника.

— А гдѣ жъ онъ поховаль его?

— А въ ричку бросиль, — нисколько не смущаясь, отвѣчали мальчики.

— А товаръ?—

— Товаръ мамка поховала у скриню, а коробку у печи спалила.

Выйдя отъ кузнеца, сосѣдъ о своемъ разговорѣ съ ребятами разсказаль односельчанамъ. Слухъ дошелъ до Р., который, обрадовавшись случаю напакостить кузнецу, сейчасъ же вызвалъ становаго и исправника, которые составили протоколъ о происшедшемъ.

Допрашивали только однихъ дѣтей кузнеца, какъ единственныхъ свидѣтелей, при чемъ призвали священника увѣщевать ихъ говорить правду, обѣщали дать пряниковъ и выпустить отца на свободу, если они еще разъ разскажутъ, какъ ихъ отецъ убивалъ корбейника. Дѣти опять повторили то же, что сказали сосѣду своего отца.

И вотъ, на основаніи этихъ дѣтскихъ показаній, кузнеца заковали въ кандалы и прислали къ моему отцу. Выяснивъ, въ чемъ дѣло, отецъ отослалъ кузнеца снова въ тюрьму, а самъ отправился на мѣсто предполагаемаго преступленія.

Виновность кузнеца никто не подтвердилъ. Вся деревня, какъ одинъ человекъ, дала о кузнецѣ самыя лучшіе отзывы.

Мертваго тѣла не обнаружено, но, несмотря на это, жандармпомѣщикъ настаивалъ на преданіи кузнеца суду, такъ какъ по его словамъ не „сомнѣвается въ его виновности“.

За отсутствіемъ уликъ, злополучнаго кузнеца отецъ освободилъ, чѣмъ, конечно, пріобрѣлъ въ лицѣ полковника Р. новаго недоброжелателя.

Другое дѣло было такого рода:

Умеръ одинъ помѣщикъ, послѣ котораго остались малолѣтніе сынъ и дочь съ психически разстроенной матерью.

Дѣти были приняты на воспитаніе въ казенныя учебныя заведенія, и пока они тамъ воспитывались, ихъ опекунъ и предводитель дворянства генераль Г., подъ опекой котораго тоже находились дѣти, какъ дворянскія, продали ихъ имѣніе, и когда сынъ, выйдя въ офицеры, возвратился домой, то ни имѣнія, ни денегъ, вырученныхъ отъ продажи такового, не оказалось.

На вопросъ, гдѣ же деньги? ему отвѣтили „опекатели“, что деньги израсходованы на его и его сестры воспитаніе.

Зная, что они воспитывались на казенный счетъ и тратить, слѣдовательно, на ихъ воспитаніе цѣлаго состоянія не было надобности, молодой офицеръ возбудилъ дѣло.

Для выясненія этого дѣла, назначили комиссію подъ предсѣтельствомъ моего отца, а членами въ нее вошли: предводитель дворянства Г., исправникъ и его помощникъ. Въ день открытія засѣданія, отецъ замѣшкался, явился въ комиссію послѣднимъ

и засталъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Г., открывшаго уже засѣданіе. Отецъ потребовалъ отъ него уступить ему предсѣдательское кресло, составилъ протоколъ объ удаленіи изъ состава комиссіи генерала Г., какъ лицо заинтересованное въ дѣлѣ, разбираемомъ этой комиссіей, и предложилъ протоколъ подписать прочимъ членамъ, но ни одинъ изъ нихъ этого не рѣшился сдѣлать, дабы не возстановить противъ себя генерала. Тогда отецъ, единолично подписавшись, объявилъ засѣданіе закрытымъ и отправилъ протоколъ губернатору, прося назначить новаго члена комиссіи, взамѣнъ предводителя.

Предсѣдательствовать въ новой комиссіи моему отцу больше не пришлось, такъ какъ онъ, до назначенія ея, былъ административно сосланъ въ мѣста не столь отдаленныя подъ надзоръ полиціи, обвиненный въ политической неблагонадежности.

Родители мои были очень поражены этимъ обстоятельствомъ и не могли никакъ догадаться, чтò послужило поводомъ къ такому обвиненію моего отца, который за собой никакой вины, въ этомъ отношеніи, не чувствовалъ.

Спустя много времени это объяснилось такъ:

Такъ какъ описываемыя событія происходили въ 60-хъ годахъ, во время польскаго возстанія, то, конечно, не трудно было недоброжелателямъ моего отца возвести на него, какъ на поляка и католика, какое-либо преступленіе на политической подкладкѣ.

И вотъ что придумали:

Изъ Новомосковска, гдѣ служилъ отецъ, была послана телеграмма на имя врачебнаго инспектора, тоже поляка, отъ имени „Народоваго Жюнда“ съ требованіемъ 3.000 рублей. Инспекторъ заявилъ объ этомъ полиціи, началось разслѣдованіе, и когда запросили предводителя дворянства Г., не подозрѣваетъ ли онъ кого-нибудь, то тотъ указалъ на моего отца, въ увѣренности, что такимъ образомъ дѣйствія ему удастся избавиться отъ нежелательнаго для него человѣка.

Г. не ошибся въ своихъ расчетахъ: 20-го января 1864 г., когда отецъ и мать гостили у родителей моего отца въ деревнѣ, явились туда исправникъ, становой и два жандарма, арестовали и увезли моего отца, увѣривъ мать и его родителей, что его требуютъ въ губернской городъ, для дачи какого-то показанія, послѣ чего его сейчасъ же отпустятъ. Но прошла недѣля, другая, а объ отцѣ ни слуху, ни духу.

Въ мучительной неизвѣстности, что съ нимъ, гдѣ онъ, бѣдная мать пробыла болѣе 6-ти недѣль. Наконецъ дѣдъ мой получилъ

анонимное письмо, въ которомъ неизвѣстный авторъ сообщалъ, что отецъ благополучно доставленъ въ Симбирскъ и шлетъ поклонъ.

До полученія этого письма услужливыя кумушки бѣгали чуть не каждый день и передавали всякіе невозможные слухи, въ родѣ того, напримѣръ, что отца уже разстрѣляли въ Харьковѣ, или гдѣ-то повѣсили и т. д. На возраженіе же имъ, что эти слухи вздоръ, такъ какъ ни разстрѣливать, ни вѣшать отца не за что, потому что онъ не совершилъ ничего преступнаго, онѣ говорили, что были случаи, когда казнили по ошибкѣ невинныхъ, а потомъ родныхъ, въ утѣшеніе, награждали.

Послѣ долгихъ дней душевныхъ терзаній, получилось наконецъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ описывалъ свое невольное путешествіе и пріѣздъ въ Симбирскъ, по прибытіи куда его представили губернатору, который его очень любезно принялъ и спросилъ, за что отецъ сосланъ.

Но это отецъ отвѣчалъ, что онъ самъ хотѣлъ спросить объ этомъ у губернатора. Губернаторъ распечаталъ представленный ему жандармами пакетъ и сказалъ отцу, что онъ сосланъ за политическую неблагонадежность.

Въ Симбирскѣ отецъ устроился въ компаніи съ нѣсколькими другими ссыльными, съ которыми онъ здѣсь познакомился.

Каждому изъ нихъ полагалось казеннаго содержанія 6-ть рублей въ мѣсяць, на которые, при тогдашней дешевизнѣ продуктовъ, можно было кое-какъ существовать.

Отецъ еженедѣльно писалъ матери и убѣждалъ пріѣхать къ нему, но здоровье ея настолько разшаталось отъ перенесенныхъ потрясеній, что, несмотря на горячее желаніе, она не могла пуститься въ путь за 4.000 верстъ, при тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того и средствъ на дорогу не было.

Пришлось, пока что, ждать у моря погоды и утѣшаться надеждой, что можетъ быть, по случаю предполагаемаго бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, будетъ скоро манифестъ, по которому могутъ помиловать административно ссыльныхъ. Но надежда эта скоро, со смертью Августѣйшаго жениха, рушилась. Въ довершеніе бѣды, мать перестала вдругъ получать отъ отца письма. Сколько она ему ни писала, отвѣта не было. Изъ газетъ же стало извѣстнымъ, что какъ разъ въ этотъ періодъ прекращенія переписки, въ Симбирскѣ былъ сильный пожаръ, городъ былъ подожженъ со всѣхъ сторонъ и что, подозрѣвая въ поджогѣ, почему-то, ссыльныхъ поляковъ, разъяренная толпа одного изъ нихъ разорвала на куски.

Прочитавъ это извѣстіе и вообразивъ себѣ, что эта ужасная

участь постигла моего отца, мать заболѣла нервной горячкой. Къ счастью во время ея болѣзни случилось наконецъ отъ отца письмо, но не изъ Симбирска, а изъ Вологды. Небезынтересно здѣсь указать на любопытное совпаденіе:

За нѣсколько дней до полученія этого письма, матери моей пришло, что она получаетъ письмо, на конвертѣ котораго она прочла отчетливо на штемпелѣ „Вологда“. Это совпаденіе тѣмъ болѣе удивительно, что у нея не было никакого повода предполагать, что отецъ можетъ попасть въ Вологду, куда онъ попалъ, дѣйствительно, случайно.

Въ присланномъ письмѣ отецъ сообщалъ слѣдующее:

Какъ извѣстно, вся переписка, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, должна была проходить черезъ цензуру исправника. Исправникъ же того уѣзда, въ которомъ находился мой отецъ, не только читалъ самъ его корреспонденцію, но и давалъ прочесть своимъ пріятелямъ тѣ изъ писемъ отца, которыя находилъ, почему-либо, представляющими для тѣхъ интересъ.

Возмущенный такимъ образомъ дѣйствія исправника, отецъ потребовалъ отъ него объясненій и заявилъ, что будетъ на него жаловаться. На это исправникъ сказалъ:

— Жаловаться вы, конечно, можете, но врядъ ли кто-нибудь обратитъ вниманіе на жалобу какой-то ссыльной дряни.

Едва исправникъ успѣлъ сказать это, какъ покатился подъ столъ отъ сильнаго удара по фізіономіи, нанесеннаго ему моимъ отцомъ.

Этотъ инцидентъ повлекъ за собою немедленное арестованіе отца.

Въ это время въ Симбирскѣ пребывалъ флигель-адъютантъ баронъ В., произволившій слѣдствіе о причинахъ Симбирскаго пожара. Когда ему доложили о происшедшемъ, онъ потребовалъ къ себѣ отца и спросилъ его:

— Развѣ допускается въ благоустроенномъ государствѣ говорить начальству дерзости?

На это отецъ отвѣтилъ, что не онъ говорилъ дерзости начальству, а оно его оскорбило, и онъ только вступился за свою честь и нанесъ пощечину оскорбителю.

Баронъ В. былъ очень удивленъ такимъ откровеннымъ объясненіемъ моего отца и, замѣтивъ, что исправникъ о нанесенномъ ему оскорбленіи скромно умолчалъ, рекомендовалъ ему не взводить на себя преступленіе, за которое можно сильно пострадать. Несмотря на такое предупрежденіе, отецъ продолжалъ настаивать

на своемъ заявленіи. Тогда его арестовали при полицейскомъ управленіи.

Черезъ нѣсколько часовъ непривѣтливая камера, въ которую былъ заключенъ мой отецъ, обратилась въ уютный будуаръ, прекрасно меблированный и украшенный цвѣтами и коврами. Все это было устроено Симбирскимъ обществомъ, въ которомъ отецъ былъ очень хорошо принятъ.

Такъ какъ посѣтители къ нему допускались свободно, то его постоянно навѣщали добрые знакомые и развлекали.

Черезъ нѣсколько дней отецъ телеграфировалъ о случившемся въ III-е отдѣленіе, и его приказано было немедленно освободить.

Послѣдствіемъ этой исторіи былъ переводъ отца въ г. Яренскъ Вологодской губерніи.

Вотъ эта-то исторія и была причиной долгаго молчанія его, т. к. ему не хотѣлось подвергать цензурѣ цѣлой компаніи свою корреспонденцію.

Оправившись отъ болѣзни, мать моя задалась цѣлью заработать и скопить денегъ на дорогу. Ей удалось достать урокъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ и собрать въ теченіе года нужную сумму на дорогу, которую надо было совершить на лошадаяхъ, такъ какъ желѣзная дорога существовала тогда только Николаевская.

Мѣстный губернаторъ принялъ участіе въ матери и посовѣтовалъ ей ѣхать въ обществѣ офицера, командруемаго въ Ораніенбаумъ съ партіей солдатъ.

Мать съ радостью воспользовалась этимъ предложеніемъ, такъ какъ ей хотѣлось предварительно побывать въ Петербургѣ и хлопотать, если не объ освобожденіи, то хоть о переводѣ куда-нибудь поближе отца.

Понутчикъ офицеръ оказался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, всячески хлопотавшимъ объ удобствахъ матери въ пути.

Они отправились въ собственномъ экипажѣ моей матери, нанявъ лошадей подъ него, и благополучно добрались къ мѣсту назначенія.

Въ Петербургѣ матери удалось выхлопотать переводъ отцу въ г. Кадниковъ, всего въ 45 в. отъ Вологды. Сообщивъ объ этомъ ему, она отправилась туда же. Въ Кадниковѣ матери моей пришлось ждать прибытія отца еще мѣсяца полтора. Здѣсь нашлись добрые люди, которые приняли въ ней участіе и помогли кое-какъ устроиться до пріѣзда отца. Наконецъ пріѣхалъ и онъ.

Вскорѣ у нихъ завязались знакомства съ мѣстной интеллигенціей, нашлись уроки, благодаря которымъ родители мои не испытывали острой нужды.

Среди добрыхъ людей, каковыми оказались Кадниковскіе жители, имъ жилось хорошо и даже весело.

Здѣсь же они познакомились и съ Николаемъ Васильевичемъ Шелгуновымъ и его семействомъ. По словамъ матери, дни знакомства съ Шелгуновымъ лучшіе въ ихъ жизни.

Несмотря на непредставительную наружность, этотъ человѣкъ очаровывалъ cadaго, кто имѣлъ удовольствіе побесѣдовать съ нимъ часъ, другой.

Въ немъ поражала его удивительная способность вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду такъ, что она была всегда полна интереса и глубокаго содержанія, какъ для слушателей, такъ и для его собеседника, не взирая на то, кѣмъ онъ былъ: интеллигентный ли человѣкъ, или простой крестьянинъ, дама или деревенская баба.

Съ прибытіемъ Шелгуновыхъ, и матеріальное положеніе моихъ родныхъ улучшилось, такъ какъ Николай Васильевичъ предложилъ моей матери давать уроки его старшему сыну, а отецъ писалъ подъ диктовку его сочиненія и переводы его жены.

Вечеръ они проводили, обыкновенно, вмѣстѣ. Николай Васильевичъ читалъ что-нибудь вслухъ, или аккомпанировалъ на корнетѣ своей женьѣ, которая играла на рояли.

Мнѣ мой покойный отецъ разсказалъ, когда-то, слѣдующій комичный эпизодъ:

Какъ-то Николай Васильевичъ заявилъ, что ему слѣдуетъ постричься, такъ какъ у него сильно отросли волоса. Мой отецъ, который никогда не выступалъ въ роли парикмахера, вполнѣ увѣренный въ легкости этого дѣла, предложилъ Николаю Васильевичу свои услуги. Шелгуновъ доврчиво вручилъ свою голову искусству отца, и послѣдній отважно принялся его стричь и такъ остригъ, къ своему полному смущенію, что когда добродушнѣйшій Николай Васильевичъ взглянулъ на себя, послѣ стрижки, въ зеркало, то только и могъ сказать отцу:

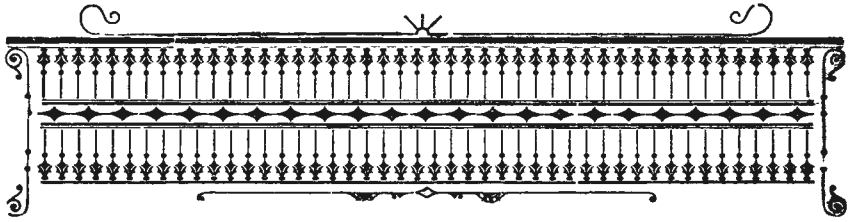
— Ну, это, знаете, Альфонсъ Францовичъ, съ вашей стороны, можно сказать, даже недобросовѣстно!

Черезъ два года Шелгунова перевели, по его просьбѣ, въ Вологду, и родители мои должны были съ ними разстаться, что было для нихъ большимъ лишеніемъ.

Но разлука эта не была продолжительна, такъ какъ отецъ тоже исхлопоталъ себѣ, въ скоромъ времени, переводъ въ Вологду, гдѣ родители мои снова зажили въ тѣсной дружбѣ съ Шелгуновыми вплоть до 1871-го года, когда отца моего освободили изъ подъ надзора полиціи и онъ уѣхалъ на родину, а Шелгуновъ выѣхалъ въ Тверь.

А. Коссовскій.

На абордажъ.

Въ дежурной комнатѣ неранжированной роты, на клеенчатомъ диванѣ, въ полной формѣ, сидѣлъ дежурный офицеръ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ высокій киверъ съ чернымъ буйволовымъ султаномъ и плетеными кутасами. Офицеръ читалъ романъ Дюма „Монтекристо“ и, несмотря на то, что его очень занимало повѣствованіе талантливаго французскаго писателя, время отъ времени прислушивался къ шуму, который шелъ изъ рекреационной залы, гдѣ оставшіеся на воскресный день воспитанники играли въ „казаки-разбойники“ и другія подвижныя игры. Офицеръ часто выходилъ изъ комнаты и прохаживался между играющими.

Это былъ недавно зачисленный въ Энскій Кадетскій Корпусъ герой Севастопольской кампаніи, во время которой, на какомъ-то бастионѣ, онъ былъ раненъ осколкомъ разорвавшейся бомбы въ мякоть задней части, вслѣдствіе чего онъ ходилъ „ковыляя“.

Это былъ храбрѣйшій и добрѣйшей души человекъ, но безъ смѣха на него нельзя было смотрѣть. Маленькаго роста, съ рыжими взъерошенными волосами на головѣ, въ веснушкахъ, съ оттопыренными ушами и немного косыми глазами, при его ковылянніи, онъ видомъ своимъ вызывалъ невольный смѣхъ у каждаго видѣвшаго его въ первый разъ.

Такъ вотъ этотъ-то офицеръ, страстно полюбившій за время обороны вылазки и восхищавшійся подвигами пластуновъ и самъ участвовавшій не разъ въ ихъ отважныхъ походахъ, не могъ еще привыкнуть къ монотонному режиму казеннаго заведенія и въ день своего дежурства изобрѣталъ для своего и кадетскаго развлечения разные, какъ онъ называлъ, „фортели“. Въ настоящее время онъ углубился въ чтеніе и жадно слѣдилъ за разговоромъ заключеннаго монаха, который рассказывалъ о скрытыхъ сокровищахъ, и первно перебиралъ въ карманѣ своихъ брюкъ тощій кошелекъ, въ которомъ лежало нѣсколько мелочи.

Между тѣмъ набѣгавшіеся мальчуганы усѣлись по уголкамъ зала на табуретахъ, а нѣкоторые, по двое, ходили обнявшись и „лясничили“ о „страшномъ“ или о „домашнемъ“. Вдругъ вокругъ всего зала, подбѣгая къ каждой группѣ, промчался шустрый смуглый крѣпышъ и пробѣгая вполголоса говорилъ: „Кто хочетъ на вылазку; ко мнѣ“. Вскорѣ около него собралось человѣкъ десять, и они стали бросать жребій. Пятерымъ достались билеты съ надписью „попасться“. Въ это время барабанъ пробилъ на молитву ко всенощной.

Рота выстроилась во фронтъ и подъ предводительствомъ дежурнаго офицера и унтеръ-офицера, замыкавшаго фронтъ, стройно пошла въ корпусную церковь.

Ни дежурный офицеръ, ни унтеръ-офицеръ не подавали виду, что они замѣтили, что нѣкоторыхъ воспитанниковъ во фронтѣ не доставало.

Придя въ церковь и простоявъ четверть часа, офицеръ сталъ какъ бы пересчитывать приведенныхъ воспитанниковъ и затѣмъ, обращаясь къ унтеръ-офицеру, сказалъ: „А вѣдь у насъ недостаетъ нѣсколькихъ. Вы тутъ присмотрите за порядкомъ, а и пойду ихъ поищу“.

Спустившись внизъ, онъ взялъ изъ служительской нѣсколько барабанщиковъ и отправился по длинному корридору, ведущему въ столовый залъ.

Въ этомъ залѣ, поперекъ, у задней стѣны, стояла громадная модель фрегата, занимавшая почти всю ширину комнаты, и вотъ къ этому-то пункту и направлялась охотничья команда подъ предводительствомъ офицера. Чѣмъ ближе подходили къ дверямъ зала, тѣмъ шагъ офицера дѣлался осторожнѣе и къ самой двери онъ подкрадывался, какъ индѣецъ, по рассказамъ Майнъ-Рида.

Войдя въ залъ, онъ разставилъ свою команду въ линію, а самъ

всталъ въ средину и копачьими шагами, дѣлая знаки служителямъ, крался къ модели по столовому залу, освѣщенному единственной тускло горѣвшею масляною лампою.

Но помѣстившіеся въ пустой модели не зѣвали. Завязавъ около шеи два конца носового платка и перекинувъ съ затылка на лицо другой конецъ платка, т. е. сдѣлавъ „фурку“, шалуны, съ крикомъ „на абардажъ!“ полѣзли по скользкимъ отполированнымъ бортамъ модели, цѣпляясь за деревянныя заклепки (и нынѣ употребляемыя), и мигомъ выскакивали на просторъ обширнаго зала. Начинаясь травля, но конечно шустрые мальчуганы безъ труда прошмыгивали между барабанщиками, и только тѣ, которымъ выпалъ жребій, какъ бы нечаянно, наталкивались поочередно на офицера, и онъ съ торжествомъ ихъ улавливалъ, сдавалъ ближайшему барабанщику, и переловивъ отдавшихъ, съ триумфомъ возвращался въ церковь; а пойманныхъ отправлялъ подъ конвоемъ въ карцеръ.

Карцеромъ служилъ „старый арсеналь“, въ которомъ лежали запасныя матрацы, одѣяла и т. п. Шалуны сейчасъ же размѣщались на тюфякахъ и засыпали вплоть до прихода роты отъ ужина, хорошо зная, что за голенищами товарищей будетъ имъ вынесено въ изобиліи хлѣба, гречневой каши или картофеля.

Распустивъ фронтъ, дежурный офицеръ входилъ въ комнату, примыкавшую къ карцеру, изъ котораго дверь, съ фрамужнымъ окномъ безъ переплета и стеколъ, вела въ дежурную комнату. Войдя въ комнату и ослабивъ нѣсколько бандалерьъ, на которомъ висѣлъ палашъ, онъ сѣлъ на диванъ и крикнулъ: „Никитка!“ Никитка, малый лѣтъ шестидесяти, мрачнаго вида, съ серебряной серьгой въ одномъ ухѣ, крѣпостной дворовый человѣкъ офицера, мигомъ являлся съ подносомъ, на которомъ стояли чайныя принадлежности и въ корзинкѣ для булокъ лежало много 3-хъ копѣечныхъ саяекъ.

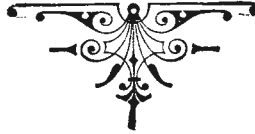
Офицеръ налилъ себѣ стаканъ чая, сѣлъ сайку и затѣмъ какъ бы вспомнивъ очень важное, требующее его присутствія, вышелъ изъ комнаты.

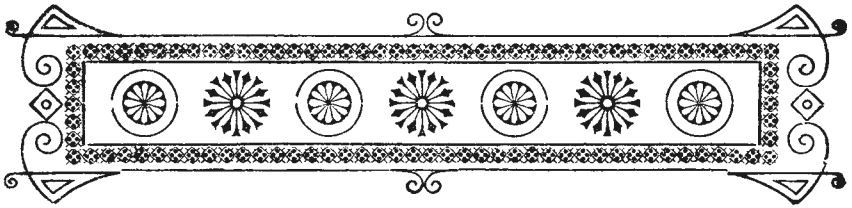
Какъ только затихли его шаги, то изъ дверной фрамуги съ ловкостію акробатовъ стали выпрыгивать арестованные, и одинъ изъ нихъ сталъ считать сайки, лежавшія на подносѣ. Оказывалось саяекъ столько же, сколько было и арестованныхъ. Захвативъ по штукѣ, шалуны скрылись за фрамугою.

Черезъ нѣсколько минутъ приходилъ офицеръ, наливалъ себѣ второй стаканъ чая и, улыбаясь, поглядывалъ на дверь карцера.

Выпивъ стаканъ чая, онъ, вставъ и отворивъ дверь въ карцеръ, громко и какъ бы сердито сказалъ: „Ну! выходите, школяры, да другой разъ не попадайтесь!“ Выпущенные мигомъ разбѣгались и соединялись съ тѣми изъ товарищей, которые участвовали въ вылазкѣ. Происходилъ дѣлежъ. Сайки дѣлились поровну, а изъ-за голенищъ вываливалась на тетрадки чистописанія всякая снѣдь, принесенная съ ужина.

Д. Перскій.

Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его „способъ вспомошествованія“ участникамъ Отечественной войны.

(Материалы для войны 1812 г.).

Возможность столѣтней годовщины Отечественной войны заставляетъ насъ относиться съ особеннымъ интересомъ къ тому литературному материалу, который, впервые появляясь на столбцахъ повременной печати, въ состояніи пролить „новый“ свѣтъ на это выдающееся событіе нашей отечественной исторіи.

Въ этомъ отношеніи не лишено интереса, на нашъ взглядъ, печатаемое ниже письмо адмирала гр. Н. С. Мордвинова къ Императору Александру I, которое намъ удалось найти въ бумагахъ покойнаго директора департамента иностранныхъ исповѣданій, В. А. Иванова, переданныхъ по завѣщанію (послѣ смерти В. А., въ 1904 г.) въ библиотеку С.-Петербургскаго университета.

Письмо это было отправлено авторомъ изъ Пензы, куда, какъ извѣстно, онъ удалился по выходѣ въ отставку. Изъ второго письма на имя друга гр. Мордвинова, адм. А. С. Шишкова, видно, что первое (отъ 17-го февраля) не дошло по назначенію; и слѣдовательно, то, которое мы печатаемъ ниже, по всей вѣроятности, было его черновикомъ. Такое предположеніе мы рѣшаемся высказать, основываясь на томъ, что, во-первыхъ, въ этомъ письмѣ нѣтъ обращенія, во-вторыхъ, въ немъ имѣются помарки, что врядъ-ли могло быть въ письмѣ, адресованномъ къ Государю¹⁾.

¹⁾ Мы печатаемъ оба письма съ сохраненіемъ орфографіи подлинника, измѣняя лишь знаки препинанія и начертаніе буквъ (въ подлинникѣ прописныя буквы имѣются только въ началѣ красной строки). В. П.

„По совершеніи великаго подвига огражденіемъ цѣлости Имперіи знаменитыми побѣдами ¹⁾, вниманіе В. И. В. обращено къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ внутри ²⁾ непріятелемъ, проложившимъ до самаго сердца Россіи широкой слѣдъ опустошенія. На пространствахъ тысячи верстъ позжены града и селы, Москва лежитъ подъ пепломъ, и миліонъ изъ поданныхъ Вашихъ отыскиваютъ чуждый и скудный покровъ и пропитаніе въ отдаленіи отъ мѣстъ ихъ рожденія, Многія годы суждены они скитаться, если не будетъ имъ оказано скорое и щедрое пособіе. Въ постигшемъ ихъ бѣдствіи погибли сокровища несчетныя: погибли богатства, стяжанныя работою, бережливостію, раченіемъ, трудами вѣровъ.

Отеческое сердце В. И. В. болѣзнуетъ, взирая на многочисліе страдающихъ, и болѣзнуетъ тѣмъ вѣще, чѣмъ способы утѣшенія и вспомошествованія менѣе соотвѣтствуютъ изыщности усердія Вашего. Россія обширна ³⁾ землями, но деньгами скудна. Государственные доходы не столь избыточны, чтобы могли что-либо отъ себя удѣлить. Частныя сокровища, достаточныя токмо на прожитіе, умалились отъ внутренняго повсемѣстнаго ополченія и отъ много-различныхъ пожертвованій, на потребности войны содѣланныхъ. Введеніе новыхъ бумагъ, подъ какимъ бы то наименованіемъ ни было, впредь оказаться можетъ пагубнѣйшимъ, нежели мечъ и огонь кратковременно настигшаго на Россію непріятеля. Помощь сострадательныхъ, милостыню дающихъ, едва можетъ быть достаточною для пособія терпящимъ голодь и наготу. По такимъ соображеніямъ непредвидится возможность найти внутри Имперіи соразмѣрные способы, могущіе устроить, воздвигнуть древнее каждаго состояніе и возвратить прежнее благолѣпіе Россіи.

По существующей нынѣ дружественной связи съ Англіею вѣроятно, что народъ, приемлющій искреннее участіе въ благосостояніи Россіи, не откажетъ пособія своего. Англійское правительство почти каждый годъ на годовые расходы занимаетъ по 20 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, содѣлываетъ заемъ безсрочный изъ 5 и 4 процентовъ и совершаетъ оный въ нѣсколько часовъ подпискою, открытою въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ. По сему приобрѣтеніе со стороны Россіи займа 20 миліоновъ ф. с. изъ 6 процентовъ и на срочное время не можетъ быть сумнительно.

¹⁾ Въ подлинникѣ слова „цѣлости Имперіи“ помѣчены цифрой „1“ и поставлены послѣ словъ „знаменитыми побѣдами“, надъ которыми стоитъ цифра „2“.

²⁾ Это слово вписано въ текстъ рукою автора.

³⁾ Слово „обширна“ поставлено надъ словомъ „презобилуетъ“, которое зачеркнуто авторомъ.

Но по употребленіи сихъ 20 мил. ф. с., кои при нынѣшнемъ курсѣ, по 16 рублей въ ф. с., составляютъ 320 миліоновъ рублей, представляются различные виды; и разумъ хозяйства требуетъ разчисленій, по коимъ бы возможно было усмотрѣть и убрать тѣ раздѣленія и назначенія, кои принести могутъ превосходнѣйшія пользы.

Основывая мысль мою на таковыхъ расчисленіяхъ, нахожу я, что изъ 320 мил. рублей отдѣлена должна быть первоначально такая часть, которая при возвышеніи курса могла бы уплатить весь долгъ. Сія часть при курсѣ 16 рублей въ ф. с. должна состоять изъ 100 миліоновъ рублей.

Сии 100 миліоновъ рублей надлежитъ назначить подъ учеты векселей и заемныхъ писемъ для пособія нуждающимся въ оборотахъ денежныхъ, въ коихъ нынѣ существуетъ чрезвычайный недостатокъ.

Для разоренныхъ, коихъ имущества погибли отъ меча и огня неприятельскаго, щедрымъ пособіемъ можетъ быть раздача 60 мил. рублей, безъ процентовъ, а токмо съ ежегоднымъ возвращеніемъ изъ капитала по 6 на сто въ продолженіи 16 лѣтъ, въ 17 же¹⁾ годъ 4²⁾ на сто, чѣмъ³⁾ весь капиталъ выплаченъ будетъ. А дабы заемъ содѣланный не былъ бременемъ ни въ настоящее время, ни въ будущія времена, но, напротивъ того, оказался благотворнымъ всей Имперіи вообще и каждому лицу особенно, то необходимо нужно изъ сихъ 320 миліоновъ въ теченіе 8 лѣтъ истребить 160 мил. рублей, сжигая по 20 мил. въ годъ. Таковымъ истребленіемъ достоинство ассигнацій, составляющихъ доходы государственныхъ и частныя, постепенно возвышаясь, возвеличить доходы общіе и частныя.

Но неостанавливаясь на выгодахъ настоящихъ токмо времени и взирая на благо родовъ будущихъ, открывается возможность отъ сего самаго займа учредить еще и военный запасный капиталъ, коего проценты могли бы впредь удовлетворять чрезвычайно во время войны издержкамъ. Сей назначенный⁴⁾ для военныхъ издержекъ капиталъ явится по разчисленію почти въ 100 мил. рублей⁵⁾ приобрѣтеннымъ.

Во всѣхъ земляхъ и по всѣмъ вѣкамъ исторія показываетъ, что отъ неимѣнія таковаго запаснаго капитала государства припуждены

¹⁾ Слово „же“ вписано въ текстъ рукою автора.

²⁾ Послѣ слова „годъ“ зачеркнуто слово „до“.

³⁾ „Чѣмъ“ переправлено авторомъ пзъ „чемъ“.

⁴⁾ Это слово въ текстѣ неясно.

Передѣлано изъ „рубляхъ“.

были жертвовать казенными имуществами, налагать тягостныя подати, вынуждать обременительныя отъ частныхъ людей пожертвованія, истощевать въ краткое время тѣ сокровища, кои служатъ къ поддержанію народнаго благосостоянія, къ приумноженію богатствъ, къ сохраненію неуцербно силъ и крѣпости Царствъ, и для малаго числа лѣтъ жертвовать благосостояніемъ будущихъ вѣковъ, лишая потомковъ праведнаго ихъ наслажденія.

Сей военный капиталъ во времена мирныя служить къ распространенію промышленности и торговли: всегда дѣйствующъ, или на защиту Имперіи, или на внутреннее благоустройство и обогащеніе.

Но всѣ предложенія, здѣсь начертанныя, и выгоды, отъ оныхъ ожидаемыя, необходимо зависятъ отъ постояннаго выполненія началъ, принятыхъ Государственнымъ совѣтомъ, въ 1810 и 1811 годахъ для управленія финансовъ.

Хотя и назначается изъ заемной суммы истребить 160 мил. руб., хотя количество сіе весьма значительно, но истребленіе 20 мил. въ годъ можетъ оказаться недостаточнымъ для возвышенія курса по той мѣрѣ, какъ въ нижеслѣдующемъ разчисленіи показано. Разность въ доходахъ Государственнаго Казначейства, происходящая отъ возвышенія достоинства ассигнацій истребленіемъ 160 мил., вознаградить можетъ избыточно сей недостатокъ.

Представляемыя здѣсь разчисленія основаны на возвышеніи курса до 5 рублей въ ф. с. въ теченіи 8 лѣтъ; но неизмѣнится ¹⁾ въ существѣ своемъ планъ сей, если бы возвышеніе курса и неослѣдовало въ полагаемыя здѣсь 8 лѣтъ. Неизмѣнится оный ниже отъ количества денегъ, какое возможно будетъ занять въ Англіи.

Чѣмъ же за меньшія проценты заемъ содѣланъ будетъ, тѣмъ превосходнѣйшія отъ онаго послѣдовать могутъ выгоды:

За 20 мил. ф. с. слѣдуетъ пла-	
тить по 6 проц. въ годъ	1.200.000 ф. с.
Съ 320 мил. рублей по 6 проц.	
получаемо будетъ	19.200.000 рубл.

При возрастающемъ курсѣ изъ сихъ 19.200.000 рублей остатки оказываться будутъ:

При курсахъ.	Процентная сумма пла-	Остатокъ.
	тимая Англіи.	
14 рубл. въ ф. с.	16.800.000	2.400.000

Здѣсь слѣдуетъ разсчетъ на 12, 10, 9, 8, 7, 6, 5 рубл.

¹⁾ Передѣлано изъ „неизмѣняется“.

Но за истребленіемъ по 20 мил. въ годъ остатокъ уменьшаться будетъ суммамъ.	Дѣйствительное приобрѣ- теніе изъ процентной суммы.
въ 1 годъ 1.200.000	1.200.000
до 8 года показано . —	и того 25.200.000

По окончательномъ истребленіи 160 мил. останутся подъ уче-
тами векселей и заемныхъ писемъ 100 мил., съ коихъ 6 проц. со-
ставляютъ 6.000.000 рублей, равныхъ при курсѣ 5 руб. въ ф. с.
1.200.000 ф. с. платимымъ процентамъ Англій.

Останутся 60 мил., розданныхъ разореннымъ, съ коихъ по 6
на сто и 4 въ послѣдніи 17 лѣтней ссуды получаемо будетъ:

въ 9 году	3.600.000 „
и далѣе до 17 году	31.200.000 рубл.

Сія 31.200.000 съ прибрѣтенными отъ возвышенія курса
25.200.000 составятъ 56.400.000, кои при самомъ началѣ должны
быть отсылаемы въ банкъ; отъ обращенія въ ономъ изъ 6 проц.
возрастутъ они въ 96.877.894 рубля, какъ явствуетъ въ нижеслѣ-
дующей таблицѣ.

Здѣсь помѣщена таблица ¹⁾.

Но, во уваженіе пользы, тѣсно сопряженныхъ съ существова-
ніемъ (?) В. В. ²⁾, естлибы за благо разсуждено было отдѣлять
ежегодно по 1-му проценту изъ государственныхъ доходовъ для
присоединенія къ симъ 96.877.894 рублямъ, то въ нѣсколько де-
сятковъ лѣтъ капиталъ сей возвеличился бы до той степени, что
могъ бы процентами своими удовлетворять всѣмъ чрезвычайнымъ
во время войны издержкамъ.

Въ предлагаемомъ начертаніи не требуется ни какихъ пожертво-
ваній, ни отъ Государственнаго Казначейства, ни отъ частныхъ
людей; открываются щедрое пособіе разореннымъ и избыточная
ссуда нуждающимся въ недостаткѣ денежныхъ оборотовъ; Государ-
ственные и частные доходы возвышаются въ достоинствѣ своемъ;
оживотворяется промышленность и торговля; уготовляется благо-

¹⁾ Упущеніе „таблицы“ подтверждаетъ наше предположеніе, будто пе-
чатанное письмо является черновикомъ того, которое было отправлено
авторомъ императору Александру I.

²⁾ Слова: „тѣсно сопряженныхъ съ существованіемъ В. В.“ вписаны въ
текстъ рукою автора; послѣдніи три слова сокращены: „суще В. В.“, при
чемъ второе „В“ неясно: можно читать и „К“. Въ такомъ случаѣ, подъ
„В. К.“ авторъ, быть можетъ, разумѣлъ слова: „Ваше Казначейство“ или
„Ваша Казна“.

творный капиталъ ¹⁾ для будущихъ временъ; крѣпость и безопасность Россіи, со стороны финансовъ, утверждаются на прочныхъ основаніяхъ.

Безъ сильныхъ же способовъ и щедрыхъ пособій Россія долго томиться будетъ отъ нанесенныхъ ей глубокихъ ранъ.

Совершая начертаніе сіе для блага отечества моего и во остереженіе Всемил. Госуд. отца отечества, не долженъ я умолчать здѣсь, что изъ всѣхъ бумагъ извѣстныхъ пагубнѣйшія суть тѣ, кои предложены были въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго году, и для введенія коихъ манифестъ читанъ былъ въ совѣтѣ, подъ наименованіемъ облигацій поземельныхъ: они не иное что суть, какъ списокъ съ мандатовъ поземельныхъ (Mandats territoriaux), существовавшихъ во Франціи нѣсколько мѣсяцевъ, въ самое лютейшее время ея революціи, и давшихъ послѣдній смертельный ударъ финансамъ во Франціи. Съ оными исчезли и цѣна монеты, и способы исправленія оной. Правительство принуждено было объявить себя банкротомъ; обогатились токмо хитрые выдумщики мандатовъ поземельныхъ, кои, по упадшей ихъ цѣнѣ отъ 100 до 3, присвоили себѣ за малыя деньги великія Казенныя имуществва. Воспрещеніемъ выпуска облигацій поземельныхъ Россія спасена была отъ подобнаго бѣдствія, и постановлена была преграда похищенію за безцѣнокъ казенныхъ имѣній, на коихъ основывалось исправленіе финансовъ.

18 февраля 1813 г.

Пенза.

Письмо адм. Н. С. Мордвинова къ своему другу, адм. А. С. Шишкову.

Письмо твое, другъ мой, отъ 9-го ноября изъ Франкфурта ²⁾ я получилъ, и сіе было единственное, которое я получилъ. Я къ тебѣ писалъ 4 письма; изъ твоего вижу, что дошли токмо (?) два, и сіи были маловажны. Первые два письма, кои отправилъ я черезъ С.-Петербургъ, были тетради, и при оныхъ было письмо къ Государю Императору. Но потому что были они тетради, то и не дошли къ тебѣ. Руки, черезъ которыя переходили они, неутерпѣли нераспечатать толстое ³⁾ писаніе предсѣдателя ⁴⁾ къ Государствен-

¹⁾ Въ подлинникъ надъ словомъ „благотворный“ стоитъ цифра „2“; слово „капиталъ“ помѣчено цифрой „1“.

²⁾ Адм. Шишковъ въ это время находился при Государѣ за границей.

³⁾ передѣлано авторомъ изъ: „толстое“.

⁴⁾ Какъ извѣстно, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта М. былъ

ному секретарю ¹⁾. Первое письмо было отъ 17 февраля. Въ ономъ изложены были способы спомогательные для разоренныхъ и пострадавшихъ отъ войны. Вспомоществованіе сіе основано было на мысли со всемъ новой, и не требовалось никакого пожертвованія ни отъ частныхъ людей, ни отъ казны. Похитители моей мысли, можуть быть, покусятся выдать оную за свою выдумку; но я укрѣпиль оную приложеніемъ къ важнѣйшему предмѣту. Я сочинилъ къ возвращенію вашему бумагу, которую надеюсь, что признають полезною. Тебѣ, другу моему, первому я прочитаю оную, и когда одобришь, то понесу далѣе. Скажу только теперь, что она лучше голоса, который ты удостоилъ назвать золотымъ. Переводъ манифеста Генріеты ²⁾ 25 ³⁾ декабря полученъ былъ въ Англии и читанъ съ восторгомъ; въ отвѣтъ къ Генріетѣ Александровнѣ пишутъ, что, прочитавъ тотъ манифестъ, воскликнули: не будетъ побѣжденъ народъ, который умѣетъ сочинять таковой манифестъ. Я читалъ французскій переводъ и нашель его весьма худо переведеннымъ.

Ты пишешь ко мнѣ, другъ мой, что нечего ко мнѣ писать. Но ты у меня одинъ на землѣ сей другъ, и всякая строчка отъ тебя сладка сердцу моему. Возвратись, другъ мой, и мы будемъ копать гряды вмѣстѣ подъ землянику, а дотолѣ терпѣливо пройдемъ участь нашу; все учреждается Промысломъ Божиимъ: тебѣ суждено проѣзжать поля кровавыя въ настоящее время, а мнѣ сидѣть въ углу, въ селѣ Столыпинѣ ⁴⁾, гдѣ желалъ бы я и тебя видѣть, потому что я очень доволенъ своимъ угломъ.—Мнѣ пріятно было читать въ твоёмъ письмѣ сужденіе о богемскихъ крестьянахъ. Подобная мысль помѣщена въ бумагѣ моей, въ которой я прохожу всѣ сословія и вонреки мнѣнію многихъ утверждаю, что руской крестьянинъ счастливѣе равнаго съ нимъ состоянія въ другихъ странахъ.—Вѣсною мы намѣрены ѣхать въ подмосковную нашу ⁵⁾ для основанія въ старости жизнь нашу ⁶⁾. Дай Боже, чтобы и вы всѣ возвратились къ тому же времени въ Россію. Пора Наполеону умереть: а безъ того не будетъ миру на сей землѣ. Прому поклонится Василью

назначенъ его членомъ и предсѣдателемъ департамента государственной экономіи.

¹⁾ Ш. былъ назначенъ на должность государств. секретаря 9 апр. 1812 г. (на мѣсто удаленнаго Сперанскаго).

²⁾ Генріетта Александровна, урожд. Коблей (Cobley), дочь англійск. консула въ Ливорно, супруга адм. Н. С. М. съ 1784 г.

³⁾ Вторая цифра неразборчива.

⁴⁾ Въ 100 верстахъ отъ Пензы.

⁵⁾ Село Знаменское, 40 в. отъ Москвы, на Клязьмѣ.

⁶⁾ Предѣлано авторомъ изъ „жизни нашей“.

Федоровичу. Генріета моя свидѣтельствуеть тебѣ свое почтеніе и дружбу. Вчерашній день, перебирая свои бумаги, она прочитала переводъ свой манифеста и тронута была онымъ до слезъ. Правда, что не уступила она въ переводѣ ни одной мысли, ни слова изъ драгоцѣннаго сего манифеста. Прощай, другъ мой, будь здоровъ, весель или (?) терпѣливъ. Всему есть конецъ. Преданнѣйшій тебѣ Мордвиновъ.

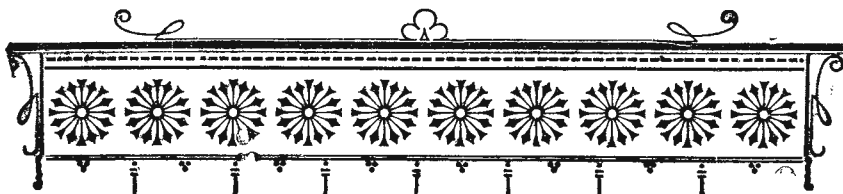
12 Генваря 1814.
Село Столыпино
Саранскъ.

Будь, другъ мой, весель духомъ, вспоминая два изреченія, кои опредѣлили спасеніе отечества нашего и Европы.—1-е. Не опущу меча моего доколѣ одинъ изъ враговъ на землѣ моей пребудеть.—2-е. Да познаемъ въ дѣлѣ семъ Провидѣніе Божіе ¹⁾.—Сии два изреченія дали основаніе всѣмъ великимъ подвигамъ: направили всѣхъ умы и одну душу составили изъ всѣхъ. Цѣлую руку, написавшую оныя: ими изошрилися мечи.

Сообщилъ В. Пасенко.

¹⁾ Эти слова переданы авторомъ письма не вполне точно; въ Высоч. рескриптѣ на имя фельдм. гр. Салтыкова отъ 13 іюня 1812 г. говорится: „Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ“!.. „Провидѣніе благословитъ праведное Наше дѣло“.

Гимназія 60-хъ годовъ.

(Метаморфоза).

Вступилъ въ гимназію въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. За протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе многое, конечно, основательно забылось, но нѣкоторые факты и лица такъ глубоко врѣзались въ память, что и теперь встаютъ предъ глазами, какъ живые. Полагаю, что повѣствованіе о нихъ не будетъ лишено интереса для людей, не пережившихъ того періода, но любящихъ вообще „смотреть назадъ“ и интересующихся узнать, что и какъ происходило за предѣлами ихъ собственной памяти.

Однимъ изъ отзвуковъ „вѣяній“ той эпохи для нашей гимназіи, какъ и для другихъ учебныхъ заведеній, было между прочимъ то, что приливъ новыхъ учениковъ сталъ быстро превышать емкость зданій, и пришлось спѣшно приступить къ постройкѣ новыхъ зданій.

Наша гимназія стояла въ районѣ Чернаго моря и если-бы не случайная близость черноморской столицы, Одессы, съ ея школами, она должна была бы удовлетворять выросшимъ потребностямъ цѣлой губерніи.

Но вмѣстѣ съ перестройкою школьныхъ зданій эпоха эта вызвала необходимость также и во внутренней перестройкѣ людей, составлявшихъ школу. Объ одной такой перестройкѣ человѣка я и затѣялъ настоящее повѣствованіе.

Я подготовлялся у ученика какой-то другой гимназіи, который случайно заѣхалъ въ нашъ городъ отдохнуть за каникулы и не прочь былъ покрыть свои расходы случайнымъ заработкомъ. Учи-

тель и ученикъ были одинаково усердны, и къ концу занятій, длившихся мѣсяца 2—3, первый заявилъ, что второй можетъ поступить прямо во второй классъ.

И дѣйствительно, экзамены у меня пошли блистательно вплоть до экзамена по географіи. Меня готовили по учебнику Одосовскаго (или Ободовскаго?) изданія Министерства Нар. Просв. Первая глава этой книги, дававшая краткое понятіе о космосѣ и носившая подзаголовокъ „физическая географія“, предназначалась для маленькихъ учениковъ низшихъ классовъ, а послѣдняя—для взрослыхъ учениковъ послѣдняго класса.

Разница между первыми и послѣдними главами была не въ манерѣ изложенія, которая была одна и та же для приготовительнаго и для послѣдняго класса, а по своему содержанію. Первая глава была даже серьезнѣе, чѣмъ послѣдняя (описаніе тогда еще очень мало обследованной Австраліи), и способъ ученія былъ для всей книги одинъ и тотъ же—зубрячка, но почему-то нумерація главъ возростала вмѣстѣ съ нумераціей класса.

Космосъ меня чрезвычайно заинтересовалъ, и я усвоилъ его такъ быстро и такъ основательно, что ввелъ своего юнаго учителя въ заблужденіе: вообразивши, что я все могу учить такъ же успѣшно, онъ задалъ мнѣ и изъ слѣдующей главы такой же большой урокъ. Но эта глава, по подзаголовку именованная „общимъ описаніемъ частей свѣта“, не поддавалась никакому пониманію и даже не требовала такого: нужно было только вызубрить и помнить, что въ Азіи имѣются Янь-дзе-Кіангъ, Бендеръ-а-Басъ и еще что-то и еще что-то, а въ другихъ частяхъ свѣта имѣются Гвадалквивиръ, Попокатетепль и еще какія-то „трудныя слова“.

У меня все время ушло на то, чтобы научиться читать эти слова по книгѣ безъ рѣзкихъ зачинокъ, а ужъ о томъ, чтобы помнить ихъ наизусть, да еще знать, что такое Попокатетепль: гора, рѣка, островъ... или знать, въ какой именно части свѣта онъ или она находится,—объ этомъ конечно не могло быть и рѣчи, а между тѣмъ такихъ названій тамъ было нѣсколько таблицъ, вродѣ: „Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ“ илп... простите, ей Богу, не помню больше!..

Кончилось тѣмъ, что я къ экзамену никакъ не могъ поручиться, что именно Везувій дышетъ огнемъ, а не Пекинъ или Янь-дзе-Кіангъ. Усердныя же старанія мои приготовиться къ отвѣтамъ на такіе вопросы привели лишь къ тому, что я на вѣкъ возненавидѣлъ переплеты, оклеенные такою бумагою (мраморною), какою оклеивались изданія Мин-ва Нар. Пр. Меня этотъ ризунокъ прямо раздражалъ...

На экзаменѣ же стряслась еще одна бѣда.

Люди въ нашей мѣстности вообще не отличаются бѣлизною кожи, а моя смуглость превосходила даже мѣстную норму, особенно—къ концу лѣта (а вступительные экзамены вѣдь и бывають въ началѣ августа). Прозвище мое, даже среди моихъ земляковъ, было „цыганъ“, къ экзамену же я явился совсѣмъ обугленный.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, экзаменаторъ вздумалъ спросить меня, что я знаю о „черныхъ людяхъ“ (неграхъ). Я принялъ это за намекъ на меня самого, за насмѣшку и, будучи болѣзненно самолюбивъ и стыдливъ, такъ растерялся и надулся, что самъ экзаменаторъ опѣшилъ: посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и вывелъ себя изъ затрудненія тѣмъ, что поставилъ мнѣ „коль“.

Экзаменаторъ этотъ былъ гимназическій учитель Николай Николаевичъ Ш.—герой моего разсказа.

Онъ былъ великороссъ, которыхъ у насъ и называютъ и дразнятъ „кацапами“, и говорилъ на распѣвъ, произнося на о и нѣсколько въ носъ.

Въ городѣ у насъ было очень мало „кацаповъ“ съ такимъ выговоромъ, а тѣ, которые были, почти всѣ занимались бочарнымъ ремесломъ („бондари“) и повязывали голову ремешкомъ.

У меня въ умѣ настолько смелелись понятія о „кацапѣ“ и о „бондарѣ“, что я и Н. Н. Ш. счелъ за бондаря, сбросившаго ремешокъ съ головы и перемѣниващаго клепки и обручи на карты и глобусъ

Этотъ взглядъ на учителя Ш. еще болѣе утвердился во мнѣ впоследствии, когда я услышалъ, какъ Н. Н. размашисто ругается въ классѣ и вообще мало въ чемъ себя стѣсняетъ.

Въ городѣ всѣмъ было извѣстно, что только тѣ навѣрняка выдерживаютъ вступительный экзаменъ, которые „готовились“ у Ш., и что большинство провалившихся обязаны своимъ проваломъ экзамену именно по географіи, а потому—какъ ни бѣдны были мои родные,—они и меня послали „взять урокъ у Ш.“, снабдивъ меня синенькой бумажкой, которую тогда называли „ассигнаціей“, которая мнѣ казалась цѣлымъ капиталомъ, и которая мнѣ причинила такъ много заботъ, пока я ее несъ, что я послѣднимъ сунуть ее Ш.—у въ руки еще до урока, хотя мнѣ приказано было отдать ее послѣ урока.

Дома „бондарь“ меня поразилъ своею привѣтливостью, которая была тѣмъ поразительнѣе, что напоминала улыбку медвѣдя, если только вы можете себя представить улыбающагося медвѣдя...

За этотъ урокъ (единственный) я ничего новаго не услышалъ, однако въ гимназію, во второй классъ, я попалъ, и даже—безъ переэкзаменовки... Вѣроятно „единицы“ для того и существовали, чтобы „пятерки“ ихъ передѣлывали въ „четверки“...

(Извините, я не хотѣлъ скаламбурить, это само написалось...)

Дидактическій пріемъ этого добраго и иначе милаго человѣка, но—сына своего, дореформеннаго времени—такъ же отдавалъ обломовщиной, какъ его невыпрямленная, хотя и красивая фигура, его апатичный, хотя и отчетливый говоръ въ носъ и все пр. Пріемъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Николай Николаевичъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, совершивши обрядъ записыванія въ журналъ отсутствующихъ учениковъ и извергнувши всѣ тѣ ругательства, которыя требовались для успокоенія класса, еще не пришедшаго въ порядокъ послѣ игръ во время перемѣны, опирается обѣими руками въ столикъ, чуть не кряхтя подымаетъ свою довольно замѣтно уже оплывающую большую фигуру и направляется къ доскѣ. Но по обыкновенію изъ лѣни не выпрямляется во весь ростъ, а потому онъ не сходитъ, а будто—сбрасываетъ самъ себя съ каѳедры. При этомъ онъ каждый разъ забываетъ, что нужно захватить съ собою также и каблукъ отъ сапогъ, вслѣдствіе чего каблукъ задѣваютъ край каѳедры и Н. Н. не подходитъ, а валится къ доскѣ. Упершись въ нее руками, чтобы не клюнуть носомъ, онъ сердито, но безъ злобы (таковой у него въ душѣ вовсе не было) оглядывается на виноватую во всемъ этомъ каѳедру, отпускаетъ по ея адресу одно изъ выраженій своего интимнаго словаря, „плюетъ ей въ рожу“ (заимствую изъ того же словаря) и берется за мѣлокъ.

Ученики, за его спиной, принимаются за свое: втихомолку играютъ въ „тѣсную бабу“, лазятъ по партамъ, швыряютъ другъ въ друга книгами и увѣшиваютъ потолокъ чертиками.

На доскѣ за это время вырастаетъ цѣлая страна (недурно начерченная отъ руки карта), съ горами, рѣками, морями, городами и проч.

Какая бы страна на доскѣ ни появилась, это безразлично, рассказъ о ней неизмѣнно слѣдуетъ все одинъ и тотъ же: съ сѣвера граничить... Поверхность ея... Орошеніе составляютъ и т. д. вплоть до перечня городовъ, которыхъ дается отъ одного до десяти (смотря по страницѣ).

Послѣ этой „лекціи по шаблону“ слѣдуетъ обрядъ спрашиванія предыдущаго.

— „Ну, восклицаетъ глава класса, не безъ досады на необходимость выбрать жертву, „кто тамъ?“ „Ну, ты, что-ли!“

„Ты“, указанный пальцемъ бѣлой, красивой, но далеко не холенной руки, подымается съ мѣста, и напуганный щипками и толчками вылѣзаетъ изъ промежъ партъ, отправляется къ доскѣ и стираетъ ее. Дается тема, и начинается у доски черченіе, а на

партахъ возня подъ учительскимъ глазомъ. Возня не малая, ибо „глазь“ углубленъ въ безцѣльное созерцаніе журнала, при чемъ голова лѣниво покоится на сложенныхъ рукахъ, которыя также лѣниво покоятся съ растопыренными локтями на столѣ.

Отъ времени до времени, впрочемъ, „глазь“ подымается, но лишь на такое короткое мгновеніе, какое требуется для произнесенія одного изъ тѣхъ словечекъ, которымъ приписывалось магическое свойство усмирять расходившійся классъ.

Чертежъ на доскѣ оконченъ. „Ты“, стоящій у доски, начинаетъ свой разсказъ по шаблону: „съ сѣвера граничить“ и „жарить“, жарить, жарить безъ остановки, а съ каеэдры все это время раздается ровное сопѣніе, сначала *piano*, потомъ *crescendo*, *crescendo*. Но вотъ „Ты“ дошелъ до послѣдняго города и замолкъ: сопѣніе моментально обрывается, голова пожимается, прописывается баллъ и къ доскѣ отсылается другой „Ты“...

Этотъ „Ты“ знаетъ, что баллъ всецѣло зависитъ отъ степени *crescendo*, до котораго дойдетъ каеэдральное сопѣніе: если дойдетъ до *forte assai*, будетъ пятерка, а то—и съ плюсомъ, при *piano-pianissimo* будетъ двойка и т. д., съ этимъ онъ и соразмѣряетъ свой разсказъ. Если послѣ послѣдняго города на каеэдрѣ все еще довольно *piano*, онъ велѣдъ за городомъ безъ перерыва продолжаетъ: „съ сѣвера граничить“ и слѣдуетъ опять вся панорама *Da Capo al Fine*.. Если это наскучить, то вмѣсто „съ сѣвера граничить“ начинается: „по улицамъ слона водили“ и т. д., пока не достигнется цѣль, т. е. пока съ каеэдры не послышится легкое всхрапыванье. Тогда ораторъ можетъ оборвать на любомъ мѣстѣ въ увѣренности, что балъ будетъ хорошій. Забавно выходило, если ораторъ удачно подбиралъ слово, на которомъ обрывать „урокъ“. Особенно ловко продѣлывалъ это Вѣлунъ, отличный ученикъ, но дерзкій и необычайно смѣлый шалунъ. Оборветъ напр. на возгласѣ „услужливый дуракъ“ и заставитъ голову поднять какъ-бы въ откликъ на призывъ.

Визави съ домомъ моихъ родныхъ стоялъ трехъ-оконный домикъ, типичной провинціальной постройки.

Домикъ этотъ, съ садомъ позади и просторнымъ палисадникомъ на улицу, утопалъ въ листьѣ деревь и кустовъ, такъ-что проникнуть глазамъ сквозь эти живыя жалюзи во внутренность дома не было никакой возможности. Не видалъ я также, чтобы когда-нибудь отпирались ворота у этого домика или расхлебяшилась бы калитка, и я, знавшій всѣхъ лошадей, всѣ экипажи, всѣхъ кучеровъ и водо-

возовъ въ городѣ, не могъ бы сказать, есть ли во дворѣ этого домика телѣга или лошадь и пр.

Тѣмъ не менѣе отъ домика съ акуратненько убраннымъ садикомъ не несло мертвечиной: отъ него пахло уютной тишиной, старческимъ покоемъ: въ немъ жила „бабушка“.

Быль ли кто-нибудь изъ нашей многолюдной семьи знакомъ съ „бабушкой“, имѣлъ ли кто-нибудь съ нею дѣла,—не знаю, но занимала она нашихъ и разговоровъ о ней у насъ было не мало; изъ частыхъ разговоровъ этихъ я узналъ, что кромѣ „бабушки“ существуетъ еще и „внучка“. Эта внучка уѣхала: она учится въ институтѣ. Вотъ все, что я могъ бы тогда сообщить объ обитателяхъ трехъ-оконнаго домика, а теперь имѣю сообщить нѣчто, совсѣмъ иное...

Въ одинъ прекрасный день многолюдная дамская половина нашего дома пришла въ необыкновенное волненіе:—пріѣхала бабушкина внучка!

Кого это касалось, кромѣ „бабушки“ и почему касалось—сказать не могу, но цѣлый день бабушкину внучку и ея возвращеніе окончившую курсъ наукъ склоняли и спрятали въ домѣ въ нѣсколько голосовъ, безъ умолку и съ большимъ оживленіемъ.

Во мнѣ эти усиленные толки лишь заронили мысль, что „бабушкина внучка“ должно быть не просто дѣвица, а какое-то совсѣмъ необыкновенное существо. Внушить себѣ такое убѣжденіе для меня было тѣмъ легче, что я собственно никогда не видѣлъ ни „бабушки“, ни „бабушкиной внучки“, да и не любопытствовалъ увидѣть ихъ, а то, что о нихъ говорили, я или не слушалъ или еще не понималъ.

Прошло сколько-то времени, и до моего слуха дошло, что „бабушкина внучка“ поступила преподавательницей въ школу барышень Г. Это была частная и единственная въ то время русская средняя школа, которая впрочемъ внослѣдствіи получила и формальныя права женской гимназіи.

Поступленіе „бабушкиной внучки“ въ учительницы почему-то профанировало ее въ моихъ глазахъ.—Должно быть я тогда думалъ, что учительское дѣло—пошлое дѣло, и что необыкновенныя существа должны или ничего не дѣлать или дѣлать что-нибудь этакое, необыкновенное, а не просто служить, какъ и другіе, при какомъ-нибудь заурядномъ дѣлѣ.

Что всякое дѣло можно опозлать до заурядности, что учительское дѣло само по себѣ вовсе не заурядное, что всякое дѣло можно поднять до „необыкновенности“... мнѣ ничто въ нашемъ городѣ въ тѣ дни не могло подсказать.

Прошло еще сколько-то времени, и новый слухъ о „бабушкиной впуцкѣ“ окончательно сбиль меня съ толку: эта „необыкновенная“ вздумала ни больше ни меньше, какъ просто выйти замужъ!... да еще ни за кого иного, какъ за... нашего Николая Николаевича!...

Вотъ такъ фунтъ! Вотъ уже дѣйствительно нѣчто необыкновенное...

А на самомъ дѣлѣ и впрямь вышло нѣчто совсѣмъ необыкновенное.

Нашъ, сопящій и ругающійся Николай Николаевичъ исчезъ вмѣстѣ со своимъ учебникомъ, съ „съ сѣвера граничит'омъ“, съ чертежами, журналомъ, сопѣніемъ и пр. Вмѣсто него въ классахъ стали появляться какой-то совсѣмъ новый Николай Николаевичъ, дѣятельный, подвижной, еле когда садившійся на свой стулъ учитель географіи, но не той географіи, которая „съ сѣвера граничитъ“, а съ какой-то совсѣмъ новой, интересной, увлекающей и учителя и учениковъ, однимъ словомъ—„необыкновенной“. Учебники тоже появились какіе-то „необыкновенные“: въ младшихъ классахъ одни, съ иллюстраціями, а въ старшихъ—другіе. Даже черченіе картъ стало „необыкновенное“: правильное, легко усваиваемое и пр.

Да и за стѣнами гимназіи, въ обществѣ, появился совсѣмъ новый какой-то молодой человѣкъ, новый Николай Николаевичъ, веселый, добрый, остроумный, вѣчно что-то устраивающій...

Припоминается мнѣ одинъ пикникъ съ участіемъ этого „необыкновеннѣвшагося“ Николая Николаевича.

На другомъ берегу нашей широкой рѣки, при впаденіи одного изъ ея безчисленныхъ рукавовъ, образовывалась коса, живописно заросшая среди камышей громадными вербами. Живописность мѣстности усугублялась, подчеркивалась—такъ сказать—одинокимъ стоявшей тамъ давно заброшенной, обветшавшей хатой, крытой камышомъ и полуразвалившимся досчатымъ сараемъ при ней. До тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на это красивое мѣстечко, хотя почти всѣ его знали, ѣздили мимо него по рѣкѣ въ сосѣднюю мѣстность; но вотъ откуда-то появился въ нашемъ городѣ настоящій фейерверкеръ, а по рукамъ заходило приглашеніе подписаться на „Венеціанскій вечеръ“, устраиваемой на этой именно косѣ, съ фейерверкомъ и пр. пикниковыми развлечениями.

Въ условленный день и часъ подписавшіеся нашли у пристани небольшой пассажирскій пароходикъ подъ парами, размѣстились на немъ, переправились на ту сторону и стали кутить, т. е. пить чай, закусывать привезенными бутербродами; устроились игры, танцы, пѣніе хоромъ и пр., а когда стемнѣло, всѣ усьлись на травѣ противъ сарая. Вотъ взвилась ракета, другая, третья: темнота почи и

стѣны сарая стали освѣщаться перемѣнными разноцвѣтными огнями; въ воздухѣ то и дѣло вздымались огненные клубки отъ „римскихъ свѣчей“: то синіе, то красные, желтые, появился экранъ съ нарисованнымъ на немъ „Самсономъ, раздирающимъ льва“, изъ-за экрана шипя брызнула огненная струя, яко-бы изъ пасти раздираемаго льва, затѣмъ еще и еще что-то съ разноцвѣтными огнями и удуш-ливымъ запахомъ сѣры и пороха.

Наконецъ программа фейерверка, а съ ней—запасы и изобрѣ-тательность фейерверкера истощились, ночь сдѣлалась гуще, на косѣ стало смрадно, пароходъ далъ гудокъ, и всѣ шумно бросились къ берегу. Взобраться на пароходъ по импровизированнымъ сход-нямъ при полномъ отсутствіи какого-либо освѣщенія было не со-всѣмъ просто. Николай Николаевичъ взобрался на шкиперскую вышку и оттуда энергично распоряжался посадкою пассажировъ, ко-торые шумѣли, визжали, хохотали, ахали, перекликались. Было шумно!.. Но одинъ, звонкій, бодрый голосъ властно перекрывалъ весь этотъ гамъ. Это былъ голосъ Николая Николаевича, но Нико-лай Николаевичъ былъ не тотъ, котораго мы раньше видывали дремлющимъ на каедрѣ, а новый Николай Николаевичъ, котораго вывела изъ дремоты и разбудила „необыкновенная бабушкина внучка“.

Всѣ благополучно взгромоздились на корабликъ, и онъ послѣ ко-роткаго свистка сталъ отчаливать, публика вдругъ присмирѣла:— „ангелъ родился“, что называется... Въ эту минуту общей тишины все еще стоявшій на вышкѣ Николай Николаевичъ простеръ руки къ обезпokoенной старой хатѣ и ея зівшему широкими брешами сараю, сталъ въ драматическую позу и съ неподражаемою коми-ческой торжественностью возгласилъ:

„Прощай, Венеція“!

Старый сарай на безлюдномъ берегу, заросшемъ камышами, не-проглядная тьма, клубы удушливаго дыма, и комически-торжествен-ный прощальный привѣтъ, а главное—общее веселое настроеніе сдѣлали эту „географическую“ шутку такую уморительною, что у меня какъ-будто и сейчасъ еще раздается въ ухахъ тотъ взрывъ гомерическаго хохота, который явился послѣднимъ, звучнѣйшимъ аккордомъ веселаго пикника обновленнаго Николая Николаевича...

Да, я теперь понимаю, почему „бабушкина внучка“ заставила людей говорить о себѣ цѣлый день... Я понялъ, что она дѣйстви-тельно была „необыкновенная“, если она сумѣла отыскать и ожи-вить въ душѣ мздоимца-учителя такія струны, чуть было не заглохшія въ тинѣ дореформенныхъ дней, при помощи которыхъ она обратила сонливаго прецептора въ дѣльнаго, трудолюбиваго педагога,

а непристойно ругающагося бондаря въ привлекательнаго члена общества всякой компаніи, симпатичнаго типа „души-общества“, въ лучшемъ смыслѣ слова.

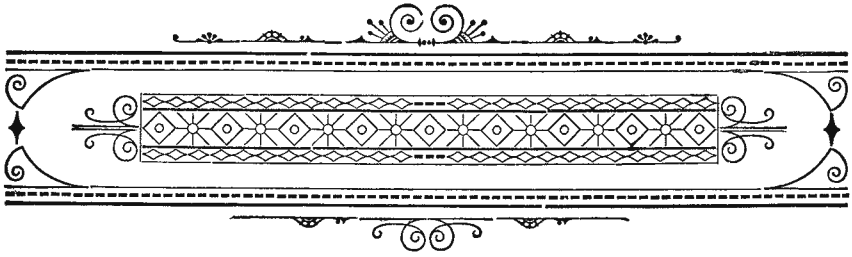
Необыкновенность „внучки“ очевидно состояла въ томъ, что она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ не только родить ребенка, но и переродить ранѣе рожденнаго...

Я не говорилъ о „бабушкиной внучкѣ“ тогда, когда другіе говорили о ней по цѣлымъ днямъ, но вамъ я поговорилъ теперь. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и дай Богъ, чтобъ эти запоздалыя строки, вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ, розыскали гдѣ-нибудь на широкой груди нашей необъятной родины „внучку“ здравствующую „бабушкой“ и доставили бы ей случай еще разъ пережить душою давно отжитое прекрасное, въ обильной массѣ котораго тѣхъ дней она не затерялась, а заслуженно удержала за собою значеніе „необыкновенной“.

И да не устанетъ земля русская еще и еще плодить подобныхъ ей и на будущія времена...

Старикъ.

Марія Извѣкова.

знаете ли вы дѣвицу Марію Извѣкову, читали ли вы романы дѣвицы Маріи Извѣковой?.. Если нѣтъ, то бѣгите въ книжную лавку, попросите книгопродавца порыться въ его погребѣ и кладовыхъ,—этихъ книжныхъ кладбищахъ, и отыскать вамъ романы дѣвицы Маріи Извѣковой, если ихъ еще не съѣли мыши, и прочтите ихъ какъ можно скорѣе...

Каковы одни заглавія—такъ и дышутъ чистѣйшей нравственностью! А содержаніе еще лучше, еще нравственнѣе, хотя надо признаться—невообразимо скучно.

Его составляютъ происшествія, въ которыхъ дѣйствуютъ лица безъ образовъ...

Романы г-жи Извѣковой кромѣ чистѣйшей нравственности проникнуты еще нѣжнѣйшей чувствительностью, и, вѣроятно, многихъ слезъ стоили они прекраснымъ читательницамъ того времени... Такъ отзывался Бѣлинскій въ 1843 г. о совершенно забытой въ его время писательницѣ. Однако онъ выбралъ именно ее для своего очерка о женскомъ творествѣ былыхъ временъ, написанномъ по поводу собранія сочиненій Зинаиды Р—вой (Елены Ганъ) ¹⁾. Обычная чуткость критика не обманула его: беллетристка-дилеттантка, Марія Евграфовна Извѣкова, дѣйствительно, довольно любопытное явленіе для своего времени и своего общества.

¹⁾ Соч. изд. 1883 г., ч. 7-я стр. 161-я.

Современники оставили очень мало свѣдѣній о ея жизни. Извѣкова появилась въ Москвѣ около 1805 г. Въ обѣихъ столицахъ въ эту пору нарождалось много маленькихъ литературныхъ кружковъ; очень немногіе изъ нихъ сумѣли проявить замѣтное вліяніе въ общественной и культурной жизни, но всѣ они были въ свое время полезны и нужны, удовлетворяя потребности своихъ членовъ въ постоянномъ взаимномъ общеніи. Женщины принимали въ этихъ кружкахъ живое и дѣятельное участіе; роль ихъ становилась замѣтной и вліятельной. Въ Москвѣ возникали журналы „для дамъ“; въ кружкахъ интересовались литературными опытами женщинъ. По словамъ одного изъ поклонниковъ женскаго творчества, М. Макарова ¹⁾, около 1805 г. въ Москвѣ заговорили, что дѣвица съ хорошимъ состояніемъ пріѣхала изъ провинціи въ столицу только для того, чтобы издавать романы, написанные во вкусѣ г-жи Жанлисъ; послышались толки и пересуды.—„Дѣвица Извѣкова не должна была сѣшнить съ изданіемъ своихъ романовъ, замѣчаетъ тотъ же благосклонный современникъ, ей бы слѣдовало искать связей у двора литературнаго, и, шутки въ сторону,—просить совѣтовъ,—но желанія питомицы музъ были рѣшительны“... Очевидно, москвичи удивились, и даже немного обижались, что юная дебютантка выступила внѣ связей съ литературными кружками, упорная въ своей одинокой самостоятельной карьерѣ.

Извѣкова пріѣхала въ Москву, вѣрнѣе, слѣдуетъ думать, была привезена матерью и родными, чтобы составить себѣ имя, блеснуть талантами. Ей было тогда не болѣе 15-ти, 16-ти лѣтъ. Въ одномъ изъ прелисловій она сама заявляетъ, что писала первый романъ на 16-мъ году ²⁾. Кромѣ замѣтки Макарова, не сохранилось другихъ извѣстій о ея жизни въ Москвѣ. Но она, вѣроятно, являлась въ свѣтѣ, и родные не безъ гордости представляли ее какъ писательницу; а любопытное московское общество судило и рядило о ней, но сухо вато и не безъ ехидства,—вѣдь ее выдвигали безъ заискиваній передъ „свѣтомъ“.

Уже въ 1806-мъ году Извѣкова выпустила свой первый романъ въ 4-хъ томахъ,—„отмѣнно длинный, правоучительный и чинный“.—Тономъ полнымъ достоинства она посвятила его императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, почитая въ ея особѣ—„покровительницу наукъ, пекущуюся о просвѣщеніи нѣжнаго пола“.—Императрица отдала ее

¹⁾ „Дамскій Жур.“ 1830 г. т. II №№ 51—52 стр. 117.

²⁾ Кн. Голицынъ, „Словарь рус. писательницъ“ 122 стр. говоритъ, что Извѣкова род. 12 фев. 1794 г. Не могла же она писать романы въ 11, 12-ть лѣтъ.

перетнемъ. Въ предисловіи она выражаетъ увѣренность, что публика окажетъ снисхожденіе первому труду новичка, извинитъ неопытность молодой дѣвушки, писавшей безъ руководства учителей по одной природной склонности къ литературѣ; она выпустила его въ свѣтъ, только повинувшись волѣ матери и уважая просьбы родныхъ и друзей.—Оговорка вполнѣ во вкусѣ г-жи Жанлисъ, которая рѣзко осуждала бойкихъ дѣвицъ, способныхъ распространять свои мысли среди незнакомыхъ въ двухъ тысячахъ экземплярахъ и болѣе; дѣвицамъ не подобаетъ проявлять личную инициативу въ такомъ дѣлѣ; онѣ должны руководиться волею старшихъ. Въ семьѣ Извѣковыхъ, повидимому, знали правила модной писательницы, и рука начитанной матери направляла авторскіе подвиги юной Маріи.

Первое произведеніе „Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви“ ¹⁾ по обилію эпизодовъ вмѣщаетъ нѣсколько романовъ; львиная доля страницъ отведена разсказамъ матерей, отторгнутыхъ злодѣями отъ семействъ, или похищенныхъ и найденныхъ дѣтей.

Всѣ герои необычайно добродѣтельные, особенно матери, вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ смѣлы и дѣятельны въ непрерывной борьбѣ съ препятствіями. Какъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Извѣковой, мѣсто дѣйствія скрывается въ туманѣ; герои вращаются въ „нѣкіемъ царствѣ“, часто переносясь „за тридевять земель“, на необитаемые острова. Дочь придворнаго, Эмилія, противъ воли родителей обвинчалась съ наслѣднымъ принцемъ, имѣла двоихъ дѣтей. Интересны тѣ моменты ихъ тайнаго сожителства, когда наслѣдникъ, перейдя на положеніе простаго смертнаго, началъ задумываться; полная искренность между супругами исчезла. Эмилія почувствовала, что не имѣла права похищать у страны политическаго дѣятеля и хорошаго государя у народа. Принца-бѣглеца нашли; вернули въ столицу и женили на принцессѣ. Далѣе три тома наполнены необычайными приключеніями Эмиліи, ея матери, дѣтей, товарищей по несчастью и злодѣянiami ея отца. Отцы у Извѣковой или тиранны, или въ лучшемъ случаѣ легкомысленные люди. Наконецъ героиня умираетъ въ присутствіи принца, его признанной женой, а ея сынъ даже готовъ уступить права наслѣдованія ея сыну.

Даже современникъ Макаровъ ²⁾ видитъ въ этомъ романѣ только

¹⁾ Сочиненія М. Извѣковой имѣются въ Имп. Пуб. Библіотекѣ.

²⁾ „Дамскій Жур.“ 1830 г. т. II, тоже.

„портретную живопись“ съ иностранныхъ образцовъ, находя признаки нѣкоторой самостоятельности лишь въ послѣднемъ по времени трудѣ Извѣковой. Но тутъ нѣтъ и живописи; незамѣтно даже работы молодой руки; это какая-то безудержная болтовня старой рассказчицы. Можно думать, что страстная мать усердно помогала дочери своей начитанностью въ модной беллетристикѣ.

Въ слѣдующемъ 1807 г. дѣвица Извѣкова издала свою драму „Альфонсъ и Флерестина или счастливый оборотъ“. Сюжетъ тотъ же—приключенія молодой женщины, разлученной съ мужемъ его отцомъ-злѣдѣемъ.

Самая форма изложенія мѣшаетъ развитію старческой болтовни, и стиль письма становится моложе. Здѣсь интересна субретка, говорящая въ духѣ сентиментальнаго демократизма французскихъ комедій конца XVIII-го вѣка ¹⁾:

„Вы думаете, графъ, что мы, бѣдныя твари, рождены единственно для вашихъ услугъ, и что даже мысли наши ограничиваются только нашею должностію. Конечно, мы большею частью должны молчать, но замѣчать и чувствовать—никто не властенъ отнять у насъ этого права!“ и т. д. Ея госпожа, съ своей стороны, проявляетъ сознательное отношеніе къ тяжелому положенію дѣвушекъ въ обществѣ, даже красивыхъ и богатыхъ; вниманіе, почетъ, любезности поклонниковъ не вознаграждаютъ ихъ за душевныя муки, порождаемыя строгимъ осужденіемъ каждаго ихъ смѣлаго поступка, каждой неосторожности, которое произноситъ взыскательный свѣтъ; юноши не имѣютъ и понятія о нравственныхъ искусахъ, выпадающихъ на долю дѣвицъ ²⁾.

Послѣ 1807-го года семья Извѣковыхъ переехала въ Петербургъ. Тамъ въ 1809 году Марья Евграфовна выпустила второй большой романъ въ трехъ томикахъ—„Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою“.—Въ предисловіи она благодаритъ публику за лестныя похвалы своему первому опыту; онѣ побудили ее вновь приняться за работу и представить трогательныя картины страдающей невинности, дабы утвердить въ сердцахъ читателей правила добронравія. О! какъ бы ей хотѣлось быть полезной! Это желаніе и любовь къ отечеству защитятъ ее отъ „ядовитыхъ стрѣлъ критики“. Героиня романа,—будучи воспитана въ уединеніи и имѣя свободное сердце... безъ принужденія послѣдовала волѣ отца своего и приняла супруга отъ руки его“. Но скоро сердце заговорило: она

¹⁾ „Альфонсъ и Флерестина“, д. II-ое, стр. 42.

²⁾ То же стр. 61.

влюбилась въ одного изъ своихъ поклонниковъ, но сохранила самую нѣжную любовь и преданность къ своему мужу;—новое и довольно интересное положеніе въ сочиненіи дѣвицы - дилеттантки начала XIX-го вѣка! Въ этомъ романѣ всѣ женщины необыкновенно смѣлы и полны инициативы, затягивая своей энергіей мужчинъ. Героиня, переодѣтая въ платье мужа, выходитъ вмѣсто него на дуэль, чтобы спасти мужа и жениха сестры отъ опасности, и спасаетъ обоихъ ¹⁾).

Въ томъ же году вышло лучшее изъ произведеній Извъковой— „Милена или рѣдкій примѣръ великодушія“,—романъ, разумно умѣстившійся въ одинъ томикъ. Впервые дѣйствіе происходитъ въ Россіи, въ губернскомъ городѣ. Кое-гдѣ мелькаютъ даже попытки нарисовать обстановку, отвѣчающую душевному настроенію героевъ. Романъ посвященъ „наидостойнѣйшей матери“, отдавшей жизнь и силы воспитанію дочери—автора; все предисловіе—панегирикъ этой добродѣтельной воспитательницы.—Милена получила ложное извѣстіе о гибели своего жениха, и въ состояніи скорбнаго безразличія вышла за другого искателя, легкомысленнаго, капризнаго мота. У нея уже есть сынъ, когда она встрѣчаетъ Виктора, перваго жениха. Разгорается тяжелая душевная драма. Мужъ и его родные мучаютъ, запираютъ Милену; но Викторъ всюду находитъ ее. Она старается успокоить себя тѣмъ, что мать, имѣющая прелестнаго ребенка, не можетъ быть несчастной, но чувство все-таки рвется наружу:—„О Викторъ! тщетно бы я старалась себя обманывать; ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратилъ мое вниманіе, ты далъ мнѣ почувствовать, что я имѣю сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобой любимой, если бы могла желать того безъ угрызения совѣсти. Викторъ, я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ, но честь и Милевзоръ (ея сынъ) мнѣ драгоценнѣе и самого тебя“ ²⁾).

Когда мужъ оказался двоеженцемъ и попалъ въ тюрьму, Милена великодушно спасаетъ его, заявивъ, что ея измѣна оттолкнула отъ нея мужа, она боялась, какъ бы безчестіе отца не отразилось на судьбѣ сына. Послѣ смерти мужа ея самообвиненіе открылось, и весь судъ единодушно преклонился передъ ея нравственнымъ величіемъ. Она упорно желала постричься, но Виктору удалось спасти жизнь ея ребенку, и она согласилась выйти за него.

„Милена“ очень интересна для своего времени, какъ пока-

¹⁾ „Торжество добродѣтели“, т. I-й, стр. 92.

²⁾ „Милена“, стр. 135.

затель нарастанія нѣкотораго, еще слишкомъ индивидуальнаго, гражданскаго сознанія на почвѣ сентиментальныхъ настроеній; въ романѣ проявились намеки на душевный строй слѣдующаго поколѣнія русскихъ женщинъ, среди котораго Пушкинъ нашелъ ту,—„съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ“. На 20 лѣтъ ранѣе въ многословномъ, устарѣломъ стилѣ Милена произносить знаменитое:— „я васъ люблю,—къ чему лукавить!“... А современницы Татьяны, жены декабристовъ, идутъ спасать мужей и возлюбленныхъ цѣною своихъ жизней, гражданскихъ правъ и репутаций... Вообще, женщины этихъ поколѣній уже съ трудомъ выносятъ тягость стараго патріархальнаго быта; въ романахъ Извѣковой одна любовь матерей создаетъ и поддерживаетъ семейный очагъ, а не власть отцовъ, избалованныхъ и испорченныхъ огромными общественными привилегіями.

Послѣ „Милены“ Марія Извѣкова ничего не печатала; она вскорѣ вышла замужъ. Лишилась ли она руководства своей матери, или ея литературная дѣятельность встрѣтилась съ противодѣйствіемъ мужа и новой семьи? На счетъ этого можно строить какія угодно догадки; но послѣ энергичной 4 лѣтней работы она вдругъ умолкла, едва начавъ самостоятельно развиваться. Впрочемъ, для себя она продолжала работать въ тиши своихъ покоевъ: послѣ нея осталось много рукописныхъ сочиненій; что съ ними произошло—пока неизвѣстно; а жаль,—они могли бы сохранить не мало любопытнаго матеріала для исторіи русскаго общества ея времени.—Марія Евграфовна скончалась 15-го января 1830 г., женой дѣств. ст. сов. Николая Ѳеодоровича Бедряги.

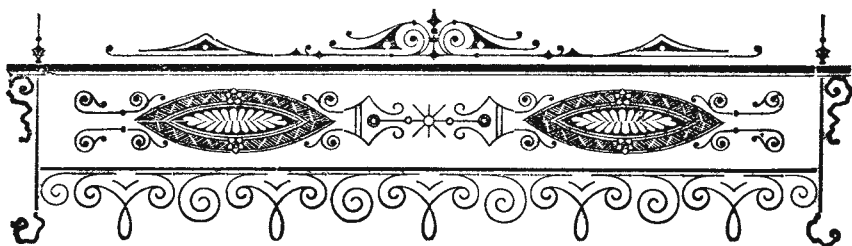
Что сказать о литературномъ достоинствѣ произведеній Извѣковой! Несомнѣнно, согласиться съ Бѣлинскимъ: они невыносимо скучны для публики его времени, неудобочитаемы и непостижимо наивны, но они отвѣчали вкусамъ широкой публики своего времени, и русскія читательницы, поглотившія ихъ, ничуть не отставали отъ представительницъ просвѣщеннаго запада. Подобные романы читались во Франціи нарасхватъ.—Слѣдуетъ отодвинуть въ сторону сочиненія г-жи Сталь и Шатобріана, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о литературѣ, которой зачитывались во время 1-й имперіи, говоритъ извѣстный изслѣдователь французской словесности¹⁾. Тогда царили романы, состоявшіе изъ цѣпи невѣроятныхъ приключеній, сентиментальныхъ изліяній говорунговъ и говоруній,

¹⁾ „Hist. de la langue et de la littér. franç“. Pétit de Julleville. VII, p. 138.

туманныхъ образовъ безъ малѣйшихъ признаковъ индивидуальности, вращающихся въ неопредѣленныхъ пространствахъ безъ намека на мѣстный колоритъ. Можно думать, что ихъ писали для подростковъ и очень молодыхъ женщинъ, но ихъ обожалъ самъ Наполеонъ I-й. Авторами этихъ романовъ были преимущественно женщины—г-жи Коттэнъ, Жанлисъ, Суза и др. и братья Дюкре-Дюмениль. По ихъ стопамъ пыталась идти наивная Марія Извѣкова.

Е. Щепкина.

Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г.

Водготовляясь къ поступленію въ школу и обучаясь въ ней, мнѣ часто приходилось слышать одно и то же, всѣмъ извѣстное, изреченіе: „корень ученія горекъ, а плоды его сладки“. И это было единственнымъ утѣшеніемъ и поощреніемъ для учащихся при прохожденіи и изученіи положенныхъ въ учебномъ заведеніи предметовъ. Попытокъ же и стремленія сдѣлать этотъ корень менѣе горькимъ не было видно ни со стороны родителей, ни со стороны учителей.

Правда, родители все-таки, такъ или иначе, старались облегчить горькую участь своихъ дѣтей хотя бы, напримѣръ, частымъ услажденіемъ ихъ гостинцами и своимъ сердечнымъ участіемъ въ ихъ горькой долѣ; но со стороны воспитателей и учителей этого старанія не было видно. Они какъ бы забывали, что имѣютъ дѣло съ малолѣтними дѣтьми, нуждающимися въ строгости и ласкѣ, но всегда вели себя сухо, формально и безучастно, а потому и учащіеся держали себя отъ нихъ особнякомъ, не чувствовали къ нимъ никакой привязанности, а только одинъ страхъ. Изъ учащихся дѣтей составлялось такимъ образомъ особое общество, особенный враждебный лагерь, который заботился только о томъ, какъ бы провести и обмануть своего учителя, и чѣмъ кто лучше проводилъ или обманывалъ его, тѣмъ большей похвалы и одобренія онъ заслуживалъ отъ товарищей. Вотъ гдѣ горечь корня ученія и источникъ скрытности, замкнутости учащихся дѣтей и всякихъ

ученическихъ продѣлокъ, какими была особенно богата школа шестидесятихъ годовъ! Въ этихъ годахъ наставниками въ низшихъ духовныхъ школахъ были лица со среднимъ образованіемъ, обыкновенно изъ лучшихъ студентовъ семинаріи. Но какъ теперь, такъ и тогда, наставники приступали къ своему дѣлу безъ всякой практической подготовки и опыта, а подчасъ и безъ основательнаго знанія своихъ предметовъ и существовавшихъ по нимъ учебниковъ и руководствъ, а посему и естественно было имъ говорить: „корень ученія горекъ“. Учащимся тяжело было учиться при безучастности и неопытности ихъ руководителей, не умѣвшихъ надлежаще располагать учебный матеріалъ, отличать въ немъ болѣе существенное отъ менѣе существеннаго, а учителямъ тяжело было руководить учащимися при ихъ неосвѣдомленности въ предметахъ и неопытности, тѣмъ болѣе еще, что эти наставники, при скудности тогдашняго вознагражденія за трудъ, не могли долго оставаться въ своихъ должностяхъ, чтобы пріобрѣсти необходимую опытность и надлежащую освѣдомленность въ своемъ дѣлѣ. Результатомъ такого положенія дѣла въ училищѣ и было то, что учащіеся дѣйствительно обречены были на полное безпомощное одиночество, на упорный и усидчивый трудъ, а посему и успѣвали только даровитые и трудолюбивые, а остальные, просидѣвши въ низшей школѣ до 19 или 20 лѣтъ, ограничивали свое образованіе этой школой, и такихъ въ каждый выпускъ было не мало.

При отсутствіи тѣсной нравственной связи между учащими и учащимися и нравственно-разумнаго воздѣйствія первыхъ на послѣднихъ, въ тогдашней школѣ много было и другихъ неблагоприятныхъ для усидчивости дѣла условій. Дѣти поступали въ училище съ весьма плохой подготовкой, еле умѣющія читать и писать, а приготовительныхъ классовъ не было. Жили учащіеся большею частью по частнымъ тѣснымъ и грязнымъ квартирамъ, группами по 10 и болѣе человекъ, спали на общихъ нарахъ, питались очень скудно на сорокъ рублей въ годъ вмѣстѣ съ одеждой, и оставались почти безъ всякаго надзора и руководства при такихъ квартирныхъ обстановкахъ. Правда, надзоръ и руководство въ дѣлѣ приготовления уроковъ часто возлагались на старшихъ учениковъ, такъ называемыхъ „аудиторовъ“ или „старшихъ“, но это руководство сводилось въ рѣдкихъ случаяхъ только къ выслушиванію уроковъ, а большею частью къ издѣвательству и наказанію; болѣе существеннаго и разумнаго руководства дѣти не получали не только въ квартирахъ, но и въ классѣ. Учителя обыкновенно ходили въ классъ, спрашивали уроки, ставили баллы, наказывали и только. Рѣдко, кто когда объяснялъ или подготовлялъ съ учениками въ классѣ

урокъ къ слѣдующему дню. Естественно послѣ этого, что дѣти, возвратившись изъ школы и наскоро утоливши свой голодь, дѣлились на группы: лѣнныя брались за шалости, а прилежныя за уроки съ тѣмъ, чтобы вечеромъ помочь своимъ лѣнныимъ и малоспособнымъ товарищамъ и тѣмъ избавить ихъ отъ наказаній.

Эти трудолюбивые мальчики смотрѣли на школу, какъ на страшную темницу, горько оплакивали дни отъѣзда въ нее изъ домовъ родителей и съ такимъ замираніемъ сердца ожидали отпусковъ на каникулы, что за мѣсяць и болѣе считали дни, часы и минуты до тѣхъ счастливыхъ дней, когда болѣе богатымъ изъ нихъ приходилось уѣзжать домой, а большинству идти пѣшкомъ. Весело и радостно эта бѣднота собиралась въ путь, не взирая на всевозможныя трудности и опасности. Ни холодъ, ни грязь, ни весеннія лужи, ни разливы рѣкъ, ни что не останавливало такихъ путниковъ, лишь бы поскорѣе уйти изъ училища и добраться до родительскаго крова. А какія лишенія и опасности приходилось встрѣчать на пути такимъ бѣднякамъ, то описанію ихъ теперь, пожалуй, и не повѣрить никто.

Единственнымъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ для учащихся въ тогдашней школьной жизни можно посчитать существовавшія тогда, такъ называемыя, „рекреаціи“—лѣтнія прогулки въ лѣсъ, но и ихъ было не болѣе двухъ въ годъ и то только въ маѣ мѣсяцѣ, когда, дѣйствительно, ученики получали великое удовольствіе, съ большою радостью сѣли въ лѣсъ и тамъ весело проводили цѣлый день на лонѣ весенней природы, наслаждаясь ея весенними прелестями, а остальное учебное время было мрачно, сухо и отвратительно. Болѣе счастливы были тѣ дѣти, которыя имѣли въ школѣ старшихъ братьевъ или близкихъ родственниковъ, тѣ все-таки чувствовали себя лучше и жизнерадостнѣй, а остальные часто обливали слезами свое бѣдное, жесткое ложе въ минуты ночной тишины. Не было для нихъ никакой отрады, мало ласкала ихъ родительская любовь, подавленная крайнею нуждою ихъ во всемъ необходимомъ не только для дѣтей, но и для нихъ самихъ, не ласкали ихъ и наставники, которые и сами были еще такъ молоды, что больше думали о себѣ. Только между старыми наставниками, которые, впрочемъ, были тогда большою рѣдкостью, можно было встрѣтить людей, хотя отчасти входившихъ въ тяжелое положеніе своихъ питомцевъ ¹⁾.

¹⁾ Таковы, кстати вспомнимъ добрымъ словомъ, были въ наше время учитель русскаго языка Иванъ Ивановичъ Воскресенскій, священнои исторіи о. Іоаннъ Димитріевичъ Державнѣй, впоследствии епископъ Псковскій Анто-

У этихъ людей многіе изъ насъ находили отеческое участіе. Они часто вступали въ бесѣды съ нами, входили въ наши нужды и, насколько могли, старались доставить намъ нѣкоторыя развлеченія въ родѣ игры въ лапту, словомъ, помогали намъ матеріально и нравственно, а отъ остальныхъ мы ничего не слыхали милаго, отраднанаго, кромѣ „отвѣчай“, „садись“, „становись на колѣни“.

Такъ грустно, такъ формально, безучастно и уныло протекла наша училищная жизнь, но еще большая формальность, суровость и безучастность ожидали насъ въ семинаріи, куда намъ, хотя и немногимъ, Богъ судилъ поступить въ 1874 году.

Первое впечатлѣніе, полученное нами на первыхъ урокахъ въ семинаріи, помню, было весьма ужасное, не вызвавшее въ насъ ничего отраднанаго, а одинъ только всеподавляющій страхъ. Какъ сейчасъ помню, что на первый урокъ пришелъ къ намъ учитель словесности, человекъ пожилой, угрюмый, сердитый. Прищуривъ глаза, онъ началъ внимательно всматриваться въ насъ и чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ намъ такое привѣтствіе: „я думалъ, что къ намъ пріѣхали люди, а оказывается свиньи, что это у тебя за волосы“, обратился онъ тогда къ одному изъ товарищей и въ такой пріятной бесѣдѣ провелъ весь урокъ и затѣмъ, открывъ первую страницу учебника Стоюнина, приказалъ намъ выучить первый отдѣльчикъ, состоящій, помнится, изъ семи строкъ, и эти семь строкъ мы учили цѣлый годъ, а сей преподаватель занималъ насъ на урокахъ островами и насмѣшками надъ тѣмъ или другимъ изъ товарищей. Въ концѣ года все это было заглажено выдачей намъ къ экзамену конспекта, въ вопросахъ котораго заключались отвѣты. На другой урокъ пришелъ учитель латинскаго языка для того только, чтобы задать намъ шесть строкъ изъ Тита-Ливія заучить такъ, чтобы каждый изъ насъ могъ наизусть прочесть ихъ, какъ сорока.

На третій урокъ пришелъ преподаватель священнаго писанія. Онъ въ этотъ разъ и впоследствии обыкновенно говорилъ о чемъ-то стороннемъ, къ дѣлу не относящемся,—о какомъ-то третьемъ пунктѣ, по которому онъ когда-то, какъ мы узнали впоследствии, уволенъ былъ со службы, бывши, кажется, секретаремъ консисторіи, и когда спрашивалъ насъ, то требовалъ, чтобы мы не смѣли смотрѣть на него, а если кто осмѣливался взглянуть, то получалъ двойку или еди-

нивъ и смотритель Семень Григоріевичъ Успенскій. Вѣчная имъ память за то, что они оставили въ насъ хотя нѣсколько пріятныхъ воспоминаній о нашей школьной жизни.

ницу. Конечно было, но очень не много, и хорошихъ, сравнительно сказать, преподавателей, но въ общемъ и въ семинаріи мало нашлось такихъ, которые внесли бы жизнь и сердце въ свое дѣло и такимъ образомъ оживили бы и ободрили насъ, своихъ питомцевъ. И здѣсь всюду было грустно, формально и безучастно.

Конечно, при такихъ условіяхъ и въ семинаріи не легче было, чѣмъ въ училищѣ. Учащіеся должны были преодолевать всевозможныя трудности своею личною энергіей; руководства и помощи не отъ кого было ожидать. Къ счастью, что тогда большимъ возбудителемъ личной энергіи учащихся была надежда на поступленіе въ университетъ, двери котораго тогда еще не были закрыты для семинарскихъ питомцевъ. Но съ 1878 года, когда доступъ въ университетъ былъ закрытъ для семинарскихъ воспитанниковъ требованіемъ отъ нихъ аттестатовъ зрѣлости, совершенно пала и личная энергія. Семинарія съ тѣхъ поръ обратилась въ какое-то безотрадное учрежденіе, въ какую-то темницу, охраняемую чисто-полицейскимъ надзоромъ лицъ инспекціи, которая заботилась только о томъ, какъ бы поскорѣе сбыть свое дежурство, сходить на молитву и загнать учащихся въ спальни, не справляясь, подготовлены ли ими ихъ уроки, преодолены ли ими всѣ трудности.

Такое отношеніе къ учащимся лицъ инспекторскаго надзора, конечно, озлобляло противъ нихъ всѣхъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ и трудолюбивыхъ воспитанниковъ, и это озлобленіе часто выражалось окачиваніемъ холодной водой помощниковъ инспектора изъ оконъ умывальни, когда тѣ со злостью бѣгали по классамъ, стараясь выгнать изъ нихъ желающихъ еще заниматься. Такъ грустны и безотрадны были и дни семинарской жизни. Не даромъ, бывшіе воспитанники ея, обыкновенно, никогда не заглядываютъ въ нее, а стараются поскорѣе пройти мимо, какъ бы не замѣчая ея. А между тѣмъ въ ней прожита самая цвѣтущая юность, полная идеальныхъ и благородныхъ стремленій, и если бы пришлось окончить мое образованіе только тогдашней семинаріей, то пришлось бы, пожалуй, убѣдиться, что не только корень ученія горекъ, но и плоды его не слаще.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на меня духовная академія до 1884 года, въ которую, благодареніе Богу, мнѣ посчастливилось поступить въ 1880 году. Въ ней я увидѣлъ свѣтъ и отраду послѣ всѣхъ прожитыхъ мною горькихъ дней, въ ней я увидѣлъ живыхъ людей съ умомъ, сердцемъ и благороднымъ чувствомъ, и стало на душѣ легко и отрадно. Здѣсь я почувствовалъ интересъ къ наукѣ и благородному добровольному труду. Безъ всякихъ побужденій начальства я охотно ходилъ на лекціи и съ удовольствіемъ

ихъ слушалъ, хотя, сознаюсъ, и не всегда онѣ были для насъ удобопонятны отъ недостатка въ нихъ обработки. Здѣсь я увидѣлъ отеческую заботливость о насъ и любовь къ намъ нашихъ наставниковъ и начальства. Большая часть изъ нихъ искренно любила свое дѣло, трудилась и любила насъ, какъ свое живое поле, которое имъ хотѣлось такъ воздѣлать, чтобы оно было плодоносно и растимо. И мы невольно увлекались ихъ любовью и благоговѣли предъ ними и преподаваемыми ими науками, стараясь сознательно и разумно работать. Чудные то были наши руководители¹⁾ и чудное то было время, не забуду его никогда! Но увы, скоро протекли эти счастливѣйшіе въ моей жизни четыре года. Съ большою скорбію я распростился съ любимыми профессорами, получивъ отъ отъ нихъ на память карточки и выдающіеся труды и, усердно помолвившись въ Братскомъ храмѣ предъ чудотворною иконою Божіей Матери, со слезами на глазахъ вынесъ свои пожитки изъ столь радушно пріютившаго меня зданія, грустно поѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Мѣсяца черезъ два меня назначили на должность учителя въ одно изъ училищъ Юго-Западнаго края. Быстро я собрался въ путь, надѣясь по пути еще разъ взглянуть на тотъ чудный городъ и то милое зданіе, гдѣ я испыталъ все прекрасное въ моей жизни, и съ жаромъ взялся за дѣло, хотя дѣло мое было совершенно противоположное тому, надъ которымъ я съ охотой, не щадя здоровья, трудился въ академіи цѣлый годъ, избравъ его для спеціального изученія подъ руководствомъ такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ епископъ Силивестръ, профессоръ Орнатскій, профессоръ Олесницкій... Но по привычкѣ и по бѣдности пришлось мнѣ смириться съ Богомъ данною мнѣ судьбою до тѣхъ поръ, пока жизненные обстоятельства не подавили во мнѣ возвышенное и идеальное и не сдѣлали для меня все безразличнымъ. Прежде всего старался я не быть похожимъ на многихъ своихъ учителей по училищу, но, не видя хорошихъ примѣровъ, долженъ былъ выработать изъ себя, насколько возможно, полезнаго и живого учителя,—что, однако, достигалось съ большимъ трудомъ.

Всѣ мои сослуживцы въ училищѣ оказались людьми съ высшимъ образованіемъ, но такіе же новички, какъ я. Всѣ мы были съ большими порывами, но оказались съ обрѣзанными крыльями. Каждому изъ насъ хотѣлось улетѣть въ тотъ идеальный міръ от-

¹⁾ Таковы были: епископъ Михаилъ, епископъ Силивестръ, Олесницкій А., Орнатскій, Малышевскій, Ляницкій и другіе, которые и до сихъ поръ еще украшаютъ академію.

влеченнаго мышленія, въ которомъ мы привыкли витать въ дорогой академіи, но малютки-ученики всегда охлаждали насъ своимъ непониманіемъ, происходившимъ отъ нашего неумѣнья къ нимъ приспособиться, быть для нихъ понятными.

Въ школѣ появилась другая крайность. Прежде, когда я учился въ ней, намъ почти ничего не объясняли, а теперь мы стали только объяснять и такъ объяснять, что объясненій было гораздо больше, чѣмъ въ учебникѣ, а посему ученики съ бѣльшимъ удовольствіемъ стали учиться по учебникамъ, чѣмъ пользоваться нашими объясненіями. Отсюда возникали между нами и учениками недоразумѣнія, взаимное непониманіе,—тѣ и другіе трудились, а результаты трудовъ другъ-друга не удовлетворяли. Такъ это обстоитъ и до сихъ поръ. Причина такого положенія учебнаго дѣла, какъ въ шестидесятихъ годахъ, такъ и теперь, одна и та же, а именно полная неподготовленность наша и неприспособленность къ тому дѣлу, къ которому насъ приставляли, особенно въ низшей школѣ, гдѣ не столько высшее образованіе важно, сколько практическая подготовленность къ дѣлу и умѣнье приспособиться къ дѣтскому пониманію, а этого-то и не даютъ намъ наши академіи.

Правда, въ академіяхъ до 1884 года насъ подготовляли къ преподавательству, но только въ семинаріяхъ, хотя, при этомъ, почему-то назначали насъ большею частію не на тѣ предметы, по которымъ мы подготовлялись. Въ академіяхъ до 1884 года каждый изъ насъ на четвертомъ курсѣ цѣлый годъ изучалъ свой, выбранный по вкусу, предметъ, говорилъ лекціи въ присутствіи соспеціалистовъ-товарищей и профессора, и въ концѣ года сдавалъ по этому предмету такъ называемый магистрантскій экзамень и три пробныя лекціи въ присутствіи комисіи профессоровъ-спеціалистовъ, но эта подготовка приноравливалась къ семинаріи, а не къ училищу, а въ академіяхъ съ 1884 года и этого нѣтъ.

Съ 1884 года академіи обратились въ какіе-то повторительные семинарскіе курсы. Студенты были обременены массою предметовъ и лекцій, основательно разобратъся въ которыхъ не было никакой физической возможности, а посему естественно они теряютъ тотъ идеализмъ, который въ большинствѣ случаевъ царилъ въ академіяхъ до 1884 года, и которымъ они выдѣлялись изъ ряду другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ имъ и подлежало, какъ высшей духовной школѣ.

Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, почему корень ученія горекъ. Онъ былъ горекъ въ старину, когда не было образованныхъ учителей, когда не было выработано усовершенствованныхъ приемовъ обученія, но теперь онъ горекъ, если только горекъ, то только

потому, что мы не умѣемъ, не хотимъ до сихъ поръ воспользоваться той простой истиной, что всякое дѣло своего мастера боится. Вѣдь всякій опытный хозяинъ, желающій, чтобы все въ его хозяйствѣ пошло хорошо, несомнѣнно постарается поручить всякую отрасль своего хозяйства настоящему ея мастеру. Такъ и въ учебномъ дѣлѣ. Если мы желаемъ, чтобы оно шло хорошо, то необходимо поручать его мастерамъ, специально къ тому подготовленнымъ, но у насъ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, до и о приобрѣтеніи ихъ мы и не думаемъ. Думаютъ помочь дѣлу такой или иной растасовкой учебныхъ предметовъ, такимъ или инымъ распредѣленіемъ разныхъ должностей, но не въ этомъ дѣло. Мнѣ думается, что необходимо, чтобы помочь дѣлу, во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ отводить, хотя бы по одному или два года на практическую подготовку къ тому дѣлу, къ которому заведеніе думаетъ приставить своихъ питомцевъ, конечно согласно съ ихъ наклонностями и расположеніемъ, и безъ этого, какъ мы до сихъ поръ ни садились, и какъ убѣждаетъ насъ дѣйствительность, въ музыканты не годились.

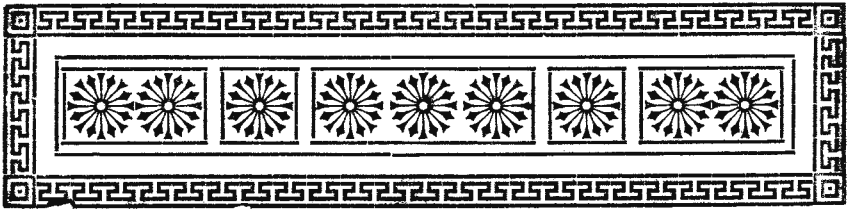
Мы вѣдь теперь сѣтуемъ, что воспитанники семинаріи не идутъ во священники, а никто до сихъ поръ не обратитъ вниманія на то, что наши воспитанники семинаріи теперь выходятъ изъ заведенія 19 лѣтъ, т. е. въ такомъ еще юномъ возрастѣ, что рѣшиться при настоящихъ условіяхъ взять на себя обязанности священника значило бы совершенно не уважать его, какъ пресвитера, требующаго гораздо болѣе жизненнаго опыта, чѣмъ отъ кандидата на всякую другую должность. Отсюда естественно заключить, что нежеланіе быть священникомъ удерживаетъ семинаристовъ отъ священства, а высокое пониманіе ими важности и отвѣтственности этого сана и глубокое уваженіе къ нему.

Если бы вотъ нашли возможнымъ при семинаріяхъ отвести хотя бы одинъ послѣдній годъ на курсъ спеціально педагогическій и церковно-практической, распредѣливъ существующіе теперь предметы послѣднихъ четырехъ классовъ на пять лѣтъ кромѣ шестого практическаго, а два низшихъ класса присоединить къ училищамъ, обративъ ихъ въ шестиклассныя, то тогда, мнѣ думается, можно бы надѣяться, что семинаристы, окончивъ курсъ около 22 лѣтъ, почувствовали бы себя болѣе пригодными къ занятію отвѣтственнаго званія пресвитера и учителя, а также и кандидаты академій, побывши одинъ годъ, хотя бы, на практикѣ подъ руководствомъ опытныхъ училищныхъ и семинарскихъ наставниковъ, болѣе смѣло, твердо и цѣлесообразно брались бы за дѣло учительства, чувствуя себя значительно подготовленными къ нему.

Вообще же желательно было бы при этомъ, чтобы образованіе и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ поставлено было такъ, что бы оно касалось всѣхъ сторонъ человѣческаго существа: ума, сердца и воли, и всѣ эти способности, а равно и физическое здоровье дѣтей развивалось равномѣрно, чтобы наставники настолько были знакомы съ своимъ матеріаломъ, что умѣли бы, какъ опытные портные, пользоваться имъ цѣлесообразно, съ наименьшею затратою и времени и силъ какъ своихъ, такъ и дѣтскихъ, и чтобы дѣти выходили изъ ихъ рукъ не „однобокими“, какъ говоритъ профессоръ Сикорскій, а цѣльными людьми, способными разсуждать всесторонне, разумно, серьезно, правильно и вполне практично.

Старый педагогъ П. Н. С.

Воспоминанія бывшего штурманскаго офицера.

Покойная мать моя, по окончаніи курса наукъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ, уѣхала въ Литву, гувернанткой, въ польское семейство. Она была круглая сирота, по отцу нѣмка.

Хотя фамилія моя русская, но нѣмецкое происхожденіе мое было замѣчено адмираломъ Епанчинымъ, когда я служилъ на стопушечномъ кораблѣ „Россия“. Видя меня на вахтѣ, стоящимъ со сложенными въ карманъ руками, адмиралъ удивился, узнавъ, что я русскій. „Ну, совершенный Карлъ Карловичъ“, — сказалъ адмиралъ.

Мать моя сохранила хорошія воспоминанія объ институтской жизни и съ особенною любовью вспоминала про Императрицу Марію Ѳеодоровну. До сихъ поръ у меня сохранился портретъ Императрицы, рисованный моимъ отцомъ. Покойная Государыня часто посѣщала институтъ, любовалась на балеты, исполняемые воспитанницами, и однажды сказала: „не очень занимайте ихъ танцами, вѣдь вы не балеринъ изъ нихъ готовите“.— Отецъ мой воспитывался въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ существовалъ суровый режимъ. Каждый преподаватель имѣлъ право сѣчь учениковъ. Однажды произошелъ курьезъ: священникъ, самый строгій преподаватель, высѣкъ ученика за лѣность. Когда наказанный мальчикъ доказалъ знаніе своего урока, тогда священникъ сознался въ своей ошибкѣ и сказалъ, что сдѣланная имъ несправедливость будетъ учтена впередъ. Мальчикъ, отходя отъ учительскаго стола, улыбнулся. Свя-

ценникъ, замѣтивъ улыбку, быстро ему сказалъ: „квитъ“.—Въ то время воспитанники старшихъ классовъ пили потихоньку водку. Мой отецъ обладалъ большою силою и красивою наружностью. Великій князь Михайлъ Павловичъ, посѣтивъ какъ-то институтъ, обратилъ на него свое вниманіе и спросилъ: „хочешь служить въ солдатахъ“?. Отвѣтъ послѣдовалъ, конечно, отрицательный. Покойный князь очень любилъ военное дѣло; обращалъ вниманіе на красивую солдатскую стойку и, при стрѣльбѣ въ цѣль, отдавалъ предпочтеніе тѣмъ рядовымъ, которые прямо себя держали, предъ другими, мѣтко стрѣляющими, но сгибающими свой станъ.

Покойная моя мать прожила въ Литвѣ пять лѣтъ и уѣхала оттуда послѣ польскаго возстанія 1831 года. Помѣщикъ, у котораго она жила, держалъ сторону русскихъ, а потому принужденъ былъ скрываться въ лѣсу, переодѣвшись мужикомъ. Когда приходило въ имѣніе войско польское, или русское, тогда встрѣчать незваныхъ гостей должна была гувернантка, т. е. моя мать. Воины иногда рубили портреты, стрѣляли въ стѣны. Однажды, при домовомъ обыскѣ, нашли у моей матери бритву и спросили, для чего держится подобное оружіе. Та отвѣтила: „срѣзать мозоли съ ногъ“. Былъ такой случай: „однажды утромъ“—разсказывала моя мать,—„кто-то меня разбудилъ. Я не могла сразу разсмотрѣть, кто это, потому что глаза слиплись отъ сыворотки, которою я намазала съ вечера свое лицо для устраненія загара. Каковъ былъ мой испугъ, когда я увидала предъ собою мужчину, въ военной формѣ. Оказалось, однако, что это была графиня Плятеръ, пріобрѣтшая громкую извѣстность своимъ участіемъ въ возстаніи. Графиня сказала, что русскіе узнали о ея военномъ костюмѣ и ей необходимо теперь же одѣть женское платье, поэтому просила дать ей нужную одежду. Моя покойная мать исполнила эту просьбу и нѣсколько дней спустя получила обратно свою одежду, при письмѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ. Мать моя долго хранила это письмо, и я, будучи мальчикомъ, видѣла эту записку. Какъ извѣстно, графиня Плятеръ была взята въ плѣнъ и казнена. Тогда въ Парижѣ носили шляпы à la Plater въ честь этой отважной дѣвушки, а поэтъ Мицкевичъ восгѣлъ ея отвагу.

Помѣщики въ Литвѣ жили въ то время очень богато. Посѣщать городъ Вильну имъ не было интересно: все нужное было дома. „Бывало, говорила моя покойная мать, спрашиваетъ меня лакей, что я буду пить утромъ,—чай или кофе. Я отъ всего отказывалась, шла въ садъ и ѣла тамъ фрукты“. Иногда, разсказывая про жизнь въ Литвѣ, мать моя вспоминала польскія пѣсни времени возстанія. Вотъ что она напѣвала подъ звуки фортепіано:

Чиновники всѣхъ классъ
 Утекли ужъ отъ насъ,
 Утекъ и русскій понъ.
 Гошъ, гошъ, гошъ.

Или подъ тактъ мазурки:

Не хватца польска коса
 Имъ врагамъ утремъ носа
 Гей, братья, въ имя Боже,
 Богъ, да намъ поможе.

Эти слова я передаю въ искаженной формѣ, какими они у меня остались въ дѣтской головѣ.

Одно время обязанность моей покойной матери состояла въ переводѣ поварской книги съ нѣмецкаго языка на польскій и въ объясненіи повару, какъ надо приготовить извѣстное блюдо. У меня сохранилась въ памяти фамилія только одного семейства, гдѣ жила моя покойная мать, это графъ Марекони.

Съ выходомъ замужъ, покойная мать моя убѣдилась, что жалованье моего отца маленькое. Поэтому она открыла въ Коломенской части города Петербурга школу для дѣтей обоого пола и содержала таковую больше 20 лѣтъ. Въ этой школѣ учился и я. Въ то время школъ въ столицѣ было очень мало; кажется, въ Коломнѣ было всего 2. Плата за ученіе была очень небольшая: 2—3 рубля въ мѣсяць. Множество купеческихъ дѣтей оканчивало ученіе въ школѣ и шло торговать. Иногда мать моя держала пенсіонеровъ. Помню я двухъ: Гангесова изъ Астрахани и Лютинскаго изъ Вильны. Послѣдняго привезъ отецъ и, заплативъ деньги за полгода, скрылся. Что-то около года мать моя возилась съ мальчикомъ, не зная, куда его дѣтъ. Наконецъ, догадалась пойти въ костель на Невскомъ проспектѣ и просить ксендзовъ взять мальчика, грозя въ противномъ случаѣ перекрестить мальчика въ русскую вѣру. Угроза подействовала и мальчика взяли. Самъ дворянинъ Лютинскій былъ вдовецъ, желалъ вступить въ бракъ вторично и готовъ былъ жениться „хоть на козѣ, лишь бы были деньги“.

Въ дѣтскомъ возрастѣ я слышалъ разсказъ о строгости Императора Николая. Однажды, въ началѣ лѣта, Императоръ обратился къ какому-то придворному служащему съ вопросомъ: созрѣли ли вишни. Спрошенный отвѣчалъ, что уже есть зрѣлыя, и что онъ завтра ихъ пришлетъ. На другой день была собрана тарелка ягодъ и послана къ Императору съ садовникомъ. Этотъ послѣдній, неся тарелку, внимательно разсматривалъ ягоды и выбрасывалъ сомнительной зрѣлости. Такъ какъ онъ повыбрасывалъ много, то на та-

релкѣ осталось ягодъ мало, и садовникъ не рѣшился поднести ихъ Императору. На другой день, вчерашній придворный, разговаривая съ Императоромъ, спросилъ: понравились ли ему вишни. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ вишенъ онъ не получалъ.—„Да я самъ ихъ послалъ къ Вашему Величеству съ садовникомъ“.—„Отдать его въ солдаты“,—была резолюція Императора.

Первую морскую кампанію я дѣлалъ въ 1853 году на трехдечномъ стопушечномъ кораблѣ „Россія“, гдѣ держалъ свой флагъ вице-адмиралъ Епанчинъ. Дивизія наша плавала по Финскому заливу и Балтійскому морю. Объ этомъ времени сохранились куплеты: „Нынче рѣдкій адмиралъ дальше Готланда бывалъ“. Мы, кадеты, пользовались офицерскимъ столомъ. Когда свѣжая провизія выходила, тогда обѣдъ состоялъ изъ одинаковыхъ трехъ блюдъ: горохъ, солонина и крутая каша. На слѣдующій годъ я служилъ на 84-хъ пушечномъ кораблѣ „Великій Князь Михаилъ“. Тогда уже была война, и Кронштадтъ находился въ блокадѣ отъ англо-французскаго флота, которымъ командовалъ адмиралъ Неширь. Балтійскій нашъ боевой флотъ былъ парусный, а потому стоялъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, не смѣя выходить въ море, гдѣ были грозныя винтовыя непріятельскія суда. Каждый вечеръ, на корабляхъ, стоящихъ на маломъ рейдѣ, играла музыка. Одновременный спускъ флага со всѣхъ судовъ представлялъ оживленную картину. Въ слѣдующемъ 1855 г., когда непріятельскій флотъ находился подъ командою адмирала Дондоса, русскій флотъ уже не вооружался, а для обороны береговъ выстроены были гребныя канонерскія лодки, на которыхъ находились ополченцы. Въ то время былъ выстроенъ первый винтовой корабль въ Россіи, называемый „Выборгъ“, на которомъ я служилъ. Этотъ корабль стоялъ все время въ гавани. Тогда же появились у насъ винтовыя канонерскія лодки, которыя были присоединены къ гвардейскому экипажу. Во время осмотра Кронштадта Государемъ эти лодки, числомъ шесть, сдѣлали вылазку на большой Кронштадтскій рейдъ. Навстрѣчу имъ отдѣлился фрегатъ отъ непріятельскаго флота. Съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Наши винтовыя лодки повернули назадъ и направились къ Ораніенскому берегу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Въ это время, не помню въ которомъ именно году, произошло приключеніе съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Онъ завелъ себѣ новый катеръ съ какимъ-то большимъ парусомъ. На этомъ катерѣ Князь сталъ кататься съ адъютантами на восточномъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Вѣтеръ былъ западный. Когда шлюпка вышла на малый рейдъ, на открытое мѣсто, тогда порывомъ вѣтра ее опрокинуло, и всѣ очутились въ водѣ. Къ счастью, шлюпку сопровождалъ катеръ гвардей-

скаго экипажа. Этотъ катеръ и спасъ тонувшихъ людей, за исключеніемъ одного адъютанта князя Евгенія Голицына, котораго спасти не успѣли... Кажется, на новомъ катерѣ Великій Князь больше не катался. Утонувшій князь Голицынъ извѣстенъ изданіемъ книги: „Руководство къ практической навигаціи и мореходной астрономіи“. Эта книга, содержащая прекрасныя таблицы, была издана роскошно, и была посвящена русскому флоту. Воспитанники Штурманскаго училища получили это изданіе въ подарокъ. Книгу эту я сохранилъ у себя до сихъ поръ, хотя изъ морского вѣдомства давно уже вышелъ.

Великій Князь, повидимому, сознавалъ хорошо, какъ штурманскіе офицеры отлично знаютъ навигацію и мореходную астрономію. „Скажи“, обратился однажды Великій Князь къ штурманскому кадету, — „что ты лучше знаешь, компасъ, или Отче Нашъ“. — Тотъ отвѣчалъ: „Отче Нашъ“ — „Читай компасъ“ — сказалъ Великій Князь. Мальчикъ началъ перечислять румбы компаса: n, nto, nno, notn... — Читай наоборотъ сказалъ Князь. Мальчикъ началъ: n, ntw, nnw, nwtп... — „Довольно“, — сказалъ Князь. — „Читай Отче Нашъ“. Кадетъ началъ читать. Послушавъ часть молитвы, Князь остановилъ кадета и сказалъ: „читай наоборотъ“. Разумѣется, мальчикъ не могъ читать. — „Ну, вотъ видишь“, — сказалъ Князь, — „ты компасъ знаешь лучше, чѣмъ Отче Нашъ“.

Въ 1856 году я служилъ на пароходѣ фрегатъ „Рюрикъ“, на которомъ часто жилъ Великій Князь, генералъ-адмиралъ. Въ это время получилъ извѣстность вице-адмиралъ Шанцъ, шведъ или финляндецъ, по происхожденію. Онъ былъ большой оригиналь. Однажды офицеръ, идя подъ парусами на катерѣ, худо присталъ къ флагманскому кораблю, на глазахъ адмирала. Шанцъ сдѣлалъ выговоръ офицеру въ такихъ выраженіяхъ: „Это удивительно, мичманъ, а пристать не умѣете, надо азбуку учить. Моя Опеида (дочь адмирала) пристала бы лучше“. — На Свеаборгскомъ рейдѣ шлюпка, посланная утромъ въ Гельсингфорсъ за провизією съ поваромъ, опрокинулась, и человекъ утонулъ. Адмиралъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ шлюпки, отправляемыя на берегъ, ходили подъ парусами, дабы люди научились лучше управлять судами. Про Шанца рассказываютъ, что, будучи на купеческомъ суднѣ, онъ спросилъ хозяина, сколько тотъ положить ему жалованья, если онъ поступитъ къ нему на службу шкиперомъ. — „А ты полѣзешь на рею брать рифы“? — спросилъ хозяинъ. — „А ты почему знаешь, что я не полѣзу“, — возразилъ адмиралъ. Другой случай. Финляндское правительство было обязано стронть въ извѣстные годы военное судно для русскаго флота. Приступая къ составленію проекта судна, сочли нужнымъ

пригласить Шанца участвовать въ этомъ трудѣ. Опредѣлили жалованье адмиралу Шанцу что-то 100 руб. въ мѣсяць. Адмираль согласился и затѣмъ сказалъ: „значить, съ сегодняшняго дня начинается отпускъ мнѣ этого жалованья“.—Ему возражали, что еще дѣло не начато.—„Ничего“, отвѣчалъ адмираль,—„но я началъ думать“.

Когда я служилъ на флотѣ, тогда ходилъ слѣдующій рассказъ о строгости Императора Николая I. Былъ Высочайшій смотръ въ Кронштадтѣ; дѣлалось парусное ученье. На одномъ кораблѣ, во время постановки парусовъ, матросы производили большой шумъ. Это замѣтилъ Императоръ, разсердился и приказалъ капитану корабля идти на марсъ. Приказъ былъ исполненъ, и капитанъ влѣзъ на марсъ. Высочайшій смотръ былъ оконченъ, Императоръ уѣхалъ въ Петергофъ, а провинившійся капитанъ остался на марсѣ. Но въ скоромъ времени пришелъ изъ Петергофа пароходъ и привезъ приказаніе Императора спустить капитана съ марса. Войдя къ себѣ въ каюту, капитанъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы.

Не всегда однако воля Императора карала виновныхъ. Былъ смотритель какой-то больницы, сильно нажившійся. Въ то время не было разныхъ банковъ и коммерческихъ предпріятій, не находилось въ обращеніи множества акцій и облигацій, какъ въ наше время; поэтому человекъ, пріобрѣтавшій избытокъ денегъ, обращалъ ихъ на пріобрѣтеніе недвижимой собственности. Такое имущество трудно было скрыть отъ любопытныхъ; вслѣдствіе этого, богатство, пріобрѣтенное смотрителемъ, было всемъ извѣстно. Дошла вѣсть о разбогатѣвшемъ смотрителѣ до Императора. Государь приказалъ узнать: откуда у смотрителя явилось состояніе. Тотъ отвѣчалъ, что это состояніе принадлежитъ его женѣ, а не ему. Императоръ приказалъ спросить жену. Эта женщина, будучи не робкаго десятка, отвѣчала такъ:—„Скажите Государю, что отчетъ въ пріобрѣтеніи мною состоянія я дамъ Богу, а не ему“—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ 1856 году на Балтійскомъ флотѣ было уже много паровыхъ винтовыхъ канонерскихъ лодокъ для защиты Кронштадта. Генераль-Адмираль Великій Князь Константинъ Николаевичъ, будучи либеральнаго образа мыслей, далъ такія названія новымъ канонерскимъ лодкамъ: Вѣдьма, Лѣшій, Русалка и т. п. Командиръ одной лодки пригласилъ священника отслужить молебень о благополучномъ плаваніи своей лодки. Узнавъ названіе лодки, священникъ наотрѣзъ отказался. Возникъ вопросъ: какъ тутъ поступить. Рѣшено было названіе лодки не упоминать въ молитвѣ, а говорить фамилію командира лодки. Свободный образъ мыслей Великаго Князя высказался и въ другомъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ позже. Въ шестидесятихъ годахъ было въ Петербургѣ засѣданіе какой-то важной

комиссіи съ участіемъ членовъ Святѣйшаго Синода. На этомъ засѣданіи Константинъ Николаевичъ предложилъ ввести въ Россіи свободное вѣроисповѣданіе. На это предложеніе одинъ изъ епископовъ сказалъ: „если подобный законъ будетъ принятъ, то ты, Князь, не будешь ни благочестивѣйшимъ, ни благовѣрнымъ“. Предложеніе Князя было отвергнуто.

Въ первомъ Штурманскомъ полуэкипажѣ, гдѣ я воспитывался, существовалъ въ Николаевское время суровый порядокъ жизни. Вставали кадеты въ 5 час. утра; въ 7 часовъ уже начиналось классное ученіе и продолжалось до 11 часовъ. Послѣ классныхъ занятій, были строевыя занятія; въ часть дня обѣдъ; отъ 3 до 6 час. опять классныя занятія; въ 8 час. ужинъ; въ 9 час. перекличка, затѣмъ молитва, и кадеты ложились спать. Каждый день по 4 урока въ классахъ; преподаватели были большею частью штурманскіе офицеры. Въ лѣтнее время строевое ученіе шло на дворѣ: тутъ была маршировка тихимъ шагомъ, который предварительно изучался въ 3 приѣма. У насъ были въ употребленіи пистонныя ружья, но оставались еще и старыя, кремневыя. Не знаю, можно ли было стрѣлять изъ тѣхъ и другихъ. Патроновъ у насъ вовсе не было. Штурманскій полуэкипажъ составлялъ въ строевомъ отношеніи баталіонъ, но на царскомъ смотрѣ нашего баталіона никогда не было, хотя Императоръ Николай пріѣзжалъ ежегодно зимою въ Кронштадтъ. Обыкновенно Императоръ дѣлалъ смотръ флотскому баталіону въ манежѣ. Для сего смотра съ ранней осени выдѣлялся изъ разныхъ флотскихъ экипажей особый баталіонъ, который всю осень и зиму обучался исключительно фронтному ученію, для предстоящаго царскаго смотра. Подобныя усиленныя упражненія скрывались отъ Государя, и ему докладывали, что на смотрѣ очередной флотскій баталіонъ.

Въ ротныхъ помѣщеніяхъ у насъ соблюдалась большая чистота. Паркетные полы часто натирались воскомъ; кровати были покрыты бѣлыми шерстяными одѣялами и двумя простынями. Я сохранилъ объ этихъ одѣялахъ хорошее воспоминаніе; ихъ часто мыли, и они всегда были бѣлы. Будучи за границей, въ Марсели, я купилъ себѣ подобное одѣяло и привезъ домой, въ Петербургъ. Всѣ были въ восхищеніи отъ этой покупки: бѣлое, блестящее покрывало было очень красиво. Но когда одѣяло загрязнилось и его вымыли, то вся шерсть слѣзла, и получилась вещь, нигуда негодная, которую пришлось бросить. Вотъ и французское издѣліе!

Кормили кадетъ три раза въ день. Утромъ давали полубѣлую булку безъ всего; на обѣдъ было три блюда, а на ужинъ два. Чай намъ давали три или четыре раза въ годъ. Освѣщались ротныя

помѣщенія масляными лампами, а ночью сальными свѣчами, по одной на 2 комнаты. Эти свѣчи опускались въ высокіе мѣдные шандалы, наполненные водою; такъ что опасность пожара была вполне устранена. Ночью, въ комнатахъ былъ пріятный полумракъ, который, я полагаю, лучше нынѣшнихъ ночныхъ лампъ. Въ классахъ у насъ было освѣщеніе сальными свѣчами по одной свѣчѣ на три человѣка. Въ корпусѣ у насъ преподавалъ Законъ Божій священникъ, совсѣмъ необразованный. Весь курсъ закона Божьяго состоялъ въ ученіи наизусть краткаго катехизиса (начатки христіанскаго ученія) и пространнаго катехизиса. Преподаватель нашъ не зналъ, гдѣ находился рай, въ которомъ жили Адамъ и Ева. Подобное невѣжество было извѣстно кадетамъ, и тѣ спрашивали: „батюшка, гдѣ находился рай“. Отвѣтъ получался такой:—„Тамъ, въ теплыхъ странахъ“.—Года черезъ три или четыре, послѣ моего поступленія въ корпусъ, къ намъ прислали новаго священника, магистра, а прежняго освободили. Новый преподаватель расширилъ программу преподаванія, проходилъ богослуженіе, говорилъ проповѣди и пр. Этотъ священникъ былъ любозпательный человѣкъ и даже заходилъ къ намъ въ астрономическую обсерваторію и смотрѣлъ на небесныя свѣтила.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, начавшіяся государственныя реформы коснулись и нашего заведенія. Къ намъ пріѣзжали изъ Петербурга двѣ комиссіи: одна отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, другая отъ военнаго вѣдомства: въ послѣдней было 2 члена штатскихъ, изъ коихъ одинъ былъ извѣстный математикъ, академикъ Остроградскій. Это былъ мужчина высокаго роста, толстый. Учитель Харинъ вызвалъ меня къ доскѣ рѣшать какую-то задачу въ присутствіи академика. Я рѣшилъ задачу хорошо, тогда Остроградскій задалъ мнѣ устную задачу, которую я рѣшить не могъ, тогда какъ товарищи, сидящіе на мѣстахъ, повидимому, рѣшили вопросъ легко. Послѣ того, Остроградскій сказалъ преподавателю: „задайте ему задачу потруднѣе“,—и вскорѣ вышелъ изъ нашего класса. Этотъ ученый, будучи, по происхожденію, малороссомъ, отзывался нехорошо про эту націю. „Малороссы вообще хитры и тупоумны“,—вотъ слова Остроградскаго.

Перемены въ нашемъ корпусѣ, съ новымъ царствованіемъ, были большія. Ночной сонъ нашъ продлился на цѣлый часъ. Прежде вставали въ 5 час., теперь начали вставать въ 6 часовъ. Классныя занятія сократились на часъ: прежде занятія начинались въ 7 час., теперь въ 8 часовъ. Припоминаю курьезный случай. Пришелъ къ намъ въ классъ преподаватель геометріи, человѣкъ не первой молодости.—„Вотъ“,—говорилъ онъ, „и получено распоряженіе о началѣ

классныхъ занятій въ 8 часова утра, вмѣсто 7, а начальство не приводитъ въ исполненіе этого распоряженія. А если бы приказали начинать классы въ 6 часовъ утра, то на другой же день было бы объявлено.—По утрамъ намъ стали давать сбитень съ булкой, тогда какъ прежде давали одну булку. Послѣдовало улучшеніе въ одеждѣ. У кадетъ было три или четыре смѣны мундировъ, ежедневно носили самую дурную, старую одежду. Поступавшимъ въ корпусъ мальчикамъ-новичкамъ доставалась самая дурная одежда. Я помню, что, при поступленіи моемъ въ корпусъ, мнѣ дали мундиръ съ 16-тью заплатами. При новомъ царствованіи, самая низшая смѣна одежды была изъята изъ употребленія, и мы стали ежедневно носить мундиры лучшаго сорта. Вскорѣ состоялась перемѣна фѳормы: вмѣсто однопортныхъ куртокъ, дали двухпортные кафтаны; красные суконные погоны были замѣнены бархатными съ краснымъ кантомъ. Было отмѣнено ученіе тихимъ шагомъ, въ три приѣма. Была введена гимнастика. Нашъ корпусъ получилъ названіе училища,

Преподавателемъ русской грамматики и русской словесности былъ у насъ Охотинъ, воспитанникъ духовной академіи. Онъ напечаталъ для насъ учебникъ русской словесности. Охотинъ рассказывалъ, что въ бытность его въ академіи, студенты начали переводить библію на русскій языкъ, конечно, тайкомъ. Однако начальство узнало объ этой преступной дѣятельности и отобрало всѣ написанные листы библіи. Было ли подвергнуто наказанію студенчество, не знаю; но помню, что Охотинъ рассказывалъ, какъ они, студенты, присягали въ томъ, что ни одного листа перевода библіи у нихъ не оставалось спрятаннымъ.

Въ послѣдніе годы Штурманскаго училища кадеты распредѣлялись на лѣтнее плаваніе по военнымъ судамъ Балтійскаго флота, гдѣ упражнялись въ навигаціи и мореходной астрономіи. Кадеты, помогая штурманскимъ офицерамъ, вели шканечный журналъ, дѣлали астрономическія наблюденія, вели исчисленія пути корабля, наблюдали за движеніемъ судовъ на рейдѣ и пр. Корпусная молодежь вообще съ охотою шла „въ кампанію“, такъ какъ жила она въ обществѣ офицеровъ и освобождалась отъ надзора корпуснаго начальства. А въ прежніе годы для плаванія штурманскихъ кадетъ назначалось особое парусное судно, носившее названіе „Нептунъ“. У меня сохранилась въ памяти та пѣсня, въ которой кадеты выражали свою морскую удачу. Вотъ она:

Вѣтеръ свистеть, валъ крутится,

Море пѣною кипитъ,

Громъ грохочетъ, небо злится,

По волнамъ „Нептунъ“ летитъ.

Но мы бури не боимся,
 Къ морю намъ не привыкать,
 Пусть бушуетъ, не страшимся,
 Штурманамъ не унывать.

Съ юныхъ лѣтъ знакомы съ моремъ,
 Нѣту трусовъ между насъ,
 Съ неудачею и съ горемъ,
 Мы поборемся не разъ.

Родители мои жили въ Петербургѣ, въ Коломнѣ. Одно время они нанимали квартиру въ домѣ богатаго купца. Какъ соблюдалась экономія у этого человѣка, видно было по маленькой тетраdochкѣ, въ которую записывалась ежемѣсячная плата квартирантовыхъ денегъ,—первый листъ этой тетради представлялъ кусокъ стѣнныхъ обоевъ. Однажды покойная моя мать пошла къ хозяину дома, утромъ, по какому-то дѣлу. Представьте ея удивленіе, когда она увидала хозяйку дома, жену богатаго обывателя,—стирающею грязное бѣлье. Пораженная такою неожиданныю картиною, моя покойная мать спросила купчиху, что ее заставило заняться такимъ дѣломъ. „Отъ нечего дѣлать, матушка, ради прогнанія скуки“,—былъ отвѣтъ купчихи.

Я помню холеру 1848 года въ Петербургѣ. Мы жили въ то время на Грязной улицѣ, нынѣ Могилевской. По этой улицѣ шла дорога черезъ Цѣпной мостъ на Митрофаніевское кладбище. Въ обыкновенное время, до холеры, погребальныя процессіи рѣдко двигались по этой улицѣ. Примѣрно, разъ въ недѣлю. Теперь же, каждый день провозили покойниковъ и по нѣсколько разъ. Эти погребальныя шествія производили тяжелое впечатлѣніе на обитателей улицы. Дроги обыкновенно шли безъ священника, потому, что духовенство, изъ боязни заразы, отказывалось отпѣвать и хоронить покойниковъ. Одна купчиха, жившая противъ насъ, по другую сторону улицы, заболѣла отъ страха и умерла. Я помню огромное количество мелкихъ насѣкомыхъ зеленого цвѣта, носившихся въ то время въ воздухѣ. У насъ была при домѣ стеклянная галлерей, выходившая на дворъ, гдѣ я постоянно ловилъ и давилъ этихъ насѣкомыхъ. Никогда больше я не встрѣчалъ такого количества подобныхъ крылатыхъ тварей.

Въ томъ же году я былъ боленъ воспаленіемъ въ мозгу и долго пролежалъ въ постели. Вѣроятно, болѣзнь произошла отъ сильнаго ушиба головы, когда я упалъ съ качающейся лошади и ударился головою о полъ. Во время болѣзни меня беспокоили разныя видѣнія, отъ которыхъ я никакъ не могъ избавиться. Они были и днемъ, и

ночью. Я хорошо сознавалъ нелѣпость представляющихся картинъ, въ которыхъ иногда самъ бывалъ участникомъ. Чтобы избавиться отъ видѣній, я читалъ молитвы, закрывалъ глаза, но все было напрасно: видѣнія не исчезали. Они такъ сильно врѣзались въ мою память, что я ихъ помню до сихъ поръ, хотя прошло уже 60 лѣтъ. Другое замѣчательное обстоятельство,—это временное мое отвращеніе отъ родителей. Сперва я не переносилъ присутствія моего отца, а потомъ и матери. Едва только они подходили къ дверямъ комнаты, какъ я начиналъ кричать. Такъ продолжалось дня по два или по три. Затѣмъ, все пришло въ порядокъ, и я съ любовью пѣловалъ отца и мать.

Въ 1858 г. пароходъ фрегатъ „Рюрикъ“ отправился изъ Кронштадта въ Средиземное море въ годичное плаваніе. На этотъ пароходъ было назначено 2 кадета изъ Штурманскаго училища, въ томъ числѣ былъ и я. Для моряковъ это плаваніе представляло большой интересъ, такъ какъ предстояла возможность познакомиться съ заграничною жизнью и увидать прекрасное небо Италіи. Особенно обрадованы были мы, кадеты, коихъ было на пароходѣ 8 человекъ. Мы получали 56 руб. золотомъ въ мѣсяцъ на столъ, изъ коихъ 20 руб. выдавалось въ каютъ-компанію, а 36 руб. мы получали на руки, въ наше распоряженіе. Денегъ на пароходѣ тратить было некуда, а потому мы имѣли средства завести штатское платье, дѣлать разныя покупки и пользоваться береговыми развлеченіями. Первый штормъ мы встрѣтили въ Балтійскомъ морѣ и первый валъ, вкатившійся на пароходъ, надѣлалъ много намъ хлопотъ, потому что вода влилась черезъ люки въ каютъ-компанію и на кубрикъ. Въ Англійскомъ каналѣ мы нашли много судовъ, а одинъ ботикъ надѣлалъ намъ тревогу; ночью, передъ самымъ носомъ, показался огонь, а до того шель безъ огня. Раздалась команда:—„право на бортъ“,—„лѣво на бортъ“—и, благодаря Богу, разошлись благополучно. У насъ былъ взятъ лоцманъ англичанинъ, представлявшій оригинальную фигуру: онъ все время жевалъ табакъ, отплевывался и выговаривалъ румбы компаса какимъ-то хрюканьемъ. Лоцманамъ платили большія деньги. За проводъ судна, около берега Англии, на разстояніи 10 миль лоцману даютъ 30 фунтовъ стерлинговъ. По дорогѣ въ Англійскій каналъ, мы заходили въ порты Киль и Готебергъ; обогнали на пути фрегатъ „Громобой“ и 21 октября пришли въ Врестъ, гдѣ пробыли 4 дня. Тутъ мы осматривали портъ, гавань и арсеналъ. Намъ показали, какъ паровой молотъ въ 150 пудовъ вѣсомъ расколотъ грецкіи орѣхъ, доказательство искуснаго управленія молотомъ. Въ арсеналѣ намъ очень понравились колонны, пирамиды, цвѣты, букеты, сдѣланные

изъ сабель, ружей, пистолетовъ, палашей съ большимъ изяществомъ. При входѣ находится орелъ, метущій стрѣлы съ надписью: Аустерлицъ; вся эта фигура сдѣлана изъ сабель. Не помню, въ какомъ-то изъ городовъ я, дѣлая покупки, торговался въ цѣнѣ. Купецъ, видя предъ собою русскаго, сказалъ мнѣ: „у васъ 20 миллионъ рабовъ, а вы торгуетесь изъ-за 2-хъ франковъ“. Тутъ я впервые услыхалъ, что крѣпостныхъ нашихъ мужиковъ приравниваютъ къ рабамъ. Въ Брестѣ мы видѣли самый большой военный корабль французскаго флота, который не посылаютъ въ море, потому что онъ имѣетъ большой кренъ, а ходить прекрасно. Очевидно, это ошибочное созданіе французскихъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 4 докахъ работало тогда 1.000 арестантовъ, ежедневная работа коихъ начинается въ 6 час. утра и продолжается до 6 час. вечера; полчаса удѣляется на обѣдъ.

Изъ Бреста мы перешли въ Лиссабонъ. По дорогѣ, въ Бискайскомъ заливѣ и у береговъ Пиренейскаго полуострова, мы выдержали въ теченіе 3 сутокъ большой штормъ: ревелъ южный вѣтеръ, пароходъ страшно качало; волны безпрестанно вкатывались на палубу и даже на мостикъ чрезъ кожуховые борта; кренъ доходилъ до 35 градусовъ. Въ Лиссабонѣ мы должны были выдержать двухдневный карантинъ, такъ какъ жители были напуганы желтою лихорадкою, занесенною сюда въ прошломъ году, въ первый разъ. На первыхъ дняхъ съ нашими офицерами произошло приключеніе: небольшая компанія поѣхала въ городъ, въ театръ. Вечеромъ за уѣхавшими былъ посланъ съ парохода катеръ. Къ ночи заревелъ штормъ, посланный катеръ не могъ держаться у пристани и возвратился назадъ. Выйдя изъ театра, офицеры наши долго искали катеръ, промокли на дождѣ и вынуждены были ночевать въ городѣ. На утро они наняли вольную шлюпку и заплатили болѣе 6 рублей, за переѣздъ къ пароходу на разстояніе меньше версты. На здѣшнемъ рейдѣ безпрестанно измѣняется направленіе теченія воды, вслѣдствіе прилива и отлива, скорость которыхъ доходила до 5 миль въ часъ. Сверхъ того, впадающая въ море рѣка весьма неправильно дѣйствуетъ на воды рейда.

8 ноября нашъ посланникъ дѣлалъ балъ для русскихъ офицеровъ; на этотъ балъ капитанъ взялъ двухъ гардемаринъ и меня. Число гостей было большое и очень разнообразное; танцы шли безпрерывно до 3 часовъ; въ мазуркѣ наши офицеры затмили прочихъ кавалеровъ своимъ искусствомъ. Меня удивило, что деревянный полъ въ залѣ былъ бѣлый, некрашенный. На Лиссабонскомъ рейдѣ мы простояли дольше предполагаемаго вслѣдствіе полученнаго поврежденія: ночью, нашъ пароходъ подрейфовало и натолк-

нуло на барку. Пришлось чиниться. Затѣмъ, задулъ свѣжій вѣтеръ, и пришлось отложить выходъ въ море до 16 ноября. Былъ я въ театрѣ и не видалъ на сценѣ красивыхъ женщинъ: ни въ оперѣ, ни въ балетѣ. Русскій консулъ въ Лиссабонѣ, плутоватый человекъ, содралъ съ капитана громадную сумму денегъ за небольшія починки парохода. Затѣмъ, намъ понадобился курительный табакъ для матросовъ, и консулъ доставилъ этотъ продуктъ, когда спросили цѣну, то оказалось 3 рубля за фунтъ. Капитанъ пришелъ въ ужасъ отъ дороговизны. Въ Кронштадтѣ простой табакъ стоилъ 10 коп. фунтъ. Предложили консулу взять назадъ привезенный табакъ, но онъ отказался, ссылаясь на таможенные правила, по которымъ запрещенъ ввозъ табаку. Однако, капитанъ настоялъ на своемъ, и табакъ былъ взятъ обратно. Захотѣли мы размѣнять русское золото на французское, консулъ выразилъ согласіе сдѣлать размѣн и сказалъ:—соберите побольше, я вамъ заплачу по 18½ франковъ за полуимперіаль. Мы, конечно, не согласились на подобное предложеніе, потому, что вездѣ намъ платили за русскій полуимперіаль 20 франковъ. Вотъ какъ русскій консулъ заботился о нашихъ интересахъ! Здѣсь кстати упомянуть о португальской мелкой монетѣ рейсъ. Въ то время нашъ рубль стоилъ 650 рейсовъ. Все счеты идутъ на рейсы: бутылка вина 1.440 рейсовъ; обѣдъ 12.000 рейсовъ и т. д.

Гибралтарскій проливъ, имѣющій ширины около 10 миль, мы проходили днемъ и направили курсъ на Малагу. Были уже близко къ цѣли, какъ пошелъ дождь и сдѣлалось пасмурно. При такихъ условіяхъ пельзя было входить въ незнакомый портъ, и капитанъ рѣшилъ продержаться ночь въ морѣ. А тутъ заревѣлъ западный вѣтеръ изъ Гибралтара, поднялась буря; валы ходили черезъ верхнюю палубу, кренъ доходилъ до 25° градусовъ, пароходъ несло бокомъ; руль дѣйствовалъ очень слабо. Смѣнившись въ полночь съ вахты, я однако не могъ уснуть отъ качки, хотя былъ очень утомленъ. Къ утру стихло; пошли снова въ Малагу. Подошли къ берегу; идемъ, идемъ и все нѣтъ порта. Не помогъ намъ и лоцманъ, взятый изъ Англій. Испанскій берегъ высокій, однообразный, отличительныхъ знаковъ никакихъ нѣтъ, глубина вездѣ большая. На счастье, встрѣтили какого-то рыболова, и тотъ намъ сказалъ, что мы уже прошли Малагу. Вернулись назадъ, но засвѣтло не успѣли войти въ портъ и провели ночь опять въ морѣ. Въ Малагѣ мы встали за молъ, опшвартовались и провели стоянку въ спокойномъ состояніи. Въ этомъ портѣ защищать наши интересы принялъ на себя французскій консулъ, такъ какъ русскаго консула тамъ не было. Этотъ консулъ сдѣлалъ для насъ *soirée dansante*, на кото-

ромъ вмѣстѣ съ офицерами были одинъ гардемаринъ и я. Танцевали по ковру. По обычаю здѣсь ангажируютъ на весь танецъ. Всѣ дамы говорили по-французски. Было очень весело. Любезный хозяинъ угощалъ насъ 25-ти лѣтней малагой, въ которой я однако мало понялъ толку. Здѣсь я купилъ себѣ 2 ящика великолѣпнаго сухого винограда за 5 франковъ. Климатъ здѣсь очень теплый. Родители мои, проживавшіе въ Петербургѣ, очень удивились, узнавъ изъ моего письма, что наши матросы здѣсь купались. Надо замѣтить, что Малага южнѣе Алжира.

Изъ Малаги мы перешли въ Барселону. Такого большого города мы еще не видали: улицы прекрасныя, бульваръ великолѣпный, магазиновъ бездна, вездѣ мраморъ. Взяли билеты въ оперу, а произошла перемѣна: вмѣсто оперы шла комедія. Мы остались смотрѣть испанскую комедію. Былъ въ большомъ театрѣ, гдѣ слушала оперу „Норму“. Оркестръ въ театрѣ хорошій, но декорации хуже петербургскихъ. За кресло въ 3-мъ ряду я заплатилъ 12 реаловъ, что составляло тогда 84 копѣйки. Ѣздили мы за городъ, гдѣ видали садъ для гуляній и маленькій звѣринецъ. Осматривали арену, гдѣ бываетъ бой быковъ. Кофейницы здѣсь прекрасныя и берутъ недорого: чашка кофе—1 реаль, рюмка малаги—тоже. Реаль равнялся 7 копѣйкамъ. Къ кофею обыкновенно подаютъ ромъ и воду; но мы не употребляли ни того, ни другого. Въ бытность нашу въ Барселонѣ, къ намъ прїѣзжала европейская знаменитость, фокусникъ Боско. Штуки, которыя онъ выдѣлывалъ съ картами и золотою монетою,—удивительны. Онъ попросилъ у насъ икры, которую ему дали. Такой икры здѣсь не достанешь на вѣсъ золота. Вѣроятно, этотъ продуктъ послужилъ ему матеріаломъ для какого-нибудь особеннаго фокуса.

Изъ Барселоны пароходъ нашъ перешелъ въ Вилла-Франку, а оттуда вмѣстѣ съ русскою эскадрою въ Тулонъ. Здѣсь стояла французская эскадра; при прохоженіи Великаго Князя, который имѣлъ свой флагъ на „Громобой“, французскіе моряки были посланы на рей и кричали „ура“. Въ Тулонѣ Великій Князь перешелъ на нашъ пароходъ, и мы пошли на другой день въ Марсель. Тутъ мы встали у самой береговой пристани. Утромъ прїѣхали изъ города военные и гражданскіе чины для представленія Великому Князю. Я стоялъ на мостикѣ и съ интересомъ наблюдалъ за прибывшими. Разнообразіе мундировъ было большое. Изъ всѣхъ выдѣлялся католическій епископъ. Но, по моему мнѣнію, форма русскихъ моряковъ красивѣе французскихъ. Скажу безъ пристрастія, что въ группѣ собравшихся на палубѣ лицъ Великій Князь былъ изящнѣе всѣхъ.

Небольшой портъ Вилла-Франка расположенъ вблизи города Ниццы; а какъ въ этомъ порту часто стоялъ нашъ пароходъ, то я побывалъ въ названномъ городѣ, который въ то время принадлежалъ Сардинскому королевству. Городъ отличался своею тихою жизнью, прекраснымъ климатомъ и былъ богатъ цвѣтами. Жизнь въ Ниццѣ была вчетверо дешевле петербургской.

Въ Вилла-Франкѣ у насъ на пароходѣ убился мальчикъ. Этотъ несчастный случай произошелъ такимъ образомъ. Къ намъ приѣзжала съ берега прачка брать офицерское бѣлье, иногда она съ собою привозила своего сына—ребенка лѣтъ 4—5. Однажды эта женщина уѣхала домой, а ребенка оставила на пароходѣ. Былъ хорошій солнечный день, палуба была почти пустая; ребенокъ полѣзъ на ванты и, поднявшись аршина на три, оборвался и упалъ на палубу, ударившись головой о доски. Не было ни капли крови, ребенокъ былъ мертвъ. Возвратившаяся мать, при видѣ мертвого сына, сильно плакала и рыдала. Черезъ нѣсколько дней ей была вручена значительная сумма денегъ, кажется, франковъ 150, пожертвованная нашими офицерами.

Въ Тулонѣ, не помню, когда именно, произошелъ слѣдующій случай. У насъ на пароходѣ составилъ небольшой струнный оркестръ изъ молодежи-любителей. Какъ-то днемъ, въ хорошую погоду, наши музыканты были на палубѣ. Случайно проходилъ мимо французскій катеръ съ арестантами. Нашъ оркестръ заигралъ марсельезу. Арестанты, услышавъ этотъ революціонный гимнъ, пришли въ волненіе и начали кричать. На другой день пришлось давать объясненія французскимъ властямъ, по поводу вчерашняго инцидента.

29 декабря 1858 года мы были въ Генуѣ, куда зашли, укрываясь отъ сильнаго вѣтра. Въ началѣ января мы пришли въ Чивита-Веккію. Эта гавань Рима была въ то время занята французами. Они продолжали возводить фортификаціонныя постройки. Хотя городъ маленькій, но есть театръ, гдѣ мѣсто въ партерѣ стоило 16 коп. Связаніе съ Римомъ было въ дилижансахъ, такъ какъ желѣзная дорога не была еще готова. У насъ на пароходѣ въ этотъ рейсъ была Великая Книгиня Екатерина Михайловна, сильно боящаяся морской качки, а потому Книгиня не выходила на верхнюю палубу, а все больше лежала у себя въ каютѣ, въ всячей койкѣ.

11 января 1859 г. мы пришли въ Палермо, гдѣ были уже русскія военныя суда. Городъ богатый, но роскошныхъ магазиновъ нѣтъ. Я былъ въ соборѣ, который внутри обложенъ мраморомъ. Мнѣ понравились въ немъ разные букеты, стоящіе передъ образами и

сдѣланные изъ раковинъ. Мы посѣтили катакомбы, въ которыхъ сохранилось нѣсколько тысячъ скелетовъ, одѣтыхъ, кто въ ветхихъ, а кто въ новыхъ костюмахъ. Хотя въ катакомбахъ и свѣтло, но какъ-то страшно было смотрѣть на мертвецовъ, построенныхъ въ ряды при стѣнахъ. Мы вдвоемъ поднимались на ослахъ въ Monte-Piligrimo, гдѣ спасалась св. Розалія, мощи которой находятся въ Палермо. Гротъ св. Розалии довольно большой. На томъ мѣстѣ, гдѣ эта святая умерла, поставлена статуя и теплятся 2 лампы. Тутъ же находится мужской монастырь. Изъ Палермо мы ходили съ Великимъ Княземъ въ г. Мессину на короткое время. Тамъ Великій Князь осматривалъ 135 пушечный корабль „Цесаревичъ“, и мы скоро вернулись въ Палермо. Въ Мессинскомъ проливѣ встрѣчается спорное теченіе, довольно сильное и опасное для парусныхъ судовъ, которыя выбрасываетъ на берегъ. Это Сцилла и Харибда у древнихъ. 1-го февраля на корабль „Ретвизанъ“ былъ dejeuner dansantъ съ 1 часу до 10 часовъ. Гостей было много. Этотъ балъ посѣтили Великіе Князь и Княгиня и принимали участіе въ танцахъ.

13 февраля нашъ пароходъ пошелъ въ Мальту, гдѣ находились русская и англійская эскадры. Мы стали на якорь въ гавани Ла-Валета. Эта гавань очень большая и превосходная. Городъ построенъ на горѣ. Я осматривалъ здѣшній соборъ, въ коемъ погребены мальтійскіе рыцари; весь полъ собора покрытъ рыцарскими гербами, сдѣланными мозаикою. Стѣны мѣстами покрыты лапидаріемъ и серебряными украшениями. Посѣщеніе собора вышло неудачно для меня. Было темно; свѣча свѣтила слабо; а потому я плохо видѣлъ. Выходя изъ собора, я, по ошибкѣ, далъ проводнику золотую монету 5 руб., вмѣсто серебряной однофранковой монеты. Въ Ла-Валетѣ я хотѣлъ себѣ купить цилиндръ или круглую шляпу французскаго фасона; но ни того, ни другого я не нашелъ: всѣ показываемые мнѣ цилиндры и шляпы были англійскаго фасона.

Изъ Мальты мы пошли съ русскою эскадрою въ Палермо. Здѣсь, въ наступившемъ великомъ посту мы всѣ говѣли. Совершенно неожиданно, въ ночь на 5 марта мы вышли изъ Палермо и пошли въ Чевитта-Веккію. По дорогѣ узнали, что Великій Князь получилъ депешу отъ Государя отправить пароходъ въ распоряженіе прусскаго короля. Великій Князь назначилъ нашъ пароходъ, а такъ какъ король находился въ Римѣ, то мы и пошли въ Чевитта-Веккію. Какъ только пришли въ этотъ портъ, такъ тотчасъ капитанъ съ 3 офицерами отправился въ Римъ представиться прусскому королю. По возвращеніи капитана, нѣкоторые изъ насъ пытались получить разрѣшеніе ѣхать въ Римъ, но капитанъ рѣшительно отказалъ въ отпускѣ. 28 марта задулъ сирокко, и нельзя было и думать выйти

въ море: вѣтеръ развилъ сильное волненіе. Чтобы удержать пароходъ на мѣстѣ, мы завезли съ кормы 14 кабельтовъ. Ночью 2 дѣльныхъ швартова лопнули, и мы, стоя на мѣстѣ, развели пары, чтобы спасти нашъ пароходъ отъ гибели. Мы ожидали, что скоро желѣзная дорога будетъ готова и тогда легко будетъ съѣздить въ Римъ. Говорили, что первый поѣздъ пойдетъ 19 марта, однако это предположеніе не оправдалось. 13 марта я былъ на берегу и смотрѣлъ здѣшнюю церковную процессію по случаю праздника Благовѣщенія. Впередѣ несли нѣсколько фонарей, затѣмъ распятіе, еще распятіе, огромный крестъ, опять распятіе, еще что-то и въ заключеніе Богоматерь съ Сыномъ, сдѣланныя изъ воску. Тутъ шло духовенство и полиціены съ ружьями и въ шляпахъ. Меня очень удивило, что полиційскіе входятъ въ храмъ со шляпами на головахъ и съ ружьями. Передъ окончаніемъ процессіи, одинъ монахъ говорилъ народу проповѣдь, продолжавшуюся битый часъ. Впослѣдствіи мы узнали, что военная стража всегда сопровождаетъ папу при богослуженіи; при чемъ люди входятъ въ храмъ съ касками на головахъ, съ прижатыми штыками къ ружьямъ, держа обнаженные сабли. Такъ стража подходитъ къ алтарю. Намъ объяснили, что подобная охрана нужна потому, что въ числѣ молящихся бываетъ много невѣрующихъ, со стороны коихъ можно ожидать разныхъ насилій и оскорбительныхъ дѣйствій... Въ Чевитта-Веккїи стоитъ французскій гарнизонъ; я замѣтилъ, что солдаты этого гарнизона совсѣмъ не набожны. Когда процессія обходила городъ, то при проносѣ распятія всѣ снимали шляпы; солдаты же не снимали своихъ картузовъ и держали руки въ карманъ. Когда на улицѣ появлялась несомая Мадонна, то всѣ падали на колѣни; солдаты же оставались совершенно безучастными къ этой святинѣ. Изъ Чевитта-Веккїи мы пошли съ Великою Княгинею Марією Николаевною въ Марсель. Съ Княгинею былъ графъ Строгановъ—человѣкъ очень любезный. Онъ много бесѣдовалъ съ офицерами, совершенно по-дружески. Меня поразила одна фраза, имъ сказанная: „вотъ, не было печали, черти накачали“. Такой фразы я не ожидалъ слышать изъ устъ аристократа. Съѣхавъ въ Марсели на берегъ, Великая Княгиня выразила свое удовольствіе за прекрасный переѣздъ по морю.

Не помню, въ которое изъ посѣщеній Марселя, мнѣ пришлось ходить по магазинамъ съ нашимъ монахомъ, который захотѣлъ купить себѣ шелковой матеріи на рясу. И что же,—мы были въ 3-хъ или 4-хъ лучшихъ магазинахъ и не нашли такой матеріи, какая была одѣта на монахѣ. Намъ показывали все тонкія матеріи, а монаху нужна была толстая; таковыхъ матерій въ продажѣ не было. Приказчики намъ объяснили, что черныя шелковыя матеріи носятъ

дамы, которыя не любятъ грубыхъ толстыхъ издѣлій, а предпочитаютъ тонкіе образцы: такъ нашъ монахъ и остался безъ покупки.

Въ концѣ марта нашъ пароходъ пошелъ въ Неаполь, гдѣ мы застали русскую эскадру. Неаполь славится красотой своего мѣстоположенія: расположенный амфитеатромъ, на берегу большого залива, подъ прелестнымъ голубымъ небомъ, городъ и огнедышащій Везувій всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. „Видѣть Неаполь и умереть“—гласитъ мѣстная поговорка. У насъ на пароходѣ молодежь расцѣвала романсы, въ которомъ говорилось: „Неаполь, безпечный и странный, горитъ миллиардомъ огней“. Я осматривалъ городъ; былъ на королевской виллѣ, мѣсто общаго гулянья; слушалъ оперу „Травиата“ и былъ въ звѣринцѣ. Тамъ животныхъ не много, но меня удивилъ укротитель, который ходилъ къ звѣрямъ и распоряжался львами, какъ лгнятами. 3-го іюля прусскій король прибылъ къ намъ на пароходъ, и мы отвезли его въ Амальфу—мѣстечко, недалеко отъ Неаполя. Тутъ произошла ошибка: по вѣпѣ лодмана, мы высадили Его Величество не тамъ, гдѣ предполагалось. Стоянкою въ Неаполѣ мы воспользовались, чтобы посѣтить Помпею. Мы втроемъ наняли коляску за 3 піастра и поѣхали въ этотъ старый городъ. Ѣхали 1½ часа по безконечной улицѣ, обставленной домами и садами. Лацнафты были великолѣпныя, и мы много восхищались красивою мѣстностью. Въ то время Помпею окружалъ большой земляной валъ. При входѣ, насъ встрѣтилъ проводникъ, говорящій по-французски. Войдя на валъ, мы увидали множество столбовъ и стѣнъ этого погребеннаго подъ пепломъ города. Въ Помпеѣ множество площадей и храмовъ. Самая большая площадь (Справосудія) окружена рядами столбовъ и на одномъ концѣ было мѣсто судьи. Узенькія улицы вымощены камнями; тротуары нѣсколько возвышены. Дома вообще одинаковыя. Видали театръ, имѣющій 2 этажа съ небольшою сценою. Самое большое зданіе—это амфитеатръ, похожій на видѣнный нами въ Барселонѣ. Солдатъ, стоявшій на часахъ у входа, увидѣвъ насъ, преспокойно положилъ ружье и пошелъ показывать намъ это зданіе. При входѣ, эхо повторило три раза человѣческой голосъ. На верхнемъ ряду зданія отведены мѣста для дамъ; особыя мѣста устроены для консуловъ. Во многихъ домахъ стѣны разрисованы картинами, которыя попорчены сыростью. На поляхъ сохранилась мозаиковая работа, представляющая очень красивые узоры. Городъ Помпея былъ окруженъ широкою стѣною, за которою находилось кладбище, также отрываемое. Въ концѣ города отрыли домъ Діомида, самый большой изъ отрытыхъ. Въ подвалѣ этого дома было найдено 17 труповъ. Возвращаясь назадъ въ Неаполь, мы заѣхали въ Геркуланумъ.

Часть этого города залита лавою, представляющею твердость крѣпкого камня; а потому отрытіе города представляетъ большую трудность. Открыли существованіе Геркуланума случайно: начали строить колодезь и попали въ театръ. Въ то время отрыта была только небольшая часть театра. Проводникъ солдатъ роздалъ намъ свѣчи и повелъ внизъ. — Мы спускались довольно долго и, наконецъ, очутились въ корридорѣ театра. Кругомъ насъ была твердая, застывшая лава. Мѣстами слой лавы надъ городомъ имѣетъ 80 фут. толщины. Когда мы были внизу, наверху, по землѣ, ѣхалъ экипажъ. Стукъ этого экипажа раздавался въ нашихъ ушахъ, какъ громовой раскатъ.

Мы простояли на Неаполитанскомъ рейдѣ нѣсколько дней, и я имѣлъ случай осмотрѣть знаменитыя гроты. Мы вдвоемъ съ товарищемъ наняли коляску въ Байю. Дорога идетъ къ горѣ Посиллио, сквозь которую пробить проходъ, длиною около версты. Проходъ этотъ освѣщается фонарями. Далѣе, дорога сворачиваетъ съ шоссе и идетъ по песчаной тропинкѣ. Часа черезъ полтора мы въѣхали на небольшую прелестную равнину, имѣющую озеро и окруженную со всѣхъ сторонъ зелеными горами. Трудно представить пейзажъ болѣе живописный. Какъ только мы сошли съ коляски, насъ встрѣтилъ чичероне и предложилъ услуги. Осмотръ начался съ извѣстной Собачьей пещеры. Проводникъ отворилъ дверь въ маленькую лазейку. Явилась женщина съ собакою и объявила, что если мы хотимъ видѣть, какъ будетъ задыхаться собака, то должны заплатить 6 карлинь. Мы, конечно, согласились и видѣли, какъ задыхается собака и какъ, наконецъ, ее выбросили едва живую на воздухъ. Я бросилъ на землю франкъ, и чичероне поднялъ монету зубами съ земли, обративъ франкъ въ свою пользу. Онъ намъ сообщилъ, что собака можетъ прожить въ пещерѣ 3 минуты, а человекъ 7 минутъ. Потомъ чичероне повелъ насъ къ озеру и указалъ мѣсто, откуда постоянно поднимается газъ амміакъ, и пояснилъ, что вода на днѣ озера теплая. Тутъ же обратилъ наше вниманіе на зеленыхъ лягушекъ, прибавивъ, что ихъ можно ѣсть. Затѣмъ, насъ привели къ другой пещерѣ, гдѣ съ земли поднимается углекислота. Солдатъ отворилъ дверь и предложилъ намъ попробовать шампанскаго. Солдатъ сѣлъ на корточки и сталъ махать рукою газъ собѣ въ ротъ. Я сдѣлалъ то же самое; но какъ только нагнулся и махнулъ рукою, какъ газъ бросился мнѣ въ ротъ, носъ, уши, глаза, и я ошалѣлъ. Ощущеніе было похоже, какъ отъ выпитаго шампанскаго или лимонада газесъ. Послѣ того, намъ показывали какія-то развалины, далѣе указали мѣсто, гдѣ постоянно находится горячая сѣра и поднимается какой-то газъ.

Этимъ окончился осмотръ сѣрной долины, и мы поѣхали назадъ тою же дорогою. На пути мы осматривали гробницу Виргилія. Тутъ я замѣтилъ, какъ итальянцы выманиваютъ деньги у посѣтителей. Одинъ человѣкъ отворяетъ дверь и проситъ уплаты, слѣдующую дверь отворяетъ другой человѣкъ и проситъ за трудъ. Затѣмъ, особый проводникъ ведетъ къ осматриваемому мѣсту за особую плату; да сверхъ того, этотъ человѣкъ проситъ на водку, или на макароны.

Стоянка на Неаполитанскомъ рейдѣ была самою пріятною: мы видали такъ много новыхъ предметовъ и получили впечатлѣніе на всю жизнь. Почти всѣ накупили себѣ разныхъ мелкихъ вещей изъ лавы; а я кромѣ того купилъ двѣ картины, писанныя масляными красками по полотну. Картины изображаютъ видъ Неаполитанскаго залива съ городомъ и Везувіемъ. Эти двѣ вещи до сихъ поръ сохранились у меня въ цѣлости, хотя висятъ на стѣнѣ безъ стеколъ.

Изъ Неаполя мы вышли 6 апрѣля и пошли съ прусскимъ королемъ въ Чевита-Веккію, гдѣ король сѣхалъ на берегъ и уѣхалъ въ Римъ, а пароходъ нашъ остался въ гавани. Мы, воспитанники, получили отпускъ и въ числѣ 6 человѣкъ поѣхали въ Римъ по желѣзной дорогѣ, которая на этотъ разъ была готова. Въ вѣчномъ городѣ трудно было намъ найти помѣщеніе по нашимъ средствамъ. Была Пасха, и городъ былъ наполненъ иностранцами; свободныхъ комнатъ въ гостиницахъ не было. На счастье, намъ пришлось въ голову обратиться въ русскую церковь за помощью. Дьяконъ и причетники согласилсъ намъ помочь. Отстоявъ всюнощную, мы всею компаніей отправились искать квартиру и скоро нашли три комнаты съ постелями и мебелью на 2 сутокъ за 7 скуди или 38 франковъ. Эта плата была очень дешевая. Помѣстившись въ комнатахъ, мы тотчасъ пошли смотрѣть храмъ св. Петра. Съ перваго взгляда, это знаменитое зданіе вовсе не представляется такимъ громаднымъ, какимъ оно есть. Да и наружный видъ ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія, какъ напримѣръ Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ. Кажется, просто старинное старое зданіе. Но когда войдешь въ соборъ, тогда начинаешь понимать гигантскіе размѣры зданія. Я былъ въ немъ три раза и измѣрялъ его шагами. Длина собора 250 шаговъ, ширина у входа 130 шаговъ. На полу сдѣланы нѣсколько отмѣтокъ о длинѣ другихъ зданій. Я занотировалъ отмѣтку длины собора св. Павла въ Лондонѣ. По срединѣ храма находились мощи апостола Петра и надъ ними сдѣланъ алтарь. Надъ алтаремъ сдѣлана сѣнь (балдахинъ), которая кажется игрушечкой въ сравненіи съ соборомъ. Между тѣмъ, высота креста, вѣнчающаго сѣнь, равна

высотѣ зимняго дворца въ Петербургѣ. Это свѣдѣніе намъ сообщилъ нашъ соотечественникъ. Въ переднемъ углу собора сдѣлано большое возвышеніе и тамъ стоитъ стулъ, на которомъ, по преданію, сидѣлъ апостолъ Петръ. Стула этого однако не видать. Между этимъ возвышеніемъ и алтаремъ устроено мѣсто для папы, гдѣ онъ сидитъ во время богослуженія и куда ему приносятъ св. дары. Извѣстно, что соборъ св. Петра строился очень долго; начать онъ былъ въ 1506 году. На площади передъ соборомъ находятся громадныя колоннады, похожія на колоннады передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ. Тутъ же устроены 2 большіихъ фонтана и поставленъ обелискъ. Разказываютъ, что во время постановки обелиска строжайше было запрещено ѣздить и громко говорить, дабы ничто не мѣшало слышать команду архитектора. Когда установка была приведена къ концу, оказалось, что канаты были коротки, и архитекторъ пришелъ въ отчаяніе, потому что приходилось начинать работу снова. Въ эту критическую минуту, находящійся тутъ мужикъ закричалъ:—„намочите канаты, и они будутъ длиннѣе“.—Это указаніе было исполнено, и обелискъ благополучно былъ поставленъ на мѣсто; мужикъ же, испугавшись своей дерзости, убѣжалъ и скрылся. Однако его отыскали и предложили ему указать награду, какую онъ желалъ бы получить. Мужикъ выговорилъ себѣ монополию на продажу вербъ въ извѣстный день; чрезъ это право онъ вскорѣ разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ.

Вечеромъ, въ первый день Пасхи, была по обыкновенію, иллюминація собора. Весь соборъ отъ креста до основанія, а также балюстрады колоннъ были покрыты огнями. Ровно въ 8 часовъ происходила перемѣна огня: мелкіе огни замѣнялись крупными. Вся эта перемѣна безчисленнаго множества огней была произведена въ нѣсколько секундъ. Надо вѣдь знать, что въ то время электрическаго освѣщенія вовсе не существовало, а потому эта перемѣна требовала много искусства. Для зажиганія огней посылаются особые люди, а человѣкъ, который лѣзетъ на самый верхъ собора, подъ крестъ, всегда бываетъ одинъ и тотъ же; онъ получаетъ хорошее вознагражденіе, и никто этого заработка отъ него не отнимаетъ. Мы, русскіе, полюбопытствовали узнать, какъ велико это вознагражденіе и опредѣляли его: въ полскуди, одно скуди (5½ франковъ), 2 скуди и получали отрицательный отвѣтъ. Оказалось, мы впали въ преувеличеніе: плата ловкому человѣку была всего 2 паола, около 30 коп.

На слѣдующій день, къ намъ на квартиру явился аббать S. и предложилъ намъ свои услуги, въ качествѣ шчероне. Аббать думалъ сперва, что пріѣзжіе—англичане, но, узнавъ, что мы утромъ

потребовали сливокъ, догадался, что мы—русскіе. Онъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и ѣздилъ съ нами по городу совершенно бесплатно. Сперва мы хотѣли, въ сопровожденіи аббата, подняться на куполь св. Петра, но насъ туда не пустили. Проѣзжая по улицамъ, мы встрѣтили огромную духовную процессію, въ которой было болѣе 200 монаховъ. Тутъ намъ бросились въ глаза какія-то особыя хоругви, имѣющія видъ остроугольныхъ палатокъ. По объясненію аббата, эта процессія была небольшая. Изъ собора мы отправились въ Ватиканъ. Это старинный папскій дворецъ, состоящій изъ огромнаго количества домовъ, не имѣетъ единства и правильности. Въ немъ считается 22 двора и 11.000 комнатъ. Въ этомъ зданіи хранятся сокровища живописи и скульптуры. Мы поднялись по парадной лѣстницѣ съ огромнаго папскаго двора въ покои папы. Лѣстница сдѣлана вся изъ мрамора. Первая комната—зало швейцарцевъ, украшенная мозаиковыми картинами. При входѣ въ зало, мы встрѣтили знаменитаго кардинала Антонели, который управлялъ всѣми дѣлами. Это красивый и стройный мужчина. Его итальянцы ненавидятъ, грозятъ ему смертью, и въ 1858 году было покушеніе на его жизнь въ этомъ самомъ залѣ. Насъ поразилъ нарядъ швейцарцевъ—папской гвардіи. Люди эти имѣютъ одежду, считую изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ матеріи: синей, желтой, красной. По нашему понятію—это шутовскій нарядъ, а по мнѣнію итальянцевъ—это живописный костюмъ Микель Анджело. На головахъ каски, похожія на наши гвардейскія, а оружіе—какая-то старинная алебарда. Дальше этой залы насъ не пустили, потому что тамъ былъ папа. Отсюда мы отправились въ мастерскую мозаиковыхъ картинъ. Искусство, въ которомъ изготовляются картины—удивительно. Произведеніями этой мастерской папа дѣлаетъ подарки разнымъ государямъ. При насъ изготовляли портреты папъ для церкви св. Павла. Потомъ мы отправились въ Капитолій. Въ этомъ святилищѣ древняго Рима собраны различныя древнія статуи. На меня произвела особое впечатлѣніе статуя Геркулеса, сдѣланная съ удивительною правильностью и изяществомъ.

Затѣмъ, мы поѣхали въ Колизей. Это—остатки громаднѣйшаго амфитеатра-цирка, въ которомъ давались въ древности спектакли. Здѣсь шли бои гладиаторовъ; христіанскіе мученики травились дикими звѣрями; здѣсь же происходили морскія сраженія. Аббатъ нашъ сильно прихвастнулъ, сказавъ, что въ Колизей помѣщалось 3 милліона человѣкъ. Могла помѣститься тридцатая часть этого огромнаго числа. Надо прибавить, что аббатъ считалъ въ древнемъ Римѣ 5 милліоновъ жителей. Около Колизея есть *forum romanum*, гдѣ въ древности цари и консулы принимали пословъ и подписывали

смертныя приговоры. Теперь эта площадь называется коровинымъ полемъ.

Изъ Колизея мы поѣхали въ монастырь Капуциновъ, находящійся за городомъ. Дорога къ монастырю идетъ по улицѣ Апія, которая была главная въ древнемъ Римѣ и простиралась совершенно по прямой линіи 14 миль. По обѣимъ сторонамъ дороги гробницы древнихъ римлянъ. Монастырь Капуциновъ имѣетъ небольшую церковь въ землѣ, гдѣ совершали богослуженіе первые христіане. Въ этой церкви показываютъ величину слѣда Спасителя. Отъ этой церкви идутъ подземныя помѣщенія, гдѣ спасались первые христіане. Подземные ходы идутъ даже подъ городомъ Римомъ. При открытіи этихъ ходовъ было найдено много мощей. Намъ показывали ходъ, который ведетъ къ морю и въ которомъ недавно погибло нѣсколько заблудившихся путешественниковъ. Теперь этотъ ходъ закрытъ, по приказанію папы. На возвратномъ пути изъ монастыря, мы осмотрѣли гробницу Сицилія Метелла, которая представляетъ огромное полуразрушенное зданіе. Далѣе, мы видѣли гротъ Нимфъ Егерій, а потомъ бани Каракаллы. Это остатки огромнаго зданія, гдѣ были устроены большія залы для купанія императоровъ, консуловъ, а потомъ и для народа. При баняхъ было много комнатъ, въ которыхъ жили императоры по цѣлымъ недѣлямъ. Теперь, остались только стѣны, около которыхъ растутъ кусты розъ. Послѣ того, мы видѣли зданіе, гдѣ сожигались трупы умершихъ и сохранялся ихъ пепель. Въѣзжая въ городъ, мы мимоходомъ видали древній фонтанъ, а затѣмъ зашли въ храмъ богини Весты. Въ этомъ небольшомъ зданіи, теперь обращенномъ въ часовню, жили весталки. Подъ зданіемъ находится подземелье, куда сажали весталокъ, невыполнившихъ обѣта цѣломудрія. Въ подземельѣ, находились змѣи. Потомъ мы осмотрѣли Пантеонъ. Это величественное древнее зданіе имѣетъ въ вершинѣ купола большое отверстіе, которымъ освѣщается. Прежде Пантеонъ былъ посвященъ всѣмъ богамъ; поэтому во время нашествія варваровъ на Римъ, имъ говорили, что здѣсь находится и вашъ богъ. Вотъ причина, по которой зданіе это сохранилось отъ грабежа и разрушенія и представляетъ, по словамъ аббата, самое древнее зданіе въ мірѣ. Теперь, Пантеонъ обращенъ въ церковь и имѣетъ нѣсколько алтарей.

Осмотрѣвъ Пантеонъ, мы поѣхали за городъ въ храмъ св. Павла. Это зданіе въ то время не было еще окончено. Зданіе построено въ новѣйшемъ вкусѣ, украшено мраморными столбами и представляетъ значительные размѣры. Здѣсь собраны подарки всѣхъ иностранныхъ государей. Малахитъ, украшающій храмъ—подарокъ нашего Императора. Въ храмѣ находятся портреты всѣхъ папъ, чис-

ломъ около 300, мозаиковой работы. Посвщеніемъ храма Св. Павла окончился нашъ осмотръ Рима. Вечеромъ мы были на фейерверкѣ, который устраивается ежегодно въ этотъ день. Этотъ фейерверкъ поразилъ насъ своимъ разнообразіемъ, обширностью и великолѣпіемъ. Для фейерверка были построены на возвышенности особые лѣса, огненный рисунокъ которыхъ представляла церковь. Народъ собирался на площади del Popolo передъ лѣсами. Зрѣлище было чудесное: огненные фонтаны, букеты, вензеля, бураки, звѣздочки—приковывали къ себѣ вниманіе. Ракеты перелетали надъ нашими головами; онѣ были такъ искусно направлены, что, ударяясь въ опредѣленное мѣсто, зажигали тамъ новый огонь. Мы, русская молодежь, были восхищены этимъ зрѣлищемъ, признали итальянцевъ первыми пиротехниками въ мірѣ и думали, что лучше и сдѣлать нельзя. Мѣстные жители намъ сообщили, что этотъ фейерверкъ еще не совсѣмъ удался.

Я уже говорилъ, что аббатъ отказался отъ денежнаго вознагражденія, но въ день нашего отъѣзда онъ предложилъ намъ поди-саться въ пользу какого-то бѣднаго семейства. Мы всѣ сдѣлали денежный взносъ, но небольшой, потому что, за время пребыванія въ вѣчномъ городѣ, израсходовали наличныя наши деньги. Надо отмѣтить курьезный случай: однажды, послѣ сытнаго обѣда съ шампанскимъ, нашъ любезный аббатъ охмѣлѣлъ. Когда мы вышли на улицу, аббатъ, подъ влияніемъ вина, сталъ кричать и дурно себя вести; такъ что мы вынуждены были его покинуть и оставить одного на улицѣ.

Римъ оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе не только своими зданіями, но и художественными произведеніями. Галерея, содержащая въ себѣ скульптурныя работы древнихъ и новыхъ художниковъ—восхитительна; этимъ оригиналамъ нѣтъ цѣны. Картинная галерея въ Ватиканѣ не велика, но въ ней находятся произведенія Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Кореджіо. Я даже понялъ различіе въ живописи художниковъ Рафаэля и Тиціана. У перваго—выраженіе лицъ неземное, видны легкія тѣни; у втораго, наоборотъ, яркія краски, роскошныя формы.

При обзорѣ скульптурныхъ произведеній, нашъ товарищъ вздумалъ нанести ударъ тросточкою какой-то статуѣ. Такая выходка меня удивила и испугала, и я обратился къ товарищу съ упрекомъ въ неумѣстности такого поступка.

Въ Римѣ мы закупили много разныхъ вещей: мозаиковыя брошки, коралловыя украшенія, брелоки съ папскимъ портретомъ и пр. Мною былъ купленъ ламповый абажуръ съ изображеніемъ иллюминаціи собора св. Петра. Кромѣ того я привезъ домой изъ

Рима большой священный гвоздь, который былъ приложенъ къ тому гвоздю, коимъ былъ прибитъ на крестѣ Спаситель. При гвоздѣ былъ припечатанъ писанный на бумагѣ аттестатъ, удостовѣряющій дѣйствительность святости гвоздя. Теперь времена измѣнились; вѣра упала, и едва-ли найдется много охотниковъ покупать подобные священные гвозди. Что много измѣнились понятія вѣрующихъ, видно изъ факта, сообщеннаго въ газетахъ, о выборѣ въ Римѣ городскимъ головою еврея.

Прусскій король направлялся въ Триестъ, и поэтому ему пришлось ѣхать на нашемъ пароходѣ вокругъ Апеннинскаго полуострова. Для сокращенія дороги, король избралъ другой путь: сухимъ путемъ переѣхать изъ Рима въ приморскій городъ Анкону; а оттуда, моремъ, въ Триестъ. Для исполненія этого указанія нашъ пароходъ пошелъ въ Адриатическое море, и 18 апрѣля 1859 г. мы были уже въ Мессинѣ. Это большой городъ, построенный вдоль берега у пролива. Въ городскомъ театрѣ не было спектаклей по случаю болѣзни неаполитанскаго короля, а церковей я не осматривалъ, потому что онѣ были заперты. Улицы Мессины длинны, не очень грязны, но мѣстами вонючи. Когда смерклось, мы вошли въ кафе, гдѣ былъ биллиардъ и комната для карточной игры. Кажется, кто-то изъ насъ игралъ на биллиардѣ. Уходя изъ кафе, мы хотѣли заплатить деньги; но съ насъ денегъ не взяли по той причинѣ, что съ иностранцевъ денегъ не берутъ.

Въ Анкону мы пришли 22 апрѣля. На берегъ я не съѣзжалъ, только могу сказать, что Анкона представляется съ моря красивымъ городомъ. Двадцать четвертаго числа мы вышли изъ Анконы, имѣя у себя на пароходѣ прусскаго короля. Въ Триестъ мы шли малымъ ходомъ, потому что съ нами шель прусскій почтовый пароходъ. Этотъ пароходъ долженъ былъ придти въ Триестъ раньше насъ, чтобы извѣстить о предстоящемъ прїѣздѣ короля; шель же пароходъ тихо, потому что тащилъ на буксирѣ какое-то судно. Предъ Триестомъ мы выдержали сильную бурю; была бора отъ N 0 и температура дошла до 0°. Въ Триестѣ король съѣхалъ на берегъ на австрійскомъ военномъ катерѣ. На другой день по своему прибытіи въ городъ, король прислалъ къ намъ на пароходъ своего адъютанта благодарить офицеровъ за плаваніе и пригласилъ ихъ обѣдать въ отель. Всѣ чины нашего парохода получили отъ прусскаго короля награды: кто ордена, кто подарки; матросамъ было дано по 10 франковъ на человѣка, и намъ, воспитанникамъ, по 50 франковъ.

Я былъ въ Триестѣ, который мнѣ напомнилъ Петербургъ, по его булыжной мостовой. Здѣшній Италіанскій театръ внутри отдѣланъ

красиво, но играютъ въ немъ плохо, такъ что я не высидѣлъ цѣлой игры. Здѣсь мы покупали ликеръ мараскинъ по 5 франковъ за бутылку. Теперь, по случаю войны, золото здѣсь очень вздорожало.

Изъ Триеста мы пошли опять въ Анкону, и на этотъ разъ я былъ на берегу. Могу сказать только, что городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ узенькихъ улицъ, но магазиновъ въ немъ много. Изъ Анконы мы пошли въ Мессину, куда и прибыли 1 мая. Здѣсь мы нашли спѣлыя вишни и землянику. Въ этомъ портѣ мы простояли цѣлый мѣсяцъ, и за это время я съѣлъ огромное количество мороженого. Намъ рассказывали, что для приготовленія мороженого особые люди ежедневно лѣзутъ на гору, чтобы получить снѣгъ. 28 мая пришелъ на мессинскій рейдъ американскій фрегатъ, который мы осматривали. Чистота превосходная, порядокъ отличный, помѣщенія великолѣпныя; недаромъ на этомъ фрегатѣ былъ адмиралъ. Насъ угостили завтракомъ съ шампанскимъ, потомъ мы смотрѣли пушечное ученіе. Когда мы уходили, на фрегатѣ заиграли нашъ народный гимнъ.

29 мая пришелъ въ Мессину русскій фрегатъ „Полканъ“, привезшій намъ приказаніе идти домой въ Кронштадтъ. Этому распоряженію всѣ мы обрадовались.

Изъ Мессины мы перешли въ Геную. Въ это время шла война съ Австріей, и въ городѣ войскъ совсѣмъ не было. Мѣста часовыхъ занимали штатскіе люди съ военными фуражками на головахъ. Было похоже, что взяли купцовъ и приказчиковъ изъ лавокъ, дали имъ ружья и поставили на часы. Генуя расположена амфитеатромъ. Тутъ видишь дома въ семь этажей, но за то попадаютъ переулки, шириною въ сажень. На улицахъ было много народу. Здѣсь можно дешево купить кораллы, пеньковые мундштуки для папиросъ, бархатъ, часы. Здѣшній рейдъ былъ полонъ купеческихъ судовъ; было нѣсколько и военныхъ. Извѣстный итальянскій поэтъ очень дурно отзывался про Геную, говоря, что здѣсь горы безъ лѣсу, море безъ рыбы, мужчины безъ чести, женщины безъ стыда. Я могу подтвердить, что горы дѣйствительно безъ лѣсу.

Изъ Генуи мы вышли 2 іюня и пошли въ Вилла-Франку и потомъ въ Тулонъ. Здѣсь мы нашли огромную французскую эскадру изъ восьми кораблей, двухъ фрегатовъ, шести корветовъ, десяти париходовъ и тридцати канонерскихъ лодокъ. У кораблей были особые плашкоуты для постановки бомбическихъ орудій, дабы можно было ближе подходить къ берегу и пускать бомбы. 6 іюня мы пришли въ Марсель. Я былъ здѣсь въ театрѣ и слушалъ оперу „Троваторъ“. Актеры изъ разныхъ труппъ, но примадонна и первый теноръ пѣли безукоризненно. Въ партерѣ мѣсто по 1½ франка, и

туть собираются блузники, переходящіе съ мѣста на мѣсто по скамейкамъ. Въ бельэтажѣ ложъ нѣтъ: тамъ устроены отдѣльные одиночныя мѣста по 4 франка. Три яруса ложъ были пусты. До начала спектакля сильно надоѣдали продавцы дешевыхъ газетъ. Контроль надъ входными билетами былъ очень сложный. Сперва оторвутъ полбилета; потомъ возьмутъ вторую половину билета и дадутъ особую марку, которую надо беречь во все время спектакля. При выходѣ изъ театра, надо опять подвергнуться осмотру въ 3-хъ инстанціяхъ. По случаю побѣды, одержанной французами надъ австрійцами, шла по городу большая процессія, въ коей были монахи, одѣтые въ черныя, синія и бѣлыя платья, солдаты и проч. Впереди процессіи шелъ быкъ, на которомъ сидѣлъ мальчикъ. Нашъ пароходъ стоялъ въ гавани у самой стѣнки, такъ что сообщеніе съ берегомъ было очень удобное, по положеннымъ доскамъ. Каждый вечеръ мы проводили въ кафе Альказаръ, гдѣ играетъ оркестръ въ 30 человекъ и даются на особой сценѣ представленія. Здѣсь я впервые увидалъ французскаго солдата съ ружьемъ въ рукѣ, поющаго и пляшущаго на сценѣ. Пѣсни его были военныя, патріотическія.

Изъ Марселя мы вышли 16 іюня и пришли въ Кадиксъ, гдѣ нашли нашъ фрегатъ „Полканъ“. Въ день прихода мы были на похоронахъ русскаго офицера, убитаго на дуэли. Стоянка на Кадикскомъ рейдѣ скверная: нѣтъ защиты отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ и сообщеніе съ берегомъ трудное, я на берегъ не съѣзжалъ. Изъ Кадикса мы вышли 23 числа, по пути зашли ненадолго въ Лиссабонъ, 3 іюля стали на якорь въ Шербургъ. Въ Лиссабонѣ русскій консулъ опять насъ обманулъ доставкою сухарей для матросовъ. Онъ раскритиковалъ имѣющіеся у насъ прекрасныя сухари изъ Марселя, продалъ намъ мѣстные сухари, которые оказались очень дурными, и матросы ихъ не ѣли. Хорошо, что было куплено небольшое количество. Городъ Шербургъ показался мнѣ очень ничтожнымъ послѣ Марселя и Лиссабона. Здѣсь можно было одѣться, безъ затрудненія, въ русскую военную форму, такъ привыкли портные къ русскимъ морякамъ. Въ 1858 году была поставлена здѣсь конная статуя Наполеона I на площади передъ портомъ. Не помню гдѣ, въ Шербургѣ, или въ Брестѣ, мнѣ случилось разговаривать съ лодочникомъ, который помнилъ Наполеона I.—„Это былъ великій Императоръ“, сказалъ мнѣ старикъ въ заключеніе рѣчи, и слезы показались на его глазахъ.

На обратномъ пути въ Россію, нашъ капитанъ получилъ приказаніе перевести семейство княгини Г. изъ Франціи въ Кронштадтъ. Это распоряженіе, конечно, не понравилось капитану, потому

что по закону женщины не перевозятся на русскихъ военныхъ корабляхъ. Чтобы взять княгиню, нашъ пароходъ долженъ былъ зайти въ Гавръ. Въ этомъ коммерческомъ портѣ рейды совершенно открыты для вѣтровъ, а потому суда стояли въ бассейнѣ. Пошли и мы въ бассейнъ. Шли мы три часа, проходили очень узкія ворота, такъ что можно было одновременно протянуть къ обоямъ берегамъ руки и поздороваться. Городъ Гавръ понравился мнѣ своею чистою улицъ; здѣсь въ магазинахъ продаются вещи изъ слоновой кости и шелковыя матеріи дешевле марсельскихъ.

Наша княгиня хотѣла перевезти много разной движимости на нашемъ пароходѣ; но капитанъ воспротивился, не желая обращать военный пароходъ въ грузовой. Капитанъ объявилъ княгинѣ, что пароходъ имѣетъ много своего груза, и что для новыхъ предметовъ мѣста нѣтъ. А чтобы яснѣе видна была княгинѣ наша нагрузка, велѣлъ нѣсколько корзинъ съ каменнымъ углемъ поставить на верхней палубѣ. Такимъ образомъ, княгинѣ пришлось часть своего груза оставить въ Гаврѣ.

10 іюля мы вышли изъ Гавра и пошли въ Англійскій каналъ, а затѣмъ въ Нѣмецкое море. Передъ выходомъ изъ порта къ намъ прибыло княжеское семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ дамъ и дѣтей. Княгиня выразила желаніе снѣтъ что-нибудь для офицеровъ. Наши офицеры были въ затрудненіи удовлетворить это желаніе. Однако дали обрывать носовые платки и можетъ быть еще что-нибудь. Сѣвши на нашъ пароходъ, все княжеское семейство держало себя очень спокойно и тихо. Передаютъ, что капитанъ, въ разговорѣ съ княгинею, сказалъ ей, что онъ познакомился по службѣ съ какою-то важною дамою; и что потомъ, когда онъ эту даму встрѣтилъ на Невскомъ и ей поклонился, то не получилъ отвѣта на поклонъ. „Я хотѣлъ сорвать съ нея шляпку“,—прибавилъ къ своему разсказу капитанъ. Послѣ этого разсказа княгиня стала бояться капитана.

Нашъ пароходъ не отличался быстротою хода: больше 10 миль въ часъ мы не шли, а потому переходъ нашъ въ Кронштадтъ былъ продолжительный; при томъ же мы заходили въ Гетеборгъ и въ Киль. Естественно, что нашимъ пассажирамъ хотѣлось знать время нашего прибытія въ Кронштадтъ. И вотъ, однажды, княгиня обратилась къ кому-то изъ насъ—молодежи съ подобнымъ вопросомъ, при этомъ прибавила, что она боится предложить подобный вопросъ капитану, дабы тотъ не принялъ подобный вопросъ за упрекъ въ медленности хода парохода.

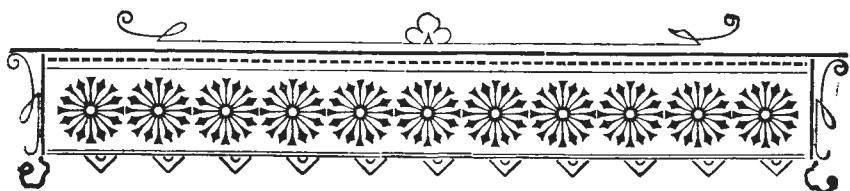
Въ Кронштадтъ мы пришли 26 іюля, и тѣмъ окончилось наше плаваніе.—За время всего этого плаванія я велъ дневникъ, и те-

перь, составляя свои воспоминанія, я пользовался этимъ дневникомъ, что и позволило мнѣ съ подробностью описать изложенную морскую кампанію. Мы, воспитанники, въ свое время были отправлены въ корпуса и пропустили цѣлый годъ классныхъ занятій, но насъ перевели въ старшій классъ и на слѣдующій годъ, въ маѣ 1860 года, мы были произведены въ офицеры.

Штурманское Училище давно закрыто, но память о немъ сохранилась въ нашихъ сердцахъ. Наши учителя Тибординъ, В. Харинъ, Митурчъ, Ризниковъ, Изотовъ давно лежатъ въ могилѣ, но свѣтлый ихъ образъ живъ въ нашей памяти. Скромные труженики съумѣли въ эпоху суровой дисциплины сохранить къ намъ теплое, сердечное отношеніе и показали намъ примѣръ высокаго нравственнаго совершенства.

Петръ Наумовъ.

Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его Дѣтей, въ 1861 году.

Не знаю достовѣрно, какъ это случилось въ первый разъ, но въ годъ моего поступленія въ корпусъ уже какъ бы было санкціонировано навсегда Высочайшею волею, что ежегодно къ намъ, въ неранжированную роту 2 кадетскаго корпуса, въ одинъ изъ дней масляной недѣли, прѣзжаетъ самъ Государь Александръ Николаевичъ съ августѣйшими дѣтьми, великій князь Михаилъ Николаевичъ (братъ Государя, шефъ 2-го кад. корпуса), и другіе великіе князя, на разныя игры и спектакль, устраиваемые кадетами или—точнѣе сказать—нашимъ ротнымъ командиромъ, подполковникомъ Яковомъ Фодоровичемъ Краббе, который въ этомъ дѣлѣ являлся не только начальникомъ репертуарной части, но и монтеромъ, и режиссеромъ, и машинистомъ, и вообще душою всего дѣла...

Еще задолго до осенняго посѣщенія Государемъ нашей роты Я. Ф. начиналъ, такъ сказать, на свой рискъ продѣлывать репетиціи разныхъ игръ и спектакля, и въ томъ числѣ репетицію приглашенія кадетами Государя Императора къ намъ на масляной. Дѣлалось обыкновенно это такъ: шествуя, окруженный кадетами, по помѣщенію роты и преподавая замѣчанія по поводу разныхъ случаевъ, приключившихся въ ротѣ, Я. Ф. незамѣтно переходилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности, къ самой главной статьѣ, при чемъ общій смыслъ наставленія былъ приблизительно слѣдующаго содержания: „когда прѣдетъ Государь ¹⁾, и когда будете

¹⁾ Нужно замѣтить, что Я. Ф. говоритъ по-русски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

окужать Его, кто посмѣлѣй скажите: „Ваше Императорское Величество, мы будемъ счастливы, если Вамъ угодно будетъ посѣтить насъ съ великими князьями и въ этомъ году, какъ въ прошедшіе годы, на масляной недѣлѣ“, если же Государь спроситъ: „а какія игры у васъ будутъ на масляной“, отвѣчайте (въ 1861 году): „маневры съ препятствіями и взятіе Гунѣба¹⁾, и, кромѣ того олимпійскія игры“.

И на этотъ разъ (т. е. въ 1861 году), какъ и въ прошлые годы, Государь милостиво изъявилъ обѣщаніе быть у насъ на масляной. Это было, кажется, въ ноябрѣ или въ началѣ декабря; и вотъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, уже не на рискъ, а навѣрняка начались у насъ нешуточныя приготовленія къ приему на масляной недѣлѣ августѣйшихъ гостей. Спектакль (т. е. русская и французская пьесы; актеры—конечно, кадеты) былъ отмѣненъ, ибо при дворѣ и въ арміи былъ трауръ по случаю кончины Императрицы Александры Теодоровны²⁾, но за то олимпійскія игры и взятіе Гунѣба готовились, что называется, во всю.

Планъ маневровъ былъ таковъ: неранжированная рота раздѣляется на двѣ части, одну, занимающую въ качествѣ позицій, помѣщенія со стороны классныхъ комнатъ, другую, со стороны камеръ; между тою и другою частями находились реакціонный залъ и, такъ называемая, „сѣдьяма камера“, служившая какъ бы запасною комнатою въ ротѣ, никѣмъ не занятая и находившаяся почти всегда назаперти. Поперекъ зала и сѣдью комнаты (черезъ двери послѣдней, выходившія въ рекреационный залъ, какъ разъ въ середину его), на время маневровъ, протягивалась полотняная дорожка, долженствующая изображать пограничную рѣку, отдѣляющую другъ отъ друга воюющія стороны. „Первый“ отрядъ (изъ классныхъ комнатъ) наступалъ, „Второй“ оборонялся; при чемъ прежде всего ему приходилось защищать переправу черезъ рѣку, которую первый отрядъ стремился совершить при помощи понтоновъ. Въ виду этого, первое столкновеніе отрядовъ получалось именно въ рекреационномъ залѣ, при чемъ съ той и другой стороны выѣзжала на позицію артиллерія (по одной пушкѣ). Молодцы наводчики, для выполненія своего дѣла, лихо садились верхомъ на лафеты³⁾ (а если забывали это сдѣлать, прежде выстрѣла изъ пушки,

¹⁾ Я. Ф. это произносилъ такимъ образомъ: „манѣвры (ѣ—какъ франц. eu) съ препятствіемъ и взятіе Гунѣба“.

²⁾ Августѣйшей матери Императора Александра Николаевича, скончавшейся 20 октября 1860 года.

³⁾ Пушки и лафеты представляли собою деревянные модели настоящихъ, существовавшихъ въ то время въ полевой артиллеріи образцовъ, значительно

то ставились на штрафъ къ печкѣ), и, одновременно съ выстрѣломъ, предназначенный для этого кадетъ бросалъ въ непріятеля черезъ рѣку упругій резиновый небольшой мячикъ, одинъ изъ многихъ находившихся у него въ сумкѣ (гдѣ они лежали погруженными въ мѣловую пудру). Такой мячикъ, попадая въ кого-нибудь изъ воиновъ непріятельской рати, конечно, отмѣчалъ довольно отчетливо мѣсто своего прикосновения, чѣмъ обязательно выводился изъ строя тотъ, въ кого мячикъ попадалъ; впрочемъ, при этомъ убитыхъ совсѣмъ не полагалось: выведенный изъ строя шель на перевязочный пунктъ, гдѣ залачканное мѣломъ мѣсто ему перевязывали бѣлыми бинтами, и онъ возвращался тотчасъ же въ ряды сражающихся. Вся эта процедура выполнения на кадетскихъ потѣшныхъ маневрахъ дѣйствій, совершаемыхъ обыкновенно въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, была должно быть очень забавна, если смотреть со стороны; по крайней мѣрѣ, на масляной недѣлѣ, когда въ присутствіи Государя и Царской фамиліи совершалось уже, такъ сказать, настоящее сраженіе, великій князь Николай Николаевичъ, замѣтивъ въ разгарѣ одного изъ моихъ маленькихъ товарищей съ перевязанною поперекъ живота бѣлою повязкою и получивъ на свой вопросъ, о значеніи этой повязки, бойкое объясненіе отъ носителя ея, что онъ „раненъ ядромъ въ животъ“, не могъ удержаться отъ смѣха, проговоривъ: „миленькій, да вѣдь при такой ранѣ, какъ твоя, все-таки надо бы полсжать немножко!“

Какъ бы то ни было, первый отрядъ, подготовивъ переправу артиллерійскимъ и стрѣлковымъ огнемъ, переходилъ затѣмъ построенные саперами черезъ рѣку понтоны ¹⁾ и начиналъ немилосердно тѣснить непріятеля, гоня его до послѣдней „четвертой“ камеры, гдѣ (ко дню исполненія маневровъ въ присутствіи Государя) была устроена декорація, изображавшая красивую скалу, покрытую зеленью, что должно было, вѣроятно, напоминать знаменитый Гунибъ. Здѣсь подавался сигналъ отбоя...

Всѣ репетиціи Яковъ Федоровичъ продѣлывалъ лично самъ, и при томъ, какъ истый нѣмецъ, крайне педантично: такъ, напримеръ, была цѣлая бѣда, если ядрометатель, увлекшись своимъ

впрочемъ уменьшенная, съ приспособленіями для разбиванія капсюлей, что должно было знаменовать собою выстрѣлъ пзъ оружія.

¹⁾ Понтоный обозъ состоялъ изъ колесницы, нагруженной маленькими плоскодонными лодочками и досчатой настилкой; нѣсколько пзъ этихъ лодочекъ ставились рядомъ на полотно, какъ бы вдоль рѣки, постѣ чего на нихъ накладывалась настилка; другія же ставились, при самомъ началѣ работъ, поперекъ полотна и служили опорю на водѣ для саперъ, работавшихъ надъ наводкою понтоновъ.

интереснымъ дѣломъ, бросалъ снарядъ (т. е. намѣленный мячикъ) раньше, чѣмъ дѣлался выстрѣлъ изъ его пушки; еще хуже бывало, если стрѣлковая цѣпь, которая стрѣляла въ непріятели изъ духовыхъ ружей, тоже намѣленными пробочками, не пользовалась различными мѣстными прикрытіями, которыя въ изобиліи разставлялись по обѣимъ берегамъ рѣки (на парадныхъ маневрахъ это были писанныя на картонѣ декораціи кустовъ, на репетиціяхъ—стулья и табуретки); но самымъ величайшимъ прегрѣшеніемъ являлось—когда кто-либо изъ саперъ, при наводкѣ понтоновъ, становился прямо на полотно, изображавшее рѣку, забывъ предварительно поставить на него выдолбленную въ деревѣ плоскодонную понтонную лодочку... „Потонешъ,—неистово кричалъ Я. Ѳ.—потонешъ!“, а иногда и прямо приказывалъ послѣ обѣда поставить на штрафъ виновнаго въ такой оплошности „за невниманіе“.

Закончу это сообщеніе описаніемъ прочихъ игръ, исполненныхъ кадетами въ присутствіи Государя и Августѣйшей Семьи въ 1861 году.

По приѣздѣ великихъ князей и Государя игры начались стрѣльбою изъ монте-кристо въ разныя движущіяся фигуры звѣрей и стаю летающихъ птицъ. Ротный „дядька“ нашъ, отставной унтеръ-офицеръ, старикъ, поставленный на „наблюдательный пунктъ“, долженъ былъ извѣщать стрѣляющихъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ выстрѣла, выставляя на длинныхъ шестахъ, въ первомъ случаѣ яблоко, а во второмъ—какую-то смѣшную нѣмецкую фізіономію, намалеванную въ профиль на картонѣ, показывающую, по хорошо извѣстному всѣмъ способу, „носъ“ приставленіемъ двухъ рукъ съ растопыренными пальцами къ своему собственному носу ¹⁾.—Представьте же себѣ, читатель, ужасъ Я. Ѳ., который, впрочемъ, отчасти передался и намъ, кадетамъ, когда, въ отвѣтъ на неудачный выстрѣлъ Государя въ стаю летающихъ (и поющихъ, должно прибавить) птицъ, дядька показалъ изъ-за своего прикрытія второй сигналъ... Государь, чтобы ободрить сконфуженное начальство, весело разсмѣялся, потребовалъ повторенія номера, сдѣлалъ еще выстрѣлъ, и птичка свалилась на полъ съ мелкаго крючка, къ которому была прикрѣплена, къ общей радости всѣхъ ²⁾. Попадавшихъ въ цѣль кадетъ Государь собственноручно награждалъ большими (опортовыми) яблоками, которыя счастливыцы тутъ же и съѣдали.

¹⁾ Такую фізіономію впоследствии мнѣ пришлось видѣть на заглавной страницѣ „Кладерадача“.

²⁾ Мы не знали тогда, что Императоръ Александръ Николаевичъ былъ страстный охотникъ и прекрасный стрѣлокъ.

По окончаніи стрѣльбы, Государь, великіе князья и свита были приглашены въ первую камеру (примыкавшую къ рекреационному залу). Камера эта на этотъ день была превращена въ густой хвойный лѣсъ, иллюминированный разноцвѣтными фонариками; посрединѣ ея стояла декорация—швейцарскій домикъ, а передъ домикомъ—десять кадетъ, одѣтыхъ тирольцами и два—тирольками. Одинъ изъ десяти (Маріуца) держалъ въ рукахъ гитару, на которой впрочемъ не умѣлъ взять ни одного аккорда. Но, тѣмъ не менѣе, при приближеніи Государя, все-таки раздался красивый аккордъ на гитарѣ, и всѣ двѣнадцать хоромъ запѣли веселую тирольскую пѣсенку:

Schönster Knabe, scharmande Knabe,
 Was kannst du machen, was kannst du spielen?
 Ich kann spielen auf meinen Trommel
 Trum der rumm, das ist ein Trommel...
 Schönster Knabe, scharmande Knabe, и проч.

Перечислялось одинъ за другимъ по крайней мѣрѣ до семи инструментовъ и при каждомъ отвѣтномъ куплетѣ пѣвцы повторяли всѣ исполненные раньше характерные звуки этихъ инструментовъ, сопровождая ихъ соответствующими движеніями рукъ. Такъ какъ вся пѣсенка исполнялась въ довольно ускоренномъ темпѣ и вслѣдствіе этого перемѣны въ движеніяхъ рукъ слѣдовали очень скоро одна за другою, то общій эффектъ, получавшійся при этомъ, былъ очень интересенъ и милъ и вызывалъ улыбку у всѣхъ, кто въ первый разъ присутствовалъ при исполненіи этой вокально-мимической сцены.

Затѣмъ исполнено было еще нѣсколько тирольскихъ пѣсень, послѣ чего Государь освѣдомился: „кто обучалъ кадетъ этимъ пѣснямъ?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Яковъ Ѳедоровичъ испросилъ позволеніе представить учителя, вывелъ изъ дверей швейцарскаго домика настоящаго природнаго тирольца въ его національномъ костюмѣ, который, какъ оказалось теперь, собственно и являлся аккомпаниаторомъ на гитарѣ для хора, сидя за декорацией. Государь удостоилъ тирольца нѣсколькими вопросами и, похваливъ исполнителей, перешелъ въ рекреационный залъ, гдѣ все уже было готово для олимпійскихъ игръ, т. е. поставлены вокругъ зала, нѣсколько отступя отъ стѣнъ, декораций, которыя, при нѣкоторомъ усиліи воображенія, можно было дѣйствительно принять за каменную ограду, ограничивающую кругомъ арену, на которой должны были происходить олимпійскія игры. Противъ царскаго мѣста, на двухъ возвышеніяхъ, въ величественныхъ тогахъ, уже сидѣли олимпійцы-

судьи, съ длинными сѣдыми бородами и съ убѣленными сѣдиной же головами; греческая же молодежь, жаждавшая состязаній, чтобы выказать свою ловкость и силу, толпилась на другомъ концѣ арены въ короткихъ туникахъ и въ трико. Это были кадетки, отличавшіеся, среди прочихъ своихъ товарищей, именно помянутыми качествами, т. е. ловкостью и силой. Состязаніе началось метаніемъ диска.

Послѣ состязанія диска, были состязанія въ быстротѣ бѣга, въ прыганіи въ ширину и высоту, въ борьбѣ и проч. и, наконецъ,— бѣгъ колесницъ.

Колесницы представляли собою коню съ древне-греческихъ колесницъ, т. е. экипажи эти были двухколесные съ платформою на оси, для стоянія состязающихся (одѣтыхъ въ военные доспѣхи со шлемами на головахъ), и имѣли дышло, въ которое было запряжено по парѣ коней. Коней представляли собою маленькіе ростомъ, но быстроногіе кадеты, помѣщавшіеся подѣ искусно выдѣланной изъ картона лошадиною головою, при чемъ туловище лошади, обрисованное легкими камышевыми прутьями и покрытое сплошь попоною, дополняло иллюзію, т. е. получалось нѣчто въ родѣ настоящаго коня. Обѣ колесницы, запряженные такими конями, отъ царскаго мѣста по данному сигналу, сразу помчались въ противоположномъ другъ отъ друга направленіи и, сдѣлавъ пробѣгъ строго измѣреннаго въ ту и другую сторону разстоянія, повернулись (съ помощью другихъ кадетъ) обратно; побѣдителемъ, конечно, остался тотъ, кто раньше достигъ опредѣленной точки, подѣ царскаго мѣста. Все это было очень эффектно и не мало забавляло младшихъ великихъ князей, присутствовавшихъ при нашихъ играхъ. Призовыя лошади, при звукахъ туша, получили каждая по нарядной корзиночкѣ, наполненной, подѣ легкимъ слоємъ настоящаго сѣна, шоколадными конфетами, возница же—лавровой вѣтвю и пальмовую вѣтвь...

Олимпійскія игры закончились произнесеніемъ тремя кадетами (одѣтыми въ туники и тоги) стиховъ: русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ. Случайно у меня сохранился до сихъ поръ листокъ, на которомъ написаны были французскіе стихи, носившіе заглавіе „La distribution des prix“ начинавшіеся такъ:

Voici, voici le jour des triomphes classiques!

On court, on vole en foule à ces fêtes publiques... etc.

Нѣмецкіе стихи декламировалъ кадетъ Никитинъ и декламировалъ — прямо сказать — превосходно, тогда какъ произносившіе французскіе стихи нѣсколько шаржировалъ, впадая въ нѣсколько излишній паеосъ.

За олимпійскими играми слѣдовали маневры, о которыхъ мы упомянули выше. Участники въ маневрахъ выказали чрезвычайное увлеченіе; въ наступающемъ отрядѣ, кадетъ Л. мѣтко бросалъ черезъ рѣку въ обороняющійся отрядъ свои намѣленные мячки и ни разу не забылъ дѣлать это послѣ выстрѣла изъ пушки; кадетъ Я., распорядясь, въ качествѣ офицера, артиллерійскимъ боемъ, выказалъ—какъ и подобало артиллеристу—великое хладнокровіе; саперы, хотя и не щадили своей жизни для облегченія переправы своему отряду, однако же ни одинъ изъ нихъ не выказалъ при этомъ такого неблагоразумія, чтобы лѣзть въ рѣку прежде, чѣмъ будутъ спущены въ нее лодки понтоннаго обоза... Наконецъ, въ надлежащій моментъ, приблизились строемъ къ рѣкѣ главныя силы наступающаго отряда и, перейдя понтонъ, подъ звуки австрійскаго марша, быстро пошли въ атаку на обороняющихся, которые, какъ ни было то нестерпимо для самолюбія кадетъ, составляющихъ этотъ отрядъ, долженъ былъ по программѣ отступитъ (что было неоднократно продѣлано на ренетиціяхъ) въ первую камеру, гдѣ оставался еще стоять непроходимый лѣсъ ёлокъ и тирольскій домикъ; затѣмъ повернуть во вторую, и, пройдя ее и третью, остановиться въ четвертой у стѣны, изображавшей неприступный Гунибъ. Здѣсь наступающимъ отрядомъ съ крикомъ „ура“ и подъ звуки того же марша была произведена послѣдняя, рѣшительная атака... Впрочемъ, въ самый разгаръ боя, атака была остановлена протяжнымъ сигналомъ на рожкѣ—„отбой“...

Государь похвалилъ дѣтей; кадеты радостно отвѣчали хорошо извѣстною фразою „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ Затѣмъ оба отряда перемѣшались между собою, кадеты сгруппировались по голосамъ и хоромъ (почти всей роты) пропѣли слѣдующіе стихи:

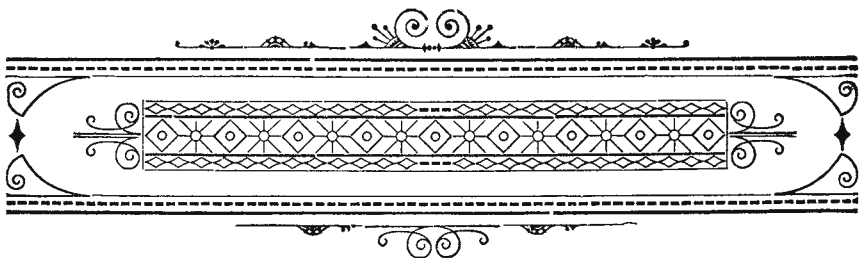
Теперь, пока еще мы малы,
 Одно подчасъ заботитъ насъ:
 Хорошіе по классамъ баллы
 И воздержанье отъ проказъ.
 Но цѣлый годъ съ надеждой жадной
 Мы ждемъ по днямъ и по часамъ,
 Чтобы явился день отрадный,
 Чтобъ Государь пріѣхалъ къ намъ.
 Съ любовью пали бъ мы въ объятія
 На сердце доброе къ нему,
 Съ любовью наши чувства, братья,
 Мы пѣсню выразимъ Ему.

О, Боже, сохрани Царя!
Да минеть дней его невзгода,
Да судъ и милости твоя,
Живеть для русскаго народа.
Любовью Царственной семьи
Да будетъ жизнь Его согрѣта,
Господь Царя благослови
И сохрани на многи лѣта!
Ура!!!...

Такъ закончились наши масляничныя игры въ 1861 году. Долго послѣ того среди кадетъ шли разговоры о нихъ, и не только во время нахождения въ неранжированной ротѣ, но и на слѣдующій годъ, послѣ перехода нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 3-ю роту.

А. Пахарнаевъ.

Письмо О. Михайлова къ А. О. Лабзину.

Почтенный Другъ и

Милостивый Государь мой!

Любезное письмо ваше отъ 16 іюля съ книгами вашими и вслѣдъ за нимъ другое отъ 24 числа я получилъ. Приемля оныя за знакъ особеннаго вашего ко мнѣ благорасположенія, много благодарю васъ за все оное. Входить въ сужденіе причинъ, по которымъ Синодъ не одобрилъ вашихъ книгъ, я, почтенный другъ, не смѣю, за силою высочайшаго указа, Римлян.: XII. 1. 5. Самому цензуровать ваши книги не почитаю себя въ правѣ: по довѣренности же вашей скажу вамъ мысли мои на письмо только ваше, въ коемъ изъяснили вы вашъ образъ мыслей.

Истинно, всѣмъ намъ беречься должно самимъ садиться на учительскій стулъ, ибо христіанъ одинъ учитель Христось, Мате. XXIII. 8. Прочіе всѣ преемники Его, и это санъ апостольскій, т. е. посланныхъ проповѣдниковъ ученія Его. Всѣмъ быть учителями негодится, самому жаловать себя въ оныя неприлично; а должно быть избрану, послану. Но посланникъ имѣть всякій кредитивную, и имъ вѣрующую грамоту на свое посланничество, и всѣ, сколько мы ихъ видимъ въ св. Писаніи, обыкновенно отказывались еще отъ должности сей, а не набивались на оную, такъ что почти невольнo вступали въ сіе знаніе. Мы уже, волею вступая въ оное, какое имѣемъ свидѣтельство на наше посланничество?

Собственная ревность къ сему не достаточна; она можетъ далеко завести насъ и подвергнуть тѣмъ же упрекамъ, какіе дѣлаетъ Павелъ Колосс.: 11. 16 и Римл.: X. 2.

Синодъ же такое свидѣтельство имѣетъ, и оно записано въ протоколъ у Павла римл.: XIII. 1. 2 и у Матѳея XXIII. 2. 3 буде же бы мы возмнили, что онъ должность свою исправляетъ худо: то онъ сверхъ того протокола, сошлется еще на милостивый манифестъ римл. XIV. 4. и мы, если будемъ люди совѣстные, должны будемъ при семъ замолчать.

Ревность оная заслѣпляетъ намъ глаза, и мы не видимъ того, что самолюбіе наше дѣйствуетъ тутъ, по крайней мѣрѣ, наполовину. Мы думаемъ о себѣ, что мы и лучше другихъ знаемъ и лучше исполняемъ, и лукавимъ и предъ людьми и предъ собою, не примѣчая того. Но испытующій сердца и утробы, видитъ и *тайная наша*, отъ которыхъ Давидъ такъ усердно просилъ очистить его, псал.: XVIII. 13 и видя то, для нашего же собственнаго блага полагаетъ иногда дверь огражденія о устахъ нашихъ, и рабъ покорный *молчи* и молчи безъ ропота.

Непосерчайте на меня, почтенный другъ, что я смѣю такъ говорить съ вами, я говорю также и себѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, если я лучше другихъ разумѣю и больше смышлю, сіе разумѣніе и смыслъ даны мнѣ для исполненія познаннаго, а не для того, чтобы съ своей шею сваливать то на другого. Часто и добрыя наши повидимому намѣренія несутъ намѣренія божескія, какія напредмѣръ намѣренія были ваши и мои при писаніи нашихъ книгъ?

Помочь людямъ, остающимся безъ правильнаго руководства въ богопознаніи, и такъ сожалѣніе о семъ недостаткѣ ихъ. Но сотворивый око, не видитъ ли? Сотворивый ухо не слышитъ ли? Менѣ ли моего онъ любитъ челоуѣка? Менѣ ли моего печется о нихъ? И не болѣ ли имѣетъ способовъ къ приведенію ихъ въ познаніе истины? И такъ сіе жалѣніе, сію тугу сердца можемъ представить Ему же въ молитвѣ; воззовемъ изъ глубины сердца: *да святится имя Твое!* но скажемъ тутъ же и *да будетъ воля Твоя!* Соломонъ говоритъ: *Есть время глаголати и есть время молчати:* будемъ говорить, когда Онъ прикажетъ, но будемъ и молчать, коли Онъ говоритъ намъ не позволяетъ. Безъ воли Его ничего не бываетъ, тѣмъ паче христіанинъ, предающійся сей волѣ, долженъ все случающееся съ нимъ принимать отъ руки Его. И такъ сами себя и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ, не въ словеса токмо, но воистинѣ.

Я такія же имѣлъ намѣренія, пачиная Сіонскій вѣстникъ, при выходѣ еще марта мѣсяца сдѣлано было на него нападеніе, и

апрѣль мѣсяцъ былъ задержанъ. И кто же вмѣшанъ былъ въ сіе дѣло?

Самъ Государь.—Я готовъ былъ тотчасъ прекратить мой журналъ, но подумалъ: „твердость духа есть добродѣтель, трусость порокъ; при обстоятельствахъ благопріятствующихъ немудрено быть смѣлу, но при трудныхъ не всякъ сражаться съ ними захочетъ; постоянство состоитъ въ томъ, чтобъ не утрашиться препятствій“. И такъ я вступился за свой журналъ, однакожь слегка, ненасилуя обстоятельствъ, не прося ничего покровительства, ни заступленія, а предавъ все въ волю Божию. Апрѣль выпустили, и продолженіе журнала разрѣшили: я опять принялся за него и опять посвятилъ дѣло мое волѣ Божіей, какъ то въ маѣ мѣсяцѣ написано. По выходѣ іюня и іюля опять поднялась буря, которая длилась болѣе мѣсяца и простиралась до того, что и въ городѣ и при дворѣ, и въ кабинетѣ и за столомъ у Государя, судили и рядили о моемъ журналѣ, какъ о зломъ какомъ умыслѣ, и обо мнѣ, какъ о преступникѣ; и были, указываютъ, такіе усердные голоса, что предлагали даже запереть меня въ крѣпость. Все сіе долго отъ меня таялось, но и я узнаю о семъ. Я не прибѣгалъ ни къ чьей помощи, и продолжалъ мое дѣло: выдалъ августъ и печаталъ сентябрь, которымъ и кончилъ потому, что объявлено уже было именное повелѣніе цензурѣ не пропускать такихъ книгъ. Вы видите, что я не трусь; и чтобъ больше васъ въ томъ увѣрить, скажу вамъ, что и конча мой журналъ, я подалъ бумагу, которая представлена была Государю и осталась безъ отвѣта. Для любопытства вашего прилагаю у сего сію самую бумагу, а кстати и первую, поданную въ мартѣ. Изъ сего вы видите, что Господь защитилъ меня отъ сильной руки: но не защитилъ Сіонскаго вѣстника, буди же Его святая воля. Не должно ли покоряться ей искренно во всемъ безусловно!

Что же я могу сдѣлать съ вашими книгами, почтенный другъ, когда они уже столько мытарствъ пробѣжали и вездѣ безъ удачи? Безъ синодекаго дозволенія нельзя ихъ напечатать, а Синоду за своимъ опредѣленіемъ нельзя ихъ разрѣшить, хотя бы члены и захотѣли, чего нельзя ожидать, развѣ въ будущіе вѣки. Переводить ихъ на иностранные языки и тысячей рублей будетъ мало, и охотниковъ не сыщешь, и нужды никакой нѣтъ, ибо на иностранныхъ языкахъ всякаго рода книгъ и лучше нашихъ есть, остается только покориться судьбѣ.

Впрочемъ сказать такъ же надобно, что цѣль наша хотя и добра, однако еще не прямая. Царствіе Божіе состоитъ *не въ словеси, а въ силѣ*, т. е. дѣлѣ. Самъ Спаситель началъ *творити и учити*, а

не учи ти и твори ти; слѣпыхъ долженъ водить уже не слѣпецъ, я же не выучилъ самъ и того. Еще, что самъ же написалъ на многихъ страницахъ письма моего къ тавримону, помѣщеннаго въ февралѣ Сіонскаго вѣстника; какъ же берусь я учить другихъ? Врачу исцѣлился самъ! Изми прежде бревно изъ ока твоего, потомъ вынимай сучокъ изъ глаза брата твоего. Право, не подѣламъ ли намъ и наложили на насъ молчаніе? Все, что въ семь случаевъ безъ укоризны совѣсти мы себѣ позволить можемъ, есть послѣдованіе данному правилу Матѣ.: V. 42. Кто самъ у Меня наставленія просить будетъ, тотъ мой суженый ряженный, но и то только въ мѣру, заповѣданную самимъ Спасителемъ, Матѣ.: VII. 6. Марка IV. 11. 12. Иоан. VI. 12. Сія заповѣданная самимъ Господомъ осторожность дана бытіе тайнымъ благонамѣреннымъ обществамъ, которыя гонимы поневѣденію, и потому, что много есть ихъ и худыхъ.

Въ добавокъ къ сему присовокуплю еще: 1-ое, что истинное богопознаніе не состоитъ въ понятіяхъ и если хотѣтъ подлинно пріобрѣсть оное, то должно учиться сему у самого Бога, который непонятія поставляетъ способомъ къ богопознанію: *полюбый* сказано *позна Бога*, вкусите, чтобы увидѣть какъ благодать Господь. По сему опредѣленію, подлинно, простой мужичекъ можетъ лучше моего знать Бога, немудрствуя о Немъ. На сихъ дняхъ здѣсь умерли скоростижно ночью, не бывъ больными, два человѣка, одинъ имѣвшій за 60 лѣтъ, другой 30, и оба добрые люди, но старику, конечно, всякій отдастъ бы преимущество. Умерли же оба разнo. Старикъ за сказками, которыя сказывальщица сказывала ему, когда онъ легъ съ женой въ постелю; а молодой человѣкъ найденъ молящимся на полу, на колыняхъ, со сложенными руками, и лбомъ упертымъ въ землю. Сей повидимому любилъ Бога и зналъ Его, хотя не училъ никого своему знанію. 2-ое если я не бывъ посланъ на проповѣдь, не буду и учить людей, то хотя бы люди и остались въ невѣденіи Бога, я за нихъ не въ отвѣтъ, кромѣ тѣхъ, коихъ онъ мнѣ далъ въ управленіе; но ежели уча по своему изволенію поспѣю, хотя одно заблужденіе, почтя Его за истину, то вѣрно дамъ отвѣтъ въ томъ Богу.—И что жъ скажу я въ оправданіе мое? Ревность подвизала меня? Но эта ревность означена у Павла Колос. 11. 18 и каково будетъ инымъ нашей братии ревнителямъ, образецъ познанъ у Матѣ. VII. 22 и слѣдующіе.

Взявъ же сіе въ разсужденіе, можно теперь опросить васъ, почтенный другъ, увѣрены ли вы, что вы въ ученіи вашемъ не посягаете никакихъ заблужденій? и достаточна ли одна собственная въ томъ увѣренность? Я будучи во всемъ почти согласенъ съ вами

по требованію вашему осмѣливаюсь искренно предложить вамъ мои замѣчанія на нѣкоторые пункты письма вашего.

1-е. Боюсь всякаго воспламененія гнѣва, рвенія и духовной гордости, чему я весьма подверженъ, я подозрѣваю всегда и себя и другихъ, гдѣ примѣчаю бурю, ибо *не тамо Господь* 3 Царствъ XIX. 10—13 и вѣря Іоанну, что Богъ любви есть, что въ любви пребываая въ Бозѣ пребываетъ, что кто говоритъ: люблю Бога, но не любить брата, лжетъ, и что любить по описанію Павлову, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не раздражается и проч. 1—Корин. гл. 13-я. Я не соглашаюсь съ вами, почтенный другъ, въ томъ жаркомъ негодованіи вашемъ и сильныхъ упрекахъ, какіе частенько въ письмѣ вашемъ встрѣчаются противу сѣдящихъ на Моисеевѣ сѣдалищѣ. Да милосердствуетъ же о нихъ любовь ваша и не раздражается ревность ваша, надобно пожалѣть о нихъ, не вѣдятъ бо что творятъ и пожалѣть потому, что они не разумѣютъ лучшаго. Гдѣ имъ было тому научиться? Подумайте, кто у насъ происходятъ въ главные наши Святители? откуда? что за люди? гдѣ имъ было почерпнуть что-нибудь? А невѣденіе дѣлаетъ половину грѣха, въ которомъ судить его одинъ Богъ, особливо, если человѣкъ дѣлаетъ въ чемъ ошибку, но по лучшему своему разумѣнію, какъ наученъ, какъ смыслить и по принятымъ еще правиламъ, не имъ установленнымъ. Сего не говори. Онъ и не говорить. Сего не попускай! онъ и не попускаетъ. Надобно также вспомнить, что намъ сказано: *дамъ вамъ пастыри по сердцу вашему*. И такъ каковы наши сердца, таковы и пастыри даются; у развратнаго народа иногда и все доброе отнимается; посмотрите какъ грозить Самъ Господь у Исаи Ел. 3, а потому и кажется мнѣ, что лучше ревностію своею поусердствовать любви, которая такъ высоко цѣнится, и Господомъ нашимъ и учениками Его; и оставя всякое негодованіе на то, что не отъ нашей воли зависитъ, и за что мы не отвѣчаемъ, всяцѣмъ храненіемъ блюсти сердце свое отъ того, за что мы отвѣчать можемъ. Какъ любовь есть лучшій Путеводитель... и къ познанію Бога, нежели разумъ и всѣ напряженія другихъ нашихъ силъ, то и будемъ совершенствоваться паче въ ней, да не отъ единаго устія истекаетъ и сладкое и горькое и да не впадемъ въ премудрость не только земную, но еще бѣсовскую. Послѣдуемъ святому правилу св. Іакова III. 13 до конца.

2. Неоднократно въ письмѣ вашемъ упомянуто при негодованіи вашемъ на книжниковъ и фарисеевъ, что вы напротивъ того не ученый, наукъ въ семинаріяхъ не обучались. И сіе есть во первыхъ укоризна, во вторыхъ и нѣкоторая похвальба, ибо когда я что

осуждаю и вмѣстѣ говорю: я же напротивъ того не то: то симъ самымъ я уже хвалю себя. Черезъ сіе вы хотѣли дать разумѣть, что вы и неучась больше ихъ разумѣете. Откуда же вамъ сія премудрость бысть? Если отъ всемилостиваго Бога, то Павелъ говоритъ: *что имали, Его же нѣси пріялъ? аще и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріялъ?* 1. Корин. IV. 6. 7. Если ученому нехорошо величаться своею ученостію, то простому тѣмъ паче неприлично величаться своею простотою.

Простите мнѣ, почтенный другъ, мою дерзость, ежели замѣчанія мои найдете вы неумѣстными.

3-е Также я не осмѣлился бы передѣлывать Евангеліе, внося въ него стихи изъ Пророковъ и другихъ книгъ, хотя и Св. Писанія, но другого завѣта, 1-е потому что мнѣ не дана власть ни прибавлять, ни убавлять написаннаго самими учениками Господа, которые, гдѣ надобно было, включали и сами тексты изъ ветхаго завѣта. 2-е потому, что прибавя иной текстъ по моему разумѣнію я его поставлю, можетъ быть, совѣмъ не въ томъ разумѣ, въ какомъ онъ написавшимъ его сказанъ, и такъ свой толкъ я придамъ писавшему его апостолу или пророку. Св. Писаніе, яко слово Божіе выше того, чтобы я могъ съ нимъ обходиться такъ своевольно. Для себя я такія замѣчанія и объясненія дѣлать могу, но чтобы выдавать ихъ въ свѣтъ для назначенія другихъ, это совѣмъ иное дѣло. 3-е потому, наконецъ, что это выйдетъ уже не Евангеліе, а толкованіе на Евангеліе, а тутъ вопросятся, имѣю ли я всѣ способы и право толковать Евангеліе, и не примѣшаль ли я чего чужого отъ своеумія?

И это еще подлежитъ разсмотрѣнію. Почему и въ первой еще церкви Павелъ говорилъ: *не мнози учителя бывайте*, также отъ насъ научитесь, не паче написанныхъ мудрствовать, да не единъ по единому гордитесь на другого 1 Корин. IV. 6, отъ того, что много завелось учителей и нынѣ и прежде церковь раздирается на разные толки; ереси не было бы или была бы одна, если бы ересе-начальники не взялись учить народъ своимъ мнѣніямъ,

И такъ для соблюденія единства въ каждой, хотя и раздѣлившихся уже церковей, дабы онѣ не дѣлились еще на множайшія раскола, справедливость требуетъ, чтобы христіанскія книги, яко заключающія самое важнѣйшее ученіе, не выходили иначе, какъ съ одобренія Правительствующихъ Церковью. И сіе бы самое вѣрнѣйшее средство было отъ заблужденій, если бы учителя церкви были истинные; но оно и теперь справедливо, потому что нѣсть власти предержавшей повиноваться должно, даже и строптивымъ властителямъ, и противляющійся постановленной власти Богу про-

тивляется. Слѣдовательно Синоду дано право рѣшить, а мнѣ данъ законъ повиноваться ему.

Сіе что касается до насъ, обыкновенныхъ человѣковъ, но кого Богъ Самъ воздвигнетъ во пророка и пошлетъ, тотъ учить не яко же прочіи человѣцы, но яко власть имѣя. Матѣ. VII. 29.

4-е въ спорѣ вашемъ съ Иоанномъ Дамаскинскимъ за нѣкоторыя пѣсни его, я вамъ не товарищъ. Мнѣніе, подобное вашему, давно извѣстно въ церкви было и оно называлось, помнится, сресью Македонія.

Если Иисусъ не былъ точно отъ Сѣмени Авраамова и Давидова, то апостолы и пророки насъ обманули, ясно напимѣръ говорить о томъ Павелъ I Послан. Тимѣ. II. 6 и 2. Тим, II. 8, а ежели Онъ не принималъ плоти отъ Маріи, то во первыхъ не сбылось изрѣченіе, что сѣмя жены сотретъ главу змія; во вторыхъ Иисусъ бывъ рожденъ безъ мужа отъ Духа Свята, какъ могъ быть отъ единого съ нами сѣмени? То что вы называете утробо-матернымъ хлѣбомъ, къ сему недостаточно; ни хлѣбъ ни другая какая пища не превращаетъ питаемаго въ свое естество, но сама въ плоть его превращается и паче всѣ мы должны бы превратиться въ плоть птичью, рыбью, звѣрину, а иной въ рѣбку, въ горохъ и грибы. Въ пищѣ и въ питіи заключается великое таинство, но совѣмъ другое, и такое таинство, что, разумѣя оное, нельзя приступить къ трапезѣ безъ молитвы и сидѣть за оною безъ благоговѣнія. Вамъ кажется низко для Бога воплотиться въ нашу грѣховную плоть. И подлинно сіе ученіе Сына Божія не вмѣстимо и самому крайнему смиренію человѣческому, но въ томъ то и великость его таинства.

Вспомнемъ однакожь при семъ, что человѣкъ былъ вначалѣ? Иоан. X. 34. дѣян. XVII. 28 и что въ глаголанное въ раю въ падшее человѣчество слово: *Сѣмя жены сотретъ главу змія*. Не было бездѣйственно, и сіе сѣмя развивалось и разнасаждалось также какъ и сѣмя зміино.

Мы оное видимъ въ Авелѣ, въ Сноѣ, Авраамѣ, который видѣлъ *и день его и возрадовался*, который видѣлъ и Мельхиседека, царя и священника, по чину коего учиненъ въ Іерея и Христосъ человѣка безъ отца и безъ матери, безъ причта рода, ни начала днямъ, ни животу конца не имѣющаго, подобнаго Сыну Божію, отъ котораго онъ и благословился. Видимъ, что въ Авраамѣ потомъ падшее чело- вѣчество поднялось на такую высоту, что человѣкъ готовъ уже былъ сдѣлать для Бога то, что Богъ намѣревался учинить для чело- вѣка, потому что Авраамъ *видѣ день Его и возрадовался въ Немъ*. Здѣсь положено начало къ союзу, или открылась возможность къ

примиренію Бога съ человѣчествомъ, и поставленъ завѣтъ между Богомъ и Авраамомъ, и нареченъ онъ отцемъ вѣрующихъ, вѣрныхъ и обѣтовано сѣмени его, что изъ него произыдетъ Спаситель. Такъ всемилостивый Богъ сообщался съ тою линією рода человѣческаго, которая носила имя сыновъ Божіихъ, руководствоваль человѣчество къ поднятію себя на ту высоту, на какой показалось оно во Авраамѣ. И такъ есть причина не презирать Сѣмени Аврамова.

Человѣкъ палъ въ скотство псал. 49, отъ чего и тѣло его сдѣлалось скотскимъ, или правильнѣе скоточеловѣческимъ, животнымъ, которое въ нашей Библии переведено душевнымъ. Сіе скотское тѣло претворенное человѣкомъ, Царствія Божія не наслѣдитъ; но наслѣдитъ оно тѣло Богомъ сотворенное, въ которое въдунулъ Онъ свое дыханіе жизни, и которое есть небесное и останется во всю вѣчность собственностію человѣка. Если скажемъ, что Христось принялъ на Себя одно сіе небесное тѣло человѣческое, то Онъ не будетъ во всемъ подобенъ намъ, какъ говорится Евр. 11. 11. 14. 16, и наше скотство не получило бы отъ того пользы, не было бы разрушено и оставалось бы еще подъ клятвою. Но Иисусъ сдѣлался по насъ клятва, принялъ на себя и душу человѣческую и гнусное наше скотское тѣло, такъ какъ и питался скотскою плотію, рыбами, мясомъ (какъ то пасхальнымъ Агнцемъ) и проч. нескотскія же тѣла скотской пищи не вкушаютъ; какъ то Ангель, сопровождавшій Товію, о себѣ говоритъ, и въ Евангеліи сказано. Но потому то, что Господь Иисусъ Христось, бывъ и самъ *приложивыйся скотомъ*, бывъ и самъ въ падшемъ. Скотскомъ, грѣховномъ, смертномъ, нашемъ тѣлѣ, грѣха не сотворилъ, побѣдилъ онъ причину смерти, грѣхъ, побѣдилъ адъ и діавола, и смертію смерть попраля пожерта стала смерть и разрушена клятва! небесное же тѣло не умираетъ.

Опять скажу: если Иисусъ Христось не принималъ плоти отъ Маріи, а только питался плотію или кровію Маріи: то плоть и кровь Маріи долженствовала превратиться въ естество той плоти, которую Онъ въ утробу ея съ собою снесъ по закону общему, что не нижнѣ навъшнѣ, но вышнѣ дѣйствуетъ на нижнѣ и что снѣдаемое снѣдающаго умертвить можетъ, но въ себя превратить не можетъ. А тогда Христось не *пріобщился уже плоти и крови пріискрещеннъ* и нѣтъ искупленія; ибо что диковины тѣлу не человѣческому терпѣтъ страсти человѣческія! Тѣло камня и тѣло Ангела не страдаетъ отъ тѣхъ ударовъ, отъ какихъ мое терпѣтъ. Надлежало возстать падшему человѣку, а не ангелу за человѣка, ни Богу не падшему.

Симъ мнѣніемъ разоряется самое основаніе спасенія нашего; ибо тогда Христось оставался бы только Богомъ, судьбою, прибавившимъ намъ еще суда тѣмъ, что за насъ пострадалъ; а не агнцемъ подъяремничимъ, поднявшимъ всю тяжесть грѣха, и не искупителемъ, потому что ѣвши только отъ плоти нашей, онъ также не былъ бы то, что мы, какъ ѣвши рыбъ, онъ не дѣлался отъ того рыбою. И такъ я думаю, что приводимый вами текстъ изъ пророка Іезекііля гл. 44, ст. 3 не то означаетъ, что вы разумѣтѣ; скажу даже, весьма опасно человѣку толковать Св. Писаніе духовно, неимѣя въ себѣ духа Божія, также, что пророки ветхаго завѣта не все такъ ясно видѣть могли, какъ оное явлено въ новомъ завѣтѣ благодати. Засвидѣтельствуемъ вамъ то Павелъ, который тѣмъ и начинаетъ свое посланіе къ евреямъ: „что же все то, что по частно, порознь, и разнообразно объявлялъ Богъ отцамъ нашимъ чрезъ пророковъ; все то наконецъ вкупѣ, вмѣстѣ въ цѣломъ открылъ Богъ во Іисусѣ, который и проч.“.

5. О духѣ и плоти разнящихся между собою, сказать надобно, что всякая плоть имѣетъ духа, только своего, ей приличнаго; и каковъ духъ, такова и плоть; ибо невсяка плоть таже плоть; есть тѣлеса небѣсныя и тѣлеса земныя, и звѣзда отъ звѣзды разнится, и иная слава небеснымъ, иная земнымъ.

По сему иная плоть и пользуется, какъ сказано Іоан. VI. 54. Сказано же *духъ есть, иже оживляетъ, плоть же не пользуется ничтоже*, справедливо; такъ какъ бы я сказалъ неодушевленному, бездушному, мертвому, что пользы въ пищѣ; а духомъ оживленной плоти, пища нужна и пользуется. Чтобъ Христось распинался на всякой литургіи, сего нигдѣ нѣтъ; а церковь сіе творитъ въ воспоминаніе по Его же заповѣди; недуховно Онъ часто распинается и страждетъ въ человѣкѣ.—Что же касается до словъ вашихъ, что Христось, по воскресеніи былъ *весь духовенъ* тому противорѣчитъ онъ самъ Лук. XXIV. 39.

6-е. Былъ ли гробъ Господень запечанъ или нѣтъ, въ томъ нѣтъ большой (надобности) важности ни для вѣры ни для спасенія нашего. Тѣло могшее проходить сквозь стѣны дверямъ затвореннымъ, могло выйти и изъ за печати. Дѣло въ томъ: воскресъ ли Христось или нѣтъ? А какимъ манеромъ, вѣрь, кто какъ лучше думаетъ; бѣды въ томъ нѣтъ.

7-е Что Маріи Магдалинѣ явился Онъ прежде, какъ и когда, и сіе обстоятельство для спасенія души не важно. Тому ли, другому ли, но Онъ по воскресеніи явился. Увѣрившись въ томъ, я по апостолу 1 Корин. XV. 22. увѣряюсь, что такожде *и плоть моя вселится на улованіи*—дѣйствія отъ его воскресенія.

8-е. О мощахъ не для чего много состязаться. При истинной вѣрѣ онѣ столько же могутъ быть полезны какъ и не нужны. Но замѣтите, что человекъ и добро и зло творить вмѣстѣ съ тѣломъ, слѣдовательно и воздаяніе зато приметъ вмѣстѣ жъ съ тѣломъ, какъ и здѣсь въ страстяхъ духа страдаетъ и тѣло, а въ спокойствіи его тѣло радуется, лице цвѣтетъ и свѣтлѣется. Но можетъ ли иногда духъ одуховить тѣло? Отъ чего Енохъ и Ілія возлетѣли съ тѣломъ на небо? Но это де не то уже тѣло. Что же скажетъ о семъ свѣдѣтельствѣ Св. писанія и ветхаго завѣта? 4 Цар. XIII. 21 Сирах.: XXXXVIII. 14 XXXXIX. 17. не только тѣло, яко покровъ духа, но и одежда тѣла и другія его принадлежности у великихъ Святыхъ чудодѣйствовали иногда; вспомнимъ кровоточивую жену, прикоснувшуюся ризѣ Спасителя, вспомнимъ милоть Іліину, жезлъ Елисеѣвъ и проч. Тоже можно сказать и о мѣстахъ такихъ, какъ Виелеемъ, Назаретъ, Голгоѳа, и о вещахъ такихъ же. Мѣдная змѣя воздвигнутая Моисеемъ, изцѣляла; прикоснувшійся въ ковчегу нечистый былъ поражаемъ; Соломонъ построилъ храмъ Господу, такъ сказать, заморозилъ его, выпрося у Господа именно, чтобы всякъ, хотя бы иноплеменикъ, который помолится *на семъ мѣстѣ*, услышанъ былъ; и народъ, который въ другомъ мѣстѣ не видѣлъ славы Божіей, въ храмѣ зрѣлъ оную. Изъ сего видно, что святыня и съ мѣстомъ сопряжена быть можетъ по благоволенію Божію.

9-е. Что твари должно поклоняться наравнѣ съ создателемъ, судите вы весьма справедливо; но сіе остереженіе не должно быть слишкомъ строго. Но кланяемся ли мы другъ другу! Добродѣтельный не преклонится ли предъ добродѣтельнѣйшимъ! А смиренный христіанинъ, почитающій себя грѣшникомъ, и чистосердечно произносящій *отъ нихъ же первый есть азъ* не задумается повергнуться и предъ другимъ подобнымъ грѣшникомъ менѣе себя, тѣмъ паче предъ тѣмъ, котораго выставляютъ ему за праведника, и Господь зрящій не на внѣшность, а на сердца, не прогнѣвается за такое смиреніе. Даніилъ и Іоаннъ недумали нарушать 1-й и 2-й заповѣди, поклонившись въ ноги Ангелу.

Чтожь касается до того, что не всё внесенные въ святцы, можетъ быть, святые, то не мы ихъ туда помѣстили, и не имѣя права включать во святые, не имѣемъ права и исключать изъ оныхъ. Богъ воздаетъ комуждо по дѣламъ его; и когда я увижу, что Богъ кого, почитаемаго мною, отринетъ, тогда увижу я не иное что, какъ только то, что я ошибался; а это совсѣмъ не диковина для человека; и какъ мнѣніе не составляетъ моего оправданія, такъ надѣюсь, не составитъ и моего осужденія. Предлагаю вамъ о семъ примѣръ, представленный въ апрелѣ Сіонскаго вѣстника на стран. 134 и слѣд.

Еслибъ спасеніе наше зависело отъ мнѣній, то при столькихъ раздѣленіяхъ самой Христіанской церкви, едва ли бы не всѣ мы должны были погибнуть; ибо ни одна Христіанская секта не изъята совершенно отъ какихъ-нибудь заблужденій. Чтожъ! дѣлаться ли для сего мнѣ новымъ реформаторомъ вѣры? Лютеръ и Кальвинъ то предпринимали уже по доброду побужденію. Но что жъ произошло? Сдѣлали Христіанство зависящимъ отъ мнѣній человѣческихъ, подчинили оное человѣческому разуму, вмѣсто того, чтобъ разумъ покорить въ послушаніе вѣры; и слѣдствіе вышло то, что и другіе умы стали осмѣливаться исправлять вѣру посвоему, и начто уже нынѣ походить ученіе многихъ реформатскихъ проповѣдниковъ.

Но что же мнѣ дѣлать при несовершенствѣ понятія моего о моей вѣрѣ? Отвѣтствую: 1) слѣдуй заповѣдямъ Евангельскимъ.—Любяй позна Бога; кто волю мою сотворить къ тому я и отецъ придемъ, и обитель у него сотворимъ; вкусите и видите, яко благъ Господь! Вотъ прямой путь къ богопознанію. Существенное познаніе не иное какое, какъ опытомъ извѣданное, или внушеніе, т. е. соединеніе соковъ той вещи съ соками моими.—Отвѣдать ананасъ, я больше его знаю нежели разсматривая его и читая описанія о немъ. Здѣсь получаю я знаніе о *ананасѣ*; а тамъ знаю сущность ананаса. 2) Согласенъ я съ мнѣніемъ тѣхъ мужей, которые велятъ держаться той церкви, или той религіи, въ которой кто родился, неодобряютъ отступничества отъ вѣры отцовъ своихъ. Сіе мнѣніе весьма основательно; потому что небезволи Промысла случилось, что я родился въ такое время, въ такой землѣ, отъ такихъ родителей, при такихъ обстоятельствахъ; и если Церковь моя заблуждается на другія, можетъ быть вѣщія, тогда, сдѣлавъ то уже по своей волѣ, я и отвѣтствовать зато буду. Наконецъ 3-е) какъ сіе дѣло есть дѣло совѣсти; то, можно кажется всякому позволить въ общихъ мнѣніяхъ разныхъ церквей, слѣдовать тому, которое по совѣсти ему лучшимъ кажется, неукоряя въ томъ слѣдующихъ иному мнѣнію.

10. Монахи также человѣки, и также надѣлали много худа, какъ и мы. Но и они, также какъ и мы неизключены изъ общаго правила терпимости: не судите *да не судими будете*. Оставимъ худое ихъ имъ, зато Богъ судитъ имъ. Зато онъ послалъ Магомета и его послѣдователей, которые поработили церковь, зато послалъ онъ Волтера и другихъ, которые потрясли самые столпы Церкви; зато воздѣйствовалъ вездѣ духъ лжи. Но Господь премудрее и ихъ и его, и въ свое время все очиститъ и исправитъ самъ, истребитъ гумно свое, а до того времени, всякія человѣческія реформаціи будутъ тщетны. Семинаріи и факультеты богословскіе

также много надѣлали худаго тѣмъ, что не имѣя духа, стали все толковать по разуму, но видя ихъ въ томъ погрѣшность, остается намъ самимъ же остерегаться, а неопровергать мудрованіе плоти таковымъ же мудрованіемъ. Попы худы! Лишь бы не я, не смотри на поща, а смотри на дѣло, имъ исправляемое; слушай слова, которыя онъ говорить по книгѣ и которыя говорить не свои.

Вся повелѣнная вамъ, творите, по дѣламъ же тѣхъ, которые глаголютъ и не творятъ, не творите. Весьма сбиваетъ насъ съ пути то, что мы вмѣсто послѣдованія повелѣнію Апостольскому: *внемлите себѣ*, палимъ глаза на другаго. Примѣчая недостатки другихъ, должно дополнить оныя избыточествомъ своимъ. Деньги конечно не выпустятъ изъ ада, и молиться самому безъ сомнѣнія лучше, нежели нанимать за себя молиться: но вѣра воскрешала мертвыхъ, и молиться другъ за друга вѣрно съ таковымъ увѣреніемъ, что молитва добродѣтельнаго мужа весьма много намъ способствовать можетъ; равно и поповъ призывать совѣтуется Іак. V. 14. 16. Сіе дѣло братолюбія ¹⁾ кончится ли сею нашею жизнію? Непринадлежитъ ли оно и къ будущей? Законъ данный Спасителемъ о любви, если только привременный; или постоянный, вѣчный! духовныя существа любятъ ли другъ друга, желаютъ ли добра другъ другу? Ангелы сказано радуются о обращеніи грѣшника; слѣдовательно, они желаютъ сего: по сему же ихъ участію въ насъ, почему же бы они, и всѣ святые духи и души, не могли и молиться за насъ? И почемужъ мнѣ отвергать ихъ помощь? Апостолы, это правда, не учили поклоняться ни Святымъ, ни ангеламъ, но и то истинно, что тѣлеса мучениковъ творили чудеса и цѣлили, и чѣты минеи содержать много истиннаго. Для Бога средства всѣ равны, лишь бы сердце къ нему обращалось. Сердцевѣдецъ вѣдаетъ, о чемъ воздыхаетъ духъ и чего ищетъ; знаетъ что молящійся по невѣденію молитвъ его подъ именемъ Никола или Варвары, извиняетъ невѣденіе и творить съ нимъ милость. А ежели протакъ думаетъ отъ смиренія, что онъ недостойнъ и молиться Богу, и даже поклоняться ему; а просить Святаго помолиться за него Богу, хотябъ и такого, котораго и нѣтъ во Святыхъ, въ чаяніи томъ, что оный угодилъ уже Богу, и молитва его доходнѣе до Бога. Такое искреннее униженіе себя и такая простота ужели останутся тщетными у Бога, который смотритъ на сердца, а не на слова? Ей такой протакъ скорѣе получить благодать, нежели я, умница.

¹⁾ Въ подлинникѣ написано по недосмотру дважды.

Еще повторю: Религія христіанская есть дѣло не человѣческое, а Божіе, то и исправить ее можетъ Богъ, а не человѣкъ. Христосъ все очиститъ, и самое вкравшееся въ насъ идолопоклоненіе; и когда Богъ то терпитъ, то намъ вооружаться противъ сего не слѣдуетъ. Познавъ суевѣріе, непадаты въ оное, есть долгъ; внушить то брату своему полегоныку, который слушаетъ, есть также долгъ: но осуждать зато того, кого Богъ терпитъ и пріемлетъ, не должно. Пусть кланяются иконамъ, лишь бы жизнь свою сообразовали съ ученіемъ Христовымъ. Не отнимай у человѣка посредника, чрезъ котораго онъ возноситъ сердце свое къ Богу; ибо отнявъ у него сего посредника, ты отвратишь его отъ Бога, котораго безъ того онъ чувствовать такъ не умѣетъ. Кто любитъ Бога и Христа, и служитъ ему, какъ умѣетъ, тотъ спасется не смотря на заблужденіе разума, который, и умничая, неменьше заблуждаетъ.

11. Что принадлежитъ до изъясненія спора архангела Михаила съ діаволомъ о тѣлѣ Моисеевомъ: какъ намъ въ Св. Писаніи о семъ не сказано, то сіе обстоятельство, по видимому, и не служить къ нашему спасенію: и такъ начто и входитъ намъ въ гаданіе о томъ? Легко быть можетъ, что догадки наши будутъ ложны.

12. О состояніи душъ по смерти, и что онѣ оправданіе или осужденіе свое получаютъ неинако, какъ уже въ день общаго суда, я немогу утвердительно ничего сказать. Я не знаю, какое понятіе сдѣлать о духѣ или душе, какъ нето, что онъ или она, есть сама жизнь? Что жъ такое жизнь безъ дѣйствія? И такъ души сіи что-нибудь, мнѣ кажется и остаются безъ оправданія до общаго суда. Покрайнѣй мѣрѣ Моисей, Илія и Енохъ, кажется, не дожидались общаго суда; и ежели сказанное разбойнику *Днесъ со мною будеши въ раи*, значить, по вашему мнѣнію, все будущее время, которое для Бога есть *днесъ*: то воскресшія при воскресеніи Спасителя тѣлеса многихъ *святыхъ*, которыя и *явившася мнозѣмъ*, не непоказываютъ того, чтобъ воскресеніе ихъ разумѣлось въ будущемъ, а притомъ они названы именно *Святыми*.

13. Различіе, какое вы находите между пѣснью: Господи силь съ нами буди; иного бо развѣ тебя помощника въ скорбѣхъ не имамы, и пѣснью: Господи, аще небыхомъ имѣли Святыя твои молитвенники, како смѣли быхомъ, и проч. по мнѣнію моему, не показываетъ ничего инаго, какъ различныя состоянія духа. Иногда духъ благодушествуетъ, имать дерзновеніе къ Богу; иногдаже немоществуетъ, находится въ робкомъ, сокрушенномъ, уничиженномъ состояніи, и ему кажется, что онъ ни пѣтъ, ни хвалить, ни молить самъ не можетъ: онъ весь смиреніе, бѣдность, нужда, и самъ въ себѣ отчаянь: тогда онъ радъ у всѣхъ и у всего просить себѣ

подкрепленія, дабы возпарить къ Богу. Блаженно оное состояніе дерзновенія: но блаженно и сіе состояніе крайняго смиренія? Давидъ, въ псалмахъ котораго всѣ состоянія духовныя изображены ясно, часто представляется въ сихъ двухъ различныхъ положеніяхъ, и я не знаю, когда онъ пріятнѣе былъ Богу: тогда ли напимѣръ, когда онъ взывалъ: *суди ми Боже по правдѣ моей*: или когда вопіялъ: *помилуй мя Боже* (уже не по правдѣ моей, но:) *повелитѣй твоей милости*: а я въ *беззаконіяхъ* зачатъ и во грѣхахъ рожденъ?

14. На разсужденіе ваше, что вамъ не вѣроятнымъ кажется утверждаемое Штиллиномъ мнѣніе о тысящелѣтнемъ Царствіи Господа Иисуса здѣсь на землѣ: потому что и самъ Спаситель сказалъ, что Царствіе Его нѣсть отъ сего міра и проч. въ отвѣтъ скажу: это не одинъ Штиллинъ утверждаетъ, а многіе писали о семъ и до него, и даже нѣкоторые объявляли при томъ, что пишутъ о семъ пооткровенію. Пророки всѣ, предрекая Страданія и смерть Иисусову, прорекали вмѣстѣ и славное его Царствіе на земли, избавленіе избраннаго его народа израильскаго отъ плененія, и проч. Иудеи въ томъ и ошиблись, что ждали Мессію грядущаго во славу, а не въ уничиженіи; ибо прежде разрушенія клятвы ожидали славы. Но сіе первое пришествіе Спасителя не исполнило еще всѣхъ обѣтованій; возлюбленный Его народъ не изведенъ еще изъ плѣненія, и продолжаетъ быть въ разсѣяніи еще паче прежняго; и земля, мѣсто грѣха, невозстановлена еще въ прежнее райское свое достоинство, какъ то истребитель грѣха произвести долженъ; и возвѣщенная Исаіею слава Иерусалима и Сіона, куда должны стечься чада Его отъ востока, запада, сѣвера и юга, ни во время житія Христова на земли, ни по отшествіи Его, еще не являлась. Намъ возвѣщено при вознесеніи Господнемъ, что онъ паки такъ же прійдетъ на землю, какъ видѣли Его отъ шедшимъ отъ нея; Любимцу своему Іоанну въ откровеніи Его, называемомъ апокалипсисомъ, онъ открылъ, что будетъ царствовать на земли седьмый тысящелѣтній день. Да и при жизни еще своей въ молитвѣ своей училъ онъ учениковъ своихъ молить: *Да прійдетъ Царствіе Твое!* какое жъ это царствіе? Если небесное, то тамъ давно отецъ его царствуетъ: Но оно должно сойти и на землю, *Да будетъ воля Его и на земли такъ какъ на небеси*. Когда жъ такъ воля божія на земли исполнялась, чтобъ никто не противорѣчилъ и не противился Ей, какъ то дѣлается на небеси? И когда жъ приходило Царствіе Сіе?—Такого совершеннаго яко на небеси, ни въ одномъ уголку земли до днесъ не бывало. Слѣдовательно сему еще быть должно. Ибо въ молитвѣ, которой научены мы отъ самого Господа, пустыхъ прошеній и быть не можетъ. Вы видите, что Царство Сіе

и не будетъ отъ міра сего, когда и Господь и Царство Его и градъ Его святой Іерусалимъ (апокал: XXI. 10.) снидутъ съ небеси.

Я не стану вамъ приводить разныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія, свидѣтельствующихъ то, ибо какъ вы сами Св. Писаніе читаете и знаете: то принявъ мысль сію, вы увидите, что многія мѣста онаго вамъ лучше объяснятся. Чрезъ прекращеніе уже гоненій на христіанъ, Царство Божіе на земли еще не утверждалось, ибо не дожидаясь тысячи лѣтъ, христіане и христіанство:—дѣжь тутъ Царствіе Божіе, особливо 1000 лѣтнее? Не соблазняйтесь чувственностію и плотію. Не всяка плотъ таже плотъ; вспомните что плотъ возвеличена Богомъ Словомъ и вознесена имъ одесную отца. Человѣкъ долженъ блаженъ сдѣлаться съ тѣломъ; и ѣсть и пить онъ самъ общалъ вмѣстѣ съ учениками въ семъ Царствіи, о пришествіи котораго училъ ихъ молиться. Не презирайте такъ яденія и питія, въ которомъ заключается величайшее таинство и радостное и возжеленное дѣйствіе. Обжорство и піанство грѣхъ, а неяденіе и питіе, котораго грѣха, такъ какъ и другихъ плотскихъ грѣховъ, конечно, уже небудеть, когда имя его будетъ вездѣ святиться, царствіе Его во всемъ господствовать, и воля Его твориться и на земли такъ какъ на небеси.

Для такого царя надобно приготовить ему приличный и народъ.—Вы найдете въ пророчествахъ, что такъ и будетъ. Всѣ человѣки, неспособные къ сему царствію, истребятся и останется ихъ столько какъ винограду, позборѣ винограду, т. е. кое гдѣ, такъ что человѣкъ обрадуется увидя другаго человѣка; потомъ явятся и другіе подданные сего Царя, принадлежащіе къ сему царству, которые съ нимъ же прійдутъ (Солун. гл. 4), ибо будетъ два воскресенія и двѣ смерти, и блаженъ кто будетъ имѣть часть въ воскресеніи первомъ, въ которое только возстануть участники сего царствія на земли. По окончаніи же онаго будетъ воскресеніе всѣхъ мертвыхъ для всеобщаго суда.

Если же вамъ все сіе кажется невѣроятнымъ, не побезпокойтесь: паки и паки повторяю, дѣло не въ понятіяхъ и разумѣніи, а въ возрожденіи въ новую тварь.

Вотъ вамъ милостивый Государь мой, отвѣтъ на любезнѣйшее письмо ваше.

Прошу покорнѣйше не давать моимъ мыслямъ излишняго вѣса, я ихъ предоставляю совершенно вашему сужденію. Я и неосмѣлился бы такъ много разпространиться въ изложеніи оныхъ, и даже иногда противорѣчить человѣку, мнѣ вовсе неизвѣстному, и такъ много любовію и благосклонностію своею меня обязывающему; если бы вы вторичнымъ письмомъ вашимъ неподтвердили настоятель-

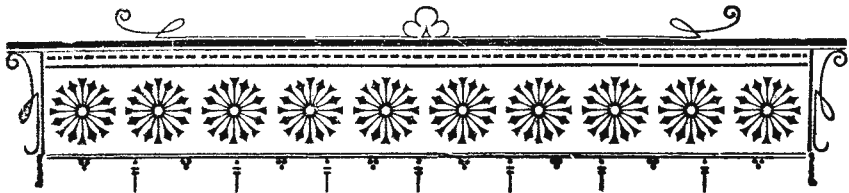
наго вашего требованія отъ меня отвѣта на откровенное письмо ваше, безъ всякой закрѣпки и бережи. Одинакія побужденія и одинакая цѣль, сведшія наше знакомство, и подавшія мнѣ лестное удовольствіе найти такого друга и собесѣдника въ незнакомцѣ, утвердили сію мою смѣлость. Еще прошу васъ покорнѣйше извинить меня и въ томъ, если я въ объясненіяхъ моихъ недовольно что выяснилъ. Я нестоль свободенъ и нестоль воленъ въ своемъ времени, какъ вы, по описанію вашему: привыкли уже поставлять себѣ долгомъ, не оставлять никого долго безъ отвѣта, я нехотѣлъ продолжать времени, чтобъ написанное здѣсь разомъ, пересмотрѣть еще, дополнить и переправить; притомъ же какъ видите, и пишу все своею рукою. И такъ надѣюсь вашего снисхожденія.

Остается мнѣ просить васъ включить меня въ число ближнихъ вашихъ, включить въ братскую вашу любовь, не поплоти, которая крѣпче и надежнѣе еще плотской, и вспоминать обо мнѣ въ лучшія ваши минуты, когда вы бесѣдуете съ вездѣсущимъ. Обязуюсь и самъ взаимно тѣмъ же, съ истиннымъ почтеніемъ и братною любовію есть и пребуду.

вашъ М: Г: моего
покорнѣйшій слуга
О: Михайловъ.

августа 19 дня
1807 года
С: П: бургъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

(Окончаніе).

101.

29 января 1835 г. Ставрополь.

себѣ писать ровно нечего, кромѣ: живъ и здоровъ; затѣмъ до сихъ поръ не писалъ и теперь не пишу, а посылаю Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, какъ коренному любителю Расина, сцену пророчества изъ Гююліи. Она была уже дважды переведена ²⁾, и не безъ достоинствъ: бывшимъ товарищемъ моимъ по полку, покойникомъ Шапошниковымъ ³⁾ и бывшимъ моимъ другомъ, благополучно здравствующимъ Жандромъ. При сличеніи ихъ съ подлинникомъ, сами увидите, почему я покусился перевести въ третій разъ. Покажите Каратыгину, который самъ за то покажетъ Вамъ нѣчто

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1911 г.

²⁾ „Гююлія“ (Athalie) была переведена гр. Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ и Петромъ Ѳедоровичемъ Шапошниковымъ. Первые два дѣйствія и всѣ хоры принадлежать гр. Потемкину, а три акта—Шапошникову. Трагедія представлена 1 разъ въ концѣ 1810 г. Переводы А. А. Жандра изъ „Гююліи“ напечатаны въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. ч. 27, № 1 стр. 25—31 (Д. I явл. 4-ое и Д. II явл. 9-ое, тутъ же напечатано рекомендательное письмо Катенина отъ 2 янв. 1816) и въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ 1817 г. II № 14, стр. 11—17 (Д. III явл. 7).

³⁾ Капитанъ Шапошниковъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи. О немъ см. П. Араповъ—„Любовь къ русской словесности и благородные спектакли въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку“ („Сѣверная Пчела“ 1857 г. № 65).

мое же, къ нему посланное для напечатанія. Съ тѣмъ же послалъ я къ Пушкину сонетъ ¹⁾ который увидите, вѣроятно, въ Библ. для чт. да сверхъ того безъ книги, а на память, перевелъ все второе дѣйствіе той же Гоэліи, премудренное. Коли отвѣтите, пришлю и то; и хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Каратыгинъ въ свой бенефисъ, или чей-нибудь, сыгралъ эти два первыя дѣйствія, составляющія отдѣльно отъ прочихъ нѣчто цѣлое. Пророчество можетъ онъ прочесть не въ счетъ. Вы меня совершенно забыли, что не совсѣмъ похвально; я съ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга ни отъ кого слова не получилъ. За что такая не милость?.. Вы скажете: самъ пиши; но во первыхъ: почему же я обязанъ всегда начинать? а во вторыхъ: о чемъ писать отсюда, и всегда ли можно? что у Васъ дѣлается? что новаго? я рѣшительно, какъ бы на томъ свѣтѣ. Тамъ ли Вы все живете, гдѣ прежде? пришлите свой адресъ на всякой случай.

Будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

102.

9-го мая 1835 г. Ставрополь.

Придираюсь къ случаю, къ сегодняшнимъ именинамъ Вашимъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы еще разъ писать къ Вамъ, хотя бы, правду сказать, и не слѣдовало послѣ Вашего со мною недружескаго, ничѣмъ незаслуженнаго молчанія; я имѣлъ бы право оскорбиться имъ, но мнѣ отраднѣе думать, что заботы по службѣ и городскія разсѣянности вдвоемъ только виноваты, а собственное Ваше разположеніе по крайней мѣрѣ отчасти право. Увидимъ, что будетъ далѣе, и на какомъ мнѣніи Вамъ за благо разсудится меня оставить; въ умѣ Вашемъ сомнѣнія нѣтъ, стало сердцу только рѣшить. Покуда имѣю къ Вамъ небольшую просьбу. Въ семъ 1835 г. совершается для меня, за вычетомъ отставки, пятнадцатилѣтняя давность офицерскаго чина, и надо просить пряжки; для полученія оной, какъ сказывалъ мнѣ самъ Вельяминовъ ²⁾, нужно получить сперва изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и былъ, свидѣтельства, даже за время неслуженія отъ Предводителя дворянскаго; но не о немъ и не о полкахъ рѣчь, а о Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, въ коемъ я служилъ съ іюня 1806 по мартъ 1810-го года, сирѣчь безъ

¹⁾ Ср. письмо Катенина къ Пушкину отъ 4 янв. 1835 г. (бумаги Пушкина, вып. 1-ый М. 1881).

²⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ род. въ 1785 г., ум. въ 1838 г., Начальникъ Кавказской области.

малаго четыре, гдѣ получилъ сперва чинъ коллегіи-юнкера 1806 г. 31 декабря, а черезъ два года даже титулярнаго совѣтника. Нынѣшній Директоръ Департамента, я думаю, князь Платонъ Александровичъ Шихматовъ-Ширинскій ¹⁾; онъ мнѣ знакомый и товарищъ по Россійской Академіи, стало Вамъ не неловко будетъ съ нимъ заговорить обо мнѣ, начавъ съ поклона моего ему. Я бы прямо написалъ, но во-первыхъ, не увѣренъ, все ли онъ, или другой Директоромъ, а во-вторыхъ, не надобно ли отъ меня формальнаго прошенія въ Департаментъ; буде можно обойтись безъ сего лишняго бумагомаранья, я очень радъ буду, но такъ-ли, сякъ-ли, мнѣ потребно свидѣтельство, какое обыкновенно въ подобномъ случаѣ выдается, и по которому, приобщивъ его къ другимъ ему подобнымъ, мнѣ выдадутъ пряжку. Потрудитесь, почтеннѣйшій, съѣздить къ Шихматову и переговоривъ съ нимъ, меня увѣдомить. Какова погода у Васъ? Здѣсь ужасъ: дождь, вѣтеръ и стужа; вчера топилъ я печь въ своей комнатѣ. По ландкартѣ судя, надлежало бы здѣсь теплу царствовать, но видно мнѣ на роду писано вездѣ испытывать холодъ. Прощайте до отвѣта, коли отвѣтите, будьте здоровы, а я бы желалъ: по прежнему во всемъ; я не мѣняюсь и весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

103.

8-го іюля 1835 г. Ставрополь.

Какая мысль, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы я хотѣлъ прекратить съ Вами переписку? Похоже ли такое дѣло на меня, который иначе не терялъ друзей, какъ смертью, либо разрывомъ съ ихъ стороны, и въ обоихъ случаяхъ до слезъ огорчался? Можетъ быть, полагая Васъ (къ счастью понапрасну, въ чемъ и прошу простить) виноватымъ по дружбѣ долгимъ молчаньемъ, я бы не рѣшился поздравить съ именинами, кабы уже зналъ о возвышеніи Вашемъ по службѣ ²⁾; и то, нѣтъ: я бы поколебался и написалъ, убѣжденный, что умъ Вашъ выше Превосходительства, и чувства цѣннѣе девятнадцати тысячъ, и воображать Васъ спѣсивымъ значить: обижать. Оставя это, успѣхи Ваши меня нечаянно много обрадовали; когда пріятели мои идутъ въ гору, я наслаждаюсь

¹⁾ Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, р. въ 1796 г., ум. въ 1853 г., былъ директоромъ Департамента Народн. Просв. съ 1833 г., товарищемъ министра съ 1842 г. и министромъ Народн. Просв. съ 1850 г.

²⁾ 6-го декабря 1834 г. Бахтинъ назначенъ Управляющимъ Комитета мивистровъ.

на двое: за нихъ, по привязанности душевной, и за себя, по самолюбію, которое шепчетъ мнѣ тогда, что, коли я несчастливъ, то не по недостатку средствъ или достоинствъ, ибо близкіе ко мнѣ успѣваютъ же, но по чему-то непостижимому и того гляди неодолимому. Вы посмѣетесь надо мной, и власть Ваша; оно, въ самомъ дѣлѣ, должно смѣшнымъ казаться. Но какъ быть? Я становлюсь фаталистомъ. Разумъ спорить, отвергаетъ, но опыты и событія безпрестанно новые примѣры представляютъ, и наконецъ, выходитъ ихъ такой скопъ, что на всѣхъ внутренняго слѣпотаго увѣренія, никакая дѣльная отрицательная теорія не въ силѣ перетянуть ихъ положительнаго убійственнаго свидѣтельства. Сія метафизика, до которой я, впрочемъ, не охотникъ, ясно укажетъ Вамъ, что здѣшнее житіе мое не малина; въ подробности же его входить на бумагѣ не хочется, а скажу Вамъ только, что въ столицѣ понятія не имѣютъ о злѣ всякаго рода, какое господствуетъ въ предѣлахъ отдаленныхъ: о неограниченномъ самовластіи высокихъ, о столько же безпредѣльномъ вліяніи на нихъ нѣкоторыхъ изъ низкихъ, о невозможности съ правилами честности неуклонной добиться даже малаго, когда многое берутъ тѣ, кому бы, по справедливости, не слѣдовало ничего за способности и наказаніе за дѣла, о невѣжествѣ и ничтожности всѣхъ вообще, и проч. и проч. и проч. Причинъ тому, конечно, не одна, но главная, по мнѣнію моему, та, что въ столицѣ есть уже какое-нибудь общее мнѣніе и сторонній судъ, а въ Сатрапіяхъ ни того ни другого, и дважды два могутъ тамъ изъ четырехъ превратиться въ пять, чуть оно покажется выгоднымъ по расчету, хоть одному лицу, не всегда главному, но управляющему: никто не отважится на повѣрку, а буде сыщется такой смѣльчакъ, то онъ въ большой опасности. Всѣ такъ обременены множествомъ дѣлъ, что ни одного не дѣлаютъ, сирѣчь къ добру; ибо ко злу все не въ очередь творится весьма скоро и никогда не поправляется; почтенія къ истинѣ, къ правотѣ, къ невинности, къ страданію, двумя словами: совѣсти и челоуѣколюбія—въ поминѣ нѣтъ; о скукѣ и пустотѣ житейской говорить лишнее. Понинѣ задерживаетъ меня въ Ставрополѣ окончаніе порученнаго мнѣ уголовнаго слѣдственнаго дѣла; оно до меня въ рукахъ дюжины слѣдователей тянулось ровно четыре года и никогда бы не кончилось, ибо иной длилъ нарочно, чтобъ закрыть грѣхи себѣ подобныхъ (какъ сплошь водится), иной, видя, что открыть ихъ вѣрная бѣда себѣ, послѣ двухъ или трехъ попытокъ, уклонялся отъ зла; я въ четыре не сполна мѣсяца подвель къ концу, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, а такія, что пересказать на диво, и теперь еще борюсь и, по окончаніи, предвижу неизбѣжныхъ большихъ неудовольствій, имянно за по-

хвальное и награды достойное дѣйствіе. Какъ бы тамъ ни было, надѣюсь въ августѣ сложить это бремя и отправиться къ отряду войскъ, уже, вѣроятно, начавшихъ ежегодную малую войну съ горами въ горахъ Черноморскихъ. Сборы къ этой отправкѣ унесли уже немало денегъ: къ тремъ верховымъ я прикупилъ трехъ упряжныхъ лошадей съ хомутами etc., сшилъ палатку, въ ней приборъ кой-какой, то другое, и вся тысяча; что понадобится собственно въ походѣ, то еще впереди; все сіе, дабы имѣть честь быть подстрѣленнымъ, и, коли не захотятъ употребить благонамѣренно, то утратить деньги и труды и хоть жизнь безъ пользы и безъ славы: высѣять всю чистую пшеницу свою въ песокъ бесплодный и, не собравъ никакой жатвы, послѣднія зерна потерять. Вотъ тутъ фатализмъ утѣшеніемъ служить, твердя: судьбы своей не минуешь, дѣлай, что считаешь за лучшее и о послѣдствіяхъ все не заботься. Не хочу вѣрить, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобъ Вы совсѣмъ удалились отъ словесности, или, точнѣе молвить, отъ поэзіи: она цвѣтъ жизни. Я послалъ около мѣсяца тому, черезъ брата Мих. Андр., къ Каратыгину un furieux raquet прозы и стиховъ; достаньте ихъ, прочтите и увѣдомьте меня; еще посылаю нынче къ Пушкину для напечатанія басню: *Топоръ* ¹⁾. Но лучшаго изъ предпринятыхъ здѣсь стихотвореній, кантаты: *Сафо* не могу сдѣлать, не имѣвъ ни греческаго подлинника со словаремъ, ни точнаго перевода ея Гимна Венерѣ и отрывка: *блаженъ* etc, которые бы мнѣ хотѣлось оба туда включить ²⁾. Жандровъ переводъ конца

¹⁾ См. письмо Катенина къ Пушкину отъ 7-го іюля 1835 г. („Бумаги Пушкина“, вып. 1. М. 1881).

²⁾ Кантата „Сафо“ сохранилась въ собственноручной рукописи Катенина, помѣченной 1838 г., въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной бібліотеки. Катенинъ писалъ Пушкину изъ Ставрополя 1-го іюня 1835 г.: „Нѣтъ ли у тебя знакомаго греколога, кто бы могъ en vile prose рабски переложить крошечныя два стихотворенія изъ Сафы: Венерѣ и Neugeux qui etc. Очень бы ты одолжилъ. Кантата засѣла въ головѣ и никакъ не можетъ вылѣзть за недостаткомъ книжныхъ пособій“. См. также письма Катенина къ Пушкину отъ 16-го мая и 7-го іюля того же года („Бумаги Пушкина“ вып. I. М. 1881.). Пушкинъ исполнилъ просьбу пріятели. Въ его бумагахъ отыскались два отрывка изъ Сафо, переведенные прозою: „Пѣсенка Афродитъ“ и „Дионніа“. Привожу соответствующія мѣста изъ Катенинской кантаты:

Гимнъ Сафы Афродитѣ:

Златопрестольница, о Афродита безсмертная,
Козни плетущая, хитрое Діево чадо,
Нѣтъ, не смиряй ихъ, владычица, душу снѣдающихъ
Скорбей моихъ.

3-го дѣйст. Гоеолии съ его хоромъ напечатанъ въ *Наблюдатель*, журналѣ, издаваемомъ въ 1817 и 1818 годахъ Корсако-

Нѣтъ; но сама ты приди, какъ и прежде подвигнута
Гласомъ призывнымъ моимъ, приходила спасая,
Съ горней разставшись обителью, съ отчимъ надъоблачнымъ
Домомъ златымъ.

Правила ты колесницей; везли ее лѣпые
Быстрые вѣтры, воздухъ густыми крылами
Вья; между черной землей и эира высокаго
Самой средой.

Легкимъ полетомъ неслись они; ты же, блаженная,
Ласково мнѣ улыбаяся ликомъ безсмертнымъ,
Чѣмъ я скорблю, вопрошала, и для чего въ горести
Съ неба зову,

Что есть желанье мое, и чего изступленная
Въ помощь ищущи для души, и о чемъ умоляю,
Въ сѣтяхъ любви истомившаясь: „Кто же обидѣлъ такъ,
Сафо, тебя?“

„Если теперь убѣгаетъ онъ, вскорѣ погонится;
„Если даровъ не пріемлетъ, самъ придетъ съ дарами,
„Если не любить, полюбить, и вскорѣ, и даже хотъ
„Хочешь, хотъ нѣтъ“.

Нынѣ приди же ко мнѣ, и печали тяжелое
Время сними, и души вождѣленія вполнѣ
Всѣ соверши, и сама, о богиня, поборницей
Буди ко мнѣ.

Пѣснь Саффы Фаону.

Какъ онъ блаженъ, равенъ богамъ,
Тотъ кто сидитъ противъ тебя,
Слышитъ вблизи звуки рѣчей,
Видитъ улыбку!

О, что тогда, боги, со мной?
Сердце въ груди рвется насквозь;
Только взгляну, липнетъ языкъ,
Голосъ окованъ.

Топкое вдругъ пламя внутри
Тѣло кругомъ бѣгая жжетъ;
Слухъ же и взоръ: тьма лишь въ очахъ,
Шумъ только въ ухѣ.

вымъ ¹⁾ и Загоскинымъ; хоры 1 и 2 дѣйст. въ Сынѣ Отечества 1815, либо 1816 г. У Васъ подчиненныхъ много, прикажите филологу какому-нибудь отыскать сіи періодическія изданія и сличите, ибо я и хоры всё перевелъ вновь съ нѣкоторыми сокращеніями, какъ увидите, взявъ у Каратыгина. Прощайте, Николай Ивановичъ, но не забывайте меня; адресъ просто: въ Ставрополь. Уѣхавъ отсюда въ горы, я разпоряжусь на счетъ писемъ, получаемыхъ съ почтою, и они будутъ черезъ штабъ доставлены ко мнѣ, гдѣ бы я при отрядѣ ни находился. Письма людей, къ кому мы, по чувству и разсудку, равно привязаны, всегда пріятны, а въ одинокомъ положеніи моемъ нынѣ величайшая, коли не единственная, отрада: буду ждать ихъ отъ Васъ регулярно, какъ слѣдуетъ отъ дѣловаго и дѣльнаго человека. Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

104.

Ольгинское укрѣпленіе. Сентября 29-го 1835 г.

Давно не писалъ я къ Вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Николай Ивановичъ; даже не поблагодарилъ за бумагу, добытую изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, за которую прошу отъ меня поблагодарить и князя Шихматова, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Спѣшилъ я въ Ставрополь окончаніемъ порученнаго мнѣ дѣла и

Выступить потъ хладный въ лицѣ,
Трепетъ меня всю пробереть;
Блекну какъ злакъ; близится смерть,
Духъ замираеть.

Вотъ еще, для образчика, одинъ отрывокъ изъ той же кантаты:

О какъ любовью жизнь красна,
Свѣтла, игрива и полна!
Летитъ и распѣваетъ птицей,
Цвѣтетъ, какъ Гиперидскій садъ,
Сверкаетъ огненной зарницей,
Кипитъ, какъ горный водопадъ,
Скорбей и страховъ привидѣнья
Отъ ней бѣгутъ далеко прочь,
И день начало наслажденья,
И верхъ отрадъ вѣмалъ ночь.
Что противъ нихъ всё щастья міра,
Богатство Креза, слава Кира?
Одной любовью жизнь красна,
Свѣтла, игрива и полна...

¹⁾ Петръ Александровичъ Корсаковъ, цензоръ, переводчикъ, издавалъ съ М. Н. Загоскинымъ „Сѣверный Наблюдатель“ (р. въ 1790 г., ум. въ 1844 г.).

къ 12-му августа успѣлъ заключить; сдать некому было: Начальникъ штаба отъѣзжалъ на кислыя воды къ больной женѣ; возвратился 30-го. Вмѣстѣ съ тѣми бумагами, подалъ я свою собственную о томъ, что мнѣ ѣхать къ отряду не съ чѣмъ, ибо за текущей годъ изъ Грузіи не присылали жалованія. Бумагу мою послалъ онъ къ Розену ¹⁾, находившемуся тоже на водахъ, и отъ него получено 9-го сентября приказаніе: выдать мнѣ въ счетъ тысячу рублей. Кое-какъ купилъ я наскоро лошадей въ телѣгу, и пр. и пр. и пр. и 11-го числа обозъ свой отправилъ, самъ пустился 15-го, такъ что 17-го вмѣстѣ поспѣли мы въ Екатеринодаръ, а на другой день сюда, за 60 верстъ ниже по Кубани. Отрядъ за недѣлю передъ тѣмъ ушелъ, пришлось дожидаться, пока онъ возвратится, чтобъ забрать новые припасы и снова двинуться во вражью землю. Ожидаютъ прихода его въ началѣ октября. До тѣхъ поръ вообразите мое положеніе: такъ называемое Ольгинское укрѣпленіе расположено на обоихъ берегахъ Кубани; на правомъ комендантъ (казачій маіоръ изъ черкесовъ), всѣ продовольствія и уголья (NB очень скудныя), тамъ остались мои шесть лошадей и четверо людей; я же съ двумя на лѣвомъ берегу и занимаю собственную Вельяминова комнату, въ которой дождь льетъ какъ на дворѣ. Въ семь *мостовомъ прикрытіи* (надо знать, что моста не бывало, а паромъ причаливаетъ отъ вала слишкомъ въ 300 шагахъ въ чистомъ полѣ) находится, кромѣ меня, до пятидесяти человекъ гарнизона, охраняющихъ два бастиона и маленькій равелинъ, между ними, жалкую пародію крѣпости; въ нее въѣхать можно въ каретѣ, имѣя порядочный спускъ; и я не могу подивиться глупости черкесовъ, несмѣющихъ взять ее въ любой день, собравшись въ числѣ хоть двухъ сотъ. Здѣсь и госпиталь съ больными, и множество ядеръ, пороху etc. и все это Богъ бережетъ. Прибавьте, что черкесы, называющіеся мирными, поодинокѣ ѣздятъ сюда; при мнѣ двое пріѣзжали: одинъ продавать лошадей, другой съ разказомъ о бывшемъ маленькомъ сраженіи; съ этимъ я послалъ къ Вельяминову рапортъ о своемъ прибытіи и ожиданіи. Рѣка Абина, гдѣ онъ находится, въ 36 верстахъ отсель, пушечные выстрѣлы слышны, а попасть никакой возможности, и нѣтъ сообщенія, кромѣ подъ прикрытіемъ цѣлой колонны, либо для бумагъ случайно черезъ вышеупомянутыхъ лазутчиковъ. За всѣмъ, начиная съ баранины, надо въ челнокѣ ѣздить черезъ Кубань, и слова молвить не съ кѣмъ. Вчера Богъ принесъ

¹⁾ Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ. Командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса (до 1837 г.) р. 1782 г., ум. въ 1841 г.

сюда осматривать госпиталь барона Корфа ¹⁾, брата тому, на чье мѣсто Вы поступили; сегодня онъ ѣдетъ, я съ нимъ отправляю письмо мое къ Вамъ. Прилагаю къ нему маленькую вѣщь, очень желая, чтобъ она Вамъ понравилась, ибо тогда я буду надѣяться угодить Вамъ и большою, которая давно была припасена въ моей головѣ и въ Ольгинскомъ укрѣпленіи на досугѣ поступаетъ на бумагу; имя ей *Новая быль*. При семъ прилагаемая *Дура* была сперва въ ней, какъ эпизодъ, но я разсуждалъ, что онъ отвлечетъ вниманіе отъ главнаго дѣйствія, и переименовалъ; а какъ мнѣ не хотѣлось его потерять, то округлилъ и пускаю отдѣльно. Потрудитесь черезъ Пушкина, либо Каратыгина, передать сію идиллію Смирдину для напечатанія. Прощайте, дорогой мой Николай Ивановичъ, будьте здоровы, помните насъ и (усердная просьба) пишите. Адресъ по прежнему: въ Ставрополь; начальникъ Штаба генераль-маіоръ Петровъ ²⁾, лучший по мнѣ изъ всѣхъ здѣшнихъ, доставить, по возможности скоро всюду, гдѣ я ни буду. Я постараюсь не упускать случая писать изъ похода, въ который еще не попалъ и надѣюсь попасть, само собою разумѣется: коли живъ останусь.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

Дура

Идиллія.

Въ новомъ селѣ, что на Унжѣ, у старосты Пимена въ домѣ Дѣвка племянница, всѣ зовутъ ее душой Ненилой.
 Въ дѣтствѣ она въ сѣнокобъ брала въ лѣску за остожемъ Ягоды: много ихъ алыхъ растеть у пней обгорѣлыхъ;
 Рядомъ былъ посѣянъ овесъ въ огнищѣ. Медвѣди
 Лакомы лѣтомъ къ овсу, пока въ немъ молочныя зерна;
 Ходять на сѣвъ, хотъ часто ихъ ловять и бьютъ на приманку.
 Взять повадку одинъ, залегъ въ бороздѣ, и не видно.
 Рѣзвась безопасно дитя бѣжало прямо на звѣря:
 Пять бы сажень еще, и попалась въ острые когти.

¹⁾ Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ р. въ 1800 г., ум. въ 1876 г., занималъ должность управляющаго дѣлами комитета министровъ съ 1831 по 1839 г., когда былъ смѣненъ Н. И. Бахтинымъ, затѣмъ государственный секретарь. У него были два брата: Николай Андреевичъ, полковникъ, и Федоръ Андреевичъ, ум. въ 1839 г.

²⁾ Павель Петровичъ Петровъ, изъ Костромскихъ дворянъ, р. въ 1792 г., ум. въ 1871 г., назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кавкасской линіи и Черноморіи въ 1834 г., затѣмъ подольскій губернаторъ, въ 1840 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Костромской губ.

Къ счастью шорохнулся онъ и привсталъ; на крикъ ея страшный
 Въ мигъ сбѣжались косцы, и струсилъ ворогъ косматый:
 Въ рѣчку, въ плавь, и въ дебрь. Лежала безъ памяти дѣвка;
 Подняли, смотря: жива и здорова, но умъ помутился:
 Дура съ тѣхъ поръ; услышитъ имя: медвѣдь, и припадки.
 Можетъ, прошло бы, но глупый народъ не лѣчитъ, а дразнитъ.
 Жаль! прекрасная дѣвка была бы: высокая ростомъ,
 Статная, благообразная, взгляды лишь нѣсколько смутенъ,
 Складно все, что скажетъ голосомъ стройнымъ и тихимъ,
 Только, буде не спросятъ, рѣдко слово промолвить.
 Въ поле боится ходить, но дома всегда за работой:
 Пряжу прядетъ, дѣтей качаетъ и водить у брата,
 Дѣти любятъ ее и тетей зовутъ, а не дурой;
 Дѣти одни. Другимъ отвѣта на грубое слово
 Нѣтъ никогда; привыкла: молчить и терпѣть. Отрада
 Божія церковь у ней и теплая сердца молитва.
 Въ лучшіе годы ни краски въ лицѣ, ни улыбки; худѣетъ,
 Чахнетъ, гаснетъ: словно въ дому опустѣломъ лампада,
 Теплясь послѣдней каплей масла въ теми предъ иконой.
 Долго ей не томиться: милуетъ скорбныхъ Спаситель.

105.

Ольгинское укрѣпленіе. Окт. 14-го 1835 г.

Я уже писалъ къ Вамъ отселѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій
 Николай Ивановичъ, и просилъ барона Корфа отправить письмо,
 что онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ. Теперь пишу вторично, передъ уходомъ
 въ Черкесскую землю. Три баталіона пришли сюда съ ранеными
 и завтра возвращаются; я съ ними отправляюсь, проживъ здѣсь,
 какъ въ карантинѣ, отъ 18-го сентября, то есть безъ мала мѣсяцъ,
 по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безъ дѣла, какъ докажетъ
 Вамъ прилагаемое стихотвореніе ¹⁾. Сегодня только успѣлъ я его
 переписать до конца набѣло; судьба назначила ему быть готовымъ,
 по моему желанію, и поспѣть къ отправкѣ. Не подумайте, однако,
 чтобъ я безъ пути торопился, сочивья его, хоть всѣ стихи до одного
 написаны въ Ольгинскомъ; *je n'avais que les vers à faire*,
 остальное давно было готово и припасено въ головѣ. Не мнѣ судить:
 хорошо ли, по крайней мѣрѣ, что называется: капитальная вѣщь,
 какъ по объему, такъ и по новости основы и краски. Повто-

¹⁾ „Инвалиды Горевъ“. (Библиотека для чтенія 1836 г., т. XVII, стр. 3—16).

рять прозою, что уже сказано стихами въ посвященіи: лишнее, развѣ прибавить, что тамъ, вопреки вольности поэтической, все сущая правда. Вы, безъ сомнѣнія, сами захотите отдать въ печать; а какъ? Ваша воля. Смирдинъ (то есть Библиотека), безъ сомнѣнія, лучше тѣмъ, что онъ денегъ дастъ, а мнѣ онъ крайне по зубамъ въ нынѣшнемъ положеніи. Впрочемъ, это все не главное; сила въ томъ, чтобы Вы были довольны мною, какъ стихотворцемъ и какъ пріятелемъ; тогда я на прочее плюну. Просить Васъ объ отвѣтѣ лишнее; хоть черезъ Ставрополь, хоть черезъ Екатеринодаръ (на имя ген-маіора Шипова) ¹⁾, все равно. Прощайте, и не забывайте. Экспедиція продлится не можетъ, время осеннее; стало, коли живъ и здоровъ останусь, напишу вскорѣ; но пишите и Вы, а то на краю (коли не за краемъ) свѣта, грустно быть забытымъ.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

106.

23-го ноября 1835 г. Екатеринодаръ.

Походъ, въ который я собирался, когда писалъ къ Вамъ изъ Ольгинска, теперь конченъ; подвиги наши, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, такъ велики, что моего краснорѣчія не достанетъ, развѣ поможетъ Фебъ или Фивъ со временемъ воспѣть ихъ въ новой Иліадѣ. Мы ходили по дождю, стояли въ грязи, стрѣляли изъ ружей и пушекъ очень много, сожгли до пяти или шести сотъ хижинъ, награбили сѣна и соломы на столько, что лошади наши остались въ живыхъ; взятыя въ плѣнъ кошки и куры сверхъ счета, какъ роскошь побѣдъ. Теперь отдыхаю я на лаврахъ въ Екатеринодарѣ, ибо не съ чѣмъ доѣхать до Ставрополя, благодаря тому, что полковой командиръ князь Дадьяновъ ²⁾ женился на дочери корпус-

¹⁾ Иванъ Павловичъ Шиповъ, р. въ 1793 г., ум. въ 1845 г., служилъ въ Преображенскомъ полку до чина полковника включительно. Въ 1825 г. былъ назначенъ командиромъ Л.-гв. Гренадерскаго полка, но, привлеченный къ слѣдствію, какъ членъ союза Благоденствія, изъ котораго онъ вышелъ, однако, уже въ 1821 г. и оставленный, вслѣдствіе этого, „безъ вниманія“, былъ переведенъ командиромъ Л.-гв. Своднаго полка, съ которымъ былъ отправленъ на Кавказъ. Въ 1829 г., въ чинѣ генералъ-маіора, былъ снова назначенъ командиромъ Л.-гв. Гренадерскаго полка, которымъ командовалъ до 1833 г. Подробн. см. Архивъ Раевскихъ, т. I, стр. 309.

²⁾ Князь Александръ Леоновичъ Дадьянъ, р. 1800 г., ум. 1865 г., служилъ въ Преображенскомъ полку съ 1821 г. 6-го декабря 1829 г. назначенъ командиромъ Эриванскаго Карабинернаго полка. 11-го октября 1837 г. за различныя злоупотребленія, учиненныя во время командованія полкомъ, лишенъ

наго командира барона Розена и, упоенный (какъ Лобановъ въ одѣ) восторгомъ сладкимъ, не высылаеть мнѣ жалованья. Помогите мнѣ въ бѣдѣ моей, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и не откажите прислать по скорѣе хотъ пять сотъ рублей, сюда въ Екатеринодаръ на имя генераль-маіора Ивана Павловича Шипова: *для доставленія П. А. Катенину*. Вы знаете пословицу: дорога милостыня во время скудости. Съ тѣмъ вмѣстѣ напишите о *Новой были*; я нетерпѣливо жду отзыва Вашего объ ней, также и о прочихъ моихъ стихотвореніяхъ сего 1835 года, коли Вы ихъ въ рукописи какъ-нибудь прочитали. Во время похода случай познакомилъ меня съ Бестужевымъ, который гораздо порядочнѣе своихъ сочиненій, не глупъ, не нахаль, словомъ человѣкъ, какъ и другой, между тѣмъ какъ пишетъ безусловно нелѣпицу: я это объясняю себѣ довольно просто и почти увѣренъ, что Вы разсудите также. Здоровье мое безъ измѣны хорошо, осенняя непогодъ не разстроила его ни на одинъ день, но при всемъ томъ платье оказываетъ, что я худѣю, вѣроятно отъ того, что душѣ не весело. Обрадуйте хотъ увѣреніемъ постоянной дружбы Вашей; въ моей нечего Васъ увѣрять.

Павель Катенинъ.

107.

26-го января 1836 г. Ставрополь.

Хотя давно жду отвѣтовъ на два письма, посланныя къ Вамъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія: первое, черезъ барона Корфа, второе, черезъ генерала Шипова, и въ доставленія, по крайней мѣрѣ, послѣдняго увѣренъ отзывомъ Каратыгина о *Новой были*, однако не смѣю сѣтовать на Васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, ибо узналъ, по пріѣздѣ въ Ставрополь, что три письма на имя мое, по недоумѣнію, были отправлены въ Грузію и оттолѣ еще не возвращены; легко можетъ статья, что и Ваше въ томъ числѣ. Полагаю сверхъ того, что мнѣ слѣдуетъ благодарить Васъ за послѣднюю присылку прошенныхъ мною пяти сотъ рублей. Я получилъ ихъ передъ новымъ годомъ въ Екатеринодарѣ. Записки при деньгахъ

званія флигель-адъютанта (полученнаго имъ 16-го іюля 1829 г.) и преданъ военному суду, по приговору котораго (въ 1840 г.) лишенъ орденовъ, чиновъ, дворянскаго достоинства и сосланъ въ городъ Вятку. По манифесту отъ 25 августа 1856 г. ему даровано помилованіе и возвращены утраченныя по суду права. Кн. Дадьянъ былъ женатъ на дочери барона Розена (Лидіи Григорьевнѣ, 1817—1866 г.). Этими указаніями я обязанъ В. Л. Модзалевскому, къ любезному содѣйствію котораго мнѣ не разъ приходилось прибѣгать, при составленіи примѣчаній.

не было, и печати мнѣ незнакома, но, кромѣ Васъ, я не ждалъ ни отъ кого и потому смѣло считаю это дѣломъ Вашимъ: большое спасибо. Суровая зима нынѣшняго года сильно на меня подѣйствовала съ помощью холодныхъ квартиръ и путешествія въ перекладныхъ саняхъ; я сижу и лежу дома двѣ недѣли, ломъ въ костяхъ отъ простуды; около крещенья приходилось такъ плохо, что я было собрался *ad patres*, но вижу, что мнѣ на роду написано сто лѣтъ мытарствовать въ сей юдоли, которая право не стоитъ ни малой привязанности. Нѣсколько хорошихъ людей, подобныхъ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, разсѣяны кое-гдѣ, и съ тѣми мнѣ не дано жить вмѣстѣ, а прочее такая дрянь, прости Господи! что подлинно день пятницы, въ онъ же создалъ Богъ человѣка, долженъ почитаться (какъ изкони у всѣхъ и ведется) за черный день. Читали ли Вы сочиненія Paul Louis Courier ¹⁾? если нѣтъ, купите ихъ и прочтите. Оставя нѣсколько неосновательныхъ, либо на своемъ его основанныхъ пристрастій, какъ-то: противъ дворянства вообще и за Орлеанскаго герцога, что нынѣ король, вообще преумный писатель; онъ много тѣшилъ меня, и я увѣренъ, что и Вамъ полюбится: въ наше премудрое столѣтіе, *quoiqu'on dit* здравый смыслъ въ числѣ рѣдкостей, и хорошій слогъ также: у него и то и другое. Вельяминовъ теперь въ Петербургѣ: узнайте и увѣдомьте, какъ его примутъ etc. etc. Будьте здоровы и успѣвайте во всемъ, Николай Ивановичъ, *mais ne m'oubliez pas* ²⁾, какъ поютъ въ пѣснѣ.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

108.

28-го іюля 1836 г. Ставрополь.

Не пишу длиннаго письма, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, потому что нездоровъ и, сверхъ того, опасаясь Вамъ наскучить; Вы такъ рѣшительно меня закинули съ той самой поры, какъ я послалъ къ Вамъ Новую быль, что я уже не знаю, что и подумать. Если посвященіе отъ души и стихи Вамъ не понравились, то, хотя я не того ждалъ, однако, все легче чего другого; впрочемъ, стоитъ ли, послѣ многолѣтней дружбы, разлюбить за стихи не по вкусу? сдѣлайте милость, выведите изъ недоумія, право тяжкаго. До такой степени не хочется бѣдѣ своей вѣрить, что я не вѣрю и, въ дока-

¹⁾ Paul-Louis Courier, p. 1772 г., ум. 1825 г.

²⁾ „Но не забывайте меня“.

зательство, приношу нѣкоторыя просьбы: прикажите справиться обо мнѣ, гдѣ слѣдуетъ; я долженъ быть представленъ, во-первыхъ, къ пряжкѣ за 15 лѣтъ, во-вторыхъ, къ назначенію комендантомъ въ Кизляръ; получены ли въ Петербургѣ представленія и вскорѣ ли выйдеть. Другая просьба о присылкѣ мнѣ желѣзнаго Кульмскаго креста въ томъ видѣ, какъ его нынче носятъ, у кого онъ есть, сирѣчь въ крупномъ; у меня, по старинѣ, игрушечный, а ихъ давно отставили. Возвращаясь къ важнѣйшему по чувству, буду ждать съ нетерпѣніемъ разрѣшенія моихъ горестныхъ сомнѣній, но надѣюсь, что тревожусь по напрасну, ибо Вы слишкомъ разумны и справедливы, чтобъ перемѣниться безъ причины къ человѣку, который постоянно и горячо Васъ любилъ и уважалъ, и который самъ столько же неизмѣненъ, какъ и злая его судьба. Прощайте, и будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павель Катенинъ.

109.

1-го октября 1840 г. Чухлома.

Братъ Александръ Андреевичъ, проѣздомъ гостя у меня въ Кизлярѣ, увѣрялъ, что Вы, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, не перемѣнили своего разположенія ко мнѣ; не подавъ, кажется, ни малѣйшей къ тому причины, я и желаю и обязанъ вѣрить его слову; но Вы такъ давно не писали ко мнѣ, даже не отвѣчали на мои письма, что мнѣ иногда становится страшно, и страхъ мой пройдетъ только, когда Вы сами меня успокоите. Уволенный отъ службы безъ моей воли, хотя совершенно безъ вины и даже безъ предлога ¹⁾, возвратясь въ деревню, гдѣ многое въ безпорядкѣ, и мнѣ вообще не житье, я болѣе чѣмъ когда-либо имѣю нужду найти друзей моихъ по прежнему; грѣхъ пожаловаться на кого-нибудь изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Москвѣ и вездѣ по пути, и несказанная бы мнѣ скорбь была, если бъ тотъ, котораго я въ правѣ считать первымъ, не сохранилъ одинъ той пріязни, постоянно добываемой мною во столько годовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ казавшейся мнѣ до конца неизмѣнною. Не приложу ума, что виною, когда я тому безъ мала пять лѣтъ, посвятилъ Вамъ *Новую быль*, и такое свидѣтельство моей приверженности и уваженія должно бы Вамъ показаться нѣсколько пріят-

¹⁾ Высочайшимъ приказомъ отъ 20 нояб. 1838 г. Катенинъ уволенъ отъ службы генералъ-маіоромъ.

нымъ и достойнымъ, по крайнѣ мѣрѣ, одного привѣтнаго слова, что виною (повторяю) Вашего съ той поры молчанія и какъ бы охлажденія; стихотворное достоинство тутъ не главное дѣло, непечатаніе посвященія въ Библіотикѣ для чтенія не отъ меня, и даже доказываетъ, что издатели, не жалуя ни меня, ни Васъ, опасались для себя огласить мои къ Вамъ чувства. Какой же враждебный демонъ похитилъ у меня сокровище: Вашу дружбу? Мыслить не хочу, боюсь обидѣть Васъ мыслью такою, чтобы сторонніе слухи, сплетни, клеветы, могли поколебать человѣка съ такимъ умомъ и характеромъ. Какъ бы то ни было, душа моя смущена, и одинъ отвѣтъ Вашъ можетъ возратить ей утраченную тишину и увѣренность. Мнѣ очень нуженъ по разнымъ обстоятельствамъ Вашъ совѣтъ; можетъ быть, и Ваша помощь; и я не рѣшаюсь покуда просить ни того ни другого, а буду ждать пока Вы объявите мнѣ, что не отказываетесь подать мнѣ то или другое. На этомъ я долженъ по неволѣ теперь остановиться; но не въ силахъ выразить, какъ грустно мнѣ будетъ, если отвѣтъ Вашъ, либо (что еще хуже) молчаніе, заставятъ меня остановиться такъ навсегда, лишась еще одной надѣжды въ добавокъ къ утраченнымъ прежде, такъ часто и такъ горько, и такъ (смѣю сказать) по напрасну. Знаю, что Вы имѣете занятія по службѣ, многія и важныя; но развѣ старинная связь не имѣетъ также правъ? развѣ не сыщется свободнаго часа для бесѣды, положимъ краткой, съ человѣкомъ, нуждающемъ въ ней, какъ въ отрадѣ сердечной? Я все сказалъ и стану молчать, пока Вы слово скажете. Дай Богъ, чтобы оно меня утѣшило, и Вы остались для меня тѣмъ же, чѣмъ были, и чѣмъ я остаюсь неизмѣнно, тоестъ душевно почитающимъ и преданнымъ.

Павель Катенинъ.

P. S. Извините, что я ни въ началѣ, ни въ концѣ не употребилъ условныхъ формъ между посторонними; въ письмѣ къ Вамъ, и отъ сердца, я ихъ не позволилъ себѣ употребить.

110.

16-го октября 1840 г. Чухлома.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, я такъ увлекся главною мыслию, что не упомянулъ объ одномъ обстоятельстве, которое потомъ показалось мнѣ стоящимъ объясненія: Лѣтъ пять безъ мала тому назадъ Вы ссудили меня пятью стами рублей, и я понынѣ не заплатилъ; причина одна: нечѣмъ было. Конечно, иной на моемъ мѣстѣ въ Кизлярѣ нашель бы средства раздѣлаться даже не съ такимъ долгомъ, но я родился

и умру честнымъ человѣкомъ, и мнѣ показалось лучшимъ несравненно изъ двухъ золъ: оставаться въ долгу у пріятели, по счастью не нуждающемуся (какъ я думаю) въ такомъ незначительномъ количествѣ денегъ. Впрочемъ, онѣ будутъ заплачены, коль скоро я перезаложу имѣніе въ Опекунскомъ совѣтѣ, о чемъ я въ отдаленности хлопотать не могъ, а тотчасъ по пріѣздѣ началъ и никакихъ препятствій не предвижу.

Еще другое слово (простите его моему самолюбію); посвященная Вамъ Новая быль есть, по моему мнѣнію, самое зрѣлое, дѣльное, съ природы схваченное изъ всѣхъ моихъ стихотвореній, и посвященіе вполне соответствуетъ самой вѣщи; многіе люди со вкусомъ, кому я читалъ, также судятъ, и сказанное въ томъ письмѣ: что не о поэтическомъ достоинствѣ рѣчь, отнюдь не значить, чтобъ я его не предполагалъ; болѣе скажу: я бы никогда не отважился Вамъ посвятить чего-нибудь, кромѣ того, что въ моихъ глазахъ есть *plus ultra* моихъ поэтическихъ способностей.

Очень желаю не наскучить Вамъ, однако боюсь; жду отвѣта и дотолѣ съ неизмѣннымъ почтеніемъ и привязанностью за честь ставлю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Павель Катенинъ.

111.

14/26 февраля 1842 г. Кологривъ.

Съ полнымъ радушіемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, принимаю и кладу къ сердцу Вашу руку, простираемую ко мнѣ изъ за моря на возобновленіе нашихъ сношеній и пріязни. Горько, больно, обидно было Ваше, какъ сами Вы называете, упорное молчаніе; оно казалось чѣмъ-то хуже охлажденія, имѣло видъ отвращенія, или (прости Господи) пренебреженія. Между тѣмъ совѣсть, свидѣтель неподкупный, увѣряла меня, что, послѣ нашей разлуки, я ничѣмъ не заслужилъ ничего подобнаго, а напротивъ во многихъ трудныхъ опытахъ явилъ новыя доказательства свойствъ и правиль, достойныхъ любви и уваженія людей хорошихъ и способныхъ все хорошее цѣнить. Повѣрьте, что и я, въ свою очередь, дѣню вполне благородство Вашего признанія въ прошедшей винѣ противъ святой дружбы; кто чувствуетъ такъ, безъ сомнѣнія, въ другой разъ ее не оскорбитъ, и душевныя раны мои отъ нее изцѣлѣютъ, и горести усладятся. Перестанемъ же изъ минувшаго поминать злое, когда въ немъ и добраго много бывало, а постараемся утѣшить себя въ настоящемъ и будущемъ, сколько судьба его каждому опредѣлила. И такъ, Италія, Флоренція, Данте мнѣ помогли. Спасибо имъ; я

любилъ ихъ всегда, теперь стану любить еще больше; радъ бы съѣздить къ нимъ на поклонъ, но грѣхи въ рай не пускають, тоестъ денегъ нѣтъ. Пока я служилъ на Кавказѣ, братъ мой Петръ Александровичъ, имѣвшій отъ меня довѣренность, продалъ одну изъ моихъ деревень въ 50 душъ, а выручку промоталъ; возвратясь восвояси, нашелъ я свое имѣніе совершенно разстроенное и кругомъ въ долгу; мнѣ удалось въ одинъ годъ уплатить 12.500 р.; оно казалось бы и хорошо, но въ нынѣшніе неурожайные годы малѣйшая разгочительность или неудача можетъ вновь все разстроить, и необходимо беречься и беречь. Кончина брата, застрѣленнаго въ деревнѣ баронессы Кампенаузенъ бѣглыми ея крестьянами, вѣроятно, недовольнымъ управленіемъ, прибавила мнѣ 120 душъ, такъ что всего у меня нынче 340; но тамъ еще болѣе всякихъ недостатковъ и долговъ etc. Скрѣпя сердце, приходится жить въ своихъ деревняхъ, переѣзжать со вредомъ здоровья изъ одной въ другую, и съ году на годъ отлагать поѣздку даже въ Петербургъ, гдѣ бы мнѣ хотѣлось, однако, напечатать третью часть моихъ стихотвореній, конечно послѣднюю, ибо съ лѣтами исчезаетъ и поэтическое вдохновеніе. О посѣщеніи чужихъ краевъ и, въ особенности, моей любезной Италіи, думать не смѣю. Скажите-ка мнѣ: какъ Вы тамъ находитесь, когда я Васъ воображалъ зарытымъ въ бумагахъ Комитета? Чѣмъ Вы больны и чѣмъ лѣчитесь? Долго ли пробудете? Скоро ли воротитесь? Я готовъ закидать вопросами, но Вы и безъ нихъ догадаетесь, что мнѣ знать любопытно, и надѣюсь, сообщите. Можете ли для меня купить и привезти хорошее изданіе *Divina Comedia*, съ изъясненіями, и еще *Orlando innamorato rifatto dal Berni* ¹⁾? всего бы лучше, кабы найти его вмѣстѣ съ *Orlando furioso*. Паче всего, жду писемъ, чаще, длиннѣе, подробнѣе: оно послужитъ яснѣйшимъ доказательствомъ, что Фениксъ возродился изъ пепла.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

¹⁾ Francesco Berni р. въ 1490 г., ум. въ 1536 г., извѣстенъ своею переѣлкою „Orlando innamorato“ Boyardo.

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 26 января по 6 апрѣля 1911 г.**

Князьковъ, С. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Историческій очеркъ. Подъ ред. А. А. Кизеветтера. М. 1911. Изд. I. Кнебеля, 4-е. Тип. А. Левенсона (Трехпрудный пер., с. д. 8°. (13×20). 102 стр. Ц. 30 к. Въсь 11 л. 13.500 экз.

Краткая исторія 2-го пѣхотнаго Софійскаго Императора Александра III полка за сто лѣтъ его существованія. 17 января 1811 г.—17 января 1911 г. Смоленскъ. 1911. Тип. губернская. 8°. (15×20). 24 стр.+2 портр. Въсь 3 л. 2.300 экз.

Кречетовичъ, I. П., прот. Объявленіе воли въ гор. Саратовѣ и Саратовской губерніи (по даннымъ архива Саратовской Духовной Консисторіи). Саратовъ. 1911. Тип. союза печ. дѣла (Армянская). 8° (13×21). 24 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 6.000 экз.

Ксеньинъ, В. В. Паденіе крѣпостнаго права, юбилейное изданіе ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. М. 1911. Тип. Т. Ф. Дортманъ (Срѣтенскія ворота, 1). 16° (12×18). 30 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 15.000 экз.

Лейсманъ, Н. А., прот. Судьба православія въ Лифляндіи, съ 40-хъ до 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Рига. 1910. Изд. Риж. Петро-Павловск. Прав. Брат. Тип. Г. Гемпль и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×22). 12 стр. Ц. 30 к. Въсь 10 л. 1.000 экз.

Малининъ, В. Н., проф. Десять словъ Златоустра XII вѣка. Спб. 1911. Изд. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×25). 124 стр. Ц. 1 р. Въсь 19 л. 623 экз.

Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Саратовъ. 1911. Изд. (Сарат. Губ. Ученой Архив. Коммис. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×25). IX+23+196+29+46+16 стр.+1 портр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 1 ф. 2 л. 750 экз.

Мельниковъ, А. П. Къ трехсотлѣтію Смутнаго времени. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій Край. I. Историческій очеркъ Нижняго-Новгорода. II. Этнографическій очеркъ Нижегородскаго края. М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая. с. д.). 8° (16×24). 177+1 стр. Съ рис.+2 карты. Ц. 80 к. Въсь 20 л. 3.000 экз.

Мироновъ, А. М., проф. Исторія христіанскаго искусства. Казань. 1911. Тип. Казанскаго университета. 4° (28×36). 215 стр. Въсь 1 ф. 6 л. 100 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Часть четвертая. М. 1911. Изд.

книгоизд. тов. Образование (Тверская-Ямская, 46—7). Тип. Русскаго тов. (Мыльниковъ пер., св. д.). 4° (25×33) 116 стр.+20 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 5.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія Историко-Филологическаго факультета Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ на весеннее полугодіе 1911 года. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 16° (11×17). 19 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ. Отд. II, т. II. Апрельъ 1801—1803 г. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8° (18×17). 11+142 стр. Вѣсъ 22 л. 300 экз.

Орловская, М. В. О женскомъ движеніи въ Россіи. Спб. 1911. Тип. „Мирный Трудъ“ (Вереѣйская, 6). 8° (14×21). 13 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XIV. Первая половина: 1) Повѣсть о честномъ житіи Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича Всея Руси. 2) Новый лѣтописецъ. Спб. 1910. Изд. Археографич. Комиссія. Тип. Александрова (Недеждинская, 43). 4° (26×38). 1+154 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 500 экз.

Понафидинъ, С. Историческая памятка 29-й Артиллерійской бригады. Рига. 1910. Тип. Швакенбургъ (Конюшенная, 5) 8° (15×23). 201 стр. Съ рис. и портр. +1 карта. Вѣсъ 21 л. 200 экз.

Семеновъ, Вл. Расплата. Трилогія. III. Цѣна крови. Спб. 1911. Изд. 2-е посмертное и тип. т-ва М. О. Вольфъ. (Вас. Островъ, 16 л. св. д.). 8° (16+23). 182 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Срезневскій, В. И. и Покровскій, Ф. И. Описаніе рукописнаго отдѣленія бібліотеки Имп. Академіи Наукъ. I. Рукописи т. I. 1) книги св. писанія. II) книги богослужебныя. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (17×25). XVI+525 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 450 экз.

Терновскій, Ф. Императоръ Петръ I-й въ его отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю. (По поводу выхода въ свѣтъ VI тома исторіи царствованія Петра Великаго Устрялова). Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейндера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 41 стр. Вѣсъ 6 л. 40 экз.

1861—19 февраля—1911. М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина. f° (29×46). 1 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

1861—19-го февраля—1911. (Стихи). М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина. f° (29×46). 1 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

1861—19 февраля—1911. Великая реформа. Сборникъ статей: А. И. Яковлева, В. И. Семевскаго, В. Я. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. М. 1911. Изд. т-ва Образование. Тип. Рус. т-ва (Мельниковъ п., с. д.). 8° (18×26). 191×1 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Шумахеръ, Ал. Великая Крестьянская Реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб. 1911. Тип. Ю. Мансфельдъ (ул. Гоголя, 9). 8° (16×24). 34 стр. Съ портр. Складъ: Колокольная ул., № 14, у Березовскаго Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Щербачковъ, Н. 1-й кадетскій корпусъ. (179 годовщина, 17 февр. 1911 года). (Стихотвореніе). Спб. 1911. Тип. Отд. кор. погр. стражи (В. О., у Виржи). 4° (22×35). 1 стр. Вѣсъ 1 л. 1.020 экз.

А. К. Русскія святыя женщины и подвижницы. Спб. 1911. Изд. журн. „Отдыхъ Христіанина“. Тип. Алекс.-Невск. общ. трезв. (Обводный кан., 116). 8° (15×21). 164 стр. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Афанасьевъ, А. Н. Русскія дѣтскія сказки. Съ рис. Н. Н. Каразина.

М. 1911. Изд. А. К. Залѣской (Воздвиженка, д. Армадѣ), 14-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., д. 9). 8° (15×23). 304 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 31 л. 4.000 экз.

Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. IV. 15 фототип. таб. (съ 42 по 56 включит.). Раб. фот. П. П. Павлова. М. 1910. Изд. гр. А. А. Бобринскаго. Тип. А. А. Левенсонъ. f° (32×42). 5 стр.+15 табл. рис. Вѣсь 1 ф. 9 л. 500 экз.

Бронзовъ, А. А., проф. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Трезвые Выходы“. Спб. 1911. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (15×22) 108 стр. Вѣсь 8 л. 100 экз.

Булановы, бр. Ив. и Ник. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Составлено по историческимъ даннымъ. Спб. 1911. Изд. А. А. Григорьева. Тип. Экономическая (В. О., 14 л. 5). 8° (16×23) 16 стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 2.000 экз.

Варакинъ, Д. С. Обзоръ вѣроученія странниковъ бѣгуновъ. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путников. пер., соб. д.). 8° (15×22). 53 стр. Вѣсь 5 л. 3.000 экз.

Веретенниковъ, В. И. Изъ исторіи тайной канцеляріи. 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильбербергъ и С-вей (Донецъ-Захаржевская, 6). 8° (17×25). 120 стр. Вѣсь 16 л. 200 экз.

Гейсманъ, П. А. Столѣтіе Военнаго Министерства. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба въ 1825—1902 г. г. Вып. II. Спб. 1911. Изд. Воен. Министерства. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 линия, 5—7). 4° (23+28). 414 стр. и 12 картъ. Томъ IV. Часть 2. Вѣсь 2 ф. 30 л. 2.200 экз.

Глубоковскій, Николай. Блаженный Августинъ въ изображеніи русскаго свѣтскаго историка. (Отъ изъ журн. „Труды Кіев. Дух. Акад.“ 1911 г.) Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва П. Варскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 38 стр. Вѣсь 3 л. 165 экз.

Голицынъ, В., кня. Записка о Румянцовскомъ Музеѣ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой. 8° (16×23). 14 стр. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Грачевъ, В. К. Крѣпостное Право и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (Смоленскіе дворяне въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Историческая справка. (1861—1911 г. 19-го февраля). Смоленскъ. 1911. Тип. П. А. Силина. 8° (14×22). 44 стр. Вѣсь 3 л. 500 экз.

Гусевъ, С. Я. Свѣжія раны. Воспоминанія корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб. 1911. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (17×23). 230 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 25 л. 2.000 экз.

Давидовичъ, Б. Святій Алексій, Митрополитъ всея Руси. Очеркъ его жизни и дѣятельности церковной и государственной. Спб. 1910. Изд. Училищ. Сов. при Свят. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (14×21). 57 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 5.000 экз.

Евгеній, еп. О церковномъ прославленіи и почитаніи св. праведной Іуліаніи Лазаревской (Историческій очеркъ). Муромъ. 1910. Тип. Н. В. Зворыкина. 8° (18×26). 34+II стр. Вѣсь 6 л. 600 экз.

Житіе Св. Праведной Іуліаніи Лазаревской (въ двухъ редакціяхъ) и служба ея. Приложение къ историческому очерку „О церковномъ прославленіи и почитаніи св. праведной Іуліаніи Лазаревской“. Спб. 1910. Изд. еп. Евгенія. Тип. Синодальная. 8° (20×26). 48 стр. Вѣсь 9 л. 600 экз.

З а б о л о т с к і й, П. Музей имени Гоголя при Историко-филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго (д. Безмертнаго). 8° (18×27). 9 стр. Въсь 2 л. 300 экз.

Исторія русскаго права періода Имперіи. Хронологическая таблица, составленная студентомъ Императорскаго Спб. Унив-тета Е. А. Б. примѣнительно къ курсу орд. проф. В. Н. Латкина. Спб. 1911. Тип. 1-й Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8° (76×110). 1 листъ. Въсь 7 л. 2.000 экз.

К а б а н о в ъ, А. К. Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Отд. Волгара (Н. Базарь, д. Шунаевой). 8° (15×21). 32 стр. Въсь 3 л. 1.020 экз.

Кавказъ. Описаніе края и краткій историческій очеркъ его присоединенія къ Россіи. Спб. 1911. Изд. Комиссіи Народныхъ чтеній, 3-е. Тип. И. В. Леонтьева. 8° (13×19). 54 стр. и 1 карта. Ц. 15 к. Въсь 3 л. 6.000 экз.

К е д р о в и ч ъ, С т е ф а н ъ. Архіепископъ Херсонскій и Одесскій Дмитрій (Муретовъ). † 14-го ноября 1883 г. Краткое жизнеописаніе. Одесса. 1911. Изд. и тип. Е. И. Фесенко (Ришельевская, 49). 8° (15×28). 31 стр. Съ рис. Въсь 4 л. 300 экз.

К и р и ч и н с к і й, Е. Забытый поэтъ - націоналистъ. (Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, род. 8 сент. 1809 г., умеръ 8 дек. 1868 года). Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 10 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

К н я з ь к о в ъ, С. А. 19 февраля 1861 года. М. 1911. Изд. К. И. Тихомирова (Кузнецк. м., д. Захарьина). Тип. А. Левенсонъ (Мамоновск. п., с. д.). 16° (13×19). 47 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 5.000 экз.

К о л ю б а к и н ъ, Б. М. 1812-й годъ. Воспоминанія офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 года. Спб. 1911. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). 4° (20×28). 56 стр. Съ рис. Въсь 13 л. 500 экз.

Конспекты лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода. Вып. I. Вып. II по Христіанской археологіи. Новгородъ. 1910. Изд. Новгородскаго Общ. любителей древностей. Тип. Губернская, 8° (12×18). 100 стр. + 2 плана. Ц. 20 к. и 15 к. Въсь 5 л. 2.000 экз.

Краткая исторія 132-го пѣхотнаго бендерскаго полка. Кіевъ. 1911. Тип. Р. К. Лубковскаго (В. Владимірская, 46). 16° (13×17). 16 стр. Въсь 2 л. 510 экз.

Къ 300-лѣтнему юбилею Царствованія Дома Романовыхъ. (Историческій очеркъ). Спб. 1911. Изд. Ф. И. Романовской (Изм. п., 3-я рота, 4). Тип. Экономическая (В. О., 14 л., 5). 8° (16×23). 91 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 4.000 экз.

Л а п п о, И. И. Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія. Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймики. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Матисена. 8° (17×25). XIII+624+192 стр. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 17 л. 800 экз.

Лейбъ Гвардіи 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ. Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 16° (12×18). 48 стр. и 2 портр. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Л я щ е н к о, П. И. Послѣдній Секретный Комитетъ по Крестьянскому дѣлу, 3-го января 1857 г.—16 фев. 1858 г. (По матеріаламъ Архива Госуд. Совѣта). Спб. 1911. Тип. Ред. Період. изданій Мин. Финансовъ. 8° (15×22). 56 стр. Ц. 35 к. Въсь 7 л. 500 экз.

М—с ъ, А. А. Краткій курсъ Исторіи Русскаго права. Составленъ примѣнительно къ университетской программѣ по учебнику профессора М. Ф.

Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. И. И. Самоненко, 3-е. Тип. Акц. О-ва П. Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 132+30 стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 40 к. Вѣсь 13 л. 600 экз.

Макаріи (Гнѣвушевъ) Архимандритъ. Крѣпостное право на Руси и Освобожденіе Крестьянъ отъ Крѣпостной зависимости. (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 года). Спб. 1911. Изд. Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта. Тип. Синодальная. 8° (16×24). 59 стр. Съ 10 рис. Вѣсь 3 л. 12.000 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1904 годъ. Спб. 1911. Тип. Киршбаума (Новосаакіевская, 20). 8° (19×28). VII+171 стр. Вѣсь 1 ф. 6 л. 600 экз.

Перельманъ, М. А. Л. Н. Толстой. Краткій очеркъ жизни, ученія, творчества. М. 1911. Изд. т-ва Эпоха (Чернышевск. пер., 12). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 8° (15×22) 23 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к. Вѣсь 3 л. 1.500 экз.

Перетцъ, В. Н. Новый трудъ по исторіи Украинскаго театра. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8° (16×25). 42 стр. Вѣсь 7 л. 200 экз.

Погодинъ, А. Л., проф. Лекціи по славянскимъ древностямъ. Харьковъ. 1910. Тип. С. Иванченко (Костюренскій, 2). 8° (18×26). 452 стр. Вѣсь 1 ф. 6 л. 100 экз.

Покровскій, И. П. Членъ Госуд. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910). Спб. 1911. Изд. „Жизнь и Знаніе“. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 125). 4° (20×27). 118 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 25 л. 2.000 экз.

Поповъ, Петръ (П. Княжвинъ). Шесть лѣтъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. 1870—1875. Спб. 1911. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). 8° (18×25). 107 стр. Вѣсь 23 л. 1.025 экз.

Саводникъ, В. Ф. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (16×23). 211 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 18 л. 500 экз.

Савостинъ, И. Краткій обзоръ царствованія Царя-Освободителя, Императора Александра II Ко дню 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ. М. 1911. Изд. газ. „Воинъ и Пахарь“ (Пречистенск. набер., 213). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (15×23). 82 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Савостинъ, И. Памятка русскому народу ко дню 50-ти-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861—19-го февраля 1911 г. М. 1911 г. Изд. газ. „Воинъ и Пахарь“ (Пречистенская набережная, 213). Тип. С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (16×23). 24 стр. Съ рис. Ц. 7 к. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Фирсовъ, А. И. Бѣлгородъ и его святыни. Бѣлгородъ. 1910. Тип. А. А. Вейнбаумъ (ул. Имп. Николая II, соб. д.). 8° (14×22). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Царь-Освободитель, самодержецъ Всероссійскій Императоръ Александръ II Николаевичъ (1855—1881). М. 1911. Изд. А. С. Балашова (Трубная, д. Нелидова). Тип. Ломоносова (Тверская, д. Соловьева). 8° (36×46). 1 листъ съ портр. Вѣсь 1 л. 10.000 экз.

Шевченко, Е. П. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 1861—19 февраля—1911. Полтава. 1911. Тип. И. А. Дохманъ. 8° (13×21). 8 стр. Съ портр. Вѣсь 1 л. 1.000 экз.

Юницкій, А. А. О состояніи нашихъ провинціальныхъ лѣсныхъ архивовъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы улучшить архивное дѣло. Спб. 1911. Тип. Градоначальства (Измаил. п., 8 р., д. 20-б). 8° (16×24). 5 стр. Въсь 1 л. 500 экз.

Янжуль, Иванъ. И. Е. Цвѣтковъ. (Основатель Цвѣтковской картинной галлерей въ Москвѣ). Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 17 стр. Съ портр. Въсь 4 л. 500 экз.

А. З. Истинный пастыръ. (Жизнь и дѣятельность бывшаго настоятеля московскаго придворнаго Архангельскаго Собора, протоіерея В. Н. Амфиотроева). М. 1911. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, св. д.). 8° (18×27). 321 стр. Съ 18 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 6 ф. 22 л. 1.000 экз.

А. М. 19 февраля 1861 года. (Краткій историческій очеркъ развитія крѣпостного права на Руси и освобожденія крестьянъ). (Для школъ, войскъ и народа). Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. Безобразова (В. О., Вол. просп., 61). 8° (15×23). 47 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Два крестьянина костюмича: Иванъ Осиповичъ Сусанинъ и Осипъ Ивановичъ Коммисаровъ. Иллюстрированный очеркъ. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ и 300 лѣтію Царствованія Дома Романовыхъ. Екатеринбургъ. 1911. Изд. автора. Тип. М. С. Копылова (Проспектъ, соб. д.). 8° (14×22). 40 стр. Съ рис. Ц. 30. к. Въсь 4 л. 10.000 экз.

Васинъ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Сборникъ статей о крѣпостномъ правѣ отъ его начала до паденія. М. 1911. Изд. Книжн. склада М. В. Клюкина. Тип. В. И. Воронова. 8° (14×19) 143 стр. Съ 4 рис. Ц. 45 к. Въсь 13 л. 3.000 экз.

Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ IV. (Историческая коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Джавелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (22×29). 280 стр. Съ рис. Въсь 3 ф. 21 л. 3.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Об-ва распр. нач. образ. Нижегород. губ. Тип. Нижегород. печ. дѣло З. А. Остафьевой. 16° (13×17). 63 стр.+6 порт. Ц. 5 к. Въсь 3 л. 12.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ приложеніемъ портрета и избранныхъ произведеній Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 80 стр. Ц. 15 коп. Въсь 5 л. 10.000 экз.

Герье, В. 1861—19-го февраля—1910 14-го іюня. Второе раскрѣпощеніе. Общія пренія по Указу 9-го ноября 1906 года въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Съ текстомъ Указа 9-го ноября 1906 и закона 14-го іюня 1910. М. 1911. Тип. Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковский пер., 9). 8° (17×26). VIII+232 стр. Въсь 30 л. 600 экз.

Григорьевъ, Н. Г. „Слово о полку Игоревѣ“. Текстъ поэмы съ примѣчаніями, переводъ и разборъ со стороны художественной и исторической (Школьная бібліотека № 9). Варшава. 1911. Изд. Т-ва Орось (Новый Свѣтъ, 70), 2-е Тип. Л. Вилинскаго и В. Масленковича (Новгородская, 17). 16° (14×19). 78+1 нен. стр. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 5.000 экз.

19 февраля 1861—1911. 1) А. В. Мезіеръ. Крѣпостное право въ Россіи и великій актъ 19 февраля. 2) Воспоминанія Авенаріуса, Арцимовича, Короленко, Крылова и др. 3) Разказы и стих. о крѣпостномъ правѣ. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (19×27). 96 стр. (въ 2 ст.). Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 6 л. 5.000 экз.

Зелінскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть I. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. Вильде. 8° (16×23). XXV+217 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 22 л. 1.200 экз.

Иванцовъ, М. А. Пособіе къ лекціямъ по Исторіи культуры для учащихся въ Московской Консерваторіи. И. Р. М. О. Курсъ первый (шестой классъ). М. 1911. Изд. Консерваторіи Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кв. Гагарина). 8° (15×23). 224 стр. Вѣсь 19 л. 600 экз.

Историческій очеркъ крестьянскихъ учреждений Калужской губерніи съ 1861 по 1911 г. Калуга. 1911. Тип. губ. правленія. 8° (15×22). 24 стр. Вѣсь 3 л. 500 экз.

Кіево-Печерскій Патерикъ. Полное собраніе житій святыхъ, въ Кіево-Печерской лаврѣ подвизавшихся. Въ новомъ полномъ переводѣ Е. Поселянина. Составленъ тремя Печерскими святыми: Несторомъ, лѣтописцемъ Печерскимъ, Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ и Поликарпомъ, архимандритомъ Печерскимъ. М. 1911. Изд. 3-е. А. Д. Ступина. Тип. Печатникъ (Даниловск., 54). 8° (17×24). 415 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 10 л. 4.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Спб. 1911. Изд. ред. „Русскаго Богатства“, 2-е (Спб., Баскова ул., д. 9). Тип. 1-й слб. трудовой артели (Лиговка, 34). 8° (15×21). IV+461 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 8 л. 6.000 экз.

Малицкій, П. И. Уроки по исторіи христіанской церкви. Вып. II. Русская церковная исторія. Тула. 1910. Изд. автора. Тип. С. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (18×27). III+129 стр. Ц. 65 к. Вѣсь 14 л. 1.200 экз.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. IV. Переходная эпоха (1815—1856 г.г.) М. 1911. Изд. С. Михеева и А. Казачкова (Знаменка, Александр. Воен. уч.). Тип. Штаба Моск. Воен. Окр. 8° (19×23) 72 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 9 л. 1.200 экз.

Михневичъ, А. П. Полвѣка назадъ 19 февраля 1861 г. освобожденіе крестьянъ. (Чтеніе для школь, войскъ и народа). Спб. 1911. Изд. П. В. Казначеева (Спб., Офицерск. улица, 23, кв. 11). Тип. Смирнова (Екатер. кан., 45). 8° (16×23). 40 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсь 6 л. 3.000 экз.

Недоумовъ, А. Д., прот. Московскій придворный Архангельскій соборъ. Описаніе сего собора и находящихся въ немъ Царскихъ и Княжескихъ гробницъ. М. 1900. Изд. 4-е. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер.). 16° (13×17). 64 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 3.000 экз.

Никольскій, Н. В. Краткій конспектъ по этнографіи чувашъ. Казань. 1911. Изд. автора. Тип. Унив. университета. 8° (17×25). IV+114 стр. Вѣсь 18 л. 300 экз.

Новый Израиль. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Вып. IV. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Владиміра Бончъ-Бруевича.

Спб. 1911. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (18×26). СХХХІ+4 неп.+485 стр. Съ 33 рис. и автограф. Складъ: Пески, Херсонская ул., д. 5, кв. 9). Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 3.000 экз.

Норцевъ, А. Н. Архивъ графовъ Канкринныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ, (Общій обзоръ документовъ). Тамбовъ. 1910. Тип. Н. Вердоносова и Ф. Пригорна. 8° (18×26). 54 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Освобожденіе Крестьянъ 19-го февраля 1861 года. Спб. 1911. Изд. Общества Благотворенія въ память 19-го фев. 1861 г. (Тамбовская ул., 16). Тип. К. А. Четвериковъ (Караванная, 7). 8° (15×23). 32 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго городского Художественнаго и Историческаго музея за 1909 годъ. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Нижегород. печ. дѣла, З. А. Остафьевой. 8° (17×26). 21 стр. Вѣсъ 3 л. 125 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго городского Художественнаго и Историческаго музея за 1910 годъ. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Нижегород. печ. дѣла, З. А. Остафьевой 8° (17×26). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 125 экз.

Покровскій, В. И. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е доп. Тип. Г. Лиснера и Собко. 8° (16×25). 200 стр. Цѣна 50 к. Вѣсъ 20 л. 5.000 экз.

Пятидесятилѣтіе Освобожденія Крестьянъ. Спб. 1911. Изд. Е. В. Богдановича. Тип. Голицы и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (16×23). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 450.000 экз.

Рождественъ, А. Ушинскій національный русскій педагогъ. Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (17×25). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Ромашковъ, Д., свящ. Урокъ 1812 года. Къ столѣтнему юбилею отечественной войны. (Отъ изв. №№ 1—2 газ. „Голосъ Русскаго“ за 1911 г.). М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 16° (12×18). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Свенцицкій, В. Жизнь Ѳ. М. Достоевскаго. № 1-й. Свѣточи міра М. 1911. Изд. и тип. пар., книгоизд. (Б. Дмитровка, 26). 16° (11×15). 77 стр. Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. П. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.г.). Т. I. На правахъ рукописи. Спб. 1911. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 8° (19×29). XI+III+440 стр. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 200 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. Вѣче въ Новгородѣ. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×24). 18 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. На пристани въ Новгородѣ. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×24). 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. Съездъ князей. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×24). 15 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.100 экз.

Терентьевъ, М. А., ген.-лейт. Исторія завоеванія Средней Азій.

(Съ картами и планами). 3 тома. Спб., 1906. Тип. В. В. Комарова (Невскій пр., 136). 8° (17×26). 510+547+526 стр. и чер. и пл. 23, картъ 2. Въсь 6 ф. 10 л. 1.200 экз.

Царствованіе Императора Александра II. Его великія реформы и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19-го фѣвраля 1861 года. М. 1911. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроніевская, с. д.). 18° (12×17). 32 стр. Въсь 1 л. 12.000 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого на ст. „Астапово“. М. 1911. Тип. В. Чичеринъ и К° (Марьинск. уч., с. д.). 8° (15×22). 31 стр. Складъ: Петровск. в., 25. Г. Р. Штегеманъ. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 3. 5.000 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Л. Н. Толстого. (Библиотека Л. Н. Толстого, подъ ред. П. И. Бирюкова, № 3). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (13×20). 31 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Шамбинаго, С. Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. Русскаго тов. 8° (14×20). 158 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 15 л. 2.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Императоръ Александръ II. Царь-Освободитель. Иллюстрированный очеркъ. Народное изданіе. Екатеринославъ. 1911. Тип. М. С. Копылова (Проспектъ, соб. д.). 8° (14×22). 36 стр. Съ рис.+ 2 листа рис. Складъ: книжн. маг. В. Е. Алексѣева. Ц. 30 коп. Въсь 5 л. 8.000 экз.

Алексѣевъ, В. 1861—1911. Сборникъ Стихотвореній русскихъ поэтовъ въ память 19-го фѣвраля 1861 г. Спб. 1911. Тип. „Вережливость“ (Невскій, 139). 8° (13×19). 31 стр. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 3.000 экз.

Баіовъ, А. проф. Отзывъ, составленные по порученію Академіи Наукъ о сочиненіяхъ: а) П. Паренсова—„Изъ прошлаго“ ч. 4 и 5 и б) Н. Ухачъ-Охоровичъ—„Набѣгъ на Инкоу“, Спб. 1911. Тип. Скачкова (Итальянск., 16). 8° (14×21). 48 стр. Въсь 5 л. 200 экз.

Бархатовъ, М. Е. и Функе, В. В. Исторія Русско-Японской войны. Томъ III и IV. Спб. 1907 и 8 г. Тип. Голицке и Вильборгъ (Звениг., 11). 4° (26×35). 503—800+801—1032 стр. Съ рис. Въсь 5 ф. 14 л. 8.800 экз.

Великій праздникъ пятидесятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ 19-го фѣвраля 1861 г. М. 1911. Изд. книгоизд. Максимова (Лубянская пл., д. Духовной Консисторіи). Тип. Филатова (Колокольн. пер., 26). 18° (11×18). XVI стр. Въсь 1 л. 20.000 экз.

Винищевскій, П. Народный сборникъ памяти Царя-Освободителя и великаго событія 19-го фѣвраля 1861 г. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×22). 58 стр. Ц. 22 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Вороновъ, Л. Н. Крестьянская реформа. 19-го фѣвраля 1861—1911 г. I. Крѣпостное право. II. Освобожденіе крестьянъ. III. Выкупъ надѣловъ. IV. Общинное землевладѣніе. V. Завершеніе реформы. М. 1911. Изд. Ком. по орган. общеобр. чт. для раб. (Трубник. п., д. Ржановой). Тип. Рус. Т-ва (Мыльник. п., с. д.). 8° (18×26). 115 стр.+2 портр. Въсь 14 л. 6.000 экз.

Въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Изд. С.-Пет. Купеческаго Общества. Тип. М. Д. Ломковского (Думская, 5). 8° (17×24). 48 стр. Въсь 13 л. 5.000 экз.

Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ, подъ ред. Юрія Битовтъ М. 1911. Тип. К. А. Фишеръ (Кузнецкій мостъ, 15) 4° (28×36) 4 стр.+40 лист. рис. и портр. Въсь 1 ф. 29 л. 1.200 экз.

Глаголевъ, С., проф. О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. (Рѣчь). Сергіевъ Посадъ. 1910. Изд. Москов. Дух. Акад. Тип. Св., Тр. Сергіевой Лавры. 8° (17×35). 21+1 нен. стр. Вѣсь 3 л. 600 экз.

19-е февраля (О празднованіи пятьдесятъ лѣтъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости). Кіевъ. 1911. Тип. Окр. Штаба (Банковая, 11). 8° (16×22). 8 стр. Вѣсь 1 л. 74.000 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-ти-лѣтіе Освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февр. 1911 г.) Одесса. 1911. Тип. С. Скарлато и А. Долинскаго (Красный пер., 5). 8° (13×21). 41 стр.+2 портр. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Драке, Л. Л. Кадетскій бытъ 50-хъ годовъ. (Отрывочныя воспомнанія). Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (16×23) 32 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Дюнькинъ, Н. И. и Новиковъ, А. И. Подъ ред. Владимира Рябова. Майковъ, А. Н. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1911. Изд. кн. маг. Ив. Загряжскаго (Пет. ст., Большой пр., 13). Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Б. пр., 61). 8° (16×23). 37 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 5 л. 2.000 экз.

Е. Д. Возникновеніе и отмѣна крѣпостного права въ Россіи. 1861—1911. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Учеб. Окр. Т-во Тип. И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×22). 31 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 3 л. 190.000 экз.

Елеонскій, Сергѣй. Великій врагъ цивилизаціи. I. Культура въ изображеніи произведеній Льва Толстого. II. Толстой и его предшественникъ. (Перепечатано изъ №№ 47, 49 и 50 Нижегородскаго Церковно-Общественнаго Вѣстника за 1910 годъ). Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Нижегород. губ. Правленія. 16° (11×17). 17 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Жаковъ, К. У инвенскихъ пермяковъ. 1902—1910 г. Сентябрь. Архангельскъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (12×23). 13 стр. Вѣсь 1 л. 250 экз.

Жуковскій, Ю. Г. Крестьянское дѣло и общественная инициатива. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20×30). 211 стр. Скл.: „Общественная Польза“ (Невскій, 40). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 3 л. 600 экз.

Зайдманъ Моисей. Θ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. (Характеристика творчества и личности писателя въ западной критической и научной литературѣ). Одесса. 1911. Тип. Кульбергъ и Капланъ (Екатерининск., 78) 8° (17×25). 127 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 15 л. 1.200 экз.

Императоръ Александръ II. Государь Освободитель. Борзна. 1910. Изд. Борзенскаго зем. Тип. Г. Л. Арлозорова. 8° (15×20). 31 стр. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 г.г.). Т. I—IV и V дополнительный. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×32). I) XI+665+29 рис. II) 806+26 рис. III) 712+11 рис. IV) 529+15 рис. V) 224 стр.+9 рис. Вѣсь 34 ф. 16 л. 1.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Вып. I. М. 1911. Изд. Книгоизд. Образованіе. Тип. Русск. Тов. (Чист. Пруды. Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 191 стр.+18 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 23 л. 5.000 экз.

Какъ прекратилось крѣпостное право на Руси. Отечественная бібліотека. Спб. 1911. Изд. Всероссийскаго Национальнаго Клуба. Тип. „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8° (15×21). 28 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 50.000 экз.

Клокова, М. Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ. Очеркъ. М. 1911. Изд. Школьной библиотеки. Тип. Русскаго товарищества. 8° (14×21). 43+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 2.150 экз.

К о л ю б а к и н ъ, Б. Прейсшъ-Эйлауская операція. Сраженіе у Прейсшъ-Эйлау (25 и 27 Января 1807 года). Спб. 1911. Тип. Г. Скачкова (Итальянск., 16). 8° (17×22). 32 стр. и планъ. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Краткая исторія 12-го пѣхотнаго Велколуцкаго полка. Въ 2-хъ частяхъ. 1711—1911. М. 1911. Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (18×26). 334+III стр. 20 лист. и картъ. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 525 экз.

Кузнецовъ, Н. Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи. Сергіевъ Посадъ. 1910. Изд. Москов. Дух. Акад. Тип. Св.-Тр. Сергіевой Лавры. 8° (17×25). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19-е февраля 1861 г.—19-е февраля 1911 г. М. 1911. Изд. Гор. скл. учеб. пос. Тип. Городская. 8° (16×23). 40 стр.+1 портр. Вѣсъ 5 л. 20.000 экз.

Л о з и п с к і й, Е в г е н і й. Левъ Толстой объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ,—Съ приложеніемъ двухъ пензданныхъ писемъ Толстого къ автору. Спб. 1911. Изд. автора. Тип. „Сѣверная Печатня“ (Вас. О., 14 лнн., д. 2). 8° (16×23). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Л ю б и ч ь-К о ш у р о в ъ, І. А. Партизаны 1812 г. Рисунки П. Абрамова. М. 1911. Изд. книгозд. Заря. Тип. Рекордъ (В. Афанасьевскій пер., 32). 8° (15×23). 166 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверск. бульв. и Мл. Бронной). Ц. 85 к. Вѣсъ 22 л. 1.500 экз.

Матеріалы по вопросу о введеніи суда съ присяжными засѣдателями въ Тверской области и объ учрежденіи окружнаго суда въ городѣ Пятигорскѣ. (Въ память 45-лѣтія судебныхъ уставовъ Императора Александра II). Пятигорскъ. 1911. Тип. К. К. Кибардина. 8° (15×22). 51 стр.+1 карта. Вѣсъ 6 л. 170 экз.

М и х е е в ъ, С. Отечественная война 1811—1912. Бородинское сраженіе. М. 1911. Тип. Окр. Штаба. 8° (17×25). 47 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Московский Публичный и Румянцевскій музеи. Картинная галлея. Добавленіе къ каталогу. Собраніе картинъ и скульптуръ, завѣщанное почетнымъ членомъ музейв, коммерціи совѣтникомъ К. Т. Солдатенковымъ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). (16° (13×17)). 26 стр. Вѣсъ 1 л. 2.400 экз.

Н. П. Пироговъ (Къ 100-лѣтію со дня рожденія 1810¹³/₁₁ 1910. Томскъ. 1911. Изд. Пироговъ, студен. медиц. об-ва. Тип. Сибир. т-ва печ. дѣла. 8° (15×23). 82 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Н е ч а е в ъ, Н. П. Къ 50-лѣтію освобожденія Крестьянъ. Историческій Очеркъ Закрѣпощенія и освобожденія Крестьянъ. Спб. 1911. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій каналъ, 45). 8° (16×23). 35 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Н и к и ф о р о в ъ, Н. и Ш и м а н с к і й, М. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 1861—1911. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Учеб. Округа. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Караваяевская, 5). 8° (15×22). 32 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Освобожденіе Крестьянъ. Сборникъ статей. Спб. 1911. Изд. „Жизни

для всѣхъ“. Тип. „Энергія“. 8° (13×21). 330 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Петрусевичъ, В. И. Плоды раздумья. Сборникъ литературно-художественный въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Тип. К. Л. Пентковского (Б. Подъячск., 22). 8° (17×25). 270 стр. Съ 10 рис. Складъ: Спб., Тверская ул., 12. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 5.000 экз.

Попельницкій, А. Письмо депутата перваго призыва (къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Съ отмѣтками Императора Александра II. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 21 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифей русскаго слова. Вып. I Ломоносовъ.—Жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. Т-ва Орось (7 рота, 26). Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (16×26). 88 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Пфлугъ-Гартунгъ, Всемирная Исторія. Отъ Вестфальскаго міра до паденія Наполеона I (1650—1815). Пер. съ доп. подъ ред. пр. Н. И. Карѣва и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи—Н. П. Василенко. Спб. 1911. Изд. и тип. Брокгаузъ и Ефронъ. 8° (20×29). 479 стр. Съ 67 рис. Вѣсъ 5 ф. 4 л. 5.000 экз.

Пѣвницкій, В. Ѡ., проф. Мои воспоминанія. II. Студенческіе годы. 1851—1855 г. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва И. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16×25). 182 стр. Вѣсъ 16 л. 125 экз.

Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. 1861—1911. Очеркъ исторіи закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва „Копѣйка“ (Лиговская, 34). 4° (21×30). 63 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 10 л. 25.000 экз.

Римскій-Корсаковъ, Н. А. Музыкальныя статьи и замѣтки (1869—1907). Со вступит. статьей М. Ф. Гильсина. Подъ ред. Н. Римской-Корсаковой. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (14×21). XLVI+223 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 23 л. 1.500 экз.

Русова, С. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Украинскій народный поэтъ (Его жизнь и произведенія). Кіевъ. 1911. Изд. книгоизд. Сотрудникъ (Александровская, 27). Тип. С. Г. Слюсаревскаго (Институтская, 14). 8° (12×20). 80 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Рыбаковъ, Г. Воспоминанія о С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1911. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16×24). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 132. Переписка Имп. Николая Павловича съ В. К. Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Т. II (1830—31). Спб. 1911. Изд. И. Р. Ист. Общества. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20×29). V+249 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.250 экз.

Семины, Орестъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911. Изд. т-ва Вся Россія (Пушкинская, 31), Л. М. Фишль. Тип. К. Ш. Кружянскаго (Спаская, 10). 8° (15×22). 164+2 нен. стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 16 л. 10.000 экз.

Сивковъ, К. В. Крѣпостное право и русская изящная литература (1762—1861 гг.). М. 1911. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиж. пер., 9).

16° (13×17). 37 стр. Складъ: Кн. скл. Народное право (Мохова, 14). Ц. 15 к. Вѣсь 3 л. 1.000 экз.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. 1. Т. I—V. Спб. 1911, Изд. 3-е и тип. Тов. „Общ. Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (20×28). XII+1726 столб.+2 табл. Ц. 15 р. за VII книгъ. Вѣсь 3 ф. 20 л. 3.500 экз.

Третьяковъ, М. Сектанство Тамбовской губерніи (Отд. оттискъ изъ журн. „Мисс. Обзор.“ № 12 за 1910 г.). Спб. 1910. Тип. „Колоколь“ (Невскій, 127). 8° (17×25). 46 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Труды Вятской Ученой Архивной комиссіи. 1910 годъ. Вып. II—III. Съ приложеніемъ. Вятка. 1910. Тип. губернская. 8° (15×23). 79+151+136+II+121 стр. Вѣсь 29 л. 350 экз.

1861—50—1911. 19 февраля. Тула. 1911. Тип. Е. И. Дружинина. 8° (17×26). 4 стр. Съ портр. Вѣсь 1 л. 40.000 экз.

Чернышевскій, М. Н. О Чернышевскомъ. Библиографія 1854—1910. Спб. 1911. Изд. 2-ое испр. и значит. доп. Тип. Т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (18×22). 78. стр. Ц. 50 к. Вѣсь 11 л. 500 экз.

Омоенко, К. Л., прот. Пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и дарованія земельныхъ надѣловъ. На память доброму Русскому народу. Кіевъ. 1911. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8° Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Арнольдъ, М. А. Краткій историческій обзоръ земской ветеринаріи Симбирской губерніи за истекшія 25 лѣтъ. Симбирскъ. 1910. Тип. Н. П. Сидневой и К°. 8° (17×25). 20 стр. Вѣсь 3 л. 150 экз.

Бродскій, Н. Л. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. (Универсальная бібліотека, №№ 506—507). М. 1911. Изд. Польза, В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. А. А. Левенсонъ. 16° (9×14). 190+2 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 7.200 экз.

Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ V (Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. И. Мельгунова, В. И. Пичега). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 4° (22×30). 308+2 нен. стр. Съ рис. и портр.+31 листъ рис. и портр. Вѣсь 4 ф. 14 л. 3.000 экз.

Глубоковскій, Н. Н., проф. Родословіе Смарагда (Крыжановскаго), архіепископа рязанскаго. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Ист. и древн. російскихъ. Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 8° (19×28). 46 стр. Вѣсь 8 л. 120 экз.

Городъ Симбирскъ по двумъ переписямъ недвижимыхъ имуществъ (1910—1911 г.г. земской и 1909 г.—городской). Симбирскъ. 1911. Изд. Оцѣн. Вѣсь 1 ф. 4 л. 150 экз.

Готье, Ю. В. Десятни по Владиміру и Мещерѣ 1590—1615 г.г. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Истор. и древн. рос. при Моск. универ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 39 стр. Вѣсь 6 л. 60 экз.

Дудинъ, В. О. Стеблевъ, А. П. и Толстовъ, А. С. 1861 года 19-го февраля. Очеркъ исторіи крѣпостного права на Руси и отмѣна его. М. 1911. Изд. Н. А. Хорошкевича. (Ср. Прѣсны, Б. Никольск. п., д. Мельниковой). Тип. Вильде. (М. Кисловка, с. д.). 8° (14×21). 192 стр. съ портр. Ц. 60 к. Вѣсь 18 л. 2.400 экз.

Ермиловъ, В. Е. Въ память 19-го февраля. Воля. Сборникъ. Завѣты

лучшихъ людей отъ Радищева до Льва Толстого. Разказы, стихи, народныя пѣсни, воспоминанія, сцены, характеристики, изреченія, біогр. очерки. Съ предисловіемъ П. С. Когана. М. 1911. Изд. Н. Н. Ключкова. (Мясницк., 24). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (17×23). IX+275 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 1 ф. 9 л. 1.800 экз.

Жерве, Н. П. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. 1861 г. 19-го февраля 1911 г. Спб. 1911. Изд. Имп. русск. военно-историч. общества. Тип. Тренке и Фюсно (Максимл. пер., 13). 8° 14×20). 64 стр. Съ 20 рис. Вѣсь 7 л. 100.000 экз.

Жизнь за Царя костромскаго крестьянина Ивана Сусанина или Рускіе люди въ 1612 году. Повѣсть, составленная по историческимъ даннымъ и драмѣ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 18° (13×18). 107 стр. Вѣсь 4 л. 30.000 экз.

Изданія Императорской Археографической Коммисіи на 1-е января 1911. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8° (17×25). 14 стр. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Карцовъ, Ю. и Военскій, К. Причины войны 1812 года. Спб. 1911. Тип. Штольценбурга (Моховая, 37). 8° (15×23). XIV+115 стр. Вѣсь 16 л. 3.000 экз.

Каталогъ аукціона собранія русскихъ монетъ Имп. Петра II, Имп. Анны Іоанновны, Имп. Іоанна Антоновича и Петра I и до Петровскаго періода, принадлежащихъ нумизматической фирмѣ Б. Ф. Кошыллова. Ч. III. Спб. 1911. Изд. И. Общ. Поощренія художествъ. Тип. „Капиталъ“ (6-я Рожд., № 27). 8° (16×23). 38 стр. Вѣсь 5 л. 500 экз.

Каталогъ Шевченковской выставки въ Москвѣ по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти 1861 26/II 1911. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., соб. д.). 8° (15×23) 27 стр. Съ рис. и портр. Вѣсь 4 л. 300 экз.

Ковалевскій, П. И., проф. Завоеваніе Кавказа Россіей. Историческіе очерки. Спб. 1911. Тип. Акинфіева (Васковъ пер., 10). 12° (12×19). 334 стр. Съ карт. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 25 л. 500 экз.

Кузнецовъ, Я. О. Дворцовые управители Унженской волости. Страницка изъ быта крестьянъ XVIII стол. Меленковскаго уѣзда. Владимірѣ. 1911. Тип. Губ. Правл. 8° (15×23). 8 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Макарій, архим. 19 февраля 1861 года—19 февраля 1911 года. М. 1911. Тип. русск. печатня (Тріумф. Садов., 170). 8° (18×27). 4 стр. Вѣсь 1 л. 50.000 экз.

Матеріалы къ исторіи рода Олсуфьевыхъ. Ліянія Василія Дмитріевича. (1796—1858) перваго графа Олсуфьева М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (21×28). 47 стр. Вѣсь 12 л. 30 экз.

Муравьевъ, М. В. Матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Новгородской губерніи. 1861 г.—1911 г. Новгородъ. 1911. Тип. Ив. Як. Мастакова. 8° (15×22). 30 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Н. И. Пироговъ. Хирургъ, педагогъ и общественный дѣятель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Н. И. Пирогова 13 ноября 1910 года. Екатеринбургъ. 1911. Изд. Уральск. Мед. общ. и семейно-педагог. кружка Тип. Уральская жизнь. 8° (16×25). 66 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 8 л. 3.000 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 9-й. Исторія русской интеллигенціи. Часть третья. 80-е годы и начало 90-хъ.

Спб. 1911. Изд. Т-ва „Общественная Польза“ и „Прометей“ (Поварской, 10). Тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×23). 224 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 24 л. 7.000 экз.

Орловъ, Шахе. Дѣйствія западнаго отряда ген. Бильдерлинга на рѣкѣ Шахе—Мукденъ. Дѣйствіе 2-й арміи во время мукденскаго сраженія. Спб. 1911. Изд. Топогр. и геодез. журнала. Тип. Улей (Морская, 13—3). 8° (15×21). 87 стр. и 1 карта. Ц. 50 к. Въсь 8 л. 1.400 экз.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. М. 1911. Изд. „Научнаго Слова“ (Нѣмецк. ул., д. Рахманова). Тип. И. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., с. д.). 8° (18×25). XXXII+342 стр. Съ портр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 29 л. 3.200 экз.

Освобожденіе крестьянъ (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г.). Краткая записка объ историческомъ ходѣ и развитіи крестьянской реформы въ примѣненіи ея во Владимірской губерніи. (Составлена Непр. Членомъ Владим. Губ. Присутствія А. А. Бурминымъ и Земскимъ начальникомъ 1-го уч. Шуйскаго у. М. Г. Смирновымъ. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правленія. 4° (22×28). 26 стр. Въсь 4 л. 800 экз.

Пантелѣевъ, С. В. Изъ пережитаго въ шестидесятыхъ годахъ. Спб. 1911. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (15×22). 40 стр. Ц. 30 к. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Петрусевичъ, В. П. По поводу празднованія 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (Историческій очеркъ до-крѣпостнаго права). Спб. Изд. газеты „Русское Знамя“. Тип. „Отечественная“ (Шпалерная, 26). 8° (17×25). 25 стр. Ц. 5 к. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Розановъ, П. и Сидоровъ, Н. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ (Универсальная библиотека № 508—9). М. 1911. Изд. Польза В. Антикъ и К^о (Козицкій п., 2). Тип. А. Левенсонъ (Мамоновскій п., с. д.). 16° (10×15). 207 стр. Ц. 20 к. Въсь 6 л. 4.200 экз.

Соловьевъ, Н. П. Разказы о жизни Императора Александра Благословеннаго и отечественной войнѣ 1812 года. Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоронечатня (Екатер. кан., 94). 8° (15×21). 157 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Въсь 18 л. 5.000 экз.

Станьковскій, И. В. Памятка Петербуржца. Краткій Обзоръ важнѣйшихъ событій изъ Исторіи Лейбъ-Гвардіи С.-Петербургскаго Короля Фридриха Вильгельма III полка. Варшава. 1911. Изд. Автора. Тип. Русскаго Общества (пл. Св. Александра, 4). 16° (14×19). 29+3 нен. стр. Съ рис. Въсь 4 л. 3.000 экз.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей Рус. Ист. Провс. въ память Имп. Александра III. Кн. 15. Спб. 1911. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., № 28). 8° (20×28) XII+1 таб.+30 стр.+35 ст.+256 ст.+5 карт. Въсь 2 ф. 20 л. 1.000 экз.

Сташевскій, Е. Десятиг Московского уѣзда 7086 и 7094 г. г. М. 1910. Изд. Об-ва ист. и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 50 стр. Въсь 8 л. 200 экз.

Тараньгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Выпускъ IV. Редакція Ѳ. А. Витбергъ. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Васковъ пер., 4), 8° (28×20). 25 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 1.000 экз.

Тараньгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизне-

описаніе. Выпускъ 5. Редакція В. Б. Глинскаго. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (28×20). 23 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Титовъ, Ан. Святѣи и древности Ростова-Великаго. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (16×24). 25 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 3 л. 2.400 экз.

Тургеневъ, И. С. Неизданныя произведенія. (Сокровищница русской литературы. „Произведенія руск. писателей, не вошедшія въ собраніе ихъ сочиненій“ № 1). Казань. 1911. Изд. изд. Молодыя силы (Делгярная, д. Стахѣва). Тип. В. В. Вараксина. 8° (15×22). 29 стр. Ц. 12 к. Вѣсь 3 л. 3.000 экз.

Ухтубужскій, П. Отмѣна Крѣпостного Права. Спб. 1911. Тип. т-ва Свѣтъ (Невскій, 136). 8° (17×25). 62 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Ушаковъ, Н. Къ 50-лѣтней годовщинѣ обновленія Россіи. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правл. 8° (14×21). 12 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Царь-Освободитель. Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ. М. 1911. Изд. А. С. Балашева. Тип. п. ф. Ломоносовъ (1-я Тверск.-Ямск., д. 24). 8° (15×23). 8 стр. Вѣсь 1 л. 10.000 экз.

Царю-Освободителю Александру Николаевичу II. Отъ благодарнаго русскаго народа 19 февраля 1911 года. М. 1911. Изд. А. С. Балашова. Тип. п./ф. Ломоносовъ (1-я Тверск.-Ямск., 24). 8° (15×23) 8 стр. Вѣсь 1 л. 10.000 экз.

Чистяковъ, С. Начало 1-го Финляндскаго стрѣлковаго полка. Ко дню столѣтняго юбилея 1811—1911 г.г. По даннымъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Мнѣва. 1911. Тип. И. Ф. Штеффенгагена и Сына (Литейная, 22). 8° (18×22). 36 стр. Вѣсь 6 л. 1.150 экз.

Шахъ-Нароніанцъ, Леонъ. 1861 г.—19 Февраля 1911 г. Священной памяти Царя-Мученика Императора Александра II. (Стихотв.). Спб. 1911. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8° (17×24). 4 стр. Вѣсь 1 л. 1.000 экз.

Шеръ, В. В. Исторія профессиональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Матеріалы къ исторіи профессиональнаго движенія въ Россіи. Выпускъ IV. М. 1911. Изд. книгоизд. „Наука“. Тип. П. Рябушинскаго (Страстной бульваръ, св. д.). 8° (14×21). XII+475 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 9 л. 1.000 экз.

Шубинскій, С. Н. Историческіе очерки и рассказы. Спб. 1911. Изд. 6-е. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., д. 13). 8° (17×26). VI+712 стр. Съ 89 рис. Ц. 4 р. Вѣсь 3 ф. 6 л. 1.500 экз.

Аксаковъ, А. П. Отмѣна крѣпостного права на Руси. 1861—1911 г. Спб. 1911. Тип. Улей (Морская, 13—3). 8° (15×22). 31 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 13.000 экз.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. I. Дневникъ и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 года. (I томъ). Подъ ред. и съ примѣч. Е. И. Тарасова. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 4° (20×26). XXXII+512 стр. Съ 4 табл. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 20 л. 830 экз.

Ашевскій, С. Бѣлицскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17×23). VII+328 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 3.000 экз.

Б—въ, Ю. Конспектъ по исторіи русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Составл. по учебнику проф. Д. Я. Самоквасова. М. 1911. Тип. А. И.

Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 8 (14×22). 29 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

Бергъ, Александръ. Подвигъ командира 6-й егерской роты Куринскаго полка капитана Колодыко въ 1837 году въ борьбѣ съ Шамилемъ. Пьеса для солдатскаго спектакля въ 1-й картинѣ. М. 1911. Изд. и тип. Театральной б-ки С. О. Разсолина (Тверская, Георгіевск. пер., 16). 8° (18×26). 7 стр. Вѣсь 1 л. 110 экз.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Деятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Спб. 1911. Изд. Кн-ства „Учебникъ“, 2-е, доп. Тип. „Энергія“ (Загородный пр., 17). 8° (17×24). VIII+375 стр. Складъ: Спб., Садовая. 18, книжн. складъ „Коммисіонеръ“. Ц. 5 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Буланже, П. А. Толстой и Чертковъ. М. 1911. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×21), 19 стр. Съ рис. Ц. 4 к. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Вакартъ. 19 февраля 1861—19 февраля 1911 г. Краткій историческій обзоръ дѣятельности крестьянскихъ учреждений Кіевской губерніи за 50 лѣтъ въ связи съ очеркомъ современнаго положенія крестьянскаго дѣла. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. губ. по крестьян. дѣл. присут. Тип. Губ. правл. (Софійская пл., ад. прис. мѣстъ). 8° (18×26). 19 стр. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Валишевскій, К. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Царство женщинъ. „Екатерина I, Анна, Елизавета. Ихъ интимная жизнь“. Полн. перев. съ франц. А. Гретманъ. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сѣвнскъ (Петровка, 17). Тип. М. В. Балдина (Арбатъ, 7) 8° (20×28). 441 стр.+4 листа рис. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 12 л. 2.000 экз.

Владимірскій - Будановъ, М. Ф. Das Russische Recht. Русская правда. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×26). 14 стр. Вѣсь 4 л. 100 экз.

Военскій, К. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. Спб. 1911. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40), 8° (16×25). 95 стр. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. 2-е Об-ства распр. нач. обр. въ Н.-Нов-дѣ. Тип. Нижегородское печ. дѣло. 16° (12×17). 68 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Гранпре, К. де-. Примѣненіе Наполеономъ войскъ при оборонѣ. (По опыту обороны Неаполитанскаго королевства въ 1806 г.). Съ франц. А. н. Ш. Съ предисловіемъ А. Г. Елчанинова. Спб. 1911. Изд. Сѣв. книгоиздательства (Поварской пер., 12). Тип. П. П. Софкина (Стремянная, 12). 8° (16×23). 140 стр. и 3 картъ. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 2.050 экз.

Гуревичъ, Я. Г. Историческая хрестоматія по Русской Исторіи. Томъ III. Спб. 1911. Изд. 3-е перераб. Тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (17×26). XVI+569 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 21 л. 4.000 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В. проф. На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія о крѣпостномъ правѣ наканунѣ раскрѣпощенія и краткій ходъ реформы. Кіевъ. 1911. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (16×24). 238+2 нен. стр.+2 карты. Складъ кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29), Ц. 1 р. Вѣсь 28 л. 2.000 экз.

Древлянинъ, В. Просвѣщеніе крестьянъ. Дьячковская и церковно-

приходская школа четверть вѣка тому назадъ. Богуславъ. 1911. Тип. А. М. Ленскаго. 16° (8×18). 8 стр. Вѣсь 1 л. 150 экз.

Е л е о н с к і й, Ѳ. 19-е февраля. Н.-Новгородъ. 1911. Тип. Губ. Правленія. 16° (11×17). 28 стр. Вѣсь 2 л. 20 экз.

Ж и л и н ъ, А. А. Научная дѣятельность и труды профессора А. В. Романовича-Славатинскаго. Докладъ, прочитанный въ Собраніи Кіевскаго Юридическаго Общества 18-го сентября 1910 г. Кіевъ 1911. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×26). 16 стр. Вѣсь 5 л. 100 экз.

К а т а е в ъ, М. М. Мѣстныя Крестьянскія учрежденія (Историческій очеркъ ихъ образованія и нормъ дѣятельности). Ч. I. Спб. 1911. Изд. Земск. Отд. Мин. Вн. Дѣль. Тип. Мин. Вн. Дѣль. 8° (18×25). 128 стр. Вѣсь 14 л. 1.000 экз.

К а т а е в ъ, М. М. Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Спб. 1911. Изд. Земскаго Отдѣла Мин. Вн. Дѣль. Тип. Мин. Внутр. Дѣль. 8° (17×25). 139 стр. Вѣсь 18 л. 1.000 экз.

К о в а л е в с к і й, А л е к с а н д р ъ. Освободительная реформа Императора Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губерніи (1858—1861 г.г.). Юбилейное изданіе къ 19 февраля 1911 года. Кіевъ. 1911. Изд. автора (Театральная, 1). Тип. Губернскаго Правленія (Софійская пл., зд. Прис. М.). 4° (22×30). XIV+84 стр. Съ 12 лист. портр. и рис. Ц. 75 к. Вѣсь 30 л. 1.000 экз.

К о г а н ъ, П. Бѣлинскій и его время. М. 1911. Изд. Заря (уг. Тверск. 6. и М. Бронной). Тип. Обществен. Польза (Б. Тверск.-Ямская, 26). 8° (15×23). 151 стр. Ц. 70 к. Вѣсь 13 л. 5.000 экз.

К р а н и х ф е л ь д ъ, Вл. П. Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины. Критико-біографическій очеркъ 1861—1911. Спб. 1911. Изд. „Нов. Журнала для Всѣхъ“. Тип. Л. В. Гутмана (Калашниковскій пр. 13). 8° (15×21). 96 стр. Адр. скл.: Спб. Невскій, 55, кн. складъ „Земля“. Ц. 50 к. Вѣсь 10 л. 2.000 экз.

Л е б е д е в ъ, А. Поэтъ-христианинъ Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ (1829—1908) библиографическая монографія. Вып. II. Саратовъ. 1911. Изд. ред. Дух. Вѣстн. (Армянская). Тип. Союза печ. Дѣла (Армянская). 8° (15×22). 59—242 стр. Вѣсь 10 л. 200 экз.

Л и н н и к ъ, Гр. Крѣпостное право въ Россіи. (Экономическія его основы). Кіевъ. 1911. Тип. Акц. Об-ва Петръ Барскій (Крещатики, 40). 8° (18×27). 26 стр. Вѣсь 4 л. 80 экз.

Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766—1821). Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Папудогло. Съ портретомъ гр. Головиной и принцессы Луизы Баденской. (Историческая бібліотека Сфинкса. Т. I). М. 1911. Изд. Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. Рекордъ (Б. Афанасьевск., 32). 8° (17×23). 410 стр.+2 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 18 л. 2.500 экз.

М о р о з о в ъ, М. Очерки Новѣйшей Литературы. Спб. 1911. Изд. „Прометей“ (Поварской, 10). Тип. Общественная Польза (Б. Подъяч., 39). 8° (17×24). 254 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 28 л. 2.100 экз.

Н и к о л а е в ъ, подполк. Краткія свѣдѣнія о боевой жизни 16-го пѣх. Ладожскаго полка съ 5-го Января 1708 г. по 1-е Декабря 1910 года. Варшава. 1911. Тип. Окр. Штаба (Саксонская пл., 7). 16° (11×16). 18 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Освобожденіе крестьянъ. 1861 — 19 февраля — 1911. № 18. Спб. Изд. Русск. Народн. Союза Имени Михаила Архангела. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій просп., д. 136). 16° (13 × 17). 52 стр. Ц. 5 коп. Вѣсь 1 л. 25.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Спб. 1911. Изд. М. Бархагова (Спб., Пушкинская, 10). Тип. Голике и Вильборгъ (Звенегород., 11). 4° (26 × 35). 302 стр. Съ 270 рис. и карт. Вѣсь 3 ф. 3.300 экз.

Покровскій, В. Иванъ Савичъ Никитинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п. с. д.). 8° (16 × 25). 167 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Столешниковъ п., д. Ланозова). Ц. 50 к. Вѣсь 17 л. 3.000 экз.

Романовскій, В. Е. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1911. Изд. І. Кнебель (Петровскія лпни, 13—14). Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., соб. д.). 8° (17 × 26). IV+1 нен.+452 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 3.000 экз.

Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ. Выставка портретовъ. Спб. 1911. Изд. Кружка любителей изящныхъ изданій. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (17 × 24) 64 стр. Съ 15 рис. Ц. 3 р. Вѣсь 26 л. 350 экз.

Сборникъ въ память П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго). Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегород. Губ. Учен. Арх. Комис. Тип. Т-ва Машистова. 8° (17 × 25). III+III+313+VII+328+VI+II нен. стр.+1 табл.+1 портр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 9 л. 450 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.—на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 82. Отчетъ по управленію военными сообщениями Дѣйствующей Арміи. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. Ком. Глав. Упр. Ген. Штаба. Тип. Энергія (Загор. просп., 17). 4° (20 × 30). VII+416 стр. и 3 карты. Вѣсь 2 ф. 28 л. 200 экз.

Сидоровъ, А. Къ пятидесятилѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19-го февраля 1861 г.—19-го февраля 1911 г. М. 1911. Изд. Гор. Скл. Учеб. Пос. Тип. Городская. 8° (15 × 22). 40 стр.+1 портр. Вѣсь 5 л. 10.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Письма. Томъ III. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1911. Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческ.. 39). 8° (17 × 24). 336 + II стр. Ц. 2 руб. Вѣсь 1 ф. 4 л. 4.000 экз.

Хочяновъ, К. Рѣчь о Н. В. Гоголѣ по случаю столѣтія со дня его рожденія (произнесенная 20-го марта 1909 г. въ Псковскомъ Кадетскомъ Корпусѣ). Псковъ. 1910. Тип. „Трудъ и Знаніе“. 16° (12 × 18). 22 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 400 экз.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого. Записки (Изъ №№ 12 и 13 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1911 годъ). Ренбургъ. 1911. Тип. Бр. Колпаковъхъ. 8° (15 × 21). 32 стр. Вѣсь 3 л. 2.000 экз.

Штейнъ, фонъ. Краткая исторія 141-го пѣхотнаго Можайскаго полка для нижнихъ чиновъ. По 1-е сентября 1910 г. Орель. 1911. Тип. А. А. Ледунова. 16° (11 × 17). 34 стр. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Александровъ, А. И., проф. Царь-Освобдитель, Преобразователь и Просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. Казань. 1911. Изд. Ка-

занск. об. трезв., 7-е. Тип. университета. 8° (15×23). 32 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 6.000 экз.

Антикварная книжная торговля П. Шибанова. Новыя приобрѣтенія. № 161. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 32 стр. Въсь 2 л. 1.225 экз.

Булычевъ, Н. И. Архивныя свѣдѣнія, касающіяся отечественной войны 1812 года по Калужской губерніи (Калужское Дворянское Ополченіе). Калуга. 1911. Тип. Губ. правленія. 8° (30×43). 34+161 стр. Съ рис. и картою. Въсь 5 ф. 400 экз.

В. А. Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 г. Краткій историческій опытъ. М. 1911. Изд. Спасо-Бородинск. монастыря. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер. св. д.). 16° (13×17). 64 стр. Съ рис. + 1 карта. Въсь 5 л. 1.600 экз.

Вороновъ, А. А. Патріархъ Филаретъ. Спб. 1911. Изд. Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній, 2-е. Тип. И. В. Леонтьева. (Басковъ пер., 4). 8° (12×18). 32 стр. Съ портр. Ц. 8 к. Въсь 2 л. 6.000 экз.

Времена крѣпостного права. Дворян. (Библіотека новой школы. Для старшихъ. № 3). Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, соб. д.). 16° (13×17) 48 стр. Ц. 4 к. Въсь 2 л. 10.000 экз.

Времена крѣпостного права. Деревня. Для старшихъ. Библіотека новой школы. Тулупова, Н. В. и Шестакова, П. М. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 16° (13×17). 47+1 нен. стр. Ц. 4 к. Въсь 2 л. 10.000 экз.

Въ кружкѣ ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. М. 1911. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×26). 2 стр. Въсь 1 л. 70 экз.

Галаховъ, Іаковъ, прот., Левъ Николаевичъ Толстой и его религиозное міровозрѣніе. Томскъ. 1911. Изд. Попеч. о бѣдн. Тип. Дома трудолюбія. 8° (16×23). 28 стр. Ц. 15 к. Въсь 2 л. 200 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 8-й. Спб. 1911. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская 11). 4° (24×31). 142 стр. Съ рис. Ц. 1 руб. 60 коп. Въсь 2 ф. 15.000 экз.

Евреиновъ, Н. Крѣпостные актеры. Историческій очеркъ. Спб. 1911. Изд. и тип. Дирекціи Спб. Имп. Театровъ. (Моховая, 40). 8° (21×24). 80 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 16 л. 250 экз.

Жеваховъ, Н. Д., кн. Святитель Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. (1705+1754). Матеріалы для біографіи. Томъ III. Дополнительный. Кіевъ. 1909. Изд. кн. Жевахова. Тип. Кіево-Печер. Успенск. Лавры. 8° (18×26). 752+1 нен. стр.+4 листа рис. Ц. 3 р. Въс. 4 ф. 22 л. 1.125 экз.

Жизнь и подвиги схимонаха Феодора. Казанск. Амвросіев. жен. пустынь. 1910. Изд. 4-е, Козельск. Введен. Оптин. Пустыни. Тип. Казанск. Амвросіевск. жен. пустыни, 8° (15×22). 61 стр. Въсь 6 л. 3.000 экз.

Записки московскаго Археологическаго Института издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Т. IX. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. (Савеловскій пер., с. д.). 8° (18×27). 160+125+2 стр. Съ рис. Ц. 5 руб. Въсь 2 ф. 3 л. 600 экз.

Зѣнченко, Т. Енисейская губернія. Полтава 1911. Изд. Бюро Обл.

Пересел. Орг., 2-е. Тип. И. Фришберга (ул. им. Котляревскаго). 8° (15×22) 24+1 нен. стр.+1 карта. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 22. М. 1911. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 321—374+32 стр.+4 портр. Вѣсь 21 л. 13.000 экз.

Коробка, Н. И. Опытъ обзора исторіи русской литературы. Для школъ и самообразованія. Часть I. Вып. 2. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Петерб. учебн. магазинъ“ (Пет. ст., В. пр., 10). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 136+VI стр. Ц. 60 к. Вѣсь 14 л. 5.000 экз.

Крачковскій, И. Легенда о Св. Георгіи Побѣдоносцѣ въ арабской редакціи (Отгискъ изъ журнала „Живая Старина“, вым. III, 1910 г.). Спб. 1911. Тип. Мин. Пугей Сообщенія (Фонтанка 117). 8° (16×24). 18 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Крестьянинъ, К. О равенствѣ съ разборомъ писательской дѣятельности гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ. 1911. Тип. Русская Печатня (Михайловскій пр., 20). 8° (13×17). 96 стр. Складъ: Н. К. Максимовъ (Тургеневская, 41). Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 5.000 экз.

Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Списки Лицамъ, Высочайше пожалованнымъ дипломами съ гербами на дворянское достоинство Всероссийской Имперіи и Царства Польскаго. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (17×23). 79 стр. Ц. 85 к. Вѣсь 11 л. 500 экз.

Марксы, Н. Азбука-пропись временъ Царя Михаила Ѳеодоровича. М. 1911. Изд. Моск. Археологическ. института. Тип. А. Снегиревой. 8° (18×27). 16 стр. Вѣсь 9 л. 600 экз.

Мурзановъ, Н. А. Правительствующій Сенатъ (Господа—Сенатъ)—22 февр. 1711—22 февр. 1911. Списокъ Сенаторовъ. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×32). 55 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 22 л. 500 экз.

Мятлева, Т. П. Происхождение самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія русскаго государства. Часть I. Вып. I—III. Спб. 1910. Тип. Синодальная. 8° (17×26). XXIV+130+2 нен. + III+142+II+71 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 24 л. 3.000 экз.

Мятлева, Т. П. Исторія Русскаго Государства и Православной Церкви. Часть. II. Вып. I—III. Спб. 1911. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 187+143+187 стр. Съ рис. Вѣсь 2 ф. 8 л. 3.000 экз.

Назаревскій, В. В. Патріархъ Гермогенъ, народныя ополченія Д. М. Пожарскаго и К. З. Мниина и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Къ трехвѣковымъ юбилеямъ 1912 и 1913 годовъ. Чтенія для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8° (19×27). 104 стр. Съ рис. Вѣсь 18 л. 4.000 экз.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Томъ VII. Языкознание и исторія литературы. М. 1911. Изд. Харьков. об-ва распр. въ нар. грамотн. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). VIII+612 стр. Съ рис.+1 карта. Вѣсь 2 ф. 10.000 экз.

Носковъ, Георгій. Откуда явилась секта баптистовъ на Руси и давно ли она существуетъ по даннымъ самихъ же баптистовъ (Обличеніе баптистовъ на основаніи Св. писанія и ихъ же литературы). Балашовъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. И. П. Бѣлова и К°. 16° (12×18). 32 стр. съ портр. Ц. 5 к. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Носковъ, Георгій. Откуда явилась секта баптистовъ на Руси и

давно ли она существуетъ по даннымъ самихъ же баптистовъ (Обличеніе баптистовъ на основаніи св. писанія и ихъ же литературы). Балашовъ. 1911. Изд. автора 4-е. Тип. И. П. Бѣлова и К°. 16° (11×18). 32 стр. Съ портр. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 500 экз.

Обнинскій, Викторъ. Новый строй. Часть I. Манифестъ 17-го октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. М. 1911. Изд. Образование (за Тверск. За-став., д. 34—7). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (18×26). 157 стр.+6 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 8 л. 5.000 экз.

Обнинскій, Викторъ. Новый строй. Часть II. Реакція. М. 1911. Изд. Образование (3-я Тверск. Ямск., д. 46—7). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 163—327 стр.+5 лист. рис. съ портр. Вѣсь 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Озеровъ, С. Историческія свѣдѣнія о Лефортовѣ и описаніе петро-павловскаго храма (1711—1911 г.г.). Юбилейное изданіе для мѣстныхъ жи-телей. М. 1911. Тип. И. Ефимова (Вол. Якиманка, соб. д.). 8° (16×24). 62+II стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 9 л. 2.000 экз.

Покровскій, К. Литературныя вліянія и отзвуки въ поэзіи Ники-тина М. 1911. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., 9). 8° (17×25). 31 стр. Вѣсь 6 л. 50 экз.

Солодовниковъ, Д. Д. Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картинки. Библиотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. Ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18), 3-е. Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (16×21). 95 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 10 л. 3.600 экз.

Титовъ, Ѳ. Пр. Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣ-постной зависимости. (1861 г.—19 февраля 1911 г.). Кіевъ. 1911 Изд. Кіев. Св. Владимірск. Бр-ва. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерин-говская, 6). 8° (17×24). 23 стр. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Труды Московскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Восточно-исто-рическаго общества. Т. I. Росписной списокъ г. Москвы 1634 года. Подъ ред. И. С. Бѣляева. Съ планомъ г. Москвы 1634 года. М. 1911. Тип. Университетская. 4° (22×31). XXXX+313 стр. Складъ: Пречистенка, д. Штаба Округа. Ц. 4 р. Вѣсь 1 ф. 29 л. 600 экз.

Труды Общества Изслѣдователей Волини. Т. IV. 1911 г. Житомиръ. 1911. Тип. М. Дененмана (Михайловская, 6). 8° (14×22). 198+7+12+1 нен. стр.+6 табл. Вѣсь 24 л. 600 экз.

Шантгай, И. Н. „Прекрасное Россіи упованье“. Краткій очеркъ жизни и царствованія Царя Освободителя ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (19 февр. 1861 г.—19 февр. 1911 г.), Варшава. 1911. Изд. автора (5-я мужская гимназія). Тип. XX вѣкъ (Братская, 13). 8° (14×21). 27 стр.+1 портр. Складъ: кн. маг. Карбасникова. Ц. 15 к. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Шереметевъ, С. гр. Татьяна Васильевна Шлыкова 1773—1863. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 51). 8° (17×25). 42 стр. Вѣсь 13 л. 300 экз.

Щегольковъ, Никола й. Историческія свѣдѣнія о городѣ Арза-масѣ. Арзамасъ. 1911. Тип. Н. Доброхотова. 4° (26×43). 281 стр. Съ рис. Вѣсь 2 ф. 30 л. 500 экз.

Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXV. (1751—1789). Инвентари старость, имѣній, фольварковъ

и деревень за вторую половину XVIII вѣка. Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ (Сиротская, 20). 4° (24 × 31). XXXII + 624 стр. Вѣсь 3 ф. 23 л. 400 экз.

Алавердянцъ, М. Я. Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой (къ біографіи А. С. Грибоѣдова). Отд. отт. изъ „Русской Старины“ за 1911 г. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой. 8° (16×25). 14 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Антиварная книжная торговля В. И. Ключкова. Каталогъ № 504. Спб. 1911. Тип. Арагольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсь 3 л. 1.500 экз.

Борзакoвскій, П. Великій русскій ученый и писатель-поэтъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Съ портретами, образцами сочиненій, факсимиле и рисунками. Одесса. 1911. Изд. автора (Лютеранск. пер., 4), Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30), 8° (14×20). 64 стр. Съ портр. и рис. Ц. 20 к. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Лермонтовѣ. Съ приложеніемъ біографіи Лермонтова, бібліографическаго указателя литературы о Лермонтовѣ и списка темъ для самостоятельныхъ работъ по его сочиненіямъ. Литературная бібліотека № 3. Вильна. 1910. Изд. Сѣв.-Зап. Книгоизд. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14 × 22). XXIX + 168 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 15 л. 2.000 экз.

Веселовскій, Борисъ. Исторія Земства. Томъ четвертый. Спб. 1911. Изд. Изд-ства О. Н. Поповой. Тип. „Русская Скоропечатня“ (Екатерининскій кан., 94). 8° (19×27). VIII+696+104+XXIX стр. Складъ: Спб., Невскій пр., д. 54. Ц. 20 р. за 4 тома. Вѣсь 3 ф. 26 л. 1.050 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февр. 1911 г.). Одесса. 1911. Тип. С. Скарлато и А. Доменскаго (Красный пер., 5). 8° (14×21). 42 стр. Вѣсь 4 л. 10.000 экз.

Изъ архива тайныхъ дѣлъ. Спб. 1911. Изд. Общ. Ревнит. Рус. ист. просвѣщенія. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (20×28). 146 стр. Вѣсь 1 ф. 2 л. 100 экз.

Классики русской литературы Ч. I. Памятники древнѣйшей русской литературы (отъ начала письменн.), Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Екатерина II, Херасковъ, Озеровъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій. М. 1911. Изд. Н. А. Степанова (Гранатный пер., 8). Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева. 8° (15×22). II+90 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 8 л. 2.000 экз.

Колосовъ, В. И. Тверской Музей и его приобрѣтенія въ 1908 и 1909 годахъ. Тверь. 1911. Тип. Губернская. 8° (16×25). 72 стр. Вѣсь 6 л. 300 экз.

Корененко, К. И. Просвѣщеніе и школы въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Историческій обзоръ возникновенія и развитія школъ въ Россіи со времени введенія христіанства до царствованія Петра Великаго. Севастополь. 1911. Тип. Ф. Антекмана (Нахимовская, 42). 8° (15×21). 30 стр. Складъ: кв. маг. Н. Протопоповой (Нахимовскій прос., 7). Ц. 15 к. Вѣсь 4 л. 1.050 экз.

Кузнецовъ, Н. Д. Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи. Спб. 1911. Тип. Алекс.-Невск. Общ. Трезв. (Обводный, 116). 8° (15×21). 40 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Мальковскій, Владиміръ. Народное сказаніе объ исчезнувшемъ храмѣ Святого Сергія, бывшемъ нѣкогда близъ деревни Тельцово, Рыбин-

ской волости, Бѣжецкаго уѣзда и объ иконѣ святителя Николая, Мирликійскаго чудоворца, именуемой по народному преданію „Никола на Бреневѣ или Никола Лаптево“. Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія съ приложеніемъ рисунка иконы Св. Николая. Тверь. 1911. Тип. губернская. 8° (16×26). 32 стр.+1 листъ рис. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Муравьевъ, А. Н. Памятная записка для будущаго. Изъ бумагъ Андрея Николаевича Муравьева. Спб. 1911. Изд. Общ. Ревнит. Русс. Истор. Просвѣщен. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (19×27). 4 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Мятлева, Т. П. Древнѣйшая карта всей мѣстности намъ современной Россіи и прилежащихъ къ ней странъ исторической эры отъ 500 л. до Р. Х. и по 4-е столѣтіе послѣ Р. Х., согласно представленію Геродота и позднѣйшимъ ея измѣненіямъ до нашествія Гунновъ. Спб. 1911. Тип. Ильина (Пряжка, 5). 1° (52×70). 1 листъ. Въсь 4 л. 3.000.

Мятлева, Т. П. Древняя карта всей мѣстности намъ современной Россіи и прилежащихъ къ ней странъ послѣ нашествія Гунновъ приблизительно до IX и X столѣтій. Спб. 1911. Тип. Ильина (Пряжка, 5) 1° (52×70). 1 л. Въсь 4 л. 3.000 экз.

Партизаны 1812 года Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ. (Отечественная библиотека, № 5). Спб. 1911. Изд. Всерос. націонал. клуба, 2-е Тип. А. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (15×21). 50 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсь 5 л. 10.000 экз.

Первозникова, И. П. „Положеніе книжнаго дѣла въ Россіи“ (разсужденіе стараго книжника). Спб. 1911. Тип. Болянской (Загородный пр. 74). 8° (15 × 21). 72 стр. Адр. изд.: Спб. Банковск. пер., 31 — 32. Въсь 5 л. 1.200 экз.

Содержаніе. 1) Можетъ ли существовать Всероссийское Общество Книгопродавцевъ и издателей при тѣхъ условіяхъ, какими оно сформировалось 12 ноября 1910 г. по новому уставу?

Переписка по дѣлу о развращеніи отставнымъ штабсъ-капитаномъ Митьковымъ своихъ дворовыхъ людей въ понятіяхъ христіанской религіи чтеніемъ рукописнаго стихотворенія „Гаврилады“, а также о допросѣ по этому дѣлу А. С. Пушкина и его письменныхъ отвѣтахъ на вопросномъ листѣ, имъ лично подписанномъ 1828 г. Спб. 1911. Изд. общ. ревнителѣй рус. инст. просвѣщ. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (20×28). 30 стр. Въсь 8 л. 100 экз.

Петрушевскій, А. Разказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго. М. 1911. Изд. В. В. Думнова. 17-е Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (15×22). 352 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Въсь 25 л. 2.100 экз.

Пожерскій, О. 26-я Артиллерійская бригада въ войну съ Японіей въ 1901 — 1905 г.г. Краткій очеркъ. Гродно. 1910. Изд. автора. Тип. К. Крамковскаго. 8° (14×21). 55+1 нен. стр. +10 схемъ. Ц. 75 к. Въсь 7 л. 200 экз.

Порфирьевъ, С. Нѣсколько данныхъ о приказномъ управленіи въ Казани въ 1627 году. (Отд. отъ изв. XVII-го т. „Извѣстій объ археол., исторіи и этнографіи“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. университета. 8° (17×25). 12 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Романовъ, Е. Р. Археологическій очеркъ Гомельскаго уѣзда (Могилевской губерніи). Вильна. 1910. Изд. Сѣв. Зап. отд. Русск. Геогр. Общ.

Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (16×25). 32 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 133. Акты, документы и Матерьялы для политической и бытовой исторіи 1812-го года Подъ ред. К. Военскаго. Т. П. Балтійская окраина въ 1812 году Спб 1911. Изд. И. Рус. Историч. Общества. Тип. Штольценбурга (Моховая, 32) 4° (20×28). ЛП+573 стр.+10 табл. Ц. 5 р. Вѣсь 3 ф. 14 л. 1.250 экз.

Сборникъ статей, посвященныхъ Сергѣю Ѳедоровичу Платонову. Спб. 1911. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая 40). 8° (16×23). ХVП+568 стр.+1 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 15 л. 1.000 экз.

Семеновъ, Вл. „Флотъ“ и „Морское вѣдомство“, до Цусимы и послѣ. Спб. 1911. Изд. 2-е, посмертное и тип. Вольфъ (Вас. Остр., 16 л., св. д.). 8° (15×21). 109 стр. Ц. 90 к. Вѣсь 12 л. 3.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. Т. VI—X. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. тов. „Обществ. Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (20×28). XI+1726 столб. (въ 2 ст.). Вѣсь 3 ф. 17 л. 3.500 экз.

Списки воеводъ и дьяковъ по Казани и Свѣяжску, составленные въ ХVП ст. (Отд. от. изъ ХХVП-го т. „Извѣстій об-ва археол. исторіи и этнографіи“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (16×24). 14 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Товаровъ, А. Историческій очеркъ Минской губерніи въ начальную пору существованія Русскаго государства (отъ основанія Русскаго государства до распространенія господства Литвы). Минскъ. 1910. Тип. С. А. Некрасова (Захарьев., 52). 8° (14×20). 42 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Троцкій-Сенютовичъ, П. Н. Прошлое и настоящее Финляндіи. Спб. 1911. Тип. Орлова (Мытнинская, 11). 8° (15×22). 25 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 3 л. 700 экз.

Устимовичъ, М. П. Ченстоховская икона Богородицы. Ченстоховскій монастырь. Городъ Ченстоховъ. Историческое сказаніе. Варшава. 1911. Изд. варшав. православ. Св.-Троицкаго бр. (Долгая, 15). Тип. Губернская (Медовая 20). 8° (15×22). 58 стр.+1 лист. рис. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Фоминъ, И. А. Каталогъ исторической выставки архитектуры и художественной промышленности. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Соляной 7). 8° (16×21). 95 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 18 л. 300 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Т. III.—1826—1854 г.г. Спб. 1911. Тип. Военная (въ зданіи Гл. Штаба). 8° (17×26). 202 стр. Вѣсь 29 л. 1.040 экз.

Чечулинъ, Н. Д. Малорусскія басни Л. И. Глѣбова. Спб. 1911. Тип. Сенатская, 8° (16×24). 24 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Учебные наброски на темы изъ курса исторіи русской словесности. (Историко-литературныя характеристики). Первая часть. Спб. 1911. Изд. изд-ва „Русская Филологія“ (Мойка, 30 кв. 7). Тип. В. Д. Смирнова (Екатерин. кан., 45). 8° (16×24). 184 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 21 л. 3.200 экз.

Эльмановичъ, Н. Н. Руководственные указанія при чтеніи литературныхъ произведеній. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Бѣлевъ. 1911. Тип. М. А. Глаголева (Мухн. площ., д. Бородина). 8° (17×26). 40 стр. Вѣсь 5 л. 300 экз.

Яблоневъ, Симеонъ, свящ. Исторія г. Скопина. Къ 300-лѣтнему

юбилею дома Романовыхъ. Рязань. 1911. Тип. Б-ва св. Василия. 8° (16×24). 25 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Акты и документы, относящіяся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1786—1869 г.г.). Т. I. (1796—1803 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями прот. Ѳ. И. Титова. Кіевъ. 1911. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская. 22). 8° (18×26). LX+791+1 стр. Ц. 4 р. Вѣсь 2 ф. 21 л. 500 экз.

Александровичъ Ю. Исторія повѣйшей русской литературы. 1880—1910 г. ч. I. Чеховъ и его время. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сфинскъ (Петровка, 17). Тип. А. Л. Будю (Мясницк., 20). 8° (16×12). 288 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 31 л. 2.000 экз.

Багалъй, Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статья по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещ., 3). 8° (18×27). III+624 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 15 л. 900 экз.

Боржковскій, В. В. Старый городъ (Очерки современнаго его положенія). Винница. 1911. Тип. Преемн. Р. Б. Шерра. 8° (18×26). 11 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Брянчаниновъ, Анатолій. Старины и быliny Печорскаго края (въ стихахъ). Харьковъ. 1911. Тип. Мирный Трудъ. (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 11+160 стр. Вѣсь 13 л. 200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Съ избранными письмами Бѣлинскаго. Со справочнымъ указателемъ соч. Бѣлинскаго Т. I—IV. Кіевъ. 1911. Изд. Южно-Рус. Книг. Ф. А. Югансона (Татарская, 35—37), 4-е. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (19×28). 746+682+756+667+X стр. съ портр. Ц. 3 р. Вѣсь 6 ф. по 4.000 экз.

Вопросы теоріи и психологіи творчества (Томъ I). Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи: Е. Аничкова, А. Горнфельда, Д. Овсяннико-Куликовскаго, Т. Райнова, К. Тиандера, В. Харціева и Б. Лезина. Подъ ред. Б. А. Лезина. Харьковъ. 1911. Изд. 2-е, В. А. Лезина. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×24). IV+432 стр.+2 портр. Складъ: кн. маг. Новое Время Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 6 л. 4.000 экз.

Гогель, С. К. Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи (Оттискъ изъ юбилейной исторіи Сената). Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×31). 200 стр. Вѣсь 1 ф. 20 л. 150 экз.

Квитковъ, В. М. Указатель цѣвъ на русскія монеты съ 1700 по 1904 годъ. (Руководство побочнаго заработка). М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Ломоносовъ (Тверская-Ямская, д. Соловьева). 8° (15×22). 62+1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсь 7 л. 500 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Петръ Великій за границей. М. 1911. Изд. Книгоизд. Школа, 3-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 16° (13×18). 30 стр. съ рис. и портр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 6.000 экз.

Ковалевскій, М. Незамѣченный курсъ. Къ вопросу о курсѣ исторіи въ III кл. мужскихъ гимназій. Казань. 1911. Тип. университета. 8° 16 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Колубакинъ, В. М. Воспоминаніе графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. Спб. 1911. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 123 стр. Съ рис. Вѣсь 13 л. 150 экз.

Крѣпостное право и его отмѣна. Книжка для чтенія на третьемъ году

обученія. Библиотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13×17). 62+II нен. стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсь 3 л. 6.000 экз.

Масонство или великое царственное искусство братства вольныхъ каменщиковъ какъ культурироисповѣданіе. (Историко-философскій очеркъ). Спб. 1911. Изд. автора. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (19×25). 80 стр. Вѣсь 14 л. 1.000 экз.

Освобожденіе крестьянъ (19 фев. 1861 г.—19 фев. 1911 г.). Библиотека „Хуторянина“ вып. 8. Полтава. 1911. Тип. Д. Н. Подзескаго (Петровская, соб. д.). 8° (15×23). 31 стр.+1 портр. Вѣсь 3 л. 30.000 экз.

Писаревъ, Н., свящ. Крестьянскій вопросъ въ Россіи и рѣшеніе его при Императорѣ Александрѣ II въ 1861 году. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи казанской духовной академіи 19-го февраля 1911 года). Казань. 1911. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×24). 42 стр. Вѣсь 4 л. 300 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи Русскаго слова. Вып. XIV. Ал. Толстой. Жизнь и Творчество. Спб. 1911. Изд. „Орось“ (Итальянская, 27). Тип. Герольдъ (Из. п., 4 рта, 26). 8° (17×23). 94 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 10 л. 5.000 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи Русскаго слова. Вып. VI. Державинъ. Жизнь и Творчество. Спб. 1911. Изд. „Орось“ (Итальянская, 27). Тип. Герольдъ (Из. п., 4 рта, 26). 8° (18×23). 108 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 11 л. 5.000 экз.

Смирновскій, П. Сборникъ статей, какъ приложение къ учебнику теоріи словесности. Часть II. М. 1911. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.), 6-е. Тип. В. Чичерина (Марьинск. уч., с. д.). 8° (15×33). VIII+267 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 24 л. 10.000 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція Б. Б. Глинскаго. Выпускъ 7. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 4° (28×20). 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція П. П. Аникиева. Выпускъ 12. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (28×20). 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Титовъ, Ан. А. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савелов., пер.). 8° (17×26). 153+II стр. Съ рис. Вѣсь 19 л. 450 экз.

Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Издано подъ ред. Н. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменко. Вып. 7. Полтава. 1910. Тип. Г. И. Маркевича (Бульваръ Котляревск.) 8° (17×36). 194 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 17 л. 750 экз.

Туровскій, К. Г., д-ръ. Очерки по исторіи и географіи Царицынскаго уѣзда. Царицынъ. 1911. Тип. Т-ва В. Баланинъ и Бр. А. В. Лошкаревы. 8° (14×21). 78 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 6 л. 200 экз.

Шевченко, С. Ф. Кирилловскія рукописи Дрезденской Королевской Публичной Библиотеки. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва И. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). (18×26). 13 стр. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Шнишкинъ, И. Т. Левъ Толстой. Критико-біографическій очеркъ. Харьковъ. 1911. Тип. Художественный Трудъ Р. Радомышльскаго (Кузнец-

ная, 8). 8° (14×22). 16 стр. Складъ: Кн. маг. Новое Время. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

В а л и ш е в с к і й, К. Петръ Великій. По новымъ документамъ. Со многими рисунками и портретами. Съ четвертаго изданія. М. 1911. Изд. книгоизд. Образование. Тип. Художественная печатня. 8° (18×25). 155 стр. съ рис. и портр.+5 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

В р а н г е л ь, Н. Н. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ. Спб. 1911. Изд. Общества защиты и сохр. въ Россіи памятн. искусства и старины. Тип. Сиріусъ (Свѣчной, 7). 8° (17×22). 69 стр. съ 21 рис. Вѣсь 16 л. 1.200 экз.

Г а м ч е н к о, С. Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ Кургановъ въ 1908 году. Изъ записокъ отд. рус. и слав. археологіи И. Рус. Археологич. общества. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (19×27). 63—162 стр. Съ рис. Вѣсь 22 л. 75 экз.

Г о л о в и н ъ, К. Великая реформа 19-го февраля. Соб. 1911. Тип. „Свѣтъ“. (Невскій пр., 136). 8° (16×22). 66 стр. Вѣсь 7 л. 2.400 экз.

Г о л о в и н ъ, К. Великая реформа 19-го февраля Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. т-ва Свѣтъ (Невскій пр., 136). 8° (17×23). 66 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 7 л. 1.200 экз.

Г у д з і й, Н. К. Максимъ Грекъ и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго возрожденія (Докладъ, читанный въ засѣданіи филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца). Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов. 6). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Д е н и с о в а, Е. Памяти 19-го февраля 1861 года. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. жен. гимн. Тигаренко. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18×26). 33 стр.+1 портр. Вѣсь 2 л. 3.000 экз.

Д о б р о н р а в о в ъ, В. Г. П. А. Виноградовъ. Біографическій очеркъ. Владиміръ губ. 1911. Тип. Губ. правл. 16° (12 × 17). 18 стр. Вѣсь 1 л. 100 экз.

З а б о р с к і й, А л е к с а н д р ъ. Разборы литературныхъ произведеній. Примѣнительно къ хрестоматіи „Изъ родной литературы“. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (14×21). 264 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 21 л. 3.000 экз.

И с т о м и н ъ, Д. И. Маленькая хрестоматія. Выпускъ 9-й. Русскіе писатели. Проза и поэзія. Спб. 1911. Изд. Н. С. Аскарханова, 2-е (Спб., Трицкая, 6). Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 16° (14×19). 48 стр. и 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 2.200 экз.

Л е р м о н т о в ъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Томъ 4. Подъ ред. и съ примѣч. проф. Д. И. Абрамовича. Спб. 1911. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (16 × 22). 409 стр. Съ рис. Ц. 1 руб. Вѣсь 2 фун. 15.012 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 1-й—2-й. (25 и 26). М. 1911. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковский пер., с. д.). 8° (17×26). 106+5 стр. Вѣсь 22 л. 400 экз.

Л ю т в и ц ъ, Ф. Атака Японцевъ во время войны въ восточной Азіи 1904—1905 г.г. Перев. съ вѣм. К. Адариди. Спб. 1911. Изд. В. Березовскаго, 2-е. Тип. Тренке и Фюсно (Максимил. пер., 13). 8° (16×23). 56 стр. Съ черт. Ц. 75 к. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Музыкальная старина. Сборникъ статей и матерьяловъ для исторіи музыки въ Россіи, издаваемый Ник. Финдейзенъ. Вып. IV Спб. 1907. Изд.

Н. Финдейзенъ (ул. Гоголя, 6). Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×23). 67—121 стр. Въсь 14 л. 200 экз.

Овсяннко - Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 8. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. Отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ. Спб. 1911. Изд. „Общ. Польза и Прометей“. Тип. тов. Общ. Польза (Б. Подъячская, 39). 8° (17 × 23). 256 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Въсь 27 л. 5.000 экз.

Островскій, В. П. 19-е февраля и народные учителя. Докладъ, прочитанный авторомъ на вечерѣ общества взаимопомощи учителей Варшавскихъ гор. нач. хр. училищъ, устроенномъ по случаю 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. 1861—1911. Варшава. 1911. Тип. Русскаго О-ва (пл. св. Александра, 4). 8° (15×22). 14 стр. Ц. 25 к. Въсь 3 л. 500 экз.

Отечественная война 1812 г. Къ 100-лѣтнему юбилею. М. 1911. Изд. В. Смирнова (Ломжа), 2-е. Тип. Окр. Штаба. 8° (15×21). 52 стр. Съ рис. (Ц. 30 к. Въсь 3 л. 5.000 экз.

Петровъ, В. А. Орудія, отбитыя у неприятеля въ 1812 году. М. 1911. Тип. Синодальная. 4° (25×33). 124+1 нен. стр. Съ рис.+8 лист. рис. Въсь 1 ф. 19 л. 1.200 экз.

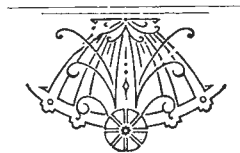
Покотило, Н. Что читать народному учителю по исторіи. Спб. 1911. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16 × 25). 54 стр. Въсь 5 л. 225 экз.

Полишковскій, А. Сентиментализмъ и Карамзинъ, какъ представитель этого направленія въ русской литературѣ. Пособіе для средней школы и для самообразованія. Одесса, 1911. Изд. М. О. Минковскаго Земская, 3). Тип. Одесск. Воен. Окр. 8° (18×24). 98 стр. Ц. 60 к. Въсь 11 л. 6.200 экз.

Сегюръ, де, графъ. Походъ въ Москву въ 1812 году. (Мемуары участника). Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Брониславы Рунтъ. М. 1911. Изд. Т-ва Образованіе (Тверская Ямская, 46/7) Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, св. д.). 8° (18×27). 224 стр.+7 лист. рис. Въсь 9 л. 5.000 экз.

Третьяковъ, М. Сѣктанство Тамбовской губерніи. Спб. 1911. Изд. автора (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (17×25). 50 стр. Въсь 6 л. 1.000 экз.

Фоминъ, Н. А. Каталогъ исторической выставки архитектуры и художественной промышленности. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. Сириусъ (Соляной, 7). 8° (16×22). 113 стр. Ц. 40 к. Въсь 15 л. 2.000 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1911 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ

І Ю Л Ъ , А В Г У С Т Ъ , С Е Н Т Я Б Р Ъ .

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ (воспоминанія запасного) Н-ча	3—30
II. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806 — 1812 г.г.). Сообщилъ Е. Каменскій	123—147, 249—273
III. Изъ подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.	196—219 387—399
IV. Воспоминанія. А. Коссовскаго	427—436
V. Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г. Стараго педагога П. Н. С.	465—473
VI. Воспоминанія бывшего штурманскаго офицера. Петра Наумова	474—502

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ. Н. П. С.	31—32
II. Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 гг. П. Козлова.	33—59

III. Стихотвореніе Висковатова. Сообщ. В. Рудневъ	60
IV. Обиженный край А. Ф. Риттиха 61—87,	303—325
V. Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко (къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи). Андр. Круковскаго	88—108
VI. Царево сердце. (Разсказъ-быль). С. И. Сластикова	109—116
VII. Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ. (Изъ записокъ стараго помѣщика) В. А. Шомпулева	117—118
VIII. Памяти К. Д. Кондзеровскаго. Д. Баланина	119—122
IX. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ 148—192, 326—384,	527—543
X. Къ портрету С. Ѳ. Платонова. —ль	193—195
XI. Дѣятельность графа С. С. Ланскаго въ проведеніи крестьянской реформы (къ юбилею крестьянской реформы). С. Фарфоровскаго	220—223
XII. Н. И. Широковъ. (Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души) С. Старосивильскаго	224—236
XIII. Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ. М. Бѣлозерскаго	237—246
XIV. Гусь свинѣ не товарищъ. А—ва	247—248
XV. Міокоти-санъ. Д. Перскаго	274—302
XVI. Гимназистъ, военно-плѣнный. К. Н. Добровольскаго	400
XVII. Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. А. В. Жиркевичъ	401—420
XVIII. Страницка изъ исторіи крѣпостного права накануне его отмѣны (къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ). С. Фарфоровскаго	421—424
XIX. Могила одного изъ участниковъ войны 1812 г. Анд. Круковскаго	425—426
XX. На обордажѣ. Д. Перскаго	437—440
XXI. Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его „способъ вспомошествованія“ участникамъ отечественной войны. Сообщ. В. Пасенко	441—448

XXII. Гимназія 60-хъ годовъ. Старика	449—457
XXIII. Марія Извѣкова. Е. Щепкиной	458—464
XXIV. Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его дѣтей, въ 1861 г. А. Пахарнаева	503—510
XXV. Письмо Ѳ. Михайлова къ А. Ѳ. Лабзину	511—526
XXVI. (Книжная лѣтопись) Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 февраля по 6-е апрѣля 1911 г.	544—572
XXVII. Систематическое оглавленіе тома сто сорокъ седьмого	573—576

Приложенія:

- I. Портретъ А. Н. Попова (при 7-й книгѣ).
- II. Планъ отступленія отъ Мукдена 25 февраля 1905 г. (тамъ же).
- III. Бурый грифъ (тамъ же).
- IV. Хара-хото (тамъ же).
- V. Хара-хото, знаменитый субурганъ (тамъ же).
- VI. Глиняныя статуи съ золочеными лицами (тамъ же).
- VII. Золотая медаль Англійскаго Королевскаго географическаго Общества (тамъ же).
- VIII. Портретъ С. Ѳ. Платонова (при 8-й книгѣ).
- IX. Карта Западно-Русскаго края (тамъ же).
- X. Портретъ Ивана Егоровича Забѣлина (при 9-й книгѣ).
- XI. Воззваніе на сооруженіе Храма-Памятника надъ могилою 22-хъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.

Библиографическій листокъ.

1. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 января 1911 г. (на оберткѣ іюльской книги).
2. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 26 января по 2 февраля 1911 г. (на оберткѣ августовской книги).
3. Гр. П. С. Шереметевъ. Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборовскомъ. М. 1910. (на оберткѣ сентябрьской книги).
4. „Русскій Библіофилъ“. 1911 г. №№ II—IV. (тамъ же).

5. Матушка Русь. Хрестоматія для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Часть I. Стр. IV+451. Цѣна 1 р. 10 к.— Часть II. Стр. III+386. Цѣна 1 руб. (тамъ же).

6. Мусикійская грамматика Николая Дилецкаго. Посмертный трудъ С. В. Смоленскаго. Изъ Имп. Общества любителей древней письменности Спб. 1910 г. (тамъ же).

7. Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческое изслѣдованіе врача А. В. Попова. („Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи“, вып. XXI). Оренбургъ. 1910. (тамъ же).

8. И. С. Тургеневъ. Незданныя произведенія. Издательство „Молодыя силы“. Казань. 1911 г. (тамъ же).

9. Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова. Подъ редакціей А. В. Горнфельда, въ шести томахъ. Спб. Изд. т—ва „Провсвѣщеніе“ (тамъ же).

10. А. П. Кадлубовскій. Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ. Нѣжинъ. 1911 г. (тамъ же).

11. С. Ф. Литвинцевъ. Маленькій русскій историкъ. Разказы про былое. Для дѣтей. 2 тома. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911 г. (тамъ же).

12. Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. VII. Полтава. 1910 г. (тамъ же).

ческаго интереса, пмѣть и пѣкоторое историческое значеніе. Въ наши дни, когда въ разныхъ областяхъ Россіи смѣняють другъ друга эпидемическія болѣзни, весьма поучителенъ этотъ документальный разсказъ о томъ грандіозномъ опытѣ карантинной локализации холеры и борьбы съ ней, который былъ проведенъ въ оренбургскомъ краѣ при Николаѣ Павловичѣ. Прошлое въ данномъ случаѣ, по миѣяю компетентнаго изслѣдователя, даетъ намъ полезныя уроки.

И. С. Тургеневъ. Неизданныя произведенія. Издательство „Молодыя Силы“. Казань. 1911.

„Неизданными“ всѣ вошедшія въ эту брошюрку произведенія Тургенева могутъ быть названы съ большою натяжкой. Въ ней перепечатаны „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьяннѣ“, недавно напечатанныя Н. Дернеромъ въ „Русс. Старинѣ“, вмѣстѣ съ послѣсловіемъ Н. Денера, три стихотворенія въ прозѣ записанныя г. Нелидовой и помѣщенные въ „Вѣсти. Европы“, „Порогъ“, опубликованный нѣсколько лѣтъ назадъ С. А. Венгеровымъ, и стихотворенія „Толпа“ и „Кнутъ“, также уже давно извѣстныя въ печати. Тѣмъ не менѣе сборничекъ полезенъ, какъ дополненіе къ существующимъ собраніямъ сочиненій Тургенева, хотя имъ, конечно, далеко не исчерпывается все, что въ нихъ еще не включено.

Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова. Подъ редакціей А. Г. Горнфельда, въ шести томахъ. Спб. Изд. т—ва „Просвѣщеніе“.

Изъ всѣхъ вышедшихъ послѣ отпразднованнаго въ 1909 г. аксаковскаго юбилея собраній (изданія Ситина, Поповой, Тихомирова и др.) это—самое лучшее и полное, хотя въ него не включены нѣкоторые ранніе литературные опыты С. Т. Аксакова, переводы и рецензіи. Редакторъ далъ критически протвѣренный текстъ и биографическій очеркъ, рядъ вступительныхъ статей и фактическихъ и историческихъ справокъ. Жаль все-таки, что изданіе не отличается абсолютной полнотою; слѣдовало также представить и добродушную „домашнюю“ поэзію С. Т. Аксакова по бумагамъ, сохранившимся у его родныхъ. Вѣдь Аксаковъ не только просто читаемый, но и изучаемый писатель.

А. П. Кадлубовскій. Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ. Харьковъ. 1911.

Авторъ весьма убѣдительно показываетъ, что однимъ изъ факторовъ, вліявшихъ на творчество Гоголя, „были старыя литературныя преданія Малороссіи, что Гоголь связанъ съ ними крѣпкою цѣпью, доходящей до него, какъ въ послѣднихъ звеньяхъ, въ его отца и въ Нарѣжнѣ... Трудъ малоизвѣстныхъ, иной разъ безвѣстныхъ литературныхъ работниковъ не погибъ, но получилъ свое особое значеніе, когда его результатами, выработанными имъ принципами, овладѣлъ великій художникъ... Въ Гоголѣ закрѣплена связь малорусской старой литературой традиціи съ общерусскою литературою.“

С. Ф. Литвинцевъ. Маленькій русскій историкъ. Разказы про былое. Для дѣтей. 2 тома. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911.

Легкимъ, популярнымъ языкомъ написанные и щедро иллюстрированныя петорические очерки эти могутъ служить хорошимъ подготовительнымъ чтеніемъ для дѣтей, еще не приступившихъ къ школьнымъ занятіямъ исторіей, либо сопоствующимъ въ-школьнымъ чтеніемъ, или даже замѣнить учебное руководство. „Любить родную землю, любить народъ, который живетъ на этой землѣ, обязанъ каждый — ребенокъ ли онъ, или взрослый. Но только тотъ можетъ истинно и искренно полюбить свою родину, кто ознакомился съ ея минуущею судьбою, кто знаетъ ея радости и невзгоды въ прошломъ, кто знаетъ, какіе жили въ ней цари, герои и полезные, мирные труженники, каковы были подвиги первыхъ и дѣянія послѣднихъ. Доставить вамъ, дѣти, эти познанія“—обращается составитель книги къ своимъ читателямъ,—„насколько они доступны вашему пониманію, разсказать вамъ про минувшія времена Россіи—вотъ цѣль очерковъ“. Задачу свою составитель выполнилъ недурно, несмотря на довольно серьезные недостатки и въ методѣ, и въ исполненіи. Ему слѣдовало бы удѣлить нѣкоторое вниманіе и литературѣ, и искусству. Говоря о царствованіи Николая I, составитель упоминаетъ о сооруженіи Николаевского моста и ин слова не говоритъ о Пушкинѣ; въ разсказѣ о Государственной Думѣ не говорится о положеніи, занимаемомъ по отношенію къ ней Государственнымъ Совѣтомъ. Есть случайные промахи; напр., извѣстная памятная севастопольская медаль была дана не „за осаду“ же Севастополя, а, напротивъ, за оборону.

Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. VII. Полтава. 1910.

Въ самомъ сердцѣ Малороссіи комиссія занимается изученіемъ украинской старины, археологической, юридической, военной, бытовой, церковной. Уровень ея работъ для провинціи довольно высокъ, и, обладая порядными интеллигентными силами, она публикуетъ не столько сырые матеріалы, что тоже довольно почтенное дѣло, сколько разработанныя изслѣдованія. Изъ такихъ обращаютъ на себя вниманіе въ послѣднемъ выпускѣ статьи Я. Щепотева „Главные темы религіознаго пѣсеннаго творчества украинскаго народа въ христіанскій періодъ“ и Л. Падалки „Историческая обстановка формированія бытового уклада народной жизни въ Полтавщинѣ“; Л. Падалка устанавливаетъ, что „осѣдлый земледѣльческій бытъ, ставшій въ наше время старымъ, на занимающей насъ территоріи началъ формироваться всего лишь около трехъ столѣтій назадъ... послѣдними прочными и наиболее яркими звеньями въ длинной цѣпи разнообразныхъ элементовъ, создавшихъ бытовую укладъ народной жизни на территоріи Полтавщины, являются племенные элементы старо-русскій, тюркскій и черкасскій“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ СТАРИНА

1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 2 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣльяхъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Оцѣны о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„**МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,**
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакціею Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

